Н.М.
КАРАМЗИН

ПРЕДАНИЯ ВЕКОВ

Н.М.
КАРАМЗИН

Н.М.
КАРАМЗИН

ПРЕДАНИЯ ВЕКОВ

Сказания,
легенды,
рассказы
из
«Истории
государства
Российского»

ИЗДАНИЕ
ПОДГОТОВЛЕНО
Г. П. МАКОГОНЕНКО

Москва
Издательство «Правда»
1988

84 Р 1
К 21

Составление
и вступительная статья
Г. П. Макогоненко

Комментарии
Г. П. Макогоненко и М. В. Иванова

Гравюры
художника В. В. Лукашова

К $\frac{4702010100 - 1360}{080(02) - 88}$ 1360 — 88

© Издательство «Правда», 1987.
Составление. Вступительная статья. Комментарии.

ДРЕВНЯЯ РОССИЯ, ОТКРЫТАЯ КАРАМЗИНЫМ

1

В историю русской литературы Николай Карамзин вошел как крупный писатель-сентименталист, активно работавший в последнее десятилетие XVIII века. О нем чаще всего пишут как об авторе повестей и большого сочинения, написанного после посещения ряда европейских стран,— «Письма русского путешественника». В школах, изучая русский сентиментализм, иллюстрируют его произведениями Карамзина и прежде всего повестью «Бедная Лиза». Так создалось парадоксальное положение — большой русский писатель: прозаик, поэт, критик, журналист, издатель популярных журналов («Московский журнал» — 1791—1792 и «Вестник Европы» — 1802—1803), историк, работавший в литературе более сорока лет, известен широкой публике лишь как автор «Бедной Лизы».

В последние годы ситуация стала меняться — вышло два двухтомника сочинений Карамзина, дважды издавались «Письма русского путешественника». Но главная книга Карамзина, над которой он работал более двух десятилетий, оказавшая огромное влияние на русскую литературу XIX столетия, практически до сих пор неизвестна современному читателю. Я имею в виду его «Историю государства Российского».

История волновала Карамзина с юности. Оттого многие страницы «Писем русского путешественника» посвящены ей. Сентиментализм писателя, типологически закономерно связанный с общеевропейским литературным направлением, оказался во многом совершенно новым явлением. И не только национальные условия жизни, но и время отделили Карамзина от его учителей (Стерна, Руссо), определили его своеобразие. Сентиментализм на Западе формировался в пору подъема и наивысшего расцвета движения Просвещения, философия которого питала эстетические идеалы нового направления. Но сентиментализм Карамзина, также обусловленный Просвещением, сложился окончательно в художественную систему в годы роковой проверки теории просветителей практикой Французской революции. Многое в идеалах Просвещения проверки не выдержало. Кризис Просвещения был величайшей драмой идей, которая потрясла мыслящую Европу. Стал он и личной драмой Карамзина. Эпоха с потрясающей силой обнаружила катастрофичность бытия человека нового времени. Все это и определило особый, национально неповторимый облик сентиментализма Карамзина.

Разочарование в идеологии Просвещения, неверие в возможность освободить людей от пороков, поскольку страсти неистребимы и вечны (что, казалось, подтверждала и Французская революция.

не осуществившая обещанного просветителями «царства разума»), определили исторический скептицизм писателя, пессимизм его философии, субъективность его творчества второй половины 1790-х годов.

Карамзин испытывал страх перед социальными противоречиями России. Он не был борцом. Любя человечество, писатель в своих первых повестях, пронизанных духом фатализма, в конечном счете проповедуя смирение, с горечью рассказывал о превращении человека в жертву, констатировал обреченность его на страдание. Попытка уйти от кричащих противоречий русской общественной и государственной жизни в мир нравственный не принесла ему спасительного выхода.

Перелом в убеждениях Карамзина произошел к началу нового, XIX столетия. Преодоление кризиса 1790-х годов привело к отказу от субъективистских представлений, оправдывавших его пассивность. Теперь в статьях, опубликованных в своем журнале «Вестник Европы», он заявлял, что художник, писатель должен быть «органом патриотизма». Он отверг культ уединения, еще недавно так страстно им отстаиваемый, полагая, что человек должен утверждать себя в жизни не в нравственной сфере, но исполняя свой общественный и патриотический долг перед отечеством. Правда, Карамзин и в эти годы не видит возможностей преодоления противоречий современной жизни. Оттого он обращается к истории России, пытаясь отстоять свои этические и политические идеалы на материале прошлого. Писатель стал изображать «героические характеры», которыми так богата история России (например, в повести «Марфа Посадница»).

Следуя этой программе, Карамзин в конце 1803 года отказывается от издания и редактирования журнала «Вестник Европы» и со следующего года целиком отдается сбору материалов для написания своего главного труда — «Истории государства Российского».

2

Обращение Карамзина к истории, во многом обусловленное индивидуальным дарованием писателя, конкретными особенностями его идейно-эстетического развития, было в то же время выражением той общей закономерности, которая обнаруживала себя в XVIII и в начале XIX века. Именно просветители, несмотря на идеалистическое понимание истории, нанесли сокрушительный удар по существовавшим религиозным историческим концепциям, выдвинули идею единства исторического процесса и, главное, идею прогресса в истории. Интерес к истории человечества и отдельных народов с каждым десятилетием века приобретал все больший размах, становился все более устойчивым.

В России, начиная с Ломоносова, быстро складывалась отечественная историография. Выходили труды по истории России Татищева, Щербатова, Болтина. Публиковались различные источники, началось изучение летописей, выходили сборники официальных документов. Проявляли интерес к русской истории многие писатели и, в частности, просветители — Новиков, Княжнин, Радищев. Несомненно, национальная историография имела значение для Карамзина, он знал труды своих предшественников, опирался на них в «Истории государства Российского».

Но нельзя рассматривать «Историю» Карамзина, как это делается до сих пор, только в ряду собственно научных исторических

сочинений, на фоне предшествовавших работ по истории России. При таком подходе научность «Истории» берется учеными-историками под сомнение, ее автор объявляется «живописцем», который отходил от источников или давал им произвольное толкование, жертвуя истиной во имя занимательности. Практически ценится «История» как научное сочинение прежде всего за ее обширные примечания, содержащие большой фактический материал, часто взятый из источников, погибших во время московского пожара 1812 года. Литературоведы же, рассматривая «Историю» как научное сочинение, исключили ее из литературного процесса — исключили вопреки очевидным фактам, характеризующим ее как художественное произведение.

Причиной подобных парадоксальных оценок труда Карамзина является забвение той истины, что история много веков была искусством, а не наукой. Сочинение Карамзина, включавшее в себя результаты собственных научных разысканий, есть прежде всего традиционная историческая проза и потому по своей жанровой природе относится к словесности. Это своеобразие отлично поняли современники, многие писатели и критики. Для Пушкина, И. Киреевского, Белинского «История» Карамзина — крупное достижение русской литературы начала XIX века, не только историческое, но и выдающееся литературное произведение, которым можно гордиться перед Европой.

Своеобразие сочинения Карамзина так очевидно, так крупно обнаруживает себя, так выдержано — и в жанре, и в сюжете, и в драматизации повествования, и в понимании природы поэтического в истории,— что оно требует своего объяснения при условии отказа от традиционных представлений о критерии художественности. И еще одно важнейшее достижение карамзинской «Истории»: в ней с беспримерной до того ясностью раскрывалась новая философия истории — только что начавший складываться историзм. Оттого в формировании историзма в русской литературе «История государства Российского» сыграла громадную роль.

3

Рубежом в развитии исторических знаний явилась Французская революция. Ее победа знаменовала конец одной и начало новой эпохи европейской истории. Перед человечеством была поставлена проблема закономерности общественного и исторического развития. Каковы причины революции? Какова связь современности с прошлым и будущим? Отличаются ли своеобразием исторического бытия отдельные страны и нации? А если отличаются, то в чем именно? Обращение к национальной истории диктовалось насущными задачами и потребностями современности.

Это обращение к истории осуществлялось с противоположных идейных, политических позиций — реакционных и прогрессивных. Одни искали в истории аргументы против революции, другие пытались доказать правомерность и оправданность существования различных этапов в истории человечества и отдельных наций. Старые исторические концепции подвергались критике, решительно пересматривались, вырабатывались новые взгляды на историю. В этой напряженной идеологической борьбе решительно пересматривалась и философия истории, выдвинутая просветителями. Но спор с просветителями носил противоречивый характер. Их идеи единства исторического процесса и прогресса в истории оказались

усвоенными и унаследованными. Критике же подвергались и их общий взгляд на историю, и их метод рассмотрения некоторых явлений прошлого. Известно, например, что просветители, беспощадно критикуя феодальное общество, объявили перед судом разума неразумными все прежние установления и представления. Оттого они не признавали самостоятельного значения исторического прошлого, и прежде всего средневековья с его феодальными порядками, против которых они боролись. Для Дидро история человечества — это история угнетения его кучкой мошенников. «История — это сток нечистот, где кишат преступления, совершенные родом человеческим»,— заявлял Мерсье[1]. Вот этот антиисторизм просветительского мышления и подвергся прежде всего решительному пересмотру. Сознательно или бессознательно, но в многочисленных трудах по истории все чаще развивались идеи, высказывались догадки, которые вели в конечном счете к выработке историзма.

Преодоление просветительской философии истории не было изменой великим идеям, но движением вперед. Историзм — громадное завоевание человеческой мысли — способствовал борьбе за преобразование мира. Историзм открывал принцип постоянного изменения, развития и совершенствования человеческого общества. Историзм порождал понимание места каждого народа в истории человечества, своеобразие культуры каждой нации, особенности национального характера. Он помогал вырабатывать оптимистический взгляд на судьбу народа и родины, приоткрывал будущее, устанавливая связь современности с прошлым, которое ее приготовляло.

Формирование историзма, продолжавшееся около полувека, осуществлялось во многих странах Европы — Англии, Франции, Германии. Оказалась втянутой в этот процесс и Россия[2].

Книга Рейналя — французского историка эпохи Просвещения — «Революция в Америке», «приобучавшая,— по словам одного современника,— народы размышлять о своих важнейших интересах», была существенным звеном в становлении историзма: она сразу же была замечена и оценена в России — Радищевым и Новиковым. Фундаментальный вклад в складывавшийся историзм вносили труды крупного немецкого ученого, историка и филолога Гердера. В 1780-е годы с ними в России познакомились сначала Радищев, а затем Державин и Карамзин. Еще до путешествия он прочел главные сочинения Гердера. Прибыв в Германию, Карамзин поспешил на свидание с их автором. Личная беседа молодого русского писателя с прославленным европейским ученым, который вошел в историю науки под именем «Отца историзма», помогла Карамзину усвоить новый взгляд на историю.

В статье «Мелодор к Филалету. Филалет к Мелодору» (1795), написанной в форме диалога, Филалет решительно опровергает скепсис друга, склонившегося под влиянием якобинских событий Французской революции к пессимистической теории круговорота в истории, выдвинутой итальянским мыслителем Вико. Вооруженный оптимистической философией истории Гердера, Карамзин заставляет Филалета опровергать концепцию Вико, высказать свои убеждения, что и после грозных событий Французской революции будет действовать объективный закон развития, закон совершенствования разума, культуры, государства: «Веки служат разуму лестницею, по

[1] Цит. по книге: Ранний буржуазный реализм. Л., 1936, с. 38.
[2] Об этом подробнее см. в сборнике «XVIII век» № 13. Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII—начало XIX в. Л., 1981.

которой возвышается он к своему совершенству, иногда быстро, иногда медленно».

Идея развития, прогресса положена Карамзиным в основании оценки Французской революции, данной в статье «Несколько слов о русской литературе». Статья была опубликована в 1797 году в журнале «Spectateur du Nord» («Северный зритель»), выходившем на французском языке в Гамбурге. Революция, утверждал Карамзин, есть закономерный этап в историческом развитии Франции. «Итак, французская нация прошла все стадии цивилизации, чтобы достигнуть нынешнего состояния»[1]. Революция не есть бунт кучки «дерзких» и «хищных» республиканцев, как об этом пишут,— она закономерное звено в цепи непрерывного развития нации. Оттого с революцией наступает новый этап в истории не только Франции, но и всего человечества. Карамзин мудро писал: «Французская революция относится к таким явлениям, которые определяют судьбы человечества на долгий ряд веков. Начинается новая эпоха. Я это вижу, а Руссо предвидел»[2].

Подобное понимание Французской революции наглядно и убедительно демонстрирует формировавшийся в эти годы историзм — его характер, уровень, способности познавать закономерности исторического развития. Национальное своеобразие «Писем русского путешественника» проявляется, в частности, и в историческом подходе автора к изображаемым событиям, в исторической оценке политики и культуры разных европейских стран. Европейский сентиментализм рождался и развивался в другую эпоху, когда принципы историзма еще только складывались.

В последние пять лет XVIII столетия Карамзин с поразительной активностью, выступая как прозаик и поэт, критик и переводчик, как организатор новых литературных изданий, объединявших молодых поэтов, оказывал огромное влияние не только на русскую литературу, но и на русское общество. После издания в 1794—1795 гг. двух томов альманаха «Аглая» Карамзин, видимо, неожиданно для многих согласился участвовать в газете «Московские ведомости». Программа «обрабатываемого» им отдела «Смесь» поражает своей энциклопедичностью: тут заметки по истории, философии и литературе — прошлых веков и современности, интересные эпизоды из жизни великих философов и писателей, «примечания, достойные мысли древних и новых философов, цветы разума и чувств», небольшие художественные пьесы и отрывки, подбор пословиц разных народов.

Большая часть опубликованных заметок — переводы, взятые из европейских газет, журналов и книг. Печатал Карамзин и собственные небольшие художественные этюды и серьезные статьи. В целом весь отдел отмечен печатью оригинальности. Личное начало проявлялось и в отборе заметок и статей, и в стиле переводов (а чаще пересказов, или, как говорили в XVIII веке, «сокращений») и в первую очередь, естественно, в собственных статьях и в тех примечаниях, которые он делал к некоторым переводам.

Весь обширный материал «Смеси» не только блистательно характеризует глубокую образованность Карамзина, но прежде всего аналитический ум писателя, его пытливую, ищущую мысль, самостоятельность суждений по проблемам философии, нравственности, истории и литературы. Русская мысль конца XVIII века представлена здесь с завидной полнотой и ясностью.

---

[1] Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. М.— Л., 1964. Т. 2. С. 151.

[2] Там же, с. 152.

Искания Карамзина во всей сложности запечатлелись, в частности, в статье «Рассуждение философа, историка и гражданина». Она написана как диалог — излюбленная форма писателя. Избрание ее продиктовано стремлением не утверждать новые апофегмы (в категоричных, догматических положениях он разочаровался), но выразить, запечатлеть ищущую, тревожную мысль. В диалоге сталкивались разные мнения: в их единоборстве, в тенденции утверждать субъективную правоту читатель находил богатую пищу для размышлений, для собственных выводов. Карамзин не поучал, а приучал мыслить, задумываться над важнейшими вопросами общественной и исторической жизни, он приобщал читателя к собственным исканиям, убеждал его не доверяться скороспелым решениям, не спешить принимать модные концепции. Писатель был уверен, что искомый ответ не может быть однозначным, в нем должны запечатлеться реальная сложность современной жизни и современные мысли.

Убеждения философа умозрительны. Субъективные выводы предлагаются человечеству как своеобразные рецепты, призванные его осчастливить. Историк отвергает суждения философа и утверждает, что только история может открыть искомую истину: «Гордые мудрецы! Вы хотите в самих себе найти путь к истине? Нет, нет! не там его искать должно.

Поднимите смелою рукою завесу времен протекших: там, среди гибельных заблуждений человечества, там, среди развалин и запустения увидите малоизвестную стезю, ведущую к великолепному храму истинной мудрости и счастливых успехов. Опыт есть привратник его... Историк напоминает деяния и умолкает»[1].

Занятая Карамзиным в этой статье позиция объясняет органическое его движение к изучению истории России. Через несколько лет он и приступит к созданию своего заветного сочинения — «Истории государства Российского».

У гражданина свое понимание обязанностей. Ему чужда философия, его не волнует история — он практик, твердо верующий, что призван в своем земном существовании исполнять возложенный на него долг: «Служить отечеству любезному — быть нежным сыном, супругом, отцом; хранить, приумножать стараниями и трудами наследие родительское есть священный долг моего сердца, есть слава моя и добродетель». Дело философов и историков — угадывать и объяснять пути развития человечества и отчизны. Долг гражданина — «быть полезным», работать, служить отечеству и быть хорошим семьянином.

Позиция гражданина эмпирична, но она есть реальность, подтвержденная опытом истории, она обусловливает поведение миллионов, на труде и деятельности которых зиждется вся жизнь общества, могущество державы. И в этом ее сила, ее правота.

4

Историзм вырабатывался постепенно. Большие социально-политические события XVIII века ускоряли его формирование. Самыми мощными ускорителями были революции — американская 1776—1783 гг. и французская 1789—1794 гг.

Свое научное выражение историзм получил в школе французской романтической историографии, закреплен в трудах Тьери, Гизо,

[1] Московские ведомости, 1795, № 97, с. 1836.

Баранта, выходивших из печати в течение 1820-х годов. Им предшествовала деятельность замечательного английского писателя Вальтера Скотта, исторические романы которого были важной вехой в завоевании историзма. Тьери и Гизо, например, многократно подчеркивали, что в своей философии истории они опирались на открытия Вальтера Скотта. В первые десятилетия века проблемы историзма по-своему и очень противоречиво разрабатывались и получали свое воплощение в работах мадам де Сталь, Сисмонди, Шатобриана и других французских авторов. Их предшественником, как я уже говорил, был немецкий философ и историк Гердер. Созданная им концепция всемирного исторического процесса и опиралась на философию истории просветителей, и отвергала их антиисторическую, нигилистическую недооценку прошлого. Принципиально новым в историческом мировоззрении Гердера было установление им исторической и национальной самобытности «времен и народов».

Своеобразие «Истории государства Российского» Карамзина и обусловливалось временем ее написания, временем выработки нового исторического мышления, пониманием национальной самобытности русской истории на всем ее протяжении, характером самих событий и тех испытаний, которые выпадали на долю русской нации на протяжении многих веков. Огромную роль играли политические убеждения Карамзина, нацеливавшие его внимание именно на историю русского государства, и эстетические взгляды писателя, определившие новое понимание поэзии прошлого, выработку особой художественной структуры сочинения.

Работа над «Историей» длилась более двух десятилетий — с 1804 по 1826 год. Карамзин, как видим, включался в общеевропейский «штурм» истории одновременно с предшественниками французской школы романтической историографии. Конкретное рассмотрение обстоятельств и атмосферы создания «Истории» делает возможным соотнесение ее с историческими романами Вальтера Скотта.

В самом деле удивительно много общего и в судьбе произведений этих двух писателей, выходивших в годы всеобщего интереса к национальным историям, и в их влиянии на литературу своего времени, и в их понимании истории: и романы В. Скотта, и «История» Карамзина сразу же после выхода из печати становились известными в других странах. К 1820 году «История государства Российского» вышла на французском, немецком, итальянском языках.

В 1818 году русский читатель получил первые восемь томов «Истории», повествовавших о древнем периоде России. И шесть романов успел к этому времени издать Вальтер Скотт — в них рассказывалось о прошлом Шотландии. Оба писателя открыли европейскому читателю самобытный мир двух наций. Обоих писателей в России справедливо называли Колумбами. «Древняя Россия,— писал Пушкин,— казалось найдена Карамзиным, как Америка Колумбом». Для Белинского «литературным Колумбом» был Вальтер Скотт, который «открыл неизвестный нам мир».

Занимательность повествования отличала произведения этих писателей. В духе времени каждый из них выступал одновременно и как художник, и как историк. Каждый сначала тщательно изучал эпоху по многочисленным источникам и уже на этом научном фундаменте строил свое повествование. Но это не значило, что художник иллюстрировал данные, добытые историком. Писатель выступал в своем произведении с результатами одновременного и единого научного и художественного познания прошлого.

В пору торжества романтизма и Карамзин, и Вальтер Скотт утверждали своим творчеством доверие к истории, они изображали «мир действительный», воссоздавали характеры подлинных исторических деятелей, описывали быт, обычаи, верования конкретной эпохи. При этом их героями оказывались не только короли (князья и цари), полководцы, но и простые люди, выходцы из народа.

Число примеров некоторой общности и близости «Истории» Карамзина и исторических романов В. Скотта можно увеличить. Дело не в них, а в самой законности соотнесения громадного, но до сих пор не оцененного труда Карамзина с хронологически одновременным явлением, каким были романы английского писателя, уже давно получившие подробную художественную и конкретно-историческую оценку. И в этом соотнесении важным оказывается установление не только сходства, но и различия в решении многих общих, выдвинутых временем проблем художественного изображения прошлого. Конечно, во многом это различие порождалось несхожими писательскими индивидуальностями и особенностями предшествующего творческого пути каждого, их мировоззрением и другими субъективными и объективными факторами.

Коренное различие в художественном изображении и понимании истории порождено в первую очередь своеобразием национальной истории, подвергшейся художественному исследованию русскими и английскими писателями, характером самих исторических событий и испытаний, особенностями привлекаемых источников и материалов, национальными характерами изображаемых героев, иначе говоря совокупностью различных национальных традиций.

Различие это с необыкновенной наглядностью выявило свою сущность уже в отношении к жанрам, которые избирают писатели для рассказа об истории. В. Скотт остановил свое внимание на романе. Он кардинально преобразовал этот старый жанр, придал ему совершенно новые черты, выступил, по сути, создателем особого жанра — исторического романа. Но в то же время должно учитывать, что избрание этого жанра определила традиция. В. Скотт уже с юности знакомился с рыцарскими, галантно-героическими и «антикварными» романами, в которых по давно сложившимся канонам изображались приключения и похождения вымышленных или подлинных героев прошлого.

Отсюда важнейшая художественная особенность исторических романов В. Скотта: органическое соединение истории и вымысла. Многим такое соединение казалось незаконным. Карамзин в предисловии к первому тому «Истории», обобщая свои уже сложившиеся принципы изображения русской истории, заявлял: «История не роман». «Вымыслу» он противопоставил «истину». Такая позиция вырабатывалась и под воздействием реального русского литературного процесса и творческой эволюции самого писателя.

В 1800-е годы литература была наводнена оригинальными и переводными произведениями — в поэзии, прозе и драматургии — на историческую тему. Их авторы стояли на старых антиисторических позициях, для них было характерно произвольное обращение с историческим материалом. В угоду «вымыслу», идейным задачам авторов перекраивались известные исторические сюжеты, исторические деятели превращались в рупоры авторских идей, в условные фигуры. Этот воинствующий произвол стал вызывать возрзжение критики. К пониманию того, что именно история может открыть «истину» и «тайну» жизни общества и человека, пришел в своем развитии и Карамзин. В частности, это новое понимание истории проявилось, как уже говорилось, в статье 1795 года «Рассужде-

ние философа, историка и гражданина». Потому Карамзин, приступая к «Истории», отказывается от «вымысла», от тех специфических и традиционных средств, которыми создавались эпопеи, трагедии или романы. Познать «истину» истории значило не только отказаться от собственного агностицизма, признав объективность действительного мира, но и от традиционного для искусства того времени пути изображения этого мира.

Слияние истории и вымысла у В. Скотта осуществлялось на эстетической основе, гносеологически восходящей к романтизму. В России это слияние будет блестяще осуществлено Пушкиным в трагедии «Борис Годунов», но с позиций реализма. «История» Карамзина и предшествовала пушкинскому успеху, и в значительной степени подготавливала его. Отказ Карамзина от «вымысла» не означал отрицания вообще возможностей художественного исследования истории. Не годилась старая поэтика, нужны были поиски новых принципов художественного познания и изображения прошлого, которые бы не противоречили историческим фактам и не искажали истину, но помогали ее открытию.

«История государства Российского» и запечатлела поиск и выработку этих новых, так сказать, эквивалентных исторической истине принципов ее изображения. Важнейшей особенностью этой складывавшейся в процессе написания структуры и было сочетание аналитического (научного) и художественного начала. Рассмотрение элементов такой структуры наглядно показывает, как и сами поиски, и открытия писателя оказывались национально обусловленными.

Понимание сюжета и его роли в произведениях Карамзина и В. Скотта было различно. Английский писатель, опираясь на реальные исторические факты, восстанавливая ход многих подлинных событий, в то же время строил действие в романе на вымышленном и чаще всего любовном сюжете. Чернышевский, кажется, первым отметил это и отнесся скептически к любовному приключению как основе действия в историческом романе.

Любовный сюжет, разработанный литературой, изображавшей прежде всего жизнь частного человека, и был привнесен В. Скоттом в исторический роман. Оттого главными героями оказывались не исторические деятели, а вымышленные персонажи, чья частная жизнь показывалась на фоне или в обстоятельствах подлинных событий. Реальные деятели — короли, принцы, полководцы — рассматривались и с «домашней» стороны, и исторически. Метод изображения людей прошлого в романах В. Скотта был его открытием, он привлек читателей, его высоко оценивали писатели и критики.

Сошлюсь на мнение Белинского. Роман Вальтера Скотта, писал он, «отказывается от изложения исторических фактов и берет их только в связи с частным событием, составляющим его содержание; но через это он разоблачает перед нами внутреннюю сторону, изнанку, так сказать, исторических фактов, вводит нас в кабинет и спальню исторического лица, делает нас свидетелями домашнего быта, его семейных тайн, показывает его нам не только в парадном историческом мундире, но и в халате с колпаком» [1]. Общеизвестно, что Пушкин считал «главной прелестью романов В. Скотта» изображение прошедшего «домашним образом».

Подобное изображение истории закономерно. Важно лишь подчеркнуть, что оно не просто характеризует особенность индиви-

[1] Белинский В. Г. Полное собр. соч. М.—Л., 1954. Т. 5. С. 41.

дуальной манеры английского писателя, не определено национальной традицией (введение любовного сюжета) — это во-первых. Во-вторых, объективно существовали и существуют принципиально иные методы изображения истории. С одним из них мы и встречаемся у Карамзина.

5

В «Истории государства Российского» нет не только любовных, но вообще вымышленных сюжетов. Автор не привносит сюжет в свое сочинение, но извлекает его из истории, из реальных исторических событий и ситуаций — герои действуют в заданных историей обстоятельствах. Только подлинный, а не вымышленный сюжет приближает писателя к «истине», скрытой «завесой времени».

Заданный же историей сюжет раскрывает человека в его широких связях с общей жизнью страны, государства, нации. Так строятся характеры известных исторических деятелей. Жизнь Ивана Грозного открывала бездну возможностей для построения любовного сюжета — у царя было семь жен и бессчетное число тех, кто оказался жертвами его «бесстыдного любострастия». Но Карамзин исходил из общественных условий, которые определяли и характер царя, и его поступки, и «эпохи мучительства», потрясавшие всю Россию. Историческая ситуация, создавшая возможность захвата власти Борисом Годуновым, оказала решающее влияние на его политику, на его отношение к народу, обусловила его преступление и нравственные страдания. Так не только история становилась материалом для литературы, но и литература оказывалась средством художественного познания истории.

Изображая не только князей, царей и бояр, но и людей из других сословий, Карамзин и тут был верен «истине». Его «История» населена только подлинными историческими личностями. Так появились портреты и характеры сотен простых людей — воинов, казаков, монахов, «разбойников» и «злодеев» — предводителей многочисленных бунтов и восстаний. Среди этих персонажей особое место занимают такие люди, как Ермак, Болотников, Отрепьев. Их характеры раскрываются в действиях исторического и общенационального масштаба. Личность Ермака — «героя неустрашимого, вождя искусного» — и других «буйных атаманов волжских», известных «удальством редким», обнаруживает себя в великих деяниях: в трудных походах, завершившихся завоеванием Сибири. Описывая не только храбрые действия казаков, но и их мудрость в управлении завоеванными землями, Карамзин подчеркивает талантливость, незаурядность и ум этих простых людей, действовавших самостоятельно, без царя и бояр, умевших мыслить государственно и разумно.

В связи с возраставшим от тома к тому стремлением писателя разгадать окончательную «тайну» взаимоотношений самодержавия и народа он проявлял все больший интерес к народным восстаниям, к эпохам великих мятежей. Так, в двенадцатом томе он описывает восстание Болотникова, подробно исследует поведение народа, причины возникновения «возмущений». Добытая «истина» изумляла Карамзина — «народное неговование» оказывалось обусловленным реальными причинами и потому во многом оправданным; восставшие люди вовсе не лишены были «добродетели». Их вождь, «бунтовщик» Иван Болотников, проявлял беспримерную храбрость, он был человеком, который «не жалел ни людей, ни себя; обливался кровью в битвах непрестанных и выходил из оных

победителем, доказывая, что ожесточенное злодейство может иногда уподобляться героизму добродетели»[1].

Источник духовной силы, благородства — бескорыстное участие в общем деле, исполнение своего долга, даже если этот долг требовал участия в мятеже. Отсюда возможность у Карамзина такой сравнительной характеристики Болотникова и дворянина Пашкова, из которой с очевидностью проступает его симпатия к «злодею» и «бунтовщику»: «Болотников и Пашков встретили воевод царских: первый сразился, как лев; второй, не обнажив меча, предался к ним со всеми дворянами и со знатной частию войска».

Исторический сюжет, использование заданной ситуации обосновали иной, рожденный русской традицией, метод изображения человека — не «домашним образом», не со стороны его частной, семейной жизни, но со стороны его связей с большим миром общенационального, общегосударственного бытия. Именно потому Карамзин требовал от писателей изображения героических россиянок, характер и личность которых проявлялись не в домашней жизни и «семейном счастье», но в политической, патриотической деятельности. В этой связи он писал: «Природа любит иногда чрезвычайности, отходит от своего обыкновенного закона и дает женщинам характеры, которые выводят их из домашней неизвестности на театр народный...»[2].

Метод изображения русских характеров в «Истории» — это выведение их «из домашней неизвестности на театр народный»; он вырабатывался в конечном счете из обобщения опыта исторической жизни русской нации. С одной стороны — эпохи величайших бедствий России, которые формировали и мужественное терпение, и непреклонную отвагу, предъявляли к человеку максималистские требования отказа от личного благополучия, героического самопожертвования во имя родины. С другой стороны — беспрестанная многовековая борьба народа за свою вольность, своеобразными «памятниками» которой и были северные окраины России, заселенные свободными, убежавшими от неволи, смелыми людьми, Запорожская сечь, поселения волжских и уральских казаков. Многие народные песни запечатлели богатырскую удаль, поэзию жизни, исполненной деятельности, борьбы, высокого подвига, которая открывалась за пределами домашнего, семейного существования. Гоголь в украинских песнях обнаружил именно эти черты характера народа: «Везде видна та сила, радость, могущество, с какою козак бросает тишину и беспечность жизни домовитой, чтобы вдаться во всю поэзию битв, опасностей и разгульного пиршества с товарищами. Ни чернобровая подруга, пылающая свежестью, с карими очами, с ослепительным блеском зубов, вся преданная любви, удерживающая за стремя коня его, ни престарелая мать, разливающаяся, как ручей, слезами, которой всем существованием завладело одно материнское чувство,— ничто не в силах удержать его. Упрямый, непреклонный, он спешит в степи, в вольницу товарищей»[3]. Именно такой метод таил в себе возможность наиболее полно и отчетливо раскрыть коренные черты русского национального характера.

[1] История государства Российского: СПб., 1829. Т. 12. С. 50. (Далее ссылки на это издание — в тексте.— *Прим. ред.*).

[2] Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. М.—Л., 1964. Т. 2. С. 227.

[3] Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М.—Л., 1952. Т. 8. С. 91.

Оба писателя — В. Скотт и Карамзин,— обратившись к истории, вынуждены были вырабатывать особый жанр для своего повествования. В. Скотт создал исторический роман нового типа. Что создал Карамзин? Как определить жанр его «Истории»? Изучение жанровой природы труда Карамзина убеждает, что она не является реализацией уже найденных принципов. Это скорее своеобразная самонастраивающаяся модель, на тип и характер которой влияли и опыт писателя, и привлекавшиеся все новые и новые материалы, требовавшие и нового освещения, и нараставшее от тома к тому все большее доверие именно к художественному познанию «истины».

Отказавшись от «вымысла», Карамзин не мог для своего повествования воспользоваться одним из традиционных литературных жанров. Должно было выработать такую жанровую форму, которая бы органически соответствовала реальному историческому сюжету, оказывалась способной вместить громадный и разнообразный фактический материал, входивший в «Историю» под знаком аналитического и эмоционального восприятия, и, главное, давала писателю широкую свободу в выражении своей позиции.

Но вырабатывать — не значило выдумывать. Потому Карамзин решил быть последовательным — и в выработке жанра он опирался на национальную традицию. И тут решающую роль сыграла летопись. Ее главная жанровая особенность — синкретизм. Летопись свободно включала в свой состав многие произведения древнерусской литературы — жития, повести, послания, плачи, народно-поэтические легенды и т. д. Все это оказывалось сплавленным в одно целое не только благодаря усилиям летописца и его единого отношения к изображаемому, но и благодаря тематическому единству всех вводимых в летопись других жанров.

Синкретизм и стал организующим принципом карамзинской «Истории». При этом писатель не подражал, не продолжал летописную традицию. Авторская позиция, расщепленная на два начала — аналитическое и художественное,— объединяла весь вводимый в «Историю» материал, определяла включение в виде цитат или пересказа входивших в летописи житий, повестей, легенд и «чудес» и самого рассказа летописца, который или сопровождался комментарием, или оказывался слитым с мнением создателя «Истории», дополнявшего этот материал развернутыми психологическими характеристиками исторических деятелей или размышлениями о царях-тиранах, о добродетелях народа, о сложном и противоречивом отношении народа к власти и т. д.

Летописный синкретизм — такова главная особенность жанра «Истории государства Российского». Жанр этот — оригинальное создание Карамзина — помогал ему и выразить русское национальное самосознание в его динамике и развитии, и выработать особый эпический стиль повествования о героической нации, чьи сыны вышли из домашней неизвестности на театр народной жизни. Достижения писателя были усвоены русской литературой. Его новаторское отношение к жанру, поиски особой, свободной жанровой структуры, которая бы соответствовала новому материалу, новому сюжету, новым задачам художественного исследования «действительного мира» истории, оказались близкими новой русской литературе. И не случайно, а закономерно это свободное отношение к жанру мы встретим у Пушкина («свободный» роман в стихах — «Евгений Онегин»), Гоголя (поэма «Мертвые души»), Толстого («Война и мир»).

6

Раскрытие синкретического характера жанра «Истории» поможет пониманию органического единства ее двух начал — научного и художественного познания и воспроизведения прошлого. О «художественности» «Истории» давно говорят и литературоведы, и историки — и видят ее в занимательности, в языке, в мастерстве психологических характеристик и т. д. Но эти отдельные элементы не составляют в своей совокупности единой системы и не дают ключа к пониманию реального содержания карамзинского сочинения. Оттого оно и рассматривается односторонне — только как научно неполноценное сочинение (присутствуют художественные элементы!), главной и определяющей идеей которого является идея благодетельности самодержавия для России.

Именно декабристы в своей критике труда Карамзина, в ожесточенных политических спорах с ним заложили традицию такого его рассмотрения. Характерно при этом, что свой вывод они делали на основании двух первых томов, а иногда — предисловия к первому тому. Сформулированный в нем карамзинский апофегмат и был некритично, без проверки его самим содержанием «Истории», распространен на все ее томз.

Столкновение передовой России с Карамзиным было неизбежным. «История» выходила в годы развертывания дворянскими революционерами борьбы с самодержавием, и всякая его защита в эту пору только укрепляла дело реакции. Но историческое изучение труда Карамзина требует объяснения его монархической концепции и, главное, выяснения того, как эта «любимая мысль» писателя была воплощена в «Истории», в каком соотношении она оказалась с фактами истории русского самодержавия.

Политическая концепция Карамзина вдохновлена просветителями. Монтескье признавал монархию, смягченную просвещением, лучшей формой современного государственного устройства народов. Руссо в «Общественном договоре» выдвинул демократическую идею народного суверенитета и отстаивал в качестве образцового правления не монархию, а республику. Но в то же время и Руссо оговаривался, что «демократическое Правление наиболее пригодно для малых Государств, аристократическое — для средних, а монархическое — для больших» [1].

Большинство русских (за исключением Радищева) и западных просветителей приняло и теорию Монтескье, и дополнение Руссо. Принял эту политическую концепцию и Карамзин. Она, как ему казалось, объясняла ход развития Французской революции: народ, дорого заплатив за попытку осуществления идей равенства и свободы в рамках республики, после многих лет тягчайших испытаний стал возвращаться к тому правлению, которое сначала было уничтожено. В 1802 году Карамзин писал: «Франция по своему величию и характеру должна быть монархией» [2]. Через несколько лет это «пророчество» сбылось — Наполеон провозгласил Францию империей, а себя ее императором.

Россия — громадная страна, «мира половина», и потому государственным строем ее должна быть монархия. Это была не отвлеченная и умозрительная теория, за ней стоял опыт истории России. «Русское самодержавие,— признают современные историки,— некогда сыгравшее прогрессивную роль в историческом процессе, способ-

[1] Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969, с. 199.
[2] Вестник Европы, 1802, № 17, с. 78.

ствовавшее объединению основной государственной территории России и сплочению в единое государственное целое разрозненных феодальных земель, а позже выступившее в лице Петра I инициатором важных государственных реформ, к изучаемому нами времени (царствование Александра I.— *Г. М.*) уже давно потеряло свою прогрессивную историческую силу»[1]. Принципиальной и непоправимой ошибкой Карамзина и было абсолютизирование этой относительно прогрессивной роли самодержавия. Ненавидя деспотизм и тиранию, писатель остался верен своей идее. А «идея великого самодержавия,—с гневом отмечал Герцен,—это идея великого порабощения»[2].

Но Карамзин не просто хотел в «Истории» еще раз повторить то, о чем он уже писал неоднократно. Отрицая революционный путь, не доверяя творческой энергии народа, как дворянский идеолог он в предисловии к своему труду подчеркивал, что гражданин из опыта истории поймет, что все нужное для развития России исходит из рук монарха. В то же время история должна была учить и царей. «Правители, законодатели,— писал он,— действуют по указанию истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей» (I, IX). На примерах правления русских монархов — положительных и отрицательных — Карамзин хотел учить царствовать. Для этого он, вслед за Монтескье, дает определение самодержавия, подчеркивая его обязанности перед народом. «Предмет самодержавия есть не то, чтобы отнять у людей естественную свободу, но чтобы действия их направить к величайшему благу»[3].

Признавая право монарха «обуздывать мятежные страсти», Карамзин подчеркивает, что это обуздание должно осуществляться во имя учреждения такого порядка, при котором можно было бы «согласить выгоды людей и даровать им всевозможное на земле счастье». Таким образом, писатель не просто провозглашал тезис о благодетельности самодержавия, но признавал благодетельность его только в том случае, когда оно заботится о благе и счастье народа. Эту догматическую мысль он не извлек из русской истории, а привнес ее в сочинение. Чтобы она стала уроком царям, ее нужно было проиллюстрировать материалом истории. Но принцип повествования, отвергавший вымысел и обязывавший следовать «истине» и выяснять ее, пришел в противоречие с «любимой идеей». Факты, как об этом подробнее будет рассказано ниже, не подтверждали заданного тезиса.

Противоречие обернулось для Карамзина трагедией, политическая концепция заводила в тупик. И, несмотря на это, писатель не изменил своему методу выяснения истины, открывавшейся в процессе художественного исследования прошлого, оставался верен ей, даже если она противоречила его политическому идеалу. Это было победой Карамзина-художника. Именно потому Пушкин и назвал «Историю» подвигом честного человека.

Противоречивость сочинения Карамзина отлично понимал Пушкин. Отвечая декабристам на их критику «Истории», он писал: «Молодые якобинцы негодовали; несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, казались им верхом варварства и унижения»[4]. Слова

---

[1] История СССР. Под ред. М. В. Нечкиной. М., 1949. Т. 2, с. 42.

[2] Герцен А. И. Собр. соч. В 30-ти т. М., 1955. Т. 2, с. 192.

[3] Карамзин Н. Сочинения. М., 1820, с. 51.

[4] Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.—Л., 1949. Т. 12. С. 306.

Пушкина следует понимать еще и в том смысле, что суждения Карамзина о самодержавии не покрывают всего огромного содержания «Истории»; многотомный труд нельзя сводить к доказательству тощего политического тезиса, что было в этом труде что-то такое, за что можно ее автора назвать «великим писателем», за что следовало ему сказать «спасибо».

Пушкин не только понимал и видел художественную природу «Истории», но и определил своеобразие ее художественного метода и жанра. Вот почему следует привести его определение: «Карамзин есть первый наш историк и последний летописец. Своею критикой он принадлежит истории, простодушием и апофегмами хронике. Критика его состоит в ученом сличении преданий, в остроумном изыскании истины, в ясном и верном изображении событий. Нет ни единой эпохи, ни единого важного происшествия, которые не были бы удовлетворительно развиты Карамзиным. Где рассказ его неудовлетворителен, там недоставало ему источников: он их не заменял своевольными догадками. Нравственные его размышления своею иноческою простотою дают его повествованию всю неизъяснимую прелесть древней летописи. Он их употреблял как краски, но не полагал в них никакой существенной важности». И в подтверждение своей мысли Пушкин приводит слова из предисловия «Истории»: «Заметим, что сии апофегмы бывают для основательных умов или полуистинами, или весьма обыкновенными истинами, которые не имеют большой цены в истории, где ищем действия и характеров»[1].

Итак, по Пушкину, Карамзин выступал как историк и как художник, его сочинение — синтез аналитического и художественного познания истории. Своеобразие же художественного метода и самого жанра «Истории» обусловлено летописной традицией. Мысль эта и справедлива, и плодотворна.

Известно, с какой тщательностью изучал Карамзин русские летописи. Поначалу, видимо, они его интересовали как бесценный исторический источник. Но в процессе работы открылись ему в ином качестве—как крупное явление древнерусской литературы. Карамзин-историк использовал факты летописи, подвергая их критике, проверке, объяснению и комментированию. Карамзин-художник осваивал эстетические принципы летописи, воспринимая ее как национальный русский тип рассказа о прошлом, как особую художественную систему, запечатлевшую русский взгляд на исторические события исторических деятелей, на судьбу России.

Именно летопись отвергала вымысел. Летописцы разных веков всегда подчеркивали, что они имеют дело с былью, с реальной действительностью. Даже легенды воспринимались как подлинная жизнь. Художественность летописи определялась не вымыслом, а раскрытием поэзии действительного мира. Огромную роль в творчестве летописца играли факты, события, исторические лица. Отбирались важнейшие, значительные события, причем эта важность обусловливалась их способностью выражать главную тему. В течение семи столетий шел сложный, исполненный трагических противоречий процесс единения русских земель, преодоления гибельной феодальной, удельной раздробленности, бушевала, не затихая, борьба за создание единого русского государства. И летописцы запечатлели эту кардинальную особенность (сторону) жизни складывающейся нации. Содержание этой жизни и было критерием оценки важности, масштабности, общенациональной значимости отбираемых фактов, событий

[1] Там же. Т. 11. С. 120—121.

и их участников — исторических лиц, своей патриотической деятельностью оказавших услугу отечеству.

Главная тема оказывалась внутренне организованной единым сюжетом. Удивительное открытие делал Карамзин, читая летописи. Шли века, менялись поколения летописцев, создавались общерусские летописные своды и писались областные летописи, но весь заключенный в них громадный материал, все рассказы о сотнях исторических деятелей, описания многочисленных сражений, битв и испытаний, обрушивавшихся на княжества, на народ,— все это не распадалось, но оказывалось подчиненным единому «сюжету». Он выступал как поэтическое выражение закономерности развития русской истории — преодоления раздробленности, единения русских земель, завершившегося созданием централизованного государства.

Найденные в летописи принципы художественного раскрытия мира прошлого были усвоены Карамзиным. Они позволяли ему опираться в своем сочинении на национальную традицию. Единство темы и сюжета особенно привлекало писателя, потому что тем самым как бы подтверждалась его идея о благодетельной роли самодержавия. Летописная генеральная идея оправдывала и его сосредоточенность именно на истории русского государства, что и получило выражение в заглавии сочинения. Но исследование истории с помощью летописей привело к открытию иной истины, смысл которой был в том, что стремление к единству, будучи закономерностью развития, выражало коренную особенность русского национального самосознания. «Истина» обращала внимание писателя на участие народа в важнейших общенациональных событиях, заставляла задумываться о роли народа в истории, оценивать активность нации в создании своей государственности.

Сама «История» помогает понять, что действительно Карамзин постепенно убеждался в «циническом политическом расчете» государственной власти, но убеждался не так-то быстро и просто. В ходе работы писатель все более сталкивался с примерами цинизма и политического расчета и великих князей, и царей московских — и, верный «истине», он показывал и этот цинизм, и «несытство» князей и государей, и их постоянное, а порой и преступное пренебрежение национальными интересами. Так, в «Истории» сталкивались, приходили в противоречие два начала понимания государственности: одно — идущее от заданной идеи о мессианской роли самодержавия, другое — открытое в летописях. Заглавие сочинения оставалось, но смысл понимания государства изменялся.

7

Пушкин верно понял огромность содержания труда Карамзина, написав, что он нашел Россию, как Колумб Америку. Это уточнение очень важно: открывая Древнюю Россию, Карамзин открывал историческую роль русского народа в образовании великой державы.

Именно летописи помогли писателю увидеть, понять и изобразить героический характер русской истории, показать героические страницы жизни народа. Следует напомнить, что декабристы, так ожесточенно критиковавшие политическую концепцию Карамзина, уже при чтении первого тома не смогли не отметить, как на его страницах вырастал образ народа. Н. Муравьев, например, писал: «Видишь перед собою народ, какого не бывало еще в истории,— погруженный в невежество, не собранный еще в благоустроенные общества, без письмен, без правительств, но великий духом, пред-

приймчивый; он заключает в себе все качества обладателя — какое-то чудное стремление к величию. Какой народ может гордиться, что претерпел столько бедствий, сколько славянский. Никакой иарод не был столь испытан судьбою!»[1].

Любопытно, что этот отзыв, навеянный чтением «Истории», очень близок к тем мыслям, которые были высказаны Карамзиным в статье 1802 года «О любви к отечеству и народной гордости»: «Но какой иарод в Европе может похвалиться лучшею судьбою? Который из них ие был в узах несколько раз? ...И какой народ так славно разорвал свои цепи? Так славно отмстил врагам свирепым?» Любовь к отечеству питала храбрость и мужество русских людей. Так, в эпоху «смутного времени», писал Карамзин, «любовь к отечеству воспламеняет сердца — граждане, земледельцы требуют военачальника... Добродетельный Минин служит примером; и кто ие может отдать жизни отечеству, отдает ему все, что имеет... Древняя и новая история иародов ие представляет иам ничего трогательнее сего общего геройского патриотизма»[2].

Мысли эти получили свое полное развитие и образное воплощение в «Истории». Уже в первом томе писатель указывает, что мужество, простодушие и вольнолюбие составляют отличительные черты характера славянского народа. Описывая одну из битв, Карамзин подчеркивает, что именно вольнолюбие воодушевляло простых людей, когда они героически сражались с неприятелем, «оказывали чудесное остервенение и, думая, что убитый неприятелем должен служить ему рабом в аде, вонзали себе мечи в сердце, когда уже ие могли спастись: ибо хотели тем сохранить вольность свою в будущей жизни».

В эпоху татарского ига именно эти высокие нравственные качества простых людей проявились с особой полнотой и яркостью, народ ие хотел покорно сносить иго рабства в отличие от князей, которые шли на любые унижения перед ханом во имя своей корысти. Более того, свидетельствует Карамзин, некоторые князья в самом татарском «насилии» искали защиту от народа, «жертвовали последними остатками народной гордости выгодам собственного личного честолюбия».

Изучение истории и летописей помогло писателю видеть в народе инстинктивное созидательное начало, которое с особой наглядностью проявлялось в годины тяжелых испытаний, выпадавших на долю отечества. Случалось, что иарод, брошенный князьями, сам иаходил выход из катастрофических положений, проявляя находчивость, силу, отвагу в преодолении бедствий. «История» запечатлела множество таких проявлений народной инициативы. Так, например, в пятом томе, описывая события во время пожара в Москве в 1445 году (князь Василий Темный был в плену, все бояре и приближенные князя убежали, «предав иарод отчаянию в жертву»), Карамзин подробно рассказывает о делах простого народа, брошенного на произвол: «Чернь в шумном совете положила укрепить город: избрали властителей, запретили бегство, ослушников наказывали и вязали, починили городские ворота и стены, начали строить жилища. Одним словом, народ сам собою восстановил и порядок из безначалия, и Москву из пепла».

Любопытна при этом противоречивость позиции писателя — в соответствии с «истиной» он признает, что народ «в самом уничтожении ободряется и совершает великое», но, сохраняя верность умозрительной идее, он сразу же после признания делает оговорку: «...служа только орудием, движимый, одушевляемый силою правителей». Цена

[1] Литературное наследство. М., 1954. Т. 59. С. 595.

[2] Карамзин Н. М. Избранные сочинения. Т. 2. С. 284.

этой оговорки видна из заключительного размышления, посвященного хвале не правителям, а народному разуму. Разум этот, по убеждению Карамзина, «в самом величайшем стеснении находит какой-нибудь способ действовать, подобно как река, запертая скалою, ищет тока, хотя под землею или сквозь камни сочится мелкими ручейками». Подобные размышления воодушевлены патриотическим чувством писателя.

Важнейшей особенностью художественной стихии «Истории» и является патриотизм ее автора, который определял возможность создания эмоционального образа «минувших столетий». В этом своем убеждении Карамзин опирался на позицию летописцев, чье изображение событий и героев прошлого овеяно патриотической ревностью и заботой о судьбе «русской земли». Мысль о роли патриотического чувства при воссоздании эмоционального образа давно прошедших времен родилась у Карамзина уже давно. В пору написания «Писем русского путешественника» он так оценивал труд Левека о русской истории: «Левек как писатель — не без дарования, не без достоинства; соображает довольно хорошо, рассказывает довольно складно, судит довольно справедливо, но кисть его слаба, краски не живы, слог правильный, логический, но не быстрый. К тому же Россия не мать ему, не наша кровь течет в его жилах: может ли он говорить о русских с таким чувством, как русский?» [1].

В предисловии к первому тому, написанному в 1815 году, Карамзин повторяет эту мысль, уже характеризуя собственный метод изображения истории, утверждая, что именно «любовь к отечеству» дает его «кисти жар, силу, прелесть». Патриотизм писателя определил живость красок, жар кисти, эмоциональную силу его повествования.

В «Истории» запечатлелось единство аналитического изучения и эмоционального образа «минувших столетий». При этом истине не противоречил ни аналитический, ни эмоциональный метод изучения и изображения — каждый помогал ее утверждению своим путем. В первом томе (написанном раньше предисловия) Карамзин впервые сформулировал свое понимание соотношения исторической правды и вымысла: «Все народы в юности своей, не зная письмен, любили исторические песни и сказки, подобные исландским сагам: «Слово о полку Игореве» дает нам понятие о наших древних сказках. Нестор мог заимствовать из них некоторые обстоятельства... Истина служит основанием для исторической поэзии; но поэзия не история: первая более всего хочет возбуждать любопытство и для того мешает быль с небылицею, вторая отвергает самые остроумные вымыслы и хочет только истины».

Летопись, как мы видели, была для Карамзина не только источником фактов — она открывала и отношение к ним современника их — летописца. Потому важнейшим принципом «Истории» и стало стремление ее автора «смотреть в тусклое зеркало древней летописи», следуя за ней в изложении и оценке событий, не украшая вымыслом или произвольной догадкой свой рассказ. Постижение точки зрения летописца, его «простодушия» и суда над современниками, в которых запечатлелся «дух времени», было задачей Карамзина-художника. Карамзин-историк выступал с комментарием этой летописной концепции (особенно в первых томах). Но взаимоотношение между «летописным», художественным и аналитическим методом повествования не вылилось в единую систему, и в разных томах оно проявлялось по-разному. В четвертом, например, томе, рассказывавшем об эпохе татаро-монгольского нашествия, торжествует летописное начало.

[1] Там же. Т. 1. С. 416.

Патриотическое чувство летописца определяло эмоциональные краски карамзинского рассказа.

При описании эпохи централизованного государства писатель остро осознает противоречие между отношением летописца к событиям, к монарху и своей позицией. То, что летописцу кажется злом, Карамзину, верному монархической концепции, кажется, с учетом исторической перспективы, благом. В рассказе об Иване III — этом, по его словам, «колоссе России», монархе, сумевшем разгадать тайну самодержавия,— писатель оправдывает его действия со своей позиции, хотя и считает необходимым оценить его как человека, который «не имел мудрых свойств ни Мономаха, ни Донского, но стоял как государь на высшей степени величия».

Новый материал истории определял и новое отношение Карамзина к летописи в последних томах. Именно здесь получило свое воплощение намерение писателя, сформулированное в предисловии: «...хотел представить и характер времени, и характер летописцев, ибо одно казалось нужным для другого». С особой последовательностью раскрытие летописного повествования проявилось в характеристике Годунова и его времени. Для Карамзина в данном случае летописный рассказ, летописная точка зрения есть тип сознания эпохи, и потому он не считает возможным вносить «поправки» историка в представления летописца. Раскрывая психологическими средствами внутренний мир Годунова, рисуя его характер, он исходит не только из фактов, почерпнутых в летописи, но и из общей исторической ситуации, воссозданной летописцем. И в этом случае ему важно и дорого не только то, что пишет летописец, но и как он пишет. Точка зрения летописца воспринимается Карамзиным как проявление индивидуального начала истории, воплощения этического разума, чуждого субъективной оценки. Точка зрения Карамзина как бы сливается с летописной — он выступает как очевидец описываемых событий и трагедии Годунова. Рассказ о Годунове тем самым открывал современной литературе совершенно новый тип художественного познания и воспроизведения истории, прочно опирающегося на национальную традицию. Именно эта позиция Карамзина была понята и поддержана Пушкиным в его защите «Истории» от нападок Полевого, она и дала ему возможность назвать писателя последним нашим летописцем.

Так формировались на летописной основе черты карамзинского историзма. Историками древнерусской литературы уже отмечен особый, порожденный своеобразием русской действительности, историзм летописей. Карамзин хорошо знал Гердера, был знаком с теми новыми идеями в историографии, которые получали то или иное воплощение в трудах многих французских и английских писателей. Все это, несомненно, подготавливало Карамзина к восприятию историзма летописей.

Историзм этот проявлялся прежде всего в ярко запечатленном сознании непрерывности исторического бытия Русской земли, в рассмотрении ее истории как непрерывного, хотя и осложненного тягчайшими длительными испытаниями и бедствиями, становления единого мощного государства, занявшего свое особое место в ряду других государств мира. Эта идея воспринята и Карамзиным, она пронизывает все его повествование. Но летописи раскрыли ему еще одну тайну истории — меняющийся от века к веку тип сознания русских людей, то, что было названо в «Истории» «духом времени». Каждая эпоха стараниями летописцев была охарактеризована определенной совокупностью черт сознания, типом мышления — своими религиозными убеждениями, своими идеалами, нравственными критериями, пониманием долга, воинского мужества, проявлением вольно-

любия, системой общественных, политических, имущественных отношений, своим уровнем культуры, просвещения, бытового уклада и т. д.

Разумеется, историзм Карамзина был в определенной мере ограничен. Блестяще выписанные им характеры Грозного и Годунова построены по традиционной схеме царя-тирана, царя-преступника. Психологизм помогал раскрывать общечеловеческое начало в их характерах. Писатель, создавая образы этих государей, рассматривал деятельность Грозного и Годунова как отступление от нормы, как исключение. И в то же время, читая страницы, посвященные им, мы видим, что именно история в конечном счете определяла их действия, их преступления и тиранство. Они оказались вписанными в свои эпохи, действовали в «духе времени». Само понимание их преступлений и тиранства оказалось заданным конкретной исторической ситуацией.

Стихийный историзм проявлял себя в большей мере в раскрытии сознания летописцев. И хотя у Карамзина нет ни одного характера летописца, все же Пушкин, создавший исторически обусловленный характер летописца Пимена, считал нужным указать, что этим он обязан Карамзину. «Характер Пимена не есть мое изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: простодушие, умилительная кротость, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие, можно сказать, набожное, к власти царя, данной ему богом, совершенное отсутствие суетности, пристрастия». «Мне казалось, что сей характер все вместе нов и знаком для русского сердца; что трогательное добродушие древних летописцев, столь живо постигнутое Карамзиным и отраженное в его бессмертном создании, украсит простоту моих стихов»[1].

8

Стихийный историзм обусловил и возможность понимания Карамзиным летописи как великого памятника древнерусской литературы, запечатлевшей динамизм формирования национального самосознания на протяжении почти семивекового существования Руси. Художественное начало «Истории» и позволило раскрыть процесс выработки психического склада русской нации. Главная тема летописи — судьба Русской земли и непрерывная борьба за единство — сосредоточила внимание летописца на роли национального фактора. Отсюда такие самобытные черты русского самосознания, как патриотическая гражданственность, понимание героического как выполнения особой, жизненно необходимой работы по исполнению своего долга перед родиной, как выявление личной заботы о благе родной земли, как способности выходить из «домашней неизвестности», из сферы частных, семейных интересов «на театр народный».

Усилия по раскрытию тайны психического склада нации подводили Карамзина к постижению национального характера. Опираясь на летопись, писатель оказывался способным и самостоятельно обобщать опыт истории, и делать из нее извлечения. Должно при этом отметить, что в соответствии с уровнем исторических знаний эпохи в сочинении Карамзина оказался обойденным социальный фактор вообще, и его влияние на выработку национального самосознания в частности. В этом отношении он как бы сознательно шел за летописью, которая по своим причинам прошла мимо социального фактора. Проблема социальности и социальной обусловленности человека и его

[1] Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 68.

сознания встает в порядок дня позже — в 1830-е годы. Но, не сосредоточиваясь на выяснении социальных отношений Древней Руси, не понимая их роли, Карамзин все же счел необходимым проследить влияние на национальную жизнь политических режимов Древней Руси, проследить то, как они определились в формы княжеского и царского государственного правления. Проблема взаимоотношений народа и власти, вставшая перед писателем в связи с его монархической концепцией, оборачивалась и новым аспектом: что отличает русский народ — любовь к установленному князем или царем порядку или склонность к мятежам?

Еще до написания «Истории» Карамзин эту проблему решал не с позиций истины, но «вымысла», догадки, вытекавших из идеи «благодетельности самодержавия» для России и ее народа. И, опираясь на вымысел, он писал: «Кровопролитие, мятежи и бедствия составляют главную и, к несчастью, любопытнейшую часть всемирных летописей; но история нашего отечества, подобно другим, описывая жестокие войны и гибельные раздоры, редко упоминает о бунтах против властителей законных, что служит к великой чести народа русского. Он, кажется, всегда чувствовал необходимость повиновения и ту истину, что своевольная управа граждан есть во всяком случае великое бедствие для государства»[1].

Изучение истории по документам, по летописям опрокинуло этот «вымысел». Истина оказалась иной — не «чувствовал всегда» народ русский необходимости повиновения, мятежи народные оказались важным фактором русской национальной жизни на протяжении веков.

Карамзин, столкнувшись с мятежами как реальным фактом, принужден был выяснить их причину. Знаменателен первый, принципиальный вывод, сделанный писателем,— русский бунт не есть проявление дикости «непросвещенного» народа или результатов происков плутов и мошенников, как то постоянно утверждала дворянская историография. Мятежи, по Карамзину, были следствием антинародной политики князей, народ всегда был вынуждаем на бунт неправедными действиями властей.

Анализируя многочисленные факты начального периода русской истории, писатель приходит к пониманию огромной роли народа в политической жизни страны. Любовь и ненависть народа к князю — вот что определяло судьбу самого князя и порядок в княжестве. Если князь не понимает этого, если он не проявляет заботы о народе и хочет добиться его повиновения только силой, то он сам является причиной бунта. Вот как описываются Карамзиным действия одного из князей, которые являлись причиной возмущения: «Народ стенал»; «Сильные утесняли слабых, наместники и тиуны грабили Россию, как половцы». Исследование истории позволяло писать о двух ликах народа — он «добрый», и «мятежный». Не желая прямо высказывать свое мнение и давать свою оценку используемым фактам и особенно поведения князей и мятежного народа, Карамзин стремится опереться на мнение летописца: «Народ за хищность судей и чиновников ненавидит и царя самого добродушного и милосерднейшего». «Истина» оказывалась подтвержденной мнением беспристрастного летописца.

Оценка мятежей и мятежности народа изменилась в томах, посвященных эпохе централизованного государства. Монархическая концепция Карамзина пришла в резкое столкновение с «истиной» — пришлось автору «Истории» находить новые объяснения объективных

[1] Карамзин Н. Сочинения. Т. 8. С. 229.

фактов. Самодержавие необходимо, ибо оно есть воплощение справедливости, так как ставит своей главной задачей заботу о благе народа,— таково неизменное положение Карамзина, априорно заложенное в «Историю». Но факты истории более чем красноречиво свидетельствовали о мятежности народа, выступающего и против самодержавия. И тогда, спасая свою любимую идею, Карамзин, отступая от истины, объясняет, что в возникновении мятежей виновато не самодержавие, а те монархи, которые отступали от принципов самодержавия. Вина с плеч самодержавия перекладывалась на плечи отдельных личностей — тиранов, оказавшихся на царском престоле.

Такие монархи, как Грозный, Годунов,— тираны и преступники— подлежат суду историка, но не народа. Карамзин лишает народ права на бунт. Как же тогда объяснить бунты против самодержцев? Писатель предлагает свое толкование фактов истории. Народный бунт, мятеж в подобных ситуациях объявляется Карамзиным проявлением суда небесного — это кара божественная за совершенные царями-тиранами преступления, за отступничество от принципов самодержавия. Тем самым с народа снимается «вина» за мятеж — он оказывается всего лишь орудием провидения. В других случаях, когда народ не восстает против самодержца, но терпит бедствия, чинимые властью, Карамзин заставляет его «безмолвствовать». Эти грозные и многозначительные слова, исполненные не только укоризны, но и немой угрозы, довольно часто появляются на страницах последних томов «Истории». Характерно при этом, что, осуждая тиранов, царствовавших в эпохи, когда вспыхивали мятежи, Карамзин не осуждает народ. Следуя истине, он вновь и вновь заявляет, что мятежи были следствием неправедных действий власти, а когда переходит к «смутному времени», подтверждает, что они были подготовлены «неистовым тиранством двадцати четырех лет Иоанновых, адскою игрою Борисова властолюбия, бедствиями свирепого голода и всеместных разбоев, ожесточением сердец, развратом народа» (11, 120).

Подобная трактовка отношения к «тиранам» и объяснение мятежа как «воли провидения» и суда божьего была, конечно, уступкой монархической концепции, хотя она и соответствовала позиции летописцев. Условность и натяжку подобного объяснения чувствовал и сам Карамзин. Вот почему в двенадцатом томе, описывая «смутное время» — эпоху «великих мятежей», он счел себя обязанным следовать истине и не делать уступок концепции, даже если она совпадала с мнением летописцев.

Исследуя эпоху, когда судьба России как единого, независимого государства вновь была поставлена на карту, Карамзин вынужден был признать объективный факт — власти в этих обстоятельствах предавали интересы России, боясь мятежной силы народа, а народ, проявлявший «любовь к мятежам», оказался способным спасти отечество именно потому, что мог противостоять воле правителей. «Мстиславские и другие,— писал Карамзин,— запутавшиеся в сетях, слабодушные и с любовью к отечеству без умения избрать для него лучшее в обстоятельствах чрезвычайных, страшась народных мятежей более, нежели государственного уничтожения ... думали спасти Россию Владиславом, верили гетману, верили Сигизмунду — не верили только добродетели своего народа».

По Карамзину, добродетель народа вовсе не противоречила народной «любви к мятежам». Художественное исследование истории открывало писателю эту истину. Он понимал, что не любовь к «установлениям» самодержцев, но «любовь к мятежам», направленным против самодержцев, не исполнявших своего долга — заботиться о

благе своих подданных, отличает народ русский. Он мог «безмолвствовать» во время правления тиранов, он мог поднять восстание и «ниспровергнуть» государя, а в годину испытаний спасти отечество. Свой вывод Карамзин формулировал довольно откровенно: «Сей народ, безмолвный в грозах самодержавия наследственного, уже играл царями, узнав, что они могут быть избираемы и низвергаемы его властию». Так писатель оказывался способным художественно показать, что коренные черты народного характера раскрываются даже в «неистовстве бунта», отвергая тем самым концепцию русского национального характера, выдвинутую Екатериной II («образцовое послушание»)[1].

«Истина», увиденная Карамзиным-художником, опровергала монархическую концепцию Карамзина-политика. Он по-прежнему пытался еще утверждать, что народ восставал вовсе не против самодержавия, а только против тех монархов, которые отступали от подлинных принципов самодержавия. Но перед лицом фактов и художественными средствами добытой «истины» «любимая идея» рушилась, ее защита при помощи софизмов не обладала никакой убедительностью. Именно это и понял Пушкин, заявивший, что «несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия» в «Истории» Карамзина были «красноречиво опровергнуты верным рассказом событий». Потому и оказалось возможным Пушкину при работе над «Борисом Годуновым» использовать открытия писателя. Еще не зная трудов французских историков, Пушкин, опираясь на национальную традицию, вырабатывает историзм как метод познания и объяснения прошлого и настоящего, следуя за Карамзиным в раскрытии русского национального самосознания,— он создает образ Пимена. Еще более примечательно отношение поэта к открытой Карамзиным «истине» о характере отношения народа к самодержавию. Отбросив монархическую концепцию автора «Истории», отвергнув его апофегмы в пользу самодержавия, Пушкин увидел и понял как закономерность эмпирически установленный факт постоянных мятежей народа против князей и царей. Историзм помог поэту открыть другую, более важную истину — о ненависти народа к самодержавию, о его враждебности к этой форме правления, о непримиримом их антагонизме. Оттого Пушкин и подчеркивал, что Карамзину он обязан «мыслию своей трагедии», что ему он следовал «в светлом развитии происшествий».

Карамзин в «Истории» открыл громадный художественный мир древних летописей. Писатель «прорубил окно» в прошлое, он действительно, как Колумб, нашел древнюю Россию, связав прошлое с настоящим. Прошлое, отдаленное от современности многими веками, предстало не как раскрашенная вымыслом старина, но как действительный мир, многие тайны которого были раскрыты как «истины», помогавшие не только пониманию истории отечества, но и служившие современности. Воссоздав вслед за летописью коренные черты русского национального самосознания, представив его как результат исторического опыта многих поколений, как определенную структуру психической жизни нации, обусловленную совокупностью обстоятельств исторического бытия народа, которая обогатилась новыми чертами за последнее столетие, он тем самым помогал понять современные черты русского национального характера.

«История государства Российского» по праву вторгалась в живой процесс литературного развития, помогала формированию историзма, способствуя движению литературы по пути национальной самобытности. Она обогащала литературу важными художественными

[1] Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2-х т. М., 1959. Т. 2. С. 275.

открытиями. Вобрав опыт летописей, «История» вооружала новую литературу важными знаниями прошлого, помогала ей опираться на национальные традиции. На первом этапе Пушкин и Гоголь в своем обращении к истории показали, как громаден и важен был вклад Карамзина.

Факты свидетельствуют, что «История» пользовалась беспримерным успехом на протяжении многих десятилетий XIX столетия, оказывая влияние на русских писателей. Это влияние объясняется еще и глубоким патриотизмом Карамзина, проявлением лирического, личного отношения автора к России, к ее героическому народу. Заслуживает внимания высказанное им в 1824 году на обеде у графа Румянцева суждение о том, как надо писать историю и чем должен руководствоваться автор труда по национальной истории. На обеде присутствовал немецкий путешественник и сочинитель Буссе, который и записал это мнение Карамзина. Л. Н. Майков опубликовал его в русском переводе.

«Мой способ писать возник из того представления, которое я имею о приемах историка. Из всех литературных произведений народа изложение истории его судьбы более всего должно вызывать его интерес и менее всего может иметь общий, не строго национальный характер. Историк должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, искажать факты, преувеличивать счастие или умалять в своем изложении бедствия; он должен быть прежде всего правдив; но может, даже должен все неприятное, все позорное в истории своего народа передавать с грустью, а о том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии, говорить с радостью и энтузиазмом. Только таким образом может он сделаться национальным бытописателем, чем прежде всего должен быть историк»[1]. Именно таким бытописателем и был Карамзин, автор «Истории государства Российского».

Г. П. Макогоненко

[1] Русская старина, 1890, № 9, с. 453.

ПРЕДАНИЯ ВЕКОВ

Сказания,
легенды,
рассказы
из
«Истории
государства
Российского»

ТОМ I

ПРЕДИСЛОВИЕ
(К «Истории государства Российского»)

История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зерцало их бытия и деятельности: скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего.

Правители, законодатели действуют по указаниям истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастие.

Но и простой гражданин должен читать историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и государство не разрушалось; она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к

справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества.

Вот польза: сколько же удовольствий для сердца и разума! Любопытство сродни человеку, и просвещенному и дикому. На славных играх олимпийских умолкал шум, и толпы безмолвствовали вокруг Геродота, читающего предания веков. Еще не зная употребления букв, народы уже любят историю: старец указывает юноше на высокую могилу и повествует о делах лежащего в ней героя. Первые опыты наших предков в искусстве грамоты были посвящены вере и деепнсанию; омраченный густою сению невежества, народ с жадностию внимал сказаниям летописцев. И вымыслы нравятся; но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина. История, отверзая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь созидая царства и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим; еще не думая о пользе, уже наслаждаемся созерцанием многообразных случаев и характеров, которые занимают ум или питают чувствительность.

Если всякая история, даже и неискусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний,— тем более отечественная. Истинный космополит есть существо метафизическое или столь необыкновенное явление, что нет нужды говорить об нем, ни хвалить, ни осуждать его. Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя. Пусть греки, римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям; но имя русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная история великими воспоминаниями украшает мир для ума, а российская украшает отечество, где живем и чувствуем. Сколь привлекательны берега Волхова, Днепра, Дона, когда знаем, что в глубокой древности на них происходило! Не только Новгород, Киев, Владимир, но и хижины Ельца, Козельска, Галича делаются любопытными памятниками и немые предметы красноречивыми. Тени минувших столетий везде рисуют картины перед нами.

Кроме особенного достоинства для нас, сынов России, ее летописи имеют общее. Взглянем на пространство сей единственной державы: мысль цепенеет; никогда Рим в своем величии не мог равняться с нею, господствуя от Тибра до Кавказа, Эльбы и песков африканских. Неудивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, хладными и жаркими климатами, как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну державу с Москвою? Менее ли чудесна и смесь ее жителей, разноплеменных, разновидных и столь удаленных друг от друга в степенях образования? Подобно Америке, Россия имеет своих диких; подобно другим странам Европы, являет плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть русским — надобно только мыслить, чтоби с любопытством читать предания народа, который смелостию и мужеством снискал господство над девятою частию мира, открыл страны, никому дотоле не известные, внес их в общую систему географии, истории и просветил божественною верою, без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего.

Согласимся, что деяния, описанные Геродотом, Фукидидом, Ливием, для всякого нерусского вообще занимательнее, представляя более душевной силы и живейшую игру страстей, ибо Греция и Рим были народными державами и просвещеннее России; однако ж смело можем сказать, что некоторые случаи, картины, характеры нашей истории любопытны не менее древних. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, восстание россиян при Донском, падение Новагорода, взятие Казани, торжество народных добродетелей во время междуцарствия. Великаны сумрака, Олег и сын Игорев; простосердечный витязь, слепец Василько; друг отечества, благолюбивый Мономах; Мстиславы Храбрые, ужасные в битвах и пример незлобия в мире; Михаил Тверской, столь знаменитый великодушною смертию; злополучный, истинно мужественный Александр Невский; герой юноша, победитель Мамаев, в самом легком начертании сильно действуют на воображение и сердце. Одно государствование Иоанна III есть редкое богатство для истории: по крайней мере не знаю монарха, достойнейшего жить и сиять в ее святилище. Лучи его славы падают на колыбель Петра — и между сими двумя самодержцами удивительный Иоанн IV; Годунов, достойный свое-

го счастия и несчастия, странный Лжедимитрий; и за сонмом доблественных патриотов, бояр и граждан, наставник трона, первосвятитель Филарет с державным сыном, светоносцем во тьме наших государственных бедствий; и царь Алексий, мудрый отец императора, коего назвала Великим Европа. Или вся новая история должна безмолвствовать, или российская имеет право на внимание.

Знаю, что битвы нашего удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума; что сей предмет не богат ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца; но история не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир. Видим на земле величественные горы и водопады, цветущие луга и долины; но сколько песков бесплодных и степей унылых! Однако ж путешествие вообще любезно человеку с живым чувством и воображением; в самых пустынях встречаются виды прелестные.

Не будем суеверны в нашем высоком понятии о деесписаниях древности. Если исключить из бессмертного творения Фукидидова вымышленные речи, что останется? Голый рассказ о междоусобии греческих городов: толпы злодействуют, режутся за честь Афин или Спарты, как у нас за честь Мономахова или Олегова дому. Не много разности, если забудем, что сии полутигры изъяснялись языком Гомера, имели Софокловы трагедии и статуи Фидиасовы. Глубокомысленный живописец Тацит всегда ли представляет нам великое, разительное? С умилением смотрим на Агриппину, несущую пепел Германика; с жалостью — на рассеянные в лесу кости и доспехи легиона Варова; с ужасом — на кровавый пир неистовых римлян, освещаемых пламенем Капитолия; с омерзением — на чудовище тиранства, пожирающее остатки республиканских добродетелей в столице мира; но скучные тяжбы городов о праве иметь жреца в том или другом храме и сухой некролог римских чиновников занимают много листов в Таците. Он завидовал Титу Ливию в богатстве предмета; а Ливий, плавный, красноречивый, иногда целые книги наполняет известиями о сшибках и разбоях, которые едва ли важнее половецких набегов.— Одним словом, чтение всех историй требует

некоторого терпения, более или менее награждаемого удовольствием.

Историк России мог бы, конечно, сказав несколько слов о происхождении ее главного народа, о составе государства, представить важные, достопамятнейшие черты древности в искусной *картине* и начать *обстоятельное* повествование с Иоаннова времени или с XV века, когда совершилось одно из величайших государственных творений в мире: он написал бы легко 200 или 300 красноречивых, приятных страниц вместо многих книг, трудных для автора, утомительных для читателя. Но сии *обозрения*, сии *картины* не заменяют летописей, и кто читал единственно Робертсоново Введение в историю Карла V, тот еще не имеет основательного, истинного понятия о Европе средних времен. Мало, что умный человек, окинув глазами памятники веков, скажет нам свои примечания: мы должны сами видеть действия и действующих — тогда знаем историю. Хвастливость авторского красноречия и нега читателей осудят ли на вечное забвение дела и судьбу наших предков? Они страдали и своими бедствиями изготовили наше величие: а мы не захотим и слушать о том, ни знать, кого они любили, кого обвиняли в своих несчастиях? Иноземцы могут пропустить скучное для них в нашей древней истории; но добрые россияне не обязаны ли иметь более терпения, следуя правилу государственной нравственности, которая ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному?.. Так я мыслил и писал об *Игорях*, о *Всеволодах*, как *современник*, смотря на них в тусклое зеркало древней летописи с неутомимым вниманием, с искренним почтением; и если, вместо *живых, целых* образов, представлял единственно *тени, в отрывках*, то не моя вина: я не мог дополнять летописи!

Есть *три* рода истории: *первая* — современная, например Фукидидова, где очевидный свидетель говорит о происшествиях; *вторая*, как Тацитова, основывается на свежих словесных преданиях в близкое к описываемым действиям время; *третья* извлекается только из памятников, как наша до самого XVIII века[1]. В *первой* и

[1] Только с *Петра Великого* начинаются для нас словесные предания: мы слыхали от своих отцов и дедов об нем, о *Екатерине I, Петре II, Анне, Елисавете*, многое, чего нет в книгах.

второй блистает ум, воображение дееписателя, который избирает любопытнейшее, цветит, украшает, иногда *творит*, не боясь обличения; скажет: *я так видел, так слышал* — и безмолвная критика не мешает читателю наслаждаться прекрасными описаниями. *Третий* род есть самый ограниченный для таланта: нельзя прибавить ни одной черты к известному; нельзя вопрошать мертвых; говорим, что предали нам современники; молчим, если они умолчали — или справедливая критика заградит уста легкомысленному историку, обязанному представлять единственно то, что сохранилось от веков в летописях, в архивах. Древние имели право вымышлять *речи* согласно с характером людей, с обстоятельствами — право неоцененное для истинных дарований, и Ливий, пользуясь им, обогатил свои книги силою ума, красноречия, мудрых наставлений. Но мы, вопреки мнению аббата Мабли, не можем ныне витийствовать в истории. Новые успехи разума дали нам яснейшее понятие о свойстве и цели ее; здравый вкус уставил неизменные правила и навсегда отлучил дееписание от поэмы, от цветников красноречия, оставив в удел первому быть верным зерцалом минувшего, верным отзывом слов, действительно сказанных героями веков. Самая прекрасная выдуманная речь безобразит историю, посвященную не славе писателя, не удовольствию читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истине, которая уже сама собою делается источником удовольствия и пользы. Как естественная, так и гражданская история не терпит вымыслов, изображая, что есть или было, а не что быть *могло*. Но история, говорят, наполнена ложью: скажем лучше, что в ней, как в деле человеческом, бывает примесь лжи; однако ж характер истины всегда более или менее сохраняется; и сего довольно для нас, чтобы составить себе общее понятие о людях и деяниях. Тем взыскательнее и строже критика; тем непозволительнее историку, для выгод его дарования, обманывать добросовестных читателей, мыслить и говорить за героев, которые уже давно безмолвствуют в могилах. Что ж остается ему, прикованному, так сказать, к сухим хартиям древности? Порядок, ясность, сила, живопись. Он творит из данного вещества: не произведет золота из меди, но должен очистить и медь; должен знать всего цену и свойство; открывать великое, где оно таится, и

малому не давать прав великого. Нет предмета столь бедного, чтобы искусство уже не могло в нем ознаменовать себя приятным для ума образом.

Доселе древние служат нам образцами. Никто не превзошел Ливия в красоте повествования, Тацита в силе — вот главное! Знание всех прав на свете, ученость немецкая, остроумие Вольтерово, ни самое глубокомыслие Макиавелево в историке не заменяют таланта изображать действия. Англичане славятся Юмом, немцы Иоанном Мюллером, и справедливо[1]: оба суть достойные совместники древних,— не подражатели, ибо каждый век, каждый народ дает особенные краски искусному бытописателю. «Не подражай Тациту, но пиши, как писал бы он на твоем месте!» — есть правило гения. Хотел ли Мюллер, часто вставляя в рассказ нравственные *апофегмы,* уподобиться Тациту? не знаю; но сие желание блистать умом или казаться глубокомысленным едва ли не противно истинному вкусу. Историк рассуждает только в объяснение дел, там, где мысли его как бы дополняют описание. Заметим, что сии апофегмы бывают для основательных умов или полуистинами, или весьма обыкновенными истинами, которые не имеют большой цены в истории, где ищем действий и характеров. Искусное повествование есть *долг* бытописателя, а хорошая отдельная мысль — *дар:* читатель требует первого и благодарит за второе, когда уже требование его исполнено. Не так ли думал и благоразумный Юм, иногда весьма плодовитый в изъяснении причин, но до скупости умеренный в размышлениях? Историк, коего мы назвали бы совершеннейшим из новых, если бы он не излишно *чуждался* Англии, не излишно хвалился беспристрастием и тем не охладил своего изящного творения! В Фукидиде видим всегда афинского грека, в Ливии — всегда римлянина, и пленяемся ими, и верим им. Чувство: *мы, наше* оживляет повествование — и как грубое пристрастие, следствие ума слабого или души слабой, несносно в историке, так любовь к отечеству дает его кисти жар, силу, прелесть. Где нет любви, нет и души.

Обращаюсь к труду моему. Не дозволяя себе никако-

---

[1] Говорю единственно о тех, которые писали целую историю народов. Феррерас, Даниель, Масков, Далин, Маллет не равняются с сими двумя историками: но усердно хваля Мюллера — историка Швейцарии, знатоки не хвалят его вступление, которое можно назвать геологическою поэмою.

го изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках; искал души и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся с важностию говорить о том, что уважалось предками; хотел, не изменяя своему веку, без гордости и насмешек описывать веки душевного младенчества, легковерия, баснословия; хотел представить и характер времени и характер летописцев, ибо одно казалось мне нужным для другого. Чем менее находил я известий, тем более дорожил и пользовался находимыми; тем менее выбирал: ибо не бедные, а богатые избирают. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о таком-то князе, дабы он жил в нашей памяти не одним сухим именем, но с некоторою нравственною физиономиею. Прилежно *истощая* материалы древнейшей российской истории, я ободрял себя мыслию, что в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения: там источники поэзии! Взор наш, в созерцании великого пространства, не стремится ли обыкновенно — мимо всего близкого, ясного — к концу горизонта, где густеют, меркнут тени и начинается непроницаемость?

Читатель заметит, что описываю деяния *не врознь*, по годам и дням, но *совокупляю* их для удобнейшего впечатления в памяти. Историк не летописец: последний смотрит единственно на время, а первый — на свойство и связь деяний; может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место.

Множество сделанных мною примечаний и выписок устрашает меня самого. Счастливы древние: они не ведали сего мелочного труда, в коем теряется половина времени, скучает ум, вянет воображение — тягостная жертва, приносимая *достоверности*, однако ж необходимая! Если бы все материалы были у нас собраны, изданы, очищены критикою, то мне оставалось бы единственно ссылаться; но когда большая часть их в рукописях, в темноте; когда едва ли что обработано, изъяснено, соглашено — надобно вооружиться терпением. В воле читателя заглядывать в сию пеструю смесь, которая служит иногда свидетельством, иногда объяснением или дополнением. Для охотников все бывает любопытно: старое имя, слово; малейшая черта древности дает повод к

соображениям. С XV века уже менее выписываю: источники размножаются и делаются яснее.

Муж ученый и славный, Шлецер сказал, что наша история имеет пять главных периодов; что Россия от 862 года до Святополка должна быть названа *рождающеюся* (Nascens), от Ярослава до монголов *разделенною* (Divisa), от Батыя до Иоанна III *угнетенною* (Oppressa), от Иоанна до Петра Великого *победоносною* (Victrix), от Петра до Екатерины II *процветающею.* Сия мысль кажется мне более остроумною, нежели основательною. 1) Век св. Владимира был уже веком могущества и славы, а не *рождения.* 2) Государство *делилось* и прежде 1015 года. 3) Если по внутреннему состоянию и внешним действиям России надобно означать периоды, то можно ли смешать в один время Великого князя Димитрия Александровича и Донского, безмолвное рабство с победою и славою? 4) Век самозванцев ознаменован более злосчастьем, нежели победою. Гораздо лучше, истиннее, скромнее история наша делится на *древнейшую,* от Рюрика до Иоанна III, на *среднюю,* от Иоанна до Петра, и *новую,* от Петра до Александра. Система уделов была характером *первой эпохи,* единовластие — *второй,* изменение гражданских обычаев — *третьей.* Впрочем, нет нужды ставить грани там, где места служат живым урочищем.

С охотою и ревностию посвятив двенадцать лет, и лучшее время моей жизни, на сочинение сих осьми или девяти томов, могу по слабости желать хвалы и бояться осуждения; но смею сказать, что это для меня не главное. Одно славолюбие не могло бы дать мне твердости постоянной, долговременной, необходимой в таком деле, если бы не находил я истинного удовольствия в самом труде и не имел надежды быть полезным, то есть сделать российскую историю известнее для многих, даже и для строгих моих судей.

Благодаря всех, и живых и мертвых, коих ум, знания, таланты, искусство служили мне руководством, поручаю себя снисходительности добрых сограждан. Мы одно любим, одного желаем: любим отечество; желаем ему благоденствия еще более, нежели славы; желаем, да не изменится никогда твердое основание нашего величия; да правила мудрого самодержавия и святой веры более и более укрепляют союз частей; да цветет Россия... по крайней мере долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой!

Декабря 7, 1815

Из главы II

О СЛАВЯНАХ И ДРУГИХ НАРОДАХ, СОСТАВИВШИХ ГОСУДАРСТВО РОССИЙСКОЕ

Происхождение славян российских.— Поляне.— Радимичи и вятичи.— Древляне.— Дулебы и бужане.— Лутичи и тивирцы.— Хорваты, северяне, дреговичи, кривичи, полочане, славяне новогородские.— Киев.— Изборск, Полоцк, Смоленск, Любеч, Чернигов.— Финские или чудские народы в России.— Латышские народы.— Междоусобия славян российских.— Господство и гибель обров.

Нестор пишет, что славяне *издревле обитали* в странах Дунайских и, вытесненные из Мизии болгарами, а из Паннонии волохами (доныне живущими в Венгрии), перешли в Россию, в Польшу и другие земли. Сие известие о первобытном жилище наших предков взято, кажется, из византийских летописцев, которые в VI веке узнали их на берегах Дуная; однако ж Нестор в другом месте говорит, что св. апостол Андрей — проповедуя в Скифии имя Спасителя, поставив крест на горах киевских, еще не населенных, и предсказав будущую славу нашей древней столицы — доходил до Ильменя и нашел там славян; следственно, они, по собственному Несторову сказанию, жили в России уже в первом столетии и гораздо прежде, нежели болгары утвердились в Мизии. Но вероятно, что славяне, угнетенные ими, отчасти действительно возвратились из Мизии к своим северным единоземцам; вероятно и то, что волохи, потомки древних гетов и римских всельников Траянова времени в Дакии, уступив сию землю готфам, гуннам и другим народам, искали убежища в горах и, видя наконец слабость аваров, овладели Трансильванией и частию Венгрии, где славяне долженствовали им покориться.

Может быть, еще за несколько веков до Рождества Христова под именем венедов известные на восточных берегах моря Балтийского, славяне в то же время обитали и внутри России; может быть, андрофаги, меланхлены, невры Геродотовы принадлежали к их племенам многочисленным. Самые древние жители Дакии, геты, покоренные Траяном, могли быть нашими предками: сие

мнение тем вероятнее, что в русских сказках XII столетия упоминается о счастливых войнах Траяновых в Дакии и что славяне российские начинали, кажется, свое летосчисление от времен сего мужественного императора. Заметим еще какое-то древнее предание народов славянских, что праотцы их имели дело с Александром Великим, победителем гетов. Но историк не должен предлагать вероятностей за истину, доказываемую только ясными свидетельствами современников. Итак, оставляя без утвердительного решения вопрос «откуда и когда славяне пришли в Россию», опишем, как они жили в ней задолго до того времени, в которое образовалось наше государство.

Многие славяне, единоплеменные с ляхами, обитавшими на берегах Вислы, поселились на Днепре в Киевской губернии и назывались *полянами* от чистых *полей* своих. Имя сие исчезло в древней России, но сделалось общим именем ляхов, основателей государства польского. От сего же племени славян были два брата, *Радим* и *Вятко,* главами *радимичей* и *вятичей:* первый избрал себе жилище на берегах Сожа, в Могилевской губернии, а второй на Оке, в Калужской, Тульской или Орловской. *Древляне,* названные так от лесной земли своей, обитали в Волынской губернии; *дулебы* и *бужане* по реке Бугу, впадающему в Вислу; *лутичи* и *тивирцы* по Днестру до самого моря и Дуная, уже имея *города* в земле своей; *белые хорваты* в окрестностях гор Карпатских; *северяне,* соседы полян, на берегах Десны, Семи и Сулы, в Черниговской и Полтавской губернии; в Минской и Витебской, между Припетью и Двиною Западною, *дреговичи;* в Витебской, Псковской, Тверской и Смоленской, в верховьях Двины, Днепра и Волги, *кривичи;* а на Двине, где впадает в нее река Полота, единоплеменные с ними *полочане;* на берегах же озера Ильменя собственно так называемые *славяне,* которые *после* Рождества Христова основали Новгород.

К тому же времени летописец относит и начало Киева, рассказывая следующие обстоятельства: «Братья Кий, Щек и Хорив, с сестрою Лыбедью, жили между полянами на трех горах, из коих две слывут, по имени двух меньших братьев, Щековицею и Хоривицею; а старший жил там, где ныне (в Несторово время) *Зборичев взвоз.* Они были мужи знающие и разумные; ловили зверей в тогдашних густых лесах днепровских, построили город и назвали оный именем старшего брата, т. е. *Киевым.* Некоторые считают Кия перевозчиком, ибо

в старину был на сем месте перевоз и назывался Киевым; но Кий начальствовал в роде своем: ходил, как сказывают, в Константинополь, и приял великую честь от царя греческого; на возвратном пути, увидев берега Дуная, полюбил их, срубил городок и хотел обитать в нем; но жители дунайские не дали ему там утвердиться и доныне именуют сие место *городищем Киевцом*. Он скончался в Киеве, вместе с двумя братьями и сестрою». Нестор в повествовании своем основывается единственно на изустных сказаниях: отдаленный многими веками от случаев, здесь описанных, мог ли он ручаться за истину предания, всегда обманчивого, всегда *неверного в подробностях?* Может быть, что Кий и братья его никогда в самом деле не существовали и что вымысел народный обратил названия мест, неизвестно от чего происшедшие, в названия людей. Имя Киева, горы Щековицы, уже забытой, и речки Лыбеди, впадающей в Днепр недалеко от новой Киевской крепости, могли подать мысль к сочинению басни о трех братьях и сестре их, чему находим многие примеры в греческих и северных повествователях, которые, желая питать народное любопытство, во времена невежества и легковерия, из географических названий составляли целые истории и биографии. Но два обстоятельства в сем Несторовом известии достойны особенного замечания: первое, что славяне киевские издревле имели сообщение с Царем-градом, и второе, что они построили городок на берегах Дуная еще задолго до походов россиян в Грецию. Дулебы, поляне днепровские, лутичи и тиверцы могли участвовать в описанных нами войнах славян дунайских, столь ужасных для империи, и заимствовать там разные благодетельные изобретения для жизни гражданской.

Летописец не объявляет времени, когда построены другие славянские, также весьма древние города в России: Изборск, Полоцк, Смоленск, Любеч, Чернигов; знаем только, что первые три основаны кривичами и были уже в девятом веке, а последние в самом начале десятого; но они могли существовать и гораздо прежде. Чернигов и Любеч принадлежали к области северян.

Кроме народов славянских, по сказанию Нестора, жили тогда в России и многие иноплеменные: *меря* вокруг Ростова и на озере Клещине или Переславском; *мурома* на Оке, где сия река впадает в Волгу; *черемиса*, *мещера*, *мордва* на юго-восток от мери; *ливь* в Ливонии, *чудь* в Эстонии и на восток к Ладожскому озеру; *нарова* там, где Нарва; *ямь*, или *емь*, в Финляндии, *весь*

на Белоозере; *пермь* в губернии сего имени; *югра,* или нынешние березовские остяки, на Оби и Сосве; *печора* на реке Печоре. Некоторые из сих народов уже исчезли в новейшие времена или смешалися с россиянами; но другие существуют и говорят языками столь между собою сходственными, что можем несомнительно признать их, равно как и лапландцев, зырян, остяков обских, чуваш, вотяков, народами единоплеменными и назвать вообще *финскими.* Уже Тацит, в первом столетии, говорит о соседственных с венедами финнах, которые жили издревле в полунощной Европе. Лейбниц и новейшие шведские историки согласно думают, что Норвегия и Швеция были некогда населены ими — даже самая Дания, по мнению Гроция. От моря Балтийского до Ледовитого, от глубины европейского севера на восток до Сибири, до Урала и Волги, рассеялися многочисленные племена финнов. Не знаем, когда они в России поселились; но не знаем также и никого старобытнее их в северных и восточных ее климатах. Сей народ, древний и многочисленный, занимавший и занимающий такое великое пространство в Европе и в Азии, не имел историка, ибо никогда не славился победами, не отнимал чуждых земель, но всегда уступал свои: в Швеции и Норвегии готфам, а в России, может быть, славянам, и в одной нищете искал для себя безопасности: «не имея (по словам Тацита) ни домов, ни коней, ни оружия; питаясь травами, одеваясь кожами звериными, укрываясь от непогод под сплетенными ветвями». В Тацитовом описании древних финнов мы узнаем отчасти и нынешних, особенно же лапландцев, которые от предков своих наследовали и бедность, и грубые нравы, и мирную беспечность невежества. «Не боясь ни хищности людей, ни гнева богов,— пишет сей красноречивый историк,— они приобрели самое редкое в мире благо: счастливую от судьбы независимость!»

Но финны российские, по сказанию нашего летописца, уже не были такими грубыми, дикими людьми, какими описывает их римский историк; имели не только постоянные жилища, но и города: весь — Белоозеро, меря — Ростов, мурома — Муром. Летописец, упоминая о сих городах в известиях IX века, не знал, когда они построены.— Древняя история скандинавов (датчан, норвежцев, шведов) часто говорит о двух особенных странах финских, вольных и независимых: Кириаландии и Биармии. Первая от Финского залива простиралась до самого Белого моря, вмещала в себе нынешнюю Фин-

ляндскую, Олонецкую и часть Архангельской губернии; граничила на восток с Биармиею, а на северо-запад с Квенландиею, или Кяяниею. Жители ее беспокоили набегами земли соседственные и славились мнимым волшебством еще более, нежели храбростию. *Биармиею* называли скандинавы всю обширную страну от Северной Двины и Белого моря до реки Печоры, за коею они воображали Иотунгейм, отчизну ужасов природы и злого чародейства. Имя нашей Перми есть одно с именем древней Биармии, которую составляли Архангельская, Вологодская, Вятская и Пермская губернии. *Исландские повести* наполнены сказаниями о сей великой финской области; но баснословие их может быть любопытно для одних легковерных. Первое, действительно историческое свидетельство о Биармии находим в путешествии норвежского мореходца Отера, который в девятом веке окружил Норд-Кап, доплыл до самого устья Северной Двины, слышал от жителей многое о стране их и землях соседственных, но сказывает единственно то, что народ биармский многочислен и говорит почти одним языком с финнами.

Между сими иноплеменными народами, жителями или соседями древней России, Нестор именует еще летголу (ливонских латышей), зимголу (в Семигалии), корсь (в Курляндии) и литву, которые не принадлежат к финнам, но вместе с древними пруссами составляют народ латышский. В языке его находится множество славянских, довольно готфских и финских слов, из чего основательно заключают историки, что латыши происходят от сих народов. С великою вероятностию можно определить даже и начало бытия их. Когда готфы удалились к пределам империи, тогда венеды и финны заняли юго-восточные берега моря Балтийского; смешались там с остатками первобытных жителей, т. е. готфами; начали истреблять леса для хлебопашества и прозвалися латышами, или *обитателями земель расчищенных,* ибо *лата* знаменует на языке литовском *расчищение.* Их, кажется, называет Иорнанд видивариями, которые в половине шестого века жили около Данцига и состояли из разных народов: с чем согласно и древнее предание латышей, уверяющих, что их первый государь, именем Видвут, царствовал на берегах Вислы и там образовал народ свой, который населил Литву, Пруссию, Курляндию, Латландию, где он и доныне находится и где, до самого введения христианской веры, управлял им северный далайлама, главный судия и священник Криве, живший в прусском местечке Ромове.

Многие из сих финских и латышских народов, по словам Нестора, были данниками россиян: должно разуметь, что летописец говорит уже о своем времени, то есть о XI веке, когда предки наши овладели почти всею нынешнею Россиею Европейскою. До времен Рюрика и Олега они не могли быть великими завоевателями, ибо жили особенно, по коленам, не думали соединять народных сил в общем правлении и даже изнуряли их войнами междоусобными. Так, Нестор упоминает о нападении древлян, лесных обитателей и прочих окрестных славян на тихих полян киевских, которые более их наслаждались выгодами состояния гражданского и могли быть предметом зависти. Люди грубые, полудикие не знают духа народного и хотят лучше вдруг отнять, нежели медленно присвоить себе такие выгоды мирным трудолюбием. Сие междоусобие предавало славян российских в жертву внешним неприятелям. Обры, или авары, в VI и VII веке господствуя в Дакии, повелевали и дулебами, обитавшими на Буге; нагло оскорбляли целомудрие жен славянских и впрягали их, вместо волов и коней, в свои колесницы; но сии варвары, *великие телом и гордые умом* (пишет Нестор), исчезли в нашем отечестве от моровой язвы, и гибель их долго была пословицею в земле Русской.— Скоро явились другие завоеватели: на юге — козары, варяги — на севере.

Из главы III

О ФИЗИЧЕСКОМ И НРАВСТВЕННОМ ХАРАКТЕРЕ СЛАВЯН ДРЕВНИХ

Их природное сложение и свойства: храбрость, хищность, жестокость, добродушие, гостеприимство.— Брачное целомудрие.— Жены и дети.— Нравы славян российских в особенности.— Жилища.— Скотоводство и земледелие.— Пища, одежда.— Торговля.— Искусства: зодчество, музыка, пляска, игры.— Счисление.— Имена месяцев.— Правление.— Вера.— Язык и грамота.

Не только в степенях гражданского образования, в обычаях и нравах, в душевных силах и способностях ума, но и в самых телесных свойствах видим такое различие между народами, что остроумнейший писатель XVIII века, Вольтер, не хотел верить их

общему происхождению от единого корня или племени. Другие, конечно, справедливее и сообразнее с нашими священными преданиями, изъясняют сие несходство действием разных климатов и естественных, невольных привычек, которые от оного рождаются в людях. Если два народа, обитающие под влиянием одного неба, представляют нам великое различие в своей наружности и в физических свойствах, то можем смело заключить, что они не всегда жили сопредельно. Климат умеренный, нежаркий, даже холодный, способствуя долголетию, как замечают медики, благоприятствует и крепости состава и действию сил телесных. Обитатель южного пояса, томимый зноем, отдыхает более, нежели трудится,— слабеет в неге и в праздности. Но житель полунощных земель любит движение, согревая им кровь свою; любит деятельность; привыкает сносить частые перемены воздуха и терпением укрепляется. Таковы были древние славяне по описанию современных историков, которые согласно изображают их бодрыми, сильными, неутомимыми. Презирая непогоды, свойственные климату северному, они сносили голод и всякую нужду; питались самою грубою, сырою пищею; удивляли греков своею быстротою; с чрезвычайною легкостию всходили на крутизны, спускались в расселины; смело бросались в опасные болота и в глубокие реки. Думая без сомнения, что главная красота мужа есть крепость в теле, сила в руках и легкость в движениях, славяне мало пеклися о своей наружности: в грязи, в пыли, без всякой опрятности в одежде, являлись во многочисленном собрании людей. Греки, осуждая сию нечистоту, хвалят их стройность, высокий рост и мужественную приятность лица. Загорая от жарких лучей солнца, они казались смуглыми и все без исключения были русые, подобно другим коренным европейцам. Сие изображение славян и антов основано на свидетельстве Прокопия и Маврикия, которые знали их в VI веке.

Известие Иорнанда о венедах, без великого труда покоренных в IV веке готфским царем Эрманарихом, показывает, что они еще не славились тогда воинским искусством. Послы отдаленных славян балтийских, ушедших из Баянова стана во Фракию, также описывали народ свой тихим и миролюбивым; но славяне дунайские, оставив свое древнее отечество на севере, в VI веке доказали Греции, что храбрость была их природным свойством и что она с малою опытностию торжествует над искусством долголетным. Несколько вре-

мени славяне убегали сражений в открытых полях и боялись крепостей; но, узнав, как ряды легионов римских могут быть разрываемы нападением быстрым и смелым, уже нигде не отказывались от битвы и скоро научились брать места укрепленные. Греческие летописи не упоминают ни об одном главном или общем полководце славян: они имели вождей только частных; сражались не стеною, не рядами сомкнутыми, но толпами рассеянными, и всегда пешие, следуя не общему велению, не единой мысли начальника, а внушению своей особенной, личной смелости и мужества; не зная благоразумной осторожности, которая предвидит опасность и бережет людей, но бросаясь прямо в середину врагов. Чрезвычайная отважность славян была столь известна, что хан аварский всегда ставил их впереди своего многочисленного войска, и сии люди неустрашимые, видя иногда измену хитрых аваров, гибли с отчаянием. Византийские историки пишут, что славяне, сверх их обыкновенной храбрости, имели особенное искусство биться в ущельях, скрываться в траве, изумлять неприятелей мгновенным нападением и брать их в плен. Так знаменитый Велизарий, при осаде Авксима, избрал в войске своем славянина, чтобы схватить и представить ему одного готфа живого. Они умели еще долгое время таиться в реках и дышать свободно посредством сквозных тростей, выставляя конец их на поверхность воды. Древнее оружие славянское состояло в мечах, дротиках, стрелах, намазанных ядом, и в больших, весьма тяжелых щитах.

Храбрость, всегда знаменитое свойство народное, может ли в людях полудиких основываться на одном славолюбии, сродном только человеку образованному? Скажем смело, что она была в мире злодейством прежде, нежели обратилась в добродетель, которая утверждает благоденствие государств: хищность родила ее, корыстолюбие питало. Славяне, одобренные воинскими успехами, чрез некоторое время долженствовали открыть в себе гордость народную, благородный источник дел славных: ответ Лавритаса послу Баянову доказывает уже сию великодушную гордость; но что могло сначала вооружить их против римлян? Не желание славы, а желание добычи, которою пользовались готфы, гунны и другие народы: ей жертвовали славяне своею жизнию и никаким другим варварам не уступали в хищности. Поселяне римские, слыша о переходе войска их за Дунай, оставляли домы и спасались бегством в Кон-

стантинополь со всем имением; туда же спешили и священники с драгоценною утварию церковною. Иногда, гонимые сильнейшими легионами империи и не имея надежды спасти добычу, славяне бросали ее в пламя и врагам своим оставляли на пути одни кучи пепла. Многие из них, не боясь поиска римлян, жили на полуденных берегах Дуная в пустых замках или пещерах, грабили селения, ужасали земледельцев и путешественников.— Летописи VI века изображают самыми черными красками жестокость славян в рассуждении греков; но сия жестокость, свойственная, впрочем, народу необразованному и воинственному, была также и действием мести. Греки, озлобленные их частыми нападениями, безжалостно терзали славян, которые попадались им в руки и которые сносили всякое истязание с удивительною твердостию, без вопля и стона; умирали в муках и не ответствовали ни слова на расспросы врага о числе и замыслах войска их.— Таким образом славяне свирепствовали в Империи и не щадили собственной крови для приобретения драгоценностей, им ненужных, ибо они — вместо того, чтобы пользоваться ими — обыкновенно зарывали их в землю.

Сии люди, на войне жестокие, оставляя в греческих владениях долговременную память ужасов ее, возвращались домой с одним своим природным добродушием. Современный историк говорит, что они не знали ни лукавства, ни злости, хранили древнюю простоту нравов, неизвестную тогдашним грекам; обходились с пленными дружелюбно и назначали всегда срок для их рабства, отдавая им на волю, или выкупить себя и возвратиться в отечество, или жить с ними в свободе и братстве.

Столь же единогласно хвалят летописи общее гостеприимство славян, редкое в других землях и доныне весьма обыкновенное во всех славянских: так следы древних обычаев сохраняются в течение многих веков и самое отдаленное потомство наследует нравы своих предков. Всякий путешественник был для них как бы священным: встречали его с лаской, угощали с радостию, провожали с благословением и сдавали друг другу на руки. Хозяин ответствовал народу за безопасность чужеземца, и кто не умел сберечь гостя от беды или неприятности, тому мстили соседы за сие оскорбление, как за собственное. Славянин, выходя из дому, оставлял дверь отворенную и пищу готовую для странника. Купцы, ремесленники охотно посещали славян, между которыми не было для них ни воров, ни разбойников; но бед-

ному человеку, не имевшему способа хорошо угостить иностранца, позволялось украсть все нужное для того у соседа богатого: важный долг гостеприимства оправдывал и самое преступление. Нельзя видеть без удивления сию кроткую добродетель, можно сказать — *обожаемую* людьми, столь грубыми и хищными, каковы были дунайские славяне. Но если и добродетели, и пороки народные всегда происходят от некоторых особенных обстоятельств и случаев, то не можно ли заключить, что славяне были некогда облаготворены иностранцами, что признательность вселила в них любовь к гостеприимству, а время обратило его в обыкновение и закон священный?.. Здесь представляются мыслям нашим славные финикияне, которые за несколько веков до Рождества Христова могли торговать с балтийскими венедами и быть их наставниками в счастливых изобретениях ума гражданского.

Древние писатели хвалят целомудрие не только жен, но и мужей славянских. Требуя от невест доказательства их девственной непорочности, они считали за святую для себя обязанность быть верными супругам. Славянки не хотели переживать мужей и добровольно сожигались на костре с их трупами. Вдова живая бесчестила семейство. Думают, что сие варварское обыкновение, истребленное только благодетельным учением христианской веры, введено было славянами (равно как и в Индии) для отвращения тайных мужеубийств; осторожность ужасная не менее самого злодеяния, которое предупреждалось ею. Они считали жен совершенными рабами, во всяком случае безответными; не дозволяли им ни противоречить себе, ни жаловаться; обременяли их трудами, заботами хозяйственными и воображали, что супруга, умирая вместе с мужем, должна служить ему и на том свете. Сие рабство жен происходило, кажется, оттого, что мужья обыкновенно покупали их: обычай, доныне соблюдаемый в Иллирии. Удаленные от дел народных, славянки ходили иногда на войну с отцами и супругами, не боясь смерти: так при осаде Константинополя, в 626 году, греки нашли между убитыми славянами многие женские трупы. Мать, воспитывая детей, готовила их быть воинами и непримиримыми врагами тех людей, которые оскорбили ее ближних; ибо славяне, подобно другим народам языческим, стыдились забывать обиду. Страх неумолимой мести отвращал иногда злодеяния: в случае убийства не только сам преступник, но и весь народ его беспрестанно ожидал своей гибели от детей убитого, которые требовали крови за кровь.

Говоря о жестоких обычаях славян языческих, скажем еще, что всякая мать имела у них право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишком многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденного служить отечеству. Сему обыкновению не уступало в жестокости другое: право детей умерщвлять родителей, обремененных старостию и болезнями, тягостных для семейства и бесполезных согражданам. Так народы самые добродушные, без правил ума образованного и веры истинной, с спокойною совестию могут ужасать природу своими делами и превосходить зверей в лютости! Сии дети, следуя общему примеру, как закону древнему, не считали себя извергами: они, напротив того, славились почтением к родителям и всегда пеклись об их благосостоянии.

К описанию общего характера славян прибавим, что Нестор особенно говорит о нравах славян российских. Поляне были образованнее других, кротки и тихи обычаем; стыдливость украшала их жен; брак издревле считался святою обязанностию между ними; мир и целомудрие господствовали в семействах. Древляне же имели обычаи дикие, подобно зверям, с коими они жили среди лесов темных, питаясь всякою нечистотою; в распрях и ссорах убивали друг друга; не знали браков, основанных на взаимном согласии родителей и супругов, но уводили или похищали девиц.— Северяне, радимичи и вятичи уподоблялись нравами древлянам; также не ведали ни целомудрия, ни союзов брачных; но молодые люди обоего пола сходились на игрища между селениями: женихи выбирали невест и без всяких обрядов соглашались жить с ними вместе; многоженство было у них в обыкновении.

Сии три народа, подобно древлянам, обитали во глубине лесов, которые были их защитою от неприятелей и представляли им удобность для звериной ловли. То же самое говорит история VI века о славянах дунайских. Они строили бедные свои хижины в местах диких, уединенных, среди болот непроходимых, так что иностранец не мог путешествовать в их земле без вожатого. Беспрестанно ожидая врага, славяне брали еще и другую предосторожность: делали в жилищах своих разные выходы, чтобы им можно было, в случае нападения, тем скорее спастися бегством, и скрывали в глубоких ямах не только все драгоценные вещи, но и самый хлеб.

Ослепленные безрассудным корыстолюбием, они искали мнимых сокровищ в Греции, имея в стране своей,

в Дакии и в окрестностях ее истинное богатство людей: тучные луга для скотоводства и земли плодоносные для хлебопашества, в коем они издревле упражнялись и которое вывело их — может быть, еще за несколько веков до Рождества Христова — из дикого, кочевого состояния, ибо сие благодетельное искусство было везде первым шагом человека к жизни гражданской, вселило в него привязанность к одному месту и к домашнему крову, дружество к соседу и, наконец, самую любовь к отечеству.— Думают, что славяне узнали скотоводство только в Дакии, ибо слово *пастырь* есть латинское, следственно заимствованное ими от жителей сей земли, где язык римлян был в употреблении; но сия мысль кажется неосновательною. Будучи в северном своем отечестве соседами народов германских, скифских и сарматских, богатых скотоводством, венеды или славяне долженствовали издревле ведать сие важное изобретение человеческого хозяйства, едва ли не везде предупредившее науку земледелия.— Пользуясь уже тем и другим, они имели все нужное для человека; не боялись ни голода, ни свирепостей зимы: поля и животные давали им пищу и одежду. В VI веке славяне питались просом, гречихою и молоком; а после выучились готовить разные вкусные яства, не жалея ничего для веселого угощения друзей и доказывая в таком случае свое радушие изобильною трапезою: обыкновение, еще и ныне наблюдаемое потомством славянским. Мед был их любимым питьем: вероятно, что они сначала делали его из меду лесных, диких пчел; а наконец, и сами разводили их.— Венеды, по известию Тацитову, не отличались одеждою от германских народов, т. е. едва закрывали наготу свою. Славяне в VI веке сражались без кафтанов, некоторые даже без рубах, в одних портах. Кожи зверей, лесных и домашних, согревали их в холодное время. Женщины носили длинное платье, украшаясь бисером и металлами, добытыми на войне или вымененными у купцов иностранных.

Сии купцы, пользуясь совершенною безопасностию в землях славянских, привозили им товары и меняли их на скот, полотно, кожи, хлеб и разную воинскую добычу.— В VIII веке славяне сами ездили для купли и продажи в чужие земли. Карл Великий поручил торговлю с ними в немецких городах особенному надзиранию своих чиновников. В средних веках цвели уже некоторые торговые города славянские: Виннета, или Юлин, при устье Одера, Аркона на острове Рюгене, Демин, Волгаст в

Померании и другие. Первую описывает Гельмольд следующим образом: «Там, где река Одер впадает в море Балтийское, славилась некогда Виннета, лучшая пристань для народов соседственных. О сем городе рассказывают много удивительного; уверяют, что он превосходил величием все иные города европейские... Саксонцы могли обитать в нем, но долженствовали таить христианскую веру свою: ибо граждане Виннеты усердно следовали обрядам язычества; впрочем, не уступали никакому народу в честности, добронравии и ласковом гостеприимстве. Обогащенная товарами разных земель, Виннета изобиловала всем приятным и редким. Повествуют, что король датский, пришедший с флотом сильным, разрушил ее до основания; но и ныне — т. е. в XII веке — существуют остатки сего древнего города». Впрочем, торговля славян до введения христианства в их землях состояла только в обмене вещей: они не употребляли денег и брали золото от чужестранцев единственно как товар.

Быв в империи и видев собственными глазами изящные творения греческих художеств, наконец, строя города и занимаясь торговлею, славяне имели некоторое понятие об искусствах, соединенных с первыми успехами разума гражданского. Они вырезывали на дереве образы человека, птиц, зверей и красили их разными цветами, которые не изменялись от солнечного жара и не смывались дождем. В древних могилах вендских нашлися многие глиняные урны, весьма хорошо сделанные, с изображением львов, медведей, орлов и покрытые лаком; также копья, ножи, мечи, кинжалы, искусно выработанные, с серебряною оправою и насечкою. Чехи задолго до времен Карла Великого занимались уже рудокопанием, и в герцогстве Мекленбургском, на южной стороне Толлензского озера, в Прильвице, найдены в XVII веке медные истуканы богов славянских, работы их собственных художников, которые, впрочем, не имели понятия о красоте металлических изображений, отливая голову, стан и ноги в разные формы и весьма грубо. Так было и в Греции, где во времена Гомеровы художники уже славились ваянием, но еще не умели отливать статуй в одну форму.— Памятником каменосечного искусства древних славян остались большие гладко обделанные плиты, на коих выдолблены изображения рук, пят, копыт и проч.

Любя воинскую деятельность и подвергая жизнь свою беспрестанным опасностям, предки наши мало успевали в зодчестве, требующем времени, досуга, терпе-

ния, и не хотели строить себе домов прочных: не только в шестом веке, но и гораздо после обитали в шалашах, которые едва укрывали их от непогод и дождя. Самые города славянские были не что иное, как собрание хижин, окруженных забором или земляным валом. Там возвышались храмы идолов, не такие великолепные здания, какими гордились Египет, Греция и Рим, но большие деревянные кровы. Венеды называли их *гонтинами*, от слова *гонт*, доныне означающего на русском языке особенный род тесниц, употребляемых для кровли домов.

Не зная выгод роскоши, которая сооружает палаты и выдумывает блестящие наружные украшения, древние славяне в низких хижинах своих умели наслаждаться действием так называемых искусств изящных. Первая нужда людей есть пища и кров, вторая — удовольствие,— и самые дикие народы ищут его в согласии звуков, веселящих душу посредством слуха. Северные венеды в VI веке сказывали греческому императору, что главное услаждение жизни их есть музыка и что они берут обыкновенно в путь с собою не оружие, а кифары или гусли, ими выдуманные. Волынка, гудок и дудка были также известны предкам нашим, ибо все народы славянские доныне любят их. Не только в мирное время и в отчизне, но и в набегах своих, в виду многочисленных врагов, славяне веселились, пели и забывали опасность. Так Прокопий, описывая в 592 году ночное нападение греческого вождя на их войско, говорит, что они усыпили себя песнями и не взяли никаких мер осторожности. Некоторые народные песни славянские в Лаузице, в Люнебурге, в Далмации кажутся древними; также и старинные припевы русских, в коих величаются имена богов языческих и реки Дуная, любезного нашим предкам, ибо на берегах его искусились они некогда в воинском счастии. Вероятно, что сии песни, мирные в первобытном отечестве венедов, еще не знавших славы и победы, обращались в воинские, когда народ их приблизился к империи и вступил в Дакию; вероятно, что они воспламеняли сердца огнем мужества, представляли уму живые картины битв и кровопролития, сохраняли память дел великодушия и были в некотором смысле древнейшею историею славянскою. Так везде рождалось стихотворчество, изображая главные склонности народные; так песни самых нынешних кроатов более всего славят мужество и память великих предков; но другие, любимые немецкими вендами возбуждают только к веселью и к счастливому забвению житейских горестей; иные же

совсем не имеют смысла, подобно некоторым русским, нравятся одним согласием звуков и мягких слов, действуя только на слух и не представляя ничего разуму.

Сердечное удовольствие, производимое музыкою, заставляет людей изъявлять оное разными телодвижениями: раздается *пляска* — любимая забава самых диких народов. По нынешней русской, богемской, далматской можем судить о древней пляске славян, которою они торжествовали священные обряды язычества и всякие приятные случаи: она состоит в том, чтобы, в сильном напряжении мышцей, взмахивать руками, вертеться на одном месте, приседать, топать ногами, и соответствует характеру людей крепких, деятельных, неутомимых.— Народные игры и потехи, доныне единообразные в землях славянских: борьба, кулачный бой, беганье взапуски, остались также памятником их древних забав, представляющих нам образ войны и силы.

В дополнение к сим известиям заметим, что славяне, еще не зная грамоты, имели некоторые сведения в арифметике, в хронологии. Домоводство, война, торговля приучили их ко многосложному счислению; имя *тма*, знаменующее 10 000, есть древнее славянское. Наблюдая течение года, они, подобно римлянам, делили его на 12 месяцев, и каждому из оных дали название, согласное с временными явлениями или действиями природы: генварю — *просинец* (вероятно, от *синеты* неба), февралю — *сечень*, марту — *сухий*, апрелю — *березозол* (думаю, от золы березовой), маю — *травный*, июню — *изок* (так называлась у славян какая-то певчая птица), июлю — *червен* (не от красных ли плодов или ягод?), августу—*зарев* (от зари или зарницы), сентябрю—*рюен* (или *ревун*, как толкуют: от *рева* зверей), октябрю — *листопад*, ноябрю—*груден* (от *груд* снега или мерзлой грязи?), декабрю — *студеный*. Столетие называлось *веком*, то есть жизнию человеческою; во свидетельство, сколь предки наши обыкновенно долгоденствовали, одаренные крепким сложением и здравые физическою деятельностию.

О славянах российских Нестор пишет, что они, как и другие, не знали единовластия, наблюдая закон отцов своих, древние обычаи и предания, о коих еще в VI веке упоминает греческий историк и которые имели для них силу законов писаных, ибо гражданские общества не могут образоваться без уставов и договоров, основанных на справедливости. Но как сии условия требуют блюстителей и власти наказывать преступника, то и самые дикие народы избирают посредников между людьми

и законом. Хотя летописец наш не говорит о том, но российские славяне, конечно, имели властителей, с правами, ограниченными народною пользою и древними обыкновениями вольности. В договоре Олега с греками в 911 году упоминается уже *о великих боярах русских*: сие достоинство, знак воинской славы, конечно, не варягами было введено в России, ибо оно есть древнее славянское. Самое имя князя, данное нашими предками Рюрику, не могло быть новым, но, без сомнения, и прежде означало у них знаменитый сан гражданский или воинский.

Общежитие, пробуждая или ускоряя действие разума сонного, медленного в людях диких, рассеянных, по большей части уединенных, рождает не только законы и правление, но и самую веру, столь естественную для человека, столь необходимую для гражданских обществ, что мы ни в мире, ни в истории не находим народа, совершенно лишенного понятий о Божестве. Люди и народы, чувствуя зависимость или слабость свою, укрепляются, так сказать, мыслию о Силе Вышней, которая может спасти их от ударов рока, неотвратимых никакою мудростию человеческою,— хранить добрых и наказывать тайные злодейства. Сверх того вера производит еще теснейшую связь между согражданами. Чтя одного Бога и служа ему единообразно, они сближаются сердцами и духом. Сия выгода так явна и велика для гражданского общества, что она не могла укрыться от внимания самых первых его основателей, или отцов семейства.

В России, до введения христианской веры, первую степень между идолами занимал *Перун*, бог молнии, которому славяне еще в VI веке поклонялись, обожая в нем верховного *Миироправителя.* Кумир его стоял в Киеве на холме, вне двора Владимирова, а в Новегороде над рекою Волховом был деревянный, с серебряною головою и с золотыми усами. Летописец именует еще идолов *Хорса, Дажебога, Стрибога, Самаргла* и *Мокоша*, не объявляя, какие свойства и действия приписывались им в язычестве. В договоре Олега с греками упоминается еще о *Волосе*, которого именем и Перуновым клялися россияне в верности, имев к нему особенное уважение, ибо он считался покровителем скота, главного их богатства.— Сии известия Несторовы можем дополнить новейшими, напечатанными в Киевском Синопсисе. Хотя они выбраны отчасти из польских ненадежных историков, но, будучи согласны с древними обыкновениями народа русского, кажутся вероятными, по крайней мере достойными замечания.

Бог веселия, любви, согласия и всякого благополучия именовался в России *Ладо;* ему жертвовали вступающие в союз брачный, с усердием воспевая имя его, которое слышим и ныне в старинных припевах. Стриковский называет сего бога латышским: в Литве и Самогитии, народ праздновал ему от 25 мая до 25 июня — отцы и мужья в гостиницах, а жены и дочери на улицах и на лугах; взявшись за руки, они плясали и пели: *Ладо, Ладо, диди-Ладо,* то есть *великий Ладо.* Такое же обыкновение доныне существует в деревнях наших: молодые женщины весною собираются играть и петь Лада, диди-Лада. Мы уже заметили, что славяне охотно умножали число идолов своих и принимали чужеземных. Русские язычники, как пишет Адам Бременский, ездили в Курляндию и в Самогитию для поклонения кумирам; следственно, имели одних богов с латышами, ежели не все, то хотя некоторые славянские племена в России, вероятно, кривичи: ибо название их свидетельствует, кажется, что они признавали латышского первосвященника *Криве* главою веры своей. Впрочем, Ладо мог быть и древним славянским божеством: жители Молдавии и Валахии в некоторых суеверных обрядах доныне твердят имя Лада.

Купалу, богу земных плодов, жертвовали пред собиранием хлеба, 23 июня, в день св. Агриппины, которая для того прозвана в народе *Купальницею.* Молодые люди украшались венками, раскладывали ввечеру огонь, плясали около его и воспевали *Купала.* Память сего идолослужения сохранилась в некоторых странах России, где ночные игры деревенских жителей и пляски вокруг огня с невинным намерением совершаются в честь идола языческого. В Архангельской губернии многие поселяне 23 июня топят бани, настилают в них траву *купальницу* (лютик, ranunculus acris) и после купаются в реке. Сербы накануне или в самое Рождество Иоанна Предтечи, сплетая *Ивановские венки,* вешают их на кровли домов и на хлевах, чтобы удалить злых духов от своего жилища.

24 декабря язычники русские славили Коляду, бога торжеств и мира. Еще и в наше время, накануне Рождества Христова, дети земледельцев собираются *колядовать* под окнами богатых крестьян, величают хозяина в песнях, твердят имя *Коляды* и просят денег. Святошные игрища и гадание кажутся остатком сего языческого праздника.

В суеверных преданиях народа русского открываем также некоторые следы древнего славянского богопочитания: доныне простые люди говорят у нас о *леших,*

которые видом подобны сатирам, живут будто бы в темноте лесов, равняются с деревьями и с травою, ужасают странников, обходят их кругом и сбивают с пути; о *русалках,* или нимфах дубрав (где они бегают с распущенными волосами, особенно перед Троициным днем), о благодетельных и злых *домовых,* о ночных *кикиморах* и проч.

Таким образом, грубый ум людей непросвещенных заблуждается во мраке идолопоклонства и творит богов на всяком шагу, чтобы изъяснять действия природы и в неизвестностях рока успокаивать сердце надеждою на вышнюю помощь! — Желая выразить могущество и грозность богов, славяне представляли их великанами, с ужасными лицами, со многими головами. Греки хотели, кажется, любить своих идолов (изображая в них примеры человеческой стройности), а славяне только бояться; первые обожали красоту и приятность, а вторые — одну силу и, еще не довольствуясь собственным противным видом истуканов, окружали их гнусными изображениями ядовитых животных: змей, жаб, ящериц и проч.

О капищах славян российских не имеем никакого сведения: Нестор говорит только об идолах и жертвенниках; но удобность приносить жертвы во всякое время и почтение к святыне кумиров требовали защиты и крова, особенно же в странах северных, где холод и ненастье столь обыкновенны и продолжительны. Нет сомнения, что на холме Киевском и на берегу Волхова, где стоял Перун, были храмы, конечно не огромные и не великолепные, но сообразные с простотою тогдашних нравов и с малым сведением людей в искусстве зодческом.

Нестор также не упоминает о жрецах в России; но всякая народная вера предполагает обряды, коих совершение поручается некоторым избранным людям, уважаемым за их добродетель и мудрость, действительную или мнимую. По крайней мере все другие народы славянские имели жрецов, блюстителей веры, посредников между совестию людей и богами. Не только в капищах, но и при всяком священном дереве, при всяком обожаемом источнике находились особенные хранители, которые жили подле оных, в маленьких хижинах, и питались жертвою, приносимою их божествам. Они пользовались народным уважением, имели исключительное право отпускать себе длинную бороду, сидеть во время жертвоприношений и входить во внутренность святилища. Воин, совершив какое-нибудь счастливое предприятие и желая изъявить благодарность идолам, разделял

свою добычу с их служителями. Правители народа, без сомнения, утверждали его в почтении к жрецам, которые именем богов могли обуздывать своевольство людей грубых, новых в гражданской связи и еще не смиренных действием власти постоянной. Некоторые жрецы, обязанные своим могуществом или собственной хитрости, или отменной славе их капищ, употребляли его во зло и присваивали себе гражданскую власть. Так первосвященник ругенский, уважаемый более самого короля, правил многими славянскими племенами, которые без его согласия не дерзали ни воевать, ни мириться; налагал подати на граждан и купцов чужеземных, содержал 300 конных воинов и рассылал их всюду для грабежа, чтобы умножать сокровища храма, более ему, нежели идолу принадлежавшие. Сей главный жрец отличался от всех людей длинными волосами, бородою, одеждою.

Священники именем народа приносили жертвы и предсказывали будущее. В древнейшие времена славяне заклали в честь Богу невидимому одних волов и других животных; но после, омраченные суеверием идолопоклонства, обагряли свои требища кровию христиан, выбранных по жребию из пленников или купленных у морских разбойников. Жрецы думали, что идол увеселяется христианскою кровию, и к довершению ужаса пили ее, воображая, что она сообщает дух пророчества.— В России также приносили людей в жертву, по крайней мере во времена Владимировы. Балтийские славяне дарили идолам головы убиенных опаснейших неприятелей.

Жрецы гадали будущее посредством коней. В арконском храме держали белого, и суеверные думали, что Святовид ездит на нем всякую ночь. В случае важного намерения водили его чрез копья: если он шагал сперва не левою, а правою ногою, то народ ожидал славы и богатства. В Штетине сей конь, порученный одному из четырех священников главного храма, был вороной и предвещал успех, когда совсем не касался ногами до копий. В Ретре гадатели садились на землю, шептали некоторые слова, рылись в ее недрах и по веществам, в ней находимым, судили о будущем. Сверх того, в Арконе и в Штетине жрецы бросали на землю три маленькие дощечки, у коих одна сторона была черная, а другая белая: если они ложились вверх белою, то обещали хорошее; черная означала бедствие. Самые женщины ругенские славились гаданием; они, сидя близ разложенного огня, проводили многие черты на пепле, которых равное число знаменовало успех дела.

Любя народные торжества, языческие славяне уставили в году разные праздники. Главный из них был по собрании хлеба и совершался в Арконе таким образом: первосвященник накануне должен был вымести святилище, неприступное для всех, кроме его; в день торжества, взяв из руки Святовида рог, смотрел, наполнен ли он вином, и по тому угадывал будущий урожай; выпив вино, снова наполнял им сосуд и вручал Святовиду; приносил богу своему медовый пирог, длиною в рост человеческий; спрашивал у народа, видит ли его, и желал, чтобы в следующий год сей пирог был уже съеден идолом, в знак счастия для острова; наконец, объявлял всем благословение Святовида, обещая воинам победу и добычу. Другие славяне, торжествуя собрание хлеба, обрекали петуха в дар богам, и пивом, освященным на жертвеннике, обливали скот, чтобы предохранить его от болезней. В Богемии славился майский *праздник источников.*— Дни народного суда в Вагрии, когда старейшины, осененные священными дубами, в мнимом присутствии своего бога Прова решили судьбу граждан, были также днями общего веселия. Мы упоминали, единственно по догадке, о языческих торжествах славян российских, которых потомки доныне празднуют весну, любовь и бога *Лада* в сельских хороводах, веселыми и шумными толпами ходят завивать венки в рощах, ночью посвящают огни *Купалу* и зимою воспевают имя *Коляды.*— Во многих землях славянских сохранились также следы *праздника в честь мертвых:* в Саксонии, в Лаузице, Богемии, Силезии и Польше, народ 1 марта ходил в час рассвета с факелами на кладбище и приносил жертвы усопшим.— В сей день немецкие славяне выносят из деревни соломенную чучелу, образ смерти; сожигают ее или бросают в реку и славят лето песнями.— В Богемии строили еще какие-то феатры на распутиях *для успокоения душ* и представляли на них, в личинах, тени мертвых, сими играми торжествуя память их. Такие обыкновения не доказывают ли, что славяне имели некоторое понятие о бессмертии души, хотя Дитмар, историк XI века, утверждает противное, говоря, будто бы они временную смерть, или разрушение тела, считали совершенным концом бытия человеческого.

Погребение мертвых было также действием священным между языческими славянами. Историки немецкие — более догадкою, основанною на древних обычаях и преданиях, нежели по известиям современных авторов — описывают оное следующим образом: старейши-

на деревни объявлял жителям смерть одного из них посредством черного жезла, носимого со двора на двор. Все они провожали труп с ужасным воем, и некоторые женщины, в белой одежде, лили слезы в маленькие сосуды, называемые *плачевными*. Разводили огонь на кладбище и сожигали мертвого с его женою, конем, оружием; собирали пепел в урны, глиняные, медные или стеклянные, и зарывали вместе с плачевными сосудами. Иногда сооружали памятники: обкладывали могилу дикими камнями или ограждали столпами. Печальные обряды заключались веселым торжеством, которое именовалось *стравою* и было еще в VI веке причиною великого бедствия для славян: ибо греки воспользовались временем сего *пиршества в честь мертвых* и наголову побили их войско.

Славяне российские — кривичи, северяне, вятичи, радимичи — *творили* над умершими *тризну:* показывали силу свою в разных играх воинских, сожигали труп на большом костре и, заключив пепел в урну, ставили ее на столпе в окрестности дорог. Сей обряд, сохраненный вятичами и кривичами до времен Нестора, изъявляет воинственный дух народа, который праздновал смерть, чтобы не страшиться ее в битвах, и печальными урнами окружал дороги, чтобы приучить глаза и мысли свои к сим знакам человеческой тленности. Но славяне киевские и волынские издревле погребали мертвых; некоторые имели обыкновение вместе с трупом зарывать в землю *сплетенные из ремней лестницы;* ближние умершего язвили лица свои и закалали на могиле любимого коня его.

Собрав исторические достопамятности славян древних, скажем нечто о языке их. Греки в VI веке находили его весьма грубым. Выражая первые мысли и потребности людей необразованных, рожденных в климате суровом, он должен был казаться диким в сравнении с языком греческим, смягченным долговременною жизнию в порядке гражданском, удовольствиями роскоши и нежным слухом людей, искони любивших искусства приятные. Не имея никаких памятников сего первобытного языка славянского, можем судить о нем только по новейшим, из коих самыми древними считаются наша Библия и другие церковные книги, переведенные в IX веке св. Кириллом, Мефодием и помощниками их. Но славяне, приняв христианскую веру, заимствовали с нею новые мысли, изобрели новые слова, выражения, и язык их в средних веках, без сомнения, так же отличался от

древнего, как уже отличается от нашего. Рассеянные по Европе, окруженные другими народами и нередко ими покоряемые, славянские племена утратили единство языка, и в течение времен произошли разные его наречия, из коих главные суть:

1) *русское*, более всех других образованное и менее всех других смешанное с чужеземными словами. Победы, завоевания и величие государственное, возвысив дух народа российского, имели счастливое действие и на самый язык его, который, будучи управляем дарованием и вкусом писателя умного, может равняться ныне в силе, красоте и приятности с лучшими языками древности и наших времен. Будущая судьба его зависит от судьбы государства;

2) *польское,* смешанное со многими латинскими и немецкими словами: им говорят не только в бывшем Королевстве Польском, но и в некоторых местах Пруссии, дворяне в Литве и народ в Силезии, по сю сторону Одера;

3) *чешское,* в Богемии, в Моравии и Венгрии, по утверждению Иорданову ближайшее к нашему древнему переводу Библии, а по мнению других богемских ученых, среднее между кроатским и польским. Венгерское наречие именуется *словакским,* но разнится от чешского большею частию только в выговоре, хотя авторы *Многоязычного словаря* признают его *особенным.* Впрочем, и другие славянские наречия употребляются в Венгрии;

4) *иллирическое,* то есть болгарское, самое грубое из всех славянских — боснийское, сербское, самое приятнейшее для слуха, как многие находят — славянское и далматское;

5) *кроатское,* сходное с вендским в Стирии, Каринтии, Крайне, также с лаузицким, котбузским, кашубским и люховским. В Мейсене, Бранденбурге, Поммерании, Мекленбурге и почти во всем Люнебурге, где некогда славянский язык был народным, он уже заменен немецким.

Однако ж сии перемены не могли совершенно истребить в языке нашем его, так сказать, первобытного образа, и любопытство историков хотело открыть в нем следы малоизвестного происхождения славян. Некоторые утверждали, что он весьма близок к древним языкам азиатским, но вернейшее исследование доказало, что сие мнимое сходство ограничивается весьма немногими словами — еврейскими или халдейскими, сирскими, арабскими, которые находятся и в других языках евро-

пейских, свидетельствуя единственно их общее азиатское происхождение; и что славянский имеет с греческим, латинским, немецким гораздо более связи, нежели с еврейским и с другими восточными. Сие великое, явное сходство встречается не только в словах единозвучных с действиями, которые означаются ими — ибо названия *грома, журчания* вод, *крика* птиц, *рева* зверей могут на всех языках сходствовать между собою от подражания естеству,— но и в выражении самых первых мыслей человека, в ознаменовании главных нужд жизни домашней, в именах и глаголах совершенно произвольных. Мы знаем, что венеды издревле жили в соседстве с немцами и долгое время в Дакии (где язык латинский со времен Траяновых был в общем употреблении), воевали в Империи и служили императорам греческим; но сии обстоятельства могли бы ввести в язык славянский только некоторые особенные немецкие, латинские или греческие слова и не принудили бы их забыть собственные, коренные, необходимые в самом древнейшем обществе людей, то есть в семейственном. Из чего вероятным образом заключают, что предки сих народов говорили некогда одним языком: каким, неизвестно, но, без сомнения, древнейшим в Европе, *где история находит их,* ибо Греция, а после и часть Италии, населены *пеласгами, фракийскими* жителями, которые прежде еллинов утвердились в Морее и могли быть единоплеменны с германцами и славянами. В течение времен удаленные друг от друга, они приобретали новые гражданские понятия, выдумывали новые слова или присваивали чужие и долженствовали чрез несколько веков говорить уже языком различным. Самые общие, коренные слова легко могли измениться в произношении, когда люди еще не знали букв и письма, верно определяющего выговор.

Сие важное искусство — немногими чертами изображать для глаз бесчисленные звуки — сведала Европа, как надобно думать, уже в позднейшие времена, и, без сомнения, от финикиян, или непосредственно, или через пеласгов и еллинов. Нельзя вообразить, чтобы древние обитатели Пелопоннеса, Лациума, Испании, едва вышедши из дикого состояния, могли сами выдумать письмена, требующие удивительного разума, и столь непонятного для обыкновенных людей, что они везде приписывали богам изобретение оных: в Египте Фойту, в Греции Меркурию, в Италии богине Карменте; а некоторые из христианских философов считали десять Моисеевых заповедей, рукою Всевышнего начертанных на горе Синай-

ской, первым письмом в мире. К тому же все буквы народов европейских: греческие, мальтийские, так называемые пеласгские в Италии, этрурийские (доныне видимые на монументах сего народа), галльские, изображенные на памятнике мученика Гордиана, Улфиловы, или готфские, кельтиберские, бетские, турдетанские в Испании, руны скандинавов и германцев более или менее сходствуют с финикийскими и доказывают, что все они произошли от одного корня. Пеласги и аркадцы принесли их с собою в Италию, а наконец и в Марселию к тамошним галлам. Испанцы могли научиться письму от самих финикиян, основавших Тартесс и Гадес за 1100 лет до Рождества Христова. Турдетане во время Страбоново имели письменные законы, историю и стихотворения. Каким образом европейский север получил буквы, мы не знаем: от финикийских ли мореплавателей, торговавших оловом британским и янтарем прусским, или от народов Южной Европы? Второе кажется вероятнее, ибо руническое и готфское письмо сходнее с греческим и латинским, нежели с финикийским. Оно могло в течение веков чрез Германию или Паннонию дойти от Средиземного моря до Балтийского с некоторыми переменами знаков.

Как бы то ни было, но венеды или славяне языческие, обитавшие в странах балтийских, знали употребление букв. Дитмар говорит о надписях идолов славянских: ретрские кумиры, найденные близ Толлензского озера, доказали справедливость его известия; надписи их состоят в рунах, заимствованных венедами от готфских народов. Сии руны, числом 16, подобно древним финикийским, весьма недостаточны для языка славянского, не выражают самых обыкновенных звуков его и были известны едва ли не одним жрецам, которые посредством их означали имена обожаемых идолов. Славяне же богемские, иллирические и российские не имели никакой азбуки до 863 года, когда философ Константин, названный в монашестве Кириллом, и Мефодий, брат его, жители Фессалоники, будучи отправлены греческим императором Михаилом в Моравию к тамошним христианским князьям Ростиславу, Святополку и Коцелу, для перевода церковных книг с греческого языка, изобрели славянский особенный алфавит, образованный по греческому, с прибавлением новых букв: Б. Ж. Ц. Ш. Щ. Ъ. Ы. Ѣ. Ю. Я. Ж. Сия азбука, называемая Кирилловскою, доныне употребляется, с некоторыми переменами, в России, Валахии, Молдавии, Болгарии, Сер-

бии и проч. Славяне далматские имеют другую, известную под именем *Глагольской*, или *Буквицы*, которая считается изобретением св. Иеронима, но ложно, ибо в IV и в V веке, когда жил Иероним, еще не было славян в римских владениях. Самый древнейший ее памятник, нам известный, есть харатейная Псалтирь XIII века; но мы имеем церковные кирилловские рукописи 1056 года: надпись Десятинной церкви в Киеве принадлежит еще ко временам св. Владимира. Сия Глагольская азбука явно составлена по нашей; отличается кудрявостию знаков и весьма неудобна для употребления. Моравские христиане, пристав к римскому исповеданию, вместе с поляками начали писать латинскими буквами, отвергнув Кирилловы, торжественно запрещенные папою Иоанном XIII. Епископы салонские в XI веке объявили даже Мефодия еретиком, а письмена славянские изобретением арианских готфов. Вероятно, что сие самое гонение побудило какого-нибудь далматского монаха выдумать новые, то есть глагольские буквы, и защитить их от нападения римских суеверов именем св. Иеронима.— Ныне в Богемии, Моравии, Силезии, Лаузице, Кассубии употребляются немецкие; в Иллирии, Крайне, Венгрии и Польше латинские. Славяне, которые с VIII века утвердились в Пелопоннесе, приняли там греческую азбуку.

Глава IV

РЮРИК, СИНЕУС И ТРУВОР

862—879

Призвание князей варяжских в Россию.— Основание монархии.— Аскольд и Дир.— Первое нападение россиян на Империю.— Начало христианства в Киеве.— Смерть Рюрика.

Начало российской истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай: славяне добровольно уничтожают свое древнее народное правление и требуют государей от варягов, которые были их неприятелями. Везде

меч сильных или хитрость честолюбивых вводили самовластие (ибо народы хотели законов, но боялись неволи); в России оно утвердилось с общего согласия граждан — так повествует наш летописец: и рассеянные племена славянские основали государство, которое граничит ныне с древнею Дакиею и с землями Северной Америки, с Швециею и с Китаем, соединяя в пределах своих три части мира.

Варяги, овладевшие странами чуди и славян за несколько лет до того времени, правили ими без угнетения и насилия, брали дань легкую и наблюдали справедливость. Господствуя на морях, имея в IX веке сношение с Югом и Западом Европы — где на развалинах колосса римского основались новые государства и где кровавые следы варварства, обузданного человеколюбивым духом христианства, уже отчасти изгладились счастливыми трудами жизни гражданской,— варяги, или норманы, долженствовали быть образованнее славян и финнов, заключенных в диких пределах Севера, могли сообщить им некоторые выгоды новой промышленности и торговли, благодетельные для народа. Бояре славянские, недовольные властию завоевателей, которая уничтожала их собственную, возмутили, может быть, сей народ легкомысленный, обольстили его именем прежней независимости, вооружили против норманов и выгнали их; но распрями личными обратили свободу в несчастие, не умели восстановить древних законов и ввергнули отечество в бездну зол междоусобия. Тогда граждане вспомнили, может быть, о выгодном и спокойном правлении норманском: нужда в благоустройстве и тишине велела забыть народную гордость, и славяне *убежденные* — так говорит предание,— *советом новогородского старейшины Гостомысла,* потребовали властителей от варягов. Древняя летопись не упоминает о сем благоразумном *советнике;* но ежели предание истинно, то Гостомысл достоин бессмертия и славы в нашей истории.

Новогородцы и кривичи были тогда, кажется, союзниками финских племен, вместе с ними плативших дань варягам: имев несколько лет одну долю и повинуясь законам одного народа, они тем скорее могли утвердить дружественную связь между собою. Нестор пишет, что славяне новогородские, кривичи, *весь* и *чудь* отправили посольство за море, к варягам-руси, сказать им: *земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет — идите княжить и владеть нами.* Слова простые, краткие и сильные! Братья, именем Рюрик, Синеус и Трувор, знамени-

тые или родом или делами, согласились принять власть над людьми, которые, умев сражаться за вольность, не умели ею пользоваться. Окруженные многочисленною скандинавскою дружиною, готовою утвердить мечом права избранных государей, сии честолюбивые братья навсегда оставили отечество. Рюрик прибыл в Новгород, Синеус на Белоозеро в область финского народа веси, а Трувор в Изборск, город кривичей. Смоленск, населенный также кривичами, и самый Полоцк оставались еще независимыми и не имели участия в призвании варягов. Следственно держава трех владетелей, соединенных узами родства и взаимной пользы, от Белоозера простиралась только до Эстонии и Ключей Славянских, где видим остатки древнего Изборска. Сия часть нынешней с.-петербургской, эстляндской, новогородской и псковской губерний была названа тогда *Русью,* по имени князей варяго-русских.— Более не знаем никаких достоверных подробностей; не знаем, благословил ли народ перемену своих гражданских уставов, насладился ли счастливою тишиною, редко известною в обществах народных, или пожалел о древней вольности? Хотя новейшие летописцы говорят, что славяне скоро вознегодовали на рабство, и какой-то Вадим, именуемый *Храбрым,* пал от руки сильного Рюрика вместе со многими из своих единомышленников в Новегороде — случай вероятный: люди, привыкшие к вольности, от ужасов безначалия могли пожелать властителей, но могли и раскаяться, *ежели* варяги, единоземцы и друзья Рюриковы, утесняли их, однако ж сие известие, не будучи основано на древних сказаниях Нестора, кажется одною догадкою и вымыслом.

Через два года, по кончине Синеуса и Трувора, старший брат, присоединив области их к своему княжеству, основал монархию российскую. Уже пределы ее достигали на восток до нынешней Ярославской и Нижегородской губернии, а на юг — до Западной Двины; уже меря, мурома и полочане зависели от Рюрика, ибо он, приняв единовластие, отдал в управление знаменитым единоземцам своим, кроме Белоозера, Полоцк, Ростов и Муром, им или братьями его завоеванные, как надобно думать. Таким образом вместе с верховною княжескою властию утвердилась в России, кажется, и система *феодальная, поместная,* или удельная, бывшая основанием новых гражданских обществ в Скандинавии и во всей Европе, где господствовали народы германские. Монархи обыкновенно целыми областями награждали

вельмож и любимцев, которые оставались их подданными, но властвовали как государи в своих уделах: система сообразная с обстоятельствами и духом времени, когда еще не было ни удобного сношения между владениями одной державы, ни уставов общих и твердых, ни порядка в гражданских степенях, и люди, упорные в своей независимости, слушались единственно того, кто держал меч над их головою. Признательность государей в верности вельмож участвовала также в сем обыкновении, и завоеватель делился областями с товарищами храбрыми, которые помогали ему приобретать оные.

К сему времени летописец относит следующее важное происшествие. Двое из единоземцев Рюриковых, именем Аскольд и Дир, может быть, недовольные сим князем, отправились с товарищами из Новгорода в Константинополь искать счастия; увидели на высоком берегу Днепра маленький городок и спросили: чей он? Им ответствовали, что строители его, три брата, давно скончались и что миролюбивые жители платят дань козарам. Сей городок был Киев, Аскольд и Дир завладели им; присоединили к себе многих варягов из Новагорода; начали под именем россиян властвовать как государи в Киеве и помышлять о важнейшем предприятии, достойном норманской смелости. Прежде шли они в Константинополь, вероятно, для того, чтобы служить императору; тогда ободренные своим успехом и многочисленностию войска дерзнули объявить себя врагами Греции. Судоходный Днепр благоприятствовал их намерению: вооружив 200 судов, сии витязи Севера, издревле опытные в кораблеплавании, открыли себе путь в Черное море и в самый Воспор Фракийский, опустошили огнем и мечом берега его и скоро осадили Константинополь с моря. Столица Восточной империи в первый раз увидела сих грозных неприятелей; в первый раз с ужасом произнесла имя россиян. Ρως. Молва народная возвестила их скифами, жителями баснословной горы Тавра, уже победителями многих народов окрестных. Михаил III, Нерон своего времени, царствовал тогда в Константинополе, но был в отсутствии, воюя на берегах Черной реки с агарянами. Узнав от эпарха или наместника цареградского о новом неприятеле, он спешил в столицу, с великою опасностию пробрался сквозь суда российские и, не смея отразить их силою, ожидал спасения от чуда. Оно совершилось, по

сказанию византийских летописцев. В славной церкви Влахернской, построенной императором Маркианом на берегу залива, между нынешнею Перою и Царемградом, хранилася так называемая риза Богоматери, к которой прибегал народ в случае бедствий. Патриарх Фотий с торжественными обрядами вынес ее на берег и погрузил в море, тихое и спокойное. Вдруг сделалась буря; рассеяла, истребила флот неприятельский, и только слабые остатки его возвратились в Киев.

Нестор, согласно с византийскими историками, описывает сей случай; но некоторые из них прибавляют, что язычники российские, устрашенные небесным гневом, немедленно отправили послов в Константинополь и требовали святого крещения. Окружная грамота патриарха Фотия, писанная в исходе 866 года к восточным епископам, служит достоверным подтверждением сего любопытного для нас известия. «Россы,— говорит он,— славные жестокостию, победители народов соседственных и в гордости своей дерзнувшие воевать с Империею Римскою, уже оставили суеверие, исповедуют Христа и суть друзья наши, быв еще *недавно* злейшими врагами. Они уже приняли от нас епископа и священника, имея живое усердие к богослужению христианскому». Константин Багрянородный и другие греческие историки пишут, что россы крестились во время царя Василия Македонского и патриарха Игнатия, то есть не ранее 867 года. «Император,— говорят они,— не имея возможности победить россов, склонил их к миру богатыми дарами, состоявшими в золоте, серебре и шелковых одеждах. Он прислал к ним епископа, посвященного Игнатием, который обратил их в христианство».— Сии два известия не противоречат одно другому. Фотий, в 866 году, мог отправить церковных учителей в Киев; Игнатий также; они насадили там первые семена веры истинной, ибо Несторова летопись свидетельствует, что в Игорево время было уже много христиан в Киеве. Вероятно, что проповедники, для лучшего успеха в деле своем, тогда же ввели в употребление между киевскими христианами и новые письмена славянские, изобретенные Кириллом в Моравии за несколько лет до того времени. Обстоятельства благоприятствовали сему успеху; славяне исповедовали одну веру, а варяги другую; впоследствии увидим, что древние государи киевские наблюдали священные обряды первой,

следуя внушению весьма естественного благоразумия; но усердие их к чужеземным идолам, коих обожали они единственно в угождение главному своему народу, не могло быть искренним, и самая государственная польза заставляла князей не препятствовать успехам новой веры, соединявшей их подданных, славян, и надежных товарищей, варягов, узами духовного братства. Но еще не наступило время совершенного торжества ее.

Таким образом варяги основали две самодержавные области в России: Рюрик на севере, Аскольд и Дир на юге. Невероятно, чтобы козары, бравшие дань с Киева, добровольно уступили его варягам, хотя летописец молчит о воинских делах Аскольда и Дира в странах днепровских: оружие, без сомнения, решило, кому начальствовать над миролюбивыми полянами; и ежели варяги действительно, претерпев урон на Черном море, возвратились от Константинополя с неудачею, то им надлежало быть счастливее на сухом пути, ибо они удержали за собою Киев.

Нестор молчит также о дальнейших предприятиях Рюрика в Новегороде, за недостатком современных известий, а не для того, чтобы сей князь отважный, пожертвовав отечеством властолюбию, провел остаток жизни в бездействии; *действовать* же значило тогда *воевать*, и государи скандинавские, единоземцы Рюриковы, принимая власть от народа, обыкновенно клялися, именем Одиновым, быть завоевателями. Спокойствие государства, мудрое законодательство и правосудие составляют ныне славу царей; но князья русские в IX и X веке еще не довольствовались сею благотворною славою. Окруженный к западу, северу и востоку народами финскими, Рюрик мог ли оставить в покое своих ближних соседов, когда и самые отдаленные берега Оки долженствовали ему покориться? Вероятно, что окрестности Чудского и Ладожского озера были также свидетелями мужественных дел его, неописанных и забвенных.— Он княжил единовластно, по смерти Синеуса и Трувора, 15 лет в Новегороде и скончался в 879 году, вручив правление и малолетнего сына Игоря родственнику своему Олегу.

Память Рюрика, как первого самодержца российского, осталась бессмертною в нашей истории, и главным действием его княжения было твердое присоединение некоторых финских племен к народу славянскому в России, так что весь, меря, мурома наконец обратились в славян, приняв их обычаи, язык и веру.

Глава V

ОЛЕГ ПРАВИТЕЛЬ

879—912

Завоевания Олеговы.— Нашествие угров.— Супружество Игоря. — Россияне служат в Греции.— Олег идет на Царьград.— Мир с греками.— Договор с Империею.— Кончина Олега.

Рюрик, по словам летописи, вручил Олегу правление за малолетством сына. Сей опекун Игорев скоро прославился великою своею отважностию, победами, благоразумием, любовию подданных.

Весть о счастливом успехе Рюрика и братьев его, желание участвовать в их завоеваниях и надежда обогатиться, без сомнения, привлекли многих варягов в Россию. Князья рады были соотечественникам, которые усиливали их верную, смелую дружину. Олег, пылая славолюбием героев, не удовольствовался сим войском, но присоединил к нему великое число новогородцев, кривичей, веси, чуди, мери и в 882 году пошел к странам Днепровским. Смоленск, город вольных кривичей, сдался ему, кажется, без сопротивления, чему могли способствовать единоплеменники их, служившие Олегу. Первая удача была залогом новых: храбрый князь, поручив Смоленск своему боярину, вступил в область северян и взял Любеч, древний город на Днепре. Но желания завоевателя стремились далее: слух о независимой державе, основанной Аскольдом и Диром, благословенный климат и другие естественные выгоды Малороссии, еще украшенные, может быть, рассказами, влекли Олега к Киеву. Вероятность, что Аскольд и Дир, имея сильную дружину, не захотят ему добровольно поддаться, и неприятная мысль сражаться с единоземцами, равно искусными в деле воинском, принудили его употребить хитрость. Оставив назади войско, он с юным Игорем и с немногими людьми приплыл к высоким берегам Днепра, где стоял древний Киев; скрыл вооруженных ратников в ладиях и велел объявить государям киевским, что варяжские купцы, отправленные князем

новогородским в Грецию, хотят видеть их как друзей и соотечественников. Аскольд и Дир, не подозревая обмана, спешили на берег; воины Олеговы в одно мгновение окружили их. Правитель сказал: *вы не князья и не знаменитого роду, но я князь* — и, показав Игоря, примолвил: *вот сын Рюриков!* Сим словом осужденные на казнь, Аскольд и Дир, под мечами убийц, пали мертвые к ногам Олеговым... Простота, свойственная нравам IX века, дозволяет верить, что мнимые купцы могли призвать к себе таким образом владетелей киевских; но самое общее варварство сих времен не извиняет убийства жестокого и коварного.— Тела несчастных князей были погребены на горе, где в Несторово время находился Ольгин двор; кости Дировы покоились за храмом св. Ирины; над могилою Аскольда стояла церковь св. Николая, и жители киевские доныне указывают сие место на крутом берегу Днепра, ниже монастыря Николаевского, где врастает в землю малая, ветхая церковь.

Олег, обагренный кровию невинных князей, знаменитых храбростию, вошел как победитель в город их, и жители, устрашенные самым его злодеянием и сильным войском, признали в нем своего законного государя. Веселое местоположение, судоходный Днепр, удобность иметь сообщение, торговлю или войну с разными богатыми странами — с греческим Херсоном, с козарскою Тавридою, с Болгариею, с Константинополем — пленили Олега, и сей князь сказал: *да будет Киев материю городов российских!* Монархи народов образованных желают иметь столицу среди государства, во-первых для того, чтоб лучше надзирать над общим его правлением, а во-вторых и для своей безопасности; Олег, всего более думая о завоеваниях, хотел жить на границе, чтобы тем скорее нападать на чужие земли; мыслил ужасать соседов, а не бояться их.— Он поручил дальние области вельможам; велел строить города, или неподвижные станы для войска, коему надлежало быть грозою и внешних неприятелей и внутренних мятежников; уставил также налоги общие. Славяне, кривичи и другие народы должны были платить дань варягам, служившим в России: Новгород давал им ежегодно 300 гривен тогдашнею ходячею монетою российскою, что представляло цену ста пятидесяти фунтов серебра. Сию дань получали варяги, как говорит Нестор, до кончины Ярослава: с того времени летописи наши действительно уже молчат о службе их в России.

Обширные владения российские еще не имели твер-

дой связи. Ильменские славяне граничили с весью, весь с мерею, меря с муромою и с кривичами; но сильные, от россиян независимые народы обитали между Новымгородом и Киевом. Храбрый князь, дав отдохнуть войску, спешил к берегам реки Припяти: там, среди лесов мрачных, древляне свирепые наслаждались вольностию и встретили его с оружием; но победа увенчала Олега, и сей народ, богатый зверями, обязался ему платить дань черными куницами. В следующие два года князь российский овладел землею днепровских северян и соседственных с ними радимичей. Он победил первых, освободил их от власти козаров и, сказав: *я враг им, а не вам!* удовольствовался самым легким налогом: верность и доброе расположение северян были ему всего нужнее для безопасного сообщения южных областей российских с северными. Радимичи, жители берегов сожских, добровольно согласились давать россиянам то же, что козарам: *по щлягу* или мелкой монете с каждой сохи. Таким образом, соединив цепию завоеваний Киев с Новымгородом, Олег уничтожил господство хана козарского в Витебской и Черниговской губернии. Сей хан дремал, кажется, в приятностях восточной роскоши и неги: изобилие Тавриды, долговременная связь с цветущим Херсоном и Константинополем, торговля и мирные искусства Греции усыпили воинский дух в козарах, и могущество их уже клонилось к падению.

Покорив Север, князь российский обратил счастливое орудие свое к югу. В левую сторону от Днепра, на берегах Сулы, жили еще не зависимые от российской державы славяне, единоплеменные с черниговцами; он завоевал страну их, также Подольскую и Волынскую губернию, часть Херсонской и, может быть, Галицию, ибо летописец в числе его подданных именует дулебов, тивирцев и хорватов, там обитавших.

Но между тем, как победоносные знамена сего героя развевались на берегах Днестра и Буга, новая столица его увидела пред стенами своими многочисленные вежи или шатры угров (маджаров или нынешних венгерцев), которые обитали некогда близ Урала, а в IX веке на восток от Киева, в стране *Лебедии*, может быть, в Харьковской губернии, где город Лебедин напоминает сие имя. Вытесненные печенегами, они искали тогда жилищ новых; некоторые перешли за Дон, на границу Персии; другие же устремились на запад: место, где они стояли под Киевом, называлось еще в Несторово время *Угорским.* Олег пропустил ли их дружелюбно,

или отразил силою, неизвестно; сии беглецы переправились чрез Днепр и завладели Молдавиею, Бессарабиею, землею Волошскою.

Далее не находим никаких известий о предприятиях деятельного Олега до самого 906 года; знаем только, что он правил еще государством и в то время, когда уже питомец его возмужал летами. Приученный из детства к повиновению, Игорь не дерзал требовать своего наследия от правителя властолюбивого, окруженного блеском побед, славою завоеваний и храбрыми товарищами, которые считали его власть законною, ибо он умел ею возвеличить государство. В 903 году Олег избрал для Игоря супругу, сию в наших летописях бессмертную Ольгу, славную тогда еще одними прелестями женскими и благонравствием. Ее привезли в Киев из Плескова, или нынешнего Пскова,— так пишет Нестор. Но в особенном ее житии и в других новейших исторических книгах сказано, что Ольга была варяжского простого роду и жила в веси, именуемой Выбушскою, близ Пскова; что юный Игорь, приехав из Киева, увеселялся там некогда звериною ловлею; увидел Ольгу, говорил с нею, узнал ее разум, скромность и предпочел сию любезную сельскую девицу всем другим невестам. Обыкновения и нравы тогдашних времен, конечно, дозволяли князю искать для себя супруги в самом низком состоянии людей, ибо красота уважалась более знаменитого рода; но мы не можем ручаться за истину предания, неизвестного нашему древнему летописцу: иначе он не пропустил бы столь любопытного обстоятельства в жизни св. Ольги. Имя свое приняла она, кажется, от имени Олега, в знак дружбы его к сей достойной княгине, или в знак Игоревой к нему любви.

Вероятно, что сношение между Константинополем и Киевом не прерывалось со временем Аскольда и Дира; вероятно, что цари и патриархи греческие старались умножать число христиан в Киеве и вывести самого князя из тьмы идолопоклонства; но Олег, принимая, может быть, священников от патриарха и дары от императора, верил более всего мечу своему, довольствовался мирным союзом с греками и терпимостию христианства. Мы знаем по византийским известиям, что около сего времени Россия считалась *шестидесятым архиепископством* в списке епархий, зависевших от главы константинопольского духовенства; знаем также, что в 902 году 700 россов, или киевских варягов, служили во флоте греческом и что им платили из казны 100 литр золота.

Спокойствие, которым Россия, покорив окрестные народы, могла несколько времени наслаждаться, давало свободу витязям Олеговым искать деятельности в службе императоров: греки уже издавна осыпали золотом так называемых варваров, чтобы они дикою храбростию своею ужасали не Константинополь, а врагов его. Но Олег, наскучив тишиною, опасною для воинственной державы, или завидуя богатству Царяграда и желая доказать, что казна робких принадлежит смелому, решился воевать с Империею. Все народы, ему подвластные — новогородцы, финские жители Белоозера, ростовская меря, кривичи, северяне, поляне киевские, радимичи, дулебы, хорваты и тивирцы,— соединились с варягами под его знаменами. Днепр покрылся *двумя тысячами* легких судов; на всяком было сорок воинов; *конница* шла берегом. Игорь остался в Киеве: правитель не хотел разделить с ним ни опасностей, ни славы. Надлежало победить не только врагов, но и природу такими чрезвычайными усилиями, которые могли бы устрашить самую дерзкую предприимчивость нашего времени и кажутся едва вероятными. Днепровские пороги и ныне мешают судоходству, хотя стремление воды в течение столетий и, наконец, искусство людей разрушили некоторые из сих преград каменных; в IX и X веке они долженствовали быть несравненно опаснее. Первые варяги киевские осмелились пройти сквозь их острые скалы и кипящие волны с двумястами судов, Олег — со флотом в десять раз сильнейшим. Константин Багрянородный описал нам, как россияне в сем плавании обыкновенно преодолевали трудности: бросались в воду, искали гладкого дна и проводили суда между камнями; но в некоторых местах вытаскивали свои лодки из реки, влекли берегом или несли на плечах, будучи в то же самое время готовы отражать неприятеля. Доплыв благополучно до лимана, они исправляли мачты, парусы, рули; входили в море и, держась западных берегов его, достигали Греции. Но Олег вел с собою еще сухопутное, конное войско: жители Бессарабии и сильные болгары дружелюбно ли пропустили его? Летописец не говорит о том. Но мужественный Олег приблизился, наконец, к греческой столице, где суеверный император Леон, прозванный Философом, думал о вычетах астрологии более, нежели о безопасности государства. Он велел только заградить цепию гавань и дал волю Олегу разорять византийские окрестности, жечь селения, церкви, увеселительные домы вельмож греческих. Нестор, в до-

казательство своего беспристрастия, изображает самыми черными красками жестокость и бесчеловечие россиян. Они плавали в крови несчастных, терзали пленников, бросали живых и мертвых в море. Так некогда поступали гунны и народы германские в областях Империи; так в сие же самое время норманы, единоземцы Олеговы, свирепствовали в Западной Европе. Война дает ныне право убивать неприятелей вооруженных: тогда была она правом злодействовать в земле их и хвалиться злодеяниями... Сии греки, которые все еще именовались согражданами Сципионов и Брутов, сидели в стенах Константинополя и смотрели на ужасы опустошения вокруг столицы; но князь российский привел в трепет и самый город. В летописи сказано, что Олег поставил суда свои на колеса и силою одного ветра, на распущенных парусах, сухим путем шел со флотом к Константинополю. Может быть, он хотел сделать то же, что сделал после Магомет II: велел воинам тащить суда берегом в гавань, чтобы приступить к стенам городским; а баснословие, вымыслив действие парусов на сухом пути, обратило трудное, но возможное дело в чудесное и невероятное. Греки, устрашенные сим намерением, спешили предложить Олегу мир и дань. Они выслали войску его съестные припасы и вино; князь отвергнул то и другое, боясь отравы, ибо храбрый считает малодушного коварным. Если подозрение Олегово, как говорит Нестор, было справедливо; то не россиян, а греков должно назвать истинными варварами X века. Победитель требовал 12 гривен на каждого человека во флоте своем, и греки согласились, с тем условием, чтобы он, прекратив неприятельские действия, мирно возвратился в отечество. Войско российское отступило далее от города, и князь отправил послов к императору. Летопись сохранила норманские имена сих вельмож: Карла, Фарлафа, Веремида, Рулава, Стемида. Они заключили с Константинополем следующий договор:

I. «Греки дают по 12 гривен на человека, сверх того *уклады* на города Киев, Чернигов, Переяславль, Полтеск, Ростов, Любеч и другие, где властвуют князья, Олеговы подданные». Война была в сии времена народным промыслом: Олег, соблюдая обычай скандинавов и всех народов германских, долженствовал разделить свою добычу с воинами и полководцами, не забывая и тех, которые оставались в России.

II. «Послы, отправляемые князем русским в Царьград, будут там всем довольствованы из казны импера-

торской. Русским гостям или торговым людям, которые приедут в Грецию, император обязан на шесть месяцев давать хлеба, вина, мяса, рыбы и плодов; они имеют также свободный вход в народные бани и получают на возвратный путь съестные припасы, якори, снасти, парусы и все нужное».

Греки с своей стороны предложили такие условия: «I. Россияне, которые будут в Константинополе не для торговли, не имеют права требовать месячного содержания.— II. Да запретит князь послам своим делать жителям обиду в областях и в селах греческих.— III. Россияне могут жить только у св. Мамы и должны уведомлять о своем прибытии городское начальство, которое запишет их имена и выдаст им месячное содержание: киевским, черниговским, переяславским и другим гражданам. Они будут входить только в одни ворота городские с императорским приставом, безоружные и не более пятидесяти человек вдруг; могут торговать свободно в Константинополе и не платя никакой пошлины».

Сей мир, выгодный для россиян, был утвержден священными обрядами веры: император клялся Евангелием, Олег с воинами оружием и богами народа славянского, Перуном и Волосом. В знак победы герой повесил щит свой на вратах Константинополя и возвратился в Киев, где народ, удивленный его славою и богатствами, им привезенными: золотом, тканями, разными драгоценностями искусства и естественными произведениями благословенного климата Греции, единогласно назвал Олега *вещим*, то есть мудрым, или волхвом.

Так Нестор описывает счастливый и славный поход, коим Олег увенчал свои дела воинские. Греческие историки молчат о сем важном случае; но когда летописец наш не позволял действовать своему воображению и в описании древних, отдаленных времен,— то мог ли он, живучи в XI веке, выдумать происшествие десятого столетия, еще свежего в народной памяти? мог ли с дерзостию уверять современников в истине оного, если бы общее предание не служило ей порукою? Согласимся, что некоторые обстоятельства могут быть баснословны: товарищи Олеговы, хваляся своими подвигами, украшали их в рассказах, которые, с новыми прибавлениями, чрез несколько времени обратились в народную сказку, повторенную Нестором без критического исследования; но главное обстоятельство, что *Олег ходил к Царюграду и возвратился с успехом*, кажется достоверным.

Доселе одни словесные предания могли руководство-

вать Нестора; но, желая утвердить мир с греками, Олег вздумал отправить в Царьград послов, которые заключили с Империею договор *письменный,* драгоценный и древнейший памятник истории российской, сохраненный в нашей летописи. Мы изъясним единственно смысл темных речений, оставляя в целости, где можно, любопытную древность слога.

ДОГОВОР РУССКИХ С ГРЕКАМИ

Мы от роду русского, Карл Ингелот, Фарлов, Веремид, Рулав, Гуды, Руальд, Карн, Флелав, Рюар, Актуруян, Лидулфост, Стемид, посланные Олегом, *великим* князем русским, *и всеми сущими под рукою* его, светлыми боярами, к вам, Льву, Александру и Константину (брату и сыну первого), великим царям греческим, на *удержание* и на *извещение* от многих лет бывшие любви между христианами и Русью, по воле наших князей и всех сущих под рукою Олега, следующими *главами уже* не *словесно, как прежде,* но письменно утвердили сию любовь, и клялися в том по закону русскому своим оружием.

I. Первым словом да *умиримся* с вами, греки! да любим друг друга от всея душн, и не дадим никому из сущих под рукою наших светлых князей обижать вас; но потщимся, сколь можем, всегда и непреложно соблюдать сию дружбу! Также и вы, греки, да храните всегда любовь *неподвижную* к нашим светлым князьям русским и всем сущим под рукою светлого Олега. В случае же преступления и вины да поступаем тако:

II. Вина доказывается свидетельствами; а когда нет свидетелей, то не истец, но ответчик присягает — *и каждый да клянется* по вере своей. Взаимные обиды и ссоры греков с россиянами в Константинополе заставили, как надобно думать, императоров и князя Олега включить статьи уголовных законов в мирный государственный договор.

III. Русин ли убиет христианина или христианин русина, да умрет на месте злодеяния. Когда убийца *домовит* и скроется, то его имение отдать ближнему родственнику убитого; но жена убийцы не лишается своей законной части. Когда же преступник уйдет, не оставив имения, то считается под судом, доколе найдут его и казнят смертию.

IV. Кто ударит другого мечом, или каким сосудом, да заплатит пять литр серебра по закону русскому; неимовитый же да заплатит, что может; да снимет с себя

и самую одежду, в которой ходит, и да клянется по вере своей, что ни ближние, ни друзья не хотят его выкупить из вины: тогда увольняется от дальнейшего взыскания.

V. Когда русин украдет что-либо у христианина или христианин у русина, и пойманный на воровстве захочет сопротивляться, то хозяин украденной вещи может убить его, не подвергаясь взысканию, и возьмет свое обратно; но должен только связать вора, который без сопротивления отдается ему в руки. Если русин или христианин, под видом обыска, войдет в чей дом и силою возьмет там чужое, вместо своего, да заплатит втрое.

VI. Когда ветром выкинет греческую ладию на землю чуждую, где случимся мы, русь, то будем охранять оную вместе с ее грузом, отправим в землю греческую и проводим сквозь всякое *страшное* место до *бесстрашного.* Когда же ей нельзя возвратиться в отечество за бурею или другими препятствиями, то поможем гребцам и доведем ладию до ближней пристани русской. Товары и все, что будет в спасенной нами ладии, да продается свободно; и когда пойдут в Грецию наши послы к царю или гости для купли, они с честию приведут туда ладию и в целости отдадут, что выручено за ее товары. Если же кто из русских убьет человека на сей ладии или что-нибудь украдет, да примет виновный казнь вышеозначенную.

VII. Ежели найдутся в Греции между купленными невольниками россияне или в Руси греки, то их освободить и взять за них, чего они купцам стоили, или настоящую, известную цену невольников; пленные также да будут возвращены в отечество и за каждого да внесется окупу *20 златых.* Но русские воины, которые из чести придут служить царю, могут, буде захотят сами, остаться в земле греческой.

VIII. Ежели невольник русский уйдет, будет украден или отнят под видом купли, то хозяин может везде искать и взять его; а кто противится обыску, считается виновным.

IX. Когда русин, служащий царю христианскому, умрет в Греции, не распорядив своего наследства и родных с ним не будет: то прислать его имение в Русь к *милым ближним;* а когда сделает распоряжение, то отдать имение наследнику, означенному в духовной.

X. Ежели между купцами и другими людьми русскими в Греции будут виновные и ежели потребуют их в отечество для наказания, то царь христианский должен отправить сих преступников в Русь, хотя бы они и не хотели туда возвратиться.

Да поступают так и русские в отношении к грекам!

«Для верного исполнения сих условий между нами, русью и греками, велели мы написать оные киноварью на двух хартиях. Царь греческий скрепил их своею рукою, клялся Святым Крестом, Нераздельною Животворящею Троицею единого Бога и дал хартию нашей светлости; а мы, послы русские, дали ему другую и клялися по закону своему, за себя и за всех русских, исполнять утвержденные главы мира и любви между нами, русью и греками. Сентября во 2 неделю, в 15 лето (то есть индикта) от создания мира...»

Договор мог быть писан на греческом и славянском языке. Уже варяги около пятидесяти лет господствовали в Киеве; сверстники Игоревы, подобно ему рожденные между славянами, без сомнения говорили языком их лучше, нежели скандинавским. Дети варягов, принявших христианство во время Аскольда и Дира, имели способ выучиться и славянской грамоте, изобретенной Кириллом в Моравии. С другой стороны при дворе и в войске греческом находились издавна многие славяне, обитавшие во Фракии, в Пелопоннесе и в других владениях императорских. В осьмом веке один из них управлял, в сане патриарха, церковию; и в самое то время, когда император Александр подписывал мир с Олегом, первыми любимцами его были два славянина, именем Гаврилопул и Василич: последнего хотел он сделать даже своим наследником. Условия мирные надлежало разуметь и грекам, и варягам: первые не знали языка норманов, но славянский был известен и тем и другим.

Сей договор представляет нам россиян уже не дикими варварами, но людьми, которые знают святость чести и народных торжественных условий; имеют свои законы, утверждающие безопасность личную, собственность, право наследия, силу завещаний; имеют торговлю внутреннюю и внешнюю. Седьмая и осьмая статья его доказывают — и Константин Багрянородный то же свидетельствует,— что купцы российские торговали невольниками: или пленными, взятыми на войне, или рабами, купленными у народов соседственных, или собственными преступниками, законным образом лишенными свободы.— Надобно также приметить, что между именами четырнадцати вельмож, употребленных великим князем для заключения мирных условий с греками, нет ни одного славянского. Только варяги, кажется, окружали наших первых государей и пользовались их доверенностию, участвуя в делах правления.

Император, одарив послов золотом, драгоценными одеждами и тканямн, велел показать нм красоту и богатство храмов (которые снльиее умствеиных доказательств моглн представить воображеиню грубых людей величие Бога христианского) н с честню отпустить их в Киев, где оин дали отчет князю в успехе посольства.

Сей герой, смиренный летами, хотел уже тншины и наслаждался всеобщим миром. Никто нз соседов не дерзал прервать его спокойствия. Окруженный зиакамн побед и славы, государь народов многочисленных, повелнтель войска храброго мог казаться грозным и в самом усыпленнн старости. Он совершнл на земле дело свое — и смерть его казалась потомству чудесиою. «Волхвы,— так говорнт летописец,— предсказали киязю, что ему суждено умереть от любимого коня своего. С того времени он не хотел ездить на ием. Прошло четыре года: в осеиь пятого вспомиил Олег о предсказаинн, и слыша, что конь давио умер, посмеялся над волхвами; захотел видеть его кости; стал иогою на череп и сказал: его лн мне бояться? Но в черепе таилась змея: она ужалнла князя, н герой скоичался...» Уважеиие к памяти велнких мужей и любопытство зиать все, что до них касается, благоприятствуют таким вымыслам н сообщают их отдаленым потомкам. Можем верить н не верить, что Олег в самом деле был ужален змеею на могнле любимого коня его, но мнимое пророчество волхвов или кудесннков есть явная иародиая басня, достойная замечаиня по своей древиости.

Гораздо важиее и достовериее то, что летописец повествует о следствиях коичины Олеговой: *народ стенал и проливал слезы.* Что можио сказать сильиее и разительиее в похвалу государя умершего? Итак Олег не только ужасал врагов: ои был еще любим свонми поддаными. Воины моглн оплакивать в нем смелого, искусного предводителя, а иарод — защитиика.— Присоеднннв к державе своей лучшне, богатейшне страны нынешней России, сей киязь был нстинным основателем ее величня. Рюрнк владел от Эстонии, Славянских Ключей н Волхова до Белаозера, устья Оки и города Ростова; Олег завоевал все от Смолеиска до реки Сулы, Днестра н, кажется, самых гор Карпатских. Мудростию правителя цветут государства образоваиные; ио только снльная рука героя основывает великие импер僅 и служнт им надежиою опорою в их опасной иовости. Древияя Россия славится не одним героем: инкто из ннх ие мог сравняться с Олегом в завоеваннях, которые утвердили ее

бытие могущественное. История признает ли его незаконным властелином с того времени, как возмужал наследник Рюриков? Великие дела и польза государственная не извиняют ли властолюбия Олегова? и права наследственные, еще не утвержденные в России обыкновением, могли ли ему казаться священными?.. Но кровь Аскольда и Дира осталась пятном его славы.

Олег княжил 33 года, умер в глубокой старости, ежели он хотя юношею пришел в Новгород с Рюриком. Тело его погребено на горе Щековице, и жители киевские, современники Нестора, звали сие место *Ольговою могилою.*

Из главы VI

КНЯЗЬ ИГОРЬ

912—945

Бунт древлян.— Явление печенегов.— Нападение Игоря на Грецию.— Убиение Игоря.

Игорь в зрелом возрасте мужа приял власть опасную: ибо современники и потомство требуют величия от наследников государя великого или презирают недостойных.

Смерть победителя ободрила побежденных, и древляне отложились от Киева. Игорь спешил доказать, что в его руке меч Олегов; смирил их и наказал прибавлением дани.— Но скоро новые враги, сильные числом, страшные дерзостию и грабительством, явились в пределах России. Они под именем *печенегов* так славны в летописях наших, византийских и венгерских от X до XII века, что мы должны, при вступлении их на театр истории, сказать несколько слов о свойстве и древнем отечестве сего народа.

Восточная страна нынешней российской монархии, где текут реки Иртыш, Тобол, Урал, Волга, в продолжение многих столетий ужасала Европу грозным явлением народов, которые один за другим выходили из ее

степей обширных, различные, может быть, языком, но сходные характером, образом жизни и свирепостию. Все были кочующие; все питались скотоводством и звериною ловлею: гунны, угры, болгары, авары, турки — и все они исчезли в Европе, кроме угров и турков. К сим народам принадлежали узы и печенеги, единоплеменники туркоманов: первые, обитая между Волгою и Доном, в соседстве с печенегами, вытеснили их из степей саратовских; изгнанники устремились к западу; овладели Лебедиею, чрез несколько лет опустошили Бессарабию, Молдавию, Валахию; принудили угров переселиться оттуда в Паннонию и начали господствовать от реки Дона до самой Алуты, составив 8 разных областей, из коих 4 были на восток от Днепра, между россиянами и козарами; а другие на западной стороне его, в Молдавии, Трансильвании, на Буге и близ Галиции, в соседстве с народами славянскими, подвластными киевским государям. Не зная земледелия, обитая в шатрах, кибитках или вежах, печенеги искали единственно тучных лугов для стад; искали также богатых соседов для грабительства; славились быстротою коней своих; вооруженные копьями, луком, стрелами, мгновенно окружали неприятеля и мгновенно скрывались от глаз его; бросались на лошадях в самые глубокие реки или вместо лодок употребляли большие кожи. Они носили персидскую одежду, и лица их изображали свирепость.

Печенеги думали, может быть, ограбить Киев; но встреченные сильным войском не захотели отведать счастия в битве и мирно удалились в Бессарабию или Молдавию, где уже господствовали тогда их единоземцы. Там народ сей сделался ужасом и бичом соседов; служил орудием взаимной их ненависти и за деньги помогал им истреблять друг друга. Греки давали ему золото для обуздания угров и болгаров, особенно же россиян, которые также искали дружбы его, чтобы иметь безопасную торговлю с Константинополем, ибо днепровские пороги и дунайское устье были заняты печенегами. Сверх того они могли всегда, с правой и левой стороны Днепра, опустошать Россию, жечь селения, увозить жен и детей или, в случае союза, подкреплять государей киевских наемным войском своим. Сия несчастная политика дозволяла разбойникам более двух веков свободно отправлять их гибельное ремесло.

Печенеги, заключив союз с Игорем, пять лет не тревожили России: по крайней мере Нестор говорит о первой действительной войне с ними уже в 920 году. Пре-

дание не сообщило ему известия об ее следствиях. Княжение Игоря вообще не ознаменовалось в памяти народной никаким великим происшествием до самого 941 года, когда Нестор, согласно с византийскими историками, описывает войну Игореву с греками. Сей князь, подобно Олегу, хотел прославить ею старость свою, жив до того времени дружелюбно с Империею, ибо в 935 году корабли и воины его ходили с греческим флотом в Италию. Если верить летописцам, то Игорь с 10 000 судов вошел в Черное море. Болгары, тогда союзники императора, уведомили его о сем неприятеле; но Игорь успел, пристав к берегу, опустошить воспорские окрестности. Здесь Нестор, следуя византийским историкам, с новым ужасом говорит о свирепости россиян: о храмах, монастырях и селениях, обращенных ими в пепел; о пленниках бесчеловечно убиенных, и проч. Роман Лакапин, воин знаменитый, но государь слабый, выслал, наконец, флот под начальством Феофана Протовестиария. Корабли Игоревы стояли на якорях близ фара или маяка, готовые к сражению. Игорь столь был уверен в победе, что велел воинам своим щадить неприятелей и брать их живых в плен; но успех не соответствовал его чаянию. Россияне, приведенные в ужас и беспорядок так называемым *огнем греческим*, которым Феофан зажег многие суда их и который показался им небесною молниею в руках озлобленного врага, удалились к берегам Малой Азии. Там Патрикий Варда, с отборною пехотою, конницею, и Доместик Иоанн, славный победами, одержанными им в Сирии, с опытным азиатским войском напали на толпы россиян, грабивших цветущую Вифинию, и принудили их бежать на суда. Угрожаемые вместе и войском греческим, и победоносным флотом, и голодом, они снялись с якорей, ночью отплыли к берегам фракийским, сразились еще с греками на море и с великим уроном возвратились в отечество. Но бедствия, претерпенные от них Империею в течение трех месяцев, остались надолго незабвенными в ее азиатских и европейских областях.

О сем несчастном Игоревом походе говорят не только византийские, но и другие историки: арабский Эльмакин и кремонский епископ Лиутпранд; последний рассказывает слышанное им от своего отчима, который, будучи послом в Цареграде, собственными глазами видел казнь многих Игоревых воинов, взятых тогда в плен греками: варварство ужасное! Греки, изнеженные роскошию, боялись опасностей, а не злодейства.

Игорь не уныл, но хотел отмстить грекам; собрал другое многочисленное войско, призвал варягов из-за моря, нанял печенегов — которые дали ему аманатов в доказательство верности своей — и чрез два года снова пошел в Грецию со флотом и с конницею. Херсонцы и болгары вторично дали знать императору, что море покрылось кораблями российскими. Лакапин, не уверенный в победе и желая спасти Империю от новых бедствий войны со врагом отчаянным, немедленно отправил послов к Игорю. Встретив его близ дунайского устья, они предложили ему дань, какую некогда взял храбрый Олег с Греции; обещали и более, ежели князь благоразумно согласится на мир; старались также богатыми дарами обезоружить корыстолюбивых печенегов. Игорь остановился и, созвав дружину свою, объявил ей желание греков. «Когда Царь,— ответствовали верные товарищи князя российского,— без войны дает нам серебро и золото, то чего более можем требовать? Известно ли, кто одолеет: мы ли? они ли? и с морем *кто советен?* Под нами не земля, а глубина морская: в ней общая смерть людям». Игорь принял их совет, взял дары у греков на всех воинов своих, велел наемным печенегам разорять соседственную Болгарию и возвратился в Киев.

Игорь, отдыхая в старости, вместо себя посылал, кажется, вельмож и бояр, особенно Свенельда, знаменитого воеводу, который, собирая государственную дань, мог и сам обогащаться, вместе с *отроками* своими или отборными молодыми воинами, его окружавшими. Им завидовала дружина Игорева, и князь, при наступлении осени, исполнил ее желание: отправился в землю древлян и, забыв, что умеренность есть добродетель власти, обременил их тягостным налогом. Дружина его — пользуясь, может быть, слабостию князя престарелого — также хотела богатства и грабила несчастных данников, усмиренных только победоносным оружием. Уже Игорь вышел из области их; но судьба определила ему погибнуть от своего неблагоразумия. Еще недовольный взятою им данию, он вздумал отпустить войско в Киев и с частию своей дружины возвратиться к древлянам, чтобы требовать новой дани. Послы их встретили его на пути и сказали ему: «Князь! мы все заплатили тебе; для чего же опять идешь к нам?» Ослепленный корыстолюбием, Игорь шел далее. Тогда отчаянные древляне, видя — по словам летописца,— что *надобно умертвить хищного волка, или все стадо будет его жертвою,* вооружились под начальством князя своего, именем Мала;

вышли из Коростена, убили Игоря со всею дружиною и погребли недалеко оттуда. Византийский историк повествует, что они, привязав сего несчастного князя к двум деревам, разорвали надвое.

Из главы VII

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ

945—972

Правление Ольги. — Хитрая месть. — Мудрость Ольгина. — Крещение. — Россияне в Сицилии. — Кончина Ольги. — Первые уделы в России. — Вторичное завоевание Болгарии. — Война с Цимисхием. — Договор с греками. — Наружность Святославова. — Кончина его.

Святослав, сын Игорев, первый князь славянского имени, был еще отроком. Бедственный конец родителя, новость державы, только мечом основанной и хранимой, бунт древлян, беспокойный дух войска, приученного к деятельности, завоеваниям и грабежу, честолюбие полководцев варяжских, смелых и гордых, уважавших одну власть счастливой храбрости — все угрожало Святославу и России опасностями. Но Провидение сохранило целость державы и власть государя, одарив его мать свойствами души необыкновенной.

Юный князь воспитывался боярином Асмудом: Свенельд повелевал войском. Ольга — вероятно, с помощию сих двух знаменитых мужей — овладела кормилом государства и мудрым правлением доказала, что слабая жена может иногда равняться с великими мужами.

Прежде всего Ольга наказала убийц Игоревых. Здесь летописец сообщает нам *многие подробности,* отчасти не согласные ни с вероятностями рассудка, ни с важностию истории и взятые, без всякого сомнения, из народной сказки; но как истинное происшествие должно быть их основанием, и самые басни древние любопытны для ума внимательного, изображая обычаи и дух времени,— то мы повторим Несторовы простые сказания *о мести и хитростях Ольгиных.*

«Гордясь убийством как победою и презирая мало-

летство Святослава, древляне вздумали присвоить себе власть над Киевом и хотели, чтобы их князь Мал женился на вдове Игоря, ибо они, платя дань государям киевским, имели еще князей собственных. Двадцать знаменитых послов древлянских приплыли в ладии к Киеву и сказали Ольге: *Мы убили твоего мужа за его хищность и грабительство; но князья древлянские добры и великодушны: их земля цветет и благоденствует. Будь супругою нашего князя Мала.* Ольга с ласкою ответствовала: *Мне приятна речь ваша. Уже не могу воскресить супруга! Завтра окажу вам всю должную честь. Теперь возвратитесь в ладию свою, и когда люди мои придут за вами, велите им нести себя на руках...* Между тем Ольга приказала на дворе теремном ископать глубокую яму и на другой день звать послов. Исполняя волю ее, они сказали: *не хотим ни идти, ни ехать: несите нас в ладии!* Киевляне ответствовали: *что делать! мы невольники; Игоря нет, а княгиня наша хочет быть супругою вашего князя* — и понесли их. Ольга сидела в своем тереме и смотрела, как древляне гордились и величались, не предвидя своей гибели: ибо Ольгины люди бросили их, вместе с ладиею, в яму. Мстительная княгиня спросила у них, довольны ли они сею *честию*? Несчастные изъявили воплем раскаяние в убиении Игоря, но поздно: Ольга велела их засыпать живых землею и чрез гонца объявила древлянам, что они должны прислать за нею еще более знаменитых мужей: ибо народ киевский не отпустит ее без их торжественного и многочисленного посольства. Легковерные немедленно отправили в Киев лучших граждан и начальников земли своей. Там, по древнему обычаю славянскому, для гостей изготовили баню и в ней сожгли их. Тогда Ольга велела сказать древлянам, чтобы они варили мед в Коростене; что она уже идет к ним, желая прежде второго брака совершить тризну над могилою первого супруга. Ольга, действительно, пришла к городу Коростену, оросила слезами прах Игорев, насыпала высокий бугор над его могилою» — доныне видимый, как уверяют, близ сего места — «и в честь ему совершила тризну. Началось веселое пиршество. Отроки княгинины угощали знаменитейших древлян, которые вздумали, наконец, спросить о своих послах; но удовольствовались ответом, что они будут вместе с *Игоревою* дружиною.— Скоро действие крепкого меду омрачило головы неосторожных: Ольга удалилась, подав знак воинам своим — и 5000 древлян, ими убитых, легло вокруг Игоревой могилы».

«Ольга, возвратясь в Киев, собрала многочисленное войско и выступила с ним против древлян, уже наказанных хитростию, но еще не покоренных силою. Оно встретилось с ними, и младый Святослав сам начал сражение. Копие, брошенное в неприятеля слабою рукою отрока, упало к ногам его коня; но полководцы, Асмуд и Свенельд, ободрили воинов примером юного героя и с восклицанием: *друзья! станем за князя!* устремились в битву. Древляне бежали с поля и затворились в городах своих. Чувствуя себя более других виновными, жители Коростена целое лето оборонялись с отчаянием. Тут Ольга прибегнула к новой выдумке. *Для чего вы упорствуете?* — велела она сказать древлянам.— *Все иные города ваши сдались мне, и жители их мирно обрабатывают нивы свои, а вы хотите умереть голодом! Не бойтесь мщения: оно уже совершилось в Киеве и на могиле супруга моего*. Древляне предложили ей в дань мед и кожи зверей; но княгиня, будто бы из великодушия, отреклась от сей дани и желала иметь единственно с каждого двора по три воробья и голубя! Они с радостию исполнили ее требование и ждали с нетерпением, чтобы войско киевское удалилось. Но вдруг, при наступлении темного вечера, пламя объяло все домы их... Хитрая Ольга велела привязать зажженный трут с серою ко взятым ею птицам и пустить их на волю: они возвратились с огнем в гнезда свои и произвели общий пожар в городе. Устрашенные жители хотели спастися бегством и попались в руки Ольгиным воинам. Великая княгиня, осудив некоторых старейшин на смерть, других на рабство, обложила прочих тяжкою данью».

Так рассказывает летописец... Не удивляемся жестокости Ольгиной: вера и самые гражданские законы язычников оправдывали месть неумолимую; а мы должны судить о героях истории по обычаям и нравам их времени. Но вероятна ли оплошность древлян? вероятно ли, чтобы Ольга взяла Коростен посредством воробьев и голубей, хотя сия выдумка могла делать честь народному остроумию русских в X веке? Истинное происшествие, отделенное от баснословных обстоятельств, состоит, кажется, единственно в том, что Ольга умертвила в Киеве послов древлянских, которые думали, может быть, оправдаться в убиении Игоря; оружием снова покорила сей народ, наказала виновных граждан Коростена, и там воинскими играми, по обряду язычества, торжествовала память сына Рюрикова.

Великая княгиня, провожаемая воинскою дружиною,

вместе с юным Святославом объехала всю древлянскую область, уставляя налоги в пользу казны государственной; но жители Коростена долженствовали третию часть дани своей посылать к самой Ольге, в ее *собственный удел*, в Вышегород, основанный, может быть, героем Олегом и данный ей в вено, как невесте или супруге Великого князя: чему увидим и другие примеры в нашей древней истории. Сей город, известный Константину Багрянородному и знаменитый в X веке, уже давно обратился в село, которое находится в 7 верстах от Киева, на *высоком* берегу Днепра, и замечательно красотою своего местоположения.— Ольга, кажется, утешила древлян благодеяниями мудрого правления; по крайней мере все ее памятники — ночлеги и места, где она, следуя обыкновению тогдашних героев, забавлялась ловлею зверей,— долгое время были для сего народа предметом какого-то особенного уважения и любопытства.

В следующий год, оставив Святослава в Киеве, она поехала в северную Россию, в область Новогородскую; учредила по Луге и Мсте государственные дани; разделила землю на *погосты*, или волости; сделала, без сомнения, все нужнейшее для государственного блага по тогдашнему гражданскому состоянию России и везде оставила знаки своей попечительной мудрости. Чрез 150 лет народ с признательностию воспоминал о сем благодетельном путешествии Ольги, и в Несторово время жители Пскова хранили еще *сани* ее, как вещь драгоценную. Вероятно, что сия княгиня, рожденная во Пскове, какими-нибудь особенными выгодами, данными его гражданам, способствовала тому цветущему состоянию и даже силе, которою он после, вместе с Новымгородом, славился в России, затмив соседственный, древнейший Изборск и сделавшись столицею области знаменитой.

Утвердив внутренний порядок государства, Ольга возвратилась к юному Святославу, в Киев, и жила там несколько лет в мирном спокойствии, наслаждаясь любовию своего признательного сына и не менее признательного народа.— Здесь, по сказанию Нестора, оканчиваются дела ее государственного правления; но здесь начинается эпоха славы ее в нашей церковной истории.

Ольга достигла уже тех лет, когда смертный, удовлетворив главным побуждениям земной деятельности, видит близкий конец ее пред собою и чувствует суетность земного величия. Тогда истинная вера, более нежели когда-нибудь, служит ему опорою или утешением в печальных размышлениях о тленности человека. Оль-

га была язычница, но имя Бога Вседержителя уже славилось в Киеве. Она могла видеть торжественность обрядов христианства; могла из любопытства беседовать с церковными пастырями и, будучи одарена умом необыкновенным, увериться в святости их учения. Плененная лучом сего нового света, Ольга захотела быть христианкою, и сама отправилась в столицу Империи и веры греческой, чтобы почерпнуть его в самом источнике. Там патриарх был ее наставником и крестителем, а Константин Багрянородный восприемником от купели. Император старался достойным образом угостить княгиню народа знаменитого и сам описал для нас все любопытные обстоятельства ее представления. Когда Ольга прибыла во дворец, за нею шли *особы княжеские,* ее свойственницы, многие знатные госпожи, послы российские и купцы, обыкновенно жившие в Цареграде. Константин и супруга его, окруженные придворными и вельможами, встретили Ольгу: после чего император на свободе беседовал с нею в тех комнатах, где жила царица. В сей первый день, 9 сентября, был великолепный обед в огромной, так называемой *храмине юстиниановой,* где императрица сидела на троне и где княгиня российская, в знак почтения к супруге великого царя, стояла до самого того времени, как ей указали место за одним столом с придворными госпожами. В час обеда играла музыка, певцы славили величие царского дому и плясуны оказывали свое искусство в приятных телодвижениях. Послы российские, знатные люди Ольгины и купцы обедали в другой комнате; потом дарили гостей деньгами: *племяннику* княгини дали 30 *милиаризий* — или $2^1/_2$ червонца,— каждому из осьми ее приближенных 20, каждому из двадцати послов 12, каждому из сорока трех купцов тоже, священнику или духовнику Ольгину, именем Григорию, 8, двум переводчикам 24, Святославовым людям 5 на человека, посольским 3, собственному переводчику княгини 15 милиаризий. На особенном золотом столике были поставлены закуски: Ольга села за него вместе с императорским семейством. Тогда на золотой, осыпанной драгоценными камнями тарелке поднесли ей в дар 500 милиаризий, шести ее родственницам каждой 20 и осьмнадцати служительницам каждой 8. 18 октября княгиня вторично обедала во дворце и сидела за одним столом с императрицею, ее невесткою, Романовою супругою, и с детьми его; сам император обедал в другой зале со всеми россиянами. Угощение заключалось также дарами, еще умереннейшими

первых: Ольга получила 200 милиаризий, а другие менее по соразмерности. Хотя тогдашние государи российские не могли еще быть весьма богаты металлами драгоценными, но *одна учтивость,* без сомнения, заставила Великую княгиню принять в дар шестнадцать червонцев.

К сим достоверным известиям о бытии Ольгином в Константинополе народное баснословие прибавило, в нашей древней летописи, невероятную сказку, что император, плененный ее разумом и красотою, предлагал ей руку свою и корону; но что Ольга — нареченная во святом крещении Еленою — отвергнула его предложение, напомнив восприемнику своему о духовном союзе с нею, который, по закону христианскому, служил препятствием для союза брачного между ними. Во-первых, Константин имел супругу; во-вторых, Ольге было тогда уже не менее шестидесяти лет. Она могла пленить его умом своим, а не красотою.

Наставленная в святых правилах христианства самим патриархом, Ольга возвратилась в Киев. Император, по словам летописца, отпустил ее с богатыми дарами и с именем дочери; но кажется, что она вообще была недовольна его приемом: следующее служит тому доказательством. Скоро приехали в Киев греческие послы требовать, чтобы Великая княгиня исполнила свое обещание и прислала в Грецию войско вспомогательное; хотели также даров: невольников, мехов драгоценных и воску. Ольга сказала им: «Когда царь ваш постоит у меня на Почайне столько же времени, сколько я стояла у него в Суде (гавани Константинопольской), тогда пришлю ему дары и войско»,— с чем послы и возвратились к императору. Из сего ответа должно заключить, что подозрительные греки не скоро впустили Ольгу в город и что обыкновенная надменность двора византийского оставила в ее сердце неприятные впечатления.

Однако ж россияне, во все царствование Константина Багрянородного, сына его и Никифора Фоки, соблюдали мир и дружбу с Грециею: служили при дворе императоров, в их флоте, войсках и в 964 году, по сказанию арабского историка Новайри, сражались в Сицилии как наемники греков с Аль-Гассаном, вождем сарацинским. Константин нередко посылал так называемые *златые буллы,* или грамоты с золотою печатью, к Великому князю, надписывая: *грамота христолюбивых императоров греческих, Константина и Романа, к Российскому Государю.*

Ольга, воспаленная усердием к новой вере своей, спешила открыть сыну заблуждение язычества, но юный,

гордый Святослав не хотел внимать ее наставлениям. Напрасно сия добродетельная мать говорила о счастии быть христианином, о мире, коим наслаждалась душа ее с того времени, как она познала Бога истинного. Святослав ответствовал ей: «Могу ли один принять новый закон, чтобы дружина моя посмеялась надо мною?» Напрасно Ольга представляла ему, что его пример склонил бы весь народ к христианству. Юноша был непоколебим в своем мнении и следовал обрядам язычества; не запрещал никому креститься, но изъявлял презрение к христианам и с досадою отвергал все убеждения матери, которая, не преставая любить его нежно, должна была, наконец, умолкнуть и поручить Богу судьбу народа российского и сына.

Сей князь, возмужав, думал единственно о подвигах великодушной храбрости, пылал ревностию отличить себя делами и возобновить славу оружия российского, столь счастливого при Олеге.

Но мирное пребывание в Киеве скоро наскучило деятельному князю. Страна завоеванная всегда кажется приятною завоевателю, и сердце героя стремилось к берегам дунайским. Собрав бояр, он в присутствии Ольги сказал им, что ему веселее жить в Переяславце, нежели в Киеве: «ибо в столице болгарской, как в средоточии, стекаются все драгоценности искусства и природы: греки шлют туда золото, ткани, вино и плоды, богемцы и венгры серебро и коней, россияне меха, воск, мед и невольников». Огорченная мать ответствовала ему, что старость и болезнь не замедлят прекратить ее жизни. «Погреби меня,— сказала она,— и тогда иди, куда хочешь». Сии слова оказались пророчеством: Ольга на четвертый день скончалась. Она запретила отправлять по себе языческую тризну и была погребена христианским священником на месте, ею самою для того избранном. Сын, внуки и благодарный народ оплакали ее кончину.

Предание нарекло Ольгу *Хитрою,* церковь *Святою,* история *Мудрою.* Отмстив древлянам, она умела соблюсти тишину в стране своей и мир с чуждыми до совершенного возраста Святославова; с деятельностию великого мужа учреждала порядок в государстве обширном и новом; не писала, может быть, законов, но давала уставы, самые простые и самые нужнейшие для людей в юности гражданских обществ. Великие князья до времен Ольгиных *воевали* — она *правила* государством. Уверенный в ее мудрости, Святослав и в мужеских ле-

тах своих оставлял ей, кажется, внутреннее правление, беспрестанно занимаясь войнами, которые удаляли его от столицы.— При Ольге Россия стала известною и в самых отдаленных странах Европы.

По кончине матери, Святослав мог уже свободно исполнить свое безрассудное намерение: то есть перенести столицу государства на берега дунайские. Кроме самолюбивых мечтаний завоевателя, Болгария, действительно, могла нравиться ему своим теплым климатом, изобилием плодов и богатством деятельной, удобной торговли с Константинополем; вероятно также, что сие государство, сопредельное с Империею, превосходило Россию и в гражданском образовании; но для таких выгод долженствовал ли он удалиться от своего отечества, где был, так сказать, корень его силы и могущества? По крайней мере Святославу надлежало бы овладеть прежде Бессарабиею, Молдавиею и Валахиею, то есть выгнать оттуда печенегов, чтобы непрерывною цепию завоеваний соединить Болгарию с Российскими владениями. Но сей князь излишно надеялся на счастие оружия и на грозное имя победителя козаров.

Он поручил Киев сыну своему Ярополку, а другому сыну, Олегу, Древлянскую землю, где прежде властвовали ее собственные князья. В то же время новогородцы, недовольные, может быть, властию княжеских наместников, прислали сказать Святославу, чтобы он дал им сына своего в правители, и грозились в случае отказа избрать для себя особенного князя. Ярополк и Олег не захотели принять власти над ними; но у Святослава был еще третий сын, Владимир, от ключницы Ольгиной, именем Малуши, дочери любчанина Малька: новогородцы, по совету Добрыни, Малушина брата, избрали в князья сего юношу, которому судьба назначила преобразить Россию.— Итак Святослав первый ввел обыкновение *давать сыновьям особенные уделы:* пример несчастный, бывший виною всех бедствий России.

Святослав, отпустив Владимира с Добрынею в Новгород, немедленно отправился в Болгарию, которую он считал уже своею областию, но где народ встретил его как неприятеля. Многочисленное войско собралось в Переяславце и напало на россиян. Долговременное, кровопролитное сражение клонилось уже в пользу болгаров, но воины Святославовы, ободренные его речью: *братья и дружина! умрем, но умрем с твердостию и мужеством!* напрягли силы свои, и ввечеру победа увенчала их храбрость. Святослав взял приступом город Пе-

реяславец, снова овладел Царством Болгарским и хотел там навсегда остаться.

Греки, призвавшие россиян на берега дунайские, увидели свою ошибку. Святослав, отважный и воинственный, казался им в ближнем соседстве гораздо опаснее болгаров. Иоанн Цимисхий, тогдашний император, предлагал сему князю исполнить договор, заключенный с ним в царствование Никифора, требовал, чтобы россияне вышли из Болгарии; но Святослав не хотел слушать послов и с гордостию ответствовал, что скоро будет сам в Константинополе и выгонит греков в Азию. Цимисхий, напомнив ему о бедственной участи ненасытного Игоря, стал вооружаться, а Святослав спешил предупредить его.

В описании сей кровопролитной войны Нестор и византийские историки несогласны: первый отдает честь и славу победы князю российскому, вторые императору и, кажется, справедливее: ибо война кончилась тем, что Болгария осталась в руках у греков, а Святослав принужден был, с горстию воинов, идти назад в Россию — следствия весьма несообразные с счастливым успехом его оружия! К тому же греческие историки описывают все обстоятельства подробнее, яснее,— и мы, предпочитая истину народному самохвальству, не должны отвергнуть их любопытного сказания.

Великий князь (говорят они), к русской дружине присоединив болгаров, новых своих подданных, венгров и печенегов, тогдашних его союзников, вступил во Фракию и до самого Адрианополя опустошил ее селения. Варда Склир, полководец Империи, видя многочисленность неприятелей, заключился в сем городе и долго не мог отважиться на битву. Наконец удалось ему хитростию разбить печенегов; тогда греки, ободренные успехом, сразились с князем Святославом. Россияне изъявляли пылкое мужество; но Варда Склир и брат его, Константин Патрикий, принудили их отступить, умертвив в единоборстве каких-то двух знаменитых богатырей *скифских*.

Нестор описывает сию битву таким образом: «Император встретил Святослава мирными предложениями и хотел знать число его витязей, обещая на каждого из них заплатить ему дань. Великий князь объявил у себя 20 000 человек, едва имея и половину. Греки, искусные в коварстве, воспользовались временем и собрали 100 000 воинов, которые со всех сторон окружили россиян. Великодушный Святослав, покойно осмотрев грозные ряды

неприятелей, сказал дружине: *Бегство не спасет нас; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрамим отечества, но ляжем здесь костями: мертвым не стыдно. Станем крепко. Иду пред вами, и когда положу свою голову, тогда делайте, что хотите!* Воины его, приученные не бояться смерти и любить вождя смелого, единодушно ответствовали: *наши головы лягут вместе с твоею!* вступили в кровопролитный бой и доказали, что не множество, а храбрость побеждает. Греки не устояли: обратили тыл, рассеялись — и Святослав шел к Константинополю, означая свой путь всеми ужасами опустошения...» Доселе можем не сомневаться в истине Несторова сказания; но дальнейшее его повествование гораздо менее вероятно. «Цимисхий,— пишет он,— в страхе, в недоумении призвал вельмож на совет и решился *искусить* неприятеля дарами, золотом и паволоками драгоценными; отправил их с человеком хитрым и велел ему наблюдать все движения Святославовы. Но сей князь не хотел взглянуть на золото, положенное к его ногам, и равнодушно сказал отрокам своим: *возьмите*. Тогда император послал к нему в дар оружие: герой схватил оное с живейшим удовольствием, изъявляя благодарность, и Цимисхий, не смея ратоборствовать с таким неприятелем, заплатил ему дань; каждый воин взял часть свою; доля убиенных была назначена для их родственников. Гордый Святослав с торжеством возвратился в Болгарию». Греки не имели нужды *искушать* Великого князя, когда он с малыми силами уже разбил их многочисленное войско; но сия сказка достойна замечания, свидетельствуя мнение потомства о характере Святослава.

Утвердив мир, император снабдил россиян съестными припасами; а князь российский желал свидания с Цимисхием. Сии два героя, знакомые только по славным делам своим, имели, может быть, равное любопытство узнать друг друга лично. Они виделись на берегу Дуная. Император, окруженный *златоносными* всадниками, в блестящих латах, приехал на коне; Святослав в ладии, в простой белой одежде, и сам гребя веслом. Греки смотрели на него с удивлением. По их сказанию, он был среднего роста и довольно строен, но мрачен и дик видом; имел грудь широкую, шею толстую, голубые глаза, брови густые, нос плоский, длинные усы, бороду редкую и на голове один клок волос, в знак его благородства; в ухе висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубином. Император сошел с коня; Святослав

сидел на скамье в ладии. Они говорили — и расстались друзьями.

Но сия дружба могла ли быть искреннею? Святослав с воинами малочисленными, утружденными, предпринял обратный путь в отечество на ладиях, Дунаем и Черным морем, а Цимисхий в то же время отправил к печенегам послов, которые должны были, заключив с ними союз, требовать, чтобы они не ходили за Дунай, не опустошали Болгарии и свободно пропустили россиян чрез свою землю. Печенеги согласились на все, кроме последнего, досадуя на россиян за то, что они примирились с греками. Так пишут византийские историки; но с большею вероятностию можно думать совсем противное. Тогдашняя политика императоров не знала великодушия: предвидя, что Святослав не оставит их надолго в покое, едва ли не сами греки наставили печенегов воспользоваться слабостию российского войска. Нестор приписывает сие коварство жителям Переяславца: они, по его словам, дали знать печенегам, что Святослав возвращается в Киев с великим богатством и с малочисленною дружиною.

Печенеги обступили днепровские пороги и ждали россиян. Святослав знал о сей опасности. Свенельд, знаменитый воевода Игорев, советовал ему оставить ладии и сухим путем обойти пороги: князь не принял его совета и решился зимовать в Белобережье, при устье Днепра, где россияне должны были терпеть во всем недостаток и самый голод, так, что они давали полгривны за лошадиную голову. Может быть, Святослав ожидал там помощи из России, но тщетно. Весна снова открыла ему опасный путь в отечество. Несмотря на малое число изнуренных воинов, надлежало сразиться с печенегами, и Святослав пал в битве. Князь их Куря, отрубив ему голову, из ее черепа сделал чашу. Только немногие россияне спаслись с воеводою Свенельдом и принесли в Киев горестную весть о погибели Святослава.

Таким образом скончал жизнь сей Александр нашей древней истории, который столь мужественно боролся и с врагами, и с бедствиями; был иногда побеждаем, но в самом несчастии изумлял победителя своим великодушием; равнялся суровою воинскою жизнию с героями песнопевца Гомера и, снося терпеливо свирепость непогод, труды изнурительные и все ужасное для неги, показал русским воинам, чем могут они во все времена одолевать неприятелей. Но Святослав, образец великих полководцев, не есть пример государя великого: ибо он

славу побед уважал более государственного блага и, характером своим пленяя воображение стихотворца, заслуживает укоризну историка.

Из главы VIII

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛК

972—980

Междоусобие князей.— Первые деяния Владимировы.— Брак Владимиров.— Братоубийство.— Послы российские в Германии.

По смерти Святослава Ярополк княжил в Киеве, Олег в Древлянской земле, Владимир в Новегороде. Единодержавие пресеклось в государстве: ибо Ярополк не имел, кажется, власти над уделами своих братьев. Скоро открылись пагубные следствия такого раздела, и брат восстал на брата.

Искренняя печаль Ярополкова о смерти Олеговой была предчувствием собственной его судьбы несчастной.— Владимир, князь Новогородский, сведав о кончине брата и завоевании Древлянской области, устрашился Ярополкова властолюбия и бежал за море к варягам. Ярополк воспользовался сим случаем: отправил в Новгород своих наместников или посадников и таким образом сделался государем единодержавным в России.

Но Владимир искал между тем способа возвратиться с могуществом и славою. Два года пробыл он в древнем отечестве своих предков, в земле Варяжской; участвовал, может быть, в смелых предприятиях норманов, которых флаги развевались на всех морях европейских и храбрость ужасала все страны от Германии до Италии; наконец собрал многих варягов под свои знамена; прибыл с сею надежною дружиною в Новгород, сменил посадников Ярополковых и сказал им с гордостию: «Идите к брату моему: да знает он, что я против него вооружаюсь, и да готовится отразить меня!»

В области Полоцкой, в земле кривичей, господствовал тогда варяг Рогволод, который пришел из-за моря, вероятно, для того, чтобы служить Великому князю российскому и получить от него в удел сию область. Он имел прелестную дочь Рогнеду, сговоренную за Ярополка. Владимир, готовясь отнять державу у брата, хотел лишить его и невесты и чрез послов требовал ее руки; но Рогнеда, верная Ярополку, ответствовала, что не может соединиться браком с сыном рабы, ибо мать Владимирова, как нам уже известно, была ключницею при Ольге. Раздраженный Владимир взял Полоцк, умертвил Рогволода, двух сыновей его и женился на дочери. Совершив сию ужасную месть, он пошел к Киеву. Войско его состояло из дружины варяжской, славян новогородских, *чуди* и *кривичей:* сии три народа северо-западной России уже повиновались ему, как их государю, Ярополк не дерзнул на битву и затворился в городе. Окружив стан свой окопами, Владимир хотел взять Киев не храбрым приступом, но злодейским коварством. Зная великую доверенность Ярополкову к одному воеводе, именем Блуду, он вошел с ним в тайные переговоры. «Желаю твоей помощи»,— велел сказать ему Владимир: ты будешь мне вторым отцом, когда не станет Ярополка. Он сам начал братоубийства — я вооружился для спасения жизни своей. Гнусный любимец не усомнился предать государя и благодетеля; советовал Владимиру обступить город, а Ярополку удаляться от битвы. Страшася верности добрых киевлян, он уверил князя, будто они хотят изменить ему и тайно зовут Владимира. Слабый Ярополк, думая спастись от мнимого заговора, ушел в Родню: сей город стоял на том месте, где Рось впадает в Днепр. Киевляне, оставленные государем, должны были покориться Владимиру, который спешил осадить брата в последнем его убежище. Ярополк с ужасом видел многочисленных врагов за стенами, а в крепости изнеможение воинов своих от голода, коего память долго хранилась в древней пословице: *беда аки в Родне.* Изменник Блуд склонял сего князя к миру, представляя невозможность отразить неприятеля, и горестный Ярополк ответствовал наконец: «Да будет по твоему совету! возьму, что уступит мне брат». Тогда злодей уведомил Владимира, что желание его исполнится и что Ярополк отдается ему в руки. Если во все времена, варварские и просвещенные, государи бывали жертвою изменников, то во все же времена имели они и верных, добрых слуг, усердных к ним в самой

крайности бедствия. Из числа сих был у Ярополка некто прозванием *Варяжко* (да сохранит история память его!), который говорил ему: «Не ходи, государь, к брату; ты погибнешь. Оставь Россию на время и собери войско в земле печенегов». Но Ярополк слушал только изверга Блуда и с ним отправился в Киев, где Владимир ожидал его в теремном дворце Святослава. Предатель ввел легковерного государя своего в жилище брата, как в вертеп разбойников, и запер дверь, чтобы дружина княжеская не могла войти за ними; там два наемника, племени варяжского, пронзили мечами грудь Ярополкову... Верный слуга, который предсказал гибель сему несчастному, ушел к печенегам, и Владимир едва мог возвратить его в отечество, дав клятву — не мстить ему за любовь к Ярополку.

Таким образом старший сын знаменитого Святослава, быв 4 года киевским владетелем и 3 года главою всей России, оставил для истории одну память добродушного, но слабого человека.

Глава IX

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР, НАЗВАННЫЙ В КРЕЩЕНИИ ВАСИЛИЕМ

980—1014

Хитрость Владимира.— Усердие к идолопоклонству.— Женолюбие. — Завоевание Галиции.— Первые христианские мученики в Киеве.— Бунт радимичей.— Камская Болгария.— Торки.— Отчаяние Гориславы.— Супружество Владимира и крещение России.— Разделение государства.— Строение городов.— Война с хорватами и печенегами.— Церковь Десятинная.— Набег печенегов. Пиры Владимировы.— Милосердие.— Осада Белагорода.— Бунт Ярослава.— Кончина Владимира.— Свойства его.— Сказки народные.— Богатыри.

Владимир, с помощию злодеяния и храбрых варягов, овладел государством; но скоро доказал, что он родился быть государем великим.

Сии гордые варяги считали себя завоевателями Киева и требовали в дань с каждого жителя по две гривны; Владимир не хотел вдруг отказать им, а манил их обе-

щаниями до самого того времени, как они, по взятым с его стороны мерам, уже не могли быть страшны для столицы. Варяги увидели обман; но видя также, что войско российское в Киеве было их сильнее, не дерзнули взбунтоваться и смиренно просились в Грецию. Владимир с радостию отпустил сих опасных людей, удержал в России достойнейших из них и роздал им многие города в управление. Между тем послы его предуведомили императора, чтобы он не оставлял мятежных варягов в столице, но разослал по городам и ни в каком случае не дозволял бы им возвратиться в Россию, сильную собственным войском.

Владимир, утвердив власть свою, изъявил отменное усердие к богам языческим: соорудил новый истукан Перуна с серебряною головою и поставил его, близ *теремного двора,* на священном холме, вместе с иными кумирами. Так, говорит летописец, стекался народ ослепленный и земля осквернялась кровию жертв. Может быть, совесть беспокоила Владимира; может быть, хотел он сею кровию примириться с богами, раздраженными его братоубийством: ибо и самая вера язычества не терпела таких злодеяний... Добрыня, посланный от своего племянника управлять Новымгородом, также поставил, на берегу Волхва, богатый кумир Перунов.

Но сия Владимирова набожность не препятствовала ему утопать в наслаждениях чувственных. Первою его супругою была Рогнеда, мать Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей; умертвив брата, он взял в наложницы свою беременную невестку, родившую Святополка; от другой законной супруги, чехини или богемки, имел сына Вышеслава; от третьей Святослава и Мстислава; от четвертой, родом из Болгарии, Бориса и Глеба. Сверх того, ежели верить летописи, было у него 300 наложниц в Вышегороде, 300 в нынешней Белогородке (близ Киева) и 200 в селе Берестове. Всякая прелестная жена и девица страшилась его любострастного взора: он презирал святость брачных союзов и невинности. Одним словом, летописец называет его вторым Соломоном в женолюбии.

Владимир, вместе со многими героями древних и новых времен, любя жен, любил и войну. Польские славяне, ляхи, наскучив бурною вольностию, подобно славянам российским, еще ранее их прибегнули к единовластию. Мечислав, государь знаменитый в истории введением христианства в земле своей, правил тогда народом польским; Владимир объявил ему войну, с намерением,

кажется, возвратить то, что было еще Олегом завоевано в Галиции, но после, может быть, при слабом Ярополке отошло к государству Польскому. Он взял город *Червень* (близ Хелма), Перемышль и другие, которые, с сего времени будучи собственностию России, назывались *Червенскими*. В следующие два года храбрый князь смирил бунт вятичей, не хотевших платить дани, и завоевал страну ятвягов, дикого, но мужественного народа латышского, обитавшего в лесах между Литвою и Польшею. Далее к северо-западу он распространил свои владения до самого Балтийского моря, ибо Ливония, по свидетельству Стурлезона, летописца исландского, принадлежала Владимиру, коего чиновники ездили собирать дань со всех жителей между Курляндиею и Финским заливом.

Увенчанный победою и славою, Владимир хотел принести благодарность идолам и кровию человеческою обагрить алтари. Исполняя совет *бояр* и *старцев*, он велел бросить жребий, кому из отроков и девиц киевских надлежало погибнуть в удовольствие мнимых богов — и жребий пал на юного варяга, прекрасного лицом и душою, коего отец был христианином. Посланные от старцев объявили родителю о сем несчастии; вдохновенный любовию к сыну и ненавистию к такому ужасному суеверию, он начал говорить им о заблуждении язычников, о безумии кланяться тленному дереву, вместо живого Бога, истинного Творца неба, земли и человека. Киевляне терпели христианство; но торжественное хуление веры их произвело всеобщий мятеж в городе. Народ вооружился, разметал двор варяжского христианина и требовал жертвы. Отец, держа сына за руку, с твердостию сказал: «Ежели идолы ваши действительно боги, то пусть они сами извлекут его из моих объятий». Народ, в исступлении ярости, умертвил отца и сына, которые были, таким образом, первыми и последними мучениками христианства в языческом Киеве. Церковь наша чтит их святыми под именем Феодора и Иоанна.

Владимир скоро имел случай новыми победами доказать свое мужество и счастие. Радимичи, спокойные данники великих князей со времен Олеговых, вздумали объявить себя независимыми: он спешил наказать их. Храбрый воевода его, прозванием *Волчий Хвост*, начальник передовой дружины княжеской, встретился с ними на берегах реки *Пищаны* и наголову побил мятежников; они смирились, и с того времени (пишет Нестор) вошло на Руси в пословицу: *радимичи волчья хвоста бегают*.

На берегах Волги и Камы издревле обитали болгары, или, может быть, переселились туда с берегов Дона в VII веке, не хотев повиноваться хану козарскому. В течение времени они сделались народом гражданским и торговым; имели сообщение, посредством судоходных рек, с севером России, а чрез море Каспийское с Персиею и другими богатыми азиатскими странами. Владимир, желая завладеть Камскою Болгариею, отправился на судах вниз по Волге вместе с новогородцами и знаменитым Добрынею; берегом шли конные *торки,* союзники или наемники россиян. Здесь в первый раз упоминается о сем народе, единоплеменном с туркоманами и печенегами; он кочевал в степях на юго-восточных границах России, там же, где скитались орды печенежские. Великий князь победил болгаров, но мудрый Добрыня, по известию летописца, осмотрев пленников и видя их в *сапогах,* сказал Владимиру: «Они не захотят быть нашими данниками: пойдем лучше искать *лапотников!»* Добрыня мыслил, что люди избыточные имеют более причин и средств обороняться. Владимир, уважив его мнение, заключил мир с болгарами, которые торжественно обещались жить дружелюбно с россиянами, утвердив клятву сими простыми словами: «Разве тогда нарушим договор свой, когда камень станет плавать, а хмель тонуть на воде».— Ежели не с данию, то по крайней мере с честию и с дарами Великий князь возвратился в столицу.

К сему времени надлежит, кажется, отнести любопытный и трогательный случай, описанный в продолжении Несторовой летописи. Рогнеда, названная по ее горестям *Гориславою,* простила супругу убийство отца и братьев, но не могла простить измены в любви: ибо Великий князь уже предпочитал ей других жен и выслал несчастную из дворца своего. В один день, когда Владимир, посетив ее жилище уединенное на берегу Лыбеди — близ Киева, где в Несторово время было село *Предславино,*— заснул там крепким сном, она хотела ножом умертвить его. Князь проснулся и отвел удар. Напомнив жестокому смерть ближних своих и проливая слезы, отчаянная Рогнеда жаловалась, что он уже давно не любит ни ее, ни бедного младенца, Изяслава. Владимир решился собственною рукою казнить преступницу; велел ей украситься брачною одеждою и, сидя на богатом ложе, в светлой храмине, ждать смерти. Уже гневный супруг и судия вступил в сию храмину... Тогда юный Изяслав, наученный Рогнедою, подал ему меч

обнаженный и сказал: «Ты не один, о родитель мой! сын будет свидетелем». Владимир, бросив меч на землю, ответствовал: «Кто знал, что ты здесь!..» Удалился, собрал бояр и требовал их совета. «Государь! — сказали они,— прости виновную для сего младенца и дай им в удел бывшую область отца ее». Владимир согласился: построил новый город в нынешней Витебской губернии и, назвав его *Изяславлем,* отправил туда мать и сына.

Теперь приступаем к описанию важнейшего дела Владимирова, которое всего более прославило его в истории... Исполнилось желание благочестивой Ольги, и Россия, где уже более ста лет мало-помалу укоренялось христианство, наконец вся и торжественно признала святость оного, почти в одно время с землями соседственными: Венгриею, Польшею, Швециею, Норвегиею и Даниею. Самое разделение церквей, восточной и западной, имело полезное следствие для истинной веры: ибо главы их старались превзойти друг друга в деятельной ревности к обращению язычников.

Древний летописец наш повествует, что не только христианские проповедники, но и магометане, вместе с иудеями, обитавшими в земле Козарской или в Тавриде, присылали в Киев мудрых законников склонять Владимира к принятию веры своей и что Великий князь охотно выслушивал их учение. Случай вероятный: народы соседственные могли желать, чтобы государь, уже славный победами в Европе и в Азии, исповедовал одного Бога с ними, и Владимир мог также — увидев, наконец, подобно великой бабке своей, заблуждение язычества — искать истины в разных верах.

Первые послы были от волжских или камских болгаров. На восточных и южных берегах Каспийского моря уже давно господствовала вера магометанская, утвержденная там счастливым оружием аравитян: болгары приняли оную и хотели сообщить Владимиру. Описание Магометова рая и цветущих гурий пленило воображение сластолюбивого князя; но обрезание казалось ему ненавистным обрядом и запрещение пить вино уставом безрассудным. *Вино,* сказал он *есть веедение для русских; не можем быть без него.*— Послы немецких католиков говорили ему о величии невидимого Вседержителя и ничтожности идолов. Князь ответствовал им: *идите обратно;* отцы наши не принимали веры от папы. Выслушав иудеев, он спросил, где их отечество. «В Иерусалиме»,— ответствовали проповедники,— но Бог во гневе своем расточил нас по землям чуждым». *И вы, наказы-*

ваемые Богом, дерзаете учить других? — сказал Владимир.— *Мы не хотим, подобно вам, лишиться своего отечества.*— Наконец безыменный философ, присланный греками, опровергнув в немногих словах другие веры, рассказал Владимиру все содержание Библии, Ветхого и Нового Завета: историю творения, рая, греха, первых людей, потопа, народа избранного, искупления христианства, семи соборов, и в заключение показал ему картину Страшного Суда, с изображением праведных, идущих в рай, и грешных, осужденных на вечную муку. Пораженный сим зрелищем, Владимир вздохнул и сказал: «Благо добродетельным и горе злым!» *Крестися,*— ответствовал философ,— *и будешь в раю с первыми.*

Летописец наш *угадывал,* каким образом проповедники вер долженствовали говорить с Владимиром; но ежели греческий философ, действительно, имел право на сие имя, то ему не трудно было уверить язычника разумного в великом превосходстве закона христианского. Вера славян ужасала воображение могуществом разных богов, часто между собою несогласных, которые играли жребием людей и нередко увеселялись их кровию. Хотя славяне признавали также и бытие единого Существа высочайшего, но праздного, беспечного в рассуждении судьбы мира, подобно божеству Эпикурову и Лукрециеву. О жизни за пределами гроба, столь любезной человеку, вера не сообщала им никакого ясного понятия: *одно земное* было ее предметом. Освящая добродетель храбрости, великодушия, честности, гостеприимства, она способствовала благу гражданских обществ в их новости, но не могла удовольствовать сердца чувствительного и разума глубокомысленного. Напротив того, христианство, представляя в едином невидимом Боге создателя и правителя вселенной, нежного отца людей, снисходительного к их слабостям и награждающего добрых — здесь миром и покоем совести, а там, за тьмою временной смерти, блаженством вечной жизни,— удовлетворяет всем главным потребностям души человеческой.

Владимир, отпустив философа с дарами и с великою честию, собрал бояр и *градских старцев;* объявил им предложение магометан, иудеев, католиков, греков и требовал их совета. «Государь! — сказали бояре и старцы,— всякой человек хвалит веру свою: ежели хочешь избрать лучшую, то пошли умных людей в разные земли, испытать, который народ достойнее поклоняется Божеству». И великий князь отправил *десять* благора-

зумных мужей для сего испытания. Послы видели в стране болгаров храмы скудные, моление унылое, лица печальные; в земле немецких католиков богослужение с обрядами, но, по словам летописи, *без всякого величия и красоты;* наконец, прибыли в Константинополь. *Да созерцают они славу Бога нашего!* — сказал император и, зная, что грубый ум пленяется более наружным блеском, нежели истинами отвлеченными, приказал вести послов в Софийскую церковь, где сам патриарх, облаченный в святительские ризы, совершал литургию. Великолепие храма, присутствие всего знаменитого духовенства греческого, богатые одежды служебные, убранство алтарей, красота живописи, благоухание фимиама, сладостное пение клироса, безмолвие народа, священная важность и таинственность обрядов изумили россиян; им казалось, что сам Всевышний обитает в сем храме и непосредственно с людьми соединяется... Возвратясь в Киев, послы говорили князю с презрением о богослужении магометан, с неуважением о католическом и с восторгом о византийском, заключив словами: «Всякой человек, вкусив сладкое, имеет уже отвращение от горького; так и мы, узнав веру греков, не хотим иной». Владимир желал еще слышать мнение бояр и старцев. «Когда бы закон греческий,— сказали они,— не был лучше других, то бабка твоя, Ольга, мудрейшая всех людей, не вздумала бы принять его». Великий князь решился быть христианином.

Так повествует наш летописец, который мог еще знать современников Владимира и потому достоверный в описании важных случаев его княжения. Истина сего российского посольства в страну католиков и в Царьград, для испытания закона христианского, утверждается также известиями одной греческой древней рукописи, хранимой в парижской библиотеке: несогласие состоит единственно в прилагательном имени Василия, тогдашнего царя византийского, названного в ней *Македонским* вместо *Багрянородного*.

Владимир мог бы креститься и в собственной столице своей, где уже давно находились церкви и священники христианские; но князь пышный хотел блеска и величия при сем важном действии: одни цари греческие и патриарх казались ему достойными сообщить целому его народу уставы нового богослужения. Гордость могущества и славы не позволяла также Владимиру унизиться, в рассуждении греков, искренним признанием своих языческих заблуждений и смиренно просить крещения:

он вздумал, так сказать, *завоевать* веру христианскую и принять ее святыню рукою победителя.

Собрав многочисленное войско, Великий князь пошел на судах к греческому Херсону, которого развалины доныне видимы в Тавриде, близ Севастополя. Сей торговый город, построенный в самой глубокой древности выходцами гераклейскими, сохранял еще в X веке бытие и славу свою, несмотря на великие опустошения, сделанные дикими народами в окрестностях Черного моря, со времен Геродотовых скифов до козаров и печенегов. Он признавал над собою верховную власть императоров греческих, но не платил им дани; избирал своих начальников и повиновался собственным законам республиканским. Жители его, торгуя во всех пристанях черноморских, наслаждались изобилием.— Владимир, остановясь в гавани или заливе Херсонском, высадил на берег войско и со всех сторон окружил город. Издревле привязанные к вольности, херсонцы оборонялись мужественно. Великий князь грозил им стоять три года под их стенами, ежели они не сдадутся, но граждане отвергали его предложения, в надежде, может быть, иметь скорую помощь от греков; старались уничтожать все работы осаждающих и, сделав тайный подкоп, как говорит летописец, ночью уносили в город ту землю, которую россияне сыпали перед стенами, чтобы окружить оные валом, по древнему обыкновению военного искусства. К счастию, нашелся в городе доброжелатель Владимиру, именем Анастас: сей человек пустил к россиянам стрелу, с надписью: *за вами, к востоку, находятся колодези, дающие воду херсонцам чрез подземельные трубы: вы можете отнять ее.* Великий князь спешил воспользоваться советом и велел перекопать водоводы (коих следы еще заметны близ нынешних развалин херсонских). Тогда граждане, изнуряемые жаждою, сдались россиянам.

Завоевав славный и богатый город, который в течение многих веков умел отражать приступы народов варварских, российский князь еще более возгордился своим величием и чрез послов объявил императорам, Василию и Константину, что он желает быть супругом сестры их, юной царевны Анны, или, в случае отказа, возьмет Константинополь. Родственный союз с греческими знаменитыми царями казался лестным для его честолюбия. Империя, по смерти героя Цимисхия, была жертвою мятежей и беспорядка: военачальники Склир и Фока не хотели повиноваться законным государям и спорили с ними о державе. Сии обстоятельства принудили импе-

раторов забыть обыкновенную надменность греков и презрение к язычникам. Василий и Константин, надеясь помощию сильного князя российского спасти трон и венец, ответствовали ему, что от него зависит быть их зятем; что, приняв веру христианскую, он получит и руку царевны, и царство небесное. Владимир, уже готовый к тому, с радостию изъявил согласие креститься, но хотел прежде, чтобы императоры, в залог доверенности и дружбы, прислали к нему сестру свою. Анна ужаснулась: супружество с князем народа, по мнению греков, дикого и свирепого казалось ей *жестоким пленом* и ненавистнее смерти. Но политика требовала сей жертвы, и ревность к обращению идолопоклонников служила ей оправданием или предлогом. Горестная царевна отправилась в Херсон на корабле, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками; там народ встретил ее как свою избавительницу со всеми знаками усердия и радости. В летописи сказано, что Великий князь тогда разболелся глазами и не мог ничего видеть; что Анна убедила его немедленно креститься и что он прозрел в самую ту минуту, когда святитель возложил на него руку. Бояре российские, удивленные чудом, вместе с государем приняли истинную веру (в церкви св. Василия, которая стояла на городской площади, между двумя палатами, где жили Великий князь и невеста его). Херсонский митрополит и византийские пресвитеры совершили сей обряд торжественный, за коим следовало обручение и самый брак царевны с Владимиром, благословенный для России во многих отношениях и весьма счастливый для Константинополя, ибо Великий князь, как верный союзник императоров, немедленно отправил к ним часть мужественной дружины своей, которая помогла Василию разбить мятежника Фоку и восстановить тишину в Империи.

Сего недовольно: Владимир отказался от своего завоевания и, соорудив в Херсоне церковь — на том возвышении, куда граждане сносили из-под стен землю, возвратил сей город царям греческим в изъявление благодарности за руку сестры их. Вместо пленников, он вывел из Херсона одних иереев и того Анастаса, который помог ему овладеть городом; вместо дани взял церковные сосуды, мощи св. Климента и Фива, ученика его, также два истукана и четырех коней медных, в знак любви своей к художествам (сии, может быть, изящные произведения древнего искусству стояли в Несторово время на площади старого Киева, близ нынешней

Андреевской и Десятинной церквн). Наставленный херсонским митрополитом в тайнах и нравственном учении христианства, Владимир спешил в столицу свою озарить народ светом крещения. Истребление кумиров служило приуготовлением к сему торжеству: одни были изрублены, другие сожжены. Перуна, главного из них, привязали к хвосту конскому, били тростями и свергнули с горы в Днепр. Чтобы усердные язычники не извлекли идола из реки, воины княжеские отталкивали его от берегов и проводили до самых порогов, за коими он был извержен волнами на берег (и сие место долго называлося Перуновым). Изумленный народ не смел защитить своих мнимых богов, но проливал слезы, бывшие для них последнею данию суеверия: ибо Владимир на другой день велел объявить в городе, чтобы все люди русские, вельможи и рабы, бедные и богатые шли креститься — и народ, уже лишенный предметов древнего обожания, устремился толпами на берег Днепра, рассуждая, что новая вера должна быть мудрою и святою, когда Великий князь и бояре предпочли ее старой вере отцов своих. Там явился Владимир, провожаемый собором греческих священников, и, по данному знаку, бесчисленное множество людей вступило в реку: большие стояли в воде по грудь и шею; отцы и матери держали младенцев на руках; иереи читали молитвы крещения и пели славу Вседержителя. Когда же обряд торжественный совершился, когда священный собор нарек всех граждан киевских христианами, тогда Владимир, в радости и восторге сердца устремив взор на небо, громко произнес молитву: «Творец земли и неба! благослови сих новых чад твоих; дай им познать тебя, Бога истинного; утверди в них веру правую. Будь мне помощию в искушениях зла, да восхвалю достойно святое имя твое!..» *В сей великий день,* говорит летописец, *земля и небо ликовали.*

Скоро знамения веры христианской, принятой государем, детьми его, вельможами и народом, явились на развалинах мрачного язычества в России, и жертвенники Бога истинного заступили место идольских требищ. Великий князь соорудил в Киеве деревянную церковь св. Василия, на том месте, где стоял Перун, и призвал из Константинополя искусных зодчих для строения храма каменного во имя Богоматери, там, где в 983 году пострадал за веру благочестивый варяг и сын его. Между тем ревностные служители алтарей, священники, проповедовали Христа в разных областях государства.

Многие люди крестились, рассуждая, без сомнения, так же, как и граждане киевские; другие, привязанные к закону древнему, отвергали новый: ибо язычество господствовало в некоторых странах России до самого XII века. Владимир не хотел, кажется, принуждать совести; но взял лучшие, надежнейшие меры для истребления языческих заблуждений: *он старался просветить россиян.* Чтобы утвердить веру на знании книг божественных, еще в IX веке переведенных на славянский язык Кириллом и Мефодием и, без сомнения, уже давно известных киевским христианам, Великий князь завел для отроков училища, бывшие первым основанием народного просвещения в России. Сие благодеяние казалось тогда страшною новостию, и жены знаменитые, у коих неволею брали детей в науку, оплакивали их как мертвых, ибо считали грамоту опасным чародейством.

Владимир имел 12 сыновей, еще юных отроков. Мы уже наименовали из них 9: Станислав, Позвизд, Судислав родились, кажется, после. Думая, что дети могут быть надежнейшими слугами отца, или, лучше сказать, следуя несчастному обыкновению сих времен, Владимир разделил государство на области и дал в удел Вышеславу Новгород, Изяславу Полоцк, Ярославу Ростов: по смерти же Вышеслава Новгород, а Ростов Борису; Глебу Муром, Святославу Древлянскую землю, Всеволоду Владимир Волынский, Мстиславу Тмуторокань, или греческую Таматарху, завоеванную, как вероятно, мужественным дедом его; а Святополку, усыновленному племяннику, Туров, который доныне существует в Минской губернии и назван так от имени варяга Тура, повелевавшего некогда сею областию. Владимир отправил малолетних князей в назначенный для каждого удел, поручив их до совершенного возраста благоразумным пестунам. Он, без сомнения, не думал раздробить государства и дал сыновьям одни права своих наместников; но ему надлежало бы предвидеть следствия, необходимые по его смерти. Удельный князь, повинуясь отцу, самовластному государю всей России, мог ли столь же естественно повиноваться и наследнику, то есть брату своему? Междоусобие детей Святославовых уже доказало противное; но Владимир не воспользовался сим опытом: ибо самые великие люди действуют согласно с образом мыслей и правилами своего века.

Желая удобнее образовать народ и защитить южную Россию от грабительства печенегов, Великий князь основал новые города по рекам Десне, Остеру, Трубежу, Су-

ле, Стугне и населил их новгородскими славянами, кривичами, чудью, вятичами. Укрепив Киевский Белгород стеною, он перевел туда многих жителей из других городов: ибо отменно любил его и часто живал в оном.

Война с хорватами, обитавшими (как думаем) на границах Седмиградской области и Галиции, отвлекла Владимира от внутренних государственных распоряжений. Едва окончив ее миром, или победою, он сведал о набеге печенегов, которые пришли из-за Сулы и разоряли область Киевскую. Великий князь встретился с ними на берегах Трубежа; причем летописец рассказывает следующую повесть:

«Войско печенегов стояло за рекою; князь их вызвал Владимира на берег и предложил ему решить дело поединком между двумя с обеих сторон избранными богатырями. Ежели *русский убьет печенега,* сказал он, *то обязываемся три года не воевать с вами, а ежели наш победит, то мы вольны три года опустошать твою землю.* Владимир согласился и велел *бирючам,* или герольдам, в стане своем кликнуть охотников для поединка; не сыскалось ни одного, и князь российский был в горести. Тогда приходит к нему старец и говорит: *«Я вышел в поле с четырьмя сынами, а меньший остался дома. С самого детства никто не мог одолеть его. Однажды, в сердце на меня, он разорвал надвое толстую воловью кожу. Государь! вели ему бороться с печенегом».* Владимир немедленно послал за юношею, который для опыта в силе своей требовал быка дикого; и когда зверь, раздраженный прикосновением горячего железа, бежал мимо юноши, сей богатырь одной рукою вырвал у него из боку кусок мяса. На другой день явился печенег, великан страшный, и, видя своего малорослого противника, засмеялся. Выбрали место: единоборцы схватились. Россиянин крепкими мышцами своими давнул печенега и мертвого ударил об землю. Тогда дружина княжеская, воскликнув победу, бросилась на устрашенное войско печенегов, которое едва могло спастися бегством. Радостный Владимир в память сему случаю заложил на берегу Трубежа город и назвал его *Переяславлем,* ибо юноша русский *переял* у врагов славу. Великий князь, наградив витязя и старца, отца его, саном боярским, возвратился с торжеством в Киев». Поединок может быть истиною; но обстоятельство, что Владимир основал Переяславль, кажется сомнительным: ибо о сем городе упоминается еще в Олеговом договоре с греками в 906 году.

Россия года два или три наслаждалась потом тишиною. Владимир, к великому своему удовольствию, видел наконец совершение каменного храма в Киеве, посвященного Богоматери и художеством греков украшенного. Там, исполненный веры святой и любви к народу, он сказал пред алтарем Всевышнего: «Господи! в сем храме, мною сооруженном, да внимаешь всегда молитвам добрых россиян» — и в знак сердечной радости угостил во дворце княжеском бояр и градских старцев; не забыл и людей бедных, щедро удовлетворив их нуждам.— Владимир отдал в новую церковь иконы, кресты и сосуды, взятые в Херсоне; велел служить в ней херсонским иереям; поручил ее любимцу своему Анастасу; уставил брать ему десятую часть из собственных доходов княжеских и, клятвенною грамотою обязав своих наследников не преступать сего закона, положил оную в храме. Следственно Анастас был священного сана и, вероятно, знаменитого, когда главная церковь столицы (доныне именуемая *Десятинною)* находилась под его особенным ведением. Новейшие летописцы утвердительно повествуют о киевских митрополитах сего времени, но, именуя их, противоречат друг другу. Нестор совсем не упоминает о митрополии до княжения Ярославова, говоря единственно о епископах, уважаемых Владимиром, без сомнения, греках или славянах греческих, которые, разумея язык наш, тем удобнее могли учить россиян.

Случай, опасный для Владимировой жизни, еще более утвердил сего князя в чувствах набожности. Печенеги, снова напав на области российские, приступили к Василеву, городу, построенному им на реке Стугне. Он вышел в поле с малою дружиною, не мог устоять против их множества и должен был скрыться под мостом. Окруженный со всех сторон врагами свирепыми, Владимир обещался, ежели небо спасет его, соорудить в Василеве храм празднику того дня, святому Преображению. Неприятели удалились, и Великий князь, исполнив обет свой, созвал к себе на пир вельмож, посадников, старейшин из других городов. Желая изобразить его роскошь, летописец говорит, что Владимир приказал сварить *триста варь меду* и восемь дней праздновал с боярами в Василеве. Убогие получили 300 гривен из казны государственной. Возвратясь в Киев, он дал новый пир не только вельможам, но и всему народу, который искренно радовался спасению доброго и любимого государя. С того времени сей князь всякую неделю угощал в *гриднице,* или в прихожей дворца своего, бояр, *гридней* (меченос-

цев княжеских), воинских сотников, десятских и всех людей именитых или *нарочитых*. Даже и в те дни, когда его не было в Киеве, они собирались во дворце и находили столы, покрытые мясами, дичиною и всеми роскошными яствами тогдашнего времени. Однажды — как рассказывает летописец — гости Владимировы, упоенные крепким медом, вздумали жаловаться, что у знаменитого государя русского подают им к обеду деревянные ложки. Великий князь, узнав о том, велел сделать для них *серебряные*, говоря благоразумно: *серебром и золотом не добудешь верной дружины; а с нею добуду много и серебра и золота, подобно отцу моему и деду*. Владимир, по словам летописи, отменно любил свою дружину и советовался с сими людьми, не только храбрыми, но и разумными, как о воинских, так и гражданских делах.

Будучи другом усердных бояр и чиновников, он был истинным отцом бедных, которые всегда могли приходить на двор княжеский утолять там голод свой и брать из казны деньги. Сего мало: *больные*, говорил Владимир, *не в силах дойти до палат моих* — и велел развозить по улицам хлебы, мясо, рыбу, овощи, мед и квас в бочках. «Где нищие, недужные?» — спрашивали люди княжеские и наделяли их всем потребным. Сию добродетель Владимирову приписывает Нестор действию христианского учения. Слова евангельские: *блажени милостиви, яко тии помиловани будут*, и Соломоновы: *дая нищему, богу в заим даете* — вселили в душу Великого князя редкую любовь к благотворению и вообще такое милосердие, которое выходило даже из пределов государственной пользы. Он щадил жизнь самых убийц и наказывал их только *вирою*, или денежною пенею; число преступников умножалось, и дерзость их ужасала добрых, спокойных граждан. Наконец духовные пастыри церкви вывели набожного князя из заблуждения. «Для чего не караешь злодейства?» — спросили они. *Боюсь гнева небесного*,— ответствовал Владимир. «Нет,— сказали епископы,— ты поставлен богом на казнь злым, а добрым — на милование. Должно карать преступника, но только с рассмотрением». Великий князь, приняв их совет, отменил *виру* и снова ввел смертную казнь, бывшую при Игоре и Святославе.

Сим благоразумным советникам надлежало еще пробудить в нем для государственного блага и прежний дух воинский, усыпленный тем же человеколюбием. Владимир уже не искал славы героев и жил в мире с соседственными государями: польским, венгерским и богем-

ским; но хищные печенеги, употребляя в свою пользу миролюбие его, беспрестанно опустошали Россию. Мудрые епископы и *старцы* доказали великому князю, что государь должен быть ужасом не только преступников государственных, но и внешних врагов — и глас воинских труб снова раздался в нашем древнем отечестве.

Владимир, желая собрать воинство многочисленное для отражения печенегов, сам отправился в Новгород; но сии неутомимые враги, узнав его отсутствие, приблизились к столице, окружили Белгород и пресекли сообщение жителей с местами окрестными. Чрез несколько времени сделался там голод, и народ, собравшись на *вече,* или совет, изъявил желание сдаться неприятелям. «Князь далеко,— говорил он.— Печенеги могут умертвить только некоторых из нас, а от голода мы все погибнем». Но хитрость умного старца, впрочем, не совсем *вероятная,* спасла граждан. Он велел ископать два колодезя, поставить в них одну кадь с сытою, другую — с тестом и звать старшин неприятельских будто бы для переговоров. Видя сии колодези, они поверили, что земля сама собою производит там вкусную для людей пищу, и возвратились к своим князьям с вестию, что город не может иметь недостатка в съестных припасах! Печенеги сняли осаду. Вероятно, что Владимир счастливым оружием унял, наконец, сих варваров: по крайней мере летописец не упоминает более о их нападениях на Россию до самого 1015 году. Но здесь предания оставляют, кажется, Нестора, и в течение *семнадцати лет* он сказывает нам только, что в 1000 году умерли Мальфрида — одна из бывших Владимировых жен, как надобно думать, и знаменитая несчастием Рогнеда, в 1001 Изяслав, а в 1003 младенец Всеслав, сын Изяславов, что в 1007 году привезли иконы в киевский храм Богоматери из Херсона или из Греции, а в 1011 скончалась Анна, супруга Владимирова, достопамятная для потомства: ибо она была орудием небесной благодати, извлекшей Россию из тьмы идолопоклонства.

В сии годы, скудные происшествиями по Несторовой летописи, Владимир мог иметь ту войну с норвежским принцем Эриком, о коей повествует исландский летописец Стурлезон. Гонимый судьбою, малолетний принц норвежский Олоф, племянник Сигурда, одного из вельмож Владимировых, с материю, вдовствующею королевою Астридою, нашел убежище в России; учился при дворе, осыпаемый милостями великой княгини, и ревностно служил государю; но, оклеветанный завистливы-

ми боярами, должен был оставить его службу. Чрез несколько лет, может быть, с помощию России, он сделался королем норвежским, отняв престол у Эрика, который бежал в Швецию, собрал войско, напал на северо-западные Владимировы области, осадил и взял приступом город российский *Альдейгабург*, или, как *вероятно*, нынешнюю Старую Ладогу, где обыкновенно приставали мореплаватели скандинавские и где, по народному преданию, Рюрик имел дворец свой. Храбрый норвежский принц четыре года воевал с Владимиром; наконец, уступив превосходству сил его, вышел из России.

Судьба не пощадила Владимира в старости: пред концом своим ему надлежало увидеть с горестию, что властолюбие вооружает не только брата против брата, но и сына против отца.

Наместники Новогородские ежегодно платили две тысячи гривен Великому князю и тысячу раздавали гридням, или телохранителям княжеским. Ярослав, тогдашний правитель Новагорода, дерзнул объявить себя независимым и не хотел платить дани. Раздраженный Владимир велел готовиться войску к походу в Новгород, чтобы наказать ослушника; а сын, ослепленный властолюбием, призвал из-за моря варягов на помощь, думая, вопреки законам божественным и человеческим, поднять меч на отца и государя. Небо, отвратив сию войну богопротивную, спасло Ярослава от злодеяния редкого. Владимир, может быть от горести, занемог тяжкою болезнию, и в то же самое время печенеги ворвались в Россию; надлежало отразить их: не имея сил предводительствовать войском, он поручил его любимому сыну Борису, князю ростовскому, бывшему тогда в Киеве, и чрез несколько дней скончался в Берестове, загородном дворце, не избрав наследника и оставив кормило государства на волю рока...

Святополк, усыновленный племянник Владимиров, находился в столице; боясь его властолюбия, придворные хотели утаить кончину Великого князя, вероятно для того, чтобы дать время сыну его, Борису, возвратиться в Киев; ночью выломали пол в сенях, завернули тело в ковер, спустили вниз по веревкам и отвезли в храм Богоматери. Но скоро печальная весть разгласилась в городе: вельможи, народ, воины бросились в церковь, увидели труп государя и стенанием изъявили свое отчаяние. Бедные оплакивали благотворителя, бояре — отца отечества... Тело Владимирово заключили в мраморную раку и поставили оную торжественно, рядом с

гробницею супруги его, Анны, среди храма Богоматери, им сооруженного.

Сей князь, названный церковию *Равноапостольным,* заслужил и в истории имя *Великого.* Истинное ли уверение в святыне христианства, или, как повествует знаменитый арабский историк XIII века, одно честолюбие и желание быть в родственном союзе с государями византийскими решило его креститься? известно богу, а не людям. Довольно, что Владимир, приняв веру Спасителя, освятился ею в сердце своем и стал иным человеком. Быв в язычестве мстителем свирепым, гнусным сластолюбцем, воином кровожадным и — что всего ужаснее — братоубийцею, Владимир, наставленный в человеколюбивых правилах христианства, боялся уже проливать кровь самых злодеев и врагов отечества. Главное право его на вечную славу и благодарность потомства состоит, конечно, в том, что он поставил россиян на путь истинной веры; но имя *Великого* принадлежит ему и за дела государственные. Сей князь, похитив единовластие, благоразумным и счастливым для народа правлением загладил вину свою; выслав мятежных варягов из России, употребил лучших из них в ее пользу; смирил бунты своих данников, отражал набеги хищных соседов, победил сильного Мечислава и славный храбростию народ ятвяжский; расширил пределы государства на западе; мужеством дружины своей утвердил венец на слабой главе восточных императоров; старался просветить Россию: населил пустыни, основал новые города; любил советоваться с мудрыми боярами о полезных уставах земских; завел училища и призывал из Греции не только иереев, но и художников; наконец был нежным отцом народа бедного. Горестию последних минут своих он заплатил за важную ошибку в политике, за назначение особенных уделов для сыновей.

Слава его правления раздалась в трех частях мира: древние скандинавские, немецкие, византийские, арабские летописи говорят о нем. Кроме преданий церкви и нашего первого летописца о делах Владимировых, память сего Великого князя хранилась и в сказках народных о великолепии пиров его, о могучих богатырях его времени: о Добрыне Новогородском, Александре с *золотою гривою,* Илье Муромце, сильном Рахдае (который будто бы один ходил на 300 воинов), Яне Усмошвеце, грозе печенегов, и прочих, о коих упоминается в новейших, отчасти баснословных, летописях. Сказки — не история, но сие сходство в народных понятиях о временах

Карла Великого и князя Владимира достойно замечания: тот и другой, заслужив бессмертие в летописях своими победами, усердием к христианству, любовию к наукам, живут доныне и в сказках богатырских.

Владимир, несмотря на слабое от природы здоровье, дожил до старости: ибо в 970 году уже господствовал в Новегороде, под руководством дяди, боярина Добрыни.

Прежде нежели будем говорить о наследниках сего великого монарха, дополним историю описанных нами времен всеми известиями, которые находятся в Несторе и в чужестранных современных летописцах, о гражданском и нравственном состоянии тогдашней России: чтобы не прерывать нити исторического повествования, сообщаем оные в статье особенной.

Из главы X

О СОСТОЯНИИ ДРЕВНЕЙ РОССИИ

Пределы.— Правление.— Воинское искусство.— Флоты.— Чиноначалие и внутреннее образование войска.— Торговля.— Пышность и роскошь.— Состояние городов.— Деньги.— Успехи разума.— Механические и свободные художества

В самый первый век бытия своего Россия превосходила обширностию едва ли не все тогдашние государства европейские. Завоевания Олеговы, Святославовы, Владимировы распространили ее владения от Новагорода и Киева к западу до моря Балтийского, Двины, Буга и гор Карпатских, а к югу — до порогов Днепровских и Киммерийского Воспора; к северу и востоку — граничила она с Финляндиею и с чудскими народами, обитателями нынешних губерний Архангельской, Вологодской, Вятской, также с мордвою и с казанскими болгарами, за коими, к морю Каспийскому, жили хвалисы, их единоверцы и единоплеменники (почему сие море называлось тогда Хвалынским или Хвалисским).

Слова новогородцев и союзных с ними народов, преданные нам летописцем: «Хотим князя, да владеет и

правит нами по закону» — были основанием первого устава государственного России, то есть монархического.

Но князья привели с собою многих независимых варягов, которые считали их более своими товарищами, нежели государями, и шли в Россию властвовать, а не повиноваться. Сии варяги были первыми чиновниками, знаменитейшими воинами и гражданами; составляли отборную дружину и верховный совет, с коим государь делился властию. Мы видели, что послы российские заключили договор с Грециею от имени князя и бояр его; что Игорь не мог один утвердить союза с императором и что вся *дружина княжеская* должна была вместе с ним присягать на священном холме.

Самый народ славянский хотя и покорился князьям, но сохранил некоторые обыкновения вольности и в делах важных или в опасностях государственных сходился на общий совет. Белогородцы, теснимые печенегами, рассуждали на вече, что́ им делать.— Сии народные собрания были древним обыкновением в городах российских, доказывали участие граждан в правлении и могли давать им смелость, неизвестную в державах строгого, неограниченного единовластия. Так новогородцы объявили Святославу, что они требуют от него сына в правители или, в случае отказа, изберут себе особенного князя.

На войне права государя были ограничены корыстолюбием воинов: он мог брать себе только часть добычи, уступая им прочее. Так Олег, Игорь взяли дань с греков на каждого из своих ратников; самые родственники убитых имели в ней долю. Желая один воспользоваться грабежом в земле Древлянской, Игорь удалил от себя войско; следственно, не только добычею счастливой битвы, но и данию, собираемою с народов, уже подвластных России, князья делились с воинами.

Впрочем, вся земля Русская была, так сказать, законною собственностию Великих князей: они могли, кому хотели, раздавать города и волости. Так многие варяги получили уделы от Рюрика. Так супруга Игорева владела Вышегородом, а Рогволод, по словам летописи, *княжил* в Полоцке.

Варяги, на условиях *поместной системы* владевшие городами, имели титло князей: о сих-то *многих* князьях российских упоминается в Олеговом договоре с греческим императором. Дети их, заслужив милость государя, могли получать те же уделы: бояре Владимировы назвали Полоцк, где княжил отец Рогнедин, ее наследствен-

ным достоянием, или отчиною. Но Великий князь, как государь, располагал сими частными княжествами: Владимир отдал детям своим Ростов, Муром и другие области, бывшие со времен Рюриковых уделами вельмож норманских.— Другие города и волости непосредственно зависели от Великого князя: он управлял ими чрез своих посадников или наместников.

Образ сего внутреннего правления ответствовал простоте тогдашних нравов. Одни люди были чиновниками воинскими и гражданскими: государь советовался о *земских* учреждениях с храброю дружиною. Ему принадлежала верховная законодательная и судебная власть: Владимир по воле своей отменил и снова уставил смертную казнь.— Нестор упоминает еще о *градских старейшинах,* которые, летами, разумом и честию заслужив доверенность, могли быть судиями в делах народных.

Варяги, законодатели наших предков, были их наставниками и в искусстве войны. Россияне, предводимые своими князьями, сражались уже не толпами беспорядочными, как славяне древние, но строем, вокруг знамен своих или стягов, в сомкнутых рядах, при звуке труб воинских; имели конницу, собственную и наемную, и *сторожевые* отряды, за коими целое войско оставалось в безопасности. Готовясь к битвам, они выходили на открытое поле заниматься воинскими играми: учились быстрому, дружному нападению и согласным движениям, дающим победу; носили для защиты своей тяжелые латы, обручи, высокие шлемы. Мечи, с обеих сторон острые, копья и стрелы были их оружием. Укрепляя города свои стенами, хотя деревянными, но неприступными для народов варварских, тогдашних соседов России, предки наши умели брать города чуждые и знали искусство осадных земляных работ; окружали глубокими рвами не только крепости, но и полевые станы свои для безопасности.

Подобно другим славянам мужественные на суше, они заимствовали от варягов искусство мореплавания, и только один страшный *огонь греческий* мог спасти Царьград от флота Игорева: для того Великие князья всегда желали узнать тайный состав сего огня; но хитрые греки уверяли их, что ангел небесный вручил оный императору Константину и что одни христиане могут им пользоваться. Тогдашние военные корабли российские были не что иное, как гребные, с помощию больших парусов, весьма ходкие суда, на которые садилось от 40 до 60 человек.

О древнем чиноначалии и внутреннем образовании войска известно нам следующее: князь был его главою на воде и суше; под ним начальствовали воеводы, тысячские, сотники, десятские. Дружину первого составляли опытные витязи и бояре, которые хранили его жизнь и служили примером мужества для прочих. Мы знаем, сколь Владимир уважал и любил их. Дружина Игорева и по смерти князя носила на себе его имя. Под сим общим названием разумелись иногда и молодые отборные воины, отроки, гридни, которые служили при князе: первые считались знаменитее вторых. Главные воеводы имели также своих отроков, как Свенельд, воевода Игорев.— Варяги до самых времен Ярославовых были в России особенным войском: они и гридни, или *мечники*, брали из казны жалованье; другие участвовали только в добыче.

Народы, из коих составилось государство Российское, и до пришествия варягов имели уже некоторую степень образования: ибо самые грубые древляне жили отчасти в городах; самые вятичи и радимичи, варвары по описанию Несторову, издревле занимались хлебопашеством. Вероятно, что они пользовались и выгодами торговли, как внутренней, так и внешней; но мы не имеем никакого исторического об ней сведения. Первые известия о нашем древнем купечестве относятся уже ко временам варяжских князей: договоры их с греками свидетельствуют, что в X веке жило множество россиян в Цареграде, которые продавали там невольников и покупали всякие ткани. Звериная ловля и пчеловодство доставляли им множество воску, меду и драгоценных мехов, бывших, вместе с невольниками, главным предметом их торговли. Константин Багрянородный пишет, что в Хазарию и в Россию шли тогда из Царяграда пурпур, богатые одежды, сукна, сафьян, перец; к сим товарам, по известию Нестора, можно прибавить вино и плоды. Ежегодное путешествие российских купцов в Грецию описывает Константин следующим образом: «Суда их приходят в Царьград из Новагорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышегорода; подвластные россам славяне, кривичи, лучане и другие, зимою рубят лес на горах своих и строят лодки, называемые μονοξολα: ибо они делаются *из одного дерева*. По вскрытии Днепра, славяне приплывают в Киев и продают оные россиянам, которые делают уключины и весла из старых лодок. В апреле месяце собирается весь российский флот в городе Вишичеве, откуда идет уже к порогам. Дошедши до четвертого и самого

опасного, то есть *Неясытя,* купцы выгружают товары и ведут скованных невольников около 6000 шагов берегом. Печенеги ожидают их обыкновенно за порогами, близ так называемого *Крарийского перевоза* (где херсонцы, *возвращаясь из России,* переправляются чрез Днепр): отразив сих разбойников и доплыв до острова св. Григория, россияне приносят богам своим жертву благодарности и до самой реки Селины, которая есть рукав Дуная, не встречают уже никакой опасности, но там, ежели ветром прибьет суда их к берегу, они снова должны сражаться с печенегами, и наконец, миновав Конопу, Константию, также устье болгарских рек, Варны и Дицины, достигают Месимврии, первого греческого города». Сия торговля, без сомнения, весьма обогащала россиян, когда они для ее выгод отваживались на столько опасностей и трудов, и когда она была предметом всякого их мирного договора с Империею.— Они ходили на судах не только в Болгарию, в Грецию, Хазарию или Тавриду, но, если верить Константину, и в самую отдаленную Сирию: Черное море, покрытое их кораблями, или, справедливее сказать, лодками, было названо *Русским.* Но цареградские купцы едва ли ездили чрез пороги Днепровские; одни, кажется, херсонцы торговали в Киеве.

Печенеги, всегдашние грабители нашего древнего отечества, имели с ним также и мирные торговые связи. Будучи народом кочующим и скотоводным, подобно нынешним киргизам и калмыкам, они продавали россиянам множество азиатских коней, и овец, и быков, но Константин к сему известию прибавляет явную ложь, сказывая, что в России не было прежде ни лошадей, ни скота рогатого.— Волжские болгары, по сказанию Эбн-Гаукаля, арабского географа X века, доставали от нас шкуры черных куниц или скифских соболей; но сами не ездили в Россию, будто бы для того, что в ней убивали всех иноземцев.

О торговле древних россиян с народами северными находим любопытные и достоверные известия в скандинавских и немецких летописцах. Средоточием ее был Новгород, где со времен Рюриковых поселились многие варяги, деятельные в морском грабеже и купечестве. Там скандинавы покупали драгоценные ткани, домовые приборы, царские одежды, шитые золотом, и мягкую рухлядь. Первые не могли быть собственным рукоделием наших предков: вероятно, что они покупали сии богатые одежды и ткани в Цареграде, куда, по сказанию Несторову, езжали новогородцы еще в Олеговы времена.

В славной Виннете и других балтийских городах находились купцы российские. Мы знаем, что Ливония зависела от Владимира: там ежегодно бывали многолюдные ярмонки, собирались весною норвежские и другие купцы, покупали невольников, меха и возвращались в отечество не прежде осени. Торговля наша столь уже славилась богатством на Севере, что летописцы сего времени обыкновенно называют Россию страною *изобильною всеми благами*, omnibus bonis affluentem.

Вероятно, что Великие князья, следуя примеру скандинавских владетелей, сами участвовали в выгодах народной торговли для умножения своих доходов. Государственная подать в IX и X веке состояла у нас более в *вещах*, нежели в *деньгах*. Из разных областей России ходили в столицу обозы с *медом* и *шкурами*, или с оброком княжеским — что называлось: *возить повоз*. Следственно, казна изобиловала *товарами* и могла отпускать их в чужие земли.

Счастливые войны и торговля россиян, служив к обогащению народа, долженствовала, в течение ста лет и более, произвести некоторую роскошь, прежде неизвестную. Узнав пышность двора константинопольского, Великие князья хотели подражать ему: не только сами они, но и супруги их, дети, родственники имели своих особенных придворных чиновников. Нередко послы российские, именем государя, требовали в дар от греков царской одежды и венцов, чего императоры, желая отличаться *от варваров* хотя украшениями драгоценными, не любили давать им, уверяя, что сии порфиры и короны сделаны руками ангелов и должны быть всегда хранимы в Софийской церкви. Друзья Владимира, обедая у князя, ели *серебряными* ложками. Мед, древнее любимое питие всех народов славянских, был еще душою славных пиров его; но киевляне в Олеговы времена уже имели вина греческие и вкусные плоды теплых климатов. Перец индийский служил приправою для их трапезы изобильной. Богатые люди носили одежду шелковую и пурпуровую, драгоценные поясы, сафьянные сапоги и проч.

Города сего времени ответствовали уже состоянию народа избыточного. Немецкий летописец Дитмар, современник Владимиров, уверяет, что в Киеве, *великом граде*, находилось тогда 400 церквей, созданных усердием новообращенных христиан, и восемь больших торговых площадей. Адам Бременский именует оный *главным украшением России* и даже *вторым Константинополем*. Сей город до XI века стоял весь на высоком берегу

Днепровском: место нынешнего Подола было в Ольгино время еще залито водою. Смоленск, Чернигов, Любеч имели сообщение с Грециею. Император Константин, несправедливо называя Новгород столицею Великого князя Святослава, дает по крайней мере знать, что сей город был уже знаменит в X веке.

Народ торговый не может обойтися без денег, или знаков, представляющих цену вещей. Но деньги не всегда бывают металлом: доныне, вместо их, жители Мальдивских островов употребляют раковины. Так и славяне российские ценили сперва вещи не монетами, а шкурами зверей, куниц и белок: слово *куны* означало деньги. Скоро неудобность носить с собою целые шкуры для купли подала мысль заменить оные *мордками* и другими *лоскутками,* куньими и бельими. Надобно думать, что правительство клеймило их и что граждане сначала обменивали в казне сии *лоскутки* на целые кожи. Однако ж, зная цену серебра и золота, предки наши издревле добывали их посредством внешней торговли. В Олеговых условиях с Империею сказано, что грек, ударив мечом россиянина, или россиянин грека, обязывался платить за вину 5 литр *серебра.* Россияне брали также в Цареграде за каждого невольника греческого 20 *золотников,* т. е. византийских червонцев, *номисм* или *солидов.* Нет сомнения, что и внутри государства ходило серебро в монетах: радимичи вносили в казну *шляги,* или шиллинги, без сомнения полученные ими от козаров. Однако ж мордки или куны долгое время оставались еще в употреблении, ибо малое количество золота и серебра не было достаточно для всех торговых оборотов и платежей народных. Именем *гривны* означалось известное число *кун,* некогда равное ценам с полуфунтом серебра; но сии лоскутки, не имея никакого существенного достоинства, в течение времени более и более унижались в отношении к металлам, так что в XIII веке гривна серебра содержала в себе уже семь гривен новогородскими кунами.

Успехи разума и способностей его, необходимое следствие гражданского состояния людей, были ускорены в России христианскою верою. Волхвы славились при Олеге гаданием будущего: вот древнейшие мудрецы нашего отечества! Наука их состояла или в обманах, или в заблуждениях. Народ, погруженный в невежество, считал действием сверхъестественного знания всякую догадку ума, всякое отменно счастливое предприятие и назвал Олега *вещим,* ибо сей великодушный, смелый князь воз-

вратился с сокровищами из Константинополя. Любопытство, сродное человеку, питалось историческими сказками и преданиями, украшенными вымыслом. В сказке о хитростях Ольгиных видим некоторое остроумие. Пословицы народные: *погибоша аки Обри — беда аки в Родне — Пищанцы волчья хвоста бегают* и, конечно, многие другие хранили также память важных случаев. В государственных договорах Великих князей находим выражения, которые дают нам понятие о тогдашнем красноречии россиян; например: *дондеже солнце сияет и мир стоит — да не защитятся щиты своими — да будем золоти аки золото,* и проч. Краткая сильная речь Святославова есть достойный памятник сего героя. Но времена Владимировы были началом истинного народного просвещения в России.

Скандинавы в IX веке знали употребление рунических букв; однако ж мы не имеем никаких основательных причин думать, чтобы они сообщили его и россиянам. Руны, как мы выше заметили, недостаточны для выражения многих звуков языка славянского. Хотя кирилловские письмена могли быть известны в России еще до времен Владимировых (ибо самые первые христиане киевские имели нужду в книгах для церковного служения), но число грамотных людей было, конечно, невелико; Владимир умножил оное заведением народных училищ, чтобы доставить церкви пастырей и священников, разумеющих книжное писание, и таким образом открыл россиянам путь к науке и сведениям, которые посредством грамоты из века в век сообщаются...

Здесь должно ответствовать на вопрос любопытный: какие священные книги были тогда употребляемы христианами российскими? те ли самые, коими доныне пользуется наша церковь, или *иного, древнейшего перевода?* Сличив рукописные харатейные Евангелия XII века и разные места св. писания, приводимые Нестором в летописи, с печатною Московскою или Киевскою Библиею, всякий уверится, что россияне XI и XII столетия имели тот же перевод ее. Мы знаем, что она несколько раз была исправляема: при Константине, волынском князе, в XVI веке; при царе Алексее Михайловиче, Петре Великом и Елисавете Петровне; однако ж несмотря на многократное исправление, состоящее единственно в отмене некоторых слов, сей перевод сохранил, так сказать, свой начальный, особенный характер, и люди ученые справедливо признают оный древнейшим памятником языка славянского. Библия чешская или богемская переведена

с латинской Иеронимовой в XIII или XIV веке; польская, краинская, лаузицская еще гораздо новее.

Следует другой вопрос: когда же и где переведена наша Библия? при Великом ли князе Владимире, как сказано в любопытном предисловии Острожской печатной, или она есть бессмертный плод трудов Кирилла и Мефодия? Второе гораздо вероятнее: ибо Нестор, почти современник Владимиров, ко славе отечества не умолчал бы о новом российском переводе ее; но сказав: *сим бо первая приложены книгы (т. е. Библия) с Мораве, яже прозвася грамота Словенская, еже грамота есть в Руси,* он ясно дает знать, что российские христиане пользовались трудом Кирилла и Мефодия. Сии два брата и помощники их основали правила книжного языка славянского на греческой грамматике, обогатили его новыми выражениями и словами, держась наречия своей родины, Фессалоники, то есть иллирического (или сербского), в коем и теперь видим сходство с нашим церковным. Впрочем, все тогдашние наречия долженствовали менее нынешнего разниться между собою, будучи гораздо ближе к своему общему источнику, и предки наши тем удобнее могли присвоить себе моравскую Библию. Слог ее сделался образцом для новейших книг христианских, и сам Нестор подражал ему; но русское особенное наречие сохранилось в употреблении, и с того времени мы имели два языка, книжный и народный. Таким образом изъясняется разность в языке славянской Библии и Русской Правды (изданной скоро после Владимира), Несторовой летописи и *Слова о полку Игореве*, о коем будем говорить в примечаниях на российскую словесность XII века.

Нужнейшие искусства механические, равно как и свободные, были известны древним россиянам. И ныне селянин русской делает собственными руками почти все необходимое для его хозяйства: в старину, когда люди менее сообщались друг с другом, они имели еще более нужды в сей промышленности. Муж обрабатывал землю, плотничал, строил; жена пряла, ткала, шила; и всякое семейство представляло в кругу своем действие многих ремесл. Но основание городов, торговля, роскошь мало-помалу образовали людей особенно искусных в некоторых художествах: богатые требовали вещей, сделанных удобнее и лучше обыкновенного. Все немецкие славяне торговали полотнами: русские издревле ткали холсты и сукна; умели также выделывать кожи, и сии ремесленники назывались *усмарями*. Народ, составленный из во-

инов, хлебопашцев и звероловов, без сомнения, пользовался искусством ковать железо: что утверждается самою Несторовою сказкою о мечах, будто бы предложенных киевлянами в дань козарам.— Христианская вера способствовала дальнейшим успехам зодчества в России. Владимир начал строить великолепные церкви и призвал художников греческих; однакож и в языческие времена были уже *каменные* здания в столице: например, Ольгин терем. Стены и башни служили для городов не только защитою, но и самым украшением. Вероятно, что и тогдашние деревенские избы были подобны нынешним, а горожане имели высокие домы и занимали обыкновенно верхнее жилье, оставляя низ, может быть, для погребов, кладовых, и проч. *Клети,* или горницы, с обеих сторон дома разделялись *помостом* или сеньми; спальни назывались *одринами.* На дворах строились вышки для голубей, ибо россияне искони любили сих птиц.— Несторово описание Перунова истукана свидетельствует о резном и плавильном искусстве наших предков. Вероятно, что они знали и живопись, хотя грубую. Владимир украсил греческими образами одну Десятинную церковь: иконы других храмов были, как надобно думать, писаны в Киеве. Греческие художники могли выучить русских.— Трубы воинские, коих звук ободрял героев Святославовых в жарких битвах, доказывают древнюю любовь россиян к искусству мусикийскому.

ТОМ II

Из главы I

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СВЯТОПОЛК

1015—1019

Святополк похититель престола.— Добродетель Бориса.— Братоубийство.— Союз Ярослава с императором иемецким.— Вторичиое великодушие иовогородцев.— Вероломиое избиеиие поляков.— Болеслав оставляет Россию.— Чериая река.— Битва иа Альте.— Бегство и смерть Святополка.

Владимир усыновил Святополка, однако ж не любил его и, кажется, предвидел в нем будущего злодея. Современный летописец немецкий, Дитмар, говорит, что Святополк, правитель Туровской области, женатый на дочери польского короля Болеслава, хотел, по наущению своего тестя, отложиться от России и что Великий князь, узнав о том, заключил в темницу сего неблагодарного племянника, жену его и немецкого епископа Реинберна, который приехал с дочерью Болеслава. Владимир — может быть, при конце жизни своей — простил Святополка; обрадованный смертию дяди и благодетеля, сей недостойный князь спешил воспользоваться ею: созвал граждан, объявил себя государем Киевским и роздал им множество сокровищ из казны Владимировой. Граждане брали дары, но с печальным сердцем, ибо друзья и братья их находились в походе с князем Борисом, любезным отцу и народу. Уже Борис, нигде не встретив печенегов, возвращался с войском и стоял на берегу реки Альты: там принесли ему весть о кончине родителя, и добродетельный сын занимался единственно своею искреннею горестию. Товарищи побед

Владимировых говорили ему: «Князь! с тобою дружина и воины отца твоего; поди в Киев и будь государем России!» Борис ответствовал: «Могу ли поднять руку на брата старейшего? Он должен быть мне вторым отцом». Сия нежная чувствительность казалась воинам малодушием: оставив князя мягкосердечного, они пошли к тому, кто властолюбием своим заслуживал в их глазах право властвовать.

Но Святополк имел только дерзость злодея. Он послал уверить Бориса в любви своей, обещая дать ему новые владения, и в то же время, приехав ночью в Вышегород, собрал тамошних бояр на совет. «Хотите ли доказать мне верность свою?» — спросил новый государь. Бояре ответствовали, что они рады положить за него свои головы. Святополк требовал от них головы Бориса, и сии недостойные взялись услужить князю злодеянием. Юный Борис, окруженный единственно малочисленными слугами, был еще в стане на реке Альте. Убийцы ночью приближились к шатру его и, слыша, что сей набожный юноша молится, остановились. Борис, уведомленный о злом намерении брата, изливал пред Всевышним сердце свое в святых песнях Давидовых. Он знал уже, что убийцы стоят за шатром, и с новым жаром молился... за Святополка; наконец, успокоив душу небесною верою, лег на одр и с твердостию ожидал смерти. Его молчание возвратило смелость злодеям: они вломились в шатер и копьями пронзили Бориса, также верного отрока его, который хотел собственным телом защитить государя и друга. Сей юный воин именем Георгий, родом из Венгрии, был сердечно любим князем своим и в знак его милости носил на шее золотую гривну; корыстолюбивые убийцы не могли ее снять и для того отрубили ему голову. Они умертвили и других княжеских отроков, которые не хотели спасаться бегством, но все легли на месте. Тело Борисово завернули в намет и повезли к Святополку. Узнав, что брат его еще дышит, он велел двум варягам довершить злодеяние: один из них вонзил меч в сердце умирающему... Сей несчастный юноша, стройный, величественный, пленял всех красотою и любезностию; имел взор приятный и веселый; отличался храбростию в битвах и мудростию в советах.— Летописец хотел предать будущим векам имена главных убийц и называет их: Путша, Талец, Елович, Ляшко. В Несторово время они были еще в свежей памяти и предметом общего омерзения. Святополк без сомнения наградил сих людей, ибо имел еще нужду в злодеях.

Он немедленно отправил гонца к муромскому князю Глебу, сказать ему, что Владимир болен и желает видеть его. Глеб, обманутый сею ложною вестию, с малочисленною дружиною спешил в Киев. Дорогою он упал с лошади и повредил себе ногу; однако ж не хотел остановиться и продолжал свой путь от Смоленска водою. Близ сего города настиг его посланный от Ярослава, князя новогородского, с уведомлением о смерти Владимировой и гнусном коварстве Святополка; но в то самое время, когда Глеб, чувствительный, набожный подобно Борису, оплакивал отца и любимого брата, в усердных молитвах поверяя небу горесть свою, явились вооруженные убийцы и схватили его ладию. Дружина муромская оробела: Горясер, начальник злодеев, велел умертвить князя, и собственный повар Глебов, именем Торчин, желая угодить Святополку, зарезал своего несчастного государя. Труп его лежал несколько времени на берегу, между двумя колодцами, и был наконец погребен в вышегородской церкви св. Василия вместе с телом Бориса.

Еще Святополк не насытился кровию братьев. Древлянский князь Святослав, предвидя его намерение овладеть всею Россиею и будучи не в силах ему сопротивляться, хотел уйти в Венгрию; но слуги Святополковы догнали его близ гор Карпатских и лишили жизни.— Братоубийца торжествовал злодеяния свои, как славные и счастливые дела: собирал граждан киевских, дарил им деньги, одежду и надеялся щедростию приобрести любовь народную.

Скоро нашелся мститель: Ярослав, сильнейший из князей удельных, восстал на изверга.

Но Святополк еще не думал уступить ему престола, окровавленного тремя братоубийствами, и прибегнул к защите Болеслава. Сей король, справедливо названный *Храбрым,* был готов отмстить за своего зятя и желал возвратить Польше города Червенские, отнятые Владимиром у Мечислава: имея тогда войну с Генриком II, императором немецким, он хотел кончить оную, чтобы тем свободнее действовать против России.

Ярослав, устрашенный могуществом короля польского и злобою брата, думал уже, подобно отцу своему, бежать за море к варягам; но великодушие новогородцев спасло его от сего несчастия и стыда. Посадник Коснятин, сын Добрыни Славного, и граждане знаменитые изрубили лодки, приготовленные для князя, и сказали ему: «Государь! мы хотим и можем еще противиться Болеславу. У тебя нет казны: возьми все, что имеем». Они

собрали с каждого человека по четыре куны, с бояр по осьмнадцати гривен, с городских чиновников или старост по десяти; немедленно призвали корыстолюбивых варягов на помощь и сами вооружились.

Вероломство Святополково не допустило новогородцев отмстить Болеславу. Покорив южную Россию зятю своему, король отправил назад союзное войско и развел собственное по городам Киевской области, для отдохновения и продовольствия. Злодеи не знают благодарности: Святополк, боясь долговременной опеки тестя и желая скорее воспользоваться независимостию, тайно велел градоначальникам умертвить всех поляков, которые думали, что они живут с друзьями и не брали никаких предосторожностей. Злая воля его исполнилась, к бесславию имени русского. Вероятно, что он и самому Болеславу готовил такую же участь в Киеве; но сей государь сведал о заговоре и вышел из столицы, взяв с собою многих бояр российских и сестер Ярославовых. Дитмар говорит — и наш летописец подтверждает — что Болеслав принудил одну из них быть своею наложницею — именно Передславу, за которую он некогда сватался и, получив отказ, хотел насладиться гнусною местию. Хитрый Анастас, быв прежде любимцем Владимировым, умел снискать и доверенность короля польского; сделался хранителем его казны и выехал с нею из Киева: изменив первому отечеству, изменил и второму для своей личной корысти.— Польские историки уверяют, что многочисленное войско россиян гналось за Болеславом; что он вторично разбил их на Буге и что сия река, два раза несчастная для наших предков, с того времени названа ими *Черною*... Болеслав оставил Россию, но удержал за собою города Червенские в Галиции и великие сокровища, вывезенные им из Киева, отчасти роздал войску, отчасти употребил на строение церквей в своем королевстве.

Святополк, злодейством избавив Россию от поляков, услужил врагу своему. Уже Ярослав шел к Киеву... Не имея сильного войска, ни любви подданных, которая спасает монарха во дни опасностей и бедствий, Святополк бежал из отечества к печенегам, требовать их помощи. Сии разбойники, всегда готовые опустошать Россию, вступили в ее пределы и приблизились к берегам Альты. Там увидели они полки Российские. Ярослав стоял на месте, обагренном кровию Святого Бориса. Умиленный сим печальным воспоминанием, он воздел руки на небо, молился и, сказав: *кровь невинного брата моего вопиет ко Всевышнему,* дал знак битвы. Восходящее солнце оза-

рило на полях Альты сражение двух многочисленных воинств, сражение упорное и жестокое: никогда, говорит летописец, не бывало подобного в нашем отечестве. Верная дружина новогородская хотела лучше умереть за Ярослава, нежели покориться злобному брату его. Три раза возобновлялась битва; неприятели в остервенении своем хватали за руки друг друга и рубились мечами. К вечеру Ярослав победил, а Святополк обратился в бегство. Терзаемый тоскою, сей изверг впал в расслабление и не мог сидеть на коне. Воины *принесли* его к Бресту, городу Туровского княжения; он велел им идти далее за границу. Гонимый небесным гневом, Святополк в помрачении ума видел беспрестанно грозных неприятелей за собою и трепетал от ужаса; не дерзнул вторично прибегнуть к великодушию Болеслава; миновал Польшу и кончил гнусную жизнь свою в пустынях Богемских, заслужив проклятие современников и потомства. Имя *окаянного* осталось в летописях неразлучно с именем сего несчастного князя, ибо злодейство есть несчастие.

Из главы II

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВ ИЛИ ГЕОРГИЙ

1019—1054

Единовластие.— Судислав заключен.— Новые уделы.— Победа над печенегами.— Каменные стены и собор св. Софии в Киеве. Митрополит.— Строение монастырей.— Любовь Ярослава к книгам.— Брачные союзы.— Митрополит российский.— Наставление и кончина Ярослава.— Гроб его.— Свойства сего князя.— Крещение костей.— Первое народное училище.— Киев — второй Царьград.— Монета Ярославова.— Северные владения России.— Законы.

рослав вошел в Киев и, по словам летописи, *отер пот* с мужественною дружиною, трудами и победою заслужив сан Великого князя российского. Но бедствия войны междоусобной еще не прекратились.

Ярослав сделался монархом всей России и начал властвовать от берегов моря Бальтийского до Азии,

Венгрии и Дакии. Из прежних удельных князей оставался один Брячислав Полоцкий: вероятно, что он зависел от своего дяди как государя самодержавного. О детях Владимировых, Всеволоде, Станиславе, Позвизде, летописец не упоминает более, сказывая только, что Великий князь, обманутый клеветниками, заключил во Пскове Судислава, меньшого своего брата, который, может быть, княжил в сем городе.

Но Ярослав ожидал только возраста сыновей, чтобы вновь подвергнуть государство бедствиям удельного правления. Женатый на Ингигерде, или Анне — дочери шведского короля Олофа,— которая получила от него в вено город Альдейгабург, или Старую Ладогу, он был уже отцом многочисленного семейства. Как скоро большому сыну его, Владимиру, исполнилось шестнадцать лет, Великий князь отправился с ним в Новгород и дал ему сию область в управление. Здравая политика, основанная на опытах и знании сердца человеческого, не могла противиться действию слепой любви родительской, которое обратилось в несчастное обыкновение.

Узнав о набеге печенегов, он спешил из Новагорода в южную Россию и сразился с варварами под самыми стенами Киева. Варяги, всегдашние его помощники, стояли в средине; на правом крыле граждане киевские, на левом новогородцы. Битва продолжалась целый день. Ярослав одержал победу, самую счастливейшую для отечества, сокрушив одним ударом силу лютейшего из врагов его. Большая часть печенегов легла на месте; другие, гонимые раздраженным победителем, утонули в реках; немногие спаслися бегством, и Россия навсегда освободилась от их жестоких нападений. В память сего знаменитого торжества Великий князь заложил, на месте сражения, великолепную церковь, и, распространив Киев, обвел его *каменными* стенами; подражая Константинополю, он назвал их главные врата *Златыми*, а новую церковь Святою Софиею *митрополитскою*, украсив ее золотом, серебром, мусиею и драгоценными сосудами. Тогда был уже *митрополит* в нашей древней столице, именем Феопемпт — вероятно, грек,— который, по известию Нестора, в 1039 году вновь освятил храм Богоматери, сооруженный Владимиром, но поврежденный, как надобно думать, сильным Киевским пожаром в 1017 году. Ярослав начал также строить монастыри: первыми из них были в Киеве монастырь св. Георгия и св. Ирины. Сей государь, по сказанию летописца, весьма любил *церковные уставы*, духовных пастырей и в особенности *черно-*

ризцев; не менее любил он и книги божественные: велел переводить их с греческого на славянский язык, читал оные день и ночь, многие списывал и положил в церкви Софийской для народного употребления.

Около сего времени Ярослав вошел в свойство со многими знаменитыми государями Европы. В Польше царствовал тогда Казимир, внук Болеслава *Храброго:* изгнанный в детстве из отечества вместе с материю, он удалился (как рассказывают историки польские) во Францию и, не имея надежды быть королем, сделался монахом. Наконец вельможи польские, видя мятеж и бедствия в государстве, прибегнули к его великодушию, и Казимир, освобожденный папою от уз духовного обета, возвратился из кельи в чертоги царские. Желая пользоваться дружбою могущественного Ярослава, он женился на сестре его, дочери св. Владимира. Польские историки говорят, что брачное торжество совершилось в Кракове; что добродетельная и любезная *Мария,* названная *Доброгневою,* приняла веру латинскую и что король их взял за супругою великое богатство, множество серебряных и золотых сосудов, также драгоценных конских и других украшений. Собственный летописец наш сказывает, что Казимир дал Ярославу за *вено* — то есть за невесту свою — 800 человек: вероятно, россиян, плененных в 1018 году Болеславом. Сей союз, одобренный здравою политикою обоих государств, утвердил за Россиею города Червенские и был весьма счастлив для Казимира: ибо Ярослав, как искренний друг своего зятя, помог ему смирить мятежника смелого и хитрого, именем Моислава, который овладел Мазовиею и хотел быть государем независимым. Великий князь разбил его многочисленное войско и покорил сию область Казимиру.

Нестор совсем не упоминает о дочерях Ярославовых; но достоверные летописцы чужестранные именуют трех: Елисавету, Анну и Анастасию, или Агмунду. Первая была супругою Гаральда, принца норвежского. В юности своей выехав из отечества, он служил князю Ярославу; влюбился в прекрасную дочь его, Елисавету, и, желая быть достойным ее руки, искал великого имени в свете. Гаральд отправился в Константинополь и вступил в службу императора восточного; в Африке, в Сицилии побеждал неверных; ездил в Иерусалим для поклонения святым местам и, чрез несколько лет, с богатством и славою, возвратясь в Россию, женился на Елисавете, которая одна занимала его сердце и воображение среди всех

блестящих подвигов геройства. Наконец он сделался королем норвежским.

Вторая княжна, Анна, сочеталась браком с Генриком I, королем французским. Папа объявил кровосмешением супружество отца его и гнал Роберта как беззаконника за то, что он женился на родственнице в четвертом колене. Генрик, будучи свойственником государей соседственных, боялся такой же участи и в стране отдаленной искал себе знаменитой невесты. Франция, еще бедная и слабая, могла гордиться союзом с Россиею, возвеличенною завоеваниями Олега и великих его преемников. В 1048 году — по известию древней рукописи, найденной в С. Омерской церкви,— король отправил послом к Ярославу епископа Шалонского, Рогера; Анна приехала с ним в Париж и соединила кровь Рюрикову с кровию государей французских.— По кончине Генрика I, в 1060 году, Анна, славная благочестием, удалилась в монастырь Санлизский; но чрез два года, вопреки желанию сына, вступила в новое супружество с графом де Крепи. Один французский летописец говорит, что она, потеряв второго любезного ей супруга, возвратилась в Россию; но сие обстоятельство кажется сомнительным. Сын ее, Филипп, царствовал во Франции, имея к ней столь великое уважение, что на всех бумагах государственных Анна вместе с ним подписывала имя свое до самого 1075 года. Честолюбие, узы семейственные, привычка и вера католическая, ею принятая, удерживали сию королеву во Франции.

Третья дочь Ярославова, Анастасия, вышла за короля венгерского, Андрея I. Вероятно, что сей брачный союз служил поводом для некоторых россиян переселиться в Венгрию, где, в разных графствах на левой стороне Дуная, живет доныне многочисленное их потомство, утратив чистую веру отцов своих.

Ссылаясь на летописцев норвежских, Торфей называет Владимира, старшего Ярославова сына, супругом Гиды, дочери английского короля Гаральда, побежденного Вильгельмом *Завоевателем.* Саксон Грамматик, древнейший историк датский, также повествует, что дети несчастного Гаральда, убитого в Гастингском сражении, искали убежища при дворе Свенона II, короля датского, и что Свенон выдал потом дочь Гаральдову за российского князя, именем Владимира; но сей князь не мог быть *Ярославич.* Гаральд убит в 1066 году, а Владимир, сын Ярославов, скончался в 1052 (построив в Новегоро-

де церковь св. Софии, которая еще не разрушена временем и где погребено его тело).

Великий князь провел остаток жизни своей в тишине и в христианском благочестии. Но сия усердная набожность не препятствовала ему думать о пользе государственной и в самых церковных делах. Греки, сообщив нам веру и присылая главных духовных пастырей, надеялись, может быть, через них присвоить себе и некоторую мирскую власть над Россиею: Ярослав не хотел того и еще в первый год своего единодержавия, будучи в Новегороде, *сам* избрал в начальники для сей епархии Луку Жидяту; а в 1051 году, собрав в Киеве епископов, велел им поставить митрополитом Илариона *Россиянина*, без всякого участия со стороны константинопольского патриарха... Иларион, муж ученый и добродетельный, был иереем в селе Берестове при церкви Святых апостолов: Великий князь узнал его достоинства, имея там загородный дворец и любя, подобно Владимиру, сие веселое место.

Наконец, чувствуя приближение смерти, Ярослав созвал детей своих и хотел благоразумным наставлением предупредить всякую распрю между ими. «Скоро не будет меня на свете,— говорил он.— Вы, дети одного отца и матери, должны не только называться братьями, но и сердечно любить друг друга. Знайте, что междоусобие, бедственное лично для вас, погубит славу и величие государства, основанного счастливыми трудами наших отцов и дедов. Мир и согласие ваше утвердят его могущество. Изяслав, старший брат, заступит мое место и сядет на престоле киевском; повинуйтесь ему, как вы отцу повиновались. Святославу даю Чернигов, Всеволоду Переяславль, Вячеславу Смоленск: каждый да будет доволен своею частию, или старший брат да судит вас как государь! Он защитит утесненного и накажет виновного». Слова достопамятные, мудрые и бесполезные! Ярослав думал, что дети могут быть рассудительнее отцов, и, к несчастию, ошибся.

Невзирая на старость и болезнь, он все еще занимался государственными делами: поехал в Вышегород и там скончался, имея от роду более семидесяти лет. (Супруга его умерла еще в 1050 году). Из детей был с ним один Всеволод, которого он любил нежнее всех других и никогда не отпускал от себя. Горестный сын, народ и священники в служебных ризах шли за телом из Вышегорода до Киева, где оно, заключенное в мраморную раку, было погребено в Софийской церкви.

Ярослав заслужил в летописях имя государя мудро-

го; не приобрел оружием новых земель, но возвратил утраченное Россиею в бедствиях междоусобия; не всегда побеждал, но всегда оказывал мужество; успокоил отечество и любил народ свой. Следуя в правлении благодетельным намерениям Владимира, он хотел загладить вину ослушного сына и примириться с тенью огорченного им отца.

Внешняя политика Ярославова была достойна монарха сильного: он привел Константинополь в ужас за то, что оскорбленные россияне требовали и не нашли там правосудия; но, отмстив Польше и взяв свое, великодушною помощию утвердил ее целость и благоденствие.

Ярослав наказал мятежных новгородцев, за убиение варягов, так, как государи не должны наказывать: вероломиым обманом; но признательный к их усердию, дал им многие выгоды и права. Князья новгородские следующих веков должны были клясться гражданам в точном соблюдении его *льготных грамот*, к сожалению, истребленных временем. Знаем только, что сей народ, ссылаясь на оные, почитал себя вольным в избрании собственных властителей. Память Ярославова была в течение веков любезна жителям Новагорода, и место, где обыкновенно сходился народ для совета, в самые позднейшие времена именовалось *Двором Ярослава*.

Сей князь заточил брата, обнесенного клеветниками; но доказал свое добродушие, простив мятежного племянника и забыв, для счастия России, прежнюю вражду князя Тмуторокаиского.

Ярослав был набожен до суеверия: он вырыл кости Владимировых братьев, умерших в язычестве — Олеговы и Ярополковы,— крестил их и положил в киевской церкви св. Богородицы. Ревность его к христианству соединялась, как мы видели, с любовию к просвещению. Летописцы средних веков говорят, что сей Великий князь завел в Новегороде первое народное училище, где 300 отроков, дети пресвитеров и старейшин, приобретали сведения, нужные для священного сана и гражданских чиновников. Загладив следы Болеславовых опустошений в южной России, населив пленниками область Киевскую и будучи, подобно Олегу и Владимиру, основателем многих городов новых, он хотел, чтобы столица его, им обновленная, распространенная, могла справедливо называться *вторым Царемградом*. Ярослав любил искусства: художники греческие, им призванные в Россию, украсили храмы живописью и мусиею, доныне видимою в двух церквах его времени, Киевской и Новогородской. Сия

мусия, составленная из четвероугольных камешков, изображает на златом поле лица и одежду святых по рисунку весьма несовершенному, но с удивительною свежестью красок: работа более трудная, нежели изящная, однако ж любопытная для знатоков искусства.— Благоприятный случай сохранил также для нас серебряную монету княжения Ярославова, на коей представлен воин с греческою надписью: ὁ Γεοργίοs и с русской: *Ярославле сребро* — доказательство, что древняя Россия не только пользовалась чужестранными драгоценными монетами, но имела и собственные.— Стараясь о благолепии храмов, приятном для глаз, Великий князь желал, чтобы и слух молящихся находил там удовольствие; пишут, что около половины XI столетия выехали к нам певцы греческие, научившие российских церковников согласному *демественному* пению.

Мы сказали, что Ярослав не принадлежит к числу завоевателей; однако ж вероятно, что в *его* княжении область новогородская распространилась на восток и север. Жители Перми, окрестностей Печорских, Югра, были уже в XI веке данниками Новогородскими (Нестор знал и диких самоедов, которые обитали к северу от Югры): завоевание столь отдаленное не могло вдруг совершиться, и россиянам надлежало прежде овладеть всеми ближайшими местами Архангельской и Вологодской губерний, древним отечеством народов чудских, славным в северных летописях под именем Биармии. Там, на берегах Двины, в начале XI века, по сказанию исландцев, был торговый город, где съезжались летом купцы скандинавские и где норвежцы, отправленные в Биармию св. Олофом, Ярославовым современником, ограбили кладбище и похитили украшения финского идола Йомалы. Баснословие их стихотворцев о чудесном великолепии сего храма и богатстве жителей не входит в историю; но жители Биармии могли некоторыми произведениями земли своей, солью, железом, мехами торговать с норвежцами, открывшими в IX веке путь к устью Двины, и даже с камскими болгарами, посредством рек судоходных. Занимаясь рыбною и звериною ловлею, огражденные с одной стороны морями хладными, а с другой лесами дремучими, они спокойно наслаждались независимостью до самого того времени, как смелые и предприимчивые новгородцы сблизились с ними чрез область Белозерскую и покорили их, в княжение Владимира или Ярослава. Сия земля, от Белаозера до реки Печоры, была названа Заволочьем и мало помалу населена выходцами нового-

родскими, которые принесли туда с собою и веру христианскую. (По достоверным историческим свидетельствам нам известно, что в XII веке уже существовали монастыри на берегах Двины). Скоро отдаленный хребет гор Уральских, идущий от Новой земли к югу и бывший несколько времени предметом баснославия в нашем отечестве, сделался как бы границею России, и новогородцы нашли способ получать естественные, драгоценные произведения Сибири чрез своих югорских данников, которые выменивали оные у тамошних обитателей на железные орудия и другие дешевые вещи.

Наконец блестящее и счастливое правление Ярослава оставило в России памятник, достойный великого монарха. Сему князю приписывают древнейшее *собрание* наших гражданских уставов, известное под именем *Русской Правды*. Еще в Олегово время россияне имели законы; но Ярослав, *может быть*, отменил некоторые, исправил другие, и первый издал законы *письменные* на языке славянском. Они, конечно, были государственными или *общими*, хотя древние списки их сохранились единственно в Новегороде и заключают в себе некоторые *особенные* или местные учреждения. Сей остаток древности, подобный *двенадцати доскам* Рима, есть верное зерцало тогдашнего гражданского состояния России и драгоценен для истории: предлагаем его здесь в извлечении.

Глава III

ПРАВДА РУССКАЯ, ИЛИ ЗАКОНЫ ЯРОСЛАВОВЫ

Законы уголовные.— Денежные пени за убийство.— Вира.— Гражданские степени.— Дикая вира.— Поток.— Пеня за удары.— Двор княжеский есть место суда.— Охранение собственности.— Воровство. Оценка вещей.— Бортные знаки и межевые столпы.— Птицеловство.— Зажигательство.— Свод.— Кража людей.— Беглые.— Кабала.— Долги.— Торговля рабов.— Сохранение пожитков.— Росты.— Улики, оправдания.— Испытание железом и водою.— Право наследственное.— Судии.— Присяжные.— Общий характер законов.— Устав о мостовых.— Устав церковный.

Главная цель общежития есть личная безопасность и неотъемлемость собственности; устав Ярославов утверждает ту и другую следующим образом:

I. «Кто убьет человека, тому родственники убитого мстят за смерть смертию; а когда не будет мстителей, то

с убийцы взыскать деньгами в казну: за голову боярина княжеского, тиуна *огнищан,* или граждан именитых, и тиуна *конюшего* 80 гривен, или двойную виру; за княжеского отрока или гридня, *повара, конюха,* купца, тиуна и мечника боярского, за всякого *людина,* то есть свободного человека русского (варяжского племени) или славянина 40 гривен, или виру, а за убиение жены полвиры. За раба нет виры; но кто убил его безвинно, должен платить господину так называемый урок, или цену убитого: за тиуна *сельского* или старосту княжеского и боярского, за ремесленника, дядьку или пестуна и за кормилицу 12 гривен, за простого холопа боярского и людского 5 гривен, за рабу шесть гривен, и верх того в казну 12 гривен *продажи»,* дани или пени.

Мы уже имели случай заметить, что россияне получили свои гражданские уставы от скандинавов. Желая утвердить семейственные связи, нужные для безопасности личной в новых обществах, все народы германские давали родственникам убитого право лишить жизни убийцу или взять с него деньги, определяя разные пени или виры (Wehrgeld) по гражданскому состоянию убитых, ничтожные в сравнении с нынешнею ценою вещей, но тягостные по тогдашней редкости денег. Законодатели берегли жизнь людей, нужных для государственного могущества, и думали, что денежная пеня может отвращать злодеяния. Дети Ярославовы, как увидим, отменили даже и законную месть родственников.

Сия уголовная статья весьма ясно представляет нам гражданские степени древней России. Бояре и тиуны княжеские занимали первую степень. То и другое имя означало знаменитого чиновника: второе есть скандинавское или древнее немецкое Thaegn, Thiangn Diahn, *муж честный,* vir probus; так вообще назывались дворяне англо-саксонские, иногда дружина государей, графов, и проч.— Люди военные, придворные, купцы и земледельцы свободные принадлежали ко второй степени; к третьей, или нижайшей, холопи княжеские, боярские и монастырские, которые не имели никаких собственных прав гражданских. Древнейшими рабами в отечестве нашем были, конечно, потомки военнопленных; но в сие время—то есть в XI веке—уже разные причины могли отнимать у людей свободу. Законодатель говорит, что «холопом *обельным,* или полным, бывает 1) человек, купленный при свидетелях; 2) кто не может удовольствовать своих заимодавцев; 3) кто женится на рабе без всякого условия; 4) кто без условия же пойдет в слуги или в

ключники и 5) *закуп*, то есть наемник или на время закабаленный человек, который, не выслужив срока, уйдет и не докажет, что он ходил к князю или судьям искать управы на господина. Но служба не делает вольного рабом. Наемники могут всегда отойти от господина, возвратив ему незаработанные ими деньги. Вольный слуга, обманом проданный за холопа, совершенно освобождается от кабалы, а продавец вносит в казну 12 гривен пени».

II. «Ежели кто убьет человека в ссоре или в пьянстве и скроется, то *вервь* или округа, где совершилось убийство, платит за него пеню» — которая называлась в таком случае *дикою вирою*,— «но в разные сроки и в несколько лет, для облегчения жителей. За найденное мертвое тело человека неизвестного вервь не ответствует.— Когда же убийца не скроется, то с округи или с волости взыскать половину виры, а другую с самого убийцы». Закон весьма благоразумный в тогдашние времена: облегчая судьбу преступника, разгоряченного вином или ссорою, он побуждал всякого быть миротворцем, чтобы в случае убийства не платить вместе с виновным.— «Ежели убийство сделается без всякой ссоры, то волость не платит за убийцу, но выдает его *на поток*» — или в руки государю — «с женою, с детьми и с имением». Устав жестокий и несправедливый по нашему образу мыслей; но жена и дети ответствовали тогда за вину мужа и родителя, ибо считались его *собственностию*.

III. Как древние немецкие, так и Ярославовы законы определяли особенную пеню за всякое действие насилия: «за удар мечом необнаженным или его рукояткою, тростию, чашею, стаканом, пястию 12 гривен; за удар палицею и жердию 3 гривны, за всякой толчок и за рану легкую 3 гривны, а раненому гривну на леченье». Следственно, гораздо неизвинительнее было ударить голою рукою, легкою чашею или стаканом, нежели тяжелою палицею или самым острым мечом. Угадаем ли мысль законодателя? Когда человек в ссоре *обнажал* мечь, брал палицу или жердь, тогда противник его, *видя опасность*, имел время изготовиться к обороне или удалиться. Но рукою или домашним сосудом можно было ударить *незапно;* также мечом необнаженным и тростию, ибо воин *обыкновенно* носил меч, и всякий человек *обыкновенно* ходил с тростию; то и другое не заставляло остерегаться. Далее: «За повреждение ноги, руки, глаза, носа виновный платит 20 гривен в казну, а самому изувеченному 10 гривен; за выдернутый клок бороды 12 гривен в казну; за выбитый зуб то же, а самому битому гривну; за

отрубленный палец 3 гривны в казну, а раненому гривну. Кто погрозит мечом, с того взять гривну пени; кто же вынул его для обороны, тот не подвергается никакому взысканию, ежели и ранит своего противника. Кто самовольно, без княжеского повеления, накажет *огнищанина* (именитого гражданина) или смерда (земледельца и простого человека), платит за первого 12 гривен князю, за второго 3 гривны, а битому гривну в том и в другом случае. Если холоп ударит свободного человека и скроется, а господин не выдаст его, то взыскать с господина 12 гривен. Истец же имеет право везде умертвить раба, своего обидчика». Дети Ярославовы, отменив сию казнь, дали истцу одно право — бить виновного холопа, или взять за бесчестье гривну.— «Если господин в пьянстве и без вины телесно накажет *закупа* или слугу наемного, то платит ему как свободному».— Большая часть денежной пени, как видим, шла обыкновенно в казну, ибо всякое нарушение порядка считалось оскорблением государя, блюстителя общей безопасности.

IV. «Когда на двор княжеский (где обыкновенно судились дела) придет истец окровавленный или в синих пятнах, то ему не нужно представлять иного свидетельства; а ежели нет знаков, то представляет очевидцев драки, и виновник ее платит 60 *кун*» (см. ниже). «Ежели истец будет окровавлен, а свидетели покажут, что он сам начал драку, то ему нет удовлетворения».

Оградив личную безопасность, законодатель старался утвердить целость собственности в гражданской жизни.

V. «Всякий имеет право убить ночного татя на воровстве; а кто продержит его связанного *до света,* тот обязан идти с ним на княжеский двор. Убиение татя взятого и связанного есть преступление, и виновный платит в казну 12 гривен. Тать *коневый* выдается головою князю и теряет все права гражданские, вольность и собственность». Столь уважаем был конь, верный слуга человеку на войне, в земледелии и в путешествиях! Древние саксонские законы осуждали на смерть всякого, кто уведет чужую лошадь.— Далее: «С вора *клетного* (т. е. домашнего или горничного) взыскивается в казну 3 гривны, с вора *житного*, который унесет хлеб из *ямы* или с гумна, 3 гривны и 30 кун; хозяин же берет свое жито и еще полгривны с вора.— Кто украдет скот в хлеве или в доме, платит в казну 3 гривны и 30 кун, а кто в поле, тот 60 кун (первое считалось важнейшим преступлением, ибо вор нарушал тогда спокойствие хозяина), сверх чего за всякую скотину, которая не возвращена лицом, хозя-

ин берет определенную цену: за коня *княжего* 3 гривны, за простого 2, за кобылу 60 кун, за жеребца неезжалого гривну, за жеребенка 6 *ногат,* за вола гривну, за корову 40 кун, за трехлетнего быка 30 кун, за годовика полгривны, за теленка, овцу и свинью 5 кун, за барана и поросенка ногату».

Статья любопытная, ибо она показывает тогдашнюю оценку вещей. В гривне было 20 ногат, или 50 резаней, а 2 резани составляли одну куну. Сими именами означались мелкие кожаные монеты, ходившие в России и в Ливонии.

VI. «За бобра, украденного из норы, определяется 12 гривен пени». Здесь говорится о бобрах *племенных,* с коими хозяин лишался всего возможного приплода.— «Если в чьем владении будет изрыта земля, найдутся сети или другие признаки воровской ловли, то вервь должна сыскать виновного или заплатить пеню».

VII. «Кто умышленно зарежет чужого коня или другую скотину, платит 12 гривен в казну, а хозяину гривну». Злоба бесчестила граждан менее, нежели воровство, тем более долженствовали законы обуздывать оную.

VIII. «Кто стешет *бортные* знаки, или запашет межу полевую, или перегородит дворовую, или срубит бортную грань, или *дуб* гранный, или межевый столп, с того взять в казну 12 гривен». Следственно, всякое сельское владение имело свои пределы, утвержденные гражданским правительством, и знаки их были священны для народа.

IX. «За борт ссеченную виновный дает 3 гривны пени в казну, за дерево полгривны, за выдрание пчел 3 гривны, а хозяину за мед нелаженного улья 10 кун, за лаженный 5 кун». Читателю известно, что есть бортное ухожье: дупла служили тогда ульями, а леса единственными пчельниками.— «Ежели тать скроется, должно искать его по следу, но с чужими людьми и свидетелями. Кто не отведет следа от своего жилища, тот виноват; но буде след кончится у гостиницы или на пустом, незастроенном месте, то взыскания нет».

X. «Кто срубит шесть под сетию птицелова или отрежет ее веревки, платит 3 гривны в казну, а птицелову гривну; за украденного сокола или ястреба 3 гривны в казну, а птицелову гривну; за голубя 9 кун, за куропатку 9 кун, за утку 30 кун; за гуся, журавля и лебедя то же». Сею чрезмерною пенею законодатель хотел обеспечить тогдашних многочисленных птицеловов в их промысле.

XI. «За покражу сена и дров 9 кун в казну, а хозяину за каждый воз по две ногаты».

XII. «Вор за ладию платит 60 кун в казну, а хозяину за морскую 3 гривны, за *набойную* 2 гривны, за струг гривну, за челн 8 кун, если не может лицом возвратить украденного». Имя *набойная* происходит от досок, *набиваемых* сверх краев мелкого судна для возвышения боков его.

XIII. «Зажигатель гумна и дома выдается головою князю со всем имением, из коего надобно прежде вознаградить убыток, понесенный хозяином гумна или дома».

XIV. «Ежели обличатся в воровстве холопи княжеские, бояр или простых граждан, то с них не брать в казну пени (взыскиваемой единственно с людей свободных); но они должны платить истцу вдвое: например, взяв обратно свою украденную лошадь, истец требует еще за оную 2 гривны — разумеется, с господина, который обязан или выкупить своего холопа, или головою выдать его вместе с другими участниками сего воровства, кроме их жен и детей. Ежели холоп, обокрав кого, уйдет, то господин платит за всякую унесенную им вещь по цене обыкновенной.— За воровство слуги наемного господин не ответствует; но если внесет за него пеню, то берет слугу в рабы или может продать».

XV. «Утратив одежду, оружие, хозяин должен заявить на торгу; опознав вещь у *горожанина*, идет с ним *на свод*, то есть спрашивает, где он взял ее? и переходя таким образом от человека к человеку, отыскивает действительного вора, который платит за вину 3 гривны; а вещь остается в руках хозяина. Но ежели ссылка пойдет на жителей *уездных*, то истцу взять за украденное деньги с *третьего* ответчика, который идет с поличным далее, и наконец отысканный вор платит за все по закону.— Кто скажет, что краденное куплено им у человека неизвестного или жителя иной области, тому надобно представить двух свидетелей, граждан свободных, или мытника (сборщика пошлин), чтобы они клятвою утвердили истину слов его. В таком случае хозяин берет свое лицом, а купец лишается вещи, но может отыскивать продавца».

XVI. «Ежели будет *украден холоп*, то господин, опознав его, также идет с ним на свод от человека к человеку, и *третий* ответчик дает ему *своего* холопа, но с украденным идет далее. Отысканный виновник платит все убытки и 12 гривен пени князю; а *третий* ответчик берет обратно холопа, отданного им в залог вместо сведенного».

XVII. «О *беглом* холопе господин объявляет на торгу, и ежели чрез три дни опознает его в чьем доме, то

хозяин сего дому, возвратив укрытого беглеца, платит еще в казну 3 гривны.— Кто беглецу даст хлеба или укажет путь, тот платит господину 5 гривен, а за рабу 6, или клянется, что он не слыхал об их бегстве. Кто представит ушедшего холопа, тому дает господин гривну; а кто упустит задержанного беглеца, платит господину 4 гривны, а за рабу 5 гривен; в первом случае пятая, а во втором шестая уступается ему за то, что он поймал беглых.— Кто сам найдет раба своего в городе, тот берет посадникова отрока, и дает ему 10 кун за связание беглеца».

XVIII. «Кто возьмет чужого холопа в кабалу, тот лишается данных холопу денег или должен присягнуть, что он считал его свободным; в таком случае господин выкупает раба и берет все имение, приобретенное сим рабом».

XIX. «Кто, не спросив у хозяина, сядет на чужого коня, тот платит в наказание 3 гривны» — то есть всю цену лошади. Сей закон слово в слово есть повторение древнего ютландского и еще более доказывает, что гражданские уставы норманнов были основанием российских.

XX. «Ежели наемник потеряет собственную лошадь, то ему не за что ответствовать; а ежели утратит плуг и борону господскую, то обязан платить или доказать, что сии вещи украдены в его отсутствие и что он был послан со двора за господским делом». Итак, владельцы обработывали свои земли не одними холопами, но и людьми наемными.— «Вольный слуга не ответствует за скотину, уведенную из хлева; но когда растеряет оную в поле или не загонит на двор, то платит.— Ежели господин обидит слугу и не выдаст ему полного жалованья, то обидчик, удовольствовав истца, вносит 60 кун пени; ежели насильственно отнимет у него деньги, то, возвратив их, платит еще в казну 3 гривны».

XXI. «Ежели кто будет требовать своих денег с должника, а должник запрется, то истец представляет свидетелей. Когда они поклянутся в справедливости его требования, заимодавец берет свои деньги и еще 3 гривны в удовлетворение.— Ежели заем не свыше трех гривен, то заимодавец один присягает; но больший иск требует свидетелей или без них уничтожается».

XXII. «Если купец повернл деньги купцу для торговли и должник начнет запираться, то свидетелей не спрашивать, но ответчик сам присягает». Законодатель хотел, кажется, изъявить в сем случае особенную доверенность к людям торговым, которых дела бывают основаны на чести и вере.

XXIII. «Если кто многим должен, а купец *иностран-*

ный, не зная ничего, поверит ему товар, в таком случае продать должника со всем его имением и *первыми* вырученными деньгами удовольствовать иностранца или казну; остальное же разделить между прочими заимодавцами; но кто из них взял уже много ростов, тот лишается своих денег».

XXIV. «Ежели чужие товары или деньги у купца потонут, или сгорят, или будут отняты неприятелем, то купец не ответствует ни головою, ни вольностию и может разложить платеж в сроки, ибо власть божия и несчастия не суть вина человека. Но если купец в пьянстве утратит вверенный ему товар, или промотает его, или испортит от небрежения, то заимодавцы поступят с ним, как им угодно: отсрочат ли платеж или продадут должника в неволю».

XXV. «Если холоп *обманом*, под именем вольного человека, испросит у кого деньги, то господин его должен или заплатить, или отказаться от раба; но кто поверит *известному* холопу, лишается денег.— Господин, позволив рабу торговать, обязан платить за него долги».

XXVI. «Если гражданин отдает свои пожитки на сохранение другому, то в свидетелях нет нужды. Кто будет запираться в принятии вещей, должен утвердить клятвою, что не брал их. Тогда он прав, ибо имение поверяют единственно таким людям, коих честь известна; и кто берет его на сохранение, тот оказывает услугу».

XXVII. «Кто отдает деньги в рост, или мед и жито взаймы, тому в случае спора представить свидетелей и взять все по сделанному договору. *Месячные* росты берутся единственно за малое время; а кто останется должным целый год, платит уже *третные*, а не *месячные*». Мы не знаем, в чем состояли те и другие, основанные на всеобщем обыкновении тогдашнего времени; но ясно, что последние были гораздо тягостнее и что законодатель хотел облегчить судьбу должников.— «Законы позволяют брать 10 кун с гривны на год», то есть сорок на сто. В землях, где торговля, художества и промышленность цветут из давных времен, деньги теряют цену от своего множества. В Голландии, в Англии заимодавцы довольствуются самым малым прибытком; но в странах, подобно древней России, богатых только грубыми естественными произведениями, а не монетою — в странах, где первобытная дикость нравов уже смягчается навыками гражданскими, где новая внутренняя и внешняя торговля знакомит людей с выгодами роскоши,— деньги имеют высокую цену и лихоимство пользуется их редкостию.

XXVIII. «Всякой уголовный донос требует свидетельства и присяги семи человек; но варяг и чужестранец обязывается представить только двух. Когда дело идет единственно о побоях легких, то нужны вообще два свидетеля; но чужестранца никогда нельзя обвинить без семи». Итак, древние наши законы особенно покровительствовали иноземцев.

XXIX. «Свидетели должны быть всегда граждане свободные; только по нужде и в малом иске дозволено сослаться на тиуна *боярского* или закабаленного слугу». (Следственно, боярские тиуны не были свободные люди, хотя жизнь их, как означено в первой статье, ценилась равно с жизнию вольных граждан.) — «Но истец может воспользоваться свидетельством раба и требовать, чтобы ответчик оправдался *испытанием железа.* Если последний окажется виновным, то платит иск; если оправдается, то истец дает ему за муку гривну и в казну 40 кун, мечнику 5 кун, княжескому отроку полгривны (что называется *железною пошлиною).* Когда же ответчик вызван на сие испытание по неясному свидетельству людей свободных, то, оправдав себя, не берет ничего с истца, который платит единственно пошлину в казну.— Не имея никаких свидетелей, сам истец доказывает правость свою *железом:* чем решить всякие тяжбы в убийстве, воровстве и поклепе, ежели иск стоит полугривны золота; а ежели менее, то испытывать водою; в двух же гривнах и менее достаточна одна истцова присяга».

Законы суть дополнения летописей: без Ярославовой *Правды* мы не знали бы, что древние россияне, подобно другим народам, употребляли железо и воду для изобличения преступников — обыкновение безрассудное и жестокое, славное в истории средних веков под именем *суда небесного.* Обвиняемый брал в голую руку железо раскаленное или вынимал ею кольцо из кипятка, после чего судьям надлежало обвязать и запечатать оную. Ежели через три дни не оставалось язвы или знака на её коже, то невинность была доказана. Ум здравый и самая вера истинная долго не могли истребить сего устава языческих времен, и христианские пастыри торжественно освящали железо и воду для испытания добродетели или злодейства не только простых граждан, но и самых государей в случае клеветы или важного подозрения. Народ думал, что богу легко сделать чудо для спасения невинного; но хитрость судей пристрастных могла обманывать зрителей и спасать виновных.

Древнейшие законы всех народов были уголовные;

но Ярославовы определяют и важные права наследственности.

XXX. «Когда простолюдин умрет бездетен, то все его имение взять в казну; буде остались дочери незамужние, то им дать некоторую часть оного. Но князь не может наследовать после бояр и мужей, составляющих воинскую дружину: если они не имеют сыновей, то наследуют дочери». Но когда не было и последних? родственники ли брали имение или князь?.. Здесь видим законное, важное преимущество чиновников воинских.

XXXI. «Завещание умершего исполняется в точности. Буде он не изъявил воли своей, в таком случае отдать все детям, а часть в церковь для спасения его души. Двор отеческий всегда без раздела принадлежит меньшему сыну» — как юнейшему и менее других способному наживать доход.

XXXII. «Вдова берет, что назначил ей муж; впрочем, она не есть наследница.— Дети первой жены наследуют ее достояние или вено, назначенное отцом для их матери.— Сестра ничего не имеет, кроме добровольного приданого от своих братьев».

XXXIII. «Если жена, дав слово остаться вдовою, проживет имение и выйдет замуж, то обязана возвратить детям все прожитое. Но дети не могут согнать вдовствующей матери со двора или отнять, что отдано ей супругом. Она властна избрать себе одного наследника из детей или дать всем равную часть. Ежели мать умрет *без языка* или без завещания, то сын или дочь, у коих она жила, наследуют все ее достояние».

XXXIV. «Если будут дети разных отцов, но одной матери, то каждый сын берет отцовское. Если второй муж расхитил имение первого и сам умер, то дети его возвращают оное детям первого, согласно с показанием свидетелей».

XXXV. «Если братья станут тягаться о наследии пред князем, то отрок княжеский, посланный для их раздела, получает гривну за труд».

XXXVI. «Ежели останутся дети малолетные, а мать выйдет замуж, то отдать их при свидетелях на руки ближнему родственнику с имением и с домом; а что сей опекун присовокупит к оному, то возьмет себе за труд и попечение о малолетних; но приплод от рабов и скота остается детям.— За все утраченное платит опекун, коим может быть и сам вотчим».

XXXVII. «Дети, прижитые с рабою, не участвуют в наследии, но получают свободу и с матерью».

Главою правосудия вообще был князь, а двор княжеский — обыкновенным местом суда. Но государь поручал сию власть тиунам и своим отрокам.— Чиновники, которым надлежало решить уголовные дела, назывались *вирниками,* и каждый судья имел помощника или отрока, *метельника* или писца. Они брали запас от граждан и пошлину с каждого дела.— Вирнику и писцу его, для объезда волости, давали лошадей.

В одном из новгородских списков Ярославовой *Правды* сказано, что истец во всякой тяжбе должен идти с ответчиком *на извод перед 12 граждан* — может быть, присяжных, которые разбирали обстоятельства дела по совести, оставляя судье определить наказание и взыскивать пеню. Так было и в Скандинавии, откуда сей мудрый устав перешел в Великобританию. Англичане наблюдают его доныне в делах уголовных. Саксон Грамматик повествует, что в VIII веке Рагнар Лодброк, король датский, первый учредил думу двенадцати присяжных.

Таким образом устав Ярославов содержит в себе полную систему нашего древнего законодательства, сообразную с тогдашними нравами. В нем не упоминается о некоторых возможных злодеяниях, например: о смертной отраве (как в XII досках Рима), о насилии женщин (и проч.); для того ли, что первое было необыкновенно в России, а второе казалось законодателю сомнительным и неясным в доказательствах? Не упоминается также о многих условиях и сделках, весьма обыкновенных в самом начале гражданских обществ; но взаимная польза быть верным в слове и честь служили вместо законов.

Приметим, что древние свободные россияне не терпели никаких *телесных* наказаний: виновный платил или жизнию, или вольностию, или деньгами — и скажем о сих законах то же, что Монтескье говорит вообще о германских: они изъявляют какое-то удивительное простосердечие; кратки, грубы, но достойны людей твердых и великодушных, которые боялись рабства более, нежели смерти.

Предложим еще одно замечание: германцы, овладев Европою, не давали всех гражданских прав своих народам покоренным: так, по уставу салическому, за убиение франка надлежало платить 200 *су* и вдвое менее за убиение римлянина. Но законы Ярославовы не полагают никакого различия между россиянами варяжского племени и славянами; сим обстоятельством можно утвердить вероятность Несторова сказания, что князья варяжские *не завоевали* нашего отечества, но были избраны славянами управлять государством.

Ярославу же приписывают древний устав Новогородский *о мостовых*, по коему знаем, что сей город, тогда уже весьма обширный, разделялся на части, или концы (Словенский, Неревский, Горничский, Загородский, Плотинский), а жители — на *сотни*, означаемые именами их старейшин; что одна улица называлась *Добрыниною* (в память сего знаменитого воеводы и дяди Владимирова), а главный ряд *Великим* рядом; что немцы или варяги, готы или готландцы, привлеченные в Новгород торговлею, жили в особенных улицах, и проч.— Но так называемый Церковный устав Ярославов, о коем упоминают новейшие летописцы и коего имеем разные списки, есть, без сомнения, подложный, сочиненный около XIV столетия. Подобно мнимому Владимирову, он дает епископам исключительное право судить оскорбление женского целомудрия, всякие обиды, делаемые слабому полу, развод, кровосмешение, ссоры детей с родителями, зажигательство, воровство, драки и проч. Сей Устав не согласен с *Русскою Правдою* и, кроме нелепостей, содержит в себе выражения и слова новейших времен; например, определяет пени *рублями*, еще не употребительными в денежном счете времен Ярославовых.

Из главы IV

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИЗЯСЛАВ, НАЗВАННЫЙ В КРЕЩЕНИИ ДИМИТРИЕМ

1054—1077

Рассуждение.— Уделы.— Половцы.— Междоусобия.— Перенесение мощей Бориса и Глеба.— Новое бегство Великого князя.— Изяслав у немецкого императора — Посольство Генрика IV в Киев.— Письмо папы к Изяславу — Россияне в Силезии.— Возвращение Изяслава.— Смерть Великого князя.— Свойства его.— Уничтожение смертной казни.— Монастырь Киевопечерский.— Россияне служат в Греции.— Зависимость нашей церкви от греческой.

Древняя Россия погребла с Ярославом свое могущество и благоденствие. Основанная, возвеличенная единовластием, она утратила силу, блеск и гражданское счастие, будучи снова раздробленною на малые области. Владимир исправил ошибку Святосла-

ва, Ярослав Владимирову: наследники их не могли воспользоваться сим примером, не умели соединить частей в целое, и государство, шагнув, так сказать, в один век от колыбели своей до величия, слабело и разрушалось более трехсот лет. Историк чужеземный не мог бы с удовольствием писать о сих временах, скудных делами славы и богатых ничтожными распрями многочисленных властителей, коих тени, обагренные кровию бедных подданных, мелькают пред его глазами в сумраке веков отдаленных. Но Россия нам отечество; ее судьба и в славе и в уничижении равно для нас достопамятна. Мы хотим обозреть весь путь государства российского от начала до нынешней степени оного. Увидим толпу князей недостойных и слабых; но среди их увидим и героев добродетели, сильных мышцею и душою. В темной картине междоусобия, неустройств, бедствий являются также яркие черты ума народного, свойства, нравов, драгоценные своею древностию. Одним словом, история предков всегда любопытна для того, кто достоин иметь отечество.

Дети Ярославовы, исполняя его завещание, разделили по себе государство. Область Изяславова, сверх Новагорода, простиралась от Киева на юг и запад до гор Карпатских, Польши и Литвы. Князь Черниговский взял еще отдаленный Тмуторокань, Рязань, Муром и страну вятичей; Всеволод, кроме Переяславля, Ростов, Суздаль, Белоозеро и *Поволожье,* или берега Волги. Смоленская область заключала в себе нынешнюю губернию сего имени с некоторою частию Витебской, Псковской, Калужской и Московской. Четвертый сын Ярославов, Игорь, получил от старшего брата в *частный* удел город Владимир. Князь Полоцкий, внук славной Рогнеды, Брячислав, умер еще в 1044 году; сын его, Всеслав, наследовал удел отца — и Россия имела тогда шесть юных государей.

Счастливая внутренняя тишина царствовала около десяти лет.

Еще в 1055 году половцы, или команы, входили в область Переяславскую: тогда князь их, Болуш, заключил мир со Всеволодом. Сей народ кочующий, единоплеменный с печенегами и, вероятно, с нынешними киргизами, обитал в степях азиатских, близ моря Каспийского; вытеснил узов (именуемых, как вероятно, торками в нашей летописи); принудил многих из них бежать к Дунаю (где они частию погибли от язвы, частию поддалися грекам); изгнал, кажется, печенегов из нынешней юговосточной России и занял берега Черного моря до Мол-

давии, ужасая все государства соседственные: Греческую империю, Венгрию и другие.— О нравах его говорят летописцы с омерзением: грабеж и кровопролитие служили ему забавою, шатры всегдашним жилищем, кобылье молоко, сырое мясо, кровь животных и стерво обыкновенною пищею.— Мир с такими варварами мог быть только опасным перемирием, и в 1061 году половцы, не имея терпения дождаться лета, с князем своим Секалом зимою ворвались в области Российские, победили Всеволода и с добычею возвратились к Дону.

С сего времени начинаются бедствия России.

Первым поводом к междоусобию было отдаленное княжество Тмутороканское. Владимир Ярославич оставил сына, Ростислава, который, не имея никакого удела, жил праздно в Новегороде. Будучи отважен и славолюбив, он подговорил с собою некоторых молодых людей; вместе с Вышатою, сыном новогородского Изяславова посадника Остромира, ушел в Тмуторокань и выгнал юнаго князя, Глеба Святославича, который управлял сею Азовскою областию. Святослав спешил туда с войском: племянник его, уважая дядю, отдал ему город без сопротивления; но когда черниговский князь удалился, Ростислав снова овладел Тмутороканем. Скоро народы горские, касоги и другие должны были признать себя данниками юного героя, так, что его славолюбие и счастие устрашили греков, которые господствовали в Тавриде. Сии коварные прислали злодея, именем Котопана, умевшего вкрасться к нему в доверенность; и в то время, как Ростислав, угощая мнимого друга, пил с ним вино, Котопан, имея под ногтем скрытый яд, впустил его в чашу, отравил князя, уехал в Херсон и торжественно объявил жителям, что завоеватель тмутороканский умрет в седьмой день. Предсказание исполнилось; но херсонцы, гнушаясь таким злодейством, убили изверга камнями.— Безвременная кончина мужественного Ростислава, отца трех сыновей, была в тогдашних обстоятельствах несчастием для России: он мог бы лучше других защитить отечество и сохранить по крайней мере воинскую его славу. Нестор описывает сего юношу, прекрасного и благовидного, не только храбрым в битвах, но и добрым, чувствительным, великодушным.

Святослав не мог вторично смирить племянника своего, Ростислава, для того, что в государстве явился новый неприятель: князь Полоцкий. Сей правнук Рогнедин ненавидел детей Ярославовых и считал себя законным

наследником престола великокняжеского, ибо дед его, Изяслав, был старшим сыном св. Владимира.

Союз Ярославичей казался неразрывным. Изяслав, соорудив новую церковь в Вышегороде, управляемом тогда вельможею Чудиным, вздумал поставить в ней гробы Бориса и Глеба и призвал своих братьев на сие торжество. Оно совершилось в присутствии знаменитейшего духовенства, бояр и народа, 2 мая, день, в который Великий князь, за три года пред тем, вступил с Болеславом в Киев. Сами Ярославичи несли раку Борисову, и митрополит Георгий признал святость российских мучеников, к удовольствию государя и народа. Духовное празднество заключилось веселым пиром: три князя обедали за одним столом вместе с своими боярами и разъехались друзьями.

Сия дружба скоро обратилась в злобу. Святослав, желая большей власти, уверил Всеволода, что старший брат тайно сговаривается против них с князем Полоцким. Они вооружились, и несчастный Изяслав вторично бежал в Польшу, надеясь, что великие сокровища, увезенные им из Киева, доставят ему сильных помощников вне государства. Но Болеслав уже не хотел искать новых опасностей в России: взял его сокровища и (по словам летописца) *указал ему путь от себя*. Горестный изгнанник отправился к немецкому императору, Генрику IV; был ему представлен в Маинце саксонским маркграфом Деди; поднес в дар множество серебряных и золотых сосудов, также мехов драгоценных и требовал его заступления, обещая, как говорят немецкие летописцы, признать себя данником империи. Юный и храбрый Генрик, готовимый судьбою к бедствиям гораздо ужаснейшим Изяславовых, не отказался быть защитником угнетенного. Окруженный в собственном государстве изменниками и неприятелями, он послал в Киев Бурхарда, тревского духовного чиновника, брата Оды, шурина Вячеславова, как, вероятно, и велел объявить князьям российским, чтобы они возвратили Изяславу законную власть, или, несмотря на отдаленность, мужественное войско немецкое смирит хищников. В Киеве господствовал тогда Святослав, придав, может быть, Всеволоду некоторые из южных городов; он дружелюбно угостил послов императорских и старался уверить их в своей справедливости. Нестор пишет, что сей князь, подобно иудейскому царю Езекии, величался пред немцами богатством казны своей и что они, видя множество золота, серебра, драгоценных паволок, благоразумно сказа-

ли: *Государь! мертвое богатство есть ничто в сравнении с мужеством и великодушием.* «Следствие доказало истину их слов,— прибавляет Нестор.— По смерти Святослава исчезли как прах все его сокровища».— Бурхард возвратился к императору с дарами, которые удивили Германию. «Никогда,— говорит современный немецкий летописец,— не видали мы столько золота, серебра и богатых одежд». Генрих, обезоруженный щедростию Святослава и не имея, впрочем, никакого способа воевать с россиянами, утешил изгнанника одним бесполезным сожалением.

Изяслав обратился к папе, славному в истории Григорию VII, хотевшему быть главою всеобщей монархии или царем царей, и послал в Рим сына своего. Жертвуя властолюбию и православием восточной церкви, и достоинством государя независимого, он признавал не только духовную, но мирскую власть папы над Россиею; требовал его защиты и жаловался ему на короля польского. Григорий отправил послов к Великому князю и к Болеславу, написав к первому следующее:

«Григорий епископ, слуга слуг божиих, Димитрию, князю России (Regi Russorum), и княгине, супруге его, желает здравия и посылает апостольское благословение.

Сын ваш, посетив святые места Рима, смиренно молил нас, чтобы мы властию св. Петра утвердили его на княжении, и дал присягу быть верным главе апостолов. Мы исполнили сию благую волю — согласную с вашею, как он свидетельствует,— поручили ему кормило государства российского именем верховного апостола, с тем намерением и желанием, чтобы св. Петр сохранил ваше здравие, княжение и благое достояние до кончины живота и сделал вас некогда сопричастником славы вечной. Желая также изъявить готовность к дальнейшим услугам, доверяем сим послам — из коих *один вам известен и друг верный* — изустно переговорить с вами о всем, что есть и чего нет в письме. Примите их с любовию, как послов св. Петра; благосклонно выслушайте и несомненно верьте тому, что они предложат вам от имени нашего — и проч. Всемогущий бог да озарит сердца ваши и да преведет вас от благ временных ко славе вечной. Писано в Риме, 15 мая, Индикта XIII» (то есть 1075 году).

Таким образом Изяслав, сам не имея тогда власти над Россиею, дал повод надменному Григорию причислить сию державу ко мнимым владениям св. Петра, за-

висящим от мнимого апостольского наместника!.. В письме к Болеславу говорит папа: «Беззаконно присвоив себе казну государя российского, ты нарушил добродетель христианскую. Молю и заклинаю тебя именем божиим отдать ему все взятое тобою или твоими людьми; ибо хищники не внидут в царствие небесное, ежели не возвратят похищенного».

Заступление гордого папы едва ли имело какое-нибудь действие, и в следующем году юные князья российские, Владимир Мономах и Олег — первый Всеволодов, а второй Святославов сын — заключили союз с поляками, ходили с войском в Силезию помогать Болеславу против герцога Богемского. Но скоро обстоятельства, к счастию Изяславову, переменились. Главный враг его, Святослав, умер от неискусного разрезания железы. Тогда изгнанник ободрился; собрал несколько тысяч поляков и вступил в Россию. Добродушный Всеволод встретил его в Волынии и вместо битвы предложил ему мир. Братья клялися, забыв прошедшее, умереть друзьями, и старший въехал в Киев государем, уступив меньшему княжение Черниговское, а сыну, его, Владимиру, Смоленск.

Узнав, что племянники идут с войском к Чернигову, Изяслав встретил их. Олег не надеялся победить четырех соединенных князей и советовал брату вступить в мирные переговоры; но гордый Борис ответствовал ему: «Останься спокойным зрителем моей битвы с ними»,— сразился близ Чернигова и заплатил жизнию за свое властолюбие. Еще кровь лилась рекою. Изяслав стоял среди пехоты; неприятельский всадник ударил его копьем в плечо; Великий князь пал мертвый на землю. Наконец Олег обратился в бегство и с малым числом воинов ушел в Тмуторокань.— Бояре привезли тело Изяслава в ладии; на берегу жители киевские, знатные и бедные, светские и духовные, ожидали его со слезами; вопль народный (как говорит летописец) заглушал священное пение. Ярополк с княжескою дружиною шел за трупом, оплакивая несчастную судьбу и добродетели отца своего.— Положенное в мраморную раку, тело Великого князя было предано земле в храме Богоматери, где стоял памятник св. Владимира.

Нестор пишет, что Изяслав, приятный лицом и величественный станом, не менее украшался и тихим нравом, любил правду, ненавидел криводушие; что он истинно простил мятежных киевлян, и не имел ни малейшего участия в жестокостях Мстиславовых; помнил только любовь Всеволода, добровольно уступившего ему вели-

кое княженне, н забыл вражду его; сказал, что охотно умрет за брата, н, к несчастию, сдержал слово... Вернм похвале современника благоразумного, любившего отечество и добродетель; но Изяслав был столь же малодушен, сколь мягкосердечен; хотел престола н не умел твердо сидеть на оном. Своевольные злодеяння сына в Кневе — ибо казнь без суда н нарушение слова есть всегда злодеяние — изъявляют по крайней мере слабость отца, который в то же самое время сделал его князем владетельным. Наконец бедствие Мннска и вероломное заточение Всеслава согласны лн с похваламн летопнсца?

Изяслав оставил свое имя в наших древних законах. По кончине родителя он призвал на совет братьев своих, Святослава и Всеволода, также умнейших вельмож того времени: Коснячка, воеводу, ненавистного киевлянам, Переннта, Никифора, Чудина, и совершенно уничтожил смертную казнь, уставив денежную пеню за всякие убийства: по излишнему ли человеколюбию, как Владимир? или для сохранения людей, которые могли еще служить отечеству? нли для обогащения *вирами* казны государей?

При Изяславе был основан славный монастырь Киевопечерский, н сам Нестор рассказывает достопамятные обстоятельства сего учреждения. Некто, житель города Любеча, одушевленный христнанским усердием, захотел видеть Святую гору, возлюбил житие монахов афонских н, постриженный в их обители, был назван Антоннем. Игумен, наставив его в правилах монастырских, дал ему благословение и велел идти в Россию, предвидя, что он будет в нашем отечестве светнлом черноризцев. Антоний возвратился еще при князе Ярославе, обходил тогдашние монастыри российские и близ Кнева, на высоком берегу днепровском, увндел пещеру: Иларион, будучи еще простым иереем Берестовским, ископал оную собственными руками н часто, окруженный тьмою н безмолвием дремучего леса, молился в ней богу. Она стояла уже пустая: Иларнон, в сане митрополнта, пас церковь н жил в столнце. Антонний пленился красотою сего дикого уединения, остался в пещере Иларноновой и посвятил дни свои молнтве. Слух о благочестивом пустыннике разнесся в окрестностях, и сам Великий князь Изяслав приходил к нему с своею дружиною требовать благословения. Двенадцать монахов, отчасти Антонием постриженных, выкопали там подземную церковь с кельями. Число нх беспрестанно умножалось: Великнй князь

отдал им всю гору над пещерами, где они заложили большую церковь с оградою. Смиренный Антоний не хотел начальства: поручив новую обитель игумену Варлааму, уединился в пещеру, однако ж не избавился от гонения. Считая Антония другом Всеславовым, Великий князь приказал воинам ночью схватить его и вывезти из области Киевской. Но добродетельный муж скоро возвратился с честию в любимую свою пещеру и жил в ней до самой кончины, имев удовольствие видеть Лавру Киевскую в самом цветущем состоянии. Щедрость и набожность Ярославичей обогатили сей монастырь доходами и поместьями. Святослав дал 100 гривен, или 50 фунтов золота, на строение каменного великолепного храма Печерского, призвал художников из Константинополя и своими руками начал копать ров для основания церкви. Знаменитый варяг Симон, вельможа Всеволодов, подарил Антонию на украшение алтаря златую цепь в 50 гривен и венец драгоценный, наследие отца его, князя варяжского. Св. Феодосий, преемник Варламов, заимствовал от Цареградского студийского монастыря устав чернеризцев, который сделался общим для всех монастырей российских. Сей благочестивый игумен завел в Киеве первый дом странноприимства и питал несчастных в темницах. Добродетель Феодосиева была столь уважаема, что Великий князь нередко приходил беседовать с ним наедине, оставался у него обедать, ел хлеб, сочиво и с улыбкою говаривал, что роскошная трапеза княжеская ему не столь приятна, как монастырская. Феодосий, любя Изяслава, великодушно обличал виновного брата, гонителя его, в беззаконии. Святослав терпел сии укоризны, оправдывался, и когда святый муж входил в шумный дворец его, где часто гремела музыка, органы и гусли, тогда все умолкало. Лежа на смертном одре, Феодосий благословил Святослава и сына его, Глеба.

Изяслав и его братья соблюдали неразрывную дружбу с греками и давали им войско, которое в частых внутренних неустройствах поддерживало слабых императоров на троне. Знаменитый Алексий Комнин, еще не государь, но только полководец империи, в 1077 году смиряя мятежника Никифора Вриения, имел с собою множество судов российских.— Ярославичи возвратили константинопольскому патриарху важное право ставить киевских митрополитов.

Из главы V

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОД

1078—1093

Междоусобия.— Олег в Родосе — Подвиги Мономаха.— Убиение Ярополка.— Слабость Великого князя. Кончина его.

Не сын Изяславов, но Всеволод наследовал престол великокняжеский. Дядя, по тогдашнему образу мыслей и всеобщему уважению к семейственным связям, имел во всяком случае право старейшинства и заступал место отца для племянников.— Сей государь утвердил Святополка на княжении новогородском; другому сыну Изяславову, Ярополку, отдал Владимир и Туров, а Мономаху Чернигов.

Роман Святославич, князь Тмутороканский, желая отмстить за Олега и Бориса, немедленно начал войну междоусобную, которая стоила ему жизни. Половцы, его наемники, заключили мир со Всеволодом у Переяславля и на возвратном пути умертвили Романа; а брата его, Олега, как невольника отправили в Константинополь. Великий князь, пользуясь несчастием Святославичей, прислал в Тмуторокань наместника своего, Ратибора. Но сия область Воспорская, убежище князей обделенных, скоро была завоевана Давидом *Игоревичем* и Володарем *Ростиславичем,* внуком и правнуком Великого Ярослава, которые также недолго в ней господствовали.

Всеволод любил мир и видел беспрестанное кровопролитие. Полоцкий князь осадил Смоленск; Владимир спешит туда с черниговскою конницею; не застал Всеслава, но Смоленск, зажженный неприятелем, еще дымился в пепле. Мономах, в наказание врагу своему, огнем и мечом опустошил его землю и, чрез несколько времени взяв Минск, отнял всех рабов и скот у жителей. Таким образом сей несчастный город вторично пострадал за своего князя.— Мужественный сын Всеволодов не выпускал меча из рук: победил торков, обитавших близ Переяславля; два раза ходил усмирять беспокойных

вятичей и везде гнал неутомимых злодеев России, половцев, на берегах Десны, Хороля; пленял их вождей, отбивал добычу. Но сии успехи не могли утвердить государственной безопасности, и князья российские междоусобием своим усиливали внешних неприятелей.

Ростиславичи, воспитанные, кажется, в доме у Ярополка, бежали от него и в отсутствие дяди, который гостил у Всеволода в неделю Пасхи, вооруженною рукою заняли Владимир. Всякой знаменитый мятежник, обещая грабеж и добычу, мог собирать тогда шайки усердных помощников.— Всеволод, оскорбленный несчастием племянника, велел Мономаху идти на Ростиславичей; их выгнали, и Ярополк возвратился в свой удел с честию.— В то же время Давид Игоревич, скитаясь в южной России и вне пределов ее, завладел Олешьем, греческим городом близ устья днепровского, и нагло ограбил там многих купцов; Всеволод, призвав его к себе, дал ему Дорогобуж в Волыни.

Сам Ярополк, облагодетельствованный Всеволодом, не устыдился быть врагом его: князь слабый, послушный коварным советникам и скоро наказанный за свою безрассудность. Дядя, сведав о злых намерениях сего неблагодарного, предупредил их опасное исполнение; и слух, что Мономах идет с войском, заставил Ярополка бежать в Польшу. Владимир нашел в Луцке мать его, супругу, дружину, казну и возвратился с ними в Киев, отдав владение Ярополково Давиду Игоревичу.— Но Ярополк, не сыскав заступников вне России, скоро умилостивил Всеволода искренним раскаянием и, заключив мир с его сыном, Мономахом, в Волынии, получил обратно свое княжение. Судьба не дала ему времени заслужить великодушие дяди или снова быть неблагодарным. Он чрез несколько дней погиб от руки злодея, на пути в *Червенский* Звенигород: сей преступник, именем Нерядец, ехал за ним верхом вместе с другими княжескими отроками и вонзил саблю в бок своему государю, покойно лежавшему на колеснице. Ярополк встал, извлек из себя окровавленное железо, громко сказал: «Умираю от коварного врага» — и скончался. Летописец не объясняет тайной причины злодейства, сказывая только, что убийца бежал в Перемышль к Рюрику, старшему из Ростиславичей, которым Всеволод уступил сей город в удел и которые, приняв изменника, навлекли на себя гнусное подозрение, более несчастное, нежели справедливое. Отроки Ярополковы привезли тело убиенного в Киев, чтобы воздать ему честь погребения там, где лежали кости его родителя.

Всеволод, огорчаемый бедствиями народными и властолюбием своих племянников — которые, желая господствовать. не давали ему покоя и беспрестанно требовали уделов,— с завистию воспоминал то счастливое время, когда он жил в Переяславле, довольный жребием удельного князя и спокойный сердцем. Не имев никогда великодушной твердости, сей князь, обремененный летами и недугами, впал в совершенное расслабление духа; удалил от себя бояр опытных, слушал только юных любимцев и не хотел уже следовать древнему обычаю государей российских, которые сами, в присутствии вельмож, судили народ свой на дворе княжеском. Сильные утесняли слабых; наместники и тиуны грабили Россию, как половцы; Всеволод не внимал жалобам.— Чувствуя приближение конца, он послал за большим сыном в Чернигов и скончался в объятиях Владимира и Ростислава, орошенный их искренними слезами.

Великий Ярослав желал, чтобы любимый сын его, со временем наследовав законным образом Киевскую область, был и во гробе с ним неразлучен; воля нежного отца исполнилась, и Всеволода погребли, на другой день кончины его, там же, где лежали Ярославовы кости — в Софийском храме.

Из главы VI

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СВЯТОПОЛК-МИХАИЛ

1093—1112

Великодушие Мономаха.— Война с половцами.— Брак Святополков — Беспокойный Олег.— Жалкое состояние южной России.— Саранча.— Победы.— Вероломство россиян.— Междоусобия.— Гордость Олегова.— Съезд князей.— Вероломство Давида и Святополка.— Ослепление Василька.— Слезы Мономаховы.— Речь митрополита.— Прекрасная душа Василькова.— Новый съезд князей.— Усмирение Давида.— Строптивость новгородцев.— Совет князей.— Счастливая война с половцами.— Новые успехи в войне с половцами.— Поход знаменитый.— Имя Тмутороканя исчезает в летописях.— Кончина Святополкова.— Путешествие Даниила.— Россияне в Иерусалиме.— Конец Несторовой летописи.— Старец Янь.

Владимир мог бы сесть на престоле родителя своего; но сей чувствительный и миролюбивый князь уступил оный Изяславову сыну и, сказав: «отец его был старее и княжил в столице прежде моего отца; не хочу кровопролития и войны междоусобной»,—

объявил Святополка государем российским; сам отправился в Чернигов, а брат его, Ростислав, в Переяславль.

Святополк, княжив несколько лет в Новегороде, еще в 1088 году выехал оттуда, будучи, как, вероятно, недоволен его беспокойными гражданами (которые тогда же призвали к себе юного князя, Мстислава, сына Владимирова), и жил в Турове; он с радостию прибыл в Киев, и народ также с радостию встретил нового государя, обещая себе мир и тишину под его властию. Сия надежда не исполнилась, и начало Святополкова княжения ознаменовалось великими несчастиями.

Половцы, узнав о кончине Всеволода, изъявили желание остаться друзьями России. Легкомысленный Святополк не посоветовался с боярами отца своего и дяди: велел схватить послов и заключить в темницу; но, сведав, что мстительные варвары везде жгут и грабят в его области, вздумал сам просить их о мире. Половцы уже не хотели слушать сих предложений, и Великий князь, собрав только 800 воинов, спешил выступить в поле. Едва благоразумные бояре могли удержать его, представляя ему, что, вопреки надменному самохвальству молодых людей, нужны не *сотни*, а *тысячи* для отражения врагов; что область киевская, изнуренная войнами, истощенная данями, опустела и что надобно требовать помощи от мужественного Владимира. Князь Черниговский немедленно вооружился и призвал брата своего, Ростислава. Но князья, соединив дружины, не могли согласиться в мыслях; стояли под Киевом и ссорились между собою. Наконец бояре сказали им: «Ваша распря губит народ; смирите врагов и тогда уже думайте о своих несогласиях!» Святополк и Владимир, приняв благий совет, обнялися братски и в знак искренней взаимной любви целовали святой крест, по тогдашнему обыкновению.

Неприятели осаждали Торческ, город, населенный торками, которые, оставив жизнь кочевую, поддалися россиянам: князья хотели освободить его, Святополк битвою, Мономах миром. Остановясь близ Триполя, они призвали бояр на совет. Янь, воевода киевский, друг блаженного Феодосия, и многие иные были одного мнения с князем Черниговском. «Половцы,— говорили они,— видят блеск мечей наших, и не отвергнут мира». Но киевляне, желая победы, склонили большинство голосов на свою сторону, и войско российское перешло за Стугну. Святополк вел правое крыло, Владимир — левое; Ростислав находился в средине. Они поставили зна-

мена между земляными укреплениями Трипольскими и ждали неприятеля, который, выслав наперед стрелков, вдруг устремился всеми силами на Святополка. Киевляне не могли выдержать сего удара и заметались. Великий князь оказал примерную неустрашимость; бился долго, упорно и последний оставил место сражения. Средина и левое крыло, не умев искусным и быстрым движением спасти правого, еще несколько времени стояли, но также уступили превосходству неприятеля. Земля дымилась кровию. Россияне, спасаясь от меча победителей, толпами гибли в реке Стугне, которая от дождей наполнилась водою. Мономах, видя утопающего брата, забыл собственную опасность и бросился во глубину: усердная дружина извлекла его из волн — и сей князь, оплакивая Ростислава, многих бояр своих, отечество, с горестию возвратился в Чернигов, а Святополк — в Киев.

Не имев счастия воинского, Святополк надеялся иным способом обезоружить половцев и женился на дочери их князя, Тугоркана. Но сей родственный союз, который мог быть оправдан одною государственною пользою, не защитил России от варваров: князь Тмутороканский, Олег Святославич, в *третий раз* пришел с ними разорять отечество, осадил Мономаха в Чернигове и требовал сей области как законного наследия, ибо она принадлежала некогда его родителю. Владимир, любимый своею дружиною и народом, несколько дней оборонялся; но, жалея крови, великодушно сказал: *да не радуются враги отечества!* и добровольно уступил княжение Олегу: вторая жертва, принесенная им общей пользе! Он выехал из Чернигова в Переяславль с женою и детьми, под щитами малочисленной, верной дружины, готовой отражать толпы хищных половцев, которые, несмотря на мир, еще долгое время свирепствовали в Черниговской области: жестокий Олег, довольный их помощию, равнодушно смотрел на сии злодейства.— Вся южная Россия представляла тогда картину самых ужаснейших бедствий. «Города опустели,— пишет Нестор,— в селах пылают церкви, домы, житницы и гумны. Жители издыхают под острием меча или трепещут, ожидая смерти. Пленники, заключенные в узы, идут наги и босы в отдаленную страну варваров, сказывая друг другу со слезами: *я из такого-то города русского, я из такой-то веси!* Не видим на лугах своих ни стад, ни коней; нивы заросли травою, и дикие звери обитают там, где прежде жили христиане!» К умножению несчастий, Россия узнала в сие время новый бич естественный: саранча, дото-

ле неизвестная нашим предкам, покрыв землю, совершенно истребила жатву; тучи сих пагубных насекомых летели от юга к северу, оставляя за собою отчаяние и голод для бедных поселян.

Наконец Великий князь и Владимир ободрили победами унылый дух своего народа. Они, к сожалению, начались вероломством. Долговременные несчастия государственные остервеняют сердца и вредят самой нравственности людей. Вожди половецкие, Итларь и Китан, заключили мир с Мономахом и взяли в *тали,* или в аманаты, сына его, Святослава. Китан безопасно жил в стане близ городского вала; Итларь гостил в Переяславле у вельможи Ратибора. Тогда недостойные советники предложили князю воспользоваться оплошностию ненавистных врагов, нарушить священный мир и не менее священные законы гостеприимства — одним словом, злодейски умертвить всех половцев. Владимир колебался; но дружина успокоила его робкую совесть, доказывая, что сии варвары тысячу раз сами преступали клятву... В глубокую ночь россияне, вместе с торками, им подвластными, вышли из города, зарезали сонного Катана, его воинов и с торжеством привели ко Владимиру освобожденного Святослава. Итларь, не зная ничего, спокойно готовился поутру завтракать у своих ласковых хозяев, когда сын Ратиборов, Олбег, пустил ему в грудь стрелу сквозь отверстие, нарочно для того сделанное вверху горницы; и несчастный Итларь, со многими знаменитыми товарищами, был жертвою гнусного заговора, который лучшему из тогдашних князей российских казался дозволенною хитростию!

Ожидая справедливой мести за такое злодеяние, Владимир и Святополк хотели предупредить оную. *В первый раз* дерзнули россияне искать половцев в их собственной земле; взяли множество скота, вельблюдов, коней, пленников и возвратились благополучно.— Но в то же самое лето Юрьев, город на берегу Роси, был сожжен половцами; жители его ушли с епископом в столицу, и Великий князь населил ими, близ Киева, особенный новый городок, дав ему имя *Святополча.*

В сих обстоятельствах Святополк и Владимир прислали звать Олега в Киев, на *съезд княжеский.* «Там, в старейшем граде русском,— говорили они,— утвердим безопасность государства в общем совете с знаменитейшим духовенством, с боярами отцов наших и гражданами». Олег, не веря их доброму намерению, с гордостию им ответствовал: «Я князь и не хочу советоваться ни с

монахами, ни с чернию». *Когда так,* сказали Святополк и Владимир, *когда не хочешь воевать с неприятелями земли Русской, ни советоваться с братьями, то признаем тебя самого врагом отечества, и бог да судит между нами!* Взяв Чернигов, они приступили к Стародубу, где находился Олег, и более месяца проливали невинную кровь в жестоких битвах. Наконец черниговский князь, смиренный голодом, должен был покориться и клятвенно обещал приехать на совет в Киев вместе с братом своим Давидом.

Чрез несколько месяцев Россия в первый раз увидела торжественное собрание князей своих, на берегу Днепра, в городе Любече. Сидя на одном ковре, они благоразумно рассуждали, что отечество гибнет от их несогласия; что им должно наконец прекратить междоусобие, вспомнить древнюю славу предков, соединиться душою и сердцем, унять внешних разбойников, половцев,— успокоить государство, заслужить любовь народную. Нет сомнения, что Мономах, друг отечества и благоразумнейший из князей российских, был виновником и душою сего достопамятного собрания. В пример умеренности и бескорыстия он уступил Святославичам все, что принадлежало некогда их родителю, и князья с общего согласия утвердили за Святополком область Киевскую, за Мономахом частный удел отца его: Переяславль, Смоленск, Ростов, Суздаль, Белоозеро, за Олегом, Давидом и Ярославом Святославичами Чернигов, Рязань, Муром; за Давидом Игоревичем Владимир Волынский; за Володарем и Васильком Ростиславичами Перемышль и Теребовль, отданные им еще Всеволодом. Каждый был доволен; каждый целовал святой крест, говорят: *да будет земля Русская общим для нас отечеством, а кто восстанет на брата, на того мы все восстанем.* Добрый народ радовался согласию своих государей, которые обнялися братски и разъехались друзьями.

Сей торжественный союз был в одно время заключен и нарушен самым гнуснейшим злодейством, коего воспоминание должно быть оскорбительно для самого отдаленнейшего потомства. Летописец извиняет главного злодея, сказывая, что клеветники обманули его; но так обманываются одни изверги. Сей недостойный внук Ярославов, Давид Игоревич, приехав из Любеча в Киев, объявил Святополку, что Мономах и Василько Ростиславич суть их тайные враги; что первый думает завладеть престолом великокняжеским, а второй городом Владимиром; что убиенный брат их, Ярополк Изяславич, погиб от руки Василькова наемника, который ушел

к Ростиславичам; что благоразумие требует осторожности, а месть жертвы. Великий князь содрогнулся и заплакал, вспомнив несчастную судьбу любимого брата. «Но справедливо ли сие ужасное обвинеиие? — сказал он.— Да накажет тебя бог, если обманываешь меия от зависти и злобы». Давид клялся, что ни ему в Владимире, ни Святополку в Киеве ие господствовать мирно, пока жив Василько; и сын Изяславов согласился быть вероломным, подобно отцу своему. Не зная ничего и спокойный в совести, Василько ехал тогда мимо Киева, зашел поклоииться в монастырь св. Михаила, ужинал в сей обители и иочевал в стане за городом. Святополк и Давид прислали звать его, убеждали остаться в Киеве до именин Великого князя, то есть до Михайлова дня; но Василько, готовясь воевать с поляками, спешил домой и не хотел исполнить Святополкова желания. «Видишь ли? — сказал Давид Великому князю.— Он презирает тебя в самой области твоей; что ж будет, когда приедет в свою? Займет без сомнения Туров, Пинск и другие места, тебе принадлежащие. Вели схватить его и отдать мие, или ты вспомнишь совет мой, но поздно». Святополк вторично послал сказать Васильку, чтобы он заехал к нему хотя на минуту, обнять своих дядей и побеседовать с ними. Несчастный князь дал слово; сел на коня и въезжал уже в город; тут встретился ему один из его усердиых отроков и с ужасом объявил о гнусном заговоре. Василько не верил. «Мы целовали крест,— сказал он,— и клялися умереть друзьями; не хочу подозрением оскорбить моих родствеиников»,— перекрестился и с малочисленною дружиною въехал в Киев. Ласковый Святополк принял гостя на дворе княжеском, ввел в горницу и сам вышел, сказывая, что велит готовить завтрак для любезиого племяиника. Василько остался с Давидом: начал говорить с ним; но сей злодей, еще новый в ремесле своем, бледнел, не мог отвечать ни слова и спешил удалиться. По данному знаку входят воины, заключают Василька в тяжкие оковы. Мера злодейства еще не совершилась, и Святополк боялся народного иегодования: в следующий день, созвав бояр и граждан киевских, он торжествеиио объявил им слышанное от Давида. Народ ответствовал: «Государь! безопасность твоя для нас священна: казии Василька, если он действительно враг твой; когда же Давид оклеветал его, то бог отмстит ему за кровь иевиииого». Знаменитые духовные особы смело говорили Великому князю о человеколюбии и гнусности вероломства. Он колебался; но сно-

ва устрашенный коварными словами Давида, отдал ему жертву в руки. Василька ночью привезли в Белгород и заперли в тесной горнице; в глазах его острили нож, расстилали ковер; взяли несчастного и хотели положить на землю. Угадав намерение сих достойных слуг Давида и Святополка, он затрепетал, и хотя был окован, но долгое время оборонялся с таким усилием, что им надлежало кликнуть помощников. Его связали; раздавили ему грудь доскою и вырезали обе зеницы... Василько лежал на ковре без чувства. Злодеи отправились с ним в Владимир, приехали в город Здвиженск обедать и велели хозяйке вымыть окровавленную рубашку князя. Жалостный вопль сей чувствительной женщины привел его в память. Он спросил: «Где я?», выпил свежей воды; ощупал свою рубашку и сказал: «На что вы сняли с меня окровавленную? я хотел стать в ней пред судиею всевышним»... Давид ожидал Василька в столице своей, Владимире, и заключил в темницу, приставив к нему двух отроков и 30 воинов для стражи.

Мономах, узнав о сем злодействе, пришел в ужас и залился слезами. «Никогда еще,— сказал он,— не бывало подобного в земле Русской!» — и немедленно уведомил о том Святославичей, Олега и Давида. «Прекратим зло в начале,— писал к ним сей добрый князь: — накажем изверга, который посрамил отечество и дал нож брату на брата; или кровь еще более польется, и мы все обратимся в убийц, земля Русская погибнет, варвары овладеют ею». Олег и Давид, подвигнутые таким же великодушным негодованием, соединились с Мономахом, приближились к Киеву и грозно требовали ответа от Святополка. Послы их говорили именем князей: «Ежели Василько преступник, то для чего же не хотел ты судиться с ним пред нами? и в чем состоит вина его?» Великий князь оправдывался своим легковерием и тем, что не он, а Давид ослепил их племянника. «Но в твоем городе»,— сказали послы и вышли из дворца. На другой день Владимир и Святославичи уже готовились идти за Днепр, чтобы осадить Киев. Малодушный Святополк думал бежать; но граждане не пустили его и, зная доброе сердце Мономаха, отправили к нему посольство. Митрополит и вдовствующая супруга Всеволодова явились в стане соединенных князей: первый говорил именем народа, вторая плакала и молила. «Князья великодушные! — сказал митрополит Владимиру и Святославичам: — Не терзайте отечества междоусобием, не веселите врагов его. С каким трудом отцы и деды ваши утверждали ве-

личие и безопасность государства! Они приобретали чуждые земли; а вы что делаете? губите собственную». Владимир пролил слезы: он уважал память своего родителя, вдовствующую княгиню его и пастыря церкви; а всего более любил Россию. «Так! — ответствовал Мономах с горестию.— Мы недостойны своих великих предков и заслуживаем сию укоризну». Князья согласились на мир, и Владимир простил Святополку собственную обиду, ибо сей неблагодарный, обязанный ему престолом и многими услугами, не устыдился поверить клевете и считать его своим тайным злодеем. Великий князь, сложив всю вину на Давида, дал слово наказать его как общего недруга.

Давид сведал о том и хотел отвратить бурю. Здесь один из дополнителей Несторовой летописи, именем Василий — вероятно, инок или священник,— представляет сам важное действующее лицо и рассказывает следующие обстоятельства: «Я был тогда в Владимире. Князь Давид ночью прислал за мною. Окруженный своими боярами, он велел мне сесть и сказал: *Василько говорит, что я могу примириться с Владимиром. Иди ко заключенному; советуй ему, чтобы он отправил посла к Мономаху и склонил сего князя оставить меня в покое. В знак благодарности дам Васильку любой из городов Червенских: Всеволож, Шепол или Перемил.* Я исполнил Давидову волю. Несчастный Василько слушал меня со вниманием и с кротостию ответствовал: *Я не говорил ни слова; но сделаю угодное Давиду и не хочу, чтобы для меня проливали кровь россияне. Только удивляюсь, что Давид в знак милости дает мне свой город, коего не требую, будучи доволен моим собственным: я и в темнице князь Теребовля. Скажи, что желаю видеть и послать ко Владимиру боярина моего, Кулмея*».

Князья российские, взаимно огорчаемые своим несогласием, вероломством, малодушным властолюбием, вторично собралися близ Киева: Святополк, Мономах и Святославичи; заключили новый союз между собою и звали Давида. Сей князь Владимирский не дерзнул их ослушаться; но, приехав, гордо сказал: «Я здесь: чего от меня хотите? кто недоволен мною?.. *Не ты ли сам,*— ответствовал ему Владимир,— *желал общего княжеского собрания, чтобы представить нам свои неудовольствия? Теперь сидишь на одном ковре с братьями; говори, кто и чем оскорбили тебя?*» Давид молчал. Князья встали и сели на коней. Отъехав в сторону, каждый советовался с своею дружиною. Давид сидел один. Наконец

они снеслися между собою, и послы их торжественно сказали ему: «Князь Давид! объявляем волю наших государей. Область Владимирская уже не твоя отныне, ибо ты был причиною вражды и злодейства, неслыханного в России. Но живи спокойно; не бойся мести. Бужск остается твоим городом: Святополк дает тебе еще Дубно и Черторижск, Мономах 200 гривен, Олег и брат его тоже». Давид смирился, и Святополк чрез некоторое время уступил ему Дорогобуж Волынский, отдав Владимир сыну своему, Ярославу. Соединенные князья отправили также послов к Ростиславичам, требуя, чтобы они выдали пленников, взятых ими в битве с коварным Святополком, и господствовали в одном Перемышле; чтобы Володарь взял к себе несчастного Василька или прислал к дядям, которые обязываются *кормить* его. Но Ростиславичи с гордостию отвергнули сие предложение, и великодушный слепец хотел умереть теребовльским князем. Святополк, испытав храбрость их, не смел уже воевать с ними, но строго наказал своего родного племянника, Ярослава, сына Ярополкова, который, господствуя в Бресте, вооружался и хотел завладеть другими городами. Великий князь взял его под стражу и привез в Киев окованного цепями. Сия жестокость оскорбила чувствительность митрополита и знаменитого духовенства: они испросили ему свободу; но сей несчастный, бежав из Киева, попался в руки владимирскому князю, сыну Святополкову: снова был заключен, и чрез десять месяцев умер в темнице.

Разделение государства, вообще ослабив его могущество, уменьшило и власть князей. Народ, видя их междоусобие и частое изгнание, не мог иметь к ним того священного уважения, которое необходимо для государственного блага. Читатель заметил уже многие примеры тогдашнего своевольства граждан; следующее происшествие еще яснее доказывает оное. Великий князь и Мономах согласились отдать Новгород сыну первого, а Мстиславу, в замену сей области, Владимир. Исполняя волю отца, Мстислав явился во дворце киевском, сопровождаемый знатными новогородцами и боярами Мономаха. Когда Святополк посадил их, бояре говорили ему: «Мономах прислал к тебе Мстислава, чтобы ты отправил его княжить в Владимир, а сына своего в Новгород». *Нет! — сказали послы новогородские,— объявляем торжественно, что сего не будет. Святополк! ты сам добровольно оставил нас; теперь уже не хотим ни тебя, ни сына твоего. Пусть едет в Новгород, ежели у него две*

головы! Мы сами воспитали Мстислава, данного нам еще Всеволодом. Великий князь долго спорил с ними; но, поставив на своем, они возвратились в Новгород со Мстиславом.

Между тем второй княжеский съезд был счастливее первого, утвердив союз Святославичей с Великим князем и Мономахом. Половцы, опасаясь следствий оного, именем всех ханов своих требовали мира и, заключив его в городке Сакове, взяли и дали аманатов. Сей мир, как и прежние, только отсрочил войну, необходимую по мнению благоразумного князя Владимира. В следующий год, весною, он и Святополк имели свидание близ Киева, на лугу, и, сидя в одном шатре, советовались с боярами. Дружина Великого князя говорила, что весна не благоприятна для военных действий; что если они для конницы возьмут лошадей у земледельцев, то поля останутся не вспаханы и в селах не будет хлеба. «Удивляюсь (ответствовал Мономах), что вы жалеете коней более отечества. Мы дадим время пахать земледельцу; а половчин застрелит его на самой ниве, въедет в село, пленит жену, детей и возьмет все имение оратая». Бояре не могли оспоривать сего убедительного возражения, и Великий князь, встав с места, сказал: *я готов*! Владимир с нежностию обнял брата и говорил ему, что земля Русская назовет его своим благодетелем. Они старались возбудить такую же ревность и в других князьях, призывая их смирить варваров или умереть героями. Олег Святославич отговорился болезнию; но два брата его охотно вооружились. Князь Полоцкий, Всеслав, знаменитый враг племени Ярославова, скончался в 1101 году: меньший сын его, Давид, жертвуя наследственною злобою общему благу, прибыл в стан соединенных войск, также Игорев внук, Мстислав, коего отец неизвестен и который, вместе с дядею своим, Давидом Игоревичем, в 1099 году осаждав Владимир, искал потом добычи или славы на море. Великий князь взял с собою родного племянника, Вячеслава, а Мономах сына своего, Ярополка. Грозное ополчение сухим путем и водою двинулось к югу. Флот остановился за днепровскими порогами, у Хортицкого острова: там построилось войско и четыре дни шло степями к востоку до места, называемого *Сутень*. Встревоженные неприятели собирались многочисленными толпами к вежам своих ханов, которые, видя опасность, советовались между собою, что им делать. Старший из них, именем Урособа, говорил товарищам, что надобно просить мира и что россияне, долгое время терпев от половцев, будут

сражаться отчаянно. Ко славе соединенных князей, младшие ханы отвергнули сей благоразумный совет, с гордостию ответствуя: «Старец! ты боишься россиян! но мы положим дерзких врагов на месте и возьмем все беззащитные города их».

В то время, когда половцы уже делили в мыслях своих добычу нашего стана, россияне готовились к битве молитвою и благочестивыми обетами; одни давали клятву, в случае победы, наградить убогих; другие украсить церкви и монастыри вкладами. Успокоенные теплою верою, они шли с бодростию и веселием. Альтунопа, славнейший из храбрецов половецких, был впереди на страже: россияне, окружив его, совершенно истребили сей отряд неприятельский. Началося главное сражение. Летописец говорит, что многочисленные полки варваров казались на обширной степи дремучим, необозримым бором; но что половцы, объятые тайным ужасом, были как сонные, едва могли править своими конями и, смятые первым ударом наших, бежали во все стороны. Никогда еще российские князья не одерживали такой знаменитой победы над варварами. Урособа и 19 других ханов пали в сражении. Одного из них, именем Бельдюза, привели к Святополку: сей пленник хотел откупиться серебром, золотом и конями. Святополк велел отвести его ко Владимиру, который сказал ему: «Ты не учил детей своих и товарищей бояться клятвопреступления. Сколько раз вы обещали мир и губили христиан? *Да будет же кровь твоя на главе твоей!*» Бельдюза рассекли на части. Победители взяли в добычу множество скота, вельблюдов, коней; освободили невольников и в числе пленных захватили торков и печенегов, которые служили половцам. Увенчанный славою Мономах, призывая россиян к торжеству и веселию, хвалил их мужество, но всего более славил небо.

Половцы новым грабительством доказали Мономаху, что он еще не *сокрушил гидры* и что не все *главы* ее пали от меча российского. Уже варвары с добычею и с невольниками возвращались в свою землю, когда воеводы Святополковы настигли их за Сулою и выручили пленных. В следующий год отважный Бонияк, захватив табуны переяславские, приступил к Лубнам, вместе с знаменитым вождем половецким, старым Шаруканом, и многими другими ханами. Великий князь, Олег, Мстислав, Игорев внук, Мономах с двумя сынами перешли за Сулу и с грозным воплем устремились на варваров, которые не имели времени построиться, ни сесть на коней и,

спасаясь бегством, оставили весь обоз свой в добычу победителю. Россияне, гнав их до самого Хороля, многих убили и взяли в плен. Сии успехи не возгордили Олега и Мономаха, которые в том же году женили сыновей своих на дочерях ханских. Омерзение к злобным язычникам уступало политике и надежде успокоить государство хотя на малое время.— Мир не продолжался и двух лет: россияне уже в 1109 и в следующем году воевали близ Дона и брали вежи половецкие. Наконец Мономах снова убедил князей действовать соединенными силами, и в то время, когда народ говел, слушая в храмах молитвы великопостные, воины собирались под знаменами. Достойно замечания, что около сего времени были многие воздушные явления в России, и самое землетрясение; но благоразумные люди старались ободрять суеверных, толкуя им, что необыкновенные знамения предвещают иногда необыкновенное *счастие* для государства, или победу, ибо россияне не знали тогда иного счастия. Самые мирные иноки возбуждали князей разить злобных супостатов, ведая, что бог мира есть также и бог воинств, подвигнутых любовию ко благу отечества. Россияне выступили 26 февраля и в осьмый день стояли уже на Гольтве, ожидая задних отрядов. На берегах Ворсклы они торжественно целовали крест, готовясь умереть великодушно; оставили многие реки за собою и 19 марта увидели Дон. Там воины облеклися в брони и стройными рядами двинулись к югу. Сей знаменитый поход напоминает Святославов, когда отважный внук Рюриков шел от берегов Днепра сокрушить величие козарской империи. Его смелые витязи ободряли, может быть, друг друга песнями войны и кровопролития: Владимировы и Святополковы со благоговением внимали церковному пению иереев, коим Мономах велел идти пред воинством со крестами. Россияне пощадили неприятельский город Осенев (ибо жители встретили их с дарами: с вином, медом и рыбою); другой, именем Сугров, был обращен в пепел. Сии города на берегу Дона существовали до самого нашествия татар и были, как вероятно, основаны козарами: половцы, завладев их страною, и сами уже обитали в домах. 24 марта князья разбили варваров и праздновали благовещение вместе с победою; но чрез два дни свирепые враги окружили их со всех сторон на берегах Сала. Битва, самая отчаянная и кровопролитная, доказала превосходство россиян в искусстве воинском. Мономах сражался как истинный герой и быстрым движением своих полков сломил не-

приятеля. Летописец говорит, что ангел свыше карал половцев и что головы их, *невидимою* рукою ссекаемые, летели на землю: Бог всегда *невидимо* помогает храбрым.— Россияне, довольные множеством пленных, добычею, славою (которая, по уверению современников, разнеслася от Греции, Польши, Богемии, Венгрии до самого Рима), возвратились в отечество, уже не думая о своих древних завоеваниях на берегах Азовского моря, где половцы, без сомнения, тогда господствовали, овладев Воспорским царством, или Тмутороканским княжением, коего имя с сего времени исчезло в наших летописях.

В числе многих князей, ходивших на Дон с Владимиром и Святополком, был и Давид Игоревич Дорогобужский, памятный злодейством; он скоро умер; область его наследовал зять Мстислава Новогородского, Ярослав Святополкович, который ознаменовал свое мужество двукратною победою над ятвягами, строптивыми данниками нашего отечества. Сею войною заключились подвиги россиян в бурное княжение Святополка, умершего в 1113 году. Он имел все пороки малодушных: вероломство, неблагодарность, подозрительность, надменность в счастии и робость в бедствиях. При нем унизилось достоинство Великого князя, и только сильная рука Мономахова держала его 20 лет на престоле, даруя победы отечеству.

К достопамятностям века Святополкова принадлежит любопытное путешествие российского игумена Даниила к святым местам, уже завоеванным тогда крестоносцами. Славный Бальдвин царствовал в Иерусалиме: Даниил в своих записках хвалит его добродетели, приветливость, смирение. Под защитою королевской дружины сей игумен ходил к Дамаску, в Акру, и мог безопасно осмотреть всю Палестину, где еще скитались толпы неверных и грабили христиан. Он выпросил дозволение у Бальдвина поставить лампаду над гробом Спасителя и записал в обители св. Саввы, для поминания на ектениях, имена князей российских: Святополка-Михаила, Владимира-Василия, Давида Святославича, Олега-Михаила, Святослава-Панкратия и Глеба Минского. Достойно замечания, что многие знатные киевляне и новогородцы находились тогда в Иерусалиме. Алексей Комнин без сомнения приглашал и россиян действовать против общих врагов христианства; отечество наше имело собственных; но вероятно, что сие обстоятельство не мешало некоторым витязям российским искать опасностей и славы под знаменами крестового воинства. Впрочем, быть может, что одно христианское усердие и желание

поклониться гробу Иисусову приводило их в Палестину, ибо мы знаем по иным современным и не менее достоверным свидетельствам, что россияне в XI веке часто давали небу обет видеть ее места святые.

Описание времен Святополковых заключим известием, что Нестор при сем князе кончил свою летопись, сказав нам в 1106 году о смерти *доброго* девяностолетнего *старца* Яня, славного воеводы, жизнию подобного древним христианским праведникам и сообщившего ему многие сведения для его исторического творения. Отселе путеводителями нашими будут другие, также современные летописцы.

Из главы VII

ВЛАДИМИР МОНОМАХ, НАЗВАННЫЙ В КРЕЩЕНИИ ВАСИЛИЕМ

1053—1125

Грабят жидов в Киеве.— Мономах усмиряет мятеж.— Новое перенесение мощей Бориса и Глеба.— Закон о ростах.— Победы в Ливонии, в Финляндии, в Болгарии, на Дону.— Черные Клобуки. Беловежцы.— Дела с греками.— Мономахова шапка.— Смерть трех князей знаменитых.— Кончина Мономахова.— Свойства его.— Поучение.— Основание Владимира Залесского.— Гида, супруга Мономахова. Ее дети.— Сочинение митрополита Никифора.

По смерти Святополка-Михаила граждане киевские, определив в торжественном совете, что достойнейший из князей российских должен быть Великим князем, отправили послов к Мономаху и звали его властвовать в столице. Добродушный Владимир давно уже забыл несправедливость и вражду Святополкову: искренно оплакивал его кончину и в сердечной горести отказался от предложенной ему чести. Вероятно, что он боялся оскорбить Святославичей, которые, будучи детьми старшего Ярославова сына, по тогдашнему обыкновению долженствовали наследовать престол великокняжеский. Сей отказ имел несчастные следствия: киевляне не хотели слышать о другом государе; а мятежники, пользуясь безначалием, ограбили дом тысячского, име-

нем Путяты, и всех жидов, бывших в столице под особенным покровительством корыстолюбивого Святополка. Спокойные граждане, приведенные в ужас таким беспорядком, вторично звали Мономаха. «Спаси нас,— говорили их послы,— от неистовства черни; спаси от грабителей дом печальной супруги Святополковой, собственные наши домы и святыню монастырей». Владимир приехал в столицу; народ изъявил необычайную радость, и мятежники усмирились, видя князя великодушного на главном престоле российском.

Даже и Святославичи не противились общему желанию; уступили Мономаху права свои, остались князьями удельными и жили с ним в согласии до самой их кончины. Они счастливее отцов своих торжествовали вместе пренесение мощей св. Бориса и Глеба из ветхой церкви в новый каменный храм Вышегородский; сим действием Владимир изъявил, в начале своего правления, не только набожность, но и любовь к отечеству, ибо древняя Россия признавала оных мучеников главными ее небесными заступниками, ужасом врагов и подпорою наших воинств. Еще будучи князем Переяславским, он украсил серебряную раку святых золотом, хрусталем и резьбою столь хитрою, как говорит летописец, что греки дивились ее богатству и художеству. Из отдаленнейших стран России собрались тогда в Вышегороде князья, духовенство, воеводы, бояре; бесчисленное множество людей теснилось на улицах и стенах городских; всякой хотел прикоснуться к святому праху, и Владимир, чтобы очистить дорогу для клироса, велел бросать народу ткани, одежды, драгоценные шкуры зверей, сребреники. Олег дал роскошный пир князьям; три дни угощали бедных и странников.

Мономах спешил также благодеяниями человеколюбивого законодательства утвердить свое право на имя отца народного. Причиною киевского мятежа было, кажется, лихоимство евреев; вероятно, что они, пользуясь тогдашнею редкостию денег, угнетали должников неумеренными ростами. Мономах, желая облегчить судьбу недостаточных людей, собрал в Берестовском дворце своем знатнейших бояр и тысячских: Ратибора Киевского, Прокопия Белогородского, Станислава Переяславского, Нажира Мирослава и боярина Олегова Иоанна Чудиновича; рассуждал, советовался с ними и наконец определил, что заимодавец, взяв три раза с одного должника так называемые *третные росты*, лишается уже истинных своих денег, или капитала, ибо как ни велики

были тогдашние годовые росты, но месячные и третные еще превышали их — и Мономах включил сей закон в Устав Ярославов.

Сей государь щадил кровь людей; но знал, что вернейшее средство утвердить тишину есть быть грозным для внешних и внутренних неприятелей. Сын его Мстислав, два раза победив чудь, завладел городом Оденпе, или *Медвежьею Головою* в Ливонии. Призванный отцем княжить в Белегороде, он поручил Новогородскую область сыну, юному Всеволоду, который ознаменовал воинский дух свой счастливым, но многотрудным походом в Финляндию. Худой зимний путь (ибо весна уже наступала) и бедность земли угрожали россиянам голодною смертию; недостаток был так велик, что они за каждый хлеб платили ногату.— Меньший брат Мстиславов Георгий, княживший в Суздале, ходил Волгою на судах в землю казанских болгаров, победил их и возвратился с добычею. Третий сын Мономахов, Ярополк, воевал в окрестностях Дона; взял три города в области Половецкой: Балин, Чешлюев, Сугров; пленил множество ясов, там обитавших, и в числе их прекрасную девицу, на коей он женился. Около сего же времени Владимир выгнал из России берендеев, печенегов и торков, новых пришельцев: утесняемые половцами и разбитые ими близ Дона, они искали убежища в окрестностях Переяславля, но, любя грабеж, не могли кочевать там спокойно. Однако ж многие из них остались на Днепре, были известны под общим именем *Черных Клобуков,* или *Черкасов,* и служили россиянам.— Летопись Владимирова времени упоминает еще о беловежцах, охотно принятых Великим князем. Сии обитатели некогда знаменитой крепости козарской на берегах Дона, взятой мужественным Святославом I, спасаясь от свирепости половцев, основали новый город в верховье реки Остера и назвали его именем древнего, или Белою Вежею, коей известные развалины (во 120 верстах от Чернигова) свидетельствуют, что в ней находились *каменные* стены, башни, ворота и другие здания. Козары, наученные греками, строили лучше наших предков.

Успехи Мономахова оружия так прославили сего Великого князя на Востоке и Западе, что имя его, по выражению летописцев, гремело в мире, и страны соседственные трепетали онаго. Если верить новейшим повествователям, то Владимир ужасал и Греческую империю. Они рассказывают, что Великий князь, вспомнив знаменитые победы, одержанные его предками над гре-

камн, со многочнсленным войском отправнл Мстнслава к Адрианополю н завоевал Фракню; что устрашенный Алексей Комнин прислал в Кнев дары: крест жнвотворящего древа, чашу сердолнковую Августа Кесаря, венец, златую цепь и бармы Константина Мономаха, деда Владимирова; что Неофнт, мнтрополнт ефесский, вручнл сии дары Велнкому князю, склонил его к мнру, веичал в киевском соборном храме императорскнм венцом н возгласнл *царем* росснйским. В оружейной московской палате хранятся так называемая *Мономахова златая шапка*, или корона, цепь, держава, скипетр и древине бармы, конмн украшаются самодержцы наши в день своего торжественного венчаиня и которые действнтельио моглн быть даром императора Алексея.

Завоеванием Минска н прнобретением Владимира Мономах утверднл свое могущество виутри государства, но не думал переменнть системы наследственных уделов, столь противной благу и спокойствию отечества. Долговремеиное обыкновенне казалось тогда уже закоиом; илн Владнмир боялся отчаянного сопротивления киязей черниговских, полоцкнх н Ростиславичей, которые не уступилн бы ему прав своих без страшиого кровопролития. Ои не имел дерзкой решнтельиости тех людей, кон жертвуют благом современиков невериому счастию потомства; хотел быть *первым*, а не *единственным* князем росснйским, покровителем Росснн и главою частных владетелей, а не государем самодержавным. Справедливость вооружила его против хищиика Глеба и киязя Владимирского (ибо сей последиий хотел обесчестнть семейство Мономахово разводом с дочерью Мстислава и звал нноплеменников грабнть отечество); та же справедлнвость не позволяла ему отнять закониого достояния у киязей спокойиых.— По кончине гордого Олега н кроткого Давнда, вообще уважаемого за его правднвость, меньшнй нх брат, Ярослав, мирио княжил в областн Черннговской, а сыновья Володаревы, Владнмирко, Ростнслав, и Васнльковичн, Григорнй с Иоанном, наследовалн Перемышль, Звеиигород, Теребовль н другие места в юго-западиой Росснн, когда в 1124 году умерли отцы нх, оставив иавсегда в России память своих счастливых дел воинскнх, верностн в обетах н любвн к отечественной славе.

Княжнв в столнце 13 лет, Владимнр Мономах скончался иа 73 году от рождення, *славный победами за русскую землю и благими нравами*, как говорят древние летопнсцы. Уже в слабостн и недуге он поехал на место,

орошенное святою кровию Бориса, и там, у церкви, им созданной, на берегу Альты, предал дух свой богу в живейших чувствованиях утешительной веры. Горестные дети и вельможи привезли его тело в Киев и совершили обряд погребения в Софийском храме. Набожность была тогда весьма обыкновенною добродетелью; но Владимир отличался христианским сердечным умилением. Не менее хвалят летописцы нежную его привязанность к отцу (которого сей редкий сын *никогда и ни в чем не ослушался),* снисхождение к слабому человечеству, милосердие, щедрость, незлобие, ибо он, по их словам, *творил добро врагам своим и любил отпускать их с дарами.* Но всего яснее и лучше изображает его душу *поучение*, им самим написанное для сыновей. К счастию, сей остаток древности сохранился в одной харатейной летописи и достоин занять место в истории.

Великий князь говорит в начале, что дед его, Ярослав, дал ему русское имя Владимира и христианское Василия, а отец и мать прозвание *Мономаха,* или *Единоборца*: для того ли, что Владимир действительно был по матери внук греческого царя Константина Мономаха, или в самой первой юности изъявлял особенную доблесть воинскую? «Приближаясь ко гробу,— пишет он,— благодарю Всевышнего за умножение дней моих: рука его довела меня до старости маститой. А вы, дети любезные, и всякой, кто будет читать сие писание, наблюдайте правила, в оном изображенные. Когда же сердце ваше не одобрит их, не осуждайте моего намерения; но скажите только: *старец уже ослабел разумом!»*

«Страх божий и любовь к человечеству есть основание добродетели. Описав в главных чертах, и по большой части словами Давида, красоту творения и благость творца, Владимир продолжает:

«О дети мои! хвалите Бога! Любите также человечество. Не пост, не уединение, не монашество спасет вас, но благодеяния. Не забывайте бедных; кормите их и мыслите, что всякое достояние есть божие и поручено вам только на время. Не скрывайте богатства в недрах земли: сие противно христианству. Будьте отцами сирот; судите вдовиц сами; не давайте сильным губить слабых. Не убивайте ни правого, ни виновного: жизнь и душа христианина священна. Не призывайте всуе имени бога; утвердив же клятву целованием крестным, не преступайте оной. Братья сказали мне: *изгоним Ростиславичей и возьмем их область, или ты нам не союзник!* Но я ответствовал: *не могу забыть крестного целова-*

ния.— Не оставляйте больных; не страшитесь видеть мертвых, ибо все умрем.— Не имейте гордости ни в уме, ни в сердце, и думайте: *мы тленны; ныне живы, а завтра во гробе.*— Бойтесь всякой лжи, пиянства и любострастия, равно гибельного для тела и души.— Чтите старых людей как отцов, любите юных как братьев.— В хозяйстве сами прилежно за всем смотрите, не полагаясь на отроков и тиунов, да гости не осудят ни дому, ни обеда вашего.— На войне будьте деятельны; служите примером для воевод. Не время тогда думать о пиршествах и неге. Расставив ночную стражу, отдохните. Человек погибает внезапу; для того не слагайте с себя оружия, где может встретиться опасность, и рано садитесь на коней.— Путешествуя в своих областях, не давайте жителей в обиду княжеским отрокам; а где остановитесь, напойте, накормите хозяина. Всего же более чтите гостя, и знаменитого и простого, и купца и посла; если не можете одарить его, то хотя брашном и питием удовольствуйте, ибо гости распускают в чужих землях и добрую и худую об нас славу.— Приветствуйте всякого человека, когда идете мимо.— Любите жен своих, но не давайте им власти над собою.— Все хорошее, узнав, вы должны помнить; чего не знаете, тому учитесь. Отец мой, сидя дома, говорил *пятью языками,* за что хвалят нас чужестранцы. Леность мать пороков — берегитесь ее. Человек должен всегда заниматься: в пути, на коне.— Не засыпайте никогда без земного поклона; а когда чувствуете себя нездоровыми, то поклонитесь в землю три раза. Да не застает вас солнце на ложе! — Потом садились думать с дружиною, или судить народ, или ездили на охоту; а в полдень спали: ибо не только человеку, но и зверям и птицам бог присудил отдыхать в час полуденный.— Так жил и ваш отец. Я сам делал все, что мог бы велеть отроку: на охоте и войне, днем и ночью, в зной летний и холод зимний не знал покоя; не надеялся на посадников и бирючей; не давал бедных и вдовиц в обиду сильным; сам назирал церковь и божественное служение, домашний распорядок, конюшню, охоту, ястребов и соколов».— Исчислив свои дела воинские, уже известные читателю, Владимир пишет далее: «Всех походов моих было 83; а других маловажных не упомню. Я заключил с половцами 19 мирных договоров, взял в плен более ста лучших их князей и выпустил из неволи, а более двухсот казнил и потопил в реках.— Кто путешествовал скорее меня? Выехав рано из Чернигова, я бывал в Киеве у родителя прежде вечерен.—

Любя охоту, мы часто ловили зверей с вашим дедом. Своими руками в густых лесах взял я диких коней вдруг по нескольку. Два раза буйвол метал меня на рогах, олень бодал, лось топтала ногами; вепрь сорвал меч с бедры моей, медведь прокусил седло; лютый зверь однажды бросился и низвергнул коня подо мною. Сколько раз я падал с лошади! Дважды разбил себе голову, повреждал руки и ноги, не блюдя жизни в юности и не щадя головы своей. Но господь хранил меня. И вы, дети мои, не бойтесь смерти, ни битвы, ни зверей свирепых; но являйтесь мужами во всяком случае, посланном от бога. Если провидение определит кому умереть, то не спасут его ни отец, ни мать, ни братья. Хранение божие надежнее человеческого».

Без сего завещания, столь умно писанного, мы не знали бы всей прекрасной души Владимира, который не сокрушил чуждых государств, но был защитою, славою, утешением собственного; и никто из древних князей российских не имеет более права на любовь потомства, ибо он с живейшим усердием служил отечеству и добродетели. Если Мономах один раз в жизни не усомнился нарушить права народного и вероломным образом умертвить князей половецких, то можем отнести к нему слова Цицероновы: *век извиняет человека*. Считая половцев врагами христианства и неба (ибо они жгли церкви), россияне думали, что истреблять их, каким бы то образом ни было, есть богоугодное дело.

К сожалению, древние летописцы наши, рассказывая подробно воинские и церковные дела, едва упоминают о государственных или гражданских, коими Владимир украсил свое правление. Знаем только, что он, желая доставить народу все возможные удобности, сделал на Днепре мост; часто ездил в Ростовскую и Суздальскую землю, наследственную область Всеволодова дому, для хозяйственных распоряжений; выбрал прекрасное место на берегу Клязьмы, основал город, назвал его *Владимиром Залесским*, окружил валом и построил там церковь св. Спаса. Сын его, Мстислав, распространил в 1114 году укрепления новогородские, а посадник, именем Павел, заложил каменную стену в Ладоге.

Во время Мономахова княжения, довольно спокойное и мирное в сравнении с другими, были некоторые бедствия: редкая засуха в 1124 году и сильный в Киеве пожар, который продолжался два дни, обратив в пепел большую часть города, монастыри, около 600 церквей и всю Жидовскую улицу. Народ с ужасом видел еще одно

совершенное затмение солнца и звезды на небе в самый полдень. В южной России случились два землетрясения, а в северной страшная буря, которая срывала домы и потопила множество скота в Волхове.

Мономах оставил пять сыновей и супругу третьего брака. Нет сомнения, что *первою* была Гида, дочь английского короля Гаральда, о коей мы упоминали и которая, по известию древнего историка датского, около 1070 году вышла за нашего князя, именем Владимира. Норвежские летописцы сказывают, что сын Гиды и сего князя женился на Христине, дочери шведского короля, Инга Стенкильсона; супруга Мстислава Владимировича действительно называлась Христиною. Ее дочери, внуки Мономаховы, вступили в знаменитые брачные союзы: *одна* с норвежским королем, Сигурдом, а после с датским Эриком Эдмундом; *вторая* с Канутом Святым, королем Оботритским, отцом *Вальдемара,* славного государя Датского, названного сим именем, может быть, в честь его великого прадеда, *Владимира* Мономаха; *третия* с греческим царевичем; думаю, сыном императора Иоанна, Алексеем, коего супруга именем и родом неизвестна по византийским летописям.

В год сего бракосочетания (1120) приехал из Константинополя в Россию митрополит Никита и заступил место умершего Никифора, мужа, знаменитого сведениями и красноречием, чего памятником остались два письма его к Мономаху: первое о *разделении церквей,* Восточной и Западной; второе о *посте,* особенно любопытное, ибо оно содержит в себе не только богословские, но и философические умствования, заключаемые хвалою добродетелей Мономаховых. Разум, пишет Никифор,— *разум есть светлое око души, обитающей во главе.* Как ты, государь мудрый, сидя на престоле, чрез воевод своих управляешь народом, так душа посредством пяти чувств правит телом. Не имею нужды во многоречии, ибо ум твой летает быстро, постигая смысл каждого слова. Могу ли предписывать тебе законы для умеренности в чувственных наслаждениях, когда ты, сын княжеской и царской (греческой) крови, властитель земли сильной, не знаешь дому, всегда в трудах и путешествиях, спишь на голой земле, единственно для важных дел государственных вступаешь во дворец светлый и, снимая с себя любимую одежду простую, надеваешь властительскую; когда, угощая других обедами княжескими, сам только смотришь на яства роскошные?.. Восхвалю ли тебе и другие добродетели? Восхвалю ли щед-

рость, когда десница твоя ко всем простерта; когда ты ни сребра, ни злата не таишь, не считаешь в казне своей, но обеими руками раздаешь их, хотя оскудеть не можешь, ибо благодать божия с тобою?.. Скажу единое: как душа обязана испытывать или поверять действия чувств, зрения, слуха, ее всегдашних орудий, дабы не обмануться в своих заключениях: так и государь должен поверять донесения вельмож. Вспомни, кто изгнан, кто наказан тобою, не клевета ли погубила сих несчастных?.. Князь любезный! да не оскорбит тебя искренняя речь моя! Не думай, чтобы я слышал жалобу осужденных и за них вступался; нет, пишу единственно на воспоминание тебе, ибо власть великая требует и великого отчета; а мы начинаем теперь пост, время душеспасительных размышлений, когда пастыри церковные должны и князьям смело говорить истину. Ведаю, что мы сами, может быть, в злом недуге; но слово божие в нас здраво и цело: ежели оно полезно, то надобно ли входить в дальнейшее исследование? Человек в лице, Бог в сердце», и проч.— Таким образом древние учители нашей церкви беседовали с государями, соединяя усердную хвалу с наставлением христианским. Слог сих писем ознаменован печатию века: груб, однако ж довольно ясен, и многие выражения сильны.

Из главы VIII

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МСТИСЛАВ

1126—1132

Кончина Мстислава.— Голод. — Древнейшая грамота.

Мстислав Владимирович наследовал достоинство Великого князя. Братья его господствовали в уделах: Ярополк в Переяславле, Вячеслав в Турове, Андрей в Владимире, Георгий в Суздале; а сыновья, Изяслав и Ростислав, в Курске и Смоленске.—

Новый государь, уже давно известный мужеством и великодушием, явил добродетели отца своего на престоле России: имел ту же ревностную любовь к общему благу, ту же твердость, соединенную в нем, подобно как и в Мономахе, с нежною чувствительностию души.

Княжение его, к несчастию кратковременное, прославилось разными успехами воинскими, которыми он желал единственно успокоить государство и восстановить древнее величие оного.

Мстислав, по возвращении из Литвы, скончался на 56 году от рождения, заслужив имя Великого. Он умел властвовать, хранил порядок внутри государства, и если бы дожил до лет отца своего, то мог бы утвердить спокойствие России на долгое время.— Сей Великий князь, вторично женатый на дочери знаменитого новогородца, Димитрия Завидича, имел от нее двух сыновей: Святополка и Владимира (кроме дочерей, из коих одна была за Всеволодом Ольговичем Черниговским). Старшие их братья родились от Христины, первой супруги.

Сверх тогдашних мнимых ужасов, солнечных затмений и легкого землетрясения в южной России (августа 1, 1126 года), действительным несчастием княжения Мстиславова был страшный голод в северных областях, особенно же в Новогородской. От жестокого, совсем необыкновенного холода вымерзли озими, глубокий снег лежал до 30 апреля, вода затопила нивы, селения, и земледельцы весною увидели на полях, вместо зелени, одну грязь. Правительство не имело запасов, и цена хлеба так возвысилась, что осмина ржи в 1128 году стоила нынешними серебряными деньгами около рубля сорока копеек. Народ питался мякиною, лошадиным мясом, липовым листом, березовою корою, мхом древесною гнилью. Изнуренные голодом люди скитались как привидения: падали мертвые на дорогах, улицах и площадях. Новгород казался обширным кладбищем; трупы заражали воздух смрадом тления, и наемники не успевали вывозить их. Отцы и матери отдавали детей купцам иноземным в рабство, и многие граждане искали пропитания в странах отдаленных. «Новгород опустел»,— говорят летописцы; однако ж войско его через год уже разило неприятелей, торговля цвела по-прежнему, купеческие суда ходили в Готландию и Данию.

Глава XI

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИГОРЬ ОЛЬГОВИЧ

Вече в Киеве.— Измена киевлян.— Речь Изяслава.— Корыстолюбие черниговских князей.— Предательство.— Игорь взят в плен.— Грабеж в Киеве.

Игорь, предав земле тело Всеволода, собрал киевлян среди двора Ярославова, требовал вторичного обета верности и распустил их. Но граждане еще не были довольны, открыли вече и звали князя. Приехал один брат его, Святослав, и спрашивал, чего они желают? «Правосудия,— ответствовал народ.— Тиуны Всеволодовы угнетали слабых: «Ратша *опустошил* Киев, Тудор Вышегород. Святослав! дай клятву за себя и за брата, что вы сами будете нам судиями или вместо себя изберете вельмож достойнейших». Он сошел с коня и целованием креста уверил граждан, что новый князь исполнит все обязанности отца россиян; что хищники не останутся тиунами; что лучшие вельможи заступят их место и будут довольствоваться одною уставленною пошлиною, не обременяя судимых никакими иными налогами. «Мы благодарны,— сказали граждане.— И теперь не сомневайтесь в нашей верности». То же обещал их послам сам Великий князь Игорь и, думая, что дело кончилось, сел покойно за обед; но мятежная чернь устремилась грабить дом ненавистного, богатого Ратши. Святослав с дружиною едва мог унять неистовых и восстановить порядок.

Такое начало не обещало хороших следствий. Игорь же, слушая злых вельмож, которые в народном угнетении видели собственную пользу, не исполнил данного гражданам слова, и хищники остались тиунами. Тогда киевляне, думая, что государь-клятвопреступник не есть уже государь законный, тайно предложили Изяславу Мстиславичу быть великим князем. Любовь к Мономахову роду не угасла в их сердце, и сей внук его отличался доблестию воинскою. Взяв в церкви св. Михаила благословение у епископа Евфимия, он с верною дру-

жиною выступил из Переяславля. На пути встретились ему послы Черных Клобуков и городов Киевской области. «Иди, князь добрый! — говорили они.— Мы все за тебя; не хотим Ольговичей. Где увидим твои знамена, там и будем». Собрав на берегах Днепра войско многочисленное, бодрый Изяслав стал посреди оного и сказал: «Друзья и братья! я не спорил о старейшинстве с достойным Всеволодом, моим зятем, чтив его как второго отца. Но Игорь и Святослав должны ли повелевать нами? Бог рассудит меня с ними. Или паду славно пред вашими глазами, или сяду на престоле моего деда и родителя!» Он повел войско к Киеву.

Уже новый Великий князь знал опасность, ибо Изяслав, уведомленный им о восшествии его на престол, не только не ответствовал ему ни слова, но удержал и посла неволею в Переяславле. Игорь требовал вспоможения от князей Черниговских; они торговались; хотели многих городов; наконец, удовлетворенные во всем, готовились идти к брату. Их медленность и коварная измена знаменитейших чиновников погубили его.

Тысячский Улеб пользовался доверенностию Всеволода и был утвержден Игорем в своем важном сане: также и первый боярин, Иоанн Войтишич, верный слуга Мономахов, завоеватель городов дунайских. Желая добра Изяславу, они не устыдились предательства: изъявляли усердие Игорю и в то же время тайно ссылались с его врагом, советуя ему спешить к Киеву. Изяслав приближался. Ольговичи, готовые к битве, и сын Всеволодов, Святослав, стояли вне города с своими дружинами; а киевляне особенно, на *могиле Олеговой.* Вдруг открылась измена: Игорь увидел, что хоругвь Изяслава развевается в полках киевских; что тысячский сего князя предводительствует ими; что Улеб, Иоанн Войтишич и многие единомышленники их, повергнув свои знамена, бегут под Изяславовы; что берендеи пред самыми Златыми вратами грабят обоз великокняжеский. Еще Игорь не терял бодрости. «Враг наш есть клятвопреступник: бог нам поможет»,— говорил он и хотел ударить на Изяслава, стоявшего за озером. Надлежало обойти оное, и когда многочисленная дружина Игорева стеснилась между глубокими дебрями, Черные Клобуки заехали ей в тыл. Изяслав напал спереди, смял неприятеля, разил бегущих — и, торжествуя, вошел в Киев, где народ вместе с иереями, облаченными в ризы, проводил его в храм Софийский благодарить небо за победу и престол великокняжеский.— Несчастного

Игоря, слабого ногами, схватили в болоте, где увяз его конь; держали несколько дней в монастыре на Выдобичах и заключили в темнице Иоанновской обители, в Переяславле. Сей князь, за кратковременное удовольствие честолюбия наказанный неволею и стыдом, не имел и последнего утешения злосчастных: никто не жалел об нем, кроме верного брата, Святослава, который с малою дружиною ушел в Новгород Северский. Племянник их, Святослав Всеволодович, хотел скрыться в Киевской обители св. Ирины: представленный Изяславу, он был им обласкан как любимый сын; но верные слуги отца его, в особенности же Игоревы, не имели причины хвалиться великодушием победителя, дозволившего народу грабить их домы и села. С пленных бояр взяли окуп.

Из главы XII

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИЗЯСЛАВ МСТИСЛАВИЧ

1146—1154

Строгость Великого князя.— Коварство черниговских князей.— Добродушие Святослава.— Георгий восстает на Изяслава.— Богатство княжеское.— Игорь схимник.— Чувствительность Святослава.— Начало Москвы — Любовь к Мономаху.— Измена черниговских князей.— Убиение Игоря.— Война междоусобная.— Медленность Георгия.— Народный обед в Новегороде.— Речь Изяслава.— Опустошение земли Суздальской.— Бегство Изяслава.— Союз с венграми, богемцами и поляками.— Мужество Андрея.— Памятник коню.— Мир — Коварство Георгия.— Новая вражда.— Добродушие Изяслава.— Чувствительность Вячеслава.— Победа Владимиркова.— Бодрость и добросердечие Андрея.— Справедливость Великого князя — Признательность Вячеслава.— Любовь Георгия к южной России.— Вероломство Владимирка.— Подвиги Андрея.— Насмешка Владимиркова.— Печальная одежда.— Смерть Владимирка.— Речь Ярослава.— Сомнительная победа.— Брак Изяславов.— Дела новогородские.— Кончина Изяслава.— Характер его.— Своевольство полочан.

Изяслав — по словам летописцев, *благословенная отрасль доброго корня* — мог бы обещать себе и подданным дни счастливые, ибо народ любил его; но история сего времени не представляет нам ничего, кроме злодейств междоусобия. Храбрые умирали за князей, а не за отечество, которое оплакивало их

победы, вредные для его могущества и гражданского образования.

Утвердив мир с половцами,— которые всякому новому государю предлагали тогда союз, ибо хотели даров,— Великий князь оказал, может быть, излишнюю строгость в рассуждении своего дяди. Обманутый советами бояр и в надежде на прежние ласки Изяславовы, на самые его обещания, миролюбивый князь Туровский, Вячеслав, узнав о торжестве племянника, вообразил себя по старшинству государем России: занял города киевские и своевольно отдал Владимир сыну Андрееву, Мономахову внуку. Посланный братом, Смоленский князь изгнал Вячеслава; велел ему княжить только в Пересопнице или Дорогобуже Волынском; а наместников его, окованных цепями, вместе с туровским епископом, Иоакимом, привел в Киев.

Назначив Туров в удел меньшему сыну, именем Ярославу, Великий князь обратил внимание на Игорева брата. Спасаясь бегством от победителя, Святослав хотел удостовериться в искренней дружбе князей черниговских, чтобы единодушно действовать с ними для освобождения Игорева. Они дали ему в том клятву; но Святослав, оставив у них своего боярина и поехав готовиться к войне, сведал от него, что сии коварные братья тайно дружатся с Великим князем и наконец заключили с ним союз, предав Игоря в его волю, как недостойного ни власти, ни свободы. Скоро общие послы Изяславовы и Давидовичей торжественно объявили Святославу, что он может спокойно княжить в своей области, если уступит им Новгород Северский и клятвенно откажется от брата. Сей добрый, нежный родственник залился слезами и, сказав в ответ: «возьмите все, что имею; освободите только Игоря»,— решился искать покровителя в сыне Мономаховом.

Георгий Владимирович Суздальский видел с досадою, что гордый Изяслав, вопреки древнему уставу, отняв старейшинство у дядей, сел на троне киевском. Пользуясь сим расположением, Святослав обратился к Георгию и молил его освободить Игоря. «Иди в Киев,— говорил он,— спаси несчастного и властвуй в земле Русской. Бог помогает тому, кто вступается за утесненных». Георгий дал ему слово и начал готовить войско.— Святослав нашел и других защитников в ханах половецких, братьях его матери: они с тремястами всадников немедленно явились в Новегороде Северском, куда прибыли также юный князь Рязанский, Вла-

димир, внук Ярославов, и галицкий изгнанник, Иоанн Ростиславич *Берладник.*

Уже Давидовичи, соединясь с сыном Великого князя, Мстиславом, вождем Переяславской дружины и берендеев, вступили в область Северскую и грабили оную, тщетно хотев взять Новгород. В надежде усовестить их, духовник Святославов приехал к ним в стан и сказал именем князя: «Родственники жестокие! довольны ли вы злодействами, разорив мою область, взяв имение, стада, истребив огнем хлеб и запасы? желаете ли еще умертвить меня?» Союзники вторично требовали, чтобы он навсегда отступился от несчастного Игоря. «Нет! — ответствовал Святослав.— Пока душа моя в теле, не изменю единокровному!» Давидовичу заняли село Игорево, где сей князь имел дворец и хранил свое богатство; нашли вино и мед в погребах, железо и медь в кладовых; отправили множество возов с добычею и, веселясь разрушением, сожгли дворец, церковь, гумно княжеское, где было *девятьсот* скирдов хлеба.

Великий князь, сведав о воинских приготовлениях Георгия Владимировича, велел другу своему, Ростиславу Ярославичу Рязанскому, набегами тревожить Суздальскую область; сам же выступил из Киева и соединился с князьями Черниговскими, осаждавшими Путивль. Зная их вероломство, жители не хотели договариваться с ними, но охотно сдались Великому князю. Там находился собственный дом Святослава: князья разделили его имение. Летописец сказывает, что они нашли в выходах 500 *берковцев* меду и 80 *корчаг* вина; ограбили славную церковь Вознесения, богатую серебряными сосудами, кадильницами, утварью, шитою золотом, коваными Евангелиями и книгами. Семьсот рабов княжеских были также их добычею.

Святослав ожидал Георгия: он действительно шел к нему в помощь; сведав же о нападении князя Рязанского на Суздальскую область, возвратился из Козельска. Один сын его, Иоанн Георгиевич, приехал с дружескими уверениями к Святославу, который, в знак благодарности, отдал ему Курск и Посемье, но принужден был искать убежища в своих северных владениях. Многочисленная рать великокняжеская шла к Новугороду. Старый вельможа Черниговского князя, бывший некогда верным слугою Олеговым, из сожаления тайно уведомил Святослава о предстоящей ему опасности. «Спасай жену, детей своих и супругу Игореву! — говорили

его друзья и бояре.— Все запасы твои уже в руках неприятельских. Удалимся в *лесную* землю Карачевскую: ее дремучие боры и помощь Георгиева будут твоею защитою». Некоторые вельможи говорили искренно; другие хотели только избавиться от кровопролития и сами остались в Новегороде, когда Святослав уехал в Карачев. За ним гнался Изяслав Давидович с 3000 всадников и воеводою киевским, Шварном. Уже бегство не могло спасти несчастного: надлежало отдаться в плен или сразиться. Отчаянный Святослав с верною дружиною и *дикими* половцами ударил на врага; разбил его, опустошил Карачев и немедленно удалился в сопредельную землю вятичей, которая зависела от черниговских владетелей. Великий князь, напрасно желав победою загладить неудачу Изяслава, отдал Давидовичам всю завоеванную область, кроме Курска; исключительно присвоил себе одно Игорево достояние и возвратился в Киев.

В сие время Игорь был уже монахом. Изнуренный печалию и болезнию, он изъявил желание отказаться от света, когда Великий князь готовился идти на его брата. «Давно, и в самом счастии, я хотел посвятить богу душу мою,— говорил Игорь.— Ныне, в темнице и при дверях гроба, могу ли желать иного?» Изяслав ответствовал ему: «Ты свободен; но выпускаю тебя единственно ради болезни твоей». Его отнесли в келью; он 8 дней лежал как мертвый; но постриженный святителем Евфимием, совершенно выздоровел, и в Киевской обители св. Феодора принял схиму, которая не спасла его от гнева судьбы: скоро увидим жалкий конец сего несчастного Олегова сына.

Князья Черниговские выгнали Святослава из Брянска, Козельска, Дедославля; но, слыша, что Георгий прислал к нему 1000 белозерских латников, отступили к Чернигову. Они не устыдились всенародно объявить в стране вятичей, чтобы жители старались умертвить Святослава и что убийцы будут награждены его имением! Родственники гнали сего князя, друзья оставляли. В числе их находился воевода, князь Иоанн Берладник; он не захотел более с ним скитаться, взял у него за службу 200 гривен серебра, 6 фунтов золота и перешел к Смоленскому князю. Но Владимир Рязанский и сын Георгиев, Иоанн, усердно делили труды и беспокойства с Святославом, который, имев несчастие лишиться последнего, изъявил достохвальную чувствительность: видя Иоанна больного, забыл войну и неприятелей; мо-

лился, думал единственно об нем; столь горестно оплакивал кончину сего юноши, что сам Георгий старался его утешить и, прислав богатые дары, обещал другим сыном заменить ему умершего верного сподвижника. Общая ненависть к Великому князю утвердила союз между ими: князь Суздальский изгнал Рязанского, союзника Изяславова, заставил его бежать к половцам, взял Торжок и пленил жителей; а Святослав разорил часть Смоленской области, вокруг Протвы, или землю Голядскую.

Довольный злом, причиненным уделу Изяславовых братьев, Георгий желал лично угостить Святослава, коего сын, Олег, подарил ему тогда редкого красотою парда. Летописец хвалит искреннее дружество, веселую беседу князей, великолепие обеденного пиршества и щедрость Георгия в награждении бояр Святославовых. Между сими вельможами отличался девяностолетний старец, именем Петр; он служил деду, отцу государя своего; уже не мог сесть на коня, но следовал за князем, ибо сей князь был несчастлив. Георгий, неприятель Ростислава Рязанского, осыпал ласками и дарами его племянника, Владимира, как друга и товарища Святославова.

Сие угощение достопамятно: оно происходило в *Москве*. К сожалению, летописцы современные не упоминают о любопытном для нас ее начале, ибо не могли предвидеть, что городок бедный и едва известный в отдаленной земле Суздальской будет со временем главою обширнейшей монархии в свете. По крайней мере знаем, что Москва существовала в 1147 году, марта 28, и можем верить новейшим летописцам в том, что Георгий был ее строителем. Они рассказывают, что сей князь, приехав на берег Москвы-реки, в села зажиточного боярина *Кучки, Степана Ивановича*, велел умертвить его за какую-то дерзость и, плененный красотою места, основал там город; а сына своего, Андрея, княжившего в Суздальском Владимире, женил на прелестной дочери казненного боярина. «Москва есть третий Рим,— говорят сии повествователи,— и четвертого не будет. Капитолий заложен на месте, где найдена окровавленная голова человеческая: Москва также на крови основана и, к изумлению врагов наших, сделалась царством знаменитым». Она долгое время именовалась *Кучковым*.

В то время, как Изяслав, распустив Собор и возобновив мир с половцами, думал наслаждаться спокойст-

вием, коварные Давидовичи прислали объявить ему, что Святослав завоевал их область; что они желают выгнать его с помощью Великого князя и смирить Георгия, их врага общего. Изяслав отпустил к ним племянника, Всеволодова сына, и скоро, убежденный вторичною просьбою князей Черниговских, велел собираться войску, чтобы идти на Святослава и Георгия. «Пойдем с радостию и с детьми на Ольговича,— говорили ему киевляне.— Но Георгий твой дядя. Государь! дерзнем ли поднять руку на сына *Мономахова?»* Столь народ любил память добродетельного Владимира! Изяслав не хотел слушать бояр, которые сомневались в верности князей Черниговских. «Мы дали взаимную клятву быть союзниками,— сказал он с твердостию.— Иду и пусть малодушные остаются!» Уже Великий князь стоял на реке Супое, поручив столицу брату своему, Владимиру. К счастию, боярин киевский, Улеб, сведал в Чернигове тайный заговор и спешил уведомить Изяслава, что Давидовичи мыслят злодейски умертвить его или выдать Святославу, находясь в согласии с Георгием. Великий князь не верил. Боярин киевский явился во дворце изменников и сказал им, что Изяслав требует от них новой клятвы в дружестве. «Разве мы нарушили прежнюю? — говорили они.— Христиане не должен призывать всуе имени божия». Тогда посол обличил их в гнусном злоумышлении. Безмолвствуя Давидовичи смотрели друг на друга, выслали боярина, советовались и наконец, призвав его, ответствовали: «Не запираемся; но можем ли спокойно видеть злосчастие брата своего, Игоря? Он чернец, схимник, и все еще в неволе. Изяслав, сам имея братьев, снес ли бы их заключение? Да возвратит свободу Игорю, и мы будем искренними друзьями!» Боярин киевский напомнил им бескорыстие своего князя, не хотевшего удержать за собою ни Северского Новагорода, ни Путивля и, сказав: «Бог да судит, и сила животворящего креста да накажет клятвопреступников!» — бросил на стол *крестные*, или союзные, *грамоты*. Война была объявлена, и гонцы Изяславовы в Киеве, Смоленске, Новегороде обнародовали вероломство князей Черниговских, звали мстителей, воспаляли сердца праведным гневом.

Сия весть имела в Киеве следствие ужасное. Владимир Мстиславич собрал граждан на вече к св. Софии. Митрополит Лазарь тысячский и все бояре там присутствовали. Послы Изяславовы выступили и сказали громогласно: «Великий князь *целует* своего брата Лазаря

и всех граждан киевских, а митрополиту кланяется...» Народ с нетерпением хотел знать вину посольства. Вестник говорил: «*Так вещает Изяслав:* князья Черниговские и сын Всеволодов, сын сестры моей, облаготворенный мною, забыв святость крестного целования, тайно согласились с Ольговичем и Георгием Суздальским. Они думали лишить меня жизни или свободы; но бог сохранил вашего князя. Теперь, братья киевляне, исполните обет свой: идите со мною на врагов Мономахова роду. Вооружитесь от мала до велика. Конные на конях, пешие в ладиях да спешат к Чернигову! Вероломные надеялись, убив меня, истребить и вас». Все единогласно ответствовали: «Идем за тебя, и с детьми!» Но, к несчастию, сыскался один человек, который сие прекрасное народное усердие омрачил мыслию злодейства. «Мы рады идти,— говорил он.— Но вспомните, что было некогда при Изяславе Ярославиче. Пользуясь народным волнением, злые люди освободили Всеслава и возвели на престол: деды наши за то пострадали. Враг князя и народа, Игорь, не в темнице сидит, а живет спокойно в монастыре св. Феодора; умертвим его, и тогда пойдем наказать Черниговских!» Сия мысль имела действие вдохновения. Тысячи голосов повторили: «Да умрет Игорь!» Напрасно князь Владимир, устрашенный таким намерением, говорил народу: «Брат мой не хочет убийства. Игорь останется за стражею; а мы пойдем к своему государю». Киевляне твердили: «Знаем, что добром невозможно разделаться с племенем Олеговым». Митрополит Лазарь и Владимиров тысячский, Рагуйло, запрещали, удерживали, молили: народ не слушал и толпами устремился к монастырю. Владимир сел на коня и хотел предупредить неистовых, но встретил их уже в монастырских вратах: схватив Игоря в церкви, в самый час божественной литургии, они вели его с шумом и свирепым воплем. «Брат любезный! куда ведут меня?» — спросил Игорь. Владимир старался освободить несчастного, закрыл собственною одеждою, привел в дом к своей матери и запер ворота, презирая ярость мятежников, которые толкали его, били и сорвали с боярина Владимирова, Михаила, крест и златые цепи. Но жертва была обречена: злодеи вломились в дом, безжалостно убили Игоря и влекли нагого по улицам до самой торговой площади; стали вокруг и смотрели, как невинные. Присланные от Владимира тысячские в глубокой горести сказали гражданам: «Воля народная исполнилась: Игорь убит! Погребем же те-

ло его». Народ ответствовал: «Убийцы не мы, а Давидовичи и сын Всеволодов. Бог и святая София защитили нашего князя!» Труп Игорев отнесли в церковь; на другой день облачили в ризу схимника и предали земле в монастыре св. Симеона. Игумен Феодоровской обители, Анания, совершая печальный обряд, воскликнул к зрителям: «Горе живущим ныне! горе веку суетному и сердцам жестоким!» В то самое время загремел гром; народ изумился, и слезами раскаяния хотел обезоружить гневное небо.— Великий князь, сведав о сем злодействе, огорчился в душе своей и говорил боярам, проливая слезы: «Теперь назовут меня убийцею Игоря! Бог мне свидетель, что я не имел в том ни малейшего участия, ни делом, ни словом. Он рассудит нас в другой жизни. Киевляне поступили неистово». Но боясь строгостию утратить любовь народную, Изяслав оставил виновных без наказания; возвратился в столицу и ждал рати смоленской.

Война скоро началася. Святослав Ольгович, уведомленный о жалостной кончине брата, созвал дружину и, рыдая в горести, заклинал всех быть усердными орудиями мести справедливой. Он пошел к Курску, где находился сын Великого князя, Мстислав, который, чтобы узнать верность жителей, спрашивал, готовы ли они сразиться? «Готовы,— ответствовали граждане.— Но только не обнажим меча на внука Мономахова», ибо Глеб, сын Георгия Владимировича, был с Святославом. Юный Мстислав уехал к отцу, а Курск и города на берегах Сейма добровольно поддалися Глебу; другие оборонялись и не хотели изменить государю Киевскому: напрасно Святослав и Глеб грозили жителям вечною неволею и половцами. Соединясь с дружиною черниговскою, сии князья взяли приступом только один город; сведав же, что Изяслав идет к Суле и что рать смоленская выжгла Любеч, ушли в Чернигов, оставленные своими друзьями, половцами. Великий князь завоевал крепкий город Всеволож, обратил в пепел Белую Вежу и другие места в Черниговской области, но без успеха приступал к *Глеблю* (ибо жители, в надежде на святого защитника своего, оборонялись мужественно) и возвратился в Киев торжествовать победу веселым пиром, отложив дальнейшие предприятия до удобного времени. Он велел брату своему, Ростиславу, идти в Смоленск и вместе с новогородцами тревожить область Суздальскую.

Неприятельские действия возобновились. Глеб занял Остер и, дав слово Великому князю ехать к нему в Киев для свидания, хотел нечаянно взять Переяславль; но был отражен. В то же время черниговцы, дружина Святославова и половцы, их союзники, опустошили Брагин. Изяслав, осадив Глеба в Городце, или Остере, принудил его смириться и стал близ Чернигова на *Олеговом поле*, предлагая врагам своим битву. Они не смели, ибо видели рать многочисленную. Великий князь пошел к Любечу, где находились их запасы. Давидовичи, Святослав и сын Всеволодов, соединясь с князьями Рязанскими, решились наконец ему противоборствовать. Уже стрелки начали дело; но сильный, необыкновенный зимою дождь развел неприятелей. Река, бывшая между ими, наполнилась водою, и самый Днепр тронулся: Изяслав едва успел перейти на другую сторону; а венгры, служившие ему как союзники, обломились на льду.

Тогда Святослав и князья Черниговские отправили посольство к Георгию. «Мы воюем,— говорили они,— а ты в бездействии. Неприятель обратил в пепел наши города за Десною и села в окрестностях Днепра, а помощи от тебя не видим. Исполни обет, утвержденный целованием креста: иди с нами на Изяслава, или мы прибегнем к великодушию врага сильного». Георгий все еще медлил. Другое обстоятельство также способствовало миру. Ростислав, старший сын Георгиев, посланный отцом действовать заодно с князьями Черниговскими, гнушался их вероломством и, сказав дружине: «Пусть гневается родитель; но злодеи Мономаховой крови не будут мне союзниками»,— приехал в Киев, где Изяслав встретил его дружелюбно, угостил, осыпал дарами. Сей юноша, не имея в Суздальской земле никакого удела, предложил свои ревностные услуги Великому князю, как старшему из внуков Мономаховых. Изяслав ответствовал: «Всех нас старее отец твой; но он не умеет жить с нами в дружбе, а я хочу быть для всех моих братьев нежным родственником. Георгий не дает тебе городов: возьми их у меня». Он дал ему бывший удел своего неблагодарного племянника, Святослава Всеволодовича, вместе с Городцом Остерским, выслав оттуда коварного Глеба. «Спеши к друзьям,— сказал ему Великий князь,— и требуй от них удела»,— ибо Глеб, смирясь невольно, оставался единомышленником неприятелей Изяславовых и вторично хотел было завладеть Переяславлем. Думая, что искренний чувст-

вительный Ростислав может примирить отца с Великим князем и страшася быть жертвою их союза, Давидовичи изъявили ему желание прекратить войну, говоря благоразумно: *«Мир стоит до рати, а рать до мира*: так слыхали мы от своих отцов и дедов. Не вини нас, хотевших войною освободить брата. Но Игорь уже в могиле, где и все будем. Бог да судит прочее; а нам не должно губить отечества». Изяслав хотел знать мысли брата. Смоленский князь ответствовал: «Я христианин и люблю Русскую землю: не хочу кровопролития; но если Давидовичи и Святослав не престанут злобиться на тебя за Игоря, то лучше явно воевать — и будет, что угодно богу». Тогда Великий князь отправил послами в Чернигов белогородского епископа Феодора, печерского игумена Феодосия и бояр, которые заключили торжественный мир. Давидовичи, Святослав Ольгович и племянник его, сын Всеволодов, в соборном храме целовали крест, дав клятву оставить злобу и «блюсти Русскую землю заодно с Изяславом». Скоро Великий князь позвал их на совет в Городец; Святослав и племянник его отказались от свидания; но Давидовичи, ответствуя за верность того и другого, условились там с Изяславом действовать против Георгия Суздальского, который отнимал дани у новогородцев и беспокоил их границы. Союзники вместе пировали и разъехались, отложив войну до зимы, ибо реки, топи, болота затрудняли путь летом и медленность страшила полководцев более, нежели морозы, снега и метели.— Черниговцы долженствовали идти к Ростову и встретить Великого князя на берегах Волги.

Георгий, желая казаться великодушным защитником утесненных Ольговичей, в самом деле мыслил только о себе, и ненавидел Изяслава единственно как похитителя достоинства великокняжеского; не мог также простить и новогородцам бесчестное изгнание своего сына, Ростислава. Князь их, Святополк, хотел в 1147 году отмстить Суздальскому за взятие Торжка, возвратился с дороги от распутья, и жители сего опустошенного города еще томились в неволе. Епископ Нифонт, друг народного благоденствия, ездил в Суздаль; был принят с отменным уважением, святил там храмы, освободил всех пленников, но не мог склонить Георгия к миру.

Оставив Владимира в столице, сына своего в Переяславле, а Ростислава Георгиевича послав в Бужск,

чтобы охранять тамошние границы и спокойно ждать конца войны, Великий князь отправился в Смоленск к брату, веселился с ним, праздновал, менялся дарами и расположил военные действия. Он поручил всю рать Смоленскому князю, велел ему идти к берегам Волги, к устью Медведицы, и приехал в Новгород. Там начальствовал уже не брат его, а сын, Ярослав, ибо Святополк, утратив любовь народную, был переведен Изяславом в область Владимирскую. Граждане давно не видали у себя Великих князей и встретили внука Мономахова с живейшею радостию. Многочисленные толпы провожали его до городских ворот, где стояли все бояре с юным князем. Отслушав литургию в Софийском храме, Изяслав дал пир народу. Бирючи, или герольды, ходили по улицам и звали граждан обедать с князем. Так называемое *Городище*, доныне известное, было местом сего истинно великолепного пиршества: государь веселился с народом, как добрый отец среди любезного ему семейства. На другой день ударили в вечевой колокол, и граждане спешили на двор Ярославов: там Великий князь, в собрании новогородцев и псковитян, произнес краткую, но сильную речь. «Братья! — сказал он.— Князь Суздальский оскорбляет Новгород. Оставив столицу русскую, я прибыл защитить вас. Хотите ли войны? меч в руке моей. Хотите ли мира? вступим в переговоры». «*Войны! войны!* — ответствовал народ.— Ты наш Владимир, ты Мстислав! пойдем с тобою все, от старого до младенца». Ратники надели шлемы. Псковитяне, корелы собрали также войско, и Великий князь на устье Медведицы соединился с братом своим Ростиславом. Напрасно ждали они возвращения посла, отправленного ими к дяде еще из Смоленска: Георгий задержал его и не хотел ответствовать на их жалобы. Напрасно ждали и князей Черниговских, которые остановились в земле вятичей и хотели прежде видеть, кому счастие войны будет благоприятствовать. Мстиславичи вступили в область Суздальскую: села и города запылали на берегах Волги до *Углича* и Мологи; жители спасались бегством. Новогородцы разорили окрестности Ярославля, и война кончилась без сражения, ибо весна уже наступала, реки покрывались водою и кони худо служили всадникам. Изяслав, проводив новогородцев, весновал в Смоленске и благополучно возвратился в столицу, к искренней радости народа. Семь тысяч пленников свидетельствовали его победу.

Скоро Великий князь испытал превратность счастия и мог приписать оную собственной несправедливости.

Великий князь, взяв супругу, детей, митрополита Климента, поехал в Владимир, а Ростислав в Смоленск. Георгий вошел в Переяславль, через 3 дни в Киев и, дружелюбно пригласив туда Владимира Черниговского, в общем княжеском совете распорядил уделы: отдал Святославу Ольговичу Курск, Посемье, Сновскую область, Слуцк и всю землю Дреговичей, бывшую в зависимости от великого княжения; сыновьям же: Ростиславу Переяславль, Андрею Вышегород, Борису Белгород, Глебу Канев, Васильку Суздаль. Знаменитый епископ Нифонт находился тогда в Киеве: призванный Изяславом, он все еще не хотел покориться митрополиту Клименту; называл его не пастырем церкви, а *волком* и, заключенный в монастыре Печерском, великодушно сносил гонение. Георгий возвратил ему свободу и, с честию отпустив к новогородцам сего любезного им епископа, надеялся тем преклонить к себе сердца их, хотя в то же самое время воевода Иоанн Берладник, оставив Смоленского князя и вступив в Георгиеву службу, нападал на чиновников новогородских, собиравших дань в уездах.

Изгнанный Великий князь обратился к старшему дяде, Вячеславу, им оскорбленному; льстил ему именем второго отца, предлагал господствовать в Киеве. Но Вячеслав держал сторону Георгия, не веря ласкам, не боясь угроз племянника, который нашел союзников в венгерском короле Гейзе, Владиславе богемском и в ляхах. Первый незадолго до того времени женился на его меньшей сестре, Евфросинии — так она называется в булле Папы, Иннокентия IV,— и дал шурину 10 000 всадников. Летописец сказывает, что государи богемский и польский, *сваты* Изяславовы, сами привели к нему войско и что Болеслав Кудрявый, вместе с братом Генриком угощенный роскошным обедом в Владимире, *опоясал мечом* многих сыновей боярских. Но сии иноземные союзники, узнав, что Георгий соединился с Вячеславом в Пересопнице и что мужественный Владимирко Галицкий идет к нему в помощь, не захотели битвы, остановились у Чемерина и советовали Изяславу примириться с дядею. Они, как посредники между ими, вступили в переговоры, уверяя, что равно доброхотствуют той и другой стороне. «Верю и благодарю вас,— ответствовал Георгий.— Идите же домой и не тяготите земли нашей: тогда я готов удовлетворить тре-

бованиям моего племянника». Союзники вышли весьма охотно из России; но хитрый Георгий, удалив их, отвергнул мирные предложения, которые состояли в том, чтобы он, господствуя в столице Киевской или уступив оную старшему брату, клятвенно утвердил за Изяславом область Владимирскую, Луцкую и Великий Новгород со всеми данями. Князь Суздальский надеялся отнять у племянника все владения, а гордый Изяслав предпочитал гибель миру постыдному.

Неприятельские действия началися в Волынии осадою Луцка, славною для сына Георгиева Андрея, ибо он имел случай оказать редкое мужество. В одну ночь, оставленный союзными половцами,— которые с воеводою своим, Жирославом, бежали от пустой тревоги,— сей князь презрел общий страх, устыдил дружину и хотел лучше умереть, нежели сойти с места. Видя же под стенами Луцка знамена отца своего (пришедшего к городу с другой стороны) и сильную вылазку осажденных, Андрей устремился в битву, гнал неприятелей и был на мосту окружен ими. Его братья, Ростислав, Борис, остались далеко и ничего не знали, ибо пылкий Андрей не велел распустить своей хоругви, не вспомнил сего обряда воинского и не приготовил их к сражению. Только два воина могли следовать за князем: один пожертвовал ему жизнию. Камни сыпались с городских стен; уязвленный конь Андреев исходил кровью; острая рогатина прошла сквозь луку седельную. Герой готовился умереть великодушно, подобно Изяславу I, его прадеду; изломив копье, вынул меч; призвал имя св. Феодора (ибо в сей день торжествовали его память), сразил немца, готового пронзить ему грудь, и благополучно возвратился к отцу. Георгий, дядя Вячеслав, бояре, витязи с радостными слезами славили храбрость юноши. Добрый конь его вынес господина из опасности и пал мертвый: благодарный Андрей соорудил ему памятник над рекою Стырем.

Брат Изяславов, Владимир, начальствовал в Луцке. Три недели продолжалась осада: жители не могли почерпнуть воды в Стыре, и Великий князь хотел отважиться на битву для спасения города. Тут Владимирко Галицкий оказал человеколюбие: стал между неприятелями, чтобы не допустить их до кровопролития, и взял на себя быть ходатаем мира. Юрий Ярославич, внук бывшего Великого князя, Святополка-Михаила, и Ростислав, сын Георгиев, мешали оному; но Влади-

мирко, кроткий Вячеслав и всех более добродушный Андрей склонили Георгия прекратить несчастную вражду. Весною заключили мир: Изяслав признал себя *виновным,* то есть *слабейшим*; съехался с дядями в Пересопнице и сидел с ними на одном ковре. Согласились, чтобы племянник княжил спокойно в области Владимирской и пользовался данями новогородскими; обязались также возвратить друг другу всякое движимое имение, отнятое в течение войны. Изяслав сложил с себя достоинство Великого князя; а Георгий, желая казаться справедливым, уступил Киев брату, старшему Мономахову сыну. Свадьбы и пиры были следствием мира: одна дочь Георгиева, именем Ольга, вышла за Ярослава Владимирковича Галицкого, а другая за Олега, сына Святославова.

Все казались довольными; но скоро обнаружилось коварство Георгия. В угодность ему, как, вероятно, бояре его представили, что тихий, слабый Вячеслав не удержит за собою российской столицы: Георгий, согласный с ними, послал брата княжить в Вышегород, на место своего сына, Андрея. Сверх того, будучи корыстолюбив, он не исполнил условий и не возвратил Изяславу воинской добычи. Племянник жаловался: не получив удовлетворения, занял Луцк, Пересопницу, где находился Глеб Георгиевич. Дав ему свободу, Изяслав сказал: «У меня нет вражды с вами, братьями; но могу ли сносить обиды? Иду на вашего отца, который не любит ни правды, ни ближних». Уверенный в доброхотстве киевлян, он с малочисленною дружиною пришел к берегам Днепра и соединился с берендеями; а князь Суздальский, изумленный нечаянною опасностью, бежал в Городец.

Надеясь воспользоваться сим случаем, слабодушный Вячеслав приехал в Киев и расположился во дворце. Но граждане стремились толпами на встречу к Изяславу. «Ты наш государь! — восклицали они.— Не желаем ни Георгия, ни брата его!» Великий князь послал объявить дяде, чтобы он, не хотев добровольно принять от него чести старейшинства, немедленно удалился, ибо обстоятельства переменились. «Убей меня здесь,— ответствовал Вячеслав,— а живого не изгонишь». Сия минутная твердость была бесполезна. Провожаемый множеством народа из Софийской церкви, Изяслав въехал на двор Ярославов, где дядя его сидел в сенях. Бояре советовали Великому князю употребить насилие; некоторые вызывались даже подрубить сени. «Нет! — сказал

он: — Я не убийца моих ближних; люблю дядю и пойду к нему сам». Князья обнялися дружелюбно. «Видишь ли мятеж народа? — говорил племянник. — Дай миновать общему волнению и для собственной безопасности иди в Вышегород. Будь уверен, что я не забуду тебя». Вячеслав удалился.

Торжество Великого князя было не долговременно. Сын его, Мстислав, хотел взять Переяславль: там княжил Ростислав Георгиевич, и вместе с Андреем решился мужественною обороною загладить постыдное бегство отца; привел в город днепровских кочующих торков, готовых соединиться с киевлянами, и ждал врага неустрашимо. Великий князь не имел времени заняться сею осадою: сведав о приближении Владимирка Галицкого, друга Георгиева, также о соединении Давидовичей с князем Суздальским, он поехал к Вячеславу и вторично предложил ему сесть на трон Мономахов. «Для чего же ты выгнал меня с бесчестием из Киева? — возразил дядя. — Теперь отдаешь его мне, когда сильные враги готовы изгнать тебя самого». Смягченный ласковыми словами племянника, сей добродушный князь обнял его с нежностью и, заключив с ним искренний союз над гробом святых Бориса и Глеба, отдал ему всю дружину свою, знаменитую мужеством, чтобы отразить Владимирка. Изяслав при звуке труб воинских бодро выступил из столицы; но счастие опять изменило его храбрости. Еще дружина Вячеслава не успела к нему присоединиться, берендеи же и киевляне, встретив галичан на берегах Стугны, ужаснулись их силы и, пустив несколько стрел, рассеялись. Он удерживал бегущих; хотел умереть на месте; молил, заклинал робких; наконец, видя вокруг себя малочисленных венгров и поляков, сказал дружине с горестью: «Одни ли чужеземцы будут моими защитниками?» — и сам поворотил коня. Неприятель следовал за ним осторожно, боясь хитрости. Великий князь нашел в Киеве Вячеслава и еще не успел отобедать с ним во дворце, когда им сказали, что Георгий на берегу Днепра и что киевляне перевозят его войско в своих лодках. Исполняя совет племянника, Вячеслав уехал в Вышегород, а Великий князь со всею дружиною в область Владимирскую, заняв крепости на берегах Горыни.

Георгий и князь Галицкий сошлися под стенами Киева: с первым находились Святослав, племянник его (сын Всеволодов), и Давидовичи. Напрасно хотев догнать Изяслава, они вступили в город, коего жители

не дерзнули противиться мужественному Владимирку. Сей князь и Георгий торжествовали победу в монастыре Печерском, новыми обетами утвердили союз между собою и расстались усердными друзьями. Владимирко выгнал еще Изяславова сына из Дорогобужа, взял несколько городов волынских, отдал их Мстиславу Георгиевичу, с ним бывшему, но не мог взять Луцка, и возвратился в землю Галицкую, довольный своим походом, который доставил ему случай видеть славные храмы Киевские и гроб святых мучеников, Бориса и Глеба.

Георгий, боясь новых предприятий Изяславовых, поручил Волынскую область свою надежнейшему из сыновей, храброму Андрею. Сей князь более и более заслуживал тогда общее уважение: он смирил половцев, которые, называясь союзниками отца его, грабили в окрестностях Переяславля и не хотели слушать послов Георгия; но удалились, как скоро Андрей велел им оставить россиян в покое. Укрепив Пересопницу, он взял такие меры для безопасности всех городов, что Изяслав раздумал воевать с ним и в надежде на его добродушие предложил ему мир. «Отказываюсь от Киева,— говорил Великий князь,— если отец твой уступит мне всю Волынию. Венгры и ляхи не братья мои: земля их мне не отечество. Желаю остаться русским и владеть достоянием наших предков». Андрей вторично старался обезоружить родителя; но Георгий отвергнул мирные предложения и заставил Изяслава снова обратиться к иноземным союзникам.

Утвердясь в столице, Великий князь призвал дядю своего, Вячеслава, из Вышегорода. «Бог взял моего родителя,— говорил он,— будь мне вторым отцом. Два раза я мог посадить тебя на престоле и не сделал того, ослепленный властолюбием. Прости вину мою, да буду спокоен в совести. Киев твой: господствуй в нем подобно отцу и деду». Добрый Вячеслав, тронутый сим великодушием, с чувствительностью ответствовал: «Ты исполнил наконец долг собственной чести своей. Не имея детей, признаю тебя сыном и братом. Я стар и не могу один править землею: будь моим товарищем в делах войны и мира; соединим наши полки и дружину. Иди с ними на врагов, когда не в силах буду делить с тобою опасностей!» Они целовали крест в Софийском храме; клялися быть неразлучными во благоденствии и злосчастии. Старец, по древнему обыкновению, дал пир киевлянам и добрым союзникам, венграм.

Князь Суздальский еще более возненавидел Мсти-

славичей за разрушение Городца, который был единственным его достоянием в полуденных, любезных ему странах государства. Там он жил духом и мыслями; там лежал священный прах древних князей российских, славились храмы чудесами и жители благочестием. Георгий в наследственном восточном уделе своем видел небо суровое, дикие степи, дремучие леса и народ грубый; считал себя как бы изгнанником и, презирая святость клятв, думал только о способах удовлетворить своему властолюбию. Он призвал князей Рязанских и половцев, кочевавших между Волгою и Доном; занял область вятичей и велел князю Новагорода Северского, Святославу Ольговичу, также быть к нему в стан под Глухов. Владимирко, сведав о походе Георгия, думал вместе с ним начать военные действия против Мстиславичей; но Изяслав успел отразить его и заставил возвратиться. Князь Галицкий, мужеством достойный отца, не хотел уподобляться ему в верности слова: не боялся клятвопреступления и доказал ошибку снисходительного Гейзы, не исполнив обещания, то есть силою удержав за собою города великокняжеские, Шумск, Тихомль и другие. Видя, что Георгий намерен осадить Чернигов, князь Смоленский, по сделанному условию с братом, вступил в сей город защитить Изяслава Давидовича, их союзника. Тут находился и Святослав Всеволодович, который уже знал характер Георгиев и не любил его. Они с душевным прискорбием говорили: «Будет ли конец нашему междоусобию?» Набожный князь Суздальский, подступив к Чернигову в день воскресный, не хотел обнажить меча для праздника; но велел половцам жечь и грабить в окрестностях! Двенадцать дней продолжались битвы, знаменитые мужеством Андрея Георгиевича: он требовал, чтобы князья, союзники Георгиевы, сами по очереди ходили на приступ, для ободрения войска; служил им образцом и собственною храбростию воспламенял всех. Осажденные не могли защитить внешних укреплений, сожженных половцами, и город был в опасности; но Великий князь спас его. Услышав только, что Изяслав перешел за Днепр, робкие половцы бежали; Георгий также отступил за Снов, и князь Черниговский встретил своего избавителя на берегу реки Белоуса.

Святослав Ольгович удерживал Георгия и говорил ему: «Ты принудил меня воевать; разорил мою область, везде потравил хлеб и теперь удаляешься! Половцы также ушли в степные города свои. Мне ли од-

ному бороться с сильными?» Но князь Суздальский, оставив у Святослава только 50 человек дружины с сыном Васильком, вышел из области Северской и без сопротивления овладел всею страною вятичей.

Тогда была уже глубокая осень; Изяслав дождался зимы, поручил Смоленскому князю наблюдать за Георгием и, вступив в область Святослава Ольговича, отправил сына, Мстислава, с киевскою дружиною и с Черными Клобуками воевать землю половецкую. Великий князь, осадив Новгород Северский, скоро примирился с Ольговичем; а Мстислав разбил варваров на берегах Орели и Самары, захватил их вежи, скот и привел множество освобожденных им российских пленников. Скоро он должен был вторично идти к берегам Псла для отражения половцев, но возвратился без важного успеха.

Великий князь, желая покоя, отправил боярина, Петра Бориславича, с крестными грамотами к Владимирку Галицкому. «Ты нарушил клятву,— говорил ему посол,— данную тобою нашему государю и королю венгерскому в моем присутствии; но еще можешь загладить преступление: возврати города Изяславовы и будь его другом». Владимирко ответствовал: «Брат мой Изяслав нечаянно подвел на меня венгров: никогда не забуду того; умру или отмщу». Посол напомнил ему целование креста. «Он был так мал!» — сказал Владимирко в насмешку. «Сила оного велика,— возразил Петр.— Вельможа королевский объявлял тебе, что если, целовав сей чудесный крест св. Стефана, преступишь клятву, то жив не будешь». Владимирко не хотел слушать и велел послу удалиться. Изяславов боярин положил на стол грамоты клятвенные, в знак разрыва. Ему не дали даже и подвод. Петр отправился на собственных конях; а Владимирко, пошедши в церковь к вечерне и видя его едущего из города, смеялся над ним с своими боярами.— В ту же ночь отрок княжеский, догнав сего посла, велел ему остановиться. Петр ожидал новой для себя неприятности, беспокоился и на другой день, вследствие вторичного повеления, возвратился в Галич. Слуги Владимирковы встретили его пред дворцом в *черных* одеждах. Он вошел в сени: там юный князь Ярослав сидел на месте отца, в черной мантии и в клобуке, среди вельмож и бояр, также одетых в печальные мантии. Послу дали стул. Ярослав заливался слезами; царствовало глубокое молчание. Изумленный боярин Изяславов хотел знать причину сей общей го-

рести и сведал, что Владимирко, совершенно здоровый накануне, отслушав вечерню в церкви, не мог сойти с места, упал и, принесенный во дворец, скончался. «Да будет воля божия! — сказал Петр.— Все люди смертны». Ярослав отер слезы. «Мы желали известить тебя о сем несчастии,— говорил он послу.— Скажи от меня Изяславу: *Бог взял моего родителя, быв судиею между им и тобою. Могила прекратила вражду. Будь же мне вместо отца. Я наследовал княжение; воины и дружина родительская со мною: одно его копие поставлено у гроба: и то будет в руке моей. Люби меня как сына своего, Мстислава: пусть он ездит с одной стороны подле стремени, а я с другой, окруженный всеми полками галицкими!*»

Великий князь изъявил сожаление о внезапной кончине знаменитого, умного Владимирка, основателя могущественной Галицкой области, но требовал доказательств искренного дружелюбия от Ярослава — то есть возвращения городов киевских и, видя, что ему хотят удовлетворить только ласковыми словами, а не делом, прибегнул к оружию. Войско Галицкое стояло на берегах Серета: Изяслав, пользуясь густым утренним туманом, перешел за сию реку. Мгла исчезла, и неприятели увидели друг друга. Юный князь Галицкий сел на коня. Усердные вельможи сказали ему: «Ты у нас один: что будет, если погибнет? Заключись в Теребовле: мы сразимся; и кто останется жив, тот придет умереть с тобою». В сражении упорном и кровопролитном победа казалась сомнительною. Сын и братья Изяславовы не могли устоять; но Великий князь одолел на другом крыле. С обеих сторон гнались и бежали; обе стороны взяли пленников, но Изяслав более. Он поставил на месте битвы знамена неприятельские и схватил многих рассеянных галичан, которые толпами к ним собирались, обманутые сею хитростию. Видя малое число своей дружины и боясь вылазки из Теребовля, Изяслав велел ночью умертвить всех несчастных пленников, кроме бояр, и с покойною совестью возвратился в Киев, торжествовать второй брак свой. Невестою его была княжна Абазинская, без сомнения христианка, ибо в отечестве ее и в соседственных землях Кавказских находились издавна храмы истинного бога, коих следы и развалины доныне там видимы. Мстислав, отправленный отцом, встретил сию княжну у порогов днепровских и с великою честию привез в Киев.

Готовясь к новому междоусобному кровопролитию

(ибо непримиримый князь Суздальский стоял уже с войском в земле вятичей, близ Козельска), Изяслав с прискорбием видел бесчестие своего меньшого сына, Ярослава, изгнанного новогородцами, которые, в 1149 году положив на месте 1000 финляндцев, хотевших ограбить Водскую область,— в течение пяти лет не имели иных врагов, кроме самих себя, и занимались одними внутренними раздорами. Избранный сим легкомысленным народом, Ростислав Смоленский, в угодность ему, отправился княжить в Новгород, а Ярослав в Владимир Волынский, на место умершего Святополка Мстиславича.

Малочисленность союзных половцев и конский падеж заставили Георгия отложить войну. Между тем Изяслав, не дожив еще до глубокой старости, скончался, к неутешной горести киевлян, всех россиян и самых иноплеменников, берендеев, торков. Они единогласно называли его своим *царем* славным, *господином* добрым, *отцом* подданных. Старец Вячеслав, проливая слезы, говорил: «Сын любезный! сему гробу надлежало быть моим; но бог творит, что ему угодно!» — Княжение Изяслава описано в летописях с удивительною подробностью. Мужественный и деятельный, он всего более искал любви народной и для иного часто пировал с гражданами; говорил на вечах, подобно Великому Ярославу; предлагал там дела государственные и хотел, чтобы народ, исполняя волю государя, служил ему охотно и врагов его считал собственными. Разделив престол с дядею, добродушным и слабым, Изяслав в самом деле не уменьшил власти своей, но заслужил похвалу современников; обходился с ним как нежный сын с отцом; один брал на себя труды, опасности, но приписывал ему честь побед своих и жил сам в нижней части города, уступив Вячеславу дворец княжеский.

Готовый умереть за Киев, Изяслав удалялся от иных случаев проливать кровь россиян: не вступился за сына, оскорбленного новогородцами, ни за Рогволода Борисовича, зятя своего, которого полочане в 1151 году свергнули с престола, избрав на его место Ростислава Глебовича, князя Минского, и признав Святослава Ольговича покровителем их области. Так граждане своевольствовали в нашем древнем отечестве, употребляя во зло правило, что *благо народное священнее всех иных законов.*

Тело Изяслава было погребено в монастыре св. Феодора, основанном Великим Мстиславом.

Глава XIII

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ РОСТИСЛАВ-МИХАИЛ МСТИСЛАВИЧ

1154—1155

Любовь киевлян к Вячеславу.— Смерть его.— Сановники придворные.— Неблагоразумие и малодушие Ростислава.— Гордость Мстиславова.— Своевольство новогородцев.— Киевляне поддаются Изяславу.— Георгий вступает в Киев.

Узнав о кончине Великого князя, Изяслав Черниговский приплыл к Киеву и желал оросить слезами гроб умершего; но старец Вячеслав и бояре справедливо опасались коварных намерений Давидовича и не позволили ему въехать в столицу, ожидая князя Новогородского и Смоленского. Граждане, торки, берендеи, с изъявлением усердия встретили Ростислава (который оставил в Новегороде сына своего, Давида), и добродушный дядя сказал ему: «Я стою у дверей гроба; суды, расправа и беспокойства ратные уже не мое дело. Подобно Изяславу будь мне сыном и государем россиян. Отдаю тебе полк и дружину свою». Бояре и народ требовали от нового князя, чтобы он, следуя примеру старшего брата, всегда уважал дядю как отца, и в таком случае обещались служить ему верно.— В Киеве находился тогда Святослав Всеволодович, призванный Вячеславом, он уехал тайно от своих дядей и взял сторону Великого князя, отдавшего ему за то Пинск и Туров.

С другой стороны Изяслав Черниговский и Святослав Ольгович заключили союз с Георгием, которого сын Глеб, наняв половцев, осадил Переяславль; Мстислав Изяславич отразил их с помощью Киевской дружины. Великий князь, чтобы предупредить Суздальского, хотел воспользоваться сею первою удачею и шел к Чернигову; но печальная весть настигла его в Вышегороде. Добрый Вячеслав скоропостижно умер: ввечеру пировал с боярами и ночью заснул навеки. Искренно сожалея о кончине его, Ростислав спешил в Киев предать земле тело старца в Софийском храме.

Когда Ростислав возвратился к войску, бояре его не советовали ему идти далее. «Ты еще слаб на престоле,— говорили они.— Утверди власть свою, заслужи любовь народную и тогда можешь не бояться Георгия». Великий князь отвергнул благоразумный совет, приблизился к Чернигову и требовал, чтобы Изяслав дал ему клятву верного союзника. «Нет! — ответствовал Изяслав.— Кто вступил в мою область неприятелем, с тем не хочу дружиться»,— и, соединясь с Глебом Георгиевичем, расположился станом на берегах реки Белоуса. Он знал, кажется, врага своего: ибо Ростислав, устрашенный множеством половцев, в самом начале перестрелки дал знать Черниговскому князю, что уступает ему Киевскую область с Переяславлем, желая одного мира. С негодованием видя малодушие дяди, Мстислав Изяславич поворотил коня и, сказав: «Не будь же ни мне Переяславля, ни тебе Киева!» — удалился с своею дружиною. Войско расстроилось; свирепые половцы гнали, рубили бегущих и схватили, в числе пленных, Святослава Всеволодовича. Мстислав, взяв в Переяславле жену, детей, ушел в Луцк, а бывший Великий князь в Смоленск, лишась в то же время и Новагорода, ибо тамошние жители изгнали сына его, Давида, отправили епископа Нифонта послом в Суздаль и призвали Мстислава Георгиевича княжить в их области.

Киевляне, услышав с горестью о несчастии Ростислава, должны были обратиться к победителю. Епископ Каневский, Дамиан, их именем сказал Изяславу: «Государь! иди управлять нами, да не будем жертвою варваров!» — ибо в сие время половцы свирепствовали в окрестностях Днепра и долго не могли быть усмирены Глебом Георгиевичем, которому Изяслав Давидович отдал Переяславль. Между тем Георгий уже шел с войском, и близ Смоленска получил весть о новой, благоприятной для него перемене обстоятельств; согласился забыть вражду Ростислава Мстиславича, примирился с ним, и спешил к Киеву; простил и Святослава Всеволодовича, уважив ходатайство его дяди, Северского князя, и послал объявить Черниговскому, чтобы он выехал из столицы Мономаховой. Изяслав колебался, медлил; говорил, что киевляне добровольно возвели его на престол; но, убежденный Святославом Ольговичем и не имея надежды отразить силу силою, отправился в Чернигов. Георгий, вступив в Киев, с общего согласия принял сан Великого князя.

Из главы XIV

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ГЕОРГИЙ, ИЛИ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, ПРОЗВАНИЕМ ДОЛГОРУКИЙ

?—1157

Уделы.— Берендеи бьют половцев.— Союз с половцами.— Смятение в Новегороде.— Союз против Георгия.— Смерть его и свойства.— Ненависть к нему.

Следуя обыкновению, он назначил сыновьям уделы: Андрею Вышегород, Борису Туров, Глебу Переяславль, Васильку окрестности Роси, где жили берендеи и торки; а Святослав Ольгович поменялся городами с своим племянником, сыном Всеволода, взяв у него Снов, Воротынск, Карачев и дав ему за них другие.

Великий князь щадил старинных друзей своих, половцев. Они тревожили окрестности Днепра и были наказаны мужественными берендеями, которые многих хищников умертвили, других взяли в плен и в противность Георгиеву желанию не хотели их освободить, говоря: «Мы умираем за Русскую землю, но пленники наша собственность». Георгий два раза ездил в Канев для свидания с ханами половецкими и не мог обезоружить их ни ласкою, ни дарами; наконец заключил с ними новый союз, чтобы в нужном случае воспользоваться помощью сих варваров, ибо он, по тогдашним обстоятельствам, не мог быть уверен в своей безопасности.

Ростислав Мстиславич имел преданных ему людей в Новегороде, которые с единомышленниками своими объявили всенародно, что не хотят повиноваться Мстиславу Георгиевичу. Сделалось смятение, и граждане разделились на две стороны: *Торговая* вооружилась за князя, *Софийская* против него, и мост Волховский, с обеих сторон оберегаемый воинскою стражею, был границею между несогласными. Но сын Георгиев бежал

ночью, узнав о прибытии детей Смоленского князя, и таким образом уступил княжение Ростиславу, который, чрез два дни въехав в Новгород, восстановил совершенную тишину.

Сие происшествие долженствовало оскорбить Георгия: у него были и другие враги. Изяслав Давидович с завистью смотрел на престол Киевский; искал друзей; примирился с Ростиславом, и для того оставил без мести неверность своего племянника, Святослава Владимировича, который, вдруг заняв на Десне города черниговские, передался к Смоленскому князю. Мстислав Изяславич Волынский также охотно вступил в союз с Давидовичем, чтобы действовать против Георгия, и сии князья, напрасно убеждав Северского взять их сторону, готовились идти к Киеву, в надежде на свое мужество, неосторожность и слабость Георгиеву. Судьба отвратила кровопролитие: Георгий, пировав у боярина своего, Петрила, ночью занемог и чрез пять дней умер.

Георгий властолюбивый, но беспечный, прозванный Долгоруким, знаменит в нашей истории гражданским образованием восточного края древней России, в коем он провел все цветущие лета своей жизни. Распространив там веру христианскую, сей князь строил церкви в Суздале, Владимире, на берегах Нерли; умножил число духовных пастырей, тогда единственных наставников во благонравии, единственных просветителей разума; открыл пути в лесах дремучих; оживил дикие, мертвые пустыни знамениями человеческой деятельности; основал новые селения и города: кроме Москвы, *Юрьев* Польский, *Переяславль* Залесский (в 1152 году), украшая их для своего воображения сими, ему приятными именами и самым рекам давая названия южных. Дмитров, на берегу Яхромы, также им основан и назван по имени его сына, Всеволода-Димитрия, который (в 1154 году) родился на сем месте.— Но Георгий не имел добродетелей великого отца; не прославил себя в летописях ни одним подвигом великодушия, ни одним действием добросердечия, свойственного Мономахову племени. Скромные летописцы наши редко говорят о злых качествах государей и только любят хвалить добрые; но Георгий, без сомнения, отличался первыми, когда, будучи сыном князя столь любимого, не умел заслужить любви народной. Мы видели, что он играл святостию клятв и волновал изнуренную внутренними несогласиями Россию для выгод своего честолюбия:

к бесславию его, нам известно также следующее происшествие. Князь Иоанн Берладник, изгнанный Владимирком из Галича, служил Георгию и вдруг, без всякой вины (в 1156 году), был окован цепями и привезен из Суздаля в Киев: Георгий согласился выдать его, живого или мертвого, зятю своему, Владимиркову сыну. Заступление духовенства спасло жертву: убежденный человеколюбивыми представлениями митрополита, Георгий отправил Берладника назад в Суздаль; а люди князя Черниговского, высланные на дорогу, силою освободили сего несчастного узника.— Одним словом, народ киевский столь ненавидел Долгорукого, что, узнав о кончине его, разграбил дворец и сельский дом княжеский за Днепром, называемый *Раем*, также имение суздальских бояр, и многих из них умертвил в исступлении злобы. Граждане, не хотев, кажется, чтобы и тело Георгиево лежало вместе с Мономаховым, погребли оное вне города, в Берестовской обители Спаса.

Из главы XV

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИЗЯСЛАВ ДАВИДОВИЧ КИЕВСКИЙ. КНЯЗЬ АНДРЕЙ СУЗДАЛЬСКИЙ, ПРОЗВАННЫЙ БОГОЛЮБСКИМ

1157—1159

Падение Великого княжения Киевского.— Новое сильное княжение Владимирское.— Раздор за Берладника.— Бескорыстие Святослава.— Неблагодарность Изяславова.— Бегство Великого князя.

Киевляне, изъявив ненависть к умершему Великому князю, послали объявить врагу Георгиеву, Изяславу Давидовичу, чтобы он шел мирно властвовать в столице Российской. Изяслав, при восклицаниях довольного народа, въехал в Киев, оставив в Чер-

нигове племянника своего, Святослава Владимировича, с дружиною воинскою: ибо князь Северский, хотя и миролюбивый, замышлял незапно овладеть сею удельною столицею Ольговичей: его не впустили; но Изяслав, желая иметь в нем благодарного союзника, добровольно отдал ему Чернигов; а племянник их, Святослав Всеволодович, получил в удел княжение Северское. Они заключили мир на берегах Свини (где ныне Березна) в присутствии Мстислава, Владимирского князя, который, одобрив условия, спокойно возвратился в Волынию.

Таким образом Изяслав Давидович остался повелителем одной Киевской области и некоторых городов Черниговской. Переяславль, Новгород, Смоленск, Туров, область Горынская и вся западная Россия имели тогда государей особенных, независимых, и достоинство Великого князя, прежде соединенное с могуществом, сделалось одним пустым наименованием. Киев еще сохранил знаменитость, обязанный ею, кроме своего счастливого положения, торговле, множеству избыточных обитателей, богатству храмов, монастырей: скоро утратит он и сию выгоду, лишенный сильных защитников. Но в то время, как *древняя* столица наша клонится к совершенному падению, возникает *новая* под сению властителя, давно известного мужеством и великодушием.

Еще при жизни Георгия Долгорукого сын его, Андрей, в 1155 году уехал из Вышегорода (не предуведомив отца о сем намерении). Феатр алчного властолюбия, злодейств, грабительств, междоусобного кровопролития, Россия южная, в течение двух веков опустошаемая огнем и мечом иноплеменниками и своими, казалась ему обителию скорби и предметом гнева небесного. Недовольный, может быть, правлением Георгия и с горестию видя народную к нему ненависть, Андрей, по совету шурьев своих, Кучковичей, удалился в землю Суздальскую, менее образованную, но гораздо спокойнейшую других. Там он родился и был воспитан; там народ еще не изъявлял мятежного духа, не судил и не менял государей, но повиновался им усердно и сражался за них мужественно. Сей князь набожный, вместо иных сокровищ, взял с собою греческий образ Марии, украшенный, как говорят летописцы, пятнадцатью фунтами золота, кроме серебра, жемчугу и камней драгоценных; избрал место на берегу Клязьмы, в прежнем своем уделе: заложил каменный город Боголюбов, рас-

пространил основанный Мономахом Владимир, украсил зданиями каменными, *Златыми* и *Серебряными* вратами. Как нежный сын оплакав кончину родителя, он воздал ему последний долг торжественными молитвами, строением новых церквей, обителей в честь умершему или для спасения его души; и между тем как народ киевский злословил память Георгия, священный клирос благословлял оную в Владимире. Суздаль, Ростов, дотоле управляемые наместниками Долгорукого, единодушно признали Андрея государем. Любимый, уважаемый подданными, сей князь, славнейший добродетелями, мог бы тогда же завоевать древнюю столицу; но хотел единственно тишины долговременной, благоустройства в своем наследственном уделе; основал новое *Великое княжение Суздальское,* или *Владимирское,* и приготовил Россию северо-восточную быть, так сказать, истинным сердцем государства нашего, оставив полуденную в жертву бедствиям и раздорам кровопролитным.

Изяслав Давидович не долго жил в союзе с Галицким и Волынскими князьями. Поводом к сему разрыву служил знаменитый воевода первого, Иоанн Берладник. Князь Галицкий, ненавидя и боясь сего брата двоюродного, изгнанного Владимирком, умел склонить на свою сторону не только венгерского короля с поляками, но и многих князей российских, желая, чтобы они вместе с ним убедили Изяслава выдать ему Иоанна. Гнушаясь делом столь жестоким, Великий князь отвечал их послам в Киеве, что он никогда на то не согласится. Иоанн же, бесчеловечно гонимый, хотел мстить Ярославу Владимирковичу: ограбил несколько богатых судов на Дунае, нанял 6000 половцев и вступил в Галицию; но скоро был оставлен сими хищниками, ибо не дозволял им опустошать земли и щадил доброхотствующих ему жителей. Сведав, что Ярослав вооружается, Великий князь предложил Святославу Ольговичу тесный союз и два города, Мозырь и Чечерск. Тут Святослав оказал бескорыстие великодушное. «Признаюсь,— говорил он,— что я досадовал, когда ты не отдал мне всей области Черниговской; но сердце мое ненавидит злобу между родными. Если враги несправедливые угрожают тебе войною, то они будут и моими врагами. Сохрани меня бог от мздоимства в таком случае: не хочу никаких городов и вооружаюсь». Пировав три дни, они дали знать князю Галицкому, что готовы соединенными

силами отразить его нападение. Ярослав успокоился; но Великий князь вздумал сам объявить ему войну за Иоанна Берладника: ибо многие галичане звали сего воеводу в землю свою, уверяя, что народ толпами устремится под его знамена и что сын Владимирков нелюбим гражданами. Святослав Ольгович не хотел идти; удерживал Великого князя; представлял ему, что Иоанн не сын, не брат их; но пылкий Изяслав с угрозами ответствовал в Василькове послу черниговскому: «Скажи брату, что он, по возвращении моем из Галича, волею и неволею может отправиться назад в Новгород Северский!» Добродушный Святослав с горестию видел несправедливость своего родственника, желая ему добра и мира государству. «Богу открыто смирение души моей,— сказал он вельможам.— Я не искал управы мечом, когда Изяслав, вместо целой области Черниговской, дал мне только семь городов, опустошенных половцами и населенных *псарями*. Он еще не доволен и за миролюбивый, благоразумный совет грозится, вопреки святой клятве, выгнать меня из Чернигова! Но провидение карает вероломных». Оно в самом деле наказало брата его. Галицкий, соединясь с Волынскими князьями, Изяславичами и дядею их, Владимиром Андреевичем, предупредил Великого князя и занял Белгород. Изяслав обступил их с войском многочисленным, одних половцев было у него слишком 20 000. Указывая на сильные полки свои, он с гордостию требовал, чтобы союзники вышли из города. Но берендеи и торки изменили ему; начальники их тайно велели сказать Мстиславу: «Князь! от нас все зависит. Если будешь нам другом, как отец твой, и дашь каждому по доброму городу, мы оставим Изяслава». Они сдержали слово: в глубокую полночь зажгли шатры свои и с грозным воплем ускакали в город. Пробужденный ночною тревогою, Великий князь сел на коня; увидел измену и бежал за Днепр вместе с Владимиром Мстиславичем, его другом; половцы также: многие из них утонули в Роси; других пленили юрьевцы и берендеи.

Союзники вошли в столицу, послав объявить Смоленскому князю, Ростиславу, что они единственно для него завоевали престол Киевский и будут ему послушны как старшему.

Из главы XVI

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ РОСТИСЛАВ-МИХАИЛ ВТОРИЧНО В КИЕВЕ. АНДРЕЙ В ВЛАДИМИРЕ СУЗДАЛЬСКОМ

1159—1167

Злоба Изяславова.— Союз Ростислава с Святославом.— Город Берлад.— Впадение половцев.— Андрей за Изяслава: властвует в Новегороде.— Ростислав изгнан.— Смерть Изяслава.— Единовластие Андрея.— Изгнание братьев его в Грецию.— Война с болгарами.— Победа над шведами.— Россияне бьют половцев в степях.— Кончина Великого князя.

Ростислав — оставив сыновей княжить, Святослава в Новегороде, Давида в Торжке, Романа в Смоленске — был с честию и радостию принят от всех жителей киевских. Племянник его, Мстислав, возвратился в юго-западную Россию с богатою добычею, взяв имение Изяславовых вельмож, множество серебра, золота, рабов и всякого скота.

Бывший Великий князь ушел в Сожскую область, ему принадлежавшую, и съехался в Гомье, или нынешнем Гомеле, с женою, которая вслед за ним бежала из Киева. Приписывая свое несчастие брату Ольговичу, не хотевшему дать ему помощи, Изяслав завоевал его область, землю вятичей, пленил жителей одного местечка, бывшего собственностью или вено́м княгини Черниговской, и тревожил города курские. Тогда Святослав, захватив имение и семейства многих бояр сего злобного родственника, вступил в союз с государем Киевским. Они съехались в Моровске, обедали друг у друга и богатыми дарами утвердили взаимную любовь между собою: Ростислав подарил Черниговскому князю несколько соболей, горностаев, черных куниц, песцов, волков белых и рыбьих зубов; а Святослав Великому князю парда и двух коней с окованными седлами.

Сии два князя, быв от юности неприятелями, искренно клялися умереть друзьями и согласились общими силами действовать против Изяслава. Надлежало прежде защитить южные пределы государства от внешних хищ-

ников. В Молдавии, между реками Прутом и Серетом, находился тогда город многолюдный и крепкий, именем Берлад (ныне местечко), основанный близ развалин древней Дакийской Зузидавы: он был гнездом своевольных бродяг, людей разного племени и закона, коих главное ремесло состояло в грабеже по Черному морю и Дунаю. Шайки их взяли Олешье (знаменитое торговое место при устье Днепра, где складывались греческие товары, отправляемые в Киев); воевода великокняжеский, Георгий Несторович, настиг сих разбойников и выручил многих взятых ими пленников вместе с богатою добычею.— Надлежало еще отразить набег половцев: сын Святославов в Черниговской области, а дружина Галицкая, князья Волынские и берендеи на западном берегу Днепра побили и гнали их до границы.

Сии хищники явились с другой стороны, нанятые Изяславом Давидовичем, который, не теряя времени, осадил с ними Чернигов, где Святослав и племянник его, князь Северский, едва успели изготовиться к обороне, требуя войска от Ростислава. Но киевляне и берендеи, веря искреннему союзу дяди, не верили племяннику, зная его коварство: чтобы успокоить их, Святослав Всеволодович прислал сына в залог к Ростиславу, и полки великокняжеские спасли Чернигов. Изяслав, устрашенный силою оных, бежал в степи. Там услышал он, что неосторожный Святослав отпустил союзников и сам болен: чем желая воспользоваться, Изяслав снова перешел за Десну с половцами. Князь Черниговский действительно был нездоров; однако ж с супругою и с детьми стоял в поле, успел возвратить киевлян и мужественно отразил варваров. Союзники, гонясь за Изяславом, приступили к Вырю, где оставалась его княгиня с казною. Тут воевода Иоанн Берладник имел случай доказать ему свое усердие: защитил город и принудил осаждающих удалиться. Изяслав отмстил им ужасным разорением Смоленской области, ибо наемники его, половцы, пленили в ней более десяти тысяч людей безоружных, кроме множества убитых; но, видя превосходство сил на стороне врагов, он искал союзника в могущественном князе Суздальском.

Андрей Георгиевич, не заботясь о России южной, желал господствовать в северной единовластно и присвоить себе древнюю столицу Рюрикову, то есть выгнать оттуда сыновей Великого князя: Святослава Ростиславича из Новагорода, а Давида из Торжка. Не доб-

рохотствуя отцу их, Андрей вступился за Изяслава и помолвил дочь свою за его племянника, Святослава Владимировича, осаждаемого тогда князем Черниговским в городе Вщиже. Роман и Рюрик, сыновья Великого князя, владетель Северский с братом, полочане и дружина галицкая были с Святославом Ольговичем; но, слыша, что сильное войско Андреево и Муромское идет отразить их от Вщижа, союзники склонились к миру, и Святослав Черниговский снял осаду, клятвенно обязав племянника чтить его как старшего в роде.— Андрей съехался с Изяславом в Волоке Ламском, праздновал там свадьбу дочери и послал сказать новогородцам, что он намерен искать их княжения, не любит кровопролития, но готов воевать в случае сопротивления. Чиновники объявили о том народу. Слава Андреева давно гремела в России: новогородцы пленились мыслию повиноваться столь знаменитому князю; однако ж, не имея причин жаловаться на своего, не вдруг прибегнули к средствам насилия: сперва сказали, что область новогородская никогда не имела двух князей и что Давид должен оставить Торжок; когда же Святослав Ростиславич, угождая им, велел брату выехать оттуда в Смоленск, они решились, без дальнейших околичностей, взять его под стражу. Уведомленный о сем намерении, Святослав не хотел верить. «Вчера,— говорил он боярам,— граждане любили меня; вчера я слышал их клятвы, видел общее усердие». В самое то время народ вломился во дворец, неволею послал князя в Ладогу, запер его жену в монастырь, разграбил казну, оковал дружину. Андрей отправил племянника, Мстислава, наместником в Новгород; а Святослав Ростиславич ушел из Ладоги к отцу, который, в первую минуту гнева, велел заключить в душную темницу всех купцов новогородских, бывших в Киеве; но выпустил и разослал их по городам, сведав с прискорбием, что некоторые из них скоропостижно умерли в оной. Хотя Великий князь досадовал на Андрея Суздальского, однако ж не думал мстить ему кровопролитием и желал спокойствия.

К несчастию, он не мог удовлетворить своему искреннему миролюбию. Видя, что Андрей, довольный приобретением Новагорода, не расположен воевать с Великим князем, беспокойный Изяслав снова обратился к половцам и нашел единомышленника в непостоянном Святославе Всеволодовиче; их сторону взяли также некоторые бояре киевские и черниговские, хотевшие не-

устройства, ибо зло общее бывает иногда частною выгодою.

Изяслав с союзниками ополчился; стоял две недели под стенами Переяславля, убеждая зятя своего, Глеба Георгиевича, вооружиться против Великого князя; не успел в том и, видя Ростислава готового к битве, удалился. Но вторичное его предприятие было счастливее: в течение зимы усиленный множеством половцев, он переправился за Днепр выше Киева и приступил к Подолу, огражденному высоким тыном. Тут началось сражение. Половцы во многих местах рассекли ограду, ворвались в улицы и зажгли домы. Окруженные пламенем, дымом и мечами варваров, киевляне с берендеями в ужасе бежали на гору к Златым вратам каменной стены. Тогда Великий князь, приняв совет дружины, оставил Киев и заключился в Белегороде, ожидая скорой помощи.

Изяслав вступил в Киев, освободил там многих друзей своих, бывших под стражею, и спешил осадить Белгород. Великий князь сжег деревянные укрепления, или *острог*, и четыре недели оборонялся. Напрасно Святослав Черниговский склонял брата к общему миру, советуя ему снять осаду, возвратиться за Днепр и ждать всего от справедливости. Изяслав ответствовал его послам: «Ежели уйду за Днепр, то союзники оставят меня. Что ж будет со мною? В степях ли половецких найду для себя область? Лучше умру здесь от меча, нежели от голода на берегах Сейма». Он говорил смело, но действовал малодушно, ибо, услышав, что торки, берендеи, печенеги Росьские, Мстислав Волынский и галичане идут в помощь к Великому князю, Изяслав бежал и погиб без мужественной обороны: неприятельский всадник, именем Выйбор, рассек ему саблею голову. Великий князь и Мстислав нашли его плавающего в крови и не могли удержаться от слез искренней горести. «Вот следствие твоей несправедливости! — сказал первый.— Недовольный областию Черниговскою, недовольный самым Киевом, ты хотел отнять у меня и Белгород!» Изяслав не ответствовал, но просил воды; ему дали вина — и сей несчастный князь, взглянув дружелюбно на врагов сострадательных, скончался. Пишут, что он в битвах обыкновенно носил власяницу брата своего, Николая Святоши, а в сей день почему-то не хотел надеть ее. Разбив половцев, Олегову дружину Черниговскую и князя Северского, взяв их обозы, победители отослали в Чернигов тело Изяслава, искренно

оплаканного братом Святославом и еще искреннее Иоанном Берладником. Сей злополучный Галицкий князь, утратив в Изяславе единственного своего покровителя, уехал в Грецию и кончил горестную жизнь в Фессалонике, отравленный ядом, как думали современники.

Андрей Георгиевич, ревностно занимаясь благом Суздальского княжения, оставался спокойным зрителем отдаленных происшествий. Имея не только доброе сердце, но и разум превосходный, он видел ясно причину государственных бедствий и хотел спасти от них по крайней мере свою область: то есть, отменил несчастную систему уделов, княжил единовластно и не давал городов ни братьям, ни сыновьям. Может быть, бояре первых осуждали его, ибо лишались выгоды участвовать в правлении князей юных, грабить землю и наживаться. Некоторые думали также, что он незаконно властвует в Суздале, ибо Георгий назначал сие княжение для меньших детей, и что народ, обязанный уважать волю покойного государя, не мог без вероломства избрать Андрея. Может быть, и братья сего князя, следуя внушению коварных бояр, изъявляли негодование и мыслили рано или поздно воспользоваться своим правом. Как бы то ни было, Андрей, дотоле кроткий во всех известных случаях, решился для государственного спокойствия на дело несправедливое, по мнению наших предков: он выгнал братьев — Мстислава, Василька, Михаила; также двух племянников (детей умершего Ростислава Георгиевича) и многих знатнейших вельмож Долгорукого, тайных своих неприятелей. Мстислав и Василько Георгиевичи, вместе с их вдовствующею родительницею, мачехою Андрея, удалились в Константинополь, взяв с собою меньшего брата, осьмилетнего Всеволода (столь знаменитого впоследствии). Там император Мануил принял изгнанников с честию и с любовию.

Давно россияне, притупляя мечи в гибельном междоусобии, не имели никакой знаменитой рати внешней; Андрей, несколько лет наслаждавшись мирным спокойствием, вспомнил наконец воинскую славу юных лет своих и выступил в поле, соединясь с дружиною князя Муромского, Юрия Ярославича. Оскорбленный соседственными болгарами, он разбил их войско многочисленное, взял знамена и прогнал князя. Возвратясь с конницею на место битвы, где пехота владимирская стояла вокруг греческого образа богоматери, привезенного из

Вышегорода, Андрей пал пред святою иконою, слезами изъявил благодарность небу и, желая сохранить память сей важной победы, уставил особенный праздник, доныне торжествуемый нашею церковью. Россияне завладели на Каме *славным* болгарским городом Бряхимовым и несколько других городов обратили в пепел.

В сие же лето новогородцы одержали победу над шведами, которые, овладев тогда Финляндиею, хотели завоевать Ладогу и пришли на судах к устью Волхова. Жители сами выжгли загородные домы свои, ждали князя и под начальством храброго посадника, Нежаты, оборонялись мужественно, так, что неприятель отступил к реке Вороной, или Салме. В пятый день приспел Святослав с новогородским посадником Захариею, напал на шведов и взял множество пленников; из пятидесяти пяти судов их спаслись только двенадцать.

В окрестностях Днепра половцы не преставали злодействовать и грабить; чтобы унять их, Ростислав призвал многих князей с дружинами. Казалось, что он хотел, подобно деду Мономаху, прославить себя важным предприятием и надолго смирить варваров; но войско союзное пеклося единственно о безопасности судоходства по Днепру и, несколько времени стояв у Канева, разошлося, когда флот купеческий благополучно прибыл из Греции.— За то Северский князь и брат Черниговского, при наступлении зимы, отменно жестокой, с малочисленною дружиною дерзнули углубиться в степи половецкие; взяли станы двух ханов и возвратились с добычею, серебром и золотом.

Ростислав, уже престарелый, всего более заботился тогда о судьбе детей своих: несмотря на слабое здоровье, он поехал в область новогородскую, чтобы утвердить Святослава на ее престол. Угощенный зятем Олегом в Чечерске, Великий князь имел удовольствие видеть искреннюю любовь смолян, которых послы встретили его верст за 300 от города. Сын Роман, внуки, епископ Мануил, вместе с народом, приветствовали доброго старца: вельможи, купцы, по древнему обыкновению, сносили дары государю. Утомленный путем, он не мог ехать далее Великих Лук и, призвав туда знатнейших новогородцев, взял с них клятву забыть прежние неудовольствия на сына его, никогда не искать иного князя, *разлучиться с ним одною смертию.* Щедро одаренный ими и Святославом, успокоенный их согласием, Великий князь возвратился в Смоленск, где Рогнеда, дочь Мстислава Великого, видя изнеможение брата, со-

ветовала ему остаться, чтоб быть погребенным в церкви, им сооруженной. «Нет,— сказал Ростислав,— я хочу лежать в Киевской обители св. Феодора, вместе с нашим отцом; а ежели бог исцелит меня, то постригуся в монастыре Феодосиевом». Он скончался на пути, тихим голосом читая молитву, смотря на икону Спасителя и проливая слезы христианского умиления.

Глава XVII

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МСТИСЛАВ ИЗЯСЛАВИЧ КИЕВСКИЙ. АНДРЕЙ СУЗДАЛЬСКИЙ, ИЛИ ВЛАДИМИРСКИЙ

1167—1169

Вероломство Владимира.— Изгнание Святослава из Новагорода.— Война с половцами.— Речь Мстислава.— Клевета бояр.— Ненависть Андрея ко Мстиславу.— Взятие и совершенное падение Киева.

Сыновья Ростислава, брат его Владимир, народ киевский и черные клобуки — исполняя известную им последнюю волю умершего Великого князя — звали на престол Мстислава Волынского. Сей князь, задержанный какими-то особенными распоряжениями в своем частном уделе, поручил Киев племяннику, Васильку Ярополковичу, прислал нового тиуна в Киев и скоро узнал от них, что дядя его, брат Ярослав, Ростиславичи и князь Дорогобужский Владимир Андреевич, заключив тесный союз, думают самовольно располагать областями: хотят присвоить себе Брест, Торческ и другие города. Мстислав оскорбился; призвал галичан, ляхов и выступил к Днепру с сильною ратию. Усердно любив отца, киевляне любили и сына, знаменитого делами воинскими: народ ожидал Мстислава с нетерпением, встретил с радостию, и князья смирились. Только Владимир Мстиславич, малодушный

и вероломный, дерзнул обороняться в Вышегороде: Великий князь мог бы наказать мятежника; но, желая тишины, уступил ему Котелницу и чрез несколько дней сведал о новых злых умыслах сего дяди. Владимир хотел оправдаться. Свидание их было в обители Печерской. «Еще *не обсохли* уста твои, которыми ты целовал крест в знак искреннего дружества!» — говорил Мстислав и требовал вторичной присяги от Владимира. Дав оную, бессовестный дядя за тайну объявил боярам своим, что берендеи готовы служить ему и свергнуть Мстислава с престола. Вельможи устыдились повиноваться клятвопреступнику. «И так отроки будут моими боярами!» — сказал он и приехал к берендеям, подобно ему вероломным: ибо сии варвары, быв действительно с ним в согласии, но видя его оставленного и князьями и боярами, пустили в грудь ему две стрелы. Владимир едва мог спастися бегством. Гнушаясь сам собою, отверженный двоюродным братом, князем Дорогобужским, и боясь справедливой мести племянника, сей несчастный обратился к Андрею Суздальскому, который принял его, но не хотел видеть; обещал ему удел и велел жить в области Глеба Рязанского. Мать Владимирова оставалась в Киеве; Мстислав сказал ей: «Ты свободна: иди, куда хочешь; но могу ли быть с тобою в одном месте, когда сын твой ищет головы моей и смеется над святостию крестных обетов?»

Андрей тогда же принял к себе и другого изгнанника, Святослава Ростиславича. Новогородцы — думая, что смерть отца Святославова разрешила их клятву,— в тайных ночных собраниях умыслили изгнать своего князя. Сведав заговор, Святослав уехал в Великие Луки и велел объявить новогородцам, что не хочет княжить у них. «А мы не хотим иметь тебя князем»,— ответствовали граждане, клялися в том иконою богоматери и выгнали его из Лук. Святослав бежал в Суздальскую область и, с помощью Андрея обратив в пепел Торжок, грабил окрестности. С другой стороны князь Смоленский, отмщая за брата, выжег Луки. Бедные жители стремились толпами в Новгород, требуя защиты. Могущественный Андрей, действуя согласно с Романом Смоленским и Всеславом Полоцким, хотел, чтобы новогородцы смирились пред Святославом. «Вам не будет иного князя»,— говорил он с угрозами. Но упрямый народ презирал оные; убил посадника и двух иных друзей Святославовых; готовился к обороне и просил сына у Великого князя, Мстислава, обещаясь умереть

за него и за вольность. Едва послы новогородские могли проехать в Киев, ибо на всех дорогах стерегли их и ловили как злодеев. Между тем в Новегороде начальствовал умный посадник Якун и заставил Святослава удалиться от Русы: сей князь, имев сильное войско союзное, не дерзнул вступить в битву, довольный разорением многих селений, и чрез два года умер, хвалимый в летописях за его добродетель, бескорыстие и любовь к дружине.

Несколько месяцев Новгород сиротствовал без князя, с нетерпением ожидая его из Киева. В сие время Мстислав был занят воинским предприятием. В торжественном собрании всех князей союзных он сказал им: «Земля Русская, наше отечество, стенает от половцев, которые не пременили доныне их древнего обычая: всегда клянутся быть нам друзьями, берут дары, но пленяют христиан и множество невольников отводят в свои вежи. Нет безопасности для купеческих судов наших, ходящих по Днепру с богатым грузом. Варвары думают совершенно овладеть торговым *путем греческим*. Время прибегнуть к средствам действительным и сильным. Друзья и братья! оставим междоусобие; воззрим на небо, обнажим меч и, призвав имя божие, ударим на врагов. Славно, братья, искать чести в поле и следов, проложенных там нашими отцами и дедами!» Все единодушно изъявили согласие умереть за русскую землю, и каждый привел свою дружину: Святослав Черниговский, Олег Северский, Ростиславичи, Глеб Переяславский, Михаил, брат его, князья Туровский и Волынские. Бояре радовались согласию государей, и народ благословлял их ревность быть защитниками отечества. Девять дней шло войско степями: половцы услышали и бежали от Днепра, бросая жен и детей. Князья, оставив назади обоз, гнались за ними, разбили их, взяли многие вежи на берегах Орели, освободили российских невольников и возвратились с добычею, с табунами и пленниками, потеряв не более трех человек. Сию добычу, следуя древнему обыкновению, разделили между собою князья, бояре и воины. Народ веселился и торжествовал победу в день пасхи. Скоро, к общему удовольствию, прибыл благополучно и богатый купеческий флот из Греции: князья ходили с войском на встречу к оному, чтобы защитить купцов от нападения половцев, еще не совсем усмиренных.

Ни Мстислав, пируя тогда с союзниками под Каневом, ни киевляне, радуясь победе и товарам греческим,

не предвидели близкого несчастия. Одна из причин оного была весьма маловажна: князья жаловались на Мстислава, что он, будучи с ними на берегах Орели, тайно посылал ночью дружину свою вслед за бегущими врагами, чтобы не делиться ни с кем добычею. Два боярина, удаленные Великим князем от двора за гнусное воровство, старались также поссорить братьев, уверяя Давида и Рюрика, что Мстислав намерен заключить их в темницу. Легковерие свойственно нравам грубым. Бояре киевские, знавшие чистосердечие государя своего, и собственная его присяга, по тогдашнему обычаю, доказали неосновательность злословия; но Ростиславичи остались в подозрении и не согласились выдать клеветников брату, говоря: «Кто ж захочет впредь остерегать нас?» В то же время дядя Мстислава, Владимир Андреевич, несправедливо требуя от него новых городов, сделался ему врагом и с негодованием уехал в Дорогобуж. Таким образом Великий князь лишился друзей и сподвижников, столь нужных в опасности.

Но главною виною падения его было то, что он исполнил желание новогородцев и, долго медлив, послал наконец сына, именем Романа, управлять ими. Сей юный князь взялся быть их мстителем: разорил часть Полоцкой области, сжег смоленский городок Торопец, пленил многих людей. Андрей Суздальский вступился за союзников и не мог простить Мстиславу, что он, как бы в досаду ему, объявил себя покровителем новогородцев. Может быть, Андрей с тайным удовольствием видел случай уничтожить первенство Киева и сделаться главою князей российских: по крайней мере, оставив на время в покое Новгород, он думал только о средствах низвергнуть Мстислава, издавна им нелюбимого; тайно согласился с Ростиславичами, с Владимиром Дорогобужским, Олегом Северским, Глебом Переяславским и с Полоцким князем; взял дружину у владетелей Рязанского и Муромского, ему покорных; собрал многочисленную рать; поручил ее сыну Мстиславу и воеводе Борису Жидиславичу; велел им идти к Вышегороду, где княжил тогда Давид Ростиславич и где надлежало соединиться всем союзникам. Сие грозное ополчение *одиннадцати* князей (в числе коих был и юный Всеволод Георгиевич, приехавший из Царяграда) шло с разных сторон к Днепру; а неосторожный Мстислав ничего не ведал и в то же время послал верного ему Михаила Георгиевича, Андреева брата, с отрядом черных клобуков к Новугороду. Ростиславичи схватили се-

го князя на пути вместе с купцами новогородскими. Мстислав едва успел призвать берендеев и торков, когда неприятели стояли уже под стенами города; два дни оборонялся мужественно, в третий союзники взяли Киев *приступом*, чего не бывало дотоле. Сия, по слову древнего Олега, *мать* городов российских, несколько раз осаждаемая и теснимая, отворяла иногда Златые врата свои неприятелям; но никто не входил в них *силою*. Победители, к стыду своему, забыли, что они россияне: в течение трех дней грабили не только жителей и домы, но и монастыри, церкви, богатый храм Софийский и Десятинный; похитили иконы драгоценные, ризы, книги, самые колокола — и добродушный летописец, желая извинить грабителей, сказывает нам, что киевляне были тем наказаны за грехи их и за некоторые ложные церковные учения тогдашнего митрополита Константина!.. Мстислав ушел с братом Ярославом в Волынию, оставив жену, сына, бояр пленниками в руках неприятельских, и едва не был на пути застрелен изменниками, черными клобуками.

Андрей отдал Киев брату своему Глебу; но сей город навсегда утратил право называться столицею отечества. Глеб и преемники его уже зависели от Андрея, который с того времени сделался истинным *Великим князем России;* и таким образом город Владимир, новый и еще бедный в сравнении с древнею столицею, заступил ее место, обязанный своею знаменитостью нелюбви Андреевой к южной России.

ТОМ III

Из главы I

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ

1169—1174

Области Андрея.— Война Андреева с Новымгородом.— Мир.— Набег половцев.— Кончина Глеба.— Сын Андреев в Новегороде.— Убиение Андрея.— Мятеж в земле Суздальской.— Ненависть к Андрею.— Свойства его.— Население Вятки.

Андрей властвовал тогда в четырех нынешних губерниях: Ярославской, Костромской, Владимирской и Московской; *отчасти* в Новгородской, Тверской, Нижегородской, Тульской и Калужской; располагал областью Киевскою; повелевал князьями рязанскими, муромскими, смоленскими, кривскими, даже волынскими; но черниговские и галицкий оставались независимы; Новгород также.

Россия северная в то же время была феатром важного происшествия. Могущественный Андрей, покорив древнюю южную столицу государства, думал смирить новогородцев и тревожил их чиновников, которые ездили собирать подати за Онегою. Первые неприятельские действия еще более возгордили сих надменных друзей вольности: они с малым числом разбили на Белеозере сильный отряд суздальский и взяли дань с Андреевой области. Тогда Великий князь решился одним ударом сразить их гордыню. Князья смоленский, рязанский, муромский, полоцкий вторично соединили свои дружины с его многочисленными полками. Душа Андреева, охлажденная летами, уже не пылала воинским славолюбием: он не

хотел сам предводительствовать ратию и в надежде на счастие или мужество сына своего, Мстислава, снова вверил ему начальство.

Падение Киева предвещало гибель и Новогородской независимости: шло то же войско; тот же Мстислав вел оное. Но киевляне, приученные менять государей и жертвовать победителю побежденным, сражались только за честь князя, а новогородцы за права собственные, за уставы отцов, которые бывают не всегда мудры, но всегда священны для народа.

Вместо того, чтобы грозить казнию одним главным виновникам последнего мятежа (ибо целый народ никогда сам собою не действует или врагам изгнанного Святослава, за коего Великий князь вступался, Мстислав Андреевич в области Новогородской жег села, убивал земледельцев, брал жен и детей в рабство. Слух о таких злодействах, вопль, отчаяние невинных жертв воспламенили кровь новогородцев, общую злобу и ненависть. Юный князь их, Роман Мстиславич, и посадник Якун взяли все нужные меры для защиты: укрепили город тыном, вооружили множество людей. Неприятели, на трехстах верстах оставив за собою один пепел и трупы, обступили Новгород, требуя, чтобы мятежники сдалися. Несколько раз с обеих сторон съезжались чиновники для переговоров и не могли согласиться; в четвертый день началася битва, кровопролитная, ужасная. Новогородцы напоминали друг другу о судьбе Киева, опустошенного союзным войском, о церквах разграбленных, о святынях и древностях похищенных; клялися умереть за вольность, за храм Софии и бились с остервенением. Архиепископ Иоанн, провожаемый всем клиросом, вынес икону Богоматери и поставил на внешнем деревянном укреплении или остроге, игумены, иереи пели святые песни, народ молился со слезами, громогласно восклицая: *господи помилуй*! Стрелы сыпались градом; рассказывают, что одна из них, пущенная воином суздальским, ударилась в икону; что сия икона в то же мгновение обратилась лицом к городу; что слезы капали с образа на фелон архиепископа и что гнев небесный навел внезапный ужас на полки осаждающих. Новогородцы одержали блестящую, совершенную победу и, приписав оную чудесному заступлению Марии, уставили ежегодно торжествовать ей 27 ноября праздник благодарности. Чувство живой веры, возбужденное общим умилением, святыми церковными обрядами и ревностным содействием духовенства, могло весьма естественным образом произвести сие чудо,

то есть воспламенить мужество, которое, изумляя врага, одолевает его силу. Новогородцы видели в Андреевых воинах не только своих злодеев, но и святотатцев богопротивных: мысль, что за нас небо, делает храброго еще храбрее. Победители, умертвив множество неприятелей, взяли столько пленных, что *за гривну отдавали десять суздальцев* (как сказано в Новогородской летописи), более в знак презрения, нежели от нужды в деньгах. Бегущий Мстислав был наказан за свою лютость: воины его на возвратном пути не находили хлеба в местах, опустошенных ими; умирали с голода, от болезней, и древний летописец говорит с ужасом, что они тогда, *в великий пост,* ели *мясо* коней своих.

Казалось, что новогородцы, столь озлобленные Боголюбским, долженствовали навеки остаться его врагами, но (к удивлению современников) чрез несколько месяцев изгнав князя своего, Романа, они вошли в дружелюбное сношение с Андреем, ибо терпели недостаток в хлебе и других вещах необходимых, получаемых ими из соседственных областей российских. Четверть ржи стоила тогда в Новегороде около рубля сорока трех копеек нынешними серебряными деньгами. Довольные славою одержанной победы, не желая новых бедствий войны и щадя народ, чиновники, архиепископ, люди нарочитые предложили мир Боголюбскому, по тогдашнему выражению, *на всей воле своей,* то есть не уступая прав новогородских. Великий князь принял оный с тем условием, чтобы вместо умершего Святослава княжил в Новегороде брат его, Рюрик Ростиславич, который господствовал в Овруче, не хотел перемены и, единственно в угодность Андрею выехав оттуда, приказал сей удел Волынский брату Давиду.

Северные области успокоились: в южных снова свирепствовали половцы, которые на сей раз пришли из-за реки Буга, от берегов Черного моря. Глеб Киевский, отягченный болезнию, не мог защитить бедных земледельцев, но храбрый Михаил и юный брат его, Всеволод Георгиевич, с торками и берендеями разбили хищников.

Еще Андрей не имел времени назначить преемника Глебова, когда Ростиславичи, Давид и Мстислав послали в Волынию за дядею своим, Владимиром Дорогобужским, желая, чтобы он, как старший в роде Мономаховом, господствовал в Киеве или в самом деле зависел от них, господствуя только именем.

Не уважая Киева, Андрей старался подчинить себе Новгород, уже не силою, но дружбою и справедливос-

тню. Рюрик недолго был там князем; выгнав посадннка Жирослава (ушедшего к Боголюбскому) и заставнв граждан избрать иного, он не мог жить с ннмн в мире н скоро уехал к братьям. На его место Андрей с удовольствнем дал новогородцам юного сына своего, Георгня, и сам решил нх важнейшие дела гражданские, по коим архнепнскоп Иоанн ездил на совет к нему в Владнмир. Народ, в угодность Великому князю, снова признал Жирослава главным чнновником, а Великнй князь, в угодность народу, согласился чрез год на избрание другого посадника.

Великий князь, женатый — по нзвестию новейших летопнсцев — на дочери убненного боярина Кучка, осыпал милостямн ее братьев. Однн нз них прнличнлся в каком-то злодействе и заслужнл казнь. Другой, нменем Иоаким, возненавидел государя н благотворнтеля за сне похвальное действне правосудия, внушал друзьям свонм, что им будет со временем такая же участь, что надобно умереть нли умертвить князя, ожесточенного старостью, что безопасность есть закон каждого, а мщение должность. Двадцать человек вступилн в заговор. Никто нз ннх не был лично оскорблен князем, многие пользовалнсь его доверенностью: зять Иоакнмов, вельможа Петр (у коего в доме собнралнсь заговорщнкн), ключннк Анбал Ясин, чнновник Ефрем Монзовнч. В глубокую полночь онн прншлн ко дворцу в Боголюбове (ныне село в 11 верстах от Владнмнра), ободрилн себя вином н крепким медом в княжеском погребе, зарезали стражей, вломнлнсь в сенн, в горницы н клнкалн Андрея. С ннм находился однн из его детскнх нлн отроков. Услышав голос Велнкого князя, злодеи отбили дверь *ложницы* нлн спальни. Андрей напрасно нскал меча своего, тайно унесенного ключннком Анбалом: сей меч принадлежал некогда Святому Борису. Два человека бросилнсь на государя: снльным ударом он сшиб первого с ног, н товарищи в темноте умертвилн его вместо князя. Андрей долго боролся; уязвляемый мечамн н саблями, говорил нзвергам: «За что пролнваете кровь мою? рука всевышнего казнит убнйц н неблагодарных!»... Наконец упал на землю. В страхе, в замешательстве онн схватили тело своего товарища н спешилн удалиться. Андрей в беспамятстве вскочил, бежал за ннми, громко стеная. Убнйцы возвратнлнсь; зажглн свечу, н следом кровн Андреевой дошлн в сенях до столпа лестннцы, за коим сндел несчастный князь. Петр отрубнл ему правую руку; другне вонзнли

мечи в сердце: Андрей успел сказать: «Господи! в руце твои предаю дух мой!» и скончался.

Умертвив еще первого любимца княжеского, Прокопия, заговорщики овладели казною государственною, золотом, драгоценными каменьями; вооружили многих дворян, приятелей, слуг и послали объявить Владимирской дружине или тамошним боярам о смерти Великого князя, называя их своими единомышленниками. «Нет,— ответствовали владимирцы,— мы не были и не будем участниками вашего дела». Но граждане боголюбские взяли сторону убийц; расхитили дворец, серебро, богатые одежды, ткани. Тело Андреево лежало в огороде: киевлянин, именем Козма, усердный слуга несчастного государя, стоял над оным и плакал. Видя ключника Анбала, он требовал ковра, чтобы прикрыть обнаженный труп. Анбал отвечал: «Мы готовили его на снедение псам». *Изверг!* сказал сей добродушный слуга: *государь взял тебя в рубище, а ныне ты ходишь в бархате, оставляя мертвого благодетеля без покрова.* Ключник бросил ему ковер и мантию. Козма отнес тело в церковь, где крилошане долго не хотели отпереть дверей; на третий день отпели его и вложили в каменный гроб. Через шесть дней владимирский игумен Феодул привез оное в Владимир и погреб в Златоверхом храме богоматери.

Неустройство, смятение господствовали в областях Суздальских. Народ, как бы обрадованный убиением государя, везде грабил домы посадников и тиунов, отроков и мечников княжеских; умертвил множество чиновников, предавался всякого рода неистовству, так, что духовенство, желая восстановить тишину, прибегнуло наконец к священным обрядам: игумены, иереи, облаченные в ризы, ходили с образами по улицам, моля всевышнего, чтобы он укротил мятеж. Владимирцы оплакивали Андрея, но не думали о наказании злодейства, и гнусные убийцы торжествовали.

Одним словом, казалось, что государство освободилось от тирана: Андрей же, некогда вообще любимый, по сказанию летописцев, был не только набожен, но и благотворителен; щедр не только для духовных, но и для бедных, вдов и сирот: слуги его обыкновенно развозили по улицам и темницам мед и брашна стола княжеского. Но в самых упреках, делаемых летописцами народу легкомысленному, неблагодарному, мы находим объяснение на сию странность: *вы не рассудили* (говорят они современникам), *что царь, самый добрый и мудрый, не в си-*

лах искоренить зла человеческого; что где закон, там и многие обиды. Следственно, общее неудовольствие происходило от худого исполнения законов или от несправедливости судей: столь нужно ведать государю, что он не может быть любим без строгого, бдительного правосудия; что народ за хищность судей и чиновников ненавидит царя, самого добродушного и милосердного! Убийцы Андреевы знали сию ненависть и дерзнули на злодеяние.

Впрочем, Боголюбский, мужественный, трезвый и прозванный за его ум *вторым Соломоном*, был, конечно, одним из мудрейших князей российских в рассуждении политики, или той науки, которая утверждает могущество государственное. Он явно стремился к спасительному единовластию и мог бы скорее достигнуть своей цели, если бы жил в Киеве, унял донских хищников и водворил спокойствие в местах облагодетельствованных природою, издавна обогащаемых торговлею и способнейших к гражданскому образованию. Господствуя на берегах Днепра, Андрей тем удобнее подчинил бы себе знаменитые соседственные уделы: Чернигов, Волынию, Галич; но, ослепленный пристрастием к северо-восточному краю, он хотел лучше основать там *новое* сильное государство, нежели восстановить могущество *древнего* на юге.

К последнему году княжения Андреева относится любопытное известие *хлыновского летописца* о первом населении Вятки россиянами. В 1174 году некоторые жители области Новогородской, отчасти наскучив внутренними раздорами, отчасти теснимые возрастающим многолюдством в их пределах, решились выехать из отечества, сели на суда и, Волгою доплыв до Камы, завели селение на берегу ее. Зная, что далее на север обитают народы дикие в стране лесной, изобильной дарами природы, многие из сих выходцев отправились вверх до устья Осы; обратились к западу; дошли до Чепцы и, плывя ею вниз, покорили бедные жилища вотяков; наконец вошли в реку Вятку и на правом берегу ее, на горе высокой, увидели красивый городок, окруженный глубоким рвом и валом. Место полюбилось россиянам; они захотели овладеть им и навсегда там остаться, несколько дней говели, молились и, призвав в помощь святых защитников своего отечества, Бориса и Глеба, на память их, июля 24, взяли город. Жители скрылись в лесах. Сие укрепленное селение называлось *Болванским* (вероятно, от капища, там бывшего); завоеватели дали ему имя Никулицына и построили в нем церковь Бориса и Глеба.

Между тем оставленные на Каме товарищи — может быть, опасаясь соседственных болгаров — решились также искать другого жилища; пришли на судах к устью Вятки, плыли сею рекою вверх до *Черемисского* города *Кокшарова* (ныне Котельнича) и завладели оным. Утвердясь в стране вятской, россияне основали новый город близ устья речки Хлыновицы, назвали его *Хлыновым* и, с удовольствием приняв к себе многих двинских жителей, составили маленькую республику, особенную, независимую в течение двухсот семидесяти осьми лет, наблюдая обычаи новогородские, повинуясь сановникам избираемым и священному чину. Первобытные обитатели земли вятской, чудь, вотяки, черемисы, хотя набегами беспокоили их, но были всегда отражаемы с великим уроном, и память сих битв долго хранилась там в торжественных церковных обрядах: два раза в год из села Волкова с образом св. Георгия носили в Вятку *железные стрелы,* кои были оружием чуди или вотяков, и напоминали победу россиян. Новогородцы также от времени до времени старались делать зло хлыновским поселенцам, именовали их своими беглецами, рабами, и не могли простить им того, что они хотели жить независимо.

Из главы II

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ II

1174—1176

Вече в Владимире.— Гордость ростовцев.— Торжество Михаила.— Кончина и свойства сего князя.— Междоусобие в южной России.

Скоро по кончине Великого князя съехались ростовцы, суздальцы, переяславцы и все люди воинские в город Владимир на вече, следуя примеру новогородцев, киевлян и других российских знаменитых граждан, которые, по словам летописцев, издревле обыкли решить дела государственные в собраниях народных

и давали законы жителям городов уездных. «Всем известно, каким образом мы лишились князя», говорили бояре на вече: «он не оставил детей кроме сына, княжащего в Новегороде. Братья Андреевы в южной России. Кого же изберем в государи? Кто защитит нас от соседственных князей, рязанского и муромского, да не будем жертвою их коварства или силы? Обратимся к зятю Ростислава Георгиевича, Глебу Рязанскому; скажем ему: *бог взял нашего князя: зовем шурьев твоих на престол Андреев; отец их жил с нами и пользовался любовию народною».* Сия мысль была внушена боярам послами рязанскими: граждане одобрили оную; утвердили выбор крестным целованием, и согласясь с Глебом, отправили посольство в Чернигов, где находились тогда Ярополк и Мстислав Ростиславичи, племянники Андреевы. Обрадованные честию такого избрания, но желая быть великодушными, сии два князя предложили дядям своим, Михаилу и Всеволоду Георгиевичам, господствовать вместе с ними; признали Михаила старшим, уверили друг друга клятвою в искренности союза и целовали крест из рук епископа черниговского. Обряд бесполезный! Ярополк, по совету ростовцев, недовольных прибытием Михаила, оставив его в Москве, тайно уехал в Переславль-Залесский, собрал бояр, воинов и взял с них клятву верности. Ростовцы призвали туда и 1150 владимирцев; но сограждане сих последних, которые оставались дома, отворили ворота Михаилу и с радостью назвали его князем своим, помня, что Георгий Долгорукий хотел отдать суздальское княжение ему и Всеволоду. Началось междоусобие.

Города считались тогда между собою в летах, как роды дворянские в поколениях: ростовцы славились древностию; именовали Владимир *пригородом,* его жителей своими *каменщиками,* слугами, недостойными иметь князя, и хотели дать им посадника. Владимирцы, напротив того, утверждали, что их город, основанный Владимиром Великим, имеет право на знаменитость.

Скоро послы от Суздаля и Ростова явились во дворце Михаиловом и сказали именем всех граждан: «Государь! мы твои душою и сердцем. Одни бояре, преданные Мстиславу, были тебе врагами. Повелевай нами как

отец добродушный!» Таким образом, Михаил наследовал Великое княжение Андреево; объехал разные области; везде учредил порядок; везде пекся о народном спокойствии. Осыпанный дарами суздальцев и ростовцев, награжденный за свой труд благословениями довольных граждан, он возвратился в Владимир, оставив Всеволода княжить в Переславле-Залесском.

Народ требовал мести: Глеб Рязанский пользовался слабостью турьев, обирал их, обогатился драгоценностями и святынею храмов Владимирских. Михаил шел наказать его, но Глеб, не дерзая оправдываться, требовал милосердия; прислал Вышегородскую икону Богоматери, все драгоценности, даже книги, им похищенные, и тем обезоружил Великого князя. Народ, с восхищением встретив образ Марии, снова поставил его в Соборной церкви Владимирской: Михаил возвратил ей поместья, оброки и десятину.

Торжество владимирцев было совершенно: город их сделался опять столичным, и князь, ими призванный, заслуживая любовь общую, казался любимцем неба, ибо счастие ему благоприятствовало. Они хвалились своим выбором и говорили, что бог, унизив гордость *древнего* Ростова, прославил *новый* Владимир, ознаменовав его жителей мудростью в совете и мужеством в деле; что они, вопреки боярам, даже вопреки народу суздальскому и ростовскому, единственно в надежде на свою правду дерзнули изгнать злых князей и выбрать Михаила, благотворителя земли Русской. К несчастию, сей государь властвовал только один год и скончался, оставив в летописях память своей храбрости и добродетели. Жив в веке суровом, мятежном, он не запятнал себя ни жестокостью, ни вероломством и любил спокойствие народа более власти. Новейшие летописцы уверяют, что Михаил казнил многих убийц Андреевых, но современные не говорят о том. Некогда изгнанный Боголюбским, он мог еще питать в сердце своем неприятное воспоминание сей обиды; и тем более достоин хвалы, ежели действительно наказал злодеев.

Михаил, занимаясь единственно благом Суздальского или Владимирского княжения, не хотел или не имел времени думать о России южной, где господствовало междоусобие.

Из главы III

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОД III ГЕОРГИЕВИЧ

1176—1212

Вероломство ростовцев.— Война с половцами.— Огнестрельное оружие.— Бедствие Игоря.— Мужество Владимира.— Герой Всеволод.— Междоусобие в Рязани.— Добродетели Ярослава Галицкого.— Слабости и бедствие кн. Владимира.— Властолюбие Романа.— Вероломство короля венгерского.— Благородство сына Берладинкова.— Князь Владимир в Германии.— Изгнание венгров из Галича.— Браки.— Временная независимость Киева.— Добродетели Владимира Глебовича.— Беспокойства в Смоленске и Новегороде.— Ссора с варягами.— Воинские подвиги.— Бедствия чуди.— Немцы в Ливонии.— Серебро сибирское.— Кончина и характер Святослава.— Княжна Евфимия за греческим цареичем.— Пиры в Киеве.— Миролюбие духовенства.— Гнев Романа.— Битва в Польше.— Мятежный дух Ольговичей.— Неблагодарность Романова.— Политика Всеволодова.— Строгость и великодушие Давида.— Война с половцами.— Всеволод подчиняет себе Новегород.— Слава и тиранство Романа.— Опустошение Киева.— Пострижение Рюрика.— Посольство Папы к Роману — Ответ Романова.— Характер сего князя.— Рюрик снова на престоле.— Происшествия в Галиче.— Константин в Новегороде.— Князья Северские господствуют в Галиче.— Бегство Романова семейства.— Коварство Всеволода Чермного.— Бедствие рязанских князей.— Хитрость Всеволода.— Жестокость Вел. князя.— Смелость Мстислава.— Мир с Ольговичами.— Мятежи в Галиче.— Неповиновение Константина.— Кончина и характер Всеволода Великого.— Мудрость Великой княгини.— Разные бедствия.— Взятие Царяграда.— Немцы в Ливонии.— Основание Риги.— Орден Меченосцев.— Духовная власть в Новегороде.

Владимирцы, еще не осушив слез о кончине государя любимого, собрались пред Златыми вратами и присягнули его брату, Всеволоду Георгиевичу, исполняя тем волю Долгорукого, который назначал область Суздальскую в удел меньшим сыновьям.

Но бояре и ростовцы не хотели Всеволода. Еще при жизни Михаила они тайно звали к себе Мстислава, его племянника, из Новагорода, и сей князь, оставив там сына своего, уже находился в Ростове; собрал многочисленную дружину, бояр, гридней, так называемых *пасынков* или отроков боярских, и шел с ними ко Владимиру. Жители сего города пылали ревностию сразиться; но Всеволод, умеренный, благоразумный, предлагал мир.

«За тебя ростовцы и бояре», говорил он Мстиславу: «За меня бог и владимирцы. Будь князем первых; а суздальцы да повинуются из нас, кому хотят». Но вельможи ростовские, надменные гордостью, сказали Мстиславу: «Мирися один, если тебе угодно; мы оружием управимся с чернию владимирскою». Присоединив к себе в Юрьеве дружину переславскую, Всеволод объявил воинам о непримиримой злобе их врага общего. Все единодушно ответствовали: «Государь! ты желал добра Мстиславу, а Мстислав ищет головы твоей, и не дав еще исполниться девяти дням по кончине Михаиловой, жаждет кровопролития. Иди же на него с богом! Если будем побеждены, то пусть возьмут ростовцы жен и детей наших!» Всеволод, оставив за собою реку Кзу, среди Юрьевского поля ударил на неприятеля, рассеял его и с торжеством возвратился в столицу. Дружина княжеская и владимирцы вели связанных вельмож ростовских, виновников междоусобия; за ними гнали множество коней и скота, взятого в селах боярских. Суздаль, Ростов покорились Всеволоду.

Мстислав напрасно желал быть вторично князем новогородским. «Нет!» сказали ему жители: «ты *ударил пятою* Новгород: иди же от нас вместе с сыном!» Они искали дружбы победителя и требовали себе князя от Всеволода, который отправил к ним племянника своего, Ярослава. Мстислав, уехав к зятю, Глебу Рязанскому, склонил его к несчастной войне, бедственной для них обоих.

В России южной князья соединили силы, чтобы смирить половцев: Святослав Киевский, Рюрик с двумя племянниками, Владимир Переяславский (внук Долгорукого), Глеб Юрьевич Туровский (правнук Святополка-Михаила) с братом Ярославом Пинским, Всеволод и Мстислав, сыновья Ярослава Луцкого, Мстислав Всеволодкович Городненский и дружина Галицкого. Они пять дней искали варваров за Днепром. Князь Владимир, начальник передового отряда, вступил в битву с половцами. «Мне должно наказать их за разорение моей Переяславской области», сказал он старейшему из князей, Святославу Киевскому, и смело устремился на многочисленные толпы неприятелей, которые заранее обрекли его и всех наших воевод своими пленниками; но устрашенные одним грозным видом полка Владимирова, бежали в степи. Россияне на берегах Угла или Орели взяли 7000 пленных (и в том числе 417 князьков), множество коней азиатских и всякого оружия. Славный свирепо-

стью хан половецкий, Кончак, был также разбит ими близ Хороля, несмотря на его самострельные, необыкновенной величины луки (едва натягиваемые пятидесятью воинами) и на искусство бывшего с ним *Бесерменина* или харазского турка, *стрелявшего живым огнем,* как сказано в летописи: вероятно *греческим,* а может быть и порохом. Киевляне догнали сего хитреца в бегстве и представили Святославу со всеми его снарядами, но, кажется, не воспользовались оными.

Чрез несколько месяцев торжество россиян обратилось в горесть. Князья Северские, Игорь Новогородский, брат его Всеволод Трубчевский и племянник их, не имев участия в победах Святослава, завидовали им и хотели еще важнейших; взяли у Ярослава Всеволодовича Черниговского так называемых *ковуев* — единоплеменных, как, вероятно, с черными клобуками — и пошли к Дону. Случившееся тогда затмение солнца казалось их боярам предзнаменованием несчастным: «Друзья и братья!» сказал Игорь: «тайны божественные никому не сведомы, а нам не миновать своего рока». Он переправился за Донец. Всеволод, брат Игорев, шел из Курска иным путем: соединясь на берегах Оскола, войско обратилось к югу, к рекам Дону и Салу, феатру блестящих побед Мономаховых. Кочующие там варвары известили своих единоплеменников о сей новой грозе, представляя им, что россияне, дерзнув зайти столь далеко, без сомнения хотят совершенно истребить весь род их. Половцы ужаснулись и бесчисленными толпами двинулись от самых дальних берегов Дона навстречу смелым князьям. Люди благоразумные говорили Игорю: «Князь! неприятели многочисленны; удалимся: теперь не наше время». Игорь ответствовал: «Мы будем осмеяны, когда, не обнажив меча, возвратимся; а стыд ужаснее смерти». В первой битве россияне остались победителями, взяли стан неприятелей, их семейства; ликовали в завоеванных вежах и говорили друг другу: «Что скажут теперь наши братья и Святослав Киевский? Они сражались с половцами, еще *смотря на Переяславль,* и не смели идти в их землю; а мы уже в ней, скоро будем за Доном и далее в странах приморских, где никогда не бывали отцы наши; истребим варваров и приобретем славу вечную». Сия гордость витязей мужественных, но малоопытных и неосторожных, имела для них самые гибельные следствия. Разбитые половцы соединились с новыми толпами, отрезали россиян от воды и в ожидании еще большей помощи не хотели сразиться *копьями,* три дни действуя одни-

ми *стрелами*. Число варваров беспрестанно умножалось. Наконец войско наших князей открыло себе путь к воде: там половцы со всех сторон окружили его. Оно било храбро, отчаянно. Изнуренные кони худо служили всадникам: предводители спешились вместе с воинами. Один раненый Игорь ездил на коне, ободряя их и сняв с себя шлем, чтобы они видели его лицо и тем великодушнее умирали. Всеволод, брат Игорев, оказал редкое мужество, и наконец остался без оружия, изломав свое копье и меч. Почти никто не мог спастися: все легли на месте или с князьями были отведены в неволю. В России узнали о сем бедствии, случившемся на берегах Каялы (ныне Кагальника), от некоторых купцов, там бывших. «Скажите в Киеве (говорили им половцы), что мы теперь можем обменяться пленниками». Князья, вельможи, народ оплакивали несчастных; многие лишились братьев, отцов, ближних сродников. Святослав Киевский ездил тогда в Карачев; на возвратном пути, услышав печальную весть, залился слезами и сказал: «Я жаловался на легкомыслие Игоря: теперь еще более жалуюсь на его злосчастие». Он собрал князей под Каневым, но распустил их, когда половцы, боясь сего ополчения, удалились от границ России. Не хотев идти по следам владетелей Северских, чтобы не иметь той же участи, Святослав был причиною новых бедствий: ибо варвары, успокоенные его робостию, снова явились, взяли несколько городов на берегах Сулы, осадили Переяславль. Мужественный Владимир Глебович встретил их под стенами и бился как герой; кровь текла из ран его; дружина ослабевала. Видя опасность князя любимого, все граждане вооружились и едва спасли Владимира, уязвленного тремя копьями. Половцы, взяв город *Рим* или нынешний Ромен, опустошив множество сел близ Путивля и напомнив россиянам бедственные времена Всеволода I или Святополка-Михаила, ушли, обремененные пленниками, в свои вежи. Но, к утешению северян, Игорь Святославич возвратился. Он жил в неволе под надзиранием благосклонного к нему хана Кончака; имел при себе слуг, священника и мог забавляться ястребиною охотою. Один из половцев, именем Лавер, вызвался бежать с ним в Россию. Князь Игорь ответствовал: «Я мог уйти во время битвы, но не хотел обесславить себя бегством; не хочу и теперь». Однако ж, убежденный советом верного своего конюшего, Игорь воспользовался темнотою ночи и сном варваров, упоенных крепким кумысом; сел на коня, и в 11 дней приехал благополучно в город Донец. Сын его

Владимир, оставленный им в плену, женился там на дочери хана Кончака и возвратился к отцу через два года вместе с дядею Всеволодом (коего называют летописцы героем, или, по их словам, *удалейшим* из всех Ольговичей, величественным наружностью, любезным душою). Сия гибель дружины северской, плен князей и спасение Игоря описаны со многими обстоятельствами в особенной древней исторической повести, украшенной цветами воображения и языком стихотворства.

В течение следующих осьми лет половцы то мирились, то воевали с россиянами, имея успех и неудачи. Сии маловажные сшибки не представляют ничего достопамятного для истории.

Междоусобие князей Рязанских нарушило внутренний мир и спокойствие в России восточной. Глебовичи, Роман, Игорь, Владимир, умышляли на жизнь меньших братьев, Всеволода и Святослава, сперва тайно, а наконец осадили их в Пронске.

Великий князь огнем и мечом опустошил землю Рязанскую, держась правила, как говорят летописцы, что «война *славная* лучше мира постыдного».

Сей год достопамятен кончиною Ярослава Владимирковича Галицкого и важными ее следствиями. Подобно отцу господствуя от гор Карпатских до устья Серета и Прута, он имел истинные государственные добродетели, редкие в тогдашние времена: не искал завоеваний, но, довольствуясь своею немалою областию, пекся о благоденствии народа, о цветущем состоянии городов, земледелия; для того любил тишину, вооружался единственно на обидящих и посылал рать с боярами, думая, что дела гражданские еще важнее воинских для государя; нанимал полки иноплеменников и, спасая тем подданных от кровопролития, не жалел казны. В 1173 году он нанял у поляков войско за 3000 гривен серебра: успехи торговли и мирной промышленности доставляли ему способ быть щедрым в таких случаях. Союзник греческого императора Мануила, покровитель изгнанного Андроника, Ярослав считался одним из знаменитейших государей своего времени, хвалимый в летописях вообще за мудрость и сильное, убедительное красноречие в советах, по коему россияне прозвали его *Осьмомыслом*. Сей миролюбивый князь не находил мира только в недрах семейства и не мог жить в согласии ни с супругою, ни с сыном: первая решилась навсегда с ним расстаться и (в 1181 году) скончалась монахинею в Владимире Суздальском у Всеволода, ее брата; а сын Ярославов, в тре-

тий раз изгнанный отцом, напрасно искав пристанища у князей Волынских, Смоленского, даже у Великого князя, жил два года в Путивле у своего зятя, Игоря Северского, и хотя наконец, посредством Игорева старания, примирился с отцом, но, имея склонности развратные, непрестанно огорчал его. Тем более Ярослав любил меньшого, побочного сына, именем Олега, прижитого им с несчастною Анастасиею. Готовясь к смерти, он три дни прощался со всеми: бояре, духовные, граждане, самые нищие теснились во дворце к одру умирающего. Изъявив чувства набожные и христианские, смирение пред богом и людьми; назначив богатые вклады в церкви, в монастыри, и велев раздать часть казны бедным, Ярослав объявил своим наследником Олега: Владимира же наградил только Перемышлем, взяв с него и с бояр клятву исполнить сие завещание. Но бояре, едва предав земле тело государя, изгнали Олега (ушедшего к Рюрику в Овруч) и возвели Владимира на престол.

Они раскаялись, ибо новый государь, имея отвращение от дел, пил день и ночь, презирал уставы церкви и нравственности, женился вторым браком на попадье; сверх того, удовлетворяя гнусному любострастию, бесчестил девиц и супруг боярских. Негодование сделалось общим; в домах, на улицах и площадях народ жаловался громогласно. В соседственной области Владимирской господствовал тогда князь, знаменитый мужеством, умом, деятельностью, Роман Мстиславич, который еще в летах нежной юности, под стенами Новагорода, смирив гордость Андрея Боголюбского, заслужил тем внимание россиян. Многими блестящими свойствами достойный своего предка, Мономаха, он, к несчастию, жертвовал властолюбию правилами добродетели и, будучи сватом Владимиру, веселился его распутством и народным озлоблением, ибо думал воспользоваться следствиями оного. Имея тайную связь с галицкими вельможами, Роман хотел открыть себе путь к тамошнему престолу и советовал им свергнуть князя, столь порочного. Сии внушения не остались без действия. Волнение и шум в столице пробудили усыпленного негою Владимира. Двор княжеский наполнился людьми; но заговорщики, не уверенные в согласии добрых, терпеливых граждан, опасались возложить руку на государя и, зная его малодушие, послали сказать ему, чтобы он избрал супругу достойнейшую, выдал им попадью для казни, правительствовал как должно или готовился к следствиям весьма несчастным. Их желание исполнилось: то есть устрашенный

Владимир бежал в Венгрию с женою, двумя сыновьями и наследственными сокровищами. Бояре призвали Романа княжить в Галиче.

Чтимый внутри и вне России, Всеволод хотел искреннего взаимного дружелюбия князей и старался утвердить оное новым свойство́м, выдав дочь свою за племянника Святославова, другую, именем Верхуславу, за Рюриковича, мужественного Ростислава, а сына своего Константина, еще десятилетнего, женив на внуке умершего Романа Смоленского. Юность лет не препятствовала брачным союзам, коих требовала польза государственная. Верхуслава также едва вступила в возраст отроковицы, когда родители послали ее к жениху в Белгород. Сия свадьба была одною из великолепнейших, о коих упоминается в наших древних летописях. За невестою приезжали в Владимир шурин Рюриков, Глеб Туровский, и знатнейшие бояре с супругами, щедро одаренные Всеволодом. Отменно любя Верхуславу, отец и мать дали ей множество золота и серебра; сами проводили милую, осьмилетнюю дочь до третьего стана и со слезами поручили сыну Всеволодовой сестры, который должен был, вместе с первыми боярами Суздальскими, везти невесту. В Белегороде епископ Максим совершал обряд венчания, и более двадцати князей пировали на свадьбе. Рюрик, следуя древнему обычаю, в знак любви отдал снохе город Брагин.

Когда почти вся Россия наслаждалась тишиною, Смоленская и Новогородская область представляют нам ужасы мятежа и картину воинской деятельности. Давид Ростиславич, господствуя в Смоленске, не был любим народом. Не имея твердых государственных законов, основанных на опыте веков, князья и подданные в нашем древнем отечестве часто действовали по внушению страстей; сила казалась справедливостью: иногда государь, могущественный усердием и мечами дружины, угнетал народ; иногда народ презирал волю государя слабого. Неясность взаимных прав служила поводом к мятежам, и смоляне, однажды изгнав князя, хотели и вторично утвердить народную власть таким же делом. Но Давид был смел, решителен; не уступил гражданам и не жалел их крови; казнил многих и восстановил порядок.

Не имея опасных совместников внутри России, Всеволод старался утвердить безопасность границ своих. Половцы за деньги служили ему, но в то же время кочуя от нынешней Слободской Украинской до Саратов-

ской губернии, беспокоили его южные владения, особенно же пределы Рязанские; он сильным ополчением устрашил варваров, ходил с юным сыном, Константином, во глубину степей, везде жег зимовья половецкие, и ханы, сняв свои многочисленные вежи, от берегов Дона с ужасом бежали к морю.

Между тем Всеволод Георгиевич спокойно господствовал на севере: отряды его войска тревожили болгаров, князья Рязанские отражали донских хищников, а новогородцы Литву. Жители Великих Лук с воеводою, именем Нездилою, ходили в Летгалию, или в южную часть нынешней Лифляндской губернии, и привели оттуда пленников. Новая ссора россиян с варягами — вероятно, по торговле — не имела никакого следствия: последние должны были на все согласиться, чтобы мирно купечествовать в наших северо-западных областях. Но Всеволод, будто бы желая защитить Новгород от внешних опасных неприятелей, велел объявить тамошним чиновникам, что он дает им старшего сына своего, Константина, ибо отрок Святослав еще не в силах быть их покровителем.

Всеволод Георгиевич, княжив 37 лет, спокойно и тихо преставился на пятьдесят осьмом году жизни, оплакиваемый не только супругою, детьми, боярами, но и всем народом: ибо сей государь, называемый в летописях *Великим*, княжил счастливо, благоразумно от самой юности, и строго наблюдал правосудие. Не бедные, не слабые трепетали его, а вельможи корыстолюбивые. Не *обинуяся лица сильных*, по словам летописца, *и не туне нося меч, ему богом данный*, он казнил злых, миловал добрых. Воспитанный в Греции, Всеволод мог научиться там хитрости, а не человеколюбию: иногда мстил жестоко, но хотел всегда казаться справедливым, уважая древние обыкновения; требовал покорности от князей, но без вины не отнимал у них престолов и желал властвовать без насилия; повелевая новогородцами, льстил их любви к свободе; мужественный в битвах, и в каждой победитель, не любил кровопролития бесполезного. Одним словом, он был рожден царствовать (хвала, не всегда заслуживаемая царями!) и, хотя не мог назваться самодержавным государем России, однако ж, подобно Андрею Боголюбскому, напомнил ей счастливые дни единовластия. Новейшие летописцы, славя добродетели сего князя, говорят, что он довершил месть, начатую Михаилом: казнил всех убийц Андреевых, которые еще были живы, а главных злодеев, кучковичей, велел

зашить в короб и бросить в воду. Сие известие согласно отчасти с древним преданием: близ города Владимира есть озеро, называемое Пловучим; рассказывают, что в нем утоплены кучковичи, и суеверие прибавляет, что тела их доныне плавают там в коробе!

Доказав свою набожность, по тогдашнему обычаю, сооружением храмов, Всеволод оставил и другие памятники своего княжения: кроме города Остера, им возобновленного, он построил крепости в Владимире, Переяславле-Залесском и Суздале.

Всеволод в 1209 году сочетался вторым браком с дочерью Витебского князя, Василька Брячиславича. Первою его супругою была Мария, родом Ясыня, славная благочестием и мудростию. В последние семь лет жизни страдая тяжким недугом, она изъявляла удивительное терпение, часто сравнивала себя с Иовом и за 18 дней до кончины постриглась; готовясь умереть, призвала сынов и заклинала их жить в любви, напомнив им мудрые слова Великого Ярослава, что междоусобие губит князей и отечество, возвеличенное трудами предков; советовала детям быть набожными, трезвыми, вообще приветливыми и в особенности уважать старцев, по изречению Библии: *во мнозем времени премудрость, во мнозе житии ведение.*

Заметим некоторые бедственные случаи долговременного княжения Всеволодова. Два раза горел при нем Владимир: в 1185 году огонь разрушил там 32 церкви каменные и соборную, богато украшенную Андреем; ее серебряные паникадила, златые сосуды, одежды служебные, вышитые жемчугом, драгоценные иконы, парчи, куны или деньги, хранимые в тереме, и все книги были жертвою пламени. Чрез пять лет случилось такое же несчастие для целой половины Владимира; едва могли отстоять дворец княжеский; а в Новегороде многие люди, устрашенные беспрестанными пожарами, оставили домы и жили в поле: в один день сгорело там 4300 домов. Многие другие города: Руса, Ладога, Ростов — обратились в пепел. В 1187 году свирепствовала какая-то общая болезнь в городах и селах; летописцы говорят, что ни один дом не избежал заразы, и во многих некому было принести воды. В 1196 году вся область Киевская чувствовала землетрясение: домы, церкви колебались, и жители, не приученные к сему обыкновенному в жарких климатах явлению, *трепетали и падали ниц от страха.*

В княжение Всеволода был завоеван крестоносцами Царьград — происшествие важное и горестное для тог-

дашних россиян, тесно связанных с греками по вере и торговле.

Заключая описание достопамятных времен Всеволода III, упомянем о случае, принадлежащем вместе и к церковной и к светской истории нашего отечества. В 1212 году новогородцы, недовольные святителем Митрофаном, без всякого сношения с главою духовенства, митрополитом киевским, изгнали своего архиепископа и выбрали на его место бывшего знаменитого гражданина, Добрыню Ядренковича, который незадолго до того времени ездил в Царьград и постригся в монастыре Хутынском, основанном в конце XII века св. Варлаамом, близ Волхова. Так новогородцы судили и князей и святителей, думая, что власть мирская и духовная происходит от народа.

Глава VII

СОСТОЯНИЕ РОССИИ с XI до XIII ВЕКА

Права Великих князей.— Уделы.— Княжеские съезды.— Право наследственное.— Браги внешние.— Правление.— Обряды и чины двора.— Войско. — Торговля. — Ганза.— Договор с немцами.— Деньги. — Художества. — Науки. — Поэзия.— Нравы.— Древнейшее путешествие в Россию.

Ярослав, могущественный и самодержавный, подобно св. Владимиру, разделив Россию на княжения, хотел, чтобы старший сын его, называясь Великим князем, был главою отечества и меньших братьев и чтобы удельные князья, оставляя право наследства детям, всегда зависели от киевского, как присяжники и знаменитые слуги его. Отдав ему многолюдную столицу, всю юго-западную Россию и Новгород, он думал, что Изяслав и наследники его, сильнейшие других князей, могут удерживать их в границах нужного повиновения и наказывать ослушников. Ярослав не предвидел, что самое Великое княжение раздробится, ослабеет и что удельные владетели, чрез союзы между собою или с иными народами будут иногда предписывать законы мнимому своему государю. Уже Всеволод I дол-

женствовал воевать с частным князем его собственной области, а Святополк II ответствовать, как подсудимый, на запросы князей удельных. Одаренные мужеством и благоразумием, Мономах и Мстислав I еще умели повелевать Россиею, но преемники их лишились сей власти, основанной на личном уважении, и Киев зависел наконец от Суздаля. Если бы Всеволод III, следуя правилу Андрея Боголюбского, отменил систему уделов в своих областях; если бы Константин и Георгий II имели государственные добродетели отца и дяди, то они могли бы восстановить единовластие. Но Россия, по кончине Всеволода Георгиевича, осиротела без главы, и сыновья его совсем не думали быть монархами.

Ярослав разделил государство на четыре области, кроме Полоцкой, оставленной им в наследие роду старшего брата его: в течение времени каждая из оных разделилась еще на особенные уделы — и князья первых стали после называться *Великими* в отношении к частным или *удельным*, от них зависевшим. Волыния, Галиция, земля Дреговичей, отошли от Киева. Княжение Переяславское, весьма знаменитое при Всеволоде I и Мономахе, утратило Суздаль, Ростов, Курск; а Черниговское Рязань и Муром (кроме Тмутороканя, завоеванного половцами); Новгород Северский, Стародуб, иногда земля Вятичей в XII веке принадлежали разным владетелям, нередко обнажавшим меч друг на друга. Смоленское также имело частные уделы: Торопецкий и Красенский. Самый Новгород, древнее достояние государей киевских, славный храбростию и богатством жителей, присвоив себе власть избирать князей, не мог сохранить целости владений своих. Псковитяне действовали иногда как независимые от него и свободные граждане.

Мономах, еще не будучи Великим князем, видя с горестию безначалие и неустройство в России, хотел уменьшить сие великое зло учреждением общих княжеских советов или съездов, которые иногда воспаляли в сердцах любовь к отечеству, но только на малое время, и не могли прекратить вредного междоусобия. Вследствие такого съезда несчастный Василько был ослеплен, а Глеб Рязанский обагрил руки свои кровию братьев.

Обыкновенною причиною вражды было спорное право наследства. Мы уже заметили выше, что по древнему обычаю не сын, но брат умершего государя или старший

в роде долженствовал быть его преемником. Мономах, убежденный народом властвовать в столице по кончине Святополка-Михаила, нарушил сей обычай; а как родоначальник владетелей черниговских был старее Всеволода I, то они в сыновьях и внуках Мономаховых ненавидели похитителей великокняжеского достоинства и воевали с ними. Но истинными наследниками киевского престола, согласно с тогдашним обыкновением, были потомки Изяслава I, которые не искали сей чести, мирно господствуя в уделах Туровском и Пинском.

Государство, раздираемое внутренними врагами, могло ли не быть жертвою внешних? Одному особенному счастию надлежит приписать то, что Россия в течение двух веков не утратила своей народной независимости, от времени до времени имея князей мужественных, благоразумных: как Ярослав Великий решительным ударом навсегда избавил отечество от свирепости печенегов, так Мономах блестящими победами, в княжение Святополка II, ослабил силу жестоких половцев: они все еще тревожили Днепровскую область набегами, но уже не столь гибельными, как прежде; в отношении к своим диким нравам чувствовали превосходство россиян, любили называться славянскими именами и даже охотно крестились. Два раза поляки были господами нашей древней столицы; но испытав ужасную месть россиян и стеная от собственных бедствий внутри государства, волнуемого мятежами, оставляли нас в покое. Мужественные князья Галицкие — Владимирко, Ярослав, Роман — служили для России щитом на юго-западе и держали венгров в страхе. Дунайские болгары, с 1185 года свободные от ига греков, были тогда сильным народом; в 1205 году разбили латинского императора Балдвина, взяли его в плен и доходили до врат Константинополя; но жили мирно с нами. Сын их героя Асана, именем Иоанн, принужденный выехать из отечества, искал защиты россиян и с помощью сих верных друзей — вероятно, знаменитого Мстислава Галицкого — в 1222 году восшел на престол своего дяди.— Болгары камские не имели духа воинского. Рыцари немецкие вытеснили новогородцев и кривичей из Ливонии, но далее не могли распространить своих завоеваний; а литовцы были не что иное, как смелые грабители. Других, опаснейших врагов отечество наше тогда не знало, и несмотря на развлечение внутренних сил его, еще славилось могуществом в отношении к соседям, наблюдая законы предков в своем правлении,

успевая в делах воинских, в торговле, в гражданском образовании.

Что касается собственно до правления, то оно в сии времена соединяло в себе выгоды и злоупотребления двух, один другому противных, государственных уставов: самовластия и вольности. Когда Олег, Святослав, Владимир, окруженные славою побед, величием завоевателей, силою единодержавия в целой России, повелевали народу: народ смиренно и безмолвно исполнял их волю. Но когда государство разделилось; когда лучи славы угасли над престолом св. Владимира, и вместо одного явились многие государи в России: тогда народ, видя их слабость, захотел быть сильным, стеснял пределы княжеской власти или противился ее действию. Самовластие государя утверждается только могуществом государства, и в малых областях редко находим монархов неограниченных. Между тем древний устав Рюриковых времен не был отменен: везде, и в самом Новегороде, князь судил, наказывал и сообщал власть свою тиунам, объявлял войну, заключал мир, налагал дани. Но граждане столицы, пользуясь свободою веча, нередко останавливали государя в делах важнейших: предлагали ему советы, требования; иногда решали собственную судьбу его, как вышние законодатели. Жители других городов, подведомых областному и называемых обыкновенно *пригородами,* не имели сего права. Вероятно, что и в столицах не все граждане могли судить на вечах, а только старейшие или нарочитые, бояре, воины, купцы. Знаменитое духовенство также участвовало в делах правления. Святополк-Михаил и Мономах звали Олега на совет с боярами, градскими людьми, епископами, игуменами. Митрополит киевский присутствовал на вече софийском. Архиепископ новогородский ездил с судными делами к Андрею Боголюбскому. Подобно князьям, вельможам, богатым купцам, владея селами, епископы пользовались в оных исключительным правом судебным без сношения с гражданскою властию; под главным ведомством митрополита судили иереев, монахов и все церковные преступления, наказывая виновных эпитимиями. Россияне в XIII веке уже имели перевод греческого Номоканона или Кормчей Книги: она хранилась в Новогородском соборе и служила правилом для разбирательства случаев, относящихся к совести христиан.— Духовным же особам были обыкновенно поручаемы государственные мирные переговоры: убеждения рассудка, под-

крепляемые гласом веры, тем сильнее действовали на сердца людей.— Но епископы, избираемые князем и народом, в случае неудовольствия могли ими быть изгнаны. В отношениях гражданских святитель совершенно зависел от суда княжеского: так Ярослав-Федор (в 1229 году) судил какую-то важную тяжбу епископа ростовского, Кирилла, обвинил его и лишил почти всего имения. (К чести сего Кирилла, славного необыкновенным богатством, скажем, что он, вместо жалоб, принес благодарность небу; роздал остаток своего достояния друзьям, нищим, и подобно Иову страдая тогда от недуга телесного, постригся в схиму).

Восшествие государя на трон соединено было с обрядами священными: митрополит торжественно благословил Долгорукого властвовать над южною Россиею; киевляне, новогородцы сажали князей на престол в Софийском храме. Князь в самой церкви, во время литургии, стоял с покровенною главою, в шапке или клобуке (может быть, в венце); украшал вельмож своих златыми цепями, крестами, гривнами; жаловал придворных в казначеи, ключники, постельники, конюшие и проч. Что прежде называлось *дружиною* государей, то со времен Андрея Боголюбского уже именуется в летописях *двором:* бояре, отроки и мечники княжеские составляли оный.

Сии *дворяне*, первые в России, были лучшею частию войска. Каждый город имел особенных ратных людей. *Пасынков* или отроков боярских (названных так для отличия от княжеских) и гридней или простых мечников, означаемых иногда общим именем воинской дружины. Только в чрезвычайных случаях вооружались простые граждане или сельские жители; но последние обязаны были давать лошадей для конницы. Совершив поход — большею частию в конце зимы — князь отбирал у воинов оружие, чтобы хранить его до нового предприятия. Войско разделялось на полки, конные и пехотные, на копейщиков и стрелков; последние обыкновенно начинали дело. Главный воевода именовался тысячским: князья имели своих тысячских, города также. Если сказания Нестора о числе Олеговых и преемника его воинов справедливы, то древнейшие ополчения российские были многолюднее, нежели в XI, XII и XIII столетии: ибо сильнейшее *известное* нам войско в течение сих веков состояло только из 50 000 ратников. Воины надевали латы единственно в то время, когда уже готовились к битве; самое оружие, для облегчения людей, возили на телегах: от че-

го неприятель, пользуясь нечаянностию, иногда нападал на безоружных. Войско робкое или малочисленное ограждало себя в поле кольями и плетнем; такие же ограды деревянные или *остроги* служили внешнею защитою для крепостей, замков или *детинцев*. Немецкий летописец, хваля меткость наших стрелков, говорит, что россияне могли учиться у ливонских рыцарей искусству оборонять города; но стенобитные орудия или *пороки* уже давно были у нас известны.

Ни внутренние раздоры, ни внешние частые войны не препятствовали в России мирным успехам торговли, благодетельным для гражданского образования народов. В сие время она была весьма обширна и знаменита. Ежегодно приходили в Киев купеческие флоты из Константинополя, столь богатые и столь важные для общей государственной пользы, что князья, ожидая их, из самых отдаленных мест присылали войско к Каневу для обороны судов от хищных половцев. Днепр в течении своем от Киева к морю назывался обыкновенно *путем греческим*. Мы уже говорили о предметах сей торговли. Россияне, покупая соль в Тавриде, привозили в Судак, богатый и цветущий, горностаевые и другие меха драгоценные, чтобы обменивать их у купцов восточных на бумажные, шелковые ткани и пряные коренья. Половцы, овладев Тмутороканем и едва не всем Крымом, для собственных выгод не мешали торговле, и первые, кажется, впустили генуэзцев в южную часть Тавриды. По крайней мере сии корыстолюбивые, хищные италиянцы еще за несколько лет до нашествия татар имели торговые заведения в Армении, следственно уже господствовали на Черном море. В самое то время, когда войско российское сражалось с половцами в земле их, купцы мирно там путешествовали: ибо самые варвары, находя пользу в торговле, для ее безопасности наблюдают законы просвещенных народов. Греки, армяне, евреи, немцы, моравы, венециане жили в Киеве, привлекаемые выгодною меною товаров и гостеприимством россиян, которые дозволяли христианам латинской церкви свободно и торжественно отправлять свое богослужение, но запрещали им спорить о вере: так Владимир Рюрикович Киевский выгнал (в 1233 году) какого-то Мартина, приора латинского храма св. Марии в Киеве, вместе с другими монахами католическими, *боясь* — как говорит польский историк — *чтобы сии проповедники не доказали, сколь вера греческая далека от истины.*

Подобно Черному морю и Днепру, Каспийское и Волга служили другим важным путем для торговли. Болгары, в случае неурожая питая хлебом Суздальское Великое княжение, могли доставлять нам и ремесленные произведения образованного Востока. В развалинах города болгарского, в 90 верстах от Казани и в 9 от Волги, нашлися армянские надписи XII века: вероятно, что армяне, издавна славные купечеством, выменивали там русские меха и *кожи* на товары персидские и другие. Доныне под именем *болгар* разумеются в Турции восточные сафьяны, а в Бухарии юфть: из чего заключают, что Азия получала некогда сей товар от болгаров. Достойно примечания, что в древнем их отечестве, в Казани, и ныне делаются лучшие из русских сафьянов. В упомянутых развалинах найдены также арабские надписи от 1222 до 1341 года по христианскому летосчислению, вырезанные отчасти над могилами *ширванских* и *шамаханских* уроженцев.— Земледельцы находят иногда в окрестностях сего места золотые мелочи, женские украшения, серебряные арабские монеты и другие без всякой надписи, ознаменованные единственно произвольными изображениями, точками, звездочками, и без сомнения принадлежавшие народу безграмотному (может быть, чудскому). Такие любопытные памятники свидетельствуют древнее цветущее состояние российской Болгарии.

Новгород, серебром и мехами собирая дань в Югре, посылал корабли в Данию и в Любек. В 1157 году, при осаде Шлезвига, король датский, Свенд IV, захватил многие суда российские, и товары их роздал, вместо жалованья, воинам. Купцы новогородские имели свою церковь на острове Готландии, где цвел богатый город Визби, заступив место Винеты, и где до XVII века хранилось предание, что некогда товары индейские, персидские, арабские шли чрез Волгу и другие наши реки в пристани Балтийского моря. Известие вероятное: оно изъясняет, каким образом могли зайти на берега сего моря древние монеты арабские, находимые там в большом количестве.— Готландцы, немцы издавна живали в Новегороде. Они разделялись на два общества: *зимних* и *летних гостей*. Правительство обязывалось за уставленную плату высылать к Ижоре, навстречу им, лодошников: ибо сии купцы, боясь порогов Невских и Волховских, обыкновенно перегружали товары в легкие лодки, внося в казну с каждого судна гривну кун, а с нагру-

женного хлебом полгривны. В Новегороде отведены были особенные дворы немецким и готландским купцам, где они пользовались совершенною независимостью и ведались собственным судом, избирая для того старейшин; один посол княжеский мог входить к ним. Обиженный россиянином гость жаловался князю и тиуну новогородскому; обиженный гостем россиянин старейшине иноземцев. Сии тяжбы решились на дворе св. Иоанна. Готландцы имели в Новегороде божницу св. Олава, немцы храм св. Петра, а в Ладоге св. Николая, с кладбищами и лугами.— Когда же, в течение XIII столетия, вольные города германские, Любек, Бремен и другие, числом наконец до семидесяти, вступили в общий, тесный союз, славный в истории под именем Ганзы, утвержденный на правилах взаимного дружества и вспоможения, нужный для их безопасности и свободы, для успехов торговли и промышленности — союз столь счастливый, что он, господствуя на двух морях, мог давать законы народам и венценосцам — когда Рига и Готландия присоединились к сему братству: тогда Новгород сделался еще важнее в купеческой системе Европы северной: Ганза учредила в нем главную контору, называла ее *матерью* всех иных, старалась угождать россиянам, пресекая злоупотребления, служившие поводом к раздорам; строго подтверждала купцам своим, чтобы товары их имели определенную доброту, и чтобы купля в Новегороде производилась всегда меною вещей без всяких долговых обязательств, из коих выходили споры. Немцы привозили тонкие сукна, в особенности фламанские, соль, сельди и хлеб в случае неурожая, покупая у нас меха, воск, мед, кожи, пеньку, лен. Ганза торжественно запрещала ввозить в Россию серебро и золото; но купцы не слушались устава противного их личным выгодам, и доставляли Новугороду немало драгоценных металлов, привлекаемые туда славою его изобилия и рассказами, почти баснословными, о пышности двора княжеского, вельмож, богатых граждан.— Псков участвовал в сей знаменитой торговле, и правительство обоих городов, способствуя успехам ее, довольствовалось столь умеренною пошлиною, что Ганза не могла нахвалиться его мудрым бескорыстием.

Древняя Биармия, уже давно область Новогородская, все еще славилась торговлею, и корабли шведские, норвежские не преставали до самого XIII века ходить к устью Северной Двины. Летописцы скандинавские повествуют, что в 1216 году знаменитый купец их, Гелге Богрансон, имев несчастиую ссору с биармским началь-

ником, был там умерщвлен вместе со всеми товарищами, кроме одного, именем Огмунда, ушедшего в Новгород. Сей Огмунд ездил из России в Иерусалим, и возвратясь в отечество, рассказал о жалостной кончине Богрансона. Норвежцы хотели мстить за то биармским жителям, и в 1222 году прибыв к ним на четырех кораблях, ограбили их землю, взяли в добычу множество *клейменого* серебра, мехов *бельих* и проч.

Смоленск имел также знатную торговлю с Ригою, с Готландиею и с немецкими городами: чему доказательством служит договор, заключенный с ними смоленским князем Мстиславом Давидовичем в 1228 году.— Предлагаем здесь главные статьи оного, любопытные в отношении к самым нравам и законодательству древней России.

1. «Мир и дружба да будут отныне между Смоленскою областию, Ригою, *Готским* берегом (Готландиею) и всеми немцами, ходящими по *Восточному морю,* ко взаимному удовольствию той и другой стороны. А если — чего боже избави — сделается в ссоре убийство, то за жизнь вольного человека платить десять гривен серебра, *пенязями* (деньгами) или кунами, считая оных (кун) 4 гривны на одну гривну серебра. Кто ударит холопа, платить гривну кун; за повреждение глаза, отсечение руки, ноги и всякое увечье 5 гривен серебра; за вышебенный зуб 3 гривны (серебра же); за окровавление человека посредством дерева $1^1/_2$ гривны, за рану без увечья тоже; кто ударит палицею, батогом, или схватит человека за волосы, дает $^3/_4$ гривны. Если россиянин застанет немца или немец россиянина у своей жены; также если немец или россиянин обесчестит девицу или вдову хорошего поведения, то взыскать с виновного 10 гривен серебра. Пеня за обиду посла и священника должна быть двойная. Если виновный найдет поруку, то не заключать его в оковы и не сажать в темницу; не приставлять к нему и стражи, пока истец не дал знать о своей жалобе старейшему из единоземцев обидчика, предполагаемому миротворцу.— С вором, пойманным в доме или у товара, хозяин волен поступить, как ему угодно.

2. Заимодавец чужестранный удовлетворяется прежде иных; он берет свои деньги и в таком случае, когда должник осужден за уголовное преступление лишиться собственности. Если холоп княжеский или боярский умрет, заняв деньги у немца, то наследник первого — или кто взял его имение — платит долг.

3. И немец и россиянин обязаны в тяжбах представлять более двух свидетелей из своих единоземцев. Испытание невинности посредством раскаленного железа дозволяется только в случае обоюдного на то согласия; принуждения нет. Поединки не должны быть терпимы; но всякое дело разбирается судом по законам той земли, где случилось преступление. Один князь судит немцев в Смоленске; когда же они сами захотят идти на *суд общий,* то их воля. Сею же выгодою пользуются и россияне в земле немецкой. Те и другие увольняются от судных пошлин: разве люди добрые и нарочитые присоветуют им что-нибудь заплатить судье.

4. Пограничный тиун, сведав о прибытии гостей немецких на Волок, немедленно дает знать тамошним жителям, чтобы они везли на возах товары сих гостей и пеклись о личной их безопасности. Жители платят за товар немецкий или смоленский, ими утраченный. Немцы на пути из Риги в Смоленск и на возвратном увольняются от пошлины: также и россияне в земле немецкой. Немцы должны бросить жеребий, кому ехать наперед; если же будет с ними купец русский, то ему остаться позади.— Въехав в город, гость немецкий дарит княгине кусок полотна, а тиуну волокскому перчатки готские; может купить, продать товар или ехать с оным из Смоленска в иные города. Купцы русские пользуются такою же свободою на *Готском береге* и вольны ездить оттуда в Любек и другие города немецкие.— Товар, купленный и вынесенный из дому, уже не возвращается хозяину, и купец не должен требовать назад своих денег.— Немец дает весовщику за две *капи,* или 24 пуда, куну *смоленскую,* за гривну *купленного* золота ногату, за гривну серебра 2 векши, за серебряный сосуд от гривны куну; в случае *продажи металлов* ничего не платит; когда же покупает вещи на серебро, то с гривны вносит куну смоленскую.— Для поверки весов хранится одна *капь* в церкви Богоматери на горе, а другая в немецкой божнице» (следственно и в Смоленске была католическая церковь): «с сим весом должны и волочане сверять пуд, данный им от немцев».

5. Когда смоленский князь идет на войну, то ему не брать немцев с собою: разве они сами захотят участвовать в походе. И россиян не принуждать к военной службе в земле немецкой.

6. Епископ рижский, мастер Фолькун (Volquin) и все другие рижские властители признают Двину вольною, от устья до вершин ее, для судоходства россиян и немцев.

Если — чего боже избави — ладья русская или немецкая повредится, то гость может везде пристать к берегу, выгрузить товар и ианять людей для вспоможения; ио им более договорной цены с него не требовать.

Сия грамота имеет для Полоцка и Витебска то же действие, что и для Смолеиска. Она писаиа при священнике Иоаине, мастере Фолькуне и многих купцах рижского *царства,* приложивших к ней свои печати; а свидетелями подписались»... Следуют имена некоторых жителей Готландии, Любека, Минстера, Риги; а внизу сказано: «кто из россиян или иемцев иарушит иаш устав, будет противеи богу».

О сем договоре упомииается и в немецкой летописи, где ои назваи весьма благоприятным для купцов ливонских; ио предки наши, давая им свободу и права в России, не забывали собственных выгод: таким образом, увольняя чужеземных гостей, продавцов серебра и золота, от всякой пошлины, хотели чрез то умножить количество ввозимых к иам металлов драгоцеиных. В рассуждеиии цеиы серебра заметим, что она со времен Ярослава до XIII века, кажется, не возвысилась отиосительно к *смоленской* ходячей или кожаной моиете: Ярослав назиачает в *Правде* 40 гривен пеии кунами за убийство, а Мстислав Давидович в уставе своем 10 гривен серебром, полагая 4 гривны куи за одну гривну серебра,— следственио ту же самую пеию: напротив чего новогородские куиы унизились.

Не только купцов, но и других чужеземцев, полезиых зианиями и ремеслом, россияне старались привлекать в свою землю: строителей, живописцев, лекарей. От Ярослава Великого до времеи Аидрея Боголюбского зиаменитейшие церкви иаши были созидаемы и расписываемы иностраицами; но в 1194 году владимирский епископ Иоаин, для возобиовлеиия древиего суздальского храма Богоматери, иашел между собствеииыми церковииками искусиых мастеров и литейщиков, которые весьма красиво отделали сию церковь снаружи и покрыли оловом, не взяв к себе в товарищи ии одиого немецкого художника. Тогда же славился в Киеве зодчий, имеием Милоиег-Петр, строитель камеиной стеиы иа берегу Днепра под монастырем Выдубецким, столь удивительной для совремеиников, что оии говорили об ией как о великом чуде. Греческие живописцы, украсив образами Киевскую Лавру, выучили своему художеству добродетельного монаха печерского, св. Алимпия, бескорыстного и трудолюбивого: не требуя иикакой мзды, он

писал иконы для всех церквей, и занимая деньги на покупку красок, платил долги своею работою. Сей Алимпий есть древнейший из всех известных нам живописцев российских. Кроме икон церковных, они изображали на хартиях в священных книгах разные лица, без особенного искусства в рисунке, но красками, столь хорошо составленными, что в шесть или семь веков свежесть оных и блеск золота ни мало не помрачились.— Заметим также, касательно рукоделий, что древние бояре княжеские обыкновенно носили у нас *шитые золотом оплечья:* и так искусство золотошвеев — сообщенное нам, как вероятно, от греков — было известно в России прежде, нежели во многих других землях европейских.

Мы упомянули о лекарях: ибо врачевание принадлежит к самым первым и необходимейшим наукам людей. Во времена Мономаховы славились в Киеве арменские врачи: один из них (как пишут), взглянув на больного, всегда угадывал, можно ли ему жить, и в противном случае обыкновенно предсказывал день его смерти. Врач Николы Святоши был сирианин. Многие лекарства составлялись в России: лучшие и драгоценнейшие привозились чрез Константинополь из Александрии. Желая всеми способами благодетельствовать человечеству, некоторые из наших добрых монахов старались узнавать силу целебных трав для облегчения недужных, и часто успехами своими возбуждали зависть в лекарях чужеземных. Печерский инок Агапит самым простым зельем и молитвою исцелил Владимира II, осужденного на смерть искусным врачом армянским.

Таким образом художества и науки, быв спутниками христианства на Севере, водворялись у нас в мирных обителях уединения и молитвы. Те же благочестивые иноки были в России первыми наблюдателями тверди небесной, замечая с великою точностию явления комет, солнечные и лунные затмения; путешествовали, чтобы видеть в отдаленных странах знаменитые святостию места, и, приобретая географические сведения, сообщали оные любопытным единоземцам; наконец, подражая грекам, бессмертными своими летописями спасли от забвения память наших древнейших героев, ко славе отечества и века. Митрополиты, епископы, ревностные проповедники христианских добродетелей, сочиняли наставления для мирян и духовных. Суздальский святитель, блаженный Симон, и друг его, Поликарп, монах Лавры Киевской, описали ее достопамятности и жития первых

угодников, слогом уже весьма ясным и довольно чистым. Вообще духовенство наше было гораздо просвященнее мирян; однако ж и знатные светские люди учились. Ярослав I, Константин отменно любили чтение книг. Мономах писал не только умно, но и красноречиво. Дочь князя полоцкого, святая Евфросиния, день и ночь трудилась в списывании книг церковных. Верхуслава, невестка Рюрикова, ревностно покровительствовала ученых мужей своего времени, Симона и Поликарпа.— *Слово о полку Игореве* сочинено в XII веке, и без сомнения мирянином: ибо монах не дозволил бы себе говорить о богах языческих и приписывать им действия естественные. Вероятно, что оно в рассуждении слога, оборотов, сравнений есть подражание древнейшим русским сказкам о делах князей и богатырей: так сочинитель хвалит *соловья* старого времени, стихотворца Бояна, которого *вещие персты,* летая по *живым струнам, рокотали* или гласили *славу* наших витязей. К несчастию, песни Бояновы и конечно многих иных стихотворцев исчезли в пространстве семи или осьми веков, большею частию памятных бедствиями России: меч истреблял людей, огонь здания и хартии. Тем достойнее внимания *Слово о полку Игореве,* будучи в своем роде единственным для нас творением: предложим содержание оного и места значительнейшие, которые дают понятие о вкусе и пиитическом языке наших предков.

Игорь, князь Северский, желая воинской славы, убеждает дружину идти на половцев и говорит: «Хочу преломить копие свое на их дальнейших степях, положить там свою голову или *шлемом испить Дону!*» Многочисленная рать собирается: «Кони ржут за Сулою, гремит слава в Киеве, трубы трубят в Новегороде, знамена развеваются в Путивле: Игорь ждет милого брата Всеволода». Всеволод изображает своих мужественных витязей: «Они метки в стрелянии, под звуком труб повиты, концом копья вскормлены; пути им сведомы, овраги знаемы; луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли наточены; носятся в поле как волки серые; ищут чести самим себе, а князю славы». Игорь, *вступив в златое стремя,* видит глубокую тьму пред собою; небо ужасает его грозою, звери ревут в пустынях, хищные птицы станицами парят над воинством, орлы *клектом* своим предвещают ему гибель, и лисицы лают на багряные щиты россиян. Битва начинается; полки варваров сломлены; их девицы красные взяты в плен, злато и ткани в добычу; одежды и наряды половецкие лежат на болотах, вместо мостов

для россиян. Князь Игорь берет себе одно багряное знамя неприятельское с древком сребряным. Но идут с юга черные тучи или новые полки варваров: «Ветры, Стрибоговы внуки, веют от моря стрелами на воинов Игоревых». Всеволод впереди с своею дружиною: «сыплет на врагов стрелы, гремит о шлемы их мечами булатными. Где сверкнет златой шишак его, там лежат головы половецкие». Игорь спешит на помощь к брату. Уже два дня пылает битва, неслыханная, страшная: «земля облита кровию, усеяна костями. В третий день пали наши знамена: *кровавого вина* не достало; кончили пир свой храбрые россияне, напоили гостей и легли за отечество». Киев, Чернигов в ужасе: половцы, торжествуя, ведут Игоря в плен, и девицы их «поют веселые песни на берегу синего моря, звеня русским золотом». Сочинитель молит всех князей соединиться для наказания половцев и говорит Всеволоду III: «ты можешь Волгу *раскропить* веслами, а Дон вычерпать шлемами» — Рюрику и Давиду: «ваши шлемы позлащенные издавна обагряются кровию; ваши мужественные витязи ярятся как дикие волы, уязвленные саблями калеными» — Роману и Мстиславу Волынским: «Литва, Ятвяги и половцы, бросая на землю свои копья, склоняют головы под ваши мечи булатные» — сыновьям Ярослава Луцкого, Ингварю, Всеволоду и третьему их брату: «о вы, славного гнезда *шестокрыльцы!* заградите поле врагу стрелами острыми». Он называет Ярослава Галицкого *Осмомыслом,* прибавляя: «сидя высоко на престоле златокованном, ты *подпираешь* горы Карпатские *железными* своими полками, затворяешь врата Дуная, отверзаешь путь к Киеву, пускаешь стрелы в земли отдаленные». В то ж время сочинитель оплакивает гибель одного киевского князя, убитого литовцами: «дружину твою, князь, птицы хищные приодели крыльями, а звери кровь ее полизали. Ты сам выронил *жемчужную* душу свою из мощного тела чрез златое ожерелье». В описании несчастного междоусобия владетелей российских и битвы Изяслава I с князем полоцким сказано: «на берегах Немена стелют они снопы головами, молотят цепами булатными, веют душу от тела»... О времена бедственные! Для сего нельзя было *пригвоздить* старого Владимира к горам киевским» (или сделать бессмертным)!.. Между тем супруга плененного Игоря льет слезы в Путивле, с городской стены смотря в чистое поле: «Для чего, о ветер сильный! легкими крылами своими навеял ты стрелы ханские на воинов моего друга? Разве мало тебе волновать синее море

и лелеять корабли на зыбях его?.. О Днепр славный! ты пробил горы каменные, стремяся в землю половецкую; ты нес на себе ладьи Святославовы до стана Кобякова: принеси же и ко мне друга милого, да не шлю к нему утренних слез моих в синее море!.. О солнце светлое! ты для всех тепло и красно: почто же знойными лучами своими изнурило ты воинов моего друга в пустыне безводной?..» Но Игорь уже свободен: обманув стражу, он летит на борзом коне к пределам отечества, стреляя гусей и лебедей для своей пищи. Утомив коня, садится на ладью и плывет Донцом в Россию. Сочинитель, мысленно одушевляя сию реку, заставляет оную приветствовать князя: «Не мало тебе, Игорь, величия, хану Кончаку досады, а русской земле веселия». Князь ответствует: «Не мало тебе, Донец, величия, когда ты лелеешь Игоря на волнах своих, стелешь мне траву мягкую на берегах *сребряных,* одеваешь меня теплыми мглами под сению древа зеленого, охраняешь гоголями на воде, чайками на струях, чернетьми на ветрах». Игорь, прибыв в Киев, едет благодарить всевышнего в храм Пирогощей Богоматери, и сочинитель, повторив слова Бояновы: «худо голове без плеч, худо плечам без головы», восклицает: «счастлива земля и весел народ, торжествуя спасение Игорево. Слава князьям и дружине!» Читатель видит, что сие произведение древности ознаменовано силою выражения, красотами языка живописного и смелыми уподоблениями, свойственными стихотворству юных народов.

Со времен Владимира Святого нравы долженствовали измениться в древней России, от дальнейших успехов христианства, гражданского общежития и торговли. Набожность распространялась: князья, вельможи, купцы строили церкви, заводили монастыри и нередко сами укрывались в них от сует мира. Достойные святители и пастыри церкви учили государей стыдиться злодеяний, внушаемых дикими, необузданными страстями, были ходатаями человечества и вступались за утесненных. Россияне, по старинному обыкновению, любили веселья, игрища, музыку, пляску; любили также вино, но хвалили трезвость как добродетель; явно имели наложниц, но оскорбитель целомудренной жены наказывался как убийца... Торговля питала роскошь, а роскошь требовала богатства: народ жаловался на корыстолюбие тиунов и князей. Летописцы XIII века с отменным жаром хвалят умеренность древних владетелей российских: «Прошли те благословенные времена (говорят они), когда го-

судари наши не собирали имения, а только воевали за отечество, покоряя чуждые земли; не угнетали людей налогами и довольствовались одними справедливыми вирами, отдавая и те своим воинам на оружие. Боярин не твердил государю: *мне мало двухсот гривен;* а кормился жалованьем и говорил товарищам: *«станем за князя, станем за русскую землю!* Тогда жены боярские носили не златые, а просто *серебряные* кольцы. Ныне другие времена!» — Однако ж ни миролюбивые правила христианства, ни торговля, ни роскошь не усыпляли ратного духа наших предков; даже самые уставы церковные питали оный: так воин накануне похода освобождался от всякой эпитимии. Сыновья княжеские возрастали в поле и в станах воинских; еще не достигнув лет юношества, уже садились на коней и мечом грозили врагу. К сожалению, сей дух воинственный не был управляем благоразумием человеколюбия в междоусобиях князей: злобствуя друг на друга, они без стыда разоряли отечество, жгли селения беззащитные, пленяли людей безоружных.

Наконец скажем, что если бы Россия была единодержавным государством (от пределов Днестра до Ливонии, Белого моря, Камы, Дона, Сулы), то она не уступила бы в могуществе никакой державе сего времени; спаслась бы, как вероятно, от ига татарского, и, находясь в тесных связях с Грециею, заимствуя художества ее, просвещение, не отстала бы от иных земель европейских в гражданском образовании. Торговля внешняя, столь обширная, деятельная, и брачные союзы Рюрикова потомства с домами многих знаменитейших государей христианских — императоров, королей, принцев Германии — делали наше отечество известным в отдаленных пределах Востока, Юга и Запада. К дошедшим до нас чужестранным известиям о тогдашней России принадлежит сказание испанского еврея, Вениамина, сына Ионы, о многих азиатских и европейских землях, им виденных. В 1173 году выехав из Сарагоссы, он долго путешествовал и записывал свои примечания, иногда с довольною подробностию; но упомянув о России, говорит только, что она весьма пространна; что в ней много лесов и гор; что жители от чрезмерного холода зимою не выходят из домов, ловят соболей и торгуют людьми.

Таким образом предложив читателю известия и некоторые мысли, служащие к объяснению наших древностей, обратимся к описанию важных происшествий.

Из главы VIII

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ГЕОРГИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ

1224—1238

Происхождение татар. — Чингисхан.— Его завоевания.— Половцы бегут в Россию.— Мнения о татарах.— Совет князей.— Избиение послов татарских.— Битва на Калке.— Правило татар.— Победители скрываются.— Удивление россиян.— Ужасные предзнаменования.— Новые междоусобия.— Происшествия в южной России.— Землетрясение.— Затмение солнца. — Мятеж в Новегороде.— Голод и мор.— Смерть Чингисхана.— Его завещание.— Новое нашествие татар или моголов.— Ответ князей.— Зараз.— Взятие Рязани.— Мужество Евпатия.— Коломенская битва.— Сожжение Москвы.— Взятие Владимира.— Опустошение многих городов.— Битва на Сити.— Герой Василько.— Спасение Новагорода.— Осада Козельска.— Отшествие Батыево.

В нынешней Татарии китайской, на юг от Иркутской губернии, в степях, неизвестных ни грекам, ни римлянам, скитались орды моголов, единоплеменных с восточными турками. Сей народ дикий, рассеянный, питаясь ловлею зверей, скотоводством и грабежом, зависел от татар *ниучей,* господствовавших в северной части Китая; но около половины XII века усилился и начал славиться победами. Хан его, именем Езукай Багадур, завоевал некоторые области соседственные, и скончав дни свои в цветущих летах, оставил в наследие тринадцатилетнему сыну, Темучину, 40 000 подвластных ему семейств или данников. Сей отрок, воспитанный матерью в простоте жизни пастырской, долженствовал удивить мир геройством и счастием, покорить миллионы людей и сокрушить государства, знаменитые сильными воинствами, цветущими искусствами, науками и мудростью своих древних законодателей.

По кончине Багадура многие из данников отложились от его сына. Темучин собрал 30 000 воинов, разбил мятежников и в семидесяти котлах, наполненных кипящею водою, сварил главных виновников бунта. Юный хан все еще признавал над собою власть монарха татарского и служил ему с честью в разных воинских предприятиях; но скоро, надменный блестящими успехами своего победоносного оружия, захотел независимости и первенства. Ужасать врагов местью, питать усердие друзей щедрыми наградами, казаться народу человеком сверхъестественным было его правилом. Все особенные начальники могольских и татарских орд добровольно или

от страха покорились ему: он собрал их на берегу одной быстрой реки, с торжественным обрядом пил ее воду и клялся делить с ними все *горькое* и *сладкое* в жизни. Но хан Керантский, дерзнув обнажить меч на сего второго Аттилу, лишился головы, и череп его, окованный серебром, был в Татарии памятником *Темучинова гнева.* В то время, как многочисленное войско могольское, расположенное в девяти станах близ источников реки Амура, под шатрами разноцветными, с благоговением взирало на своего юного монарха, ожидая новых его повелений, явился там какой-то святый пустынник, или мнимый пророк, и возвестил собранию, что бог отдает Темучину всю землю и что сей владетель мира должен впредь именоваться *Чингисханом* или Великим ханом. Воины, чиновники единодушно изъявили ревность быть орудиями воли небесной: народы следовали их примеру. Киргизы южной Сибири и славные просвещением игуры или уйгоры, обитавшие на границах Малой Бухарии, назвалися подданными Чингисхана. Сии игоры, обожая идолов, терпели у себя магометан и христиан несторианских; любили науки, художества и сообщили грамоту всем другим народам татарским. Царь Тибета также признал Чингисхана своим повелителем.

Достигнув столь знаменитой степени величия, сей гордый хан торжественно отрекся платить дань монарху Ниучей и северных областей Китая, велев сказать ему в насмешку: «Китайцы издревле называют своих государей *сынами неба;* а ты *человек* — и смертный!» Большая каменная стена, служащая оградою для Китая, не остановила храбрых моголов: они взяли там 90 городов, разбили бесчисленное войско неприятельское, умертвили множество пленных старцев как людей бесполезных. Монарх Ниучей обезоружил своего жестокого врага, дав ему 500 юношей и столько же девиц прекрасных, 3000 коней, великое количество шелка и золота; но Чингисхан, вторично вступив в Китай, осадил столицу его, или нынешний Пекин. Отчаянное сопротивление жителей не могло спасти города. Моголы овладели им (в 1215 году) и зажгли дворец, который горел около месяца. Свирепые победители нашли в Пекине богатую добычу и мудреца, именем Иличуцая, родственника последних императоров китайских, славного в истории благодетеля людей: ибо он, заслужив любовь и доверенность Чингисхана, спас миллионы несчастных от погибели, умерял его жестокость и давал ему мудрые советы для образования диких моголов.

Еще татары-ниучи противоборствовали Чингисхану: оставив сильную рать в Китае, под начальством мужественного предводителя, он устремился к странам западным, и сие движение войска его сделалось причиною бедствий для России. Мы говорили о турках альтайских: хотя они, утесненные с одной стороны китайцами, а с другой аравитянами (в XII веке завладевшими Персиею), утратили силу и независимость свою; но единоплеменники их, служив долгое время калифам, освободились наконец от ига и были основателями разных государств могущественных. Так в исходе XI века монарх турков-сельчуков, именем Челаддин, господствовал от моря Каспийского и Малой Бухарии до реки Гангеса, Иерусалима, Никеи, и давал повеления багдадскому калифу, Папе магометан. Сие государство исчезло, ослабленное распрями частных его владетелей и завоеваниями крестоносцев в Азии: на развалинах его, в конце XII столетия, возвеличилась новая турецкая династия монархов Харазских или Хивинских, которые завладели большею частию Персии и Бухариею. В сие время там царствовал Магомет II, гордо называясь вторым Александром Великим: Чингисхан имел к нему уважение, искал его дружбы, хотел заключить с ним выгодный для обоих союз: но Магомет велел умертвить послов монгольских... Тогда Чингисхан прибегнул к суду неба и меча своего; три ночи молился на горе и торжественно объявил, что бог во сновидении обещал ему победу устами епископа христианского, жившего в земле игуров. Сие обстоятельство, вымышленное для ободрения суеверных, было весьма счастливо для христиан: ибо они с того времени пользовались особенным благоволением хана могольского. Началась война, ужасная остервенением варварства и гибельная для Магомета, который, имея рать бесчисленную, но видя мужество неприятелей, боялся сразиться с ними в поле и думал единственно о защите городов. Сия часть Верхней Азии, именуемая Великою Бухариею (а прежде Согдианою и Бактриею), издревле славилась не только плодоносными своими долинами, богатыми рудами, лесами тенистыми, изобилием вкусных рыб в чистых водах ее, но и просвещением народным, художествами, торговлею, многолюдными городами и цветущею столицею, доныне известною под именем Бохары, где находилось знаменитое училище для юношей магометанской веры. Бохара не могла сопротивляться: Чингисхан, приняв городские ключи из рук старейшин, въехал на коне в главную мечеть и, видя там

лежащий Алкоран, с презрением бросил его на землю. Столица была обращена в пепел. Самарканд, укрепленный искусством, заключал в стенах своих около ста тысяч ратников и множество слонов, главную опору древних воинств Азии: несмотря на то, граждане прибегнули к великодушию моголов, которые, взяв с них 200 000 золотых монет, еще не были довольны: умертвили 30 000 пленников и такое же число оковали цепями вечного рабства. Хива, Термет, Балх (где находилось 1200 мечетей и 200 бань для странников) испытали подобную же участь, вместе со многими иными городами, и свирепые воины Чингисхановы в два или три года опустошили всю землю от моря Аральского до Инда так, что она в течение шести следующих веков уже не могла вновь достигнуть до своего прежнего цветущего состояния. Магомет, гонимый из места в место жестоким, неумолимым врагом, уехал на один остров Каспийского моря, и там в отчаянии кончил жизнь свою.

В сие время — около 1223 года — желая овладеть западными берегами моря Каспийского, Чингисхан отрядил двух своих знаменитых военачальников, Судая Баядура и Чепновиана, с повелением взять Шамаху и Дербент. Первый город сдался, и моголы хотели идти самым кратчайшим путем к Дербенту, построенному, вместе с Каспийскою стеною, в VI веке славным царем персидским Хозроем I, или Нуширваном, для защиты государства его от козаров. Но обманутые путеводителями моголы зашли в тесные ущелья и были со всех сторон окружены аланами — ясами, жителями Дагестана — и половцами, готовыми к жестокому бою с ними. Видя опасность, военачальник Чингисханов прибегнул к хитрости, отправил дары к половцам и велел сказать им, что они, будучи *единоплеменниками* моголов, не должны восставать на своих братьев и дружиться с аланами, которые совсем иного рода. Половцы, обольщенные таким ласковым приветствием или дарами, оставили союзников, а моголы, пользуясь сим благоприятным случаем, разбили алан. Скоро главный хан половецкий именем Юрий Кончакович, раскаялся в своей оплошности, и видя, что мнимые братья намерены господствовать в его земле, хотел бежать в степи; но моголы умертвили его, также другого князька, Данила Кобяковича, и гнались за их товарищами до Азовского моря и до вала половецкого, или до самых наших границ; покорили ясов, абазинцев, касогов или черкесов и вообще семь народов в окрестностях азовских.

Многие половцы ушли в Киевскую область с своими женами, скотом и богатством. В числе беглецов находился знаменитый Котян, тесть Мстислава Галицкого: сей хан взволновал Россию вестию о нашествии моголов; дарил князей вельблюдами, конями, буйволами, прекрасными невольницами, и говорил: «ныне они взяли нашу землю; завтра возьмут вашу». Россияне ужаснулись и в изумлении спрашивали друг у друга, кто сии пришельцы, до того времени неизвестные? Некоторые называли их таурменами, другие печенегами, но вообще татарами. Суеверные рассказывали, что сей народ, еще за 1200 лет до рождества христова побежденный Гедеоном и некогда заключенный в пустынях северо-востока, долженствовал пред концом мира явиться в Азии, в Европе и завоевать всю землю. Храбрый князь Галицкий, пылая ревностию отведать счастия с новым и столь уже славным врагом, собрал князей на совет в Киеве и представлял убедительно, что благоразумие и государственная польза обязывают их вооружиться; что утесненные половцы, будучи оставлены ими, непременно соединятся с татарами и наведут их на Россию; что лучше сразиться с опасным неприятелем вне отечества, нежели впустить его в свои границы. Мстислав Романович Киевский (называемый в летописях Старым и Добрым), князь Черниговский того же имени (брат Всеволода Чермного) и Мстислав Галицкий председательствовали в совете, где находились также пылкие юноши, Даниил Романович Волынский,— Михаил, сын Чермного, и бывший князь Новогородский, Всеволод Мстиславич. Они долго рассуждали: наконец единодушно положили искать неприятеля. Половцы радовались, изъявляя благодарность, и хан их Бастый принял тогда же веру христианскую.

Уже войско наше стояло на Днепре у Заруба и *Варяжского* острова: там явились десять послов татарских. «Слышим» — говорили они князьям российским — «что вы, обольщенные половцами, идете против нас; но мы ничем не оскорбили россиян: не входили к вам в землю; не брали ни городов, ни сел ваших, а хотим единственно наказать половцев, своих рабов и *конюхов*. Знаем, что они издревле враги России: будьте же нам друзьями; пользуясь случаем, отмстите им ныне, истребите злодеев и возьмите их богатство». Сие благоразумное миролюбие показалось нашим князьям или робостью или коварством: забыв правила народной чести, они велели умертвить послов; но татары еще прислали новых, которые, встретив войско российское, в семнадцатый день его

похода, на берегах Днепра, близ Олешья, сказали князьям: «И так вы, слушаясь половцев, умертвили наших послов и хотите битвы? да будет! Мы вам не сделали зла. Бог един для всех народов: он нас рассудит». Князья, как бы удивленные великодушием татар, отпустили сих послов, и ждали остального войска. Мстислав Романович, Владимир Рюрикович и князья Черниговских уделов привели туда, под своими знаменами, жителей Киева, Смоленска, Путивля, Курска, Трубчевска. С ними соединились волынцы и галичане, которые на 1000 ладьях плыли Днестром до моря, вошли в Днепр и стали у реки Хортицы. Половцы также стекались к россиянам толпами. Войско наше расположилось станом на правом берегу Днепра. Услышав, что отряд татарский приближается для наблюдения россиян, юный князь Даниил, будучи на той стороне реки, сел на коня и с некоторыми любопытными товарищами поскакал навстречу к неприятелю. Осмотрев сие новое для них войско, они возвратились с донесением ко Мстиславу Галицкому. Но вести были не согласны: легкомысленные юноши сказывали, что татары суть худые ратники, и не достойны уважения; а воевода, пришедший из Галича с ладьями, именем Юрий Домаречич, уверял, что сии враги кажутся опытными, знающими и стреляют лучше половцев. Молодые князья нетерпеливо хотели вступить в бой: Мстислав Галицкий, с тысячью воинов ударив на отряд неприятельский, разбил его совершенно. Стрелки наши оказали в сем деле искусство и мужество. Летописцы говорят, что татары, желая спасти начальника своего, Гемябека, скрыли его в яме, но что россияне нашли, а половцы, с дозволения Мстиславова, умертвили сего могольского чиновника.

Надменные первым успехом, и взяв в добычу множество скота, все россияне переправились за Днепр, и шли девять дней до реки Калки (ныне Калеца в Екатеринославской губернии, близ Мариуполя), где была легкая сшибка с неприятелем. Мстислав Галицкий, поставив войско свое на левом берегу Калки, велел Яруну, начальнику половцев, и Даниилу с российскою дружиною идти вперед; а сам ехал на коне за ними, и скоро увидел многочисленное войско татар. Битва началася. Пылкий Даниил изумил врагов мужеством; вместе с Олегом Курским теснил густые толпы их и, копьем в грудь уязвленный, не думал о своей ране. Мстислав *Немой*, брат Ингваря Луцкого, спешил дать ему помощь, и крепкою мышцею разил неприятелей. Но малодушные

половцы не выдержали удара моголов; смешались, обратили тыл; в беспамятстве ужаса устремились на россиян, смяли ряды их и даже отдаленный стан, где два Мстислава, Киевский и Черниговский, еще не успели изготовиться к битве: ибо Мстислав Галицкий, желая один воспользоваться честию победы, не дал им никакой вести о сражении. Сие излишнее славолюбие героя столь знаменитого, погубило наше войско: россияне, приведенные в беспорядок, не могли устоять. Юный Даниил вместе с другими искал спасения в бегстве; прискакав к реке, остановил коня, чтобы утолить жажду, и тогда единственно почувствовал свою рану. Татары гнали россиян до самого Днепра, убив их множество, и в том числе шесть князей: Святослава Яновского, Изяслава Ингваровича, Святослава Шумского, Мстислава Черниговского с сыном, Юрия Несвижского; также отличного витязя, именем Александра Поповича, и еще 70 славных богатырей. Земля Русская, по словам летописцев, от начала своего не видала подобного бедствия: войско прекрасное, бодрое, сильное, совершенно исчезло; едва десятая часть его спаслася; одних киевлян легко на месте 10 000. Самые мнимые друзья наши, половцы, виновники сей войны и сего несчастия, убивали россиян, чтобы взять их коней или одежду. Мстислав Галицкий, испытав в первый раз ужасное непостоянство судьбы, изумленный, горестный, бросился в ладью, переехал за Днепр и велел истребить все суда, чтобы татары не могли за ним гнаться. Он уехал в Галич; а Владимир Рюрикович Смоленский в Киев.

Между тем Мстислав Романович Киевский еще оставался на берегах Калки в укрепленном стане, на горе каменистой; видел бегство россиян и не хотел тронуться с места: достопамятный пример великодушия и воинской гордости! Татары приступали к сему укреплению, три дни бились с россиянами, не могли одолеть и предложили Мстиславу Романовичу выпустить его свободно, если он даст им окуп за себя и за дружину. Князь согласился: воевода *Бродников*, именем Плоскиня, служа тогда моголам, от имени их клялся в верном исполнении условий; но обманул россиян, и связав несчастного Мстислава вместе с двумя его зятьями, князем Андреем и Александром Дубровецким, выдал их полководцам Чингисхановым. Остервененные жестоким сопротивлением великодушного Мстислава Киевского и вспомнив убиение своих послов в нашем стане, моголы изрубили всех россиян, трех князей задушили под досками, и сели пиро-

вать на их трупах! — Таким образом заключилась сия первая кровопролитная битва наших предков с моголами, которые, по известию татарского историка, умышленно заманили россиян в опасную степь и сражались с ними целые семь дней.

Полководцы Чингисхановы шли за бегущим остатком российского войска до самого Днепра. Жители городов и сел, в надежде смягчить их свирепость покорностью, выходили к ним навстречу со крестами; но татары безжалостно убивали и граждан и земледельцев, следуя правилу, что побежденные не могут быть друзьями победителей и что смерть первых нужна для безопасности вторых. Вся южная Россия трепетала: народ, с воплем и стенанием ожидая гибели, молился в храмах — и бог на сей раз услышал его молитву. Татары, не находя ни малейшего сопротивления, вдруг обратились к Востоку и спешили соединиться с Чингисханом в Великой Бухарии, где сей дикий герой, собрав всех полководцев и князей, на общем сейме давал законы странам завоеванным. Он с удовольствием встретил свое победоносное войско, возвратившееся от Днепра: с любопытством слушал донесение вождей, хвалил их и щедро наградил за оказанное ими мужество. Оскорбленный тогда могущественным царем тангутским, Чингисхан пошел сокрушить его величие.

Россия отдохнула: грозная туча как внезапно явилась над ее пределами, так внезапно и сокрылась. «Кого бог во гневе своем насылал на землю Русскую?» говорил народ в удивлении: «откуда приходили сии ужасные иноплеменники? куда ушли? известно одному небу и людям искусным в книжном учении».— Селения, опустошенные татарами на восточных берегах Днепра, еще дымились в развалинах; отцы, матери, друзья оплакивали убитых: но легкомысленный народ совершенно успокоился, ибо минувшее зло казалось ему последним.

Князья южной России, готовясь идти на моголов, требовали помощи от Великого князя Георгия. Племянник его, Василько Константинович, шел к ним с дружиною ростовскою и стоял уже близ Чернигова: там сведал он о несчастии их и возвратился к дяде, благодаря небо за спасение жизни и воинской чести своей. Не предвидя будущего, владимирцы утешались мыслию, что бог избавил их от бедствия, претерпенного другими россиянами. Георгий, некогда уничиженный Мстиславом Галицким, мог даже с тайным удовольствием видеть его в злополучии: долговременная слава и победы сего героя возбуждали зависть.— Но скоро несчастные для суеверных зна-

мения произвели общий страх в России (и во всей Европе). Явилась комета, звезда величины необыкновенной, и целую неделю в сумерки показывалась на западе, озаряя небо лучом блестящим. В сие же лето сделалась необыкновенная засуха: леса, болота воспламенялись; густые облака дыма затмевали свет солнца; мгла тяготила воздух, и птицы, к изумлению людей, падали мертвые на землю. Вспомнили, что в княжение Всеволода I было такое же лето в России и что отечество наше стенало тогда от врагов иноплеменных, голода и язвы.

Провидение, действительно готовое искусить Россию всеми возможными для государства бедствиями, еще на несколько лет отложило их; а россияне как бы спешили воспользоваться сим временем, чтобы свежую рану отечества растравить новыми междоусобиями. Юный сын Георгиев, исполняя тайное повеление отца, вторично уехал из Новагорода со всем двором своим и занял Торжок, куда скоро прибыл и сам Георгий, брат его Ярослав, племянник Василько и шурин Михаил, князь Черниговский. Они привели войско с собою, грозя Новугороду: ибо Великий князь досадовал на многих тамошних чиновников за их надменность. Новогородцы отправили к Георгию двух послов и хотели, чтобы он выехал из Торжка, отпустив к ним сына; а Великий князь требовал, чтобы они выдали ему некоторых знаменитых граждан, и сказал: «я поил коней своих Тверцою: напою и Волховом». Воспоминая с гордостию, что сам Андрей Боголюбский не мог их смирить оружием, новогородцы укрепили стены свои, заняли войском все важные места на пути к Торжку и чрез новых послов ответствовали Георгию: «Князь! мы тебе кланяемся, но своих братьев не выдадим. Дерзнешь ли на кровопролитие? у тебя меч, у нас головы: умрем за Святую Софию». Георгий смягчился; вступили в переговоры, и шурин его, Михаил Черниговский, поехал княжить в Новгород.

Правление сего князя было мирно и счастливо. «Вся область наша» — говорит летописец новгородский — «благословляла свой жребий, не чувствуя никакой тягости». Георгий вышел из Торжка, захватив казну новогородскую и достояние многих частных людей: Михаил, провождаемый знаменитыми чиновниками, ездил в Владимир и согласил Георгия возвратить сию незаконную добычу. Народ любил князя; но Михаил считал себя пришельцем в северной России. Выехав из Чернигова в то время, когда татары приближались к Днепру, он стремился душою к своей отчизне, где снова царствовали ти-

шина и безопасность. Напрасно усердные новогородцы доказывали ему, что князь, любимый народом, не может с покойною совестью оставить его: Михаил на *Дворе Ярослава* простился с ними, сказав им, что Чернигов и Новгород должны быть как бы единою землею, а жители братьями и друзьями; что свободная торговля и гостеприимство свяжут их узами общих выгод и благоденствия. Нередко задерживая у себя князей ненавистных, новогородцы давали волю добрым жить с ними, или, говоря тогдашним языком, *поклониться Святой Софии:* изъявили благодарность Михаилу, отпустили его с великою честию и послали за Ярославом-Феодором.

Доселе, описав несчастную Калкскую битву, говорили мы только о происшествиях северной России: обратим взор на полуденную. Михаил, возвратясь (в 1225 году) из Новагорода в Чернигов, нашел опасного неприятеля в Олеге Курском и требовал помощи от Георгия, своего зятя, который сам привел к нему войско. К счастию, там был киевский митрополит Кирилл, родом грек, присланный константинопольским патриархом из Никеи. Сей муж ученый, благонамеренный, отвратил войну и примирил врагов: после чего Михаил княжил спокойно, будучи союзником Георгия, который, женив племянника, Василька, на его дочери, отдал южный Переяславль, как удел Великого княжения Суздальского, другому племяннику, Всеволоду Константиновичу, а чрез год брату Святославу. Древняя вражда Ольговичей и Мономаховых потомков казалась усыпленною. Те и другие равно уважали знаменитого Мстислава Галицкого, их главу и посредника.

Новогородцы, озабоченные набегом литовцев в окрестностях Селигерского озера, не могли отмстить Ярославу за обиду; разбили неприятелей в поле, но скоро увидели гораздо ужаснейшее зло в стенах своих. Предтечею его было землетрясение, общее во всей России и еще сильнейшее в южной, так что каменные церкви раседались. Удар почувствовали в самую обедню, когда Владимир Рюрикович Киевский, бояре и митрополит праздновали в Лавре память св. Феодосия; трапезница, где уже стояло кушанье для монахов и гостей, поколебалась на своем основании: кирпичи падали сверху на стол. Чрез десять дней необыкновенное затмение солнца и разноцветные облака на небе, гонимые сильным ветром, также устрашили народ, особенно в Киеве, где суеверные люди ждали конца своего, стенали на улицах и прощались друг с другом.

Михаил, как бы желая ободрить новогородцев, подобно другим изумленным сими явлениями, приезжал к ним на несколько дней, совершил обряд торжественных *постриг* над юным Ростиславом и возвратился в Чернигов. Посадником новогородским был тогда Водовик, человек свирепого нрава, мстительный, злобный. Вражда его с сыном знаменитого Твердислава, чиновника гордого, друга буйной вольности, а после смиренного инока Аркадьевской обители, произвела междоусобие в городе. Народ волновался, шумел на вечах: то посадник, то неприятели его одерживали верх; дрались, жгли домы, грабили. Свирепый Водовик собственною рукою убил наконец одного из главных его врагов и бросил в Волхов; другие скрылись или бежали к Ярославу. «Небо» — говорит летописец — «оскорбленное сими беззакониями, от коих ангелы с печалию закрывают лица свои крыламн, наказало мое отечество». Жестокий мороз 14 сентября побил все озими; цена на хлеб сделалась неслыханная: за четверть ржи платили в Новегороде пять гривен или около семи нынешних рублей (серебром), за пшеницу и крупу вдвое; за четверть овса 4 рубли 65 копеек. Хотя жители славились богатством, но сия неумеренная дороговизна истощила все средства пропитания для города. Открылись голод, болезни и мор. Добрый архиепископ, как истинный друг отечества, не имея способов прекратить зло, старался по крайней мере уменьшить действие оного. Трупы лежали на улицах: он построил скудельницу, или убогий дом, и выбрал человеколюбивого мужа, именем Станила, для скорого погребения мертвых, чтобы тление их не заражало воздуха. Станил с утра до вечера вывозил трупы и в короткое время схоронил их 3030. С нетерпением ожидали князя: ибо он дал слово возвратиться к ним в сентябре месяце и выступить в поле для защиты их областей; но Михаил переменил мысли и желал мира с Ярославом, готовым объявить ему войну за Новгород. Митрополит Кирилл, Порфирий, епископ Черниговский и посол Владимира Рюриковича Киевского приехали к Великому князю Георгию, моля его, для общей пользы государства, быть миротворцем. Ярослав упрекал Черниговского князя *вероломством.* «Коварные его внушения» — говорил он — «возбудили против меня новогородцев». Однако ж митрополит и Георгий успели в благом деле своем, и послы возвратились с мирною грамотою.

Узнав о том, новогородцы велели сказать юному Михайлову сыну, уехавшему в Торжок с посадником Водо-

виком, что отец его изменил им и не достоин уже быть их главою; чтобы Ростислав удалился и что они найдут себе иного князя. Народ избрал нового посадника и тысячского, разграбил домы и села прежних чиновников, умертвил одного славного корыстолюбием гражданина и взял себе найденное у них богатство. Водовик ушел с друзьями своими к Михаилу в Чернигов, где скоро умер в бедности; а новогородцы призвали Ярослава, который дал им на вече торжественную клятву действовать во всем согласно с древними обыкновениями их вольности; но чрез две недели уехал в Переславль Залесский, вторично оставив в Новегороде двух сыновей, Феодора и Александра.

Между тем голод и мор свирепствовали. За четверть ржи платили уже гривну серебра или семь гривен кунами. Бедные ели мох, желуди, сосну, ильмовый лист, кору липовую, собак, кошек и самые трупы человеческие; некоторые даже убивали людей, чтобы питаться их мясом: но сии злодеи были наказаны смертию. Другие в отчаянии зажигали домы граждан избыточных, имевших хлеб в житницах, и грабили оные; а беспорядок и мятеж только увеличивали бедствие. Скоро две новые скудельницы наполнились мертвыми, которых было сочтено до 42 000; на улицах, на площади, на мосту гладные псы терзали множество непогребенных тел и самых живых оставленных младенцев; родители, чтобы не слыхать вопля детей своих, отдавали их в рабы чужеземцам. «Не было жалости в людях», говорит летописец: «казалось, что ни отец сына, ни мать дочери не любит. Сосед соседу не хотел уломить хлеба!» Кто мог, бежал в иные области; но зло было общее для всей России, кроме Киева: в одном Смоленске, тогда весьма многолюдном, умерло более тридцати тысяч людей.

После несчастной Калкской битвы россияне лет шесть не слыхали о татарах, думая, что сей страшный народ, подобно древним обрам, как бы исчез в свете. Чингисхан, совершенно покорив Тангут, возвратился в отчизну и скончал жизнь — славную для истории, ужасную и ненавистную для человечества — в 1227 году, объявив наследником своим Октая или Угадая, старшего сына, и предписав ему давать мир одним побежденным народам: важное правило, коему следовали римляне, желая повелевать вселенною! Довершив завоевание северных областей китайских и разрушив империю ниучей, Октай жил во глубине Татарии, в великолепном дворце, украшенном китайскими художниками; но пылая славолюбием и

ревностию исполнить волю отца — коего прах, недалеко от сего места, лежал под сеиию высочайшего дерева — новый хаи дал 300 000 воинов Батыю, своему племяннику, и велел ему покорить северные берега моря Каспийского с дальнейшими страиами. Сие предприятие решило судьбу нашего отечества.

Уже в 1229 году какие-то *саксины* — вероятио, единоплемениые с киргизами — половцы и стража болгарская, от берегов Яика гоиимые татарами или моголами, прибежали в Болгарию с известием о иашествии сих грозных завоевателей. Еще Батый медлил; наконец, чрез три года, пришел зимовать в окрестностях Волги, недалеко от Великого города; в 1237 году, осеиью, обратил в пепел сию болгарскую столицу, и велел умертвить жителей. Россияне едва имели время узнать о том, когда моголы, сквозь густые леса, вступили в южную часть Рязанской области, послав к нашим князьям какую-то *жену чародейку* и двух чиновников. Владетели рязанские — Юрий, брат Иигворов, Олег и Ромаи Иигворовичи, также Проиский и Муромский — сами встретили их на берегу Вороиежа и хотели зиать иамереиие Батыево. Татары уже искали в России ие друзей, как прежде, но даиииков и рабов. «Если желаете мира» — говорили послы — «то десятая часть всего вашего достояиия да будет наша». Князья ответствовали великодушио: «когда из нас никого в живых не остаиется, тогда все возьмите», и велели послам удалиться. Оии с таким же требоваиием поехали к Георгию в Владимир; а князья рязаиские, дав ему зиать, что пришло время крепко стать за отечество и веру, просили от него помощи. Но Великий князь, надменный своим могуществом, хотел один управиться с татарами, и с благородиою гордостию отвергнув их требоваиие, предал им Рязаиь в жертву. Провидение, готовое наказать людей, ослепляет их разум.

Некоторые летописцы иовейшие рассказывают следующие обстоятельства: Юрий Рязанский, оставлеииый Великим киязем, послал сыиа своего, Феодора, с дарами к Батыю, который, узиав о красоте жеиы Феодоровой, Евпраксии, хотел видеть ее; ио сей юный киязь ответствовал ему, что христиаие не показывают жеи злочестивым язычиикам, и Батый велел умертвить его; а иесчастная Евпраксия, сведав о погибели иежиюго, любимого супруга, вместе с младенцем своим, Иоаином, бросилась из высокого терема иа землю и лишилась жизни. С того времени сие место, в память ее, называется *заразом*, или убоем. Отец Феодоров, Юрий, выступил в поле с вой-

ском малочисленным, и россияне в кровопролитной битве отличились мужеством; но превосходная сила одержала победу. Многие князья, пронский, коломенский, муромский, легли на месте со всеми нашими витязями. Только одного князя, Олега Ингворовича Красного, привели живого к Батыю, который, будучи удивлен его красотою, предлагал ему свою дружбу и веру: Олег с презрением отвергнул ту и другую; исходил кровию от многих ран и не боялся угроз, ибо не страшился смерти.— В летописях современных нет о том ни слова: последуем их достовернейшим известиям.

Батый двинул ужасную рать свою к столице Юриевой, где сей князь затворился. Татары на пути разорили до основания Пронск, Белгород, Ижеславец, убивая всех людей без милосердия, и приступив к Рязани, оградили ее тыном или острогом, чтобы тем удобнее биться с осажденными. Кровь лилася пять дней: воины Батыевы переменялись, а граждане, не выпуская оружия из рук, едва могли стоять на стенах от усталости. В шестой день, декабря 21, рано поутру, татары, приготовив лестницы, начали действовать стенобитными орудиями и зажгли крепость; сквозь дым и пламя вломились в улицы, истребляя все огнем и мечом. Князь, супруга, мать его, бояре, народ были жертвою их свирепости. Веселяся отчаянием и муками людей, варвары Батыевы распинали пленников, или связав им руки, стреляли в них как в цель для забавы; оскверняли святыню храмов насилием юных монахинь, знаменитых жен и девиц, в присутствии издыхающих супругов и матерей; жгли иереев или кровию их обагряли алтари. Весь город с окрестными монастырями обратился в пепел. Несколько дней продолжались убийства. Наконец исчез вопль отчаяния: ибо уже некому было стенать и плакать. На сем ужасном феатре опустошения и смерти ликовали победители, снося со всех сторон богатую добычу.— Один из князей рязанских, Ингорь, по сказанию новейших летописцев, находился тогда в Чернигове с боярином Евпатием Коловратом. Сей боярин, сведав о нашествии иноплеменников, спешил в свою отчизну; но Батый уже выступил из ее пределов. Пылая ревностию отмстить врагам, Евпатий с 1700 воинов устремился вслед за ними, настиг и быстрым ударом смял их полки задние. Изумленные татары думали, что мертвецы рязанские восстали, и Батый спросил у пяти взятых его войском пленников, кто они? *Слуги князя Рязанского, полку Евпатиева,* ответствовали сии люди: *нам велено с честию проводить тебя, как*

государя знаменитого, и как россияне обыкновенно провождают от себя иноплеменников: стрелами и копьями. Горсть великодушных не могла одолеть рати бесчисленной: Евпатий и смелая дружина его имели только славу умереть за отечество; не многие отдалися в плен живые, и Батый, уважая столь редкое мужество, велел освободить их. Между тем Ингорь возвратился в область Рязанскую, которая представилась глазам его в виде страшной пустыни или неизмеримого кладбища: там, где цвели города и селения, остались единственно кучи пепла и трупов, терзаемых хищными зверями и птицами. Убитые князья, воеводы, тысячи достойных витязей лежали рядом на мерзлом ковыле, занесенные снегом. Только изредка показывались люди, которые успели скрыться в лесах и выходили оплакивать гибель отечества. Ингорь, собрав иереев, которые спаслися от смерти, с горестными священными песнями предал земле мертвых. Он едва мог найти тело князя Юрия и привез его в Рязань; а над гробами Феодора Юрьевича, нежной его супруги Евпраксии и сына поставил каменные кресты, на берегу реки Осетра, где стоит ныне славная церковь Николая Заразского.

Батый близ Коломны встретил сына Георгиева, Всеволода. Сей юный князь соединился с Романом Ингоровичем, племянником Юрия Рязанского, и неустрашимо вступил в битву, весьма неравную. Знаменитый воевода его, Еремей Гребович, князь Роман и большая часть их дружины погибли от мечей татарских; а Всеволод бежал к отцу в Владимир. Батый в то же время сжег Москву, пленил Владимира, второго сына Георгиева, умертвил тамошнего воеводу, Филиппа Няньку, и всех жителей, от стариков до младенцев. Великий князь содрогнулся: увидел, сколь опасны сии неприятели, и выехал из столицы, поручив ее защиту двум сыновьям, Всеволоду и Мстиславу. Георгий удалился в область Ярославскую с тремя племянниками, детьми Константина, и с малою дружиною; расположился станом на берегах Сити, впадающей в Мологу; начал собирать войско и с нетерпением ждал прибытия своих братьев, особенно бодрого, умного Ярослава.

2 февраля татары явились под стенами Владимира: народ с ужасом смотрел на их многочисленность и быстрые движения. Всеволод, Мстислав и воевода, Петр Ослядюкович, ободряли граждан. Чиновники Батыевы, с конным отрядом подъехав к Златым вратам, спрашивали, где Великий князь, в столице или в отсутствии? Вла-

димирцы, вместо ответа, пустили несколько стрел; неприятели также, но кричали нашим: *не стреляйте!* и россияне с горестью увидели пред стеною юного Владимира Георгиевича, плененного в Москве Батыем. «Узнаете ли вашего князя?» говорили татары. Владимира действительно трудно было узнать: столь он переменился в несчастии, терзаемый бедствием России и собственным! Братья его и граждане не могли удержаться от слез; однако ж не хотели показывать слабости и слушать предложений врага надменного. Татары удалились; объехали весь город и поставили шатры свои против Златых врат, в виду. Пылая мужеством, Всеволод и Мстислав желали битвы. «Умрем» — говорили они дружине — «но умрем с честию и в поле». Опытный воевода Петр удержал их, надеясь, что Георгий, собрав войско, успеет спасти отечество и столицу.

Батый немедленно отрядил часть войска к Суздалю. Сей город не мог сопротивляться: взяв его, татары по своему обыкновению истребили жителей, но кроме молодых иноков, инокинь и церковников, взятых ими в плен. Февраля 6 владимирцы увидели, что неприятель готовит для приступа орудия стенобитные и лестницы; а в следующую ночь огородил всю крепость тыном. Князья и бояре ожидали гибели: еще могли бы просить мира; но зная, что Батый милует только рабов или данников, и любя честь более жизни, решились умереть великодушно. Открылось зрелище достопамятное, незабвенное: Всеволод, супруга его, вельможи и многие чиновники собрались в храме богоматери и требовали, чтобы епископ Митрофан облек их в схиму или в великий образ ангельский. Священный обряд совершился в тишине торжественной: знаменитые россияне простились с миром, с жизнию, но стоя на праге смерти, еще молили небо о спасении России, да не погибнет навеки ее любезное имя и слава! Февраля 7, в воскресенье мясопустное, скоро по заутрене, начался приступ: татары вломились в новый город у Златых врат, Медных и Святой Ирины, от речки Лыбеди; также от Клязьмы у врат Волжских. Всеволод и Мстислав с дружиною бежали в Старый или так называемый Печерный город; а супруга Георгиева, Агафия, дочь его, снохи, внучата, множество бояр и народа затворились в Соборной церкви. Неприятель зажег оную: тогда епископ, сказав громогласно: «Господи! простри невидимую руку свою и приими в мире души рабов твоих», благословил всех людей на смерть неизбежную. Одни задыхались от дыма; иные погибали в пламени

или от мечей неприятеля: ибо татары отбили наконец двери и ворвались в святой храм, слышав о великих его сокровищах. Серебро, золото, драгоценные каменья, все украшения икон и книг, вместе с древними одеждами княжескими, хранимыми в сей и в других церквах, сделались добычею иноплеменников, которые, плавая в крови жителей, немногих брали в плен; и сии немногие, будучи нагие влекомы в стан неприятельский, умирали от жестокого мороза. Князья Всеволод и Мстислав, не видя уже никакой возможности отразить неприятелей, хотели пробиться сквозь их толпы и положили свои головы вне города.

Завоевав Владимир, татары разделились: одни пошли к Волжскому Городцу и костромскому Галичу, другие к Ростову и Ярославлю, уже нигде не встречая важного сопротивления. В феврале месяце они взяли, кроме слобод и погостов, четырнадцать городов Великого княжения — Переславль, Юрьев, Дмитров — то есть опустошили их, убивая или пленяя жителей. Еще Георгий стоял на Сити: узнав о гибели своего народа и семейства, супруги и детей, он проливал горькие слезы и, будучи усердным христианином, молил бога даровать ему терпение Иова. Чрезвычайные бедствия возвеличивают душу благородную: Георгий изъявил достохвальную твердость в несчастии; забыл свою печаль, когда надлежало действовать; поручил воеводство дружины боярину Ярославу Михалковичу и готовился к решительной битве. Передовой отряд его, составленный из 3000 воинов под начальством Дорожа, возвратился с известием, что полки Батыевы уже обходят их. Георгий, брат его Святослав и племянники сели на коней, устроили войско и встретили неприятеля. Россияне бились мужественно и долго; наконец обратили тыл. Георгий пал на берегу Сити. Князь Василько остался пленником в руках победителя.

Сей достойный сын Константинов гнушался постыдною жизнью невольника. Изнуренный подвигами жестокой битвы, скорбию и голодом, он не хотел принять пищи от руки врагов. «Будь нашим другом и воюй под знаменами великого Батыя!» говорили ему татары. «Лютые кровопийцы, враги моего отечества и Христа, не могут быть мне друзьями», ответствовал Василько: «о темное царство! есть бог, и ты погибнешь, когда исполнится мера твоих злодеяний». Варвары извлекли мечи и скрежетали зубами от ярости: великодушный князь молил бога о спасении России, церкви православной и двух

юных сыновей его, Бориса и Глеба.— Татары умертвили Василька и бросили в Шеренском лесу.— Между тем ростовский епископ Кирилл, возвращаясь из Белаозера и желая видеть место несчастной для россиян битвы на берегах Сити, в куче мертвых тел искал Георгиева. Он узнал его по княжескому одеянию; но туловище лежало без головы. Кирилл взял с благоговением сии печальные останки знаменитого князя и положил в ростовском храме Богоматери. Туда же привезли и тело Василька, найденное в лесу сыном одного сельского священника: вдовствующая княгиня, дочь Михаила Черниговского, епископ и народ встретили оное со слезами. Сей князь был искренно любим гражданами. Летописцы хвалят его красоту цветущую, взор светлый и величественный, отважность на звериной ловле, благодетельность, ум, знания, добродушие и кротость в обхождении с боярами. «Кто служил ему», говорят они: «кто ел хлеб его и пил с ним чашу, тот уже не мог быть слугою иного князя». Тело Василька заключили в одной раке с Георгиевым, вложив в нее отысканную после голову Великого князя.

Многочисленные толпы Батыевы стремились к Новугороду, и взяв Волок Ламский, Тверь (где погиб сын Ярославов), осадили Торжок. Жители две недели оборонялись мужественно, в надежде, что новогородцы усердною помощию спасут их. Но в сие несчастное время всякий думал только о себе; ужас, недоумение царствовали в России; народ, бояре говорили, что отечество гибнет, и не употребляли никаких общих способов для его спасения. Татары взяли наконец Торжок и не дали никому пощады, ибо граждане дерзнули противиться. Войско Батыя шло далее путем селигерским; села исчезали; головы жителей, по словам летописцев, падали на землю как трава скошенная. Уже Батый находился во 100 верстах от Новагорода, где плоды цветущей долговременной торговли могли обещать ему богатую добычу; но вдруг — испуганный, как вероятно, лесами и болотами сего края —к радостному изумлению тамошних жителей обратился назад к Козельску (в губернии Калужской). Сей город, весьма незнаменитый, имел тогда особенного князя еще в детском возрасте, именем Василия, от племени князей Черниговских. Дружина его и народ советовались между собою, что делать. «Наш князь младенец»,— говорили они: «но мы, как верные россияне, должны за него умереть, чтобы в мире оставить по себе добрую славу, а за гробом принять венец бессмертия». Сказали и сделали. Татары семь недель стояли под кре-

постию и не могли поколебать твердости жителей никакими угрозами; разбили стены и взошли на вал: граждане резались с ними ножами и в единодушном порыве геройства устремились на всю рать Батыеву; изрубили многие стенобитные орудия татарские, и положив 4000 неприятелей, сами легли на их трупах. Хан велел умертвить в городе всех людей безоружных, жен, младенцев, и назвал Козельск *Злым* городом: имя славное в таком смысле! Юный князь Василий пропал без вести: говорили, что он *утонул в крови*.

Батый, как бы утомленный убийствами и разрушением, отошел на время в землю Половецкую, к Дону, и брат Георгиев, Ярослав — в надежде, что буря миновалась — спешил из Киева в Владимир принять достоинство Великого князя.

ТОМ IV

Из главы I

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВ II ВСЕВОЛОДОВИЧ

1238—1247

Бодрость Ярослава.— Свойства Георгия.— Освобождение Смоленска.— Междоусобия.— Батый опустошает южную Россию.— Красота Киева.— Великодушие граждан.— Осада и взятие Киева.— Состояние России.— Причина успехов Батыевых.— Свойства и оружие моголов.— Слава Александра Невского.— Россия в подданстве моголов.— Кончина и свойства Ярослава.— Даниил, честимый в орде.— Любопытные известия о России и татарах.

Ярослав приехал господствовать над развалинами и трупами. В таких обстоятельствах государь чувствительный мог бы возненавидеть власть; но сей князь хотел славиться деятельностью ума и твердостью души, а не мягкосердечием.

Надлежало собрать людей рассеянных, воздвигнуть города и села из пепла — одним словом, совершенно обновить государство. Еще на дорогах, на улицах, в обгорелых церквах и домах лежало бесчисленное множество мертвых тел: Ярослав велел немедленно погребать их, чтобы отвратить заразу и скрыть столь ужасные для живых предметы; ободрял народ, ревностно занимался делами гражданскими и приобретал любовь общую правосудием. Восстановив тишину и благоустройство, Великий князь отдал Суздаль брату Святославу, а Стародуб Иоанну. Народ, по счастливому обыкновению человеческого сердца, забыл свое горе; радовался новому спокойствию и порядку; благодарил небо за спасение еще многих князей своих; не знал, что Россия уже лишилась главного сокровища государственного: независимости — и слезами искреннего умиления оросил гроб Георгиев,

перевезенный из Ростова в Владимир. Георгий в безрассудной надменности допустил татар до столицы, не взяв никаких мер для защиты государства.

Ко славе государя попечительного о благе народном Великий князь присоединил и славу счастливого воинского подвига. Литовцы, обрадованные бедствием России, завладели большею частию Смоленской области: Ярослав, разбив их, пленил князя литовского, освободил Смоленск и посадил на тамошнем престоле Всеволода Мстиславича, Романова внука, княжившего прежде в Новегороде.

Между тем князья южной России, не имев участия в бедствиях северной, издали смотрели на оные равнодушно и думали единственно о выгодах своего особенного властолюбия. Как скоро Ярослав выехал из Киева, Михаил Черниговский занял сию столицу, оставив в Галиче сына, Ростислава, который, нарушив мир, овладел Данииловым Перемышлем. Чрез несколько месяцев Даниил воспользовался отсутствием Ростислава, ходившего со всеми боярами на Литву; нечаянно обступил Галич. Воевода Ростислава и Галицкий епископ Артемий хотели удержать народ, но не могли и должны были встретить Даниила, скрывая внутреннюю досаду под личиною притворного веселия. Никогда в сем городе, славном мятежами, изменами, злодействами, не являлось зрелища столь умилительного: граждане, по выражению летописца, *стремились* к Даниилу *как пчелы к матке, или как жаждущие к источнику водному,* поздравляя друг друга с князем любимым.

Батый выходил из России единственно для того, чтобы овладеть землею половцев.

Покорив окрестности Дона и Волги, толпы Батыевы вторично явились на границах России; завоевали Мордовскую землю, Муром и Гороховец, принадлежавший Владимирскому храму Богоматери. Тогда жители Великого княжения снова обеспамятели от ужаса; оставляя домы свои, бегали из места в место и не знали, где найти безопасность. Но Батый шел громить южные пределы нашего отечества. Взяв Переяславль, татары опустошили его совершенно. Церковь св. Михаила, великолепно украшенная серебром и золотом, заслужила их особенное внимание: они сравняли ее с землею, убив епископа Симеона и большую часть жителей. Другое войско Батыево осадило Чернигов, славный мужеством граждан во времена наших междоусобий. Сии добрые россияне не изменили своей прежней славе и дали отпор

сильный. Князь Мстислав Глебович, двоюродный брат Михаилов, предводительствовал ими. Бились отчаянно в поле и на стенах. Граждане с высокого вала разили неприятелей огромными камнями. Одержав наконец победу, долго сомнительную, татары сожгли Чернигов.

Уже Батый давно слышал о нашей древней столице Днепровской, ее церковных сокровищах и богатстве людей торговых. Она славилась не только в Византийской империи и в Германии, но и в самых отдаленных странах восточных: ибо арабские историки и географы говорят об ней в своих творениях. Внук Чингисхана, именем Мангу, был послан осмотреть Киев: увидел его с левой стороны Днепра, и, по словам летописцев, не мог надивиться красоте оного. Живописное положение города на крутом берегу величественной реки, блестящие главы многих храмов, в густой зелени садов,— высокая белая стена с ее гордыми вратами и башнями, воздвигнутыми, украшенными художеством византийским в счастливые дни Великого Ярослава, действительно могли удивить степных варваров. Мангу не отважился идти за Днепр: стал на Трубеже, у городка Песочнóго (ныне селение Песков), и хотел лестию склонить жителей столицы к подданству. Битва на Калке, на Сити,— пепел Рязани, Владимира, Чернигова и столь многих иных городов, свидетельствовали грозную силу моголов: дальнейшее упорство казалось бесполезным; но честь народная и великодушие не следуют внушениям боязливого рассудка. Киевляне все еще с гордостью именовали себя старшими и благороднейшими сынами России: им ли было смиренно преклонить выю и требовать цепей, когда другие россияне, гнушаясь уничижением, охотно гибли в битвах? Киевляне умертвили послов Мангу-хана и кровию их запечатлели свой обет не принимать мира постыдного. Народ был смелее князя; Михаил Всеволодович, предвидя месть татар, бежал в Венгрию, вслед за сыном своим. Внук Давида Смоленского, Ростислав Мстиславич, хотел овладеть престолом киевским; но знаменитый Даниил Галицкий, сведав о том, въехал в Киев и задержал Ростислава как пленника. Даниил уже знал моголов: видел, что храбрость малочисленных войск не одолеет столь великой силы, и решился, подобно Михаилу, ехать к королю венгерскому, тогда славному богатством и могуществом, в надежде склонить его к ревностному содействию против сих жестоких варваров. Надлежало оставить в столице вождя искусного и

мужественного: князь не ошибся в выборе, поручив оную боярину Димитрию.

Скоро вся ужасная сила Батыева, как густая туча, с разных сторон облегла Киев. Скрып бесчисленных телег, рев вельблюдов и волов, ржание коней и свирепый крик неприятелей, по сказанию летописца, едва дозволяли жителям слышать друг друга в разговорах.— Димитрий бодрствовал и распоряжал хладнокровно. Ему представили одного взятого в плен татарина, который объявил, что сам Батый стоит под стенами Киева со всеми воеводами могольскими; что знатнейшие из них суть Гаюк (сын Великого хана), Мангу, Байдар (внуки Чингисхановы), Орду, Кадан, Судай-Багадур, победитель Ниучей китайских, и Бастырь, завоеватель Казанской Болгарии и княжения Суздальского. Сей пленник сказывал о Батыевой рати единственно то, что ей нет сметы. Но Димитрий не знал страха. Осада началася приступом к вратам лятским, к коим примыкали дебри: там стенобитные орудия действовали день и ночь. Наконец рушилась ограда, и киевляне стали грудью против врагов своих. Начался бой ужасный: «стрелы омрачили воздух; копья трещали и ломались»; мертвых, издыхающих попирали ногами. Долго остервенение не уступало силе; но татары ввечеру овладели стеною. Еще воины российские не теряли бодрости; отступили к церкви Десятинной, и ночью укрепив оную тыном, снова ждали неприятеля; а безоружные граждане с драгоценнейшим своим имением заключились в самой церкви. Такая защита слабая уже не могла спасти города; однако ж не было слова о переговорах: никто не думал молить лютого Батыя о пощаде и милосердии; великодушная смерть казалась и воинам и гражданам необходимостью, предписанною для них отечеством и верою. Димитрий, исходя кровию от раны, еще твердою рукою держал свое копие и вымышлял способы затруднить врагам победу. Утомленные сражением моголы отдыхали на развалинах стены: утром возобновили оное и сломили бренную ограду россиян, которые бились с напряжением всех сил, помня, что за ними гроб св. Владимира и что сия ограда есть уже последняя для их свободы. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; схватили мужественного Димитрия и привели к Батыю. Сей грозный завоеватель, не имея понятия о добродетелях человеколюбия, умел ценить храбрость необыкновенную и с видом гордого удовольствия сказал воеводе российскому: «дарую тебе жизнь!» Дими-

трий принял дар, ибо еще мог быть полезен для отечества.

Моголы несколько дней торжествовали победу ужасами разрушения, истреблением людей и всех плодов долговременного гражданского образования. Древний Киев исчез, и навеки: ибо сия, некогда знаменитая столица, *мать градов российских,* в XIV и в XV веке представляла еще развалины; в самое наше время существует единственно тень ее прежнего величия. Напрасно любопытный путешественник ищет там памятников, священных для россиян: где гроб Ольгин? где кости св. Владимира? Батый не пощадил и самых могил: варвары давили ногами черепы наших древних князей. Остался только надгробный памятник Ярославов, как бы в знак того, что слава мудрых гражданских законодателей есть самая долговечная и вернейшая... Первое великолепное здание греческого зодчества в России, храм Десятинный был сокрушен до основания: после, из развалин оного, воздвигли новый, и на стенах его видим отрывок надписи древнего.— Лавра Печерская имела ту же участь. Благочестивые иноки и граждане, усердные к святыне сего места, не хотели впустить неприятелей в ограду его: моголы таранами отбили врата, похитили все сокровища, и сняв *златокованный* крест с главы храма, разломали церковь до самых окон, вместе с кельями и стенами монастырскими. Если верить летописцам XVII века, то первобытное строение Лавры красотою и величием превосходило новейшее. Они же повествуют, что некоторые иноки печерские укрылись от меча Батыева и жили в лесах; что среди развалин монастыря уцелел один малый придел, куда сии пустынники собирались иногда отправлять службу божественную, извещаемые о том унылым и протяжным звоном колокола.

Батый — узнав, что князья южной России находятся в Венгрии — пошел в область Галицкую и Владимирскую; осадил город Ладыжин, и не умев двенадцатью орудиями разбить крепких стен его, обещал помиловать жителей, если они сдадутся. Несчастные ему поверили, и ни один из них не остался жив: ибо татары не знали правил чести и всегда, обманывая неприятелей, смеялись над их легковерием. Завоевав Каменец, где господствовал друг Михаилов, Изяслав Владимирович, внук Игорев, татары отступили с неудачею от Кременца, Даниилова города; но взяли Владимир, Галич и множество иных городов. Великодушный воевода киевский, Димитрий, находился с Батыем, и сокрушаясь о бедствиях

России, представлял ему, что время оставить сию землю, уже опустошенную, и воевать богатое государство Венгерское; что король Бела есть неприятель опасный и готовит рать многочисленную; что надобно предупредить его, или он всеми силами ударит на моголов. Батый уважил совет Димитриев и вышел из нашего отечества, чтобы злодействовать в Венгрии: таким образом сей достойный воевода Российский и в самом плене своем умел оказать последнюю, важную услугу несчастным согражданам. Благоденствие и драгоценная народная независимость погибли для них на долгое время: по крайней мере они могли возвратиться из лесов на пепелище истребленных жительств; могли предать земле кости милых ближних и в храмах, немедленно возобновленных их общим усердием, молиться Всевышнему с умилением. Вера торжествует в бедствиях и смягчает оные.

Состояние России было самое плачевное: казалось, что огненная река промчалась от ее восточных пределов до западных; что язва, землетрясение и все ужасы естественные вместе опустошили их, от берегов Оки до Сана. Летописцы наши, сетуя над развалинами отечества о гибели городов и большой части народа, прибавляют: «Батый как лютый зверь пожирал целые области, терзая когтями остатки. Храбрейшие князья российские пали в битвах; другие скитались в землях чуждых; искали заступников между иноверными и не находили; славились прежде богатством и всего лишились. Матери плакали о детях, пред их глазами растоптанных конями татарскими, а девы о своей невинности: сколь многие из них, желая спасти оную, бросались на острый нож или в глубокие реки! Жены боярские, не знавшие трудов, всегда украшенные златыми монистами и одеждою шелковою, всегда окруженные толпою слуг, сделались рабами варваров, носили воду для их жен, мололи жерновом и белые руки свои опаляли над очагом, готовя пищу неверным... Живые завидовали спокойствию мертвых». Одним словом, Россия испытала тогда все бедствия, претерпенные Римскою империею от времен Феодосия Великого до седьмого века, когда северные дикие народы громили ее цветущие области. Варвары действуют по одним правилам и разнствуют между собою только в силе.

Сила Батыева несравненно превосходила нашу и была единственною причиною его успехов. Напрасно новые историки говорят о превосходстве моголов в ратном де-

ле: древние россияне, в течение многих веков воюя или с иноплеменниками или с единоземцами, не уступали как в мужестве, так и в искусстве истреблять людей ни одному из тогдашних европейских народов. Но дружины князей и городà не хотели соединиться, действовали особенно и весьма естественным образом не могли устоять против полумиллиона Батыева: ибо сей завоеватель беспрестанно умножал рать свою, присоединяя к ней побежденных. Еще Европа не ведала искусства огнестрельного, и неравенство в числе воинов было тем решительнее. Батый предводительствовал целым вооруженным народом, в России жители сельские совсем не участвовали в войне, ибо плодами их мирного трудолюбия питалось государство и казна обогащалась. Земледельцы, не имея оружия, гибли от мечей татарских, как беззащитные жертвы: малочисленные же ратники наши могли искать в битвах одной славы и смерти, а не победы. Впрочем моголы славились и храбростию, вселенною в них умом Чингисхана и сорокалетними победами. Не получая никакого жалованья, любили войну для добычи; перевозили на волах свои кибитки и семейства, жен, детей, и везде находили отечество, где могло пастися их стадо. В свободное от человекоубийств время занимались звериною ловлею: видя же неприятеля, бесчисленные толпы сих варваров как волны стремились одна за другою, чтобы со всех сторон окружить его, и пускали тучу стрел, но удалялись от ручной схватки, жалея своих людей, и стараясь убивать противников издали. Ханы и главные начальники не вступали в бой: стоя назади, разными маяками давали повеления и не стыдились иногда общего бегства; но смертию наказывали того, кто бежал один и ранее других. Стрелы моголов были весьма остры и велики, сабли длинные, копья с крюками, щиты ивовые или сплетенные из прутьев.

Один Новгород остался цел и невредим, благословляя милость небесную и счастие своего юного князя, Александра Ярославича, одаренного необыкновенным разумом, мужеством, красотою величественною и крепкими мышцами Самсона. Народ смотрел на него с любовию и почтением; приятный голос сего князя *гремел как труба* на вечах. Во дни общих бедствий России возникла слава Александрова. Достигнув лет юноши, он женился на дочери Полоцкого князя, Брячислава, и празднуя свадьбу, готовился к делам ратным; велел укрепить берега Шелони, чтобы защитить Новогородскую область от внезапных нападений чуди, и старался

окружить себя витязями храбрыми, предвидя, что мир в сии времена общих разбоев не мог быть продолжителен.

Ливонские рыцари, финны и шведы были неприятелями Новагорода. Первые сделались тогда гораздо сильнее и для россиян опаснее.

Король шведский, досадуя на россиян за частые опустошения Финляндии, послал зятя своего, Биргера, на ладиях в Неву, к устью Ижоры, с великим числом шведов, норвежцев, финнов. Сей вождь опытный, дотоле счастливый, думал завоевать Ладогу, самый Новгород, и велел надменно сказать Александру: «ратоборствуй со мною, если смеешь; я стою уже в земле твоей». Александр не изъявил ни страха, ни гордости послам шведским, но спешил собрать войско; молился с усердием в Софийской церкви, принял благословение архиепископа Спиридона, отер на праге слезы умиления сердечного, и вышедши к своей малочисленной дружине, с веселым лицом сказал: «нас немного, а враг силен; но бог не в силе, а в правде: идите с вашим князем!» Он не имел времени ждать помощи от Ярослава, отца своего; самые новогородские воины не успели все собраться под знамена: Александр выступил в поле и 15 июля приближился к стану шведскому. И как молния устремился на шведов. Внезапность, быстрота удара привели их в замешательство. Князь и дружина оказали редкое мужество. Александр собственным копием *возложил печать на лице* Биргера. Витязь российский, Гавриил Олексич, гнал принца, его сына, до самой ладии; упал с конем в воду, вышел невредим и бодро сразился с воеводою шведским. Новогородец, Сбыслав Якунович, с одним топором вломился в средину неприятеля; другой, именем Миша, с отрядом пехоты истребил шнеки их, или суда. Княжеский ловчий, Яков Полочанин, предводительствуя горстию смелых, ударил на целый полк и заслужил отменное благоволение Александра, который везде был сам и все видел. Ратмир, верный слуга князя, не уступал никому в храбрости: бился пеший, ослабел от ран и пал мертвый, к общему сожалению наших. Еще стоял златоверхий шатер Биргеров: отрок Александров, Савва, подсек его столп; шатер упал, и россияне возгласили победу. Темная ночь спасла остатки шведов. Они не хотели ждать утра: нагрузили две шнеки телами чиновников, зарыли прочих в яму и спешили удалиться. Главный воевода их, Спиридон, и епископ, по рассказам пленников, находились в числе убитых. Урон с нашей стороны был едва заметен, и сия достопамятная битва, обрадо-

вав тогда все наше горестное отечество, дала Александру славное прозвание *Невского*. Обстоятельства ее тем для нас любопытнее, что летописец, служа сему князю, слышал их от него самого и других очевидцев.

Сии частные успехи не могли переменить общей судьбы россиян, уже данников татарских. Батый, завоевав многие области Польские, Венгрию, Кроацию, Сервию, Дунайскую Болгарию, Молдавию, Валахию и приведши в ужас Европу, вдруг, к общему удивлению, остановил бурное стремление моголов и возвратился к берегам Волги. Там, именуясь ханом, утвердил он свое владычество над Россиею, землею Половецкою, Тавридою, странами Кавказскими и всеми от устья реки Дона до самого Дуная. Никто не дерзал ему противиться: народы, государи старались смягчить его смиренными посольствами и дарами. Батый звал к себе Великого князя. Ослушание казалось Ярославу неблагоразумием в тогдашних обстоятельствах России, изнуренной, безлюдной, полной развалин и гробов: презирая собственную личную опасность, Великий князь отправился со многими боярами в стан Батыев, а сына своего, юного Константина, послал в Татарию к Великому хану Октаю, который в сие время, празднуя блестящие завоевания моголов в Китае и в Европе, угощал всех старейшин народа. Никогда, по сказанию историка татарского, мир не видал праздника столь роскошного, ибо число гостей было несметно.— Батый принял Ярослава с уважением и назвал главою всех князей российских, отдав ему Киев (откуда Михаил уехал в Чернигов). Так государи наши торжественно отреклись от прав народа независимого и склонили выю под иго варваров. Поступок Ярослава служил примером для удельных князей Суздальских: Владимир Константинович, юный Борис Василькович, Василий Всеволодович (внук Константинов) также *били челом* надменному Батыю, чтобы мирно господствовать в областях своих.

Сын Ярославов чрез два года возвратился из Китайской Татарии; а Великий князь, вторично принужденный ехать в Орду со всеми родственниками, должен был сам отправиться к берегам Амура, где моголы, по смерти Октая, занимались избранием нового Великого хана. Ярослав простился навеки с любезным отечеством: сквозь степи и пустыни достигнув до ханского стана, он в числе многих иных данников смирялся пред троном Октаева наследника, оправдал себя в каких-то доносах, сделанных на него хану одним российским вельможею,

и получив милостивое дозволение ехать обратно, кончил жизнь на пути. Таким образом сей князь несчастный, быв свидетелем и жертвою народного уничижения России, не имел и последнего утешения сомкнуть глаза в недрах святого отечества. Верные бояре привезли его тело в столицу Владимирскую. Говорили, что он был отравлен; что мать нового хана Гаюка, как бы в знак особенного благоволения предложив Ярославу пищу из собственных рук, дала ему яд, который в седьмый день прекратил его жизнь и ясно обнаружился пятнами на теле умершего. Но моголы, сильные мечом, не имели нужды действовать ядом, орудием злодеев слабых. Мог ли князь Владимирской области казаться страшным монарху, повелевавшему народами от Амура до устья Дунайского?

Ярослав, в юности жестокий и непримиримый от честолюбия, украшался и важными достоинствами, как мы видели: благоразумием деятельным и бодростию в государственных несчастиях, быв возобновителем разрушенного Великого княжения; гибкостию и превосходством ума своего снискал почтение варваров, Батыя и Гаюка, но не заслужил *ревностной* похвалы наших летописцев, ибо не раздавал имения церквам и монахам, отличаясь, может быть, верою просвещенною, а не суесвятством.— Супруга его, именем Феодосия, оставленная им в Новегороде, скончалась там в 1244 году; за малое время до смерти постриглась в Георгиевском монастыре и была схоронена в оном подле ее сына, Феодора.

Счастливее князя Черниговского был Даниил в своих первых сношениях с Ордою. Послы за послами являлись у него от имени ханского, требуя, чтобы он искал милости Батыевой раболепством или отказался от земли Галицкой. Наконец Даниил поехал к сему завоевателю чрез Киевскую столицу, управляемую боярином Ярослава Суздальского, Димитрием Ейковичем; встретил татар за Переяславлем, гостил у Куремсы, их темника, и в окрестностях Волги нашел Батыя, который, в знак особенного благоволения, немедленно впустил его в свой шатер без всяких суеверных обрядов, ненавистных для православия наших князей. «Ты долго не хотел меня видеть (сказал Батый), но теперь загладил вину повиновением». Горестный князь пил кумыс, преклоняя колена и славя величие хана. Батый хвалил Даниила за соблюдение татарских обычаев; однако ж велел дать ему кубок вина, говоря: «вы не привыкли к нашему мо-

локу». Сия честь стоила не дешево: Даниил, пробыв 25 дней в Улусах, выехал оттуда с именем слуги и данника ханского.

Описав случаи времен Ярославовых, мы должны упомянуть о любопытном путешествии Иоанна План-Карпина, монаха францисканского, в Татарию к Великому хану. Европа, приведенная в ужас нашествием Батыевым, еще трепетала, взирая на развалины Польши и Венгрии: ибо татары могли возвратиться. Немецкий император писал ко всем государям, чтобы они собрали войско для спасения царств и веры. Беспокойство, волнение было общее: народ постился; духовенство день и ночь молилось в храмах. Один св. Людовик, мужественный король французский, не терял бодрости и спокойно ответствовал матери, что он, в надежде на бога и на меч свой, смело встретит варваров. Но Папа, Иннокентий IV, желая удалить бурю мирными сношениями с грозным ханом, отправил к нему монахов с дружелюбными письмами. Иоанн Карпин, один из сих послов, в 1246 году проезжал из Италии чрез Россию, и сообщает следующие известия о тогдашнем ее состоянии и моголах. Увидим, что Папа, думая о татарах, не забывал и наших предков, усильно домогаясь подчинить нас латинской церкви. Несчастия россиян давали ему тем более надежды успеть в сем важном деле.

Обращаясь к путешествию Карпина, предложим сказанное им о свойстве, нравах и вере моголов: сии известия также достойны замечания, сообщая нам ясное понятие о народе, который столь долгое время угнетал Россию.

«Татары (повествует Карпин) отличны видом от всех иных людей, имея щеки выпуклые и надутые, глаза едва приметные, ноги маленькие; большею частию ростом не высоки и худы; лицом смуглы и рябы. Они бреют волосы за ушами и спереди на лбу, отпуская усы, бороду и длинные косы назади; выстрегают себе также гуменцо, подобно нашим священникам. Мужчины и женщины носят кафтаны парчовые, шелковые и клееношные, или шубы на выворот (получая ткани из Персии, а меха из России, Болгарии, земли Мордовской, Башкирии) и какие-то странные высокие шапки. Живут в шатрах, сплетенных из прутьев и покрытых войлоками; вверху делается отверстие, чрез которое входит свет и выходит дым: ибо у них всегда пылает огонь в ставке. Стада и табуны могольские бесчисленны: в целой Европе нет такого множества лошадей, вельблюдов, овец,

коз и рогатой скотины. Мясо и жидкая просяная каша есть главная пища сих дикарей, довольных малым ее количеством. Они не знают хлеба; едят все нечистыми руками, обтирая их об сапоги или траву; не моют ни котлов, ни самой одежды своей; любят кумыс и пьянство до крайности, а мед, пиво и вино получают иногда из других земель. Мужчины не занимаются никакими работами: иногда присматривают только за стадами или делают стрелы. Младенцы трех и двух лет уже садятся на лошадь; женщины также ездят верхом, и многие стреляют из лука не хуже воинов; в хозяйстве же удивительно трудолюбивы: стряпают, шьют платье, сапоги; чинят телги, навьючивают вельблюдов и проч. Вельможи и богатые люди имеют до ста жен, двоюродные совокупляются браком, пасынок с мачихою, невестки с деверем. Жених обыкновенно покупает невесту у родителей, и весьма дорогою ценою. Не только прелюбодеяние, но и блуд наказывается смертию, равно как и воровство, столь необыкновенное, что татары не употребляют замков; боятся, уважают чиновников, и в самом пьянстве не ссорятся или по крайней мере не дерутся между собою; скромны в обхождении с женщинами и ненавидят срамословие; терпеливо сносят зной, мороз, голод и с пустым желудком поют веселые песни; редко имеют тяжбы и любят помогать друг другу; но зато всех иноплеменных презирают, как мы видели собственными глазами: например, Ярослав, Великий князь Российский, и сын царя Грузинского, будучи в Орде, не смели иногда сесть выше своих приставов. Татарин не обманывает татарина; но обмануть иностранца считается похвальною хитростию.

Что касается до их закона, то они веруют в бога, творца вселенной, награждающего людей по их достоинству; но приносят жертвы идолам, сделанным из войлока или шелковой ткани, считая их покровителями скота; обожают солнце, огонь, луну, называя оную великою царицею, и преклоняют колена, обращаясь лицом к югу; славятся терпимостию и не проповедуют веры своей; однако ж принуждают иногда христиан следовать обычаям могольским: в доказательство чего расскажем случай, которому мы были свидетелями. Батый велел умертвить одного князя российского, именем Андрея, будто бы за то, что он, вопреки ханскому запрещению, выписывал для себя лошадей из Татарии и продавал чужеземцам. Брат и жена убитого князя, приехав к Батыю, молили его не отнимать у них княжения: он согла-

сился, но принудил деверя к брачному совокуплению с невесткою, по обычаю моголов.

Не ведая правил истинной добродетели, они вместо законов имеют какие-то предания, и считают за грех бросить в огонь ножик, опереться на хлыст, умертвить птенца, вылить молоко на землю, выплюнуть изо рта пищу, и многие подобные глупости; но убивать людей и разорять государства кажется им дозволенною забавою. О жизни вечной не умеют сказать ничего ясного, а думают, что они и там будут есть, пить, заниматься скотоводством и проч. Жрецы их суть так называемые волхвы, гадатели будущего, коих совет уважается ими во всяком деле. (Глава их, или патриарх, живет обыкновенно близ шатра ханского. Имея астрономические сведения, они предсказывают народу солнечные и лунные затмения.)

Когда занеможет татарин, родные ставят перед шатром копье, обвитое черным войлоком: сей знак удаляет от больного всех посторонних. Умирающего оставляют и родные. Кто был при смерти человека, тот не может видеть ни хана, ни князей до новой луны. Знатных людей погребают тайно, с пищею, с оседланным конем, серебром и золотом; телега и ставка умершего должны быть сожжены, и никто не смеет произнести его имени до третьего поколения.— Кладбище ханов, князей, вельмож неприступно: где бы они ни скончали жизнь свою, моголы отвозят их тела в сие место; там погребены многие, убитые в Венгрии. Стражи едва было не застрелили нас, когда мы нечаянно приближились к гробам.

Таков сей народ, ненасытимый в кровопролитии. Побежденные обязаны давать моголам десятую часть всего имения, рабов, войско и служат орудием для истребления других народов. В наше время Гаюк и Батый прислали в Россию вельможу своего, с тем чтобы он брал везде от двух сыновей третьего; но сей человек нахватал множество людей без всякого разбора и переписал всех жителей, как данников, обложив каждого из них шкурою белого медведя, бобра, куницы, хорька и черною лисьею; а не платящие должны быть рабами моголов. Сии жестокие завоеватели особенно стараются искоренять князей и вельмож; требуют от них детей в аманаты и никогда уже не позволяют им выехать из Орды.

Одним словом, татары хотят исполнить завещание Чингисханово и покорить всю землю; для того Гаюк

именует себя в письмах *Государем мира* прибавляя: *Бог на небесах, я на земле.*

Провидение спасло Европу: ибо Гаюк жил не долго, и преемник его, Мангу, озабоченный внутренними беспорядками в своих азиатских владениях, не мог исполнить Гаюкова намерения. Но Запад еще долгое время страшился Востока.

Из главы II

ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ СВЯТОСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ, АНДРЕЙ ЯРОСЛАВИЧ И АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

(Один после другого)

1247—1263

Александр в Орде.— Благоразумие Александра.— Смерть Батыева. — Покушение Даниилово свергнуть его.— Откупщики бесерменские.— Кончина и добродетели Александровы.— Выходцы из чужих земель.— Мятежи в Орде.

Узнав о кончине отца, Александр спешил в Владимир, чтобы оплакать оную вместе с родными и взять нужные меры для государственного порядка. Следуя обыкновению, дядя Невского, Святослав, наследовал престол Великокняжеский, утвердив сыновей Ярославовых на их частных княжениях.

Доселе Александр не преклонял выи в Орде, и россияне еще с гордостию именовали его своим независимым князем: даже стращали им моголов. Батый слышал о знаменитых его достоинствах и велел сказать ему: «Князь Новогородский! известно ли тебе, что бог покорил мне множество народов? Ты ли один будешь независимым? Но если хочешь властвовать спокойно, то явись немедленно в шатре моем, да познаешь славу и величие моголов». Александр любил отечество более своей княжеской чести: не хотел гордым отказом подвергнуть оное новым бедствиям и, презирая личную опасность не

менее тщеславия, вслед за братом Андреем поехал в стан могольский, где Батый, приняв их с ласкою, объявил вельможам, что слава не увеличила достоинств Александровых, и что сей князь действительно есть человек необыкновенный: такое сильное впечатление сделали в нем мужественный вид Невского и разумные слова его, одушевленные любовию к народу российскому и благородством сердца! — Но Александр и брат его долженствовали, подобно Ярославу, ехать в Татарию к Великому хану. Сии путешествия были ужасны: надлежало проститься с отечеством на долгое время, терпеть голод и жажду, отдыхать на снегу или на земле, раскаленной лучами солнца; везде голая печальная степь, лишенная убранства и тени лесов, усеянная костями несчастных странников; вместо городов и селений представлялись взору одни кладбища народов кочующих. Может быть, в самой глубокой древности ходили там караваны купеческие: скифы и греки сражались с опасностию, нуждою и скукою, по крайней мере в надежде обогатиться золотом; но что ожидало князей российских в Татарии? уничижение и горесть. Рабство, тягостное для народа, еще несноснее для государей, рожденных с правом властвовать. Сыновья Ярославовы, скитаясь в сих мертвых пустынях, воспоминали плачевный конец отца своего и думали, что они также, может быть, навеки простились с любезным отечеством.

Александр благоразумными представлениями смирил гнев Сартака на россиян, и, признанный в Орде *Великим князем,* с торжеством въехал в Владимир. Митрополит Кирилл, игумены, священники встретили его у Золотых ворот, также все граждане и бояре под начальством тысяцкого столицы, Романа Михайловича. Радость была общая. Александр спешил оправдать ее неусыпным попечением о народном благе, и скоро воцарилось спокойствие в Великом княжении: люди, испуганные нашествием Неврюя, возвратились в домы, земледельцы к плугу и священники к алтарям.

Поручив Новгород сыну своему, Василию, Александр долженствовал снова ехать в Орду, где произошла тогда великая перемена. Батый умер: сын его — вероятно Сартак — хотел господствовать над татарами, но был жертвою властолюбивого дяди, именем Берки, который, умертвив племянника, согласно с волею Великого хана объявил себя преемником Батыевым и вверил дела российские своему наместнику Улавчию. Сей вельможа принимал наших князей и дары их: к нему явился Алек-

сандр с Борисом Васильковичем и братом Андреем (ибо сей последний уже возвратился тогда в отечество и жил в Суздале). Вероятно, что они, сведав намерение татар обложить северную Россию, подобно Киевскому и Черниговскому княжению, определенною данью по числу людей, желали отвратить сию тягость, но тщетно: вслед за ними приехали чиновники татарские в область Суздальскую, Рязанскую, Муромскую,— сочли жителей, и поставили над ними десятников, сотников, темников, для собрания налогов, увольняя от сей общей дани только церковников и монахов. Хитрость, достойная замечания.

Узнав же власть духовенства над совестию людей, вообще усердных к вере, моголы старались задобрить его, чтобы оно не возбуждало россиян противоборствовать игу татарскому, и чтобы хан тем спокойнее мог повелевать нами. Изъявляя уважение к духовенству, сии завоеватели хотели доказать, что они не суть враги бога русского, как думал народ.

Чрез несколько месяцев Великий князь вторично ездил к Улавчию с Борисом Ростовским, с Андреем Суздальским и Ярославом Тверским (который, признав вину свою, уже снова пользовался искреннею дружбою Александра). Наместник ханский требовал, чтобы Новгород также платил дань поголовную. Герой Невский, некогда ревностный поборник новогородской чести и вольности, должен был с горестию взять на себя дело столь неприятное и склонить к рабству народ гордый, пылкий, который все еще славился своею исключительною независимостью.

И так народ покорился с условием, кажется, не иметь дела с баскаками и доставлять определенное количество серебра прямо в Орду или чрез Великих князей.— Моголы ездили из улицы в улицу, переписывая домы; безмолвие и скорбь царствовали в городе. Бояре еще могли утешаться своею знатностью и роскошным избытком: добрые, простые граждане, утратив народную честь, лишились своего лучшего достояния.

Отечество наше рабствовало от Днестра до Ильменя. Даниил Галицкий, будучи смелее Александра, тщетно думал по смерти Батыя избавиться от власти моголов. Деятельностью ума необыкновенного восстановив свое княжение и загладив в нем следы татарского опустошения, он брал участие в делах Европы и два раза ходил помогать Беле Венгерскому, неприятелю императора Фридерика и короля Богемского. (Венгры, по словам

летописца, удивлялись стройности полков российских, их татарскому оружию, и пышности самого князя, его богатой одежде греческой, обшитой золотыми кружевами,— сабле, стрелам, седлу, окованным драгоценными металлами с блестящею резьбою).

В сие время Даниил, ободряемый королем венгерским, ляхами и собственными успехами воинскими, дерзнул объявить себя врагом моголов. Они вступили в Понизье и заняли Бакоту: юный Лев Даниилович, выгнав их оттуда, пленил баскака ханского. Темник Батыев, Куремса, не мог взять Кременца и, сильно убеждаемый Изяславом Владимировичем (внуком Игоря Северского) идти к Галичу, ответствовал: «Даниил страшен!» Вся южная Россия с беспокойством ждала следствий; а мужественный Даниил, пленив Изяслава и пользуясь изумлением татар, отнял у них города между реками Бугом и Тетеревом, где баскаки господствовали как в своих улусах. Он хотел даже освободить и Киев, но возвратился с пути, чтобы защитить Луцкую область, разоряемую литовцами, мнимыми его союзниками. Уже Даниил веселился мыслию о совершенной независимости, когда новые бесчисленные толпы моголов, ведомые свирепым Бурондаем, преемником слабого Куремсы, явились на границах Литвы и России. «Желаю знать, друг ли ты хану или враг?» сказали королю Галицкому послы Бурондаевы: «если друг, то иди с нами воевать Литву». Даниил колебался, видел превосходство сил татарских, медлил и, наконец, послал Василька к Бурондаю, с дружиною и с ласковыми словами, которые сперва имели счастливое действие. Сонмы моголов устремились на Литву.

Важные усилия и хитрости Данииловы остались бесполезными. Он не нашел помощи ни в Кракове, ни в Венгрии, к единственному утешению своему сведав на пути, что Василько победил Миндовга, слабого против моголов, но ужасного для соседственных образованных государств.

Мы описали здесь случаи нескольких лет относительно к юго-западной России, которая со времен Батыева нашествия отделилась от северной, имея особенную систему государственную, связанную с делами Венгрии, Польши и немецкого Ордена гораздо более, нежели с Суздальскими или Новогородскими. Последние для нас важнее: ибо там решилась судьба нашего отечества.

Александр Невский по возвращении своем в Владимир терпеливо сносил бремя жестокой зависимости, ко-

торое более и более отягощало народ. Господство моголов в России открыло туда путь многим купцам бесерменским, харазским или хивинским, издревле опытным в торговле и хитростях корыстолюбия: сии люди откупали у татар дань наших княжений, брали неумеренные росты с бедных людей и, в случае неплатежа объявляя должников своими рабами, отводили их в неволю. Жители Владимира, Суздаля, Ростова вышли наконец из терпения и единодушно восстали, при звуке вечевых колоколов, на сих злых лихоимцев: некоторых убили, а прочих выгнали. То же сделалось и в других городах северной России. В Ярославле народ умертвил какого-то злочестивого отступника, именем Зосиму, бывшего монаха, который, приняв веру магометанскую в Татарии, хвалился милостию нового Великого хана Коблая и ругался над святынею христианства; тело его бросили псам на снедение.

Сии происшествия должны были иметь следствие весьма несчастное: россияне, наказав лихоимцев харазских, озлобили татар, их покровителей. Правительство не могло или не хотело удержать народа: то и другое обвиняло Александра в глазах хановых, и Великий князь решился ехать в Орду с оправданием и с дарами. Летописцы сказывают и другую причину его путешествия: моголы незадолго до того времени требовали вспомогательного войска от Александра: он хотел избавиться от сей тягостной обязанности, чтобы бедные россияне по крайней мере не проливали крови своей за неверных.

Александр нашел хана Берку в волжском городе Сарае. Сей Батыев преемник любил искусства и науки; ласкал ученых, художников; украсил новыми зданиями свою Капчакскую столицу и позволил россиянам, в ней обитавшим, свободно отправлять христианское богослужение, так, что митрополит Кирилл (в 1261 году) учредил для них особенную епархию под именем *Сарской,* с коею соединили после епископию южного Переяславля. Великий князь успел в своем деле, оправдав изгнание бесерменов из городов суздальских. Хан согласился также не требовать от нас войска, но продержал Невского в Орде всю зиму и лето. Осенью Александр, уже слабый здоровьем, возвратился в Нижний Новгород и, приехав оттуда в Городец, занемог тяжкою болезнию, которая пресекла его жизнь 14 ноября. Истощив силы душевные и телесные в ревностном служении отечеству, пред концом своим он думал уже единственно о боге:

постригся, принял схиму и, слыша горестный плач вокруг себя, тихим голосом, но еще с изъявлением нежной чувствительности сказал добрым слугам: «удалитесь и не сокрушайте души моей жалостию!» Они все готовы были лечь с ним в гроб, любив его всегда — по собственному выражению одного из них — гораздо более, нежели отца родного. Митрополит Кирилл жил тогда в Владимире: сведав о кончине Великого князя, он в собрании духовенства воскликнул: «солнце отечества закатилось!» Никто не понял сей речи. Митрополит долго безмолвствовал, залился слезами и сказал: «не стало Александра!» Все оцепенели от ужаса: ибо Невский казался необходимым для государства и по летам своим мог бы жить еще долгое время. Духовенство, бояре, народ в глубокой скорби повторяли одно слово: «погибаем!» ...Тело Великого князя уже везли в столицу: несмотря на жестокий зимний холод, митрополит, князья, все жители Владимира шли навстречу ко гробу до Боголюбова; не было человека, который бы не плакал и не рыдал; всякому хотелось облобызать мертвого и сказать ему, как живому, чего Россия в нем лишилась. Что может прибавить суд историка в похвалу Александра к сему простому описанию народной горести, основанному на известиях очевидцев? Добрые россияне включили Невского в лик своих ангелов хранителей и в течение веков приписывали ему, как новому небесному заступнику отечества, разные благоприятные для России случаи: столь потомство верило мнению и чувству современников в рассуждении сего князя! Имя *Святого,* ему данное, гораздо выразительнее *Великого:* ибо *Великими* называют обыкновенно *счастливых:* Александр же мог добродетелями своими только облегчать жестокую судьбу России, и подданные, ревностно славя его память, доказали, что народ иногда справедливо ценит достоинства государей и не всегда полагает их во внешнем блеске государства. Самые легкомысленные новогородцы, неохотно уступив Александру некоторые права и вольности, единодушно молили бога за усопшего князя, говоря, что «он много потрудился за Новгород и за всю землю Русскую». Тело Александрово было погребено в монастыре Рождества Богоматери (именуемом тогда *Великою Архимандритиею),* где и покоилось до самого XVIII века, когда государь Петр I вздумал перенести сии остатки бессмертного князя на берега Невы, как бы посвящая ему новую свою столицу и желая тем утвердить ее знаменитое бытие.

В княжение Невского начались в Волжской или Капчакской Орде несогласия, бывшие предвестием ее падения. Ногай, один из главных воевод татарских, надменный могуществом, не захотел повиноваться хану, сделался в окрестностях Черного моря владетелем независимым и заключил союз с Михаилом Палеологом, императором греческим, который в 1261 году, к общему удовольствию россиян, взяв Царьград и восстановив древнюю монархию византийскую, не устыдился выдать побочную свою дочь, Евфросинию, за сего мятежника. От имени Ногая произошло, как вероятно, название татар ногайских, ныне подданных России.— Несмотря на внутреннее неустройство, моголы более и более распространяли свои завоевания и чрез Казанскую Болгарию дошли до самой Перми, откуда многие жители, ими утесненные, бежали в Норвегию, где король Гакон обратил их в веру христианскую и дал им земли для поселения.

Из главы VI

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

1294—1304

Браки.— Свойства Андреевы. — Сеймы княжескне.— Москва усилнвается.— Смелость россиян. — Смерть Даниила Московского. — Междоусобня в кияжениях.— Война с орденом Лнвонскнм.— Ландскрона.— Смерть Андреева.— Разные бедствия.

Наконец властолюбивый Андрей уже мог назваться законным Великим князем России; никто не спорил с ним о сем достоинстве.

Но мог ли Андрей, разоритель отечества, требовать любви от народа и почтения от князей? Он не имел и тех свойств, коими злодеи человечества закрашивают иногда черноту свою: ни ревностного славолюбия, ни великодушного мужества; брал города, истреблял христиан руками моголов, не обнажав меча, не видав в гла-

за опасности, и, пролив множество невинной крови, не купил даже права назваться победителем!

Древние сеймы княжеские, учрежденные Мономахом при Святополке II, тогда возобновились, в обстоятельствах подобных и с тем же добрым намерением: ибо ни Святополк, ни Андрей не мог силою обуздывать частных владетелей, и словесные убеждения, за недостатком иных средств, казались нужными. В сих торжественных собраниях присутствовали и знаменитые духовные особы, как толкователи святых уставов правды и совести. Первое из оных, по смерти Феодора Ярославского, было в Дмитрове, где Андрей с братом Даниилом, с племянником Иоанном и с Михаилом кончил все дела дружелюбно, но где князья Тверский и Переславский не могли в чем-то согласиться, доселе действовав единодушно. Хитрый Михаил привлек было на свою сторону и новогородцев, заключив с ними договор, по коему они взаимно обязывались помогать друг другу в случае утеснений от Великого князя и самого хана: Новгород обещал правосудие всем тверским истцам в его области, а Михаил отступался от закабаленных ему должников новогородских, и проч. Андрей не мог помешать сему оскорбительному для него союзу и, без сомнения, был доволен размолвкою Михаила с Иоанном, которая уменьшала могущество первого. Но Иоанн, названный в летописях тихим, или кротким, тем согласнее жил с дядею своим, Даниилом, и, в 1302 году умирая бездетен, отказал ему Переславль. Князь Московский, въехав в сей город, выгнал оттуда бояр Андрея, который считал себя истинным наследником Иоанновым, и, негодуя на властолюбие меньшего брата, поехал с жалобою к хану. Область Переславская вместе с Дмитровым была по Ростове знаменитейшею в Великом княжении, как числом жителей, бояр, людей военных, так и крепостию столичного ее города, обведенного глубоким, наполненным водою рвом, высоким валом и двойною стеною под защитою двенадцати башен. Сие важное приобретение еще более утверждало независимость Московского владетеля: Даниил же, за два года перед тем, победил и взял в плен Рязанского князя, Константина Романовича, *убив* в сражении и *многих татар:* смелость удивительная, и не имевшая никаких следствий. Таким образом россияне начинали ободряться и, пользуясь дремотою ханов, издалека острили мечи свои на конечное сокрушение тиранства.

Между тем, как Андрей искал суда в Орде, Даниил

внезапно скончался, однако ж успев принять схиму, по тогдашнему обыкновению людей набожиых. Он первый возвеличил достоинство владетелей московских и первый из них был погребен в сем городе, в *церкви св. Михаила,* оставив по себе долговременную память киязя доброго, справедливого, благоразумного и приготовив Москву заступить место Владимира.

Сведав о кончине Данииловой, переславцы единодушно объявили князем своим сыиа его, Юрия или Георгия, у них бывшего, и даже ие дозволили ему ехать на погребеиие отца, боясь, чтобы Андрей вторично ие занял их города. Георгий, успокоив народ и будучи увереи или в покровительстве, или в беспечности хана, ие только без страха ожидал Андрея, но хотел еще и новыми приобретениями умножить владеиия московские; соединился с братьями, завоевал Можайск, удел Смоленский, и привел пленником тамошнего князя, Святослава Глебовича, Феодорова племяииика.

Наконец Великий киязь, быв целый год в Орде, возвратился с послами Тохты. Князья съехались в Переславле на общий сейм (осенью в 1303 году). Там, в присутствии митрополита Максима, читали ярлыки или грамоты хаиские, в коих сей надменный повелитель объявлял свою верховиую волю, да иаслаждается Великое кияжеиие тишиною, да пресекутся распри владетелей и каждый из иих да будет доволен тем, что имеет. Андрей, Михаил и сыновья Данииловы возобновили договор мира; ио Георгий удержал за собою Переславль, и следствеино Великий князь, хваляся, впрочем, милостию Тохты, не достигнул своей цели.

Мужество россиян гораздо счастливее ознаменовалось тогда в битвах с врагами иноплеменными... Ливонские рыцари (в 1299 году) неожидаемо осадили Псков и, разграбив моиастыри в его предместии, убивали безоружных моиахов, женщин, младенцев. Князь Довмоит, уже старец летами, но еще воин пылкий, немедленно вывел свою дружину малочисленную, сразился с немцами на берегу Великой, смял их в реку и, взяв в добычу миожество оружия, брошенного ими в бегстве, отправил пленников, граждаи эстонского Феллина, к Великому князю. Коммандор Ордеиа, предводитель немцев, был раиен в сем иесчастном для них сражении, о коем ливонские историки не упоминают и которое было последним знаменитым делом храброго Довмонта. Ои преставился чрез несколько месяцев от какой-то

заразительной болезни, смертоносной тогда для многих псковитян.

Шведы, основав в Карелии Выборг, в 1295 году заложили и нынешний Кексгольм: воеводою их был витязь Сигге. Новогородцы взяли приступом сию крепость, не оставили ни одного шведа живого, срыли вал и, чувствуя необходимость иметь укрепленное место на берегу Финского залива, возобновили Копорье. Чрез пять лет сильный флот шведский, состоящий изо ста одиннадцати больших судов, вошел в Неву. Сам государственный правитель или маршал, Торкель Кнутсон, предводительствовал оным и начал строить новый город, в семи верстах от нынешнего С. Петербурга, при устье Охты, употребив для того весьма искусных римских художников и назвав сию крепость Ландскроною или *Венцом земли*. Летописец наш говорит только, что Великого князя не было тогда в Новегороде и что шведы, оставив в крепости войско, удалились.

Великий князь Андрей скончал жизнь свою схимником в 1304 году, заслужив ненависть современников и презрение потомства. Никто из князей Мономахова роду не сделал столько зла отечеству, как сей недостойный сын Невского, погребенный в Волжском Городце, далеко от священного праха родительского.

Ужасы естественные и всякие несчастия ознаменовали десятилетнее время его княжения, так же, как и Димитриево. К числу тогдашних явлений, воздушных и небесных, обыкновенно страшных для народа, принадлежала славная комета 1301 года, описанная китайскими астрономами и воспетая в стихах Пахимером. Были также вихри чрезвычайные, засухи, голод, мор в некоторых местах и сильные пожары. В Твери сгорел дворец княжеский (в 1298) со всею казною и драгоценностями; не успели вынести ни серебра, ни золота, ни оружия; сам князь Михаил, ночью пробужденный огнем, едва мог спастися с юною супругою от пламени. В Новегороде обратились в пепел многие улицы (в 1299), Варяжская, Холопья, и Немецкий гостиный двор. Изверги, пользуясь общим смятением, грабили имение, снесенное в церкви; убивали сторожей: злодейство, о коем летописец говорит с праведным омерзением.

В княжение Андреево (в 1299 году) митрополит Максим оставил навсегда Киев, чтобы не быть там свидетелем и жертвою несносного тиранства моголов, и со всем клиросом переехал в Владимир; даже большая часть киевлян разбежалась по другим городам.

Из главы VII

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ ЯРОСЛАВИЧ

1304—1319

Спор о Великом княжении.— Злодейство князя Московского.— Узбеки.— Мужество новогородцев.— Георгий зять ханов.— Умеренность и добродушие Михаила.— Победа над татарами.— Суд в Орде.— Пышная забава ханская.— Город Маджары.— Разные бедствия.

Как жизнь, так и кончина Андреева была несчастием для России. Два князя объявили себя его наследниками: Михаил Тверский и Георгий Даниилович Московский; но первый с бо́льшим правом, будучи внуком Ярослава Всеволодовича и дядею Георгиевым, следственно, старейшим в роде. Сие право казалось вообще неоспоримым, и бояре Великого княжения, предав земле тело Андреево, спешили в Тверь поздравить Михаила государем Владимирским. Новогородцы также признали его своим главою, в уверении, что хан утвердит за ним Великое княжение. Михаил обязался, подобно отцу, блюсти их уставы, восстановить древние границы между Новым городом и землею Суздальскою; не требовать бывших волостей Димитриевых и Андреевых: купленные же им самим, княгинею или боярами его в земле Новогородской отдать на выкуп или прежним владельцам, или правительству; не позволять *самосуда* ни себе, ни княжеским судиям, но решить тяжбы единственно по законам; отправлять людей своих за Волок только из Новагорода, в двух ладьях, и проч.

Добрый митрополит Максим тщетно уговаривал Георгия не искать Великого княжения, обещая ему именем Ксении, матери Михаиловой, и своим собственным любые города в прибавок к его Московской области. Дядя и племянник поехали судиться к хану, оставив Россию в несогласии и в мятеже. Одни города стояли за князя Тверского, иные за Московского. Георгий едва мог спастися от друзей Михаиловых, которые не хотели пустить его в Орду и думали задержать на пути в области Суздальской; а Бориса Данииловича, приехавшего в Кост-

рому, схватили и послали в Тверь. Но второй Георгиев брат, Иоанн, разбил тверитян, хотевших взять Переславль, и воевода их, Акинф, остался на месте сражения в числе убитых. Наместники Михаиловы хотели въехать в Новгород: жители не впустили их, сказав: «мы избрали Михаила с *условием,* да явит грамоту ханскую, и будет тогда князем нашим, но не прежде!» — В других областях господствовало безначалие и неустройство. Граждане костромские, преданные Михаилу, ненавидя память Андрееву и злобствуя на бывших его любимцев, самовольно их судили и наказывали; а чернь Нижнего Новагорода, вследствие мятежного веча, умертвила многих бояр, как мнимых врагов отечества. Князь Нижегородский, Михаил, сын Андрея Ярославича, находился в Орде: он там женился и, возвратясь в свой удел, казнил виновников сего беззаконного веча: ибо чернь не имела власти судебной, исключительного права княжеского.

Чрез несколько месяцев решилась неизвестность: Михаил превозмог соперника и приехал с ханскою грамотою в Владимир, где митрополит возвел его на престол Великого княжения. Зная неуступчивость врага своего, он хотел оружием смирить Георгия и дважды приступал к Москве, однако ж без успеха; кровопролитный бой под ее стенами усилил только взаимную их злобу, бедственную для обоих, как увидим. Современные летописцы винят одного князя Московского, который в противность древнему обыкновению спорил с дядею о старейшинстве. Сверх того Георгий по качествам черной души своей заслуживал всеобщую ненависть и, едва утвердясь на престоле наследственном, гнусным делом изъявил презрение к святейшим законам человечества. Мы говорили о несчастной судьбе Рязанского владетеля, Константина, плененного Даниилом: он шесть лет томился в неволе; княжение его, лишенное главы, зависело некоторым образом от Московского. Георгий велел умертвить Константина, считая сие злодейство нужным для беспрекословного господства над Рязанью, и весьма ошибся: ибо сын убиенного, Ярослав, под защитою хана спокойно наследовал престол отеческий как владетель независимый, оставив в добычу Георгию из городов своих одну Коломну.— Самые меньшие братья Георгиевы, дотоле служив ему верно, не могли с ним ужиться в согласии. Двое из них, Александр и Борис Данииловичи, уехали в Тверь, без сомнения, недовольные его жестокостию.

Михаил несколько лет властвовал спокойно и жил большею частию в Твери.

Новгород, опустошенный в сие время пожаром, имел необходимую нужду в подвозах и, лишенный оных, мог быть жертвою голода; а Михаил долженствовал немедленно ехать в Орду. Хан Тохта умер; сын его, юный Узбек, воцарился, славный в летописях Востока правосудием и ревностию к вере магометовой, восстановленной им во всех могольских владениях: ибо Тохта был, кажется, язычником и не следовал учению Алкорана. Историк Абулгази пишет, что многие татары, в знак особенной любви к сему царю, назвалися его именем, или *узбеками,* доныне известными в Хиве и в землях окрестных.

Взяв с новогородцев 1500 гривен серебра, Михаил возвратил им своих наместников и, поехав в Орду, жил там целые два года. Столь долговременное отсутствие, без сомнения, невольное, имело вредные следствия для него и для России. Шведы сожгли Ладогу: карелы, впустив их в Кексгольм, умертвили там многих россиян. Хотя новогородцы отмстили тем и другим, под начальством Михаилова наместника выгнали шведов и казнили изменников карельских, но винили Михаила, что он, пресмыкаясь в Орде у ног хановых, забывает отечество. Георгий Московский не замедлил воспользоваться сим расположением: родственник его, князь Феодор Ржевский, приехал в Новгород, взял под стражу наместников Михаиловых, и так обольстил легкомысленных граждан, что они, признав Георгия своим начальником, объявили даже войну Великому князю. Едва не дошло до битвы: иа одном берегу Волги стояли новогородцы, на другом сын Михаилов, Димитрий, с верною тверскою ратию. К счастию, осенние морозы, покрыв реку тонким льдом, удалили кровопролитие, и новогородцы согласились на мир; а князь Московский, обещая им благоденствие и вольность, сел на престоле Святой Софии.

Скоро позвали Георгия к хану, дать ответ на справедливые жалобы Михаиловы. Он поручил Новгород брату своему Афанасию и взял с собою богатые дары, надеялся быть правым в таком судилище, где председательствовало алчное корыстолюбие. Но Михаил уже нес обнаженный меч и грамоту узбекову. Сильные полки моголов окружали его и вступили в Россию с воеводою Тайтемерем. Сия грозная весть поколебала, однако ж не смирила новогородцев. Исчисляя в мыслях все одержанные ими победы со времен Рюрика до настоящего и

вспомнив, что сам Михаил великодушною решимостью спас Тверь от нашествия моголов, они вооружились и ждали неприятеля близ Торжка. Прошло шесть недель. Наконец явилась сильная рать Михаилова, Владимирская, Тверская и могольская. Переговоров не было: вступили в бой, жестокий, хотя и неравный. Никогда новогородцы не изъявляли более мужества; чиновники и бояре находились впереди; купцы сражались как герои. Множество их легло на месте; остаток заключился в Торжке, и Михаил, как победитель, велел объявить, чтобы новогородцы выдали ему князей Афанасия и Феодора Ржевского, если хотят мира. Слабые числом, обагренные кровию, своею и чуждою, они единодушно ответствовали: «умрем за святую Софию и за Афанасия; честь всего дороже». Михаил требовал по крайней мере одного Феодора Ржевского: многие и того не хотели; наконец уступили необходимости и еще обязались заплатить Великому князю знатное количество серебра. Некоторые из бояр новогородских вместе с князем Афанасием остались аманатами в руках победителя; другие отдали ему все, что имели: коней, оружие, деньги. Написали следующую грамоту: «Великий князь Михаил условился с владыкою и с Новымгородом не воспоминать прошедшего. Что с обеих сторон захвачено в междоусобие, того не отыскивать. Пленники свободны без окупа. Прежняя Тверская Феоктистова грамота должна иметь всю силу свою. Новгород платит князю в разные сроки, от второй недели великого поста до вербной, 12 000 гривен серебра, зачитая в сей платеж взятое в Торжке у бояр новогородских имение. Князь, приняв сполна вышеозначенную сумму, должен освободить аманатов, изрезать сию грамоту и править нами согласно с древним уставом».

Сей мир, вынужденный крайностью, не мог быть истинным, и Великий князь, сведав, что послы новогородские тайно едут в Орду с жалобою на него, велел переловить их; отозвал наместников княжеских из Новагорода и пошел туда с войском. Новогородцы укрепили столицу, призвали жителей Пскова, Ладоги, Русы, карелов, ижорцев, вожан, и ревностно готовились к битве, одушевленные любовию к вольности и ненавистию к Великому князю. Он имел еще друзей между ими, но робких и безмолвных: ибо народ свирепо вопил на вече и грозил им казнию; свергнул одного боярина с моста за мнимую измену, а другого, совершенно невинного, умертвил по доносу раба, что господин его в переписке

с Михаилом.— Такое ужасное остервенение и многочисленность собранных в Новегороде ратников изумили Великого князя: он стоял несколько времени близ города, решился отступить и вздумал, к несчастию, идти назад ближайшею дорогою, сквозь леса дремучие. Там войско его, между озерами и болотами, тщетно искало пути удобного. Кони, люди падали мертвые от усталости и голода; воины сдирали кожу с щитов своих, чтобы питаться ею. Надлежало бросить или сжечь обозы. Князь вышел наконец из сих мрачных пустынь с одною пехотою, изнуренною и почти безоружною.

Тогда новогородцы прислали в Тверь архиепископа Давида, без всякой надменности моля Великого князя освободить их аманатов; предлагали ему серебро, мир и дружбу. «Дело сделано», говорили они: «желаем спокойствия и тишины». Михаил отвергнул сие предложение; стыдился мира бесчестного; хотел победить и даровать его.

Между тем Георгий жил в Орде, три года кланялся, дарил и приобрел наконец столь великую милость, что юный Узбек, дав ему старейшинство между князьями российскими, женил его на своей любимой сестре Кончаке, названной в крещении Агафиею: дело не весьма согласное с ревностию сего хана к вере магометовой! Провождаемый моголами и воеводою их, Кавгадыем, Георгий возвратился в Россию и, пылая нетерпением сокрушить врага, хотел немедленно завоевать Тверь. Михаил отправил к нему послов. «Будь Великим князем, если так угодно царю», сказали они Георгию именем своего государя: «только оставь Михаила спокойно княжить в его наследии; иди в Владимир и распусти войско». Ответом князя Московского было опустошение тверских сел и городов до самых берегов Волги. Тогда Михаил призвал на совет княжеский епископа и бояр. «Судите меня с племянником», говорил он: «не сам ли хан утвердил меня на Великом княжении? не заплатил ли я ему *выхода* или царской пошлины? Теперь отказываюсь от сего достоинства и не могу укротить злобы Георгия. Он ищет головы моей, жжет, терзает мою наследственную область. Совесть меня не упрекает; но, может быть, ошибаюсь. Скажите ваше мнение: виновен ли я пред Георгием?» Епископ и бояре, умиленные горестию и добросердечием князя, единогласно отвечали ему: «Ты прав, государь, пред лицом всевышнего, и когда смирение твое не могло тронуть ожесточенного врага, то возьми праведный меч в десницу; иди: с тобою бог и верные

слуги, готовые умереть за доброго князя».— «Не за меня одного (сказал Михаил), но за множество людей невинных, лишаемых крова отеческого, свободы и жизни. Вспомните речь евангельскую: *кто положит душу свою за друга, той велик наречется.* Да будет нам слово господне во спасение!» Великий князь, предводительствуя войском мужественным, встретил полки Георгиевы, соединенные с татарами и мордвою, в 40 верстах от Твери, где ныне селение Бортново. Началась битва. Казалось, что Михаил искал смерти: шлем и латы его были все исстрелены, обсечены, но князь цел и невредим; везде отражал неприятелей и наконец обратил их в бегство. Сия победа спасла множество несчастных россиян, жителей Тверской области, взятых в неволю татарами: смотря издали на кровопролитие, безоружные, скованные, они помогали своему князю усердными молитвами и, видя его торжество, плакали от радости. Михаилу представили жену Георгиеву, брата его Бориса Данииловича и воеводу Узбекова, Кавгадыя, вместе с другими пленниками. Великий князь запретил воинам убивать татар и, ласково угостив Кавгадыя в Твери, с богатыми дарами отпустил его к хану. Сей лицемер клялся быть ему другом; обвинял себя, Георгия и говорил, что они воевали Тверскую область без повеления Узбекова.

Князь Московский бежал к новогородцам, которые, еще не знав об успехе его в Орде, дали Михаилу слово не вмешиваться в их распрю. (В сие время они мстили шведам за разбитие наших судов на Ладожском озере; воевали приморскую часть Финляндии; взяли город *Финского* князя и другой — *епископов,* или нынешний Або. Узнав торжество Михаилово, новогородцы вступились за Георгия: собрали полки и приближились к Волге. На другой стороне ее развевались знамена тверские, украшенные знаками свежей победы; однако ж Великий князь не хотел вторичной жестокой битвы и предложил Георгию ехать с ним в Орду. «Хан рассудит нас» — говорил Михаил — «и воля его будет мне законом. Возвращаю свободу супруге твоей, брату и всем новогородским аманатам». На сем основании сочинили договорную грамоту, в коей *Георгий* именован *Великим князем,* и по коей новогородцы, в ожидании суда Узбекова, могли свободно торговать в Тверской области, а послы их ездить чрез оную безопасно. К несчастию, жена Георгиева скоропостижно умерла в Твери, и враги Михаиловы распустили слух, что она была отравлена ядом. Может быть, сам Георгий вымыслил сию клевету; по крайней

мере охотно верил ей и воспользовался случаем очернить своего великодушного неприятеля в глазах Узбековых. Провождаемый многими князьями и боярами, он вместе с Кавгадыем отправился к хану; а неосторожный Михаил еще медлил, послав в Орду двенадцатилетнего сына, Константина, защитника слабого и бессловесного.

Между тем, как враг его ревностно действовал в Сарае и подкупал вельмож могольских, Великий князь, имея чистую совесть и готовый всем жертвовать благу России, спокойно занимался в Твери делами правления; наконец, взяв благословение у епископа, поехал.

Михаил нашел Узбека на берегу моря *Сурожского*, или Азовского, при устье Дона; вручил дары хану, царице, вольможам и шесть недель жил спокойно в Орде, не слыша ни угроз, ни обвинений. Но вдруг, как бы вспомнив дело совершенно забытое, Узбек сказал вельможам своим, чтобы они рассудили Михаила с Георгием, и без лицеприятия решили, кто из них достоин наказания. Начался суд. Вельможи собрались в особенном шатре, подле царского; призвали Михаила и велели ему отвечать на письменные доносы многих баскаков, обвинявших его в том, что он не платил хану всей определенной дани. Великий князь ясно доказал их несправедливость свидетельствами и бумагами; но злодей Кавгадый, главный доноситель, был и судиею! Во второе заседание привели Михаила уже связанного и грозно объявили ему две новые вины его, сказывая, что он дерзнул обнажить меч на посла царева и ядом отравил жену Георгиеву. Великий князь отвечал: «В битве не узнают послов; но я спас Кавгадыя и с честию отпустил его. Второе обвинение есть гнусная клевета: как христианин свидетельствуюсь богом, что у меня и на мысли не было такого злодеяния». Судии не слушали его, отдали под стражу, велели оковать цепями. Еще верные бояре и слуги не отходили от своего злосчастного государя: приставы удалили их, наложили ему на шею тяжелую колодку и разделили между собою все драгоценные одежды княжеские.

Узбек ехал тогда на ловлю к берегам Терека со всем войском, многими знаменитыми данниками и послами разных народов. Сия любимая забава ханов продолжалась обыкновенно месяц или два, и разительно представляла их величие: несколько сот тысяч людей было в движении; каждый воин украшался лучшею своею одеждою и садился на лучшего коня; купцы на бесчисленных телегах везли товары индийские и греческие;

роскошь, веселие господствовали в шумных, необозримых станах, и дикие степи казались улицами городов многолюдных. Вся Орда тронулась: вслед за нею повлекли и Михаила, ибо Узбек еще не решил судьбы его. Несчастный князь терпел уничижение и муку с великодушною твердостию.

Князь, изнуренный, слабый, сел на площади, и любопытные окружили его, рассказывая друг другу, что сей узник был великим государем в земле своей. Глаза Михаиловы наполнились слезами: он встал и пошел в вежу, или шатер, читая тихим голосом из псалма: *вси видяще мя покиваху главами своими... Уповаю на господа!* — Несколько раз верные слуги предлагали ему тайно уйти, сказывая, что кони и проводники готовы. «Я никогда не знал постыдного бегства», отвечал Михаил: «оно может только спасти меня, а не отечество. Воля господня да будет!»

Орда находилась уже далеко за Тереком и горами Черкасскими, близ Врат Железных, или Дербента, подле ясского города Тетякова, в 1277 году взятого нашими князьями для хана Мангу-Тимура. Кавгадый ежедневно приступал к царю со мнимыми доказательствами, что Великий князь есть злодей обличенный: Узбек, юный, неопытный, опасался быть несправедливым; наконец, обманутый согласием бессовестных судей, единомышленников Георгиевых и Кавгадыевых, утвердил их приговор.

Михаил сведал и не ужаснулся; отслушав заутреню (ибо с ним были игумен и два священника), благословил сына своего, Константина; поручил ему сказать матери и братьям, что он умирает их нежным другом; что они, конечно, не оставят верных бояр и слуг его, которые у престола и в темнице изъявляли государю равное усердие. Час решительный наступал. Михаил, взяв у священника псалтирь и разогнув оную, читал слова: *сердце мое смятеся во мне, и боязнь смерти нападе на мя.* Душа его невольно содрогнулась. Игумен сказал ему: «Государь! в сем же псалме, столь тебе известном, написано: *возверзи на господа печаль твою*». Великий князь продолжал: *кто даст ми криле яко голубине? и полещу, и почию...* Умиленный сим живым образом свободы, он закрыл книгу, и в то самое мгновение вбежал в ставку один из его отроков с лицом бледным, сказывая дрожащим голосом, что князь Георгий Даниилович, Кавгадый и множество народа приближаются к шатру. «Ведаю для чего», ответствовал Михаил, и не-

медленно послал юного сына своего к царице, именем Баялыни, будучи уверен в ее жалости. Георгий и Кавгадый остановились близ шатра, на площади, и сошли с коней, отрядив убийц совершить беззаконие. Всех людей княжеских разогнали: Михаил стоял один и молился. Злодеи повергли его на землю, мучили, били пятами. Один из них, именем *Романец* (следственно христианской веры) вонзил ему нож в ребра и вырезал сердце. Народ вломился в ставку для грабежа, позволенного у моголов в таком случае.— Георгий и Кавгадый, узнав о смерти святого мученика — ибо таковым справедливо признает его наша церковь,— сели на коней и подъехали к шатру. Тело Михаилово лежало нагое. Кавгадый, свирепо взглянув на Георгия, сказал ему: «он твой дядя: оставишь ли труп его на поругание?» Слуга Георгиев закрыл оный своею одеждою.

Михаил не обманулся в надежде на добродушие супруги Узбековой: она с чувствительностью приняла и старалась утешить юного Константина; защитила и бояр его, успевших отдать себя в ее покровительство: другие же, схваченные злобными врагами их государя, были истерзаны и заключены в оковы.— Георгий послал тело Великого князя в Маджары, город торговый (на реке Куме, в Кавказской губернии), где, как вероятно, обитали некогда угры, изгнанные печенегами из Лебедии. Там многие купцы, знав лично Михаила, желали прикрыть оное драгоценными плащеницами и внести в *церковь;* но бояре Георгиевы не пустили их к окровавленному трупу и поставили его в хлеве. В ясском городе *Бездеже* они также не хотели остановиться у *церкви христианской;* днем и ночью стерегли тело; наконец привезли в Москву и погребли в монастыре Спасском (в Кремле, где стоит еще древняя церковь Преображения).

Злодей Кавгадый чрез несколько месяцев кончил жизнь свою внезапно; увидим, что провидение наказало и жестокого Георгия; а память Михаилова была священна для современников и потомства: ибо сей князь, столь великодушный в бедствии, заслужил славное имя *отечестволюбца.* Кроме одних новогородцев, считавших его опасным врагом народной вольности, все жалели об нем искренно, но всех более верные, мужественные тверитяне: ибо он возвеличил сие княжение и любил их действительно как отец. Сверх достоинств государственных — ума проницательного, твердости, мужества — Михаил отличался и семейственными: нежною любовию к супру-

ге, к детям, в особенности к матери, умной, добродетельной Ксении, воспитавшей его в правилах благочестия и скончавшей дни свои монахинею.

К сему общему государственному злу присоединялись тогда весьма частые естественные бедствия. Летописцы сказывают, что в 1309 году явилось везде чудесное множество мышей, которые съели хлеб на полях, рожь, овес, пшеницу: от чего в целой России произошли голод, мор на людей и на скот. В 1314 году Новгород терпел великий недостаток в съестных припасах; а народ псковский, угнетаемый дороговизною, грабил домы и села богатых людей так, что правительство долженствовало употребить весьма строгие меры для восстановления тишины и казнить пятьдесят главных мятежников. *Зобница* ржи стоила там 5 гривен. В 1318 году свирепствовала в Твери какая-то жестокая, смертоносная болезнь.

Из главы VIII

ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ ГЕОРГИЙ ДАНИИЛОВИЧ, ДИМИТРИЙ И АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧИ (Один после другого)

1319—1328

Горесть тверитян.— Рубли.— Дела с немцами ливонскими.— Мир с шведами в Орехове.— Князья устюжские.— Убиение Георгия и Димитрия.— Истребление моголов в Твери.— Мщение ханское.— Казнь рязанского князя.— Судьба южной и западной России.— Характер Гедимина.

Утвержденный ханом на Великом княжении; и взяв с собою юного Константина Михайловича и бояр тверских в виде пленников, Георгий приехал господствовать в Владимир, а брата своего, Афанасия, послал наместником в Новгород. Услышав о том, нежная супруга Михаилова, сыновья, епископ и вельможи изумились: они еще не знали происшедшего в Орде, но

угадывая свое несчастие, велели гонцам спешить в Москву, чтобы разведать там о судьбе Великого князя. Гонцы возвратились с подробным известием о всех ужасных обстоятельствах Михаиловой кончины.

Георгий ходил между тем с войском к Рязани и, заставив тамошнего князя Иоанна Ярославича согласиться на все его предложения, готовился к нападению на Тверскую область, уверенный в справедливой ненависти к нему сыновей Михаиловых. Димитрий не боялся войны; но хотел прежде освободить брата своего, Константина, и бояр Михаиловых, бывших аманатами в Владимире: послал тверского епископа, Варсонофия, в Переславль и заключил мир, дав Георгию 2000 *рублей* и слово не спорить с ним о Великом княжении. (Заметим, что здесь в первый раз упоминается о рублях: они были не что иное, как отрубки серебра, без всякого знака или клейма, весом около двадцати двух золотников).— Обманутый коварным миром, Георгий успокоился и поехал в Новгород, коего чиновники звали его предводительствовать войском: ибо шведы старались овладеть Карелиею и Кексгольмом.

Сведав, что Димитрий Михайлович, сверх покровительства Узбекова, имеет сильное войско в Великом княжении и что народ, любив отца его, изъявляет усердие и к сыну, Георгий решился на некоторое время остаться в Новегороде: ибо мог отсутствием утратить и сей важный престол. Новогородцы ходили с ним к берегам Невы, и там, где она вытекает из Ладожского озера, на острову *Ореховом,* заложили крепость Ореховскую, или нынешний Шлиссельбург, чтобы шведы не могли свободно входить в сие озеро. Услышав о том и желая прекратить войну столь часто бедственную для шведской Карелии и Финляндии, юный король Магнус прислал вельмож в стан Георгиев с дружелюбным предложением, соответственным обоюдной пользе. Оно было принято, россияне, заключив договор с послами, в своей новой крепости торжествовали мир, коего главное условие состояло в восстановлении древних пределов между обеими державами в Карелии и в Финляндии.

Новогородцы должны были в сие время управиться с устюжанами, грабившими их купцов на пути в Югорскую землю, и с литовцами, которые злодействовали в окрестностях Ловоти. Разбив последних, они взяли Устюг; но довольные сделанным там опустошением, на берегах Двины заключили мир с *князьями устюжскими,* наместниками Ростовского. Тогда Георгий, заслужив

искреннюю признательность новогородцев и обнадеженный в их верности, дружески простился с ними: он поехал к хану, чтобы вторично снискать его милость, лишить ее Димитрия и вновь утвердить за собою Великое княжение. Сие путешествие достойно замечания тем, что Георгий ехал от берегов Двины чрез область Пермскую; сел там на ладию, и рекою Камою плыл до нынешней Казанской губернии.

В следующий год отправился к хану и Димитрий. Там они увидели друг друга, и нежный сын, живо представив себе окровавленную тень Михаилову,— затрепетав от ужаса, от гнева,— вонзил меч в убийцу. Георгий испустил дух; а Димитрий, совершив месть, по его чувству справедливую и законную, спокойно ожидал следствий... Так одно злодеяние рождает в мире другое, и виновник первого ответствует за оба, по крайней мере в судилище вышнего! Тело Георгиево привезли в Москву, где княжил брат его, Иоанн Даниилович, и погребли в церкви Архангела Михаила.

Новогородцы сожалели об нем: тверитяне хвалили дело своего князя, с беспокойством ожидая суда Узбекова.

Хан долго молчал. Друзья князя Московского без сомнения представляли ему, что убийство столь наглое, совершенное пред его глазами, требует наказания, или будет пятном для чести царской, знаком слабости и поводом к новым опасным своевольствам князей Российских; что хан, сверх того, должен вступиться за Георгия, как за своего зятя. Прошло десять месяцев. Брат Димитриев, Александр, спокойно возвратился из Орды с ханскими пошлинниками, надеясь, что дело уже кончилось, и что Узбек не думает о мести. Но вдруг вышло грозное повеление, и несчастного Димитрия убили в Орде (вместе с князем Новосильским, потомком Михаила Черниговского, обвиненным также в каком-то преступлении). Сия весть, равнодушно принятая в Москве и в Новагороде, огорчила добрых тверитян, усердных к государям и видевших в юном своем князе славную жертву любви сыновней. Димитрий Михайлович, прозванием *Грозные очи,* смелый, пылкий, имел только 27 лет от рождения; женатый на дочери князя литовского, Гедимина, он не оставил детей.

Несмотря на казнь Димитриеву, Узбек в знак милости признал его брата Великим князем Российским: по крайней мере так назван Александр Михайлович в договорной грамоте, коею новогородцы, не имея

тогда главы и терпя от внутренних неустройств, обязались ему повиноваться как законному своему властителю.

В конце лета явился в Твери ханский посол, Шевкал, сын Дюденев и двоюродный брат Узбека, со многочисленными толпами грабителей. Бедный народ, уже привыкнув терпеть насилия татарские, искал облегчения в одних бесполезных жалобах; но содрогнулся от ужаса, слыша, что Шевкал, ревностный чтитель Алкорана, намерен обратить россиян в магометанскую веру, убить князя Александра с братьями, сесть на его престоле и все города наши раздать своим вельможам. Говорили, что он воспользуется праздником Успения, к коему собралось в Тверь множество усердных христиан, и что моголы умертвят их всех до единого. Сей слух мог быть неоснователен: ибо Шевкал не имел достаточного войска для произведения в действо намерения столь важного и столь несогласного с политикою ханов, хотевших всегда быть покровителями духовенства и церкви в набожной России. Но люди угнетенные обыкновенно считают своих тиранов способными ко всякому злодейству; самая грубая клевета кажется им доказанною истиною. Бояре, воины, граждане, готовые на все для спасения веры и православных государей, окружили князя, юного и легкомысленного. Забыв пример отца, великодушно умершего для спокойствия подданных, Александр с жаром представлял тверитянам, что жизнь его в опасности; что моголы, убив Михаила и Димитрия, хотят истребить и весь род княжеский; что время справедливой мести настало; что не он, а Шевкал замыслил кровопролитие и что бог есть надежда правых. Граждане, усердные, пылкие, единодушно требовали оружия: князь на рассвете, 15 августа, повел их ко дворцу Михаилову, где жил брат Узбеков. Общее волнение, шум и стук оружия пробудили татар: они успели собраться к своему начальнику и выступили на площадь. Тверитяне устремились на них с воплем. Сеча была ужасна. От восхода солнечного до темного вечера резались на улицах с остервенением необычайным. Уступив превосходству сил, моголы заключились во дворце: Александр обратил его в пепел, и Шевкал сгорел там с остатком ханской дружины. К свету не было уже ни одного татарина живого. Граждане умертвили и купцов ординских.

Сие дело, внушенное отчаянием, изумило Орду. Моголы думали, что вся Россия готова восстать и сокрушить свои цепи; но Россия только трепетала, бояся,

чтобы мщение хана, заслуженное тверитянами, не коснулось и других ее пределов. Узбек, пылая гневом, клялся истребить гнездо мятежников; однако ж, действуя осторожно, призвал Иоанна Данииловича Московского, обещал сделать его Великим князем, и дав ему в помощь 50 000 воинов, предводимых пятью ханскими темниками, велел идти на Александра, чтобы казнить россиян россиянами. К сему многочисленному войску присоединились еще суздальцы с владетелем своим, Александром Васильевичем, внуком Андрея Ярославича. Тогда князь Тверской мог умереть великодушно, или в славной битве, или предав себя одного в руки моголов, чтобы спасти подданных; но сын Михаилов не имел добродетели отца. Видя грозу, он пекся единственно о собственной безопасности и думал искать убежища в Новегороде. Туда ехали уже наместники московские: граждане не хотели об нем слышать. Между тем Иоанн и князь Суздальский, верные слуги Узбековой мести, приближались ко Твери, несмотря на глубокие снега и морозы жестокой зимы. Малодушный Александр, оставив свой добрый, несчастный народ, ушел во Псков, а братья его, Константин и Василий, в Ладогу. Началось бедствие. Тверь, Кашин, Торжок были взяты, опустошены со всеми пригородами; жители истреблены огнем и мечом, другие отведены в неволю. Самые новогородцы едва спаслися от хищности моголов, дав их послам 1000 рублей и щедро одарив всех воевод Узбековых.

Хан с нетерпением ожидал вести из России: получив оную, изъявил удовольствие. Дымящиеся развалины Тверских городов и селений казались ему славным памятником царского гнева, достаточным для обуздания строптивых рабов. В то же время казнив Рязанского владетеля, Иоанна Ярославича, он посадил его сына, Иоанна Коротопола, на сей кровию отца обагренный престол и, будучи доволен верностию князя Московского, дал ему самую милостивую грамоту на Великое княжение, приобретенное бедствием столь многих россиян.

Описав следствия Георгиевой кончины, обратим внимание читателя на южные области России. Быв некогда лучшим ее достоянием, с половины XIII века они сделались как бы чужды для нашего северного отечества, коего жители брали столь мало участия в судьбе киевлян, волынян, галичан, что летописцы суздальские и новогородские не говорят об ней почти ни слова; а волынский не доходит до времен наиболее любопытных важ-

ностию происшествий, когда народ бедный, дикий, платив несколько веков дань России и более ста лет умев только грабить, сведал от нас и немцев действия военного и гражданского искусства, в грозном ополчении выступил из темных лесов на феатр мира и быстрыми завоеваниями основал державу именитую. Говорим о Литве, уже сильной при Миндовге и Тройдене, но еще гораздо сильнейшей при Гедимине. Сей человек, разума и мужества необыкновенного, был конюшим литовского князя Витена или, вероятно, Буйвида: злодейски умертвив государя своего, он присвоил себе господство над всею землею Литовскою. Немцы, россияне, ляхи скоро увидели его властолюбие. Гедимин искал уже не добычи, но завоеваний — и древнее Пинское княжение, где долго властвовали потомки Святополка — Михаила, было силою оружия присоединено к Литве.

Не зная, когда именно литовцы овладели странами днепровскими, знаем только, что Киев при Димитрии Донском уже был в их власти (без сомнения и Черниговская область). Таким образом наше отечество утратило, и надолго, свою древнюю столицу, места славных воспоминаний, где оно росло в величии под щитом Олеговым, сведало бога истинного посредством св. Владимира, приняло законы от Ярослава Великого и художества от греков!..

Хитрый Гедимин умел снискать дружбу моголов; по крайней мере никогда не воевал с ними и не платил им дани. Властвуя над Литвою и завоеванною частию России, он именовал себя *Великим князем Литовским* и *Российским;* жил в Вильне, им основанной; правил новыми подданными благоразумно, уважая их древние гражданские обыкновения, покровительствуя веру греческую и не мешая народу зависеть в церковных делах от митрополита Московского; украшал новую столицу свою, ловил зверей в дремучих лесах.

Он старался образовать народ свой; дозволял ганзейским купцам торговать в Литве без всякой пошлины; призывал людей ремесленных, серебреников, каменщиков, механиков; на десять лет освобождал всех новых поселенцев от дани, ручаясь им за безопасность личную и целость собственности, кою они приобретут своим трудолюбием; давал им гражданское право Риги и всевозможные выгоды; построил для христиан церкви в Вильне и Новогродке.

Нет сомнения, что вся древняя область Кривская, или нынешняя Белоруссия, уже совершенно зависела от

Гедимина; но держась правил умеренности в своем властолюбии, он не хотел изгнать тамошних князей и, довольствуясь их покорностию, оставлял им уделы наследственные. Так (в 1326 году) с братом его, воином, приезжали из Литвы в Новгород, для заключения мира, князь Полоцкий Василий и Минский Феодор Святославич, вероятно потомки св. Владимира от племени Рогнедина сына, Изяслава.

Из главы IX

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИОАНН ДАНИЛОВИЧ, ПРОЗВАНИЕМ КАЛИТА

1328—1340

Северная Россия отдыхает.— Москва глава России.— Предсказание митрополита.— Милость хана к Иоанну.— Великодушие псковитян.— Происшествия новогородские.— Закамское серебро.— Хан прощает Александра.— Иоанн повелевает князьями.— Несчастие Александра.— Кончина и достоинства Иоанновы.— Прозвание Калиты.— Кремник.— Торг на Мологе.— Завещание Великого князя.

Летописцы говорят, что с восшествием Иоанна на престол Великого княжения мир и тишина воцарились в северной России; что моголы перестали наконец опустошать ее страны и кровию бедных жителей орошать пепелища; что христиане на сорок лет опочили от истомы и насилий долговременных — то есть Узбек и преемники его, довольствуясь обыкновенною данию, уже не посылали воевод своих грабить Великое княжение, занятые делами Востока и внутренними беспокойствами Орды или устрашаемые примером Твери, где Шевкал был жертвою ожесточенного народа. Отечество наше стовало в уничижении: головы князей все еще падали в Орде по единому мановению ханов; но земледельцы могли спокойно трудиться на полях, купцы ездить из города в город с товарами, бояре наслаждаться избытком. Кони татарские уже не топтали младенцев, девы хранили невинность, старцы не умирали на снегу. Первое добро государственное есть безопасность и покой; честь драгоценна для народов благоденствующих: угнетенные желают только облегчения и славят бога за оное.

Сия, действительно благословенная по тогдашним обстоятельствам перемена ознаменовала возвышение Москвы, которая со времен Иоанновых сделалась истинною главою России. Мы видели, что и прежние Великие князья любили свои удельные или наследственные города более Владимира, совершая в нем только обряд восшествия на главный престол Российский: Димитрий Александрович жил в Переславле Залесском, Михаил Ярославич в Твери; следуя той же естественной привязанности к родине, Иоанн Данилович не хотел выехать из Москвы, где находилась уже и кафедра митрополии: ибо святой Петр, имев несколько раз случай быть в сем городе, полюбил его красивое местоположение и доброго князя, оставил знаменитую столицу Андрея Боголюбского, правимую тогда уже одними наместниками княжескими, и переселился к Иоанну. «Если ты» — говорил он князю в духе пророчества, как пишет митрополит Киприан в житии св. Петра — «если ты успокоишь мою старость и воздвигнешь здесь храм, достойный Богоматери, то будешь славнее всех иных князей и род твой возвеличится; кости мои останутся в сем граде; святители захотят обитать в оном, *и руки его взыдут на плеща врагов наших».* Иоанн исполнил желание старца, и в 1326 году, 4 августа, заложил в Москве *на площади первую* церковь *каменную* во имя Успения Богоматери при великом стечении народа. Святой митрополит, собственными руками построив себе каменный гроб в ее стене, зимою преставился; над прахом его в следующем году освятил сию церковь епископ Ростовский, и новый митрополит, именем Феогност, родом грек, основал свою кафедру также в Москве, к неудовольствию других князей: ибо они предвидели, что наследники Иоанновы, имея у себя главу духовенства, захотят исключительно присвоить себе достоинство Великокняжеское. Так и случилось, ко счастию России. В то время, когда она достигла вышней степени бедствия, видя лучшие свои области, отторженные Литвою, все другие истерзанные моголами,— в то самое время началось ее государственное возрождение, и в городке, дотоле маловажном, созрела мысль благодетельного единодержавия, открылась мужественная воля прервать цепи ханские, изготовились средства независимости и величия государственного. Новгород знаменит бывшею в нем колыбелию монархии, Киев купелию христианства для россиян; но в Москве спаслися отечество и вера.— Сие время великих подви-

гов и славных усилий еще далеко. Обратимся к происшествиям.

Первым делом Великого князя было ехать в Орду вместе с меньшим братом Александра Тверского, Константином Михайловичем, и с чиновниками новогородскими. Узбек признал Константина Тверским князем; изъявил милость Иоанну: но отпуская их, требовал, чтобы они представили ему Александра. Вследствие того послы Великого князя и новогородские, архиепископ Моисей и тысячкий Аврам, прибыв во Псков, именем отечества убеждали Александра явиться на суд к хану и тем укротить его гнев, страшный для всех россиян. «И так вместо защиты» — ответствовал князь Тверской — «я нахожу в вас гонителей! Христиане помогают неверным, служат им и предают своих братьев! Жизнь суетная и горестная не прельщает меня: я готов жертвовать собою, для общего спокойствия». Но добрые псковитяне, умиленные его несчастным состоянием, сказали ему единодушно: «Останься с нами: клянемся, что тебя не выдадим; по крайней мере умрем с тобою». Они велели послам удалиться и вооружились. Так народ действует иногда по внушению чувствительности, забывая свою пользу, и стремится на опасность, плененный славою великодушия. Чем реже бывают сии случаи, тем они достопамятнее в летописях. Разделяя с Новымгородом выгоды немецкой торговли, псковитяне славились в сие время и богатством и воинственным духом. Под защитою высоких стен они готовились к мужественной обороне и построили еще новую каменную крепость в Изборске, на горе Жераве.

Иоанн, боясь казаться хану ослушником или нерадивым исполнителем его воли, приехал в Новгород с митрополитом и многими князьями российскими, в числе коих находились и братья Александровы, Константин и Василий, также князь Суздальский, Александр Васильевич. Ни угрозы, ни воинские приготовления Иоанновы не могли поколебать твердости псковитян: в надежде, что они одумаются, Великий князь шел медленно к их границам, и чрез три недели расположился станом близ Опоки; но видя, что надобно сражаться или уступить, прибегнул к иному способу, необыкновенному в древней России: он склонил митрополита наложить проклятие на Александра и на всех жителей Пскова, если они не покорятся. Сия духовная казнь, соединенная с отлучением от церкви, устрашила народ. Однако ж граждане все еще не хотели предать несчастного сына Михаилова.

Сам Александр великодушно отказался от их помощи. «Да не будет проклятия на моих друзьях и братьях ради меня!» сказал он им со слезами: «иду из вашего града, освобождая вас от данной мне клятвы». Александр уехал в Литву, поручив им свою печальную юную супругу. Горесть была общая: ибо они искренно любили его. Посадник их, именем Сорога, объявил Иоанну, что изгнанник удалился. Великий князь был доволен.

Между тем как Иоанн, частыми путешествиями в Орду доказывая свою преданность хану, утверждал спокойствие в областях Великого княжения, Новгород был в непрестанном движении от внутренних раздоров, или от внешних неприятелей, или ссорясь и мирясь с Великим князем. Зная, что новогородцы, торгуя на границах Сибири, доставали много серебра из-за Камы, Иоанн требовал оного для себя и, получив отказ, вооружился; собрал всех князей Низовских, Рязанских; занял Бежецк, Торжок и разорял окрестности. Тщетно новогородцы звали его к себе, чтобы дружелюбно прекратить взаимное неудовольствие: он не хотел слушать послов, и сам архиепископ Василий, ездив к нему в Переславль, не мог его умилостивить. Новогородцы давали Великому князю 500 рублей серебра, с условием, чтобы он возвратил села и деревни, беззаконно им приобретенные в их области; но Иоанн не согласился и в гневе уехал тогда к хану.

Однако ж новогородцы все еще старались утишить гнев Великого князя и наконец в том успели посредством, кажется, митрополита Феогноста, с коим деятельный архиепископ Василий имел свидание в Владимире. Иоанн, возвратясь из Орды в Москву, выслушал милостиво их послов и сам приехал в Новгород. Все неудовольствия были преданы забвению. В знак благоволения за оказанную ему почесть и приветливость жителей, умевших иногда ласкать князя, Иоанн позвал в Москву архиепископа и главных их чиновников, чтобы за роскошное угощение отплатить им таким же. В сих взаимных изъявлениях доброжелательства он согласился с новогородцами вторично изгнать Александра Михайловича из России и смирить псковитян, исполняя волю татар или следуя движению личной на него злобы. Условились в мерах, но отложили поход до иного времени.

Великий князь, испытав неудачу, оставил новогородцев в покое, встревоженный переменою в судьбе Александра Михайловича. Жив около десяти лет во Пскове, Александр непрестанно помышлял о своей отчизне и

средствах возвратиться с безопасностию в ее недра. «Если умру в изгнании» — говорил он друзьям,— «то и дети мои останутся без наследия». Псковитяне любили его, но сила не соответствовала их усердию: он предвидел, что новогородцы не откажутся от древней власти над ними, воспользуются первым случаем смирить сих ослушников, выгонят его или оставят там из милости своим наместником. Покровительство Гедимина не могло возвратить ему тверского престола: ибо сей Литовский князь избегал войны с ханом. Александр мог бы обратиться к Великому князю; но будучи им издавна ненавидим, надеялся скорее умилостивить грозного Узбека, и послал к нему юного сына своего, Феодора, который (в 1336 году) благополучно возвратился в Россию с послом могольским. Привезенные вести были таковы, что Александр решился сам ехать в Орду и, взяв заочно благословение от митрополита Феогноста, отправился туда с боярами. Его немедленно представили Узбеку. «Царь верховный!» сказал он хану с видом покорности, но без робости и малодушия; «я заслужил гнев твой, и вручаю тебе мою судьбу. Действуй по внушению неба и собственного сердца. Милуй или казни: в первом случае прославлю бога и твою милость. Хочешь ли головы моей? она пред тобою». Свирепый хан смягчился, взглянул на него милостиво и с удовольствием объявил вельможам своим, что «князь Александр смиренною мудростию избавляет себя от казни». Узбек осыпал его знаками благоволения и возвратил ему достоинство князя Тверского.

Александр с восхищением прибыл в свою отечественную столицу, где братья и народ встретили его с такою же искреннею радостию. Тверь, в 1327 году опустошенная моголами, уже возникла из своего пепла трудами и попечением Константина Михайловича; рассеянные жители собралися, и церкви, вновь украшенные их ревностию к святыне, сияли в прежнем велелепии. Добрый Константин, восстановитель сего княжения, охотно сдал правления старшему брату, коего безрассудная пылкость была виною столь великого несчастия, и желал, чтобы он превосходством опытного ума своего возвратил их отчизне знаменитость и силу, приобретенные во дни Михаиловы. Александр призвал супругу и детей из Пскова, велев объявить его добрым гражданам вечную благодарность за их любовь, и надеялся жить единственно для счастия подданных. Но судьба готовила ему иную долю.

Благоразумный Иоанн — видя, что все бедствия России произошли от несогласия и слабости князей,— с самого восшествия на престол старался присвоить себе верховную власть над князьями древних уделов Владимирских, и действительно в том успел, особенно по кончине Александра Васильевича Суздальского, который, будучи внуком старшего сына Ярославова, имел законное право на достоинство Великокняжеское, и хотя уступил оное Иоанну, однако ж, господствуя в своей частной области, управлял и Владимиром: так говорит один летописец, сказывая, что сей князь перевез было оттуда и древний Вечевой колокол Успенской соборной церкви в Суздаль, но возвратил оный, устрашенный его глухим звуком. Когда ж Александр (в 1333 году) преставился бездетным, Иоанн не дал Владимира его меньшему брату, Константину Васильевичу, и пользуясь благосклонностию хана, начал смелее повелевать князьями; выдал дочь свою за Василия Давидовича Ярославского, другую за Константина Васильевича Ростовского, и, действуя как глава России, предписывал им законы в собственных их областях. Так московский боярин или воевода, именем Василий Кочева, уполномоченный Иоанном, жил в Ростове и казался истинным государем: свергнул тамошнего градоначальника, старейшего боярина Аверкия; вмешивался в суды, в расправу; отнимал и давал имение. Народ жаловался, говоря, что слава Ростова исчезла; что князья его лишились власти и что Москва тиранствует! Самые владетели рязанские долженствовали следовать за Иоанном в походах; а Тверь, сетуя в развалинах и сиротствуя без Александра Михайловича, уже не смела помышлять о независимости. Но обстоятельства переменились, как скоро сей князь возвратился, бодрый, деятельный, честолюбивый. Быв некогда сам на престоле Великокняжеском, мог ли он спокойно видеть на оном врага своего? мог ли не думать о мести, снова уверенный в милости ханской? Владетели удельные хотя и повиновались Иоанну, но с неудовольствием, и рады были взять сторону Тверского князя, чтобы ослабить страшное для них могущество первого: так и поступил Василий Ярославский, начав изъявлять недоброжелательство тестю и заключив союз с Александром. Боясь утратить первенство, лестное и для властолюбия и нужное для спокойствия государства, Иоанн решился низвергнуть опасного совместника.

Иоанн не хотел прибегнуть к оружию, ибо имел иное безопаснейшее средство погубить Тверского князя: от-

правив юного сына, Андрея, к новогородцам, чтобы прекратить раздор с ними, он спешил в Орду и взял с собою двух старших сыновей, Симеона и Иоанна; представил их величавому Узбеку как будущих надежных, ревностных слуг его рода; искусным образом льстил ему, сыпал дары, и совершенно овладев доверенностию хана, мог уже смело приступить к главному делу, то есть к очернению Тверского князя. Нет сомнения, что Иоанн описал его закоснелым врагом моголов, готовым возмутить против них всю Россию и новыми неприятельскими действиями изумить легковерное милосердие Узбеково. Царь, устрашенный опасностию, послал звать в Орду Александра, Василия Ярославского и других князей удельных, коварно обещая каждому из них, и в особенности первому, отменные знаки милости. Иоанн же, чтобы отвести от себя подозрение, немедленно возвратился в Москву ожидать следствий.

Хотя посол татарский всячески уверял Александра в благосклонном к нему расположении Узбековом, однако ж сей князь, опасаясь злых внушений Иоанновых в Орде, послал туда наперед сына своего, Феодора, чтобы узнать мысли хана; но, получив вторичный зов, должен был немедленно повиноваться. Мать, братья, вельможи, граждане трепетали, воспоминая участь Михаилову и Димитриеву. Казалось, что самая природа остерегала несчастного князя: в то время, как он сел в ладью, зашумел противный ветер, и гребцы едва могли одолеть стремление волн, которые несли оную назад к берегу. Сей случай казался народу бедственным предзнаменованием. Василий Михайлович проводил брата за несколько верст от города; а Константин лежал тогда в тяжкой болезни, и чувствительный Александр всего более жалел о том, что не мог дождаться его выздоровления.— Вместе с Тверским князем поехали в Орду Роман Михайлович Белозерский и двоюродный его брат, Василий Давидович Ярославский. Ненавидя последнего и зная, что он будет защищать Александра перед ханом, Великий князь тайно отправил 500 воинов схватить его на пути; но Василий отразил их и ехал в Орду с намерением жаловаться Узбеку на Иоанна, своего тестя.

Юный Феодор Александрович встретил родителя в Улусах и, проливая слезы, объявил о гневе хана. «Да будет воля божия!» сказал Александр, и понес богатые дары Узбеку и всему его двору. Их приняли с мрачным безмолвием. Прошел месяц: Александр молился богу и

ждал суда. Некоторые вельможи татарские и царица вступались за сего князя; но прибытие в Орду сыновей Иоанновых решило дело: Узбек, подвигнутый ими или друзьями хитрого их отца, без всяких исследований объявил, что мятежный, неблагодарный князь Тверской должен умереть. Еще Александр надеялся: ждал вестей от царицы и, сев на коня, спешил видеть своих доброжелателей; узнав же, что казнь его неминуема, возвратился домой, вместе с сыном причастился святых таин, обнял верных слуг и бодро вышел навстречу к убийцам, которые, отрубив голову ему и юному Феодору, *розняли их по составам!* Сии истерзанные остатки несчастных князей были привезены в Россию, отпеты в Владимире митрополитом Феогностом и преданы земле в Тверской соборной церкви, подле Михаила и Димитрия: четыре жертвы Узбекова тиранства, оплаканные современниками и отмщенные потомством! Никто из ханов не умертвил столько российских владетелей, как сей: в 1330 году он казнил еще князя Стародубского, Феодора Михайловича, думая, что сии страшные действия гнева царского утвердят господство моголов над Россиею. Оказалось следствие противное, и не хан, но Великий князь воспользовался бедственною кончиною Александра, присвоив себе верховную власть над Тверским княжением: ибо Константин и Василий Михайловичи уже не дерзали ни в чем ослушаться Иоанна и как бы в знак своей зависимости должны были отослать в Москву вещь по тогдашнему времени важную: соборный колокол отменной величины, коим славились тверитяне. Узбек не знал, что слабость нашего отечества происходила от разделения сил оного и что, способствуя единовластию князя Московского, он готовит свободу России и падение царства Канчакского.

Сим заключалось достопамятное правление Иоанна Данииловича: остановленный в важных его намерениях внезапным недугом, он променял княжескую одежду на мантию схимника и кончил жизнь в летах зрелого мужества, указав наследникам путь к единовластию и к величию. Но справедливо хваля Иоанна за сие государственное благодеяние, простим ли ему смерть Александра Тверского, хотя она и могла утвердить власть Великокняжескую? Правила нравственности и добродетели святее всех иных и служат основанием истинной политики. Суд истории, единственный для государей — кроме суда небесного,— не извиняет и самого счастливого

злодейства: ибо от человека зависит только дело, а следствие от бога.

Несмотря на коварство, употребленное Иоанном к погибели опасного совместника, москвитяне славили его благость и, прощаясь с ним во гробе, орошаемом слезами народными, единогласно дали ему имя *собрателя земли Русской* и Государя-отца: ибо сей князь не любил проливать крови их в войнах бесполезных, освободил Великое княжение от грабителей внешних и внутренних, восстановил безопасность собственности и личную, строго казнил татей и был вообще правосуден.

Отменная набожность, усердие к строению храмов и милосердие к нищим не менее иных добродетелей помогли Иоанну в снискании любви общей. Он всегда носил с собою мешок или *калиту,* наполненную деньгами для бедных: от чего и прозван *Калитою.* Кроме Собора Успенского, им построены еще каменный Архангельский (где стояла его гробница и где с того времени погребали всех князей московских), церковь Иоанна Лествичника (на площади Кремлевской) и Св. Преображения, древнейшая из существующих ныне, и бывшая тогда Архимандритиею, которую основал еще отец Иоаннов на берегу Москвы-реки при создании им деревянной церкви св. Даниила: Иоанн же перевел сию обитель к своему дворцу, любил более всех иных, обогатил доходами; кормил, одевал там нищих и в ней постригся пред кончиною.— Украшая столицу каменными храмами, он окружил ее (в 1339 году) дубовыми стенами и возобновил сгоревший в его время *Кремник,* или нынешний Кремль, бывший внутреннею крепостию, или, по старинному именованию, *Детинцем.* В княжение Иоанна два раза горела Москва; были и другие несчастия: ужасное наводнение от сильного дождя и голод, названный в летописях *рослою рожью.* Но подданные, облаготворенные деятельным, отеческим правлением Калиты, не смели жаловаться на бедствия случайные и славили его счастливое время.

Тишина Иоаннова княжения способствовала обогащению России северной. Новгород, союзник Ганзы, отправлял в Москву и в другие области работу немецких фабрик. Восток, Греция, Италия (чрез Кафу и нынешний Азов) присылали нам свои товары. Уже купцы не боялись в окрестностях Владимира или Ярославля встретиться с шайками татарских разбойников: милостивые грамоты Узбековы, данные Великому князю, служили щитом для путешественников и жителей. Открылись

новые способы мены, новые торжища в России: так в Ярославской области, на устье Мологи, где существовал *Холопий городок*, съезжались купцы немецкие, греческие, италиянские, персидские, и казна в течение летних месяцев собирала множество пошлинного серебра, как уверяет один писатель XVII века: бесчисленные суда покрывали Волгу, а шатры прекрасный, необозримый луг Моложский, и народ веселился в семидесяти питейных домах. Сия ярмонка слыла первою в России до самого XVI столетия.

Добрая слава Калиты привлекла к нему людей знаменнтых: из Орды выехал в Москву татарский мурза Чет, названный в крещении Захариею, от коего произошел царь Борис Феодорович Годунов; а из Киева вельможа Родион Несторович, предок Квашниных, который был вызван Иоанном еще во время Михаила Тверского и привел с собою 1700 отроков или детей боярскнх.

Древняя русская пословица: *близ царя, близ смерти,* роднлась, думаю, тогда, как наше отечество носило цепи моголов. Князья ездили в Орду как на страшный суд: счастлив, кто мог возвратиться с милостню царскою или по крайней мере с головою! Так Иоанн Даниилович, в начале своего Великокняжения отправляясь к Узбеку, написал завещание и распорядил наследие между тремя сыновьями и супругою, именем Еленою, которая преставнлась монахинею в 1332 году. Сия древнейшая из подлинных духовных грамот княжеских, нам известных, свндетельствует, какие города принадлежали тогда к Московской области, и как велико было достоянне князей. Иоанн говорит: «Не зная, что Всевышнні готовит мне в Орде, куда еду, оставляю сию *душевную* грамоту, написанную мною добровольно, в целом уме и совершенном здравии. Приказываю, в случае смерти, сыновьям моим город Москву: отдаю Симеону Можайск, Коломну с волостямн, Ивану Звенигород и Рузу; Андрею Лопастну, Серпухов, Перемышль; княгине моей с меньшими детьми села, бывшие в ее владенин» (следуют имена их)... «также оброк *городских волостей;* а купеческие пошлины, в оных собираемые, остаются доходом наших сыновей. Ежелн татары отнимут волость или село у кого из вас, любезные дети, то вы обязаны снова уравнять свои частн или уделы. Люди *численые* — то есть вольные, окладные, платившие дань государственную — должны быть под общим вашим ведением: а в раздел идут единственно купленные мною.— Грамоту писал дьяк великокняжеский Кострома, при духов-

ных отцах моих, священниках Ефреме, Феодосии и Давиде; кто нарушит оную, тому бог судия».— К грамоте привешены две печати: одна серебряная вызолоченная с изображением Спасителя и св. Иоанна Предтечи и с надписью: *печать Великого князя Ивана;* а другая свинцовая.— В сем завещании не сказано ни слова о Владимире, Костроме, Переславле и других городах, бывших достоянием великокняжеского сана: Иоанн, располагая только своею отчиною, не мог их отказать сыновьям, ибо назначение его преемника зависело от хана.

Исчисляя свои села, Великий князь упоминает о купленных или вымененных им в Новегороде, Владимире, Костроме и Ростове: таким образом он старался приобретать наследственную собственность и вне Московской области, к неудовольствию других князей и вопреки условию, заключенному с новогородцами. Но еще несравненно важнейшим приобретением были города Углич, Белозерск и Галич, купленные Иоанном Даниииловичем: первые два у потомков Константина I, а третий у наследников Константина Ярославича Галицкого, как сказано в одной из грамот Димитрия Донского: чему надлежало случиться незадолго до преставления Калиты.

Из главы X

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СИМЕОН ИОАННОВИЧ, ПРОЗВАНИЕМ ГОРДЫЙ

1340—1353

Корыстолюбие моголов.— Твердость Симеона Гордого.— Сношения Папы с Ордою.— Война с Магнусом.— Псков брат Новагорода.— Черная смерть.— Кончина Симеона.— Великий князь всея Руси.— Начало Троицкой Лавры.— Художества в России.

Смерть Иоаннова была важным происшествием для князей российских: они спешили к хану. Два Константина, Тверский и Суздальский, могли искать Великого княжения: другие желали им успеха, боясь исключительного первенства московских владете-

лей. Но Симеон Иоаннович (во время кончины родителя быв в Нижнем Новегороде) также поехал с братьями в Орду; представил Узбеку долговременную верность отца своего, обещал заслужить милость царскую и был объявлен Великим князем: прочие долженствовали ему повиноваться как главе или старейшему. Без сомнения не красноречие юного Симеона и не дружба ханова к его родителю произвела сие действие, но другая сильнейшая для варваров причина: корысть и подкуп. Моголы, некогда ужасные своею дикостию в снежных степях Татарии, изменились характером на берегах Черного моря, Дона и Волги, узнав наслаждения роскошн, доставляемые им торговлею образованной Европы и Азии; уже менее любили опасности битв и тем более удовольствие неги, соединенной с грубою пышностию. В таком расположении серебро долженствовало быть их главным или единственным идолом. Любимцы прежних ханов искали завоеваний: любимцы Узбековы требовали взяток и продавали его милости; а князья московские, умножив свои доходы приобретением новых областей и новыми торговыми сборами, находили ревностных друзей в Орде, ибо могли удовлетворять алчному корыстолюбию ее вельмож, и называясь смиренным именем слуг ханских, сделались могущественными государями.

Симеон, в бодрой юности достигнув великокняжеского сана, умел пользоваться властию, не уступал в благоразумии отцу и следовал его правилам: ласкал ханов до уничижения, но строго повелевал князьями российскими и заслужил имя *Гордого*. Торжественно воссев на престол в Соборном храме Владимирском, он при гробе отца клялся братьям жить с ними душа в душу, иметь всегда одних друзей и врагов; взял с них такую же клятву и скоро имел случай доказать твердость своего правления. Считая себя законным государем Новагорода, он послал наместников в Торжок для собрания дани. Недовольные сим действием самовластия, тамошние бояре призвали новогородцев, которые, заключив наместников княжеских в цепи, объявили Симеону, что он только государь Московский; что Новгород *избирает* своих князей и не терпит насилия. Симеон, не споря с ними о правах, готовил войско. Новогородцы также вооружались; но чернь требовала мира, а жители Торжка взбунтовались: выгнали от себя новогородских чиновников и бояр своих, убив одного знатнейшего и разломав домы прочих; освободили наместников Симеоновых, и с усердными восклицаниями приняли Великого князя, окруженно-

го полками московскими, суздальскими, ярославскими и другими. Все удельные князья и бояре их составляли его двор воинский. Тут же был и митрополит Феогност. Встревоженные новогородцы велели областным жителям идти в столицу для ее защиты и, послав архиепископа с боярами в Торжок, требовали мира; уступили Симеону всю народную дань, собираемую в области сего пограничного города, или 1000 рублей серебра, и были довольны тем, что Великий князь, следуя обыкновению, грамотою обязался наблюдать их древние уставы.

Согласив честь княжескую с обычаем народа вольного, Симеон распустил войско, и вдруг услышал, что Ольгерд, сын Гедиминов, князь Витебский, осадил Можайск, с намерением завоевать его для владетеля смоленского, союзника Литвы. Великий князь не успел сразиться с неприятелем: Ольгерд выжег предместие; но видя крепость города и мужество защитников, отступил, может быть и для того, что в сие время умер славный Гедимин.

В тот же год умер и знаменитый хан капчакский Узбек, памятный в нашей истории разорением Твери и бедствиями Михаилова рода, союзник и приятель Папы Венедикта XII, который надеялся склонить его к христианству, и коему он дозволял утверждать веру латинскую в странах черноморских, особенно в земле ясов, обращенных монахом римским Ионою Валентом; жена ханова и сын присылали дары Венедикту, и генуэзцы, жители Кафы, ездили к нему в качестве послов татарских. Но Узбек не думал изменить Алкорану, терпя христиан единственно как политик благоразумный. Сын его, Чанибек, подобно отцу ревностный служитель магометовой веры, открыл себе путь к престолу убиением двух братьев, и князья российские вместе с митрополитом долженствовали немедленно ехать в Орду, чтобы смиренно пасть пред окровавленным ее троном. С честию и милостию отпустив Симеона, хан долго держал митрополита, требуя, чтобы он, богатый доходами, серебром и золотом, ежегодно платил церковную дань татарам; но Феогност ссылался на льготные грамоты ханов, и Чанибек удовольствовался наконец шестью стами рублей, даром единовременным: ибо — что достойно замечания — не дерзнул самовольно отменить устава своих предков; а Феогност, за его твердость, был прославлен нашим духовенством. Все осталось, как было при Узбеке.

Король Магнус, легкомысленный и надменный, вздумал загладить грехи своего нескромного сластолюбия,

услужить Папе и прославиться подвигом благочестивым; собрал в Штокгольме совет государственный и предложил ему силою обратить россиян в латинскую веру, требуя людей и денег. Сие намерение казалось совету достохвальным; но Швеция, истощенная корыстолюбием духовенства, могла только дать людей Магнусу. Король дерзнул прикоснуться к церковным сокровищам или *доходам Св. Петра;* презрел неудовольствие епископов и нанял многих немецких воинов. В сие время славилась там пророчествами и святостию вдовствующая супруга вельможи Гудмарсона, дочь Биргерова, именем Бригитта: она, как вдохновенная Пифия, заклинала Магнуса не брать с собою развратных иноземцев, но идти на Россию с одними набожными шведами и готами, достойными воевать для успехов истины: в противном случае грозила ему бедствием. Король смеялся над ее предсказанием, и с войском многочисленным приплыв к острову Березовому, или Биорку, послал объявить новогородцам, чтобы они избрали русских *философов* для прения со шведскими о вере, и приняли латинскую, если она будет найдена лучшею, или готовились воевать с ним. Архиепископ Василий, посадник, все чиновники и граждане, изумленные таким предложением, благоразумно ответствовали: «Ежели король хочет знать, какая вера лучше, греческая или римская, то может для состязания отправить людей ученых к патриарху цареградскому: ибо мы приняли Закон от греков, и не намерены входить в суетные споры. Когда же Новгород чем-нибудь оскорбил шведов, то Магнус да объявит свои неудовольствия нашим послам». Боярин Козма Твердиславич поехал для свидания с королем; но Магнус сказал ему, что он, не имея никаких причин к неудовольствию, желает только обратить россиян на путь душевного спасения, добровольно или оружием. Война началася. Шведы приступили к Орехову, предлагая окрестным жителям на выбор смерть или Папу. Сие безумное насилие воспалило гнев и мужество в новогородцах. Воины стекались к ним из областей и спешили защитить Ладогу. Хотя Орехов (где был еще наместник сына Гедиминова, Нариманта) сдался Магнусу, но потеряв 500 человек в битве на берегах Ижоры, имея недостаток в съестных припасах, видя множество больных в своем войске и зная, что россияне идут со всех сторон окружить его флот на реке Неве, сей легкомысленный король уверился в истине Бригиттина предсказания, оставил несколько полков в Невской крепости и возвратился в отечество с одним

стыдом и с десятью пленниками, в числе коих были Аврам Тысячский и Козма Твердиславич, взятые в Орехове. Шведские летописцы говорят, что Магнус, овладев сим городом и неволею крестив жителей по обрядам римской церкви, *великодушно* освободил их; что они дали ему клятву склонить всех своих единоземцев к принятию латинской веры, но *коварно* обманули его, и действовали после как самые злейшие неприятели шведов и Папы.

Великий князь по-видимому мало заботился о новогородцах и только однажды (в 1347 году) жил у них три недели, призванный ими чрез архиепископа. Слыша о нападении шведов, он долго медлил; наконец выступил с войском, но возвратился, чтобы принять в Москве послов ханских, и вместо себя велел идти в Новгород брату своему Иоанну с Константином Ростовским; а сии князья — сведав, что Орехов завоеван Магнусом — немедленно ушли назад, *не приняв,* как говорит летописец, *архиепископского благословения, ни челобитья новогородского.* Вероятно, что не робость, но хитрые намерения политические были тому причиною: Симеон хотел, кажется, довести сей величавый народ до крайности и воспользоваться ею для утверждения своей власти над оным.— «Князь оставляет нас», говорили новогородцы: «возложим упование на бога и на Святую Софию». Вспомогательная дружина псковская была в их стане под Ладогою: они хотели доказать свою благодарность за сие усердие, и торжественно объявили, что знаменитый город Псков должен впредь называться *младшим братом Новагорода.* «Одна любовь и вера да утвердят искренний, вечный союз между нами!» сказали новогородцы псковитянам: «не будем давать вам посадников; не будем требовать вас на суд к Св. Софии; правьте и рядите сами; а для суда церковного архиепископ изберет наместника из ваших сограждан». Таким образом отчизна Св. Ольги приобрела гражданскую независимость, и к сожалению запятнала себя черным делом неблагодарности. Когда новогородцы в августе месяце приступили к Орехову, и видя упорство шведов, решились зимовать в стане, псковитяне, не захотев терпеть ненастья и холода, объявили, что идут обратно в землю свою, разоряемую немцами. Ливонские рыцари действительно, нарушив тогда мир, выжгли села на границе в области Изборской, Островской, и самое предместие Пскова: следственно обстоятельства извиняли псковитян, и новогородцы, согласные на их отступление, желали единствен-

но, чтобы оно было ночью и чтобы неприятель не видал его; но чиновники псковские, в досаду великодушным благодетелям, вывели рать свою из стана в самый полдень, затрубили в трубы, ударили в бубны и тем порадовали шведов, которые, стоя на валу, громко смеялись. Оставленные Великим князем и союзниками, новогородцы не уныли, сделали примет к стенам крепости, взяли оную 24 февраля, убив или пленив 800 неприятелей, и торжествовали сей успех, как славное происшествие для отечества и веры. Они положили употребить отнятое ими у шведов серебро на украшение церкви Бориса и Глеба, отправили пленников в Москву к Симеону, и несмотря на худую верность псковитян, сдержали данное им слово, считая их с того времени уже не подданными, а совершенно вольными в избрании гражданских правителей.— Чтобы озаботить Магнуса с другой стороны его владений, новогородцы из Двинской земли ходили воевать Норвегию; разбили также шведов под Выборгом; наконец, заключив с ними мир в Дерпте, разменялись пленниками, с условием, чтобы область Яскиская, Эграиская и часть Саволакса принадлежали России: Систербек остался границею. Договор был подписан королем, графом Генриком Голштейнским, вельможами Турсоном, Геиннигом, священником Вамундом и двумя готландскими купцами; также новогородским посадником Юрием, тысячским Авраамом и другими боярами. Хотя король в 1351 году замышлял новую войну против россиян, и Папа в угодность ему дозволил его витязям ознаменоваться святым крестом; но внутренние раздоры и несчастия Швеции не допустили сего ветреного монарха вторично безумствовать для мнимого душевного спасения.

В то время, когда государь польский веселился и торжествовал свои успехи в Кракове, литовские князья в тишине собирали войско, имели тайные сношения с жителями Волыни, и желая еще более усыпить Казимира, обещали ему принять римскую веру, так, что Папа, Климент VI, уже готовился послать им знаки королевского сана. Но хитрость обнаружилась: уверенные в дружбе Московского князя и пользуясь его содействием для умножения своих ревностных доброжелателей в югозападной России, Ольгерд, Кестутий и Любарт ударили на поляков и выгнали их из Волыни.— С сего времени *четыре* народа спорили о древнем достоянии нашего отечества: о Галиции, Подолии и земле Волынской.

Еще в 1346 году был мор в странах Каспийских, Черноморских, в Армении, в земле Абазинской, Ясской и Черкесской, в Орде при устье Дона, в Бездеже, в Астрахани и в Сарае. Пишут, что сия жестокая язва, известная в летописях под именем *Черной смерти,* началась в Китае, истребила там около тринадцати миллионов людей, и достигла Греции, Сирии, Египта. Генуэзские корабли привезли оную в Италию, где, равно как и во Франции, в Англии, в Германии, целые города опустели. В Лондоне на одном кладбище было схоронено 50 000 человек. В Париже отчаянный народ требовал казни всех жидов, думая, что они сыплют яд в колодези. В 1349 году началась зараза и в Скандинавии; оттуда, или из немецкой земли, перешла она во Псков и Новгород: в первом открылась весною 1352 года и свирепствовала до зимы с такою силою, что едва осталась треть жителей. Болезнь обнаруживалась железами в мягких впадинах тела: человек харкал кровью, и на другой или на третий день издыхал. Нельзя, говорят летописцы, вообразить зрелища столь ужасного: юноши и старцы, супруги, дети, лежали в гробах друг подле друга; в один день исчезали семейства многочисленные. Каждый иерей по утру находил в своей церкви 30 усопших и более; отпевали всех вместе, и на кладбищах уже не было места для новых могил: погребали за городом, в лесах Сперва люди корыстолюбивые охотно служили умирающим, в надежде пользоваться их наследством; когда же увидели, что язва сообщается прикосновением, и что в самом имуществе зараженных таится жало смерти, тогда и богачи напрасно искали помощи: сын убегал отца, брат брата. Напротив того некоторые изъявляли великодушие: не только своих, но и чужих мертвецов носили в церковь; служили панихиды и с усердием молились среди гробов. Другие спешили оставить мир и заключались в монастырях, или отказывали церквам свое богатство, села, рыбные ловли; питали, одевали нищих и благодеяниями готовились к вечной жизни. Одним словом, думали, что всем умереть должно.— В сих обстоятельствах несчастные псковитяне звали к себе архиепископа Василия, благословить их и вместе с ними принести жертву моления Всевышнему: как достойный пастырь церкви он спешил их утешить, презирая опасность. Встреченный народом со изъявлениями живейшей благодарности, Василий облачился в ризы святительские; взял крест, и провождаемый духовенством, всеми гражданами, самыми младенцами, обошел вокруг города.

Иереи пели божественные песни; иноки несли мощи; народ молился громогласно, и не было такого каменного сердца, по словам летописи, которое не изливалось бы в слезах пред всевидящим оком. Еще смерть не насытилась жертвами; но архиепископ успокоил души, и псковитяне, вкусив сладость христианского умиления, терпеливее ожидали конца своему бедствию: оно прекратилось в начале зимы.

Василий, без сомнения зараженный язвою, на возвратном пути скончался, к великому сожалению новогородцев и примиренных с ним псковитян. Сей архиепископ был отменно любим первыми.

Скоро язва посетила и Новгород, где от 15 августа до Пасхи умерло множество людей. То же было и в других областях российских: в Киеве, Чернигове, Смоленске, Суздале. В Глухове и Белозерске не осталось ни одного жителя. Таким образом от Пекина до берегов Евфрата и Ладоги недра земные наполнились миллионами трупов, и государства опустели. Иностранные историки сего бедствия сообщают нам два примечания: 1) везде гибло более молодых людей, нежели старых; 2) везде, когда зараза миновалась, род человеческий необыкновенно размножался: столь чудесна природа, всегда готовая заменять убыль в ее царствах новою деятельностию плодотворной силы!

Летописцы наши сказывают, что *вся Россия* испытала тогда гнев небесный: следственно и Москва, хотя они не упоминают об ней в особенности. Сие тем вероятнее, что в короткое время скончались там митрополит Феогност, Великий князь, два сына его и брат Андрей Иоаннович. Симеон имел не более тридцати шести лет от рождения. Сей государь, хитрый, благоразумный, пять раз ездил в Орду, чтобы соблюсти тишину в государстве; пользуясь отменною благосклонностию хана, исходатайствовал для разоренного Тверского княжения свободу не платить дани моголам, и первый, кажется, именовал себя Великим князем *всея Руси*, как то вырезано на его печати. Видя внезапную смерть пред собою, он постригся (названный именем Созонта) и духовным завещанием распорядил свое достояние. По кончине первой супруги в 1345 году Симеон сочетался браком с Евпраксиею, дочерию одного из Смоленских князей, Феодора Святославича, управлявшего Волоком в сане наместника; но чрез несколько месяцев отослал ее к отцу, будто бы для того, что «она на свадьбе была испорчена и

всякую ночь казалась супругу мертвецом». К общему неудовольствию и соблазну правоверных, Евпраксия вышла за князя Фоминского, Феодора Красного; а Симеон женился в третий раз на княжне Тверской, Марии Александровне, прижил с нею четырех сыновей, умерших в детстве, и в знак любви отказал ей наследственные и купленные им волости, Можайск, Коломну, все сокровища, золото, жемчуг, и *пятьдесят верховых* коней. «Кто из бояр» — пишет Великий князь — «захочет служить моей княгине, тот, владея нашими селами, обязан давать ей половину дохода. Всем людям, купленным или за вину взятым мною в рабство: сельским тиунам (приказчикам), старостам, ключникам, или женатым на их дочерях, объявляю вечную свободу.— Вам, любезные братья» (ибо Андрей жил еще около шести недель) «поручаю супругу и бояр моих, и приказываю то же, что нам отец приказывал: живите согласно, не переменяйте уставленного мною в делах государственных или судных; не внимайте клеветникам и ссорщикам; слушайтесь добрых, старых бояр и нашего владыки *Алексия»*.

Хотя Симеон умел быть действительно главою князей удельных, однако ж власть его не могла отвратить некоторых раздоров между ними.

К церковным достопамятностям сего времени принадлежит начало Троицкой Лавры, столь знаменитой и по важным государственным деяниям, коих она была феатром.

Чем реже находим в летописях известия о состоянии художеств в древней России, тем оный любопытнее для историка. В княжение Симеоново были расписаны в Москве три церкви: Собор Успенский, Архангельский и храм Преображения; первый греческими живописцами Феогноста митрополита, второй *российскими придворными, Захарием, Иосифом* и *Николаем* с товарищами, а третий иностранцем *Гойтаном.* В сие же время отличался в литейном искусстве россиянин Борис: он лил колокола в Москве и Новегороде для церквей соборных. Греция все еще имела тесную связь с Россиею, присылая нам не только митрополитов, но и художников, которые учили русских. Образованная Германия могла также способствовать успеху гражданских искусств в нашем отечестве. Заметим, что при Симеоне начали употреблять в России *бумагу,* на коей писан договор его с братьями и духовное завещание. Вероятно, что она шла к нам из немецкой земли чрез Новгород.

Из главы XI

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИОАНН II ИОАННОВИЧ

1353—1359

Характер Великого князя.— Жестокость Олегова.— Междоусобия.— Убийство в Москве.— Добродетели св. Алексия.— Слова юного Димитрия.— Смерть и завещание Великого князя.— Начало княжества Молдавского и Волошского.

Все князья Российские поехали в Орду, узнать, кто будет их главою; а новогородцы особенно послали туда боярина своего Судокова, просить хана, чтобы он удостоил сей чести Константина Суздальского, благоразумного и твердого. Вопреки им, Чанибек избрал Иоанна Иоанновича Московского, тихого, миролюбивого и слабого.

Еще новый государь не возвратился из Орды, когда юный Олег Рязанский, сын Коротопола, овладев всем княжением своего отца, дерзнул восстать на Московское. Он хотел быть совершенно независимым; хотел также отмстить за убиение в Москве предка его, Константина, и снова присоединить к Рязани берега Лопасни, где уже давно и бесспорно господствовали Калитины наследники. Сей предлог войны мог казаться отчасти справедливым; но юноша Олег, преждевременно зрелый в пороках жестокого сердца, действовал как будущий достойный союзник Мамаев: жег, грабил, и пленив лопасненского наместника Иоаннова, не устыдился мучить его телесно; наконец дал ему свободу, взяв окуп, и заслужив ненависть москвитян, хвалился любовию рязанцев, которые, приметив в нем смелость и решительность, в самом деле ожидали от него геройских подвигов.

Кроткий Иоанн уклонился от войны с Олегом, довольный освобождением своего наместника, и терпеливо сносил ослушание новогородцев, не хотевших быть ему подчиненными, до самого того времени, как суздальский князь, Константин Васильевич, ими любимый, скончался: тогда, уже не видя достойного соперника для

Великого князя, они приняли наместников Иоанновых; а Чанибек утвердил Нижний, Городец и Суздаль за сыном Константиновым, Андреем: ибо самое ближайшее право наследственное для владетелей российских не имело силы без ханского согласия. Так Иоанн Феодорович Стародубский по кончине старшего брата, Димитрия, ждал целый год грамоты Чанибековой, без коей он не мог назваться князем сего удела.

Время государей тихих редко бывает спокойно: ибо мягкосердечие их имеет вид слабости, благоприятной для внешних врагов и мятежников внутренних.

Внутри России Муром, Тверь и Новгород страдали от междоусобия. Мы упоминали о князе Юрии Ярославиче Муромском: родственник его, Феодор Глебович, собрав многочисленную толпу людей (в 1355 году), изгнал Юрия, обольстил бояр и вместе с знатнейшими из них поехал искать милости ханской. Князь Юрий чрез неделю возвратился в Муром, взял остальных бояр и также отправился к Чанибеку. В Орде был торжественный суд между ими. Феодор превозмог: хан отдал ему не только княжение, но и самого Юрия, скоро умершего в несчастии. Сим первым и последним раздором князей Муромских заключилась их краткая история; род оных исчез, и столица, как увидим, присоединилась к великому княжению.

Вражда между Василием Михайловичем Тверским и племянником его, Всеволодом Александровичем Холмским, не могла быть прекращена ни Великим князем, ни митрополитом Алексием, желавшим усовестить их в Владимире, где они для того съезжались (в 1357 году).

В Новегороде был великий мятеж по случаю смены посадника. Мы видели, что и Симеон мало входил в дела тамошнего внутреннего правления: Иоанн еще менее, и народ тем более самовольствовал, не уважая наместников княжеских. Граждане конца Славянского, из всех пяти знаменитейшего, вопреки общей воле отставили посадника Андреяна; пришли в доспехах на двор Ярославов, разогнали других граждан невооруженных, даже умертвили некоторых бояр, и выбрали Сильвестра на место Андреяново. Софийская сторона хотела отмстить Славянской: обе готовились к войне. В таких случаях одна духовная власть еще не теряла прав своих и могла смягчать сердца, ожесточенные злобою.

В самой тихой Москве, не знакомой с бурями гражданского своевольства, открылось дерзкое злодеяние, и

дремлющее правительство оставило виновников под завесою тайны. Тысячский столицы, именем Алексий Петрович, важнейший из чиновников и подобно князю окруженный благородною, многочисленною дружиною, был в час заутрени найден мертвый среди городской площади со всеми признаками убиенного — кем? неизвестно. Говорили явно, что он имел участь Андрея Боголюбского, и что ближние бояре, подобно Кучковичам, умертвили его вследствие заговора. Народ встревожился: угадывали злодеев; именовали их и требовали суда. В самое то время некоторые из московских вельмож — опасаясь, как вероятно, торжественного обвинения — уехали с семействами в Рязань к Олегу, врагу их государя, и слабый Иоанн, дав время умолкнуть общему негодованию, снова перезвал оных к себе в службу.

Другое происшествие сделало еще более соблазна. Патриарх Филофей, вместо одного законного митрополита для России, поставил в Константинополе двух: св. Алексия, избранного Великим князем, и какого-то Романа (вероятно, грека). Сия новость изумила наше духовенство; оно не знало, кому повиноваться, ибо митрополиты были не согласны между собою: Роман же, обязанный святительством действию корысти, всего более думал о своих доходах, и требовал серебра от епископов. Св. Алексий — ***не искав чести,*** по словам летописи, *но от чести взысканный* — вторично отправился в Константинополь с жалобами на беспорядок дел церковных, и Филофей, желая примирить совместников, объявил его митрополитом киевским и владимирским, а Романа литовским и волынским.

Алексий же, более и более славясь добродетелями, имел случай оказать важную услугу отечеству. Жена Чанибекова, Тайдула, страдая в тяжкой болезни, требовала его помощи. Хан писал к Великому князю: «мы слышали, что небо ни в чем не отказывает молитве главного *Попа* вашего: да испросить же он здравие моей супруге!» Св. Алексий поехал в Орду с надеждою на бога, и не обманулся: Тайдула выздоровела и старалась всячески изъявить свою благодарность. В сие время ханский посол Кошак обременял российских князей беззаконными налогами: милость царицы прекратила зло; но *добрый* Чанибек — как называют его наши летописцы — жил недолго. Завоевав в Персии город Таврис (основанный любимою супругою славного Калифа, Гарун-Алрашида, Зебеидою) и навьючив 400 вельблюдов

взятыми в добычу драгоценностями, сей хан был (в 1357 году) злодейски убит сыном Бердибеком, который, следуя внушениям вельможи Товлубия, умертвил и 12 братьев. Митрополит, очевидец столь ужасного происшествия, едва успел возвратиться в Москву, когда Бердибек прислал вельможу Иткара с угрозами и с насильственными требованиями ко всем князьям российским. Они трепетали, слыша о жестоком нраве его: св. Алексий взял на себя укротить сего тигра; снова поехал в столицу Капчакскую и посредством матери Бердибековой, Тайдулы, исходатайствовал милость для государства и церкви. Великий князь, его семейство, бояре, народ встретили добродетельного митрополита как утешителя небесного, и — что было всего трогательнее — осьмилетний сын Иоаннов, Димитрий, в коем расцветала надежда отечества, умиленный знаками всеобщей любви к Алексию, проливая слезы, говорил ему с необыкновенною для своего нежного возраста силою: «о владыко! ты даровал нам *житие мирное:* чем изъявим тебе свою признательность?» Столь рано открылась в Димитрии чувствительность к заслугам и к благодеяниям государственным!

Княжив 6 лет, Иоанн скончался монахом на тридцать третьем году от рождения, оставив по себе имя *Кроткого,* не всегда достохвальное для государей, если оно не соединено с иными правами на общее уважение.— Подобно отцу и брату, он написал духовную, в коей приказывает Москву двум юным сыновьям, Димитрию и Иоанну, уступая треть ее доходов шестилетнему племяннику, Владимиру Андреевичу; и веля им вообще блюсти, судить и рядить земледельцев свободных или *численых* людей; отдает супруге Александре разные волости и часть московских доходов, а Димитрию Можайск и Коломну с селами, Иоанну Звенигород и Рузу; утверждает за Владимиром Андреевичем удел отца его, за вдовствующею княгинею Симеона и Андреевою, именем Иулианнею, данные им от супругов волости, с тем, чтобы после Иулиании наследовали сыновья Великого князя и Владимир Андреевич, а после Марии один Димитрий. Из драгоценностей оставляет Димитрию икону св. Александра, золотую шапку, бармы, жемчужную сергу, коробку сердоликовую, саблю и шишак золотые; Иоанну также саблю и шишак, жемчужную сергу, стакан цареградский, а двум будущим зятьям по золотой цепи и поясу; отказывает, вместо *руги,* некоторую долю княжеских прибытков церквам Богоматери на

Крутицах, Успенской и Архангельской в Москве; дает волю казначеям своим, сельским тиунам, дьякам, всем купленным людям и проч.

Достопамятным случаем Иоанновых времен, связанным с нашею историею, было происхождение нынешней Молдавской области, где в течение семи веков, от третьего до десятого, толпились полудикие народы Азии и Европы, изгоняя друг друга и стремясь грабить империю греческую.

Нестор говорит, что славяне российские, лутнчи и тивирцы, издавна жили по Днестру до самого моря и Дуная, имея селения и *города*. Князья Галицкие во XII веке без сомнения владели частию Бессарабии и Молдавии, где обитали тогда, под именем волохов, остатки древних гетов, смешанных с римскими поселенцами первого столетия, также некоторые печенеги и половцы. Заметим еще, что в российской географии XIV века именованы Белгород (или Акерман), Романов, Сучава, Серет, Хотин, в числе *наших старинных* городов. Падение Галицкого княжения оставило Молдавию в жертву татарам, и сия земля, гражданскн образованная россиянами, снова обратилась в печальную степь: города и селения опустели. Когда же моголы, устрашенные счастливым оружием Людовика Венгерского, около половины XIV века удалились от Дуная, тогда волохи, предводимые Богданом или Драгошем, жив прежде в Венгрии, в Мармаросском графстве, явилнсь на берега Прута, нашли там еще многих *россиян* и поселились между ими на реке *Молдаве;* сперва угождали им и сообразовалнсь с их гражданскими обычаями, для своей безопасности; наконец же сии гостн столь размножились, что вытеснили хозяев, и возобновив древние наши города, составили особенную независимую державу, названную *Молдавиею,* коею управляли наследникн Богдановы под именем воевод, и где язык наш до самого XVII века был не только церковным, но и судебным, как то свидетельствуют подлинные грамоты молдавских господарей. Таким же образом произошло и княжение Воложское, но еще ранее: Нигер, если верить преданию, во XII или в XIII столетии вышедши из Трансильвании со многими своими единоземцами, волохами, основал Терговисто, Бухарест, и властвовал там до конца жизни; преемниками его были другие, избираемые народом воеводы, которые зависели иногда от сильных государей венгерских.

Из главы XII

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДИМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

1359—1362

Царевичи могольские христианской веры.— Наследственное право.— Мятежи в Орде.— Суд князей с болгарами.— Москва удерживает право Великого княжения.— Отрок Димитрий.

В одно время с Великим князем Иоанном Иоанновичем умер и хан Бердибек, быв жертвою своего гнусного распутства, и Кульпа, родственник его, воцарился, имея двух сыновей христианской веры, Иоанна и Михаила, обращенных, может быть, римскими миссионариями или нашим епископом Сарайским. Сие важное обстоятельство казалось весьма благоприятным для христиан; но Кульпа властвовал только 5 месяцев, и погиб вместе с сыновьями, убитый Наврусом, одним из потомков Чингисова сына, Туши-хана. Князья России явились в Орде с дарами, и новый царь дал Великое княжение Димитрию Суздальскому, меньшему брату Андрея Константиновича: ибо Андрей, как сказано в некоторых летописях, не захотел сей чести. Современники удивились такой несправедливости, рассуждая, что сын, и еще меньший, не может требовать достоинства, коего не имели ни отец, ни дед его, и что оно принадлежит роду князей Московских: мнение, основанное единственно на обычае; в самом же деле Андрей и Димитрий Константиновичи были коленом ближе к Ярославу II, нежели внуки Калитины, и малолетство последних также удаляло их от главного престола российского.

Избранный ханом Великий князь «въехал в Владимир, и к удовольствию жителей обещал снова возвысить достоинство сей падшей столицы. Он надеялся, как вероятно, перезвать туда и митрополита; но Алексий, благословив его на княжение, возвратился в Москву.— Новгород, не любя и боясь самовластия князей Московских, охотно принял наместников Димитрия Константиновича; а Димитрий, желая только пользоваться княжескими доходами, согласился на все предложенные ему там условия.

Царство Капчакское явно клонилось к падению: смятение, измены, убийства изнуряли его внутренние силы. Один из полководцев, именем Хидырь, кочевав за рекою Уралом, пришел на берега Волги, обольстил вельмож ординских, убил Навруса, царицу Тайдулу, и сделался Великим ханом. Еще князья наши рабски повиновались сим хищникам: Константин Ростовский выходил в Орде грамоту на всю наследственную область свою, а Димитрий Иоаннович, внук Давида Галицкого, на *Галич,* хотя сей удел был куплен Иоанном Данииловичем Калитою. Великий князь, брат его Андрей Нижегородский и Константин Ростовский долженствовали пред ханским послом судиться в Костроме с болгарами, ограбленными шайкою наших разбойников: князья, отыскав виновных, выдали их и сами поехали в Орду с данию. Но Хидырь уже плавал в крови своей, убиенный сыном Темирхожою. Сей злодей царствовал спокойно только шесть дней; в седьмой открылся бунт: темник Мамай, сильный и грозный, возмутил Орду, умертвил Темирхожу, перешел с луговой на правую сторону Волги и назвал ханом какого-то Авдула. Явились и другие цари: Кальдибек, мнимый сын Чанибеков, хотел заступить место отца, но скоро погиб; многие вельможи заключились в Сарае с ханом Мурутом, братом Хидыревым; князь Булактемир овладел землею Болгарскою; а Тагай Бездежский Мордовскою (где ныне город Наровчат). Они резались между собою в ужасном остервенении; тысячи падали в битвах или гибли в степях от голода.— Князья наши не знали, кто остается повелителем или тираном России, и спешили удалиться от феатра убийств; некоторые были ограблены в столице ханской, другие на возвратном пути, и едва спасли жизнь свою.

Юный Димитрий Иоаннович Московский также находился в Орде, но успел выехать оттуда еще до Хидыревой смерти и мятежа. Мать, вдовствующая княгиня Александра, митрополит Алексий и верные бояре пеклись о благе отечества и государя: действуя по их внушениям, сей отрок объявил себя тогда соперником Димитрия Суздальского в достоинстве великокняжеском, и звал его на ханский суд, чтобы решить дело без кровопролития. Царство Капчакское уже разделилось; но кто господствовал в Сарае, тот казался еще законным ханом Орды, и бояре Московские вместе с Суздальскими отправились к Муруту. Вероятно, что сия честь удивила его: угрожаемый со всех сторон опасностями, теснимый свирепым Мамаем, и будучи на троне Батыевом только

призраком могущества, имел ли он право располагать иными державами? Однако ж, представляя лицо древних ханов, Мурут судил послов, и признал малолетнего Димитрия Иоанновича главою князей российских, для того, как вероятно, что соединяя знаменитую Московскую державу с областями Великого княжения, надеялся воспользоваться его силами для утверждения собственного престола.

Но как сей хан мог послать только грамоту, а не войско в Россию, то князь Суздальский не уважил его суда и не хотел выехать ни из Владимира, ни из Переславля Залесского. Надлежало прибегнуть к оружию. Все бояре московские, одушевленные ревностию, сели на коней, и выступили под начальством трех юных князей, Димитрия Иоанновича, меньшого брата его и Владимира Андреевича. Бывший Великий князь не ожидал того: по крайней мере не дерзнул обнажить меча, и бежал в Суздаль; а Димитрий Московский занял Переславль, с обыкновенными обрядами сел на трон Андрея Боголюбского в Владимире, жил там несколько дней, и возвратясь в Москву, распустил войско: ибо не думал гнать своего предместника, оставив его спокойно княжить в уделе наследственном.

Таким образом слабая рука двенадцатилетнего отрока взяла кормило государства раздробленного, теснимого извне, возмущаемого междоусобием внутри. Иоанн Калита и Симеон Гордый начали спасительное дело единодержавия: Иоанн Иоаннович и Димитрий Суздальский остановили успехи оного, и снова дали частным владетелям надежду быть независимыми от престола великокняжеского. Надлежало поправить расстроенное сими двумя князьями и действовать с тем осторожным благоразумием, с тою смелою решительностию, коими не многие государи славятся в истории. Природа одарила внука Калитина важными достоинствами; но требовалось немало времени для приведения их в зрелость, и государство успело бы между тем погибнуть, если бы провидение не даровало Димитрию пестунов и советников мудрых, воспитавших и юного князя и величие России.

Из главы I

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДИМИТРИЙ ИОАННОВИЧ ПРОЗВАНИЕМ ДОНСКОЙ

1363—1389

Гнев ханский.— Стеснение князей удельных.— Договор.— Язва. — Великий пожар.— Каменный Кремль.— Частные победы над моголами.— Сила Мамая.— Благоразумие Михаила Тверского.— Любовь народная к Димитрию. — Знамения.— Возвращение Вел. князя из Орды.— Война с Олегом.— Избиение татар в Нижнем.— Последний тысячский в Москве.— Война с Тверским князем.— Первая смертная казнь в Москве. — Поход в Болгарию.— Начало Казани.— Нашествие моголов.— Пословица.— Победа над моголами.— Успехи в войне с Литвою.— Нашествие Мамаево.— Измена Олегова.— Славная битва Куликовская.— Тамерлан.— Нашествие Тохтамыша.—Мужественный князь Остей.— Приступ к столице.— Вероломство Тохтамыша.— Взятие и разрушение Москвы.— Скорбь Димитрия.— Изгнание Олега.— Восстановление Москвы.— Сын Димитриев в Орде.— Тяжкая дань.— Мир с Олегом.— Ссора и мир с Новым городом.— Крещение Литвы.— Бегство сына Димитриева из Орды.— Кончина Вел. князя. — Свойства Димитриевы.— Строение городов и монастырей. — Сношение с Грециею.— Италианцы в нашей службе.— Деньги вместо кун.— Огнестрельное искусство в России.— Кометы. — Зима до 20 апреля.

Калита и Симеон готовили свободу нашу более умом, нежели силою: настало время обнажить меч. Увидим битвы кровопролитные, горестные для человечества, но благословенные гением России: ибо гром их пробудил ее спящую славу, и народу уничиженному возвратил благородство духа. Сие важное дело не могло совершиться вдруг и с непрерывными успехами: судьба испытывает людей и государства многими неудачами на пути к великой цели, и мы заслуживаем счастие мужественною твердостию в противностях оного.

Димитрий Иоаннович, удостоенный великокняжеского сана Мурутом, желая господствовать безопаснее, искал благосклонности и в другом царе, Авдуле, сильном Мамаевою Ордою: посол сего хана явился с милостивою грамотою, и Димитрий долженствовал вторично ехать в Владимир, чтобы принять оную согласно с древними обрядами. Хитрость бесполезная: угождая обоим ханам, Великий князь оскорблял того и другого; по

крайней мере утратил милость Сарайского, и возвратясь в Москву, сведал, что Димитрий Константинович опять занял Владимир: ибо Мурут прислал ему с сыном бывшего владетеля Белозерского, Иоанном Феодоровичем, и с тридцатью слугами ханскими ярлык на Великое княжение. Но гнев царский уже не казался гневом небесным: юный внук Калитин осмелился презреть оный, выступил с полками, чрез неделю изгнал Димитрия Константиновича из Владимира, осадил его в Суздале, и в доказательство великодушия позволил ему там властвовать как своему присяжнику.

Мысль Великого князя или умных бояр его, мало-помалу искоренить систему уделов, оказалась ясной: он выслал князей Стародубского и Галицкого из их наследственных городов, обязав Константина Ростовского быть в точной и совершенной зависимости от главы России. Изумленные решительною волею отрока господствовать единодержавно, вопреки обыкновению древнему и закону отцов их, они жаловались, но повиновались: первые отъехали к князю Андрею Нижегородскому, а Константин в Устюг.

В сие время Димитрий Иоаннович лишился брата и матери. Тогда он с двоюродным братом своим, Владимиром Андреевичем, заключил договор, выгодный для обоих. Митрополит Алексий был свидетелем и держал в руках святой крест: юные князья, окруженные боярами, приложились к оному, дав клятву верно исполнять условия, которые состояли в следующем: «Мы клянемся жить подобно самим родителям: мне, князю Владимиру, уважать тебя, Великого князя, как отца, и повиноваться твоей верховной власти; а мне, Димитрию, не обижать тебя и любить, как меньшого брата. Каждый из нас да владеет своею отчиною бесспорно: я, Димитрий, частию моего родителя и Симеоновою; ты уделом своего отца. Приятели и враги да будут у нас общие. Узна́ем ли какое злоумышление? объявим его немедленно друг другу. Бояре наши могут свободно переходить, мои к тебе, твои ко мне, возвратив жалованье, им данное. Ни мне в твоем, ни тебе в моих уделах не покупать сел, не брать людей в кабалу, не судить и не требовать дани. Но я, Владимир, обязан доставлять тебе, Великому князю, с удела моего известную дань ханскую. Сборы в волостях княгини Иулиании принадлежат нам обоим. Людей черных, записанных в сотни, мы не должны принимать к себе в службу, ни свободных земледельцев, мне и тебе вообще подведомых. Выходцам ординским отправлять свою службу,

как в старину бывало» (сим именем означались татары, коим наши князья дозволяли селиться в Российских городах). «Если буду чего искать на твоем боярине или ты на моем, то судить его моему и твоему чиновнику вместе; а в случае несогласия между ими решить тяжбу судом третейским. Ты, меньший брат, участвуй в моих походах воинских, имея под княжескими знаменами всех бояр и слуг своих: за что во время службы твоей будешь получать от меня жалованье».— Отнимая уделы свойственников дальних, Великий князь не хотел поступить так с ближним, и княжение Московское оставалось еще раздробленным.

Язва, описанная нами в княжение Симеоново, вторично посетила Россию. Во Пскове она возобновилась чрез 8 лет (и князь Изборский, Евстафий, с двумя сыновьями был ее жертвою); а в 1364 году купцы и путешественники завезли оную из Бездежа в Нижний Новгород, в Коломну, в Переславль, где умирало в день от 20 до 100 человек. Летописцы говорят о свойстве и признаках болезни таким образом: «Вдруг ударит как ножом в сердце, в лопатку, или между плечами; огонь пылает внутри; кровь течет горлом; выступает сильный пот и начинается дрожь. У других делаются железы, на шее, бедре, под скулою, пазухою, или за лопаткою. Следствие одно: смерть неизбежная, скорая, но мучительная. Не успевали хоронить тел; едва десять здоровых приходилось на сто больных; несчастные издыхали без всякой помощи. В одну могилу зарывали семь, восемь и более трупов. Многие домы совсем опустели; в иных осталось по одному младенцу». В 1365 году зараза открылась в Ростове, Твери, Торжке: в первом городе скончались в одно время князь Константин Васильевич, его супруга, епископ Петр; а во втором вдовствующая княгиня Александра Михайловича с тремя сыновьями, Всеволодом Холмским, Андреем, Владимиром,— их жены, также супруга и сын Константина Михайловича, Симеон, множество вельмож и купцов. В 1366 году и Москва испытала то же бедствие. Сия жестокая язва несколько раз проходила и возвращалась. В Смоленске она свирепствовала три раза: наконец (в 1387 году) осталось в нем только пять человек, которые, по словам летописи, вышли и затворили город, наполненный трупами.

Москва незадолго до язвы претерпела и другое несчастие: пожар, какого еще не бывало, и который слывет в летописях *великим пожаром всесвятским,* ибо начался церковию Всех Святых. Сей город разделялся

тогда на *Кремль, Посад, Загородье* и *Заречье:* в два часа или менее огонь, развеваемый ужасною бурею, истребил их совершенно. Многие бояре и купцы не спасли ничего из своего имения.— Видя, сколь деревянные укрепления ненадежны, Великий князь в общем совете с братом, Владимиром Андреевичем, и с боярами решился построить *каменный Кремль,* и заложил его весною в 1367 год. Надлежало, не упуская времени, брать меры для безопасности отечества и столицы, когда Россия уже явно действовала против своих тиранов: могли ли они добровольно отказаться от господства над нею и простить ей великодушную смелость? Мурза Ординский, Тагай, властвуя в земле Мордовской или в окрестностях Наровчата, выжег нынешнюю Рязань: Олег соединился с Владимиром Димитриевичем Пронским и с князем Титом Козельским (одним из потомков св. Михаила Черниговского), настиг и разбил Тагая в сражении кровопролитном. Столь же счастливо Димитрий Нижегородский с братом своим, Борисом, наказал другого сильного могольского хищника, Булат-Темира. Сей мурза, овладев течением Волги, разорил Борисовы села в ее окрестностях, но бежал от наших князей за реку Пьяну; многие татары утонули в ней или были истреблены россиянами; а сам Булат-Темир ушел в Орду, где хан Азис велел его умертвить.— Сии ратные действия предвещали важнейшие.

Великий князь, готовясь к решительной борьбе с Ордою многоглавою, старался утвердить порядок внутри отечества.

Раздраженный бедствием своего невинного народа, Михаил вздумал свергнуть Димитрия посредством татар. Уже Мамай силою или хитростию соединил так называемую *Золотую,* или Сарайскую Орду, где царствовал Азис, и свою Волжскую; объявил ханом Мамаит-Салтана и господствовал под его именем.

Оставленный зятем, Михаил вторично обратился к Мамаю и выехал из Орды с новым ярлыком на Великое княжение Владимирское. Хан предлагал ему даже войско; но сей князь не хотел оного, боясь подвергнуть Россию бедствиям опустошения и заслужить справедливую ненависть народа: он взял только ханского посла, именем Сарыхожу, с собою. Узнав о том, Димитрий во всех городах Великого княжества обязал бояр и чернь клятвою быть ему верными, и вступил с войском в Переславль Залесский. Тщетно враг его надеялся преклонить к себе граждан владимирских; они единодушно ска-

зали ему: «у нас есть государь законный; иного не ведаем». Тщетно Сарыхожа звал Димитрия в Владимир слушать грамоту хана: Великий князь ответствовал: «к ярлыку не еду, Михаила в столицу не впускаю, а тебе, послу, даю путь свободный». Наконец, сей вельможа татарский, вручив ярлык Михаилу, уехал в Москву, где, осыпанный дарами и честию, пируя с князьями, с боярами, славил Димитриево благонравие. Михаил же, видя свое бессилие, возвратился с Мологи в Тверь и разорил часть соседственных областей великокняжеских.

Между тем грамота ханская оставалась еще в его руках: сильный Мамай не мог простить Димитрию двукратное ослушание, имея тогда войско готовое ко впадению в Россию, к убийствам и грабежу. Великий князь долго советовался с боярами и с митрополитом; надлежало или немедленно восстать на татар, или прибегнуть к старинному уничижению, к дарам и лести. Успех великодушной смелости казался еще сомнительным: избрали второе средство, и Димитрий — без сомнения зная расположение Мамаево — решился ехать в Орду, утвержденный в сем намерении моголом Сарыхожою, который взялся предупредить хана в его пользу. Народ ужаснулся, воображая, что сей юный, любимый государь будет имѣть в Орде участь Михаила Ярославича Тверского, и что коварный Сарыхожа, подобно злодею Кавгадыю, готовит ему верную гибель. По крайней мере никто не мог без умиления видеть, сколь Димитрий предпочитает безопасность народную своей собственной, и любовь общая к нему удвоилась в сердцах благодарных. Митрополит Алексий провожал его до берегов Оки: там усердно молился всевышнему, благословил Димитрия, бояр, воинов, всех княжеских спутников, и торжественно поручил им блюсти драгоценную жизнь государя доброго; он сам желал разделить с ним опасности, но присутствие его было нужно в Москве, где оставался совет боярский, который уже по отбытии Димитрия заключил мир с литовскими послами, вследствие торжественного обручения Елены, Ольгердовой дочери, за князя Владимира Андреевича; свадьба совершилась чрез несколько месяцев.

С нетерпением ожидали вестей из Орды; суеверие, устрашенное необыкновенными явлениями естественными, предвещало народу государственное бедствие. В солнце видны были черные места, подобные гвоздям, и долговременная засуха произвела туманы, столь густые, что днем в двух саженях нельзя было разглядеть лица

человеческого; птицы, не смея летать, станицами ходили по земле. Сия тьма продолжалась около двух месяцев. Луга и поля совершенно иссохли; скот умирал, бедные люди не могли за дороговизною купить хлеба. Печальное уныние царствовало в областях великокняжеских: думая воспользоваться оным, Михаил Тверской хотел завоевать Кострому; однако ж взял одну Мологу, обратив в пепел Углич и Бежецк.

В исходе осени усердные москвитяне были обрадованы счастливым возвращением своего князя: хан, царицы, вельможи Ординские и в особенности темник Мамай, не предвидя в нем будущего грозного сопротивника, приняли Димитрия с ласкою; утвердили его на Великом княжении, согласились брать с оного дань гораздо умереннейшую прежней и велели сказать Михаилу: «мы хотели силою оружия возвести тебя на престол Владимирский; но ты отвергнул наше предложение, в надежде на собственное могущество: ищи же покровителей, где хочешь». Милость удивительная; но варвары уже чувствовали силу князей Московских и тем дороже ценили покорность Димитрия. В Орде находился сын Михаилов, Иоанн, удержанный там за 10 000 рублей, коими Михаил был должен царю. Димитрий, желая иметь столь важный залог в руках своих, выкупил Иоанна и привез с собою в Москву, где сей юный князь жил несколько времени в доме у митрополита; но, согласно с правилами чести, был освобожден, как скоро отец заплатил Димитрию означенное количество серебра; Михаил же оставался неприятелем Великого князя: воеводы Московские, убив в Бежецке наместника Михайлова, опустошили границы тверские.

Тогда явился новый неприятель, который хотя и не думал свергнуть Димитрия с престола Владимирского, однако ж всеми силами противоборствовал его системе единовластия, ненавистной для удельных князей: то был смелый Олег Рязанский, который еще в государствование Иоанна Иоанновича показал себя врагом Москвы. Озабоченный иными делами, Димитрий таил свое намерение унизить гордость сего князя, и жил с ним мирно: мы видели, что рязанцы ходили даже помогать Москве, теснимой Ольгердом. Не опасаясь уже ни Литвы, ни татар, Великий князь скоро нашел причину объявить войну Олегу, неуступчивому соседу, всегда готовому спорить о неясных границах между их владениями. Воевода, Димитрий Михайлович Волынский, с сильною ратию московскою вступил в Олегову землю, и встре-

тился с полками сего князя, не менее многочисленными, и столь уверенными в победе, что они с презрением смотрели на своих противников. «Друзья!» говорили рязанцы между собою: «нам нужны не щиты и не копья, а только одни веревки, чтобы вязать пленников, слабых, боязливых москвитян». *Рязанцы,* прибавляет летописец, *бывали искони горды и суровы:* суровость не есть мужество, и *смиренные, набожные* москвитяне, устроенные вождем искусным, побили их наголову. Олег едва ушел. Великий князь отдал Рязань Владимиру Димитриевичу Пронскому, согласному зависеть от его верховной власти. Но сим не кончилась история Олегова: любимый народом, он скоро изгнал Владимира и снова завоевал все свои области; а Димитрий, встревоженный иными, опаснейшими врагами, примирился с ним до времени.

Иные опасности явились; медленно, но грозно восходила туча над Великим княжением от берегов Волги. Еще Димитрий соглашался быть данником моголов, однако ж не хотел терпеть насилия с их стороны. Вопреки, может быть, слову, данному ханом, послы Мамаевы, приехав в Нижний с воинскою дружиною, нагло оскорбили тамошнего князя, Димитрия Константиновича, и граждан: сей князь, исполняя, как вероятно, предписание Московского, велел или дозволил народу умертвить послов, с коими находилось более тысячи Мамаевых воинов: главного из них, мурзу Сарайку, заключили в крепость с его особенною дружиною. Прошло около года: объявили Сарайке, что он должен проститься с товарищами и что их будут содержать в разных домах. Испуганный сею вестью мурза ушел от приставов, вбежал в дом епископский, зажег оный и с помощию слуг своих оборонялся: они пустили несколько стрел и едва не ранили самого суздальского епископа, Дионисия; но скоро были все жертвою народной злобы.

Неизвестно, старался ли Димитрий Константинович или Великий князь оправдать сие дело пред судилищем ханским: по крайней мере гордый Мамай не стерпел такой явной дерзости и послал войско опустошить пределы Нижегородские, берега Киши и Пьяны, где начальствовал боярин Парфений и где чрез несколько дней не осталось ничего, кроме пепла и трупов.

Сия месть не могла удовлетворить гневу Мамаеву: он клялся погубить Димитрия, и российские мятежники взялись ему в том способствовать. Мы упоминали о знаменитости московских чиновников, называемых тысячкими, которые, подобно князьям, имели особенную

благородную дружину и были, кажется, избираемы гражданами, согласно с древним обычаем, чтобы предводительствовать их людьми военными. Димитрий уничтожил сей важный сан, неприятный для самовластия государей и для бояр, обязанных уступать первенство чиновнику народному. Последний московский тысячский, Василий Васильевич Вельяминов, умерший схимником, оставил сына, именем Ивана, хотевшего, может быть, заступить место отца: недовольный Великим князем, он вместе с богатым купцом Некоматом ушел к Михаилу Тверскому, и представил ему случай воспользоваться злобою Мамая на Димитрия, чтобы отнять Владимир у Московского князя. Отправив коварного Вельяминова и Некомата к хану, Михаил сам ездил в Литву и, возвратясь в Тверь, получил из Орды грамоту на Великое княжение. Мамай обещал ему войско: Ольгерд также. Не дав им времени исполнить столь нужное обещание, легкомысленный князь Тверской объявил войну Димитрию, послал своих наместников в Торжок и сильный отряд к Угличу.

Великий князь оказал деятельность необыкновенную, предвидя, что он в одно время может иметь дело и с тверитянами, и с Литвою, и с моголами: гонцы его скакали из области в область; полки вслед за ними выступали. Собралось войско, многочисленное, прекрасное, на равнинах Волока.— Все князья удельные, или служащие Московскому, находились под его знаменами: Владимир Андреевич, внук Калитин; Димитрий Константинович Суздальский с двумя братьями и сыном; князья Ростовские, Василий и Александр Константиновичи, с двоюродным их братом, Андреем Феодоровичем; Иоанн Смоленский, Василий Ярославский, Феодор Михайлович Моложский. Феодор Романович Белозерский, Василий Михайлович Кашинский (сын умершего Михаила Васильевича), Андрей Стародубский, Роман Михайлович Брянский, Роман Симеонович Новосильский, Симеон Константинович Оболенский, и брат его, Иоанн Торусский. Некоторые из сих князей — например, Смоленский и Брянский — не были владетельными: ибо в Смоленске господствовал Святослав, дядя сего Иоанна, а в Брянске сын Ольгердов. В Стародубе и Безозерске уже властвовали наместники московские. Оболенск, Торусса и Новосиль, древние уделы Черниговские в земле вятичей, подобно Ярославлю, Мологе и Ростову, зависели тогда от Великого княжения; однако ж имели своих особенных владетелей, потомков св. Михаила Черниговского.

Димитрий, взяв Микулин, 5 августа осадил Тверь. Он велел сделать два моста чрез Волгу и весь город окружить тыном. Началися приступы кровопролитные. Верные тверитяне никогда не изменяли князьям своим: говели, пели молебны и бились с утра до вечера; гасили огонь, коим неприятель хотел обратить их стены в пепел, и разрушили множество тур, защиту осаждающих. Все Михаиловы области были разорены московскими воеводами, города взяты, люди отведены в плен, скот истреблен, хлеб потоптан; ни церкви, ни монастыри не уцелели: но тверитяне мужественно умирали на стенах, повинуясь князю и надеясь на бога. Осада продолжалась три недели: Димитрий с нетерпением ждал новогородцев, которые наконец явились в его стане, пылая ревностию отплатить Михаилу за бедствие Торжка. Еще сей князь, видя изнеможение своих воинов от ран и голода, ободрял себя мыслию, что Ольгерд и Кестутий избавят его в крайности: литовцы действительно шли к нему в помощь; но узнав о силе Димитриевой, возвратились с пути. Тогда оставалось Михаилу умереть или смириться: он избрал последнее средство, и владыка Евфимий со всеми знатнейшими тверскими боярами пришел в стан к Димитрию, требуя милости и спасения.

Великий князь показал достохвальную умеренность, предписав Михаилу условия не тягостные, согласные с благоразумною политикою. Главные из оных были следующие: «По благословлению отца нашего, Алексия митрополита всея Руси, ты, князь Тверской, дай клятву за себя и за наследников своих признавать меня *старейшим* братом, никогда не искать Великого княжения Владимирского, нашей отчины, и не принимать оного от ханов, также и Новагорода Великого; а мы обещаемся не отнимать у тебя наследственной Тверской области. Не вступайся в Кашин, отчину князя Василия Михайловича; отпусти захваченных бояр его и слуг, также и всех наших, с их достоянием. Возврати колокола, книги, церковные оклады и сосуды, взятые в Торжке, вместе с имением граждан, ныне свободных от данной ими тебе присяги: да будут свободны и те, кого ты закабалил из них грамотами. Но предаем забвению все действия нынешней тверской осады: ни тебе, ни мне не требовать возмездия за убытки, понесенные нами в сей месяц.— Князья Ростовские и Ярославские *со мною один человек:* не обижай их, или мы за них вступимся.— Откажись от союза с Ольгердом: когда Литва объявит войну Смоленскому» — тогда уже союзнику Димитриеву — «или

другим князьям, нашим братьям: мы обязаны защитить их, равно как и тебя.— В рассуждении татар поступай согласно с нами: решимся ли воевать, и ты враг их; решимся ли платить им дань, и ты плати оную.— Когда я и брат мой, князь Владимир Андреевич, сядем на коней, будь нам товарищ в поле; когда пошлем воевод, да соединятся с ними твои».

В других статьях сей договорной грамоты сказано, что Михаил, в исполнение прежних условий, освободит всех людей великокняжеских, задержанных в Твери им или его боярами по долгам, искам и ручательству; что бояре вольны отъехать для службы от Московского князя к Тверскому, или от Тверского к Московскому, но лишаются в таком случае своих жалованных поместьев; что села изменников Ивана Вельяминова и Некомата принадлежат Димитрию; что земли и воды новогородцев, из чести служащих Михаилу, остаются под ведением Новагорода; что тамошние купцы могут безопасно ездить чрез области Тверские; что гражданин свободный обязан платить дань князю той области, где живет: хотя бы и находился в службе другого, но подсуден единственно своему государю; что в делах спорных бояре Московские и Тверские съезжаются для суда на границе, а в случае несогласия избирают князя Олега Рязанского в посредники; что беглые рабы, воры и душегубцы должны быть выдаваемы руками; что торговые московские люди не платят в Твери ничего, кроме законных, издавна уставленных пошлин; что всякой насильственный перевод жителей из одной земли в другую воспрещается, и проч. Довольный смирением гордого соперника, Димитрий оставил ему все права князя независимого и название *Великого,* подобно Смоленским и Рязанским князьям. Новогородцы же заключили особенный договор с Михаилом, который обязался дать свободу их пленникам, *житым* (или нарочитым) и простым людям; возвратить товары, отнятые у купцов новогородских, восстановить древние границы между обеими землями, наблюдать правила доброго соседства, не стоять за беглых рабов, должников, и проч.— Сия междоусобная война, счастливая для Великого князя, была долгое время оплакиваема в Тверских областях, разоренных без милосердия: ибо воевать значило тогда свирепствовать, жечь и грабить. Димитрий, руководствуясь обычаем как уставом народным, не заслужил упреков от современников, которые напротив того славили его великодушие: ибо он не захотел совершенно истребить Твери и сверг-

нуть Михаила с наследственного престола. Летописцы тем более клянут истинных виновников сего бедствия, Ивана Вельяминова и Некомата, которые, дерзнув чрез несколько лет возвратиться в Великое княжение, были казнены всенародно, к устрашению подобных им злодеев. Народ московский, долго уважав и любив отца Иванова, чиновника столь знаменитого, с горестию смотрел на казнь сего несчастного сына, прекрасного лицом, благородного видом; она совершилась на древнем *Кучкове поле,* где ныне монастырь Сретенский.

Новый поход россиян в сию землю имел важнейшую цель: Великий князь уже явный враг моголов, хотел подчинить себе Болгарию. Сыновья Димитрия Суздальского соединились с полками московскими и приближились к *Казани,* городу славному в нашей истории: сообщим любопытное предание о начале его. «Сын Батыев» — так говорит один летописец XVI века, бывший любимым слугою царя Казанского — «сын Батыев, именем Саин, шел воевать Россию, но обезоруженный смирением и дарами ее князей, остановился: тут он вздумал завести селение, где бы чиновники татарские, посылаемые для собрания дани в наше отечество, могли иметь отдохновение. Место было изобильно, *пчелисто* и *пажитно;* но страшные змии обитали в оном: сыскался волхв, который обратил их в пепел. Хан основал город *Казань* (что значит *котел* или *золотое дно*) и населил его болгарами, черемисами, вотяками, мордвою, ушедшими из областей Ростовских во время крещения земли Русской; любил сие место, где сближаются ее пределы с Болгариею, Вяткою, Пермию, и часто сам приезжал туда из Сарая: оно долгое время называлось еще *Саиновым Юртом»*. Сей хан *Саин* был или Сартак, единственный Батыев сын, известный по летописям, или сам Батый, коего историк татарский, Абульгази, обыкновенно именует *Сагином*.

Казанцы встретили россиян в поле: многие из них выехали на вельблюдах, думая видом и голосом сих животных испугать наших коней; другие надеялись произвести то же действие стуком и громом: но видя неустрашимость россиян, побежали назад. Войско российское, истребив огнем села их, зимовища, суда, заставило двух болгарских владетелей, Осана и Махмат-Салтана, покориться Великому князю. Они дали ему и Димитрию Суздальскому 2000, а на воинов 3000 рублей и приняли в свой город московского чиновника или таможенника: следственно обязались быть данниками Рос-

сии. Ободренная сим успехом, она готовилась к дальнейшим подвигам.

Еще Мамай отлагал до удобнейшего времени действовать всеми силами против Великого князя (ибо в Орде снова свирепствовала тогда язва), однако ж не упускал случая вредить россиянам. Соседи Нижегородской области, мордва, взялись указать моголам безопасный путь в ее пределы, и царевич именем Арапша, с берегов Синего или Аральского моря пришедши служить Мамаю, выступил с ханскими полками. Димитрий Суздальский известил о том Великого князя, который немедленно собрал войско защитить тестя, но долго ждав моголов и надеясь, что они раздумали идти к Нижнему, послал воевод своих гнаться за ними, а сам возвратился в столицу. Сие ополчение состояло из ратников переславских, юрьевских, муромских и ярославских: князь Димитрий Константинович присоединил к ним суздальцев под начальством сына, Иоанна, и другого князя, Симеона Михайловича. К несчастию, ум предводителей не ответствовал числу воинов. Поверив слухам, что Арапша далеко, они вздумали за рекою Пьяною, на степи Перевосской, тешиться ловлею зверей как дома в мирное время. Воины следовали сему примеру беспечности: утомленные зноем, сняли с себя латы и нагрузили ими телеги; спустив одежду с плеч, искали прохлады; другие рассеялись по окрестным селениям, чтобы пить крепкий мед или пиво. Знамена стояли уединенно; копья, щиты лежали грудами на траве. Одним словом, везде представлялась глазам веселая картина охоты, пиршества, гульбища: скоро представилась иная. Князья мордовские тайно подвели Арапшу, о коем говорят летописцы, что он был карла станом, но великан мужеством, хитр на войне и свиреп до крайности. Арапша с пяти сторон ударил на россиян, столь внезапно и быстро, что они не могли ни изготовиться, ни соединиться, и в общем смятении бежали к реке Пьяне, устилая путь своими трупами и неся неприятеля на плечах. Погибло множество воинов и бояр: князь Симеон Михайлович был изрублен, князь Иоанн Димитриевич утонул в реке, которая прославилась сим несчастием (осуждая безрассудность воевод Димитриевых, древние россияне говорили в пословицу: *за Пьяною люди пьяны*).— Татары, одержав совершенную победу, оставили за собою пленников с добычею и на третий день явились под стенами Нижнего Новагорода, где царствовал ужас: никто не думал обороняться. Князь Димитрий Константинович

ушел в Суздаль; а жители спасались в лодках вверх по Волге. Неприятель умертвил всех, кого мог захватить; сжег город и, таким образом иаказав его за убиение послов Мамаевых, удалился, обремеиеиный корыстию. Сын Димитрия Констаитииовича, чрез несколько дней приехав иа сне горестиое пепелище, старался прежде всего возобновнть обгорелую камеиную церковь св. Спаса, чтобы схороиить в ней тело своего иесчастного брата, Иоанна, утоиувшего в реке.

В то же время моголы взяли ныиешиюю Рязаиь: киязь Олег, исстрелеиный, обагрениый кровню, едва мог спастися. Впрочем, оии желалн едииственно грабить и жечь: мгновеиио прнходилн, мгиовеиио и скрывались. Областн Рязаиская, Ннжегородская были усыпаиы пеплом, в особеиности берега Суры, где Арапша ие оставил в целости ии одиого селения. Многие бояре н купцы лишились всего имення; в том чнсле летописцы нменуют одиого знамеинтого гостя, Тараса Петрова: моголы разорили шесть его цветущих, миоголюдиых сел, куплениых нм у киязя за рекою Кудимою; видя, что собственность в сих местах ненадежиа, он иавсегда переехал в Москву.— Чтобы довершить бедствие Нижиего Новагорода, мордовские хищиики по следам татар рассеялнсь злодействовать в его уезде; ио киязь Борнс Константииович иастиг нх, когда оии уже возвращались с добычею, и потопил в реке Пьяне, где еще плавали трупы россияи. Сей князь Городецкий вместе с племяннником, Снмеоиом Днмитриевнчем, н с воеводой Велнкого князя, Феодором Свиблом, в следующую знму опустошил без битвы всю землю Мордовскую, истребляя жилнща и жителей. Он взял в плен жеи и детей, также иекоторых людей чнновных, казиеииых после в Ннжием. Народ в злобном остервеиеини влачнл их по льду реки Волги и травил псами.

Сия бесчеловечная месть сиова возбуднла гиев Мамаев иа россняи: ибо земля Мордовская находнлась под властню хана. Нижинй Новгород, едва возиикнув из пепла, вторичио был взят татарами: жнтели спасалнсь бегством за Волгу.— Киязь Димитрий Коистаитниовнч, будучн тогда в Городце, прислал объявить Мамаевым воеводам, чтобы они удовольствовалнсь окупом и ие делали зла его кияжеиню. Но нсполияя в точностн даиное нм повеление, онн хотели крови н развалии: сожгли город, опустошнли уезд, и выходя из наших пределов, соедииннлись еще с снльнейшнм войском, послаиным от Мамая иа самого Великого князя.

Димитрий Иоаннович, сведав заблаговременно о замыслах неприятеля, имел время собрать полки и встретил татар в области Рязанской, на берегах Вожи. Мурза Бегич предводительствовал ими. Они сами начали битву: перешли за реку и с воплем поскакали на россиян; видя же их твердость, удержали своих коней: пускали стрелы; ехали вперед легкою рысью. Великий князь стоял в средине, поручив одно крыло князю Даниилу Пронскому, а другое *окольничему*, или ближнему княжескому чиновнику, Тимофею. По данному знаку все наше войско устремилось против неприятеля, и дружным, быстрым нападением решило дело: моголы обратили тыл; бросая копья, бежали за реку. Россияне кололи, рубили и топили их в Воже целыми тысячами. Несколько именитых мурз находилось в числе убитых. Ночь и густая мгла следующего утра спасла остаток Мамаевых полков. На другой день Великий князь уже тщетно искал бегущего неприятеля: нашел только разбросанные в степях шатры, юрты, кибитки и телеги, наполненные всякими товарами. Довольный столь блестящим успехом, он возвратился в Москву. Сия победа достопамятна тем, что была первою, одержанною россиянами над татарами с 1224 года, и не стоила им ничего, кроме труда убивать людей: столь изменился воинственный характер Чингисханова потомства! Юный герой Димитрий, торжествуя оную вместе со всеми добрыми подданными, мог сказать им словами Библии: *Отступило время от них: Господь же с нами.*

Мамай — истинный властелин Орды, во всем повелевая ханом — затрепетал от гнева, услышав о гибели своего войска; собрал новое, и столь быстро двинулся к Рязани, что тамошний князь, Олег, не имел времени ни ждать вспоможения от Великого князя, ни приготовиться к отпору: бежал из столицы за Оку, и предал отечество в жертву варварам. Но Мамай, кровопролитием и разрушениями удовлетворив первому порыву мести, не хотел идти далее Рязани и возвратился к берегам Волги, отложив решительный удар до иного времени.

Димитрий успел между тем смирить Литву. Славный Ольгерд умер в 1377 году, не только христианином, но и схимником по убеждению его супруги, Иулиании, и печерского архимандрита Давида, приняв в крещении имя Александра, а в монашестве Алексия, чтобы загладить свое прежнее отступление от веры Иисусовой.

Мамай пылал яростию и нетерпением отмстить Димитрию за разбитие ханских полков на берегах Вожи;

но видя, что россияне уже не трепещут имени могольского и великодушно решились противоборствовать силе силою, он долго медлил, набирая войско из татар, половцев, хоразских турков, черкесов, ясов, буртанов или жидов кавказских, армян и самых крымских генуэзцев: одни служили ему как подданные, другие как наемники. Наконец, ободренный многочисленностию своей рати, Мамай призвал на совет всех князей Ординских и торжественно объявил им, что идет, по древним следам Батыя, истребить государство Российское. «Казним рабов строптивых!» — сказал он в гневе: «да будут пеплом грады их, веси и церкви христианские! Обогатимся русским золотом!» Желая еще более обнадежить себя в успехе, Мамай вступил в тесный союз с Ягайлом Литовским, который условился действовать с ним заодно. К сим двум главным утеснителям и врагам нашего отечества присоединился внутренний изменник, менее опасный могуществом, но зловреднейший коварством: Олег Рязанский, воспитанный в ненависти к московским князьям, жестокосердный в юности и зрелым умом мужеских лет наученный лукавству. Испытав в поле превосходную силу Димитрия, он начал искать его благоволения; будучи хитр, умен, *велеречив,* сделался ему другом, советником в общих делах государственных и посредником — как мы видели — в гражданских делах Великого княжения с Тверским. Думая, что грозное ополчение Мамаево, усиленное Ягайловым, должно необходимо сокрушить Россию — страшась быть первою жертвою оного и надеясь хитрым предательством не только спасти свое княжество, но и распространить его владения падением Московского, Олег вошел в переговоры с моголами и с Литвою чрез боярина рязанского, Епифана Кореева; заключил с ними союз и тайно условился ждать их в начале сентября месяца на берегах Оки. Мамай обещал ему и Ягайлу все будущие завоевания в Великом княжении, с тем, чтобы они, получив сию награду, были верными данниками ханскими.

Димитрий в исходе лета сведал о походе Мамаевом, и сам Олег, желая скрыть свою измену, дал ему знать, что надобно готовиться к войне. «Мамай *со всем царством* идет в землю Рязанскую против меня и тебя», писал он к Великому князю. «Ягайло также; *но еще рука наша высока:* бодрствуй и мужайся!» В обстоятельствах столь важных, решительных первою мыслию Димитрия было спешить в храм Богоматери и молить Всевышнего о заступлении. Облегчив сердце излиянием набожных

чувств, он разослал гонцов по всем областям Великого княжения, чтобы собирать войско и немедленно вести оное в Москву. Повеление его было исполнено с редким усердием: целые города вооружились в несколько дней; ратники тысячами стремились отовсюду к столице. Князья Ростовские, Белозерские, Ярославские, с своими слугами,— бояре Владимирские, Суздальские, Переславские, Костромские, Муромские, Дмитровские, Можайские, Звенигородские, Углицкие, Серпуховские с *детьми боярскими* или с воинскими дружинами составили полки многочисленные, которые одни за другими вступали в ворота Кремлевские. Стук оружия не умолкал в городе, и народ с умилением смотрел на бодрых воинов, готовых умереть за отечество и веру. Казалось, что россияне пробудились от глубокого сна: долговременный ужас имени татарского, как бы от действия сверхъестественной силы, исчез в их сердце. Они напоминали друг другу славную победу Вожскую; исчисляли все бедствия, претерпенные ими от варваров в течение ста пятидесяти лет, и дивились постыдному терпению своих отцов. Князья, бояре, граждане, земледельцы были воспламенены равным усердием, ибо тиранство ханов равно всех угнетало, от престола до хижины. Какая война была праведнее сей? Счастлив государь, обнажая меч по движению столь добродетельному и столь единодушному! Народ, до времен Калиты и Симеона оглушаемый непрестанными ударами моголов, в бедности, в отчаянии, не смел и думать о свободе: отдохнув под умным правлением князей Московских, он вспомнил древнюю независимость россиян, и менее страдая от ига иноплеменников, тем более хотел свергнуть оное совершенно. Облегчение цепей не мирит нас с рабством, но усиливает желание прервать оные.

Каждый ревновал служить отечеству: одни мечом, другие молитвою и делами христианскими. Между тем, как юноши и мужи блистали оружием на стогнах Москвы, жены и старцы преклоняли колена в святых храмах; богатые раздавали милостыню, особенно Великая княгиня, супруга нежная и чувствительная; а Димитрий, устроив полки к выступлению, желал с братом Владимиром Андреевичем, со всеми князьями и воеводами, принять благословение Сергия, игумена уединенной Троицкой обители, уже знаменитой добродетелями своего основателя. Сей святой старец, отвергнув мир, еще любил Россию, ее славу и благоденствие: летописцы говорят, что он предсказал Димитрию кровопролитие ужасное, но

победу — смерть многих героев православных, но спасение Великого князя; упросил его обедать в монастыре, окропил святою водою всех бывших с ним военачальников и дал ему двух иноков в сподвижники, именем Александра Пересвята и Ослябю, из коих первый был некогда боярином Брянским и витязем мужественным. Сергий вручил им знамение креста на схимах и сказал: «вот оружие нетленное! да служит оно вам вместо шлемов!» Димитрий выехал из Обители с новою и еще сильнейшею надеждою на помощь небесную.

В тот час, когда полки с распущенными знаменами уже шли из Кремля в ворота Флоровские, Никольские и Константино-Еленские, будучи провождаемы духовенством с крестами и чудотворными иконами, Великий князь молился над прахом своих предместников, государей Московских, в церкви Михаила Архангела, воспоминая их подвиги и добродетели. Он нежно обнял горестную супругу, но удержал слезы, окруженный свидетелями и, сказав ей: «Бог наш заступник!», сел на коня. Одни жены плакали. Народ стремился вслед за воинством, громогласно желая ему победы. Утро было ясное и тихое: оно казалось счастливым предзнаменованием.— В Москве остался воеводою Феодор Андреевич, блюсти столицу и семейство княжеское.

В Коломне соединились с Димитрием верные ему сыновья Ольгердовы, Андрей и Димитрий, предводительствуя сильною дружиною Полоцкою и Брянскою. Великий князь хотел осмотреть все войско: никогда еще Россия не имела подобного, даже в самые счастливые времена ее независимости и целости: *более ста пятидесяти тысяч* всадников и пеших стало в ряды, и Димитрий, выехав на обширное поле Девичье, с душевною радостию видел ополчение столь многочисленное, собранное его монаршим словом в городах одного древнего Суздальского княжения, некогда презираемого князьями и народом южной России. Скоро пришла весть, что Мамай, совокупив всю Орду, уже три недели стоит за Доном и ждет Ягайла Литовского. В то же время явился в Коломне посол ханский, требуя, чтобы Димитрий заплатил моголам ту самую дань, какую брал с его предков царь Чанибек. Еще не доверяя силам своим и боясь излишнею надменностию погубить отечество, Димитрий ответствовал, что он желает мира и не отказывается от дани *умеренной*, согласно с прежними условиями, заключенными между им и Мамаем; но не хочет разорить земли своей налогами тягостными в удовлетворение ко-

рыстолюбивому тиранству. Сей ответ казался Мамаю дерзким и коварным. С обеих сторон видели необходимость решить дело мечом.

Димитрий сведал тогда измену Олега Рязанского и тайные сношения его с моголами и с Литвою; не ужаснулся, но с видом горести сказал: «Олег хочет быть новым Святополком!» и, приняв благословение от коломенского епископа, Герасима, 20 августа выступил к устью реки Лопасни. Там настиг его князь Владимир Адреевич, внук Калитин, и великий воевода Тимофей Васильевич, со всеми остальными полками московскими. 26 августа войско переправилось за Оку, в землю Рязанскую, а на другой день сам Димитрий и *двор* княжеский, к изумлению Олега, уверившего своих союзников, что Великий князь не дерзнет им противоборствовать и захочет спастися бегством в Новгород или в пустыни Двинские. Слыша о силах Димитрия, равно боясь его и Мамая, князь Рязанский не знал, что ему делать; скакал из места в место; отправлял гонцов к татарам, к Ягайлу, уже стоявшему близ Одоева; трепетал будущего и раскаивался в своей измене; чувствуя, сколь ужасен страх в злодействе, он завидовал опасностям Димитрия, ободряемого чистою совестию, верою и любовию всех добрых россиян.

6 сентября войско наше приближалось к Дону, и князья рассуждали с боярами, там ли ожидать моголов, или идти далее? Мысли были несогласны. Ольгердовичи, князья Литовские, говорили, что надобно оставить реку за собою, дабы удержать робких от бегства; что Ярослав Великий таким образом победил Святополка и Александр Невский шведов. Еще и другое, важнейшее обстоятельство было опорою сего мнения: надлежало предупредить соединение Ягайла с Мамаем. Великий князь решился — и, к ободрению своему, получил от св. Сергия письмо, в коем он благословлял его на битву, советуя ему не терять времени. Тогда же пришла весть, что Мамай идет к Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкие наши отряды встречались с татарскими, и гнали их. Димитрий собрал воевод, и, сказав им: «час суда божия наступает», 7 сентября велел искать в реке удобного броду для конницы и наводить мосты для пехоты. В следующее утро был густой туман, но скоро рассеялся: войско перешло за Дон, и стало на берегах Непрядвы, где Димитрий устроил все полки к битве. В средине находились князья литовские, Андрей и Димитрий Ольгердовичи, Феодор Романович Белозерский и боярин Ни-

колай Васильевич. В собственном же полку великокняжеском бояре Иоанн Родионович Квашня, Михаил Брянок, князь Иоанн Васильевич Смоленский; на правом крыле князь Андрей Феодорович Ростовский, князь Стародубский того же имени и боярин Феодор Грунка; на левом князь Василий Васильевич Ярославский, Феодор Михайлович Моложский и боярин Лев Морозов; в Сторожевом полку боярин Михаил Иоаннович, внук Акинфиев, князь Симеон Константинович Оболенский, брат его князь Иоанн Торусский и Андрей Серкиз; а в засаде князь Владимир Андреевич, внук Калитин, Димитрий Михайлович Волынский, победитель Олега и болгаров, муж славный доблестию и разумом,— Роман Михайлович Брянский, Василий Михайлович Кашинский и сын Романа Новосильского. Димитрий, стоя на высоком холме и видя стройные, необозримые ряды войска, бесчисленные знамена, развеваемые легким ветром, блеск оружия и доспехов, озаряемых ярким осенним солнцем,— слыша всеобщие громогласные восклицания: «Боже! даруй победу государю нашему!» и вообразив, что многие тысячи сих бодрых витязей падут чрез несколько часов, как усердные жертвы любви к отечеству, Димитрий в умилении преклонил колена, и, простирая руки к златому образу Спасителя, сиявшему вдали на *черном знамени* великокняжеском, молился в последний раз за христиан и Россию; сел на коня, объехал все полки и говорил речь к каждому, называя воинов своими верными товарищами *и милыми братьями,* утверждая их в мужестве и каждому из них обещая славную память в мире, с венцом мученическим за гробом.

Войско тронулось и в шестом часу дня увидело неприятеля среди обширного поля Куликова. С обеих сторон вожди наблюдали друг друга и шли вперед медленно, измеряя глазами силу противников: сила татар еще превосходила нашу. Димитрий, пылая ревностию служить для всех примером, хотел сражаться в передовом полку: усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главного войска, в месте безопаснейшем. «Долг князя» — говорили они — «смотреть на битву, видеть подвиги воевод и награждать достойных. Мы все готовы на смерть; а ты, государь, любимый, живи и предай нашу память временам будущим. Без тебя нет победы». Но Димитрий ответствовал: «Где вы, там и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вам: *братья! умрем за отечество?* Слово мое да будет делом! Я вождь и начальник: стану впереди и хочу положить свою голову в

пример другим». Он не изменил себе и великодушию; громогласно читая Псалом: *бог нам прибежище и сила,* первый ударил на врагов, и бился мужественно как рядовой воин; наконец отъехал в средину полков, когда битва сделалась общею.

На пространстве десяти верст лилася кровь христиан и неверных. Ряды смешались: инде россияне теснили моголов, инде моголы россиян; с обеих сторон храбрые падали на месте, а малодушные бежали: так некоторые московские неопытные юноши — думая, что все погибли — обратили тыл. Неприятель открыл себе путь к большим или княжеским знаменам и едва не овладел ими: верная дружина отстояла их с напряжением всех сил. Еще князь Владимир Андреевич, находясь в засаде, был только зрителем битвы и скучал своим бездействием, удерживаемый опытным Димитрием Волынским. Настал девятый час дня: сей Димитрий, с величайшим вниманием примечая все движения обеих ратей, вдруг извлек меч и сказал Владимиру: «теперь наше время». Тогда засадный полк выступил из дубравы, скрывавшей его от глаз неприятеля и быстро устремился на моголов. Сей внезапный удар решил судьбу битвы: враги изумленные, рассеянные, не могли противиться новому строю войска свежего, бодрого, и Мамай, с высокого кургана, смотря на кровопролитие, увидел общее бегство своих; терзаемый гневом, тоскою, воскликнул: «Велик бог христианский!» и бежал вслед за другими. Полки российские гнали их до самой реки Мечи, убивали, топили, взяв стан неприятельский и несметную добычу, множество телег, коней, вельблюдов, навьюченных всякими драгоценностями.

Мужественный князь Владимир, герой сего незабвенного для России дня, довершив победу, стал *на костях* или на поле битвы, под черным знаменем княжеским, и велел трубить в воинские трубы: со всех сторон съезжались к нему князья и полководцы, но Димитрия не было. Изумленный Владимир спрашивал: «где брат мой и *первоначальник* нашей славы?» Никто не мог дать об нем вести. В беспокойстве, в ужасе воеводы рассеялись искать его, живого или мертвого; долго не находили: наконец два воина увидели Великого князя, лежащего под срубленным деревом. Оглушенный в битве сильным ударом, он упал с коня, обеспамятел, и казался мертвым; но скоро открыл глаза. Тогда Владимир, князья, чиновники, преклонив колена, воскликнули единогласно: «Государь! ты победил врагов!» Димитрий встал: ви-

дя брата, видя радостные лица окружающих его и знамена христианские над трупами моголов, в восторге сердца изъявил благодарность небу; обнял Владимира, чиновников; целовал самых простых воинов и сел на коня, здравый веселием духа, и не чувствуя изнурения сил.— Шлем и латы его были иссечены, но обагрены единственно кровию неверных: бог чудесным образом спас сего князя среди бесчисленных опасностей, коим он с излишнею пылкостию подвергался, сражаясь в толпе неприятелей и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрий, провождаемый князьями и боярами, объехал поле Куликово, где легло множество россиян, но вчетверо более неприятелей, так, что, по сказанию некоторых историков, число всех убитых простиралось до двухсот тысяч. Князья Белозерские, Феодор и сын его Иоанн, Торусские Феодор и Мстислав, Дорогобужские Димитрий Монастырев, первостепенные бояре Симеон Михайлович, сын тысячского Николай Васильевич, внук Акинфов Михаил, Андрей Серкиз, Волуй, Бренко, Лев Морозов и многие другие положили головы за отечество: а в числе их и Сергиев инок Александр Пересвет, о коем пишут, что он еще до начала битвы пал в единоборстве с печенегом, богатырем Мамаевым, сразив его с коня и вместе с ним испустив дух; кости сего и другого Сергиева священновитязя, Осляби, покоятся доныне близ монастыря Симонова. Останавливаясь над трупами мужей знаменитейших, Великий князь платил им дань слезами умиления и хвалою; наконец, окруженный воеводами, торжественно благодарил их за оказанное мужество, обещал наградить каждого по достоинству, и велел хоронить тела россиян. После, в знак признательности к добрым сподвижникам, там убиенным, он уставил праздновать вечно их память в субботу Дмитровскую, доколе существует Россия.

Ягайло в день битвы находился не более как в 30 или 40 верстах от Мамая: узнав ее следствие, он пришел в ужас и думал только о скором бегстве, так, что легкие наши отряды нигде не могли его настигнуть. Со всех сторон счастливый Димитрий, одним ударом освободив Россию от двух грозных неприятелей, послал гонцов в Москву, в Переславль, Кострому, Владимир, Ростов и другие города, где народ, сведав о переходе войска за Оку, денно и нощно молился в храмах. Известие о победе столь решительной произвело восхищение неописанное. Казалось, что независимость, слава и благоденствие нашего отечества утверждены ею навеки; что Орда па-

ла и не восстанет; что кровь христиан, обагрившая берега Дона, была последнею жертвою для России, и совершенно умилостивила небо. Все поздравляли друг друга, радуясь, что дожили до времен столь счастливых, и славили Димитрия, как второго Ярослава Великого и нового Александра, единоглавно назвав его *Донским,* а Владимира Андреевича *Храбрым*, и ставя Мамаево побоище выше Алтского и Невского. Увидим, что оно, к сожалению, не имело тех важных, прямых следствий, каких Димитрий и народ его ожидали; но считалось знаменитейшим в преданиях нашей истории до самых времен Петра Великого, или до битвы Полтавской: еще не прекратило бедствий России, но доказало возрождение сил ее, и в несомнительной связи действий с причинами отдаленными служило основанием успехов Иоанна III, коему судьба назначила совершить дело предков, менее счастливых, но равно великих.

Для чего Димитрий не хотел воспользоваться победою, гнать Мамая до берегов Ахтубы и разрушить гнездо тиранства? Не будем обвинять Великого князя в оплошности. Татары бежали, однако ж все еще сильные числом, и могли в Волжских Улусах собрать полки новые; надлежало идти вслед за ними с войском многолюдным: каким образом продовольствовать оное в степях и пустынях? Народу кочующему нужна только паства для скота его, а россияне долженствовали бы везти хлеб с собою, видя впереди глубокую осень и зиму, имея лошадей, не приученных питаться одною иссохшею травою. Множество раненых требовало призрения, и победители чувствовали нужду в отдохновении. Думая, что Мамий никогда уже не дерзнет восстать на Россию Димитрий не хотел без крайней необходимости подвергать судьбу государства дальнейшим опасностям войны, и в надежде заслужить счастие умеренностию возвратился в столицу. Шествие его от поля Куликова до врат Кремлевских было торжеством непрерывным. Везде народ встречал победителя с веселием, любовию и благодарностию; везде гремела хвала богу и государю. Народ смотрел на Димитрия как на ангела-хранителя, ознаменованного печатию небесного благоволения. Сие блаженное время казалось истинным очарованием для добрых россиян: оно не продолжилось!

Уже зная все черноту души Олеговой, и сведав еще, что сей изменник старался вредить Московским полкам на возвратном их пути чрез области Рязанские, истреблял мосты, даже захватывал и грабил слуг велико-

княжеских, Димитрий готовился наказать его. Тогда именитейшие бояре Рязанские приехали в Москву объявить, что князь их ушел с своим семейством и двором в Литву; что Рязань поддается герою Донскому и молит его о милосердии. Димитрий отправил туда московских наместников; но хитрый Олег, быв несколько месяцев изгнанником, умел тронуть его чувствительность знаками раскаяния и возвратился на престол, с обещанием отказаться от Ягайловой дружбы, считать Великого князя старшим братом и быть с ним заодно в случае войны или мира с Литвою и татарами. В сем письменном договоре сказано, что Ока и Цна служат границею между княжениями Московским и Рязанским; что места, отнятые у татар, бесспорно принадлежат тому, кто их отнял; что город *Тула,* названный именем царицы *Тайдулы,* жены Чанибековой, и некогда управляемый ее баскаками, остается собственностию Димитрия, равно как и бывшая Мордовская область, Мещера, купленная им у тамошнего крещеного князя, именем Александра Уковича. Великодушне действует только на великодушных: суровый Олег мог помнить обиды, а не благотворения; скоро забыл милость Димитрия и воспользовался первым случаем нанести ему вред.

Уничиженный, поруганный Мамай, достигнув своих улусов в виде робкого беглеца, скрежетал зубами и хотел еще отведать сил против Димитрия; но судьба послала ему иного неприятеля. Тохтамыш, один из потомков Чингисхановых, изгнанный из Орды Капчакской ханом Урусом, снискал дружбу славного Тамерлана, который, смиренно называясь Эмиром или князем моголов Чагатайских, уже властвовал над обеими Бухариями. С помощью сего второго Чингиса Тохтамыш, объявив себя наследником Батыева престола, шел к морю Азовскому. Мамай встретил его близ нынешнего Марнуполя, и на том месте, где моголы в 1224 году истребили войско наших соединенных князей, был разбит наголову; оставленный неверными мурзами, бежал в Кафу, и там кончил жизнь свою: генуэзцы обещали ему безопасность, но коварно умертвили его, чтобы угодить победителю или завладеть Мамаевою казною. Тохтамыш воцарился в Орде и дружелюбно дал знать всем князьям российским, что он победил *их врага общего.* Димитрий принял ханских послов с ласкою, отпустил с честию и вслед за ними отправил собственных с богатыми дарами для хана; то же сделали и другие князья. Но дары не дань, и ласки не рабство: надменный, честолюбивый

Тохтамыш не мог удовольствоваться приветствиями: он хотел властвовать как Батый или Узбек над Россиею.

В следующее лето хан послал к Димитрию царевича Акхозю и с ним 700 воинов, требовать, чтобы все князья наши, как древние подданные моголов, немедленно явились в Орде. Россияне содрогнулись. «Давно ли — говорили они — мы одержали победу на берегах Дона? неужели кровь христианская лилась тщетно?» Государь думал согласно с народом, и царевичу в Нижнем Новегороде сказали, что Великий князь не ответствует за его безопасность, если он приедет в столицу с воинскою дружиною. Акхозя возвратился к хану, отправив в Москву некоторых из своих товарищей. Даже и сии люди, устрашенные знаками народной ненависти россиян к моголам, не посмели туда ехать; а Димитрий, излишно надеясь на слабость Орды, спокойно занимался делами внутреннего правления.

Прошло около года: хан молчал, но в тишине готовился действовать. Вдруг услышали в Москве, что татары захватили всех наших купцов в земле Болгарской и взяли у них суда для перевоза войска ханского чрез Волгу; что Тохтамыш идет на Россию; что вероломный Олег встретил его близ границы и служит ему путеводителем, указывая на Оке безопасные броды. Сия весть, привезенная из Улусов некоторыми искренними доброхотами россиян, изумила народ: еще великодушная решимость правителей могла бы воспламенить его ревность, и герой Донской с мужественным братом своим, Владимиром Андреевичем, спешили выступить в поле; но другие князья изменили чести и славе. Сам тесть Великого князя, Димитрий Нижегородский, сведав о быстром стремлении неприятеля, послал к хану двух сыновей с дарами. Одни увеличивали силу Тохтамышеву; иные говорили, что от важного урона, претерпенного россиянами в битве Донской, столь кровопролитной, хотя и счастливой, города оскудели людьми военными; наконец советники Димитриевы только спорили о лучших мерах для спасения отечества, и Великий князь, потеряв бодрость духа, вздумал, что лучше обороняться в крепостях, нежели искать гибели в поле. Он удалился в Кострому с супругою и с детьми, желая собрать там более войска и надеясь, что бояре, оставленные им в столице, могут долго противиться неприятелю.

Тохтамыш взял Серпухов и шел прямо к Москве, где господствовало мятежное безначалие. Народ не слушал-

ся ни бояр, ни митрополита и при звуке колоколов стекался на вече, вспомнив древнее право граждан российских — в важных случаях решить судьбу свою большинством голосов. Смелые хотели умереть в осаде, робкие спасаться бегством; первые стали на стенах, на башнях и бросали камнями в тех, которые думали уйти из города; другие, вооруженные мечами и копьями, никого не пускали к городским воротам; наконец, убежденные представлениями людей благоразумных, что в Москве останется еще немало воинов отважных и что в долговременной осаде всего страшнее голод, позволили многим удалиться, но в наказание отняли у них все имущество. Сам митрополит Киприан выехал из столицы в Тверь, предпочитая собственную безопасность долгу церковного пастыря: он был иноплеменник. Волнение продолжалось: народ, оставленный государем и митрополитом, тратил время в шумных спорах и не имел доверенности к боярам.

В сие время явился достойный воевода, юный князь Литовский, именем Остей, внук Ольгердов, посланный, как вероятно, Димитрием. Умом своим и великодушием, столь сильно действующим в опасностях, он восстановил порядок, успокоил сердца, ободрил слабых. Купцы, земледельцы окрестных селений, пришедшие в Москву с детьми и с драгоценнейшею собственностию,— иноки, священники требовали оружия. Немедленно образовались полки; каждый занял свое место, в тишине и благоустройстве. Дым и пламя вдали означили приближение моголов, которые, следуя обыкновению, жгли на пути все деревни и 23 августа обступили город. Некоторые их чиновники подъехали к стене и, зная русский язык, спрашивали, где Великий князь Димитрий? Им ответствовали, что его нет в Москве. Татары, не пустив ни одной стрелы, ездили вокруг Кремля, осматривали глубину рвов, башни, все укрепления и выбирали места для приступов; а москвитяне, в ожидании битвы, молились в церквах; другие же, менее набожные, веселились на улицах; выносили из домов чаши крепкого меду и пили с друзьями, рассуждая: «Можем ли бояться нашествия поганых, имея город твердый и стены каменные с железными воротами? Неприятели скроются, когда испытают нашу бодрость, и сведают, что Великий князь с сильными полками заходит им в тыл». Сии храбрецы, всходя на стену и видя малое число татар, смеялись над ними; а татары издали грозили им обнаженными саблями,

и ввечеру, к преждевременной радости москвитян, удалились от города.

Сие войско было только легким отрядом: в следующий день явилась главная рать, столь многочисленная, что осажденные ужаснулись. Сам Тохтамыш предводительствовал ею. Он велел немедленно начать приступ. Москвитяне, пустив несколько стрел, были осыпаны неприятельскими и падали на стенах целыми рядами. Татары стреляли с удивительною меткостью, пешие и конные, стоя неподвижно или на всем скаку, в обе стороны, взад и вперед. Они приставили к стенам лестницы; но россияне обливали их кипящею водою, били камнями, толстыми бревнами, и к вечеру отразили. Три дни продолжалась битва; осажденные теряли многих людей, а неприятель еще более: ибо не имея стенобитных орудий, он упорствовал взять город силою. И воины и граждане московские, одушевляемые примером князя Остея, старались отличить себя мужеством. В числе героев летописцы называют одного суконника, именем Адама, который с ворот Флоровских застрелил любимого мурзу ханского. Видя неудачу, Тохтамыш употребил коварство, достойное варвара.

В четвертый день осады неприятель изъявил желание вступить в мирные переговоры. Знаменитые чиновники Тохтамышевы, подъехав к стенам, сказали москвитянам, что хан любит их как *своих* добрых *подданных* и не хочет воевать с ними, будучи только личным врагом Великого князя; что он немедленно удалится от Москвы, буде жители выйдут к нему с дарами и впустят его в сию столицу осмотреть ее достопамятности. Такое предложение не могло обольстить людей благоразумных; но с послами находились два сына Димитрия Нижегородского, Василий и Симеон: обманутые уверениями Тохтамыша или единственно исполняя волю его, они как россияне и христиане дали клятву, что хан сдержит слово и не сделает ни малейшего зла москвитянам. Храбрый Остей советовался с боярами, с духовенством и народом: все думали, что ручательство нижегородских князей надежно; что излишняя недоверчивость может быть пагубна в сем случае и что безрассудно подвергать столицу дальнейшим бедствиям осады, когда есть способ прекратить их. Отворили ворота: князь Литовский вышел первый из города и нес дары; за ним духовенство с крестами, бояре и граждане. Остея повели в стан ханский — и там умертвили. Сие злодейство было началом ужаса: по данному знаку обнажив мечи, тысячи моголов

в одно мгновение обагрились кровию россиян безоружных, напрасно хотевших спастися бегством в Кремль: варвары захватили путь и вломились в ворота; другие, приставив лестницы, взошли на стену. Еще довольно ратников оставалось в городе, но без вождей и без всякого устройства: люди бегали толпами по улицам, вопили как слабые жены и терзали на себе волосы, не думая обороняться. Неприятель в остервенении своем убивал всех без разбора, граждан и монахов, жен и священников, юных девиц и дряхлых старцев; опускал меч единственно для отдохновения и снова начинал кровопролитие. Многие укрывались в церквах каменных: татары отбивали двери и везде находили сокровища, свезенные в Москву из других, менее укрепленных городов. Кроме богатых икон и сосудов, они взяли, по сказанию летописцев, несметное количество золота и серебра в казне великокняжеской, у бояр старейших, у купцов знаменитых, наследие их отцов и дедов, плод бережливости и трудов долговременных. К вечному сожалению потомства, сии грабители, обнажив церкви и домы, предали огню множество древних книг и рукописей, там хранимых, и лишили нашу историю, может быть, весьма любопытных памятников.

Не будем подробно описывать всех ужасов сего несчастного для России дня: легко представить себе оные. И в наше время, когда неприятель, раздраженный упорством осажденных, силою входит в город, что может превзойти бедствие жителей? ни язва, ни землетрясение. А татары со времен Батыевых не смягчились сердцем, и в своей азовской роскоши утратив отчасти прежнюю неустрашимость, сохранили всю дикую свирепость народа степного. Обремененные добычею, утружденные злодействами, наполнив трупами город, они зажгли его и вышли отдыхать в поле, гоня перед собою толпы юных россиян, избранных ими в невольники.— «Какими словами — говорят летописцы — изобразим тогдашний вид Москвы? Сия многолюдная столица *кипела* прежде *богатством и славою:* в один день погибла ее красота; остались только дым, пепел, земля окровавленная, трупы и пустые, обгорелые церкви. Ужасное безмолвие смерти прерывалось одним глухим стоном некоторых страдальцев, иссеченных саблями татар, но еще не лишенных жизни и чувства».

Войско Тохтамышево рассыпалось по всему Великому княжению. Владимир, Звенигород, Юрьев, Можайск, Дмитров имели участь Москвы. Жители Переславля

бросились в лодки, отплыли на средину озера и тем спаслися от погибели; а город был сожжен неприятелем. Близ Волока стоял с дружиною смелый брат Димитриев, князь Владимир Андреевич: отпустив мать и супругу в Торжок, он внезапно ударил на сильный отряд моголов и разбил его совершенно. Извещенный о том беглецами, хан начал отступать от Москвы; взял еще Коломну и перешел за Оку. Тут вероломный князь Рязанский увидел, сколь милость татар, купленная гнусною изменою, ненадежна: они поступали в его земле как в неприятельской; жгли, убивали, пленяли жителей и заставили самого Олега скрыться. Тохтамыш оставил наконец Россию, отправив шурина своего, именем Шихомата, послом к князю Суздальскому.

С какою скорбию Димитрий и князь Владимир Андреевич, приехав с своими боярами в Москву, увидели ее хладное пепелище и сведали все бедствия, претерпенные отечеством, и столь неожидаемые после счастливой Донской битвы! «Отцы наши — говорили они, проливая слезы — не побеждали татар, но были менее нас злополучны!» Действительно менее со времен Калиты, памятных началом устройства, безопасности, и малодушные могли винить Димитрия в том, что он не следовал правилам Иоанна I и Симеона, которые искали милости в ханах для пользы государственной; но Великий князь, чистый в совести пред богом и народом, не боялся ни жалобы современников, ни суда потомков; хотя скорбел, однако ж не терял бодрости и надеялся умилостивить небо своим великодушием в несчастии.

Он велел немедленно погребать мертвых и давал гробокопателям по рублю за 80 тел: что составило 300 рублей; следственно в Москве погибло тогда 24 000 человек, кроме сгоревших и потонувших; ибо многие, чтобы спастись от убийц, бросались в реку. Еще не успели совершить сего печального обряда, когда Димитрий послал воевод московских наказать Олега, приписывая ему успех Тохтамышев и бедствие Великого княжения. Подданные должны были ответствовать за своего князя: он ушел, предав их в жертву мстителям, и войско Димитриево, остервененное злобою, вконец опустошило Рязань, считая оную гнездом измены и ставя жителям в вину усердие их к Олегу.— Вторым попечением Димитрия было возобновление Москвы; стены и башни Кремлевские стояли в целости: хан не имел времени разрушить оные. Скоро кучи пепла исчезли, и новые здания явились на их месте; но прежнее многолюдство

в столице и в других взятых татарами городах уменьшилось надолго.

Не время было презирать Тохтамыша и думать о битвах: разоренное Великое княжение требовало мирного спокойствия, и народ уныл. Великодушный Димитрий, скрепив сердце, с честию принял в Москве ханского мурзу, Карача, посланного объявить ему, что Тохтамыш, страшный во гневе, умеет и миловать преступников в раскаянии. Сын Великого князя, Василий, со многими боярами отправился Волгою на судах в Орду и знаками смирения столь угодил хану, что Михаил Тверской не мог успеть в своих происках и с досадою возвратился в Россию. Но милость Тохтамышева дорого стоила Великому княжению; кровопийцы ординские, называемые послами, начали снова являться в его пределах и возложили на оное весьма тягостную дань, в особенности для земледельцев: всякая деревня, состоящая из двух и трех дворов, обязывалась платить полтину серебром; города давали и *золото*. Сверх того, к огорчению государя и народа, хан в залог верности и осьми тысяч рублей долгу удержал при себе юного князя Василия Димитриевича, вместе с сыновьями князей Нижегородского и Тверского. Одним словом, казалось, что россияне долженствовали проститься с мыслию о государственной независимости как с мечтою; но Димитрий надеялся вместе с народом, что сие рабство будет недолговременно; что падение мятежной Орды неминуемо и что он воспользуется первым случаем освободить себя от ее тиранства.

Для того Великий князь хотел мира и благоустройства внутри отечества; не мстил князю Тверскому за его вражду и предлагал свою дружбу самому вероломному Олегу. Сей последний неожидаемо разграбил Коломну, пленив тамошнего наместника, Александра Остея, со многими боярами: Димитрий послал туда войско под начальством князя Владимира Андреевича, но желал усовестить Олега, зная, что сей князь любим рязанцами и мог быть своим умом полезен отечеству. Муж, знаменитый святостию, игумен Сергий, взял на себя дело миротворца: ездил к Олегу, говорил ему именем веры, земли Русской и смягчил его сердце, так, что он заключил с Димитрием искренний, вечный союз, утвержденный после семейственным: Феодор, сын Олегов, (в 1387 году) женился на княжне Московской, Софии Димитриевне.

Двадцать шесть областей соединили своих ратников под знаменами Великокняжескими: Москва, Коломна,

Звенигород, Можайск, Волок Ламский, Ржев, Серпухов, Боровск, Дмитров, Переславль, Владимир, Юрьев, Муром, Мещера, Стародуб, Суздаль, Городец, Нижний, Кострома, Углич, Ростов, Ярославль, Молога, Галич, Белозерск, Устюг. Самые подданные Новагорода, жители Вологды, Бежецка, Торжка (кроме знатнейших бояр сего последнего) взяли сторону Димитрия. Зимою, пред самым Рождеством Христовым, он с братом Владимиром Андреевичем и другими князьями выступил из Москвы; не хотел слушать послов новогородских и в день Богоявления расположился станом в тридцати верстах от берегов Волхова, обратив в пепел множество селений. Там встретил его архиепископ, старец Алексий, с убедительным молением простить вину новогородцев, готовых заплатить ему 8000 рублей. Великий князь не согласился, и новогородцы, извещенные о том, готовились к сильному отпору под начальством Патрикия и других князей, нам неизвестных; оградили вал тыном, сожгли предместия, двадцать четыре монастыря в окрестностях и все домы за рвом в трех концах города, в Плотинском, в Людине и в Неревском; два раза выходили в поле для битвы, ожидая неприятеля, и возвращались, не находя его. Имея войско довольно многочисленное, готовое сразиться усердно, и не пожалев ни домов, ни церквей для лучшей защиты города, они еще хотели отвратить кровопролитие и послали двух архимандритов, 7 иереев и 5 граждан, от имени пяти концов, чтобы склонить Димитрия к миру. С одной стороны, знаки раскаяния и смирения, с другой — твердость, но соединенная с умеренностию, произвели наконец желаемое действие. Великий князь подписал мирную грамоту, с условием, чтобы Новгород всегда повиновался ему как государю верховному, платил ежегодно так называемый *черный бор,* или дань, собираемую с черного народа, и внес в казну княжескую 8000 рублей за долговременные наглости своих разбойников. Новогородцы тогда же вынули из Софийского сокровища и прислали к Димитрию 3000 рублей, отправив чиновников в Двинскую землю для собрания остальных пяти тысяч: ибо двиняне, имев также участие в разбоях волжских, долженствовали участвовать и в наказании за оные. Димитрий возвратился в Москву с честию и без всякого урона, оставив в областях новогородских глубокие следы ратных бедствий. Многие купцы, земледельцы, самые иноки лишились своего достояния, а некоторые люди и вольности (ибо московитяне по заключении мира освободили не

всех пленников); другие, обнаженные хищными вoинами, умерли от холода на степи и в лесах.— К несчастию, новогородцы не приобрели и внутреннего спокойствия: ибо Великий князь, довольный их покорностию, не отнял у них древнего права избирать главных чиновников и решать дела государственные приговором веча. Так (в 1388 году) три конца Софийской стороны восстали на посадника Иосифа и, злобствуя на Торговую, где сей чиновник нашел друзей и защитников, более двух недель не имели с нею никакого сообщения. Исполняя, кажется, волю Димитриеву, новогородцы отняли Русу и Ладогу у Патрикия Наримантовича; а чрез два года отдали их другому князю Литовскому, Лугвению-Симеону Ольгердовичу, желая на случай войны с шведами или немцами иметь в нем полководца и жить с его братьями в союзе.

В сие время Литва была уже в числе держав христианских. Ягайло (в 1386 году) с согласия вельмож польских женился на Ядвиге, дочери и единственной наследнице их умершего короля Людовика, принял веру латинскую в Кракове вместе с достоинством государя польского и крестил свой народ волею и неволею. Чтобы сократить обряд, литовцев ставили в ряды целыми полками; священники кропили их святою водою и давали имена христианские: в одном полку называли всех людей Петрами, в другом Павлами, в третьем Иоаннами и так далее; а Ягайло ездил из места в место толковать на своем отечественном языке Символ Веры. Древний огонь Перкунов угас навеки в городе Вильне.

Но Димитрий, опасаясь Литвы, еще более опасался моголов, и готовясь тогда к новому разрыву с Ордою, имел нужду в приязни Ягайловой. Сын Великого князя Василий, три года жив невольником при дворе ханском, тайно ушел в Молдавию, к тамошнему воеводе Петру, нашему единоверцу, и мог возвратиться в Россию только чрез владения Польские и Литву. Димитрий отправил на встречу к нему бояр, поручив им для личной безопасности Василиевой склонить Ягайла к дружелюбию. Они успели в деле своем: Василий Димитриевич прибыл благополучно в Москву, провождаемый многими Панами польскими.

Вероятно, что бегство его из Орды было следствием намерения Димитриева свергнуть иго Тохтамышево: другие случаи также доказывают сие намерение.

Примирение державных братьев казалось истинным торжеством государственным. Народ веселился, не пред-

видя несчастия, коему надлежало случиться толь скоро и толь внезапно. Димитрию едва исполнилось сорок лет: необыкновенная его взрачность, дородство, густые черные волосы и борода, глаза светлые, огненные, изображая внутреннюю крепость сложения, ручались за долголетие. Вдруг, к общему ужасу, разнеслася весть о тяжкой болезни Великого князя: к успокоению народа сказали, что опасность ее миновалась; но Димитрий, не обольщая себя надеждою, призвал игуменов Сергия и Севастиана, вместе с девятью главными боярами, и велел писать духовное завещание. Объявив Василия Димитриевича наследником великокняжеского достоинства, он каждому из пяти сыновей дал особенные уделы: Василию Коломну с волостями, Юрию Звенигород и Рузу, Андрею Можайск, Верею и Калугу, Петру Дмитров, Иоанну несколько сел, а Великой княгине Евдокии разные поместья и знатную часть московских доходов. Сверх областей наследственных, Димитрий отказал второму сыну Галич, третьему Белозерск, четвертому Углич, купленные Калитою у тамошних князей удельных: сии города дотоле не были еще совершенно присоединены к Московскому княжению

Несколько дней бояре и граждане утешались мнимым выздоровлением любимого их государя. В сне время супруга его родила шестого сына, именем Константина, окрещенного старшим братом, Василием Димитриевичем, и Мариею, вдовою последнего тысячского. Но скоро болезнь вновь усилилась, и Великий князь, чувствуя свой конец, желал видеть супругу, еще слабую от следствия родов; изъявляя удивительную твердость, долго говорил с нею и с детьми; приказывал им быть во всем ей послушными и действовать единодушно, любить отечество и верных слуг его. Бояре в безмолвной горести стояли вдали; он велел им приближиться и сказал: «Вам, свидетелям моего рождения и младенчества, известна внутренность души моей. С вами я царствовал и побеждал врагов для счастия России; с вами веселился в благоденствии и скорбел в злополучиях; любил вас искренно и награждал по достоинству; не касался ни чести, ни собственности вашей, боясь досадить вам одним грубым словом; вы были не боярами, но князьями земли Русской. Теперь вспомните, что мне всегда говорили: *умрем за тебя и детей твоих.* Служите верно моей супруге и юным сыновьям: делите с ними радость и бедствия». Представив им семнадцатилетнего Василия Димитриевича как будущего их государя, он благословил его; из-

брал ему девять советников из вельмож опытных; обнял Евдокию, каждого из сыновей и бояр; сказал: *бог мира да будет с вами!* сложил руки на груди и скончался. На другой день погребли Димитрия в церкви Архангела Михаила.

Нельзя, по сказанию летописцев, изобразить глубокой душевной скорби россиян в сем случае: долго стенание и вопль не умолкали при дворе и на стогнах: ибо никто из потомков Ярослава Великого, кроме Мономаха и Александра Невского, не был столь любим народом и боярами, как Димитрий, за его великодушие, любовь ко славе отечества, справедливость, добросердечие. Воспитанный среди опасностей и шума воинского, он не имел знаний, почерпаемых в книгах, но знал Россию и науку правления; силою одного разума и характера заслужил от современников имя *орла высокопарного* в делах государственных; словами и примером вливал мужество в сердца воинов, и будучи младенец незлобием, умел с твердостию казнить злодеев. Современники особенно удивлялись его смирению в счастии. Какая победа в древние и новые времена была славнее Донской, где каждый россиянин сражался за отечество и ближних? но Димитрий, осыпаемый хвалами признательного народа, опускал глаза вниз и возносился сердцем единственно к богу всетворящему.

Таким образом летописцы изображают нам добрые свойства сего князя; и, славя его как *первого победителя татар,* не ставят ему в вину, что он дал Тохтамышу разорить Великое княжение, не успев собрать войска сильного, и тем продлил рабство отечества до времен своего правнука.

Димитрий сделал, кажется, и другую ошибку: имев случай присоединить Рязань и Тверь к Москве, не воспользовался оным: желая ли изъявить великодушное бескорыстие? но добродетели государя, противные силе, безопасности, спокойствию государства, не суть добродетели. Может быть, он не хотел изгнанием Михаила Тверского, шурина Ольгердова, раздражить Литвы и думал, что Олег, хитрый, деятельный, любимый подданными, лучше московских наместников сохранит безопасность юго-восточных пределов России, если искренно с ним примирится для блага отечества.— Димитрий прибавил к Московским владениям одну купленную им Мещеру и, подчинив себе князей Ярославских, не хотел отнять у них наследственного удела, довольный правом предписывать им законы.

В княжение Донского были основаны города Курмыш и Серпухов: первый (в 1372 году) Борисом Константиновичем Городецким, а второй (в 1374) князем Владимиром Андреевичем, который, чтобы приманить туда людей, дал жителям многие выгоды и льготу, оградил его дубовыми стенами и сделал в нем наместником своего окольничего, Якова Юрьевича Новосильца. Новогородцы, в 1384 году начав строить каменную крепость Яму на берегу Луги (ныне Ямбург), совершили оную в 33 дни; а в 1387 обвели Порхов также кирпичными стенами, вместо прежних деревянных.— Знаменитые монастыри Чудов, Андроньев, Симоновский в Москве, Высоцкий близ Серпухова и другие остались также памятниками времен Донского. Первые два основаны митрополитом Алексием (который, обогатив Чудовскую обитель драгоценными, золотыми сосудами, селами, рыбными ловлями, завещал погребсти себя в оной), последние святым Сергием Радонежским.

Между достопамятностями Димитриева времени должно заметить частые путешествия греческих духовных сановников, особенно из Палестины, в Москву для собрания милостыни. Знаменитейший из них был иерусалимский архимандрит Нифонт, который посредством золота, вывезенного им из России, достиг патриаршества. Утесняемые неверными, греки пользовались усердием наших предков к святым местам и, требуя денег для восстановления храмов разоренных, употребляли оные более на мирские, нежели на церковные нужды.— Вообще Греция, приближаясь к своему конечному падению и недоброжелательством Рима как бы исключенная из системы держав христианских, была в самой тесной связи с единоверною Россиею, которая начинала воскресать в Москве и, хотя не могла защитить Константинополя, но уделяла ему часть своего избытка, посылая дары императору и патриарху. Житель цареградский во глубине нашего Севера, как прежде в Киеве, находил для себя второе отечество, где люди ученые столько любили язык его, что Алексий митрополит даже в русских грамотах подписывал имя свое по-гречески. В Константинополе обитало всегда множество россиян, привлекаемых купечеством или набожностию и живших там обыкновенно в монастыре св. Иоанна Предтечи.

Осыпая в Москве единоверных греков благодеяниями, Димитрий привлекал в Россию и других европейцев. Между его грамотами находим одну, данную Андрею *Фрязину* (вероятно генуэзцу) на область Печерскую,

бывшую прежде за дядею сего Андрея, Матфеем Фрязином. В грамоте сказано, чтобы жители ему повиновались и что он, следуя древним уставам, должен блюсти там общее спокойствие. Димитрий, глава новогородцев, имел, как видно, право давать наместника печерянам, их подданным. Таким образом Москва и в XIV веке не чуждалась иностранцев, которые могли быть нужны для ее гражданского образования, и мнение, что до времен Иоанна III она не имела никакого сношения с западом Европы, есть ложное. Азовские и таврические генуэзцы служили посредниками между Италиею и нашим севером.

В государствование Донского россияне Великого княжения оставили куны, заменив оные мелкою, серебряною монетою, для коей служила образцом татарская. Моголы в древнем своем отечестве и в Китае вместо денег употребляли древесную кору и лоскутки кожаные с клеймом ханским; но в Бухарии и в Капчаке имели собственную серебряную и медную монету: первая называлась *тангою,* вторая *пулою.* Россияне сим именем назвали и свою, то есть серебряную, *деньгами,* а медную *пулами.* Последние уже ходили и при отце Донского; а древнейшие из серебряных, доныне нам известных, биты в княжение Димитрия, весом $^1/_4$ золотника, с изображением всадника. В мирном условии Тверского князя с Димитрием, заключенном в 1375 году, еще упоминается о *резанях,* или мелких кунах; но в позднейших договорах цены вещей определяются только *алтынами* и *деньгами* (коих считалось 6 в алтыне).

Последний год Димитриева княжения особенно достопамятен началом огнестрельного искусства в России. Пишут, что монах францисканский, Константин Англицен, или Бартольд Шварц, изобрел порох около половины XIV века и сообщил сие важное открытие венециянам, воевавшим тогда с генуэзцами. Французы в 1338 году уже знали оное, и король английский, Эдуард III, в славной битве при Креси (в 1346) разил неприятелей пушками. Вероятно, что аравитяне еще гораздо ранее употребляли порох. Восточные историки XIII столетия описывают его действие, и Гренадский владетель, Абалвалид Исмаил Бен Ассер, в 1312 году имел снаряд огнестрельный. Нет сомнения, что и монах Рогер Бакон за 100 лет до Бартольда Шварца умел составлять порох: ибо ясно говорит в своем творении de nullitate Magiae о свойстве и силе оного. Сказание нашего собственного летописца, что в 1185 году князь

Половецкий, Кончак, возил с собою харазского турка, *стрелявшего живым огнем,* также заставляет думать, что оружие сего человека могло быть огнестрельное. Но в России оно не употреблялось до 1389 года, когда, по известию одной летописи, вывезли к нам из земли немецкой *арматы и стрельбу огненную,* с того времени сведанную россиянами. Хотя еще в описании московской осады 1382 года упоминается о *пушках;* но так назывались у нас прежде не нынешние воинские орудия сего имени, а большие самострелы, или махины, коими осажденные бросали камни в осаждающих. При сыне Донского, Василии, уже делали в Москве и порох.

Наконец, описав историю времен Димитрия, прибавим, что летописцы наши согласно с другими говорят о явлении комет зимою в 1368 и весною в 1382 годах: вторая, по их мнению, предвестила грозное Тохтамышево нашествие. Достойно замечания, что в следующий год около Москвы снег лежал целый месяц после Святой Пасхи и люди ездили на санях до 20 апреля. Разные небесные знамения, чудесные для невежества, также засухи и великие пожары были весьма обыкновенны в государствование Димитрия.

Из главы II

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ДИМИТРИЕВИЧ

1389—1425

Великое княжение сделалось наследием владетелей Московских.— Характер аристократии.— Договор.— Политика Василиева. — Брак.— Вел. князь в Орде.— Разорение Вятки.— Нижний Новгород и Суздаль присоединены к Москве. — Эдигей. — Войны с Ливониею. — Нашествие Эдигея. — Язва. — Голод. — Мысль о преставлении света. — Кончина и характер Василия. — Завещание. — Дары, посланные в Грецию.— Дочь Василиева за императором. — Разные известия.

Димитрий оставил Россию готовую снова противоборствовать насилию ханов: юный сын его, Василий, отложил до времени мысль о независимости и был возведен на престол в Владимире послом царским, Шахматом. Таким образом достоинство великокня-

жеское сделалось наследием владетелей Московских. Уже никто не спорил с ними о сей чести. Хотя Борис Городецкий, старейший из потомков Ярослава II, немедленно по кончине Донского отправился в Сарай; но целию его исканий был единственно Нижний Новгород, отнятый у него племянниками. Тохтамыш, неблагодарно предприяв воевать сильную империю Тамерланову, велел ему ехать за собою к границам Персии; наконец дозволил остаться в Сарае и, разорив многие города бывшего своего заступника, по возвращении в Улусы отпустил Бориса в Россию с новою жалованною грамотою на область Нижегородскую.

Великий князь, едва вступив в лета юношества, мог править государством только с помощию Совета: окруженный усердными боярами и сподвижниками Донского, он заимствовал от них сию осторожность в делах государственных, которая ознаменовала его тридцатишестилетнее княжение и которая бывает свойством аристократии, движимой более заботливыми предвидениями ума, нежели смелыми внушениями великодушия, равно удаленной от слабости и пылких страстей. Опасаясь прав дяди Васильева, князя Владимира Андреевича, основанных на старейшинстве и на славе воинских подвигов, господствующие бояре стеснили, кажется, его власть и не хотели дать ему надлежащего участия в правлении: Владимир, ни в чем не нарушив договора, заключенного с Донским,— быв всегда ревностным стражем отечества и довольный жребием князя второстепенного,— оскорбился неблагодарностию племянника и со всеми ближними уехал в Серпухов, свой удельный город, а из Серпухова в Торжок. Сия несчастная ссора, как и бывшая с отцом Василия, скоро прекратилась возобновлением дружественной грамоты 1388 года. Владимир, сверх его прежнего удела и трети московских доходов, получил Волок и Ржев; за то обещал повиноваться юному Василию как старейшему, ходить на войну с ним или с полками великокняжескими, *сидеть в осаде,* где он велит, и проч.; а с Волока платить ханам 170 рублей в число пяти тысяч Василиевых.

Обстоятельство, что Владимир Андреевич во время раздора с племянником жил в области Новогородской, достойно замечания. Владетели Московские, присвоив себе исключительное право на сан великокняжеский, считали и Новгород наследственным их достоянием; вопреки его древней, основанной на грамотах Ярославовых свободе избирать князей. От того сыновья Калиты,

Симеон, Иоанн, при восшествии на престол были в раздоре с сим гордым народом: Василий также; и новогородцы охотно дали убежище недовольному Владимиру, чтобы иметь в нем опору на всякой случай; но, видя искреннее примирение дяди с племянником, желали и сами участвовать в оном. Дело шло единственно о чести или обряде. «Мы рады повиноваться князю Московскому», говорили они: «только прежде напишем условия как люди вольные». Сии условия по обыкновению состояли в определении известных прав княжеских и народных. Василий не захотел спорить и в присутствии бояр новогородских, в Москве, утвердив печатию договорную грамоту, отправил к ним в наместники вельможу московского, Евстафия Сыту.— Заметим, что со времен Калиты новогородцы уже не имели собственных, особенных князей, повинуясь Великим или Московским, которые управляли ими чрез наместников: ибо Наримант, Патрикий, Лугвений и другие князья, Литовские и Российские, с того времени находились у них единственно в качестве воевод, или частных властителей.

Три предмета долженствовали быть главными для политики государя Московского: надлежало прервать или облегчить цепи, возложенные ханами на Россию; удержать стремление Литвы на ее владения; усилить Великое княжение присоединением к оному уделов независимых. В сих трех отношениях Василий Димитриевич действовал с неусыпным попечением, но держась правил умеренности, боясь излишней торопливости и добровольно оставляя своим преемникам дальнейшие успехи в славном деле государственного могущества.

На семнадцатом году жизни он сочетался браком с юною Софиею, дочерью Витовта, сына Кестутиева. Изгнанный Ягайлом из отечества, сей витязь жил в Пруссии у немцев. В одной из летописей сказано, что Василий, в 1386 году бежав из Орды в Молдавию, на пути в Россию был задержан Витовтом в каком-то немецком городе и, наконец, освобожденный с условием жениться на его дочери, чрез пять лет исполнил сие обещание, согласно с честию и пользою государственною. Уже Витовт славился разумом и мужеством; имел также многих друзей в Литве и, по всем вероятностям, не мог долго быть изгнанником. Василий надеялся приобрести в нем или сильного сподвижника против Ягайла, или посредника для мира с Литвою. Бояре московские, Александр Поле, Белезут, Селиван, ездили за невестою

в Пруссию и возвратились чрез Новгород. Князь Литовский, Иван Олгимонтович, проводил ее до Москвы, где совершилось брачное торжество к общему удовольствию народа.

Скоро Великий князь отправился к хану. За несколько месяцев перед тем царевич Беткут, посланный Тохтамышем от берегов Волги и Казанки сквозь дремучие леса к северу, разорил Вятку, где со времен Андрея Боголюбского обитали новогородские выходцы в свободе и независимости, торгуя или сражаясь с чудскими соседственными народами. Слух о благосостоянии сей маленькой республики вселил в моголов желание искать там добычи и жертв корыстолюбия. Изумленные внезапным их нашествием, жители не могли отстоять городов, основанных среди пустынь и болот в течение двухсот лет: одни погибли от меча, другие навеки лишились вольности, уведенные в плен Беткутом; многие спаслися в густоте лесов и предприняли отмстить татарам. Новогородцы, устюжане соединились с ними и, на больших лодках рекою Вяткою доплыв до Волги, разорили Жукотин, Казань, болгарские, принадлежащие ханам города, и пограбили всех купцов, ими встреченных. Однако ж не сии случаи заставили Великого князя ехать в Орду: намерение его обнаружилось в следствиях, составивших достопамятную эпоху в постепенном возвышении Московского княжения. Он был принят в Орде с удивительною ласкою. Еще никто из владетелей российских не видал там подобной чести. Казалось, что не данник, а друг и союзник посетил хана. Утвердив Нижегородскую область за князем Борисом Городецким, Тохтамыш, согласно с мыслями вельмож своих, не усомнился признать Василия наследственным ее государем. Великий князь хотел еще более и получил все по желанию: Городец, Мещеру, Торусу, Муром. Последние две области были древним уделом Черниговских князей и никогда не принадлежали роду Мономахову. Столь особенная благосклонность изъясняется обстоятельствами времени. Тохтамыш, начав гибельную для себя войну с грозным Тамерланом, боялся, чтобы россияне не пристали к сему завоевателю, который, желая наказать неблагодарного повелителя Золотой Орды, шел от моря Аральского и Каспийского к пустыням северной Азии. Хотя летописцы не говорят того, однако ж вероятно, что Василий, требуя милостей хана, обещал ему не только верность, но и сильное вспоможение: как глава князей российских, он мог ручаться за других и тем обольстить

или успокоить преемника Мамаева; корыстолюбие вельмож Ординских и богатые дары Василиевы решили всякое сомнение. Уже Тохтамыш двинулся с полками навстречу к неприятелю за Волгу и Яик: Великий князь спешил удалиться от кровопролития; а посол ханский, царевич Улан, долженствовал возвести его на престол Нижегородский.

Три месяца Василий был в отсутствии: народ московский праздновал возвращение юного государя как особенную милость небесную. Еще не доехав до столицы, Великий князь из Коломны отправил бояр своих с ханскою грамотою и с послом царевым в Нижний, где князь Борис, недоумевая, что ему делать, собрал вельмож на совет. Но знатнейший из них, именем Румянец, оказался предателем. Князь хотел затворить ворота городские. «Посол царев (сказал Румянец) и бояре московские едут сюда единственно для утверждения любви и мира с тобою: впусти их и не оскорбляй ложным подозрением. Окруженный нами, верными защитниками, чего может страшиться?» Князь согласился и поздно увидел измену. Бояре московские, въехав в город, ударили в колокола, собрали жителей, объявили Василия их государем. Тщетно Борис звал к себе дружину свою. Коварный Румянец ответствовал: «мы уже не твои» — и с другими единомышленниками предал Бориса слугам великокняжеским. Сам Василий с боярами старейшими прибыл в Нижний, где, учредив новое правление, поручил сию область наместнику, Димитрию Александровичу Всеволожу. Так рушилось, с своими уделами, особенное княжество Суздальское, коего именем долго называлась сильная держава, основанная Андреем Боголюбским.

Государствование Василия было славно и счастливо: он усилил Великое княжение знаменитыми приобретениями без всякого кровопролития; видел спокойствие, благоустройство, избыток граждан в областях своих; обогатил казну доходами; уже не делился ими с Ордою и мог считать себя независимым. Хотя послы ханские от времени до времени являлись в Москве (царевич Эйтяк в 1403 году, и Мирза, казначей Шадибеков, в 1405): но, вместо дани, получали единственно маловажные дары и возвращались с ответом, что Великое княжение московское будто бы оскудело и не в силах платить серебра ханам. Напрасно Тимур Кутлук и Шадибек звали к себе Василия: он не хотел послать к ним никого из своих братьев или бояр старейших, ожидая, чем кончат-

ся междоусобия Ординские. Еще Тохтамыш, отверженный Витовтом, скитался по отдаленным улусам, искал друзей и надеялся возвратить себе царство; когда же, настигнутый в пустынях, близ Тюменя, отрядом войска Шадибекова, он пал в сражении, Великий князь, с намерением питать мятеж в Орде, дал в России убежище сыновьям его. Слабый хан молчал, а знаменитый Эдигей, сподвижник Тамерланов, победитель Витовта, князь всемогущий в улусах, находился в дружеских сношениях с Василием; давал ему ласковое имя сына и коварный совет воевать Литву, в то же время советуя Витовту искоренить московское княжение. Так моголы, некогда страшные одною силою, уже начали хитрить в слабости, стараясь производить вражду между государями, для них опасными. В 1407 году, когда князь Тверской, Иоанн Михайлович, приехал Волгою на судах в ханскую столицу (чтобы судиться там с Юрием Всеволодовичем, братом умершего Иоанна Холмского, желавшим присвоить себе Тверское княжение), сделалась в Орде перемена: Булат-Салтан изгнал Шадибека, зятя Эдигеева, и сел на царство; но еще более своих предшественников зависел от Эдигея. Сей хитрый старец — видя, что государь московский и Витовт никак не хотят отважиться на решительную войну между собою, предпринял наконец оружием смирить первого; готовя рать многочисленную, все еще уверял его в своей ревностной дружбе и писал к нему, выступив в поход: «Се идет царь Булат с великою Ордою наказать литовского врага твоего за содеянное им зло России. Спеши изъявить царю благодарность: если не лично, то пришли хотя сына, или брата, или вельможу». С сею грамотою приехал в Москву один из чиновников татарских. Василий имел друзей в Орде и знал о ратных ее движениях; но по всем известиям думал, что моголы действительно хотят воевать Литву: ибо Эдигей умел скрыть свою истинную цель от самых вельмож ханских. Никто не беспокоился в Москве, где, по сказанию одного летописца, уже мало оставалось бояр старых и где юные советники великокняжеские мечтали в гордости, что они могут легко обманывать старца Эдигея и располагать в нашу пользу силами моголов. Однако ж Василий Димитриевич был изумлен скорым походом ханского войска и немедленно отправил боярина Юрия в стан онаго, чтобы иметь вернейшее сведение о намерении татарского полководца; велел даже собирать войско в городах, на всякой случай. Но Эдигей, задержав Юрия, шел вперед с великою

поспешностию — и чрез несколько дней услышали в Москве, что полки ханские стремятся прямо к ней.

Сия весть поколебала твердость великокняжеского совета: Василий не дерзнул на битву в поле и сделал то же, что его родитель в подобных обстоятельствах: уехал с супругою и с детьми в Кострому, оставив защитниками столицы дядю, Владимира Андреевича Храброго, братьев Андрея и Петра со множеством бояр и духовных сановников (митрополит Киприан уже скончался). Великий князь надеялся на крепость стен московских, на действие своих пушек и на жестокую тогдашнюю зиму, неблагоприятную для осады долговременной. Не одна робость, как вероятно, заставила его удалиться. Он мог скорее боярина или наместника подвигнуть северные города российские к единодушному восстанию против неприятеля для избавления столицы, и татары не могли спокойно осаждать ее, зная, что Великий князь собирает там войско. Но граждане московские судили иначе и роптали, что государь предает их врагу, спасая только себя и детей. Напрасно князь Владимир, украшенный сединою честной старости и славною памятию Донской битвы, ободрял народ своим величественным спокойствием в опасности: слабые унывали. Чтобы татары не могли сделать примета к стенам Кремлевским, сей князь велел зажечь вокруг посады. Несколько тысяч домов, где обитали мирные семейства трудолюбивых граждан, запылали в одно время. Жители не думали спасать имения и толпами бежали к городским воротам. Отцы, матери, лишенные крова, ведя за руку или неся детей, молили единственно о том, чтобы их впустили в оные: необходимость предписывала жестокий отказ, ибо от излишнего многолюдства опасались голода в крепости. Зрелище было страшно: везде огненные реки и дым облаками, смятение, вопль, отчаяние. К довершению ужаса, многие злодеи грабили в домах, еще не объятых пламенем, и радовались общему бедствию.

Ноября 30, ввечеру, татары показались, но вдали, опасаясь действия огнестрельных городских орудий. Декабря 1 пришел сам Эдигей с четырьмя царевичами и многими князьями, стал в Коломенском, отрядил 30 000 вслед за Василием к Костроме и послал одного из царевичей, именем Булата, сказать Иоанну Михайловичу Тверскому, чтобы он немедленно шел к нему со всею его ратию, самострелами и пушками. Между тем полки татарские рассыпались по областям великого княжения: взяли Переславль Залесский, Ростов, Дмитров,

Серпухов, Нижний Новгород, Городец: то есть сожгли их, пленив жителей, ограбив церкви и монастыри. Счастлив, кто мог спастися бегством! Не было ни малейшего сопротивления. Россияне казались стадом кротких овец, терзаемых хищными волками. Граждане, земледельцы падали ниц пред варварами; ждали решения судьбы своей, и моголы отсекали им головы или расстреливали их в забаву; избирали любых в невольники, других только обнажали: но сии несчастные, оставляемые без крова, без одежды среди глубоких снегов в жертву страшному холоду и метелям, большею частию умирали. Пленников связывали и вели как псов на смычках: иногда один татарин гнал перед собою человек сорок. Тогда открылось, сколь защитники иноплеменные ненадежны: гордый Свидригайло, начальствуя в Владимире и в пяти других городах, имея воинскую многочисленную дружину, обязанный милостию Великого князя, которая не изменилась и во время неудачного похода литовского, бежал и скрылся в лесах от моголов. (Сей мнимый герой, обличив свое малодушие, скоро выехал из России с великим богатством и стыдом, ограбив на пути наши села и пригороды.)

Эдигей, обложив Москву, нетерпеливо ждал к себе князя Тверского с орудиями стенобитными и не предпринимал ничего против города; но Иоанн Михайлович поступил в сем случае как истинный россиянин и друг отечества: он гнушался мыслию способствовать гибели московского княжения, хотя и весьма опасного для независимости тверского; поехал к Эдигею один с немногими боярами и возвратился из Клина, будто бы от нездоровья. Сие великодушие могло стоить ему дорого: к счастию, судьба спасла и Тверь и Москву.

Полки ханские, которые гнались за Великим князем, не могли настигнуть его и, к досаде Эдигея, пришли назад. Несмотря на ослушание Иоанна Тверского и недостаток в нужных для осады снарядах, сей вождь Ординский упорствовал взять Москву, если не приступом, то голодом, и хотел зимовать в Коломенском. Но вести, полученные им от хана, расстроили его намерение. Уже прошел тот век, когда наследники Батыевы исчисляли рать свою не тысячами, а тьмами и могли в одно время громить Восток и Запад: внутренние несогласия, кровопролития, язва, герой Донской и Тамерлан столь уменьшили многолюдство в улусах, что Булат, отправив войско в Россию, остался беззащитным и едва не был пленен каким-то мятежным Ординским царевичем,

хотевшим овладеть его столицею. Хан заклинал полководца своего возвратиться немедленно. Обстоятельства действительно были таковы, что Эдигей не мог терять времени, с одной стороны опасаясь Великого князя, собиравшего в Костроме войско, а с другой еще страшнейших врагов в Орде; призвал вельмож на совет и положил чрез несколько часов отступить от нашей столицы; но, желая казаться победителем, а не бегущим, сколько для чести, столько и для самой безопасности, послал объявить московским начальникам, что соглашается не брать их города, если они дадут ему окуп.

Москва представляла зрелище и ратной деятельности и ревностных подвигов благочестия: с утра до ночи воины стояли на стенах, священники в отверзтых храмах пели молебны, народ постился. «Богатые» — говорит летописец — «обещали небу наградить бедных, сильные не теснить слабых, судии быть правосудными,— и солгали пред богом». Владимир Андреевич, князья, бояре целые три недели тщетно ждали приступа и, не имея запасов хлебных, страшились голода. Удивленные предложением Эдигея и не зная, что сделало его миролюбивым, они с радостию дали ему 3000 рублей и прославили милость божию, когда сей князь, отправив вперед добычу с обозом, 21 декабря выступил из Коломенского; взял еще на возвратном пути Рязань и скоро удалился от пределов российских. Но следы сего ужасного нашествия остались надолго неизгладимы в оных.

Нет сомнения, что Василий, будучи в ханской столице, снова обязался платить дань моголам: он платил ее, кажется, до самого конца жизни своей, несмотря на внутренние беспорядки, на частые перемены в Орде. Керимбердей, друг россиян, был неприятелем Витовта, который, желая свергнуть его с престола, объявил царем Капчакским князя могольского, именем Бетсабулу, и в Вильне торжественно возложил на него знаки царского достоинства: богатую шапку и шубу, покрытую сукном багряным. Керимбердей, победив сего Витовтова хана, отсек ему голову; но скоро погиб от руки своего брата, Геремфердена, бывшего усердным союзником государя литовского.

Язва, которая со времен Симеона Гордого несколько раз посещала Россию, ужаснее прежнего открылась в княжение Василия Димитриевича: во Пскове и в Новегороде четыре раза и дважды в областях Московских, Тверских, Смоленских, Рязанских. Признаки были те же: а именно, железа, кровохаркание, озноб, жар

и смерть неминуемая. Иногда приходила сия гибельная чума во Псков из Ливонского Дерпта, иногда из других мест, или возобновлялась от употребления вещей зараженных. Опустошив Азию, Африку, Европу, она нигде не свирепствовала так долго, как в нашем отечестве, где от 1352 года до 1427 в разные времена бесчисленное множество людей было ее жертвою: в одном Новегороде, по известию немецкого историка Кранца, умерло 80 000 человек в 6 месяцев: «люди (говорит он) ходя падали на улицах и в одну минуту испускали дух; здоровые шли погребать усопших, и внезапно лишаясь жизни, в той же могиле были сами погребаемы». Ни посты, ни чин ангельский не спасали: алчная смерть, в городах и селах наполняя скудельницы трупами, искала добычи и в святых обителях душевного мира. Строили церкви; отказывали имение монастырям: иных средств не употребляли. Суеверные псковитяне, желая смягчить небо, сожгли 12 мнимых ведьм и, зная по преданию, что древнейшая церковь христианская, в их городе созданная, была посвящена св. Власию, возобновили оную на старом месте, в надежде, что господь скорее услышит там их моление о конце сего бедствия. Еще не довольно: в 1419 году выпал глубокий снег 15 сентября, когда еще хлеб не был убран; сделался общий голод и продолжался около трех лет во всей России; люди питались кониною, мясом собак, кротов, даже трупами человеческими; умирали тысячами в домах и гибли на дорогах от зимнего необыкновенного холода в 1422 году. Сперва продавался оков ржи (или 8 осмин) по рублю, в Костроме по два, в Нижнем по шести рублей (что составляло фунт с $^1/_4$ серебра); наконец негде было купить осьмины. Зная, что во Пскове находилось много ржи запасной, жители новогородские, тверские, московские, чудь, корела толпами устремились в сию область, богатые покупать и вывозить хлеб, а скудные кормиться милостынею. Скоро цена там возвысилась, и четверть ржи стоила уже около двух рублей. Псковитяне, запретив вывоз хлеба, изгнали всех пришельцев, и сии бедные с женами, с детьми умирали на большой дороге. Кроме того, Москва и Новгород были приводимы в ужас частыми пожарами. В 1421 году необыкновенное наводнение затопило большую часть Новагорода и 19 монастырей; люди жили на кровлях; множество домов и церквей обрушилось. К сим страшным явлениям надлежит еще прибавить зимы без снега, бури неслыханные, дожди *каменные* и славную комету 1402 года, для

суеверов Италии предвестницу смерти миланского герцога, Иоанна Галеаса. Одним словом, россияне ждали конца миру, и сию мысль имели самые просвещеннейшие люди тогдашнего времени. «Иисус Христос» — говорили они — «сказал, что в последние дни будут великие знамения небесные, глад, язвы, брани и неустройства; восстанет язык на язык, царство на царство: все видим ныне. Татары, турки, фряги, немцы, ляхи, Литва воюют вселенную. Что делается в нашем православном отечестве? Князь восстает на князя, брат острит меч на брата; племянник *кует* копие на дядю». В самых делах государственных о том упоминалось. Когда псковитяне (в 1397 году) заключали мир с новогородцами, архиепископ Иоанн, будучи между ими посредником, склонил их к дружелюбию словами: «дети! видите уже последнее время!»

Среди общего уныния и слез, как говорят летописцы, Василий Димитриевич преставился на 53 году от рождения, княжив 36 лет, с именем властителя благоразумного, не имев любезных свойств отца его, добросердечия, мягкости во нраве, ни пылкого воинского мужества, ни великодушия геройского, но украшенный многими государственными достоинствами, чтимый князьями, народом, уважаемый друзьями и неприятелями. Присвоив себе Нижний Новгород, Суздаль, Муром,— вместе с некоторыми из бывших уделов черниговских в древней земле вятичей: Торусу, Новосиль, Козельск, Перемышль, равно как и целые области Великого Новагорода: Бежецкий Верх, Вологду и проч., сей государь утвердил в своем подданстве Ростов, коего владетели, со времен Иоанна Данииловича зависев от Москвы, сделались уже действительными слугами Василия, посылаемые им в качестве наместников управлять другими городами. В Хлыновской летописи сказано, что сей государь посылал войско на Вятку с князем Симеоном Ряполовским, но не мог овладеть ею: современные же грамоты доказывают, что Василий действительно присоединил ее к Московским областям и что брат его, Юрий, князь Галицкий, господствовал над оною. Впрочем сия народная держава еще сохраняла свои древние уставы гражданской вольности. Не хотев мечом покорять ни Рязани, ни Твери, Василий имел решительное большинство над князьями их и следственно приближался к единовластию в России; усилив державу Московскую приобретениями важными, сохранил ее целость от хищности литовской и менее всех своих предшественников платил

дань моголам. Может быть, он сделал ошибку в политике, дав отдохнуть Витовту, разбитому ханом; может быть, ему надлежало бы возобновить тогда дружелюбную связь с Ордою и вместе с Олегом Рязанским ударить на Литву, чтобы соединить южную Россию с северною, а после тем удобнее свергнуть иго ханское. Но все ли обстоятельства нам известны? Успех предприятия столь великого и смелого был ли действительно вероятен? Князь московский, государь шести или семи нынешних губерний в северной России, имел ли способ сокрушить Витовта, который, властвуя над ее лучшею, многолюднейшею половиною и над всею Литвою, располагал также силами Польши, легко мог, утратив одно войско на берегах Ворсклы, собрать другое? Великий князь без сомнения не думал щадить тестя и не жертвовал отечеством какой-нибудь семейственной слабости (быв несколько раз готов сразиться с Витовтом в поле); но действовал так по лучшему своему государственному разумению. Смелость оправдывается только успехом; безвременная, неудачная губит державы — и часто благодарность отечества принадлежит тому, кто без крайности не дерзал на опасность и не искал имени *Великого*.

Довольно, что Василий умел обуздывать тестя и не дал ему поглотить остальных владений независимой России. С 1408 года они жили в непрерывном согласии, и года за два до кончины Великого князя супруга его ездила к отцу в Смоленск, может быть не только для свидания, но и для важных государственных переговоров. Василий, кажется, чувствовал себя близким к смерти; хотел заблаговременно взять меры к утверждению сына на престоле великокняжеском и в завещании своем говорит, что он поручает его, вместе с материю, дружескому заступлению тестя и брата, государя литовского, который именем божиим ему в том обязался. Вероятно, что княгиня София в сем важном деле была посредницею между отцом и супругом. Василий оставлял сына младенцем; знал честолюбие братьев, в особенности Юрия и Константина; предвидел, что они могут воспротивиться новому уставу наследства, подчинявшему дядей племяннику, и надеялся, что сильный и не менее гордый Витовт, признательный к лестной его доверенности, захочет оправдать ее ревностию к пользе юного внука, согласной с нашею государственною: ибо древний многосложный, неясный закон родового старейшинства более всего питал междоусобие в России. Мог ли

Велнкнй князь действнтельно ожндать бескорыстных услуг от тестя, поседевшего в кознях властолюбия? Но сня доверенность кажется более хнтростню, нежели слабодушным легковернем: она состояла только в словах н, возлагая на Внтовта обязанность защитнть сына Василнева в случае иаснлня со стороны дядей, ие давала Литве инкаких способов поработнть Москву: ибо совет велнкокняжеских бояр, пестунов государя-отрока, зиал, чего требовать от нноплеменного покровнтеля и до чего не допускать его.

В сем завещанни Василий, *благословляя* сына *Великим княжением* н поручая матерн, отказывает ему все родительское наследие н собственный *примысл* (Нижний Новгород, Муром), *треть* Москвы (нбо другне две частн прннадлежалн сыновьям Доиского н Владнмнра Аидреевнча), Коломиу н села в разных областях.

К блестящим для Россин деянням Василиева государствоваиия принадлежнт услуга, оказанная снм Великим князем нмператору греческому, Маиунлу. Уже славное царство Констаитиниа Велнкого иаходилось при последнем нздыхаинн. Уступив всю Малую Азню, Фражию н другие владеиия Османскнм туркам, которые осаждалн н Царьград, спасенный едииственно Тамерланом, счастлнвым врагом Баязетовым; утратив почтн все, кроме столнцы, Маиунл иаходился в крайности н, не нмея казны, не мог иметь и войска, нужиого для своей защиты. Сведав о сем жалостном оскудении моиарха еднноверного, Василнй Днмнтриевнч не только сам отправнл к нему (в 1398 году) знатное количество серебра с моиахом Ослебею, бывшим Любутским боляричем, ио уговорил и других кпязей российских сделать то же. Снн дары были прииняты в Констаитинополе с живейшею благодарностию: царь, патрнарх, народ прославилн велнкодушие росснян; и Маиуил, чтобы еще более утверднть дружелюбную связь с Москвою, женил (в 1414 году) сына своего, Иоаниа, на дочерн Василия Днмнтрневнча, Анне. И так брачные союзы между государями Восточной нмперии и Росснйскнмн началнсь н заключились невестамн одного нмеин. Брак первой Аины, супруги Владимнра Святого, нмел счастливые действия для Греции; но внука Доиского вндела там одии бедствня, и чрез три года скончалась от морового поветрия. Супруг ее царствовал под нменем Иоанна Палеолога и не оставнл детей.

В прнбавлеинн к нстории Василня Днмнтрневича сообщнм следующне известия:

В его княжении россияне начали считать годы мироздания с сентября месяца, оставив древнее летосчисление с марта. Вероятно, что митрополит Киприан первый ввел сию новость, подражая тогдашним грекам.

Уже при Димитрии Донском некоторые знаменитые граждане именовались по родам или фамилиям, вместо прозвищ, коими различались прежде люди одного имени и отчества: при Василии сие обыкновение утвердилось, и древние славянские имена вышли из употребления.

В сие время Москва славилась иконописцами, Симеоном Черным, старцем Прохором, городецким жителем, Даниилом и монахом Андреем Рублевым, столь знаменитым, что иконы его в течение ста пятидесяти лет служили образцом для всех иных живописцев. В 1405 году он расписал церковь св. Благовещения на Дворе великокняжеском, а в 1408 Соборную св. Богоматери в Владимире, первую вместе с греком Феофаном и с Прохором, а вторую с Даниилом.— И в литейном художестве Москва имела искусных мастеров: один из них (в 1420 году) научил псковского гражданина Феодора лить свинцовые доски для кровли церковной: за что псковитяне дали ему 46 рублей. Дерптские немцы, скрывая от россиян все успехи полезных художеств, никак не хотели присылать к ним своих мастеров.

В 1404 году монах Афонской горы, именем Лазарь, родом Сербин, сделал в Москве первые боевые часы, которые были поставлены на великокняжеском дворе, за церковию Благовещения, и стоили более полутораста рублей, то есть около тридцати фунтов серебра. Народ удивлялся сему произведению искусства как чуду.

В 1394 году Великий князь, желая более укрепить столицу, велел копать ров от Кучкова поля, или нынешних Сретенских ворот, до Москвы-реки, глубиною в человека, а широтою в сажень. Для сего, к неудовольствию граждан, надлежало разметать многие домы: ибо ров шел сквозь улицы и дворы. Следственно Москва была тогда уже обширнее нынешнего Белого города.

В 1390 году знатный юноша, именем Осей, сын великокняжеского пестуна, был смертельно уязвлен оружием в Коломне на игрушке, как сказано в летописи: сие известие служит доказательством, что предки наши, подобно другим европейцам, имели рыцарские игры, столь благоприятные для мужества и славолюбия юных витязей.

Из главы III

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ВАСИЛИЕВИЧ ТЕМНЫЙ

1425—1462

Чудо.— Междоусобие.— Язва.— Нашествие Литвы.— Съезд в Литве.— Характер Внтовта.— Набеги татар.— Суд в Орде.— Междоусобня.— Злодейство.— Рождение Иоаниа Великого.— Дань Ордииская.— Изгианный хаи в Белеве.— Царство Казанское.— Смерть Днмитрия Красного.— Новая вражда войны.— Храбрость Мустафы.— Нашествие царя Казанского.— Плеи Великого князя.— Ужас и бедствие Москвы.— Разбой князя Тверского.— Освобожденне Васнлня.— Землетрясенне.— Злодейство Шемякино.— Ослепленне Вел. князя — Безрассудность Шемякн.— Пословица.— Вероломство.— Смирение Василня.— Обрученне юного Иоаииа.— Изгнаиие Шемякн.— Клятва — Благоразумное правлеине Василиево.— Иоанн Соправитель.— Новое вероломство Шемяки.— Достопамятное послаине.— Последняя нз зиаменнтых бнтв кияжеского междоусобня. — Нашествие татар.— Смерть Шемякн.— Успехн еднновластия.— Покоренне Вятки.— Коичина и свойства Васнлневы.— Суеверне.— Перемеиа монеты в Новегороде.— Взятне Константннополя турками.—Начало Крымской орды.

Новый Великий князь имел не более десяти лет от рождения. Подобно отцу и деду в начале их государствования, он зависел от совета боярского, но не мог равняться с ними ни в счастии, ни в душевных способностях. Не быв еще никогда жертвою внутреннего междоусобия, Великое княжение Московское при Василии Темном долженствовало испытать сие зло и видеть уничижение своего венценосца, им заслуженное. Только провидение, обстоятельства и верность народная как бы вопреки худым советникам престола спасли знаменитость Москвы и Россию.

Сей князь еще в колыбели именовался *Великим* по следующему происшествию, коего истину утверждают летописцы. Мать его не скоро разрешилась от бремени и терпела ужасные муки. Беспокойный отец просил одного святого инока Иоанновской обители молиться о княгине Софии. «Не тревожься!» ответствовал старец: «Бог дарует тебе сына и наследника всей России». Между тем духовник великокняжеский, священник Спасского Кремлевского монастыря, сидел в своей келье и вдруг услышал голос: «иди и дай имя *Великому князю Василию*». Священник отворил дверь, и не видя никого, удивился; спешил во дворец и сведал, что София дей-

ствительно в самую ту минуту родила сына. Невидимого вестника, приходившего к духовнику, сочли ангелом; младенца назвали Василием, и народ с сего времени видел в нем своего будущего государя, ожидая от него, как вероятно, чего-нибудь необыкновенного. Надежда осталась без исполнения, но могла быть причиною особенного усердия москвитян к сему внуку Донского.

Василий Димитриевич преставился ночью, митрополит Фотий в тот же час послал своего боярина, Иакинфа Слебятева, в Звенигород к князю Юрию Димитриевичу, с требованием, чтобы он, вместе с меньшими братьями, признал племянника Великим князем. Но Юрий, всегда имев надежду, в противность новому уставу, быть преемником старшего брата, не захотел ехать в Москву, удалился в Галич, и сведав о торжественном восшествии юного Василия на великокняжеский престол, отправил к нему посла с угрозами. Ни дядя, ни племянник не думал уступить старейшинства; и хотя заключили перемирие до Петрова дни, однако ж Юрий, не теряя времени, собирал войско в городах своего удела. Великий князь предупредил его и вместе с другими дядями выступил к Костроме. Юрий ушел в Новгород Нижний; наконец за реку Суру, откуда Константин Димитриевич, отправленный вслед за ним с полками великокняжескими, возвратился в Москву без всякой битвы. Юрий требовал нового перемирия на год; а Василий по совету матери, дядей и самого Витовта литовского послал к нему в Галич митрополита Фотия, который, быв встречен за городом всем княжеским семейством, с изумлением увидел там множество собранного из разных областей народа. Юрий думал похвалиться бесчисленностию своих людей и густыми толпами их усыпал всю гору при въезде в Галич с Московской стороны; но митрополит, отгадав его мысль, с насмешкою дал ему чувствовать, что крестьяне не воины и сермяги не латы. Начали говорить о мире: Юрий не хотел оного, требуя единственно перемирия, и столь разгневал Фотия, что сей первосвятитель, не благословив ни князя, ни города, немедленно уехал. В летописи сказано, что в самый день митрополитова отбытия сделался мор в Галиче; что Юрий, приведенный тем в ужас, верхом поскакал вслед за Фотием, и догнав его за озером, в селе Пасынкове, слезами и раскаянием убедил возвратиться; что благословение пастыря, данное народу, прекратило болезнь, и князь послал в Москву двух вельмож заклю-

чить мир, обещав не искать Великого княжения, пока царь Ордииский решит, кому принадлежит оное.

Смутное начало Василиева княжения предвещало бедствия государственные России, еще опустошаемой тою язвою, которую мы описали в истории отца его и которая с Троицына дня возобновлась в Москве, завезенная туда из Ливонии через Псков, Новгород и Тверь, где в один год скончались князь Иоанн Михайлович, сын Иоаннов Александр и внук Юрий Александрович, княжив месяц. Брат Юриев Борис, сел на Тверском престоле, отдав племяннику, Иоанну Юрьевичу, город Зубцев и взяв под стражу дядю своего, Василия Михайловича Кашинского. В Москве преставились дядя Великого князя Петр Димитриевич и три сына Владимира Храброго, Андрей, Ярослав и Василий. В Торжке, Волоке, Дмитрове и в других городах умерло множество людей. Отличным знаком сей новой язвы был синий или багровый пузырь на теле: синий предзнаменовал неизбежную смерть в третий день, а багровый выгнивал, и недужные оставались живы. Летописец говорит, что с сего времени, как некогда с Ноева потопа, век человеческий сократился в России, и предки наши сделались щедушнее, слабее; что в разных местах были страшные явления; что от великой засухи (в 1430 году) воды истощились; земля, боры горели; люди среди густых облаков дыма не могли видеть друг друга; звери, птицы и рыбы в реках умирали; везде голод и болезни свирепствовали. Одним словом, последние годы Василия Димитриевича и первые сына его составляют печальнейшую эпоху нашей истории в XV веке. Язва возобновлялась еще во Пскове и в Москве около 1442 и 1448 года.

Неприятели внешние также беспокоили Россию. Корыстолюбивый Витовт, не боясь малолетнего Василия (в 1426 году), приступил к Опочке, городу Псковскому, с войском многочисленным, в коем были даже богемцы, волохи и дружина хана татарского, Махмета. Жители употребили хитрость: сделали тонкий мост перед городскими воротами, укрепив его одними веревками, и набив под ним, в глубоком рве, множество острых кольев; а сами укрылись за стенами. Неприятели, не видя никого, вообразили, что крепость пуста, и толпами бросились на мост: тогда граждане подрезали веревки. Литовцы, падая на колья, умирали в муках; другие же, взятые в плен, терпели еще лютейшия: граждане сдирали с них кожу, в глазах Витовта и всего осаждающего войска.

Сие варварство имело счастливый успех: ибо князь Литовский — уверенный, что россияне будут обороняться до последнего издыхания — отступил к Вороничу. Тут сделалась страшная буря с грозою, столь необыкновенная, что литовцы ожидали преставления света, и сам Витовт, обхватив руками шатерный столп, в ужасе вопил: *Господи, помилуй!* Сие худое начало расположило его к миру. Псковитяне, тревожимые немцами, оставленные новогородцами, обманутые надеждою и на посредничество Великого князя, коего посол не мог ничего для них сделать, обязались заплатить Витовту 1450 рублей серебра.

Несмотря на сии неприятельские действия Витовта в северо-западной России, он жил мирно с юным внуком своим, Великим князем; обязал его даже клятвою не вступаться ни в Новогородские, ни в Псковские дела, и в 1429 году дружески пригласил к себе в гости. С Василием отправился в Литву и митрополит Фотий. В Троках нашли они седого, осьмидесятилетнего Витовта, окруженного сонмом вельмож литовских и польских. Скоро съехались к нему гости знаменитейшие.

Летописцы говорят, что сей торжественный съезд венценосцев и князей представлял зрелище редкое; что гости старались удивить хозяина великолепием своих одежд и многочисленностию слуг, а хозяин изумлял гостей пирами роскошными, каких не бывало в Европе и для коих ежедневно из погребов княжеских отпускалось 700 бочек меду, кроме вина, романеи и пива, а на кухню привозили 700 быков и яловиц, 1400 баранов, 100 зубров, столько же лосей и кабанов. Праздновали около семи недель, в Троках и в Вильне; но занимались и важным делом: оно состояло в том, что Витовт, по совету цесаря, хотел назваться *королем* литовским и принять венец от руки посла римского. К досаде сего величавого старца, вельможи польские воспротивились его намерению, боясь, чтобы Литва, сделавшись особенным королевством, не отделилась от Польши, к их вреду обоюдному: чего действительно тайно желал хитрый цесарь. Тщетно грозил Витовт: сам папа, взяв сторону Ягайловых вельмож, запретил ему думать о венце королевском, и веселые пиры заключились болезнию огорченного хозяина. Все разъехались: один Фотий жил еще несколько дней в Вильне, стараясь, как вероятно, о присоединении Киевской митрополии к Московской; наконец, отпущенный с ласкою, сведал в Новогородке о смерти Витовта. Сей князь, тогда славнейший из госу-

дарей северной Европы, был для нашего отечества ужаснее Гедимина и Ольгерда, своими завоеваниями стеснив пределы России на юге и западе; в теле малом вмещал душу великую; умел пользоваться случаем и временем, повелевать народом и князьями, награждать и наказывать; за столом, в дороге, на охоте занимался делами; обогащая казну войною и торговлею, собирая несметное множество серебра, золота, расточал оные щедро, но всегда с пользою для себя; человеколюбия не ведал; смеялся над правилами государственного нравоучения; ныне давал, завтра отнимал без вины; не искал любви, довольствуясь страхом; в пирах отличался трезвостию и подобно Ольгерду не пил ни вина, ни крепкого меда, но любил жен, и нередко оставляя рать в поле, обращал коня к дому, чтобы лететь в объятия юной супруги. С ним, по словам историка польского, воссияла и затмилась слава народа литовского, к счастию России, которая без сомнения погибла бы навеки, если бы Витовтовы преемники имели его ум и славолюбие; но Свидригайло, брат Ягайлов, и Сигизмунд, сын Кестутиев, один после другого властвовав над Литвою, изнуряли только ее силы междоусобием, войнами с Польшею, тиранством и грабительством.

Что в сие время происходило в Орде, о том не имеем никакого сведения. В 1426 году татары пленили несколько человек в Украйне Рязанской; другая многочисленная толпа их, предводительствуемая царевичем и князем, чрез три года опустошила Галич, Кострому, Плесо и Луг. Единственною целию сих впадений был грабеж. Настигнув хищников, рязанцы отняли у них и добычу и пленных; а дяди князя Великого, Андрей и Константин Димитриевичи, ходили вслед за царевичем до Нижнего. Они не могли догнать неприятеля; но князь Стародубский-Пестрый и Феодор Константинович Добрынский, недовольные их медленностию, тайно отделились от московского войска с своими дружинами и наголову побили задний отряд татарский. Осенью в 1430 году князь ординский Айдар воевал Литовскую Россию и приступал ко Мценску; отраженный тамошним храбрым начальником, Григорьем Протасьевым, употребил обман: дав ему клятву в дружестве, вызвал его из города и взял в плен. Золотая Орда повиновалась тогда хану Махмету, который, уважая народное право, осыпал Айдара укоризнами, а мужественного воеводу, Григория, ласками и возвратил ему свободу: пример чести, весьма редкий между варварами! В том же году, весною, Вели-

кий князь посылал воеводу своего, князя Феодора Давидовича Пестрого, на Волжскую и Камскую Болгарию, где россияне взяли немало пленников.

Миновало около шести лет после заключенного юным Василием мира с дядею его, Юрием: условие, решить спор о Великом княжении судом ханским, оставалось без исполнения: для того ли, что цари непрестанно менялись в мятежной Орде, или Василий хотел уклониться от сего постыдного для наших князей суда, в надежде смирить дядю? Они действительно в 1428 году клятвою утвердили договор, чтобы каждому остаться при своем; но Юрий, года три жив спокойно, объявил войну племяннику. Тогда Великий князь предложил дяде ехать к царю Махмету: согласились, и Василий, раздав по церквам богатую милостыню, с горестным сердцем оставил Москву; в прекрасный летний день, августа 15, обедал на лугу близ Симонова монастыря и не мог без слез смотреть на блестящие главы ее храмов. Никто из князей московских не погибал в Орде: бояре утешали юного Василия рассказами о чести и ласках, оказанных там его родителю; но мысль отдать себя в руки неверным и с престола знаменитого упасть к ногам варвара омрачала скорбию душу сего слабого юноши. За ним отправился и Юрий. Они вместе прибыли в улус Баскака московского, Булата, друга Василиева и неприятеля Юриева. Но сей последний имел заступника в сильном Мурзе, Тегине, который увез его с собою зимовать в Тавриду и дал слово исходатайствовать ему великокняжеское достоинство. К счастию Василия, был у него боярин хитрый, искательный, велеречивый, именем Иоанн Димитриевич: он умел склонить всех ханских вельмож в пользу своего юного князя, представляя, что им будет стыдно, если Тегиня один доставит Юрию сан великокняжеский; что сей Мурза необходимо присвоит себе власть и над Россиею и над Литвою, где господствует друг Юриев, Свидригайло; что сам царь Ординский уже не посмеет ни в чем ослушаться вельможи толь сильного, и что все другие сделаются рабами Тегини. Такие слова уязвили *как стрела,* по выражению летописца, сердце вельмож ханских, в особенности Булата и Айдара: они усердно начали ходатайствовать у царя за Василия и чернить Тегиню, так, что легковерный Махмет наконец обещал им казнить смертию сего Мурзу, буде он дерзнет вступиться за Юрия. Весною дядя Василиев приехал из Тавриды в Орду; а с ним и Тегиня, который, сведав о расположении царя, уже не

смел ему противоречить. Махмет нарядил суд, чтобы решить спор дяди с племянником, и сам председательствовал в оном. Василий доказывал свое право на престол новым уставом государей Московских, по коему сын после отца, а не брат после брата, долженствовал наследовать Великое княжение. Дядя, опровергая сей устав, ссылался на летописи и на завещание Димитрия Донского, где он (Юрий), в случае кончины Василия Димитриевича, назван его преемником. Тут боярин Московский, Иоанн, стал пред Махметом и сказал: «Царь верховный! молю, да позволить мне, смиренному холопу, говорить за моего юного князя. Юрий ищет Великого княжения по древним правам российским, а государь наш по твоей милости, ведая, что оно есть твой улус: отдашь его, кому хочешь. Один требует, другой молит. Что значат летописи и мертвые грамоты, где все зависит от воли царской? Не она ли утвердила завещание Василия Димитриевича, отдавшего Московское княжение сыну? Шесть лет Василий Васильевич на престоле: ты не свергнул его, следственно сам признавал государем законным». Сия, действительно хитрая речь имела успех совершенный: Махмет объявил Василия Великим князем и велел Юрию *вести под ним коня:* древний обряд азиатский, которым означалась власть государя верховного над его подручниками или зависимыми князьями. Но Василий, уважая дядю, не хотел его уничижения, а как в сие время восстал на Махмета другой царь могольский, Кичим-Ахмет, то Мурза Тегиня, пользуясь смятением хана, выпросил у него для Юрия город Дмитров, область умершего князя Петра Димитриевича. Племянник и дядя благополучно возвратились в Россию, и вельможа татарский, Улан царевич, торжественно посадил Василия на трон великокняжеский в Москве, в храме Богоматери у златых дверей. С сего времени Владимир утратил право города столичного, хотя в титул Великих князей все еще именовался прежде Москвы.

Суд ханский не погасил вражды между дядею и племянником. Опасаясь Василия, Юрий выехал из Дмитрова, куда Великий князь немедленно прислал своих наместников, изгнав Юриевых. Скоро началась и явная война.

Юный Василий Васильевич ничего не ведал, до самого того времени, как наместник ростовский прискакал к нему с известием, что Юрий в Переславле. Уже совет великокняжеский не походил на совет Донского или сына его, беспечность и малодушие господствовали в оном.

Вместо войска отправили посольство навстречу к Галицкому князю с ласковыми словами. Юрий стоял под стенами Троицкого монастыря, он не хотел слышать о мире: вельможа Иоанн и другие бояре его ругали московских и с бесчестием указали им возвратный путь. Тогда Великий князь собрал несколько пьяных воинов и купцев; в двадцати верстах от столицы, на Клязьме, сошелся с неприятелем, и видя силу оного, бежал назад; взял мать, жену; уехал в Тверь, а из Твери в Кострому, чтобы отдаться в руки победителю: ибо Юрий, вступив в Москву и всенародно объявив себя Великим князем, пошел туда и пленил Василия, который искал защиты в слезах. Боярин Иоанн, думая согласно с сыновьями Галицкого князя, считал всякое снисхождение неблагоразумием. Юрий также не славился мягким сердцем; но имел слабость к одному из вельмож своих, Симеону Морозову, и приняв его совет, дал в удел племяннику Коломну. Они дружески обнялися. Дядя праздновал сей мир веселым пиршеством и с дарами отпустил Василия в его удельный город.

Открылось, что Морозов или обманул своего князя, или сам обманулся. Приехав в Коломну, Василий начал отовсюду сзывать к себе народ, бояр, князей: все шли к нему охотно, ибо признавали его законным государем, а Юрия хищником, согласно с новою системою наследства, благоприятнейшею для общего спокойствия. Сын, восходя на трон после отца, оставлял все, как было, окруженный теми же боярами, которые служили прежнему государю: напротив чего брат, княживший дотоле в каком-нибудь особенном уделе, имел своих вельмож, которые, переезжая с ним в наследованную по кончине брата землю, обыкновенно удаляли тамошних бояр от правления и вводили новости, часто вредные. Столь явные выгоды и невыгоды вооружили всех против старой мятежной системы наследственной и против Юрия. В несколько дней Москва опустела: граждане не пожалели ни жилищ, ни садов своих и с драгоценнейшим имуществом выехали в Коломну, где недоставало места в домах для людей, а на улицах для обозов. Одним словом, сей город сделался истинною столицею великого княжения, многолюдною и шумною. В Москве же царствовали уныние и безмолвие: человек редко встречался с человеком, и самые последние жители готовились к переселению. Случай единственный в нашей истории и произведенный не столько любовию к особе Васи-

лия, сколько усердием к правилу, что сын должен быть преемником отца в великокняжеском сане!

Юрий укорял своего любимца, Морозова, неблагоразумным советом; а сыновья его, Косой и Шемяка, будучи нрава жестокого, не удовольствовались словами: пришли к сему боярину в набережные сени, и сказав: «ты погубил нашего отца», собственною рукою умертвили его. Боясь гнева родительского, они выехали в Кострому. Князь же Юрий, видя невозможность остаться в Москве, сам отправился в Галич, велев объявить племяннику, что уступает ему столицу, где Василий скоро явился с торжеством и славою, им не заслуженною, провождаемый боярами, толпами народа и радостным их кликом. Зрелище было необыкновенное: вся дорога от Коломны до Москвы представлялась улицею многолюдного города, где пешие и конные обгоняли друг друга, стремясь вслед за государем, как *пчела за маткою*, по старому, любимому выражению наших летописцев.

Но бедствия Василиева княжения только что начинались. Хотя Юрий заключил мир, возвратил племяннику Дмитров, взяв за то Бежецкий Верх с разными волостями, и дал слово навсегда отступиться от больших сыновей, признав их в договорной грамоте врагами общего спокойствия: однако ж скоро нарушил обещание, послав к детям свою Галицкую дружину, с которою они разбили Московское войско на реке Куси. Великий князь разорил Галич. Юрий ушел к Белуозеру: собрав же силы и призвав вятчан, вместе с тремя сыновьями, Косым, Шемякою, Димитрием Красным, одержал в ростовских пределах столь решительную победу над Василием, что сей слабодушный князь, не смев возвратиться в столицу, бежал в Новгород, оттуда на Мологу, в Кострому, в Нижний; а Юрий, осадив Москву, через неделю ступил в Кремль, пленил мать и супругу Василиеву. Народ был в горести.

Юрий, снова объявив себя Великим князем, договорными грамотами утвердил союз с племянниками своими, Иоанном и Михаилом Андреевичами, владетелями Можайска, Белаозера, Калуги, и с князем Иоанном Феодоровичем Рязанским, требуя, чтобы они не имели никакого сношения с изгнанником Василием.

Юрию было около шестидесяти лет от рождения: не имея ни ума проницательного, ни души твердой, он любил власть единственно по тщеславию и без сомнения не возвысил бы великокняжеского сана в народном уважении, если бы и мог удержаться на престоле Москов-

ском. Но Юрий внезапно скончался, оставив духовную, писанную, кажется, еще задолго до его смерти: деля между сыновьями только свои наследственные города, он велит им платить *Великому князю* с Галича и Звенигорода 1026 рублей в счет Ординской *семитысячной* дани: следственно или Василий тогда еще не был изгнан, или Юрий мыслил возвратить ему Великое княжение (что менее вероятно). Сын Юриев, Косой, немедленно принял на себя имя государя Московского и дал знать о том своим братьям; они же, не любя и презирая его, ответствовали: «когда бог не захотел видеть отца нашего на престоле великокняжеском, то мы не хотим видеть на оном и тебя», примирились с Василием, и выгнали Косого из столицы. В знак благодарности Великий князь, возвратясь на Московский престол, отдал Шемяке Углич со Ржевом, наследственную область умершего дяди их, Константина Димитриевича, а Красному Бежецкий Верх, удержав за собою Звенигород, удел Косого, и Вятку.

Сие дружество между князьями равно малодушными и жестокосердыми не могло быть истинным. Мы уже видели характер Шемяки, который не устыдился обагрить собственных рук кровию вельможи Морозова: увидим и Василиев в деле гнусном, достойном азиатского варвара.

Но брат Шемякин, Косой, еще превосходил их в свирепости: имея товарища в бегстве своем, какого-то князя Романа, он велел отрубить ему руку и ногу, за то, что сей несчастный хотел тайно оставить его. Напрасно искав заступников в Новегороде, ограбив берега Мсты, Бежецкую и Двинскую область, Косой с толпами бродяг вступил в северные пределы великого княжения; разбитый близ Ярославля, ушел в Вологду, пленил там чиновников московских и с новым войском явился на берегах Костромы, где Великий князь заключил с ним мир, отдав ему город Дмитров. Они не долго жили в согласии: чрез несколько месяцев Косой выехал из Дмитрова в Галич, призвал вятчан, и взяв Устюг на договор, вероломно убил Василиева наместника, князя Оболенского, вместе с многими жителями. В сие время Шемяка приехал в Москву звать Великого князя на свадьбу, помолвив жениться на дочери Димитрия Заозерского: злобясь на его брата, Василий оковал Шемяку цепями и сослал в Коломну. Действие столь противное чести не могло быть оправдано подозрением в тайных враждебных умыслах сего Юриева сына, еще не до-

казанных и весьма сомнительных. Наконец в Ростовской области встретились неприятели: Косой предводительствовал вятчанами и дружиною Шемяки; с Василием находились меньший брат Юрьевичей, Димитрий Красной, Иоанн Можайский и князь Иоанн Баба, один из Друцких владетелей, пришедший к нему с полком литовских копейщиков. Готовились к битве; но Косой, считая обман дозволенною хитростию, требовал перемирия. Неосторожный Василий заключил оное и распустил воинов для собрания съестных припасов. Вдруг сделалась тревога: полки вятские во всю прыть устремились к московскому стану, в надежде пленить Великого князя, оставленного ратниками. Тут Василий оказал смелую решительность: уведомленный о быстром движении неприятеля, схватил трубу воинскую, и подав голос своим, не тронулся с места. В несколько минут стан наполнился людьми: неприятель вместо оплошности, вместо изумления, увидел пред собою блеск оружия и стройные ряды воинов, которые одним ударом смяли его, погнали, рассеяли. Несчастный Юрьевич, готовив плен Василию, сам попался к нему в руки: воевода Борис Тоболин и князь Иоанн Баба настигли Косого в постыдном бегстве. Совершилось злодейство, о коем не слыхали в России со второгонадесять века: Василий дал повеление ослепить сего брата двоюродного. Чтобы успокоить совесть, он возвратил Шемяке свободу и города удельные. В договорной грамоте, тогда написанной, Шемяка именует старшего брата недругом Великого князя, обязываясь выдать все его имение, в особенности святые иконы и кресты, еще отцом их из Москвы увезенные; отказывается от Звенигорода, предоставляя себе полюбовно разделить с меньшим братом, Димитрием Красным, другие области наследственные и данные ему Великим князем в Угличе и Ржеве.— Несчастный слепец жил после того 12 лет в уединении как бы забвенный всеми и самыми единокровными братьями. Великий князь будет наказан за свою жестокость, лишенный права жаловаться на подобного ему варвара:

В сей самый год (1440), генваря 22, родился у Василия сын, Тимофей-Иоанн, коему провидение, сверх многих великих дел, назначило сокрушить Новгород. Могли ли, по тогдашнему образу мыслей, будущая судьба государя столь чрезвычайного утаиться от мудрых гадателей? Пишут, что новогородский добродетельный старец, именем Мисаил, в час Иоаннова рождения пришел к архиепископу Евфимию и сказал: «Днесь Великий князь

торжествует: Господь даровал ему наследника. Зрю младенца, ознаменованного величием: се игумен Троицкия обители, Зиновий, крестит его, именуя Иоанном! Слава Москве: Иоанн победит князей и народы. Но горе нашей отчизне: Новгород падет к ногам Иоанновым и не восстанет»! Летописцы не сомневались в истине сего чудесного сказания, изобретенного без сомнения уже в то время, когда сын Василиев совершил бессмертные свои подвиги.

Василий старался жить дружно с ханом и по верному свидетельству грамот платил ему обыкновенную дань, вопреки некоторым летописцам, сказывающим, что царь Махмет, любя его, освободил Россию от всех налогов. Впадения татар в Рязанские области не тревожили москвитян; но перемена, случившаяся в Орде, нарушила спокойствие Великого княжения. Махмет (в 1437 году) был изгнан из улусов братом своим, Кичимом, искал убежища в России и занял Белев, город литовский. Оказав некогда благодеяние Василию, он надеялся на его дружбу и крайне изумился, услышав, что Великий князь приказывает ему немедленно удалиться от пределов российских. Сей хан, в самом изгнании гордый, не хотел повиноваться, имея у себя около трех тысяч воинов. Надлежало прибегнуть к оружию. Василий послал туда многочисленную рать, вверив оную братьям, Шемяке и Димитрию Красному, вождям столь недостойным, что они казались народу атаманами разбойников, от Москвы до Белева не оставив ни одного селения в целости: везде грабили, отнимали скот, имение и нагружали возы добычею. Конец ответствовал началу. Приступив к Белеву, московские воеводы отвергнули все мирные предложения Махмета, устрашенного их силою, и вогнали татар в крепость, убив зятя царева. На другой день хан выслал трех князей для переговоров. «Отдаю в залог вам моего сына, Мамутека», велел он сказать нашим полководцам: «сделаю все, чего требуете. Когда же бог возвратит мне царство, обязываюсь блюсти землю русскую и не брать с вас никакой дани». Воеводы московские не хотели ничего слушать. «И так смотрите!» сказали князья Махметовы, возвысив голос, и перстом показывая им на российских воинов, которые в сию минуту толпами бежали от городских стен, гонимые каким-то внезапным ужасом. Вся рать московская дрогнула и с воплем устремилась в бегство: Шемяка и другие князья также. Моголы едва верили глазам своим; наконец поскакали за россиянами, секли их, топта-

ли и возвратились к хану с вестию, что многочисленное войско великокняжеское исчезло как дым. Успех столь блестящий не ослепил Махмета: сей благоразумный хан предвидел, что ему, отрезанному от улусов, нельзя удержаться в России и бороться с Василием: он выступил из Белева и чрез землю мордвы прошел в Болгарию, к тому месту, где находился древний Саинов Юрт, или Казань, в 1399 году опустошенная россиянами. Около сорока лет сей город состоял единственно из развалин и хижин, где укрывалось несколько бедных семейств. Махмет, выбрав новое лучшее место, близ старой крепости построил новую, деревянную, и представил оную в убежище болгарам, черемисам, моголам, которые жили там в непрестанной тревоге, ужасаемые частыми набегами россиян. В несколько месяцев Казань наполнилась людьми. Из самой Золотой Орды, Астрахани, Азова и Тавриды стекались туда жители, признав Махмета царем и защитником. Таким образом сей изгнанник капчакский сделался возобновителем или истинным первоначальником царства Казанского, основанного на развалинах древней Болгарии, государства образованного и торгового. Моголы смешались в оном с болгарами и составили один народ, коего остатки именуются ныне татарами казанскими и коего имя около ста лет приводило в трепет соседственные области российские. Уже в следующий год Махмет с легким войском явился под стенами Москвы, откуда Василий, боязливый, малодушный, бежал за Волгу, оставив в столице начальником князя Юрия Патрикиевича Литовского. К счастию, татары не имели способа овладеть оною: удовольствовались грабежем, сожгли Коломну и возвратились с добычею.— Между тем в Большой или Золотой Орде господствовал брат Махметов, Кичим, среди опасностей, мятежей и внутренних неприятелей. Моголы, ослепленные безрассудною злобою, терзали друг друга, упиваясь собственною кровию. Первейший из князей Ординских, именем Мансуп, погиб тогда от руки хана Кичима.

После несчастного приступа к Белеву Василий не мог иметь доверенности ни к усердию, ни к чести сыновей Юриевых, Шемяки и Димитрия Красного; однако ж (в 1440 году) возобновил дружественный союз с ними на прежних условиях: то есть оставил их мирно господствовать в отцовском уделе и пользоваться частию московских доходов. Меньший брат, Димитрий, скоро умер в Галиче, достопамятный единственно наружною красотою и странными обстоятельствами своей кончины.

Он лишился слуха, вкуса и сна; хотел причаститься святых таин и долго не мог, ибо кровь непрестанно лила у него из носу. Ему заткнули ноздри, чтобы дать причастие. Димитрий успокоился, требовал пищи, вина; заснул —и казался мертвым Бояре оплакали князя, закрыли одеялом, выпили по нескольку стаканов крепкого меду и сами легли спать на лавках в той же горнице. Вдруг мнимый мертвец скинул с себя одеяло и, не открывая глаз, начал петь стихиры Все оцепенели от ужаса. Разнесся слух о сем чуде: дворец наполнился любопытными. Целые три дни князь пел и говорил о душеспасительных предметах, узнавал людей, но не слыхал ничего; наконец действительно умер с именем святого: ибо — как сказывают летописцы — тело его, чрез 23 дни открытое для погребения в московском соборе архангела Михаила, казалось живым без всяких знаков тления и без синеты.— Шемяка наследовал удел Красного и еще несколько времени жил мирно с Великим князем.

Уже осенью в 1441 году открылась новая вражда между Великим князем и Димитрием Шемякою, который, сведав о приближении московского войска к Угличу, бежал в Новогородскую область, и собрав несколько тысяч бродяг, вместе с князем Александром Черторижским, выехавшим к нему из Литвы, внезапно подступил к Москве: хотя игумен Троицкий, Зиновий, примирил их; но Шемяка, боясь Василия, дал знать новогородцам, что желает навсегда к ним переселиться. Они гордо сказали: «да будет, князь, твоя воля! Если хочешь к нам, мы тебе рады; если не хочешь, как тебе угодно». Сей ответ или не полюбился ему, или тогдашние обстоятельства Новагорода отвратили его от намерения искать там убежища: Шемяка остался в своем уделе.

Гораздо важнейшие происшествия ожидают нас в московском Великом княжении. Смерть Витовта, деда, опекуна Василиева, уничтожив связь притворного дружества между Литвою и нашим государством, возобновила их естественную, взаимную ненависть друг ко другу, еще усиленную раздором церковным. Неприятели Казимировы искали убежища в Москве: сын Лугвениев, князь Юрий, выехав из Новагорода и заняв вооруженною рукою Смоленск, Полоцк, Витебск, но будучи не в силах противиться Казимиру, бежал к Великому князю. Однако ж войны не было до 1444 года: в сие время, зимою, Василий послал двух служащих ему царевичей могольских на Брянск и Вязьму. Нечаянность их впаде-

ния благоприятствовала успеху, если можно назвать успехом грабеж и кровопролитие бесполезное: татары и москвитяне опустошили села и города почти до Смоленска. Явились мстители: 7000 литовцев, предводимых семью панами, разорили беззащитные окрестности Козельска, Калуги, Можайска, Вереи. Собралось несколько сот россиян, под начальством воевод Можайского, Верейского и Боровского; презирая многочисленность неприятеля, они смело ударили на казимировых панов в Суходрове и были разбиты. Впрочем литовцы, не взяв ни одного города, удалились с пленниками.

Великий князь не мог отразить их для того, что имел дело с другим неприятелем. Царевич Золотой Орды, именем Мустафа, желая добычи, вступил в Рязанскую область, пленил множество безоружных людей и, взяв за них окуп, ушел; но скоро опять возвратился к Переславлю, требуя уже не денег, а только убежища. Настала зима необыкновенно холодная, с глубокими снегами, жестокими морозами и вьюгами: татары не могли достигнуть улусов, лишились коней и сами умирали в поле. Граждане переславские, не смея отказать им, впустили их в свои жилища; однако ж ненадолго: ибо Василий послал князя Оболенского с московскою дружиною и с мордвою выгнать царевича из наших пределов. Мустафа, равно опасаясь и жителей и рати великокняжеской, по требованию первых вышел из города, стал на берегах речки Листани и спокойно ожидал неприятелей. С одной стороны наступили на него воеводы московские с конницею и пехотою, вооруженною *ослопами* или палицами, топорами и рогатинами; с другой рязанские *козаки* и мордва на лыжах, с сулицами, копьями и саблями. Татары, цепенея от сильного холода, не могли стрелять из луков, и несмотря на свою малочисленность, смело пустились в ручной бой. Они конечно не имели средства спастися бегством; но от них зависело отдаться в плен без кровопролития: Мустафа не хотел слышать о таком стыде и бился до изнурения последних сил. Никогда татары не изъявляли превосходнейшего мужества: одушевленные словами и примером начальника, резались как исступленные и бросались грудью на копья. Мустафа пал героем, доказав, что кровь Чингисова и Тамерланова еще не совсем застыла в сердце моголов; другие также легли на месте; пленниками были одни раненые, и победители, к чести своей, завидовали славе побежденных.— Чрез несколько времени татары Золотой Орды — желая, как вероятно, отмстить за Мустафу — вое-

вали области Рязанские и Мордовские; но не сделали ничего важного.

Неприятель опаснейший явился с другой стороны, царь казанский, Улу-Махмет; взял Старый Новгород Нижний, оставленный без защиты, и шел к Мурому. Великий князь собрал войско: Шемяка, Иоанн Андреевич Можайский, брат его Михаил Верейский и Василий Ярославич Боровский, внук Владимира Храброго, находились под московскими знаменами. Махмет отступил: передовой отряд наш разбил татар близ Мурома, Гороховца и в других местах. Не желая во время тогдашних зимних холодов гнаться за царем, Великий князь возвратился в столицу. Весною пришла весть, что Махмет осадил Нижний Новгород, послав двух сыновей, Мамушека и Ягуба, к Суздалю. Уже полки были распущены: надлежало вновь собирать их. Василий Васильевич с одною московскою ратию пришел в Юрьев, где встретили его воеводы Нижегородские: долго терпев недостаток в хлебе, они зажгли крепость и ночью бежали оттуда. Чрез несколько дней присоединились к москвитянам князья Можайский, Верейский и Боровский, но с малым числом ратников. Шемяка обманул Василия: сам не поехал и не дал ему ни одного воина; а царевич Бердата, друг и слуга россиян, еще оставался назади. Великий князь расположился станом близ Суздаля, на реке Каменке: слыша, что неприятель идет, воины оделись в латы и, подняв знамена, изготовились к битве; но, долго ждав моголов, возвратились в стан. Василий ужинал и пил с князьями до полуночи; а в следующий день, по восхождении солнца отслушав заутреню, снова лег спать. Тут узнали о переправе неприятеля через реку Нерль: сделалась общая тревога. Великий князь, схватив оружие, выскочил из шатра и, в несколько минут устроив рать, бодро повел оную вперед, при звуке труб, с распущенными хоругвями. Но сие шумное ополчение, предводимое внуками Донского и Владимира Храброго, состояло не более как из 1500 россиян, если верить летописцу; силы государства московского не уменьшились; только Василий не умел подражать деду и словом творить многочисленные воинства; земля оскудела не людьми, но умом правителей.

Впрочем сия горсть людей казалась сонмом героев, текущих к верной победе. Князья и воины не уважали татар; видели их превосходную силу и вопреки благоразумию схватились с ними на чистом поле близ монастыря Евфимиева. Неприятель был вдвое многочислен-

нее; однако ж россияне первым ударом обратили его в бегство, может быть притворное: он хотел, кажется, чтобы наше войско расстроилось. По крайней мере так случилось: москвитяне, видя тыл неприятельской рати, устремились за нею без всякого порядка: всякой хотел единственно добычи; кто обдирал мертвых, кто без памяти скакал вперед, чтобы догнать обоз царевичей или брать пленников. Татары вдруг остановились, поворотили коней и со всех сторон окружили мнимых победителей, рассеянных, изумленных. Еще князья наши старались восстановить битву; сражались толпы с толпами, воин с воином, долго и упорно; везде число одолело, и россияне, положив на место 500 моголов, были истреблены. Сам Великий князь, личным мужеством заслужив похвалу,— имея простреленную руку, несколько пальцев отсеченных, тринадцать язв на голове, плеча и грудь синие от ударов,— отдался в плен вместе с Михаилом Верейским и знатнейшими боярами. Иоанн Можайский, оглушенный сильным ударом, лежал на земле: оруженосцы посадили его на другого коня и спасли. Василий Ярославич Боровский также ушел; но весьма не многие имели сие счастие. Смерть или неволя были жребием остальных. Царевичи выжгли еще несколько сел, два дни отдыхали в монастыре Евфимиеве и, сняв там с несчастного Василия златые кресты, послали оные в Москву, к его матери и к супруге, в знак своей победы.

Столица наша затрепетала от сей вести: двор и народ вопили. Москва видала ее государей в злосчастии и в бегстве, но никогда не видала в плену. Ужас господствовал повсюду. Жители окрестных селений и пригородов, оставляя домы, искали убежища в стенах кремлевских: ибо ежечасно ждали нашествия варваров, обманутые слухом о силе царевичей. Новое бедствие довершило жалостную судьбу москвитян и пришельцев: ночью сделался пожар внутри Кремля, столь жестокий, что не осталось ни одного деревянного здания в целости: самые каменные церкви и стены в разных местах упали; сгорело около трех тысяч человек и множество всякого имения. Мать и супруга Великого князя с боярами спешили удалиться от сего ужасного пепелища: они уехали в Ростов, предав народ отчаянию в жертву. Не было ни государя, ни правления, ни столицы. Кто мог, бежал; но многие не знали, где найти пристанище, и не хотели пускать других. Чернь в шумном совете положила укрепить город: избрали властителей; запретили бегство; ос-

лушников наказывали и вязали; починили городские ворота и стены; начали строить и жилища. Одним словом, народ сам собою восстановил и порядок из безначалия и Москву из пепла, надеясь, что бог возвратит ей и государя.— Между тем, пользуясь ее сиротством и несчастием, хищный князь Борис Александрович Тверской прислал воевод своих разграбить в Торжке все имение купцов московских.

Несмотря на пороки или недостатки Василия, россияне Великого княжения видели в нем единственного законного властителя и хотели быть ему верными: плен его казался им тогда главным бедствием.

Желая скорее возвратиться в Болгарию, царь советовался с ближними, призвал Великого князя и с ласкою объявил ему свободу, требуя от него единственно умеренного окупа и благодарности. Василий, прославив милость неба и царскую, выехал из Курмыша с князем Михаилом, с боярами и со многими послами татарскими, коим надлежало проводить его до столицы; отправил гонца в Москву к Великим княгиням и сам вслед за ним спешил в любезное отечество. Между тем дьяк Шемякин и Мурза Бигич плыли Окою от Мурома к Нижнему: услышав о свободе Великого князя, они возвратились от Дудина монастыря в Муром, где наместник, князь Оболенский, взял Бигича под стражу.

В тот самый день, когда царь отпустил Василия в Россию — 1 октября,— Москва испытала один из главных естественных ужасов, весьма необыкновенный для стран северных: землетрясение. В шестом часу ночи поколебался весь город, Кремль и посад, домы и церкви; но движение было тихо и непродолжительно: многие спали и не чувствовали оного; другие обезпамятели от страха, думая, что земля отверзает недра свои для поглощения Москвы. Несколько дней ни о чем ином не говорили в домах и на Красной площади; считали сей феномен предтечею каких-нибудь новых государственных бедствий и тем более обрадовались нечаянному известию о прибытии Великого князя. Не только в столице, но и во всех городах, в самых хижинах сельских добрые подданные веселились как в день светлого праздника, и спешили издалека видеть государя. В Переславле нашел Василий мать, супругу, сыновей своих, многих князей, бояр, детей боярских и вообще столько ратных людей, что мог бы смело идти с ними на сильнейшего из врагов России. Сия усердная, великолепная

встреча напомнила величие героя Димитрия, приветствуемого народом после Донской битвы: дед пленял россиян славою, внук трогал сердца своим несчастием и неожидаемым спасением.— Но Василий (17 ноября) с горестию въехал в столицу, медленно возникающую из пепла; вместо улиц и зданий видел пустыри; сам не имел дворца и, жив несколько времени за городом в доме своей матери, на Ваганкове, занял в Кремле двор князя литовского, Юрия Патрикиевича.

Еще мера зол, предназначенных судьбою сему Великому князю, не исполнилась: ему надлежало испытать лютейшее, в доказательство, что и на самой земле бывает возмездие по делам каждого. Опасаясь Василия, Димитрий Шемяка бежал в Углич, но с намерением погубить неосторожного врага своего, который, еще не ведая тогда всей его злобы и поверив ложному смирению, новою договорною грамотою утвердил с ним мир. Димитрий вступил в тайную связь с Иоанном Можайским, князем слабым, жестокосердым, легкомысленным, и без труда уверил его, что Василий будто бы клятвенно обещал все государство московское царю Махмету, а сам намерен властвовать в Твери. Скоро пристал к ним и Борис Тверской, обманутый сим вымыслом и страшась лишиться княжения. Главными их наушниками и подстрекателями были мятежные бояре умершего Константина Димитриевича, завистники бояр великокняжеских; сыскались изменники и в Москве, которые взяли сторону Шемяки, вообще нелюбимого: в числе их находились боярин Иван Старков, несколько купцов, дворян, даже иноков. Умыслили не войну, а заговор и предательство; положили нечаянно овладеть столицею и схватить Великого князя; наблюдали все его движения и ждали удобного случая.

Василий, следуя обычаю отца и деда, поехал молиться в Троицкую обитель, славную добродетелями и мощами св. Сергия, взяв с собою двух сыновей с малым числом придворных. Заговорщики немедленно дали о том весть Шемяке и князю Можайскому, Иоанну, которые были в Рузе, имея в готовности целый полк вооруженных людей. Февраля 12 ночью они пришли к Кремлю, где царствовала глубокая тишина; никто не мыслил о неприятеле; все спали: бодрствовали только изменники и без шума отворили им ворота. Они вступили в город, вломились во дворец, захватили мать, супругу, казну Василиеву, многих верных бояр, опустошив их домы; одним словом, взяли Москву. В ту же самую ночь Ше-

мяка послал Иоанна Можайского с воииами к Троицкой лавре.

Великий кизязь, ничего ие зная, слушал обедию у гроба св. Сергия. Вдруг вбегает в церковь одии дворянин, именем Бунко, и сказывает о происшедшем. Василий не верит. Сей двориииы служил прежде ему, а после отъехал к Шемяке, и тем более казался вестииком ненадежиым. «Вы только мутите нас», ответствовал Василий: «я в мире с братьями» — и выгнал Бунка из моиастыря; но одумался и послал иесколько человек заиять гору на московской дороге. Передовые воииы Иоанновы, увидев сих людей, известили о том своего кизязя: он велел закрыть 40 или 50 саией циновками и, спрятав под ними ратников, отправил их к горе. Стражи Василиевы дремали, не веря слуху о иеприятеле, и спокойно глядели на миимый обоз, который, тихо взъехав иа гору, остановился: цыновки слетели с саней; явились воины и схватили оплошную стражу. Тогда — уверенные, что жертва в их руках — оии сели на коией и пустились во всю прыть к селу Клемеитьевскому. Уже Василий ие мог сомневаться в опасности, собствеиными глазами видя скачущих всадников: бежит иа коиюшеииый двор, требует лошадей и не иаходит ничего готового; все люди в изумлеиии от ужаса; ие знают, что говорят и делают. Уже всадиики пред вратами монастырскими. Великий кизязь ищет убежища в церкви: поиомарь, впустив его, запирает двери. Чрез иесколько минут моиастырь иаполнился людьми вооруженными: сам Иоаин Можайский подъехал на коие к церкви и спрашивал, где Великий князь? Услышав его голос, Василий громко закричал. «Брат любезный! помилуй! Не лишай меия святого места: иикогда не выйду отсюда: здесь постригуся; здесь умру». Взяв с гроба Сергиева икоиу Богоматери, ои немеденно отпер южные двери церковные, встретил Иоанна и сказал ему: «Брат и друг мой! животворящим крестом и сею иконою, в сей церкви, иад сим гробом преподобиого Сергия клялися мы в любви и верности взаимной; а что теперь делается иадо миою, ие понимаю». Иоанн ответствовал: «Государь! если захотим тебе зла, да будет и иам зло. Нет, желаем едииственно добра христианству и поступаем так с иамерением устрашить Махметовых слуг, пришедших с тобою, чтобы оии умеиьшили твой окуп». Великий кизязь поставил икону на ее место, пал ниц пред ракою св. Сергия и начал молиться громогласио, с таким умилеиием, с таким жаром, что самые злодеи его ие могли от слез удержаться;

а князь Иоанн, кивнув головою пред образами, спешил выйти из церкви и тихо сказал боярину Шемякину, Никите: «возьми его!» Василий встал и спросил: «где брат мой, Иоанн? *Ты пленник Великого князя, Димитрия Юрьевича»*, отвечал Никита, схватив его за руки. «Да будет воля божия!» сказал Василий. Жестокий вельможа посадил несчастного князя в голые сани вместе с каким-то монахом и повез в столицу; а московских бояр всех оковали цепями: других же слуг великокняжеских ограбили и пустили нагих.

На другой день привезли Василия в Москву прямо на двор к Шемяке, который жил в ином доме; на четвертый день, ночью, ослепили Великого князя, от имени Димитрия Юрьевича, Иоанна Можайского и Бориса Тверского, которые велели ему сказать: «для чего любишь татар и даешь им русские города в кормление? для чего серебром и золотом христианским осыпаешь неверных? для чего изнуряешь народ податями? для чего ослепил ты брата нашего, Василия Косого?» — Вместе с супругою отправили Великого князя в Углич, а мать его Софию в Чухлому. Сыновья же Васильевы, Иоанн и Юрий, под защитою своей невинности спаслися от гонителей: пестуны сокрыли их в монастыре и ночью уехали с ними к князю Ряполовскому, Ивану, в село Боярово, недалеко от Юрьева. Сей верный князь с двумя братьями, Симеоном и Димитрием, вооружился, собрал людей, сколько мог, и повез младенцев, надежду России, в Муром, укрепленный и безопаснейший других городов.

Ужас господствовал в Великом княжении. Оплакивали судьбу Василия, гнушались Шемякою.

Не имея ни совести, ни правил чести, ни благоразумной системы государственной, Шемяка в краткое время своего владычества усилил привязанность москвитян к Василию, и в самых гражданских делах попирая ногами справедливость, древние уставы, здравый смысл, оставил навеки память своих беззаконий в народной пословице о *суде Шемякине*, доныне употребительной.

Он не умертвил Великого князя единственно для того, что не имел дерзости Святополка I; лишив его зрения, оправдывался законом мести и собственным примером Василия, который ослепил Шемякина брата. Но москвитяне — соглашаясь, что несчастие Василиево было явным попущением божиим — усердно молили небо избавить их от властителя недостойного; воспоминали добрые качества слепца; его ревность в правоверии,

суд без лицеприятия, милость к князьям удельным, к самому Шемяке. Лазутчики Димитрия в столице, на площади, в домах бояр и граждан видели печаль, слышали укоризны; даже многие города не поддавались ему. В сих обстоятельствах надлежало Шемяке показать смелую решительность: к счастию, злодеи не всегда имеют оную; устрашаются крайности и не достигают цели. Он боялся младенцев великокняжеских, хранимых в Муроме князьями Ряполовскими, верными боярами и малочисленною воинскою дружиною; но не хотел употребить насилия; призвал в Москву Рязанского епископа Иону и сказал ему: «Муж святый! обещаю доставить тебе сан митрополита; но прошу твоей услуги. Иди в свою епископию, в город Муром; *возьми* детей Великого князя *на свою епитрахиль* и привези ко мне: я готов на всякую милость; выпущу отца их; дам им удел знаменитый, да господствуют в оном и живут в изобилии». Иона, не сомневаясь в его искренности, отправился в Муром и ревностно старался успеть в Димитриевом поручении. Бояре колебались. «Если не послушаем святителя» — думали они — «то Димитрий силою возьмет Муром и детей великокняжеских: что будет с ними, с несчастным их родителем и с нами?» Бояре требовали клятвы от Ионы и привели младенцев в храм богоматери, где епископ, отпев молебен, торжественно принял их с церковной пелены на свою епитрахиль, в удостоверение, что Димитрий не сделает им ни малейшего зла. Князья Ряполовские и друзья их, успокоенные обрядом священным, сами поехали с драгоценным залогом к Шемяке, бывшему тогда в Переславле. Сей лицемер плакал будто бы от умиления: ласкал, целовал юных невинных племянников; угостил обедом и дарами, а на третий день отправил с тем же Ионою к отцу в Углич. Иона возвратился в Москву и занял дом митрополитский; но Василий и семейство его остались под стражею. Шемяка не исполнил обета.

Сие вероломство изумило бояр: добрые князья Ряполовские были в отчаянии. «Не дадим веселиться злобе», сказали они и решились низвергнуть Димитрия. К ним пристали князь Иван Стрига Оболенский, вельможа Ощера и многие дети боярские: условились с разных сторон идти к Угличу; в один день и час явиться под его стенами, овладеть городом, освободить Василия. Заговор не имел совершенного успеха; однако ж произвел счастливое действие. Узнав намерение Ряполовских, тайно выехавших из Москвы, Димитрий отправил воеводу

своего в догон за ними; но сии мужественные витязи разбили дружину Шемякину и, видя, что умысел их открылся, поехали в Литву к Василию Ярославичу Боровскому, чтобы вместе с ним взять меры в пользу Великого князя. Они проложили туда путь всем их многочисленным единомышленникам: из столицы и других городов люди бежали в Малороссию, проклиная Шемяку, который трепетал в московском дворце, ежедневно получая вести о всеобщем негодовании народа. Призвав епископов, он советовался с ними и с князем Иоанном Можайским, освободить ли Василия? чего неотступно требовал Иона, говоря ему: «Ты нарушил устав правды; ввел меня в грех, постыдил мою старость. Бог накажет тебя, если не выпустишь Великого князя с семейством и не дашь им обещанного удела. Можешь ли опасаться слепца и невинных младенцев? Возьми клятву с Василия, а нас епископов во свидетели, что он никогда не будет врагом твоим». Шемяка долго размышлял; наконец согласился.

Должны ли вероломные надеяться на верность обманутых ими? Но злодеи, освобождая себя от уз нравственности, мыслят, что не всем дана сила попирать ногами святыню, и сами бывают жертвою легковерия. Димитрий хотел, по тогдашнему выражению, *связать душу* Василиеву крестом и евангелием, так, чтобы не оставить ему на выбор ничего, кроме рабского смирения или ада; приехал в Углич со всем двором, с князьями, боярами, епископами, архимандритами; велел позвать Василия, обнял его дружески, винился, изъявлял раскаяние, требовал прощения великодушного. «Нет!» ответствовал Великий князь с сердечным умилением: «я один во всем виновен; пострадал за грехи мои и беззакония; излишно любил славу мира и преступал клятвы; гнал вас, моих братьев; губил христиан и мыслил еще изгубить многих; одним словом, заслуживал казнь смертную. Но ты, государь, явил милосердие надо мною и дал мне средство к покаянию». Слова лились рекою вместе с слезами; вид, голос подтверждали их искренность. Шемяка был совершенно доволен; все другие плакали, славя ангельское смирение души Васильевой. Может быть, Великий князь действительно говорил и чувствовал одно в порыве христианской набожности, которая питается уничижением земной гордости. Обряд крестного целования заключился великолепною трапезою у Шемяки: Василий обедал у него с супругою и с детьми, со всеми вельможами и епископами; получил богатые дары и Вологду в удел; поже-

лал Димитрию благополучно властвовать над московским государством и с своими домашними отправился к берегам Кубенского озера.

Скоро увидел Шемяка свою ошибку. Василий, пробыв несколько дней в Вологде как в печальной ссылке, поехал на богомолье в Белозерский Кириллов монастырь, где умный игумен Трифон, согласно с его желанием, объявил ему, что клятва, данная им в Угличе, не есть законная, быв действием неволи и страха. «Родитель оставил тебе в наследие Москву», говорил Трифон: «да будет грех клятвопреступления на мне и на моей братии! Иди с богом и с правдою на свою отчину; а мы за тебя, государя, молим бога». Игумен и все иеромонахи благословили Василия на Великое княжение. Он успокоился в совести. Ежедневно приходило к нему множество людей из разных городов, требуя чести служить верою и правдою истинному государю России; в том числе находились знатнейшие бояре и дети боярские. Василий уже не хотел ехать назад в Вологду, но прибыл в Тверь, где князь Борис Александрович, оставив прежнюю злобу, вызвался помогать ему, с условием, чтобы он женил сына своего, семилетнего Иоанна, на его дочери, Марии. Торжественное обручение детей утвердило союз между отцами, и Тверская дружина усилила великокняжескую. Василий решился идти к Москве.

С другой стороны спешили туда князья Боровский, Ряполовские, Иван Стрига Оболенский, Федор Басенок, собрав войско в Литве. На пути они нечаянно встретили татар и готовились к битве с ними; но открылось, что сии мнимые неприятели шли на помощь к Василию, предводимые царевичами Касимом и Ягупом, сыновьями царя Улу-Махмета. «Мы из земли Черкассой и друзья Великого князя», говорили татары; «знаем, что сделали с ним братья недостойные; помним любовь и хлеб его; желаем теперь доказать ему нашу благодарность». Князья российские дружески обнялися с царевичами и пошли вместе.

Шемяка, сведав о намерении Василия и желая не допустить его до Москвы, расположился станом у Волока Ламского; но Великий князь, уверенный в доброхотстве ее граждан, тайно отправил к ним боярина Плещеева с малочисленною дружиною. Сей боярин умел неприметно обойти рать Шемякину и ночью, накануне Рождества, был уже под стенами Кремлевскими. В церквах звонили к заутрене; одна из княгинь ехала в собор: для нее отворили Никольские ворота, и дружина вели-

кокняжеская, пользуясь сим случаем, вошла в город. Тут раздался стук оружия: наместник Шемякин убежал из церкви; наместник Иоанна Можайского попался в руки к Василиевым воеводам, которые в полчаса овладели Кремлем. Бояр неприятельских оковали цепями; а граждане с радостию вновь присягнули Василию.

Димитрий Шемяка услышал в одно время, что Москва взята и что от Твери идет на него Великий князь, а с другой стороны Василий Ярославич Боровский с татарами: не имея доверенности ни к своему войску, ни к собственному мужеству, Димитрий и Можайский ушли в Галич, оттуда в Чухлому и в Каргополь, взяв с собою мать Василиеву, Софию. Великий же князь соединился близ Углича с Василием Боровским и завоевал сей город, под коим убили одного из храбрейших его воевод, Литвина Юрия Драницу; в Ярославле нашел царевичей, Касима с Ягупом, и при восклицаниях усердного народа вступил в Москву, послав боярина Кутузова сказать Шемяке: «Брат Димитрий! какая тебе честь и хвала держать в неволе мать мою, а свою тетку? Ищи другой славнейшей мести, буде хочешь: я сижу на престоле великокняжеском!» Димитрий советовался с боярами. Видя изнеможение своих людей, утомленных бегством — желая смягчить Великого князя и чувствуя в самом деле бесполезность сего залога — он велел знатному боярину своему Михайлу Сабурову проводить Великую княгиню до Москвы. Василий встретил мать в Троицкой лавре; а боярин Сабуров, им обласканный, вступил к нему в службу.

Князья Шемяка и Можайский искали мира посредством Василия Ярославича Боровского и Михаила Андреевича, брата Иоаннова; винились, давали обеты верности. Шемяка отказывался от Звенигорода, Вятки, Углича, Ржева: Иоанн от Козельска и разных волостей; тот и другой обязывался возвратить все похищенное ими в Москве: казну, богатые кресты, иконы, имение княгинь и вельмож, древние грамоты, ярлыки ханские, требуя единственно, чтобы Василий оставил их обоих мирно господствовать в уделах наследственных и не призывал к себе до избрания митрополита, который один мог надежно ручаться за личную для них безопасность в столице. Великий князь простил Иоанна и дал ему Бежецкий Верх, из уважения к его брату, Михаилу Андреевичу, и сестре Анастасии, супруге Бориса Тверского; но еще не хотел примириться с Шемякою. Полки московские шли к Галичу. Наконец, убежденный хода-

тайством их общих родственников, Василий простил и Шемяку, который обязался страшными клятвами быть ему искренним другом, славить милость его до последнего издыхания и никогда не мыслить о Великом княжении. Крестная или клятвенная грамота Димитриева, тогда написанная, заключалась сими словами: «Ежели преступлю обеты свои, да лишуся милости божией и молитвы святых угодников земли нашея, митрополитов Петра и Алексея, Леонтия Ростовского, Сергия, Кирилла и других; не буди на мне благословения епископов русских», и проч.— Великий князь с торжеством возвратился из Костромы в Москву, отпраздновав мир и пасху в Ростове у епископа Ефрема.

Своим последним несчастием как бы примиренный с судьбою и в слепоте оказывая более государственной прозорливости, нежели доселе, Василий начал утверждать власть свою и силу московского княжения. Восстановив спокойствие внутри оного, он прежде всего дал митрополита России, коего мы восемь лет не имели от раздоров константинопольского духовенства и от собственных наших смятений. Епископы Ефрем Ростовский, Аврамий Суздальский, Варлаам Коломенский, Питирим Пермский съехались в Москву; а Новогородский и Тверский прислали грамоты, изъявляя свое единомыслие с ними. Они, в угодность государю, посвятили Иону в митрополиты.

Вторым попечением Василия было утвердить наследственное право юного сына, он назвал десятилетнего Иоанна соправителем и *Великим князем,* чтобы россияне заблаговременно привыкли видеть в нем будущего государя: так именуется Иоанн в договорах сего времени, заключенных с Новымгородом и с разными князьями.

Новое вероломство Шемяки нарушило спокойствие великого княжения. Еще в конце 1447 года епископы российские от имени всего духовенства писали к нему, что он не исполняет договора: не отдал увезенной им московской казны и драгоценной святыни; грабит бояр, которые перешли от него в службу к Василию; сманивает к себе людей великокняжеских; тайно сносится с Новымгородом, с Иоанном Можайским, с Вяткою, с Казанью. Над *Синею* или Ногайскою Ордою, рассеянною в степях между Бузулуком и Синим или Аральским морем, отчасти же между Черным и рекою Кубою, господствовал Седи-Ахмет, коего послы приезжали к Великому князю: Шемяка не хотел участвовать в издержках для

их угощения, ни в дарах ханских, ответствуя Василию, что Седи-Ахмет не есть истинный царь.

Прошло два года без кровопролития, с одной стороны в убеждениях миролюбия, с другой в тайных и явных кознях. Наконец Димитрий решился воевать. Он хотел нечаянно взять Кострому; но князь Стрига и мужественный Феодор Басенок отразили приступ. Узнав о том, Василий собрал и полки и епископов, свидетелей клятвы Шемякиной, чтобы победить или устыдить его. Сам митрополит провожал войско к Галичу. Как усердный пастырь душ, он еще старался обезоружить врагов: успел в том, но ненадолго. Шемяка не преставал коварствовать и замышлять мести. Тогда — видя, что один гроб может примирить их — Василий уже хотел действовать решительно; призвал многих князей, воевод из других городов, и составил ополчение сильное. Шемяка, думая сперва уклониться от битвы, пошел к Вологде; но, вдруг переменив мысли, расположился станом близ Галича: укреплял город, ободрял жителей и всего более надеялся на свои пушки. Василий, лишенный зрения, не мог сам начальствовать в битве: князь Оболенский предводительствовал московскими полками и союзными татарами. Оставив государя за собою, под щитами верной стражи, они стройно и бодро приближались к Галичу. Шемяка стоял на крутой горе, за глубокими оврагами; приступ был труден. То и другое войско готовились к жестокому кровопролитию с равным мужеством: москвитяне пылали ревностию сокрушить врага ненавистного, гнусного злодеянием и вероломством; а Шемяка обещал своим первенство в Великом княжении со всеми богатствами Московскими. Полки Василиевы имели превосходство в силах, Димитриевы выгоду места. Князь Оболенский и царевичи ожидали засады в дебрях; но Шемяка не подумал о том, воображая, что москвитяне выйдут из оврагов утомленные, расстроенные и легко будут смяты его войском свежим: он стоял неподвижно и смотрел, как неприятель от берегов озера шел медленно по тесным местам. Наконец москвитяне достигли горы и дружно устремились на ее высоту; задние ряды их служили твердою опорою для передних, встреченных сильным ударом полков галицких. Схватка была ужасна: давно россияне не губили друг друга с таким остервенением. Сия битва особенно достопамятна, как *последнее* кровопролитное действие княжеских междоусобий... Москвитяне одолели: истребили почти всю пехоту Шемякину, и пленили его бояр; сам князь едва мог спа-

стися: он бежал в Новгород. Василий, услышав о победе, благодарил небо с радостными слезами; дал галичанам мир и своих наместников; присоединил сей удел к Москве и возвратился с веселием в столицу.

Новогородцы не усомнились принять Димитрия Шемяку, величаясь достоинством покровителей знаменитого изгнанника, и надеясь чрез то иметь более средств к обузданию Василия в замыслах его самовластия; не хотели помогать Димитрию, однако ж не мешали ему явно готовиться к неприятельским действиям против Великого князя, и собирать воинов, с коими он чрез несколько месяцев взял Устюг. Шемяка мыслил завоевать северный край московских владений, хотел приобрести любовь жителей, и для того не касался собственности частных людей, довольствуясь единственно их присягою; но те, которые не соглашались изменить Великому князю, были осуждены на смерть: бесчеловечный Шемяка навязывал им камни на шею и топил сих добродетельных граждан в Сухоне. Не теряя времени, он пошел к Вологде, чтобы открыть себе путь в Галицкую землю; но не мог завладеть ни одним городом и возвратился в Устюг, где Великий князь около двух лет оставлял его в покое.

В сие время татары занимали Василия. Казань уже начала быть опасною для московских владений: в ней царствовал Мамутек, сын Махметов, злодейски умертвив отца и брата: в 1446 году 700 татар мамутековой дружины осаждали Устюг и взяли окуп с города мехами, но, возвращаясь, потонули в реке Ветлуге. Отрок великокняжеский, десятилетний Иоанн Васильевич, чрез два года ходил с полками для отражения казанцев от муромских и владимирских пределов. Другие шайки хищников ординских грабили близ Ельца и даже в Московской области: царевич Касим, верный друг Васильев, разбил их в окрестностях Похры и Битюга. Гораздо более страха и вреда претерпела наша столица от царевича Мазовши: отец его, Седи-Ахмет, хан Синей или Ногайской Орды, требовал дани от Василия, и хотел принудить его к тому оружием. Великий князь шел встретить царевича в поле; но, сведав, что татары уже близко и весьма многочисленны, возвратился в столицу, приказав князю Звенигородскому не пускать их через Оку. Сей малодушный воевода, объятый страхом, бежал со всеми полками, и дал неприятелю путь свободный; а Василий, вверив защиту Москвы Ионе митрополиту, матери своей Софии, сыну Юрию и боярам — супругу же с

меньшими детьми отпустив в Углич — рассудил за благо удалиться к берегам Волги, чтобы ждать там городских воевод с дружинами.

Скоро явились татары, зажгли посады и начали приступ. Время было сухое, жаркое; ветер нес густые облака дыма прямо на Кремль где воины, осыпаемые искрами, пылающими головнями, задыхались и не могли ничего видеть, до самого того времени, как посады обратились в пепел, огонь угас и воздух прояснился. Тогда москвитяне сделали вылазку; бились с татарами до ночи и принудили их отступить. Несмотря на усталость, никто не мыслил отдыхать в Кремле: ждали нового приступа; готовили на стенах пушки, самострелы, пищали. Рассветало; восходит солнце, и москвитяне не видят неприятеля: все тихо и спокойно. Посылают лазутчиков к стану Мазовшину: и там нет никого; стоят одни телеги, наполненные железными и медными вещами; поле усеяно оружием и разбросанными товарами. Неприятель ушел ночью, взяв с собою единственно легкие повозки, а все тяжелое оставив в добычу осажденным. Татары, по сказанию летописцев, услышав вдали необыкновенный шум, вообразили, что Великий князь идет на них с сильным войском, и без памяти устремились в бегство. Сия весть радостно изумила москвитян Великая княгиня София отправила гонца к Василию, который уже перевозился за Волгу, близ устья Дубны. Он спешил в столицу, прямо в храм Богоматери, к ее славной Владимирской иконе; с умилением славил небо и сию заступницу Москвы; облобызав гроб чудотворца Петра и приняв благословение от митрополита Ионы, нежно обнял мать, сына, бояр; велел вести себя на пепелище, утешал граждан, лишенных крова; говорил им: «Бог наказал вас за мои грехи: не унывайте. Да исчезнут следы опустошения! Новые жилища да явятся на месте пепла! Буду вашим отцом; даю вам льготу; не пожалею казны для бедных». Народ, утешенный сожалением и милостию государя, *почил* (как сказано в летописи) *от минувшего зла*; и где за день господствовал неописанный ужас, там представилось зрелище веселого праздника. Василий обедал с своим семейством, митрополитом, людьми знатнейшими: граждане, не имея домов, угощали друг друга на стогнах и на кучах обгорелого леса.

Видя снова мир и тишину в Великом княжении, Василий не хотел долее терпеть Шемякина господства в Устюге: немало времени готовился к походу; наконец выступил из Москвы: сам остановился в Галиче, а сына

своего, Иоанна, с князьями Боровскими, Оболенскими, Феодором Басенком и с царевичем Ягупом (братом Касимовым) послал разными путями к берегам Сухоны. Шемяка по-видимому не ожидал сего нападения: не дерзнул противиться, оставил в Устюге наместника, и бежал далее в северные пределы Двины; но и там, гонимый отрядами великокняжескими, не нашел безопасности: бегал из места в место, и едва мог пробраться в Новгород. Воеводы московские не щадили нигде друзей сего князя: грабили, пленяли их и, посадив наместников Василиевых в области Устюжской, возвратились к государю с добычею. Но еще Шемяка был жив и в непримиримой злобе своей искал новых способов мести: смерть его казалась нужною для государственной безопасности: ему дали яду, от коего он скоропостижно умер. Виновник дела, столь противного вере и законам нравственности, остался неизвестным. Новогородцы погребли Шемяку с честию в монастыре Юрьевском. Подьячий, именем Беда, прискакал в Москву с вестию о кончине сего жестокого Василиева недруга и был пожалован в дьяки. Великий князь изъявил нескромную радость.

Как бы ободренный смертию опасного злодея, он начал действовать гораздо смелее и решительнее в пользу единовластия. Иоанн Можайский не хотел вместе с ним идти на татар: Великий князь объявил ему войну и заставил его бежать со всем семейством в Литву, куда ушел из Новагорода и сын Шемякин. Жители Можайска требовали милосердия. «Даю вам мир вечный», сказал Великий князь: «отныне навсегда вы мои подданные». Наместники Василиевы остались там управлять народом.

Присвоив себе удел Галицкий, Можайский и Боровский, Василий оставил только Михаила Верейского князем владетельным; других не было: внуки Кирдяпины, несколько лет правив древнею Суздальскою областию в качестве московских присяжников, волею или неволею выехали оттуда. Уже все доходы московские шли в казну Великого князя; все города управлялись его наместниками. Одна Вятка, быв частию Галицкой области, не хотела повиноваться Василию: жители ее, как мы видели, помогали Юрию, Шемяке, Косому, и за несколько лет до того времени сами собою выжгли Устюжскую крепость Гледен. Князь Ряполовский, посланный смирить вятчан, долго стоял у Хлынова и возвратился без успеха: ибо они задобрили воевод московских дарами. В следующий год пошло туда новое сильное войско с

великокняжескою дружиною, со многими князьями, боярами, детьми боярскими; присоединив к себе устюжан, взяло городки Котельнич, Орлов, и покорило вятчан государю московскому. Однако ж дух вольности не мог вдруг исчезнуть в сей народной державе, основанной на законах новогородских. Василий удовольствовался данию и правом располагать ее воинскими силами.

Василий еще не достиг старости: несчастия и душевные огорчения, им претерпенные, изнурили в нем телесные силы. Он явно изнемогал, худел и, думая, что у него сухотка, прибегнул к мнимому целебному средству, тогда обыкновенно употребляемому в оной: жег себе тело горящим трутом; сделались раны, начали гнить, и больной, видя опасность, хотел умереть монахом: его отговорили. Василий написал духовную: утвердил Великое княжение за старшим сыном, Иоанном, вместе с третию московских доходов (другие же две отказал меньшим сыновьям); Юрию отдал Дмитров, Можайск, Серпухов и все имение матери своей, Софии (которая преставилась инокинею в 1453 году); третьему сыну, Андрею большому, Углич, Бежецкий Верх, Звенигород; четвертому, именем Борис, Волок Ламский, Ржев, Рузу и села прабабы его, Марии Голтяевой, по ее завещанию; Андрею меньшему Вологду, Кубену и Заозерье; а матери их Ростов (с условием не касаться собственности тамошних князей), городок Романов, казну свою, все удельные волости, которые бывали прежде за великими княгинями, и все, им купленные или отнятые у знатных изменников (что составляло великое богатство); сверх того клятвою обязал сыновей слушаться родительницы не только в делах семейственных, но и в государственных. Таким образом он снова восстановил уделы, довольный тем, что государство московское (за исключением Вереи) остается подвластным одному дому его, и не заботясь о дальнейших следствиях: ибо думал более о временной пользе своих детей, нежели о вечном государственном благе; отнимал города у других князей только для выгод собственного личного властолюбия; следовал древнему обыкновению, не имев твердости быть навеки основателем новой, лучшей системы правления, или единовластия. Всего страннее то, что Василий в духовном завещаиии *приказывает* супругу и детей своих королю поль-

скому, Казимиру, называя его братом. Оно подписано митрополитом Феодосием, который за год до того времени был поставлен нашими святителями из архиепископов Ростовских на место скончавшегося Ионы.— Василий преставился на сорок седьмом году жизни, хотя несправедливо именуемый первым самодержцем Российским со времен Владимира Мономаха, однако ж действительно приготовив многое для успехов своего преемника: начал худо, не умел повелевать, как отец и дед его; терял честь и державу, но оставил государство московское сильнейшим прежнего: ибо рука божия, как бы вопреки малодушному князю, явно влекла оное к величию, благословив доброе начало Калиты и Донского.

В 1446 году генваря 3, по баснословному сказанию новогородского летописца, шел сильный дождь, и сыпались из тучи на землю рожь, пшеница, ячмень, так, что все пространство между рекою Мстою и Волховцем, верст на пятнадцать, покрылось хлебом, собранным крестьянами и принесенным в Новгород, к радостному изумлению его жителей, угнетаемых дороговизною в съестных припасах.

Сей же летописец, изображая тогдашние несгодья своей отчизны, причисляет к оным и перемену в деньгах. Посадник, тысячский и знатные граждане, избрав пять мастеров, велели им перелить старую серебряную монету и вычитать за труд по деньге с двух гривен; а скоро отменили и старые рубли, или куски серебра, к великому огорчению народа, который долго волновался и кричал, что правительство, подкупленное монетчиками, старается единственно дать им работу, не думая об его убытке. Несколько человек, оговоренных в делании подложной монеты, утопили в Волхове; других ограбили.

Знамя султанское уже развевалось пред вратами св. Романа. Магомет с двумястами тысячами воинов и с тремястами судов приступил к Царьграду, где считалось 100 000 жителей, а вооружилось только пять тысяч, граждан и монахов, для его защиты; другие единственно плакали, молились в церквах и звонили в колокола, чтобы менее трепетать от грома магометовых пушек!

Греки ожидали чуда для их спасения; но случилось, чему необходимо надлежало случиться: Магомет, разрушив стены, по трупам янычаров вошел в город, и славная смерть великодушного царя Константина достойно заключила бытие империи: он пал среди неприятелей,

сказав: «для чего не могу умереть от руки христианина?»... Вероятно, что некоторые из наших единоземцев были очевидными тому свидетелями: по крайней мере летописец московский рассказывает весьма подробно о всех обстоятельствах осады и взятия Константинопольского, с ужасом прибавляя, что храм святой Софии, где послы Владимировы в десятом веке пленились величием и красотою истинного богослужения, обратился в мечеть лжепророка. Греция была для нас как бы вторым отечеством: россияне всегда с благодарностию воспоминали, что она сообщила им и христианство, и первые художества, и многие приятности общежития. В Москве говорили о Цареграде так, как в новейшей Европе со времен Людовика XIV говорили о Париже: не было иного образца для великолепия церковного и мирского, для вкуса, для понятия о вещах. Однако ж, соболезнуя о греках, летописцы наши беспристрастно судят их и турков, изъясняясь следующим образом: «Царство без грозы есть конь без узды. Константин и предки его давали вельможам утеснять народ; не было в судах правды, ни в сердцах мужества; судии богатели от слез и крови невинных, а полки греческие величались только цветною одеждою; гражданин не стыдился вероломства, а воин бегства, и господь казнил властителей недостойных, умудрив царя Магомета, коего воины играют смертию в боях и судии не дерзают изменять совести. Уже не осталось теперь ни единого царства православного, кроме русского. Так исполнилось предсказание св. Мефодия и Льва Мудрого, что измаильтяне овладеют Византиею; исполнится, может быть, и другое, что россияне победят измаильтян и на седьми холмах ее воцарятся». О сем древнем пророчестве мы упоминали в истории Ярослава Великого: оно служило тогда утешением для россиян. Другие народы европейские, не имея тесных связей с Грециею, оставались почти равнодушными к ее бедствию; а папа, Николай V, хвалился, что он предсказал ей гибель за нарушение Флорентийского договора. Хотя кардинал Исидор, плененный в Цареграде турками, но ушедший из неволи, по возвращении в Италию писал ко всем государям западным, что они должны восстать на Магомета, *предтечу антихристова* и *чадо сатаны:* однако ж сие красноречивое послание (внесенное в летописи латинской церкви) осталось без действия. Награжденный за свое усердие и страдание милостию папы, Исидор умер в Риме с именем константинопольского патриарха, и был погребен в церкви св. Петра, до

конца жизни сетовав о падении греческой империи, любезного ему отечества, коего спасению хотел он пожертвовать чистою верою своих предков.

Впрочем, россияне, жалея о Греции, нимало не думали, чтобы могущество новой турецкой империи было и для них опасно. Тогдашняя политика наша не славилась прозорливостию и за ближайшими опасностями не видала отдаленных: улусы и Литва ограничивали круг ее деятельности; ливонские немцы и шведы занимали единственно новогородцев и псковитян; все прочее составляло для нас мир чуждый, предмет одного любопытства, а не государственного внимания.

С Васильева времени сделалась известною *Крымская Орда*, составленная Эдигеем из улусов черноморских. Повествуют, что сей знаменитый князь, готовясь умереть, заклинал многочисленных сыновей своих не делиться: но они разделились и все погибли в междоусобии. Тогда моголы черноморские избрали себе в ханы осьмнадцатилетнего юношу, одного из потомков Чингисовых (как уверяют), именем Ази, спасенного от смерти и воспитанного каким-то земледельцем в тишине сельской. Сей юноша, из благодарности к своему благотворителю приняв *его* имя, назвался Ази-*Гирей*: в память чего и все ханы крымские до самых позднейших времен назывались *Гиреями*. Другие же историки пишут, что Ази-Гирей, сын или внук Тохтамышев, родился в литовском городе Троках, и что Витовт доставил ему господство в Тавриде; по крайней мере сей хан был всегда усердным другом Литвы и не тревожил ее владений, которые простирались до самого устья рек Днепра и Днестра, так что города Кременчуг, Мишурин, Очаков ей принадлежали. Покорив многие улусы в окрестностях Черного моря, Ази-Гирей основал новую независимую Орду Крымскую, обложив данию города Генуэзские в Тавриде, имел сношение с папою и, желая наказать татар волжских за частые их впадения в области Казимировы, разбил врага нашего, хана Седи-Ахмета, который, спасаясь от него бегством, искал пристанище в Литве и был там заключен в темницу: «дело весьма несогласное с государственным благоразумием», пишет историк польский: «способствуя уничижению Волжской Орды, мы готовили себе опасных неприятелей в россиянах, дотоле слабых под ее игом».— Сие новое гнездо хищников, славных под именем татар Крымских, до самых позднейших времен беспокоило наше отечество.

Глава IV

СОСТОЯНИЕ РОССИИ ОТ НАШЕСТВИЯ ТАТАР ДО ИОАННА III

Сравнение России с другими державами.— Следствие нашего ига.— Введение смертной казни и телесных наказаний.— Благое действие веры.— Изменение гражданского порядка.— Начало самодержавия.— Медленные успехи единодержавия.— Постепенная знаменитость Москвы.— Зло имеет и добрые следствия.— Выгоды духовенства.— Характер нашего духовенства.— Мы не приняли обычаев татарских.— Правосудие.— Искусство ратное.— Происхождение козаков.— Купечество.— Изобретения.— Художество.— Словесность.— Пословицы.— Песни.— Язык.

Наконец мы видим пред собою цель долговременных усилий Москвы: свержение ига, свободу отечества. Предложим читателю некоторые мысли о тогдашнем состоянии России, следствии ее двувекового порабощения.

Было время, когда она, рожденная, возвеличенная единовластием, не уступала в силе и в гражданском образовании первейшим европейским державам, основанным на развалинах Западной империи народами германскими; имея тот же характер, те же законы, обычаи, уставы государственные, сообщенные нам варяжскими или немецкими князьями, явилась в новой политической системе Европы с существенными правами на знаменитость и с важною выгодою быть под влиянием Греции, единственной державы, не ниспроверженной варварами. Правление Ярослава Великого есть без сомнения сие счастливое для России время: утвержденная и в христианстве и в порядке государственном, она имела наставников совести, училища, законы, торговлю, многочисленное войско, флот, единодержавие и свободу гражданскую. Что в начале XI века была Европа? феатром поместного (феодального) тиранства, слабости венценосцев, дерзости баронов, рабства народного, суеверия, невежества. Ум Альфреда и Карла Великого блеснул во мраке, но ненадолго; осталась их память: благодетельные учреждения и замыслы исчезли вместе с ними.

Но разделение нашего отечества и междоусобные войны, истощив его силы, задержали россиян и в успехах гражданского образования: мы стояли или двигались медленно, когда Европа стремилась к просвещению. Крестовые походы сообщили ей сведения и художе-

ства Востока; оживили, распространили ее торговлю. Селения и города откупались от утеснительной власти баронов; государи по собственному движению давали гражданам права и выгоды, благоприятные для общей пользы, для промышленности и для самых нравов; лучшая исправа (полиция) земская начинала обуздывать силу, ограждать безопасностию пути, жизнь и собственность. Обретение Юстинианова кодекса в Амальфи было счастливою эпохою для европейского правосудия: понятия людей о сем важном предмете гражданства сделались яснее, основательнее. Всеобщее употребление языка латинского доставляло способ и духовным и мирянам черпать мысли и познания в творениях древних, уцелевших в наводнение варварства. Одним словом, с половины XI века состояние Европы явно переменялось в лучшее; а Россия со времен Ярослава до самого Батыя орошалась кровию и слезами народа. Порядок, спокойствие, столь нужные для успехов гражданского общества, непрестанно нарушались мечом и пламенем княжеских междоусобий, так, что в XIII веке мы уже отставали от держав западных в государственном образовании.

Нашествие Батыево испровергло Россию. Могла угаснуть и последняя искра жизни; к счастию, не угасла: имя, бытие сохранилось; открылся только новый порядок вещей, горестный для человечества, особенно при первом взоре: дальнейшее наблюдение открывает и в самом зле причину блага, и в самом разрушении пользу целости.

Сень варварства, омрачив горизонт России, сокрыла от нас Европу в то самое время, когда благодетельные сведения и навыки более и более в ней размножались, народ освобождался от рабства, города входили в тесную связь между собою для взаимной защиты в утеснениях; изобретение компаса распространило мореплавание и торговлю, ремесленники, художники, ученые ободрялись правительствами; возникали университеты для вышних наук; разум приучался к созерцанию, к правильности мыслей; нравы смягчались; войны утратили свою прежнюю свирепость; дворянство уже стыдилось разбоев, и благородные витязи славились милосердием к слабым, великодушием, честию; обходительность, людскость, учтивость сделались известны и любимы. В сие же время Россия, терзаемая моголами, напрягала силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть: нам было не до просвещения!

Если бы моголы сделали у нас то же, что в Китае, в Индии, или что турки в Греции; если бы, оставив степь и кочевание, переселились в наши города: то могли бы существовать и доныне в виде государства. К счастию, суровый климат России удалил от них сию мысль. Ханы желали единственно быть нашими господами *издали*, не вмешивались в дела гражданские, требовали только серебра и повиновения от князей. Но так называемые послы *ординские* и баскаки, представляя в России лицо хана, делали, что хотели; самые купцы, самые бродяги могольские обходились с нами как с слугами презрительными. Что долженствовало быть следствием? нравственное унижение людей. Забыв гордость народную, мы выучились низким хитростям рабства, заменяющим силу в слабых; обманывая татар, более обманывали и друг друга: откупаясь деньгами от насилия варваров, стали гораздо корыстолюбивее и гораздо бесчувственнее к обидам, к стыду, подверженные наглостям иноплеменных тиранов. От времен Василия Ярославича до Иоанна Калиты (период самый несчастнейший!) отечество наше походило более на темный лес, нежели на государство: сила казалась правом; кто мог, грабил: не только чужие, но и свои; не было безопасности ни в пути, ни дома; татьба сделалась общею язвою собственности. Когда же сия ужасная тьма неустройства начала проясняться, оцепенение миновало, и закон, душа гражданских обществ, восприянул от мертвого сна; тогда надлежало прибегнуть к строгости, неизвестной древним россиянам. Нет сомнения, что жестокие судные казни означают ожесточение сердец и бывают следствием частых злодеяний. Добросердечный Мономах говорил детям: «не убивайте виновного; жизнь христианина священна»: не менее добросердечный победитель Мамаев, Димитрий, уставил торжественную смертную казнь, ибо не видал иного способа устрашать преступников. Легкие денежные пени могли некогда удерживать наших предков от воровства; но в XIV столетии уже вешали татей. Россиянин Ярославова века знал побои единственно в драке: иго татарское ввело телесные наказания; за первую кражу клеймили, за вины государственные секли кнутом. Был ли действителен стыд гражданский там, где человек с клеймом вора оставался в обществе? — Мы видели злодеяния и в нашей древней истории: но сии времена представляют нам черты гораздо ужаснейшего свирепства в исступлениях княжеской и народной злобы; чувство угнетения, страх, ненависть, господствуя в душах, обык-

новенно производят мрачную суровость во нравах. Свойства народа изъясняются всегда обстоятельствами; однако ж действие часто бывает долговременнее причины: внуки имеют некоторые добродетели и пороки своих дедов, хотя живут и в других обстоятельствах. Может быть, самый нынешний характер россиян еще являет пятна, возложенные на него варварством моголов.

Некоторые думали, что суеверие обезоруживало нас против сих тиранов; что россияне видели в них бич гнева небесного и не дерзали восстать на исполнителей вышней мести, подобно как чернь доныне мыслит, что нельзя обыкновенными средствами угасить пожара, произведенного молнию. История не доказывает того: россияне неоднократно изъявляли самую безрассудную дерзость в усилиях свергнуть иго; недоставало согласия и твердости. Но заметим, что вместе с ными благородными чувствами ослабела в нас тогда и храбрость, питаемая народным честолюбием. Прежде князья действовали мечом: в сие время низкими хитростями, жалобами в Орде. Древние полководцы наши, воспаляя мужество в воинах, говорили им о стыде и славе: герой Донской битвы о венцах мученических. Если мы в два столетия, ознаменованные духом рабства, еще не лишились всей нравственности, любви к добродетели, к отечеству: то прославим действие веры; она удержала нас на степени людей и граждан, не дала окаменеть сердцем, ни умолкнуть совести; в уничижении имени русского мы возвышали себя именем христиан и любили отечество как страну православия.

Внутренний государственный порядок изменился: все, что имело вид свободы и древних гражданских прав, стеснилось, исчезало. Князья, смиренно пресмыкаясь к Орде, возвращались оттуда грозными властелинами: ибо повелевали именем царя верховного. Совершилось при моголах легко и тихо, чего не сделал ни Ярослав Великий, ни Андрей Боголюбский, ни Всеволод III: в Владимире и везде, кроме Новагорода и Пскова, умолк вечевый колокол, глас вышнего народного законодательства, столь часто мятежный, но любезный потомству славяноруссов. Сие отличие и право городов древних уже не было достоянием новых: ни Москвы, ни Твери, коих знаменитость возникла при моголах. Только однажды упоминается в летописях о вече московском, как действии чрезвычайном, когда столица, угрожаемая свирепым неприятелем, оставленная государем, видела себя в крайности без начальства. Города лишились права избирать

тысячских, которые важностию и блеском своего народного сана возбуждали зависть не только в княжеских чиновниках, но и в князьях.

Происхождение наших бояр теряется в самой глубокой древности: сие достоинство могло быть еще старее княжеского, означая витязей и граждан знатнейших, которые в славянских республиках предводительствовали войсками, судили и рядили землю. Хотя оно не было, кажется, никогда наследственным, а только личным; хотя в России давалось после государем: но каждый из древних городов имел своих особенных бояр как знатнейших чиновников народных, и самые княжеские бояре пользовались каким-то правом независимости: так в договорных грамотах XIV и XV веков обыкновенно подтверждалась законная свобода бояр переходить из службы одного князя к другому; недовольный в Чернигове, боярин с своею многочисленною дружиною ехал в Киев, в Галич, в Владимир, где находил новые поместья и знаки всеобщего уважения. Одним словом, сии государственные сановники издревле казались народу мужами верховными и, занимая везде первые места вокруг престолов, составляли у нас некоторую аристократию. Но когда южная Россия обратилась в Литву; когда Москва начала усиливаться, присоединяя к себе города и земли; когда число владетельных князей уменьшилось, а власть государева сделалась неограниченнее в отношении к народу: тогда и достоинство боярское утратило свою древнюю важность. Где боярин Василия Темного, им оскорбленный, мог искать иной службы в отечестве? Уже и слабая Тверь готовилась зависеть от Москвы.— Власть народная также благоприятствовала силе бояр, которые, действуя чрез князя на граждан, могли и чрез последних действовать на первого: сия опора исчезла. Надлежало или повиноваться государю, или быть изменником, бунтовщиком: не оставалось средины и никакого законного способа противиться князю.— Одним словом, рождалось самодержавие.

Сия перемена, без сомнения неприятная для тогдашних граждан и бояр, оказалась величайшим благодеянием судьбы для России. Удержав некоторые обыкновения свободы, естественной только в малых областях, предки наши не могли обуздывать ими воли государя единодержавного, каков был Владимир Святой или Ярослав Великий, но пользовались оными во время раздробления государства, и борение двух властей, княжеской с народною, еще более ослабляло силу его. Если Рим спасался

диктатором в случае великих опасностей, то Россия, обширный труп после нашествия Батыева, могла ли иным способом оживиться и воскреснуть в величии? Требовалось единой и тайной мысли для намерения, единой руки для исполнения: ни шумные соимы народные, ни медленные думы аристократии не произвели бы сего действия. Народ и в самом уничижении ободряется и совершает великое, но служа только орудием, движимый, одушевляемый силою правителей. Власть боярская производила у нас *боярские смуты.* Совет вельмож иногда внушает мудрость государю, но часто волнуется и страстями. Бояре нередко питали междоусобие князей российских; нередко даже судились с ними в Орде, обнося их пред ханами. Самодержавие, искоренив сии злоупотребления, устранило важные препятствия на пути России к независимости, и таким образом возникало вместе с единодержавием до времен Иоанна III, которому надлежало совершить то и другое.

История свидетельствует, что есть время для заблуждений и для истины: сколько веков россияне не могли живо увериться в том, что соединение княжений необходимо для их государственного благоденствия? Некоторые венценосцы начинали сие дело, но слабо, без ревности, достойной оного; а преемники их опять все разрушали. Даже и Москва, более Киева и Владимира наученная опытами, как медленно и недружно двигалась к государственной целости!

Москва, будучи одним из беднейших уделов Владимирских, ступила первый шаг к знаменитости при Данииле, которому внук Невского, Иоанн Димитриевич, отказал Переславль Залесский, и который, победив Рязанского князя, отнял у него многие земли. Сын Даниилов, Георгий, зять хана Узбека, присоединил к своей области Коломну, завоевал Можайск и выходил себе в Орде великое княжение Владимирское; а брат Георгиев, Иоанн Калита, погубив Александра Тверского, сделался истинным главою всех иных князей, обязанный тем не силе оружия, но единственно милости Узбековой, которую снискал он умною лестию и богатыми дарами.

Предложим замечание любопытное: *иго татар обогатило казну великокняжескую*, исчислением людей, установлением поголовной дани и разными налогами, дотоле неизвестными, собираемыми будто бы для хана, но хитростию князей обращенными в их собственный доход: баскаки, сперва тираны, а после мздоимные друзья наших владетелей, легко могли быть обманываемы в за-

труднительных счетах. Народ жаловался, однако ж платил; страх всего лишиться изыскивал новые способы приобретения, чтобы удовлетворять корыстолюбию варваров. Таким образом мы понимаем удивительный избыток Иоанна Данииловича, купившего не только множество сел в разных землях, но и целые области, где малосильные князья, подверженные наглости моголов и теснимые его собственным властолюбием, волею или неволею уступали ему свои наследственные права, чтобы иметь в нем защитника для себя и народа. Сии так называемые *окупные князьки* оставались между тем в своих проданных владениях, пользуясь некоторыми доходами и выгодами. Углич, Белоозеро, Галич, Ростов, Ярославль сделались снова городами великокняжескими, как было при Всеволоде III.

Так возвеличил Москву Иоанн Калита, и внук его, Димитрий, дерзнул на битву с ханом. Сей герой не приобрел почти ничего, кроме славы; но слава умножает силы — и наследник Димитриев, ласкаемый, честимый в Орде, возвратился оттуда с милостивым ярлыком или с жалованною грамотою на Суздаль, Городец, Нижний; восстановил таким образом *древнее Суздальское великокняжение Боголюбского* во всей полноте оного, и мирным присвоением бывших уделов Черниговских — Мурома, Торусы, Новосиля, Козельска, Перемышля — распространил московскую державу, которая, с прибавлением Вятки, составляла уже знатную часть древней единовластной России Ярослава Великого, будучи сверх того усилена внутри твердейшим началом самодержавия. Рюрик, Святослав, Владимир брали земли мечом: князья московские поклонами в Орде — действие, оскорбительное для нашей гордости, но спасительное для бытия и могущества России! Ярослав обуздывал народ и бояр своим величием: смиренные тиранством ханов, они уже не спорили о правах с государем московским, требуя от него единственно покоя и безопасности со стороны моголов; видели прежних владетельных князей слугами Донского, Василия Димитриевича, Темного и менее жалели о своей древней вольности.

История не терпит оптимизма и не должна в происшествиях искать доказательств, что все делается к лучшему: ибо сие мудрование несвойственно обыкновенному здравому смыслу человеческому, для коего она пишется. Нашествие Батыево, кучи пепла и трупов, неволя, рабство толь долговременное, составляют, конечно, одно из величайших бедствий, известных нам по летописям го-

сударств; однако ж и благотворные следствия оного несомнительны. Лучше, если бы кто-нибудь из потомков Ярославовых отвратил сие несчастие восстановлением единовластия в России и правилами самодержавия, ей свойственного, оградил ее внешнюю безопасность и внутреннюю тишину: но в два века не случилось того. Могло пройти еще сто лет и более в княжеских междоусобиях: чем заключились бы оные? вероятно, погибелию нашего отечества: Литва, Польша, Венгрия, Швеция могли бы разделить оное; тогда мы утратили бы и государственное бытие и веру, которые спаслися Москвою: Москва же обязана своим величием ханам.

Одним из достопамятных следствий татарского господства над Россиею было еще возвышение нашего духовенства, размножение монахов и церковных имений. Политика ханов, утесняя народ и князей, покровительствовала церковь и ее служителей; изъявляла особенное к ним благоволение; ласкала митрополитов и епископов; снисходительно внимала их смиренным молениям и часто, из уважения к пастырям, прелагала гнев на милость к пастве.

Ханы под смертною казнию запрещали своим подданным грабить, тревожить монастыри, обогащаемые вкладами, имением движимым и недвижимым. Всякий, готовясь умереть, что-нибудь отказывал церкви, особенно во время язвы, которая столь долго опустошала Россию. Владения церковные, свободные от налогов ординских и княжеских, благоденствовали; сверх украшения храмов и продовольствия епископов, монахов, оставалось еще не мало доходов на покупку новых имуществ. Новогородские святители употребляли Софийскую казну в пользу государственную; но митрополиты наши не следовали сему достохвальному примеру. Народ жаловался на скудость: иноки богатели.

В раздорах княжеских митрополиты бывали посредниками, но избираемыми единственно с обоюдного согласия, без всякого действительного права; ручались в истине и святости обетов, но могли только убеждать совесть, не касаясь *меча мирского,* сей обыкновенной угрозы пап для ослушников их воли; отступая же иногда от правил христианской любви и кротости, действовали так в угодность государям, от коих они совершенно зависели, ими назначаемые и свергаемые. Одним словом, церковь наша вообще не изменялась в своем главном, первобытном характере, смягчая жестокие нравы, умеряя неистовые страсти, проповедуя и христианские и госу-

дарственные добродетели. Милости ханские не могли ни задобрить, ни усыпить ее пастырей: они в Батыево время благословляли россиян на смерть великодушную, при Димитрии Донском на битвы и победу. Когда Василий Темный ушел из осажденной Москвы, старец, митрополит Иона, взял на себя отстоять Кремль или погибнуть с народом, и наконец, буде верить летописям, в восторге духа предвестил Василию близкую независимость России.

Таким образом имев вредные следствия для нравственности россиян, но благоприятствовав власти государей и выгодам духовенства, господство моголов оставило ли какие иные следы в народных обычаях, в гражданском законодательстве, в домашней жизни, в языке россиян? Слабые обыкновенно заимствуют от сильных. Князья, бояре, купцы, ремесленники наши живали в улусах, а вельможи и купцы Ординские в Москве и в других городах. Но татары были сперва идолопоклонники, после магометане: мы называли их обычаи *погаными;* и чем удобнее принимали византийские, освященные для нас христианством, тем более гнушались татарскими, соединяя их в нашем понятии с ненавистным зловерием. К тому же, несмотря на унижение рабства, мы чувствовали свое гражданское превосходство в отношении к народу кочующему. Следствием было, что россияне вышли из-под ига более с европейским, нежели азиатским характером. Европа нас не узнавала: но для того, что она в сии 250 лет изменилась, а мы остались, как были. Ее путешественники XIII века не находили даже никакого различия в одежде нашей и западных народов: то же без сомнения могли бы сказать и в рассуждении других обычаев. Как в Италии, Франции, Англии с падения Рима, так у нас с призвания князей варяжских все в главных чертах сделалось немецким, смешенным с остатками первобытных обычаев, славянских: к чему после присоединилось занятое нами от греков. Древний характер славян являл в себе нечто азиатское; являет и доныне: ибо они, вероятно, после других европейцев удалились от востока, коренного отечества народов. Не татары выучили наших предков стеснять женскую свободу и человечество в холопском состоянии, торговать людьми, брать законные взятки в судах (что некоторые называют азиатским обыкновением): мы все то видели у славян и россиян гораздо прежде. В языке нашем довольно слов восточных: но их находим и в других славянских наречиях; а некоторые

особенные могли быть заимствованы нами от козаров, печенегов, ясов, половцев, даже от сарматов и скифов: напрасно считают оные татарскими, коих едва ли отыщется 40 или 50 в словаре российском. Новые понятия, новые вещи требуют новых слов: что народ гражданский мог узнать от кочующего?

Татары не вступались в наши судные дела гражданские. Во всех московских владениях государь давал законы и судил чрез своих наместников и дворян: недовольные ими жаловались ему; ни в летописях, ни в грамотах сего времени не упоминается о приказах. От наместника зависели дворские и сотники: первые судили холопей, вторые поселян; так было и в уделах. Тяжбы между подданными двух разных княжений решились боярами, с обеих сторон избираемыми: в случае их несогласия назначался посредник, или *Третейский суд*, коего решение уже всегда исполнялось. Правосудие тогдашнее не имело, по-видимому, твердого основания и большею частию зависело от произвола судящих. *Русская Правда* лишилась достоинства и силы общего народного уложения, вместо коего давали судьям наказы или грамоты княжеские, весьма краткие, неопределительные. Кроме Двинской судной грамоты Василия Димитриевича мы имеем еще две пятого — надесять века: Псковскую и Новогородскую. В обеих говорится о *законных поединках* в случае доноса сомнительного. Такое странное обыкновение господствовало в целой Европе несколько веков, заступив место *искушений посредством огня и воды*. В *Русской Правде* нет еще ни слова о сих поединках; но в 1228 году они уже были в России способом доказывать свою невинность пред судиями, и назывались *Полем*.

Вообще с XI века мы не подвинулись вперед в гражданском законодательстве; но, кажется, отступили назад к первобытному невежеству народов в сей важной части государственного благоустройства: чему виною были замешательства и непостоянство в правлении внутреннем. Князья, не уверенные в твердости своих престолов, судя народ по необходимости и для собственного прибытка, старались уменьшать для себя затруднения: совесть, присяга, здравый ум естественный казались самым простейшим способом решить тяжбы согласно с древними обыкновениями и без всяких письменных, общих правил. Законодатель определял единственно род наказаний и денежные пени для главных преступлений: смертоубийства, воровства и проч. Суд духовный, осно-

ванный на Кормчей книге, или Номоканоне, был не лучше гражданского: ибо сии законы греческие во многом не шли к России и долженствовали часто уступать место произволу судей. В таком состоянии находилось правосудие и в других землях европейских около десятого века; но в пятом — надесять, имея училища законоведения и римское право, Европа в сем отношении уже далеко нас опередила.

Не менее отстали мы и в искусстве ратном: крестовые походы, дух рыцарства, долговременные войны и наконец образование строевых, всегдашних войск произвели великие успехи оного во Франции и в других землях; а мы, кроме пороха, в течение сих веков не узнали и не приобрели ничего нового. Состав нашей рати мало изменился. Все главные чиновники государственные: бояре *старшие, большие, путные* (или поместные, коим давались земли, доходы казенные, *путевые* и другие), *окольничие*, или ближние к государю люди, и дворяне были истинным сердцем, лучшею, благороднейшею частию войска и собственно именовались *двором великокняжеским.* Второй многочисленнейший род записных людей воинских назывался *детьми боярскими:* в них узнаем прежних боярских отроков; а княжеские обратились в дворян. Всякий древний, областной город, имея своих бояр, имел и детей боярских, которые составляли воинскую дружину первых. Купцы и граждане без крайности не вооружались, а земледельцы никогда. Герой Донской умел вывести в поле 150 000 ратников; но для сего требовалось усилий необыкновенных. Часто войско не успевало собраться, когда неприятель уже стоял под Москвою. Древние обычаи не скоро уступают место лучшим. Чтобы иметь всегда полки готовые и не распускать их, надлежало бы определить им жалованье: государи наши скупились или не могли сделать того без отягощения подданных налогами.

Иностранные писатели говорят, что россияне сего времени сражались подобно моголам: «не стоя на месте, а на скаку действуя стрелами и копьями, то нападая, то вдруг отступая». Но летописи наши доказывают противное, хотя главное и лучшее войско состояло всегда из конницы, однако ж мы имели и пехоту: становились в ряды сомкнутые; отделяли часть войска вперед, чтобы открыть или удерживать неприятеля, а другую скрывали в засаде; одни полки начинали битву, другие ждали времени и случая ударить на врага; в средине находились обыкновенно так называемые *большие* или

княжеские знамена под защитою дворян. Мы умели пользоваться местом; располагались станом за оврагами и дебрями. Полководцы наши изъявляли иногда смелую решительность великого ума воинского, как герой Донской, быстрым движением предупредив соединение Мамая с Ягайлом. Куликовская битва достопамятна не только храбростию, но и самым искусством. Александр Невский также показал оное в сражении со шведами и с ливонскими меченосцами. Летописцы отменно славят ратный ум Димитрия Волынского, победителя болгаров, Олегова и Мамаева: чем в государствование Темного отличались князь Василий Оболенский и московский дворянин Феодор Басенок.— Однако ж россияне XIV и XV века вообще не могли равняться с предками сво. ми в опытности воинской, когда частые битвы с неприятелями внешними и междоусобные не давали засыхать крови на их мечах, и когда они, так сказать, жили на поле сражения. Кровь лилася и во время ига ханского, но редко в битвах: видим много убийств, но гораздо менее ратных подвигов.

Заметим, что летописи времен Василия Темного в 1444 году упоминают о *козаках* Рязанских, особенном легком войске, славном в новейшие времена. И так козаки были не в одной Украйне, где имя их сделалось известно по истории около 1517 года; но вероятно, что оно в России древнее Батыева нашествия, и принадлежало торкам и берендеям, которые обитали на берегах Днепра, ниже Киева. Там находим и первое жилище малороссийских козаков. Торки и берендеи назывались *черкасами:* козаки также. Вспомним *касогов,* обитавших, по нашим летописям, между Каспийским и Черным морем; вспомним и страну *Казахию,* полагаемую императором Константином Багрянородным в сих же местах; прибавим, что осетинцы и ныне именуют черкесов *касахами,* столько обстоятельств вместе заставляют думать, что торки и берендеи, называясь *черкасами,* назывались и *козаками;* что некоторые из них, не хотев покориться ни моголам, ни Литве, жили как вольные люди на островах Днепра, огражденных скалами, непроходимым тростником и болотами; приманили к себе многих россиян, бежавших от угнетения; смешались с ними и под именем *козаков* составили один народ, который сделался совершенно русским, тем легче, что предки их, с десятого века обитав в области Киевской, уже сами были почти русскими. Более и более размножаясь числом, питая дух независимости и братства, козаки образовали

воинскую христианскую республику в южных странах Днепра, начали строить селения, крепости в сих опустошенных татарами местах; взялись быть защитниками литовских владений со стороны крымцев, турков и снискали особенное покровительство Сигизмунда I, давшего им многие гражданские вольности вместе с землями выше Днепровских порогов, где город *Черкасы* назван их имением. Они разделились на *сотни* и *полки*, коих глава или гетман в знак уважения получил от государя польского, Стефана Баторя, знамя королевское, бунчук, булаву и печать. Сии-то природные воины, усердные к свободе и к вере греческой, долженствовали в половине XVII века избавить Малороссию от власти иноплеменников и возвратить нашему отечеству древнее достояние оного.— Собственно так называемые козаки *Запорожские* были частию малороссийских: Сеча их, или земляная крепость ниже Днепровских порогов, служила сперва сборным местом, а после сделалась жилищем холостых козаков, не имевших никакого промысла, кроме войны и грабежа.— Вероятно, что пример украинских козаков, всегда вооруженных и готовых встретить неприятеля, дал мысль и северным городам нашим составить подобное земское войско. Область Рязанская, наиболее подверженная нападению ординских хищников, имела и более нужды в таких защитниках. Люди молодые, бездомовные, записывались в козаки, побуждаемые к тому или некоторыми особенными, гражданскими выгодами — может быть, освобождением от всяких податей — или прелестию добычи воинской. В истории следующих времен увидим *козаков ординских, азовских, ногайских* и других: сие имя означало тогда *вольницу*, *наездников*, *удальцев*, но не *разбойников*, как некоторые утверждают, ссылаясь на лексикон турецкий: оно без сомнения не бранное, когда витязи мужественные, умирая за вольность, отечество и веру, добровольно так назвалися.

Россия, несмотря на все бедствия, нанесенные ей моголами, в XIV и в XV веке имела знатное купечество. Древний, славный *путь греческий* для нас закрылся: открылись новые пути торговли, с востоком через Орду, с Константинополем и с западом чрез Азов посредством реки Дона. Купцы, торгующие шелковыми тканями, назывались в Москве *сурожанами*, по имени Сурожского или Азовского моря: ибо они привозились к нам из Азова. Сии купцы были главными, вместе *с суконниками*, которые продавали немецкие сукна, получая оные

из Новагорода, где цвела торговля ганзейская. За сии иностранные произведения мы платили мехами. Россия была тогда привольем зверей, птиц и ловцов. Еще непроходимые, дремучие леса осеняли большую часть земли: тишина, царствуя в глубоком уединении пустынь, благоприятствовала размножению всякого рода животных. Как в XI столетии дикие кони, буйволы, вепри, олени стадами гуляли в лесах южной России, так в северной около пятого-надесять века бобры, козы, лоси витали на свободе; лебеди стаями плавали на реках и озерах. Россия, скудная людьми — от недавности своего населения, от меча, от пленения, от частых голодов и язвы — тем более изобиловала дикими сокровищами природы, коих источники всегда иссякают от возрастающего многолюдства. Ординские купцы живали в Москве, в Твери, в Ростове; они доставляли нам товары ремесленной Азии и лошадей, а брали в обмен (сверх драгоценных мехов, наших собственных и пермских) множество ловчих птиц, соколов, кречетов, привозимых в Великое княжение из Двинской земли. Вероятно, что россияне передавали моголам и немецкие сукна, так же, как немцам плоды азиатского ремесла. Казань заступила место древнего царства Болгарского: купцы московские и другие торговали в ней с востоком.— Ханы для своих выгод покровительствовали у нас торговлю, чтобы мы, обогащаясь ею, тем исправнее платили ординскую дань. Славный венецианский путешественник, Марко Пауло, быв около 1270 года в Великой Татарии, в Персии и на берегах Каспийского моря, говорит о *хладной* России, сказывая, что ее жители белы, вообще хороши лицом, и что она богата *собственными серебряными рудниками:* мы не имели их, но действительно могли хвалиться знатным количеством серебра, получаемого нами от немецких купцов и через Югру из Сибири. Новогородцы обещали Михаилу Тверскому 6000 фунтов серебра, а Витовту действительно заплатили около шестидесяти пудов: что прежде открытия Америки было весьма много. Не знаем за-подлинно, сколько мы ежегодно давали ханам; однако ж известно, что в 1384 году с каждой *деревни* собиралось для них около 12 золотников серебра: а *деревня* состояла тогда обыкновенно из двух или трех дворов. Города платили иногда и золотом. Кроме сего земледельцы вносили в казну великокняжескую по гривне с сохи; кузнецы, рыбаки, лавочники также по гривне (что составляло более двух золотников серебра). Дань ханская отчасти возвращалась

к нам из Орды торговлею. Наконец мы столько имели серебра, что могли отменить мордки или *куны,* древние наши *ассигнации,* бывшие не менее пяти сот лет в обращении, и весьма полезные для успехов промышленности за недостатком в металлах. Казна, соблюдая умеренность в выпуске сих кожаных знаков, умела держать их в цене до самого нашествия Батыева: тогда упали куны, ибо моголы не хотели их брать вместо серебра; они ходили еще несколько времени в Новегороде и Пскове, не имевших тесной связи с Ордою; но скоро и там исчезли от затруднения в торговых счетах с другими россиянами, которые уже не признавали достоинства *мордок:* что прежде называлось *кунами,* стало называться *деньгами* — и древняя кожаная гривна, оцененная на серебро, обратилась в десятую часть рубля. Нет сомнения, что сия перемена имела вредные следствия для внутренней торговли, вдруг уменьшив в России количество денег. Города купеческие имели серебро; но другие, менее торговые, долженствовали нуждаться в знаках для оценки вещей: так в земле Двинской, по уничтожении кожаных лоскутков, называемых кунами и векшами, опять ходили действительные шкуры куниц и белок вместо денег, как было у нас в самую глубокую древность; то есть возобновилась непосредственная мена вещей, обыкновенная в состоянии полудиких народов.

Касательно нашей внутренней торговли заметим, что ее свобода и выгоды обыкновенно входили в условия государственных постановлений. Владетельные князья, определяя легкие законные пошлины с купеческих возов и лодок, прибавляли в договорных грамотах: «а купцам торговать без *рубежа* или без *зацепок*».

Хотя моголы как бы заградили нас от Европы; хотя уже венценосцы ее не вступали с нашими в брачные союзы, и кроме Иннокентиева посольства к Александру Невскому, кроме Исидорова путешествия в Италию, не было у нас никаких государственных сношений с Западом; хотя вообще иностранные летописи сего времени почти не упоминают о России: однако ж, через торговые связи Новагорода с Германиею, москвитяне довольно скоро узнавали важнейшие европейские открытия, как то изобретение бумаги и пороха. В XV веке мы уже перестали употреблять хартию или пергамен, заменив его гораздо дешевейшею тряпичною бумагою, покупаемою у немцев, которые доставляли нам и снаряд огнестрельный. Москва и Галич оборонялись пушками; но в описании полевых битв говорится только о стрелах, ме-

чах и копьях: кажется, что пушки и пищали употреблялись единственно для защиты городов.— К художествам русским прибавилось одно новое: монетное; по крайней мере со времен Ярослава Великого мы не имели оного. Монетчики назывались *денежниками.*— Памятниками тогдашнего зодчества остались некоторые довольно красивые церкви, в Москве и в других местах. По летописям известно, что св. Ольга жила в каменном дворце: в Москве же, кроме церквей и городских стен, не было ни одного каменного здания до XV века: ибо князья и вельможи предпочитали деревянные домы как благоприятнейшие для здоровья. Сверх того частые мятежи и государственные неустройства отвращали самых богатых людей от мысли строить долговременно и прочно; где нет твердого порядка гражданского, там редко бывают и твердые здания.

Нет сомнения, что древний Киев, украшенный памятниками византийских художеств, оживляемый стечением купцов иностранных, греков, немцев, италиянцев, превосходил Москву пятого-надесять века во многих отношениях. Мы загрубели, однако ж не столько, чтобы ум лишился всей животворной силы своей и не оказывал ни в чем успехов. Греция до самого ее падения не переставала действовать на Россию: брала от нас серебро, но давала нам вместе с мощами и книги. Основанием московской Патриаршей библиотеки, известной в ученой Европе, была митрополитская, заведенная во время господства ханского над Россиею и богатая не только церковными рукописями, но и древнейшими творениями греческой словесности. Знание еллинского языка составляло ученость, почти необходимую для знатнейшего духовенства, которое находилось в непрестанных сношениях с Царемградом. Таким образом церковная наша зависимость, вредная в смысле политики, благоприятствовала у нас просвещению; то есть не давала ему совершенно угаснуть, по крайней мере в духовенстве. Любопытные миряне искали сведений в монастырях: вопрошали иноков о предметах христианства и нравственности, о самых государственных деяниях времен минувших: ибо там жила история российская, как и прежде; там, усердным пером черноризцев, она изображала плачевную судьбу отечества, мешая повествование с наставлениями. Волынский летописец приводит места из Гомера: московский упоминает о Пифагоре и Платоне. Кроме церковных или душеспасительных книг, мы имели от греков всемирные летописи и разные истори-

ческие, нравственные, баснословные повести; например: *о храбрости Александра Македонского,* перевод Арриана — о *Синагрипе,* царе *Адоров* — о *витязях древности* — *о богатствах Индии,* и *проч.* Вторая из сих повестей есть арабская (изданная на французском языке в продолжении *Тысячи одной ночи):* вероятно, что она в XIII или в XIV веке была переведена на русский с греческого. Между тогдашними произведениями собственной нашей словесности достопамятны пиитическое изображение Куликовской битвы и похвала Димитрию Донскому. Первое, сочиненное рязанцем, иереем Софронием, многими чертами напоминает *Слово о полку Игореве,* хотя и менее стихотворно. Например: «Князь Владимир так говорит Димитрию: Воеводы наши крепки, витязи русские славны, кони их борзы, доспехи тверды, щиты червленые, копья злаченые, сабли булатные, *курды* ляцкие, колчаны фряжские, сулицы немецкие; все пути знакомы им, берега Оки сведомы. Хотят витязи положить свои головы за веру христианскую и за обиду Великого князя Димитрия..... Великая княгиня Евдокия с иными женами воеводскими сидит печально в златоверхом тереме, под окнами южными, смотрит вслед супругу милому, льет слезы ручьями, и приложив руки к персям, так вещает: Боже великий! умоляю тебя смиренно, сподоби меня еще видеть моего друга, славного между людьми, князя Димитрия! Помоги ему на врагов рукою крепкою! Да не падут христиане от Мамая неверного, как пали некогда от злого Батыя! Да спасется остаток их и да славит имя твое святое! Уныла земля Русская: только на тебя уповаем, око всевидящее! Имею двух младенцев беззащитных: кому закрыть их от ветра бурного, от зноя палящего? Возврати им отца, да царствуют во веки!.....

Славный Волынец, муж исполинный ратной мудрости, накануне битвы, в глубокую ночь, зовет Великого князя в чистое поле, да узнает там судьбу отечества. Впереди стан Мамаев: за ними российский. *Внимай!* сказал Волынец... и Димитрий, обратяся к Мамаеву стану, слышит стук и клич, подобный шуму многолюдного торжища или созидаемого града, или звуку труб бесчисленных. Далее грозно воют звери и кричат вороны; гуси и лебеди плещут крылами по реке Непрядве и предвещают грозу необычайную. *Обратися к стану русскому!* говорит Волынец — *что слышишь? ... Все тихо,* ответствует Димитрий: *вижу только слияние огней небесных с блестящими зарями ...* Волынец сходит с коня;

ухом приникает к земле; слушает долго; встает и безмолвствует. Великий князь требует отповеди. *Добро и зло ожидает нас,* говорит ему сей мудрый витязь: *плачут обе страны, единая как вдовица, другая как дева жалобным гласом свирели. Ты победишь, Димитрий; но много, много падет наших!* Димитрий пролил слезы....

Сходятся рати под густою мглою. Знамена христианские воспрянули; кони под всадниками присмирели; звучат трубы наши громко, татарские глухо. Стоит земля на восток до моря, на запад до реки Дуная. Поле от тягости перегибается; воды из берегов выступают..... Час настал. Каждый воин, ударив по коню, воскликнул: *Господи! помоги христианам!* и быстро вперед устремился... Сразились, не только оружием, но и *сами о себя избивая друг друга;* умирали под ногами конскими; задыхались от тесноты на поле Куликове. Зари кровавые блистают от сияния мечей; лес копий трещит и ломается. Удалые витязи наши как величественная дубрава склонялись на землю. О чудо! разверзлося небо над полками Димитрия; видим светлое облако, исполненное рук человеческих, которые держат лучезарные венцы для победителей... И се воины князя Владимира рвутся из засады на Мамая как соколы на стадо гусиное, как гости на пир брачный; ударили, и враг бежит, восклицая: *увы тебе, Мамай! вознесся до небес, и в ад нисходишь!»* и проч.

В похвальном слове Димитрию есть сила и нежность. Описывая добродетели сего Великого князя, сочинитель говорит: «Некоторые люди заслуживают похвалу в юношестве, другие в лета средние, или в старости: Димитрий всю жизнь совершил во благе. Приняв власть от бога, он с богом возвеличил землю Русскую, которая во дни его княжения *воскипела* славою; был для отечества стеною и твердию: а для врагов огнем и мечом; кротко-повелителен с князьями, тих, *цветлив* с боярами; имел ум высокий, сердце смиренное; взор красный, душу чистую; мало говорил, разумел много; когда же говорил, тогда философам заграждал уста; благотворя всем, мог назваться *оком слепых, ногою хромых, трубою спящих в опасности*..... Когда же великий *царь* земли Русской, Димитрий, заснул сном вечным: тогда *аэр* возмутился, земля потряслася, люди ужаснулись. О день скорби и *туги,* день мрака и бедствия, вопля и захлипания! Народ вещал: *о горе нам, братие! Князь князей преставился; звезда, сияющая миру, скло-*

нилась к западу!» — О супружеской взаимной любви Димитрия и Великой княгини Евдокии сказано так: «Оба жили единою душею в двух телах; оба жили единою добродетелию, как *златоперсистый* голубь и *сладкоглаголивая* ластовица, с умилением смотряся в чистое зерцало совести... Видя же его мертвого на одре, княгиня горько восплакала, проливая *слезы огненные;* глас ее как утреннее шептание ластовицы, как органы сладкозвучные. Так вещает горестная: Зашел свет очей моих; погибло сокровище моей жизни! Где ты, бесценный? Почто не ответствуешь супруге?.. Цвет прекрасный! для чего увядаешь столь рано? виноград многоплодный! уже ты не дашь плода моему сердцу, ни сладости душе моей!.. Воззри, воззри на меня; обратися ко мне на одре своем; промолви слово! Неужели забыл меня? Се жена и дети твои!.. Кому супругу приказываешь? на кого сирот оставляешь?.... Царь мой милый! как обниму тебя? как послужу тебе?.. Где честь твоя и слава? Был государем всей земли Русской: ныне мертв и ничем не владеешь! Победитель народов побежден смертию! Изменилась твоя слава вместе с лицом твоим!.. О жизнь души моей! не знаю, как ласкать, как миловать тебя!... Багряницу многоценную променял ты на сии ризы бедные! Не моего наряда одежду на себя возлагаешь!... Отвергнув княжеский венец, худым платом главу покрываешь! Из палаты красной в сей гроб переселяешься!... Ах! если бы господь услышал молитву мою!... Молися и ты за свою княгиню, да умру с тобою, быв неразлучна с тобою в жизни!... Еще юность нас не оставила; еще старость нас не постигла! Ах! недолго я радовалась моим другом! За веселие пришли слезы, за утехи скорбь несносная!... Почто я родилася? или почто не умерла прежде тебя? Тогда я не видала бы твоей кончины, а своей погибели!... Не слышишь жалких речей моих; не умиляешься моими слезами горькими! Крепко уснул, царь мой; не могу разбудить тебя! С какой войны пришел ты, любезный? От чего столь утомился? Звери земные идут на ложе свое, а птицы небесные летят ко гнездам: ты же, любезный, отходишь навеки от своего дому!... Кому уподоблю, как назову себя? Вдовою ли? ах! не знаю сего имени! Женою ли? но царь оставил меня!.. Вдовы старые! утешайте меня! Вдовы юные! плачьте со мною! Горесть вдовья жалостнее всех горестей.... Боже великий, царь царей! Ты един буди мне истинным утешителем!» — Сии приведенные нами места суть, кажется, лучшие памятники тогдашнего

красноречия. Люди всегда находили сильные черты для описания воинских ужасов и горестей любви: воображение и сердце действуют и в то время, когда ум дремлет.

Сверх церковного наставления и мудрых изречений св. Писания, которые врезывались в память людей, Россия имела особенную систему нравоучения в своих народных пословицах. Многие из оных несомнительно относятся к сему времени; например: *где царь, там и Орда;* или: *такали, такали новогородцы, да и протакали.* Ныне умники пишут: в старину только говорили; опыты, наблюдения, достопамятные мысли в век малограмотный сообщались изустно. Ныне живут мертвые в книгах: тогда жили в пословицах. Все хорошо придуманное, сильно сказанное, передавалось из рода в род. Мы легко забываем читанное, зная, что в случае нужды можем опять развернуть книгу: но предки наши помнили слышанное, ибо забвением могли навсегда утратить счастливую мысль или сведение любопытное. Добрый купец, боярин, редко грамотный, любил внучатам своим твердить умное слово деда его, которое обращалось в семейственную пословицу. Так разум человеческий в самом величайшем стеснении находит какой-нибудь способ действовать, подобно как река, запертая скалою, ищет тока хотя под землею, или сквозь камни сочится мелкими ручейками.— Вероятно, что и некоторые народные песни русские, в особенности исторические о благословенных временах Владимира Святого, были сочинены в веки нашего рабства государственного, когда воображение, унывая под игом неверных, любило ободряться воспоминанием прошедшей славы отечества. Русский поет в веселии и в печали.— Вообще язык наш от XIII до XV века приобрел более чистоты и правильности. Оставляя употребление собственного русского, необразованного наречия, писатели тщательнее держались грамматики церковных книг или древнего сербского, коего памятник есть наша библия, и коему следовали они не только в склонениях и в спряжениях, но и в выговоре или в изображении слов; однако ж, подобно летописцу Нестору, сшибались иногда и на употребление: от чего в слоге нашем закоренела пестрота, освященная древностию, так, что мы и ныне в одной книге, на одной странице пишем *злато* и *золото*, *глад* и *голод*, *младость* и *молодость*, *пию* и *пью*. Еще не время было для россиян дать языку ту силу, гибкость, приятность, тонкость, которые соединяются с выспренними успехами разума в мирном благоденствии гражданских обществ.

с богатством мыслей и знаний, с образованием вкуса или чувства изящности: по крайней мере видим, что предки наши трудились над яснейшим выражением своих мыслей, смягчали грубые звуки слов, наблюдали в их течении какую-то плавность. Наконец, не ослепляясь народным самолюбием, скажем, что россияне сих веков в сравнении с другими европейцами могли по справедливости казаться невеждами; однако ж не утратили всех признаков гражданского образования и доказали, сколь оно *живуще* под самыми сильными ударами варварства!

Человек, преодолев жестокую болезнь, уверяется в деятельности своих жизненных сил и тем более надеется на долголетие: Россия, угнетенная, подавленная всякими бедствиями, уцелела и восстала в новом величии, так, что история едва ли представляет нам два примера в сем роде. Веря провидению, можем ласкать себя мыслию, что оно назначило России быть долговечною.

ТОМ VI

Из главы I

ГОСУДАРЬ, ДЕРЖАВНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИОАНН III ВАСИЛИЕВИЧ

1462—1472

Вступление.— Всеобщая мысль о скором преставлении света.— Война с Новымгородом.— Нашествие Ахмата на Россию.

Отселе история наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие. Разновластие исчезает вместе с нашим подданством; образуется держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической. Уже союзы и войны наши имеют важную цель: каждое особенное предприятие есть следствие главной мысли, устремленной ко благу отечества. Народ еще коснеет в невежестве, в грубости; но правительство уже действует по законам ума просвещенного. Устрояются лучшие воинства, призываются искусства, нужнейшие для успехов ратных и гражданских; посольства великокняжеские спешат ко всем дворам знаменитым; посольства иноземные одно за другим являются в нашей столице: император, Папа, короли, республики, цари азиатские приветствуют монарха Российского, славного победами и завоеваниями, от пределов Литвы и Новагорода до Сибири. Издыхающая Греция отказывает нам остатки своего древнего вели-

чия; Италия дает первые плоды рождающихся в ней художеств. Москва украшается великолепными зданиями. Земля открывает свои недра, и мы собственными руками извлекаем из оных металлы драгоценные. Вот содержание блестящей истории Иоанна III, который имел редкое счастие властвовать сорок три года, и был достоин оного, властвуя для величия и славы россиян.

Иоанн на двенадцатом году жизни сочетался браком с Мариею, Тверскою княжною; на осьмнадцатом уже имел сына, именем также Иоанна, прозванием *Младого,* а на двадцать втором сделался государем. Но в лета пылкого юношества он изъявлял осторожность, свойственную умам зрелым, опытным, а ему природную: ни в начале, ни после не любил дерзкой отважности; ждал случая, избирал время; не быстро устремлялся к цели, но двигался к ней размеренными шагами, опасаясь равно и легкомысленной горячности и несправедливости, уважая общее мнение и правила века. Назначенный судьбою восстановить единодержавие в России, он не вдруг предприял сие великое дело и не считал всех средств дозволенными.

Кроме внешних опасностей и неприятелей, юный Иоанн должен был внутри государства преодолеть общее уныние сердец, какое-то расслабление, дремоту сил душевных. Истекала седьмая тысяча лет от сотворения мира по греческим хронографам: суеверие с концом ее ждало и конца миру. Сия несчастная мысль, владычествуя в умах, вселяла в людей равнодушие ко славе и благу отечества; менее стыдились государственного ига, менее пленялись мыслию независимости, думая, что все ненадолго. Но печальное тем сильнее действовало на сердца и воображение. Затмения, мнимые чудеса ужасали простолюдинов более, нежели когда-нибудь. Уверяли, что Ростовское озеро целые две недели страшно выло всякую ночь и не давало спать окрестным жителям. Были и важные, действительные бедствия: от чрезвычайного холода и морозов пропадал хлеб в полях; два года сряду выпадал глубокий снег в мае месяце. Язва, называемая в летописях *железою,* еще искала жертв в России, особенно в Новгородских и Псковских владениях, где, если верить исчислению одного летописца, в два года умерло 250 652 человека; в одном Новегороде 48 402, в монастырях около 8 000. В Москве, в других городах, в селах и на дорогах также погибло множество людей от сей заразы.

Василий Темный возвратил новогородцам Торжок; но

другие земли, отнятые у них сыном Донского, Василием Димитриевичем, оставались за Москвою: еще не уверенные в твердости Иоаннова характера, и даже сомневаясь в ней по первым действиям сего князя, ознаменованным умеренностию, миролюбием, они вздумали быть смелыми, в надежде показаться ему страшными, унизить гордость Москвы, восстановить древние права своей вольности, утраченные излишнею уступчивостию их отцов и дедов. С сим намерением приступили к делу: захватили многие доходы, земли и воды княжеские; взяли с жителей присягу только именем Новагорода; презирали Иоанновых наместников и послов; властию Веча брали знатных людей под стражу на городище, месте, не подлежащем народной управе; делали обиды москвитянам. Государь несколько раз требовал от них удовлетворения: они молчали. Наконец приехал в Москву новогородский посадник, Василий Ананьин, с обыкновенными делами земскими; но не было слова в ответ на жалобы Иоанновы. «Я ничего не знаю» — говорил посадник боярам московским: «Великий Новгород не дал мне никаких о том повелений». Иоанн отпустил сего чиновника с такими словами: «Скажи новогородцам, моей отчине, чтобы они, признав вину свою, исправились; в земли и воды мои не вступалися, имя мое *держали честно и грозно по старине*, исполняя обет крестный, если хотят от меня покровительства и милости; скажи, что терпению бывает конец, и что мое не продлжится».

Великий князь в то же время написал к верным ему псковитянам, чтобы они, в случае дальнейшей строптивости новогородцев, готовились вместе с ним действовать против сих ослушников.

Между тем, по сказанию летописцев, были страшные знамения в Новегороде: сильная буря сломила крест Софийской церкви; древние херсонские колокола в монастыре на Хутыне сами собою издавали печальный звук; кровь являлась на гробах, и проч. Люди тихие, миролюбивые трепетали и молились богу: другие смеялись над ними и мнимыми чудесами. Легкомысленный народ более нежели когда-нибудь мечтал о прелестях свободы; хотел тесного союза с Казимиром, и принял от него воеводу, князя Михаила Олельковича, коего брат, Симеон, господствовал тогда в Киеве с честию и славою, *подобно древним князьям Владимирова племени*, как говорят летописцы. Множество панов и витязей литовских приехало с Михаилом в Новгород.

Вопреки древним обыкновениям и нравам славянским, которые удаляли женский пол от всякого участия в делах гражданства, жена гордая, честолюбивая, вдова бывшего посадника Исаака Борецкого, мать двух сыновей уже взрослых, именем Марфа, предприяла решить судьбы отечества. Хитрость, велеречие, знатность, богатство и роскошь доставили ей способ действовать на правительство. Народные чиновники сходились в ее великолепном или, по тогдашнему, *чудном* доме пировать и советоваться о делах важнейших. Так св. Зосима, игумен монастыря Соловецкого, жалуясь в Новегороде на обиды двинских жителей, в особенности тамошних приказчиков боярских, должен был искать покровительства Марфы, которая имела в двинской земле богатые села. Сперва, обманутая клеветниками, она не хотела видеть его; но после, узнав истину, осыпала Зосиму ласками, пригласила к себе на обед вместе с людьми знатнейшими и дала Соловецкому монастырю земли. Еще не довольная всеобщим уважением и тем, что Великий князь в знак особенной милости, пожаловал ее сына, Димитрия, в знатный чин боярина московского, сия гордая жена хотела освободить Новгород от власти Иоанновой и, по уверению летописцев, выйти замуж за какого-то вельможу литовского, чтобы вместе с ним господствовать, именем Казимировым, над своим отечеством. Князь Михаил Олелькович, служив ей несколько времени орудием, утратил ее благосклонность и с досадою уехал назад в Киев, ограбив Русу. Сей случай доказывал, что Новгород не мог ожидать ни усердия, ни верности от князей литовских; но Борецкая, открыв дом свой для шумных сонмищ, с утра до вечера славила Казимира, убеждая граждан в необходимости искать его защиты против утеснений Иоанновых. В числе ревностных друзей Посадницы был монах Пимен, архиепископский ключник: он надеялся заступить место Ионы и сыпал в народ деньги из казны святительской, им расхищенной. Правительство сведало о том, и заключив сего коварного инока в темницу, взыскало с него 1000 рублей пени.

Видя, что посольство боярина Никиты сделало в народе впечатление, противное ее намерению, и расположило многих граждан к дружелюбному сближению с государем московским, Марфа предприяла действовать решительно. Ее сыновья, ласкатели, единомышленники, окруженные многочисленным сонмом людей подкупленных, явились на Вече и торжественно сказали, что на-

стало время управиться с Иоанном; что он не государь, а злодей их; что Великий Новгород есть сам себе властелин; что жители его суть вольные люди и не *отчина* князей московских; что им нужен только покровитель; что сим покровителем будет Казимир, и что не московский, а киевский митрополит должен дать архиепископа Святой Софии. Громогласное восклицание: «не хотим Иоанна! да здравствует Казимир!» служило заключением их речи. Народ восколебался. Многие взяли сторону Борецких и кричали: «да исчезнет Москва!» Благоразумнейшие сановники, старые посадники, тысячские, житые люди хотели образумить легкомысленных сограждан и говорили: «Братья! что замышляете? изменить Руси и православию? поддаться королю иноплеменному и требовать святителя от еретика латинского! Вспомните, что предки наши, славяне, добровольно вызвали Рюрика из земли Варяжской; что более шести сот лет его потомки законно княжили на престоле новогородском; что мы обязаны истинною верою Святому Владимиру, от коего происходит Великий князь Иоанн, и что латинство доныне было для нас ненавистно». Единомышленники Марфины не давали им говорить; а слуги и наемники ее бросали в них каменьями, звонили в вечевые колокола, бегали по улицам и кричали: «хотим за короля!» Другие: «хотим к Москве православной, к Великому князю Иоанну и к отцу его, митрополиту Филиппу!» Несколько дней город представлял картину ужасного волнения. Нареченный владыка Феофил ревностно противоборствовал усилиям Марфиных друзей и говорил им: «или не изменяйте православию или не буду никогда пастырем отступников: иду назад в смиренную келию, откуда вы извлекли меня на позорище мятежа». Но Борецкие превозмогли, овладели правлением и погубили отечество, как жертву их страстей личных. Совершилось, чего издавна желали завоеватели литовские, и чем Новгород стращал иногда государей московских: он поддался Казимиру, добровольно и торжественно. Действие беззаконное: хотя сия область имела особенные уставы и вольности, данные ей, как известно, Ярославом Великим; однако ж составляла всегда часть России и не могла перейти к иноплеменникам без измены или без нарушения коренных государственных законов, основанных на естественном праве. Многочисленное посольство отправилось в Литву с богатыми дарами и с предложением, чтобы Казимир был главою новогородской державы на основании древних уставов ее

гражданской свободы. Он принял все условия, и написал грамоту следующего содержания:

«Честный король польский и князь Великий литовский заключил дружественный союз с нареченным владыкою Феофилом, с посадниками, тысячскими новогородскими, с боярами, людьми житыми, купцами и со всем великим Новымгородом; а для договора были в Литве посадник Афанасий Евстафиевич, посадник Димитрий Исакович (Борецкий)... от людей житых Панфил Селифонтович, Кирилл Иванович... Ведать тебе, честному королю, Великий Новгород по сей крестной грамоте и держать на Городище своего наместника греческой веры, вместе с дворецким и тиуном, коим иметь при себе не более пятидесяти человек. Наместнику судить с посадником на дворе архиепископском, как бояр, житых людей, младших граждан, так и сельских жителей, согласно с правдою, и не требовать ничего, кроме судной законной пошлины; но в суд тысячского, владыки и монастырей ему не вступаться. Дворецкому жить на Городище во дворце и собирать доходы твои вместе с посадником; а тиуну вершить дела с нашими приставами. Если государь московский пойдет войною на Великий Новгород, то тебе, господину, честному королю, или в твое отсутствие Раде литовской дать нам скорую помощь.— Ржева, Великие Луки и Холмовский погост остаются землями новогородскими; но платят дань тебе, честному королю.— Новогородец судится в Литве по вашим, литвин в Новегороде по нашим законам без всякого притеснения... В Русе будешь иметь десять соляных варниц; а за суд получаешь там и в других местах, что издревле установлено. Тебе, честному королю, не выводить от нас людей, не купить ни сел, ни рабов, и не принимать их в дар, ни королеве, ни панам литовским; а нам не таить законных пошлин. Послам, наместникам и людям твоим не брать подвод в земле новогородской, и волости ее могут быть управляемы только нашими собственными чиновниками.— В Луках будет твой и наш тиун: Торопецкому не судить в новогородских владениях. В Торжке и Волоке имей тиуна; с нашей стороны будет там посадник.— Купцы литовские торгуют с немцами единственно чрез новогородских. Двор немецкий тебе не подвластен: не можешь затворить его.— Ты, честный король, не должен касаться нашей православной веры: где захотим, там и посвятим нашего владыку (в Москве или в Киеве); а римских церквей не ставить нигде в земле новогородской.— Если примиришь

нас с Великим князем московским, то из благодарности уступим тебе всю народную дань... но в другие годы не требуй оной.— В утверждение договора целуй крест к Великому Новугороду за все свое княжество и за всю раду литовскую *в правду; без извета;* а послы наши целовали крест *новогородскою душою* к честному королю за Великий Новгород».

И так сей народ легкомысленный еще желал мира с Москвою, думая, что Иоанн устрашится Литвы, не захочет кровопролития и малодушно отступится от древнейшего княжества Российского. Хотя наместники московские, быв свидетелями торжества Марфиных поборников, уже не имели никакого участия в тамошнем правлении, однако ж спокойно жили на Городище, уведомляя Великого князя о всех происшествиях.

Еще желая употребить последнее миролюбивое средство, Великий князь отправил в Новгород благоразумного чиновника, Ивана Федоровича Товаркова, с таким увещанием: «Люди новогородские! Рюрик, св. Владимир и Великий Всеволод Юрьевич, мои предки, повелевали вами; я наследовал сие право: жалую вас, храню, но могу и казнить за дерзкое ослушание. Когда вы бывали подданными Литвы? Ныне же раболепствуете иноверным, преступая священные обеты. Я ничем не отяготил вас, и требовал единственно древней законной дани. Вы изменили мне: казнь божия над вами! Но еще медлю, не любя кровопролития, и готов миловать, если с раскаянием возвратитесь под сень отечества».

Сии увещания остались бесполезны: Марфа с друзьями своими делала, что хотела, в Новегороде. Устрашаемые их дерзостию, люди благоразумные тужили в домах и безмолвствовали на Вече, где клевреты или наемники Борецких вопили: «Новгород государь нам, а король покровитель!»

Посол московский возвратился к государю с уверением, что не слова и не письма, но один меч может смирить новогородцев. Великий князь изъявил горесть: еще размышлял, советовался с матерью, с митрополитом, и призвал в столицу братьев, всех епископов, князей, бояр и воевод. В назначенный день и час они собрались во дворце. Иоанн вышел к ним с лицом печальным: открыл государственную думу, и предложил ей на суд измену новогородцев. Не только бояре и воеводы, но и святители ответствовали единогласно: «Государь! возьми оружие в руки!» Тогда Иоанн произнес решительное слово: «да будет война!»

Иоанн послал *скаладную грамоту* к новогородцам, объявляя им войну с исчислением всех их дерзостей, и в несколько дней устроил ополчение.

Началося страшное опустошение. С одной стороны воевода Холмский и рать великокняжеская, с другой псковитяне, вступив в землю Новогородскую, истребляли все огнем и мечом. Дым, пламя, кровавые реки, стон и вопль от востока и запада неслися к берегам Ильменя. Москвитяне изъявляли остервенение неописанное: новогородцы изменники казались им хуже татар. Не было пощады ни бедным земледельцам, ни женщинам. Летописцы замечают, что небо, благоприятствуя Иоанну, иссушило тогда все болота; что от маия до сентября месяца ни одной капли дождя не упало на землю: зыби отвердели; войско с обозами везде имело путь свободный, и гнало скот по лесам, дотоле непроходимым.

Псковитяне взяли Вышегород. Холмский обратил в пепел Русу. Не ожидав войны летом и нападения столь дружного, сильного, новогородцы послали сказать Великому князю, что они желают вступить с ним в переговоры и требуют от него *опасной грамоты* для своих чиновников, которые готовы ехать к нему в стан. Но в то же время Марфа и единомышленники ее старались уверить сограждан, что одна счастливая битва может спасти их свободу. Спешили вооружить всех людей, волею и неволею: ремесленников, гончаров, плотников одели в доспехи и посадили на коней; других на суда. Пехота долженствовала плыть озером Ильменем к Русе, а конница, гораздо многочисленнейшая, идти туда берегом. Холмский стоял между Ильменем и Русою, на Коростыне: пехота новогородская приближилась тайно к его стану, вышла из судов, и не дожидаясь конного войска, стремительно ударила на оплошных москвитян. Но Холмский и товарищ его, боярин Феодор Давидович, храбростию загладили свою неосторожность: положили на месте 500 неприятелей, рассеяли остальных, и с жестокосердием, свойственным тогдашнему веку, приказав отрезать пленникам носы, губы, послали их искаженных в Новгород. Москвитяне бросили в воду все латы, шлемы, щиты неприятельские, взятые в добычу ими, говоря, что войско Великого князя богато собственными доспехами и не имеет нужды в изменнических.

Новогородцы приписали сие несчастие тому, что конное их войско не соединилось с пехотным, и что особенный *полк Архиепископский* отрекся от битвы, сказав: «Владыка Феофил запретил нам поднимать руку на

Великого князя, а велел сражаться только с неверными псковитянами». Желая обмануть Иоанна, новогородские чиновники отправили к нему второго посла, с уверением, что они готовы на мир, и что войско их еще не действовало против московского. Но Великий князь уже имел известие о победе Холмского, и став на берегу озера Коломны, приказал сему воеводе идти за Шелонь навстречу к псковитянам, и вместе с ними к Новгороду: Михаилу же Верейскому осадить городок Демон. В самое то время, когда Холмский думал переправляться на другую сторону реки, он увидел неприятеля столь многочисленного, что москвитяне изумились. Их было 5 000, а новогородцев от 30 000 до 40 000: ибо друзья Борецких еще успели набрать и выслать несколько полков, чтобы усилить свою конную рать. Но воеводы Иоанновы, сказав дружине: «настало время послужить государю; не убоимся ни трехсот тысяч мятежников; за нас правда и господь вседержитель», бросились на конях в Шелонь, с крутого берега, и в глубоком месте; однако ж никто из москвитян не усомнились следовать их примеру; никто не утонул; и все, благополучно переехав на другую сторону, устремились в бой с восклицанием: *Москва!* Новогородский летописец говорит, что соотечественники его бились мужественно и принудили москвитян отступить, но что конница татарская, быв в засаде, нечаянным нападением расстроила первых и решила дело. Но по другим известиям новогородцы не стояли ни часу: лошади их, язвимые стрелами, начали сбивать с себя всадников; ужас объял воевод малодушных и войско неопытное; обратили тыл; скакали без памяти и топтали друг друга, гонимые, истребляемые победителем; утомив коней, бросались в воду, в тину болотную; не находили пути в лесах своих, тонули или умирали от ран; иные же проскакали мимо Новагорода, думая, что он уже взят Иоанном. В безумии страха им везде казался неприятель, везде слышался крик: *Москва! Москва!* На пространстве двенадцати верст полки великокняжеские гнали их, убили 12 000 человек, взяли 1700 пленников, и в том числе двух знатнейших посадников, Василия-Казимера с Димитрием Исаковым Борецким; наконец утомленные возвратились на место битвы. Холмский и боярин Феодор Давидович, трубным звуком возвестив победу, сошли с коней, приложились к образам под знаменами и прославили милость неба. Боярский сын, Иван Замятня, спешил известить государя, бывшего тогда в Яжелбицах, что один передовой

отряд его войска решил судьбу Новагорода; что неприятель истреблен, а рать московская цела. Сей вестник вручил Иоанну договорную грамоту новогородцев с Казимиром, найденную в их обозе между другими бумагами, и даже представил ему человека, который писал оную. С какою радостию Великий князь слушал весть о победе, с таким негодованием читал сию законопреступную хартию, памятник новогородской измены.

Холмский уже нигде не видал неприятельской рати и мог свободно опустошать села до самой Наровы или Немецких пределов. Городок Демон сдался Михаилу Верейскому. Тогда Великий князь послал *опасную грамоту* к новогородцам с боярином их, Лукою, соглашаясь вступить с ними в договоры; прибыл в Русу и явил пример строгости: велел отрубить головы знатнейшим пленникам, боярам Димитрию Исакову, Марфину сыну, Василью Селезневу Губе, Киприяну Арбузееву и Иеремию Сухощоку, архиепископскому чашнику, ревностным благоприятелям Литвы; Василия-Казимера, Матвея Селезнева и других послал в Коломну, окованных цепями; некоторых в темницы московские, а прочих без всякого наказания отпустил в Новгород, соединяя милосердие с грозою мести, отличая главных, деятельных врагов Москвы от людей слабых, которые служили им только орудием. Решив таким образом участь пленников, он расположился станом на устье Шелони.

Миновало около двух недель после Шелонской битвы, которая произвела в новогородцах неописанный ужас. Они надеялись на Казимира, и с нетерпением ждали вестей от своего посла, отправленного к нему через Ливонию, с усильным требованием, чтобы король спешил защитить их; но сей посол возвратился, и с горестию объявил, что магистр ордена не пустил его в Литву. Уже не было времени иметь помощи, ни сил противиться Иоанну. Открылась еще внутренняя измена. Некто, именем Упадыш, тайно доброхотствуя Великому князю, с единомышленниками своими в одну ночь заколотил железом 55 пушек в Новегороде: правители казнили сего человека; несмотря на все несчастия, хотели обороняться: выжгли посады, не жалея ни церквей, ни монастырей; учредили бессменную стражу: день и ночь вооруженные люди ходили по городу, чтобы обуздывать народ; другие стояли на стенах и башнях, готовые к бою с москвитянами. Однако ж миролюбивые начали изъявлять более смелости, доказывая, что упорство бесполезно; явно обвиняли друзей Марфы в приверженно-

сти к Литве, и говорили: «Иоанн перед нами; а где ваш Казимир?» Город, стесненный великокняжескими отрядами и наполненный множеством пришельцев, которые искали там убежища от москвитян, терпел недостаток в съестных припасах; дороговизна возрастала; ржи совсем не было на торгу; богатые питались пшеницею; а бедные вопили, что правители их безумно раздражили Иоанна и начали войну, не подумав о следствиях. Весть о казни Димитрия Борецкого и товарищей его сделала глубокое впечатление как в народе, так и в чиновниках: доселе никто из Великих князей не дерзал торжественно казнить первостепенных гордых бояр новогородских. Народ рассуждал, что времена переменились; что небо покровительствует Иоанну и дает ему смелость вместе с счастием; что сей государь правосуден: карает и милует; что лучше спастися смирением, нежели погибнуть от упрямства. Знатные сановники видели меч над своею головою: в таком случае редкие жертвуют личною безопасностию правилу или образу мыслей. Самые усердные из друзей Марфиных, те, которые ненавидели Москву по ревностной любви к вольности отечества, молчанием или языком умеренности хотели заслужить прощение Иоанново. Еще Марфа силилась действовать на умы и сердца, возбуждала их против Великого князя: народ видел в ней главную виновницу сей бедственной войны; он требовал хлеба и мира.

Холмский, псковитяне и сам Иоанн готовились с разных сторон обступить Новгород, чтобы совершить последний удар: немного времени оставалось для размышления. Сановники, граждане единодушно предложили нареченному архиепископу Феофилу быть ходатаем мира. Сей разумный инок со многими посадниками, тысячскими и людьми житыми... отправился на судах озером Ильменем к устью Шелони, в стан московский.

Новогородцы за вину свою обещали внести в казну великокняжескую 15 000 рублей или около осьмидесяти пуд серебра, в разные сроки, от 8 сентября до Пасхи; возвратили Иоанну прилежащие к Вологде земли, берега Пинеги, Мезены, Немьюги, Выи, Поганой Суры, Пильи горы, места, уступленные ими Василию Темному, но после отнятые силою; обязались в назначенные времена платить государям московским *черную* или народную дань, также и митрополиту судную пошлину; клялися ставить своих архиепископов только в Москве, у гроба св. Петра Чудотворца, в дому Богоматери; не иметь никакого сношения с королем польским, ни с

Литвою; не принимать к себе тамошних князей и врагов Иоанновых, князя Можайского, сыновей Шемяки и Василия Ярославича Боровского; отменили так называемые Вечевые грамоты; признали верховную судебную власть государя московского, в случае несогласия его наместников с новогородскими сановниками; обещались не издавать впредь судных грамот без утверждения и печати Великого князя, и проч. Возвращая им Торжок и новые свои завоевания в Двинской земле, Иоанн по обычаю целовал крест, в уверение, что будет править Новымгородом согласно с древними уставами оного, без всякого насилия.

Еще Новгород остался державою народною; но свобода его была уже единственно милостию Иоанна и долженствовала исчезнуть по мановению самодержца. Нет свободы, когда нет силы защитить ее. Все области Новогородские, кроме столицы, являли от пределов восточных до моря зрелище опустошения, произведенного не только ратию великокняжескою, но и шайками вольницы: граждане и жители сельские в течение двух месяцев ходили туда вооруженными толпами из Московских владений грабить и наживаться.

Доселе Великий князь еще не имел дела с главным врагом нашей независимости, с царем Большой или Золотой Орды, Ахматом, коего толпы в 1468 году нападали единственно на Рязанскую землю, не дерзнув идти далее: ибо в упорной битве с тамошними воеводами потеряли много людей. Благоразумный Иоанн, готовый к войне, хотел удалить ее: время усиливало Россию, ослабляя могущество ханов. Но другой естественный враг Москвы, Казимир Литовский, употреблял все способы подвигнуть Ахмата на Великого князя.

Ахмат приступил к Алексину, где не было ни пушек, ни пищалей, ни самострелов; однако ж граждане побили множество неприятелей. На другой день татары сожгли город вместе с жителями, взяв бегущих в плен, и бросились целыми полками в Оку, чтобы ударить на малочисленный отряд москвитян, которые стояли на другом берегу реки. Начальники сего отряда, Петр Федорович и Семен Беклемишев, долго имев перестрелку, хотели уже отступить, когда сын Михаила Верейского, князь Василий, прозванием Удалый, подоспел к ним с своею дружиною, а скоро и брат Иоаннов, Юрий. Москвитяне прогнали татар за Оку и стали рядами на левой стороне ее, готовые к битве решительной: новые полки непрестанно к ним подходили с трубным звуком, с рас-

пущенными знаменами. Хан Ахмат внимательно смотрел на них с другого берега, удивляясь многочисленности, стройности оных, блеску оружия и доспехов. «Ополчение наше (говорят летописцы) колебалось подобно величественному морю, ярко освещенному солнцем». Татары начали отступать, сперва тихо, медленно; а ночью побежали, гонимые одним страхом: ибо никого из москвитян не было за Окою. Сие нечаянное бегство произошло, как сказывали, от жестокой заразительной болезни, которая открылась тогда в Ахматовом войске.— Великий князь послал воевод своих вслед за неприятелем; но татары в шесть дней достигли до своих *катунов* или улусов, откуда прежде шли к Алексину шесть недель: россияне не могли или не хотели настигнуть их, взяв несколько пленников и часть обоза неприятельского; а Великий князь распустил войско, удостоверенный, что хан не скоро осмелится предприять новое впадение в Россию. Между тем Казимир, союзник моголов, не сделал ни малейшего движения в их пользу: имея важную распрю с государем венгерским и занятый делами Богемии, сей слабодушный король предал Ахмата так же, как и новогородцев. Иоанн возвратился в Москву с торжеством победителя.

Из главы II

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА

1472—1477

Брак Иоаннов с греческою царевною.— Следствия Иоаннова брака для России.— Выезжие греки.— Посольства в Венецию.— Зодчий Аристотель строит в Москве храм Успения.— Строение других церквей, палат и стен Кремлевских.— Льют пушки, чеканят монету.

Всие время судьба Иоаннова ознаменовалась новым величием посредством брака, важного и счастливого для России: ибо следствием оного было то, что Европа с любопытством и с почтением обратила взор на Москву, дотоле едва известную; что государи и

народы просвещеннейшие захотели нашего дружества; что мы, вступив в непосредственные сношения с ними, узнали много нового, полезного как для внешней силы государственной, так и для внутреннего гражданского благоденствия.

Последний император греческий, Константин Палеолог, имел двух братьев, Димитрия и Фому, которые, под именем Деспотов господствуя в Пеллопоннесе или в Морее, ненавидели друг друга, воевали между собою и тем довершили торжество Магомета II: турки овладели Пелопоннесом. Димитрий искал милости в султане, отдал ему дочь свою в Сераль и получил от него в удел город Эн во Фракии; но Фома, гнушаясь неверными, с женою, с детьми, с знатнейшими греками ушел из Корфу в Рим, где Папа, Пий II, и кардиналы, уважая в нем остаток древнейших государей христианских, и в благодарность за сокровище, им привезенное: за главу апостола Андрея (с того времени хранимую в церкви св. Петра) назначили сему знаменитому изгнаннику 300 золотых ефимков ежемесячного жалованья. Фома умер в Риме. Сыновья его, Андрей и Мануил, жили благодеяниями нового Папы, Павла II, не заслуживая оных своим поведением, весьма легкомысленным и соблазнительным; но юная сестра их, девица, именем София, одаренная красотою и разумом, была предметом общего доброжелательства. Папа искал ей достойного жениха и замышлял тогда воздвигнуть всех государей европейских на опасного для самой Италии Магомета II, хотел сим браком содействовать видам своей политики. К удивлению многих, Павел обратил взор на Великого князя Иоанна, по совету, может быть, славного кардинала Виссариона: сей ученый грек издавна знал единоверную Москву и возрастающую силу ее государей, известных и Риму по делам их с Литвою, с Немецким Орденом, и в особенности по Флорентийскому Собору, где митрополит наш, Исидор, представлял столь важное лицо в церковных прениях. Отдаленность, благоприятствуя баснословию, рождала слухи о богатстве и многочисленности россиян. Папа надеялся, во-первых, чрез царевну Софию, воспитанную в правилах флорентийского соединения, убедить Иоанна к принятию оных и тем подчинить себе нашу церковь; во-вторых, лестным для его честолюбия свойство́м с Палеологами возбудить в нем ревность к освобождению Греции от ига Магометова. Вследствие сего намерения кардинал Виссарион, в качестве нашего единоверца, отправил грека, именем

Юрия, с письмом к Великому князю (в 1469 году), предлагая ему руку Софии, знаменитой дочери Деспота Морейского, которая будто бы отказала двум женихам, королю французскому и герцогу Медиоланскому, не желая быть супругою государя латинской веры.

Сие важное посольство весьма обрадовало Иоанна; но, следуя правилам своего обыкновенного, хладнокровного благоразумия, он требовал совета от матери, митрополита Филиппа, знатнейших бояр: все думали согласно с ним, что сам бог посылает ему столь знаменитую невесту, *отрасль царственного древа, коего сень покоила* некогда *все христианство* православное, неразделенное; что сей благословенный союз, напоминая Владимиров, сделает Москву как бы новою Византиею, и даст монархам нашим права императоров греческих.— Великий князь желал чрез собственного посла удостовериться в личных достоинствах Софии и велел для того Ивану Фрязину ехать в Рим, имея доверенность к сему венециянскому уроженцу, знакомому с обычаями Италии. Посол возвратился благополучно, осыпанный ласками Павла II и Виссариона; уверил Иоанна в красоте Софии и вручил ему живописный образ ее.

25 мая послы Иоанновы были введены в тайный совет Папский, вручили Сиксту великокняжескую, писанную на русском языке грамоту с золотою печатию и поднесли в дар шестьдесят соболей. В грамоте сказано было единственно так: «Сиксту, Первосвятителю Римскому, Иоанн, Великий князь Белой Руси, кланяется и просит верить его послам». Именем государя они приветствовали Папу, который в ответе своем хвалил Иоанна за то, что он, как добрый христианин, *не отвергает Собора Флорентийского* и не принимает митрополитов от патриархов Константинопольских, избираемых турками; что хочет совокупиться браком с христианкою, воспитанною в столице апостольской, и что *изъявляет приверженность к главе церкви*. В заключение святой отец благодарил Великого князя за дары.— Тут находились послы неаполитанские, венециянские, медиоланские, флорентийские и феррарские: июня I София в церкви св. Петра была обручена государю Московскому, коего лицо представлял главный из его поверенных, Иван Фрязин.

Царевна въехала в Москву 12 ноября, рано по утру, при стечении любопытного народа. Митрополит встретил ее в церкви: приняв его благословение, она пошла к

матери Иоанновой, где увиделась с женихом. Тут совершилось обручение: после чего слушали обедню в деревянной Соборной церкви Успения (ибо старая каменная была разрушена, а новая недостроена). Митрополит служил со всем знатнейшим духовенством и великолепием греческих обрядов; наконец обвенчал Иоанна с Софиею, в присутствии его матери, сына, братьев, множества князей и бояр, легата Антония, греков и римлян. На другой день легат и посол Софииных братьев, торжественно представленные Великому князю, вручили ему письма и дары.

Главным действием сего брака (как мы уже заметили) было то, что Россия стала известнее в Европе, которая чтила в Софии племя древних императоров Византийских и, так сказать, провождала оную глазами до пределов нашего отечества; начались государственные сношения, пересылки; увидели москвитян дома и в чужих землях; говорили об их странных обычаях, но угадывали и могущество. Сверх того многие греки, приехавшие к нам с царевною, сделались полезны в России своими знаниями в художествах и в языках, особенно в латинском, необходимом тогда для внешних дел государственных; обогатили спасенными от турецкого варварства книгами московские церковные библиотеки и способствовали велелепию нашего двора сообщением ему пышных обрядов византийского, так, что с сего времени столица Иоаннова могла действительно именоваться новым Царемградом, подобно древнему Киеву.—

Некоторые знатные греки выехали к нам после из самого Константинополя: например, в 1485 году Иоанн Палеолог Рало, с женою и с детьми, а в 1495 *боярин* Феодор Ласкир с сыном Димитрием. София звала к себе и братьев; но Мануил предпочел двор Магомета II, уехав в Царьград, и там, осыпанный благодеяниями султана, провел остаток жизни в изобилии; Андрей же, совокупившись браком с одною распутною гречанкою, два раза (в 1480 и 1490 году) приезжал в Москву и выдал дочь свою, Марию, за князя Василия Михайловича Верейского; однако возвратился в Рим (где лежат кости его подле отцовских, в храме св. Петра). Кажется, что он был недоволен Великим князем: ибо в духовном завещании отказал свои права на Восточную Империю не ему, а иноверным государям Кастиллии, Фердинанду и Елисавете, хотя Иоанн, по свойству с царями греческими, принял и герб их, орла двуглавого, соединив его на своей печати с московским: то есть, на одной стороне изобра-

жался орел, а на другой всадник, попирающий дракона, с надписью: *«Великий князь Божиею милостию господарь всея Руси».*

Вслед за легатом Римским Великий князь послал в Венецию Антона Фрязина с жалобою на Тревизана, велев сказать дожу: «кто шлет посла чрез мою землю тайно, обманом, не испросив дозволения, тот нарушает уставы чести». Дож и сенат услышав, что бедный Тревизан сидит в Москве под стражею, окованный цепями, прибегнули к ласковым убеждениям, прося, чтобы Великий князь освободил его для общего блага христиан и отправил к хану, снабдив всем нужным для сего путешествия, из дружбы к Республике, которая с благодарностию заплатит сей долг. Иоанн умилостивился, освободил Тревизана, дал ему семьдесят рублей, и вместе с ним послав в Орду дьяка своего возбуждать хана против Магомета II, уведомил о том Венециянского дожа. Сие новое посольство в Италию особенно любопытно тем, что главою оного был уже не иноземец, но россиянин, именем Семен Толбузин, который взял с собою Антона Фрязина в качестве переводчика, и сверх государственного дела имел поручение вывезти оттуда искусного зодчего.

Здесь в первый раз видим Иоанна, пекущегося о введении художеств в Россию: ознаменованный величием духа, истинно царским, он хотел не только ее свободы, могущества, внутреннего благоустройства, но и внешнего велелепия, которое сильно действует на воображение людей, и принадлежит к успехам их гражданского состояния. Владимир Святой и Ярослав Великий украсили древний Киев памятниками византийских искусств: Андрей Боголюбский призывал оные и на берега Клязьмы, где Владимирская церковь Богоматери еще служила предметом удивления для северных россиян; но Москва, возникшая в веки слез и бедствий, не могла еще похвалиться ни одним, истинно величественным зданием. Соборный храм Успения, основанный св. митрополитом Петром, уже несколько лет грозил падением.

Видя необходимость иметь лучших художников, чтобы воздвигнуть храм, достойный быть первым в Российской державе, Иоанн послал во Псков за тамошними каменщиками, учениками немцев, и велел Толбузину, чего бы то ни стоило, сыскать в Италии архитектора опытного для сооружения Успенской Кафедральной церкви.

Принятый в Венеции благосклонно от нового дожа, Марчелла, и взяв с республики семьсот рублей за все,

чем снабдили Тревизана в Москве из казны великокняжеской, Толбузин нашел там зодчего, болонского уроженца, именем Фиоравенти-Аристотеля, которого Магомет II звал тогда в Царьград для строения султанских палат, но который захотел лучше ехать в Россию, с условием, чтобы ему давали ежемесячно по десяти рублей жалованья, или около двух фунтов серебра. Он уже славился своим искусством, построив в Венеции большую церковь и ворота, отменно красивые, так, что правительство с трудом отпустило его, в угождение государю Московскому. Прибыв в столицу нашу, сей художник осмотрел развалины новой Кремлевской церкви: хвалил гладкость работы, но сказал, что известь наша не имеет достаточной вязкости, а камень не тверд, и что лучше делать своды из плиты. Он ездил в Владимир, видел там древнюю Соборную церковь и дивился в ней произведению великого искусства; дал меру кирпича; указал, как надобно обжигать его, как растворять известь; нашел лучшую глину за Андроньевым монастырем; махиною, неизвестною тогдашним москвитянам и называемою *бараном*, разрушил до основания стены Кремлевской церкви, которые уцелели в ее падении; выкопал новые рвы, и наконец заложил великолепный храм Успения, доныне стоящий пред нами, как знаменитый памятник греко-италиянской архитектуры XV века, чудесный для современников, достойный хвалы и самых новейших знатоков искусства, своим твердым основанием, расположением, соразмерностию, величием. Построенная в четыре года, сия церковь была освящена в 1479 году, августа 12, митрополитом Геронтием с епископами.

Чтобы представить читателям в одном месте все сделанное Иоанном для украшения столицы, опишем здесь и другие здания его времени. Довольный столь счастливым опытом Аристотелева искусства, он разными посольствами старался призывать к себе художников из Италии: создал новую церковь Благовещения на своем дворе, а за нею — на площади, где стоял терем — огромную палату, основанную Марком Фрязином в 1487 году и совершенную им в 1491 с помощью другого италиянского архитектора, Петра Антония. Она долженствовала быть местом торжественных собраний двора, особенно в случае посольств иноземных, когда государь хотел являться в величии и блеске, следуя обычаю монархов византийских. Сия палата есть так называемая *Грановитая*, которая в течение трехсот двадцати лет сохрани-

ла всю целость и красоту свою: там видим и ныне трон венценосцев Российских, с коего они в первые дни их царствования изливают милости на вельмож и народ.— Дотоле Великие князья обитали в деревянных зданиях: Иоанн (в 1492 году) велел разобрать ветхий дворец и поставить новый на Ярославском месте, за церковию архангела Михаила; но недолго жил в оном: сильный пожар (в 1493 году) обратил весь город в пепел, от св. Николая на Песках до поля за Москвою рекою и за Сретинскою улицею: Арбат, Неглинную, Кремль, где сгорели дворы Великого князя и митрополитов со всеми житницами на Подоле, обрушилась церквь Иоанна Предтечи у Боровицких ворот (под коею хранилась казна Великой княгини Софии), и вообще не осталось ни одного целого здания, кроме новой палаты и соборов (в Успенском обгорел алтарь, крытый немецким железом). Государь переехал в какой-то большой дом на Яузу, к церкви св. Никола Подкопаева, и решился соорудить дворец каменный, заложенный в мае 1499 года медиоланским архитектором, Алевизом, на старом месте, у Благовещения; глубокие погребы и ледники служили основанием сего великолепного здания, совершенного через девять лет и ныне именуемого *дворцом теремным*. Между тем Иоанн жил на своем Кремлевском дворе в деревянных хоромах, а иногда на Воронцове поле. Угождая государю, знатные люди также начали строить себе каменные домы: в летописях упоминается о палатах митрополита, Василия Федоровича Образца и головы московского, Дмитрия Владимировича Ховрина.

Величественные Кремлевские стены и башни равномерно воздвигнуты Иоанном: ибо древнейшие, сделанные в княжение Димитрия Донского, разрушились, и столица наша уже не имела каменной ограды. Антон Фрязин в 1485 году, июля 19, заложил на Москве реке стрельницу, а в 1488 другую, Свибловскую, с тайниками или подземельным ходом; италиянец Марко построил Беклемишевскую; Петр Антоний Фрязин две над Боровицкими и Константино-Еленскими воротами, и третию Фроловскую; башня над речкою Неглинною совершена в 1492 году неизвестным архитектором. Окружили всю крепость высокою, твердою, широкою стеною, и Великий князь приказал сломать вокруг не только все дворы, но и церкви, уставив, чтобы между ею и городским строением было не менее ста девяти саженей. Таким образом Иоанн украсил, укрепил Москву, оставив Кремль долговечным памятником своего царствования.— Последним

делом италиянского зодчества при сем государе было основание нового Архангельского собора, куда перенесли гробы древних князей московских из ветхой церкви св. Михаила, построенной Иоанном Калитою, и тогда разобранной.— Кроме зодчих, Великий князь выписывал из Италии мастеров пушечных и серебреников. Фрязин, Павел Дебосис в 1488 году слил в Москве огромную Царь-пушку. В 1494 году выехал к нам из Медиолана другой художник огнестрельного дела, именем Петр. Италиянские серебреники начали искусно чеканить русскую монету, вырезывая на оной свое имя: так на многих деньгах Иоанна Василиевича видим надпись: Aristoteles: ибо сей знаменитый архитектор славился и монетным художеством (сверх того лил пушки и колокола).— Одним словом, Иоанн, чувствуя превосходство других европейцев в гражданских искусствах, ревностно желал заимствовать от них все полезное, кроме обычаев, усердно держась русских; оставлял вере и духовенству образовать ум и нравственность людей; не думал в философическом смысле просвещать народа, но хотел доставить ему плоды наук, нужнейшие для величия России.

Из главы III

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА

1475—1481

Совершенное покорение Новагорода.— Свержение ига ханского.— Ссора Великого князя с братьями.— Поход Ахмата на Россию.— Красноречивое послание архиепископа Вассиана к Великому князю. — Разорение Большой Орды и смерть Ахмата.

Таким образом до Тибра, моря Адриатического, Черного и пределов Индии обнимая умом государственную систему держав, сей монарх готовил знаменитость внешней своей политики утверждением внутреннего состава России.— Ударил последний час

новогородской вольности! Сие важное происшествие в нашей истории достойно описания подробного. Нет сомнения, что Иоанн воссел на престол с мыслию оправдать титул Великих князей, которые со времен Симеона Гордого именовались *Государями всея Руси;* желал ввести совершенное единовластие, истребить уделы, отнять у князей и граждан права несогласные с оным, но только в удобное время, пристойным образом, без явного нарушения торжественных условий, без насилия дерзкого и опасного, верно и прочно: одним словом, с наблюдением всей свойственной ему осторожности. Новгород изменял России, пристав к Литве; войско его было рассеяно, гражданство в ужасе: Великий князь мог бы тогда покорить сию область; но мыслил, что народ, веками приученный к выгодам свободы, не отказался бы вдруг от ее прелестных мечтаний; что внутренние бунты и мятежи развлекли бы силы государства Московского, нужные для внешней безопасности; что должно старые навыки ослаблять новыми и стеснять вольность прежде уничтожения оной, дабы граждане, уступая право за правом, ознакомились с чувством своего бессилия, слишком дорого платили за остатки свободы, и наконец, утомляемые страхом будущих утеснений, склонились предпочесть ей мирное спокойствие неограниченной государевой власти. Иоанн простил новогородцев, обогатив казну свою их серебром, утвердив верховную власть княжескую в делах судных и в политике; но, так сказать, не спускал глаз с сей народной державы, старался умножать в ней число преданных ему людей, питал несогласие между боярами и народом, являлся в правосудии защитником невинности, делал много добра, обещал более. Если наместники его не удовлетворяли всем справедливым жалобам частных людей, то он винил недостаток древних законов новогородских.

Новогородцы хотели сперва изъявлять неустрашимость; дозволили всем купцам иноземным выехать во Псков с товарами; укрепились деревянною стеною по обеим сторонам Волхова; заградили сию реку судами; избрали князя Василия Шуйского-Гребенку в военачальники, и не имея друзей, ни союзников, не ожидая ниоткуда помощи, обязались между собою клятвенною грамотою быть единодушными, показывая, что надеются в крайности на самое отчаяние, и готовы отразить приступ, как некогда предки их отразили сильную рать Андрея Боголюбского. Но Иоанн не хотел кровопролития в надежде, что они покорятся, и взял меры для

доставления всего нужного многочисленной рати своей. Исполняя его повеление, богатые псковитяне отправили к нему обоз с хлебом, пшеничною мукою, колачами, рыбою, медом и разными товарами для вольной продажи; прислали также и мостников. Великокняжеский стан имел вид шумного торжища, изобилия; а Новгород, окруженный полками московскими, был лишен всякого сообщения. Окрестности также представляли жалкое зрелище: воины Иоанновы не щадили бедных жителей, которые в 1471 году безопасно скрывались от них в лесах и болотах, но в сие время умирали там от морозов и голода.

Декабря 4 вторично прибыл к государю архиепископ Феофил с теми же чиновниками, и молил его только о мире, не упоминая ни о чем ином. Бояре московские, князь Иван Юрьевич, Феодор Давидович и князь Иван Стрига отпустили их с прежним ответом, что новогородцы знают, как надобно бить челом Великому князю.— В сей день пришли к городу царевич Данияр с воеводою, Василием Образцом, и брат Великого князя, Андрей Старший, с тверским воеводою: они расположились в монастырях Кириллове, Андрееве, Ковалевском, Волотове, на Деревенице и у св. Николы на Островке.

Видя умножение сил и непреклонность Великого князя — не имея ни смелости отважиться на решительную битву, ни запасов для выдержания осады долговременной,— угрожаемые и мечом и голодом, новогородцы чувствовали необходимость уступить, желали единственно длить время, и без надежды спасти вольность надеялись переговорами сохранить хотя некоторые из ее прав. Декабря 5 владыка Феофил с посадниками и с людьми житыми, ударив челом Великому князю в присутствии его трех братьев, именем Новагорода сказал: «Государь! мы, виновные, ожидаем твоей милости: *признаем* истину посольства Назариева и дьяка Захарии; но какую власть желаешь иметь над нами?» Иоанн ответствовал им чрез бояр: «Я доволен, что вы сознаете вину свою и сами на себя свидетельствуете. Хочу властвовать в Новегороде, как властвую в Москве».— Архиепископ и посадники требовали времени для размышления. Он отпустил их с повелением дать решительный ответ в третий день.— Между тем пришло войско псковское, и Великий князь», расположив его в Бискупицах, в селе Федотине, в монастыре Троицком на Варяжи, приказал знаменитому своему художнику, Аристотелю, строить мост под Городищем, как бы для приступа. Сей мост,

с удивительною скоростию сделанный на судах через реку Волхов, своею твердостию и красою заслужил похвалу Иоаннову.

7 декабря Феофил возвратился в стан великокняжеский с посадниками и с выборными от пяти Концов новогородских, Иоанн выслал к ним бояр. Архиепископ молчал: говорили только посадники. Яков Короб сказал: «Желаем, чтобы Государь велел наместнику своему судить вместе с нашим степенным посадником».— Феофилакт: «Предлагаем Государю ежегодную дань со всех волостей новогородских, с двух сох гривну».— Лука: «Пусть Государь держит наместников в наших пригородах; но суд да будет по старине».— Яков Федоров бил челом, чтобы Великий князь не выводил людей из владений новогородских, не вступался в отчины и земли боярские, не звал никого на суд в Москву. Наконец все просили, чтобы Государь не требовал новогородцев к себе на службу, и поручил им единственно оберегать северо-западные пределы России.

Бояре донесли о том Великому князю, и вышли от него с следующим ответом: «Ты, богомолец наш, и весь Новгород признали меня Государем; а теперь хотите мне указывать, как править вами?» — Феофил и посадники били челом и сказали: «Не смеем *указывать*; но только желаем ведать, как Государь намерен властвовать в своей Новогородской отчине: ибо московских обыкновений не знаем». Великий князь велел своему боярину, Ивану Юрьевичу, ответствовать так: «Знайте же, что в Новегороде не быть ни Вечевому колоколу, ни посаднику, а будет одна власть государева; что как в стране Московской, так и здесь хочу иметь волости и села; что древние земли великокняжеские, вами отнятые, суть отныне моя собственность. Но снисходя на ваше моление, обещаю не выводить людей из Новагорода, не вступаться в отчины бояр, и суд оставить по старине».

Прошла целая неделя: Новгород не присылал ответа Иоанну. Декабря 14 явился Феофил с чиновниками и сказал боярам великокняжеским: «Соглашаемся не иметь ни Веча, ни посадника; молим только, чтобы Государь утолил навеки гнев свой и простил нас искренно, с условием не выводить новогородцев в Низовскую землю, не касаться собственности боярской, не судить нас в Москве и не звать туда на службу». Великий князь дал слово. Они требовали присяги. Иоанн ответствовал, что Государь не присягает. «Удовольствуемся клятвою бояр великокняжеских или его будущего наме-

стника новогородского», сказали Феофил и посадники: но и в том получили отказ; просили *опасной грамоты:* и той им не дали. Бояре московские объявили, что переговоры кончились.

Тут любовь к древней свободе в последний раз сильно обнаружилась на Вече. Новогородцы думали, что Великий князь хочет обмануть их, и для того не дает клятвы в верном исполнении его слова. Сия мысль поколебала в особенности бояр, которые не стояли ни за Вечевый колокол, ни за посадника, но стояли за свои отчины. «Требуем битвы!» восклицали тысячи: «умрем за вольность и Святую Софию!» Но сей порыв великодушия не произвел ничего, кроме шума, и должен был уступить хладнокровию рассудка. Несколько дней народ слушал прение между друзьями свободы и мирного подданства: первые могли обещать ему одну славную гибель среди ужасов голода и тщетного кровопролития; другие жизнь, безопасность, спокойствие, целость имения: и сии наконец превозмогли. Тогда князь Василий Васильевич Шуйский-Гребенка, доселе верный защитник свободных новогородцев, торжественно сложил с себя чин их воеводы и перешел в службу к Великому князю, который принял его с особенною милостию.

29 декабря послы Веча, архиепископ Феофил и знатнейшие граждане, снова прибыли в великокняжеский стан, хотя и не имели *опаса;* изъявили смирение, и молили, чтобы Государь, отложив гнев, сказал им изустно, чем жалует свою Новогородскую отчину. Иоанн приказал впустить их и говорил так: «Милость моя не изменилась; что обещал, то обещаю и ныне: забвение прошедшего, суд по старине, целость собственности частной, увольнение от низовской службы; не буду звать вас в Москву; не буду выводить людей из страны Новогородской».

Января 10 бояре московские требовали от Феофила и посадников, чтобы двор Ярославов был немедленно очищен для Великого князя, и чтобы народ дал ему клятву в верности. Новогородцы хотели слышать присягу: Государь послал ее к ним в архиепископскую палату, с своим подьячим. На третий день владыка и сановники их сказали боярам Иоанновым: «Двор Ярославов есть наследие государей, Великих князей: когда им угодно взять его, и с площадью, да будет их воля. Народ слышал присягу и готов целовать крест, ожидая всего от государей, как бог положит им на сердце, и не имея уже иного упования».

Января 15 рушилось древнее Вече, которое до сего дня еще собиралось на Дворе Ярослава. Вельможи московские, князь Иван Юрьевич, Феодор Давидович и Стрига-Оболенский, вступив в палату архиепископскую, сказали, что Государь, вняв молению Феофила, всего священного собора, бояр и граждан, навеки забывает вины их, в особенности из уважения к ходатайству своих братьев, с условием, чтобы Новгород, дав искренний обет верности, не изменял ему ни делом, ни мыслию.

В сей день Иоанн позволил городу иметь свободное сообщение с окрестностями.

Февраля 1 он велел взять под стражу купеческого старосту, Марка Памфилиева, февраля 2 славную Марфу Борецкую с ее внуком Василием Феодоровым (коего отец умер в Муромской темнице), а после из житых людей Григория Киприанова, Ивана Кузмина, Акинфа с сыном Романом и Юрия Репехова, отвезти в Москву, и все их имение описать в казну. Сии люди были единственною жертвою грозного московского самодержавия, или как явные, непримиримые враги его, или как известные друзья Литвы. Никто не смел за них вступиться.

Так Новгород покорился Иоанну, более шести веков слыв в России и в Европе державою народною или Республикою, и действительно имев образ демократии: ибо Вече гражданское присвоивало себе не только законодательную, но и вышнюю исполнительную власть: избирало, сменяло не только посадников, тысячских, но и князей, ссылаясь на жалованную грамоту Ярослава Великого; давало им власть, но подчиняло ее своей верховной; принимало жалобы, судило и наказывало в случаях важных; даже с московскими государями, даже и с Иоанном заключало условия, *взаимною* клятвою утверждаемые, и в нарушении оных имея право мести или войны; одним словом, владычествовало как собрание народа афинского или франков на поле Марсовом, представляя лицо Новагорода, который именовался *Государем.* Не в правлении вольных городов немецких — как думали некоторые писатели — но в первобытном составе всех держав народных, от Афин и Спарты до Унтервальдена или Глариса, надлежит искать образцов новогородской политической системы, напоминающей ту глубокую древность народов, когда они, избирая сановников вместе для войны и суда, оставляли себе право наблюдать за ними, свергать в случае неспособности, казнить в случае измены или несправедливости, и решить все важное или чрезвычайное в общих советах.

Мы видели, что князья, посадники, тысячские в Новегороде судили тяжбы и предводительствовали войском: так древние славяне, так некогда и все иные народы не знали различия между воинскою и судебною властию. Сердцем или главным составом сей державы были огнищане, или житые люди, то есть, домовитые или владельцы: они же и первые воины, как естественные защитники отечества; из них выходили *бояре* или граждане, знаменитые заслугами. Торговля произвела купцов: они, как менее способные к ратному делу, занимали вторую степень; а третью свободные, но беднейшие люди, названные черными. Граждане *младшие* явились в новейшие времена и стали между купцами и черными людьми. Каждая степень без сомнения имела свои права: вероятно, что посадники и тысячские избирались только из бояр; а другие сановники из житых, купцов и младших граждан, но не из черных людей, хотя и последние участвовали в приговорах Веча. Бывшие посадники, в отличие от степенных или настоящих именуясь *старыми*, преимущественно уважались до конца жизни.— Ум, сила и властолюбие некоторых князей, Мономаха, Всеволода III, Александра Невского, Калиты, Донского, сына и внука его, обуздывали свободу новогородскую, однако ж не переменили ее главных уставов, коими она столько веков держалась, стесняемая временно, но никогда не отказываясь от своих прав.

История Новагорода составляет любопытнейшую часть древней Российской. В самых диких местах, в климате суровом основанный, может быть, толпою славянских рыбарей, которые в водах Ильменя наполняли свои мрежи изобильным ловом, он умел возвыситься до степени державы знаменитой. Окруженный слабыми, мирными племенами финскими, рано научился господствовать в соседстве; покоренный смелыми варягами, заимствовал от них дух купечества, предприимчивость и мореплавание; изгнал сих завоевателей, и будучи жертвою внутреннего беспорядка, замыслил монархию, в надежде доставить себе тишину для успехов гражданского общежития и силу для отражения внешних неприятелей; решил тем судьбу целой Европы северной, и дав бытие, дав государей нашему отечеству, успокоенный их властию, усиленный толпами мужественных пришельцев варяжских, захотел опять древней вольности: сделался собственным законодателем и судиею, ограничив власть княжескую; воевал и купечествовал; еще в X веке торговал с Царемградом, еще во XII посылал корабли в

Любек; сквозь дремучие леса открыл себе путь до Сибири, и горстию людей покорив обширные земли между Ладогою, морями Белым и Карским, рекою Обью и нынешнею Уфою, насадил там первые семена гражданственности и веры христианской; передавал Европе товары азиатские и византийские, сверх драгоценных произведений дикой натуры; сообщал России первые плоды ремесла европейского, первые открытия искусств благодетельных; славясь хитростию в торговле, славился и мужеством в битвах, с гордостию указывая на свои стены, под коими легло многочисленное войско Андрея Боголюбского; на Альту, где Ярослав Великий с верными новогородцами победил злочестивого Святополка; на Липицу, где Мстислав Храбрый с их дружиною сокрушил ополчение князей Суздальских; на берега Невы, где Александр смирил надменность Биргера, и на поля Ливоиские, где Орден Меченосцев столь часто уклонял знамена пред Святою Софиею, обращаясь в бегство. Такие воспоминания, питая народное честолюбие, произвели известную пословицу: *кто против бога и Великого Новагорода?* Жители его хвалились и тем, что они не были рабами моголов, как иные россияне: хотя и платили дань ординскую, но Великим князьям, не зная баскаков и не быв никогда подвержены их тиранству.

Довольный славным успехом новогородского похода, Иоанн скоро насладился и живейшею семейственною радостию. София была уже материю трех дочерей: Елены, Феодосии и второй Елены; хотела сына, и вместе с супругом печалилась, что бог не исполняет их желания. Для сего ходила она пешком молиться в обитель Троицкую, где, как пишут, явился ей св. Сергий, держа на руках своих благовидного младенца, приближился к Великой княгине и *ввергнул его в ее недра:* София затрепетала от видения столь удивительного; с усердием облобызала мощи святого, и чрез девять месяцев родила сына, Василий-Гавриила. Сию повесть рассказывал сам Василий (уже будучи государем) митрополиту Иоасафу.— После того София имела четырех сыновей: Георгия, Димитрия, Симеона, Андрея, дочерей Феодосию и Евдокию.

Покорение Новагорода есть важная эпоха сего славного княжения; следует другая, еще важнейшая: торжественное восстановление нашей государственной независимости, соединенное с конечным падением Большей или Золотой Орды. Тут ясно открылась мудрость Иоанновой политики, которая неусыпно искала дружбы ханов тав-

рических, чтобы силою их обуздывать Ахмата и Литву. Недолго Зенебек господствовал в Тавриде: Менгли-Гирей изгнал его, воцарился снова и прислал известить о том Иоанна, который немедленно отправил к нему гонца с поздравлением, а скоро (в 1480 году) и боярина, князя Ивана Звенца.

Боярин Звенец успел совершенно в деле своем: заключили союз, искренностию и политикою утвержденный; условились вместе воевать или мириться; наблюдать все движения Ахмата и Литвы; тайно или явно мешать их замыслам, вредным для той или другой стороны; наконец обеим державам, Москве и Крыму, действовать как единой во всех случаях.

Уверенный в дружбе Менгли-Гирея и в собственных силах, Иоанн, по известию некоторых летописцев, решился вывести Ахмата из заблуждения и торжественно объявить свободу России следующим образом. Сей хан отправил в Москву новых послов требовать дани. Их представили к Иоанну: он взял *басму* (или образ царя), изломал ее, бросил на землю, растоптал ногами; велел умертвить послов, кроме одного, и сказал ему: «спеши объявить царю виденное тобою; что сделалось с его *басмою* и послами, то будет и с ним, если он не оставит меня в покое». Ахмат воскипел яростию. «Так поступает раб наш, князь Московский!» говорил он своим вельможам, и начал собирать войско. Другие летописцы... приписывают ополчение ханское единственно наущениям Казимировым. С ужасом видя возрастающее величие России, сей государь послал одного служащего ему князя татарского, именем Акирея Муратовича, в Золотую Орду, склонять Ахмата к сильному впадению в Россию, обещая с своей стороны сделать то же. Время казалось благоприятным: Орда была спокойна; племянник Ахматов, именем Касыда, долго спорив с дядею о царстве, наконец с ним примирился. Злобствуя на Великого князя за его ослушание и не довольный умеренностию даров его, хан условился с королем, чтобы татарам идти из Волжских улусов к Оке, а литовцам к берегам Угры, и с двух сторон в одно время вступить в Россию. Первый сдержал слово, и летом (в 1480 году) двинулся к пределам московским со всею Ордою, с племянником Касыдою, с шестью сыновьями и множеством князей татарских.—К ободрению врагов наших служила тогда и несчастная распря Иоаннова с братьями: обстоятельства ее достойны замечания.

Государь, сменив наместника, бывшего в Великих Луках, князя Ивана Оболенского-Лыка, велел ему заплатить большое количество серебра тамошним гражданам, которые приносили на него жалобы, отчасти несправедливые. Князь Лыко в досаде уехал к брату Иоаннову, Борису, в Волок Ламский, пользуясь древним правом боярским переходить из службы государя московского к князьям удельным. Иоанн требовал сего беглеца от брата; но Борис ответствовал: «не выдаю; а если он виновен, то нарядим суд». Вместо суда Великий князь приказал наместнику Боровскому тайно схватить Лыка, где бы то ни было, и скованного представить в Москву: что он и сделал. Князь Борис Васильевич оскорбился: писал к брату, Андрею Суздальскому, о сем беззаконном насилии, и говорил, что Иоанн тиранствует, презирает святые древние уставы и единоутробных, не дал им части ни из удела Юриева, ни из областей Новогородских, завоевав их вместе с ними; что терпению должен быть конец, и что они не могут после того жить в государстве Московском. Андрей был такого же мнения: собрав многочисленную дружину, оба с женами и детьми выехали из своих уделов; не хотели слушать боярина Иоаннова, посланного уговорить их; спешили к литовской границе, злодействуя на пути огнем и мечом, как в земле неприятельской; остановились в Великих Луках и требовали от Казимира, чтобы он за них вступился. Король, обрадованный сим случаем, дал город Витебск на содержание их семейств, к крайнему беспокойству всех россиян, устрашенных вероятностию междоусобной войны.

Тогда услышали в Москве о походе Ахмата, который шел медленно, ожидая вестей от Казимира. Иоанн все предвидел: как скоро Золотая Орда двинулась, Менгли-Гирей, верный его союзник, по условию с ним напал на Литовскую Подолию и тем отвлек Казимира от содействия с Ахматом. Зная же, что сей последний оставил в своих Улусах только жен, детей и старцев, Иоанн велел крымскому царевичу Нордоулату и воеводе Звенигородскому, князю Василью Ноздроватому, с небольшим отрядом сесть на суда и плыть туда Волгою, чтобы разгромить беззащитную Орду или по крайней мере устрашить хана. Москва в несколько дней наполнилась ратниками.

Великий князь принял сам начальство над войском, прекрасным и многочисленным, которое стояло на берегах Оки реки, готовое к битве. Вся Россия с надеждою и страхом ожидала следствий. Иоанн был в положении

Димитрия Донского, шедшего сразиться с Мамаем: имел полки, лучше устроенные, воевод опытнейших, более славы и величия; но зрелостию лет, природным хладнокровием, осторожностию располагаемый не верить слепому счастию, которое иногда бывает сильнее доблести в битвах, он не мог спокойно думать, что один час решит судьбу России; что все его великодушные замыслы, все успехи медленные, постепенные, могут кончиться гибелию нашего войска, развалинами Москвы, новою тягчайшею неволею отечества, и единственно *от нетерпения:* ибо Золотая Орда ныне или завтра долженствовала исчезнуть по ее собственным, внутренним причинам разрушения. Димитрий победил Мамая, чтобы видеть пепел Москвы и платить дань Тохтамышу; гордый Витовт, презирая остатки Канчакского ханства, хотел одним ударом сокрушить их, и погубил рать свою на берегах Ворсклы. Иоанн имел славолюбие не воина, но государя; а слава последнего состоит в целости государства, не в личном мужестве: целость, сохраненная осмотрительною уклончивостию, славнее гордой отважности, которая подвергает народ бедствию. Сии мысли казались благоразумием Великому князю и некоторым из бояр, так, что он желал, если можно, удалить решительную битву.

Ахмат, слыша, что берега Оки к Рязанским пределам везде заняты Иоанновым войском, пошел от Дона мимо Мценска, Одоева и Любутска к Угре, в надежде соединиться там с королевскими полками, или вступить в Россию с той стороны, откуда его не ожидали. Великий князь, дав повеление сыну и брату идти к Калуге и стать на левом берегу Угры, сам приехал в Москву, где жители посадов перебиралися в Кремль с своим драгоценнейшим имением, и видя Иоанна, вообразили, что он бежит от хана. Многие кричали в ужасе: «Государь выдает нас татарам! отягощал землю налогами, и не платил дани Ординской! разгневил царя, и не стоит за отечество!» Сие неудовольствие народное, по словам одного летописца, столь огорчило Великого князя, что он не въехал в Кремль, но остановился в Красном селе, объявив, что прибыл в Москву для совета с матерью, духовенством и боярами. «Иди же смело на врага!» сказали ему единодушно все духовные и мирские сановники. Архиепископ Вассиан, седой, ветхий старец, в великодушном порыве ревностной любви к отечеству воскликнул: «Смертным ли бояться смерти? Рок неизбежен. Я стар и слаб; но не убоюся меча татарского, не отвра-

щу лица моего от его блеска».— Иоанн желал видеть сына, и велел ему быть в столицу с Даниилом Холмским: сей пылкий юноша не поехал, ответствуя родителю: «ждем татар», а Холмскому: «лучше мне умереть здесь, нежели удалиться от войска». Великий князь уступил общему мнению, и дал слово крепко противоборствовать хану. В сие время он помирился с братьями, коих послы находились в Москве; обещал жить с ними дружно, наделить их новыми волостями, требуя единственно, чтобы они спешили к нему с своею воинскою дружиною для спасения отечества. Мать, митрополит, архиепископ Вассиан, добрые советники, а всего более опасность России, к чести обеих сторон, прекратили вражду единокровных.

Иоанн приехал в Кременец, городок на берегу Лужи, и дал знать воеводам, что будет оттуда управлять их движениями. Полки наши, расположенные на шестидесяти верстах, ждали неприятеля, отразив легкий передовой отряд его, который искал переправы через Угру. 8 октября, на восходе солнца, вся сила ханская подступила к сей реке. Сын и брат Великого князя стояли на противном берегу. С обеих сторон пускали стрелы: россияне действовали и пищалями. Ночь прекратила битву. На другой, третий и четвертый день опять сражались издали. Видя, что наши не бегут, и стреляют метко, в особенности из пищалей, Ахмат удалился за две версты от реки, стал на обширных лугах и распустил войско по Литовской земле для собрания съестных припасов. Между тем многие татары выезжали из стана на берег и кричали нашим: «Дайте путь царю, или он силою дойдет до Великого князя, а вам будет худо».

Миновало несколько дней. Иоанн советовался с воеводами: все изъявляли бодрость, хотя и говорили, что силы неприятельские велики. Но он имел двух любимцев, боярина Ощеру и Григория Мамона, коего мать была сожжена князем Иоанном Можайским за мнимое волшебство: сии, как сказано в летописи, тучные вельможи любили свое имение, жен и детей гораздо более отечества, и не преставали *шептать* государю, что лучше искать мира. Они смеялись над геройством нашего духовенства, которое, не имея понятия о случайностях войны, хочет кровопролития и битвы; напоминали Великому князю о судьбе его родителя, Василия Темного, плененного татарами; не устыдились думать, что государи Московские, издревле обязывая себя клятвою не поднимать руки на ханов, не могут без вероломства

воевать с ними. Сии внушения действовали тем сильнее, что были согласны с правилами собственного опасливого ума Иоаннова. Любимцы его жалели своего богатства: он жалел своего величия, снисканного трудами осьмнадцати лет, и не уверенный в победе, мыслил сохранить оное дарами, учтивостями, обещаниями. Одним словом, государь послал боярина, Ивана Федоровича Товаркова, с мирными предложениями к Ахмату и князю Ордынскому, Темиру. Но царь не хотел слушать их, отвергнул дары, и сказал боярину: «я пришел сюда наказать *Ивана* за его неправду, за то, что он не едет ко мне, не бьет челом и уже *девять* лет не платил дани. Пусть сам явится предо мною: тогда князья наши будут за него ходатайствовать, и я могу оказать ему милость». Темир также не взял даров, ответствуя, что Ахмат гневен, и что Иоанн должен у *царского стремени* вымолить себе прощение. Великий князь не мог унизиться до такой степени раболепства. Получив отказ, Ахмат сделался снисходительнее, и велел объявить Иоанну, чтобы он прислал сына или брата, или хотя вельможу, Никифора Басенка, угодника Ординского. Государь и на то не согласился. Переговоры кончились.

Сведав об них, митрополит Геронтий, архиепископ Вассиан и Паисий, игумен Троицкий, убедительными грамотами напоминали Великому князю обет его стоять крепко за отечество и веру. Старец Вассиан писал так:

«Наше дело говорить царям истину: что я прежде изустно сказал тебе, славнейшему из владык земных, о том ныне пишу, ревностно желая утвердить твою душу и державу. Когда ты, вняв молению и доброй думе митрополита, своей родительницы, благоверных князей и бояр, поехал из Москвы к воинству с намерением ударить на врага христианского, мы, усердные твои богомольцы, денно и нощно припадали к алтарям всевышнего, да увенчает тебя господь победою. Что же слышим? Ахмат приближается, губит христианство, грозит тебе и отечеству: ты же пред ним уклоняешься, молишь о мире и шлешь к нему послов; а нечестивый дышит гневом и презирает твое моление!.. Государь! каким советам внимаешь? людей недостойных имени христианского. И что советуют? повергнуть ли щиты, обратиться ли в бегство? Но помысли, от какой славы и в какое уничижение низводят они твое величество! Предать землю Русскую огню и мечу, церкви разорению, тьмы людей погибели! Чье сердце каменное не излиется в слезах от единой мысли? О Государь! кровь паствы вопиет на не-

бо, обвиняя пастыря. И куда бежать? где воцаришься, погубив данное тебе богом стадо?.. Нет, нет! уповаем на вседержителя. Нет, ты не оставишь нас, не явишься беглецом, и не будешь именоваться предателем отечества!.. Отложи страх и возмогай о господе в державе крепости его! Един поженет тысящу, и два двигнут тьму, по слову мужа святого: *не суть боги их яко бог наш!* Господь мертвит и живит: он даст силу твоим воинам. Язычник, философ Демокрит, в числе главных царских добродетелей ставит прозорливость в мирских случаях, твердость и мужество. Поревнуй предкам своим: они не только землю Русскую хранили, но и многие иные страны покоряли; вспомни Игоря, Святослава, Владимира, коих данники были цари греческие, и Владимира Мономаха, ужасного для половцев; а прадед твой великий, хва́лы достойный Димитрий, не сих ли неверных татар победил за Доном? Презирая опасность, сражался впереди; не думал, *имею жену, детей и богатство; когда возьмут землю мою, вселюся инде* — но стал в лицо Мамаю, и бог осенил главу его в день брани. Неужели скажешь, что ты обязан клятвою своих предков не поднимать руки на ханов? Но Димитрий поднял оную. Клятва принужденная разрешается митрополитом и нами: мы все благословляем тебя на Ахмата, не царя, но разбойника и *богоборца.* Лучше солгать и спасти государство, нежели истинствовать и погубить его.

А мы соборами святительскими день и нощь молим его, да рассыплются племена нечестивые, хотящие брани; да будут омрачены молниею небесною, и яко псы гладные да лижут землю языками своими! Радуемся и веселимся, слыша о доблести твоей и богом данного тебе сына: уже вы поразили неверных.— Наконец прошу тебя, государь, не осудить моего худоумия; писано бо есть: *дай мудрому вину, и будет мудрее.* Да будет тако! Благословение нашего смирения на тебе, на твоем сыне, на всех боярах и воеводах, на всем христолюбивом воинстве... Аминь».

Прочитав сие письмо, достойное великой души бессмертного мужа, Иоанн, как сказано в летописи, *исполнился веселия, мужества и крепости;* не мыслил более о средствах мира, но мыслил единственно о средствах победы, и готовился к битве. Скоро прибыли к нему братья его, Андрей и Борис, с их многочисленною дружиною: не было ни упреков, ни извинений, ни условий; единокровные обнялися с видом искренней любви, чтобы вместе служить отечеству и христианству.

Прошло около двух недель в бездействии: россияне и татары смотрели друг на друга чрез Угру, которую первые называли *поясом Богоматери*, охраняющим московские владения. Ахмат послал лучшую свою конницу к Городищу Опакову, и велел ей украдкою переплыть Оку. Воеводы Иоанновы не пустили татар на свой берег. Ахмат злобился; грозил, что морозы откроют ему путь через реки; ждал литовцев и зимы. О литовцах не было слуха; но в исходе октября настали сильные морозы: Угра покрывалась льдом, и Великий князь приказал всем нашим воеводам отступить к Кременцу, чтобы сразиться с ханом на полях Боровских, удобнейших для битвы.

Так говорил он; так, вероятно, и мыслил. Но бояре и князья изумились, а воины оробели, думая, что Иоанн страшится и не хочет битвы. Полки не отступали, но бежали от неприятеля, который мог ударить на них с тылу. Сделалось чудо, по словам летописцев: татары, видя левый берег Угры оставленный россиянами, вообразили, что они манят их в сети, и вызывают на бой, приготовив засады: объятый странным ужасом, хан спешил удалиться. Представилось зрелище удивительное: два воинства бежали друг от друга, никем не гонимые! Россияне наконец остановились; но Ахмат ушел восвояси, разорив в Литве двенадцать городов, за то, что Казимир не дал ему помощи. Так кончилось сие последнее нашествие ханское на Россию.

Ахмат имел участь Мамая. Он вышел из Литвы с богатою добычею: князь *Шибанских* или Тюменских улусов, Ивак, желая отнять ее, с Ногайскими Мурзами, Ямгурчеем, Мусою, и с шестнадцатью тысячами казаков гнался за ним от берегов Волги до Малого Донца, где сей хан, близ Азова, остановился зимовать, распустив своих уланов. Ивак приближился ночью, окружил на рассвете царскую *белую вежу,* собственною рукою умертвил спящего Ахмата, без сражения взял Орду, его жен, дочерей, богатство, множество литовских пленников, скота; возвратился в Тюмень и прислал объявить Великому князю, что злодей России лежит в могиле. Еще так называемая Большая Орда не совсем исчезла, и сыновья Ахматовы удержали в степях Волжских имя царей; но Россия уже не поклонялась им, и знаменитая столица Батыева, где наши князья более двух веков раболепствовали ханам, обратилась в развалины.

Заметим тогдашнее расположение умов. Несмотря на благоразумные меры, взятые Иоанном для избавления государства от злобы Ахматовой: несмотря на бег-

ство неприятеля, на целость войска и державы, москвитяне, веселяся и торжествуя, не были совершенно довольны государем: ибо думали, что он не явил в сем случае свойственного великим душам мужества и пламенной ревности жертвовать собою за честь, за славу отечества. Осуждали, что Иоанн, готовясь к войне, послал супругу в отдаленные северные земли, думая о личной ей безопасности более, нежели о столице, где надлежало ободрить народ присутствием великокняжеского семейства. Строго осуждали и Софию, что она без всякой явной опасности бегала с знатнейшими женами боярскими из места в место, не хотела даже остаться и в Белозерске, уехала далее к морю и на пути позволяла многочисленным слугам своим грабить жителей как неприятелей. И так славнейшее дело Иоанново для потомства, конечное свержение ханского ига, в глазах современников не имело полной, чистой славы, обнаружив в нем, по их мнению, боязливость или нерешительность, хотя сия мнимая слабость происходит иногда от самой глубокой мудрости человеческой, которая не есть божественная, и предвидя многое, знает, что не предвидит всего.

Из главы IV

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА

1480—1490

Брак сына Иоаннова с Еленою, дочерью Стефана, господаря Молдавского.— Завоевание Твери. — Князья Ростовские, Ярославские лишены прав владетельных.

Все время явилась новая знаменитая держава в соседстве с Литвою и сделалась предметом Иоанновой политики. Мы говорили о начале Молдавского княжества, управляемого воеводами, коих имена едва нам известны до самого Стефана IV или Вели-

кого, дерзнувшего обнажить меч на ужасного Магомета II, и славными победами, одержанными им над многочисленными турецкими воинствами, вписавшего имя свое в историю редких героев: мужественный в опасностях, твердый в бедствиях, скромный в счастии, приписывая его только богу, покровителю добродетели, он был удивлением государей и народов, с малыми средствами творя великое. Вера греческая, сходство в обычаях, употребление одного языка в церковном служении и в делах государственных, необыкновенный ум обоих властителей, Российского и Молдавского, согласие их выгод и правил служили естественною связью между ими. Стефан, кроме турков, опасался честолюбивого Казимира и Менгли-Гирея: первый хотел, чтобы Молдавия зависела от королевства Польского; вторый, будучи присяжником султана, угрожал ей нападением. Иоанн мог содействовать ее независимости и безопасности, обуздывая короля страхом войны, а Менгли-Гирея дружественными представлениями, с условием, чтобы и Стефан, в случае нужды, помогал ему усердно. Сей *воевода и господарь* — так называет он себя в своих грамотах — противоборствуя насилиям султанов, утеснителей Греции, имел еще особенное право на дружество зятя Палеологов, который принял герб их и с ним обязательство быть врагом Магометовых наследников.

Таким образом расположенные к искреннему союзу, Иоанн и Стефан утвердили оный семейственным: второй предложил выдать дочь свою, Елену, за старшего сына Иоаннова, избрав в посредницы мать Великого князя. Боярин Михайло Плещеев с знатною дружиною в 1482 году отправился за невестою в Молдавию, где и совершилось обручение. Стефан отпустил дочь в Россию с своими боярами, Ланком, Синком, Герасимом и с женами их. Она ехала через Литву: Казимир не только дал ей свободный путь, но и прислал дары в знак учтивости. Прибыв в Москву после Филиппова заговенья, Елена жила в Вознесенском монастыре у матери Великого князя и до свадьбы имела время познакомиться с женихом. Их обвенчали в самый праздник Крещения. Увидим, что судьба не благословила сего союза.

Хитрою внешнею политикою утверждая безопасность государства, Иоанн возвеличил его внутри новым успехом единовластия. Он уже покорил Новгород, взял Двинскую землю, завоевал Пермь отдаленную; но в осьмидесяти верстах от Москвы видел российское особенное княжество, державу равного себе государя, по край-

ней мере имением и правами. Со всех сторон окруженная московскими владениями, Тверь еще возвышала независимую главу свою, как малый остров среди моря, ежечасно угрожаемый потоплением. Князь Михаил Борисович, шурин Иоаннов, знал опасность и не верил ни свойству, ни грамотам договорным, коими сей государь утвердил его независимость: надлежало по первому слову смирению оставить трон или защитить себя иноземным союзом. Одна Литва могла служить ему опорою, хотя и весьма слабою, как то свидетельствовал жребий Новагорода; но личная ненависть Казимирова к Великому князю, пример бывших тверских владетелей, искони друзей Литвы, и легковерные надежды, вселяемое страхом в малодушных, обратили Михаила к королю: будучи вдовцом, он вздумал жениться на его внуке и вступил с ним в тесную связь. Дотоле Иоанн, в нужных случаях располагая тверским войском, оставлял шурина в покое: узнав же о сем тайном союзе, и, как вероятно, обрадованный справедливым поводом к разрыву, немедленно объявил Михаилу войну (в 1485 году). Сей князь, затрепетав, спешил умилостивить Иоанна жертвами: отказался от имени *равного* ему брата, признал себя *младшим,* уступил Москве некоторые земли, обязался всюду ходить с ним на войну. Тверской епископ был посредником, и Великий князь, желая обыкновенно казаться умеренным, долготерпеливым, отсрочил гибель сей державы. В мирной договорной грамоте, тогда написанной, сказано, что Михаил разрывает союз с королем и без ведома Иоаннова не должен иметь с ним никаких сношений, ни с сыновьями Шемяки, князя Можайского, Боровского, и с другими российскими беглецами; что он клянется за себя и за детей своих вовеки не поддаваться Литве; что Великий князь обещает не вступаться в Тверь, и проч. Но сей договор был последним действием Тверской независимости: Иоанн в уме своем решил ее судьбу, как прежде новогородскую; начал теснить землю и подданных Михаиловых: если они чем-нибудь досаждали москвитянам, то он грозил и требовал их казни; а если москвитяне отнимали у них собственность и делали им самые несносные обиды, то не было ни суда, ни управы. Михаил писал и жаловался: его не слушали. Тверитяне, видя, что уже не имеют защитника в своем государе, искали его в московском: князья Микулинский и Дорогобужский вступили в службу Великого князя, который дал первому в поместье Дмитров, а второму Ярославль. Вслед за ними приехали и многие

бояре тверские. Что оставалось Михаилу? готовить себе убежище в Литве. Он послал туда верного человека: его задержали и представили Иоанну письмо Михайлово к королю, достаточное свидетельство измены и вероломства: ибо князь Тверской обещался не сноситься с Литвою; а в сем письме еще возбуждал Казимира против Иоанна. Несчастный Михаил отправил в Москву епископа и князя Холмского с извинениями: их не приняли. Иоанн велел наместнику новогородскому, боярину Якову Захарьевичу, идти со всеми силами ко Твери, а сам, провождаемый сыном и братьями, выступил из Москвы 21 августа со многочисленным войском и с огнестрельным снарядом (коим управлял искусный Аристотель); сентября 8 осадил Михайлову столицу и зажег предместие. Чрез два дни явились к нему все тайные его доброжелатели тверские, князья и бояре, оставив государя своего в несчастии. Михаил видел необходимость или спасаться бегством, или отдаться в руки Иоанну; решился на первое и ночью ушел в Литву. Тогда епископ, князь Михаил Холмский с другими князьями, боярами и земскими людьми, сохранив до конца верность к их законному властителю, отворили город Иоанну, вышли и поклонились ему как общему монарху России. Великий князь послал бояр своих и дьяков взять присягу с жителей; запретил воинам грабить; 15 сентября въехал в Тверь, слушал литургию в храме Преображения, и торжественно объявил, что дарует сие княжество сыну, Иоанну Иоанновичу; оставил его там и возвратился в Москву. Чрез некоторое время он послал бояр своих в Тверь, в Старицу, Зубцов, Опоки, Клин, Холм, Новогородок, описать все тамошние земли и разделить их на сохи для платежа казенных податей.

Столь легко исчезло бытие тверской знаменитой державы, которая от времен святого Михаила Ярославича именовалась *Великим* княжением и долго спорила с Москвою о первенстве. Ее народ, уступая другим россиянам в промышленности, славился мужеством и верностию к государям. Князья Тверские имели до 40 000 конного войска; но будучи врагами московских, не хотели участвовать в великом подвиге нашего освобождения и тем лишились права на общее сожаление в их бедствии. Михаил Борисович кончил дни свои изгнанником в Литве, не оставив сыновей...

Взяв Тверь мечом, Иоанн грамотою присвоил себе удел Верейский.

Присоединяя уделы к Великому княжению, Иоанн

искоренял и все остатки сей несчастной для государства системы. Ярославль уже давно зависел от Москвы, но его князья еще имели особенные наследственные права, несогласные с единовластием: они добровольно уступили их государю. Половина Ростова еще называлась отчиною тамошних князей, Владимира Андреевича, Ивана Ивановича, детей их и племянников: они продали ее Великому князю.— Сим восстановилась целость северной российской державы, как была оная при Андрее Боголюбском или Всеволоде III. Усиленное сверх того подданством Новагорода и всех его обширных владений, также уделов Муромского и некоторых Черниговских, Великое княжение Московское было уже достойно имени государства.

Из главы V

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА

1491—1496

Заключение Андрея, Иоаннова брата.— Смерть его и Бориса Васильевича.— Посольства императора Римского.

Обратимся к государственным происшествиям. — Великий князь жил мирно с братьями до кончины матери, инокини Марфы: она преставилась в 1484 году, и с того времени началось взаимное подозрение между ими. Андрей и Борис не могли привыкнуть к новому порядку вещей и досадовали на властолюбие Иоанна, который, непрестанно усиливая государство Московское, не давал им части в своих приобретениях. Лишенные защиты и посредничества любимой, уважаемой родительницы, они боялись, чтобы Великий князь не отнял у них и наследственных уделов. Иоанн также, зная сие внутреннее расположение братьев, помня их бегство в Литву и наглые злодейства в пределах

Российских, не имел к ним ни доверенности, ни любви; но соблюдал пристойность, не хотел быть явным утеснителем и в 1486 году обязался новою договорною грамотою не присвоивать себе ни Андреевых, ни Борисовых городов, требуя, чтобы сии князья не входили в переговоры с Казимиром, с Тверским изгнанником Михаилом, с литовскими панами, новогородцами, псковитянами, и немедленно сообщали ему все их письма. Следственно Иоанн опасался тайной связи между братьями, Литвою и теми россиянами, которые не любили самодержавия: может быть, и знал об ней, желая прервать оную или в противном случае не оставить братьям уже никакого извинения. Еще они с обеих сторон удерживались от явных знаков взаимного недоброжелательства, когда Андрею Василиевичу сказали, что Великий князь намерен взять его под стражу: Андрей хотел бежать; одумался и велел московскому боярину, Ивану Юрьевичу, спросить у Государя, чем он заслужил гнев его? Боярин не дерзнул вмешаться в дело столь опасное. Андрей сам пришел к брату и хотел знать вину свою. Великий князь изумился: ставил небо во свидетели, что не думал сделать ему ни малейшего зла, и требовал, чтобы он наименовал клеветника. Андрей сослался на своего боярина, Образца: Образец на слугу Иоаннова, Мунта Татищева; а последний признался, что сказал то единственно в шутку. Государь, успокоив брата, дал повеление отрезать Татищеву язык: ходатайство митрополитово спасло несчастного от сей казни; однако ж его высекли кнутом. В 1491 году Великий князь посылал войско против Ординских царей, Сеид-Ахмута и Шиг-Ахмета, которые хотели идти на Тавриду, но удалились от ее границ, сведав, что московская рать уже стоит на берегах Донца. Полководцы Иоанновы, царевич Салтаган, сын Нордоулатов, и князья Оболенские, Петр Никитич и Репня, возвратились, не сделав ничего важного. В сем походе долженствовали участвовать и братья Великого князя; но Андрей не прислал вспомогательной дружины к Салтагану. Иоанн скрыл свою досаду. Осенью, сентября 19, приехав из Углича в Москву, Андрей был целый вечер во дворце у Великого князя. Они казались совершенными друзьями: беседовали искренно и весело. На другой день Иоанн через дворецкого, князя Петра Шастунова, звал брата к себе на обед, встретил ласково, поговорил с ним и вышел в другую комнату, отослав Андреевых бояр в столовую *гридню,* где их всех немедленно взяли под стражу. В то же время князь Симеон Иванович Ря-

половский со многими иными вельможами явился перед Андреем, хотел говорить и не мог ясно произнести ни одного слова, заливаясь слезами; наконец дрожащим голосом сказал: *Государь князь Андрей Василиевич! пойман еси богом, да Государем Великим князем, Иваном Василиевичем, всея Руси, братом твоим старейшим.* Андрей встал и с твердостию ответствовал: *«волен бог, да Государь брат мой; а Всевышний рассудит нас в том, что лишаюсь свободы безвинно».* Андрея свели на Казенный двор, оковали цепями и приставили к нему многочисленную стражу, состоящую из князей и бояр; двух его сыновей, Ивана и Димитрия, заключили в Переславле; дочерей оставили на свободе.

Андрей в 1493 году умер в темнице, к горести Великого князя, по уверению летописцев. Рассказывают, что он (в 1498 году), призвав митрополита и епископов во дворец, встретил их с лицом печальным, безмолвствовал, залился слезами и начал смиренно каяться в своей жестокости, быв виною жалостной, безвременной кончины брата. Митрополит и епископы сидели: государь стоял перед ними и требовал прощения. Они успокоили его совесть: отпустили ему грех, но с пастырским душеспасительным увещанием.— Борис Василиевич также скоро преставился.

Между тем и внешние политические отношения России более возвышали достоинство ее монарха. Послы Ольгины находились в Германии, при Оттоне I, а немецкие в Киеве около 1075 года; Изяслав I и Владимир Галицкий искали покровительства римских императоров; Генрик IV был женат на княжне Российской, и Фридерик Барбаросса уважал Всеволода III: но с того времени мы не имели сообщения с империею, до 1486 года, когда знатный рыцарь, именем Николай Поппель, приехал в Москву с письмом Фридерика III, без всякого особенного поручения, единственно из любопытства. «Я видел» — говорил он — «все земли христианские и всех королей: желаю узнать Россию и Великого князя». Бояре ему не верили и думали, что сей иноземец с каким-нибудь злым намерением подослан Казимиром Литовским; однако ж Поппель, удовлетворив своему любопытству, благополучно выехал из России и чрез два года возвратился в качестве посла императорского с новою грамотою от Фридерика и сына его, короля римского, Максимилиана, писанною в Ульме 26 декабря 1488 года.

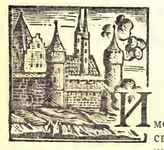
Весьма достопамятна третия аудиенция, данная пос-

лу Фридерикову в *набережных сенях,* где сам Великий князь слушал его, отступив несколько шагов от своих бояр. «Молю о скромности и тайне», сказал Поппель: «ежели неприятели твои, ляхи и богемцы, узнают, о чем я говорить намерен: то жизнь моя будет в опасности. Мы слышали, что ты, Государь, требовал себе от Папы *королевского* достоинства; но знай, что не Папа, а только император жалует в короли, в принцы и в рыцари. Если желаешь быть королем, то предлагаю тебе свои услуги. Надлежит единственно скрыть сие дело от монарха польского, который боится, чтобы ты, сделавшись ему равным государем, не отнял у него древних земель Российских». Ответ Иоаннов изображает благородную, истинно царскую гордость. Бояре сказали послу так: «Государь, Великий князь, божиею милостию наследовал державу русскую от своих предков, и *поставление* имеет от бога, и молит бога, да сохранит оную ему и детям его вовеки; а поставления от иной власти никогда не хотел и не хочет».

Из главы VI

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА

1495—1503



Заложен Ивангород.— Гнев Вел. князя на ливонских немцев и заключение всех купцов Ганзейских в России.— Союз с Даниею. — Война с шведами.— Иоанн в Новегороде.— Поход на Гамскую землю, или Финляндию.

Имея Литву главным предметом своей политики, государь с тою же деятельностию занимался и другими внешними делами, важными для чести и безопасности России. Он велел в 1492 году заложить каменную крепость против Нарвы, на Девичьей горе, с высокими башнями, и назвал ее, по своему имени,

Ивангород, к великому беспокойству ливонских немцев, которые однако ж не могли ему в том воспрепятствовать, и в 1493 году продолжили мир с Россиею на десять лет. Чрез несколько месяцев — так пишет немецкий историк — «всенародно сожгли в Ревеле одного россиянина, уличенного в гнусном преступлении, и легкомысленные из тамошних граждан сказали его единоземцам: *мы сожгли бы и вашего князя, если бы он сделал у нас то же.* Сии безрассудные слова, пересказанные государю Московскому, возбудили в нем столь великий гнев, что он изломал трость свою, бросил на землю и, взглянув на небо, грозно произнес: *бог суди мое дело и казни дерзость»*. А наш летописец говорит, что ревельцы обижали купцов новогородских, грабили их на море, без обсылки с Иоанном и без исследования варили его подданных в котлах, и делали несносные грубости послам московским, которые ездили в Италию и в немецкую землю. Раздраженный государь требовал, чтобы ливонское правительство выдало ему магистрат Ревельский, и, получив отказ, велел схватить ганзейских купцов в Новегороде: их было там 49 человек, из Любека, Гамбурга, Грейфсвальда, Люнебурга, Мюнстера, Дортмунда, Билефельда, Унны, Дуизбурга, Эймбека, Дудерштата, Ревеля и Дерпта. Запечатали немецкие гостиные дворы, лавки и божницу; отняли и послали в Москву все товары, ценою на миллион гульденов; заключили несчастных в тяжкие оковы и в душные темницы. Весть о сем бедственном случае произвела тревогу во всей Германии. Давно не бывало подобного: Новгород в самых пылких ссорах с ливонским Орденом щадил купцов Ганзейских, имея нужду во многих вещах, ими доставляемых России: ибо они привозили к нам не только фламандские сукна и другие немецкие рукоделия, но и соль, мед, пшеницу. Ганза находилась тогда на вышней степени ее силы и богатства. Новогородская контора сего достопамятного купеческого союза издавна считалась материю других: удар столь жестокий произвел всеобщее замешательство в делах оного. Послы Великого магистра, семидесяти городов немецких, и зятя Иоаннова, Александра, приехали в Москву ходатайствовать за Ганзу и требовать освобождения купцов, предлагая с

обеих сторон выслать судей на остров реки Наровы для разбора всех неудовольствий. Миновало более года: заключенные томились в темницах. Наконец государь умилостивился и велел отпустить их: некоторые умерли в оковах, другие потонули в море на пути из Ревеля в Любек; немногие возвратились в отечество, и все лишились имения: ибо им не отдали товаров. Сим пресеклась торговля Ганзейская в Новагороде, быв для него источником богатства и самого гражданского просвещения в то время, когда Россия, омраченная густыми тенями варварства могольского, сим одним путем сообщалась с Европою. Иоанн без сомнения сделал ошибку, последовав движению гнева; хотел исправить оную и не мог: немецкие купцы уже страшились вверять судьбу свою такой земле, где единое мановение грозного самовластителя лишало их вольности, имения и жизни, не отличая виновных от невинных. Любек, Гамбург и другие союзные города, пострадав за Ревель, имели причину жаловаться на жестокость Иоанна, который думал только явить гнев и милость, в надежде, что немцы, смиренные наказанием, с благодарностию возвратятся на свое древнее торжище: чего однако ж не случилось. Люди охотнее подвергаются морским волнам и бурям, нежели беззаконному насилию правительств. Дворы, божница, лавки немецкие опустели в Новегороде; торговля перешла оттуда в Ригу, Дерпт и Ревель, а после в Нарву, где россияне менялись своими произведениями с чужестранными купцами.

Так Великий князь в порыве досады разрушил благое дело веков, к обоюдному вреду Ганзы и России, в противность собственному его всегдашнему старанию быть в связи с образованною Европою. Некоторые историки умствуют, что Иоанн видел в Ганзейских купцах проповедников народной вольности, питающих дух мятежа в Новегороде, и для того гнал их; но сия мысль не имеет никакого исторического основания, и не согласна ни с духом времени, ни с характером Ганзы, которая думала единственно о своих торговых выгодах, не вмешиваясь в политические отношения граждан к правительству, и несмотря на покорение Новагорода, еще несколько лет купечествовала там свободно. Другие пишут, что Великий князь сделал то в угождение королю

датскому, ее неприятелю; что, они условились вместе воевать Швецию; что король уступал Иоанну знатную часть Финляндии, требуя уничтожения Ганзейской конторы в Новегороде. Сии два монарха действительно заключили между собою тесный союз. Наши послы возвратились из Копенгагена с новым послом датским, и скоро воеводы российские, князь Щеня, боярин Яков Захарьевич, князь Василий Федорович Шуйский, осадили Выборг. Приготовления и силы наши были велики. Желая изъявить особенное усердие, псковитяне с каждых десяти сох поставили вооруженного всадника и на шумном Вече обесчестили многих иереев, которые доказывали Новоканоном, что жители церковных сел не должны участвовать в земских ополчениях. Но россияне около трех месяцев стояли под Выборгом и не могли взять его. Уверяют, что тамошний начальник, храбрый витязь Кнут Поссе, видя их уже на стене крепости, зажег башню, где лежал порох: она с ужасным треском взлетела на воздух, а с нею и множество россиян; другие, оглушенные, израненные обломками, пали на землю; остальные бежали, гонимые страхом и мечом осажденных. Сей случай, едва ли не баснословный, долго жил в памяти финнов под именем *Выборгского треска* и прославил мнимое волшебное искусство Кнута Поссе. Воеводы наши удовольствовались только опустошением сел на пространстве тридцати или сорока миль.

Желая распорядить на месте военные действия, Иоанн сам ездил в Новгород со внуком Димитрием и сыном Юрием, оставив старшего сына, Василия, в Москве. Уже сей город не имел ни прежнего многолюдства, ни величавых бояр, ни купцов именитых; но архиепископ Геннадий и наместники старались пышною встречею удовлетворить вкусу Иоаннову ко всему торжественному: святитель, духовенство, чиновники, народ ждали государя на Московской дороге; радостные восклицания провожали его до Софийской церкви: он обедал у Геннадия со двором своим, который состоял из осьми бояр московских, четырех тверских, трех окольничих, великого дворецкого, постельничего, спальничего, трех дьяков, пятидесяти князей и многих детей боярских.

Воеводы, князь Василий Косой, Андрей Федорович Челяднин, Александр Владимирович Ростовский и Дмитрий Васильевич Шеин, посланные на *Гамскую* землю, *Ям* или Финляндию, разбили 7000 шведов. Сам

государственный правитель, Стен Стур, находился в Або, имея сорок тысяч воинов, и хотел встретить россиян в поле; но дал им время уйти назад с добычею и пленниками. Иоанн возвратился в Москву, приказав двум братьям, князьям Ивану и Петру Ушатым, собрать войско в области Устюжской, Двинской, Онежской, Вагской и весною идти на Каянию или *на десять рек*. Сей поход имел важнейшее следствие: князья Ушатые не только разорили всю землю от Корелии до Лапландии, но и присоединили к российским владениям берега Лименги, коих жители отправили посольство к Великому князю в Москву и дали клятву быть его верноподданными. За то шведский чиновник, Свант Стур, с двумя тысячами воинов и с огнестрельным снарядом приплыв на семидесяти легких судах из Штокгольма в реку Нарову, взял Иваньгород. Тамошний начальник, князь Юрий Бабич, первый ушел из крепости; а воеводы, князья Иван Брюхо и Гундоров, стояли недалеко оттуда с полком многочисленным, видели приступ шведов и не дали никакой помощи гражданам. Зная, что ему нельзя удержать сего места, Свант уступал оное ливонскому рыцарству; но магистр отказался от приобретения столь опасного. Шведы разорили часть крепости и спешили удалиться с тремя стами пленников.

Война кончилась тем, что король датский, друг Иоаннов, сделался государем Швеции, согласно с желанием ее сената и духовенства. Он старался всячески соблюсти приязнь Великого князя и, может быть, отдал ему некоторые места в Финляндии. Два раза (в 1500 и в 1501 году) послы его были в Москве, а наши в Дании, вероятно для утверждения бесспорных границ между обеими державами. Финляндия наконец отдохнула, претерпев ужасные бедствия от наших частых впадений, так, что шведский государственный совет, обвиняя бывшего правителя Стена во многих жестокостях, сказал в манифесте: «он злодействовал в Швеции как россияне в Финляндии!» Главною причиною сей войны было, кажется, упрямство Стена, который никак не хотел относиться к новогородским наместникам, требуя, чтобы сам Великий князь договаривался с ним о мире: Иоанн досадовал на такую гордость и желал смирить оную.

Из главы VII

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА

1503—1505

Кончина Софии и болезнь Иоаннова.— Завещание.— Суд и казнь еретиков.— Василий женится на Соломонии — Тогдашнее состояние Европы.— Иоанн творец величия России.— Устроил лучшее войско. — Утвердил единовластие.— Имя Грозного.— Жестокость его характера.— Мнимая нерешительность есть осторожность.— Название Великого, приписанное ему иностранцами. — Сходство с Петром I — Титул царский.— Белая Россия.— Умножение доходов.— Законы Иоанновы.— Городская и земская полиция.— Поставление Кесарийского митрополита в Москве.— Российский монастырь на Афонской горе.— Каплан Августинского ордена принимает греческую веру.— Некоторые бедствия Иоаннова века.— Древнейшее описание княжеской свадьбы.— Путешествие в Индию.

Сей монарх не слабел ни в проницании, ни в бодрости, ни в усердии ко благу вверенной ему небом державы, вопреки своим уже преклонным летам и сердечным горестям, необходимым в жизни смертного. Он лишился тогда супруги: хотя, может быть, и не имел особенной к ней горячности; но ум Софии в самых важных делах государственных, ее полезные советы и, наконец, долговременная свычка между ими сделала для него сию потерю столь чувствительною, что здоровье Иоанново, дотоле крепкое, расстроилось. Веря более действию усердной молитвы, нежели искусству врачевания, государь поехал в Лавру св. Сергия, в Переславль, в Ростов и в Ярославль, где находились знаменитые святостию обители. Там, сопровождаемый всеми детьми, но без всякого мирского великолепия, он в виде простого смертного умилялся пред богом, ожидая от него исцеления или мирной кончины; но, вкусив сладость христианской набожности, спешил возвратиться на престол, чтобы устроить будущую судьбу России.

Он написал завещание, в присутствии знатнейших бояр, князей Василия Холмского, Даниила Шеина, Якова Захарьевича, казначея Дмитрия Владимировича и духовника, архимандрита Андрониковского, именем Митрофана, объявив старшего сына, Василия Иоанновича, преемником монархии, Государем всей России и меньших его братьев.

Иоанн хотел утвердить и спокойствие нашей православной церкви. В сие время возобновилось дело *жидовской ереси,* нами описанной. Еще она не пресеклась, хо-

тя и скрывалась. Иосиф Волоцкий в Москве, архиепископ Геннадий в Новагороде неутомимо старались истребить сие несчастное заблуждение ума: первый только говорил и писал, вторый действовал в своей епархии, откуда многие из гонимых еретиков бежали в немецкую землю и в Литву. Убежденный наконец представлениями духовенства, или сам видя упрямство отступников, не исправленных средствами умеренности, ни клятвою церковною, ни заточением, Великий князь решился быть строгим, опасаясь казаться излишно снисходительным или беспечным в деле душевного спасения. Созвав епископов, он вместе с ними и с митрополитом снова выслушал доносы. Иосиф Волоцкий заседал с судиями, гремел красноречием, обличал еретиков и требовал для них мирской казни. Главными из обвиняемых были дьяк Волк Иван Курицын, посыланный к императору Максимилиану с Юрием Траханиотом,— Дмитрий Коноплев, Иван Максимов, Некрас Рукавов и Кассиан, архимандрит Юрьевского Новогородского монастыря: они дерзнули говорить откровенно, утверждая мнимую истину своих понятий о вере; были осуждены на смерть и всенародно сожжены в клетке; иным отрезали язык, других заключили в темницы или разослали по монастырям. Почти все изъявляли раскаяние; но Иосиф доказывал, что раскаяние, вынужденное пылающим костром, не есть истинное и не должно спасти их от смерти. Сия жестокость скорее может быть оправдана политикою, нежели верою христианскою, столь небесно-человеколюбивою, что она ни в каком случае не прибегает к мечу; единственными орудиями служат ей мирные наставления, молитва, любовь: таков по крайней мере дух Евангелия и книг апостольских. Но если кроткие наставления не имеют действия; если явный, дерзостный соблазн угрожает церкви и государству, коего благо тесно связано с ее невредимостию: тогда не митрополит, не духовенство, но государь может справедливым образом казнить еретиков. Сия пристойность была соблюдена: их осудили, как сказано в летописях, по *градскому* закону.

Сын и наследник Великого князя, Василий, имел уже 25 лет от рождения и еще не был женат, в противность тогдашнему обыкновению. Политика осуждает брачные союзы государей с подданными, особенно в правлениях самодержавных: свойственники требуют отличия без достоинств, милостей без заслуг; и сии, так сказать, родовые вельможи, пользуясь исключительными правами, редко не употребляют оных во зло, думая, что госу-

дарь обязан в них уважать самого себя, то есть, честь своего дома. Нарушается справедливость, истощается казна, или семейственные докуки вредят драгоценному спокойствию монарха. Зная сию, как и многие другие важные для единовластия истины по внушению собственного гения, Иоанн думал женить сына на принцессе иностранной: будучи союзником Дании, он предлагал ее королю утвердить их взаимную дружбу свойством: для того, может быть, находился в Москве датский посол около 1503 года; но король — в угождение ли шведам, коих ему хотелось снова подчинить Дании, и которые не любили России, или затрудняясь иноверием жениха — уклонился от чести быть тестем наследника великокняжеского и выдал дочь свою, Елисавету, за курфюрста Бранденбургского. Видя пред собою близкую кончину, желая благословить счастливый брак сына и не имея уже времени искать невесты в странах отдаленных, государь решился тогда женить его на подданной. Пишут, что сам Василий хотел того, уважив совет любимого им боярина, грека Юрия Малого, у которого была дочь невеста; но жених выбрал иную, будто бы из 1500 благородных девиц, представленных для сего ко двору: Соломонию, дочь весьма незнатного сановника Юрия Константиновича Сабурова, одного из потомков выходца ординского, Мурзы Чета. Соломония отличалась, как вероятно, достоинствами целомудрия, красотою, цветущим здравием; но в выборе не участвовала ли и политика? Может быть, Иоанн лучше хотел вступить в свойство с простым дворянином, нежели с князем или с боярином, чтобы иметь более способов наградить родственников невестки без излишней щедрости и не уделяя им особенных прав, несовместных с званием подданного. Отец Соломонии был возвышен на степень боярина уже в царствование Василия. Но мудрый Иоанн не предвидел, что сей брак, приближив Годуновых, ее родственников, ко трону, будет виною ужасных для России бедствий и гибели царского дома!

Иоанн явился на феатре политическом в то время, когда новая государственная система вместе с новым могуществом государей возникала в целой Европе на развалинах системы феодальной или поместной. Власть королевская усилилась в Англии, во Франции. Испания, свободная от ига мавров, сделалась первостепенною державою. Португалия цвела, приобретая богатства успехами мореплавания и важными для торговли открытиями. Разделенная Италия хвалилась по крайней мере

флотами, купечеством, искусствами, науками и тонкою политикою. Беспечность и равнодушие императора, Фридерика IV, не могли успокоить Германии, волнуемой междоусобиями; но сын его, Максимилиан, уже готовил в уме своем счастливую перемену для ее внутреннего состояния, которой надлежало возвысить достоинство императорское, униженное слабодушием Рудольфовых преемников, и поставить дом Австрийский на вышнюю степень величия. Венгрия, Богемия, Польша, управляемые тогда Гедиминовым родом, составляли как бы одну державу и вместе с Австриею могли обуздывать ужасное для христиан властолюбие Баязета. Соединение трех государств северных, обещая им силу и важность в политической системе Европы, было предметом усилий короля датского. Республика Швейцарская, основанная любовию к вольности, безопасная в ограде твердынь альпийских, но побуждаемая честолюбием и корыстию, хотела славы участвовать в распрях монархов сильнейших, и заслуживала оную храбростию своих пастырей. Ганза — сей торговый и воинский союз осьмидесяти пяти городов немецких, беспримерный в летописях и весьма достопамятный в отношении к древней России — пользовалась всеобщим уважением государей и народов. Личная слава Плеттенбергова возвысила достоинство ордена Ливонского и немецкого.— Кроме успехов власти монархической и разумной политики, которая произвела сношения между самыми отдаленными государствами — кроме лучшего гражданского состояния, если не всех, то по крайней мере многих держав — век Иоаннов ознаменовался великими открытиями. Гуттенберг и Фауст изобрели книгопечатание, которое более всего способствовало распространению знаний, едва ли уступая в важности и в пользе изобретению букв. Колумб открыл новый мир, привлекательный для хищного корыстолюбия и торговли, любопытный для испытателей естества и для философа, который, видя там человечество в состоянии дикой природы и все начальные степени ума гражданского, историею Америки объяснил для себя всемирную. Драгоценные произведения Индии достигали Азова чрез Персию и море Каспийское, путем многотрудным, медленным, неверным: сия страна, древнейшая населением, образованием, художествами, скрывалась от европейцев как бы за щитом непроницаемым, и темные об ней слухи рождали басни о несметных ее богатствах. Смелые порывы некоторых мореплавателей обойти Африку увенчались наконец со-

вершенным успехом, и Васко де-Гаме, оставив за собою мыс Доброй Надежды, с таким же восторгом увидел берег Индии, с каким Христофор Колумб Америку. Сии два открытия, обогатив Европу, распространив ее мореплавание, умножив промышленность, сведения, роскошь и приятности гражданской жизни, имели сильное влияние на судьбу держав. Политика сделалась хитрее, дальновиднее, многосложнее: при заключении государственных договоров министры смотрели на географические чертежи и вычисляли торговые прибытки, основывая на них государственное могущество; родились новые связи между народами; одним словом, началась новая эпоха, если не для мирного счастия людей, то по крайней мере для ума, для силы правительств и для общественного духа государств благоприятная.

Россия около трех веков находилась вне круга европейской политической деятельности, не участвуя в важных изменениях гражданской жизни народов. Хотя ничто не делается вдруг; хотя достохвальные усилия князей московских, от Калиты до Василия Темного, многое приготовили для единовластия и нашего внутреннего могущества: но Россия при Иоанне III как бы вышла из сумрака теней, где еще не имела ни твердого образа, ни полного бытия государственного. Благотворная хитрость Калиты была хитростию умного слуги ханского. Великодушный Димитрий победил Мамая, но видел пепел столицы и раболепствовал Тохтамышу. Сын Донского, действуя с необыкновенным благоразумием, соблюл единственно целость Москвы, невольно уступив Смоленск и другие наши области Витовту, и еще искал милости в ханах; а внук не мог противиться горсти хищников татарских, испил всю чашу стыда и горести на престоле, униженном его слабостию, и быв пленником в Казани, невольником в самой Москве, хотя и смирил наконец внутренних врагов, но восстановлением уделов подвергнул великое княжество новым опасностям междоусобия. Орда с Литвою как две ужасные тени заслоняли от нас мир и были единственным политическим горизонтом России, слабой, ибо она еще не ведала сил, в ее недре сокровенных. Иоанн, рожденный и воспитанный данником степной Орды, подобной нынешним киргизским, сделался одним из знаменитейших государей в Европе, чтимый, ласкаемый от Рима до Царяграда, Вены и Копенгагена, не уступая первенства ни императорам, ни гордым султанам; без учения, без наставлений, руководствуемый только природным умом, дал себе мудрые пра-

вила в политике внешней и внутренней; силою и хитростию восстановляя свободу и целость России, губя царство Батыево, тесня, обрывая Литву, сокрушая вольность новогородскую, захватывая уделы, расширяя владения московские до пустынь Сибирских и Норвежской Лапландии, изобрел благоразумнейшую, на дальновидной умеренности основанную для нас систему войны и мира, которой его преемники долженствовали единственно следовать постоянно, чтобы утвердить величие государства. Бракосочетанием с Софиею обратив на себя внимание держав, раздрав завесу между Европою и нами, с любопытством обозревая престолы и царства, не хотел мешаться в дела чуждые; принимал союзы, но с условием ясной пользы для России; искал орудий для собственных замыслов и не служил никому орудием, действуя всегда, как свойственно великому, хитрому монарху, не имеющему никаких страстей в политике, кроме добродетельной любви к прочному благу своего народа. Следствием было то, что Россия, как держава независимая, величественно возвысила главу свою на пределах Азии и Европы, спокойная внутри, и не боясь врагов внешних.

Совершая сие великое дело, Иоанн преимущественно занимался устроением войска: летописцы говорят с удивлением о сильных его полках. Он первый, кажется, начал давать земли или поместья боярским детям, обязанным, в случае войны, приводить с собою несколько вооруженных холопей или наемников, конных или пеших, соразмерно доходам поместья (от сего умножилось число ратников); принимал в службу и многих литовских, немецких пленников, волею и неволею: сии иноземцы жили за Москвою-рекою в особенной слободе. С его времени также начинаются *розряды*, которые дают нам ясное понятие о внутреннем образовании войска, состоявшего обыкновенно из пяти так называемых *полков:* Большого, Передового, Правого, Левого и Сторожевого, или запасного. Каждый имел своего воеводу; но предводитель Большого полка был главным. Не дозволяя вождям считаться между собою в старейшинстве, государь еще менее терпел непослушание воинов: сын великокняжеский, Димитрий, возвратясь из-под Смоленска, жаловался, что многие дети боярские без его ведома приступали к городу, отлучались из стана и ездили грабить: Иоанн наказал их всех, темницею или торговою казнию. Силою, устройством, мужеством рати и воевод побеждая от Сибири до Эмбаха и Десны, он лично

не имел духа воинского. «Сват мой» — говорил об нем Стефан Молдавский — «есть странный человек: сидит дома, веселится, спит покойно и торжествует над врагами. Я всегда на коне и в поле, а не умею защитить земли своей». То есть Иоанн родился не воином, но монархом; сидел на троне лучше, нежели на ратном коне, и владел скиптром искуснее, нежели мечом. Имея выспренний ум для государственной науки, он имел слуг для победы: Холмский, Стрига, Щеня вели к ней его легионы. Воин на престоле опасен: легко может обмануть себя и начать кровопролитие только для своего личного славолюбия; легко может одною несчастною битвою утратить плоды десяти счастливых. Ему трудно быть миролюбивым: а народы желают сего качества в венценосцах. Одна необходимая для государственной целости и независимости война есть законная: так Иоанн воевал с Ахматом и Литвою, среди успехов не отвергая мира, согласного с нашим благом.

Внутри государства он не только учредил единовластие — до времени оставив права князей владетельных одним украинским или бывшим литовским, чтобы сдержать слово и не дать им повода к измене — но был и первым, истинным самодержцем России, заставив благоговеть пред собою вельмож и народ, восхищая милостию, ужасая гневом, отменив частные права, несогласные с полновластием венценосца. Князья племени Рюрикова и св. Владимира служили ему наравне с другими подданными и славились титлом бояр, дворецких, окольничих, когда знаменитою, долговременною службою приобретали оное.

Председательствуя на соборах церковных, Иоанн всенародно являл себя главою духовенства; гордый в сношениях с царями, величавый в приеме их посольств, любил пышную торжественность; уставил обряд *целования* монаршей руки в знак лестной милости; хотел и всеми наружными способами возвышаться пред людьми, чтобы сильно действовать на воображение; одним словом, разгадав тайны самодержавия, сделался как бы земным богом для россиян, которые *с сего времени* начали удивлять все иные народы своею беспредельною покорностию воле монаршей. Ему первому дали в России имя *Грозного,* но в похвальном смысле: грозного для врагов и строптивых ослушников. Впрочем, не будучи тираном, подобно своему внуку, Иоанну Васильевичу Второму, он без сомнения имел природную жестокость во нраве, умеряемую в нем силою разума. Редко осно-

вателн монархий славятся нежною чувствительностию, и твердость, необходимая для великих дел государственных, граничит с суровостию. Пишут, что робкие женщины падали в обморок от гневного, пламенного взора Иоаннова; что просители боялись идти ко трону; что вельможи трепетали и на пирах во дворце, не смели шепнуть слова, ни тронуться с места, когда государь, утомленный шумною беседою, разгоряченный вином, дремал по целым часам за обедом: все сидели в глубоком молчании, ожидая нового *приказа* веселить его и веселиться.— Уже заметив строгость Иоаннову в наказаниях, прибавим, что самые знатные чиновники, светские и духовные, лишаемые сана за преступления, не освобождались от ужасной торговой казни: так (в 1491 году) всенародно секли кнутом Ухтомского князя, дворянина Хомутова и бывшего архимандрита Чудовского за подложную грамоту, сочиненную ими на землю умершего брата Иоаннова.

История не есть похвальное слово и не представляет самых великих мужей совершенными. Иоанн как человек не имел любезных свойств ни Мономаха, ни Донского, но стоит как государь на вышней степени величия. Он казался иногда боязливым, нерешительным, ибо хотел всегда действовать осторожно. Сия осторожность есть вообще благоразумие: оно не пленяет нас подобно великодушной смелости; но успехами медленными, как бы неполными, дает своим творениям прочность. Что оставил миру Александр Македонский? — славу. Иоанн оставил государство, удивительное пространством, сильное народами, еше сильнейшее духом правления, то, которое ныне с любовию и гордостию именуем нашим любезным отечеством. Россия Олегова, Владимирова, Ярославова погибла в нашествие моголов: Россия нынешняя образована Иоанном; а великие державы образуются не механическим слеплением частей, как тела минеральные, но превосходным умом державных. Уже современники первых счастливых дел Иоанновых возвестили в истории славу его: знаменитый летописец польский, Длугош, в 1480 году заключил свое творение хвалою сего неприятеля Казимирова. Немецкие, шведские историки шестого-надесять века согласно приписали ему имя Великого; а новейшие замечают в нем разительное сходство с Петром Первым: оба без сомнения велики; но Иоанн, включив Россию в общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованных народов, не мыслил о введении новых обыча-

ев, о перемене нравственного характера подданных; не видим также, чтобы пекся о просвещении умов науками: призывая художников для украшения столицы и для успехов воинского искусства, хотел единственно великолепия, силы; и другим иноземцам не заграждал пути в Россию, но единственно таким, которые могли служить ему орудием в делах посольских или торговых; любил изъявлять им только милость, как пристойно великому монарху, к чести, не к унижению собственного народа. Не здесь, но в истории Петра должно исследовать, кто из сих двух венценосцев поступил благоразумнее или согласнее с истинною пользою отечества.

Петр думал возвысить себя чужеземным названием императора: Иоанн гордился древним именем Великого князя и не хотел нового; однако ж в сношениях с иностранцами принимал имя *царя,* как почетное титло великокняжеского сана, издавна употребляемое в России. Так Изяслав II, Димитрий Донской назывались *царями.* Сие имя не есть сокращение латинского Caesar, как многие неосновательно думали, но древнее восточное, которое сделалось у нас известно по славянскому переводу Библии и давалось императорам византийским, а в новейшие времена ханам могольским, имея на языке персидском смысл *трона* или верховной власти; оно заметно также в окончании собственных имен монархов ассирийских и вавилонских: Фалл*ассар,* Набон*ассар,* и проч.— Исчисляя в титуле своем все особенные владения государства Московского, Иоанн наименовал оное *Белою Россиею,* то есть великою или древнею, по смыслу сего слова в языках восточных.

Он умножил государственные доходы приобретением новых областей и лучшим порядком в собирании дани, расписав земледельцев на сохи, и каждого обложив известным количеством сельских, хозяйственных произведений и деньгами: что записывалось в особенные книги. Например, два земледельца, высевая для себя *6 коробей* или четвертей ржи, давали ежегодно Великому князю 2 гривны и 4 деньги (около нынешнего серебряного рубля), 2 четверти ржи, три овса, осьмину пшеницы, ячменя, так, что с тягла сходило по нынешним умеренным ценам более двадцати рублей нашими ассигнациями.

Вероятно, что казна имела также немалый доход от внешней торговли: недаром Великий князь столь ревностно заботился об ее безопасности в Азове и в Кафе; недаром послы его обыкновенно езжали туда с обозами купеческими, нагруженными пушным, драгоценным то-

варом, мехами собольими, лисьими, горностаевыми, зубами рыбьими, *лунскими* (немецкими, лондонскими) однорядками, холстом, юфтью: на что россияне выменивали жемчуг, шелк, тафту. Богатство древних наших государей известно более по сказкам, нежели по действительным историческим свидетельствам. Лев Диакон пишет, что византийский император Никифор дал Святославу 15 центнеров золота: согласно ли сие с бедностию даров, принятых матерію Святослава от Константина Багрянородного? Владимир Мономах говорит в своем *Поучении,* что он, будучи князем Смоленским, привез отцу 300 гривен золота; но число означено в рукописи буквою, и не весьма ясно. По крайней мере новейшие Великие князья не могли равняться богатством с Иоанном. «Каждому из сыновей моих — говорит он в завещании — оставляю по нескольку ларцов с казною, за их и моею печатями, у государственного казначея, печатника и дьяков. Все иные сокровища, лалы, яхонты, жемчуг, драгоценные иконы, сосуды, деньги, золото и серебро, соболи, шелковые ткани, одежды — все, что находится в моей казне *постельной,* у дворецкого, конюшего, ясельничих, приказчиков, в Москве, в Твери, Новегороде, Белеозере, Вологде и везде — то все сыну моему Василию».— Вспомним, что, кроме умножения обыкновенных, поземельных и таможенных доходов, открытие и произведения пермских рудников служили новым источником богатства для государствования Иоаннова.

Сей монарх, оружием и политикою возвеличив Россию, старался. подобно Ярославу I, утвердить ее внутреннее благоустройство общими гражданскими законами, в коих она имела необходимую нужду, быв долгое время жертвою разновластия и беспорядка. Митрополит Геронтий, в 1488 году отсылая некоторых лишенных сана иереев к суду государева наместника, пишет в своей грамоте, что они должны быть судимы, как уставил Великий князь, по *царским правилам,* или по законам царей греческих, внесенным в Кормчую книгу: следственно сия книга служила тогда для нас и гражданским уложением в случаях, неопределенных российским правом. Но в 1498 году Иоанн велел дьяку Владимиру Гусеву собрать все наши древние судные грамоты, рассмотрел, исправил и выдал собственное уложение, коего важнейшие статьи переведены на латинский язык Сигизмундом Герберштеином и находятся в описании Максимилианова посольства к Великому князю Василию. Читая сей перевод, видим, что известный судебник

царя Иоанна Васильевича основан на уложении деда его: те же законы и слова. Все решалось единоборством, и виновный, то есть побежденный, платил судьям, боярину, дворецкому или казначею государственному десятую долю иска, окольничему 100 денег и доспех свой, *недельщику*, или приставу 100 денег и 4 алтына, дьяку 50 денег, если дело шло о драке или займе. Самое душегубство, зажигательство, разбой, татьба судились боем: в таком случае все имение виновного отдавалось судьям; а за вину была, по ее мере, телесная казнь. Обличенные убийцы своих господ, изменники, предатели городов, церковные и *головные* тати, подчетчики, зажигатели наказывались смертию. За *первое* воровство, кроме церковного и *головного*, налагали денежную пеню в удовлетворение истцу; за *второе* казнили смертию, и даже без суда, если кто-нибудь из *честных* людей утверждал клятвенно, что обвиняемый и прежде оказывался вором. Подозрительного, развратного человека, уличаемого в татьбе, пытали; но если не было ни собственного признания, ни совершенной улики, то выпускали его *на крепкую поруку*.— Наместники, не имевшие *полной* судебной власти, могли разбирать жалобы и налагать пени в несколько рублей, но долженствовали сообщать свои приговоры судьям великокняжеским на утверждение: только в случае одобренного ими решения наместнику и дьяку его выдавалась уставленная законом судная пошлина.— С доносом в татьбе, разбое, душегубстве надлежало всегда ехать в Москву, откуда посылали недельщика за обвиняемым. Истец представлял свидетелей. Судья спрашивал: «можно ли им верить?» *Допросите их как закон и совесть повелевают,* ответствовали судимые. Начинали говорить свидетели: обвиняемый возражал, заключая обыкновенно речь свою так: «требую присяги и суда божия; требую *поля* и единоборства». Каждый мог выставить за себя бойца. Окольничий и недельщик назначали место и время. Избирали любое оружие, кроме огнестрельного и лука; сражались обыкновенно в латах и в шлемах, копьями, секирами, мечами, на конях или пешие; иногда употреблялись и кинжалы. Пишут, что в Москве был славный, искусный и сильный боец, с которым уже никто не смел схватиться, но которого убил один литвин. Иоанн оскорбился; хотел видеть победителя, взглянул гневно, плюнул на землю и запретил судные поединки между своими и чужестранцами: ибо последние, зная превосходную силу россиян, одолевали их всегда хитростию.

Нет сомнения, что в сем уложении были еще и законы о наследстве, о духовных, вотчинах, поместьях, займе, купле, холопях и другие, находящиеся в судебнике; однако ж, не зная верно, которые изданы Великим князем Иоанном, и которые прибавлены его сыном или внуком, будем говорить об них уже в разборе судебника.

Иоанн учредил лучшую городскую исправу или полицию: он велел поставить на всех московских улицах *решетки* (или рогатки), чтобы ночью запирать их для безопасности домов; не терпя шума и беспорядка в городе, указом запретил гнусное пьянство; пекся о дорогах: завел почту, ямы, где путешественникам давали не только лошадей, но и пищу, если они имели на то приказ государев. Здесь же вместим одну любопытную черту его заботливости о физическом благосостоянии народа. Открытие Америки доставило Европе золото, серебро и болезнь, которая доныне свирепствует во всех ее странах, искажая человечество, и которая с удивительною быстротою разила свой яд от Испании до Литвы. Сперва не знали ее причины, и лицемеры нравственности не таились с нею во мраке. Историк литовский пишет следующее: «В 1493 году одна женщина привезла из Рима в Краков болезнь *французскую.* Сия ужасная казнь вдруг постигла многих: в числе их находился и кардинал Фридерик». Слух о том дошел до Москвы: Великий князь, в 1499 году посылая в Литву боярского сына, Ивана Мамонова, в данном ему наставлении говорит: «Будучи в Вязьме, разведай, не приезжал ли кто из Смоленска с недугом, в коем тело покрывается болячками, и который называют французским?» Иоанн хотел предохранить свой народ от нового бича небесного.

Ревностный ко благу и достоинству церкви, Великий князь с удовольствием видел новую честь духовенства Российского. Прежде оно искало милости в византийских святителях: тогда Москва сделалась Византиею, и греки приходили к нам не только за дарами, но и за саном святительским. В 1464 году митрополит Феодосий поставил в Москве митрополита Кесарии. Патриарх Иерусалимский, угнетаемый тиранством египетского султана, оставил святые места и скончался на пути в Россию. Она была утешением бедных греков, которые хвалились ее православием и величием как бы их собственным. Знаменитые монастыри Афонские существовали нашими благодеяниями, в особенности монастырь Пантелеймона, основанный древними государями киевскими.

Соглашая уважение к духовенству с правилами всеобщей монаршей власти, Иоанн в делах веры соглашал терпимость с усердием ко православию. Он покровительствовал в России и магометан и самых евреев, но тем более изъявлял удовольствия, когда христиане латинской церкви добровольно обращались в наше исповедание. Вместе с братом Великой княгини Софии, с италиянскими и с немецкими художниками, в 1490 году приехал в Москву Каплан Августинского Ордена, именуемый в летописи Иваном *Спасителем:* он торжественно принял греческую веру, женился на россиянке и получил от Великого князя богатое село в награду.

Описав государственные и церковные деяния, упомянем о некоторых бедствиях сего времени. В 1478 и 1487 годах возобновлялся мор в северо-западных областях России, Устюге, Новегороде, Пскове. Были неурожаи, голые зимы, чрезвычайные разлития вод, необыкновенные бури, и в 1471 году, августа 29, землетрясение в Москве. Целые города обращались в пепел, а столица несколько раз. В сих ужасных пожарах, днем и ночью, Великий князь сам являлся на коне с детьми боярскими, оставляя трапезу и ложе: указывал, распоряжал, тушил огонь, ломал домы и возвращался во дворец уже тогда, как все угасало.

Наконец заметим еще две достопамятности: первая относится к истории наших старинных обычаев; вторая к ученой истории древних путешествий.

Иоанн, особенно любя свою меньшую дочь, не хотел расстаться с нею и не искал ей женихов вне России. Горестные следствия Еленина супружества, хотя и блестящего, тем более отвращали его от мысли выдать Феодосию за какого-нибудь иноземного принца. В 1500 году он сочетал ее с князем Василием Холмским, боярином и воеводою, сыном Даниила, славного мужеством и победами, который умер чрез шесть лет по завоевании Казани. Сия свадьба описана в прибавлении Розрядных книг с некоторыми любопытными обстоятельствами. Знаменитый противник Ливонского магистра, героя Плеттенберга, боярин и полководец, князь Даниил Пенко-Ярославский, был в *тысяцких,* а князь Петр Нагой-Оболенский в *дружках* с их женами. В поезде с женихом находилось более ста князей и знатнейших детей боярских. У саней Великих княгинь, Софии и Елены, шли бояре, греческие и российские. Свадьбу венчал митрополит в храме Успения. Не забыли никакого обряда. нужного, как думали, для счастия супругов; все желали

его и предсказывали молодым; веселились, пировали во дворце до ночи. Счастливые предсказания не сбылися: Феодосия ровно через год скончалась.

Доселе географы не знали, что честь древнейшего из всех описанных европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века. Некто Афанасий Никитин, тверской житель, около 1470 года был по делам купеческим в Декане и в королевстве Гольконде. Мы имеем его записки, которые хотя и не показывают духа наблюдательного, ни ученых сведений, однако ж любопытны, тем более, что тогдашнее состояние Индии нам почти совсем неизвестно. Здесь не место описывать подробности. Скажем только, что наш путешественник ехал Волгою из Твери до Астрахани, мимо татарских городов *Услана* и *Березканы;* из Астрахани в Дербент, Бокару, Мазандеран, Амол, Кашан, Ормус, Маскат, Гузурат и далее, сухим путем, к горам Индейским, до Бедера, где находилась столица Великого султана *Хоросанского;* видел *Индейский Иерусалим,* то есть славный Элорский храм, как, вероятно, именует города, коих нет на картах; замечает достопамятное; удивляется роскоши вельмож и бедности народа; осуждает не только суеверие, но и худые нравы жителей, исповедующих веру Брамы; везде тоскует о православной Руси, сожалея, если кто из наших единоземцев, прельщенный славою индейских богатств, вздумает ехать по его следам в сей мнимый рай купечества, где много перцу и красок, но мало *годного для России;* наконец возвращается в Ормус, и чрез Испаган, Султанию, Требизонт прибыв в Кафу, заключает историю своего шестилетнего путешествия, которое едва ли доставило ему что-нибудь, кроме удовольствия описать оное: ибо турецкие паши отняли у него большую часть привезенных им товаров. Может быть, Иоанн и не сведал о сем любопытном странствии: по крайней мере оно доказывает, что Россия в XV веке имела своих Тавернье и Шарденей, менее просвещенных, но равно смелых и предприимчивых; что индейцы слышали об ней прежде, нежели о Португалии, Голландии, Англии. В то время, как Васко де-Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара и беседовал с жителями о догматах их веры.

❦

ТОМ VII

Из главы I

ГОСУДАРЬ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ИОАННОВИЧ

1505—1509

Тесное заключение и смерть Иоаннова внука, Димитрия.— Общий характер Василиева правления.— Дела литовские.— Дела Пскова: конец его гражданской вольности.

Василий принял державу отца, без всяких священных обрядов, которые напомнили бы россиянам о злополучном Димитрии, пышно венчанном и сверженном с престола в темницу. Василий не хотел быть великодушным: ненавидя племянника, помня дни его счастия и своего уничижения, он безжалостно осудил сего юношу на самую тяжкую неволю, сокрыл от людей, от света солнечного в тесной, мрачной палате. Изнуряемый горестию, скукою праздного уединения, лишенный всех приятностей жизни, без отрады, без надежды в летах цветущих, Димитрий преставился в 1509 году, быв одною из умилительных жертв лютой политики, оплакиваемых добрыми сердцами и находящих мстителя разве в другом мире. Смерть возвратила Димитрию права царские: Россия увидела его лежащего на великолепном одре, торжественно отпеваемого в новом храме св. Михаила и преданного земле подле гроба родителева.

Завещание, писанное сим князем в присутствии духовника и боярина, князя Хованского, свидетельствует, что он и в самой темнице имел казну, деньги, множест-

во драгоценных вещей, отчасти данных ему Василием, как бы в замену престола и свободы, у него похищенных. Исчислив все свое достояние, жемчуг, золото, серебро (весом более десяти пуд), Димитрий не располагает ничем, а желает единственно, чтобы некоторые из его земель были отданы монастырям, все крепостные слуги освобождены, вольные призрены, купленные им деревни возвращены безденежно прежним владельцам, долговые записи уничтожены, и просит о том Великого князя без унижения и гордости, повинуясь судьбе, но не забывая своих прав.

Государствование Василия казалось только продолжением Иоаннова. Будучи подобно отцу ревнителем самодержавия, твердым, непреклонным, хотя и менее строгим, он следовал тем же правилам в политике внешней и внутренней; решил важные дела в совете бояр, учеников и сподвижников Иоанновых; их мнением утверждая собственное, являл скромность в действиях монархической власти, но умел повелевать; любил выгоды мира, не страшась войны и не упуская случая к приобретениям важным для государственного могущества; менее славился воинским счастием, более опасною для врагов хитростию; не унизил России, даже возвеличил оную, и после Иоанна еще казался достойным самодержавия.

В августе 1506 года король Александр умер: Великий князь немедленно послал чиновника Наумова с утешительною грамотою ко вдовствующей Елене; но в тайном наказе предписал ему объявить сестре, что она может прославить себя великим делом: именно, соединением Литвы, Польши и России, ежели убедит своих панов избрать его в короли; что разноверие не есть истинное препятствие; что он даст клятву покровительствовать римский закон, будет отцом народа и сделает ему более добра, нежели государь единоверный. Наумов должен был сказать тоже Виленскому епископу Войтеху, пану Николаю Радзивилу и всем думным вельможам. Мысль смелая и по тогдашним обстоятельствам удивительная, внушенная не только властолюбием монарха-юноши, но и проницанием необыкновенным. Литва и Россия не могли действительно примириться иначе, как составив одну державу: Василий без наставления долговременных опытов, без примера, умом своим постиг сию важную для них обеих истину; и если бы его желание исполнилось, то север Европы имел бы другую историю. Василий хотел отвратить бедствия двух народов, которые в течение трех следующих веков резались между собою, споря о *древ-*

них и *новых* границах. Сия кровопролитная тяжба могла прекратиться только гибелию одного из них; повинуясь государю общему, в духе братства, они сделались бы мирными властелинами полунощной Европы.

Но Елена ответствовала, что брат ее супруга, Сигизмунд, уже объявлен его преемником в Вильне и в Кракове. Сам новый король известил о том Василия, предлагая ему вечный мир с условием, чтобы он возвратил свободу литовским пленникам и те места, коими завладели россияне уже после шестилетнего перемирия. Сие требование казалось умеренным; но Василий — досадуя, может быть, что его намерение царствовать в Литве не исполнилось — хотел удержать все, оставленное ему в наследие родителем, и жалуясь, что литовцы преступают договор 1503 года, тревожат набегами владения князей Стародубского и Рыльского, жгут села Брянские, отнимают наши земли, послал князя Холмского и боярина Якова Захарьевича воевать Смоленскую область.

Никто из вельмож не был в Литве столь знатен, силен, богат поместьями, щедр к услужникам и страшен для неприятелей, как Михаил Глинский, коего род происходил от одного князя татарского, выехавшего из Орды к Витовту. Воспитанный в Германии, Михаил заимствовал обычаи немецкие, долго служил Албрехту Саксонскому, императору Максимилиану в Италии; славился храбростию, умом и, возвратясь в отечество, снискал милость Александрову, так, что сей государь обходился с ним как с другом, поверяя ему все тайны сердечные. Глинский оправдывал сию любовь и доверенность своими заслугами. Когда сильное войско Менгли-Гиреево быстрым нашествием привело Литву в трепет; когда Александр, лежащий на смертном одре почти в виду неприятеля, требовал усердной защиты от вельмож и народа: Глинский сел на коня, собрал воинов и славнейшею победою утешил короля в последние минуты его жизни. Завистники молчали; но смерть Александрова отверзла им уста: говорили, что он мыслил овладеть престолом и не хотел присягать Сигизмунду. Всех более ненавидел и злословил его вельможа Забрезенский. Михаил неотступно убеждал нового короля быть судиею между ими. Сигизмунд медлил, доброхотствуя неприятелям Глинского, который вышел наконец из терпения и сказал ему: «Государь! мы оба, ты и я, будем раскаиваться; но поздно». Он вместе с братьями, Иваном и Василием, уехал в свой город Туров; призвал к себе родственников, друзей; требовал полного удовлетворения от

Сигизмунда и назначил срок. Слух о том достиг Москвы, где знали все, что в Литве происходило: государь угадал тайную мысль Михаилову и послал к нему умного дьяка, предлагая всем трем Глинским защиту России, милость и жалованье. Еще соблюдая пристойность, они ждали решительного королевского ответа: не получив его, торжественно объявили себя слугами государя Московского.

Утвердив спокойствие России, Василий решил судьбу древнего, знаменитого Пскова. Какое-то особенное снисхождение Иоанново позволило сей республике пережить Новогородскую, еще иметь вид народного правления и хвалиться тению свободы: могла ли уцелеть она в системе общего самодержавия? Пример Новагорода ужасал псковитян; но, лаская себя свойственною людям надеждою, они так рассуждали: «Иоанн пощадил нас: может пощадить и Василий. Мы спаслись при отце благоговением к его верховной воле: не оскорбим и сына. Гордость есть безумие для слабости. Не постоим за многое, чтобы спасти главное: то есть свободное бытие гражданское, или по крайней мере долее наслаждаться оным». Сии мысли были основанием их политики. Когда наместники великокняжеские действовали беззаконно, псковитяне жаловались государю, молили неотступно, но смиренно. Ненавидя князя Ярослава, они снова приняли его к себе наместником: ибо так хотел Иоанн, который, может быть, единственно отлагал до случая уничтожить вольность Пскова, несогласную с государственным уставом России: войны, опасности внешние, а наконец, может быть, и старость помешали ему исполнить сие намерение. Юный Василий естественным образом довершил дело отца: искал, и легко нашел предлог. Хотя псковитяне вообще изъявляли более умеренности, нежели пылкие новогородцы: однако ж, подобно всем республикам, имели внутренние раздоры, обыкновенное действие страстей человеческих. Еще в Иоанново время был у них мятеж, в коем один посадник лишился жизни; а другие чиновники бежали в Москву. Тогда же земледельцы не хотели платить дани гражданам: вече самовластно наказало первых, отыскав древнюю уставную грамоту в доказательство, что они всегда считались данниками и работниками последних. Иоанн обвинял самовольство веча: псковитяне едва смягчили его гнев молением и дарами. При Василии управлял ими в сане наместника князь Иван Михайлович Репня-Оболенский, не любимый народом, питая несогласия между старшими и младшими

гражданами, он жаловался на их строптивость и в особенности на главных чиновников, которые будто бы вмешивались в его права и суды. Сего было довольно для Василия.

Осенью в 1509 году он поехал в Новгород.

Здесь летописец псковский укоряет своих правителей в неосторожности: они письменно дали знать по всем волостям, чтобы недовольные наместником ехали судиться к Великому князю. Сыскалось их множество; немало и таких, которые поехали жаловаться государю друг на друга, и между ними были знатные люди, первые чиновники. Сие обстоятельство предвещало Пскову судьбу Новагорода, где внутренние несогласия и ссоры заставили граждан искать великокняжеского правосудия и служили Иоанну одним из способов к уничтожению их вольности. Василий именно требовал к себе посадников, для очной ставки с князем Оболенским, и велел написать к вечу, что если они не явятся, то *вся земля будет виновата.* Псковитяне содрогнулись: в первый раз представилась им мысль, что для них готовится удар. Никто не смел ослушаться; девять посадников и купеческие старосты всех рядов отправились в Новгород. Василий приказал им ждать суда и назначил сроком 6 генваря.

В сей день, то есть в праздник Крещения, Великий князь, окруженный боярами и воеводами, слушал обедню в церкви Софийской и ходил за крестами на реку Волхов, где епископ Коломенский, Митрофан, святил воду: ибо Новгород не имел тогда архиепископа. Там вельможи московские объявили псковитянам, чтобы все они шли в архиерейский дом к государю: чиновников, бояр, купцов ввели в палату; младших граждан остановили на дворе. Они готовились к суду с наместником; но тяжба их была уже тайно решена Василием. Думные великокняжеские бояре вышли к ним и сказали: «вы *поиманы* богом и государем Василием Иоанновичем». Знатных псковитян заключили в архиепископском доме, а младших граждан, переписав, отдали новогородским боярским детям под стражу.

Один купец псковский ехал тогда в Новгород: узнав дорогою о сем происшествии, он бросил свой товар и спешил известить сограждан, что их посадники и все именитые люди в темнице. Ужас объял псковитян. «От трепета и печали, говорил летописец, засохли наши гортани, уста пересмягли. Мы видали бедствия, язву и немцев перед своими стенами; но никогда не бывали в та-

ком отчаянии». Собралось вече. Народ думал, что ему делать? *ставить ли щит против государя? затвориться ли в городе?* «Но война,— говорили они,— будет для нас беззаконием и конечною гибелию. Успех невозможен, когда слабость идет на силу. И всех нас немного: что же сделаем теперь без посадников и лучших людей, которые сидят в Новегороде?» Решились послать гонца к Великому князю с такими словами: «бьем тебе челом от мало до велика, да жалуешь свою древнюю отчину; а мы, сироты твои, и прежде и ныне были от тебя, государя, *неотступны* и ни в чем не противились. Бог и ты волен в своей отчине».

Видя смирение псковитян, государь велел снова привести всех задержанных чиновников в архиепископскую палату и выслал к ним бояр, которые сказали: «Василий, божиею милостию царь и государь всея Руси, так вещает Пскову: предки наши, отец мой и мы сами доселе берегли вас милостиво, ибо вы *держали имя наше честно и грозно,* а наместников слушались; ныне же дерзаете быть строптивыми, оскорбляете наместника, вступаетесь в его суды и пошлины. Еще сведали мы, что ваши посадники и судьи земские не дают истинной управы, теснят, обижают народ. И так вы заслужили *великую опалу.* Но хотим теперь изъявить милость, если исполните нашу волю: уничтожите вече и примете к себе государевых наместников во Псков и во все пригороды. В таком случае сами приедем к вам помолиться святой Троице и даем слово не касаться вашей собственности. Но если отвергнете сию милость, то *будем делать свое дело* с божиею помощию, и кровь христианская взыщется на мятежниках, которые презирают государево жалованье и не творят его воли». Псковитяне благодарили, и в присутствии великокняжеских бояр целовали крест, с клятвою служить верно монарху России, его детям, наследникам, до конца мира. Василий, пригласив их к себе на обед, сказал им, что вместо рати шлет во Псков дьяка своего, Третьяка Долматова, и что они сами могут писать к согражданам. Знатный купец, Онисим Манушин, поехал с грамотою от чиновников, бояр и всех бывших в Новегороде псковитян к их народу. Они писали: «Пред лицом государя мы единомысленно дали ему *крепкое слово своими душами* за себя и за вас, братья, исполнить его приказание. Не сделайте нас преступниками. Буде же вздумаете противиться, то знайте, что Великий князь в гневе и в ярости устремит на вас многочисленное воинство: мы погибнем, и вы погибнете в кро-

вопролитии. Решитесь немедленно: последний срок есть 16 генваря. Здравствуйте».

Долматов явился в собрании граждан псковских, сказал им поклон от Великого князя, и требовал его именем, чтобы они, если хотят жить *по старине,* исполнили *две воли* государевы: отменили вече, сняли колокол оного, и во все города свои приняли великокняжеских наместников. Посол заключил речь свою тем, что или сам государь будет у них, добрых подданных, мирным гостем, или пришлет к ним воинство смирить мятежников. Сказав, Долматов сел на ступени веча и долго ждал ответа: ибо граждане не могли говорить от слез и рыдания; наконец просили его дать им время на размышление до следующего утра.— Сей день и сия ночь были ужасны для Пскова. Одни грудные младенцы, по словам летописи, не плакали тогда от горести. На улицах, в домах раздавалось стенание: все обнимали друг друга как в последний час жизни. Столь велика любовь граждан к древним уставам свободы! Уже давно псковитяне зависели от государя московского в делах внешней политики и признавали в нем судию верховного; но государь дотоле уважал их законы, и наместники его судили согласно с оными; власть законодательная принадлежала вечу, и многие тяжбы решились народными чиновниками, особенно в пригородах: одно избрание сих чиновников уже льстило народу. Василий уничтожением веча искоренял все старое древо самобытного гражданства псковского, хотя и поврежденное, однако ж еще не мертвое, еще лиственное и плодоносное.

Народ более сетовал, нежели советовался: необходимость уступить являлась всякому с доказательствами неопровержимыми. Слышны были речи смелые, но без дерзости. Последние торжественные минуты издыхающей свободы благоприятствуют великодушию; но рассудок уже обуздывает сердце. На рассвете ударили в Вечевый колокол: сей звук представил гражданам мысль о погребении. Они собралися. Ждали дьяка московского. Долматов приехал. Ему сказали: «Господин посол! Летописцы наши свидетельствуют, что *добровольные* псковитяне всегда присягали Великим князьям в верности: клялися непреложно иметь их своими государями, не соединяться с Литвою и с немцами; а в случае измены подвергали себя гневу божию, гладу, огню, потопу и нашествию иноплеменников. Но сей крестный обет был взаимным: Великие князья присягали не лишать нас древней свободы; клятва та же, та же и казнь пре-

ступнику. Ныне волен бог и государь в своей отчине, во граде Пскове, в нас и в нашем колоколе! По крайней мере мы не хотим изменить крестному целованию; не хотим поднять руки на Великого князя. Если угодно ему помолиться живоначальной Троице и видеть свою отчину, да едет во Псков: мы будем ему рады, благодаря его, что он не погубил нас до конца»! — Генваря 13 граждане сняли Вечевый колокол у Святой Троицы, и смотря на него, долго плакали о своей *старине* и *воле*.

Долматов в ту же ночь поехал к государю с сим древним колоколом и с донесением, что псковитяне уже не имеют веча. То же объявили ему и послы их. Он немедленно отправил к ним бояр с воинскою дружиною, обязать присягою граждан и сельских жителей; велел очистить для себя двор наместников, а для вельмож своих, дьяков и многочисленных телохранителей так называемый город Средний, откуда надлежало перевести всех жителей в Большой город, и 20 генваря выехал туда сам с братом, зятем, царем Летифом, епископом Коломенским, князем Даниилом Щенею, боярином Давыдовым и Михайлом Глинским. Псковитяне шли к нему навстречу: им приказано было остановиться в двух верстах от города. Увидев государя, все они пали ниц. Великий князь спросил у них о здравии. «Лишь бы ты, государь, здравствовал!» ответствовали старейшины. Народ безмолвствовал. Епископ Коломенский опередил Великого князя, чтобы вместе с духовенством псковским встретить его пред стеною Довмонтовою. Василий сошел с коня, и за крестами вступил в церковь св. Троицы, где епископ, отпев молебен, возгласил ему многолетие и, благословляя Великого князя, громко произнес: «слава всевышнему, который *дал* тебе Псков без войны»! Тут граждане, бывшие в церкви, горько заплакали и сказали: «Государь! *мы не чужие;* мы искони служили твоим предкам». В сей день, генваря 24, Василий обедал с епископом Коломенским, с архимандритом Симоновским Варлаамом, с боярами и воеводами; а в воскресенье, генваря 27, приказал собраться псковитянам на дворе своем. К ним вышел окольничий, князь Петр Шуйский: держа в руке список, он перекликал всех чиновников, бояр, старост, купцов, людей житых, и велел им идти в большую Судебную избу, куда Государь, сидя с думными вельможами в передней избе, прислал князя Александра Ростовского, конюшего Челяднина, Шуйского, казначея Дмитрия Владимировича, дьяков Долматова, Мисюря и других. Они говорили так: «Знатные псковитя-

не! Великий князь божиею милостию царь и государь всея Русии, объявляет вам свое жалованье; не хочет вступаться в вашу собственность: пользуйтесь ею, ныне и всегда. Но здесь не можете остаться, ибо вы утесняли народ, и многие, обиженные вами, требовали государева правосудия. Возьмите жен и детей; идите в землю московскую, и там благоденствуйте милостию Великого князя». Их всех, изумленных горестию, отдали на руки детям боярским; и в ту же ночь увезли в Москву 300 семейств, в числе коих находились и жены бывших под стражею в Новегороде псковитян. Они могли взять с собою только малую часть своего достояния, но жалели единственно отчизны.— Других средних и младших граждан отпустили в домы, с уверением, что им не будет *развода;* но ужас господствовал и плач не умолкал во Пскове. Многие, не веря обещанию и боясь ссылки, постриглись, мужья и жены, чтобы умереть на своей родине.

Государь велел быть наместниками во Пскове боярину Григорию Федоровичу Давыдову и конюшему Челяднину, а дьякам Мисюрю ведать дела приказные, Андрею Волосатому ямские; определил воевод, тиунов и старост в пригороды; уставил новый чекан для монеты и торговую пошлину, дотоле неизвестную в земле псковской, где купцы всегда торговали свободно и не платя ничего; роздал деревни сосланных псковитян московским боярам; вывел всех граждан из Застенья или Среднего города, где находилось 1500 дворов; указал там жить одним государевым чиновникам, боярским детям и москвитянам, а купеческие лавки перенести из Довмонтовой стены в Большой город; выбрал место для своего дворца и заложил церковь святой Ксении, ибо в день ее памяти уничтожилась вольность Пскова; наконец, все устроив в течение месяца, оставив наместникам тысячу боярских детей и 500 новогородских пищальников, с торжеством поехал в Москву, куда отправили за ним и Вечевый колокол. В замену убылых граждан, триста семейств купеческих из десяти Низовых городов были переселены во Псков.

«Так» — говорит летописец Ольгиной родины — «исчезла слава Пскова, плененного не иноверными, но своими братьями христианами. О град, некогда великий! ты сетуешь в опустении. Прилетел на тебя орел многокрыльный с когтями львиными, вырвал из недр твоих три кедра ливанские; похитил красоту, богатство и граждан; раскопал торжища, или заметал дрязгом; увлек на-

ших братьев и сестер в места дальние, где не бывали ни отцы их, ни деды, ни прадеды!»

Более шести веков Псков, основанный славянами-кривичами, имел свои гражданские уставы, любил оные, не знал и не хотел знать лучших; был *вторым Новымгородом,* называясь его *меньшим братом,* ибо в начале составлял с ним одну державу и до конца одну епархию; подобно ему бедный в дарах природы, деятельною торговлею снискал богатство, а долговременною связию с немцами художества и вежливость; уступая ему в древней славе побед и завоеваний отдаленных, долее его хранил дух воинский, питаемый частыми бранями с ливонским орденом. Как в семействах, так и в гражданских обществах видим иногда наследственные добродетели: Псков отличался благоразумием, справедливостию, верностию; не изменял России, угадывал судьбу ее, держался великих князей, желал отвратить гибель Новогородской вольности, тесно связанной с его собственною; прощал сему завистливому народу обиды и досады; будучи осторожен, являл и смелую отважность великодушия, например в защите Александра Тверского, гонимого ханом и государем московским; сделался жертвою непременного рока, уступил необходимости, но с каким-то благородным смирением, достойным людей свободных, и не оказав ни дерзости, ни робости своих новогородских братьев.— Сии две народные державы сходствовали во всех их учреждениях и законах; но псковитяне имели особенную степень гражданскую, так называемых *детей посадничьих,* ставя их выше купцов и житейских людей: следственно изъявляли еще более уважения к сану посадников, дав их роду наследственную знатность.

Великий князь хотел сделать удовольствие псковитянам, и выбрал из них 12 старост, чтобы они вместе с московскими наместниками и тиунами судили в их бывших двенадцати пригородах по изданной им тогда уставной грамоте. Но сии старосты не могли обуздывать хищности сановников великокняжеских, которые именем новых законов отягчали налогами граждан и земледельцев, не внимали справедливым жалобам и казнили за оные, так, что несчастные жители толпами бежали в чужие земли, оставляя жен и детей. Пригороды опустели. Иностранцы, купцы, ремесленники, имевшие домы во Пскове, не хотели быть ни жертвою, ни свидетелями насилия, и все выехали оттуда.— «Мы одни остались», прибавляет летописец: «смотрели на землю: она не расступ-

палась; смотрели на небо: нельзя было лететь вверх без крыльев». Узнав о корыстолюбии наместников, государь сменил их и прислал достойнейших, князей Петра Шуйского и Симеона Курбского, мужей правосудных, человеколюбивых: они успокоили граждан и народ; беглецы возвратились. Псковитяне не преставали жалеть о своих древних уставах, но престали жаловаться. С сего времени они, как и все другие россияне, должны были посылать войско на службу государеву.

Так Василий употребил первые четыре года своего правления, страхом оружия, без побед, но не без славы умирив Россию, доказав *наследственное могущество* ее государей для неприятеля внешнего, и непременную волю их быть внутри самодержавными.

Из главы II

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ВАСИЛИЕВА

1510—1521

Взятие Смоленска.

Литовцы уже переставали бояться наших многочисленых ополчений и думали, что завоевания россиян были единственно счастием Иоанновым; надлежало уверить и неприятелей и своих в неизменном могуществе России, страхом уменьшить силу первых, бодростию увеличить нашу. Поощряя Василия к неутомимости в войне, Михаил Глинский ручался за успех нового приступа к Смоленску, с условием, как пишут, чтобы Великий князь отдал ему сей город в удел наследственный. По крайней мере Глинский оказал тогда государю важную услугу, наняв в Богемии и в Германии многих людей искусных в ратном деле, которые приехали в Москву через Ливонию.

Сам предводительствуя войском, Великий князь выехал из столицы 8 июня с двумя братьями, Юрием и Симеоном; третьему, Димитрию, велел быть в Серпухове; четвертого, Андрея, оставил в Москве с царевичем Петром. 220 бояр и придворных детей боярских находилось в государевой дружине. В Туле, на Угре стояли полки запасные. Государь осадил Смоленск, и 29 июля начали стрелять по городу из-за Днепра, большими и мелкими ядрами, *окованными свинцом*. Летописец хвалит искусство главного московского пушкаря, именем Стефана: от ужасного действия его орудий колебались стены и люди падали толпами; а пушки литовские, разрываясь, били своих. Весь город покрылся густыми облаками дыма; многие здания пылали; жители в беспамятстве вопили и, простирая руки к осаждающим, требовали милосердия. В тысячу голосов кричали со стены: «Государь Великий князь! уйми меч свой! Мы тебе повинуемся». Пальба затихла. Смоленский епископ, Варсонофий, вышел на мост, объявляя, что воевода, Юрий Сологуб, готов начать переговоры в следующий день. Великий князь не дал ни малейшего срока и приказал снова громить крепость. Епископ возвратился со слезами. Вопль народный усилился. С одной стороны смерть и пламя, с другой убеждения многих преданных России людей действовали так сильно, что граждане не хотели слышать о дальнейшем сопротивлении, виня Сигизмунда в нерадивости. Воевода Юрий именем королевским обещал им скорое вспоможение: ему не верили, и духовенство, князья, бояре, мещане Смоленские послали сказать государю, что они не входят с ним ни в какие договоры, моля его единственно о том, чтобы он мирно взял их под российскую державу и допустил видеть лицо свое. Вдруг прекратились все действия неприятельские. Епископ, архимандриты, священники с иконами и с крестами,— наместник, вельможи, чиновники Смоленские явились в стане российском, проливали слезы, говорили Великому князю: «Государь! довольно текло крови христианской; земля наша, твоя отчина, пустеет: прими град с *тихостию*». Епископ благословил Василия, который велел ему, Юрию Сологубу и знатнейшим людям идти в великокняжеский шатер, где они, дав клятву в верности к России, обедали с государем и должны были остаться до утра; а других отпустили назад в город. Стража московская сменила королевскую у всех ворот крепости. Герой Иоаннов, старец князь Даниил Щеня, на рассвете вступил в оную с полками конными: переписав жите-

лей, обязал их присягою служить, доброхотствовать государю российскому, не думать о короле, забыть Литву.

Августа 1 епископ Варсонофий торжественно святил воду на Днепре и с крестами пошел в город; за духовенством Великий князь, воеводы и все воинство в стройном чине. Бояре Смоленские, народ, жены, дети встретили Василия в предместии *с очами светлыми*. Епископ окропил святою водою государя и народ. В храме Богоматери отпели молебен. Протодиакон с амвона возгласил многолетие победителю. Благословив Великого князя животворящим крестом, епископ сказал ему: «Божиею милостию радуйся и здравствуй, православный царь всея Русии, на своей отчине и *дедине* града Смоленска!» Тут братья государевы, бояре, воеводы, чиновники и все жители смоленские, поздравив его, начали целоваться друг с другом; плакали в восхищении сердец, называясь родными, друзьями, единоверными. Окруженный воинскими сановниками, Василий сквозь толпы ликующего народа прибыл во дворец древних князей Мономахова племени и сел на их троне, среди бояр и воевод; призвал знатнейших граждан, объявил им милость, дал грамоту льготную и наместника, князя Шуйского; утвердил права собственности, личную безопасность, свободу, уставы Витовтовы, Александровы и Сигизмундовы; всех угостил обедом; жаловал соболями, бархатами, камками, златыми деньгами. Оставив Варсонофия на святительском престоле, он дозволил бывшему градоначальнику Сологубу ехать в Литву, также и всем королевским воинам, выдав на каждого человека по рублю; а тем из них, которые добровольно записались к нам в службу, по два рубля и по сукну лунскому; не отнял земель ни у дворян, ни у церквей; не вывел никого из Смоленска, ни пана, ни гражданина; служивым людям назначил жалованье. Счастливый в душе государь изъявлял только любовь, снисхождение к новым подданным, радуясь, что совершил намерение великого отца своего и к завоеваниям его прибавил столь блестящее. Взятие Смоленска, говорит летописец, казалось светлым праздником для всей России. Отнять чуждое лестно одному славолюбию государя; но возвратить собственное весело народу.

Сто десять лет находился Смоленск под властию Литвы. Уже обычаи изменялись; но имя русское еще трогало сердце жителей, и любовь к древнему отечеству, вместе с братским духом единоверия, облегчили для Великого князя сие важное завоевание, приписанное

Сигизмундом измене, козням Михаила Глинского, подкупу, обману. Сологубу отсекли в Литве голову: он конечно не был изменником, отвергнув все милостивые предложения Василиевы, не захотел ни за какое богатство, ни за какие чины остаться в России. В делах государственных несчастие бывает преступлением.

Из главы III

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ВАСИЛИЕВА

1521—1534

Присоединение Рязани к Москве.— Пострижение Великой княгини.— Новый брак Великого князя.— Рождение Иоанна Васильевича.— Болезнь и кончина Великого князя.— Характер Василиев. — Строгость и милость.— Дело Максима Грека.— Образ жизни Василия, охота, двор, обеды, титул.— Иноземцы в Москве.— Законы.— Строения.— Разные бедствия.— Великие современники Василиевы.— Раскол Лютеров.

Распространив литовскою войною пределы государства, Василий в то же время довершил великое дело единовластия внутри оного. Еще Рязань была особенным княжением, хотя треть городов ее, часть умершего князя Феодора, принадлежала к московскому и Василий уже именовался *Рязанским*. Еще князья Северский и Стародубский или Черниговский, называясь слугами государя Российского, имели права владетелей. Василий, исполнитель Иоанновых намерений, ждал только справедливого повода к необходимому уничтожению сих остатков удельной системы.

Вдова, княгиня Агриппина, несколько лет господствовала в Рязани именем своего малолетнего сына, Иоанна: Василий оставлял в покое слабую жену и младенца, ибо первая во всем повиновалась ему как верховному государю, но сын ее, достигнув юношеского возраста, захотел вдруг свергнуть с себя опеку и матери и Великого князя московского: то есть властвовать независимо, как его предки, старейшие в роде Ярослава I. Пишут, что он торжественно объявил сие Василию, вступил в тесную связь с ханом Крымским и мыслил же-

ниться на дочери Магмет-Гиреевой. Государь велел ему быть к себе в Москву: князь Иоанн долго не ехал; наконец, обманутый советом знатнейшего боярина своего, Симеона Крубина, явился пред Василием, который, уличив его в неблагодарности, в измене, в дружбе с злодеями России, отдал под стражу, взял всю Рязань, а вдовствующую княгиню Агриппину сослал в монастырь. Сие случилось в 1517 году. Когда Магмет-Гирей шел к Москве, князь Иоанн, пользуясь общим смятением, бежал оттуда в Литву, где и кончил жизнь в неизвестности.— Таким образом, около четырех столетий быв отдельным, независимым княжением, Рязань вслед за Муромом и за Черниговым присоединилась к северным владениям Мономахова потомства, которые составили Российское единодержавие. Она считалась тогда лучшею и богатейшею из всех областей государства московского, будучи путем нашей важной торговли с Азовом и Кафою, изобилуя медом, птицами, зверями, рыбою и вообще столь плодоносная, что нивы ее, по выражению писателей XVI века, казались густым лесом. Жители славились воинским духом; их упрекали высокоумием и суровостию. Чтобы мирно господствовать над ними, Великий князь многих перевел в другие области.

Тогда Великий князь, свободный от дел воинских, занимался важным делом семейственным, тесно связанным с государственною пользою. Он был уже двадцать лет супругом, не имея детей, следственно и надежды иметь их. Отец с удовольствием видит наследника в сыне: таков устав природы; но братья не столь близки к сердцу, и Василиевы не оказывали ни великих свойств душевных, ни искренней привязанности к старейшему, более опасаясь его как государя, нежели любя как единокровного. Современный летописец повествует, что Великий князь, едучи однажды на *позлащенной колеснице,* вне города, увидел на дереве птичье гнездо, заплакал и сказал: «птицы счастливее меня: у них есть дети!» После он также со слезами говорил боярам: «кто будет моим и русского царства наследником? братья ли, которые не умеют править и своими уделами?» Бояре ответствовали: «Государь! неплодную смоковницу посекают: на ее месте садят иную в вертограде». Не только придворные угодники, но и ревностные друзья отечества могли советовать Василию, чтобы он развелся с Соломониею, обвиняемою в неплодии, и новым супружеством даровал наследника престолу. Следуя их мнению и желая быть отцом, государь решился на дело жестокое в

смысле нравственности: немилосердно отвергнуть от своего ложа невинную, добродетельную супругу, которая двадцать лет жила единственно для его счастия; предать ее в жертву горести, стыду, отчаянию; нарушить святой устав любви и благодарности. Если митрополит Даниил, снисходительный, уклончивый, внимательный к миру более, нежели к духу, согласно с великокняжеским синклитом признал намерение Василиево законным или еще похвальным, то нашлись и духовные и миряне, которые смело сказали государю, что оно противно совести и церкви. В числе их был пустынный инок Вассиан, сын князя литовского, Ивана Юрьевича Патрикеева, и сам некогда знатнейший боярин, вместе с отцом в 1499 году неволею постриженный в монахи за усердие к юному Великому князю, несчастному Димитрию. Сей муж уподоблялся, как пишут, древнему святому Антонию: его заключили в Волоко-Ламском монастыре, коего иноки любили угождать мирской власти; а престарелого воеводу, князя Симеона Курбского, завоевателя земли Югорской, строгого постника и христианина, удалили от двора: ибо он также ревностно вступался за права Соломонии. Самые простолюдины — одни по естественной жалости, другие по Номоканону — осуждали Василия. Чтобы обмануть закон и совесть, предложили Соломонии добровольно отказаться от мира: она не хотела. Тогда употребили насилие: вывели ее из дворца, постригли в Рожественском Девичьем монастыре, увезли в Суздаль, и там, в женской обители, заключили. Уверяют, что несчастная противилась совершению беззаконного обряда, и что сановник великокняжеский, Иван Шигона, угрожал ей не только словами, но и побоями, действуя именем государя, что она залилась слезами, и надевая ризу инокини, торжественно сказала: «Бог видит и отмстит моему гонителю». Не умолчим здесь о предании любопытном, хотя и не достоверном: носился слух, что Соломония, к ужасу и бесполезному раскаянию Великого князя, оказалась после беременною, родила сына, дала ему имя Георгия, тайно воспитывала его и не хотела никому показать, говоря: «в свое время он явится в могуществе и славе». Многие считали то за истину; другие за сказку, вымышленную друзьями сей несчастной, добродетельной княгини.

Разрешив узы своего брака, Василий по уставу церковному не мог вторично быть супругом: чья жена с согласия мужа постригается, тот должен сам отказаться от света. Но митрополит дал благословение, и государь

чрез два месяца женился на княжне Елене, дочери Василия Глинского, к изумлению наших бояр, которые не думали, чтобы род чужеземных изменников удостоился такой чести. Может быть, не одна красота невесты решила выбор; может быть, Елена, воспитанная в знатном владетельном доме и в обычаях немецких, коими славился ее дядя, Михаил, имела более приятности в уме, нежели и тогдашние юные россиянки, научаемые единственно целомудрию и кротким, смиренным добродетелям их пола.

Любя юную супругу, Василий желал ей нравиться не только ласковым обхождением с нею, но и видом молодости, которая от него удалялась: обрил себе бороду и пекся о своей приятной наружности.

В сие время Василий, благоразумием заслуживая счастие в деяниях государственных, сделался и счастливым отцом семейства. Более трех лет Елена, вопреки желанию супруга и народа, не имела детей. Она ездила с Великим князем в Переславль, Ростов, Ярославль, Вологду, на Белоозеро; ходила пешком в святые обители и пустыни, раздавала богатую милостыню, со слезами молилась о чадородии, и без услышания. Добрые жалели о том: некоторые, осуждая брак Василиев как беззаконный, с тайным удовольствием предсказывали, что бог никогда не благословит оного плодом вожделенным. Наконец Елена оказалась беременною. Какой-то *юродивый муж*, именем Домитиан, объявил ей, что она будет матерью *Тита, широкого ума,*— и в 1530 году, августа 25, в 7 часу ночи — действительно родился сын, Иоанн, столь славный добром и злом в нашей истории! Пишут, что в самую ту минуту земля и небо потряслися от неслыханных громовых ударов, которые следовали один за другим с ужасною непрерывною молниею. Вероятно, что гадатели двора великокняжеского умели растолковать сей случай в пользу новорожденного: не только отец, но и вся Москва, вся Россия, по словам летописца, были в восторге. Чрез десять дней Великий князь отвез младенца в Троицкую Лавру, где игумен Иоасаф Скрыпицын вместе с благочестивейшими иноками, столетним Кассианом Босым, Иосифова Волоко-Ламского монастыря, и св. Даниилом Переславским окрестили его. Обливаясь слезами умиления, родитель взял из их рук своего дражайшего первенца и положил на раку св. Сергия, моля угодника, да будет ему наставником и защитником в опасностях жизни. Василий не знал, как изъявить благодарность небу: сыпал золото в казны церков-

ные и на бедных; велел отворить все темницы, и снял опалу со многих знатных людей, бывших у него под гневом: с князя Федора Мстиславского, женатого на племяннице государевой и ясно уличенного в намеренни бежать к польскому королю; с князей Щенятева, Суздальского-Горбатого, Плещеева, Морозова, Лятцкого, Шигоны и других, подозреваемых в недоброжелательстве к Елене. С утра до вечера дворец наполнялся усердными поздравителями, не только московскими, но и самых отдаленных городов жителями, которые хотели единственно взглянуть на счастливого государя и сказать ему: «мы счастливы вместе с тобою!» Пустынники, отшельники приходили благословить державного младенца в пеленах, и были угощаемы за трапезою великокняжескою. В знак признательности к угодникам божиим, защитникам Москвы, святым митрополитам Петру и Алексию, Великий князь заказал сделать для их мощей богатые раки: для первого *золотую,* для второго серебряную. Одним словом, никто живее Василия не чувствовал радости быть отцом, тем более, что он — вероятно, тревожимый совестию за развод с несчастною, первою супругою — мог видеть в сем благословенном плоде второго брака как бы знак небесного умилостивления. Елена чрез год и несколько месяцев родила еще сына Георгия. Тогда государь женил меньшого брата своего, Андрея, на княжне Хованской, Евфросинии. Братья Симеон и Димитрий Иоанновичи скончались безбрачными: первый в 1518, а вторый в 1521 году. Василий, кажется, не дозволял им жениться, пока не имел детей, чтобы отнять у них всякую мысль о наследовании престола.

Летописцы говорят, что странное небесное знамение еще 24 августа предвестило смерть Василиеву; что в первом часу дня круг солнца казался вверху будто бы срезанным; что оно мало-помалу темнело среди ясного неба, и что многие люди, смотря на то с ужасом, ождали какой-нибудь великой государственной перемены. Василий имел 54 года от рождения; бодрствовал духом и телом; не чувствовал дотоле никаких припадков старости; не знал болезней; любил всегда деятельность и движение. Радуясь изгнанию неприятеля, он с супругою и детьми праздновал 25 сентября, день св. Сергия, в Троицкой Лавре; поехал на охоту в Волок Ламский, и в своем селе Озерецком занемог таким недугом, который сперва нимало не казался опасным. На сгибе левого стегна явилась болячка с булавочную головку, без вер-

ха и гноя, но мучительная. Великий князь с нуждою доехал до Волока; однако ж был на пиру у дворецкого, Ивана Юрьевича Шигоны, а на другой день ходил в мыльню и обедал с боярами. Время стояло прекрасное для охоты: государь выехал с собаками; но от сильной боли возвратился с поля, в село Колп, и лег в постелю. Немедленно призвали Михаила Глинского и двух немецких медиков, Николая Люева и Феофила. Лекарства употреблялись русские: мука с медом, печеный лук, масть, горшки и семенники. Сделалось воспаление: гной шел целыми тазами из чирья. Боярские дети перенесли Государя в Волок Ламский. Он перестал есть; чувствовал тягость в груди и, скрывая опасность не от себя, но единственно от других, послал стряпчего Мансурова с дьяком Путятиным в Москву за духовными грамотами своего отца и деда, не велев им сказывать того ни Великой княгине, ни митрополиту, ни боярам. С ним находились в Волоке, кроме брата, Андрея Иоанновича, и. Глинского, князья Бельский, Шуйский, Кубенский: никто из них не знал сей печальной тайны, кроме дворецкого Шигоны. Другой брат Василиев, Юрий Иоаннович, спешил к нему из Дмитрова: Великий князь отпустил его с утешением, что надеется скоро выздороветь; приказал везти себя в Москву, шагом, в санях, на постеле; заехав в Иосифову обитель, лежал в церкви на одре, и когда диакон читал молитву о здравии государя, все упали на колена и рыдали: игумен, бояре, народ. Василий желал въехать в Москву скрытно, чтобы иноземные послы, там бывшие, не видали его в слабости, в изнеможении; остановился в Воробьеве, принял митрополита, епископов, бояр, воинских чиновников, и только один показывал твердость: духовные и миряне, знатные и простые граждане обливались слезами. Навели мост на реке, просекая тонкий лед. Едва сани государевы въехали, сей мост обломился: лошади упали в воду; но боярские дети, обрезав гужи, удержали сани на руках. Великий князь запретил наказывать строителей. Внесенный в Кремлевские *постельные хоромы,* он созвал бояр, князей Ивана и Василия Шуйских, Михайла Юрьевича Захарьина, Михайла Семеновича Воронцова, Тучкова, Глинского, казначея Головина, дворецкого Шигону, и велел при них дьякам своим писать новую духовную грамоту, уничтожив прежнюю, сочиненную им во время митрополита Варлаама; объявил трехлетнего сына, Иоанна, наследником государства, под опекою матери и бояр до пятнадцати лет его возраста; назначил удел

меньшому сыну; устроил державу и церковь; не забыл ничего, как сказано в летописях: но, к сожалению, сия важная хартия утратилась, и мы не знаем ее любопытных подробностей.

Братья и бояре настояли, чтобы он призвал Елену. Князь Андрей Иоаннович и Михаил Глинский пошли за нею. Государь возложил на себя крест св. Петра митрополита и хотел прежде видеть сына. Брат Еленин, князь Иван Глинский, принес его на руках.

Князь Андрей и боярыня Челяднина вели Елену под руки; она страшно вопила и билась об землю в отчаянии. Великий князь утешал ее, говоря: «мне лучше; не чувствую никакой боли» — и с нежностию молил успокоиться. Елена наконец ободрилась и спросила: «кому же поручаешь бедную супругу и детей?» Василий отвечал: «Иоанн будет государем; а тебе, следуя обыкновению наших отцов, я назначил в духовной своей грамоте особенное достояние». Исполняя желание супруги, он велел принести и меньшего сына, Юрия; также благословил его крестом, и сказал, что он не забыт в духовной.

Еще находясь в Волоке, он говорил духовнику своему, протоиерею Алексию, и любимому старцу Мисаилу: «не предайте меня земле в белой одежде! не останусь в мире, если и выздоровлю». Отпустив Елену, государь велел Мисаилу принести монашескую ризу, и спросил игумена Кирилловской обители, в которой он издавна желал быть постриженным; но сего игумена не было в Москве. Послали за Иоасафом Троицким, за образами Владимирской Богоматери и св. Николая Гостунского. Духовник Алексий пришел с запасными дарами, чтобы дать их Василию в самую минуту кончины. «Будь передо мною», сказал Великий князь: «смотри и не пропусти сего мгновения». Подле духовника стоял стряпчий государев, Феодор Кучецкой, бывший свидетель Иоанновой смерти. Читали канон на исход души. Василий лежал в усыплении; потом, кликнув ближнего боярина, Михайло Воронцова, обнял его с горячностию; сказал брату Юрию: «помнишь ли преставление нашего родителя? я так же умираю» — и требовал немедленного пострижения, одобряемого митрополитом и некоторыми боярами; но князь Андрей Иоаннович, Воронцов и Шигона говорили, что св. Владимир не хотел быть монахом и назван равноапостольным; что герой Донский также скончался мирянином, но своими добродетелями без сомнения заслужил царствие небесное. Шумели, спори-

ли, а Василий крестился и читал молитвы; уже язык его тупел, взор меркнул, рука упала: он смотрел на образ Богоматери и целовал простыню, с явным нетерпением ожидая священного обряда. Митрополит Даниил взял черную ризу и подал игумену Иоасафу: князь Андрей и Воронцов хотели вырвать ее. Тогда митрополит с гневом произнес ужасные слова: *«Не благословляю вас ни в сей век, ни в будущий!* Никто не отнимет у меня души его. Добр сосуд сребряный, но лучше позлащенный!» Василий отходил. Спешили кончить обряд. Митрополит, надев епитрахиль на игумена Иоасафа, сам постриг Великого князя, переименованного Варлаамом. Второпях забыли мантию для нового инока: келарь Троицкий, Серапион, дал свою. Евангелие и схима ангельская лежали на груди умирающего. Несколько минут продолжалось безмолвие: Шигона, стоя подле одра, первый воскликнул: «Государь скончался!» и все зарыдали.— Пишут, что лицо Василиево сделалось вдруг светло; что, вместо бывшего несносного запаха от его раны, комната наполнилась благоуханием. Митрополит омыл тело и вытер хлопчатою бумагою.

Василий стоит с честию в памятниках нашей истории между двумя великими характерами, Иоаннами III и IV, и не затмевается их сиянием для глаз наблюдателя; уступая им в редких природных дарованиях — первому в обширном, плодотворном уме государственном, второму в силе душевной, в особенной живости разума и воображения, опасной без твердых правил добродетели,— он шел путем, указанным ему мудростию отца, не устранился, двигался вперед шагами, размеренными благоразумием, без порывов страсти, и приближился к цели, к величию России, не оставив преемникам ни обязанности, ни славы исправлять его ошибки; был не гением, но добрым правителем; любил государство более собственного великого имени, и в сем отношении достоин истинной, вечной хвалы, которую не многие венценосцы заслуживают. Иоанны III творят, Иоанны IV прославляют и нередко губят; Василии сохраняют, утверждают державы, и даются тем народам, коих долговременное бытие и целость угодны провидению.

Василий имел наружность благородную, стан величественный, лицо миловидное, взор проницательный, но не строгий; казался и был действительно более мягкосердечен, нежели суров, по тогдашнему времени. Читая письма его к Елене, видим нежность супруга и отца, который, будучи в разлуке с женою и с детьми, непрестан-

но обращается к ним в мыслях, изъясняемых простыми словами, но внушаемыми только чувствительным сердцем. Рожденный в век еще грубый и в самодержавии новом, для коего строгость необходима, Василий по своему характеру искал средины между жестокостию ужасною и слабостию вредною: наказывал вельмож, и самых ближних, но часто и миловал, забывал вины.

Государь простил князей Шуйских, которые думали уйти в Литву. Иван Юрьевич Шигона, быв несколько лет в опале, сделался после одним из первых любимцев Василиевых, равно как и Георгий Малый Траханиот, грек, выехавший с Великою княгинею Софиею: пишут, что он впал в немилость от тайной связи с купцом греческим, Марком, осужденным в Москве за какую-то опасную для церкви ересь. Зная способности и необыкновенный разум Георгия, Великий князь возвратил ему свою милость, советовался с ним о важнейших делах и для того приказывал знатным чиновникам возить его нездорового во дворец на тележке. Муж славный в нашей церковной истории, инок Максим Грек, был также в числе знаменитых, винных или невинных страдальцев сего времени. Судьба его достопамятна: расскажем обстоятельства.

Василий, в самые первые дни своего правления осматривая богатства, оставленные ему родителем, увидел множество греческих духовных книг, собранных отчасти древними великими князьями, отчасти привезенных в Москву Софиею, и лежавших в пыли, без всякого употребления. Он хотел иметь человека, который мог бы рассмотреть оные и лучшие перевести на язык славянский: не нашли в Москве и писали в Константинополь. Патриарх, желая угодить Великому князю, искал такого *философа* в Болгарии, в Македонии, в Фессалонике; но иго оттоманское задушило все остатки древней учености: тьма и невежество господствовали в областях султанских. Наконец узнали, что в славной обители Благовещения, на горе Афонской, есть два инока, Савва и Максим, богословы, искусные в языках греческом и славянском. Первый в изнеможении старости не мог предприять дальнего путешествия в Россию: вторый согласился исполнить волю патриарха и Великого князя. В самом деле нельзя было найти человека способнейшего для замышляемого труда. Рожденный в Греции, но воспитанный в образованной Западной Европе, Максим учился в Париже, во Флоренции; много путешествовал, знал разные языки, имел сведения необыкновенные, при-

обретенные в лучших университетах и в беседах с мужами просвещенными. Василий принял его с отменною милостию. Увидев нашу библиотеку, изумленный Максим сказал в восторге: «Государь! вся Греция не имеет ныне такого богатства, ни Италия, где латинский фанатизм обратил в пепел многие творения наших богословов, спасенные моими единоземцами от варваров магометовых». Великий князь слушал его с живейшим удовольствием и поручил ему библиотеку; а ревностный грек, описав все, еще неизвестные славянскому народу книги, по желанию государеву перевел Толковую Псалтирь, с помощию трех москвитян, Власия, Димитрия и Михаила Медоварцова. Одобренная митрополитом Варлаамом и всем духовным собором, сия важная книга, прославив Максима, сделала его любимцем Великого князя, так, что он не мог с ним расстаться и ежедневно беседовал о предметах веры. Умный грек не ослепился сею честию: благодаря Василия, убедительно требовал отпуска в тишину своей Афонской обители, и говорил: «там буду славить имя твое; скажу моим единоземцам, что мир еще имеет царя христианского, сильного и великого, который, если угодно Всевышнему, может освободить нас от тиранства неверных». Но Василий ответствовал ему новыми знаками благоволения и держал его девять лет в Москве: время, употребленное Максимом на переводы разных книг, на исправление ошибок в старых переводах и на сочинения душеспасительные, из коих знаем более ста. Имея свободный доступ к Великому князю, он ходатайствовал иногда за вельмож, лишаемых государевой милости, и возвращал им оную, к неудовольствию и зависти многих людей, в особенности духовенства и суетных иноков Иосифова монастыря, любимых Великим князем. Смиренный митрополит Варлаам мало думал о земном; но преемник Варлаамов, гордый Даниил, не замедлил объявить себя врагом чужеземца. Говорили: «кто сей человек, дерзающий искажать древнюю святыню наших церковных книг и снимать опалу с бояр?» Одни доказывали, что он еретик; другие представили его Великому князю злоязычником, неблагодарным, втайне осуждающим дела государевы. Сие было во время развода Василиева с несчастною Соломониею: уверяют, что сей благочестивый муж действительно не хвалил оного; по крайней мере находим в Максимовых творениях *Слово к оставляющим жен своих без вины законныя.* Любя вступаться за гонимых, он тайно принимал их у себя в келье и слушал иногда речи оскорби-

тельные для государя и митрополита. Например: несчастный боярин, Иван Беклемишев, жалуясь ему на вспыльчивость Великого князя, сказал, что прежде достойные церковные пастыри удерживали государей от страстей и несправедливости, но что Москва уже не имеет митрополита; что Даниил носит только имя и личину пастыря, не мысля быть наставником совести, ни покровителем невинных; что Максима никогда не выпустят из России: ибо Великий князь и митрополит опасаются его нескромности в чужих землях, где он мог бы огласить их слабости. Наконец, умели довести государя до того, что он велел судить Максима: обвинили его и заточили в один из Тверских монастырей как уличенного в ложных толкованиях св. писания и догматов церковных: что, по мнению некоторых современников, было клеветою, вымышленною чудовским архимандритом Ионою, коломенским епископом Вассианом и митрополитом.

Великий князь, как говорили тогда, *судил* и *рядил землю* всякое утро до самого обеда, после коего уже не занимался делами; любил сельскую тишину; живал летом в Острове, Воробьеве или в Москве на Воронцове поле до самой осени; часто ездил по другим городам и на псовую охоту, в Можайск и Волок Ламский; но и там не забывал государства: трудился с думными боярами и дьяками; иногда принимал послов иноземных. Барон Герберштейн описывает так охоту великокняжескую: «Мы увидели государя в поле; оставили лошадей своих и приблизились к нему. Он сидел на гордом коне, в богатом терлике, в высокой, осыпанной драгоценными каменьями шапке, с златыми перьями, которые развевались ветром; на бедре висели кинжал и два ножа; за спиною, ниже пояса, кистень. Подле него ехали с правой стороны царь Казанский, Алей, вооруженный луком и стрелами, а с левой два князя молодые, из коих один держал секиру, другой булаву или шестопер; вокруг более трехсот всадников». Перед вечером сходили с коней; расставляли шатры на лугу. Государь, переменив одежду, садился в своем шатре на кресла, призывал бояр и весело беседовал с ними о подробностях счастливой или неудачной ловли того дня. Служители подавали закуски, вино и мед.— Самые древние князья наши, Всеволод I, Мономах и другие любили звериную ловлю; но Василий едва ли не первый завел *псовую охоту:* ибо россияне в старину считали псов животными нечистыми и гнушались ими.

Двор его был великолепен. Василий умножил число сановников оного, прибавив к ним *оружничего, ловчих, крайчего и рынд. Крайчий* был то же, что ныне обершенк; а *рындами* именовались оруженосцы, молодые знатные люди, избираемые по красоте, нежной приятности лица, стройному стану: одетые в белое атласное платье и вооруженные маленькими серебряными топориками, они ходили перед Великим князем, когда он являлся народу: стояли у трона и казались иноземцам подобием ангелов небесных; а в воинских походах хранили доспех государев.— Смиренный в церкви — где, удаляя от себя многочисленных царедворцев, он стоял всегда один, у стены, близ дверей, опираясь на свой посох — Василий любил пышность во всех иных торжественных собраниях, особенно в приеме иноземных послов. Чтобы они видели множество и богатство народа, славу и могущество Великого князя, для того, в день их представления, запирались все лавки, останавливались все работы и дела: граждане в лучшем своем платье спешили к Кремлю и густыми толпами окружали стены его. Из окрестных городов призывали дворян и детей боярских. Войско стояло в ружье. Чиновники за чиновниками, один других знатнее, выходили навстречу к послам. В приемной палате, наполненной людьми, царствовало глубокое молчание. Государь сидел на троне; близ него, на стене, висел образ; перед ним, с правой стороны, лежал *колпак,* с левой посох. Бояре сидели на скамьях, в одежде, усеянной жемчугом, в высоких *горлатных* шапках.— Обеды великокняжеские продолжались иногда до самой ночи. В большой комнате накрывались столы в несколько рядов. Подле государя занимали место братья его или митрополит; далее вельможи и чиновники, между коими угощались иногда и простые воины, отличные заслугами. В средине, на высоком столе сияло множество золотых сосудов, чаш, кубков и проч. Первым блюдом были всегда жареные лебеди. Разносили кубки с мальвазиею и с другими греческими винами. Государь в знак милости сам к некоторым посылал кушанье: тогда они вставали и кланялись ему; другие также вставали из учтивости к ним: за что надлежало их благодарить особенными поклонами.

Василий так же, как и родитель его, назывался только Великим князем для России, употребляя следующий титул в *сношениях с державами иноземными:* «Великий государь Василий, божиею милостию царь и государь всея Руси и Великий князь Владимирский, Московский,

Новогородский; Псковский, Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский, и иных; государь и Великий князь Новагорода Низовской земли, и Черниговский, и Рязанский, и Волоцкий, и Ржевский, и Бельский, и Ростовский, и Ярославский, и Белозерский, и Удорский, и Обдорский, и Кондинский, и иных». Иоанн на предложение императора дать ему королевское достоинство ответствовал, как мы видели, гордо; а Василий на такое же предложение папы Леона X не ответствовал ни слова, вопреки басням иностранных писателей, которые думали, что наши Великие князья издревле домогались королевского титула.

Следуя во всем Иоанну, Василий старался привлекать иноземцев полезных в Россию. Кроме людей искусных в деле воинском, он первый из Великих князей имел немецких лекарей при дворе. Мы упоминали о Люеве и Феофиле: сей последний был любчанин, взятый в плен воеводою Сабуровым в Литве. Магистер прусский ходатайствовал о свободе его; но Великий князь сказал, что сей немец лечит одного из наших вельмож и должен прежде возвратить ему здоровье, а после требовать отпуска в свою землю. Волею или неволею Феофил остался в Москве, где находился и третий знаменитый лекарь, родом грек, именем Марко, коего жена и дети жили в Цареграде. Султан писал к Великому князю: «Отпусти Марка к его семейству; он заехал в Россию единственно для торговли»; но государь отвечал: «Марко издавна служит мне добровольно, и лечит моего новогородского наместника; пришли к нему жену и детей». Иноземцам с умом и с дарованием легче было тогда въехать в Россию, нежели выехать из нее.

Василий издал многие законы для внутреннего благоустройства государственного, которые вместе с уложением отца его вошли в судебник царя Иоанна Василиевича. Например, сей Великий князь уставил, чтобы владельцы Тверские, Оболенские, Белозерские и Рязанские не продавали отчин своих жителям других областей; чтобы наследники людей, отказавших имение монастырям, не выкупали оного, если в завещании не дано им право на сей выкуп, и проч. Жалованная Смоленская грамота велит наместникам отдавать всякое поличное истцам, искоренять ябедников и немедленно освобождать судимого, представляющего надежных порук; дозволяет мещанам без явки рубить лес около города; запрещает боярам кабалить вольных людей и держать корчмы; определяет пошлину судную, мировую, брач-

ную, *стадную*, *убойную* и показывает нам тогдашнюю многосложную, запутанную, мелочную систему казенных доходов, изобретенную в веки невежества. Важное и любопытное судное постановление сделано было Василием в Новегороде: узнав, что наместники и тиуны кривят душою в решении тяжб, он велел избрать там 48 целовальников или присяжных, с тем, чтобы сии люди, достойные общего уважения, по очереди судили все дела с тиунами. Для чего не распространил он столь мудрого и благодетельного учреждения на все государство? Может быть, другие россияне еще не имели довольно гражданского ума и навыка: они молчали, а новогородцы, воспоминая старину, жаловались и требовали. Самодержавие не мешало государю дать лучшим гражданам участие в судном праве.— Летописцы хвалят еще Василия за утверждение тишины и безопасности в Новегороде: он учредил там пожарную и ночную стражу; велел, как и в Москве, замыкать ввечеру улицы рогатками, и совершенно прекратил воровство. Лишенные способа жить кражею и злодействами, негодники ушли или обратились к трудолюбию, выучились ремеслам и сделались людьми полезными.

При сем Великом князе построены четыре важные крепости с каменными стенами: в Нижнем Новегороде, Туле, Коломне и Зарайске; первую строил Петр Фрязин: она еще цела. Каширу и Чернигов укрепили только валом и деревянными башнями. В Москве Фрязин Алевиз обложил Кремлевские рвы кирпичем и выкопал несколько прудов в предместиях. В Новегороде, опустошенном пожарами, чиновники великокняжеские размерили улицы, площади, ряды на образец московских.— Из храмов, созданных Василием, доныне существуют в Москве Кремлевская церковь св. Николая Гостунского (на том месте, где была деревянная) и Девичий монастырь, основанный в знак благодарности ко всевышнему за взятие Смоленска. Государь из собственной казны своей отложил на то 3000 рублей (около шестидесяти тысяч нынешних), кроме дворцовых сел и деревень, данных сему монастырю. Главным строителем церковным был тогда Фрязин Алевиз *Новый*. Довершив храм Михаила Архангела, Василий (в 1507 году) перенес туда гробы своих предков, и сам назначил себе могилу подле родителя. Собор Успенский был (в 1515 году) украшен живописью, *чудною* и столь искусною, говорят летописцы, что Великий князь, святители и бояре, вступив в церковь, сказали: «мы видим небеса!» Между иконопис-

цами славился россиянин, Федор Едикеев, который расписывал церковь Благовещения, соединенную с новым, великолепным дворцом, куда Василий перешел в мае 1508 года.

В 27 лет Василиева государствования Россия испытала немалые физические бедствия: от 1507 до 1509 года свирепствовала язва с *железою* в Новагороде, и в одну осень схоронено там 15 000 человек; зимою в 1512 году во многих областях люди умирали кашлем; в 1521 и 1532 году было во Пскове ужасное поветрие, от коего все государственные чиновники разбежались, и которое миновалось, по известию летописцев, от употребления святой воды, присланной архиепископом Макарием, Великим князем и митрополитом. Тогда же и в Новегороде умерло более тысячи жителей *от прыщей.* Были чрезвычайные засухи: пишут, что летом в 1525 году около четырех недель солнце и луна не показывались на небе от густой мглы; что в 1533 году от 29 июня до сентября не упало ни одной дождевой капли на землю; что болота и ключи иссохли, леса горели: солнце тусклое, багровое, скрывалось за два часа до захождения; люди в день не распознавали друг друга в лицо и задыхались от дымного смрада; путешественники, плаватели не видали пути; птицы не могли парить в воздухе. Напротив того летом в 1518 году недель пять шли непрестанно сильные дожди: реки выступили из берегов; поля залились водою; прервалось сообщение между городами и селами. Великий князь торжественными молебствиями старался умилостивить небо: двор и народ постились.— Общий неурожай в 1512 году произвел неслыханную дороговизну: бедные умирали с голоду. В сентябре 1515 года Москва имела недостаток в хлебе: нельзя было купить ни четверти ржи. В 1525 году все съестное продавалось там в десять раз дороже обыкновенного. Летописцы жалуются на частые пожары (обвиняя в том учреждение пороховых заводов)! в Москве, Пскове, особенно в Новегороде, где (в 1508 году) самые каменные палаты распадались от силы огня и сгорело 5314 человек.— Явление трех комет (от 1531 до 1533 года) во всей России приводило народ в ужас.

Описав деяния и случаи сего времени, напомним читателю, что оно, будучи достопамятно для России благоразумием ее правления, славно в летописях Европы *во-первых* редким собранием венценосцев, знаменитых делами и характером, во-вторых важным церковным преобразованием. Немногие веки хвалятся такими госу-

дарями *современными*, каковы были Максимилиан, Карл V, Людовик XII, Франциск I, Селим, Солиман, Генрих VIII, Густав Ваза: можем прибавить к ним и папу Леона X, и врага нашего, Сигизмунда. Все они, за исключением английского и французских королей, находились в сношениях с Василием, их достойным современником; все имели ум и дарования отличные. Но была ли счастлива Европа? Видим, как обыкновенно, необузданность властолюбия, зависть, козни, битвы и бедствия: ибо не один ум, но ум и страсти действуют на феатре мира. Ужасаемая могуществом оттоманской империи, волнуемая борением Франции с силами Испании и Австрии, Европа в то же время была потрясена церковным мятежом, который скоро сделался государственным. Уже духовная власть, или папская, очерненная многими злоупотреблениями, давно слабела в западных державах, но упорствовала в своих гордых требованиях, и не хотела обратиться к истинному духу христианства, вопреки успехам просвещения. Явился бедный инок, Мартин Лютер, который, свергнув с себя монашескую одежду, и держа в руке Евангелие, смел назвать папу антихристом: уличал его в обманах, в корыстолюбии, в искажении святыни, и несмотря на церковные клятвы, соборы и гнев Карла V, основал новую веру, хотя также на евангельском учении, но с отвержением многих важных значительных обрядов, введенных в самом начале христианства и без сомнения полезных: ибо люди имеют не только разум, но и воображение, не менее первого действующее на сердце. Обнажив богослужение, лишив оное торжественности, и как бы закрыв для мысли небо, куда взор и дух молящихся устремляются от великолепия алтарей, от таинственного священнодействия литургии, сей решительный преобразователь удовольствовался одною нравственною проповедию; оказал еще более ненависти к Риму, нежели усердия к Сиону; ссылаясь единственно на Христа и апостолов, не подражал им в кротости: подвергая догматы церкви суду ума, говорил языком страстей, и лишив папу духовной власти во многих землях Германии, в трех северных королевствах, в бывших владениях немецкого ордена и в Ливонии, сам представлял лицо начальника церковного, обязанный своим торжеством не фанатизму народному, а земным расчетам правителей: удерживая имя христиан и святыню Евангелия, новым исповеданием они свергали с себя иго зависимости от гордого, взыскательного, корыстолюбивого Рима; присоединяли дани и пошлины цер-

ковные к своим доходам, и могли в делах совести уже не бояться духовного запрещения. Многие толкователи всемирных происшествий говорят о лютеранской вере как о великом благодеянии для человечества: она неоспоримо способствовала успехам просвещения и лучшей нравственности, соединенной с оными; но первым ее следствием были кровопролития и новые секты христианские, отчасти вредные для самых правительств и спокойствия гражданского. Генрих VIII, написав книгу против Лютера, сам последовал его примеру: оставил римское исповедание и сделался главою англиканского, связав оное крепким узлом с пользою королевской власти, и дав себе волю удовлетворять своему гнусному любострастию переменою жен. Одним словом, если враги латинской церкви справедливо винили ее в неверности к истинному христианству, то и ревностные католики по совести могли винить их в лицемерии, в обманах и в беззаконии.

Сия важная перемена церковная не укрылась от внимания наших современных богословов: об ней рассуждали в Москве, и Грек Максим написал *Слово о Лютеровой ереси,* где, не хваля мирского властолюбия пап, строго осуждает новости в законе, внушаемые страстями человеческими.

Из главы IV

СОСТОЯНИЕ РОССИИ ОТ 1462 ДО 1533 ГОДА

Правление.— Войско.— Правосудие.— Торговля.— Деньги.— Бережливость государей.— Дороги и почта.— Москва.— Свойства и обычаи.— Великокняжеская свадьба.— Въезд послов.— Иноземцы.— Словесность.— Известия о Востоке и Севере России.

Ничто не удивляло так иноземцев, как самовластие государя Российского и легкость употребляемых им средств для управления землею. «Скажет, и сделано», говорит барон Герберштейн: «жизнь, достояние людей, мирских и духовных, вельмож и граждан,

совершенно зависит от его воли. Нет противоречия, и все справедливо как в делах божества: ибо русские уверены, что Великий князь есть исполнитель воли небесной. Обыкновенное слово их: *так угодно богу и государю; ведает бог и государь*. Усердие сих людей невероятно. Я видел одного из знатных великокняжеских чиновников, бывшего послом в Испании, седого старца, который, встретив нас при въезде в Москву, скакал верхом, суетился, бегал как молодой человек; пот градом тек с лица его. Когда я изъявил ему свое удивление, он громко сказал: *Ах, господин барон! мы служим государю не по вашему!* Не знаю, свойство ли народа требовало для России таких самовластителей, или самовластители дали народу такое свойство». Без сомнения *дали*, чтобы Россия спаслась и была великою державою. Два государя, Иоанн и Василий, умели навеки решить судьбу нашего правления и сделать самодержавие как бы необходимою принадлежностию России, единственным уставом государственным, единственною основою целости ее, силы, благоденствия. Сия неограниченная власть монархов казалась иноземцам *тираниею:* они в легкомысленном суждении своем забывали, что *тирания* есть только злоупотребление самодержавия, являясь и в республиках, когда сильные граждане или сановники утесняют общество. Самодержавие не есть отсутствие законов: ибо где *обязанность*, там и *закон:* никто же и никогда не сомневался в обязанности монархов блюсти счастие народное.

Сии иноземные наблюдатели сказывают, что Великий князь, будучи для подданных образом божества, превосходя всех иных венценосцев в *нравственном могуществе*, не уступал никому из них и в воинских силах, имея *триста тысяч* боярских детей и *шестьдесят тысяч* сельских ратников, коих содержание ему ничего или мало стоило: ибо всякий боярский сын, наделенный от казны землею, служил без жалованья, кроме самых беднейших из них, и кроме литовских или немецких пехотных воинов, числом менее двух тысяч. Конница составляла главную силу; пехота не могла с успехом действовать в степях против неприятелей конных. Оружием были лук, стрелы, секира, кистень, длинный кинжал, иногда меч, копье. Знатнейшие имели кольчуги, латы, нагрудники, шлемы. Пушки не считались весьма нужными в поле: вылитые италиянскими художниками для защиты и осады городов, они стояли неподвижно в Кремле на лафетах. В битвах мы надеялись более на силу, нежели на

искусство; обыкновенно старались зайти в тыл неприятелю, окружить его, вообще действовать издали, не в рукопашь; а когда нападали, то с ужасным стремлением, но непродолжительным. «Они» — пишет Герберштейн — «в быстрых своих нападениях как бы говорят неприятелю: *беги, или мы сами побежим!* И в общежитии и в войне народы удивительно разнствуют между собою. Татарин, сверженный с коня, обагренный кровию, лишенный оружия, еще не сдается в плен: машет руками, толкает ногою, грызет зубами. Турок, видя слабость свою, бросает саблю и молит победителя о милосердии. Гонись за русским: он уже не думает обороняться в бегстве; но никогда не требует пощады. Коли, руби его: молчит и падает». Щадя людей и худо употребляя снаряд огнестрельный, мы редко брали города приступом, надеясь изнурить жителей долговременною осадою и голодом. Располагались станом обыкновенно вдоль реки, недалеко от леса, в местах паственных. Одни чиновники имели наметы; воины строили себе шалаши из прутьев и крыли их подседельными войлоками, в защиту от дождя. Обозов почти не было: возили все нужное на вьючных лошадях. Каждый воин брал с собою в поход несколько фунтов толокна, ветчины, соли, перцу; самые чиновники не знали иной пищи кроме воевод, которые иногда давали им вкуснейшие обеды. Полки имели своих музыкантов или трубачей. На великокняжеских знаменах изображался Иисус Навин, останавливающий солнце. В каждом полку особенные сановники записывали имена храбрых и малодушных, означая первых для благоволения государева и наград, а других для его немилости или общественного стыда. Молодые люди обыкновенно готовили себя к воинской службе богатырскими играми: выходили в поле, стреляли в цель, скакали на конях, боролись, и победителям была слава.

Хваля ясность, простоту наших законов и суда, не имевших нужды ни в толкователях, ни в стряпчих — не менее хваля и Василиеву любовь к справедливости — иноземцы замечали, однако ж, что богатый реже бедного оказывался у нас виновным в тяжбах; что судьи не боялись и не стыдились за деньги кривить душою в своих решениях. Однажды донесли Василию, что судья московский, взяв деньги с истца и с ответчика, обвинил того, кто ему дал менее. Великий князь призвал его к себе. Судья не запирался, и с видом невинного ответствовал: «Государь! я всегда верю лучше богатому, нежели бедному», разумея, что первому менее нужды в обма-

нах и в чужом. Василий улыбнулся, и корыстолюбец остался по крайней мере без тяжкого наказания.— Не только законодательная, но и судная власть, как в самую глубокую древность, принадлежала единственно государю: все другие судьи были только его временными или чрезвычайными поверенными, от великокняжеских думных советников до тиунов сельских. Государь нередко уничтожал их приговоры. Они не могли лишить жизни ни крестьянина, ни раба или холопа. Мирская власть наказывала и духовных. Иногда митрополит жаловался на уголовных судей, которые приговаривали священников к кнуту и к виселице; судьи отвечали: «казним не священников, а негодяев, по древнему уставу наших отцов». В сочинении Иовия находим первое известие о жестоких судных пытках, коими заставляли у нас разбойников виниться в их злодеяниях: им капали сверху на голову и на все тело самую холодную воду и вбивали деревянные спицы за ногти. Обыкновение ужасное, данное нам татарским игом вместе с кнутом и всеми телесными, мучительными казнями.

Торговля сего времени была в цветущем состоянии. К нам привозили из Европы серебро в слитках, сукна, сученое золото, медь, зеркала, ножи, иглы, кошельки, вина; из Азии шелковые ткани, парчи, ковры, жемчуг, драгоценные каменья; от нас вывозили в немецкую землю меха, кожи, воск; в Литву и в Турцию меха и моржовые клыки; в Татарию седла, узды, холсты, сукна, одежду, кожи, в обмен на лошадей азиатских. Оружие и железо не выпускалось из России. В Москву ездили польские и литовские купцы; датские, шведские и немецкие торговали в Новегороде; азиатские и турецкие на Мологе, где существовал прежде Холопий городок, и где находилась тогда одна церковь. Сия ярмонка еще славилась своею знатною меною. Иноземцы обязывались показывать товары свои в Москве Великому князю: он выбирал для себя, что ему нравилось; платил деньги и дозволял продажу остальных.

В России ходили серебряные и медные деньги: московские, тверские, псковские, новогородские; серебряных считалось 200 в рубле (который стоил два червонца), а медных *пул* 1200 в гривне. Новогородские деньги имели почти двойную цену: их было только 140 в рубле. На сих монетах изображался Великий князь, сидящий в креслах, и другой человек, склоняющий пред ним голову; на псковских бык в венце; на московских *старых* св. Георгий, или всадник, и цветок, а *новые,* ценою в

половину менее старых, представляли одну надпись. Золотые деньги ходили только иностранные: венгерские червонцы, римские гулдены и ливонские монеты, коих цена переменялась. Всякой серебряник бил и выпускал монету: правительство наблюдало, чтобы сии *денежники* не обманывали в весе и чистоте металла. Государь не запрещал вывозить монету из России, однако ж хотел, чтобы мы единственно менялись товарами с иноземцами, а не покупали их на деньги.— Вместо нынешнего *ста*, обыкновенным торговым счетом было *сорок* и *девяносто;* говорили: *сорок, два сорока*, или *девяносто*, *два девяноста*, и проч.

Успехи торговли более и более умножали доходы государевы. Современники славят богатство и бережливость Василия. Главная казна его хранилась на Белеозере и в Вологде, как в безопаснейших и не доступных для неприятеля местах, окруженных лесами и болотами непроходимыми. «Удивительно ли» — пишут иноземцы— «что Великий князь богат? он не дает денег ни войску, ни послам, и даже берет у них, что они вывозят драгоценного из чужих земель: так князь Ярославский, возвратясь из Испании, отдал в казну все тяжелые золотые цепи, ожерелья, богатые ткани, серебряные сосуды, подаренные ему императором и Фердинандом Австрийским. Сии люди не жалуются, говоря: *Великий князь возмет, Великий князь и наградит»*. Не тем без сомнения Иоанн и Василий богатели, что не давали серебром жалованья войску (ибо поместья стоили серебра) и не тем, что брали иногда у послов вещи, которые им отменно нравились; но мудрою бережливостию, точным соображением предприятий с государственными способами, запасом на случай нужды: правило важное для благоденствия держав. Карл V с сокровищами Нового Света часто не имел денег, а Великие князья наши могли хвалиться богатством, издерживая менее, нежели получая.

Несмотря на деятельность торговли, Россия казалась путешественникам мало населенною в сравнении с иными европейскими странами: редкие жительства, степи, дремучие леса, худые, пустынные, уединенные дороги свидетельствовали, что сия держава была еще новою в гражданском образовании. С ужасом говоря о наших распутицах, тленных мостах, опасностях, неудобствах в пути, чужестранцы хвалят исправность и скорость нашей почты, из Новагорода в Москву приезжали они в 72 часа, платя 6 денег за 20 верст. Лошадей было множество

на учрежденных ямах: кто требовал десяти или двенадцати, тому приводили сорок или пятьдесят. Усталых кидали на дороге; брали свежих в первом селении или у проезжих.

Чем ближе к столице, тем более селений и людей встречалось глазам путешественника. Все оживлялось: на дороге обозы, вокруг частые поля, луга, представляли картину человеческой деятельности. Необозримая Москва величественно возвышалась на равнине с блестящими куполами своих несметных храмов, с красивыми башнями, с белыми стенами Кремлевскими, с редкими каменными домами, окруженными темною грудою деревянных зданий, среди зеленых садов и рощей. Окрестные монастыри казались маленькими, прелестными городками. В слободах жили кузнецы и другие ремесленники, которые непрестанным употреблением огня могли быть опасны в соседстве: расселенные на большом пространстве, они сеяли хлеб и косили траву пред их домами, на обеих сторонах улицы. Один Кремль считался городом: все иные части Москвы, уже весьма обширной, назывались предместиями, ибо не имели никаких укреплений, кроме рогаток. На крутоберегой Яузе стояло множество мельниц. Неглинная, будучи запружена, уподоблялась озеру и наполняла водою ров Кремлевский. Некоторые улицы были тесны и грязны; но сады везде чистили воздух, так что в Москве не знали никаких заразительных болезней, кроме наносных. В 1520 году, как пишут, находилось в ней 41 500 домов, исчисленных по указу Великого князя; а сколько жителей, неизвестно: но можно полагать их гораздо за 100 000. В Кремле, в разных улицах, в огромных деревянных домах (между многими, отчасти также деревянными церквами) жили знатнейшие люди, митрополит, князья, бояре. Гостиный двор (там же, где и ныне, на площади, у Кремля), обнесенный каменною стеною, прельщал глаза не красотою лавок, но богатством товаров, азиатских и европейских. Зимою хлеб, мясо, дрова, лес, сено, обыкновенно продавались на Москве-реке, в лавках или в шалашах.

Наши свойства казались наблюдателям и худыми и добрыми, обычаи любопытными и странными. Контарини пишет, что москвитяне толпятся с утра до обеда на площадях, на рынках, а заключают день в питейных домах: глазеют, шумят, а дела не делают. Герберштейн напротив того с удивлением видел их работающих в праздники. В будни запрещалось им пить; одни иноземные воины, служа государю за деньги, имели право

быть невоздержными в употреблении хмельного: для чего слобода за Москвою-рекою, где они жили, именовалась *Налейками*, от слова *наливай*. Великий князь Василий, опасаясь действий худого примера, не дозволял своим подданным жить вместе с ними. У всякой рогатки на улицах стоял караул: никто не смел ходить ночью без особенной важной причины и без фонаря. Тишина царствовала в городе. Замечали, что россияне не злы, не сварливы, терпеливы, но склонны (особенно москвитяне) к обманам в торговле. Славили древнюю честность новогородцев и псковитян, которые тогда уже начинали изменяться в характере. Пословица: *товар лицом продать*, служила уставом в купечестве. Лихоимство не считалось стыдом: ростовщики брали обыкновенно 20 на 100, и еще хвалились умеренностию: ибо в древние времена должники платили у нас 40 на 100. «Рабство, несовместное с душевным благородством, было» (по словам Герберштеина) общим в России...» Рабами были единственно крепостные холопи, или дворовые или сельские, потомки людей купленных, военнопленных, законом лишенных вольности. В XI веке они не имели у нас ни гражданских, ни человеческих прав (так и в древнем Риме): господин мог располагать ими как собственностию, как *вещию;* мог своевольно отнимать у них жизнь, никому не ответствуя... Гораздо несчастнее холопства было состояние земледельцев свободных, которые, нанимая землю в поместьях или в отчинах у дворян, обязывались трудиться для них свыше сил человеческих, не могли ни двух дней в неделе работать на себя, переходили к иным владельцам и обманывались в надежде на лучшую долю: ибо временные, корыстолюбивые господа или помещики нигде не жалели, не берегли их для будущего. Государь мог бы отвести им степи, но не хотел того, чтобы поместья не опустели, и сей многочисленный род людей, обогащая других, сам только что не умирал с голоду: старец, бездомок от юности, изнурив жизненные силы в работе наемника, при дверях гроба не знал, где будет его могила. Бедность рождает презрение: в старину называли у нас земледельцев *смердами:* в XVI веке *крестьянами*, то есть *христианами,* но в худом, варварском смысле: ибо долговременные наши тираны, Батыевы моголы, поносили россиян сим именем. Вероятно, что многие земледельцы шли тогда в кабалу к дворянам; по крайней мере знаем, что многие отцы продавали своих детей, не имея способа кормиться. Сын мог быть несколько раз продан отцом; но в чет-

вертый раз отпущенный господином на волю, уже зависел единственно от себя.

Здесь представляется любопытный вопрос: неужели никогда не бывало в России крестьян-*владельцев?* По крайней мере не знаем, когда они были. Видим, что князья, бояре, воины и купцы — то есть *городские жители* — искони владея землями, отдавали их в наем крестьянам свободным. Всякая область принадлежала городу; все ее земли считались как бы законною собственностию его жителей, древних господ России, купивших, вероятно, сие право мечом, в такое время, до коего не восходят летописи, ни предания. Но крестьяне, платя дань или оброк наемщикам, имели свободу личную и движимую собственность.

Не только бояре знатные, но и самые простые, бедные дворяне казались спесивыми, недоступными. К первым никто не смел въехать на двор: оставляли лошадей у ворот. Благородные стыдились ходить пешком и не имели знакомства с мещанами, опасаясь тем унизиться. Они вообще любили сидячую жизнь и не понимали, как можно заниматься делами стоя или ходя. Молодые женщины были совершенными затворницами: боялись показываться чужим людям; и в церковь ходили редко; дома шили, пряли. Одна забава считалась для них позволенною: качели. Богатые не пеклися о домашнем хозяйстве, которое лежало единственно на слугах и служанках. Бедные поневоле трудились; но самая беднейшая, готовя для себя кушанье, не могла умертвить никакого животного: стояла у ворот с курицею или с уткою и просила мимоходящих, чтобы они закололи сию птицу ей на обед. Несмотря на строгое заключение жен, бывали, как и везде, примеры неверности, тем естественнее, что взаимная любовь не участвовала в браках, и что мужья-дворяне, находясь в государевой службе, редко живали дома. Не жених обыкновенно сватался за невесту, но отец ее выбирал себе зятя и говорил о том с отцом его. Назначали день свадьбы, а будущие супруги еще не знали друг друга в глаза. Когда нетерпеливый жених домогался видеть невесту, то родители ее всегда отвечали ему: «спроси у добрых людей, какова она?» Приданое состояло в одежде, в драгоценных украшениях, в слугах, в конях и проч.; а что родственники и приятели дарили невесте, то муж должен был после свадьбы возвращать им или платить деньгами. Герберштейн первый сказал, что жена россиянка не уверена в любви супруга без частых от него побоев: сие вошло в пословицу, хотя

могло быть только отчасти истиною, объясняемою для нас древними обычаями славянскими и грубою нравственностию времен Батыева ига.

Спесивые против бедных мещан, дворяне и богатые купцы были гостеприимны и вежливы между собою. Гость, входя в комнату, глазами искал святых образов, шел к ним, крестился, и несколько раз сказав вслух: *Господи помилуй!* обращался к хозяину с приветствием: *дай боже тебе здравия!* Они целовались, кланялись друг другу, и чем ниже, тем лучше; переставали и снова начинали кланяться; садились, беседовали, и гость, взяв шапку, шел опять к образам; хозяин провожал его до крыльца, а любимого до самых ворот. Подчивали приятелей медом, вишневым морсом, пивом; иногда греческим вином, но редко; лучшим считалась мальвазия, употребляемая однако ж более в лекарство и во дворце, за великокняжескою трапезою. Ужинов не знали: обеды были изобильные и вкусные для самых иноземцев, которые дивились у нас множеству и дешевизне всякого скота, рыбы, птиц, дичины, добываемой охотою псовою, соколиною, тенетами. Вообще роскошь тогдашняя состояла в избытке обыкновенных, дешевых вещей; умели хвалиться оною не разоряясь; бережливость не славилась добродетелию, ибо казалась естественною людям, которые еще не ведали прелестей утонченного вкуса. Дорогие одежды означали первостепенных государственных сановников: если не закон, то обыкновение воспрещало другим равняться с ними в сих принадлежностях знатности, соединенной всегда с богатством. Сии наряды употреблялись бережно; ветреная мода не изменяла оных, и вельможа оставлял свою праздничную одежду в наследство сыну. Платье боярское, дворянское, купеческое не различалось покроем: верхнее с опушкою, широкое, длинное называлось *однорядками;* другое *охабнями,* с воротником; третие *ферезями,* с пуговицами до подола, с нашивками или без нашивок; такое же длинное, с нашивками или только с пуговицами до пояса, *кунтышами, доломанами, кафтанами;* у всякого были клинья, а на боках прорехи. Полукафтанье носили с козырем; рубахи с вышитым, разноцветным воротником и с серебряною пуговицею; сапоги сафьянные, красные, с железными подковами; шапки высокие, шляпы поярковые, черные и белые. Мужчины стригли себе волосы.— Домы не блистали внутренним украшением: самые богатые люди жили в голых стенах. Сени огромные, а две-

ри низкие, и входящий всегда наклонялся, чтобы не удариться головою об верхний косяк.

Опишем некоторые достопамятные обыкновения. Посланник великокняжеский, Димитрий, будучи в Риме и беседуя с Павлом Иовием о нравах своего отечества, сказывал ему, что россияне, искони набожные, любя чтение душеспасительных книг, не терпят проповеди в церквах, дабы слышать в них единственно слово господне, без примеса мудрований человеческих, несогласных с простотою Евангельскою; что нигде не имеют такого священного уважения к храмам, как у нас; что муж и жена, вкусив удовольствие законной любви, не дерзают войти в церковь, и слушают обедню стоя на паперти; что молодые, нескромные люди, видя их там, угадывают причину и своими насмешками заставляют женщин краснеться; что мы весьма не любим католиков, а евреями гнушаемся и не дозволяем им въезжать в Россию.

Иовий пишет, что Великие князья, подобно султанам, избирают себе жен за красоту и добродетель, ни мало не уважая знатности; что невест привозят из всей России; что искусные, опытные бабки осматривают их тайные прелести; что совершеннейшая или счастливейшая выходит за государя, а другие в тот же день за молодых придворных чиновников. Сие известие может относиться единственно к двум бракам Василия: ибо отец, дед и предки его женились обыкновенно на княжнах владетельных.— Сообщим здесь любопытные подробности из описания Василиевой свадьбы 1526 года.

«Державный жених, нарядясь, сидел в *брусяной столовой избе* с своим поездом; а невеста, Елена Глинская, с женою тысяцкого, двумя свахами, боярынями и многими знатными людьми шла из дому в *середнюю палату.* Перед нею несли две *брачные* свечи в фонарях, два каравая и серебряные деньги. В сей палате были сделаны два места, одетые бархатом и камками; на них лежали два зголовья и два сорока черных соболей; а третьим сороком надлежало опахивать жениха и невесту. На столе, покрытом скатертью, стояло блюдо с калачами и солью. Елена села на своем месте; сестра ее, княжна Анастасия, на жениховом; боярыни вокруг стола. Василий прислал туда брата, князя Юрия, который, заняв *большое место,* велел звать жениха. *Государь!* сказали ему: *иди с богом на дело.* Великий князь вошел с тысяцким и со всеми чиновниками, поклонился иконам, свел княжну Анастасию с своего места и сел на оное. Читали молитву. Жена тысяцкого гребнем чесала голо-

ву Василию и Елене. Свечами *богоявленскими* зажгли *брачные*, обогнутые соболями и вденые в кольцы. Невесте подали кику и фату. На золотой мисе, в трех углах, лежали хмель, соболи, одноцветные платки бархатные, атласные, камчатные, и пенязи, числом по девяти в каждом угле. Жена тысяцкого осыпала хмелем Великого князя и Елену, опахиваемых соболями. Дружка государев, благословясь, изрезал перепечу и сыры для всего поезда; а Еленин дружка раздавал ширинки. Поехали в церковь Успения: государь с братьями и вельможами, Елена в одних санях с женою тысяцкого и с двумя *большими* свахами; за нею шли некоторые бояре и чиновники; перед нею несли свечи и караваи. Жених стоял в церкви на правой стороне у столпа, невеста на левой. Они шли к венчанию по камкам и соболям. Знатнейшая боярыня держала скляницу с вином фряжским: митрополит подал ее государю и государыне: первый, выпив вино, растоптал скляницу ногою. Когда священный обряд совершился, новобрачные сели на двух красных изголовьях. Митрополит, князья и бояре поздравляли их; певчие пели многолетие. Возвратились во дворец. Свечи с караваями отнесли в спальню, или в *сенник*, и поставили в кадь пшеницы. В четырех углах сенника были воткнуты стрелы, лежали калачи с соболями, у кровати два изголовья, две шапки, одеяло кунье, шуба; на лавках стояли *оловянники* с медом; в головах кровати икона Рождества Христова, Богоматери и крест Воздвизальный; на стенах также иконы Богоматери со младенцем; над дверью и над всеми окнами, внутри и снаружи, кресты. Постелю стлали на двадцати семи ржаных снопах. Великий князь завтракал с людьми ближними; ездил верхом по монастырям, и обедал со всем двором. Князь Юрий Иоаннович сидел опять на *большом месте*, а Василий рядом с Еленою; перед ними поставили жареного петуха: дружка взял его, обвернул верхнею скатертью и отнес в спальню, куда повели и молодых из-за стола. В дверях знатнейший боярин *выдавал* Великую княгиню и говорил речь. Жена тысяцкого, надев две шубы, одну наизворотъ, вторично осыпала новобрачных хмелем; а дружки и свахи кормили их петухом. Во всю ночь конюший государев ездил на жеребце под окнами спальни с обнаженным мечом. На другой день супруги ходили в мыльню и ели кашу на постеле». Легко угадать разум сих обрядов, без сомнения весьма древних, отчасти, может быть, славянских, отчасти скандинавских, некоторые образовали любовь, согласие, чадородие, бо-

гатство; другие должны были удалять действие злого волшебства.

Василий, находясь в частых сношениях с государями европейскими, любил хвалиться ласкою, оказываемою их послам в России; но иноземцы жаловались на сей милостивый прием, соединенный с обрядами скучными и тягостными. Приближаясь к границе, посол давал о том знать наместникам ближайших городов. Ему предлагали множество вопросов: «из какой земли, от кого едет? знатный ли человек? какого именно звания? бывал ли прежде в России? говорит ли нашим языком? сколько с ним людей и каких?» О сем немедленно доносили Великому князю; а к послу высылали чиновника, который, встретив его, не уступал ему дороги, и всегда требовал, чтобы он стоя выслушивал государево приветствие со всем великокняжеским титулом, несколько раз повторяемым. Назначали дорогу и места, где надлежало обедать, ночевать. Ехали тихо, иногда не более пятнадцати или двадцати верст в день: ибо ждали ответа из Москвы. Иногда останавливались в поле, несмотря на зимний мороз; иногда худо ели. Зато пристав терпеливо сносил брань иноземцев. Наконец государь высылал дворян своих к послу: тут везли его уже скорее и лучше содержали. Встреча перед Москвою была всегда пышная: являлось вдруг несколько чиновников в богатых одеждах и с отрядом конницы: говорили речи, спрашивали о здоровье, и проч. Двор посольский находился близ Москвы-реки: большое здание со многими комнатами, но совершенно пустыми; никто не жил в сем доме. Приставы служили гостям, непрестанно заглядывая в роспись, где было все исчислено, все измерено, что надлежало давать послам немецким, литовским, азиатским: сколько мясных блюд, меду, луку, перцу, масла, даже дров. Между тем придворные чиновники ежедневно спрашивали у них, довольны ли они угощением? Не скоро назначался день представления: ибо любили долго изготовляться к оному. Послы сидели одни, не могли заводить знакомств, и скучали. Великий князь к сему дню для их торжественного въезда в Кремль, обыкновенно дарил им коней с богатыми седлами.

Кроме зодчих, денежников, литейщиков, находились у нас тогда и другие иноземные художники и ремесленники. Толмач Димитрий Герасимов, будучи в Риме, показывал историку Иовию портрет Великого князя Василия, писанный без сомнения не русским живописцем. Герберштеин упоминает о немецком слесаре в Москве,

женатом на россиянке. Искусства европейские с удивительною легкостию переселялись к нам: ибо Иоанн и Василий, по внушению истинно великого ума, деятельно старались присвоить оные России, не имея ни предрассудков суеверия, ни боязливости, ни упрямства, и мы, послушные воле государей, рано выучились уважать сии плоды гражданского образования, собственность не вер и не языков, а человечества; мы хвалились исключительным православием и любили святыню древних нравов, но в то же время отдавали справедливость разуму, художеству западных европейцев, которые находили в Москве гостеприимство, мирную жизнь, избыток. Одним словом, Россия и в XVI веке следовала правилу: «хорошее от всякого хорошо», и никогда не была вторым Китаем в отношении к иноземцам.

Язык наш, то есть, славянский, был в сие время известен от каменного пояса до Адриатического моря, Воспора Фракийского и Нила: им говорили при дворе турецкого и египетского султанов, жены их, ренегаты, мамелюки. Мы имели в переводах сочинения св. Амвросия, Августина, Иеронима, Григория, Историю римских императоров (вероятно, Светонову), Марка Антония и Клеопатры; но Иовий укоряет нас совершенным невежеством в науках; в философии, астрономии, физике, медицине, сказывая, что мы именуем лекарем всякого, кто знает некоторые целебные свойства растений. Успехи словесности примечались в чистейшем слоге летописей, пастырских духовных посланий, святых житий, и проч. Старец, архиепископ ростовский Вассиан, мог назваться Демосфеном сего времени, если истинное красноречие состоит в сильном выражении мыслей и чувств.

Судя по слогу, можем отнести к сему времени сочинение двух русских сказок: *о купце Киевском и Дракуле, Мутьянском воеводе.* В первой описывается мучитель, именем *Смиян гордый,* владетель неизвестной приморской страны, гибельной для всех плавателей, которые искали там убежища от бурь, и не умели отгадать царских загадок: им надлежало отвергнуться Христа или умереть. Сын путешествующего киевлянина, Борзосмысл, юный отрок, вдохновенный небесною мудростию, как новый Эдип решит все хитрые задачи Смияна, отсекает ему голову в присутствии народа, садится на трон, проповедует веру Христову, пленяет граждан, остается у них царем и женится на Смияновой дочери. Вот содержание. Красот пиитических мало, остроумия также; рас-

сказ довольно складен.— Вторая повесть любопытнее. Дракула, хищник Мутьянской или Воложской державы (о коем упоминается в византийской истории Дуки около 1430 года) представлен гонителем всякой неправды, обманов, воровства, и свирепым кровопийцею. Никто в земле Воложской не дерзает взять чужого, ни обидеть слабого. Испытывая народ, он поставил золотую чару у колодезя, отдаленного от домов: мимоходящие пили воду и не трогали богатого сосуда. Искоренив злодеев, сей воевода казнил и за самые легкие вины. Не только жена вероломная, любострастная, но и ленивая, у которой в доме было не чисто или муж не имел хорошего белья, лишалась жизни. На площади, вместо украшений, висели трупы. Однажды пришли к нему два монаха из Венгрии: Дракула желал знать их мысли о себе. «Ты хочешь быть правосудным» — отвечал старейший из них — «но делаешься тираном, наказывая тех, коих должны наказывать единственно бог и совесть, а не закон гражданский». Другой хвалил тирана, как исполнителя судов божественных. Велев умертвить первого монаха, Дракула отпустил его товарища с дарами, и наконец увенчал свои подвиги сожжением всех бедных, дряхлых, увечных в земле Воложской, рассуждая: «начто жить людям, живущим в тягость себе и другим?» Автор мог бы заключить сию сказку прекрасным нравоучением, но не сделал того, оставляя читателям судить о *философии* Дракулы, который лечил подданных от злодейства, пороков, слабостей, нищеты и болезней одним лекарством: смертию! — заметим, что древние русские *писцы* имели более гордости, нежели *писатели:* первые почти всегда означали имя свое в конце переписанной ими книги, а вторые почти никогда, укрываясь таким образом от хвалы и критики: знаем творения, не зная творцов. По крайней мере видим, что предки наши занимались не только историческими или богословскими сочинениями, но и романами; любили произведение остроумия и воображения.

В окончании сей статьи предложим некоторые известия из Герберштеиновой книги о соседственных с Россиею землях.

Описывая наружность татар, Герберштеин сказывает, что они были среднего роста, черноволосые, широколицые с маленькими, впалыми глазами, и что знатнейшие носили длинные плетенки или косы: в сем изображении еще узнаем истинных моголо́в, нынешних калмыков и киргизов. Сему же писателю обязаны мы изъяснением

достоинств и чинов татарских. Солтанами назывались сыновья ханские, уланами главнейшие по хане сановники, беями князья, их дети мурзами, первосвященники сеитами.

Север России был еще предметом баснословия для самых москвитян. Уверяли, что там, на берегах океана, в горах, пылает неугасимый огнь чистилища; что в Лукоморье есть люди, которые ежегодно 27 ноября, в день св. Георгия, умирают, а 24 апреля оживают снова; что они перед смертию сносят товары свои в одно место, где соседи, в течение зимы, могут брать оные, за всякую вещь оставляя должную плату, и не смея обманывать: ибо мертвецы, воскресая весною, рассчитываются с ними и всегда наказывают бессовестных; что там есть и другие чудесные люди, покрытые звериною шерстью, с собачьими головами, с лицом на груди, с длинными руками, но безногие; есть рыбы человекообразные, но только немые, и проч. Сии басни питали любопытство грубых умов. Однако ж москвитяне уже знали имена всех главных рек Западной Сибири.

Мы обязаны были сими сведениями господству Великих князей над землею Пермскою и Югорскою. Лапландия также платила нам дань. Дикие жители ее приходили иногда в соседственные российские области, начинали заимствовать некоторые гражданские обыкновения и ласково угощали купцов иноземных, которые привозили к ним вещи, нужные для хозяйства.

Вообще Герберштейново описание России есть важное творение для нашей истории XVI века, хотя и содержит в себе некоторые ошибки.

ТОМ VIII

Из главы I

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ И ЦАРЬ ИОАНН IV ВАСИЛИЕВИЧ II

1533—1538

Беспокойство россиян о малолетстве Иоанна.— Состав Государственной думы.— Главные вельможи, Глннский н Телепнев.— Прнсяга Иоанну.— Заключение князя Юрня Иоанновича.— Общнй страх.— Измена к. Снмеона Бельского н Лятцкого.— Заключение и смерть Мнх. Глинского.— Смерть князя Юрня.— Бегство, умысел н заключенне к. Андрея Иоанновича.— Казнь бояр н детей боярскнх.— Смерть к. Андрея.

Не только искреняя любовь к Василию прнзводила общее сетование о безвременной кончине его, но и страх, что будет с государством? — волновал души. Никогда Россия ие имела столь малолетнего властителя, никогда — если исключим древнюю, почти баснословную Ольгу — не видала своего кормила государствениого в руках юиой жены и чужеземки, литовского, ненавистного рода. На троне не бывает предателей: опасались Елениной неопытностн, естествениых слабостей, пристрастня к Глинским, коих имя напоминало измену. Хотя лесть придворная славила добродетели великой княгннн, ее боголюбие, милость, справедливость, мужество сердца, проницание ума и явное сходство с бессмертною супругою Игоря; но благоразумиые уже н тогда умели отлнчать язык двора и лести от языка истины: знаЛн, что добродетель царская, трудная и для мужа с крепкими мышцами, еще гораздо труднее для юной, нежной, чувствительной жены, более подверженной действию слепых, пылкнх страстей. Елена опиралась на думу боярскую: там заседали опытные советникн трона; но совет без государя есть как тело без главы: кому

управлять его движением, сравнивать и решить мнения, обуздывать самолюбие лиц пользою общею? Братья государевы и двадцать бояр знаменитых составляли сию верховную думу: князья Бельские, Шуйские, Оболенские, Одоевские, Горбатый, Пеньков, Кубенский, Барбашин, Микулинский, Ростовский, Бутурлин, Воронцов, Захарьин, Морозовы; но некоторые из них, будучи областными наместниками, жили в других городах и не присутствовали в оной. Два человека казались важнее всех иных по их особенному влиянию на ум правительницы: старец Михаил Глинский, ее дядя, честолюбивый, смелый, самим Василием назначенный быть ей главным советником, и конюший боярин, князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский, юный летами и подозреваемый в сердечной связи с Еленою. Полагали, что сии два вельможи, в согласии между собою, будут законодателями думы, которая решила дела внешние именем Иоанна, а дела внутренние — именем Великого князя и его матери.

Первым действием нового правления было торжественное собрание духовенства, вельмож и народа в храме Успенском, где митрополит благословил державного младенца властвовать над Россиею и давать отчет единому богу. Вельможи поднесли Иоанну дары, послали чиновников во все пределы государства известить граждан о кончине Василия и клятвенным обетом утвердить их в верности к Иоанну.

Едва минула неделя в страхе и надежде, вселяемых в умы государственными переменами, когда столица была поражена несчастною судьбою князя Юрия Иоанновича Дмитровского, старшего дяди государева, или оклеветанного, или действительно уличенного в тайных видах беззаконного властолюбия: ибо сказания летописцев несогласны. Пишут, что князь Андрей Шуйский, сидев прежде в темнице за побег от государя в Дмитров, был милостиво освобожден вдовствующею великою княгинею, но вздумал изменить ей, возвести Юрия на престол и в сем намерении открылся князю Борису Горбатому, усердному вельможе, который с гневом изобразил ему всю гнусность такой измены. Шуйский увидел свою неосторожность и, боясь доноса, решился прибегнуть к бесстыдной лжи: объявил Елене, что Юрий тайно подговаривает к себе знатных чиновников, его самого и князя Бориса, готового немедленно уехать в Дмитров. Князь Борис доказал клевету и замысел Шуйского возмутить спокойствие государства: первому изъявили благодар-

ность, а второго посадили в башню. Но бояре, излишне осторожные, представили великой княгине, что если она хочет мирно царствовать с сыном, то должна заключить и Юрия, властолюбивого, приветливого, любимого многими людьми и весьма опасного для государя-младенца. Елена, непрестанно оплакивая супруга, сказала им: «Вы видите мою горесть: делайте, что надобно для пользы государства». Между тем некоторые из верных слуг Юриевых, сведав о намерении бояр московских, убеждали князя своего, совершенно невинного и спокойного, удалиться в Дмитров. «Там,— говорили они,— никто не посмеет косо взглянуть на тебя; а здесь не минуешь беды». Юрий с твердостию ответствовал: «Я приехал в Москву закрыть глаза государю брату и клялся в верности к моему племяннику; не преступлю целования крестного и готов умереть в своей правде»

Но другое предание обвиняет Юрия, оправдывая боярскую думу. Уверяют, что он действительно чрез дьяка своего, Тишкова, подговаривал князя Андрея Шуйского вступить к нему в службу. «Где же совесть? — сказал Шуйский.— Вчера князь ваш целовал крест государю Иоанну, а ныне манит к себе его слуг». Дьяк изъяснял, что сия клятва была невольная и беззаконная; что бояре, взяв ее с Юрия, сами не дали ему никакой, вопреки уставу о присягах взаимных. Шуйский известил о том князя Бориса Горбатого, князь Борис — думу, а дума — Елену, которая велела боярам действовать согласно с их обязанностию.

Заметим, что *первое* сказание вероятнее: ибо князь Андрей Шуйский во все правление Елены сидел в темнице. Как бы то ни было, 11 декабря взяли Юрия, вместе со всеми его боярами, под стражу и заключили в той самой палате, где кончил жизнь юный великий князь Димитрий. Предзнаменование бедственное! Ему надлежало исполниться.

Такое начало правления свидетельствовало грозную его решительность. Жалели о несчастном Юрии; боялись тиранства: а как Иоанн был единственно именем государь и самая правительница действовала по внушениям совета, то Россия видела себя под жезлом возникающей олигархии, которой мучительство есть самое опасное и самое несносное. Легче укрыться от одного, нежели от двадцати гонителей. Самодержец гневный уподобляется раздраженному божеству, пред коим надобно только смиряться; но многочисленные тираны не имеют сей выгоды в глазах народа: он видит в них людей ему подоб-

ных и тем более ненавидит злоупотребление власти. Говорили, что бояре хотели погубить Юрия в надежде своевольствовать, ко вреду отечества; что другие родственники государевы должны ожидать такой же участи,— и сии мысли, естественным образом представляясь уму, сильно действовали не только на Юриева меньшего брата Андрея, но и на их племянников князей Бельских, столь ласково порученных Василием боярам в последние минуты его жизни. Князь Симеон Феодорович Бельский и знатный окольничий Иван Лятцкий, родом из Пруссии, муж опытный в делах воинских, готовили полки в Серпухове на случай войны с Литвою; недовольные правительством, они сказали себе, что Россия не есть их отечество, тайно снеслися с королем Сигизмундом и бежали в Литву. Сия неожидаемая измена удивила двор, и новые жестокости были ее следствием. Князь Иван Бельский, главный из воевод и член верховного совета, находился тогда в Коломне, учреждая стан для войска: его и князя Воротынского с юными сыновьями взяли, оковали цепями, заточили, как единомышленников Симеоновых и Лятцкого, без улики, по крайнем мере без суда торжественного; но старшего из Бельских, князя Димитрия, также думного боярина, оставили в покое, как невинного.— Дотоле считали Михаила Глинского душою и вождем совета: с изумлением узнали, что он не мог ни губить других, ни спасти самого себя. Сей человек имел великодушие и бедственным концом своим оправдал доверенность к нему Василиеву. С прискорбием видя нескромную слабость Елены к князю Ивану Телепневу-Оболенскому, который, владея сердцем ее, хотел управлять и думою и государством, Михаил, как пишут, смело и твердо говорил племяннице о стыде разврата, всегда гнусного, еще гнуснейшего на троне, где народ ищет добродетели, оправдывающей власть самодержавную. Его не слушали, возненавидели и погубили. Телепнев предложил: Елена согласилась, и Глинский, обвиняемый в мнимом, нелепом замысле овладеть государством, вместе с ближним боярином и другом Василиевым, Михайлом Семеновичем Воронцовым, без сомнения также добродетельным, был лишен вольности, а скоро и жизни, в той самой темнице, где он сидел прежде: муж, знаменитый в Европе умом и пылкими страстями, счастием и бедствием, вельможа и предатель двух государств, помилованный Василием для Елены и замученный Еленою, достойный гибели изменника, достойный и славы великодушного страдальца в одной и той же темнице! Глин-

ского схоронили, без всякой чести, в церкви св. Никиты за Неглинною; но одумались, вынули из земли и отвезли в монастырь Троицкий, изготовив там пристойнейшую могилу для государева деда; но Воронцов, только удаленный от двора, пережил своих гонителей, Елену и князя Ивана Телепнева: быв наместником новогородским, он умер уже в 1539 году с достоинством думного боярина.

Еще младший дядя государев, князь Андрей Иоаннович, будучи слабого характера и не имея никаких свойств блестящих, пользовался наружными знаками уважения при дворе и совете бояр, которые в сношениях с иными державами давали ему имя первого попечителя государственного; но в самом деле он нимало не участвовал в правлении; оплакивал судьбу брата, трепетал за себя и колебался в нерешимости: то хотел милостей от двора, то являл себя нескромным его хулителем, следуя внушениям своих любимцев. Через шесть недель по кончине великого князя, находясь еще в Москве, он смиренно бил челом Елене о прибавлении новых областей к его уделу: ему отказали, но, согласно с древним обычаем, дали, в память усопшего, множество драгоценных сосудов, шуб, коней с богатыми седлами. Андрей уехал в Старицу, жалуясь на правительницу. Вестовщики и наушники не дремали: одни сказывали сему князю, что для него уже готовят темницу; другие доносили Елене, что Андрей злословит ее. Были разные объяснения, для коих боярин, князь Иван Шуйский, ездил в Старицу и сам Андрей — в Москву: уверяли друг друга в любви и с обеих сторон не верили словам, хотя митрополит ручался за истину оных. Елена желала знать, кто ссорит ее с деверем? Он не именовал никого, ответствуя: «Мне самому так казалось!» Расстались ласково, но без искреннего примирения.

В сие время — 26 августа 1536 года — князь Юрий Иоаннович умер в темнице *от голода,* как пишут. Андрей был в ужасе. Правительница звала его в Москву на совет о делах внешней политики: он сказался больным и требовал врача. Известный лекарь Феофил не нашел в нем никакой важной болезни. Елену тайно известили, что Андрей не смеет ехать в столицу и думает бежать. Между тем сей несчастный писал к ней: «В болезни и тоске *я отбыл ума и мысли.* Согрей во мне сердце милостию. Неужели велит государь влачить меня отсюда на носилках?» Елена послала Крутицкого владыку Досифея вывести его из неосновательного страха или, в слу-

чае злого намерения, объявить ему клятву церковную. Тогда же боярин Андреев, отправленный им в Москву, был задержан на пути, и князья Оболенские, Никита Хромый с конюшим Телепневым, предводительствуя многочисленною дружиною, вступили в Волок, чтобы гнаться за беглецом, если Досифеевы увещания останутся бесполезными. Андрею сказали, что Оболенские идут схватить его: он немедленно выехал из Старицы с женою и с юным сыном; остановился в шестидесяти верстах, думал и решился — быть преступником: собрать войско, овладеть Новымгородом и всею Россиею, буде возможно; послал грамоты к областным детям боярским и писал к ним: «Великий князь — младенец; вы служите только боярам. Идите ко мне: я готов вас жаловать». Многие из них действительно явились к нему с усердием; другие представили мятежные грамоты в государственную думу. Надлежало взять сильные меры: князь Никита Оболенский спешил защитить Новгород, а князь Иван Телепнев шел с дружиною вслед за Андреем, который, оставив большую дорогу, поворотил влево, к Старой Руссе. Князь Иван настиг его в Тюхоли: устроил воинов, распустил знамя и хотел начать битву. Андрей также вывел свою дружину, обнажив меч; но колебался и вступил в переговоры, требуя клятвы от Телепнева, что государь и Елена не будут ему мстить. Телепнев дал сию клятву и вместе с ним приехал в Москву, где великая княгиня, по словам летописца, изъявила гнев своему любимцу, который будто бы сам собою, без ведома государева, уверил мятежника в безопасности, и велела Андрея оковать, заключить в тесной палате; к княгине его и сыну приставили стражу, бояр его, советников, верных слуг пытали, несмотря на их знатный княжеский сан: некоторые умерли в муках, иные — в темницах; а детей боярских, взявших сторону Андрееву, числом тридцать, повесили, как изменников, на дороге Новогородской, в большом расстоянии один от другого.— Андрей имел участь брата: умер насильственною смертию чрез шесть месяцев и, подобно ему, был с честию погребен в церкви архангела Михаила. Он, конечно, заслуживал наказания, ибо действительно замышлял бунт; но казни *тайные* всегда доказывают малодушную злобу, всегда беззаконны, и притворный гнев Елены на князя Телепнева не мог оправдать вероломства.

Таким образом, в четыре года Еленина правления именем юного великого князя умертвили двух единоутробных братьев его отца и дядю матери, брата внучат-

ного ввергнули в темницу, обесчестили множество знатных родов торговою казнию Андреевых бояр, между коими находились князья Оболенские, Пронский, Хованский, Палецкий. Опасаясь гибельных действий слабости в малолетство государя самодержавного, Елена считала жестокость твердостию; но сколь последняя, основанная на чистом усердии к добру, необходима для государственного блага, столь первая вредна оному, возбуждая ненависть; а нет правительства, которое для своих успехов не имело бы нужды в любви народной.— Елена предавалась в одно время и нежностям беззаконной любви и свирепству кровожадной злобы!

Из главы III

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННА IV

1546—1552

Царское венчание Иоанна.— Брак государев.— Добродетели Анастасии.— Пороки Иоанновы и худое правление.— Пожары в Москве.— Бунт черни.— Чудное исправление Иоанна.— Сильвестр и Адашев.— Речь государева на лобном месте.

Великому князю исполнилось 17 лет от рождения. Он призвал митрополита и долго говорил с ним наедине. Митрополит вышел от него с лицом веселым, отпел молебен в храме Успения, послал за боярами — даже и за теми, которые находились в опале,— и вместе с ними был у государя. Еще народ ничего не ведал; но бояре, подобно митрополиту, изъявляли радость. Любопытные угадывали причину и с нетерпением ждали открытия счастливой тайны.

Прошло три дни. Велели собраться двору: первосвятитель, бояре, все знатные сановники окружали Иоанна, который, помолчав, сказал митрополиту: «Уповая на милость божию и на святых заступников земли русской, имею намерение жениться: ты, отче, благословил меня. Первою моею мыслию было искать невесты в иных цар-

ствах; но, рассудив основательнее, отлагаю сию мысль. Во младенчестве лишенный родителей и воспитанный в сиротстве, могу не сойтися нравом с иноземкою; будет ли тогда супружество счастием? Желаю найти невесту в России по воле божией и твоему благословению». Митрополит с умилением ответствовал: «Сам бог внушил тебе намерение, столь вожделенное для твоих подданных! Благословляю оное именем отца небесного». Бояре плакали от радости, как говорит летописец, и с новым восторгом прославили мудрость державного, когда Иоанн объявил им другое намерение «еще до своей женитьбы исполнить древний обряд предков его и *венчаться на царство*». Он велел митрополиту и боярам готовиться к сему великому торжеству, как бы утверждающему печатию веры святый союз между государем и народом. Оно было не новое для Московской державы: Иоанн III *венчал* своего внука *на царство*, но советники великого князя — желая или дать более важности сему обряду, или удалить от мыслей горестное воспоминание о судьбе Димитрия Иоанновича — говорили единственно о древнейшем примере Владимира Мономаха, на коего митрополит Ефесский возложил венец, златую цепь и бармы Константиновы. Писали и рассказывали, что Мономах, умирая, отдал царскую утварь шестому сыну своему, Георгию; велел только хранить ее как зеницу ока и передавать из рода в род без употребления, доколе бог не умилостивится над бедною Россиею и не воздвигнет в ней истинного самодержца, достойного украситься знаками могущества. Сие предание вошло в летописи XVI века, когда Россия действительно увидела самодержца на троне, и Греция, издыхая в бедствии, отказала нам величие своих царей.

Генваря 16, утром, Иоанн вышел в столовую комнату, где находились все бояре, а воеводы, князья и чиновники, богато одетые, стояли в сенях. Духовник государев, благовещенский протоиерей, взяв из рук Иоанновых, на златом блюде, животворящий крест, венец и бармы, отнес их (провождаемый конюшим, князем Михайлом Глинским, казначеями и дьяками) в храм Успения. Скоро пошел туда и великий князь: перед ним духовник с крестом и святою водою, кропя людей на обеих сторонах; за ним князь Юрий Василиевич, бояре, князья и весь двор. Вступив в церковь, государь приложился к иконам: священные лики возгласили ему многолетие; митрополит благословил его. Служили молебен. Посреди храма, на амвоне с двенадцатью ступенями, были изго-

товлены два места, одетые златыми паволоками; в ногах лежали бархаты и камки: там сели государь и митрополит. Перед амвоном стоял богато украшенный налой с царскою утварию: архимандриты взяли и подали ее Макарию: он встал вместе с Иоанном и, возлагая на него крест, бармы, венец, громогласно молился, чтобы всевышний оградил сего христианского Давида силою св. духа, посадил на престол добродетели, даровал ему ужас для строптивых и *милостивое око* для послушных. Обряд заключился возглашением нового многолетия государю. Приняв поздравление от духовенства, вельмож, граждан, Иоанн слушал литургию, возвратился во дворец, ступая с бархата на камку, с камки на бархат. Князь Юрий Василиевич осыпал его в церковных дверях и на лестнице золотыми деньгами из мисы, которую нес за ним Михайло Глинский. Как скоро государь вышел из церкви, народ, дотоле неподвижный, безмолвный, с шумом кинулся обдирать *царское место;* всякой хотел иметь лоскут паволоки на память великого дня для России.

Одним словом, сие торжественное венчание было повторением Димитриева, с некоторою переменою в словах молитв и с тою разностию, что Иоанн III сам (а не митрополит) надел венец на главу юного монарха. *Современные* летописцы не упоминают о *скипетре,* ни о *миропомазании,* ни о *причащении;* не сказывают также, чтобы Макарий говорил царю поучение: самое умное, красноречивое не могло быть столь действительно и сильно, как искреннее, умилительное воззвание к богу вседержителю, дающему и властителей народам и добродетель властителям! С сего времени российские монархи начали уже не только в сношениях с иными державами, но и внутри государства, во всех делах и бумагах, именоваться *царями,* сохраняя и титул *великих князей,* освященный древностию; а книжники московские объявили народу, что сим исполнилось пророчество Апокалипсиса о *шестом царстве,* которое есть Российское. Хотя титло не придает естественного могущества, но действует на воображение людей, и библейское имя царя, напоминая ассирийских, египетских, иудейских, наконец православных греческих венценосцев, возвысило в глазах россиян достоинство их государей. «Смирились,— говорят летописцы,—враги наши, цари неверные и короли нечестивые: Иоанн стал на первой степени державства между ими!» Достойно примечания, что константинопольский патриарх Иоасаф, в знак своего усер-

дия к венценосцу России, в 1561 году соборною грамотою утвердил его в сане царском, говоря в ней: «Не только предание людей достоверных, но и самые летописи свидетельствуют, что нынешний властитель московский происходит от незабвенной царицы Анны, сестры императора Багрянородного, и что митрополит Ефесский, уполномоченный для того собором духовенства византийского, венчал российского великого князя Владимира на царство». Сия грамота подписана тридцатью шестью митрополитами и епископами греческими.

Между тем знатные сановники, окольничие, дьяки объезжали Россию, чтобы видеть *всех* девиц благородных и представить лучших невест государю: он избрал из них юную Анастасию, дочь вдовы Захарьиной, которой муж, Роман Юрьевич, был окольничим, а свекор — боярином Иоанна III. Род их происходил от Андрея Кобылы, выехавшего к нам из Пруссии в XIV веке. Но не знатность, а личные достоинства невесты оправдывали сей выбор, и современники, изображая свойства ее, приписывают ей все женские добродетели, для коих только находили они имя в языке русском: целомудрие, смирение, набожность, чувствительность, благость, соединенные с умом основательным; не говорят о красоте, ибо она считалась уже необходимою принадлежностию счастливой царской невесты. Совершив обряд венчания в храме богоматери, митрополит сказал новобрачным: «Днесь таинством церкви соединены вы навеки, да вместе поклоняетесь всевышнему и живете в добродетели; а добродетель ваша есть правда и милость. Государь! Люби и чти супругу; а ты, христолюбивая царица, повинуйся ему. Как святый крест глава церкви, так муж глава жены. Исполняя усердно все заповеди божественные, узрите благая Иерусалима и мир во Израиле». Юные супруги явились глазам народа: благословения гремели на стогнах Кремля. Двор и Москва праздновали несколько дней. Царь сыпал милости на богатых; царица питала нищих. Воспитанная без отца в тишине уединения, Анастасия увидела себя, как бы действием сверхъестественным принесенную на феатр мирского величия и славы; но не забылась, не изменилась в душе с обстоятельствами и, все относя к богу, поклонялась ему и в царских чертогах так же усердно, как в смиренном, печальном доме своей вдовы-матери. Прервав веселые пиры двора, Иоанн и супруга его ходили пешком зимою в Троицкую Сергиеву лавру и провели там первую неделю великого поста, ежедневно моляся над гробом св. Сергия.

Сия набожность Иоаннова, ни искренняя любовь к добродетельной супруге не могли укротить его пылкой, беспокойной души, стремительной в движениях гнева, приученной к шумной праздности, к забавам грубым, неблагочинным. Он любил показывать себя царем, но не в делах мудрого правления, а в наказаниях, в необузданности прихотей; играл, так сказать, милостями и опалами; умножая число любимцев, еще более умножал число отверженных; своевольствовал, чтобы доказывать свою независимость, и еще зависел от вельмож, ибо не трудился в устроении царства и не знал, что государь, истинно независимый, есть только государь добродетельный. Никогда Россия не управлялась хуже: Глинские, подобно Шуйским, делали что хотели именем юноши-государя; наслаждались почестями, богатством и равнодушно видели неверность частных властителей; требовали от них раболепства, а не справедливости. Кто уклонялся пред Глинскими, тот мог смело давить пятою народ, и быть их слугою значило быть господином в России. Наместники не знали страха — и горе угнетенным, которые мимо вельмож шли ко трону с жалобами! Так, граждане псковские, последние из присоединенных к самодержавию и смелейшие других (весною в 1547 году), жаловались новому царю на своего наместника, князя Турунтая-Пронского, угодника Глинских. Иоанн был тогда в селе Островке: семьдесят челобитчиков стояло перед ним с обвинениями и с уликами. Государь не выслушал: закипел гневом; кричал, топал; лил на них горящее вино; палил им бороды и волосы; велел их раздеть и положить на землю. Они ждали смерти. В сию минуту донесли Иоанну о падении большого колокола в Москве; он ускакал в столицу, и бедные псковитяне остались живы.— Честные бояре с потупленным взором безмолвствовали во дворце: шуты, скоморохи забавляли царя, а льстецы славили его мудрость. Добродетельная Анастасия молилась, вместе с Россиею, и бог услышал их. Характеры сильные требуют сильного потрясения, чтобы свергнуть с себя иго злых страстей и с живою ревностию устремиться на путь добродетели Для исправления Иоаннова надлежало сгореть Москве!

Сия столица ежегодно возрастала своим пространством и числом жителей. Дворы более и более стеснялись в Кремле, в Китае; новые улицы примыкали к старым в посадах; домы строились лучше для глаз, но не безопаснее прежнего: тленные громады зданий, где-где разделенные садами, ждали только искры огня, чтобы сде-

латься пеплом. Летописи Москвы часто говорят о пожарах, называя иные *великими;* но никогда огонь не свирепствовал в ней так ужасно, как в 1547 году. 12 апреля сгорели лавки в Китае с богатыми товарами, гостиные казенные дворы, обитель Богоявленская и множество домов, от Ильинских ворот до Кремля и Москвы-реки. Высокая башня, где лежал порох, взлетела на воздух с частию городской стены, пала в реку и запрудила оную кирпичами. 20 апреля обратились в пепел за Яузою все улицы, где жили гончары и кожевники; а 21 июня, около полудня, в страшную бурю, начался пожар за Неглинною, на Арбатской улице, с церкви Воздвижения; огонь лился рекою, и скоро вспыхнул Кремль, Китай, Большой посад. Вся Москва представила зрелище огромного пылающего костра под тучами густого дыма. Деревянные здания исчезали, каменные распадались, железо рдело, как в горниле, медь текла. Рев бури, треск огня и вопль людей от времени до времени был заглушаем взрывами пороха, хранившегося в Кремле и в других частях города. Спасали единственно жизнь: богатство, праведное и неправедное, гибло. Царские палаты, казна, сокровища, оружие, иконы, древние хартии, книги, даже мощи святых истлели. Митрополит молился в храме Успения, уже задыхаясь от дыма: силою вывели его оттуда и хотели спустить на веревке с тайника к Москве-реке: он упал, расшибся и едва живой был отвезен в Новоспасский монастырь. Из собора вынесли только образ Марии, писанный св. Петром митрополитом, и «Правила церковные», привезенные Киприаном из Константинополя. Славная Владимирская икона богоматери оставалась на своем месте: к счастию, огонь, разрушив кровлю и паперти, не проник во внутренность церкви.— К вечеру затихла буря, и в три часа ночи угасло пламя; но развалины курились несколько дней, от Арбата и Неглинной до Яузы и до конца Великой улицы, Варварской, Покровской, Мясницкой, Дмитровской, Тверской. Ни огороды, ни сады не уцелели: дерева обратились в уголь, трава — в золу. Сгорело 1700 человек, кроме младенцев. Нельзя, по сказанию современников, ни описать, ни вообразить сего бедствия. Люди с опаленными волосами, с черными лицами бродили, как тени, среди ужасов обширного пепелища: искали детей, родителей, остатков имения; не находили и выли, как дикие звери. «Счастлив,— говорит летописец,— кто, умиляясь душою, мог плакать и смотреть на небо!» Утешителей не было: царь с вельможами удалился в село Воробьево, как бы

для того, чтобы не слыхать и не видать народного отчаяния. Он велел немедленно возобновить Кремлевский дворец; богатые также спешили строиться; о бедных не думали. Сим воспользовались неприятели Глинских: духовник Иоаннов, протоиерей Феодор, князь Скопин-Шуйский, боярин Иван Петрович Федоров, князь Юрий Темкин, Нагой и Григорий Юрьевич Захарьин, дядя царицы: они составили заговор; а народ, несчастием расположенный к исступлению злобы и к мятежу, охотно сделался их орудием.

В следующий день государь поехал с боярами навестить митрополита в Новоспасской обители. Там духовник его, Скопин-Шуйский и знатные их единомышленники объявили Иоанну, что Москва сгорела от волшебства некоторых злодеев. Государь удивился и велел исследовать сие дело боярам, которые, чрез два дня приехав в Кремль, собрали граждан на площади и спрашивали, кто жег столицу? В несколько голосов отвечали им: «Глинские! Глинские! Мать их, княгиня Анна, вынимала сердца из мертвых, клала в воду и кропила ею все улицы, ездя по Москве. Вот отчего мы сгорели!» Сию басню выдумали и разгласили заговорщики. Умные люди не верили ей, однако ж молчали: ибо Глинские заслужили общую ненависть. Многие поджигали народ, и самые бояре. Княгиня Анна, бабка государева, с сыном Михайлом находилась тогда во ржевском своем поместье. Другой сын ее, князь Юрий, стоял на Кремлевской площади в кругу бояр: изумленный нелепым обвинением и видя ярость черни, он искал безопасности в церкви Успения, куда вломился за ним и народ. Совершилось дотоле неслыханное в Москве злодейство: мятежники в святом храме убили родного дядю государева, извлекли его тело из Кремля и положили на лобном месте; разграбили имение Глинских, умертвили множество их слуг и детей боярских. Никто не унимал беззакония: правительства как бы не было...

В сие ужасное время, когда юный царь трепетал в Воробьевском дворце своем, а добродетельная Анастасия молилась, явился там какой-то удивительный муж, именем Сильвестр, саном иерей, родом из Новагорода, приблизился к Иоанну с подъятым, угрожающим перстом, с видом пророка, и гласом убедительным возвестил ему, что суд божий гремит над главою царя легкомысленного и злострастного; что огнь небесный испепелил Москву; что сила вышнего волнует народ и лиет фиял гнева в сердца людей! Раскрыв святое писание, сей

муж указал Иоанну правила, данные вседержителем сонму царей земных; заклинал его быть ревностным исполнителем сих уставов; представил ему даже какие-то страшные видения, потряс душу и сердце, овладел воображением, умом юноши и произвел чудо: Иоанн сделался иным человеком; обливаясь слезами раскаяния, простер десницу к наставнику вдохновенному; требовал от него силы быть добродетельным — и приял оную. Смиренный иерей, не требуя ни высокого имени, ни чести, ни богатства, стал у трона, чтобы утверждать, ободрять юного венценосца на пути исправления, заключив тесный союз с одним из любимцев Иоанновых, Алексеем Федоровичем Адашевым, прекрасным молодым человеком, коего описывают земным ангелом: имея нежную, чистую душу, нравы благие, разум приятный, основательный и бескорыстную любовь к добру, он искал Иоанновой милости не для своих личных выгод, а для пользы отечества, и царь нашел в нем редкое сокровище, друга, необходимо нужного самодержцу, чтобы лучше знать людей, состояние государства, истинные потребности оного: ибо самодержец с высоты престола видит лица и вещи в обманчивом свете отдаления; а друг его как подданный стоит наряду со всеми, смотрит прямее в сердца и вблизи на предметы. Сильвестр возбудил в царе желание блага: Адашев облегчил царю способы благотворения.— Так повествует умный современник, князь Андрей Курбский, бывший тогда уже знатным сановником двора. По крайней мере здесь начинается эпоха Иоанновой славы, новая, ревностная деятельность в правлении, ознаменованная счастливыми для государства успехами и великими намерениями.

Во-первых, обуздали мятежную чернь, которая, на третий день по убиении Глинского, явилась шумною толпою в Воробьеве, окружила дворец и кричала, чтобы государь выдал ей свою бабку, княгиню Анну, и сына ее Михаила. Иоанн велел стрелять в бунтовщиков: толпу рассеяли; схватили и казнили некоторых; многие ушли; другие падали на колена и винились. Порядок восстановился. Тогда государь изъявил попечительность отца о бедных: взяли меры, чтобы никто из них не остался без крова и хлеба.

Во-вторых, истинные виновники бунта, подстрекатели черни, князь Скопин-Шуйский с клевретами обманулись, если имели надежду, свергнув Глинских, овладеть царем. Хотя Иоанн пощадил их, из уважения ли к своему духовнику и к дяде царицы, или за недостатком ясных

улик, или предав одному суду божию такое дело, которое, несмотря на беззаконие способов, удовлетворяло общей, справедливой ненависти к Глинским: но мятежное господство бояр рушилось совершенно, уступив место единовластию царскому, чуждому тиранства и прихотей. Чтобы торжественным действием веры утвердить благословенную перемену в правлении и в своем сердце, государь на несколько дней уединился для поста и молитвы; созвал святителей, умиленно каялся в грехах и, разрешенный, успокоенный ими в совести, причастился святых тайн. Юное, пылкое сердце его хотело открыть себя пред лицом России: он велел, чтобы из всех городов прислали в Москву людей избранных, всякого чина или состояния, для важного дела государственного. Они собралися — и в день воскресный, после обедни, царь вышел из Кремля с духовенством, с крестами, с боярами, с дружиною воинскою, на лобное место, где народ стоял в глубоком молчании. Отслужили молебен. Иоанн обратился к митрополиту и сказал: «Святый владыко! Знаю усердие твое ко благу и любовь к отечеству: будь же мне поборником в моих благих намерениях. Рано бог лишил меня отца и матери; а вельможи не радели о мне: хотели быть самовластными; моим именем похитили саны и чести, богатели неправдою, теснили народ — и никто не претил им. В жалком детстве своем я казался глухим и немым: не внимал стенанию бедных, и не было обличения в устах моих! Вы, вы делали что хотели, злые крамольники, судии неправедные! Какой ответ дадите нам ныне? Сколько слез, сколько крови от вас пролилося? Я чист от сея крови! А вы ждите суда небесного!..» Тут государь поклонился на все стороны и продолжал: «Люди божии и нам богом дарованные! Молю вашу веру к нему и любовь ко мне: будьте великодушны! Нельзя исправить *минувшего* зла: могу только *впредь* спасать вас от подобных притеснений и грабительств. Забудьте, чего уже нет и не будет; оставьте ненависть, вражду; соединимся все любовию христианскою. Отныне я судия ваш и защитник». В сей великий день, когда Россия в лице своих поверенных присутствовала на лобном месте, с благоговением внимая искреннему обету юного венценосца жить для ее счастия, Иоанн в восторге великодушия объявил искреннее прощение виновным боярам; хотел, чтобы митрополит и святители также их простили именем судии небесного; хотел, чтобы все россияне братски обнялися между собою; чтобы все жалобы и тяжбы прекратились миром до назначенного им срока.— В тот

же день он поручил Адашеву принимать челобитные от бедных, сирот, обиженных и сказал ему торжественно: «Алексий! Ты не знатен и не богат, но добродетелен. Ставлю тебя на место высокое, не по твоему желанию, но в помощь душе моей, которая стремится к таким людям, да утолите ее скорбь о несчастных, коих судьба мне вверена богом! Не бойся ни сильных, ни славных, когда они, похитив честь, беззаконствуют. Да не обманут тебя и ложные слезы бедного, когда он в зависти клевещет на богатого! Все рачительно испытывай и доноси мне истину, страшася единственно суда божия». Народ плакал от умиления вместе с юным своим царем.

ТОМ IX

Из главы I

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИОАННА ГРОЗНОГО

1560—1567

Перемена в Иоанне.— Клевета на Адашева и Сильвестра.— Суд. — Заточение Сильвестра.— Смерть Адашева. — Начало злу. — Новые любимцы.— Первые казни.

Приступаем к описанию ужасной перемены в душе царя и в судьбе царства.

И россияне современные и чужеземцы, бывшие тогда в Москве, изображают сего юного, тридцатилетнего венценосца как пример монархов благочестивых, мудрых, ревностных ко славе и счастию государства. Так изъясняются первые: «Обычай Иоаннов есть соблюдать себя чистым пред богом. И в храме и в молитве уединенной, и в совете боярском и среди народа у него одно чувство: «Да властвую, как всевышний указал властвовать своим истинным помазанникам!» Суд нелицемерный, безопасность каждого и общая, целость порученных ему государств, торжество веры, свобода христиан есть всегдашняя дума его. Обремененный делами, он не знает иных утех, кроме совести мирной, кроме удовольствия исполнять свою обязанность; не хочет обыкновенных *прохлад* царских... Ласковый к вельможам и народу — любя, награждая всех по достоинству — щедростию искореняя бедность, а зло — примером добра, сей *богом урожденный* царь желает в день Страшного суда услышать глас милости: «Ты еси царь правды!» И ответствовать с ум-

лением: «Се аз и люди яже дал ми еси ты!» Не менее хвалят его и наблюдатели иноземные, англичане, приезжавшие в Россию для торговли. «Иоанн,— пишут они,— затмил своих предков и могуществом и добродетелию; имеет многих врагов и смиряет их. Литва, Польша, Швеция, Дания, Ливония, Крым, Ногаи ужасаются русского имени. В отношении к подданным он удивительно снисходителен, приветлив; любит разговаривать с ними, часто дает им обеды во дворце и, несмотря на то, умеет быть повелительным; скажет боярину: «Иди!» — и боярин *бежит;* изъявит досаду вельможе — и вельможа в отчаянии; скрывается, тоскует в уединении, отпускает волосы в знак горести, пока царь не объявит ему прощения. Одним словом, нет народа в Европе, более россиян преданного своему государю, коего они равно и страшатся и любят. Непрестанно готовый слушать жалобы и помогать, Иоанн во все входит, все решит; не скучает делами и не веселится ни звериною ловлею, ни музыкою, занимаясь единственно двумя мыслями: как служить богу и как истреблять врагов России!»

Вероятно ли, чтобы государь любимый, обожаемый мог с такой высоты блага, счастия, славы низвергнуться в бездну ужасов тиранства? Но свидетельства добра и зла равно убедительны, неопровержимы; остается только представить сей удивительный феномен в его постепенных изменениях.

История не решит вопроса о нравственной свободе человека; но, предполагая оную в суждении своем о делах и характерах, изъясняет те и другие, во-первых, природными свойствами людей, во-вторых, обстоятельствами или впечатлениями предметов, действующих на душу. Иоанн родился с пылкими страстями, с воображением сильным, с умом еще более острым, нежели твердым или основательным. Худое воспитание, испортив в нем естественные склонности, оставило ему способ к исправлению в одной вере: ибо самые дерзкие развратители царей не дерзали тогда касаться сего святого чувства. Друзья отечества и блага в обстоятельствах чрезвычайных умели ее спасительными ужасами тронуть, поразить его сердце; исхитили юношу из сетей неги и с помощию набожной, кроткой Анастасии увлекли на путь добродетели. Несчастные следствия Иоанновой болезни расстроили сей прекрасный союз, ослабили власть дружества, изготовили перемену. Государь возмужал: страсти зреют вместе с умом, и самолюбие действует еще сильнее в летах совершенных. Пусть доверенность Иоаннова к ра-

зуму бывших наставников не умалилась; но доверенность его к самому себе увеличилась: благодарный им за мудрые советы, государь престал чувствовать необходимость в дальнейшем руководстве и тем более чувствовал тягость принуждения, когда они, не изменяя старому обыкновению, говорили смело, решительно во всех случаях и не думали угождать его человеческой слабости. Такое прямодушие казалось ему непристойною грубостию, оскорбительною для монарха. Например, Адашев и Сильвестр не одобряли войны Ливонской, утверждая, что надобно прежде всего искоренить неверных, злых врагов России и Христа; что ливонцы хотя и не греческого исповедания, однако ж христиане и для нас не опасны; что бог благословляет только войны справедливые, нужные для целости и свободы государств. Двор был наполнен людьми, преданными сим двум любимцам; но братья Анастасии не любили их, также и многие обыкновенные завистники, не терпящие никого выше себя. Последние не дремали, угадывали расположение Иоаннова сердца и внушали ему, что Сильвестр и Адашев суть хитрые лицемеры: проповедуя небесную добродетель, хотят мирских выгод; стоят высоко пред троном и не дают народу видеть царя, желая присвоить себе успехи, славу его царствования, и в то же время препятствуют сим успехам, советуя государю быть умеренным в счастии: ибо внутренно страшатся оных, думая, что избыток славы может дать ему справедливое чувство величия, опасное для их властолюбия. Они говорили: «Кто сии люди, дерзающие предписывать законы царю великому и мудрому не только в делах государственных, но и в домашних, семейственных, в самом образе жизни; дерзающие указывать ему, как обходиться с супругою, сколько пить и есть в меру?» Ибо Сильвестр, наставник Иоанновой совести, всегда требовал от него воздержания, умеренности в физических наслаждениях, к коим юный монарх имел сильную склонность. Иоанн не унимал злословия, ибо уже скучал излишно строгими нравоучениями своих любимцев и хотел свободы; не мыслил оставить добродетели: желал единственно избавиться от учителей и доказать, что может без них обойтися. Бывали минуты, в которые природная его пылкость изливалась в словах нескромных, в угрозах. Пишут, что скоро по завоевании Казани он, в гневе на одного воеводу, сказал вельможам: «Теперь уже не боюсь вас!» Но великодушие, оказанное им после болезни, совершенно успокоило сердца. Тринадцать цветущих лет жизни, проведенных в ревностном

исполнении святых царских обязанностей, свидетельствовали, казалось, неизменную верность в любви ко благу. Хотя государь уже переменился в чувстве к любимцам, но не переменялся заметно в правилах. Благочиние царствовало в Кремлевском дворце, усердие и смелая откровенность — в думе. Только в делах двусмысленных, где истина или добро не были очевидны, Иоанн любил противоречить советникам. Так было до весны 1560 года.

В сие время холодность государева к Адашеву и к Сильвестру столь явно обнаружилась, что они увидели необходимость удалиться от двора. Первый, занимав дотоле важнейшее место в думе и всегда употребляемый в переговорах с европейскими державами, хотел еще служить царю иным способом: принял сан воеводы и поехал в Ливонию; а Сильвестр, от чистого сердца дав государю благословение, заключился в одном пустынном монастыре. Друзья их осиротели, неприятели восторжествовали; славили мудрость царя и говорили: «Ныне ты уже истинный самодержец, помазанник божий; един управляешь землею: открыл свои очи и зришь свободно на все царство». Но сверженные любимцы казались им еще страшными. Вопреки известной государевой немилости, Адашева честили в войске; самые граждане ливонские изъявляли отменное к нему уважение: все покорялось его уму и добродетели. Не менее Сильвестр, уже монах смиренный, блистал добродетелями христианскими в пустыне: иноки с удивлением видели в нем пример благочестия, любви, кротости. Царь мог узнать о том, раскаяться, возвратить изгнанников: надлежало довершить удар и сделать государя столь несправедливым, столь виновным против сих мужей, чтобы он уже не мог и мыслить об искреннем мире с ними. Кончина царицы подала к тому случай.

Иоанн был растерзан горестию: все вокруг его проливали слезы, или от истинной жалости, или в угодность царю печальному — и в сих-то слезах явилась гнусная клевета под личиною усердия, любви, будто бы приведенной в ужас открытием неслыханного злодейства. «Государь! — сказали Иоанну.— Ты в отчаянии, Россия также, а два изверга торжествуют: добродетельную царицу извели Сильвестр и Адашев, ее враги тайные и *чародеи:* ибо они без чародейства не могли бы так долго владеть умом твоим». Представили доказательства, которые не убеждали и самых легковерных; но государь знал, что Анастасия со времени его болезни не любила ни Сильвестра, ни Адашева; думал, что они также не

любили ее, и принял клевету, может быть желая оправдать свою к ним немилость если не верными уликами в их злодействе, то хотя подозрением. Сведав о сем доносе, изгнанники писали к царю, требуя суда и очной ставки с обвинителями. Последнего не хотели враги их, представляя ему, что они как василиски ядовиты, могут одним взором снова очаровать его и, любимые народом, войском, всеми гражданами, произвести мятеж; что страх сомкнет уста доносителям. Государь велел судить обвиняемых заочно: митрополит, епископы, бояре, многие иные духовные и светские чиновники собралися для того во дворце. В числе судей были и коварные монахи, Вассиан Беский, Мисаил Сукин, главные злодеи Сильвестровы. Читали не одно, но многие обвинения, изъясняемые самим Иоанном в письме к князю Андрею Курбскому. «Ради спасения души моей,— пишет царь,— приближил я к себе иерея Сильвестра, надеясь, что он по своему сану и разуму будет мне споспешником во благе; но сей лукавый лицемер, обольстив меня сладкоречием, думал единственно о мирской власти и сдружился с Адашевым, чтобы управлять царством без царя, ими презираемого. Они снова вселили дух своевольства в бояр; раздали единомышленникам города и волости; сажали, кого хотели, в думу; заняли все места своими угодниками. Я был невольником на троне. Могу ли описать претерпенное мною в сии дни уничижения и стыда? Как пленника влекут царя с горстию воинов сквозь опасную землю неприятельскую (Казанскую) и не щадят ни здравия, ни жизни его; вымышляют детские *страшила,* чтобы привести в ужас мою душу; велят мне быть выше естества человеческого, запрещают ездить по святым обителям; не дозволяют карать немцев... К сим беззакониям присоединяется измена: когда я страдал в тяжкой болезни, они, забыв верность и клятву, в упоении самовластия хотели, мимо сына моего, взять себе иного царя, и не тронутые, не исправленные нашим великодушием, в жестокости сердец своих чем платили нам за оное? Новыми оскорблениями: ненавидели, злословили царицу Анастасию и во всем доброхотствовали князю Владимиру Андреевичу. И так удивительно ли, что я решился наконец не быть младенцем в летах мужества и свергнуть иго, возложенное на царство лукавым попом и неблагодарным слугою Алексием?» и проч. Заметим, что Иоанн не обвиняет их в смерти Анастасии и тем свидетельствует нелепую ложь сего доноса. Все иные упреки отчасти сомнительны, отчасти безрассудны в устах тридцати-

летнего самодержца, который признанием своей бывшей неволи открывает тайну своей жалкой слабости. Адашев и Сильвестр могли как люди ослепиться честолюбием; но государь сим нескромным обвинением уступил им славу прекраснейшего в истории царствования. Увидим, как он без них властвовал; и если не Иоанн, но любимцы его от 1547 до 1560 года управляли Россиею: то для счастия подданных и царя надлежало бы сим добродетельным мужам не оставлять государственного кормила: лучше неволею творить добро, нежели волею — зло. Но гораздо вероятнее, что Иоанн, желая винить их, клевещет на самого себя; гораздо вероятнее, что он искренно любил благо, узнав его прелесть, и, наконец, увлеченный страстями, только обузданными, не искорененными, изменил правилам великодушия, сообщенным ему мудрыми наставниками: ибо легче перемениться, нежели так долго принуждать себя — и кому? Государю самовластному, который одним словом всегда мог расторгнуть сию мнимую цепь неволи. Адашев, как советник не одобряя войны Ливонской, служил Иоанну как подданный, как министр и воин усердным орудием для успехов ее: следственно, государь *повелевал* и, вопреки его жалобам, не был рабом любимцев.

Выслушав бумагу о преступлениях Адашева и Сильвестра, некоторые из судей объявили, что сии злодеи уличены и достойны казни; другие, потупив глаза, безмолвствовали. Тут старец, митрополит Макарий, близостию смерти и саном первосвятительства утверждаемый в обязанности говорить истину, сказал царю, что надобно призвать и выслушать судимых. Все добросовестные вельможи согласились с сим мнением, но *сонм губителей,* по выражению Курбского, возопил против оного, доказывая, что люди, осуждаемые чувством государя велемудрого, милостивого, не могут представить никакого законного оправдания; что их присутствие и козни опасны; что спокойствие царя и отечества требует немедленного решения в сем важном деле. И так решили, что обвиняемые виновны. Надлежало только определить казнь, и государь, еще желая иметь вид милосердия, умерил оную: послали Сильвестра на дикий остров Белого моря, в уединенную обитель Соловецкую, и велели Адашеву жить в новопокоренном Феллине, коего взятию он способствовал тогда своим умом и распоряжениями; но твердость и спокойствие сего мужа досаждали злобным гонителям: его заключили в Дерпте, где он чрез два месяца умер горячкою, к радости своих неприятелей,

которые сказали царю, что *обличенный изменник отравил себя ядом...* Муж, незабвенный в нашей истории, краса века и человечества, по вероятному *сказанию его друзей:* ибо сей знаменитый временщик явился вместе с добродетелию царя и погиб с нею... Феномен удивительный в тогдашних обстоятельствах России, изъясняемый единственно неизмеримою силою искреннего благолюбия, коего божественное вдохновение озаряет ум, естественный в самой тьме невежества, и вернее науки, вернее ученой мудрости руководствует людей к великому.— Обязанный милости Иоанновой некоторым избытком, Адашев знал одну роскошь благодеяния: питал нищих, держал в своем доме десять прокаженных и собственными руками обмывал их, усердно исполняя долг христианина и всегда памятуя бедность человечества.

Отселе начало злу и таким образом. Уже не было двух главных действователей благословенного Иоаннова царствования; но друзья их, мысли и правила оставались: надлежало, истребив Адашева, истребить и дух его, опасный для клеветников добродетели, противный самому государю в сих новых обстоятельствах. Требовали клятвы от всех бояр и знатных людей не держаться стороны удаленных, наказанных *изменников* и быть верными государю. Присягнули, одни с радостию, другие с печалию, угадывая следствия, которые и открылись немедленно. Все, что прежде считалось достоинством и способом угождать царю, сделалось предосудительно, напоминая Адашева и Сильвестра. Говорили Иоанну: «Всегда ли плакать тебе о супруге? Найдешь другую, равно прелестную, но можешь неумеренностию в скорби повредить своему здравию бесценному. Бог и народ требуют, чтобы ты в земной горести искал и земного утешения». Иоанн искренно любил супругу, но имел легкость во нраве, несогласную с глубокими впечатлениями горести. Он без гнева внимал утешителям — и чрез восемь дней по кончине Анастасии митрополит, святители, бояре торжественно предложили ему искать невесты: законы пристойности были тогда не строги. Раздав по церквам и для бедных несколько тысяч рублей в память усопшей, послав богатую милостыню в Иерусалим, в Грецию, государь 18 августа объявил, что намерен жениться на сестре короля польского.

С сего времени умолк плач во дворце. Начали забавлять царя, сперва беседою приятною, шутками, а скоро и *светлыми* пирами; напоминали друг другу, что вино радует сердце; смеялись над старым обычаем умерен-

ности; называли постничество лицемерием. Дворец уже казался тесным для сих шумных сборищ: юных царевичей, брата Иоаннова Юрия и казанского царя Александра, перевели в особенные домы. Ежедневно вымышлялись новые потехи, игрища, на коих трезвость, самая важность, самая пристойность считались непристойностию. Еще многие бояре, сановники не могли вдруг перемениться в обычаях; сидели за светлою трапезою с лицом туманным, уклонялись от чаши, не пили и вздыхали: их осмеивали, унижали: лили им вино на голову. Между новыми любимцами государевыми отличались боярин Алексий Басманов, сын его кравчий Федор, князь Афанасий Вяземский, Василий Грязной, Малюта Скуратов-Бельский, готовые на все для удовлетворения своему честолюбию. Прежде они под личиною благонравия терялись в толпе обыкновенных царедворцев, но тогда выступили вперед и, по симпатии зла, вкрались в душу Иоанна, приятные ему какою-то легкостию ума, искусственною веселостию, хвастливым усердием исполнять, предупреждать его волю как божественную, без всякого соображения с иными правилами, которые обуздывают и благих царей и благих слуг царских, первых — в их желаниях, вторых — в исполнении оных. Старые друзья Иоанновы изъявляли любовь к государю и к добродетели; новые — только к государю, и казались тем любезнее. Они сговорились с двумя или с тремя монахами, заслужившими доверенность Иоаннову, людьми хитрыми, лукавыми, коим надлежало снисходительным учением ободрять робкую совесть царя и своим присутствием как бы оправдывать бесчиние шумных пиров его. Курбский в особенности именует здесь чудовского архимандрита Левкия, главного угодника придворного. Порок ведет к пороку: женолюбивый Иоанн, разгорячаемый вином, забыл целомудрие и, в ожидании новой супруги для вечной, единственной любви, искал временных предметов в удовлетворение грубым вожделениям чувственным. Мнимая, прозрачная завеса тайны не скрывает слабостей венценосца: люди с изумлением спрашивали друг у друга, каким гибельным наитием государь, дотоле пример воздержания и чистоты душевной, мог унизиться до распутства?

Сие, без сомнения, великое зло произвело еще ужаснейшее. Развратники, указывая царю на печальные лица важных бояр, шептали: «Вот твои недоброхоты! Вопреки данной ими присяге, они живут адашевским обычаем, сеют вредные слухи, волнуют умы, хотят прежнего свое-

вольства». Такие ядовитые наветы растравляли Иоанново сердце, уже беспокойное в чувстве своих пороков; взор его мутился; из уст вырывались слова грозные. Обвиняя бояр в злых намерениях, в вероломстве, в упорной привязанности к ненавистной памяти мнимых изменников, он решился быть строгим и сделался мучителем, коему равного едва ли найдем в самых Тацитовых летописях!.. Не вдруг, конечно, рассвирепела душа, некогда благолюбивая: успехи добра и зла бывают постепенны; но летописцы не могли проникнуть в ее внутренность; не могли видеть в ней борения совести с мятежными страстями; видели только дела ужасные и называют тиранство Иоанново *чуждою бурею*, как бы из недр ада посланною возмутить, истерзать Россию. Оно началося гонением всех ближних Адашева: их лишали собственности, ссылали в места дальние. Народ жалел о невинных, проклиная ласкателей, новых советников царских; а царь злобился и хотел мерами жестокими унять дерзость. Жена знатная, именем Мария, славилась в Москве христианскими добродетелями и дружбою Адашева: сказали, что она ненавидит и мыслит чародейством извести царя: ее казнили вместе с пятью сыновьями; а скоро и многих иных, обвиняемых в том же: знаменитого воинскими подвигами окольничего Данила Адашева, брата Алексиева, с двенадцатилетним сыном, трех Сатиных, коих сестра была за Алексием, и родственника его, Ивана Шишкина, с женою и с детьми. Князь Дмитрий Оболенский-Овчинин, сын воеводы, умершего пленником в Литве, погиб за нескромное слово. Оскорбленный надменностию юного любимца государева Федора Басманова, князь Дмитрий сказал ему: «Мы служим царю трудами полезными, а ты — гнусными делами содомскими!» Басманов принес жалобу Иоанну, который, в исступлении гнева, за обедом вонзил несчастному князю нож в сердце; другие пишут, что он велел задушить его. Боярин, князь Михайло Репнин также был жертвою великодушной смелости. Видя во дворе непристойное игрище, где царь, упоенный крепким медом, плясал с своими любимцами в масках, сей вельможа заплакал от горести. Иоанн хотел надеть на него маску: Репнин вырвал ее, растоптал ногами и сказал: «Государю ли быть скоморохом? По крайней мере я, боярин и советник думы, не могу безумствовать». Царь выгнал его и чрез несколько дней велел умертвить, стоящего в святом храме на молитве; кровь сего добродетельного мужа обагрила помост церковный. Угождая не-

счастному расположению души Иоанновой, явились толпы доносителей. Подслушивали тихие разговоры в семействах, между друзьями; смотрели на лица, угадывали тайну мыслей, и гнусные клеветники не боялись выдумывать преступлений, ибо доносы нравились государю и судия не требовал улик верных. Так, без вины, без суда, убили князя Юрия Кашина, члена думы, и брата его; князя Дмитрия Курлятева, друга Адашевых, неволею постригли и скоро умертвили со всем семейством; первостепенного вельможу, знатного *слугу государева,* победителя казанцев, князя Михайла Воротынского, с женою, с сыном и с дочерью сослали на Белоозеро. Ужас крымцев, воевода, боярин Иван Шереметев был ввержен в душную темницу, истерзан, окован тяжкими цепями. Царь пришел к нему и хладнокровно спросил: «Где казна твоя? Ты слыл богачом».— «Государь! — отвечал полумертвый страдалец.— Я руками нищих переслал ее к моему Христу-спасителю!» Выпущенный из темницы, он еще несколько лет присутствовал в думе; наконец, укрылся от мира в пустыне Белозерской, но не укрылся от гонения: Иоанн писал к тамошним монахам, что они излишно честят сего бывшего вельможу, как бы в досаду царю. Брат его, Никита Шереметев, также думный советник и воевода, израненный в битвах за отечество, был удавлен.

Москва цепенела в страхе. Кровь лилася; в темницах, в монастырях стенали жертвы; но... тиранство еще созревало: настоящее ужасало будущим! Нет исправления для мучителя, всегда более и более подозрительного, более и более свирепого; кровопийство не утоляет, но усиливает жажду крови: оно делается лютейшею из страстей.— Любопытно видеть, как сей государь, до конца жизни усердный чтитель христианского закона хотел соглашать его божественное учение с своею неслыханною жестокостию: то оправдывал оную в виде правосудия, утверждая, что все ее мученики были изменники, *чародеи,* враги Христа и России; то смиренно винился пред богом и людьми, называл себя *гнусным убийцею невинных,* приказывал молиться за них в святых храмах, но утешался надеждою, что искреннее раскаяние будет ему спасением и что он, сложив с себя земное величие, в мирной обители св. Кирилла Белозерского со временем будет примерным иноком! Так писал Иоанн к князю Андрею Курбскому и к начальникам любимых им монастырей, во свидетельство, что глас неумолимой совести тревожил мутный сон души его, готовя ее к внезапному, страшному пробуждению в могиле!

Из главы II

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИОАННА ГРОЗНОГО

1563—1569

Бегство россиян в Литву.— Измена к. Андрея Курбского. — Переписка его с царем.— Учреждение опричнины.— Вторая эпоха казней. — Александровская слобода.— Монашеская жизнь Иоаннова.

Ужас, наведенный жестокостями царя на всех россиян, произвел бегство многих из них в чужие земли. Князь Димитрий Вишневецкий служил примером: усердный ко славе нашего отечества и любив Иоанна добродетельного, он не хотел подвергать себя злобному своенравию тирана: из воинского стана в южной России ушел к Сигизмунду, который принял Димитрия милостиво, как злодея Иоаннова, и дал ему собственного медика, чтобы излечить сего славного воина от тяжкого недуга, произведенного в нем отравою. Но Вишневецкий не думал лить крови единоверных россиян: тайно убеждаемый некоторыми вельможами Молдавии изгнать недостойного их господаря Стефана, он с дружиною верных казаков спешил туда искать новой славы и был жертвою обмана; никто не явился под знамена героя: Стефан пленил Вишневецкого и послал в Константинополь, где султан велел умертвить его.— Вслед за Вишневецким отъехали в Литву два брата, знатные сановники, Алексей и Гаврило Черкасские, без сомнения угрожаемые опалою. Бегство не всегда измена; гражданские законы не могут быть сильнее естественного: *спасаться от мучителя;* но горе гражданину, который за тирана мстит отечеству! Юный, бодрый воевода, в нежном цвете лет ознаменованный славными ранами, муж битвы и совета, участник всех блестящих завоеваний Иоанновых, герой под Тулою, под Казанью, в степях башкирских и на полях Ливонии, некогда любимец, друг царя, возложил на себя печать стыда и долг на историка вписать гражданина столь знаменитого в число государственных преступников. То был князь Андрей Курб-

ский. Доселе он имел славу заслуг, не имея ни малейшего пятна на сей славе в глазах потомства; но царь уже не любил его, как друга Адашевых: искал только случая обвинить невинного. Начальствуя в Дерпте, сей гордый воевода сносил выговоры, разные оскорбления; слышал угрозы; наконец, сведал, что ему готовится погибель. Не боясь смерти в битвах, но устрашенный казнию, Курбский спросил у жены своей, чего она желает: видеть ли его мертвого пред собою или расстаться с ним живым навеки? Великодушная с твердостию ответствовала, что жизнь супруга ей драгоценнее счастия. Заливаясь слезами, он простился с нею, благословил девятилетнего сына, ночью тайно вышел из дому, перелез через городскую стену, нашел двух оседланных коней, изготовленных его верным слугою, и благополучно достиг Вольмара, занятого литовцами. Там воевода Сигизмундов принял изгнанника как друга, именем королевским обещая ему знатный сан и богатство. Первым делом Курбского было изъясниться с Иоанном: открыть душу свою, исполненную горести и негодования. В порыве сильных чувств он написал письмо к царю: усердный слуга, единственный товарищ его, взялся доставить оное и сдержал слово: подал запечатанную бумагу самому государю, в Москве, на Красном крыльце, сказав: «От господина моего, твоего изгнанника, князя Андрея Михайловича». Гневный царь ударил его в ногу острым жезлом своим: кровь лилася из язвы; слуга, стоя неподвижно, безмолвствовал. Иоанн оперся на жезл и велел читать вслух письмо Курбского такого содержания:

«Царю, некогда светлому, от бога прославленному — ныне же по грехам нашим омраченному адскою злобою в сердце, прокаженному в совести, тирану беспримерному между самыми неверными владыками земли. Внимай! В смятении горести сердечной скажу мало, но истину. Почто различными муками истерзал ты сильных во Израиле, вождей знаменитых, данных тебе вседержителем, и святую, победоносную кровь их пролиял во храмах божиих? Разве они не пылали усердием к царю и отечеству? Вымышляя клевету, ты верных называешь изменниками, христиан — чародеями, свет — тьмою и сладкое — горьким! Чем прогневали тебя сии предстатели отечества? Не ими ли разорены Батыевы царства, где предки наши томились в тяжкой неволе? Не ими ли взяты твердыни германские в честь твоего имени? И что же воздаешь нам, бедным? Гибель! Разве ты сам бес-

смертен? Разве нет бога и правосудия вышнего для царя?.. Не описываю всего, претерпенного мною от твоей жестокости: еще душа моя в смятении; скажу единое: ты лишил меня святых Руси! Кровь моя, за тебя излиянная, вопиет к богу. Он видит сердца. Я искал вины своей и в делах и в тайных помышлениях; вопрошал совесть, внимал ответам ее и не ведаю греха моего пред тобою. Я водил полки твои и никогда не обращал хребта их к неприятелю: слава моя была твоею. Не год, не два служил тебе, но много лет, в трудах и в подвигах воинских, терпя нужду и болезни, не видя матери, не зная супруги, далеко от милого отечества. Исчисли битвы, исчисли раны мои! Не хвалюся: богу все известно. Ему поручаю себя, в надежде на заступление святых и праотца моего, князя Феодора Ярославского... Мы расстались с тобою навеки: не увидишь лица моего до дни суда Страшного. Но слезы невинных жертв готовят казнь мучителю. Бойся и мертвых: убитые тобою живы для всевышнего: они у престола его требуют мести! Не спасут тебя воинства; не сделают бессмертным ласкатели, бояре недостойные, товарищи пиров и неги, губители души твоей, которые приносят тебе детей своих в жертву! — Сию грамоту, омоченную слезами моими, велю положить в гроб с собою и явлюся с нею на суд божий. Аминь. Писано в граде Вольмаре, в области короля Сигизмунда, государя *моего*, от коего с божиею помощию надеюсь милости и жду утешения в скорбях».

Иоанн выслушал чтение письма и велел пытать вручителя, чтобы узнать от него все обстоятельства побега, все тайные связи, всех единомышленников Курбского в Москве. Добродетельный слуга, именем Василий Шибанов (сие имя принадлежит истории), не объявил ничего; в ужасных муках хвалил своего отца-господина; радовался мыслию, что за него умирает. Такая великодушная твердость, усердие, любовь изумили всех и самого Иоанна, как он говорит о том в письме к изгнаннику: ибо царь, волнуемый гневом и внутренним беспокойством совести, немедленно отвечал Курбскому

«Во имя бога всемогущего,— пишет Иоанн,— того, кем живем и движемся, кем цари царствуют и сильные глаголют, смиренный христианский ответ бывшему российскому боярину, нашему советнику и воеводе, князю Андрею Михайловичу Курбскому, *восхотевшему быть ярославским владыкою*... Почто, несчастный, губишь свою душу изменою, спасая бренное тело бегством? Ес-

ли ты праведен и добродетелен, то для чего же не хотел умереть от меня, строптивого владыки, и наследовать венец мученика? Что жизнь, что богатство и слава мира сего? Суета и тень: блажен, кто смертию приобретает душевное спасение! Устыдися раба своего, Шибанова: он сохранил благочестие пред царем и народом; дав господину обет верности, не изменил ему при вратах смерти. А ты, от единого моего гневного слова, тяготишь себя клятвою изменников; не только себя, но и душу предков твоих: ибо они клялися великому моему деду служить нам верно со всем их потомством. Я читал и разумел твое писание. Яд аспида в устах изменника; слова его подобны стрелам. Жалуешься на претерпенные тобою гонения; но ты не уехал бы ко врагу нашему, если бы мы не излишно миловали вас, недостойных! Я иногда наказывал тебя за вины, но всегда легко и с любовию; а жаловал примерно. Ты в юных летах был воеводою и советником царским; имел все почести и богатство. Вспомни отца своего: он служил в боярах у князя Михайла Кубенского! Хвалишься пролитием крови своей в битвах: но ты единственно платил долг отечеству. И велика ли слава твоих подвигов? Когда хан бежал от Тулы, вы пировали на обеде у князя Григория Темкина и дали неприятелю время уйти восвояси. Вы были под Невлем с 15 000 и не умели разбить четырех тысяч литовцев. Говоришь о царствах Батыевых, будто бы вами покоренных: разумеешь Казанское (ибо милость твоя не видала Астрахани): но чего нам стоило вести вас к победе? Сами идти не желая, вы безумными словами и в других охлаждали ревность к воинской славе. Когда буря истребила под Казанью суда наши с запасом, вы хотели бежать малодушно — и безвременно требовали решительной битвы, чтобы возвратиться в домы, победителями или побежденными, но только скорее. Когда бог даровал нам город, что вы делали? Грабили! А Ливониею можете ли хвалиться? Ты жил праздно во Пскове, и мы семь раз писали к тебе, писали к князю Петру Шуйскому: «Идите на немцев!» Вы с малым числом людей взяли тогда более пятидесяти городов; но своим ли умом и мужеством? Нет, только исполнением, хотя и ленивым, нашего распоряжения. Что ж вы сделали после с своим мудрым начальником Алексеем Адашевым, имея у себя войско многочисленное? Едва могли взять Феллин: ушли от Пайды (Вейсенштейна)! Если бы не ваша строптивость, то Ливония давно бы вся принадлежала России. Вы побеждали не-

вольно, действуя как рабы, единственно силою понуждения. Вы, говорите, проливали за нас кровь свою: мы же проливали пот и слезы от вашего неповиновения. Что было отечество в ваше царствование и в наше малолетство? Пустынею от востока до запада; а мы, уняв вас, устроили села и грады там, где витали дикие звери. Горе дому, коим владеет жена; горе царству, коим владеют многие! Кесарь Август повелевал вселенною, ибо не делился ни с кем властию: Византия пала, когда цари начали слушаться эпархов, синклитов и попов, братьев вашего Сильвестра».

Тут Иоанн описывает уже известные читателю вины бывших своих любимцев и продолжает:

«Бесстыдная ложь, что говоришь о наших мнимых жестокостях! Не губим *сильных во Израиле;* их кровию не обагряем церквей божиих: сильные, добродетельные здравствуют и служат нам. Казним одних изменников — и где же щадят их? Константин Великий не пощадил и сына своего; а предок ваш, святый князь Феодор Ростиславич, сколько убил христиан в Смоленске? Много опал, горестных для моего сердца; но еще более измен гнусных, везде и всем известных. Спроси у купцов чужеземных, приезжающих в наше государство: они скажут тебе, что твои *предстатели* суть злодеи уличенные, коих не может носить земля русская. И что такое предстатели отечества? Святые ли, боги ли, как Аполлоны, Юпитеры? Доселе владетели российские были вольны, независимы: жаловали и казнили своих подданных без отчета. Так будет! Уже я не младенец. Имею нужду в милости божией, пречистыя девы Марии и святых угодников: наставления человеческого не требую. Хвала всевышнему: Россия благоденствует; бояре мои живут в любви и согласии: одни друзья, советники ваши еще во тьме коварствуют.— Угрожаешь мне судом Христовым на том свете: а разве в сем мире нет власти божией? Вот ересь манихейская! Вы думаете, что господь царствует только на небесах, диавол — во аде, на земле же властвуют люди: нет, нет! Везде господня держава, и в сей и в будущей жизни.— Ты пишешь, что я не узрю здесь лица твоего ефиопского: горе мне! Какое бедствие! — Престол всевышнего окружаешь ты убиенными мною: вот новая ересь! Никто, по слову апостола, не может видеть бога. Положи свою грамоту в могилу с собою: сим докажешь, что и последняя искра христианства в тебе угасла: ибо христианин умирает с любовию, с прощением, а не с злобою.— К довершению измены на-

зываешь ливонский город Вольмар областию короля Сигизмунда и надеешься от него милости, оставив своего законного, богом данного тебе властителя. Ты избрал себе государя лучшего! Великий король твой есть раб рабов: удивительно ли, что его хвалят рабы? Но умолкаю: Соломон не велит плодить речей с безумными: таков ты действительно.— Писано нашея великия России в царствующем граде Москве, лета мироздания 7072, июля месяца в 5 день».

Сие письмо, наполненное изречениями Ветхого и Нового завета, свидетельствами историческими, богословскими толкованиями и грубыми насмешками, составляет целую книгу в подлиннике. Курбский ответствовал на оное с презрением: стыдил Иоанна забвением властительского достоинства, унижаемого языком бранным, суесловием жалким, непристойною смесию божественных сказаний с ложью и клеветами. «Я невинен и бедствую в изгнании,— говорит он.— Добрые жалеют обо мне: следственно, не ты! Пождем мало: истина недалеко». Доселе можем осуждать изгнанника только за *язвительность* жалобы и за то, что он наслаждению мести, удовольствию терзать мучителя словами смелыми пожертвовал добрым, усердиым слугою: по крайней мере еще не видим в нем государственного преступника и не можем верить обвинению, что Курбский хотел будто бы назваться *государем ярославским*. Но, увлеченный страстию, сей муж злополучный лишил себя выгоды быть правым и главного утешения в бедствиях: внутреннего чувства добродетели. Он мог без угрызения совести искать убежища от гонителя в самой Литве: к несчастию, сделал более: пристал ко врагам отечества. Обласканный Сигизмундом, награжденный от него богатым поместьем Ковельским, он предал ему свою честь и душу; советовал, как губить Россию; упрекал короля слабостию в войне; убеждал его действовать смелее, не жалеть казны, чтобы возбудить против нас хана,— и скоро услышали в Москве, что 70 000 литовцев, ляхов, прусских немцев, венгров, волохов с изменником Курбским идут к Полоцку; что Девлет-Гирей с 60 000 хищников вступил в Рязанскую область...

Таким образом, измена Курбского и замысел Сигизмундов потрясти Россию произвели одну кратковременную тревогу в Москве. Но сердце Иоанново не успокоилось, более и более кипело гневом, волновалось подозрениями. Все добрые вельможи казались ему тайными злодеями, единомышленниками Курбского: он видел

предательство в их печальных взорах, слышал укоризны или угрозы в их молчании; требовал доносов и жаловался, что их мало: самые бесстыдные клеветники не удовлетворяли его жажде к истязанию. Какая-то невидимая рука еще удерживала тирана: жертвы были пред ним и еще не издыхали, к его изумлению и муке. Иоанн искал предлога для новых ужасов — и вдруг, в начале зимы 1564 года, Москва узнала, что царь едет неизвестно куда с своими ближними дворянами, людьми приказными, воинскими, поимянно созванными для того из самых городов отдаленных, с их женами и детьми. 3 декабря, рано, явилось на Кремлевской площади множество саней: в них сносили из дворца золото и серебро, святые иконы, кресты, сосуды драгоценные, одежды, деньги. Духовенство, бояре ждали государя в церкви Успения: он пришел и велел митрополиту служить обедню; молился с усердием; принял благословение от Афанасия, милостиво дал целовать руку свою боярам, чиновникам, купцам; сел в сани с царицею, с двумя сыновьями, с Алексеем Басмановым, Михайлом Салтыковым, князем Афанасием Вяземским, Иваном Чеботовым, с другими любимцами и, провождаемый целым полком вооруженных всадников, уехал в село Коломенское, где жил две недели за распутьем: ибо сделалась необыкновенная оттепель, шли дожди и реки вскрылись. 17 декабря он с обозами своими переехал в село Тайнинское, оттуда в монастырь Троицкий, а к рождеству — в Александровскую слободу.— В Москве, кроме митрополита, находились тогда многие святители: они вместе с боярами, вместе с народом — не зная, что думать о государевом необыкновенном, таинственном путешествии,— беспокоились, унывали, ждали чего-нибудь чрезвычайного и, без сомнения, не радостного. Прошел месяц.

3 генваря вручили митрополиту Иоаннову грамоту, присланную с чиновником Константином Поливановым. Государь описывал в ней все мятежи, неустройства, беззакония боярского правления во время его малолетства; доказывал, что и вельможи и приказные люди расхищали тогда казну, земли, поместья государевы: радели о своем богатстве, забывая отечество; что сей дух в них не изменился; что они не престают злодействовать: воеводы не хотят быть защитниками христиан, удаляются от службы, дают хану, Литве, немцам терзать Россию; а если государь, движимый правосудием, объявляет гнев недостойным боярам и чиновникам, то митрополит и духовенство вступаются за виновных, грубят, стужают ему.

«Вследствие чего,— писал Иоанн,— не хотя терпеть ваших измен, мы от великой жалости сердца оставили государство и поехали, куда бог укажет нам путь».— Другую грамоту прислал он к гостям, купцам и мещанам: дьяки Путило Михайлов и Андрей Васильев в собрании народа читали оную велегласно. Царь уверял добрых москвитян в своей милости, сказывая, что опала и гнев его не касаются народа.

Столица пришла в ужас: безначалие казалось всем еще страшнее тиранства. «Государь нас оставил! — вопил народ.— Мы гибнем! Кто будет нашим защитником в войнах с иноплеменными? Как могут быть овцы без пастыря?» Духовенство, бояре, сановники, приказные люди, проливая слезы, требовали от митрополита, чтобы он умилостивил Иоанна, никого не жалея и ничего не страшася. Все говорили ему одно: «Пусть царь казнит своих лиходеев: в животе и в смерти воля его; но царство да не остается без главы! Он наш владыка, богом данный: иного не ведаем. Мы все *с своими головами* едем за тобою *бить челом государю и плакаться*». То же говорили купцы и мещане, прибавляя: «Пусть царь укажет нам своих изменников: мы сами истребим их!» Митрополит немедленно хотел ехать к царю; но в общем совете положили, чтобы архипастырь остался блюсти столицу, которая была в неописанном смятении. Все дела пресеклись; суды, приказы, лавки, караульни опустели. Избрали главными послами святителя Новогородского Пимена и Чудовского архимандрита Левкия; но за ними отправились и все другие епископы: Никандр Ростовский, Елевферий Суздальский, Филофей Рязанский, Матфей Крутицкий, архимандриты Троицкий, Симоновский, Спасский, Андрониковский; за духовенством вельможи, князья Иван Дмитриевич Бельский, Иван Федорович Мстиславский,— все бояре, окольничие, дворяне и приказные люди, прямо из палат митрополитовых, не заехав к себе в домы; также и многие гости, купцы, мещане, чтобы *ударить челом государю и плакаться*.

Святители остановились в Слотине, послав доложить о себе Иоанну: он велел им ехать в Александровскую слободу с приставами и 5 генваря впустил их во дворец. Сказав царю благословение от митрополита, епископы слезно молили его снять опалу с духовенства, с вельмож, дворян, приказных людей, не оставлять государства, царствовать и действовать как ему угодно; молили наконец, чтобы он дозволил боярам видеть очи царские. Иоанн впустил и бояр, которые с таким же умилением, с

такою же силою убеждали царя сжалиться над Россиею, возвеличенною его победами и мудрыми уставами, славною мужеством ее народа многочисленного, богатою сокровищами природы, еще славнейшею благоверием. «Когда,— сказали вместе и духовные и государственные сановники,— когда ты не уважаешь мирского величия и славы, то вспомни, что, оставляя Москву, оставляешь святыню храмов, где совершились чудеса божественной к тебе милости, где лежат целебные мощи угодников Христовых. Вспомни, что ты блюститель не только государства, но и церкви: первый, единственный монарх православия! Если удалишься, кто спасет истину, чистоту нашей веры? Кто спасет миллионы душ от погибели вечной?» — Царь ответствовал с своим обыкновенным многоречием: повторил все известные упреки боярам в их своевольстве, нерадении, строптивости; ссылался на историю; доказывал, что они издревле были виновниками кровопролития, междоусобия в России, издревле врагами державных наследников Мономаховых: хотели (обвинение новое!) извести царя, супругу, сыновей его... Бояре безмолвствовали. «Но,— продолжал царь,— для отца моего, митрополита Афанасия,— для вас, богомольцев наших, архиепископов и епископов, соглашаюсь паки *взять свои государства;* а на каких условиях, вы узнаете». Условия состояли в том, чтобы Иоанну невозбранно казнить изменников опалою, смертию, лишением достояния, без всякого стужения, без всяких претительных докук со стороны духовенства. В сих десяти словах Иоанн изрек гибель многим боярам, которые пред ним стояли: казалось, что никто из них не думал о своей жизни; хотели единственно возвратить царя царству — и все со слезами благодарили, славили Иоаннову милость, вельможи и духовенство, у коего отнимал государь древнее, святое право ходатайствовать не только за невинных, но и за виновных, еще достойных милосердия! — Грозный владыка, как бы смягченный смирением обреченных жертв, велел святителям праздновать с ним богоявление; удержал в слободе князей Бельского и Щенятева, а других бояр, вместе с дьяками, отпустил в Москву, чтобы дела не остановились в приказах.

Москва с нетерпением ждала царя, и долго; говорили, что он занимается тайным делом с людьми ближними; угадывали оное не без боязни. Наконец, 2 февраля, Иоанн торжественно въехал в столицу и на другой день созвал духовенство, бояр, знатнейших чиновников. Вид его изумил всех. Опишем здесь наружность Иоаннову.

Он был велик ростом, строен; имел *высокие* плеча, крепкие мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинный ус, нос римский, глаза небольшие, серые, но светлые, проницательные, исполненные огня, и лицо некогда приятное. В сие время он так изменился, что нельзя было узнать его: на лице изображалась мрачная свирепость; все черты исказились; взор угас; а на голове и в бороде не осталось почти ни одного волоса, от неизъяснимого действия ярости, которая кипела в душе его. Снова исчислив вины бояр и подтвердив согласие остаться царем, Иоанн много рассуждал о должности венценосцев блюсти спокойствие держав, брать все нужные для того меры — о кратковременности жизни, о необходимости видеть далее гроба, и предложил устав *опричнины:* имя, дотоле неизвестное! Иоанн сказал, что он для своей и государственной безопасности учреждает особенных телохранителей. Такая мысль никого не удивила: знали его недоверчивость, боязливость, свойственную нечистой совести; но обстоятельства удивили, а следствия привели в новый ужас Россию: 1) царь объявлял своею собственностию города: Можайск, Вязьму, Козельск, Перемышль, Белев, Лихвин, Ярославец, Суходровью, Медынь, Суздаль, Шую, Галич, Юрьевец, Балахну, Вологду, Устюг, Старую Руссу, Каргополь, Вагу, также волости московские и другие с их доходами; 2) выбирал 1000 телохранителей из князей, дворян, детей боярских и давал им поместья в сих городах, а тамошних вотчинников и владельцев переводил в иные места; 3) в самой Москве взял себе улицы Чертольскую, Арбатскую с Сивцовым Врагом, половину Никитской с разными слободами, откуда надлежало выслать всех дворян и приказных людей, не записанных в царскую тысячу; 4) назначал *особенных* сановников для услуг своих: дворецкого, казначеев, ключников, даже поваров, хлебников, ремесленников; 5) наконец, как бы возненавидев славные воспоминания кремлевские и священные гробы предков, не хотел жить в великолепном дворце Иоанна III: указал строить новый за Неглинною, между Арбатом и Никитскою улицею, и, подобно крепости, оградить высокою стеною. Сия часть России и Москвы, сия тысящная дружина Иоаннова, сей новый двор, как отдельная собственность царя, находясь под его непосредственным ведомством, были названы *опричниною;* а все остальное — то есть все государство — *земщиною,* которую Иоанн поручал *боярам земским,* князьям Бельскому, Мстиславскому и другим, велев старым государ-

ственным чиновникам — конюшему, дворецкому, казначеям, дьякам — сидеть в их приказах, решать все дела гражданские, а в важнейших относиться к боярам, коим дозволялось в чрезвычайных случаях, особенно по ратным делам, ходить с докладом к государю. То есть Иоанн, по-видимому, желал как бы удалиться от царства, стеснив себя в малом кругу частного владетеля, и в доказательство, что *государево* и *государственное* уже не одно знаменуют в России, требовал себе из казны земской 100 000 рублей за издержки его путешествия от Москвы до слободы Александровской! — Никто не противоречил: воля царская была законом. Обнародовали новое учреждение.

4 февраля Москва увидела исполнение *условий,* объявленных царем духовенству и боярам в Александровской слободе. Начались казни мнимых изменников, которые будто бы вместе с Курбским умышляли на жизнь Иоанна, покойной царицы Анастасии и детей его. Первою жертвою был славный воевода, князь Александр Борисович Горбатый-Шуйский, потомок св. Владимира, Всеволода Великого и древних князей суздальских, знаменитый участник в завоевании Казанского царства, муж *ума глубокого,* искусный в делах ратных, ревностный друг отечества и христианин. Ему надлежало умереть вместе с сыном Петром, семнадцатилетним юношею. Оба шли к месту казни без страха, спокойно, держа друг друга за руку. Сын не хотел видеть казни отца и первый склонил под меч свою голову; родитель отвел его от плахи, сказав с умилением: «Да не зрю тебя мертвого!» Юноша уступил ему первенство, взял отсеченную голову отца, поцеловал ее, взглянул на небо и с лицом веселым отдал себя в руки палача. Шурин Горбатого, Петр Ховрин (родом грек), окольничий Головин, князь Иван Сухой-Кашин и кравчий, князь Петр Иванович Горенский были казнены в тот же день; а князь Дмитрий Шевырев посажен на кол: пишут, что сей несчастный страдал целый день, но, укрепляемый верою, забывал муку и пел канон Иисусу. Двух бояр, князей Ивана Куракина и Дмитрия Немого, постригли; у многих дворян и детей боярских отняли имение; других с семействами сослали в Казань.— Один из знатнейших вельмож, ближний родственник добродетельной царицы Анастасии, боярин и воевода Иван Петрович Яковлев, также навлек на себя опалу; но Иоанн в самом ожесточении еще любил хвалиться милосердием: простив Яковлева, взял с него клятвенную грамоту, утвержденную подпи-

сями святителей, в том, чтобы не уходить ему из России ни в Литву, ни к папе, ни к императору, ни к султану, ни к *князю Владимиру Андреевичу* и не иметь с ним никаких тайных сношений. Мы упоминали о ссылке первостепенного боярина, славного воеводы, князя Михайла Воротынского: лишенный имения, он года четыре жил на Белеозере, получая из государевой казны около 100 рублей ежегодно, сверх запаса, вин, плодов иноземных, одежды, белья. Наконец Иоанн возвратил сего знаменитого изгнанника ко двору, в думу: сделал наместником казанским и *державцем* новосильским, обязав его в верности, такою же грамотою, как и Яковлева, с прибавлением, что митрополит и епископы были их ходатаями. Не велев духовенству вступаться за опальных, царь желал польстить ему сим милостивым словом. Но ходатаев уже не было! Духовенство могло только слезами орошать алтари и воссылать теплые молитвы к богу о спасении несчастных! — Другие бояре — Лев Андреевич Салтыков, князья Василий Серебряный, Иван Охлябинин, Захария Очин-Плещеев — долженствовали представить за себя ручателей в неизменной службе государю; а в случае их бегства ручатели (не только именитые сановники, но и купцы) обязывались внести знатную сумму денег в казну: например, за князя Серебряного 25 000 рублей, или около полумиллиона нынешних. Предосторожность бесполезная и постыдная для государя; но сей государь был тиран!

После казней Иоанн занялся образованием своей новой дружины. В совете с ним сидели Алексей Басманов, Малюта Скуратов, князь Афанасий Вяземский и другие любимцы. К ним приводили молодых детей боярских, отличных не достоинствами, но так называемым удальством, распутством, готовностию на все. Иоанн предлагал им вопросы о роде их, о друзьях и покровителях; требовалось именно, чтобы они не имели никакой связи с знатными боярами; неизвестность, самая низость происхождения вменялась им в достоинство. Вместо тысячи царь избрал 6000 и взял с них присягу служить ему верою и правдою, доносить на изменников, не дружиться с *земскими* (то есть со всеми, не записанными в опричнину), не водить с ними хлеба-соли, не знать ни отца, ни матери, знать единственно государя. За то государь дал им не только земли, но и домы и всю движимую собственность старых владельцев (числом 12 000), высланных из пределов опричнины с голыми руками, так, что многие из них, люди заслуженные, израненные в битвах, с

женами и детьми шли зимою пешком в иные отдаленные пустые поместья. Самые земледельцы были жертвою сего несправедливого учреждения: новые дворяне, которые из нищих сделались большими господами, хотели пышностию закрасить свою подлость, имели нужду в деньгах, обременяли крестьян налогами, трудами: деревни разорились. Но сие зло казалось еще маловажным в сравнении с другим. Скоро увидели, что Иоанн предает всю Россию в жертву своим опричным: они были всегда правы в судах, а на них не было ни суда, ни управы. Опричник, или *кромешник,*— так стали называть их, как бы извергов тьмы *кромешной,*— мог безопасно теснить, грабить соседа и в случае жалобы брал с него пеню за бесчестье. Сверх многих иных злодейств, к ужасу мирных граждан, следующее вошло в обыкновение: слуга опричника, исполняя волю господина, с некоторыми вещами прятался в доме купца или дворянина: господин заявлял его мнимое бегство, мнимую кражу; требовал в суде пристава, находил своего беглеца с поличным и взыскивал с невинного хозяина пятьсот, тысячу или более рублей. Не было снисхождения: надлежало или немедленно заплатить, или идти *на правеж:* то есть неудовлетворенному истцу давалось право вывести должника на площадь и сечь его всенародно до заплаты денег. Иногда опричник сам подметывал что-нибудь в богатую лавку, уходил, возвращался с приставом и за сию будто бы украденную у него вещь разорял купца; иногда, схватив человека на улице, вел его в суд, жалуясь на вымышленную обиду, на вымышленную брань: ибо сказать неучтивое слово кромешнику — значило оскорбить самого царя; в таком случае невинный спасался от телесной казни тягостною денежною пенею. Одним словом, люди земские, от дворянина до мещанина, были безгласны, безответны против опричных; первые были *ловом,* последние *ловцами,* и единственно для того, чтобы Иоанн мог надеяться на усердие своих разбойников телохранителей в новых замышляемых им убийствах. Чем более государство ненавидело опричных, тем более государь имел к ним доверенности: сия общая ненависть служила ему залогом их верности.— Затейливый ум Иоаннов изобрел достойный символ для своих ревностных слуг: они ездили всегда с *собачьими головами* и с *метлами,* привязанными к седлам, в ознаменование того, что *грызут* лиходеев царских и *метут* Россию!

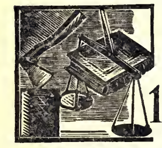
Хотя новый дворец уподоблялся неприступной крепости, но Иоанн не считал себя и в нем безопасным: по

крайней мере невзлюбил Москвы и с сего времени жил большею частию в слободе Александровской, которая сделалась городом, украшенная церквами, домами, лавками каменными. Тамошний славный храм Богоматери сиял снаружи разными цветами, серебром и золотом: на всяком кирпиче был изображен крест. Царь жил в больших палатах, обведенных рвом и валом; придворные, государственные, воинские чиновники — в особенных домах. Опричники имели свою улицу; купцы также. Никто не смел ни въехать, ни выехать оттуда без ведома Иоаннова; для чего в трех верстах от *слободы,* прозванной *Неволею,* обыкновенно стояла воинская стража.— В сем грозно-увеселительном жилище, окруженном темными лесами, Иоанн посвящал большую часть времени церковной службе, чтобы непрестанною набожною деятельностию успокоивать душу...

Из главы III

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИОАННА ГРОЗНОГО

1569—1572



Кончина царицы.— Четвертая, ужаснейшая эпоха мучительства.— Запустение Новагорода.— Спасение Пскова.— Казни в Москве.— Царские шуты.— Голод и мор.— ...Нашествие хана.— Сожжение Москвы.— Новое супружество Иоанново.— Пятая эпоха душегубства. Смерть царицы...— Нашествие хана.— Знаменитая победа к. Воротынского.

1 сентября 1569 года скончалась супруга Иоаннова, Мария, едва ли *искренно* оплаканная и самим царем, хотя, для соблюдения благопристойности, вся Россия долженствовала явить образ глубокой печали: дела остановились; бояре, дворяне, приказные люди надели *смиренное платье* или траур (шубы бархатные и камчатные *без золота);* во всех городах служили панихиды; давали милостыню нищим, вклады в монастыри и в церкви; показывали горесть лицемерную, скрывая истинную, общую, производимую свирепством Иоанна, который чрез десять дней уже мог спокойно принимать

иноземных послов во дворце московском, но спешил выехать из столицы, чтобы в страшном уединении Александровской слободы вымыслить новые измены и казни. Кончина двух супруг его, столь несходных в душевных свойствах, имела следствия равно несчастные: Анастасия взяла с собою добродетель Иоаннову; казалось, что Мария завещала ему превзойти самого себя в лютых убийствах. Распустив слух, что Мария, подобно Анастасии, была отравлена тайными злодеями, он приготовил тем Россию к ужаснейшим исступлениям своей ярости.

Иоанн карал невинных; а виновный, действительно виновный, стоял пред тираном: тот, кто в противность закону хотел быть на троне, не слушался болящего царя, радовался мыслию об его близкой смерти, подкупал вельмож и воинов на измену — князь Владимир Андреевич! Прошло 16 лет; но Иоанн, как мы видели, умел помнить старые вины и не преставал его опасаться. Никто из бояр не дерзал иметь дружелюбного обхождения с сим князем: одни лазутчики приближались к нему, чтобы всякое нескромное слово употребить в донос. Что спасало несчастного? Естественный ли ужас обагрить руки кровию ближнего родственника? Быть может; ибо есть остановки, есть затруднения для самого ожесточенного тирана: иногда он бывает человеком; уже не любя добра, боится крайностей во зле; тревожимый совестию, облегчает себя мыслию, что он еще удерживается от некоторых преступлений! Но сей оплот ненадежен: злодейства стремят к злодействам, и князь Владимир мог предвидеть свою неминуемую участь, несмотря на милостивое прощение, ему объявленное в 1563 году,— несмотря на лицемерие Иоанна, который всегда честил, ласкал его. В знак милости дав Владимиру большое место в Кремле для нового великолепного дворца и города Дмитров, Боровск, Звенигород, царь взял себе на обмен Верею, Алексин, Старицу, без сомнения для того, что сей князь с новыми поместьями казался менее опасным, нежели с наследственными, где еще хранился дух древней удельной системы. Весною в 1569 году, собирая войско в Нижнем Новегороде для защиты Астрахани, Иоанн не усомнился вверить оное своему мужественному брату; но сия мнимая доверенность произвела опалу и гибель. Князь Владимир ехал в Нижний чрез Кострому, где граждане и духовенство встретили его со крестами, с хлебом и солью, с великою честию, с изъявлением любви. Узнав о том, царь велел привезти тамошних на-

чальников в Москву и казнил их; а брата ласково звал к себе. Владимир с супругою, с детьми остановился верстах в трех от Александровской слободы, в деревне Слотине; дал знать царю о своем приезде, ждал ответа — и вдруг видит полк всадников: скачут во всю прыть с обнаженными мечами, как на битву, окружают деревню; Иоанн с ними: сходит с коня и скрывается в одном из сельских домов. Василий Грязной, Малюта Скуратов объявляют князю Владимиру, что он умышлял на жизнь государеву, и представляют уличителя, царского повара, коему Владимир дал будто бы деньги и яд, чтобы отравить Иоанна. Все было вымышлено, приготовлено. Ведут несчастного с женою и с двумя юными сыновьями к государю: они падают к ногам его, клянутся в своей невинности, требуют пострижения. Царь ответствовал: «Вы хотели умертвить меня ядом: пейте его сами!» Подали отраву. Князь Владимир, готовый умереть, не хотел из собственных рук отравить себя. Тогда супруга его Евдокия (родом княжна Одоевская), умная, добродетельная — видя, что нет спасения, нет жалости в сердце губителя — отвратила лицо свое от Иоанна, осушила слезы и с твердостию сказала мужу: «Не мы себя, но мучитель отравляет нас: лучше принять смерть от царя, нежели от палача». Владимир простился с супругою, благословил детей и выпил яд; за ним Евдокия и сыновья. Они вместе молились. Яд начинал действовать: Иоанн был свидетелем их терзания и смерти! Призвав боярынь и служанок Евдокии, он сказал: «Вот трупы моих злодеев! Вы служили им; но из милосердия дарую вам жизнь». С трепетом увидев мертвые тела господ своих, они единогласно отвечали: «Мы не хотим твоего милосердия, зверь кровожадный! Растерзай нас: гнушаясь тобою, презираем жизнь и муки!» Сии юные жены, вдохновенные омерзением к злодейству, не боялись ни смерти, ни самого стыда: Иоанн велел обнажить их и расстрелять.— Мать Владимирова, Евфросиния, некогда честолюбивая, но в монашестве смиренная, уже думала только о спасении души: умертвив сына, Иоанн тогда же умертвил и мать: ее утопили в реке Шексне, вместе с другою инокинею, добродетельною Александрою, его невесткою, виновною, может быть, слезами о жертвах царского гнева.

Судьба несчастного князя Владимира произвела всеобщую жалость: забыли страх; слезы лилися в домах и в храмах. Никто, без сомнения, не верил объявленному умыслу сего князя на жизнь государеву: видели одно

гнусное братоубийство, внушенное еще более злобою, нежели подозрением. Он не имел великих свойств, но имел многие достохвальные: мог бы царствовать в России и не быть тираном! Сносил долговременную явную опалу свою с твердостию, ждал своей неминуемой гибели с каким-то христианским спокойствием и приводил добрые сердца в умиление, рождающее любовь. Иоанн слышал если не смелые укоризны, то по крайней мере воздыхания россиян великодушных и хотел открытием мнимого важного заговора доказать необходимость своей жестокости для обуздания предателей, будто бы единомышленников князя Владимира. Сия новая клевета на живых и мертвых была ли только изобретением смятенного ума Иоаннова или адским ковом его сподвижников в губительстве, которые желали тем изъявить ему свое усердие и питать в нем страсть к мучительству? Надеялся ли Иоанн обмануть современников и потомство грубою ложью или обманывал самого себя легковерием? Последнее утверждают летописцы, чтобы облегчить лежащее на Иоанне бремя дел страшных; но самое легковерие в таком случае не вопиет ли на небо? Уменьшает ли омерзение к убийствам неслыханным?

Новгород, Псков, некогда свободные державы, смиренные самовластием, лишенные своих древних прав и знатнейших граждан, населенные отчасти иными жителями, уже изменились в духе народном, но сохраняли еще какую-то величавость, основанную на воспоминаниях старины и на некоторых остатках ее в их бытии гражданском. Новгород именовался *Великим* и заключал договоры с королями шведскими, избирая, равно как и Псков, своих судных *целовальников,* или присяжных. Дети от родителей наследовали и тайную нелюбовь к Москве: еще рассказывали в Новегороде о битве Шелонской; еще могли быть очевидцы последнего народного веча во Пскове. Забыли бедствия вольности: не забыли ее выгод. Сие расположение тамошнего слабого гражданства, хотя уже и не опасное для могущественного самодержавия, беспокоило, гневило царя так, что весною 1569 года он вывел из Пскова 500 семейств, а из Новагорода — 150 в Москву, следуя примеру своего отца и деда. Лишаемые отчизны плакали; оставленные в ней трепетали. То было началом: ждали следствия. В сие время, как уверяют, один бродяга Волынский, именем Петр, за худые дела наказанный в Новегороде, вздумал отмстить его жителям: зная Иоанново к ним

неблаговоление, сочинил письмо от архиепископа и тамошних граждан к королю польскому; скрыл оное в церкви св. Софии за образ богоматери; бежал в Москву и донес государю, что Новгород изменяет России. Надлежало представить улику: царь дал ему верного человека, который поехал с ним в Новгород и вынул из-за образа мнимую архиепископову грамоту, в коей было сказано, что святитель, духовенство, чиновники и весь народ поддаются Литве. Более не требовалось никаких доказательств. Царь, приняв нелепость за истину, осудил на гибель и Новгород и всех людей, для него подозрительных или ненавистных.

В декабре 1569 года он с царевичем Иоанном, со всем двором, со всею любимою дружиною выступил из слободы Александровской, миновал Москву и пришел в Клин, первый город бывшего Тверского великого княжения. Думая, вероятно, что все жители сей области, покоренной его дедом, суть тайные враги московского самодержавия, Иоанн велел смертоносному легиону своему начать войну, убийства, грабеж там, где никто не мыслил о неприятеле, никто не знал вины за собою; где мирные подданные встречали государя как отца и защитника. Домы, улицы наполнились трупами; не щадили ни жен, ни младенцев. От Клина до Городни и далее истребители шли с обнаженными мечами, обагряя их кровию бедных жителей, до самой Твери, где в уединенной тесной келии Отроча монастыря еще дышал св. старец Филипп, молясь (без услышания!) господу о смягчении Иоаннова сердца: тиран не забыл сего сверженного им митрополита и послал к нему своего любимца Малюту Скуратова, будто бы для того, чтобы взять у него благословение. Старец ответствовал, что благословляют только добрых и на доброе. Угадывая вину посольства, он с кротостию примолвил: «Я давно ожидаю смерти: да исполнится воля государева!» Она исполнилась: гнусный Скуратов задушил св. мужа; но, желая скрыть убийство, объявил игумену и братии, что Филипп умер от несносного жара в его келии. Устрашенные иноки вырыли могилу за алтарем и в присутствии убийцы погребли сего великого иерарха церкви российской, украшенного венцом мученика и славы: ибо умереть за добродетель есть верх человеческой добродетели, и ни новая, ни древняя история не представляют нам героя знаменитейшего. Чрез несколько лет (в 1584 году) святые мощи его были перенесены в обитель Соловецкую, а после (в 1652 году) в Москву, в храм Успения

богоматери, где мы и ныне с умилением им поклоняемся.

За тайным злодейством следовали явные. Иоанн не хотел въехать в Тверь и пять дней жил в одном из ближних монастырей, между тем как сонмы неистовых воинов грабили сей город, начав с духовенства и не оставив ни одного дома целого: брали легкое, драгоценное; жгли, чего не могли взять с собою; людей мучили, убивали, вешали в забаву; одним словом, напомнили несчастным тверитянам ужасный 1327 год, когда жестокая месть хана Узбека совершалась над их предками. Многие литовские пленники, заключенные в тамошних темницах, были изрублены или утоплены в прорубях Волги: Иоанн смотрел на сие душегубство! — Оставив наконец дымящуюся кровию Тверь, он так же свирепствовал в Медном, в Торжке, где в одной башне сидели крымские, а в другой ливонские пленники, окованные цепями: их умертвили; но крымцы, защищаясь, тяжело ранили Малюту Скуратова, едва не ранив и самого Иоанна. Вышний Волочек и все места до Ильменя были опустошены огнем и мечом. Всякого, кто встречался на дороге, убивали, для того что поход Иоаннов долженствовал быть *тайною* для России!

2 генваря передовая многочисленная дружина государева вошла в Новгород, окружив его со всех сторон крепкими заставами, дабы ни один человек не мог спастися бегством. Опечатали церкви, монастыри в городе и в окрестностях: связали иноков и священников; взыскивали с каждого из них по двадцати рублей; а кто не мог заплатить сей пени, того *ставили на правеж:* всенародно били, секли с утра до вечера. Опечатали и дворы всех граждан богатых; гостей, купцов, приказных людей оковали цепями; жен, детей стерегли в домах. Царствовала тишина ужаса. Никто не знал ни вины, ни предлога сей опалы. Ждали прибытия государева.

6 генваря, в день богоявления, ввечеру, Иоанн с войском стал на Городище, в двух верстах от посада. На другой день казнили всех иноков, *бывших на правеже:* их избили палицами и каждого отвезли в свой монастырь для погребения. Генваря 8 царь с сыном и с дружиною вступил в Новгород, где, на Великом мосту, встретил его архиепископ Пимен с чудотворными иконами: не приняв святительского благословения, Иоанн грозно сказал: «Злочестивец! В руке твоей не крест животворящий, но оружие убийственное, которое ты хочешь вонзить нам в сердце. Знаю умысел твой и всех

гнусных новогородцев; знаю, что вы готовитесь предаться Сигизмунду Августу. Отселе ты уже не пастырь, а враг церкви и св. Софии, хищный волк, губитель, ненавистник венца Мономахова!» Сказав, государь велел ему идти с иконами и крестами в Софийскую церковь; слушал там литургию, молился усердно, пошел в палату к архиепископу, сел за стол со всеми боярами, начал обедать и вдруг завопил страшным голосом... Явились воины, схватили архиепископа, чиновников, слуг его; ограбили палаты, келии,— а дворецкий Лев Салтыков и духовник государев Евстафий церковь Софийскую: взяли ризную казну, сосуды, иконы, колокола обнажили и другие храмы в монастырях богатых; после чего немедленно открылся суд на городище... Судили Иоанн и сын его таким образом: ежедневно представляли им от пятисот до тысячи и более новогородцев; били их, мучили, жгли каким-то составом огненным, привязывали головою или ногами к саням, влекли на берег Волхова, где сия река не мерзнет зимою, и бросали с моста в воду, целыми семействами, жен с мужьями, матерей с грудными младенцами. Ратники московские ездили на лодках по Волхову с кольями, баграми и секирами: кто из вверженных в реку всплывал, того кололи, рассекали на части. Сии убийства продолжались пять недель и заключились грабежом общим: Иоанн с дружиною объехал все обители вокруг города: взял казны церковные и монастырские; велел опустошить дворы и келии, истребить хлеб, лошадей, скот; предал также и весь Новгород грабежу, лавки, домы, церкви; сам ездил из улицы в улицу; смотрел, как хищные воины ломились в палаты и кладовые, отбивали ворота, влезали в окна, делили между собою шелковые ткани, меха; жгли пеньку, кожи; бросали в реку воск и сало. Толпы злодеев были посланы и в пятины новогородские, губить достояние и жизнь людей без разбора, без ответа. Сие, как говорит летописец, *неисповедимое колебание, падение, разрушение Великого Новагорода продолжалось около шести недель.*

Февраля 12, в понедельник второй недели великого поста, на рассвете, государь призвал к себе остальных именитых новогородцев, из каждой улицы по одному человеку: они явились как тени, бледные, изнуренные ужасом, ожидая смерти. Но царь *воззрел на них оком милостивым и кротким:* гнев, ярость, дотоле, пылавшие в глазах его, как страшный метеор, угасли. Иоанн сказал тихо: «Мужи новогородские, все доселе живущие!

Молите господа о нашем благочестивом царском державстве, о христолюбивом воинстве, да побеждаем всех врагов, видимых и невидимых! Суди бог изменнику моему, вашему архиепископу Пимену, и злым его советникам! На них, на них взыщется кровь, здесь излиянная! Да умолкнет плач и стенание; да утишится скорбь и горесть! Живите и благоденствуйте в сем граде! Вместо себя оставляю вам правителя, боярина и воеводу моего, князя Петра Данииловича Пронского. Идите в домы свои с миром!» — Еще судьба архиепископа не решилась: его посадили на белую кобылу, в худой одежде, с волынкою, с бубном в руках, как шута или скомороха, возили из улицы в улицу и за крепкою стражею отвезли в Москву.

Иоанн немедленно удалился от Новагорода дорогою Псковскою, отправив несметную добычу святотатства и грабежа в столицу. Некому было жалеть о богатстве похищенном: кто остался жив, благодарил бога или не помнил себя в исступлении! Уверяют, что граждан и сельских жителей изгибло тогда не менее шестидесяти тысяч. Кровавый Волхов, запруженный телами и членами истерзанных людей, долго не мог пронести их в Ладожское озеро. Голод и болезни довершили казнь Иоаннову, так что иереи, в течение шести или семи месяцев, не успевали погребать мертвых: бросали их в яму без всяких обрядов. Наконец Новгород как бы пробудился от мертвого оцепенения: 8 сентября все еще живые, духовенство, миряне собралися в поле, у церкви Рождества Христова, служить общую панихиду за усопших, над тамошнею скудельницею, где лежало 10 000 неотпетых тел христианских! (В первом месте стоял нищий старец, Иоанн Жгальцо, который один с молитвою предавал мертвых земле в сие ужасное время.) — Опустел Великий Новгород. Знатная часть торговой, некогда многолюдной стороны, обратилась в площадь, где, сломав все уже необитаемые домы, заложили дворец государев.

Иоанн готовил Пскову участь Новагорода, думая, что и жители оного хотели изменить России. Там начальствовал добрый князь Юрий Токмаков и жил славный благочестием отшельник, *салос* (юродивый) Никола: один — счастливым советом, другой — счастливой дерзостию спасли город. В субботу второй недели великого поста царь ночевал в монастыре св. Николая на Любатове, видя Псков, где, в ожидании приближающейся грозы, никто не смыкал глаз; все люди были в дви-

жении; ободряли друг друга или прощались с жизнию, отцы с детьми, жены с мужьями. В полночь царь услышал благовест и звон церквей псковских: сердце его, как пишут современники, чудесно умилилось. Он вообразил живо, с какими чувствами идут граждане к заутрене в последний раз молить всевышнего о спасении их от гнева царского: с каким усердием, с какими слезами припадают к святым иконам — и мысль, что господь внимает гласу сердец сокрушенных, тронула душу столь ожесточенную! В каком-то неизъяснимом порыве жалости Иоанн сказал воеводам своим: «Иступите мечи о камень! Да престанут убийства!..» На другой день, вступив в город, он с изумлением увидел на всех улицах, пред домами, столы с изготовленными яствами (так было сделано по совету князя Юрия Токмакова): граждане, жены их, дети, держа хлеб и соль, преклоняли колена, благословляли, приветствовали царя и говорили ему: «Государь князь великий! Мы, верные твои подданные, с усердием и любовию предлагаем тебе хлеб-соль; а с нами и животами нашими твори волю свою: ибо все, что имеем, и мы сами твои, самодержец великий!» Сия неожидаемая покорность была приятна Иоанну. Игумен Печерский, Корнилий, с духовенством встретил его на площади у церквей св. Варлаама и Спаса. Царь слушал молебен в храме Троицы, поклонился гробу св. Всеволода-Гавриила, с удивлением рассматривал тяжелый меч сего древнего князя и зашел в келию к старцу салосу Николе, который под защитою своего юродства не убоялся обличать тирана в кровопийстве и святотатстве. Пишут, что он предложил Иоанну в дар... кусок сырого мяса; что царь сказал: «Я христианин и не ем мяса в великий пост»; а пустынник ответствовал: «Ты делаешь хуже: питаешься человеческою плотию и кровию, забывая не только пост, но и бога!» Грозил ему, предсказывал несчастия и так устрашил Иоанна, что он немедленно выехал из города: жил несколько дней в предместии, дозволил воинам грабить имение богатых людей, но не велел трогать иноков и священников; взял только казны монастырские и некоторые иконы, сосуды, книги и, как бы невольно пощадив Ольгину родину, спешил в Москву, чтобы новою кровию утолять свою неутолимую жажду к мучительству.

Архиепископ Пимен и некоторые знатнейшие новогородские узники, вместе с ним присланные в Александровскую слободу, ждали там конца своего. Миновало около пяти месяцев, но не в бездействии: производи-

лось важное следствие; собирали доносы, улики; искали в Москве тайных единомышленников Пименовых, которые еще укрывались от мести государевой, сидели в главных приказах, даже в совете царском, даже пользовались особенною милостию, доверенностию Иоанна. Печатник, или канцлер, Иван Михайлович Висковатый, муж опытнейший в делах государственных,— казначей Никита Фуников, также верный слуга царя и царства от юности до лет преклонных,— боярин Семен Васильевич Яковлев,— умные дьяки Василий Степанов и Андрей Васильев были взяты под стражу; а с ними вместе, к общему удивлению, и первые любимцы Иоанновы: вельможа Алексей Басманов, воевода мужественный, но бесстыдный угодник тиранства,— сын его, крайчий Федор, прекрасный лицом, гнусный душою, без коего Иоанн не мог ни веселиться на пирах, ни свирепствовать в убийствах,— наконец, самый ближайший к его сердцу нечестивец, князь Афанасий Вяземский, обвиняемые в том, что они с архиепископом Пименом хотели отдать Новгород и Псков Литве, извести царя и посадить на трон князя Владимира Андреевича. Жалея о добрых, заслуженных сановниках, россияне могли с тайным удовольствием видеть казнь божию над клевретами мучителя, без сомнения невинными пред ним, но виновными пред государством и человечеством. Сии жестокие царедворцы поздно узнали, что милость тирана столь же опасна, как и ненависть его; что он не может долго верить людям, коих гнусность ему известна; что малейшее подозрение, одно слово, одна мысль достаточны для их падения; что губитель, карая своих услужников, наслаждается чувством правосудия: удовольствие, редкое для кровожадного сердца, закоснелого во зле, но все еще угрызаемого совестию в злодеяниях! Быв долго клеветниками, они сами погибли от клеветы. Пишут, что царь имел неограниченную доверенность к Афанасию Вяземскому: единственно из рук сего любимого оружничего принимал лекарства своего доктора Арнольфа Лензея; единственно с ним беседовал о всех тайных намерениях, ночью, в глубокой тишине, в спальне. Сын боярский, именем Федор Ловчиков, облагодетельствованный князем Афанасием, донес на него, что он будто бы предуведомил новгородцев о гневе царском, следственно был их единомышленником. Иоанн не усомнился: молчал несколько времени и вдруг, призвав Вяземского к себе, говоря ему о важных делах государственных с обыкновенною доверенностию, велел между тем умертвить его

лучших слуг: возвращаясь домой, князь Вяземский увидел их трупы: не показал ни изумления, ни жалости; прошел мимо, в надежде сим опытом своей преданности обезоружить государя; но был ввержен в темницу, где уже сидели и Басмановы, подобно ему уличаемые в измене. Всех обвиняемых пытали: кто не мог вынести мук, клеветал на себя и других, коих также пытали, чтобы выведать от них неизвестное им самим. Записывали показания истязуемых; составили дело огромное, предложенное государю и сыну его, царевичу Иоанну; объявили казнь изменникам: ей надлежало совершиться в Москве, в глазах всего народа, и так, чтобы столица, уже приученная к ужасам, еще могла изумиться!

25 июля среди большой торговой площади в Китае-городе поставили 18 виселиц; разложили многие орудия мук; зажгли высокий костер и над ним повесили огромный чан с водою. Увидев сии грозные приготовления, несчастные жители вообразили, что настал последний день для Москвы; что Иоанн хочет истребить их всех без остатка: в беспамятстве страха они спешили укрыться, где могли. Площадь опустела; в лавках отворенных лежали товары, деньги; не было ни одного человека, кроме толпы опричников у виселиц и костра пылающего. В сей тишине раздался звук бубнов: явился царь на коне с любимым старшим сыном, с боярами и князьями, с легионом кромешников в стройном ополчении; позади шли осужденные, числом 300 или более, в виде мертвецов, истерзанные, окровавленные, от слабости едва передвигая ноги. Иоанн стал у виселиц, осмотрелся и, не видя народа, велел опричникам искать людей, гнать их отовсюду на площадь; не имев терпения ждать, сам поехал за ними, призывая москвитян быть свидетелями его суда, обещая им безопасность и милость. Жители не смели ослушаться: выходили из ям, из погребов; трепетали, но шли: вся площадь наполнилась ими; на стене, на кровлях стояли зрители. Тогда Иоанн, возвысив голос, сказал: «Народ! Увидишь муки и гибель; но караю изменников! Ответствуй: прав ли суд мой?» Все ответствовали велегласно: «Да живет многие лета государь великий! Да погибнут изменники!» Он приказал вывести 180 человек из толпы осужденных и даровал им жизнь, как менее виновным. Потом думный дьяк государев, развернув свиток, произнес имена казнимых; вызвал Висковатого и читал следующее: «Иван Михайлов, бывший тайный советник государев! Ты служил неправедно его царскому величеству и писал к королю

Сигизмунду, желая предать ему Новгород. Се первая вина твоя!» Сказав, ударил Висковатого в голову и продолжал: «А се вторая, меньшая вина твоя: ты, изменник неблагодарный, писал к султану турецкому, чтобы он взял Астрахань и Казань». Ударив его в другой — и в третий раз, дьяк примолвил: «Ты же звал и хана крымского опустошать Россию: се твое третие злое дело!» Тут Висковатый, смиренный, но великодушный, подняв глаза на небо, ответствовал: «Свидетельствуюсь господом богом, ведающим сердца и помышления человеческие, что я всегда служил верно царю и отечеству. Слышу наглые клеветы: не хочу более оправдываться, ибо земный судия не хочет внимать истине; но судия небесный видит мою невинность — и ты, о государь! увидишь ее пред лицом всевышнего!» — Кромешники заградили ему уста, повесили его вверх ногами, обнажили, рассекли на части, и первый Малюта Скуратов, сошедши с коня, отрезал ухо страдальцу. Второю жертвою был казначей Фуников-Карцов, друг Висковатого, в тех же изменах и столь же нелепо обвиняемый. Он сказал царю: «Се кланяюся тебе в последний раз на земле, моля бога, да приимешь в вечности праведную мзду по делам своим!» Сего несчастного обливали кипящею и холодною водою: он умер в страшных муках. Других кололи, вешали, рубили. Сам Иоанн, сидя на коне, произил копием одного старца. Умертвили в четыре часа около двухсот человек. Наконец, совершив дело, убийцы, облияные кровию, с дымящимися мечами стали пред царем, восклицая: «Гойда! Гойда!» — и славили его правосудие. Объехав площадь, обозрев груды тел, Иоанн, сытый убийствами, еще не насытился отчаянием людей: желал видеть злосчастных супруг Фуникова и Висковатого; приехал к ним в дом, смеялся над их слезами; мучил первую, требуя сокровищ; хотел мучить и пятнадцатилетнюю дочь ее, которая стенала и вопила; но отдал ее сыну, царевичу Иоанну, а после вместе с материю и с женою Висковатого заточил в монастырь, где они умерли с горести.

Граждане московские, свидетели сего ужасного дня, не видали в числе его жертв ни князя Вяземского, ни Алексея Басманова: первый испустил дух в пытках; конец последнего — несмотря на все беспримерные, описанные нами злодейства — кажется еще невероятным: да будет сие страшное известие вымыслом богопротивным, внушением естественной ненависти к тирану, но клеветою! Современники пишут, что Иоанн будто бы прину-

дил юного Федора Басманова убить отца своего, тогда же или прежде заставив князя Никиту Прозоровского умертвить брата, князя Василия! По крайней мере сын-изверг не спас себя отцеубийством: он был казнен вместе с другими. Имение их описали на государя; многих знатных людей послали на Белоозеро, а святителя Пимена, лишив сана архиепископского, в Тульский монастырь св. Николая; многих выпустили из темниц на поруки, некоторых даже наградили царскою милостию.— Три дня Иоанн отдыхал: ибо надлежало предать трупы земле! В четвертый день снова вывели на площадь несколько осужденных и казнили: Малюта Скуратов, предводитель палачей, рассекал топорами мертвые тела, которые целую неделю лежали без погребения, терзаемые псами. (Там, близ Кремлевского рва, на крови, на костях, в последующие времена стояли церкви, как умилительный христианский памятник сего душегубства.) Жены избиенных дворян, числом 80, были утоплены в реке.

Одним словом, Иоанн достиг наконец вышней степени безумного своего тиранства; мог еще губить, но уже не мог изумлять россиян никакими новыми изобретениями лютости. Скрепив сердце, опишем только некоторые из бесчисленных злодеяний сего времени.

Не было ни для кого безопасности, но всего менее для людей, известных заслугами и богатством: ибо тиран, ненавидя добродетель, любил корысть. Славный воевода, от коего бежала многочисленная рать Селимова,— который двадцать лет не сходил с коня, побеждая и татар, и литву, и немцев, князь Петр Семенович Оболенский-Серебряный, призванный в Москву, видел и слышал от царя одни ласки; но вдруг легион опричников стремится к его дому кремлевскому: ломают ворота, двери и пред лицом, у ног Иоанна отсекают голову сему ни в чем не обвиненному воеводе. Тогда же были казнены: думный советник Захария Иванович Очин-Плещеев; Хабаров-Добрынский, один из богатейших сановников; Иван Воронцов, сын Федора, любимца Иоанновой юности; Василий Разладин, потомок славного в XIV веке боярина Квашни; воевода Кирик-Тырков, равно знаменитый и ангельскою чистотою нравов, и великим умом государственным, и примерным мужеством воинским, израненный во многих битвах; герой защитник Лаиса Андрей Кашкаров; воевода нарвский Михайло Матвеевич Лыков, коего отец сжег себя в 1534 году, чтобы не отдать города неприятелю, и который, будучи с

юных лет пленником в Литве, выучился там языку латинскому, имел сведения в науках, отличался благородством души, приятностию в обхождении,— и ближний родственник сего воеводы, также Лыков, прекрасный юноша, посыланный царем учиться в Германию: он возвратился было ревностно служить отечеству с душою пылкою, с разумом просвещенным! Воевода михайловский Никита Козаринов-Голохвастов, ожидая смерти, уехал из столицы и посхимился в каком-то монастыре на берегу Оки: узнав же, что царь прислал за ним опричников, вышел к ним и сказал: «Я тот, кого вы ищете!» Царь велел взорвать его на бочке пороха, говоря в шутку, что схимники ангелы и должны лететь на небо. Чиновник Мясоед Вислой имел прелестную жену: ее взяли, обесчестили, повесили перед глазами мужа, а ему отрубили голову.

Гнев тирана, падая на целые семейства, губил не только детей с отцами, супруг с супругами, но часто и всех родственников мнимого преступника. Так, кроме десяти Колычевых, погибли многие князья ярославские (одного из них, князя Ивана Шаховского, царь убил из собственных рук булавою); многие князья Прозоровские, Ушатые, многие Заболотские, Бутурлины. Нередко знаменитые россияне избавлялись от казни славною кончиною. Два брата, князья Андрей и Никита Мещерские, мужественно защищая новую Донскую крепость, пали в битве с крымцами: еще трупы сих витязей, орошаемые слезами добрых сподвижников, лежали не погребенные, когда явились палачи Иоанновы, чтобы зарезать обоих братьев: им указали тела их! То же случилось и с князем Андреем Оленкиным: присланные убийцы нашли его мертвого на поле чести. Иоанн, нимало тем не умиленный, совершил лютую месть над детьми сего храброго князя: уморил их в заточении.

Но смерть казалась тогда уже легкою: жертвы часто требовали ее как милости. Невозможно без трепета читать в записках современных о всех адских вымыслах тиранства, о всех способах терзать человечество. Мы упоминали о сковородах: сверх того были сделаны для мук особенные печи, железные клещи, острые ногти, длинные иглы; разрезывали людей по составам, перетирали тонкими веревками надвое, сдирали кожу, выкраивали ремни из спины...

И когда, в ужасах душегубства, Россия цепенела, во дворце раздавался шум ликующих: Иоанн тешился с своими палачами и *людьми веселыми*, или скоморохами,

кои присылали к нему из Новагорода и других областей вместе с медведями! Последними он травил людей, и в гневе и в забаву: видя иногда близ дворца толпу народа, всегда мирного, тихого, приказывал выпускать двух или трех медведей и громко смеялся бегству, воплю устрашенных, гонимых, даже терзаемых ими; но изувеченных всегда награждал: давал им по золотой деньге и более. Одною из главных утех его были также многочисленные шуты, коим надлежало смешить царя прежде и после убийств и которые иногда платили жизнию за острое слово. Между ими славился князь Осип Гвоздев, имея знатный сан придворный. Однажды, недовольный какою-то шуткою, царь вылил на него миску горячих щей: бедный смехотворец вопил, хотел бежать: Иоанн ударил его ножом... Обливаясь кровию, Гвоздев упал без памяти. Немедленно призвали доктора Арнольфа. «Исцели слугу моего доброго,— сказал царь,— я поиграл с ним неосторожно».— «Так неосторожно,— отвечал Арнольф,— что разве бог и твое царское величество может воскресить умершего: в нем уже нет дыхания». Царь махнул рукою, назвал мертвого шута псом и продолжал веселиться. В другой раз, когда он сидел за обедом, пришел к нему воевода старицкий Борис Титов,— поклонился до земли и величал его как обыкновенно. Царь сказал: «Будь здрав, любимый мой воевода: ты достоин нашего жалованья» — и ножом отрезал ему ухо. Титов, не изъявив ни малейшей чувствительности к боли, с лицом покойным благодарил Иоанна за милостивое наказание: желал ему царствовать счастливо! — Иногда тиран сластолюбивый, забывая голод и жажду, вдруг отвергал яства и питие, оставлял пир, громким кликом сзывал дружину, садился на коня и скакал плавать в крови. Так он из-за роскошного обеда устремился растерзать литовских пленников, сидевших в московской темнице. Пишут, что один из них, дворянин Быковский, вырвал копье из рук мучителя и хотел заколоть его, но пал от руки царевича Иоанна, который вместе с отцом усердно действовал в таких случаях, как бы для того, чтобы отнять у россиян и надежду на будущее царствование! Умертвив более ста человек, тиран при обыкновенных восклицаниях дружины: «Гойда! Гойда!», с торжеством возвратился в свои палаты и снова сел за трапезу... Однако ж и в сие время, и на сих пирах убийственных, еще слышался иногда голос человеческий, вырывались слова великодушной смелости. Муж храбрый, именем Молчан Митьков, нудимый Иоанном вы-

пить чашу крепкого меда, воскликнул в горести: «О царь! Ты велишь нам вместе с тобою пить мед, смешанный с кровию наших братьев, христиан правоверных!» Иоанн вонзил в него свой острый жезл. Митьков перекрестился и с молитвою умер.

Таков был царь; таковы были подданные! Ему ли, им ли должны мы наиболее удивляться? Если он не всех превзошел в мучительстве, то они превзошли всех в терпении, ибо считали власть государеву властию божественною и всякое сопротивление беззаконием; приписывали тиранство Иоанново гневу небесному и каялись в грехах своих; с верою, с надеждою ждали умилостивления, но не боялись и смерти, утешаясь мыслию, что есть другое бытие для счастия добродетели и что земное служит ей только искушением; гибли, но спасли для нас могущество России: ибо сила народного повиновения есть сила государственная.

Довершим картину ужасов сего времени: голод и мор помогали тирану опустошать Россию. Казалось, что земля утратила силу плодородия: сеяли, но не сбирали хлеба; и холод и засуха губили жатву. Дороговизна сделалась неслыханная: четверть ржи стоила в Москве 60 алтын, или около девяти нынешних рублей серебряных. Бедные толпились на рынках, спрашивали о цене хлеба и вопили в отчаянии. Милостыня оскудела: ее просили и те, которые дотоле сами питали нищих. Люди скитались, как тени; умирали на улицах, на дорогах. Не было явного возмущения, но были страшные злодейства: голодные тайно убивали и ели друг друга! От изнурения сил, от пищи неестественной родилась прилипчивая смертоносная болезнь в разных местах. Царь приказал заградить многие пути; конная стража ловила всех едущих без письменного вида, неуказною дорогою, имея повеление жечь их вместе с товарами и лошадьми. Сие бедствие продолжалось до 1572 года.

Но ни судьба, ни тиран еще не насытились жертвами. Не заключим, а только прервем описание зол, чтобы с удивлением видеть Иоанна как бы равнодушного, спокойного в его неутомимой политической деятельности...

Следуя правилу не умножать врагов России, Иоанн хотел отвратить новую, бесполезную войну с султаном, коего добрая к нам приязнь могла обуздывать хана: для того (в 1570 году) дворянин Новосильцов ездил в Константинополь поздравить Селима с воцарением. Иоанн в ласковом письме к нему исчислял все друже-

ственные сношения России с Турциею от времен Баязета; удивлялся впадению Селимовой рати в наши владения без объявления войны; предлагал и мир и дружбу. «Мой государь,— должен был сказать Новосильцов вельможам султанским,— не есть враг мусульманской веры. Слуга его, царь Саин-Булат, господствует в Касимове, царевич Кайбула в Юрьеве, Ибак в Сурожике, князья Ногайские в Романове: все они свободно и торжественно славят Магомета в своих мечетях; ибо у нас всякой иноземец живет по своей вере. В Кадоме, в Мещере многие приказные государевы люди мусульманского закона. Если умерший царь казанский Симеон, если царевич Муртоза сделались христианами: то они сами желали, сами требовали крещения». Новосильцов был доволен благосклонным приемом, заметив только, что султан не спрашивал его о здравии Иоанна и, в противность нашему обыкновению, не звал обедать с собою. Но сие посольство и другое (в 1571 году) не имели желаемого следствия, хотя царь, в угодность Селиму, согласился уничтожить новую крепость нашу в Кабарде. Гордый султан хотел Астрахани и Казани или того, чтобы Иоанн, владея ими, признал себя данником Оттоманской империи. Предложение столь нелепое осталось без ответа. В то же время царь узнал, что Селим просит Киева у Сигизмунда для удобнейшего впадения в Россию; что он велел делать мосты на Дунае и запасать хлеб в Молдавии; что хан, возбуждаемый турками, готовится к войне с нами; что царевич крымский разбил тестя государева, Темгрюка, и взял в плен двух его сыновей. Уже Девлет-Гирей, в непосредственных сношениях с Москвою, снова начал грозить, требовать дани и восстановления царств Батыевых, Казанского, Астраханского. Уже из Донкова, из Путивля извещали государя о движениях ханского войска: разъезды наши видели в степях пыль необычайную, огни ночью, *сакму*, или следы многочисленной конницы; слышали вдали *прыск* и ржание табунов. Полководцы московские стояли на Оке. Два раза сам Иоанн с сыном своим выезжал к войску в Коломну, в Серпухов. Уже были и легкие сшибки в местах рязанских и каширских; но крымцы везде являлись в малом числе, немедленно исчезая, так что государь наконец успокоился — объявил донесения сторожевых атаманов неосновательными и зимою распустил большую часть войска...

Тем более он встревожился при наступлении весны, когда хан, вооружив всех своих улусников, тысяч сто

или более, с необыкновенною скоростию вступил в южные пределы России, где встретили его некоторые беглецы и наши дети боярские, изгнанные из отечества ужасом московских казней: сии изменники сказали Девлет-Гирею, что голод, язва и непрестанные опалы в два года истребили большую часть Иоаннова войска; что остальное в Ливонии и в крепостях; что путь к Москве открыт; что Иоанн только для славы, только для вида может выйти в поле с малочисленною опричниною, но не замедлит бежать в северные пустыни; что в истине того они ручаются своею головою и будут верными путеводителями крымцев. Изменники, к несчастию, сказали правду: мы имели уже гораздо менее воевод мужественных и войска исправного. Князья Бельский, Мстиславский, Воротынский, бояре Морозов, Шереметев спешили, как обыкновенно, занять берега Оки, но не успели: хан обошел их и другим путем приближился к Серпухову, где был сам Иоанн с опричниною. Требовалось решительности, великодушия: царь бежал!.. в Коломну, оттуда в Слободу, мимо несчастной Москвы; из Слободы к Ярославлю, чтобы спастися от неприятеля, спастися от изменников: ибо ему казалось, что и воеводы и Россия выдают его татарам! Москва оставалась без войска, без начальников, без всякого устройства; а хан уже стоял в тридцати верстах! Но воеводы царские с берегов Оки, не отдыхая, приспели для защиты — и что же сделали? вместо того чтобы встретить, отразить хана в поле, заняли предместия московские, наполненные бесчисленным множеством беглецов из деревень окрестных; хотели обороняться между тесными, бренными зданиями. Князь Иван Бельский и Морозов с большим полком стали на Варламовской улице; Мстиславский и Шереметев с правою рукою на Якимовской; Воротынский и Татев на Таганском лугу, против Крутиц; Темкин с дружиною опричников за Неглинною. На другой день, мая 24, в праздник вознесения, хан подступил к Москве — и случилось, чего ожидать надлежало: он велел зажечь предместия. Утро было тихое, ясное. Россияне мужественно готовились к битве, но увидели себя объятыми пламенем: деревянные домы и хижины вспыхнули в десяти разных местах. Небо омрачилось дымом; поднялся вихрь, и чрез несколько минут огненное бурное море разлилось из конца в конец города с ужасным шумом и ревом. Никакая сила человеческая не могла остановить разрушения: никто не думал тушить; народ, воины в беспамятстве искали спасения и гибли под разва-

линами пылающих зданий или в тесноте давили друг друга, стремясь в город, в Китай, но, отовсюду гонимые пламенем, бросались в реку и тонули. Начальники уже не повелевали, или их не слушались: успели только завалить Кремлевские ворота, не впуская никого в сие последнее убежище спасения, огражденное высокими стенами. Люди горели, падали мертвые от жара и дыма в церквах каменных. Татары хотели, но не могли грабить в предместиях: огонь выгнал их, и сам хан, устрашенный сим адом, удалился к селу Коломенскому. В три часа не стало Москвы: ни посадов, ни Китая-города; уцелел один Кремль, где в церкви Успения богоматери сидел митрополит Кирилл с святынею и с казною; Арбатский любимый дворец Иоаннов разрушился. Людей погибло невероятное множество: более ста двадцати тысяч воинов и граждан, кроме жен, младенцев и жителей сельских, бежавших в Москву от неприятеля; а всех около осьмисот тысяч. Главный воевода, князь Бельский, задохнулся в погребе на своем дворе, так же боярин Михайло Иванович Вороной, первый доктор Иоаннов Арнольф Линзей и 25 лондонских купцов. На пепле бывших зданий лежали груды обгорелых трупов, человеческих и конских. «Кто видел сие зрелище,— пишут очевидцы,— тот воспоминает об нем всегда с новым ужасом и молит бога не видать оного вторично».

Девлет-Гирей совершил подвиг: не хотел осаждать Кремля и, с Воробьевых гор обозрев свое торжество, кучи дымящегося пепла на пространстве тридцати верст, немедленно решился идти назад, испуганный, как уверяют, ложным слухом, что герцог или король Магнус приближается со многочисленным войском. Иоанн, в Ростове получив весть об удалении врага, велел князю Воротынскому идти за ханом, который, однако ж, успел разорить большую часть юго-восточных областей московских и привел в Тавриду более ста тысяч пленников. Не имея великодушия быть утешителем своих подданных в страшном бедствии, боясь видеть феатр ужаса и слез, царь не хотел ехать на пепелище столицы: возвратился в Слободу и дал указ очистить московские развалины от гниющих трупов. Хоронить было некому: только знатных или богатых погребали с христианскими обрядами; телами других наполнили Москву-реку, так что ее течение пресеклось: они лежали грудами, заражая ядом тления и воздух и воду; а колодези осушились или были засыпаны: остальные жители изнемогали от жажды. Наконец собрали людей из окрестных городов; вытаска-

ли трупы из реки и предали их земле.— Таким образом фиал гнева небесного излиялся на Россию. Чего недоставало к ее бедствиям после голода, язвы, огня, меча, плена и — тирана?

Теперь увидим, сколь тиран был малодушен в сем первом, важнейшем злоключении своего царствования. 15 июня он приблизился к Москве и остановился в Братовщине, где представили ему двух гонцов от Девлет-Гирея, который, выходя из России как величавый победитель, желал с ним искренно объясниться. Царь был в простой одежде: бояре и дворяне также, в знак скорби или неуважения к хану. На вопрос Иоаннов о здравии брата его, Девлет-Гирея, чиновник ханский ответствовал: *«Так говорит тебе царь наш:* мы назывались друзьями; ныне стали неприятелями. Братья ссорятся и мирятся. Отдай Казань с Астраханью: тогда усердно пойду на врагов твоих». Сказав, гонец явил дары ханские: нож, окованный золотом, и примолвил: «Девлет-Гирей носил его на бедре своей: носи и ты. Государь мой еще хотел послать тебе коня; но кони наши утомились в земле твоей». Иоанн отвергнул сей дар *непристойный* и велел читать Девлет-Гирееву грамоту: «Жгу и пустошу Россию (писал хан) единственно за Казань и Астрахань; а богатство и деньги *применяю* к праху. Я везде искал тебя, в Серпухове и в самой Москве; хотел венца и головы твоей; но ты бежал из Серпухова, бежал из Москвы — и смеешь хвалиться своим царским величием, не имея ни мужества, ни стыда! Ныне узнал я пути государства твоего: снова буду к тебе, если не освободишь посла моего, бесполезно томимого неволею в России; если не сделаешь, чего требую, и не дашь мне клятвенной грамоты за себя, за детей и внучат своих». Как же поступил Иоанн, столь надменный против христианских знаменитых венценосцев Европы? *Бил челом* хану: обещал уступить ему Астрахань при торжественном заключении мира; а до того времени молил его не тревожить России; не отвечал на слова бранные и насмешки язвительные; соглашался отпустить посла крымского, если хан отпустит Афанасия Нагого и пришлет в Москву вельможу для дальнейших переговоров. Действительно, готовый в крайности отказаться от своего блестящего завоевания, Иоанн писал в Тавриду к Нагому, что мы должны по крайней мере вместе с ханом утверждать будущих царей Астраханских на их престоле; то есть желал сохранить тень власти над сею державою. Изменяя нашей государственной чести и

пользе, он не усомнился изменить и правилам церкви: в угодность Девлет-Гирею выдал ему тогда же одного знатного крымского пленника, сына княжеского, добровольно принявшего в Москве веру христианскую; выдал на муку или на перемену закона, к неслыханному соблазну для православия.

Унижаясь пред врагом, Иоанн как бы обрадовался новому поводу к душегубству в бедной земле своей, и еще Москва дымилась, еще татары злодействовали в наших пределах, а царь уже казнил и мучил подданных! Мы видели, что изменники российские вели Девлет-Гирея к столице: сею изменою Иоанн мог изъяснять успех неприятеля; мог, как и прежде, оправдывать исступления своего гнева и злобы: нашел и другую вину, не менее важную. Скучая вдовством, хотя и не целомудренным, он уже давно искал себе третьей супруги. Впадение ханское прервало сие дело; когда же опасность миновалась, царь снова занялся оным. Из всех городов свезли невест в Слободу, знатных и незнатных, числом более двух тысяч: каждую представляли ему особенно. Сперва он выбрал 24, а после 12, коих надлежало осмотреть доктору и бабкам; долго сравнивал их в красоте, в приятностях, в уме; наконец предпочел всем Марфу Васильевну Собакину, дочь купца новогородского, в то же время избрав невесту и для старшего царевица, Евдокию Богдановну Сабурову. Отцы счастливых красавиц из ничего сделались боярами, дядя будущей царицы — окольничими, брат — крайчим; возвысив саном, их наделили и богатством, *добычею опал,* имением, отнятым у древних родов княжеских и боярских. Но царская невеста занемогла; начала худеть, сохнуть: сказали, что она *испорчена* злодеями, ненавистниками Иоаннова семейственного благополучия, и подозрение обратилось на ближних родственников цариц умерших, Анастасии и Марии. Разыскивали — вероятно, страхом и лестию домогались истины или клеветы. Не знаем всех обстоятельств: знаем только, кто и как погиб в сию *пятую* эпоху убийств. Шурин Иоаннов, князь Михайло Темгрюкович, суровый азиатец, то знатнейший воевода, то гнуснейший палач, осыпаемый и милостями и ругательствами, многократно обогащаемый и многократно лишаемый всего в забаву царю, должен был с полком опричников идти вслед за Девлет-Гиреем: он выступил — и вдруг, сраженный опалою, был посажен на кол! Вельможу Ивана Петровича Яковлева (прощенного в 1566 году), брата его, Василия, бывшего пестуном старшего цареви-

ча, и воеводу Замятню Сабурова, родного племянника несчастной Соломониды, первой супруги отца Иоаннова, засекли, а боярина Льва Андреевича Салтыкова постригли в монахи Троицкой обители и там умертвили. Открылись казни иного рода: злобный клеветник доктор Елисей Бомелий, о коем мы упоминали, предложил царю истреблять лиходеев ядом и составлял, как уверяют, губительное зелие с таким адским искусством, что отравляемый издыхал в назначаемую тираном минуту. Так Иоанн казнил одного из своих любимцев, Григория Грязнова, князя Ивана Гвоздева-Ростовского и многих других, признанных участниками в отравлении царской невесты или в измене, открывшей путь хану к Москве. Между тем царь женился (28 октября) на больной Марфе, надеясь, по его собственным словам, спасти ее сим действием любви и доверенности к милости божией; чрез шесть дней женил и сына на Евдокии; но свадебные пиры заключились похоронами: Марфа 13 ноября скончалась, быв или действительно жертвою человеческой злобы, или только несчастною виновницею казни безвинных.

Еще не довольный ни разорением московских областей, ни унижением гордого Иоанна и в надежде вторично обогатиться пленниками без сражения, убивать только безоружных, достигнуть нашей столицы без препятствия, даже свергнуть, изгнать царя, варвар Девлет-Гирей молчал, отдыхал, *не расседлывая коней,* и вдруг, сказав уланам, князьям, вельможам, что лучше не тратить времени в переписке лживой, а решить дело об Астрахани и Казани с государем московским изустно, лицом к лицу, устремился старым, знакомым ему путем к Дону, к Угре, сквозь безопасные для него степи, мимо городов обожженных, чрез пепел разрушенных сел, с войском, какого после Мамая, Тохтамыша, Ахмета не собирали ханы — с ногаями, с султанскими янычарами, с огнестрельным снарядом. Малочисленные россияне сидели в крепостях неподвижно; в поле изредка являлись всадники, не для битвы, а для наблюдений. Хан уже видел Оку пред собою — и тут увидел наконец войско московское: оно стояло на левом берегу ее, в трех верстах от Серпухова, в окопах, под защитою многих пушек. Сие место считалось самым удобнейшим для переправы; но хан, заняв россиян жаркою пальбою, сыскал другое, менее оберегаемое, и в следующий день уже был на левом берегу Оки, на Московской дороге... Иоанн узнал о сем 31 июля в Новагороде, где он, скрывая

внутреннее беспокойство души, пировал в монастырях с боярами, праздновал свадьбу шурина своего, Григория Колтовского, и топил в Волхове детей боярских. Еще имея полки, но уже не имея времени защитить ими столицу, царь праздно ждал дальнейших вестей; а Москва трепетала, слыша, что хан уже назначал в ее стенах домы для вельмож крымских. Настал час решить, справедливо ли государь гневный всегда обвинял полководцев российских в малодушии, в нерадении, в холодности ко благу и ко славе отечества!

Воротынский, кинув укрепления бесполезные, ринулся за неприятелем, гнал его по пятам, настиг, остановил, принудил к битве, 1 августа, в пятидесяти верстах от столицы, у Воскресения в Молодях. У хана было 120 000 воинов: наших гораздо менее. Первым надлежало победить и для того, чтобы взять Астрахань с Казанью, и для того, чтобы спастися или открыть себе свободный путь назад, в отдаленные свои улусы; а россияне стояли за все, что еще могли любить в жизни: за веру, отечество, родителей, жен и детей! Москва без Иоанна тем более умиляла их сердца жалостию, восстав из пепла как бы единственно для нового разрушения. Вступили *в бой на смерть* с обеих сторон. Берега Лопасни и Рожая облилися кровию. Стреляли, но более секлись мечами в схватке отчаянной; давили друг друга; хотели победить дерзостию, упорством. Но князь Воротынский и бился и наблюдал; устроивал, ободрял своих; вымышлял хитрости; заманивал татар в места, где они валились грудами от действия скрытых им пушек — и когда обе рати, двигаясь взад и вперед, утомились, начали слабеть, неволью ждали конца делу, сей потом и кровию орошенный воевода зашел узкою долиною в тыл неприятелю... Битва решилась. Россияне победили: хан оставил им в добычу обозы, шатры, собственное знамя свое; ночью бежал в степи и привел в Тавриду не более двадцати тысяч всадников, как уверяют. Лучшие князья его пали; а знатнейший храбрец неверных, бич, губитель христиан Дивий мурза Ногайский отдался в плен суздальскому витязю Алалыкину. Сей день принадлежит к числу великих дней нашей воинской славы: россияне спасли Москву и честь; утвердили в нашем подданстве Астрахань и Казань; отмстили за пепел столицы, и если

не навсегда, то по крайией мере иадолго уияли крымцев, иаполиив их трупами иедра земли между Лопасиею и Рожаем, где доиыие стоят высокие кургаиы, памятиики сей зиамеиитой победы и славы киязя Михайла Воротыиского.

Из главы IV

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИОАННА ГРОЗНОГО

1572—1577

Уннчтоженне опрнчнннны.— Годунов...— Шестая зпоха казней.—Местннчество.— Прнмер верностн.— Пятое н шестое супружество Иоанново.

Иоаии въехал в Москву с торжеством и славою. Все ему благоприятствовало. Бедствия, опасиости и враги исчезли. Смертоиосные болезии и голод прекратились в России. Хаи смирился. Султаи уже ие мыслил о войие с иами. Литва, Польша, сиротствуя без короля, нелицемерио искали Иоаииовой дружбы. Швеция ие имела ии сил, ии устройства; а царь, оставив в Ливонии рать миогочислеииую, нашел в Москве 70 000 победителей, готовых к новым победам. Но и без оружия, без кровопролития ои мог совершить дело великое, исполиить важиый замысел своего отца, возвратить, чего мы лишились в злосчастные времеиа Батыевы, и еще соедииить с Россиею древиее достояиие Пиастов — то есть вследствие мириого, добровольиого избраиия быть королем польским. Одии виутреииий мятеж сердца злобиого мешал Иоаииу наслаждаться сими лестыми для его честолюбия видами; ио казалось, что небо, избавив Россию от язвы и голода, хотело тогда смягчить и душу ее царя.

Беспримериыми ужасами тираиства испытав иеизмеииую вериость иарода; ие видя ни теии сопротивления, ии теии опасиостей для мучительства; истребив *гор-*

дых, самовластных друзей Адашева, главных сподвижников своего доброго царствования; передав их знатность и богатство сановникам новым, безмолвным, ему угодным: Иоанн, к внезапной радости подданных, вдруг уничтожил ненавистную опричнину, которая, служа рукою для губителя, семь лет терзала внутренность государства. По крайней мере исчезло сие страшное имя с его гнусным символом, сие безумное разделение областей, городов, двора, приказов, воинства. Опальная *земщина* назвалась опять Россиею. Кромешники разоблачились, стали в ряды обыкновенных царедворцев, государственных чиновников, воинов, имея уже не атамана, но царя, единого для всех россиян, которые могли надеяться, что время убийств и грабежа миновало; что мера зол исполнилась и горестное отечество успокоится под сению власти законной.

Некоторые действия правосудия, совершенные Иоанном в сие время, без сомнения также питали надежду добрых. Объявив неприятелей великодушного иерарха Филиппа наглыми клеветниками, он заточил соловецкого игумена, лукавого Паисия, на дикий остров Валам; бессовестного Филофея, епископа Рязанского, лишил святительства; чиновника Стефана Кобылина, жестокого, грубого пристава Филиппова сослал в монастырь Каменного острова и многих иных пособников зла с гневом удалил от лица своего, к утешению народа, который в их бедствии видел доказательство, что бог не предал России в жертву слепому случаю; что есть всевышний мститель, закон и правда небесная!

Оставался еще один, но главный из клевретов тиранства, Малюта, Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский, наперсник Иоаннов до гроба: он жил, вместе с царем и другом своим, для суда за пределами сего мира. Любовь к нему государева (если тираны могут любить!) начинала тогда возвышать и благородного юношу, зятя его, свойственника первой супруги отца Иоаннова, Бориса Федоровича Годунова, в коем уже зрели и великие добродетели государственные и преступное властолюбие. В сие время ужасов юный Борис, украшенный самыми редкими дарами природы, сановитый, благолепный, прозорливый, стоял у трона окровавленного, но чистый от крови, с тонкою хитростию избегая гнусного участия в смертоубийствах, ожидая лучших времен и среди зверской опричнины сияя не только красотою, но и тихостию нравственною, наружно уветливый, внутренно неуклонный в своих дальновидных

замыслах. Более царедворец, нежели воин, Годунов являлся под знаменами отечества единственно при особе монарха, в числе его первых оруженосцев и, еще не имея никакого знатного сана, уже был на Иоанновой свадьбе (в 1571 году) дружкою царицы Марфы, а жена его, Мария, свахою: что служило доказательством необыкновенной к нему милости государевой. Может быть, хитрый честолюбец Годунов, желая иметь право на благодарность отечества, содействовал уничтожению опричнины, говоря не именем добродетели опальной, но именем снисходительной, непротивной тиранам политики, которая спускает им многое, осуждаемое верою и нравственностию, но будто бы нужное для их личного, особенного блага, отвергая единственно зло, бесполезное в сем смысле: ибо царь не исправился, как увидим, и, сокрушив любезное ему дотоле орудие мучительства, остался мучителем!..

Уже не было имени опричников, но жертвы еще падали, хотя и реже, менее числом; тиранство казалось утомленным, дремлющим, только от времени до времени пробуждаясь. Еще великое имя вписалось в огромную книгу убийств сего царствования смертоносного. Первый из воевод российских, первый *слуга государев* — тот, кто в славнейший час Иоанновой жизни прислал сказать ему: «Казань наша»; кто, уже гонимый, уже знаменованный опалою, бесчестием ссылки и темницы, сокрушил ханскую силу на берегах Лопасни и еще принудил царя изъявить ему благодарность отечества за спасение Москвы — князь Михаил Воротынский, чрез десять месяцев после своего торжества, был предан на смертную муку, обвиняемый рабом его в чародействе, в тайных свиданиях с злыми ведьмами и в умысле извести царя: донос нелепый, обыкновенный в сие время и всегда угодный тирану! Мужа славы и доблести привели к царю окованного. Услышав обвинение, увидев доносителя, Воротынский сказал тихо: «Государь! Дед, отец мой учили меня служить ревностно богу и царю, а не бесу; прибегать в скорбях сердечных к алтарям всевышнего, а не к ведьмам. Сей клеветник есть мой раб беглый, уличенный в татьбе: не верь злодею». Но Иоанн хотел верить, доселе щадив жизнь сего *последнего* из верных друзей Адашева, как бы невольно, как бы для того, чтобы иметь хотя единого победоносного воеводу на случай чрезвычайной опасности. Опасность миновалась — и шестидесятилетнего героя связанного положили на дерево между двумя огнями; жгли, мучили. Уве-

ряют, что сам Иоанн кровавым жезлом своим пригребал пылающие уголья к телу страдальца. Изожженного, едва дышащего, взяли и повезли Воротынского на Белозеро: он скончался в пути. Знаменитый прах его лежит в обители св. Кирилла. «О муж великий! — пишет несчастный Курбский.— Муж, крепкий душою и разумом! Священна, незабвенна память твоя в мире! Ты служил отечеству неблагодарному, где добродетель губит и слава безмолвствует; но есть потомство, и Европа о тебе слышала: знает, как ты своим мужеством и благоразумием истребил воинство неверных на полях московских, к утешению христиан и к стыду надменного султана! Прими же здесь хвалу громкую за дела великие, а там, у Христа, бога нашего, вечное блаженство за неповинную муку!» — Знатный род князей Воротынских, потомков св. Михаила Черниговского, уже давно пресекся в России: имя князя Михаила Воротынского сделалось достоянием и славою нашей истории.

Вместе с ним замучили боярина, воеводу, князя Никиту Романовича Одоевского, брата злополучной Евдокии, невестки Иоанновой, уже давно обреченного на гибель мнимым преступлением зятя и сестры; но тиран любил иногда отлагать казнь, хваляся долготерпением или наслаждаясь долговременным страхом, трепетом сих несчастных! Тогда же умертвили старого боярина Михайла Яковлевича Морозова с двумя сыновьями и с супругою Евдокиею, дочерью князя Дмитрия Бельского, славною благочестием и святостию жизни. Сей муж прошел невредимо сквозь все бури московского двора; устоял в превратностях мятежного господства бояр, любимый и Шуйскими, и Бельскими, и Глинскими; на первой свадьбе Иоанновой, в 1547 году, был дружкою, следственно близким царским человеком; высился и во время Адашева, опираясь на достоинства: служил в посольствах и воинствах, управлял огнестрельным снарядом в казанской осаде; не вписанный в опричнину, не являлся на кровавых пирах с Басмановыми и с Малютою, но еще умом и трудами содействовал благу государственному; наконец, пал в чреду свою, как противный остаток, как ненавистный памятник времен лучших.— Так же пал (в 1575 году) старый боярин, князь Петр Андреевич Куракин, один из деятельнейших воевод в течение тридцати пяти лет, вместе с боярином Иваном Андреевичем Бутурлиным, который, пережив гибель своих многочисленных единородцев, умев снискать даже особенную милость Иоаннову, не избавился

опалы ни заслугами, ни искусством придворным. В сей год и в следующие два казнили окольничьих: Петра Зайцева, ревностного опричника; Григория Собакина, дядю умершей царицы Марфы; князя Тулупова, воеводу *дворового,* следственно — любимца государева, и Никиту Борисова; крайчего, Иоаннова шурина, Марфина брата, Калиста Васильевича Собакина, и оружничего, князя Ивана Деветелевича. Не знаем вины их, или, лучше сказать, предлога казни. Видим только, что Иоанн не изменял своему *правилу смешения* в губительстве: довершая истребление вельмож старых, осужденных его политикою, *беспристрастно* губил и новых; карая добродетельных, карал и злых. Так он, в сие же время, велел умертвить псковского игумена Корнилия, мужа святого,— смиренного ученика его, Вассиана Муромцева, и Новогородского архиепископа Леонида, пастыря недостойного, алчного корыстолюбца: первых каким-то мучительским орудием раздавили; последнего обшили в медвежью шкуру и затравили псами!.. Тогда уже ничто не изумляло россиян: тиранство притупило чувства... Пишут, что Корнилий оставил для потомства историю своего времени, изобразив в ней бедствия отечества, мятеж, разделение царства и гибель народа от гнева Иоаннова, глада, мора и нашествия иноплеменников.

Здесь Курбский повествует еще о гибели добродетельного архимандрита Феодорита. Сей муж, быв иноком Соловецкой обители, другом св. Александра Свирского и знаменитого старца Порфирия, гонимого отцом Иоанновым за смелое ходатайство о несчастном князе Шемякине, имел славу крестить многих диких лопарей; не убоялся пустынь снежных; проник во глубину мрачных, хладных лесов и возвестил Христа-Спасителя на берегах Туломы; узнав язык жителей, истолковал им Евангелие, изобрел для них письмена, основал монастырь близ устья Колы, учил, благотворил, подобно св. Стефану Пермскому, и с сердечным умилением видел ревность сих мирных, простодушных людей в вере истинной. В 1560 году, по воле Иоанна, он ездил в Константинополь и привез ему от тамошнего греческого духовенства *благословение на сан царский* вместе с *древнею книгою венчания* императоров византийских. После того жил в Вологде, в монастыре св. Димитрия Прилуцкого, и, несмотря на старость, часто бывал в своей любимой Кольской обители, у новых христиан лапланд-

ских; ездил из пустыни в пустыню, летом — реками и морем, зимою — на оленях; находил везде любовь к нему и внимание к его учению. Всеми уважаемый, и самим царем, Феодорит возбудил гнев Иоаннов дружбою к князю Курбскому, бывшему духовному сыну сего ревностного христианского пастыря: дерзнул напомнить государю о жалостной судьбе знаменитого беглеца, столь же несчастного, сколь и виновного; дерзнул говорить о прощении. Феодорита утопили в реке, по сказанию некоторых; другие уверяли, что он хотя и заслужил опалу, но мирно преставился в уединении.

Не щадя ни добродетели, ни святости,— требуя во всем повиновения безмолвного, Иоанн в то же время с удивительным хладнокровием терпел непрестанные *местничества* наших воевод, которые в сем случае не боялись изъявлять самого дерзкого упрямства: молча видели казнь своих ближних; молча склоняли голову под секиру палачей: но не слушались царя, когда он назначал им места в войске не по их родовому старейшинству. Например: чей отец или дед воеводствовал в *большом полку,* тот уже не хотел зависеть от воеводы, коего отец или дед начальствовал единственно в *передовом* или в *сторожевом,* в *правой* или в *левой руке.* Недовольный отсылал указ государев назад с жалобою, требуя суда. Царь справлялся с книгами разрядными и решал тяжбу о старейшинстве или, в случаях важных, ответствовал: *«Быть воеводам без мест;* каждому оставаться на своем, впредь до разбора». Но время действовать уходило, ко вреду государства, и виновник не подвергался наказанию. Сие местничество оказывалось и в службе придворной: любимец Иоаннов Борис Годунов, новый крайчий (в 1578 году), судился с боярином князем Василием Сицким, которого сын не хотел служить наряду с ним за столом государевым; несмотря на боярское достоинство князя Василия, Годунов царскою грамотою был объявлен выше его *многими местами,* для того что дед Борисов в старых разрядах стоял выше Сицких.— Дозволяя воеводам спорить о первенстве, Иоанн не спускал им оплошности в ратном деле: например, знатного сановника, князя Михайла Ноздроватого, *высекли на конюшне* за худое распоряжение при осаде Шмильтена.

«Но сии люди,— пишет историк ливонский,— ни от казней, ни от бесчестия не слабели в усердии к их монарху. Представим достопамятный случай. Чиновник

Иоаннов, князь Сугорский, посланный (в 1576 году) к императору Максимилиану, занемог в Курляндии. Герцог, из уважения к царю, несколько раз наведывался о больном чрез своего министра, который всегда слышал от него сии слова: «Жизнь моя ничто: лишь бы государь наш здравствовал!» Министр изъявил ему удивление. «Как можете вы,— спросил он,— служить с такою ревностию тирану?» Князь Сугорский ответствовал: «Мы, русские, преданы царям и милосердым и жестоким». В доказательство больной рассказал ему, что Иоанн незадолго пред тем велел, за малую вину, одного из знатных людей посадить на кол; что сей несчастный жил целые сутки, в ужасных муках говорил с своею женою, с детьми и беспрестанно твердил: «Боже! Помилуй царя!..» То есть россияне славились тем, чем иноземцы укоряли их: слепою, неограниченною преданностию к монаршей воле в самых ее безрассудных уклонениях от государственных и человеческих законов.

В сии годы необузданность Иоаннова явила новый соблазн в преступлении святых уставов церкви с бесстыдством неслыханным. Царица Анна скоро утратила нежность супруга, своим ли бесплодием или единственно потому, что его любострастие, обманывая закон и совесть, искало новых предметов наслаждения: сия злосчастная, как некогда Соломония, должна была отказаться от света, заключилась в монастыре Тихвинском и, названная в монашестве или в схиме Дариею, жила там до 1626 года; а царь, уже не соблюдая и легкой пристойности, уже не требуя благословения от епископов, без всякого церковного разрешения женился (около 1575 года) в пятый раз, на Анне Васильчиковой. Но не знаем, дал ли он ей имя царицы, торжественно ли венчался с нею: ибо в описании его бракосочетаний нет сего *пятого;* не видим также никого из ее родственников при дворе, в чинах, между царскими людьми ближними. Она схоронена в Суздальской девичьей обители, там, где лежит и Соломония. *Шестою* Иоанновою супругою — или, как пишут, *женищем* — была прекрасная вдова, Василиса Мелентьева: он, без всяких иных священных обрядов, *взял только молитву* для сожития с ней! Увидим, что сим не кончились беззаконные женитьбы царя, ненасытного в убийствах и в любострастии!

Из главы V

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИОАННА ГРОЗНОГО

1577—1582

Заключение перемирия.— Сыноубийство.

Так кончилась война трехлетняя, не столь кровопролитная, сколь несчастная для России, менее славная для Батория, чем постыдная для Иоанна, который в любопытных ее происшествиях оказал всю слабость души своей, униженной тиранством; который, с неутомимым усилием домогаясь Ливонии, чтобы славно предупредить великое дело Петра, иметь море и гавани для купеческих и государственных сношений России с Европою,— воевав 24 года непрерывно, чтобы медленно, шаг за шагом двигаться к цели,— изгубив столько людей и достояния,— повелевая воинством отечественным, едва не равносильным Ксерксову, вдруг все отдал, и славу и пользу, изнуренным остаткам разноплеменного сонмища Баториева! В первый раз мы заключили мир столь безвыгодный, едва не бесчестный, с Литвою; и если удержались еще в своих древних пределах, не отдали и более: то честь принадлежит Пскову: он, как твердый оплот, сокрушил *непобедимость* Стефанову; взяв его, Баторий не удовольствовался бы Ливониею; не оставил бы за Россиею ни Смоленска, ни земли Северской; взял бы, может быть, и Новгород, в *очаровании* Иоаннова страха: ибо современники действительно изъясняли удивительное бездействие наших сил очарованием; писали, что Иоанн, устрашенный видениями и чудесами, ждал только бедствий в войне с Баторием, не веря никаким благоприятным донесениям воевод своих; что явление кометы предвестило тогда несчастие России; что громовая стрела зимою, в день рождества Христова, при ясном солнце зажгла Иоаннову спальню в слободе

Александровской; что близ Москвы слышали ужасный голос: «Бегите, бегите, русские!», что в сем месте упал с неба мраморный гробовый камень с таинственною, неизъяснимою надписью; что изумленный царь сам видел его и велел разбить своим телохранителям. Сказка, достойная суеверного века; но то истина, что Псков или Шуйский спас Россию от величайшей опасности, и память сей важной заслуги не изгладится в нашей истории, доколе мы не утратим любви к отечеству и своего имени.

4 февраля Замойский выступил в Ливонию, чтобы принять от нас ее города и крепости. Сподвижники его, удаляясь с радостию, не хотели смотреть на стены и башни псковские, окруженные могилами их братьев. Только в сей день отворились наконец ворота Ольгина града, где все жители и воины, исполнив долг усердия к отечеству и славно миновав опасности, наслаждались живейшим для человека и гражданина удовольствием. Не таковы были чувства россиян в Ливонии, где они уже давно жительствовали, как в отечестве, имели семейства, домы, храмы, епископию в Дерпте: согласно с договором выезжая оттуда в Новгород и Псков, с женами, с детьми,— в последний раз слыша там благовест православия и моляся господу по обрядам нашей церкви, смиренной, изгоняемой, все горько плакали, а всего более над гробами своих ближних. Около шестисот лет имев Ливонию своим владением,— повелевав ее дикими жителями еще при св. Владимире, строив в ней крепости при Ярославе Великом и в самое цветущее время ордена собирав дань с областей дерптских, Россия торжественно отказалась от сей нашею кровию орошенной земли, надолго, до героя полтавского. Между тем народ, всегда миролюбивый, в Москве и везде благословил конец войны разорительной; но Иоанн насладился ли успокоением робкой души своей? По крайней мере бог не хотел того, избрав сие время для ужасной казни его сердца, жестокого, но еще не совсем окаменелого — еще родительского, не мертвого.

В старшем, любимом сыне своем, Иоанне, царь готовил России *второго себя:* вместе с ним занимаясь делами важными, присутствуя в думе, объезжая государство, вместе с ним и сластолюбствовал и губил людей, как бы для того, чтобы сын не мог стыдить отца и Россия не могла ждать ничего лучшего от наследника. Юный царевич, не быв вдовцом, имел тогда уже третию супругу, Елену Ивановну, роду Шереметевых: две первые — Са-

бурова и Параскева Михайловна Соловая — были пострижены. Своевольно или в угодность родителю меняя жен, он еще менял и наложниц, чтобы во всем ему уподобляться. Но изъявляя страшное в юности ожесточение сердца и необузданность в любострастии, оказывал ум в делах и чувствительность ко славе или хотя к бесславию отечества. Во время переговоров о мире, страдая за Россию, читая горесть и на лицах бояр,— слыша, может быть, и всеобщий ропот,— царевич исполнился ревности благородной, пришел к отцу и требовал, чтобы он послал его с войском изгнать неприятеля, освободить Псков, восстановить честь России. Иоанн в волнении гнева закричал: «Мятежник! Ты вместе с боярами хочешь свергнуть меня с престола!» — и поднял руку. Борис Годунов хотел удержать ее: царь дал ему несколько ран острым жезлом своим и сильно ударил им царевича в голову. Сей несчастный упал, обливаясь кровию. Тут исчезла ярость Иоаннова. Побледнев от ужаса, в трепете, в исступлении он воскликнул: «Я убил сына!» — и кинулся обнимать, целовать его; удерживал кровь, текущую из глубокой язвы; плакал, рыдал, звал лекарей; молил бога о милосердии, сына — о прощении. Но суд небесный совершился!.. Царевич, лобызая руки отца, нежно изъявлял ему любовь и сострадание; убеждал его не предаваться отчаянию; сказал, что умирает верным сыном и подданным... Жил четыре дни и скончался 19 ноября в ужасной слободе Александровской... Там, где столько лет лилася кровь невинных, Иоанн, обагренный сыновнею, в оцепенении сидел неподвижно у трупа, без пищи и сна, несколько дней... 22 ноября вельможи, бояре, князья, все в одежде черной, понесли тело в Москву. Царь шел за гробом до самой церкви св. Михаила Архангела, где указал ему место между памятниками своих предков. Погребение было великолепно и умилительно. Все оплакивали судьбу державного юноши, который мог бы жить для счастия и добродетели, если бы рука отцовская, назло природе, безвременно не ввергнула его и в разврат и в могилу! Человечество торжествовало: оплакивали и самого Иоанна!.. Обнаженный всех знаков царского сана, в ризе печальной, в виде простого, отчаянного грешника, он бился о гроб и землю с воплем пронзительным.

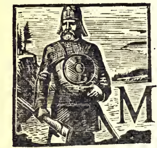
Так правосудие всевышнего мстителя и в сем мире карает иногда исполинов бесчеловечия, более для примера, нежели для их исправления: ибо есть, кажется, предел во зле, за коим уже нет истинного раскаяния; нет свободного, решительного возврата к добру: есть только мука, начало адской, без надежды и перемены сердца. Иоанн стоял уже далеко за сим роковым пределом: исправление *такого* мучителя могло бы соблазнить людей слабых... Несколько времени он тосковал ужасно; не знал мирного сна: ночью, как бы устрашаемый привидениями, вскакивал, падал с ложа, валялся среди комнаты, стенал, вопил; утихал только от изнурения сил; забывался в минутной дремоте на полу, где клали для него тюфяк и изголовье; ждал и боялся утреннего света, боясь видеть людей и явить им на лице своем муку сыноубийцы.

В сем душевном волнении Иоанн призвал знатнейших мужей государственных и сказал торжественно, что ему, столь жестоко наказанному богом, остается кончить дни в уединении монастырском; что меньший его сын, Феодор, не способен управлять Россиею и не мог бы царствовать долго; что бояре должны избрать государя достойного, коему он немедленно вручит державу и сдаст царство. Все изумились: одни верили искренности Иоанновой и были тронуты до глубины сердца; другие опасались коварства, думая, что государь желает только выведать их тайные мысли и что ни им, ни тому, кого они признали бы достойным венца, не миновать лютой казни. Единодушным ответом было: «Не оставляй нас; не хотим царя, кроме богом данного, тебя и твоего сына!» Иоанн как бы невольно согласился носить еще тягость правления; но удалил от глаз своих все предметы величия, богатства и пышности; отвергнул корону и скипетр; облек себя и двор в одежду скорби; служил панихиды и каялся; послал 10 000 рублей в Константинополь, Антиохию, Александрию, Иерусалим, к патриархам, да молятся об успокоении души царевича,— и сам наконец успокоился! Хотя, как пишут, он не переставал оплакивать любимого сына и даже в *веселых* разговорах часто воспоминал об нем со слезами, но, следственно, мог снова *веселиться;* снова, если верить чужеземным историкам, свирепствовал и казнил многих людей воинских, которые будто бы малодушно сдавали крепости Баторию, хотя сами враги наши должны были признать тогда россиян храбрейшими, неодолимыми защитниками городов.

Из главы VI

ПЕРВОЕ ЗАВОЕВАНИЕ СИБИРИ

Разбой казаков.— Ермак.— Поход на Сибирь.— Гнев Иоаннов.— Подвиги Ермаковы.— Битвы.— Ночной совет казаков.— Решительная битва.— Взятие Искера, или города Сибири.— Строгость Ермака.— Пленение царевича Маметкула.— Дальнейшие завоевания.— Посольство в Москву.— Радость в Москве.— Послание рати в Сибирь.— Новые завоевания.— Жалованье царское.— Болезни и голод в Сибири. — Неосторожность казаков.— Осада Искера.— Последние завоевания Ермаковы.— Гибель Ермака.— Изображение героя сибирского.— Казаки оставляют Сибирь.



Мы говорили о происхождении, доброй и худой славе, верности и неверности донских казаков, то честных воинов России, то мятежников, ею не признаваемых за россиян. Гневные отзывы Иоанновы о сей вольнице в письмах к султанам и к ханам таврическим были истиною: ибо казаки действительно, разбивая купцов, даже послов азиатских на пути их в Москву, грабя самую казну государеву, несколько раз заслуживали опалу; несколько раз высылались дружины воинские на берега Дона и Волги, чтобы истребить сих хищников: так, в 1577 году стольник Иван Мурашкин, предводительствуя сильным отрядом, многих из них взял и казнил; но другие не смирились: уходили на время в пустыни, снова являлись и злодействовали на всех дорогах, на всех перевозах; в быстром набеге взяли даже столицу ногайскую, город Сарайчик, не оставили там камня на камне и вышли с знатною добычею, раскопав самые могилы, обнажив мертвых. К числу буйных атаманов волжских принадлежали тогда Ермак (Герман) Тимофеев, Иван Кольцо, осужденный государем на смерть, Яков Михайлов, Никита Пан, Матвей Мещеряк, известные удальством редким: слыша, как они ужасают своею дерзостию не только мирных путешественников, но и все окрестные улусы кочевых народов, умные Строгановы предложили сим пяти храбрецам службу честную; послали к ним дары, написали грамоту ласковую (6 апреля 1579 года), убеждали их отвергнуть ремесло, недостойное христианских витязей, быть не разбойниками, а воинами *царя белого,* искать опасностей не бесславных, примириться с богом и с Россиею; сказали: «Имеем крепости и земли, но мало дружины: идите к нам оборонять великую Пермь и восточный край христианства». Ермак

с товарищами прослезился от умиления, как пишут: мысль свергнуть с себя опалу делами честными, заслугою государственною и променять имя смелых грабителей на имя добрых воинов отечества тронула сердца грубые, но еще не лишенные угрызений совести. Они подняли знамя на берегу Волги: кликнули дружину, собрали 540 отважных бойцов и (21 июня) прибыли к Строгановым — «с радостию и на радость», говорит летописец. «Чего хотели одни, что обещали другие, то исполнилось: атаманы стали грудью за область христианскую. Неверные трепетали; где показывались, там гибли». И действительно (22 июля 1581 года), усердные казаки разбили наголову мурзу Бегулия, дерзнувшего с семьюстами вогуличей и остяков грабить селения на Сылве и Чусовой; взяли его в плен и смирили вогуличей. Сей успех был началом важнейших.

Призывая донских атаманов, Строгановы имели в виду не одну защиту городов своих: испытав бодрость, мужество и верность казаков; узнав разум, великую отвагу, решительность их главного вождя, Ермака Тимофеева, *родом неизвестного, душою знаменитого,* как сказано в летописи; составив еще особенную дружину из русских, татар, литвы, немцев, искупленных ими из неволи у ногаев (которые, служа в войнах Иоанну, возвращались обыкновенно в улусы свои с пленниками); добыв оружия, изготовив все нужные запасы, Строгановы объявили поход, Ермака — воеводою и Сибирь — целию. Ратников было 840, одушевленных ревностию и веселием: кто хотел чести, кто добычи; донцы надеялись заслужить милость государеву, а немецкие и литовские пленники — свободу: Сибирь казалась им путем в любезное отечество! Воевода устроил войско; сверх атаманов, избрал есаулов, сотников, пятидесятников: главным под ним был неустрашимый Иван Кольцо. Нагрузив ладии запасами и снарядами, легкими пушками, *семипядными* пищалями; взяв вожатых, толмачей, иереев; отпев молебен; выслушав последний наказ Строгановых: «Иди с миром очистить землю Сибирскую и выгнать безбожного салтана Кучюма», Ермак, *с обетом доблести и целомудрия,* при звуке труб воинских, 1 сентября 1581 года отплыл рекою Чусовою к горам Уральским, на подвиг славы, без всякого содействия, даже без ведома государева: ибо Строгановы, имея Иоаннову жалованную грамоту на места за Каменным Поясом, думали, что им уже нет надобности требовать нового царского указа для их великого предприятия. Не так мыслил Иоанн, как увидим.

В то самое время, когда российский Пизарро, не менее испанского грозный для диких народов, менее ужасный для человечества, шел воевать Кучюмову державу, князь Пелымский с вогуличами, остяками, сибирскими татарами и башкирцами нечаянно напал на берега Камы, выжег, истребил селения близ Чердыни, Усолья и новых крепостей строгановских; умертвил, пленил множество христиан. Защитников не было; но, сведав о походе казаков в Сибирь, он спешил удалиться для защиты собственных владений. Сей разбой поставили в вину Строгановым: Иоанн писал к ним, что они, как доносил ему чердынский наместник, Василий Пелепелицын, не умеют или не хотят оберегать границы; *самовольно* призвали опальных казаков, известных злодеев, и послали их воевать Сибирь, раздражая тем и князя Пелымского и салтана Кучюма; что такое дело есть измена, достойная казни. «Приказываю вам (писал он далее) немедленно выслать Ермака с товарищами в Пермь и в Усолье Камское, где им должно *покрыть* вины свои совершенным усмирением остяков и вогуличей; а для безопасности ваших городков можете оставить у себя казаков сто, не более. Если же не исполните нашего указа; если впредь что-нибудь случится над Пермскою землею от Пелымского князя и Сибирского салтана: то возложим на вас *большую опалу,* а казаков-изменников велим перевешать». Сей гневный указ испугал Строгановых; но блестящий, неожиданный успех оправдал их дело, и гнев Иоаннов переменился в милость.

Начиная описание Ермаковых подвигов, скажем, что они, как все необыкновенное, чрезвычайное, сильно действуя на воображение людей, произвели многие басни, которые смешались в преданиях с истиною и под именем летописаний обманывали самых историков. Так, например, сотни Ермаковых воинов, подобно Кортецовым или Пизарровым, обратились в тысячи, месяцы действия — в годы, плавание трудное — в чудесное. Оставляя баснословие, следуем в важнейших обстоятельствах грамотам и достовернейшему современному повествованию о сем завоевании любопытном, действительно удивительном, если и не чудесном.

Атаманы плыли четыре дни вверх по реке Чусовой, быстрой, каменистой, опасной, до хребта Уральского и между горами, под сению их скал навислых; два дни — рекою Серебряною, и достигли ею так называемого *пути Сибирского;* остановились и, не зная, что ожидало их впереди, для своей безопасности сделали земляное

укрепление, дав ему имя *Кокуя-городка;* видели только пустыни или малочисленных жителей мирных и через волок перевезлися оттуда до реки Жаравли. Сии места еще и ныне ознаменованы памятниками Ермака: скалы, пещеры, следы укреплений называются его именем; ладии тяжелые, оставленные им между Серебряною и Баранчою, еще не совсем истлели, как уверяют, и над их гниющими днами растут высокие деревья.— Жаравлею и Тагилом вошли атаманы в реку Туру, уже в область Сибирского царства, где в первый раз обнажили меч завоевания. На месте нынешнего Туринска стоял городок князя Епанчи, который, повелевая многими татарами и вогуличами, встретил смелых пришельцев тучею стрел с берега (где теперь село Усениново), но бежал, устрашенный громом пушек. Ермак велел разорить сей городок; осталось только имя: ибо жители доныне называют Туринск Епанчином. Опустошив улусы и селения вниз по Туре, атаманы на устье Тавды взяли в плен Кучюмова сановника Таузака, который, искренностию спасая жизнь, сообщил им все нужные для них сведения о земле своей и, будучи за то освобожден, известил ее царя, что предсказание сибирских волхвов сбывается, ибо сии кудесники уже давно, как пишут, вопили на стогнах о неминуемом скором падении его державы от нашествия христиан. Таузак описывал казаков людьми чудесными, воинами неодолимыми, *стреляющими огнем и громом смертоносным* навылет сквозь латы. Но Кучюм, лишенный зрения, имел душу твердую: решился стать мужественно за царство и веру; собрал войско из всех улусов, выслал племянника Маметкула в поле со многочисленною конницею, а сам укрепился в засеке, на Иртыше, под горою Чувашьею, преграждая атаманам путь к Искеру.

Завоевание Сибири во многих отношениях сходствует с завоеванием Мексики и Перу: так же горсть людей, стреляя огнем, побеждала тысячи, вооруженные стрелами и копьями: ибо северные моголы и татары не умели воспользоваться изобретением пороха и в конце XVI века действовали единственно оружием времен Чингисовых. Каждый богатырь Ермаков шел на толпу неприятелей, смертоносною пулею убивал одного, а страшным звуком пищали своей разгонял двадцать и тридцать. Так, в первой битве на берегу Тобола, в урочище Бабасане, Ермак, стоя в окопе, несколькими залпами остановил стремление десяти или более тысяч всадников Маметкуловых, которые неслися во весь дух потоптать его: он сам уда-

рил на них, и довершив победу, открыл себе путь к устью Тобола, хотя и не совсем безопасный: ибо жители, заняв крутый берег сей реки, называемый *долгим Яром*, стрелами осыпали ладии казаков. Второе, менее важное, дело было в шестнадцати верстах от Иртыша, где властвовал улусный князь, царский думный советник Карача, на берегах озера, и теперь именуемого *Карачинским:* Ермак взял его улус и в нем богатую добычу, запасы и множество кадей царского меду. Третия битва, на Иртыше, жаркая, упорная, стоила жизни некоторому числу Ермаковых сподвижников, доказав, что независимость отечества мила и варварам: сибирские защитники изъявили неустрашимость и твердость; ввечеру уступили россиянам победу, но только до нового кровопролития, имея еще и доблесть и надежду. Слепый Кучюм вышел из укреплений и стал на горе Чувашьей: Маметкул расположился в засеке, и казаки, в тот же вечер заняв городок Атик-Мурзы, не смыкали глаз ночью, опасаясь нападения.

Уже число Ермаковой дружины уменьшилось заметно; кроме убитых, многие были ранены; многие лишились сил и бодрости от трудов непрестанных. В сию ночь атаманы советовались с товарищами, что делать,— и голос слабых раздался. «Мы удовлетворили мести,— сказали они,— время идти назад. Всякая новая битва для нас опасна: ибо скоро некому будет побеждать». Но атаманы ответствовали: «Нет, братья: нам путь только вперед! Уже реки покрываются льдом: обратив тыл, замерзнем в глубоких снегах; а если и достигнем Руси, то с пятном клятвопреступников, обещав смирить Кучюма или великодушною смертию загладить наши вины пред государем. Мы долго жили худою славою: умрем же с доброю! Бог дает победу, кому хочет: нередко слабым мимо сильных, да святится имя его!» Дружина сказала: «Аминь!» — и с первыми лучами солнца, 23 октября, устремилась к засеке, воскликнув: «С нами бог!» Неприятель сыпал стрелы, язвил казаков и, в трех местах сам разломав засеку, кинулся в бой рукопашный, безвыгодный для Ермаковых малочисленных витязей; действовали сабли и копья: люди падали с обеих сторон; но казаки, немецкие и литовские воины стояли единодушнее, крепкою стеною — успевали заряжать пищали и беглым огнем редили толпы неприятельские, гоня их к засеке. Ермак, Иван Кольцо мужествовали впереди, повторяя громкое восклицание: «С нами бог!», а слепый Кучюм, стоя на горе с иманами, с муллами своими, кликал Ма-

гомета для спасения правоверных. К счастию россиян, к ужасу неприятелей, раненый Маметкул должен был оставить сечу: мурзы увезли его в ладии на другую сторону Иртыша, и войско без предводителя отчаялось в победе: князья остяцкие дали тыл; бежали и татары. Слыша, что знамена христианские уже развеваются на засеке, Кучюм искал безопасности в степях Ишимских, успев взять только часть казны своей в сибирской столице. Сия главная, кровопролитнейшая битва, в коей пало 107 добрых казаков, доныне поминаемых в соборной Тобольской церкви, решила господство России от Каменного хребта до Оби и Тобола.

26 октября Ермак, уже знаменитый для истории, отпев молебен, торжественно вступил в Искер, или в город Сибирь, который стоял на высоком берегу Иртыша, укрепленный с одной стороны крутизною, глубоким оврагом, а с другой — тройным валом и рвом. Там победители нашли великое богатство, если верить летописцу: множество золота и серебра, азиатских парчей, драгоценных камней, мехов, и всё братски разделили между собою. Город был пуст: овладев царством, наши витязи еще не видали в нем людей; имея золото и соболей, не имели пищи: но 30 октября явились к ним остяки с князем своим Боаром, с дарами и запасами; клялися в верности, требовали милосердия и покровительства. Скоро явилось и множество татар с женами и с детьми, коих Ермак обласкал, успокоил и всех отпустил в их прежние юрты, обложив легкою данию. Сей бывший атаман разбойников, оказав себя героем неустрашимым, вождем искусным, оказал необыкновенный разум и в земских учреждениях и в соблюдении воинской подчиненности, вселив в людей грубых, диких доверенность к новой власти и строгостию усмиряя своих буйных сподвижников, которые, преодолев столько опасностей, в земле, завоеванной ими, *на краю света,* не смели тронуть ни волоса у мирных жителей. Пишут, что грозный, неумолимый Ермак, жалея воинов христианских в битве, не жалел их в случае преступления и казнил за всякое ослушание, за всякое *дело студное:* ибо требовал от дружины не только повиновения, но и чистоты душевной, чтобы угодить вместе и царю земному и царю небесному; он думал, что бог даст ему победу скорее с малым числом добродетельных воинов, нежели с большим закоснелых грешников, и казаки его, по сказанию тобольского летописца, и в пути и в столице сибирской вели жизнь

целомудренную: сражались и молились! Еще опасности не миновали.

Прошло несколько времени: не имея слуха о Кучюме, атаманы без опасения занимались ловлею в окрестностях города. Но Кучюм был недалеко: племянник его Маметкул, несмотря на язву свою, уже бодрствовал в поле и, 5 декабря незапно ударив на 20 россиян, которые ловили рыбу в озере Абалацком, умертвил всех до единого. Сведав о том, Ермак устремился за неприятелем: настиг его близ Абалака (где селение Шамшинские Юрты), разбил, рассеял; взял тела своих убитых и с честию предал земле на Саусканском мысу, близ Искера, где было древнее ханское кладбище.— Чрезвычайный холод, опасные вьюги и краткость зимних дней в сих странах полунощных не дозволяли ему мыслить о новых, важных предприятиях до весны. Между тем владения казаков распространились мирным подданством двух князей вогульских, Ишбердея и Суклема: первый господствовал за Эскальбинскими болотами, на берегах Конды или Тавды, а второй — в окрестностях Тобола; оба вызвались добровольно платить ясак, или дань, соболями и присягнули России в верности, которою Ишбердей приобрел особенную любовь казаков, служа им добрым советником и путеводителем в местах незнаемых. Таким образом, дела внутреннего управления, собирание дани, звериная и рыбная ловля, нужная для продовольствия в земле бесхлебной, занимали Ермака до апреля месяца, когда один мурза известил его, что дерзкий Маметкул снова приближился к Иртышу и кочует на Вагае с малочисленною толпою: требовалось скорости и тайны более, нежели силы, чтобы истребить сего врага неутомимого; атаманы выбрали только 60 удальцов, которые ночью подкрались к Маметкулову стану, напали врасплох, умертвили многих сонных татар, взяли самого царевича живого и привели с торжеством в Искер, к великой радости Ермака: ибо он сим счастливым пленом избавился от смелого, мужественного неприятеля и мог им воспользоваться как важным залогом в случае войны или мира с изгнанником Кучюмом; видел Маметкула, обагренного кровию своих братьев, но не думал о мести личной: ласкал и честил его под крепкою стражею. Уже имея лазутчиков и в отдаленных местах, Ермак в то же время узнал, что Кучюм, сраженный вестию о несчастии Маметкула, скитается в пустынях за Ишимом; что юный сын убитого им князя сибирского, Бекбулата, Сейдек, увезенный в Бухарию

слугами отца своего, возмужав летами и духом, идет на сего царя-хищника с шайками узбеков и что вельможа Карача изменил ему в бедствии: оставил Кучюма, увел многих людей с собою и расположился кочевать в *Лымской* земле, на большом озере, выше устья Тары, впадающей в Иртыш, близ реки Осмы. Сие достоверное известие о бессилии главного злобного врага и наступление весны благоприятствовали новым подвигам знаменитого атамана.

Оставив в Искере часть дружины, Ермак с казаками поплыл Иртышом к северу. Уже ближайшие улусы признавали власть его; он шел мирно до устья Аримдзянки, где татары, еще независимые, засели в крепости и не хотели сдаться: взяв ее приступом, атаманы велели расстрелять или повесить главных виновников сего опасного упорства. Все иные жители, смиренные ужасом, клялися быть подданными России, целуя омоченную кровию саблю. Нынешние волости Нацинская, Карбинская, Туртасская не смели противиться. Далее начинались юрты остяков и кондинских вогуличей: там, на высоком берегу Иртыша, князь их Демьян, имея крепость и в ней две тысячи воинов, готовых к битве, отвергнул все предложения Ермаковы. Летописец рассказывает, что в сем городке был золотой кумир, будто бы вывезенный из древней России во время ее крещения; что остяки держали его в чаше, пили из нее воду и тем укреплялись в мужестве; что атаманы, стрельбою изгнав осажденных, вступили в город, но не могли найти в нем драгоценного идола.— Далее, плывя Иртышом, завоеватели увидели толпу кудесников, приносящих жертву славному кумиру Раче, с молением, да спасет их от страшных пришельцев. Идол безмолвствовал, россияне шли с своим *громом,* и кудесники бежали в темноту лесов. На сем месте ныне селение *Рачевые* Юрты, ниже *Демьянского* Яма.— Далее, в Цынгальской волости, где Иртыш, стесняемый горами, имеет узкое и быстрое течение, собралося множество вооруженных людей: один выстрел рассеял их, и казаки овладели городком Нарымским, где были только жены с детьми, в страхе, в ожидании смерти; но Ермак обошелся с ними столь ласково, что отцы и мужья не замедлили прийти к нему с данию. Покорив волость Тарханскую, атаманы вступили в страну знатнейшего князя остяцкого Самара, который соединился с другими осьмью князьками и ждал россиян для битвы, чтобы решить судьбу всей древней земли Югорской. Хваляся мужеством и силою, Самар забыл

осторожность: спал крепким сном вместе с войском и стражею, когда атаманы в час рассвета ударили на его стан: пробужденный шумом, он схватил оружие и пал мертвый от первой пули; войско разбежалось, а жители обязалися платить ясак России.— Уже Ермак достиг славной Оби, коей течение известно было и древним новогородцам, но устье и вершина, по выражению московских путешественников 1567 года, таились во мраке отдаления. Завоевав еще главный остяцкий город Назым и многие иные крепости на берегах ее, пленив их князя и горестно оплакав кончину храброго сподвижника, атамана Никиту Пана, убитого на приступе вместе с некоторыми из лучших казаков, Ермак не хотел идти далее: ибо видел пред собою одни хладные пустыни, где мшистая кора болот и летом едва теплеет от жарких лучей солнца и где, среди мерзлых тундр, усеянных мамонтовыми костями, представляется глазам образ ужасного кладбища природы. Поставив князя остяцкого Алача главою над Обскими Юртами, Ермак тем же путем возвратился в сибирскую столицу, честимый своими данниками как победитель и владыка; везде, с изъявлениями раболепства, встречали, провожали его как мужа грозы и доблести сверхъестественной. Казаки плыли с воинскою музыкою и выходили на берег всегда в своих праздничных кафтанах, чтобы удивлять жителей пышностию и богатством. От пределов березовских до Тобола утвердив господство России, Ермак благополучно возвратился в Искер, тихий и спокойный.

Тогда единственно, по сказанию летописца, сей витязь счастливый дал знать Строгановым, что бог помог ему одолеть салтана, взять его столицу, землю и царевича, а с народов— присягу в верности; написал и к Иоанну, что его бедные, опальные казаки, угрызаемые совестию, исполненные раскаяния, шли на смерть и присоединили знаменитую державу к России, во имя Христа и великого государя, *на веки веков, доколе всевышний благоволит стоять миру;* что они ждут указа и воевод его: сдадут им царство Сибирское и без всяких условий, готовые умереть или в новых подвигах чести, или на плахе, как будет угодно ему и богу. С сею грамотою поехал в Москву второй атаман, первый сподвижник Ермака Тимофеева, первый с ним в думе и в сечах, Иван Кольцо, не боясь своего торжественного осуждения на лютую казнь преступника.

Здесь предупредим вопрос читателя: столь поздно известив Строгановых о своем успехе, не думал ли

Ермак, обольщенный легким завоеванием Сибири (как угадывали некоторые историки), властвовать там независимо? Не для того ли наконец обратился к Иоанну, что увидел необходимость требовать его вспоможения, ежедневно слабея в силах, хотя и побеждая? Но мог ли умный атаман и с самого начала не предвидеть, что горсть смельчаков, оставленных Россиею, года в два или в три исчезла бы в битвах или от болезней сурового климата, среди пустынь и лесов, служащих вместо крепостей для диких, свирепых жителей, которые платили дань пришельцам единственно под угрозою меча или выстрела? Гораздо вероятнее, что летописец, не быв очевидцем деяний, означает их порядок наугад; или Ермак опасался безвременно хвалиться в России успехом: хотел прежде довершить завоевание, и довершил, по его мнению, загнав Кучюма в дальние степи и водрузив межевый столп государства Московского на берегу Оби.

Восхищенные вестию атаманов, Строгановы спешили в Москву, донесли государю о всех подробностях и молили его утвердить Сибирь за Россиею: ибо они, как частные люди, не имели способов удержать столь обширное завоевание. Явились и послы Ермаковы, атаман Кольцо с товарищами *бить челом Иоанну царством Сибирским,* драгоценными соболями, черными лисицами и бобрами. Давно, как пишут, не бывало такого веселия в Москве унылой: государь и народ *воспрянули духом.* Слова: «Новое царство послал бог России!» — с живейшею радостию повторялись во дворце и на Красной площади. Звонили в колокола, пели молебны благодарственные, как в счастливые времена Иоанновой юности, завоеваний казанского и астраханского. Молва увеличивала славу подвига: говорили о бесчисленных воинствах, разбитых казаками; о множестве народов, ими покоренных; о несметном богатстве, ими найденном. Казалось, что Сибирь упала тогда с неба для россиян: забыли ее давнишнюю известность и самое подданство, чтобы тем более славить Ермака. Опала сделалась честию: оглашенный преступник Иван Кольцо, смиренно наклоняя повинную свою голову пред царем и боярами, слышал милость, хвалу, имя доброго витязя и с слезами лобызал руку Иоаннову. Государь жаловал его и других сибирских послов деньгами, сукнами, камками; немедленно отрядил воеводу, князя Семена Дмитриевича Болховского, чиновника Ивана Глухова и 500 стрельцов к Ермаку; дозволил Ивану Кольцу на возвратном пути искать охотников для переселения в новый край Тоболь-

ский и велел епископу Вологодскому отправить туда десять священников с их семействами для христианского богослужения. Весною князь Болховский должен был взять ладии у Строгановых и плыть рекою Чусовою по следам сибирского героя. Сии усердные, знаменитые граждане, истинные виновники столь важного приобретения для России, уступив оное государству, не остались без возмездия: Иоанн за их *службу и радение* пожаловал Семену Строганову два местечка, Большую и Малую Соль, на Волге, а Максиму и Никите — право торговать во всех своих городках беспошлинно.

Между тем завоеватели сибирские не праздно ждали добрых вестей из России: ходили рекою Тавдою в землю вогуличей.— Близ устья сей реки господствовали князья татарские, Лабутан и Печенег, разбитые Ермаком в деле кровопролитном, на берегу озера, где, как уверяет повествователь, и в его время еще лежало множество костей человеческих. Но робкие вогуличи Кошуцкой и Табаринской волости мирно дали ясак атаманам. Сии тихие дикари жили в совершенной независимости; не имели ни князей, ни властителей; уважали только людей богатых и разумных, требуя от них суда в тяжбах или ссорах; не менее уважали и мнимых волхвов, из коих один, с благоговением взирая на Ермака, будто бы предсказал ему долговременную славу, но умолчал о близкой его смерти. Здесь баснословие изобрело еще гигантов между карлами вогульскими (ибо жители сей печальной земли не бывают ни в два аршина ростом): пишут, что россияне близ городка Табаринского с изумлением увидели великана в две сажени вышиною, который хватал рукою и давил вдруг человек по десяти или более; что они не могли взять его живого и застрелили! Вообще известие о сем походе не весьма достоверно, находясь только в прибавлении к сибирской летописи. Там сказано далее, что Ермак, достигнув болот и лесов Пелымских, рассеяв толпы вогуличей и взяв пленников, старался узнать от них о пути с берегов Верхней Тавды через Каменный Пояс в Пермь, дабы открыть новое сообщение с Россиею, менее опасное или трудное, но не мог проложить сей дороги в пустынях грязных и топких летом, а зимою засыпаемых глубокими снегами. Умножив число данников, расширив свои владения в древней земле Югорской до реки Сосвы и включив в их пределы страну *Кондинскую,* дотоле малоизвестную, хотя уже и давно именуемую в титуле московских самодержцев, Ер-

мак возвратился в сибирскую столицу принять за славные труды отличную награду.

Иван Кольцо прибыл в Искер с государевым жалованьем, князь Болховский — с людьми воинскими. Первый вручил атаманам и рядовым богатые дары, а вождю их — две брони, серебряный кубок и шубу с плеча царского. Иоанн в ласковой грамоте объявил казакам вечное забвение старых вин и вечную благодарность России за важную услугу; назвал Ермака (так пишут) *князем сибирским;* велел ему распоряжать и начальствовать, как было дотоле, чтобы утвердить порядок в земле и верховную государеву власть над нею. Казаки же честили Иоаннова воеводу и всех стрельцов, дарили соболями, угощали со всею возможною роскошью, готовясь с ними к дальнейшим предприятиям.— Сие счастие Ермаково и сподвижников его не продолжилось: начинаются их бедствия.

Во-первых, открылась жестокая цинга, болезнь обыкновенная для новых пришельцев в климатах сырых, холодных, в местах еще диких, малонаселенных: занемогли стрельцы, от них и казаки; многие лишились сил, многие и жизни. Во-вторых, оказался зимою недостаток в съестных припасах: страшные морозы, вьюги, метели, препятствуя казакам ловить зверей и рыбу, мешали и доставлению хлеба из соседственных юртов, где некоторые жители занимались скудным землепашеством. Сделался голод: болезнь еще усилилась: люди гибли ежедневно, а в числе многих других умер и сам воевода Иоаннов, князь Болховский, с честию и слезами схороненный в Искере. Общее уныние коснулось и Ермакова сердца: давно не боясь смерти, он боялся утратить завоевание, обмануть надежду царя и России.— Сие бедствие миновало весною: теплота воздуха способствовала излечению больных, и подвозы доставили россиянам изобилие. Тогда Ермак, исполняя указ Иоаннов, отправил в Москву царевича Маметкула, написав к государю, что все опять благополучно в его Сибири, но моля о сильнейшем, немедленном вспоможении, дабы удержать взятое и взять еще более.— Сей пленный царевич, верный блюститель Магометова закона, служил после в наших ратях.

Лишась, может быть, половины воинов от заразы и голода, Ермак претерпел еще знатную убыль в силах от легковерия и неосторожности. Мурза, или князь, Карача, оставив царя своего в несгоде, имел на Таре улус многолюдный, лазутчиков — в Искере, друзей и едино-

мышленников — во всех окрестных юртах; хотел быть избавителем отечества; ждал времени и между тем коварно ласкал россиян: прислал к ним дары, требовал их защиты, будто бы угрожаемый ногаями; клялся в верности и так обольстил Ермака, что он послал к нему сорок добрых воинов с атаманом Иваном Кольцом. Сия горсть людей отважных могла бы двумя или тремя залпами разогнать тысячи дикарей; но, влекомые судьбою на гибель, казаки шли к мнимым друзьям без всякого опасения и мирно стали под нож убийц: первый герой Ермаков и воины его, львы в сечах, пали, как агнцы, в Тарском улусе!.. Следствием были мятеж и бунт всех наших данников: татары, остяки сибирские восстали на россиян, убили в разъезде атамана Якова Михайлова, соединились в поле с Карачею и стали необозримыми обозами вокруг Искера, где Ермак увидел себя в тесной осаде: завоевания его, царство и подданные вдруг исчезли; несколько саженей деревянной стены с земляными укреплениями составляли единственное владение казаков! Ермак мог делать вылазки, но жалел своих людей малочисленных; стрелял, но бесполезно, имея только легкие пушки: ибо неприятель стоял далеко и не хотел приступать к стенам, в надежде взять крепость голодом, действительно неминуемым для ее защитников, если бы осада продолжилась. В сей крайности решились казаки на дело отчаянное: 12 июня, ночью, с атаманом Матвеем Мещеряком, оставив Ермака блюсти крепость, прокрались сквозь обозы неприятельские к месту, называемому Саусканом, где был стан Карачи, в нескольких верстах от города, и кинулись на сонных татар: умертвили их множество и двух сыновей Карачиных, гнали бегущих во все стороны, плавали в крови неверных. Сам князь, или мурза, ушел за озеро только с малым числом людей. Хотя утренний свет ободрил неприятелей; хотя они, приспев из других станов, удержали беглецов, сомкнулись и вступили в бой: но казаки, засев в обозе княжеском, сильною ружейною стрельбою отразили все нападения и в полдень с торжеством возвратились в город, ими освобожденный: ибо Карача, в ужасе немедленно сняв осаду, бежал за Ишим; а селения и юрты окрестные все снова поддалися россиянам. Еще судьба благоприятствовала героям!

В страх неприятелю и для своей будущей безопасности Ермак, хотя уже и слабый числом людей, предпринял идти вслед за Карачею вверх Иртышом, чтобы распространить на восток владения России. Он победил

князя Бегиша и взял городок его (коего остатки еще видны на берегу излучистого озера, далее устья Вагайского); завоевал все места до Ишима, местию ужасая непокорных, милуя безоружных. В Саргацкой волости жил тогда какой-то знаменитый старейшина, наследственный главный судия всех улусов татарских от времен первого хана сибирского, и князь Еличай в городке Тебенде: оба изъявили смирение; а князь вместе с данию представил Ермаку и юную дочь, невесту сына Кучюмова; но целомудренный атаман велел ей удалиться с ее прелестями опасными и с невинностию, как говорит летописец. Близ устья ишимского в кровопролитной схватке с жителями, бедными и свирепыми, Ермак лишился пяти мужественных казаков, доныне воспеваемых в унылых сибирских песнях; взял еще городок Ташаткан, но не хотел упорно приступать к важнейшей крепости, основанной царем Кучюмом на берегу озера Аусаклу; достигнул реки Шиша, где начинаются голые степи, и, распорядив дань в сем новом завоевании, возвратился в Искер с трофеями, уже последними!

Около двух лет господствуя в Сибири, казаки успели завести торговлю с самыми отдаленными азиатскими странами, издревле славными богатством и купечеством. Уже караваны бухарские ходили к ним мимо Арала, сквозь степи киргиз-кайсаков, путем, без сомнения, давно проложенным (может быть, еще во времена Чингисовы или его наследников), оживляя пустынную сибирскую столицу зрелищем деятельной ярмонки и доставляя там россиянам, в обмен на мягкую рухлядь, плоды восточного ремесла, нужные или приятные для воинов, которые не берегли жизни, но любили наслаждаться ею. Ожидая тогда купцов бухарских и сведав, что изгнанник Кучюм не дает им дороги в степи Вагайской, где он снова дерзнул явиться, пылкий Ермак с пятьюдесятью казаками спешил их встретить: искал целый день, не видал ни каравана, ни следов неприятеля и на возвратном пути расположился ночевать в шатрах, оставив лодки свои у берега, близ Вагайского устья, где Иртыш, делясь надвое, течет весьма кривою излучиною к востоку и прямым искусственным каналом, называемым *Ермаковою перекопью,* но вырытым, как надобно думать, в древнейшие времена, ибо гладкие берега его не представляют уже ни малейших следов копания. Там же, к югу от реки, среди низкого луга, возвышается холм, насыпанный, по общему преданию, руками девичьими для жилища царского. Между сими памятниками какого-то забы-

того века надлежало погибнуть новому завоевателю Сибири, с коего начинается ее несомнительная история,— погибнуть от своей оплошности, изъясняемой единственно неодолимым действием рока. Ермак знал о близости врага и, как бы утомленный жизнию, погрузился в глубокий сон с своими удалыми витязями, без наблюдения, без стражи. Лил сильный дождь; река и ветер шумели, тем более усыпляя казаков; а неприятель бодрствовал на другой стороне реки: его лазутчики сыскали брод, тихо приближились к стану Ермакову, видели сонных, взяли у них три пищали с лядунками и представили своему царю в удостоверение, что можно наконец истребить непобедимых. *Заиграло Кучюмово сердце,* как сказано в летописи: он напал на россиян полумертвых (в ночи 5 августа) и всех перерезал, кроме двух: один бежал в Искер; другой, сам Ермак, пробужденный звуком мечей и стоном издыхающих, воспрянул... увидел гибель, махом сабли еще отразил убийц, кинулся в бурный глубокий Иртыш и, не доплыв до своих лодок, утонул, отягченный железною бронею, данною ему Иоанном... Конец, горький для завоевателя: ибо, лишаясь жизни, он мог думать, что лишается и славы!.. Нет, волны Иртыша не поглотили ее: Россия, история и церковь гласят Ермаку вечную память!

Сей герой — ибо отечество благодарное давно изгладило имя разбойника пред Ермаковым,— сей герой погиб безвременно, но совершив главное дело: ибо Кучюм, зарезав 49 сонных казаков, уже не мог отнять сибирского царства у великой державы, которая единожды навсегда признала оное своим достоянием. Ни современники, ни потомство не думали отнимать у Ермака полной чести сего завоевания, величая доблесть его не только в летописаниях, но и в святых храмах, где мы еще и ныне торжественно молимся за него и за дружину храбрых, которые вместе с ним пали на берегах Иртыша. Там имя сего витязя живет и в названии мест и в преданиях изустных; там самые бедные жилища украшаются изображением *атамана-князя.* Он был видом благороден сановит, росту среднего, крепок мышцами, широк плечами; имел лицо плоское, но приятное, бороду черную, волосы темные, кудрявые, глаза светлые, быстрые, зерцало души пылкой, сильной, ума проницательного.— Тело Ермаково (13 августа) приплыло к селению Епанчинским Юртам, в 12 верстах от Абалака, где татарин Яниш, внук князька Бегиша, ловя рыбу, увидел в реке ноги человеческие, петлею вытащил мертвого, узнал его по же-

лезным латам с медною оправою, с золотым орлом на груди, и созвал всех жителей деревни видеть исполина бездушного. Пишут, что один мурза, именем Кандаул, хотел снять броню с мертвого и что из тела, уже оцепенелого, вдруг хлынула свежая кровь; что злобные татары, положив оное на рундук, пускали в него стрелы; что сие продолжалось шесть недель; что царь Кучюм и самые отдаленные князья остяцкие съехались туда наслаждаться местию; что, к удивлению их, плотоядные птицы, стаями летая над трупом, не смели его коснуться; что страшные видения и сны заставили неверных схоронить мертвеца на Бегишевском кладбище, под кудрявою сосною; что они, в честь ему изжарив и съев 30 быков в день погребения, отдали верхнюю кольчугу Ермакову жрецам славного белогорского идола, нижнюю — мурзе Кандаулу, кафтан — князю Сейдеку, а саблю с поясом — мурзе Караче; что многие чудеса совершались над Ермаковою могилою, сиял яркий свет и пылал столп огненный; что духовенство магометанское, испуганное их действием, нашло способ скрыть сію могилу, ныне никому не известную; что сотник Ульян Ремезов в 1650 году узнал все обстоятельства Ермаковых дел и смерти от таиши калмыцкого Аблая, ревностно желавшего иметь и наконец доставшего броню Ермакову от потомков Кандауловых.

Весть о гибели вождя привела в неописанный ужас россиян в Сибири: их было около ста пятидесяти, казаков и воинов московских, вместе с остатками иноземной строгановской дружины, под главным начальством атамана Матвея Мещеряка. С Ермаком все для них кончилось: и смелость великодушная и надежда. Опасаясь Кучюма, Сейдека, Карачи, жителей, голода, они решились идти назад в Россию и вышли (15 августа) из сибирской столицы с горькими слезами, покидая в ней гробы братьев и знамения христианства, теряя все плоды своих трудов кровавых, видя между собою и святою Русью еще пустыни необозримые, опасности, битвы и, может быть, смерть безвестную. Сии уже не гордые завоеватели, а бедные изгнанники поплыли вверх Тобола, к великой радости Кучюма и всех жителей: ибо и дикие не любят господ чужеземных. Убив Ермака, Кучюм не дерзнул приступить к Искеру; сведав о бегстве казаков, все еще для него страшных, непобедимых, и в крепости и в ладиях громоносных, не мыслил тревожить их плавания, и вслед за сыном своим, Алеем, вошел в пустой город сибирский снова царствовать и снова лишиться царства...

Там не осталось россиян: остались их прах и могилы: они звали мстителей; тени Ермака и его усопших сподвижников манили россиян довершить легкое завоевание края неизмеримого, от Каменного пояса до Северной Америки и Восточного океана, где в течение веков надлежало сойтися пределам нашего отечества с пределами испанских владений; где ожидали нас не только богатые рудники, драгоценные плоды звероловства, выгодная мена китайская, но и слава мирного гражданского образования диких народов и счастливый способ искоренять преступления людей без душегубства, оставлять жизнь и злодеям, безвредно и еще не бескорыстно для государства населять ими пустыни — их руками, от уз свободными, извлекать сокровища из недр земли и нередко исправлять сих злосчастных, к утешению человечества.

Из главы VII

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИОАННА ГРОЗНОГО

1582—1584

Болезнь и кончина Иоаннова.— Сравнение Иоанна с другими мучителями.— Польза истории.— Смесь добра и зла в Иоанне.— Иоанн — образователь государственный и законодавец... — Строение городов.—Состояние Москвы.—Торговля.— Роскошь и пышность. — Слава Иоаннова.

Приступаем к описанию часа торжественного, великого... Мы видели жизнь Иоаннову: увидим конец ее, равно удивительный, желанный для человечества, но страшный для воображения: ибо тиран умер, как жил,— губя людей, хотя в современных преданиях и не именуются его последние жертвы. Можно ли верить бессмертию и не ужаснуться *такой* смерти?.. Сей грозный час, давно предсказанный Иоанну и совестию и невинными мучениками, тихо близился к нему, еще не достигшему глубокой старости, еще бодрому в духе, пылкому в вожделениях сердца. Крепкий сложением, Иоанн

надеялся на долголетие; но какая телесная крепость может устоять против свирепого волнения страстей, обуревающих мрачную жизнь тирана? Всегдашний трепет гнева и боязни, угрызение совести без раскаяния, гнусные восторги сластолюбия мерзостного, мука стыда, злоба бессильная в неудачах оружия, наконец, адская казнь сыноубийства истощили меру сил Иоанновых: он чувствовал иногда болезненную томность, предтечу удара и разрушения, но боролся с нею и не слабел заметно до зимы 1584 года. В сие время явилась комета с крестообразным небесным знамением между церковию Иоанна Великого и Благовещения: любопытный царь вышел на красное крыльцо, смотрел долго, изменился в лице и сказал окружающим: «Вот знамение моей смерти!» Тревожимый сею мыслию, он искал, как пишут, астрологов, мнимых волхвов, в России и в *Лапландии,* собрал их до шестидесяти, отвел им дом в Москве, ежедневно посылал любимца своего, Бельского, толковать с ними о комете и скоро занемог опасно: вся внутренность его начала гнить, а тело — пухнуть. Уверяют, что астрологи предсказали ему неминуемую смерть через несколько дней, именно 18 марта, но что Иоанн велел им молчать, с угрозою сжечь их всех на костре, если будут нескромны. В течение февраля месяца он еще занимался делами; но 10 марта велено было остановить посла литовского на пути в Москву, *ради недуга государева.* Еще сам Иоанн дал сей приказ; еще надеялся на выздоровление, однако ж созвал бояр и велел писать завещание; объявил царевича Феодора наследником престола и монархом; избрал знаменитых мужей, князя Ивана Петровича Шуйского (славного защитою Пскова), Ивана Федоровича Мстиславского (сына родной племянницы великого князя Василия), Никиту Романовича Юрьева (брата первой царицы, добродетельной Анастасии), Бориса Годунова и Бельского в советники и блюстители державы, да облегчают юному Феодору (слабому телом и душою) бремя забот государственных; младенцу Димитрию с матерью назначил в удел город Углич и вверил его воспитание одному Бельскому; изъявил благодарность всем боярам и воеводам: называл их своими друзьями и сподвижниками в завоевании царств неверных, в победах, одержанных над ливонскими рыцарями, над ханом и султаном; убеждал Феодора царствовать *благочестиво, с любовию и милостию;* советовал ему и пяти главным вельможам удаляться от войны с христианскими державами; говорил о несчастных следствиях войны литовской

и шведской; жалел об истощении России; предписал уменьшить налоги, освободить всех узников, даже пленников литовских и немецких. Казалось, что он, готовясь оставить трон и свет, хотел примириться с совестию, с человечеством, с богом — отрезвился душою, быв дотоле в упоении зла, и желал спасти юного сына от своих гибельных заблуждений; казалось, что луч святой истины в преддверии могилы осветил наконец сие мрачное, хладное сердце; что раскаяние и в нем подействовало, когда ангел смерти невидимо предстал ему с вестию о вечности...

Но в то время, когда безмолвствовал двор в печали (ибо о всяком умирающем венценосце искренно и лицемерно двор печалится); когда любовь христианская умиляла сердце народа; когда, забыв свирепость Иоаннову, граждане столицы молились в храмах о выздоровлении царя; когда молились о нем самые опальные семейства, вдовы и сироты людей, невинно избиенных... что делал он, касаясь гроба? В минуты облегчения приказывал носить себя на креслах в палату, где лежали его сокровища дивные; рассматривал каменья драгоценные и 15 марта показывал их с удовольствием англичанину Горсею, ученым языком знатока описывая достоинство алмазов и яхонтов!.. Верить ли еще сказанию ужаснейшему? Невестка, супруга Феодорова, пришла к болящему с нежными утешениями и бежала с омерзением от его любострастного бесстыдства!.. Каялся ли грешник? Думал ли о близком грозном суде всевышнего?

Уже силы недужного исчезали; мысли омрачались: лежа на одре в беспамятстве, Иоанн громко звал к себе убитого сына, видел его в воображении, говорил с ним ласково... 17 марта ему стало лучше от действия теплой ванны, так что велел послу литовскому немедленно ехать из Можайска в столицу и на другой день (если верить Горсею) сказал Бельскому: «Объяви казнь лжецам астрологам: ныне, по их басням, мне должно умереть, а я чувствую себя гораздо бодрее».— «Но день еще не миновал»,— ответствовали ему астрологи. Для больного снова изготовили ванну: он пробыл в ней около трех часов, лег на кровать, встал, спросил шахматную доску и, сидя в халате на постеле, сам расставил шашки; хотел играть с Бельским... вдруг упал и закрыл глаза навеки, между тем как врачи терли его крепительными жидкостями, а митрополит — исполняя, вероятно, давно известную волю Иоаннову — читал молитвы пострижения над издыхающим, названным в монашестве Ио-

ною... В сни минуты царствовала глубокая тишина во дворце и в столице: ждали, что будет, не дерзая спрашивать. Иоанн лежал уже мертвый, но еще страшный для предстоящих царедворцев, которые долго не верили глазам своим и не объявляли его смерти. Когда же решительное слово: «Не стало государя!» — раздалося в Кремле, народ завопил громогласно... оттого ли, как пишут, что знал слабость Феодорову и боялся худых ее следствий для государства, или платя христианский долг жалости усопшему монарху, хотя и жестокому?.. На третий день совершилось погребение великолепное в храме св. Михаила Архангела; текли слезы; на лицах изображалась горесть, и земля тихо приняла в свои недра труп Иоаннов! Безмолвствовал суд человеческий пред божественным — и для современников опустилась на феатр завеса: память и гробы остались для потомства!

Между иными тяжкими опытами судьбы, сверх бедствий удельной системы, сверх ига моголов, Россия должна была испытать и грозу самодержца-мучителя: устояла с любовию к самодержавию, ибо верила, что бог посылает и язву, и землетрясение, и тиранов; не преломила железного скиптра в руках Иоанновых и двадцать четыре года сносила губителя, вооружаясь единственно молитвою и терпением, чтобы, в лучшие времена, иметь Петра Великого, Екатерину Вторую (история не любит именовать живых). В смирении великодушном страдальцы умирали на лобном месте, как греки в Термопилах, за отечество, за веру и верность, не имея и мысли о бунте. Напрасно некоторые чужеземные историки, извиняя жестокость Иоаннову, писали о заговорах, будто бы уничтоженных ею: сии заговоры существовали единственно в смутном уме царя, по всем свидетельствам наших летописей и бумаг государственных. Духовенство, бояре, граждане знаменитые не вызвали бы зверя из вертепа слободы Александровской, если бы замышляли измену, взводимую на них столь же нелепо, как и чародейство. Нет, тигр упивался кровию агнцев — и жертвы, издыхая в невинности, последним взором на бедственную землю требовали справедливости, умилительного воспоминания от современников и потомства!

Несмотря на все умозрительные изъяснения, характер Иоанна, героя добродетели в юности, неистового кровопийцы в летах мужества и старости, есть для ума загадка, и мы усомнились бы в истине самых достоверных о нем известий, если бы летописи других народов не являли нам столь же удивительных примеров; если бы Ка-

лигула, *образец государей и чудовище,* если бы Нерон, питомец мудрого Сенеки, *предмет любви, предмет омерзения,* не царствовали в Риме. Они были язычники; но Людовик XI был христианин, не уступая Иоанну ни в свирепости, ни в наружном благочестии, коим они хотели загладить свои беззакония: оба набожные от страха, оба кровожадные и женолюбивые, подобно азиатским и римским мучителям. Изверги вне законов, вне правил и вероятностей рассудка: сии ужасные метеоры, сии блудящие огни страстей необузданных озаряют для нас, в пространстве веков, бездну возможного человеческого разврата, да видя содрогаемся! Жизнь тирана есть бедствие для человечества, но его история всегда полезна для государей и народов: вселять омерзение ко злу есть вселять любовь к добродетели — и слава времени, когда вооруженный истиною дееписатель может, в правлении самодержавном, выставить на позор такого властителя, да не будет уже впредь ему подобных! Могилы бесчувственны; но живые страшатся вечного проклятия в истории, которая, не исправляя злодеев, предупреждает иногда злодейства, всегда возможные, ибо страсти дикие свирепствуют и в веки гражданского образования, веля уму безмолвствовать или рабским гласом оправдывать свои исступления.

Так, Иоанн имел разум превосходный, не чуждый образования и сведений, соединенный с необыкновенным даром слова, чтобы бесстыдно раболепствовать гнуснейшим похотям. Имея редкую память, знал наизусть Библию, историю греческую, римскую, нашего отечества, чтобы нелепо толковать их в пользу тиранства; хвалился твердостию и властию над собою, умея громко смеяться в часы страха и беспокойства внутреннего; хвалился милостию и щедростию, обогащая любимцев достоянием опальных бояр и граждан; хвалился правосудием, карая вместе, с равным удовольствием, и заслуги и преступления; хвалился *духом царским, соблюдением державной чести,* велев изрубить присланного из Персии в Москву слона, не хотевшего стать перед ним на колена, и жестоко наказывая бедных царедворцев, которые смели играть лучше державного в шашки или в карты; хвалился, наконец, глубокою мудростию государственною, по системе, по эпохам, с каким-то хладнокровным размером истребляя знаменитые роды, будто бы опасные для царской власти,— возводя на их степень роды новые, подлые и губительною рукою касаясь самых будущих времен: ибо туча доносителей, клеветников, кромешников,

им образованных, как туча гладоносных насекомых, исчезнув, оставила злое семя в народе; и если иго Батыево унизило дух россиян, то, без сомнения, не возвысило его и царствование Иоанново.

Но отдадим справедливость и тирану: Иоанн в самых крайностях зла является как бы призраком великого монарха, ревностный, неутомимый, часто проницательный в государственной деятельности; хотя, любив всегда равнять себя в доблести с Александром Македонским, не имел ни тени мужества в душе, но остался завоевателем; в политике внешней неуклонно следовал великим намерениям своего деда; любил правду в судах, сам нередко разбирал тяжбы, выслушивал жалобы, читал всякую бумагу, решал немедленно; казнил утеснителей народа, сановников бессовестных, лихоимцев, телесно и стыдом (рядил их в великолепную одежду, сажал на колесницу и приказывал живодерам возить из улицы в улицу); не терпел гнусного пьянства (только на святой неделе и в рождество Христово дозволялось народу веселиться в кабаках; пьяных во всякое иное время отсылали в темницу). Не любя смелой укоризны, Иоанн не любил иногда и грубой лести: представим доказательство. Воеводы, князья Иосиф Щербатый и Юрий Борятинский, выкупленные царем из литовского плена, удостоились его милости, даров и чести с ним обедать. Он расспрашивал их о Литве: Щербатый говорил истину; Борятинский лгал бессовестно, уверяя, что король не имеет ни войска, ни крепостей и трепещет Иоаннова имени. «Бедный король! — сказал тихо царь, кивая головою.— Как ты мне жалок!» — и вдруг, схватив посох, изломал его в мелкие щепы о Борятинского, приговаривая: «Вот тебе, бесстыдному, за грубую ложь!» — Иоанн славился благоразумною терпимостию вер (за исключением одной иудейской); хотя, дозволив лютеранам и кальвинистам иметь в Москве церковь, лет через пять велел сжечь ту и другую (опасаясь ли соблазна, слыша ли о неудовольствии народа?): однако ж не мешал им собираться для богослужения в домах у пасторов; любил спорить с учеными немцами о законе и сносил противоречия: так (в 1570 году) имел он в Кремлевском дворце торжественное прение с лютеранским богословом Роцитою, уличая его в ереси: Роцита сидел пред ним на возвышенном месте, устланном богатыми коврами; говорил смело, оправдывал догматы аугсбургского исповедания, удостоился знаков царского благоволения и написал книгу о сей любопытной беседе. Немецкий проповедник Каспар, же-

лая угодить Иоанну, крестился в Москве по обрядам нашей церкви и вместе с ним, к досаде своих единоземцев, шутил над Лютером; но никто из них не жаловался на притеснение. Они жили спокойно в Москве, в новой Немецкой слободе на берегу Яузы, обогащаясь ремеслами и художествами. Иоанн изъявлял уважение к искусствам и наукам, лаская иноземцев просвещенных: не основал академий, но способствовал народному образованию размножением школ церковных, где и миряне учились грамоте, закону, даже истории, особенно готовясь быть людьми приказными, к стыду бояр, которые еще не все умели тогда писать.— Наконец, Иоанн знаменит в истории как законодавец и государственный образователь.

Нет сомнения, что истинно великий Иоанн III, издав «Гражданское уложение», устроил и разные правительства для лучшего действия самодержавной власти: кроме древней боярской думы, в делах сего времени упоминается о Казенном дворе, о приказах; но более ничего не знаем, имея уже ясные, достоверные известия о многих расправах и судебных местах, которые существовали в Москве при Иоанне IV. Главные приказы, или *чети*, именовались посольским, разрядным, поместным, казанским: первый особенно ведал дела внешние, или дипломатические, второй — воинские, третий — земли, розданные чиновникам и детям боярским за их службу, четвертый — дела царства Казанского, Астраханского, Сибирского и всех городов волжских; первые три приказа, сверх означенных должностей, также занимались и расправою областных городов: смешение странное! Жалобы, тяжбы, следствия поступали в чети из областей, где судили и рядили наместники с своими тиунами и старостами, коим помогали сотские и десятские в уездах; из чети же, где заседали знаменитейшие государственные сановники, всякое важное дело уголовное, самое гражданское шло в боярскую думу, так что без царского утверждения никого не казнили, никого не лишали достояния. Только наместники смоленские, псковские, новгородские и казанские, почти ежегодно сменяемые, могли в случаях чрезвычайных наказывать преступников. Новые законы, учреждения, налоги объявлялись всегда чрез приказы. Собственность, или вотчина, царская, в коей заключались многие города, имела свою расправу. Сверх того, именуются еще *избы* (или приказы): стрелецкая, ямская, дворцовая, казенная, разбойная, земский двор, или московская управа, большой приход, или

государственное казначейство, бронный, или оружейный, приказ, житный, или запасный, и холопий суд, где решались тяжбы о крепостных людях. Как в сих, так и в областных правительствах или судах главными действователями были дьяки-грамотеи, употребляемые и в делах посольских, ратных, в осадах, для письма и для совета, к зависти и неудовольствию дворянства воинского. Умея не только читать и писать лучше других, но зная твердо и законы, предания, обряды, дьяки или приказные люди составляли особенный род слуг государственных, степению ниже дворян и выше жильцов или нарочитых детей боярских, гостей или купцов именитых; а дьяки *думные* уступали в достоинстве только советникам государственным: боярам, окольничим и новым *думным дворянам,* учрежденным Иоанном в 1572 году для введения в думу сановников, отличных умом, хотя и не знатных родом: ибо, несмотря на все злоупотребления власти неограниченной, он уважал иногда древние обычаи: например, не хотел дать боярства любимцу души своей Малюте Скуратову, опасаясь унизить сей верховный сан таким скорым возвышением человека *худородного.* Умножив число людей приказных и дав им более важности в государственном устройстве, Иоанн, как искусный властитель, образовал еще новые степени знаменитости для дворян и князей, разделив первых на *две статьи,* на дворян *сверстных* и *младших,* а вторых — на князей простых и *служилых;* к числу же царедворцев прибавил *стольников,* которые, служа за столом государевым, отправляли и воинские должности, будучи сановитее дворян младших.— Мы писали о ратных учреждениях сего деятельного царствования: своим малодушием срамя наши знамена в поле, Иоанн оставил России войско, какого она не имела дотоле: лучше устроенное и многочисленнейшее прежнего; истребил воевод славнейших, но не истребил доблести в воинах, которые всего более оказывали ее в несчастиях, так что бессмертный враг наш Баторий с удивлением рассказывал Поссевину, как они в защите городов не думают о жизни: хладнокровно становятся на места убитых или взорванных действием подкопа и заграждают проломы грудью; день и ночь сражаясь, едят один хлеб; умирают от голода, но не сдаются, *чтобы не изменить царю-государю;* как самые жены мужествуют с ними, или гася огонь, или с высоты стен пуская бревна и камни в неприятелей. В поле же сии верные отечеству ратники отличались если не искусством, то хотя чудесным терпением, снося моро-

зы, вьюги и ненастье под легкими наметами и в шалашах сквозящих.— В древнейших разрядах именовались единственно воеводы: в разрядах сего времени именуются обыкновенно и *головы*, или частные предводители, которые вместе с первыми ответствовали царю за всякое дело.

Иоанн, как мы сказали, дополнил в судебнике «Гражданское уложение» своего деда, включив в него новые законы, но не переменив системы или духа старых...

К достохвальным деяниям сего царствования принадлежит еще строение многих новых городов для безопасности наших пределов. Кроме Лаишева, Чебоксар, Козмодемьянска, Болхова, Орла и других крепостей, о коих мы упоминали, Иоанн основал Донков, Епифань, Венев, Чернь, Кокшажск, Тетюши, Алатырь, Арзамас. Но, воздвигая красивые твердыни в лесах и в степях, он с прискорбием видел до конца жизни своей развалины и пустыри в Москве, сожженной ханом в 1571 году, так что в ней, если верить Поссевинову исчислению, около 1581 года считалось не более тридцати тысяч жителей, в шесть раз менее прежнего, как говорит другой иноземный писатель, слышав то от московских старожилов в начале XVII века. Стены новых крепостей были деревянные, насыпанные внутри землею с песком или крепко сплетенные из хвороста; а каменные единственно в столице, Александровской слободе, Туле, Коломне, Зарайске, Старице, Ярославле, Нижнем, Белозерске, Порхове, Новегороде, Пскове.

Размножение городов благоприятствовало и чрезвычайным успехам торговли, более и более умножавшей доходы царские (которые в 1588 году простирались до шести миллионов нынешних рублей серебряных). Не только на ввоз чужеземных изделий или на выпуск наших произведений, но даже и на съестное, привозимое в города, была значительная пошлина, иногда откупаемая жителями. В Новогородском таможенном уставе 1571 года сказано, что со всех товаров, ввозимых иноземными гостями и ценимых людьми присяжными, казна берет семь денег на рубль: купцы же российские платили 4, а новогородские — $1^1/_2$ деньги: с мяса, скота, рыбы, икры, меду, соли (немецкой и *морянки*), луку, орехов, яблок, кроме особенного сбора с телег, судов, саней. За ввозимые металлы драгоценные платили, как и за все иное; а вывоз их считался преступлением. Достойно замечания, что и государевы товары не освобождались от пошлины. Утайка наказывалась тяжкою пенею.— В сие время древ-

няя столица Рюрикова, хотя и среди развалин, начинала было снова оживляться торговою деятельностию, пользуясь близостию Нарвы, где мы с целою Европою купечествовали; но скоро погрузилась в мертвую тишину, когда Россия в бедствиях Литовской и Шведской войны утратила сию важную пристань. Тем более цвела наша двинская торговля, в коей англичане должны были делиться выгодами с купцами нидерландскими, немецкими, французскими, привозя к нам сахар, вина, соль, ягоды, олово, сукна, кружева и выменивая на них меха, пеньку, лен, канаты, шерсть, воск, мед, сало, кожи, железо, лес. Французским купцам, привезшим к Иоанну дружественное письмо Генрика III, дозволялось торговать в Коле, а испанским или нидерландским — в пудожерском устье: знаменитейший из сих гостей назывался Иваном Девахом Белобородом, доставлял царю драгоценные каменья и пользовался особенным его благоволением, к неудовольствию англичан. В разговоре с Елисаветиным послом, Баусом, Иоанн жаловался, что лондонские купцы не вывозят к нам ничего хорошего; снял с руки перстень, указал на изумруд *колпака* своего и хвалился, что Девах уступил ему первый за 60 рублей, а вторый — за тысячу: чему дивился Баус, оценив перстень в 300 рублей, а изумруд — в 40 000. В Швецию и в Данию отпускали мы знатное количество хлеба. «Сия благословенная земля (пишет Кобенцель о России) изобилует всем необходимым для жизни человеческой, не имея действительной нужды ни в каких иноземных произведениях».— Завоевание Казани и Астрахани усилило нашу мену азиатскую.

Обогатив казну торговыми городскими и земскими налогами, также и присвоением церковного имения, чтобы умножить войско, завести арсеналы (где находилось всегда в готовности не менее двух тысяч осадных и полевых орудий), строить крепости, палаты, храмы, Иоанн любил употреблять избыток доходов и на роскошь: мы говорили об удивлении иноземцев, видевших в казне московской груды жемчугу, горы золота и серебра во дворце, блестящие собрания, обеды, за коими в течение пяти, шести часов *пресыщалось* 600 или 700 гостей не только изобильными, но и дорогими яствами, плодами и винами жарких, отдаленных климатов: однажды, сверх людей именитых, в кремлевских палатах обедало у царя 2000 ногайских союзников, шедших на войну ливонскую. В торжественных выходах и выездах государевых все также представляло образ азиатского великолепия: дру-

жины телохранителей, облитых золотом, богатство их оружия, убранство коней. Так, Иоанн 12 декабря обыкновенно выезжал верхом за город видеть действие снаряда огнестрельного: пред ним несколько сот князей, воевод, сановников, по три в ряд; пред сановниками — 5000 отборных стрельцов по пяти в ряд. Среди обширной снежной равнины, на высоком помосте, длиною саженей в 200 или более, стояли пушки и воины, стреляли в цель, разбивали укрепления, деревянные, осыпанные землею, и ледяные. В торжествах церковных, как мы видели, Иоанн также являлся народу с пышностию разительною, умея видом искусственного смирения придавать себе еще более величия и с блеском мирским соединяя наружность христианских добродетелей: угощая вельмож и послов в светлые праздники, сыпал богатую милостыню на бедных.

В заключение скажем, что добрая слава Иоаннова пережила его худую славу *в народной памяти:* стенания умолкли, жертвы истлели, и старые предания затмились новейшими; но имя Иоанново блистало на судебнике и напоминало приобретение трех царств могольских: доказательства дел ужасных лежали в книгохранилищах, а народ в течение веков видел Казань, Астрахань, Сибирь как живые монументы царя-завоевателя; чтил в нем знаменитого виновника нашей государственной силы, нашего гражданского образования; отвергнул или забыл название *мучителя,* данное ему современниками, и по темным слухам о жестокости Иоанновой доныне именует его только *Грозным,* не различая внука с дедом, так названным древнею Россиею более в хвалу, нежели в укоризну. История злопамятнее народа!

ТОМ X

Из главы I

ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕОДОРА ИОАННОВИЧА

1584—1587

Свойства Феодоровы.— Члены Верховной думы.— Волнение народа.— Собрание Великой думы земской.— Царевич Димитрий и мать его отправляются в Углич.— Мятеж в Москве.— Власть и свойства Годунова.— Царское венчание Феодорово.— Разные милости.— Годунов — правитель царства.— Усмирение черемисского бунта.— Вторичное покорение Сибири.

«Первые дни по смерти тирана (говорит римский историк) бывают счастливейшими для народов»: ибо конец страдания есть живейшее из человеческих удовольствий.

Но царствование жестокое часто готовит царствование слабое: новый венценосец, боясь уподобиться своему ненавистному предшественнику и желая снискать любовь общую, легко впадает в другую крайность, в послабление, вредное государству. Сего могли опасаться истинные друзья отечества, тем более что знали необыкновенную кротость наследника Иоаннова, соединенную в нем с умом робким, с набожностию беспредельною, с равнодушием к мирскому величию. На громоносном престоле свирепого мучителя Россия увидела *постника* и *молчальника,* более для келии и пещеры, нежели для власти державной рожденного: так в часы искренности говорил о Феодоре сам Иоанн, оплакивая смерть любимого старшего сына. Не наследовав ума царственного, Феодор не имел и сановитой наружности отца, ни мужественной красоты деда и прадеда: был росту малого, дрябл телом, лицом бледен; всегда улыбался, но без жи-

вости; двигался медленно, ходил неровным шагом от слабости в ногах; одним словом, изъявлял в себе преждевременное изнеможение сил естественных и душевных. Угадывая, что сей двадцатисемилетний государь, осужденный природою на всегдашнее малолетство духа, будет зависеть от вельмож или монахов, многие не смели радоваться концу тиранства, чтобы не пожалеть о нем во дни безначалия, козней и смут боярских, менее губительных для людей, но еще бедственнейших для великой державы, устроенной сильною, нераздельною властию царскою... К счастию России, Феодор, боясь власти как опасного повода к грехам, вверил кормило государства руке искусной — и сие царствование, хотя не чуждое беззаконий, хотя и самым ужасным злодейством омраченное, казалось современникам милостию божиею, благоденствием, златым веком: ибо наступило после Иоаннова!

Новая пентархия, или Верховная дума, составленная умирающим Иоанном из *пяти вельмож,* была предметом общего внимания, надежды и страха. Князь Мстиславский отличался единственно знатностию рода и сана, будучи старшим боярином и воеводою. Никиту Романовича Юрьева уважали, как брата незабвенной Анастасии и дядю государева, любили, как вельможу благодушного, не очерненного даже и злословием в бедственные времена кровопийства. В князе Шуйском чтили славу великого подвига ратного, отважность и бодрость духа. Бельского, хитрого, гибкого, ненавидели как первого любимца Иоаннова. Уже знали редкие дарования Годунова и тем более опасались его: ибо он также умел снискать особенную милость тирана, был зятем гнусного Малюты Скуратова, свойственником и другом (едва ли искренним) Бельского.— Прияв власть государственную, дума Верховная в самую первую ночь (18 марта) выслала из столицы многих известных услужников Иоанновой лютости, других заключила в темницы, а к родственникам вдовствующей царицы, Нагим, приставила стражу, обвиняя их в злых умыслах (вероятно, в намерении объявить юного Димитрия наследником Иоанновым). Москва волновалась; но бояре утишили сие волнение: торжественно присягнули Феодору вместе со всеми чиновниками и в следующее утро письменно обнародовали его воцарение. Отряды воинов ходили из улицы в улицу; пушки стояли на площадях. Немедленно послав гонцов в области с указом молиться о душе Иоанновой и счастливом царствовании Феодора, новое правительство созвало Великую

думу земскую, знатнейшее духовенство, дворянство и всех людей именитых, чтобы взять некоторые общие меры для государственного устройства. Назначили день царского венчания: соборною грамотою утвердили его священные обряды; рассуждали о благосостоянии державы, о средствах облегчить народные тягости. Тогда же послали вдовствующую царицу с юным сыном, отца ее, братьев, всех Нагих, в город Углич, дав ей царскую услугу, стольников, стряпчих, детей боярских и стрельцов для оберегания. Добрый Феодор, нежно прощаясь с младенцем Димитрием, обливался горькими слезами, как бы невольно исполняя долг, болезненный для своего сердца. Сие удаление царевича, единственного наследника державы, могло казаться блестящею ссылкою, и пестун Димитриев Бельский, не желая в ней участвовать, остался в Москве: он надеялся законодательствовать в думе, но увидел грозу над собою.

Между тем как Россия славила благие намерения нового правительства, в Москве коварствовали зависть и беззаконное властолюбие: сперва носились темные слухи о великой опасности, угрожающей юному монарху, а скоро наименовали и человека, готового злодейством изумить Россию: сказали, что Бельский, будто бы отравив Иоанна, мыслит погубить и Феодора, умертвить всех бояр, возвести на престол своего друга и советника — Годунова! Тайными виновниками сей клеветы считали князей Шуйских, а Ляпуновых и Кикиных, дворян рязанских, их орудиями, возмутителями народа легковерного, который, приняв оную за истину, хотел усердием спасти царя и царство от умыслов изверга. Вопль бунта раздался из конца в конец Москвы, и двадцать тысяч вооруженных людей, чернь, граждане, дети боярские, устремились к Кремлю, где едва успели затворить ворота, собрать несколько стрельцов для защиты и думу для совета в опасности незапной. Мятежники овладели в Китае-городе тяжелым снарядом, обратили царь-пушку к воротам Флоровским и хотели разбить их, чтобы вломиться в крепость. Тогда государь выслал к ним князя Ивана Мстиславского, боярина Никиту Романовича, дьяков Андрея и Василия Щелкаловых спросить, что виною мятежа и чего они требуют? «Бельского! — ответствовал народ.— Выдайте нам злодея! Он мыслит извести царский корень и все роды боярские!» В тысячу голосов вопили: «Бельского!» Сей несчастный вельможа, изумленный обвинением, устрашенный злобою народа, искал безопасности в государевой спальне, трепетал и молил о

спасении. Феодор знал его невинность; знали оную и бояре: но, искренно или притворно ужасаясь кровопролития, вступили в переговоры с мятежниками; склонили их удовольствоваться ссылкою мнимого преступника и немедленно выслали Бельского из Москвы. Народ, восклицая: «Да здравствует царь с верными боярами!» — мирно разошелся по домам; а Бельский с того времени воеводствовал в Нижнем Новгороде.

От такой постыдной робости, такого уничижения самодержавной власти чего ожидать надлежало? Козней в думе, своевольства в народе, беспорядка в правлении. Бельского удалили: Годунов остался для мести! Мятежники не требовали головы его, не произнесли его имени, уважая в нем царицына брата: но он видел умысел клеветников; видел, что дерзкие виновники сего возмущения готовят ему гибель, и думал о своей безопасности. Дотоле дядя царский, по древнему уважению к родственному старейшинству, мог считать себя первым вельможею: так мыслил и двор и народ; так мыслил и лукавый дьяк государственный Андрей Щелкалов, стараясь снискать доверенность боярина Юрьева и надеясь вместе с ним управлять думою. Знали власть Годунова над сестрою, нежною, добродетельною Ириною, уподобляемою летописцами Анастасии (ибо тогда не было иного сравнения в добродетелях женских); знали власть Ирины над Феодором, который в сем мире истинно любил, может быть, одну супругу; но Годунов, казалось, выдал друга: радовались его бессилию или боязливости, не угадывая, что он, вероятно, притворствовал в дружбе к Бельскому, внутренно опасаясь в нем тайного совместника, и воспользуется сим случаем для утверждения своего могущества: ибо Феодор, мягкосердечный, обремененный державою, испуганный мятежом, видя необходимость мер строгих для государственного устройства и не имея ни проницания в уме, ни твердости в воле, искал более, нежели советника или помощника: искал, на кого возложить всю тягость правления, с ответственностию пред единым богом, и совершенно отдался смелому честолюбцу, ближайшему к сердцу его милой супруги. Без всякой хитрости, следуя единственно чувству, зная ум, не зная только злых, тайных наклонностей Годунова, Ирина утвердила союз между царем, не способным властвовать, и подданным, достойным власти. Сей муж знаменитый находился тогда в полном цвете жизни, в полной силе телесной и душевной, имея 32 года от рождения. Величественною красотою, повелительным видом, смыслом бы-

стрым и глубоким, сладкоречием обольстительным превосходя всех вельмож (как говорит летописец), Борис не имел только... добродетели; хотел, умел благотворить, но единственно из любви ко славе и власти; видел в добродетели не цель, а средство к достижению цели: если бы родился на престоле, то заслужил бы имя одного из лучших венценосцев в мире; но, рожденный подданным, с необузданною страстию к господству, не мог одолеть искушений там, где зло казалось для него выгодою,— и проклятие веков заглушает в истории добрую славу Борисову.

Первым действием Годунова было наказание Ляпуновых, Кикиных и других главных возмутителей московской черни: их послали в дальние города и заключили в темницы. Народ молчал или славил правосудие царя; двор угадывал виновника сей законной строгости и с беспокойством взирал на Бориса, коего решительное владычество открылось не прежде Феодорова царского венчания, отложенного ради шестинедельного моления об усопшем венценосце до 31 мая.

В сей день, на самом рассвете, сделалась ужасная буря, гроза, и ливный дождь затопил многие улицы в Москве, как бы в предзнаменование грядущих бедствий; но суеверие успокоилось, когда гроза миновалась и солнце воссияло на чистом небе. Собралося бесчисленное множество людей на Кремлевской площади, так что воины едва могли очистить путь для духовника государева, когда он нес, при звоне всех колоколов, из царских палат в храм Успения *святыню Мономахову,* животворящий крест, венец и бармы (Годунов нес за духовником скипетр). Невзирая на тесноту беспримерную, все затихло, когда Феодор вышел из дворца со всеми боярами, князьями, воеводами, чиновниками: государь в одежде небесного цвета, придворные в златой — и сия удивительная тишина провождала царя до самых дверей храма, также наполненного людьми всякого звания: ибо всем россиянам дозволялось видеть священное торжество России, единого семейства под державою отца-государя. Во время молебна окольничие и духовные сановники ходили по церкви, тихо говоря народу: «Благоговейте и молитеся!» Царь и митрополит Дионисий сели на изготовленных для них местах, у врат западных, и Феодор среди общего безмолвия сказал первосвятителю: «Владыко! Родитель наш, самодержец Иоанн Васильевич, оставил земное царство и, прияв ангельский образ, отошел на царство небесное; а меня благословил державою и

всеми хоругвями государства; велел мне, согласно с древним уставом, *помазаться* и венчаться царским венцом, диадемою и святыми бармами: завещание его известно духовенству, боярам и народу. И так, по воле божией и благословению отца моего, соверши обряд священный, да буду царь и *помазанник!»* Митрополит, осенив Феодора крестом, ответствовал: «Господин, возлюбленный сын церкви и нашего смирения, богом избранный и богом на престол возведенный! Данною нам благодатию от святого духа помазуем и венчаем тебя, да именуешься самодержцем России!» Возложив на царя животворящий крест Мономахов, бармы и венец на главу, с молением, да благословит господь его правление, Дионисий взял Феодора за десницу, поставил на особенном *царском месте* и, вручив ему *скипетр,* сказал: «Блюди хоругви великия России!» Тогда архидьякон на амвоне, священники в алтаре и клиросы возгласили многолетие царю венчанному, приветствуемому духовенством, сановниками, народом, с изъявлением живейшей радости, и митрополит в краткой речи напомнил Феодору главные обязанности венценосца: долг хранить закон и царство, *иметь духовное повиновение к святителям и веру к монастырям,* искреннее дружество к брату, *уважение к боярам, основанное на их родовом старейшинстве,* милость к чиновникам, воинству и всем людям. «Цари нам вместо бога,— продолжал Дионисий,— господь вверяет им судьбу человеческого рода, да блюдут не только себя, но и других от зла; да спасают мир от треволнения и да боятся *серпа небесного!* Как без солнца мрак и тьма господствуют на земле, так и без учения все темно в душах: будь же любомудр или следуй мудрым; будь добродетелен: ибо едина добродетель украшает царя, едина добродетель бессмертна. Хочешь ли благоволения небесного? Благоволи о подданных... Не слушай злых клеветников, о царь, рожденный милосердым!.. Да цветет во дни твои правда; да успокоится отечество!.. И возвысит господь царскую десницу твою над всеми врагами, и будет царство твое мирно и вечно в род и род!» Тут, проливая слезы умиления, все люди воскликнули: «Будет и будет многолетно!» — Феодор, в полном царском одеянии, в короне Мономаховой, в богатой мантии и держа в руке длинный скипетр (сделанный из драгоценного китового зуба), слушал литургию, имея вид утомленного. Пред ним лежали короны завоеванных царств; а подле него, с правой стороны, как ближний вельможа, стоял Годунов; дядя Феодоров, Никита Романович Юрьев, на-

ряду с другими боярами. Ничто, по сказанию очевидцев, не могло превзойти сего торжества в великолепии. Амвон, где сидел государь с митрополнтом, налой, где лежала утварь царская, и места для духовенства были устланы бархатами, а помост церкви — коврами персидскими и краснымн сукнамн английскими. Одежды вельмож, в особенности Годунова и князя Ивана Михайловича Глинского, сняли алмазамн, яхонтами, жемчугом удивительной величины, так что иноземные писатели ценят их в мнллноны. После херувнмской песни мнтрополнт, в дверях царскнх, возложил на Феодора *Мономахову цепь аравийского злата;* в конце же литургнн *помазал его святым миром и причастил святых таин.* В сне время Борнс Годунов держал скипетр, Юрьев и Димнтрий Иванович Годунов (дядя Ирины) — венец царский на златом блюде. Благословенный Дионнснем и в южных дверях храма осыпанный деньгами, Феодор ходнл поклониться гробам предков, моляся, да наследует их государственные добродетелн. Между тем Ирина, окруженная боярынями, сидела в *короне* под растворенным окном своей палаты и была приветствуема громкимн восклицаннями народа: «Да здравствует царица!» В тронной вельможн и чиновникн целовали руку у государя; в столовой палате с ним обедали, равно как и все знатное духовенство. Пнры, веселия, забавы народные продолжались целую неделю и заключились воинским празднnком вне города, где, на обширном лугу, в присутствин царя и всех жителей московскнх, гремело 170 медных пушек, пред осьмью рядами стрельцов, одетых в тонкое сукно н в бархат. Множество всадников, также богато одетых, провождало Феодора.

Одарив митрополнта, святителей и сам прняяв дары от всех людей чиновных, гостей н купцов российских, английских, нидерландскнх, нововенчанный царь объявил разные мнлостн: уменьшил налоги; возвратил свободу и достояние многим знатным людям, которые лет двадцать сиделн в темнице; исполняя завещание Иоанново, освободнл и всех военнопленных; нанменовал боярами князей Дмитрия Хворостинина, Андрея и Василия Ивановичей Шуйских, Никиту Трубецкого, Шестунова, двух Куракиных, Федора Шереметева и трех Годуновых, внучатных братьев Ирины; пожаловал герою, князю Ивану Петровнчу Шуйскому, все доходы города Пскова, им спасенного. Но снн личные мнлости были ничто в сравненнн с теми, конми Феодор осыпал своего шурнна, дав ему все, что подданный мог иметь в самодержавии:

не только древний знатный сан конюшего, в течение семнадцати лет никому не жалованный, но и титло *ближнего великого боярина,* наместника двух царств, Казанского и Астраханского. Беспримерному сану ответствовало и богатство беспримерное: Годунову дали, или Годунов взял себе, лучшие земли и поместья, доходы области Двинской, Ваги,— все прекрасные луга на берегах Москвы-реки, с лесами и пчельниками,— разные казенные сборы московские, рязанские, тверские, северские, сверх особенного денежного жалованья: что, вместе с доходом его родовых вотчин в Вязьме и Дорогобуже, приносило ему ежегодно не менее осьми или девяти сот тысяч нынешних рублей серебряных: богатство, коего от начала России до наших времен не имел ни один вельможа, так что Годунов мог на собственном иждивении выводить в поле до ста тысяч воинов! Он был уже не временщик, не любимец, но властитель царства. Уверенный в Феодоре, Борис еще опасался завистников и врагов: для того хотел изумить их своим величием, чтобы они не дерзали и мыслить об его низвержении с такой высокой степени, недоступной для обыкновенного честолюбия вельмож-царедворцев. Действительно изумленные, сии завистники и враги несколько времени злобились втайне, безмолвствуя, но вымышляя удар; а Годунов, со рвением души славолюбивой, устремился к великой цели: делами общественной пользы оправдать доверенность царя, заслужить доверенность народа и признательность отечества. *Пентархия,* учрежденная Иоанном, как тень исчезла: осталась древняя дума царская, где Мстиславский, Юрьев, Шуйский судили наряду с иными боярами, следуя мановению *правителя:* ибо так современники именовали Бориса, который один в глазах России смело правил рулем государственным, повелевал именем царским, но действовал своим умом, имея советников, но не имея ни совместников, ни товарищей.

Когда Феодор, утомленный мирским великолепием, искал отдохновения в набожности; когда, прервав блестящие забавы и пиры, в виде смиренного богомольца ходил пешком из монастыря в монастырь, в лавру Сергиеву и в иные святые обители, вместе с супругою, провождаемою знатнейшими боярынями и целым полком особенных царицыных телохранителей (пышность новая, изобретенная Годуновым, чтобы вселить в народ более уважения к Ирине и к ее роду)... в то время правительство уже неусыпно занималось важными делами государственными, исправляло злоупотребления власти, ут-

верждало безопасность внутреннюю и внешнюю. Во всей России, как в счастливые времена князя Ивана Бельского и Адашева, сменили худых наместников, воевод и судей, избрав лучших; грозя казнию за неправду, удвоили жалованье чиновников, чтобы они могли пристойно жить без лихоимства; вновь устроили войско и двинули туда, где надлежало восстановить честь оружия или спокойствие отечества. Начали с Казани. Еще лилася кровь россиян на берегах Волги, и бунт кипел в земле черемисской: Годунов более умом, нежели мечом, смирил мятежников, уверив их, что новый царь, забывая старые преступления, готов, как добрый отец, миловать и виновных в случае искреннего раскаяния; они прислали старейшин в Москву и дали клятву в верности. Тогда же Борис велел строить крепости на горной и луговой стороне Волги, Цывильск, Уржум, Царев-город на Кокшаге, Санчурск и другие, населил оные россиянами и тем водворил тишину в сей земле, столь долго для нас бедственной.

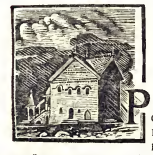
Усмирив Казанское царство, Годунов довершил завоевание Сибирского.

Из главы II

ПРОДОЛЖЕНИЕ ФЕОДОРОВА ЦАРСТВОВАНИЯ

1587—1592

Величие Годунова.— Учреждение патриаршества в России.— Замысел Годунова.— Убиение царевича Димитрия.— Пожар в Москве...



Россия наслаждалась миром, коего не было только в душе правителя!.. Устраним дела внешней политики, чтобы говорить о любопытных, важных происшествиях внутренних.

В сие время Борис Годунов в глазах России и всех держав, сносящихся с Москвою, стоял на вышней степе-

ни величия, как полный властелин царства, не видя вокруг себя ничего, кроме слуг безмолвных или громко славословящих его высокие достоинства; не только во дворце Кремлевском, в ближних и в дальних краях России, но и вне ее пред государями и министрами иноземными, знатные сановники царские так изъяснялись по своему наказу: «Борис Федорович Годунов есть начальник земли; она вся приказана ему от самодержца и так ныне устроена, что люди дивятся и радуются. Цветет и воинство, и купечество, и народ. Грады украшаются каменными зданиями без налогов, без работы невольной, от царских избытков, с богатою платою за труд и художество. Земледельцы живут во льготе, не зная даней. Везде правосудие свято: сильный не обидит слабого; бедный сирота идет смело к Борису Федоровичу жаловаться на его брата или племянника, и сей истинный вельможа обвиняет своих ближних даже без суда, ибо пристрастен к беззащитным и слабым!» — Нескромно хваляся властию и добродетелию, Борис, равно славолюбивый и хитрый, примыслил еще дать новый блеск своему господству важною церковною новостию.

Имя патриархов означало в древнейшие времена христианства единственно смиренных наставников веры, но с четвертого века сделалось пышным, громким титлом главных пастырей церкви в трех частях мира или в трех знаменитейших городах тогдашней всемирной империи: в Риме, в Александрии и в Антиохии. Место священных воспоминаний Иерусалим и Константинополь — столица торжествующего христианства были также признаны особенными, великими патриархиями. Сей чести не искала Россия, от времен св. Владимира до Феодоровых. Византия державная, гордая не согласилась бы на равенство своей иерархии с киевскою или московскою: Византия, раба оттоманов, не отказала бы в том Иоанну III, сыну и внуку его; но они молчали, из уважения ли к первобытному уставу нашей церкви или опасаясь великим именем усилить духовную власть ко вреду монаршей. Борис мыслил иначе: свергнув митрополита Дионисия за козни и дерзость, он не усомнился возвысить смиренного Иова, ему преданного, ибо хотел его важного содействия в своих важных намерениях. Еще в 1586 году приезжал в Москву за милостынею Антиохийский патриарх Иоаким, коему царь изъявил желание учредить патриархию в России: Иоаким дал слово предложить о том собору греческой церкви и предложил с усердием, славя чистоту нашей веры. В июле 1588 года,

к великому удовольствию Феодора, явился в Москве и патриарх Константинопольский Иеремия. Вся столица была в движении, когда сей главный святитель христианский (ибо престол Византийского архиерейства уже давно считался первым), старец, знаменитый несчастием и добродетелию, с любопытством взирая на ее многолюдство и красоту церквей, благословляя народ и душевно умиляясь его радостным приветствием, ехал на осляти к царю по стогнам московским; за ним ехали митрополит Монемвасийский (или Мальвазийский) Иерофей и архиепископ Элассонский Арсений. Когда они вошли в Златую палату, Феодор встал, чтобы встретить Иеремию в нескольких шагах от трона; посадил близ себя; с любовию принял дары его, икону с памятниками страстей господних, с каплями Христовой крови, с мощами св. царя Константина — и велел Борису Годунову беседовать с ним наедине. Патриарха отвели в другую комнату, где он рассказал Борису свою историю. Лет десять управляв церковию, Иеремия, обнесенный каким-то злым греком, был сослан в Родос, и султан, вопреки торжественному обету Магомета II не мешаться в дела христианской духовной власти, беззаконно дал патриаршество Феолипту. Чрез пять лет возвратили изгнаннику сан иерарха; но в древнем храме византийских первосвятителей уже славили Аллу и Магомета: сия церковь сделалась мечетию. «Обливаясь слезами (говорил Иеремия), я вымолил у жестокого Амурата дозволение ехать в земли христианские для собрания милостыни, чтобы посвятить новый храм истинному богу в древней столице православия: где же, кроме России, мог я найти усердие, жалость и щедрость?» Далее, беседуя с Годуновым, он похвалил мысль Феодорову иметь патриарха Российского; а лукавый Годунов предложил сие достоинство самому Иеремии, с условием жить в Владимире. Иеремия соглашался, но хотел жить там, где царь, то есть в Москве, чего не хотел Годунов, доказывая, что несправедливо удалить Иова, мужа святого, от московского храма Богоматери; что Иеремия, не зная ни языка, ни обычаев России, не может быть в духовных делах наставником венценосца без толмача, коему непристойно читать во глубине души государевой. «Да исполнится же воля царская! — ответствовал патриарх.— Уполномоченный нашею церковию, благословлю и поставлю, кого изберет Феодор, вдохновенный богом». В выборе не было сомнения; но для обряда святители российские назначили трех кандидатов: митрополита Иова, архиепископа

Новогородского Александра, Варлаама Ростовского, и поднесли доклад царю, который избрал Иова. 23 генваря (1589), после вечерни, сей *наименованный* первосвятитель, в епитрахили, в омофоре и в ризе, пел молебен в храме Успения, со всеми епископами, в присутствии царя и бесчисленного множества людей; вышел из алтаря и стал на амвоне, держа в руке свечу, а в другой — письмо благодарственное к государю и к духовенству. Тут один из знатных сановников приблизился к нему, держа в руке также пылающую свечу, и сказал громко: «Православный царь, вселенский патриарх и собор освященный возвышают тебя на престол Владимирский, Московский и всея России». Иов ответствовал: «Я раб грешный; но если самодержец, *вселенский господин* Иеремия и собор удостоивают меня столь великого сана, то приемлю его с благодарением» — смиренно преклонил главу, обратился к духовенству, к народу и с умилением произнес обет ревностно блюсти вверенное ему от бога стадо. Сим исполнился *устав избрания;* торжественное же *посвящение* совершилось 26 генваря, на литургии, как обыкновенно ставили митрополитов и епископов, без всяких новых обрядов. Среди *великой,* или соборной, церкви, на помосте, был изображен *мелом* орел двоеглавый и сделан *феатрон о двенадцати степенях и двенадцати огненниках:* там старейший пастырь восточного православия, благословив Иова, как сопрестольника великих отцов христианства, и возложив на него дрожащую руку, молился, да будет сей архиерей Иисусов неугасаемым светильником веры. Имея на главе митру с крестом и с короною, новопоставленный Московский патриарх священнодействовал вместе с Византийским; и когда, отпев литургию, разоблачился, государь собственною рукою возложил на него драгоценный крест с животворящим древом, бархатную зеленую мантию с источниками или полосами, низаными жемчугом, и белый клобук с знамением креста; подал ему жезл св. Петра митрополита и в приветственной речи велел именоваться главою епископов, отцом отцов, патриархом всех земель северных, по милости божией и воле царской. Иов благословил Феодора и народ; а лики многолетствовали царю и двум первосвятителям, Византийскому и Московскому, которые сидели с ним рядом на стульях. Вышед из церкви, Иов, провождаемый двумя епископами, боярами, многими чиновниками, ездил на осляти вокруг стен кремлевских, кропя их святою водою, осеняя крестом, читая молитвы о целости града, и вместе с Иере-

мпею, со всем духовенством, синклитом обедал у государя.

Чтобы утвердить достоинство и права российского священноначалия, написали уставную грамоту, изъясняя в ней, что *ветхий Рим* пал *от ереси Аполлинариевой;* что *новый Рим,* Константинополь, обладаем безбожными племенами агарянскими; что *третий* Рим есть Москва; что вместо лжепастыря западной церкви, омраченной духом суемудрия, первый вселенский святитель есть патриарх Константинопольский, вторый — Александрийский, третий — *Московский и всея России,* четвертый — Антиохийский, пятый — Иерусалимский; что в России должно молиться о греческих, а в Греции — о нашем, который впредь, до скончания века, будет избираем и посвящаем в Москве независимо от их согласия или одобрения. К наружным отличиям сего архипастыря нашей церкви прибавили следующие: «Выход его должен быть всегда с лампадою, с пением и звоном; для облачения иметь ему амвон о трех степенях; в будни носить клобук с серафимами и крестами обнизными, мантии объяринные и всякие иные с полосами; ходить в пути с крестом и жезлом; ездить на шести конях». Тогда же государь с двумя патриархами соборно уложил быть в России *четырем митрополитам:* Новогородскому, Казанскому, Ростовскому и Крутицкому, *шести архиепископам:* Вологодскому, Суздальскому, Нижегородскому, Смоленскому, Рязанскому, Тверскому,— и *осьми епископам:* Псковскому, Ржевскому, Устюжскому, Белоозерскому, Коломенскому, Северскому, Дмитровскому.

Участвуя более именем, нежели делом в сих церковных распоряжениях, Иеремия, митрополит Монемвасийский и архиепископ Элассонский ездили между тем в лавру Сергиеву, где, равно как и в московских храмах, удивлялись богатству икон, сосудов, риз служебных; в столице обедали у патриарха Иова, славя мудрость его беседы; славили также высокие достоинства Годунова и редкий ум старца Андрея Щелкалова; всего же более хвалили щедрость российскую: ибо их непрестанно дарили серебряными кубками, ковшами, перлами, шелковыми тканями, соболями, деньгами. Представленные царице, они восхитились ее святостию, смиренным величием, ангельскою красотою, сладостию речей, равно как и наружным великолепием. На ней была корона с двенадцатью жемчужными зубцами, диадема и на груди златая цепь, украшенная драгоценными каменьями; одежда бархатная, длинная, обсаженная крупным жемчугом, и

мантия не менее богатая. Подле царицы стоял царь, а с другой стороны — Борис Годунов, без шапки, смиренно и благоговейно; далее — многие жены знатные, в белой одежде, сложив руки. Ирина с умилением просила святителей греческих молить бога, чтобы он даровал ей сына, наследника державе,— «и все мы, тронутые до глубины сердца (говорит архиепископ Элассонский в описании своего путешествия в Москву), вместе с нею обливаясь слезами, единогласно воззвали ко всевышнему, да исполнится чистое, столь усердное моление сей души благочестивой!» — Наконец государь (в мае 1589) отпустил Иеремию в Константинополь с письмом к султану, убеждая его не теснить христиан, и сверх даров послал туда 1000 рублей, или 2000 золотых монет венгерских, на строение новой патриаршей церкви, к живейшей признательности всего греческого духовенства, которое, соборною грамотою одобрив учреждение московской патриархии, доставило Феодору сию хартию (в июне 1591) чрез митрополита Терновского, вместе с мощами святых и с двумя коронами для царя и царицы.

Таким образом, уставилась новая верховная степень в нашей иерархии, чрез 110 лет испровергнутая самодержцем великим, как бесполезная для церкви и вредная для единовластия государей, хотя разумный учредитель ее не дал тем духовенству никакой новой государственной силы и, переменив имя, оставил иерарха в полной зависимости от венценосца. Петр I знал историю Никона и *разделил,* чтобы ослабить, власть духовную; он уничтожил бы и сан митрополита, если бы в его время, как в Иоанново или в древнейшие, *один* митрополит управлял российскою церковию. Петр царствовал и хотел только слуг; Годунов, еще называясь подданным, искал опоры: ибо предвидел обстоятельства, в коих дружба царицы не могла быть достаточна для его властолюбия и — спасения; обуздывал бояр, но читал в их сердце злую зависть, ненависть справедливую к убийце Шуйских; имел друзей: но они им держались и с ним бы пали или изменили бы ему в превратности рока; благотворил народу, но худо верил его благодарности в невольном чувстве своих внутренних недобродетельных побуждений к добру и знал, что сей народ в случае важном обратит взор недоумения на бояр и духовенство. Годунов на месте Петра Великого мог бы также уничтожить сан патриарха; но, будучи в иных обстоятельствах, хотел польстить честолюбию Иова титлом высоким, чтобы иметь в нем тем усерднейшего и знаменитейшего пособ-

ника: ибо наступал час решительный, и самовластный вельможа дерзнул наконец приподнять для себя завесу будущего.

Если бы Годунов и не хотел ничего более, имея все, кроме Феодоровой короны, то и в сем предположении мог ли бы он спокойно наслаждаться величием, помышляя о близкой кончине царя, слабого не только духом, но и телом,— о законном его наследнике, воспитываемом материю и родными в явной, хотя и в честной ссылке, в ненависти к правителю, в чувствах злобы и мести? Что ожидало в таком случае Ирину? Монастырь; Годунова? Темница или плаха,— того, кто мановением двигал царство, ласкаемый царями Востока и Запада!.. Уже дела обнаружили душу Борисову: в ямах, на лобном месте изгибли несчастные, коих опасался правитель: кто же был для него опаснее Димитрия?

Но Годунов еще томился душевным гладом и желал, чего не имел. Надменный своими достоинствами и заслугами, славою и лестию; упоенный счастием и могуществом, волшебным для души самой благородной; кружась на высоте, куда не восходил дотоле ни один из подданных в российской державе, Борис смотрел еще выше и с дерзким вожделением: хотя властвовал беспрекословно, но не своим именем; сиял только заимствованным светом; должен был в самой надменности трудить себя личиною смирения, торжественно унижаться пред тению царя и бить ему челом вместе с рабами. Престол казался Годунову не только святым, лучезарным местом истинной, самобытной власти, но и райским местом успокоения, до коего стрелы вражды и зависти не досягают и где смертный пользуется как бы божественными правами. Сия мечта о прелестях верховного державства представлялась Годунову живее и живее, более и более волнуя в нем сердце, так что он наконец непрестанно занимался ею. Летописец рассказывает следующее, любопытное, хотя и сомнительное обстоятельство: «Имея ум редкий, Борис верил, однако ж, искусству гадателей; призвал некоторых из них в тихий час ночи и спрашивал, что ожидает его в будущем? Льстивые волхвы, или звездочеты, ответствовали: «Тебя ожидает венец...» Но вдруг умолкли, как бы испуганные дальнейшим предвидением. Нетерпеливый Борис велел им договорить; услышал, что ему царствовать только семь лет, и, с живейшею радостию обняв предсказателей, воскликнул: «Хотя бы семь дней, но только царствовать!» Столь нескромно Годунов открыл будто бы внутренность души

мнимым мудрецам суеверного века! По крайней мере он уже не таился от самого себя; знал, чего хотел! Ожидая смерти бездетного царя, располагая волею царицы, наполнив думу, двор, приказы родственниками и друзьями, не сомневаясь в преданности великоименитого иерарха церкви, надеясь также на блеск своего правления и замышляя новые хитрости, чтобы овладеть сердцем или воображением народа, Борис не страшился случая беспримерного в нашем отечестве от времен Рюриковых до Феодоровых: трона упраздненного, конца племени державного, мятежа страстей в выборе новой династии, и, твердо уверенный, что скипетр, выпав из руки последнего венценосца Мономаховой крови, будет вручен тому, кто уже давно и славно царствовал без имени царского, сей алчный властолюбец видел между собою и престолом одного младенца безоружного, как алчный лев видит агнца... Гибель Димитриева была неизбежна!

Приступая к исполнению своего ужасного намерения, Борис мыслил сперва объявить злосчастного царевича незаконнорожденным, как сына шестой или седьмой Иоанновой супруги: не велел молиться о нем и поминать его имени на литургии; но, рассудив, что сие супружество, хотя и действительно беззаконное, было, однако ж, утверждено или терпимо церковною властию, которая торжественным уничтожением оного призналась бы в своей человеческой слабости, к двойному соблазну христиан,— что Димитрий, невзирая на то, во мнении людей остался бы царевичем, единственным Феодоровым наследником,— Годунов прибегнул к вернейшему способу устранить совместника, оправдываясь слухом, без сомнения его же друзьями распущенным, о мнимой преждевременной наклонности Димитриевой ко злу и к жестокости: в Москве говорили всенародно (следственно, без страха оскорбить царя и правителя), что сей младенец, еще имея не более шести или семи лет от роду, есть будто бы совершенное подобие отца: любит муки и кровь; с веселием смотрит на убиение животных; даже сам убивает их. Сею сказкою хотели произвести ненависть к Димитрию в народе; выдумали и другую, для сановников знатных: рассказывали, что царевич, играя однажды на льду с другими детьми, велел сделать из снегу двадцать человеческих изображений, назвал их именами первых мужей государственных, поставил рядом и начал рубить саблею: изображению Бориса Годунова отсек голову, иным — руки и ноги, приговаривая: «Так вам

будет в мое царствование!» В противность клевете нелепой, многие утверждали, что юный царевич оказывает ум и свойства, достойные отрока державного; говорили о том с умилением и страхом, ибо угадывали опасность невинного младенца, видели цель клеветы — и не обманулись: если Годунов боролся с совестию, то уже победил ее и, приготовив легковерных людей услышать без жалости о злодействе, держал в руке яд и нож для Димитрия; искал только, кому отдать их для совершения убийства!

Доверенность, откровенность свойственна ли в таком умысле гнусном? Но Борис, имея нужду в пособниках, открылся ближним, из коих один, дворецкий Григорий Васильевич Годунов, залился слезами, изъявляя жалость, человечество, страх божий: его удалили от совета. Все другие думали, что смерть Димитриева необходима для безопасности правителя и для государственного блага. Начали с яда. Мамка царевича, боярыня Василиса Волохова, и сын ее Осип, продав Годунову свою душу, служили ему орудием; но зелие смертоносное не вредило младенцу, по словам летописца, ни в яствах, ни в питии. Может быть, совесть еще действовала в исполнителях адской воли; может быть, дрожащая рука бережно сыпала отраву, уменьшая меру ее, к досаде нетерпеливого Бориса, который решился употребить иных, смелейших злодеев. Выбор пал на двух чиновников: Владимира Загряжского и Никифора Чепчугова, одолженных милостями правителя; но оба уклонились от сделанного им предложения: готовые умереть за Бориса, мерзили душегубством; обязались только молчать и с сего времени были гонимы. Тогда усерднейший клеврет Борисов, дядька царский, окольничий Андрей Лупп-Клешнин, представил человека надежного: дьяка Михайла Битяговского, ознаменованного на лице печатию зверства так, что дикий вид его ручался за верность во зле. Годунов высыпал золото; обещал более и совершенную безопасность; велел извергу ехать в Углич, чтобы править там земскими делами и хозяйством вдовствующей царицы, не спускать глаз с обреченной жертвы и не упустить первой минуты благоприятной. Битяговский дал и сдержал слово.

Вместе с ним приехали в Углич сын его Даниило и племянник Никита Качалов, также удостоенные совершенной доверенности Годунова. Успех казался легким: с утра до вечера они могли быть у царицы, занимаясь ее домашним обиходом, надзирая над слугами и над сто-

лом; а мамка Димитриева с сыном помогала им советом и делом. Но Димитрия хранила нежная мать... Извещенная ли некоторыми тайными доброжелателями или своим сердцем, она удвоила попечения о милом сыне; не расставалась с ним ни днем, ни ночью; выходила из комнаты только в церковь; питала его из собственных рук, не вверяла ни злой мамке Волоховой, ни усердной кормилице, Ирине Ждановой. Прошло немало времени; наконец убийцы, не видя возможности совершить злодеяние втайне, дерзнули на явное, в надежде, что хитрый и сильный Годунов найдет способ прикрыть оное для своей чести в глазах рабов безмолвных: ибо думали только о людях, не о боге! Настал день, ужасный происшествием и следствиями долговременными: 15 мая, в субботу, в шестом часу дня, царица возвратилась с сыном из церкви и готовилась обедать; братьев ее не было во дворце; слуги носили кушанье. В сию минуту боярыня Волохова позвала Димитрия гулять на двор: царица, думая идти с ними же, в каком-то несчастном рассеянии остановилась. Кормилица удерживала царевича, сама не зная для чего; но мамка силою вывела его из горницы в сени и к нижнему крыльцу, где явились Осип Волохов, Данило Битяговский, Никита Качалов. Первый, взяв Димитрия за руку, сказал: «Государь! У тебя новое ожерелье»». Младенец, с улыбкою невинности подняв голову, отвечал: «Нет, старое»... Тут блеснул над ним убийственный нож; едва коснулся гортани его и выпал из рук Волохова. Закричав от ужаса, кормилица обняла своего державного питомца. Волохов бежал; но Данило Битяговский и Качалов вырвали жертву, зарезали и кинулись вниз с лестницы в самое то мгновение, когда царица вышла из сеней на крыльцо... Девятилетний святый мученик лежал окровавленный в объятиях той, которая воспитала и хотела защитить его своею грудью; он *трепетал, как голубь,* испуская дух, и скончался, уже не слыхав вопля отчаянной матери... Кормилица указывала на безбожную мамку, смятенную злодейством, и на убийц, бежавших двором к воротам: некому было остановить их; но всевышний мститель присутствовал!

Через минуту весь город представил зрелище мятежа неизъяснимого. Пономарь соборной церкви — сам ли, как пишут, видев убийство или извещенный о том слугами царицы — ударил в набат, и все улицы наполнились людьми, встревоженными, изумленными; бежали на звук колокола; смотрели дыма, пламени, думая, что го-

эит дворец; вломились в его ворота; увидели царевича мертвого на земле: подле него лежали мать и кормилица без памяти; но имена злодеев были уже произнесены ими. Сии изверги, невидимым судиею ознаменованные для праведной казни, не успели или боялись скрыться, чтобы не обличить тем своего дела; в замешательстве, в исступлении, устрашенные набатом, шумом, стремлением народа, вбежали в избу разрядную; а тайный вождь их, Михайло Битяговский, бросился на колокольню, чтобы удержать звонаря: не мог отбить запертой им двери и бесстрашно явился на месте злодеяния: приблизился к трупу убиенного; хотел утишить народное волнение; дерзнул сказать гражданам (заблаговременно изготовив сию ложь с Клешниным или с Борисом), что младенец умертвил сам себя ножом в падучей болезни. «Душегубец!» — завопили толпы; камни посыпались на злодея. Он искал убежища во дворце с одним из клевретов своих, Данилом Третьяковым; народ схватил, убил их; также и сына Михайлова и Никиту Качалова, выломив дверь разрядной избы. Третий убийца, Осип Волохов, ушел в дом Михайла Битяговского: его взяли, привели в церковь Спаса, где уже стоял гроб Димитриев, и там умертвили, в глазах царицы; умертвили еще слуг Михайловых, трех мещан, уличенных или подозреваемых в согласии с убийцами, и *женку юродивую,* которая жила у Битяговского и часто ходила во дворец; но мамку оставили живую для важных показаний: ибо злодеи, издыхая, облегчили свою совесть, как пишут, искренним признанием; наименовали и главного виновника Димитриевой смерти: Бориса Годунова. Вероятно, что устрашенная мамка также не запиралась в адском кове; но судиею преступления был сам преступник!

Беззаконно совершив месть, хотя и праведную — от ненависти к злодеям, от любви к царской крови забыв гражданские уставы,— извиняемый чувством усердия, но виновный перед судилищем государственной власти, народ опомнился, утих и с беспокойством ждал указа из Москвы, куда градоначальники послали гонца с донесением о бедственном происшествии, без всякой утайки, надписав бумагу на имя царя. Но Годунов бодрствовал: верные ему чиновники были расставлены по Углицкой дороге; всех едущих задерживали, спрашивали, осматривали; схватили гонца и привели к Борису. Желание злого властолюбца исполнилось!.. Надлежало только затмить истину ложью, если не для совершенного удостоверения людей беспристрастных, то по крайней мере для

вида, для пристойности. Взяли и переписали грамоты углицкие: сказали в них, что царевич в судорожном припадке заколол себя ножом, от небрежения Нагих, которые, закрывая вину свою, бесстыдно оклеветали дьяка Битяговского и ближних его в убиении Димитрия, взволновали народ, злодейски истерзали невинных. С сим подлогом Годунов спешил к Феодору, лицемерно изъявляя скорбь душевную; трепетал, смотрел на небо — и, вымолвив ужасное слово о смерти Димитриевой, смешал слезы крокодиловы с искренними слезами доброго, нежного брата. Царь, по словам летописца, горько плакал, долго безмолвствуя; наконец сказал: «Да будет воля божия!» — и всему поверил. Но требовалось чего-нибудь более для России: хотели оказать усердие в исследовании всех обстоятельств сего несчастия: нимало не медля, послали для того в Углич двух знатных сановников государственных — и кого же? Окольничего Андрея Клешнина, главного Борисова пособника в злодействе! Не дивились сему выбору: могли удивиться другому: боярина князя Василия Ивановича Шуйского, коего старший брат, князь Андрей, погиб от Годунова и который сам несколько лет ждал от него гибели, будучи в опале. Но хитрый Борис уже примирился с сим князем честолюбивым, легкомысленным, умным, без правил добродетели и с меньшим его братом Димитрием, женив последнего на своей юной свояченице и дав ему сан боярина. Годунов знал людей и не ошибся в князе Василии, оказав таким выбором мнимую неустрашимость, мнимое беспристрастие.— 19 мая, ввечеру, князь Шуйский, Клешнин и дьяк Вылузгин приехали в Углич, а с ними и Крутицкий митрополит, прямо в церковь св. Преображения.

Там еще лежало Димитриево тело окровавленное и на теле — нож убийц. Злосчастная мать, родные и все добрые граждане плакали горько. Шуйский с изъявлением чувствительности приступил ко гробу, чтобы видеть лицо мертвого, осмотреть язву; но Клешнин, увидев сие ангельское, мирное лицо, кровь и нож, затрепетал, оцепенел, стоял неподвижно, обливаясь слезами; не мог произнести ни единого слова: он еще имел совесть! Глубокая язва Димитриева, гортань, перерезанная рукою сильного злодея, не собственною, не младенческою, свидетельствовала о несомнительном убиении: для того спешили предать земле святые мощи невинности; митрополит отпел их — и князь Шуйский начал свои допросы: памятник его бессовестной лживости, сохраненный вре-

менем как бы в оправдание бедствий, которые чрез несколько лет пали на главу уже венценосную, сего слабого, если и не безбожного человекоугодника! Собрав духовенство н граждан, он спросил у них: «Каким образом Димитрий, от небрежения Нагих, заколол сам себя?» Единодушно, единогласно — иноки, священники, мужи и жены, старцы и юноши — ответствовали: «Царевич убиен своими рабами, Михайлом Битяговским с клевретами, по воле Бориса Годунова». Шуйский не слушал далее; распустил их; решился допрашивать тайно, особенно, не миром, действуя угрозами и обещаниями; призывал кого хотел; писал что хотел,— и наконец, вместе с Клешниным и с дьяком Вылузгиным, составил следующее донесение царю, основанное будто бы на показаниях городских чиновников, мамки Волоховой, жильцов или царевичевых детей боярских, Димитриевой кормилицы Ирины, постельницы Марьи Самойловой, двух Нагих: Григория и Андрея Александрова — царицыных ключников и стряпчих, некоторых граждан и духовных особ: «Димитрий, в среду мая 12, занемог падучею болезнию; в пятницу ему стало лучше: он ходил с царицею к обедне н гулял на дворе; в субботу, также после обедни, вышел гулять на двор с мамкою, кормилицею, постельницею н с молодыми жильцами; начал играть с ними ножом в *тычку* и в новом припадке черного недуга проткнул себе горло ножом, долго бился о землю и скончался. Имея сию болезнь и прежде, Димитрий однажды уязвил свою мать, а в другой раз объел руку дочери Андрея Нагого. Узнав о несчастии сына, царица прибежала и начала бить мамку, говоря, что его зарезали Волохов, Качалов, Данило Битяговский; из коих ни одного тут не было; но царица и *пьяный* брат ее, Михайло Нагой, велели умертвить их и дьяка Битяговского безвинно, единственно за то, что сей усердный дьяк не удовлетворял корыстолюбию Нагих и не давал им денег сверх указа государева. Сведав, что сановники царские едут в Углич, Михайло Нагой велел принести несколько самопалов, ножей, железную палицу,— вымазать оные кровью н положить на тела убитых, в обличение их мнимого злодеяния». Сию нелепость утвердили своею подписью Воскресенский архимандрит Феодорит, два игумена и духовник Нагих, от робости н малодушия; а свидетельство истины, мирское, единогласное, было утаено: записали только ответы Михайла Нагого, как бы явного клеветника, упрямо стоящего в том, что Димитрий погиб от руки злодеев.

Шуйский, возвратясь в Москву, 2 июня представил свои допросы государю; государь же отослал их к патриарху и святителям, которые, в общей думе с боярами, велели читать сей свиток знатному дьяку Василию Щелкалову. Выслушав, митрополит Крутицкий Геласий встал и сказал Иову: «Объявляю священному собору, что вдовствующая царица в день моего отъезда из Углича призвала меня к себе и слезно убеждала смягчить гнев государев на тех, которые умертвили дьяка Битяговского и товарищей его; что она сама видит в сем деле преступление, моля смиренно, да не погубит государь ее бедных родственников». Лукавый Геласий — исказив, вероятно, слова несчастной матери — подал Иову новую бумагу от имени городового углицкого прикащика, который писал в ней, что Димитрий действительно умер в черном недуге, а Михайло Нагой, *пьяный,* велел народу убить невинных.... И собор (воспоминание, горестное для церкви!) поднес Феодору доклад такого содержания: «Да будет воля государева! Мы же удостоверились несомнительно, что жизнь царевичева прекратилась судом божиим; что Михайло Нагой есть виновник кровопролития ужасного, действовал по внушению личной злобы и советовался с злыми *вещунами,* с Андреем Мочаловым и с другими; что граждане углицкие вместе с ним достойны казни за свою *измену* и беззаконие. Но сие дело есть земское: ведает оное бог и государь; в руке державного опала и милость. А мы должны единственно молить всевышнего о царе и царице, о тишине и благоденствии народа!» Феодор велел боярам решить дело и казнить виновных: привезли в Москву Нагих, кормилицу Димитриеву с мужем и мнимого вещуна Мочалова, в тяжких оковах; снова допрашивали, пытали, особенно Михайла Нагого, и не могли вынудить от него лжи о самоубийстве Димитрия; наконец сослали всех Нагих в отдаленные города и заключили в темницы; вдовствующую царицу, неволею постриженную, отвезли в дикую пустыню св. Николая на Выксе (близ Череповца); тела злодеев — Битяговского и товарищей его, кинутые углицким народом в яму, вынули, отпели в церкви и предали земле с великою честию; а граждан тамошних, объявленных убийцами невинных, казнили смертию, числом около двухсот; другим отрезали языки; многих заточили; большую часть вывели в Сибирь и населили ими город Пелым, так что древний обширный Углич, где было, если верить преданию, 150 церквей и не менее тридцати ты-

сяч жителей, опустел навеки, в память ужасного Борисова гнева на смелых обличителей его дела. Остались развалины, вопия к небу о мести!

Карая великодушие, Годунов с такою же дерзостию наградил злодеяние, дав богатые земли и поместья гнусной мамке Волоховой, жене и дочерям Битяговского; осыпал дарами мужей думных и всех знатных сановников; ласкал их, угощал обедами роскошными (не мог успокоить одного Клешнина, в терзаниях совести умершего чрез несколько лет схимником)... Но в безмолвии двора и церкви слышан был ропот народа, не обманутого ни следствием Шуйского, ни приговором святителей, ни судом боярским: лазутчики Годунова слышали вполголоса произносимые слова о *страшном заклании,* тайном его виновнике, жалостном ослеплении царя, бессовестном потворстве вельмож и духовенства; видели в толпах печальные лица. Борис, тревожимый молвою, нашел способ утишить оную, в великом бедствии, которое тогда постигло столицу. Накануне троицы, в отсутствие государя, уехавшего с боярами в лавру св. Сергия, запылал в Москве двор колымажный и в несколько часов сгорели улицы Арбатская, Никитская, Тверская, Петровская до Трубы, весь Белый город и за ним двор посольский, слободы стрелецкие, все Занеглинье: домы, лавки, церкви и множество людей. Кремль и Китай, где жило знатное дворянство, уцелели; но граждане остались без крова, некоторые и без имения. Стон и вой раздавались среди обширного пепелища, и люди толпами бежали на Троицкую дорогу встретить Феодора, требовать его милости и помощи: Борис не допустил их до царя; явился между ими с видом любви и сожаления, всех выслушал, всем обещал и сделал обещанное: выстроил целые улицы, раздавал деньги, льготные грамоты; оказывал щедрость беспримерную, так что москвитяне, утешенные, изумленные сими благодеяниями, начали ревностно славить Годунова. Случайно ли воспользовался он несчастием столицы для приобретения любви народной или был тайным виновником оного, как утверждает летописец и как думали многие из современников? В самых разрядных книгах сказано, что Москву жгли тогда злодеи; но Борис хотел обратить сие подозрение на своих ненавистников: взяли людей Афанасия Нагого и братьев его, допрашивали и говорили, что они уличаются в злодействе; однако ж не казнили их, и дело осталось неясным для потомства.

Из главы III

ПРОДОЛЖЕНИЕ ФЕОДОРОВА ЦАРСТВОВАНИЯ

1591—1598

...Закон об укреплении крестьян и слуг.— Новая крепость в Смоленске.— Зажигальщики.— Двор московский.— Ослепление царя Симеона.— Святители греческие в Москве.— Разрушение Печерской обители.— Слово Феодорово Годунову.— Кончина Феодорова.— Присяга царице Ирине.— Пострижение Ирины.— Избрание Годунова в цари.

Из дел внутренних сего времени достопамятно следующее.

Мы знаем, что крестьяне искони имели в России гражданскую свободу, но без собственности недвижимой: свободу в назначенный законом срок переходить с места на место, от владельца к владельцу, с условием обрабатывать часть земли для себя, другую — для господина или платить ему оброк. Правитель видел невыгоды сего перехода, который часто обманывал надежду земледельцев сыскать господина лучшего, не давал им обживаться, привыкать к месту и к людям для успехов хозяйства, для духа общественного,— умножал число бродяг и бедность: пустели села и деревни, оставляемые *кочевыми* жителями; домы обитаемые, или хижины, падали от нерадения хозяев временных. Правитель хвалился льготою, данною им состоянию земледельцев в отчинах царских и, может быть, в его собственных: без сомнения, желая добра не только владельцам, но и работникам сельским — желая утвердить между ими союз неизменный, как бы семейственный, основанный на единстве выгод, на благосостоянии общем, нераздельном,— он в 1592 или в 1593 году законом уничтожил свободный переход крестьян из волости в волость, из села в село и навеки укрепил их за господами. Что ж было следствием? Негодование знатной части народа и многих владельцев богатых. Крестьяне жалели о древней свободе, хотя и часто бродили с нею бездомками от юных лет до гроба, хотя и не спасались ее правом от насилия господ временных, безжалостных к людям, для них непрочным; а богатые владельцы,

имея немало земель пустых, лишались выгоды населять оные хлебопашцами вольными, коих они сманивали от других вотчинников или помещиков. Тем усерднее могли благодарить Годунова владельцы менее избыточные, ибо уже не страшились запустения ни деревень, ни полей своих от ухода жителей и работников.— Далее откроется, что законодатель благонамеренный, предвидев, вероятно, удовольствие одних и неудовольствие других, не предвидел, однако ж, всех важных следствий сего нового устава, дополненного указом 1597 года, о непременном возвращении беглых крестьян с женами, с детьми и со всем имением господам их, от коих они ушли в течение последних пяти лет, избывая крепостной неволи.— Тогда же вышел указ, чтобы все бояре, князья, дворяне, люди воинские, приказные и торговые явили крепости на своих холопей, им служащих или беглых, для записания их в книги приказа холопьего, коему велено было дать господам кабалы и на людей *вольных,* если сии люди *служили* им не менее *шести месяцев;* то есть законодатель желал угодить господам, не боясь оскорбить бедных слуг, ни справедливости: но подтвердил вечную свободу отпущенников с женами и с детьми обоего пола.

Защитив юг России новыми твердынями, Борис для безопасности нашей границы литовской в 1596 году основал каменную крепость в Смоленске, куда он сам ездил, чтобы назначить места для рвов, стен и башен. Сие путешествие имело и цель иную: Борис хотел пленить жителей Западной России своею милостию; везде останавливался, в городах и селах; снисходительно удовлетворял жалобам, раздавал деньги бедным, угощал богатых. Возвратясь в Москву, правитель сказал царю, что Смоленск будет *ожерельем России.* «Но в сем *ожерелье* (возразил ему князь Трубецкий) могут завестися насекомые, коих мы не скоро выживем»: «Слово достопамятное! — говорит летописец.— Оно сбылося: ибо Смоленск, нами укрепленный, сделался твердынею Литвы».— Феодор послал туда каменщиков изо всех городов, ближних и дальних. Строение кончилось в 1600 году.

Москва украсилась зданиями прочными. В 1595 году, в отсутствие Феодора, ездившего в Боровскую обитель св. Пафнутия, сгорел весь Китай-город; через несколько месяцев он восстал из пепла с новыми каменными лавками и домами, но едва было снова не сделался жертвою огня и злодейства, которое изумило москвитян своею безбожною дерзостию. Нашлись изверги, и люди чиновные: князь Василий Щепин, дворяне Лебедев, два Бай-

кова, отец с сыном, и другие; тайно условились зажечь столицу, ночью, в разных местах, и в общем смятении расхитить богатую казну, хранимую у церкви Василия Блаженного. К счастию, правительство узнало о сем заговоре; схватили злодеев и казнили: князю Щепину и Байковым отсекли головы на лобном месте; иных повесили или на всю жизнь заключили. Сия казнь произвела сильное впечатление в московском народе, уже отвыкавшем от зрелищ кровопролития: гнушаясь адским умыслом, он живо чувствовал спасительный ужас законов для обуздания преступников.

Ревностная, благотворная деятельность верховной власти оказывалась в разных бедственных случаях. Многие города, опустошенные пожарами, были вновь выстроены иждивением царским; где не родился хлеб, туда немедленно доставляли его из мест изобильных; во время заразительных болезней учреждались заставы: летописи около 1595 года упоминают о сильном море во Пскове, где осталось так мало жителей, что царь велел перевести туда мещан из других городов.— Внутреннее спокойствие России было нарушено впадением крымских разбойников в области Мещерскую, Козельскую, Воротынскую и Перемышльскую: калужский воевода Михайло Безнин встретился с ними на берегах Высы и побил их наголову.

Двор московский отличался благолепием. Не одни любимцы державного, как бывало в грозные дни Иоанновы, но все бояре и мужи государственные ежедневно, утром и ввечеру, собирались в кремлевских палатах видеть царя и с ним молиться, заседать в думе (три раза в неделю, кроме чрезвычайных надобностей: в понедельник, в среду и в пятницу, от семи часов утра до десяти и более), или принимать иноземных послов, или только беседовать друг с другом. Обедать, ужинать возвращались домой, кроме двух или трех вельмож, изредка приглашаемых к столу царскому: ибо Феодор, слабый и недужный, отменил утомительные многолюдные трапезы времен своего отца, деда и прадеда; редко обедал и с послами. Пышность двора его увеличивало присутствие некоторых знаменитых изгнанников Азии и Европы: царевич Хивинский, господари молдавские (Стефан и Димитрий), сыновья Волошского, родственник императоров византийских Мануил Мусколович, селунский вельможа Димитрий и множество благородных греков являлись у трона Феодорова вместе с другими чиновными иноземцами, которые искали службы в России.— Пред

дворцом стояло обыкновенно 250 стрельцов с заряженными пищалями, с фитилями горящими. Внутреннею стражею палат кремлевских были 200 знатнейших детей боярских, называемых жильцами: они, сменяясь, ночевали всегда в третьей комнате от спальни государевой, а в первой и второй — ближние царедворцы, постельничий и товарищи его, называемые *спальниками;* каждую дверь стерег истопник, зная, кто имел право входить в оную. Все было устроено для порядка и важности.

Приближаясь к мете, Годунов более и более старался обольщать людей наружностию государственных и человеческих добродетелей; но, буде предание не ложно, еще умножил свои тайные злодеяния новым. Так называемый царь и великий князь тверской Симеон, женатый на сестре боярина Федора Мстиславского, снискав милость Иоаннову верною службою и принятием христианского закона, имев в Твери пышный двор и власть наместника с какими-то правами удельного князя, должен был в царствование Феодорово выехать оттуда и жить уединенно в селе своем Куталине. Не знаменитый ни разумом, ни мужеством, он слыл, однако ж, благочестивым, смиренным в счастии, великодушным в ссылке и казался опасным правителю, нося громкое имя царское и будучи зятем первого родового вельможи. Борис в знак ласки прислал к нему на именины вина испанского: Симеон выпил кубок, желая здравия царю, и через несколько дней *ослеп,* будто бы от ядовитого зелия, смешанного с сим вином: так говорит летописец; так говорил и сам несчастный Симеон французу Маржерету. По крайней мере сие ослепление могло быть полезно для Бориса: ибо государственные бумаги следующих времен России доказывают, что мысль возложить венец Мономахов на голову татарина не всем россиянам казалась тогда нелепою.

Обратим взор в последний раз на самого Феодора. И в цветущей юности не имев иной важной мысли, кроме спасения души, он в сие время еще менее заботился о мире и царстве; ходил и ездил из обители в обитель, благотворил нищим и духовенству, особенно греческим монахам, иерусалимским, пелопоннесским и другим, которые приносили к нам драгоценности святыни (одни не расхищенные турками!): кресты, иконы, мощи. Многие из сих бедных изгнанников оставались в России: Кипрский архиепископ Игнатий жил в Москве; Арсений Элассонский, быв у нас вместе с патриархом Иеремиею, возвратился и начальствовал над Суздальскою епархиею.—

Феодор с радостию сведал о явлении в Угличе нетленных мощей князя Романа Владимировича (внука Константинова) и душевно оскорбился бедствием знаменитой обители Печерской Нижегородской, где спасались некогда угодники божии Дионисий Суздальский, ученик его Евфимий и Макарий Желтоводский или Унженский: гора, под которою стоял монастырь, вдруг с треском и колебанием двинулась к Волге, засыпала и разрушила церковь, келии, ограду. Сия гибель места святого поразила воображение людей суеверных и названа в летописи *великим знамением* того, что ожидало Россию,— чего ожидал и Феодор, заметно слабея здравием. Пишут, что он (в 1596 году), торжественно перекладывая мощи Алексия митрополита в новую серебряную раку, велел Годунову взять их в руки и, взирая на него с печальным умилением, сказал: «Осязай святыню, правитель народа христианского! Управляй им и впредь с ревностию. Ты достигнешь желаемого; но все суета и миг на земле!» Феодор предчувствовал близкий конец свой, и час настал.

Нет, не верим преданию ужасному, что Годунов будто бы ускорил сей час отравою. Летописцы достовернейшие молчат о том, с праведным омерзением изобличая все иные злодейства Борисовы. Признательность смиряет и льва яростного; но если ни святость венценосца, ни святость благотворителя не могли остановить изверга, то он еще мог бы остановиться, видя в бренном Феодоре явную жертву скорой естественной смерти и между тем властвуя и ежедневно утверждая власть свою как неотъемлемое достояние... Но история не скрывает и клеветы, преступлениями заслуженной.

В конце 1597 года Феодор впал в тяжкую болезнь; 6 генваря открылись в нем явные признаки близкой смерти, к ужасу столицы. Народ любил Феодора как ангела земного, озаренного лучами святости, и приписывал действию его ревностных молитв благосостояние отечества; любил с умилением, как последнего царя Мономаховой крови,— и когда в отверстых храмах еще с надеждою просил бога об исцелении государя доброго, тогда патриарх, вельможи, сановники, уже не имея надежды, с искренним сокрушением сердца предстояли одру болящего, в ожидании последнего действия Феодоровой самодержавной власти: завещания о судьбе России сиротеющей. Но как в течение жизни, так и при конце ее Феодор не имел иной воли, кроме Борисовой; и в сей великий час не изменил своей беспредельной доверенности к

наставнику: лишаясь зрения и слуха, еще устремлял темнеющий взор на Годунова и с усилием внимал его шептаниям, чтобы сделать ему угодное. Безмолвствовали бояре: первосвятитель Иов дрожащим голосом сказал: «Свет в очах наших меркнет; праведный отходит к богу... Государь! Кому приказываешь царство, нас, сирых, и свою царицу?» Феодор тихо ответствовал: «В царстве, в вас и в моей царице волен господь всевышний... Оставляю грамоту духовную». Сие завещание было уже написано: Феодор вручал державу Ирине, а душу свою приказывал великому святителю Иову, двоюродному брату Федору Никитичу Романову-Юрьеву (племяннику царицы Анастасии) и шурину Борису Годунову; то есть избрал их быть главными советниками трона. Он хотел проститься с нежною супругою наедине и говорил с нею без земных свидетелей: сия беседа осталась неизвестною. В 11 часов вечера Иов помазал царя елеем, исповедал и приобщил святых таин. В час утра, 7 генваря, Феодор испустил дух, без судорог и трепета, незаметно, как бы заснув тихо и сладко.

В сию минуту оцепенения, горестию произведенного, явилась царица и пала на тело умершего: ее вынесли в беспамятстве. Тогда, изъявляя и глубокую скорбь и необыкновенную твердость духа, Годунов напомнил боярам, что они, уже не имея царя, должны присягнуть царице: все с ревностию исполнили сей обряд священный, целуя крест в руках патриарха... Случай дотоле беспримерный: ибо мать Иоаннова, Елена, властвовала только именем сына-младенца: Ирине же отдавали скипетр Мономахов со всеми правами самобытной, неограниченной власти.— На рассвете ударили в большой колокол успенский, извещая народ о преставлении Феодора, и вопль раздался в Москве от палат до хижин: каждый дом, по выражению современника, был *домом плача*. Дворец не мог вместить людей, которые стремились к одру усопшего: и знатные и нищие. Слезы лилися; но и чиновники и граждане, подобно боярам, с живейшим усердием клялись в верности к любимой царице-матери, которая еще спасала Россию от сиротства совершенного. Столица была в отчаянии, но спокойна. Дума послала гонцов в области; велела затворить пути в чужие земли до нового указа и везде строго блюсти тишину.

Тело Феодорово вложили в раку, при самой Ирине, которая ужасала всех исступлением своей неописанной скорби: терзалась, билась; не слушала ни брата, ни патриарха; из уст ее, обагренных кровию, вырывались

слова: «Я вдовица бесчадная... Мною гибнет корень царский!» Ввечеру отнесли гроб в церковь Михаила Архангела патриарх, святители, бояре и народ вместе; не было различия в званиях: общая горесть сравняла их. 8 генваря совершилось погребение, достопамятное не великолепием, но трогательным беспорядком: захлипаясь от слез и рыдания, духовенство прерывало священнодействие; и лики умолкали; в вопле народном никто не мог слышать пения. Уже не плакала — одна Ирина: ее принесли в храм как мертвую. Годунов не осушал глаз, смотря на злосчастную царицу, но давал все повеления. Отверзли могилу для гроба Феодорова, подле Иоаннова: народ громогласно изъявил благодарность усопшему за счастливые дни царствования, с умилением славя личные добродетели сего ангела кротости, наследованные им от незабвенной Анастасии,— именуя его не царем, но отцом чадолюбивым, и в искреннем прискорбии сердца забыв слабость души Феодоровой.— Когда предали тело земле, патриарх, а с ним и все люди, воздев руки на небо, молились, да спасет господь Россию и, лишив ее пастыря, да не лишит своей милости.— Совершив печальный обряд, роздали богатую казну бедным, церквам и монастырям; отворили темницы, освободили всех узников, даже смертоубийц, чтобы сим действием милосердия увенчать земную славу Феодоровых добродетелей...

Так пресеклось на троне Московском знаменитое варяжское поколение, коему Россия обязана бытием, именем и величием,— от начала столь малого, сквозь ряд веков бурных, сквозь огнь и кровь, достигнув господства над севером Европы и Азии воинственным духом своих властителей и народа, счастием и промыслом божиим!..

Скоро узнала печальная столица, что вместе с Ириною вдовствует и трон Мономахов; что венец и скипетр лежат на нем праздно; что Россия, не имея царя, не имеет и царицы!

Пишут, что Феодор набожный, прощаясь с супругою, вопреки своему завещанию тайно велел ей презреть земное величие и посвятить себя богу: может быть, и сама Ирина, вдовица бездетная, в искреннем отчаянии возненавидела свет, не находя утешения в царской пышности; но гораздо вероятнее, что так хотел Годунов, располагая сердцем и судьбою нежной сестры. Он уже не мог возвыситься в царствование Ирины, властвовав беспредельно и при Феодоре; не мог, в конце

пятого десятилетия жизни, еще ждать или откладывать; вручил царство Ирине, чтобы взять его себе, из рук единокровной, как бы правом наследия: занять на троне место *Годуновой,* а не Мономахова венценосного племени, и менее казаться похитителем в глазах народа. Никогда сей лукавый честолюбец не был столь деятелен, явно и скрытно, как в последние дни Феодоровы и в первые — мнимого Иринина державства; явно, чтобы народ не имел и мысли о возможности государственного устройства без радения Борисова; скрытно, чтобы дать вид свободы и любви действию силы, обольщения и коварства. Как бы невидимою рукою обняв Москву, он управлял ее движениями чрез своих слуг бесчисленных; от церкви до синклита, до войска и народа, все внимало и следовало его внушениям, благоприятствуемым, с одной стороны, робостию, а с другой — истинною признательностию к заслугам и милостям Борисовым. Обещали и грозили; шепотом и громогласно доказывали, что спасение России нераздельно с властию правителя,— и, приготовив умы или страсти к великому феатральному действию, в девятый день по кончине царя объявили торжественно, что Ирина отказывается от царства и навеки удаляется в монастырь восприять ангельский образ инокини. Сия весть поразила Москву: святители, дума, сановники, дворяне, граждане собором пали пред венценосною вдовою, плакали неутешно, называли ее матерью и заклинали не оставлять их в ужасном сиротстве; но царица, дотоле всегда мягкосердая, не тронулась молением слезным: ответствовала, что воля ее неизменна и что государством будут править бояре, вместе с патриархом, до того времени, когда успеют собраться в Москву все чины Российской державы, чтобы решить судьбу отечества по вдохновению божию. В тот же день Ирина выехала из дворца Кремлевского в Новодевичий монастырь и под именем Александры вступила в сан инокинь. Россия осталась без главы, а Москва — в тревоге, в волнении...

Где был Годунов и что делал? Заключился в монастыре с сестрою, плакал и молился с нею. Казалось, что он, подобно ей, отвергнул мир, величие, власть, кормило государственное и предал Россию в жертву бурям; но кормчий неусыпно бодрствовал, и Годунов в тесной келии монастырской твердою рукою держал царство!

Сведав о пострижении Ирины, духовенство, чиновники и граждане собралися в Кремле, где государствен-

ный дьяк и печатник Василий Щелкалов, представив им вредные следствия безначалия, требовал, чтобы они целовали крест на имя думы боярской. Никто не хотел слышать о том; все кричали: «Не знаем ни князей, ни бояр: знаем только царицу: ей мы дали присягу и другой не дадим никому: она и в черницах мать России». Печатник советовался с вельможами, снова вышел к гражданам и сказал, что царица, оставив свет, уже не занимается делами царства и что народ должен присягнуть боярам, если не хочет видеть государственного разрушения. Единогласным ответом было: «И так да царствует брат ее!» Никто не дерзнул противоречить, ни безмолвствовать: все восклицали: «Да здравствует отец наш, Борис Феодорович! Он будет преемником матери нашей царицы!» Немедленно *всем собором* пошли в монастырь Новодевичий, где патриарх Иов, говоря именем отечества, заклинал монахиню Александру благословить ее брата на царство, ею презренное из любви к жениху бессмертному, Христу Спасителю,— исполнить тем волю божию и народную — утишить колебание в душах и в государстве — отереть слезы россиян, бедных, сирых, беспомощных и снова восставить державу сокрушенную, доколе враги христианства еще не уведали о вдовстве Мономахова престола. Все проливали слезы — и сама царица-инокиня, внимая первосвятителю красноречивому. Иов обратился к Годунову; смиренно предлагал ему корону, называл его свышеизбранным для возобновления царского корени в России, естественным наследником трона после зятя и друга, обязанного всеми успехами своего владычества Борисовой мудрости.

Так совершилось желание властолюбца!.. Но он умел лицемерить: не забылся в радости сердца — и, за семь лет пред тем смело вонзив убийственный нож в гортань св. младенца Димитрия, чтобы похитить корону, с ужасом отринул ее, предлагаемую ему торжественно, единодушно духовенством, синклитом, народом; *клялся,* что никогда, рожденный верным подданным, не мечтал о сане державном и никогда не дерзнет взять скипетра, освященного рукою усопшего царя-ангела, его отца и благотворителя; говорил, что в России много князей и бояр, коим он, уступая в знатности, уступает и в личных достоинствах; но из признательности к любви народной обещается вместе с ними радеть о государстве еще ревностнее прежнего. На сию речь, заблаговременно сочиненную, патриарх ответствовал такою же, и весьма плодовитою, исполненною движений витийства и приме-

ров исторических; обвинял Годунова в излишней скромности, даже в неповиновении воле божией, которая столь явна в общенародной воле; доказывал, что всевышний искони готовил ему и роду его на веки веков державу Владимирова потомства, Феодоровою смертию пресеченного, напоминал о Давиде, царе Иудейском, Феодосии Великом, Маркиане, Михаиле Косноязычном, Василии Македонском, Тиберии и других императорах византийских, неисповедимыми судьбами небесными возведенных на престол из ничтожества; сравнивал их добродетели с Борисовыми; убеждал, требовал, и не мог поколебать его твердости ни в сей день, ни в следующие — ни пред лицом народа, ни без свидетелей,— ни молением, ни угрозами духовными. Годунов решительно отрекся от короны.

Но патриарх и бояре еще не теряли надежды: ждали *великого собора,* коему надлежало быть в Москве чрез шесть недель по смерти Феодора; то есть велели съехаться туда из всех областных городов людям выборным: духовенству, чиновникам воинским и гражданским, купцам, мещанам. Годунов хотел, чтобы не одна столица, но вся Россия призвала его на трон, и взял меры для успеха, всюду послав ревностных слуг своих и клевретов: сей вид единогласного свободного избрания казался ему нужным — для успокоения ли совести? Или для твердости и безопасности его властвования? Между тем Борис жил в монастыре, а государством правила дума, советуясь с патриархом в делах важных; но указы писала именем *царицы Александры* и на ее же имя получала донесения воевод земских. Между тем оказывались неповиновение и беспорядок: в Смоленске, Пскове и в иных городах воеводы не слушались ни друг друга, ни предписаний думы. Между тем носились слухи о впадении хана крымского в пределы России, и народ говорил в ужасе: «Хан будет под Москвою, а мы без царя и защитника!» Одним словом, все благоприятствовало Годунову, ибо все было им устроено!

В пятницу, 17 февраля, открылась в Кремле дума земская, или государственный собор, где присутствовало, кроме всего знатнейшего духовенства, синклита, двора, не менее пятисот чиновников и людей выборных из всех областей, для дела великого, небывалого со времен Рюрика: для назначения венценосца России, где дотоле властвовал непрерывно, уставом наследия, род князей варяжских и где государство существовало государем; где все законные права истекали из его единственного

самобытного права: судить и рядить землю по закону совести. Час опасный: кто избирает, тот дает власть и, следственно, имеет оную: ни уставы, ни примеры не ручались за спокойствие народа в ее столь важном действии, и сейм кремлевский мог уподобиться варшавским: бурному морю страстей, гибельных для устройства и силы держав. Но долговременный навык повиновения и хитрость Борисова представили зрелище удивительное: тишину, единомыслие, уветливость во многолюдстве разнообразном, в смеси чинов и званий. Казалось, что все желали одного: как сироты, найти скорее отца — и знали, в ком искать его. Граждане смотрели на дворян, дворяне — на вельмож, вельможи — на патриарха. Известив собор, что Ирина не захотела ни царствовать, ни благословить брата на царство и что Годунов также не принимает венца Мономахова, Иов сказал: «Россия, тоскуя без царя, нетерпеливо ждет его от мудрости собора. Вы, святители, архимандриты, игумены; вы, бояре, дворяне, люди приказные, дети боярские и всех чинов люди царствующего града Москвы и всей земли русской! Объявите нам мысль свою и дайте совет, кому быть у нас государем. Мы же, свидетели преставления царя и великого князя Феодора Иоанновича, думаем, что нам мимо Бориса Феодоровича не должно искать другого самодержца». Тогда все духовенство, *бояре, воинство и народ* единогласно ответствовали: «Наш совет и желание то же: немедленно бить челом государю Борису Феодоровичу и мимо его не искать другого властителя для России». Усердие обратилось в восторг, и долго нельзя было ничего слышать, кроме имени Борисова, громогласно повторяемого всем многочисленным собранием. Тут находились князья Рюрикова племени: Шуйские, Сицкие, Воротынский, Ростовские, Телятевские и столь многие иные; но давно лишенные достоинства князей владетельных, давно слуги московских государей наравне с детьми боярскими, они не дерзали мыслить о своем наследственном праве и спорить о короне с тем, кто без имени царского уже тринадцать лет единовластвовал в России: был хотя и потомком мурзы, но братом царицы. Восстановив тишину, вельможи, в честь Годунова, рассказали духовенству, чиновникам и гражданам следующие обстоятельства: «Государыня Ирина Феодоровна и знаменитый брат ее с самого первого детства возрастали в палатах великого царя Иоанна Васильевича и питались от стола его. Когда же царь удостоил Ирину быть своею невесткою, с того времени

Борис Феодорович жил при нем неотступно, навыкая государственной мудрости. Однажды, узнав о недуге сего юного любимца, царь приехал к нему с нами и сказал милостиво: «Борис! Страдаю за тебя как за сына, за сына как за невестку, за невестку как за самого себя»,— поднял три перста десницы своей и примолвил: «Се Феодор, Ирина и Борис; ты не раб, а сын мой». В последние часы жизни, всеми оставленный для исповеди, Иоанн удержал Бориса Феодоровича при одре своем, говоря ему: «Для тебя обнажено мое сердце. Тебе приказываю душу, сына, дочь и все царство: блюди или дашь за них ответ богу». Помня сии незабвенные слова, Борис Феодорович хранил яко зеницу ока и юного царя и великое царство». Описав, как правитель своею неусыпною мудрою деятельностию возвысил отечество,— смирил хана и шведов, обуздал Литву, расширил владения России, умножил число ее царей — данников и слуг; как знаменитейшие венценосцы Европы и Азии изъявляют ей уважение и приязнь — какая тишина внутри государства, милость для войска и для народа, правда в судах, защита для бедных, вдов и сирот,— бояре заключили так: «Мы напомним вам случай достопамятный. Когда царь Феодор, умом и мужеством правителя одержав славнейшую победу над ханом, весело пировал с духовенством и синклитом: тогда, в умилении признательности, сняв с себя златую *царскую* гривну, он возложил ее на выю своего шурина». А патриарх изъяснил собранию, что царь, исполненный св. духа, сим таинственным действием ознаменовал будущее державство Годунова, искони предопределенное небом. Снова раздались крики: «Да здравствует государь наш Борис Феодорович!» И патриарх воззвал к собору: «Глас народа есть глас божий: буди, что угодно всевышнему!»

В следующий день, февраля 18, в первый час утра, церковь Успения наполнилась людьми: все, преклонив колена, духовенство, синклит и народ, усердно молили бога, чтобы правитель смягчился и принял венец; молились еще два дни, и февраля 20 Иов, святители, вельможи объявили Годунову, что он избран в цари уже не Москвою, а всею Россиею. Но Годунов вторично ответствовал, что высота и сияние Феодорова трона ужасают его душу; клялся снова, что и в сокровенности сердца не представлялась ему мысль столь дерзостная; видел слезы, слышал убеждения самые трогательные и был непреклонен; выслал *искусителей,* духовенство с синкли-

том, из монастыря и не велел им возвращаться. Надлежало искать действительнейшего средства: размышляли — и нашли. Святители в общем совете с боярами уставили петь 21 февраля во всех церквах *праздничный молебен* и с обрядами торжественными, с святынею веры и отечества, в последний раз испытать силу убеждений и плача над сердцем Борисовым; а тайно, между собою, Иов, архиепископы и епископы условились в следующем: «Если государь Борис Феодорович смилуется над нами, то разрешим его клятву не быть царем России; если не смилуется, то отлучим его от церкви; там же, в монастыре, сложим с себя святительство, кресты и панагии; оставим иконы чудотворные, запретим службу и пение во святых храмах; предадим народ отчаянию, а царство — гибели, мятежам, кровопролитию,— и виновник сего неисповедимого зла да ответствует пред богом в день Суда страшного!»

В сию ночь не угасали огни в Москве: все готовилось к великому действию — и на рассвете, при звуке всех колоколов, подвиглась столица. Все храмы и домы отворились: духовенство с пением вышло из Кремля; народ в безмолвии теснился на площадях. Патриарх и владыки несли иконы, знаменитые славными воспоминаниями: Владимирскую и Донскую, как святые знамена отечества; за клиром шли синклит, двор, воинство, приказы, *выборы* городов; за ними устремились и все жители московские, граждане и чернь, жены и дети, к Новодевичьему монастырю, откуда, также с колокольным звоном, вынесли образ Смоленской богоматери навстречу патриарху: за сим образом шел и Годунов, как бы изумленный столь необыкновенно торжественным церковным ходом; пал ниц пред иконою Владимирскою, обливался слезами и воскликнул: «О мать божия! Что виною твоего подвига? Сохрани, сохрани меня под сению твоего крова!» Обратился к Иову и с видом укоризны сказал ему: «Пастырь великий! Ты дашь ответ богу!» Иов ответствовал: «Сын возлюбленный! Не снедай себя печалию, но верь провидению! Сей подвиг совершила богоматерь из любви к тебе, да устыдишься!» Он пошел в церковь святой обители с духовенством и людьми знатнейшими; другие стояли в ограде; народ — вне монастыря, занимая все обширное Девичье поле. Собором отпев литургию, патриарх снова, и тщетно, убеждал Бориса не отвергать короны; велел нести иконы и кресты в келии царицы: там со всеми святителями и вельможами преклонил главу до земли... И в то самое мгно-

вение, по данному знаку, все бесчисленное множество людей, в келиях, в ограде, вне монастыря, упало на колена с воплем *неслыханным:* все требовали царя, отца, Бориса! Матери кинули на землю своих грудных младенцев и не слушали их крика. Искренность побеждала притворство; вдохновение действовало и на равнодушных и на самых лицемеров! Патриарх, рыдая, заклинал царицу долго, неотступно, именем святых икон, которые пред нею стояли,— именем Христа Спасителя, церкви, России дать миллионам православных *государя благонадежного,* ее великого брата... Наконец услышали слово милости: глаза царицы, дотоле нечувствительной, наполнились слезами. Она сказала: «По изволению всесильного бога и пречистыя девы Марии возьмите у меня единородного брата на царство, в утоление народного плача. Да исполнится желание ваших сердец, ко счастию России! Благословляю избранного вами и предаю отцу небесному, богоматери, святым угодникам московским и тебе, патриарху,— и вам, святители,— и вам, бояре! Да заступит мое место на престоле!» Все упали к ногам царицы, которая, печально взглянув на смиренного Бориса, дала ему повеление властвовать над Россиею. Но он еще изъявлял нехотение; страшился тягостного бремени, возлагаемого на слабые рамена его; просил избавления; говорил сестре, что она из единого милосердия не должна предавать его в жертву трону; еще вновь клялся, что никогда умом робким не дерзал возноситься до сей высоты, ужасной для смертного; свидетельствовался оком всевидящим и самою Ириною, что желает единственно жить при ней и смотреть на ее лицо ангельское. Царица уже настояла решительно. Тогда Борис как бы в сокрушении духа воскликнул: «Буди же святая воля твоя, господи! Настави меня на путь правый и не вниди в суд с рабом твоим! Повинуюсь тебе, исполняя желание народа». Святители, вельможи упали к ногам его. Осенив животворящим крестом Бориса и царицу, патриарх спешил возвестить дворянам, приказным и всем людям, что господь даровал им царя. Невозможно было изобразить общей радости. Воздев руки на небо, славили бога; плакали, обнимали друг друга. От келий царицыных до всех концов Девичьего поля гремели клики: «Слава! Слава!..» Окруженный вельможами, теснимый, лобзаемый народом, Борис вслед за духовенством пошел в храм Новодевичьей обители, где патриарх Иов, пред иконами Владимирской и Донской, благословил его на государство Московское и всея

России; нарек царем и возгласил ему первое многолетие.

Что, по-видимому, могло быть торжественнее, единодушнее, законнее сего наречения? И что благоразумнее? Пременилось только имя царя: власть державная оставалась в руках того, кто уже давно имел оную и властвовал счастливо для целости государства, для внутреннего устройства, для внешней чести и безопасности России. Так казалось; но сей человеческою мудростию наделенный правитель достиг престола злодейством... Казнь небесная угрожала царю-преступнику и царству несчастному.

ТОМ XI

Из главы I

ЦАРСТВОВАНИЕ БОРИСА ГОДУНОВА

1598—1604

Москва встречает царя.— Присяга Борису.—Соборная грамота.— Деятельность Борисова.— Торжественный вход в столицу.— Знаменитое ополчение.— Ханское посольство. — Угощение войска. — Речь патриарха.— Прибавление к грамоте избирательной.— Царское венчание...— Дела внутренние.— Жалованная грамота патриарху.— Закон о крестьянах.— Питейные домы.— Любовь Борисова к просвещению и к иноземцам.— Похвальное слово Годунову.— Горячность Борисова к сыну.— Начало бедствий.

Духовенство, синклит и чины государственные, с хоругвями церкви и отечества, при звуке всех колоколов московских и восклицаниях народа, упоенного радостию, возвратились в Кремль, уже дав самодержца России, но еще оставив его в келии. 26 февраля, в неделю сыропустную, Борис въехал в столицу: встреченный, пред стенами деревянной крепости, всеми гостями московскими с хлебом, с кубками серебряными, золотыми, соболями, жемчугом и многими иными *дарами царскими*, он ласково благодарил их, но не хотел взять ничего, кроме хлеба, сказав, что богатство в руках народа ему приятнее, нежели в казне. За гостями встретили царя Иов и все духовенство; за духовенством — синклит и народ. В храме Успения отпев молебен, патриарх *вторично* благословил Бориса на государство, осенив крестом животворящего древа, и клиросы пели многолетие как царю, так и всему дому державному: царице Марии Григориевне, юному сыну их Феодору и дочери Ксении. Тогда *здравствовали* новому монарху все россияне; а патриарх, воздев руки на небо, сказал: «Славим тебя, господи; ибо ты не презрел нашего моления, услышал вопль и рыдание христиан, прело-

жил их скорбь на веселие и даровал нам царя, коего мы денно и нощно просили у тебя со слезами!» После литургии Борис изъявил благодарность к памяти двух главных виновников его величия: в храме св. Михаила пал ниц пред гробами Иоанновым и Феодоровым; молился и над прахом древнейших знаменитых венценосцев России: Калиты, Донского, Иоанна III, да будут его небесными пособниками в земных делах царства; зашел во дворец; посетил Иова в обители Чудовской; долго беседовал с ним наедине; сказал ему и всем епископам, что не может до светлого Христова воскресения оставить Ирины в ее скорби, и возвратился в Новодевичий монастырь, предписав думе боярской, с его ведома и разрешения, управлять делами государственными.

Между тем все люди служивые с усердием целовали крест в верности к Борису, одни пред славною Владимирскою иконою девы Марии, другие у гроба святых митрополитов, Петра и Ионы: клялися не изменять царю ни делом, ни словом; не умышлять на жизнь или здравие державного, не вредить ему ни ядовитым зелием, ни чародейством; не думать о возведении на престол бывшего великого князя Тверского, Симеона Бекбулатовича, или сына его; не иметь с ними тайных сношений, ни переписки; доносить о всяких *скопах* и *заговорах* без жалости к друзьям и ближним в сем случае; не уходить в иные земли, в Литву, Германию, Испанию, Францию или Англию. Сверх того, бояре, чиновники думные и посольские обязывались быть скромными в делах и тайнах государственных, судии — не кривить душою в тяжбах, казначеи — не корыстоваться царским достоянием, дьяки — не лихоимствовать. Послали в области грамоты известительные о счастливом избрании государя, велели читать их всенародно, три дни звонить в колокола и молиться в храмах *сперва* о царице-инокине Александре, а *после* о державном ее брате, семействе его, боярах и воинстве. Патриарх (9 марта) собором уставил торжественно просить бога, да сподобит царя благословенного возложить на себя венец и порфиру: уставил еще на веки веков праздновать в России 21 февраля, день Борисова воцарения; наконец, предложил думе земской утвердить данную монарху присягу соборною грамотою, с обязательством для всех чиновников не уклоняться ни от какой службы, не требовать ничего свыше достоинства родов или заслуги, всегда и во всем слушаться *указа царского* и *приговора боярского*, чтобы *в делах разрядных и земских не доводить государя до*

кручины. Все члены великой думы ответствовали единогласно: «Даем обет положить свои души и головы за царя, царицу и детей их!» Велели писать хартию в таком смысле первым грамотеям России.

Сие дело чрезвычайное не мешало течению обыкновенных дел государственных, коими занимался Борис с отменною ревностию, и в келиях монастыря и в думе, часто приезжая в Москву. Не знали, когда он находил время для успокоения, для сна и трапезы: беспрестанно видели его в совете с боярами и с дьяками или подле несчастной Ирины, утешающего и скорбящего днем и ночью. Казалось, что Ирина действительно имела нужду в присутствии единственного человека, еще милого ее сердцу: сраженная кончиною супруга, искренно и нежно любимого ею, она тосковала и плакала неутешно до изнурения сил, очевидно угасая и нося уже смерть в груди, истерзанной рыданиями. Святители, вельможи тщетно убеждали царя оставить печальную для него обитель, переселиться с супругою и с детьми в кремлевские палаты, явить себя народу в венце и на троне; Борис ответствовал: «Не могу разлучиться с великою государынею, моею сестрою злосчастною» — и даже снова, неутомимый в лицемерии, уверял, что не желает быть царем. Но Ирина вторично *велела* ему исполнить волю народа и божию, приять скипетр и царствовать не в келии, а на престоле Мономаховом. Наконец, апреля 30, подвиглась столица во сретение государю!

Сей день принадлежит к торжественнейшим дням России в ее истории. В час утра духовенство с крестами и с иконами, синклит, двор, приказы, воинство, все граждане ждали царя у каменного мосту, близ церкви св. Николая Зарайского. Борис ехал из Новодевичьего монастыря с своим семейством в великолепной колеснице; увидев хоругви церковные и народ, вышел: поклонился святым иконам; милостиво приветствовал всех, и знатных и незнатных; представил им царицу, давно известную благочестием и добродетелию искреннею,— девятилетнего сына и шестнадцатилетнюю дочь, ангелов красотою. Слыша восклицания народа: «Вы наши государи, мы ваши подданные», Феодор и Ксения вместе с отцом ласкали чиновников и граждан; так же, как и он, взяв у них хлеб-соль, отвергнули золото, серебро и жемчуг, поднесенные им в дар, и звали всех обедать к царю. Невозбранно теснимый бесчисленною толпою людей, Борис шел за духовенством с супругою и с детьми, как добрый отец семейства и народа, в храм Успе-

ния, где патриарх возложил ему на грудь животворящий крест св. Петра митрополита (что было уже началом царского венчания) и в *третий раз* благословил его на великое государство Московское. Отслушав литургию, новый самодержец, провождаемый боярами, обходил все главные церкви кремлевские, везде молился с теплыми слезами, везде слышал радостный клик граждан и, держа за руку своего юного наследника, а другою ведя прелестную Ксению, вступил с супругою в палаты царские. В сей день народ обедал у царя: не знали числа гостям, но все были званые, от патриарха до нищего. Москва не видала такой роскоши и в Иоанново время.— Борис не хотел жить в комнатах, где скончался Феодор: занял ту часть кремлевских палат, где жила Ирина, и велел пристроить к ним для себя новый дворец деревянный.

Он уже царствовал, но еще без короны и скипетра; еще не мог назваться *царем боговенчанным, помазанником господним.* Надлежало думать, что Борис немедленно возложит на себя венец со всеми торжественными обрядами, которые в глазах народа освящают лицо властителя: сего требовали патриарх и синклит именем России; сего, без сомнения, хотел и Борис, чтобы важным церковным действием утвердить престол за собою и своим родом: но хитрым умом властвуя над движениями сердца, вымыслил новое очарование: вместо скипетра взял меч в десницу и спешил в поле, доказать, что безопасность отечества ему дороже и короны и жизни. Так царствование самое миролюбивое началося ополчением, которое приводило на память восстание россиян для битвы с Мамаем!..

Оградою древней России, в случае ханских впадений, служили, сверх крепостей, засеки в местах, трудных для обхода: близ Перемышля, Лихвина, Белева, Тулы, Боровска, Рязани; государь рассмотрел чертежи их и послал туда особенных воевод с мордвою и стрельцами; устроил еще *плавную,* или судовую, рать на Оке, чтобы тем более вредить неприятелю в битвах на берегах ее. Видели, чего не видали дотоле: *полмиллиона войска,* как уверяют, в движении стройном, быстром, с усердием несказанным, с доверенностию беспредельною. Все действовало сильно на воображение людей: и новость царствования, благоприятная для надежды, и высокое мнение о Борисовой, уже долговременными опытами изведанной, мудрости. Исчезло самое местничество: воеводы спрашивали только, где им быть, и шли к своим знаме-

нам, не справляясь с разрядными книгами о службе отцов и дедов: ибо царь объявил, что великий собор бил ему челом предписать боярам и дворянству *службу без мест*. Сия ревность, способствуя нужному повиновению, имела и другое важное следствие: умножила число воинов, и воинов исправных; дворяне, дети боярские выехали в поле на лучших конях, в лучших доспехах, со всеми слугами, годными для ратного дела, к живейшему удовольствию царя, который не знал меры в изъявлениях милости: ежедневно смотрел полки и дружины, приветствовал начальников и рядовых, угощал обедами, и всякий раз не менее десяти тысяч людей, на серебряных блюдах, под шатрами. Сии истинно царские угощения продолжались шесть недель: ибо слухи о неприятеле вдруг замолкли; разъезды наши уже не встречали его; тишина царствовала на берегах Донца, и стражи, нигде не видя пыли, нигде не слыша конского топота, дремали в безмолвии степей. Ложные ли слухи обманули Бориса, или он притворным легковерием обманул Россию, чтобы явить себя царем не только Москвы, но и всего воинства, воспламенить любовь его к новому самодержцу, в годину опасности предпочитающему бранный шлем венцу Мономахову, и тем удвоить блеск своего торжественного воцарения? Хитрость, достойная Бориса и едва ли сомнительная.— Вместо тучи врагов явились в южных пределах России мирные послы Казы-Гиреевы с нашим гонцом: елецкие воеводы 18 июня донесли о том Борису, который наградил вестника деньгами и чином.

Следственно, ополчение беспримерное, стоив великого иждивения и труда, оказалось напрасным? Уверяли, что оно спасло государство, поразив хана ужасом; что крымцы шли действительно, но, узнав о восстании России, бежали назад. По крайней мере царь хотел впечатлеть ужас в послов ханских, из коих главным был Мурза Алей: они въехали в Россию, как в стан воинский; видели на пути блеск мечей и копий, многолюдные дружины всадников, красиво одетых, исправно вооруженных; в лесах, в засеках слышали оклики и пальбу. Их становили близ Серпухова, в семи верстах от царских шатров, на лугах Оки, где уже несколько дней сходилась рать отовсюду. Там 29 июня еще до рассвета загремело сто пушек, и первые лучи солнца осветили войско несметное, готовое к битве. Велели крымцам, изумленным сею ужасною стрельбою и сим зрелищем грозным, идти к царю сквозь тесные ряды пехоты, вдали окруженной густыми толпами конницы. Введенные в шатер царский,

где все блистало оружием и великолепием — где Борис, вместо короны увенчанный златым шлемом, первенствовал в сонме царевичей и князей не столько богатством одежды, сколько видом повелительным,— Алей Мурза и товарищи его долго безмолвствовали, не находя слов от удивления и замешательства; наконец сказали, что Казы-Гирей желает вечного союза с Россиею, возобновляя договор, заключенный в Феодорово царствование: *будет в воле* Борисовой и готов со всею Ордою идти на врагов Москвы. Послов угостили пышно и вместе с ними отправили наших к хану, для утверждения новой союзной грамоты его присягою.

В сей же день св. Петра и Павла царь простился с войском, дав ему роскошный обед в поле; 50 000 гостей пировало на лугах Оки; яства, мед и вино развозили обозами; чиновников дарили бархатами, парчами и камками. Последним словом царя было: «Люблю воинство христианское и надеюсь на его верность». Громкие благословения провождали Бориса далеко по Московской дороге...

...Там новое торжество ожидало Бориса: вся Москва встретила его, как некогда Иоанна, завоевателя Казани, и патриарх в приветственной речи сказал ему: «Богом избранный, богом возлюбленный, великий самодержец! Мы видим славу твою: ты благодаришь всевышнего! Благодарим его вместе с тобою; но радуйся же и веселися с нами, совершив подвиг бессмертный! Государство, жизнь и достояние людей целы; а лютый враг, преклонив колена, молит о мире! *Ты не скрыл, но умножил талант свой* в сем случае удивительном, ознаменованном более нежели человеческою мудростию... Здравствуй о господе, царь, любезный небу и народу! От радости плачем и тебе кланяемся». Патриарх, духовенство и народ преклонились до земли. Изъявляя чувствительность и смирение, государь спешил в храм Успения славословить всевышнего и в монастырь Новодевичий, к печальной Ирине. Все домы были украшены зеленью и цветами.

Но Борис еще отложил свое царское венчание до 1 сентября, чтобы совершить сей важный обряд в новое лето, в день общего доброжелательства и надежд, лестных для сердца. Между тем грамота избирательная была написана от имени земской думы, с таким прибавлением: «Всем ослушникам царской воли неблагословение и клятва от церкви, месть и казнь от синклита и государства, клятва и казнь всякому мятежнику, *расколь-*

нику любопрительному, который дерзнет противоречить деянию соборному и колебать умы людей молвами злыми, кто бы он ни был, священного ли сана или боярского, думного или воинского, гражданин или вельможа: да погибнет и память его вовеки!» Сию грамоту утвердили 1 августа своими подписями и печатями Борис и юный Феодор, Иов, все святители, архимандриты, игумены, протопопы, келари, старцы чиновные,— бояре, окольничие, знатные сановники двора, печатник Василий Щелкалов, думные дворяне и дьяки, стольники, дьяки приказов, дворяне, стряпчие и выборные из городов, жильцы, дьяки нижней степени, гости, сотские, числом около пятисот: один список ее был положен в сокровищницу царскую, где лежали государственные уставы прежних венценосцев, а другой — в патриаршую ризницу, в храме Успения.— Казалось, что мудрость человеческая сделала все возможное для твердого союза между государем и государством.

Наконец Борис венчался на царство, еще пышнее и торжественнее Феодора, ибо приял утварь Мономахову из рук вселенского патриарха. Народ благоговел в безмолвии; но когда царь, осененный десницею первосвятителя, в порыве живого чувства как бы забыв устав церковный, среди литургии воззвал громогласно: «Отче, великий патриарх Иов! Бог мне свидетель, что в моем царстве не будет ни сирого, ни бедного» — и, тряся верх своей рубашки, примолвил: «Отдам и сию последнюю народу», тогда единодушный восторг прервал священнодействие: слышны были только клики умиления и благодарности в храме; бояре славословили монарха, народ плакал. Уверяют, что новый венценосец, тронутый знаками общей к нему любви, тогда же произнес и другой важный обет! щадить жизнь и кровь самых преступников и единственно удалять их в пустыни сибирские. Одним словом, никакое царское венчание в России не действовало сильнее Борисова на воображение и чувство людей.— Осыпанный в дверях церковных золотом из рук Мстиславского, Борис в короне, с державою и скипетром спешил в царскую палату занять место варяжских князей на троне России, чтобы милостями, щедротами и государственными благодеяниями праздновать сей день великий...

В 1599 году Борис, в знак любви к патриарху Иову, возобновил жалованную грамоту, данную Иоанном митрополиту Афанасию, такого содержания, что все лю-

ди первосвятителя, его монастыри, чиновники, слуги и крестьяне их освобождаются от ведомства царских бояр, наместников, волостелей, тиунов и не судятся ими ни в каких преступлениях, кроме душегубства, завися единственно от суда патриаршего; увольняются также от всяких податей казенных. Сие древнее государственное право нашего духовенства оставалось неизменным и в царствование Василия Шуйского, Михаила и сына его.

Закон об укреплении сельских работников, целию своею благоприятный для владельцев средних или неизбыточных, как мы сказали, имел, однако ж, и для них вредное следствие, частыми побегами крестьян, особенно из селений мелкого дворянства: владельцы искали беглецов, жаловались друг на друга в их укрывательстве, судились, разорялись. Зло было столь велико, что Борис, не желая совершенно отменить закона благонамеренного, решился объявить его только временным и в 1601 году снова дозволил земледельцам господ малочиновных, детей боярских и других, везде, кроме одного Московского уезда, переходить в известный срок от владельца к владельцу *того же состояния,* но не всем вдруг и не более, как по два вместе; а крестьянам бояр, дворян, знатных дьяков и казенным, святительским, монастырским велел остаться без перехода на означенный 1601 год. Уверяют, что изменение устава древнего и нетвердость нового, возбудив негодование многих людей, имели влияние и на бедственную судьбу Годунова; но сие любопытное сказание историков XVIII века не основано на известиях современников, которые единогласно хвалят мудрость Бориса в делах государственных.

Хвалили его также за ревность искоренять грубые пороки народа. Несчастная страсть к крепким напиткам, более или менее свойственная всем народам северным, долгое время была осуждаема в России единственно учителями христианства и мнением людей нравственных. Иоанн III и внук его хотели ограничить ее неумеренность законом и наказывали оную, как гражданское преступление. Может быть, не столько для умножения царских доходов, сколько для обуздания невоздержанных Иоанн IV налагал пошлину на варение пива и меда. В Феодорово время существовали в больших городах казенные питейные домы, где продавалось и вино хлебное, неизвестное в Европе до XIV века; но и многие частные люди торговали крепкими напитками, к распространению пьянства: Борис строго запретил сию вольную продажу, объявив, что скорее помилует вора и разбой-

ника, нежели корчемников; убеждал их жить иным способом и честными трудами; обещал дать им земли, если они желают заняться хлебопашеством: но, хотев тем, как пишут, воздержать народ от страсти, равно вредной и гнусной, царь не мог истребить корчемства, и самые казенные питейные домы, наперерыв откупаемые за высокую цену, служили местом разврата для людей слабых.

В усердной любви к гражданскому образованию Борис превзошел всех древнейших венценосцев России, имев намерение завести школы и даже *университеты*, чтобы учить молодых россиян языкам европейским и *наукам*: в 1600 году он посылал в Германию немца Иоанна Крамера, уполномочив его искать там и привезти в Москву профессоров и докторов. Сия мысль обрадовала в Европе многих ревностных друзей просвещения: один из них, учитель прав, именем Товиа Лонциус, писал к Борису (в генваре 1601): «Ваше царское величество хотите быть истинным отцом отечества и заслужить всемирную бессмертную славу. Вы избраны небом совершить дело великое, новое для России: просветить ум Вашего народа несметного и тем возвысить его душу вместе с государственным могуществом, следуя примеру Египта, Греции, Рима и знаменитых держав европейских, цветущих искусствами и науками благородными». Сие важное намерение не исполнилось, как пишут, от сильных возражений духовенства, которое представило царю, что Россия благоденствует в мире единством закона и языка; что разность языков может произвести и разность в мыслях, опасную для церкви; что, во всяком случае, неблагоразумно вверить учение юношества католикам и лютеранам. Но, оставив мысль заводить *университеты* в России, царь послал 18 молодых *боярских людей* в Лондон, в Любек и во Францию учиться языкам иноземным, так же как молодые англичане и французы ездили тогда в Москву учиться русскому. Умом естественным поняв великую истину, что народное образование есть сила государственная, и видя несомнительное в оном превосходство других европейцев, он звал к себе из Англии, Голландии, Германии не только лекарей, художников, ремесленников, но и людей чиновных в службу. Так, посланник наш Микулин сказал в Лондоне трем путешествующим баронам немецким, что если они желают из любопытства видеть Россию, то царь с удовольствием примет их и с честию отпустит; но если, любя славу, хотят служить ему умом и мечом в деле воин-

ском, наравне с князьями владетельными, то удивятся его ласке и милости. В 1601 году Борис с отменным благоволением принял в Москве 35 ливонских дворян и граждан, изгнанных из отечества поляками. Они не смели идти во дворец, будучи худо одеты: царь велел сказать им: «Хочу видеть людей, а не платье»; обедал с ними; утешал их и тронул до слез уверением, что будет им вместо отца: дворян сделает князьями, мещан — дворянами; дал каждому, сверх богатых тканей и соболей, пристойное жалованье и поместье, не требуя в возмездие ничего, кроме любви, верности и молитвы о благоденствии его дома. Знатнейший из них, Тизенгаузен, клялся именем всех умереть за Бориса, и сии добрые ливонцы, как увидим, не обманули царя, с ревностию вступив в его немецкую дружину. Вообще благосклонный к людям ума образованного, он чрезвычайно любил своих иноземных медиков, ежедневно виделся с ними, разговаривал о делах государственных, о вере; часто просил их за него молиться и только в удовольствие им согласился на возобновление лютеранской церкви в слободе Яузской. Пастор сей церкви Мартин Бер, коему мы обязаны любопытною историею времен Годунова и следующих, пишет: «Мирно слушая учение христианское и торжественно славословя всевышнего по обрядам веры своей, немцы московские плакали от радости, что дожили до такого счастия!»

Признательность иноземцев к милостям царя не осталась бесплодною для его славы: муж ученый Фидлер, житель кенигсбергский (брат одного из Борисовых медиков), сочинил ему в 1602 году на латинском языке похвальное слово, которое читала Европа и в коем оратор уподобляет своего героя Нуме, превознося в нем законодательную мудрость, миролюбие и *чистоту нравов*. Сию последнюю хвалу действительно заслуживал Борис, ревностный наблюдатель всех уставов церковных и правил благочиния, трезвый, воздержанный, трудолюбивый, враг забав суетных и пример в жизни семейственной, супруг, родитель нежный, особенно к милому, ненаглядному сыну, которого он любил до слабости, ласкал непрестанно, называл своим велителем, не пускал никуда от себя, воспитывал с отменным старанием, даже учил наукам: любопытным памятником географических сведений сего царевича осталась ландкарта России, изданная под его именем в 1614 году немцем Герардом. Готовя в сыне достойного монарха для великой державы и заблаговременно приучая всех любить

Феодора, Борис в делах внешних и внутренних давал ему право ходатая, заступника, умирителя; ждал его слова, чтобы оказать милость и снисхождение, действуя и в сем случае, без сомнения, как искусный политик, но еще более как страстный отец, и своим семейственным счастием доказывая, сколь неизъяснимо слияние добра и зла в сердце человеческом!

Но время приближалось, когда сей мудрый властитель, достойно славимый тогда в Европе за свою разумную политику, любовь к просвещению, ревность быть истинным отцом отечества,— наконец, за благонравие в жизни общественной и семейственной, должен был вкусить горький плод беззакония и сделаться одною из удивительных жертв суда небесного. Предтечами были внутреннее беспокойство Борисова сердца и разные бедственные случаи, коим он еще усильно противоборствовал твердостию духа, чтобы вдруг оказать себя слабым и как бы беспомощным в последнем явлении своей судьбы чудесной.

Глава II

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ БОРИСОВА

1600—1605

Блестящее властвование Годунова.— Молитва о царе.— Подозрения Борисовы.— Гонения.— Голод.— Новые здания в Кремле.— Разбои.— Порочные нравы.— Мнимые чудеса.— Явление самозванца.— Поведение и наружность обманщика. Иезуиты.— Свидание Лжедимитрия с королем польским.— Письмо к папе.— Собрание войска.— Договоры Лжедимитрия с Мнишком.— Меры, взятые Борисом.— Первая измена.— Витязь Басманов.— Робость Годунова. — Общее расположение умов.— Великодушие Борисово.— Битва.— Поляки оставляют самозванцев.—Честь Басманову.—Победа воевод Борисовых.— Осада Кром.— Письмо самозванца к Борису.— Кончина Годунова.

Достигнув цели, возникнув из ничтожности рабской до высоты самодержца, усилиями неутомимыми, хитростию неусыпною, коварством, происками, злодейством, наслаждался ли Годунов в полной мере своим величием, коего алкала душа его,— величием, купленным столь дорогою ценою? Наслаждался ли и чистейшим удовольствием души, благотворя подданным и тем заслуживая любовь отечества? По крайней мере недолго.

Первые два года сего царствования казались лучшим временем России с XV века или с ее восстановления: она была на вышней степени своего нового могущества, безопасная собственными силами и счастием внешних обстоятельств, а внутри управляемая с мудрою твердостию и с кротостию необыкновенною. Борис исполнял обет царского венчания и справедливо хотел именоваться отцом народа, уменьшив его тягости; отцом сирых и бедных, изливая на них щедроты беспримерные; другом человечества, не касаясь жизни людей, не обагряя земли русской ни каплею крови и наказывая преступников только ссылкою. Купечество, менее стесняемое в торговле; войско, в мирной тишине осыпаемое наградами; дворяне, приказные люди, знаками милости отличаемые за ревностную службу; синклит, уважаемый царем деятельным и советолюбивым; духовенство, честимое царем набожным,— одним словом, все государственные состояния могли быть довольны за себя и еще довольнее за отечество, видя, как Борис в Европе и в Азии возвеличил имя России без кровопролития и без тягостного напряжения сил ее; как радеет о благе общем, правосудии, устройстве. Итак, неудивительно, что Россия, по сказанию современников, *любила* своего венценосца, желая забыть убиение Димитрия или сомневаясь в оном!

Но венценосец знал свою тайну и не имел утешения верить любви народной; благотворя России, скоро начал удаляться от россиян; отменил устав времен древних: не хотел в известные дни и часы выходить к народу, выслушивать его жалобы и собственными руками принимать челобитные; являлся редко и только в пышности недоступной. Но убегая людей — как бы для того, чтобы лицом монарха не напомнить им лицо бывшего раба Иоаннова,— он хотел невидимо присутствовать в их жилищах или в мыслях и, недовольный обыкновенною молитвою в храмах о государе и государстве, велел искусным книжникам составить особенную для чтения во всей России, во всех домах, на *трапезах* и *вечерях, за чашами,* о душевном спасении и телесном здравии «слуги божия, царя, всевышним избранного и превознесенного, самодержца всей Восточной страны и Северной; о царице и детях их; о благоденствии и тишине отечества и церкви под скипетром единого христианского венценосца в мире, чтобы все иные властители пред ним уклонялись и *рабски служили* ему, величая имя его от моря до моря и до конца вселенныя; чтобы россияне всегда с умилением славили бога за такого монарха, коего ум

есть пучина мудрости, а сердце исполнено любви и долготерпения; чтобы все земли трепетали меча нашего, а земля русская непрестанно высилась и расширялась; чтобы юные, цветущие ветви Борисова дому возросли благословением небесным и непрерывно осеняли оную до скончания веков!» То есть святое действие души человеческой, ее таинственное сношение с небом Борис дерзнул осквернить своим тщеславием и лицемерием, заставив народ свидетельствовать пред оком всевидящим о добродетелях убийцы, губителя и хищника!.. Но Годунов, как бы не страшась бога, тем более страшился людей, и еще до ударов судьбы, до измен счастия и подданных, еще спокойный на престоле, искренно славимый, искренно любимый, уже не знал мира, душевного; уже чувствовал, что если путем беззакония можно достигнуть величия, то величие и блаженство, самое земное, не одно знаменуют.

Сие внутреннее беспокойство души, неизбежное для преступника, обнаружилось в царе несчастными действиями подозрения, которое, тревожа его, скоро встревожило и Россию. Мы видели, что он, касаясь рукою венца Мономахова, уже мечтал о тайных ковах против себя, яде, чародействе: ибо, естественно, думал, что и другие, подобные ему, могли иметь жажду к верховной власти, лицемерие и дерзость. Нескромно открыв боязнь свою и взяв с россиян клятву постыдную, Борис столь же естественно не доверял ей: хотел быть на страже неусыпной, все видеть и слышать, чтобы предупредить злые умыслы; восстановил для того бедственную Иоаннову систему доносов и вверил судьбу граждан, дворянства, вельмож сонму гнусных изветников.

Первою знаменитою жертвою подозрения и доносов был тот, с кем Годунов жил некогда душа в душу, кто охотно делил с ним милость Иоаннову и страдал за него при Феодоре,— свойственник царицы Марии Бельский. Спасенный Годуновым от злобы народной во время московского мятежа, но оставленный надолго в честной ссылке,— снова призванный ко двору, но без всякого отличия, и в самое царствование Бориса удостоенный только второстепенного думного сана, сей главный любимец Грозного, считая себя благодетелем Годунова, мог быть или казаться недовольным, следственно виновным в глазах царя, имея еще и другую, важнейшую, вину за собою: он знал лучше иных глубину Борисова сердца! В 1600 году царь послал его в дикую степь строить новую крепость Борисов на берегу Донца Северского, без

сомнения не в знак милости; но Бельский, стыдясь представлять лицо уничиженного, ехал в отдаленные пустыни как на знатнейшее воеводство, с необыкновенною пышностию, с богатою казною и множеством слуг; велел заложить город своим, а не царским людям; ежедневно угощал стрельцов и казаков, давал им одежду и деньги, не требуя ничего от государя. Следствием было то, что новую крепость построили скорее и лучше всех других крепостей; что делатели не скучали работою, любя, славя начальника; а царю донесли, что начальник, милостию прельстив воинов, думает объявить себя независимым и говорит: «Борис — царь в Москве, а я — царь в Борисове!» Сию клевету, основанную, вероятно, на тщеславии и каком-нибудь неосторожном слове Бельского, приняли за истину (ибо Годунов желал избавиться от старинного беспокойного друга) — и решили, что он достоин смерти; но царь, хвалясь милосердием, велел только взять у него имение и выщипать ему всю длинную, густую бороду, избрав шотландского хирурга Габриеля для совершения такой новой казни. Бельский снес позор и, заточенный в один из низовых городов, дожил там до случая отмстить неблагодарному хотя в могиле. Умный, опытный в делах государственных, сей преемник Малюты Скуратова был ненавистен россиянам страшными воспоминаниями своих дней счастливых, а иноземцам — своею жестокою к ним неприязнию, которою он мог гневить и Бориса, их ревностного покровителя. Мало жалели о старом, безродном временщике; но его опала предшествовала другой, гораздо чувствительнейшей для знатных родов и для всего отечества.

Память добродетельной Анастасии и свойство Романовых-Юрьевых с царским домом Мономаховой крови были для них правом на общее уважение и самую любовь народа. Боярин Никита Романович, достойный сей любви и личными благородными качествами, оставил 5 сыновей: Феодора, Александра, Михайла, Ивана и Василия, в последний час жизни молив Годунова быть им вместо отца. Честя их наружно — дав старшим, Феодору и Александру, боярство, Михайлу — сан окольничего, и женив своего ближнего, Ивана Ивановича Годунова, на их меньшей сестре Ирине,— Борис внутренно опасался Романовых, как совместников для его юного сына: ибо носилась молва, что Феодор за несколько времени до кончины мыслил объявить старшего из них наследником государства: молва, вероятно, несправедливая; но они, будучи единокровными Анастасии и двоюродными

братьями Феодора, казались народу ближайшими к престолу. Сего было достаточно для злобы Борисовой, усиленной насказами родственников царских; но гонение требовало предлога если не для успокоения совести, то для мнимой безопасности гонителя, чтобы личиною закона прикрыть злодейство, как иногда поступал Грозный и сам Борис, избавляя себя от ненавистных ему людей в Феодорово время. Надежнейшими изветниками считались тогда рабы: желая ободрить их в сем предательстве, царь не устыдился явно наградить одного из слуг боярина, князя Федора Шестунова, за ложный донос на господина в недоброхотстве к венценосцу. Шестунова еще не тронули, но всенародно, на площади, *сказали* клеветнику *милостивое слово государево,* дали вольность, чин и поместье. Между тем шептали слугам Романовых, что их за такое же усердие ждет еще важнейшая милость царская; и главный клеврет нового тиранства, новый Малюта Скуратов, вельможа Семен Годунов изобрел способ уличить невинных в злодействе, надеясь на общее легковерие и невежество: подкупил казначея Романовых, дал ему мешки, наполненные кореньями, велел спрятать в кладовой у боярина Александра Никитича и донести на своих господ, что они, тайно занимаясь составом яда, умышляют на жизнь венценосца. Вдруг сделалась в Москве тревога: синклит и все знатные чиновники спешат к патриарху; посылают окольничего Михайла Салтыкова для обыска в кладовой у боярина Александра; находят там мешки, несут к Иову и в присутствии Романовых высыпают коренья, будто бы волшебные, изготовленные для отравления царя. Все в ужасе — и вельможи, усердные, подобно римским сенаторам Тибериева или Неронова времени, с воплем кидаются на мнимых злодеев, как дикие звери на агнцев,— грозно требуют ответа и не слушают его в шуме. Отдают Романовых под крепкую стражу и велят судить, как судит беззаконие.

Сие дело — одно из гнуснейших Борисова ожесточения и бесстыдства. Не только Романовым, но и всем их ближним надлежало погибнуть, чтобы не осталось мстителей на земле за невинных страдальцев. Взяли князей Черкасских, Шестуновых, Репниных, Карповых, Сицких; знатнейшего из последних, князя Ивана Васильевича, наместника астраханского, привезли в Москву скованного с женою и сыном. Допрашивали, ужасали пыткою, особенно Романовых; мучили, терзали слуг их безжалостно и бесполезно: никто не утешил тирана кле-

ветою на самого себя или на других; верные рабы умирали в муках, свидетельствуя единственно о невинности господ своих пред царем и богом. Но судии не дерзали сомневаться в истине преступления, столь грубо вымышленного, и прославили неслыханное милосердие царя, когда он велел им осудить Романовых со всеми их ближними единственно на заточение, как уличенных в *измене* и в злодейском намерении извести государя средствами волшебства. В июне 1601 года исполнился *приговор боярский:* Феодора Никитича Романова (будущего знаменитого иерарха), постриженного и названного Филаретом, сослали в Сийскую Антониеву обитель; супругу его, Ксению Ивановну, также постриженную и названную Марфою,— в один из Заонежских погостов; тещу Феодорову, дворянку *Шестову,*— в Чебоксары, в Никольский девичий монастырь; Александра Никитича — в Усолье-Луду, к Белому морю; третьего Романова, Михайла,— в Великую Пермь, в Ныробскую волость; четвертого, Ивана,— в Пелым; пятого, Василья,— в Яренск; зятя их, князя Бориса Черкасского, с женою и с детьми ее брата, Феодора Никитича, с шестилетним Михаилом (будущим царем!) и с юною дочерью,— на Белоозеро; сына Борисова, князя Ивана, в Малмыж на Вятку; князя Ивана Васильевича Сицкого — в Кожеозерский монастырь; а жену его — в пустыню Сумского острога; других Сицких, Федора и Владимира Шестуновых, Карповых и князей Репниных — в темницы разных городов: одного же из последних, воеводу яренского, будто бы за расхищение царского достояния,— в Уфу. Вотчины и поместья опальных роздали другим; имение движимое и домы взяли в казну.

Но гонение не кончилось ссылкою и лишением собственности: не веря усердию или строгости местных начальников, послали с несчастными московских приставов, коим надлежало смотреть за ними неусыпно, давать им нужное для жизни и доносить царю о каждом их слове значительном. Никто не смел взглянуть на оглашенных *изменников*, ни ходить близ уединенных домов, где они жили, вне городов и селений, вдали от больших дорог; некоторые — в землянках, и даже скованные. В монастырь Сийский не пускали богомольцев, чтобы кто-нибудь из них не доставил письма Феодору Никитичу, иноку невольному, но ревностному в благочестии: коварный пристав, с умыслом заговаривая ему о дворе, семействе и друзьях его, доносил царю, что Филарет не находит между боярами и вельможами ни

одного весьма умного, способного к делам государственным, кроме опального Богдана Бельского, и считает себя жертвою их злобных наветов; что хотя занимается единственно спасением души, но тоскует о жене и детях, не зная, где они без него сиротствуют, и моля бога о скором конце их бедственной жизни (бог не услышал сей молитвы, ко счастию России!). Донесли также царю, что Василий Романов, отягченный болезнию и цепями, не хотел однажды славить милосердия Борисова, сказав приставу: «Истинная добродетель не знает тщеславия». Но Борис, как бы желая доказать узнику истину своего милосердия, велел снять с него цепи, объявить за них царский гнев приставу, излишно ревностному в угнетении опальных,— перевезти недужного Василия в Пелым, к брату Ивану Никитичу, лишенному движения в руке и ноге от удара, и дать им печальное утешение страдать вместе. Василий от долговременной болезни скончался (15 февраля 1602) под молитвою брата и великодушного раба, который, верно служив господину в чести, служил ему и в оковах с усердием нежного сына. Александр и Михайло Никитичи также недолго жили в темнице, быв жертвою горести или насильственной смерти, как пишут: первого схоронили в Луде, второго — в семи верстах от Чердыня, близ села Ныроба, в месте пустынном, где над могилою выросли два кедра. Доныне в церкви Ныробской хранятся Михайловы тяжкие оковы, и старцы еще рассказывают там о великодушном терпении, о чудесной силе и крепости сего мужа, о любви к нему всех жителей, коих дети приходили к его темнице играть на свирелях и сквозь отверстия землянки подавали узнику все лучшее, что имели, для утоления голода и жажды: любовь, за которую их гнали при Годунове и наградили в царствование Романовых милостивою, обельною грамотою.— Если верить летописцу, то Борис, велев удавить в монастыре князя Ивана Сицкого с женою, хотел уморить голодом и недужного Ивана Романова; но бумаги приказные свидетельствуют, что последний имел весьма не бедное содержание, ежедневно два или три блюда, мясо, рыбу, белый хлеб и что у пристава его было 90 (450 нынешних серебряных) рублей в казне для доставления ему нужного. Скоро участь опальных смягчилась, от политики ли царя (ибо народ жалел об них) или от ходатайства зятя Романовых, крайчего Ивана Ивановича Годунова. В марте 1602 царь *милостиво указал* Ивану Романову (оставляя его под надзором, но уже без имени *злодея)* ехать в

Уфу *на службу,* оттуда в Нижний-Новгород и, наконец, в Москву, вместе с племянником, князем Иваном Черкасским; Сицких послал воеводствовать в города низовские (освободил ли Шестуновых и Репниных, неизвестно); а княгине Черкасской Марфе Никитишне, овдовевшей на Белоозере, велел жить с невесткою, сестрою и детьми Феодора Никитича, в отчине Романовых, Юрьевского уезда, в селе Клине, где, лишенный отца и матери, но блюдомый провидением, дожил семилетний отрок Михаил, грядущий венценосец России, до гибели Борисова племени. Царь хотел изъявить милость и Филарету: позволил ему стоять в церкви на клиросе, взять к себе чернца в келию для услуг и беседы; приказал всем довольствовать своего *изменника* (еще так называя сего мужа непорочного в совести) и для богомольцев отворить монастырь Сийский, но не пускать их к опальному иноку; приказал, наконец (в 1605 году), посвятить Филарета в иеромонахи и в архимандриты, чтобы тем более удалить его от мира!

Не одни Романовы были страшилищем для Борисова воображения. Он запретил князьям Мстиславскому и Василию Шуйскому жениться, думая, что их дети, по древней знатности своего рода, могли бы также состязаться с его сыном о престоле. Между тем, устраняя будущие мнимые опасности для юного Феодора, робкий губитель трепетал настоящих: волнуемый подозрениями, непрестанно боясь тайных злодеев и равно боясь заслужить народную ненависть мучительством, гнал и миловал: сослал воеводу, князя Владимира Бахтеярова-Ростовского, и простил его; удалил от дел знаменитого дьяка Щелкалова, но без явной опалы; несколько раз удалял и Шуйских и снова приближал к себе: ласкал их и в то же время грозил немилостию всякому, кто имел обхождение с ними. Не было торжественных казней, но морили несчастных в темницах, пытали по доносам. Сонмы изветников, если не всегда награждаемых, то всегда свободных от наказания за ложь и клевету, стремились к царским палатам из домов боярских и хижин, из монастырей и церквей: слуги доносили на господ, иноки, попы, дьячки, просвирницы — на людей всякого звания,— самые жены — на мужей, самые дети — на отцов, к ужасу человечества! «И в диких ордах (прибавляет летописец) не бывает столь великого зла: господа не смели глядеть на рабов своих, ни ближние искренно говорить между собою; а когда говорили, то взаимно обязывались страшною клятвою не изменять скромно-

сти». Одним словом, сие печальное время Борисова царствования, уступая Иоаннову в кровопийстве, не уступало ему в беззаконии и разврате: наследство, гибельное для будущего! Но великодушие еще действовало в россиянах (оно пережило Иоанна и Годунова, чтобы спасти отечество): жалели о невинных страдальцах и мерзили постыдными милостями венценосца к доносителям; другие боялись за себя, за ближних — и скоро неудовольствие сделалось общим. Еще многие славили Бориса: приверженники, льстецы, изветники, утучняемые стяжанием опальных; еще знатное духовенство, как уверяют, хранило в душе усердие к венценосцу, который осыпал святителей знаками благоволения: но глас отечества уже не слышался в хвале частной, корыстолюбивой, и молчание народа, служа для царя явною укоризною, возвестило важную перемену в сердцах россиян: *они уже не любили Бориса!*

Так говорит летописец современный, беспристрастный и сам знаменитый в нашей истории своею государственною доблестию: келарь Палицын. Народы всегда благодарны: оставляя небу судить тайну Борисова сердца, россияне искренно славили царя, когда он под личиною добродетели казался им отцом народа; но, признав в нем тирана, естественно возненавидели его и за настоящее и за минувшее: в чем, может быть, хотели сомневаться, в том снова удостоверились, и кровь Димитриева явнее означилась для них на порфире губителя невинных; вспомнили судьбу Углича и других жертв мстительного властолюбия Годунова; безмолвствовали, но тем сильнее чувствовали в присутствии изветников — и тем сильнее говорили в святилищах, недоступных для услужников тиранства, коего время бывает и царством клеветы и царством ненарушимой скромности: там, в тихих беседах дружества, неумолимая истина обнажала, а ненависть чернила Бориса, упрекая его не только душегубством, гонением людей знаменитых, грабежом их достояния, алчностию к прибытку беззаконному, корыстолюбивым введением откупов, размножением казенных домов питейных, порчею нравов, но и пристрастием к иноземным, новым обычаям (из коих брадобритие особенно соблазняло усердных староверов), даже наклонностию к армянской и к латинской ереси! Как любовь, так и ненависть редко бывают довольны истиною: первая — в хвале, последняя — в осуждении. Годунову ставили в вину и самую ревность его к просвещению!

В сие время общей нелюбви к Борису он имел случай доказать свою чувствительность к народному бедствию, заботливость, щедрость необыкновенную; но и тем уже не мог тронуть сердец, к нему остылых.— Среди естественного обилия и богатства земли плодоносной, населенной хлебопашцами трудолюбивыми; среди благословений долговременного мира и в царствование деятельное, предусмотрительное, пала на миллионы людей казнь страшная: весною, в 1601 году, небо омрачилось густою тьмою, и дожди лили в течение десяти недель непрестанно, так что жители сельские пришли в ужас: не могли ничем заниматься, ни косить, ни жать; а 15 августа жестокий мороз повредил как зеленому хлебу, так и всем плодам незрелым. Еще в житницах и в гумнах находилось немало старого хлеба; но земледельцы, к несчастию, засеяли поля новым, гнилым, тощим и не видали всходов ни осенью, ни весною: все истлело и смешалось с землею. Между тем запасы изошли, и поля уже остались незасеянными. Тогда началося бедствие, и вопль голодных встревожил царя. Не только гумна в селах, но и рынки в столице опустели, и четверть ржи возвысилась ценою от 12 и 15 денег до трех (15 нынешних серебряных) рублей. Борис велел отворить царские житницы в Москве и в других городах; убедил духовенство и вельмож продавать хлебные свои запасы также низкою ценою; отворил и казну: в четырех оградах, сделанных близ деревянной стены московской, лежали кучи серебра для бедных; ежедневно, в час утра, каждому давали две московки, деньгу или копейку,— но голод свирепствовал: ибо хитрые корыстолюбцы обманом скупали дешевый хлеб в житницах казенных, святительских, боярских, чтобы возвышать его цену и торговать им с прибытком бессовестным; бедные, получая в день копейку серебряную, не могли питаться. Самое благодеяние обратилось во зло для столицы: из всех ближних и дальних мест земледельцы с женами и детьми стремились толпами в Москву за царскою милостынею, умножая тем число нищих. Казна раздавала в день несколько тысяч рублей, и бесполезно: голод усиливался и наконец достиг крайности столь ужасной, что нельзя без трепета читать ее достоверного описания в преданиях современников. «Свидетельствуюсь истиною и богом,— пишет один из них,— что я собственными глазами видел в Москве людей, которые, лежа на улицах, подобно скоту, щипали траву и питались ею; у мертвых находили во рту сено». Мясо лошадиное казалось лакомст-

вом: ели собак, кошек, стерво, всякую нечистоту. Люди сделались хуже зверей: оставляли семейства и жен, чтобы не делиться с ними куском последним. Не только грабили, убивали за ломоть хлеба, но и пожирали друг друга. Путешественники боялись хозяев, и гостиницы стали вертепами душегубства: давили, резали сонных для ужасной пищи! Мясо человеческое продавалось в пирогах на рынках! Матери глодали трупы своих младенцев!.. Злодеев казнили, жгли, кидали в воду; но преступления не уменьшались... И в сие время другие изверги копили, берегли хлеб в надежде продать его еще дороже!.. Гибло множество в неизъяснимых муках голода. Везде шатались полумертвые, падали, издыхали на площадях. Москва заразилась бы смрадом гниющих тел, если бы царь не велел, на свое иждивение, хоронить их, истощая казну и для мертвых. Приставы ездили в Москве из улицы в улицу, подбирали мертвецов, обмывали, завертывали в белые саваны, обували в красные башмаки или коты и сотнями возили за город в три скудельницы, где в два года и четыре месяца было схоронено 127 000 трупов, кроме погребенных людьми христолюбивыми у церквей приходских. Пишут, что в одной Москве умерло тогда 500 000 человек, а в селах и в других областях еще несравненно более, от голода и холода: ибо зимою нищие толпами замерзали на дорогах. Пища неестественная также производила болезни и мор, особенно в Смоленском уезде, куда царь в одно время послал 20 000 рублей для бедных, не оставив ни одного города в России без вспоможения и если не спасая многих, то везде уменьшая число жертв, так что сокровищница московская, полная от благополучного Феодорова царствования, казалась неистощимою. И все иные возможные меры были им приняты: он не только в ближних городах скупал, ценою, им определенною, волею и неволею, все хлебные запасы у богатых, но послал и в самые дальние, изобильнейшие места освидетельствовать гумна, где еще нашлися огромные скирды, в течение полувека неприкосновенные и поросшие деревьями: велел немедленно молотить и везти хлеб как в Москву, так и в другие области. В доставлении встречались неминуемые, едва одолимые трудности: во многих местах на пути не было ни подвод, ни корму; ямщики и все жители сельские разбегались. Обозы шли Россиею, как бы пустынею африканскою, под мечами и копьями воинов, опасаясь нападения голодных, которые не только вне селений, но и в Москве, на улицах и рынках, силою от-

нимали съестное.— Наконец деятельность верховной власти устранила все препятствия, и в 1603 году мало-помалу исчезли все знамения ужаснейшего из зол: снова явилось обилие, и такое, что четверть хлеба упала ценою от трех рублей до 10 копеек, к восхищению народа и к отчаянию корыстолюбцев, еще богатых тайными запасами ржи и пшеницы! — Памятником бывшей беспримерной дороговизны осталась навсегда, как сказано в летописях, ею введенная новая *мера четверика:* ибо до 1601 года хлеб продавали в России единственно *о*к*овами,* бочками или *кадями,* четвертями и осьминами.

Бедствие прекратилось, но следы его не могли быть скоро изглажены: заметно уменьшилось число людей в России и достояние многих; оскудела, без сомнения, и казна, хотя Годунов, великодушно расточая оную для спасения народного, не только не убавил своей обыкновенной пышности царской, но еще более нежели когда-нибудь хотел блистать оною, чтобы закрыть тем действие гнева небесного, особенно для послов иноземных, окружая их на пути, от границы до Москвы, призраками изобилия и роскоши: везде являлись люди, богато или красиво одетые; везде рынки, полные товаров, мяса и хлеба, и ни единого нищего там, где за версту в сторону могилы наполнялись жертвами голода. В сие-то время Борис столь пышно угощал своего нареченного зятя, герцога датского,— и в сие же время украшал древний Кремль новыми зданиями: в 1600 году воздвигнув огромную колокольню Ивана Великого, пристроил в 1601 и 1602 годах, на месте сломанного деревянного дворца Иоаннова, две большие каменные палаты к Золотой и Грановитой, Столовую и Панихидную, чтобы доставить тем работу и пропитание людям бедным, соединяя с милостию пользу и во дни плача думая о велелепии! Однако ж не московские летописцы, а только чужеземные историки упрекают Бориса гордостию неуклонною и в общем бедствии, суетою, тщеславием, рассказывая, что он запретил тогда россиянам купить весьма умеренною ценою знатное количество ржи у немцев в Ивангороде, стыдясь питать народ свой чужим хлебом. Известие, конечно, несправедливое: ибо наши государственные бумаги, свидетельствуя о приходе туда немецких кораблей с хлебом в 1602 году, не упоминают о таком жестоком запрете. Борис, оказав в сем несчастии столько деятельности и столько щедрости, чтобы удостоверить Россию в любви истинно отеческой царя к подданным,

не мог явно жертвовать их спасением тщеславию безумному.

Но Борис не обольстил россиян своими благодеяниями: ибо мысль, для него страшная, господствовала в душах — мысль, что небо за беззакония царя казнит царство. «Изливая на бедных щедроты,— говорят летописцы,— он в золотой чаше подавал им кровь невинных, да пиют во здравие; питал их милостынею богопротивною, расхитив имение вельмож честных и древние сокровища царские осквернив добычею грабежа».— Россия не благоденствовала в новом изобилии; не имела времени успокоиться; открылось новое бедствие, в коем современники непосредственно винили Бориса.

Еще Иоанн IV, желая населить литовскую Украйну, землю Северскую, людьми, годными к ратному делу, не мешал в ней укрываться и спокойно жительствовать преступникам, которые уходили туда от казни: ибо думал, что они в случае войны могут быть надежными защитниками границы. Борис, любя следовать многим государственным мыслям Иоанновым, последовал и сей, весьма ложной и весьма несчастной: ибо незнаемо изготовил тем многочисленную дружину злодеев в услугу врагам отечества и собственным. «Великий разум и жестокость Грозного,— по словам летописца,— не давали двинуться змиям; а кроткий, набожный Феодор связывал их своею молитвою»; но Борис увидел зло и еще увеличил его другими плодами своего мудрования, несогласного с вечными уставами правды. Издревле бояре наши окружали себя толпами слуг, вольных и крепостных; издревле также любили кабалить первых: закон, изданный в Феодорово время, единственно в угодность знатному дворянству, об укреплении всех людей, служащих господам не менее шести месяцев, совершенно прекратил род вольных слуг в нашем отечестве и наполнил домы боярские рабами, коими сделались тогда, в противность Иоаннову судебнику, даже и многие люди воинские, благородные, от нищеты, но без стыда служив богачам именитым: закон, недостойный сего имени своею явною несправедливостию! Еще мало: к его действию присоединилось и насилие: знатные и случайные бессовестно укрепляли и не слуг, а всякого беззащитного, кто им нравился художеством, рукодельем, ловкостию или красотою. Но, в дешевое время охотно умножав свою челядь, дворяне во время голода начали распускать ее: воля обратилась в казнь и мучительство! Люди, еще совестные, выгоняли слуг из дому по крайней мере

с отпускными; а злые — без всякого письменного вида, с намерением клепать их в бегстве и в сносе, чтобы ябедою суда разорять тех, которые могли бы из человеколюбия дать им у себя дело и пищу: ужас разврата обыкновенного в годины бедствий! Несчастные гибли или разбойничали, вместе со многими людьми вельмож ссыльных, Романовых и других, осужденными вести жизнь бродяг (ибо никто не смел принять слуг опального),— вместе с украинскими беглецами, ходившими из гнезда своего на добычу и внутрь России. Явились шайки на дорогах; завелись пристани в местах глухих и лесистых; грабили, убивали под самою Москвою. Не боялись и сыскных дружин воинских: злодеи смело пускались на сечу с ними, имея атаманом Хлопка, или Косолапа, удальца редкого. Государь должен был действовать с усилием немаловажным и в мирное время отрядить целое войско против разбойника! Главный воевода, окольничий Иван Федорович Басманов, едва выступив в поле, уже встретил Хлопка, врага презрительного, но злого, который, соединив свои шайки, дерзнул близ Москвы спорить с ним о победе. Упорная битва, бесславная и жестокая, решилась смертию Басманова: видя его падающего с коня, воины кинулись на разбойников, не жалели себя и наконец одолели их остервенение; большую часть истребили и взяли в плен атамана, изнемогшего от тяжелых ран,— злодея, коего необыкновенная храбрость достойна была лучшего побуждения и лучшей цели! Удивленный дерзостию сего опасного скопища, Борис искал, кажется, тайных соумышленников или наставников Хлопка между людьми значительнейшими, зная, что в его шайках находились слуги господ опальных, и подозревая, что они могли быть вооружены местию против гонителя Романовых. Нарядили следствие; допрашивали, пытали взятых разбойников; но, по-видимому, ничего не узнали, кроме их собственных злодеяний. Хлопко, вероятно, умер от ран или в муках: всех других перевешали, и Борис единственно в сем случае уклонился от своего человеколюбивого обета не казнить никого смертию.— Еще многие из товарищей Хлопковых спаслися бегством в Украйну, где воеводы, по указу государеву, их ловили и вешали, но не могли истребить гнезда злодейского, которое ждало нового, гораздо опаснейшего атамана, чтобы дать ему передовую дружину на пути к столице!

Так готовилась Россия к ужаснейшему из явлений в своей истории; готовилась долго: неистовым тиранст-

вом двадцати четырех лет Иоанновых, адскою игрою Борисова властолюбия, бедствиями свирепого голода и всеместных разбоев, ожесточением сердец, развратом народа — всем, что предшествует ниспровержению государств, осужденных провидением на гибель или на мучительное возрождение.

Если, как пишут очевидцы, не было ни правды, ни чести в людях; если долговременный голод не смирил, не исправил их, но еще умножил пороки между ими: распутство, корыстолюбие, лихоимство, бесчувствие к страданию ближних; если и самое лучшее дворянство и самое духовенство заражалось общею язвою разврата, слабея в усердии к отечеству от беззаконий царя, уже вообще ненавистного: то нужны ли были иные чудесные знамения для устрашения России? Ибо сии же летописцы, следуя древнему обыкновению суеверия, рассказывают, что «нередко восходили тогда две и три луны, два и три солнца вместе; столпы огненные, ночью пылая на тверди, в своих быстрых движениях представляли битву воинств и красным цветом озаряли землю; от бурь и вихрей падали колокольни и башни; женщины и животные производили на свет множество уродов; рыбы во глубине вод и дичь в лесах исчезали или, употребляемые в пищу, не имели вкуса; алчные псы и волки, везде бегая станицами, пожирали людей и друг друга; звери и птицы невиданные явились; орлы парили над Москвою; в улицах, у самого дворца, ловили руками лисиц черных; летом (в 1604 году) в светлый полдень воссияла на небе комета, и мудрый старец, за несколько лет пред тем вызванный Борисом из Германии, объявил дьяку государственному (Власьеву), что царству угрожает великая опасность». Оставим суеверие предкам; его мнимые ужасы не столь разнообразны, как действительные в истории народов.

В сие время скончалась Ирина, в келии Новодевичьего монастыря, около шести лет не выходив из своего добровольного заключения никуда, кроме церкви, пристроенной к ее смиренному жилищу. Жена знаменитая и душевными качествами и судьбою необыкновенною; без отца, без матери, в печальном сиротстве взысканная удивительным счастием; воспитанная, любимая Иоанном — и добродетельная; первая *державная царица* России и в юных летах монахиня; чистая сердцем пред богом, но омраченная в истории союзом с злым властолюбцем, коему она указала путь к престолу, хотя и невинно, будучи ослеплена любовию к нему и блеском

его наружных добродетелей, не зная его тайных преступлений или не веря оным. Мог ли Борис открыть свою темную душу сердцу, преданному святой набожности? Он делил с нежною сестрою только добрые чувства: с нею радовался торжеству отечества и скорбел о случаях, бедственных для оного; поверял ей, может быть, свое великое намерение просветить Россию, жаловался на злую неблагодарность, на злые умыслы, призраки его беспокойной совести, и на горестную необходимость карать вельмож-изменников; лицемерив пред сестрою в добре, не лицемерил, может быть, только в изъявлениях скорби о кончине ее: Ирина не мешала ему державствовать и служила ангелом-хранителем, всеми любимая как истинная мать народа и в келии. Погребли инокиню с великолепием царским в девичьем Вознесенском монастыре, близ гроба Иоанновой дочери Марии — и никогда не раздавалось столько милостыни, как в сей день печали; бедные во всех городах российских благословили щедрость Борисову.— Ирина была счастлива, смежив глаза навеки: ибо не видала гибели всего, что еще любила в жизни.

Настало время явной казни для того, кто не верил правосудию божественному в земном мире, надеясь, может быть, смиренным покаянием спасти свою душу от ада (как надеялся Иоанн) и делами достохвальными загладить для людей память своих беззаконий. Не там, где Борис стерегся опасности, внезапная опасность явилась; не потомки Рюриковы, не князья и вельможи, им гонимые,— не дети и друзья их, вооруженные местию, умыслили свергнуть его с царства: сие дело умыслил и совершил презренный бродяга, именем младенца, давно лежавшего в могиле... Как бы действием сверхъестественным, тень Димитриева вышла из гроба, чтобы ужасом поразить, обезумить убийцу и привести в смятение всю Россию. Начинаем повесть, равно истинную и неимоверную.

Бедный сын боярский, галичанин Юрий Отрепьев, в юности лишась отца, именем Богдана-Якова, стрелецкого сотника, зарезанного в Москве пьяным литвином, служил в доме у Романовых и князя Бориса Черкасского; знал грамоте; оказывал много ума, но мало благоразумия; скучал низким состоянием и решился искать удовольствия беспечной праздности в сане инока, следуя примеру деда, Замятни-Отрепьева, который уже давно монашествовал в обители Чудовской. Постриженный вятским игуменом Трифоном и названный Григорием,

сей юный чернец скитался из места в место; жил несколько времени в Суздале, в обители св. Евфимия, в галицкой Иоанна Предтечи и в других; наконец, в Чудове монастыре, в келии у деда, под началом. Там патриарх Иов узнал его, посвятил в диаконы и взял к себе для *книжного дела:* ибо Григорий умел не только хорошо списывать, но даже и сочинять каноны святым лучше многих старых книжников того времени. Пользуясь милостию Иова, он часто ездил с ним и во дворец: видел пышность царскую и пленялся ею; изъявлял необыкновенное любопытство; с жадностию слушал людей разумных, особенно когда в искренних, тайных беседах произносилось имя Димитрия царевича; везде, где мог, выведывал обстоятельства его судьбы несчастной и записывал на хартии. Мысль чудная уже поселилась и зрела в душе мечтателя, внушенная ему, как уверяют, одним злым иноком: мысль, что смелый самозванец может воспользоваться легковерием россиян, умиляемых памятию Димитрия, и в честь небесного правосудия казнить святоубийцу! Семя пало на землю плодоносную: юный диакон с прилежанием читал российские летописи и нескромно, хотя и в шутку, говаривал иногда чудовским монахам: «Знаете ли, что я буду царем на Москве?» Одни смеялись; другие плевали ему в глаза, как вралю дерзкому. Сии или подобные речи дошли до Ростовского митрополита Ионы, который объявил патриарху и самому царю, что «недостойный инок Григорий хочет быть сосудом диавольским»: добродушный патриарх не уважил митрополитова извета; но царь велел дьяку своему Смирному-Васильеву отправить безумца Григория в Соловки или в Белозерские пустыни, будто бы за ересь, на вечное покаяние. Смирной сказал о том другому дьяку, Евфимьеву; Евфимьев же, будучи свойственником Отрепьевых, умолил его не спешить в исполнении царского указа и дал способ опальному диакону спастися бегством (в феврале 1602 года) вместе с двумя иноками чудовскими, священником Варлаамом и крылошанином Мисаилом Повадиным. Не думали гнаться за ними и не известили царя, как уверяют, о сем побеге, коего следствия оказались столь важными.

Бродяги-иноки были тогда явлением обыкновенным; всякая обитель служила для них гостиницею: во всякой находили они покой и довольствие, а на путь — запас и благословение. Григорий и товарищи его свободно достигли Новагорода Северского, где архимандрит Спасской обители принял их весьма дружелюбно и дал

им слугу с лошадьми, чтобы ехать в Путивль; но беглецы, отослав провожатого, спешили в Киев, и Спасский архимандрит нашел в келии, где жил Григорий, следующую записку: «Я царевич Димитрий, сын Иоаннов, и не забуду твоей ласки, когда сяду на престол отца моего». Архимандрит ужаснулся, не знал, что делать; решился молчать.

Так в первый раз открылся самозванец еще в пределах России; так беглый диакон вздумал грубою ложью низвергнуть великого монарха и сесть на его престоле, в державе, где венценосец считался земным богом,— где народ еще никогда не изменял царям и где присяга, данная государю *избранному,* для верных подданных была не менее священною! Чем, кроме действия непостижимой судьбы, кроме воли провидения, можем изъяснить не только успех, но самую мысль такого предприятия? Оно казалось безумием; но безумец избрал надежнейший путь к цели: Литву!

Там древняя, естественная ненависть к России всегда усердно благоприятствовала нашим изменникам, от князей Шемякина, Верейского, Боровского и Тверского до Курбского и Головина: туда устремился и самозванец, не прямою дорогою, а мимо Стародуба, к Луевым горам, сквозь темные леса и дебри, где служил ему путеводителем новый спутник его, инок *Днепрова* монастыря Пимен, и где, вышедши наконец из российских владений близ литовского селения Слободки, он принес усердную благодарность небу за счастливое избежание всех опасностей. В Киеве, снискав милость знаменитого воеводы князя Василия Константиновича Острожского, Григорий жил в Печерском монастыре, а после в Никольском и в Дермане; везде священнодействовал как диакон, но вел жизнь соблазнительную, презирая устав воздержаний и целомудрия; хвалился свободою мнений, любил толковать о законе с иноверцами и был даже в тесной связи с анабаптистами. Между тем безумная мысль не усыпала в голове прошлеца: он распустил темную молву о спасении и тайном убежище Димитрия в Литве; свел знакомство с другим отчаянным бродягою, иноком Крыпецкого монастыря Леонидом: уговорил его назваться своим именем, то есть Григорием Отрепьевым, а сам, скинув с себя одежду монашескую, явился мирянином, чтобы удобнее приобрести навыки и знания, нужные ему для ослепления людей. Среди густых камышей днепровских гнездились тогда шайки удалых запорожцев, бдительных стражей и дерзких грабителей ли-

товского княжества: у них, как пишут, расстрига Отрепьев несколько времени учился владеть мечом и конем, в шайке Герасима Евангелика, старшины именитого; узнал и полюбил опасность; добыл первой воинской опытности и корысти. Но скоро увидели прошлеца на ином феатре: в мирной школе городка Волынского, Гащи, за польскою и латинскою грамматикою: ибо мнимому царевичу надобно было действовать не только оружием, но и словом. Из школы он перешел в службу к князю Адаму Вишневецкому, который жил в Брагине со всею пышностию богатого вельможи. Тут самозванец приступил к делу — и если искал надежного, лучшего пособника в предприятии равно дерзком и нелепом, то не обманулся в выборе: ибо Вишневецкий, сильный при дворе и в государственной думе многочисленными друзьями и прислужниками, соединял в себе надменность с умом слабым и легковерием младенца. Новый слуга знаменитого пана вел себя скромно; убегал всяких низких забав, ревностно участвовал только в воинских, и с отменною ловкостию. Имея наружность некрасивую — рост средний, грудь широкую, волосы рыжеватые, лицо круглое, белое, но совсем непривлекательное, глаза голубые без огня, взор тусклый, нос широкий, бородавку под правым глазом, также на лбу и одну руку короче другой,— Отрепьев заменял сию невыгоду живостию и смелостию ума, красноречием, осанкою благородною. Заслужив внимание и доброе расположение господина, хитрый обманщик притворился больным, требовал духовника и сказал ему тихо: «Умираю. Предай мое тело земле с честию, как хоронят детей царских. Не объявлю своей тайны до гроба; когда же закрою глаза навеки, ты найдешь у меня под ложем свиток и все узнаешь; но другим не сказывай. Бог судил мне умереть в злосчастии». Духовник был иезуит: он спешил известить князя Вишневецкого о сей тайне, а любопытный князь спешил узнать ее: обыскал постелю мнимо умирающего; нашел бумагу, заблаговременно изготовленную, и прочитал в ней, что слуга его есть царевич Димитрий, спасенный от убиения своим верным медиком; что злодеи, присланные в Углич, умертвили одного сына иерейского вместо Димитрия, коего укрыли добрые вельможи и дьяки Щелкаловы, а после выпроводили в Литву, исполняя наказ Иоаннов, данный им на сей случай. Вишневецкий изумился: еще хотел сомневаться, но уже не мог, когда хитрец, виня нескромность духовника, раскрыл свою грудь, показал золотой драгоценными ка-

меньями осыпанный крест (вероятно, где-нибудь украденный) и с слезами объявил, что сия святыня дана ему крестным отцом, князем Иваном Мстиславским.

Вельможа литовский был в восхищении. Какая слава представлялась для него возможною! Бывшего слугу своего увидеть на троне московском! Он не щадил ничего, чтобы поднять мнимого Димитрия с одра смертного, и, в краткое время его притворного выздоровления изготовив ему великолепное жилище, пышную услугу, богатые одежды, успел во всей Литве разгласить о чудесном спасении Иоаннова сына. Брат князя Адама Константин Вишневецкий и тесть сего последнего воевода сендомирский Юрий Мнишек взяли особенное участие в судьбе столь знаменитого изгнанника, как они думали, веря свитку, золотому кресту обманщика и свидетельству двух слуг: обличенного вора, беглеца Петровского и другого, Мнишкова холопа, который в Иоанново время был нашим пленником и будто бы видал Димитрия (младенца двух или трех лет) в Угличе: первый уверял, что царевич действительно имел приметы самозванца (дотоле никому не известные): бородавки на лице и короткую руку. Вишневецкие донесли Сигизмунду, что у них истинный наследник Феодоров; а Сигизмунд ответствовал, что желает его видеть, уже быв извещен о сем любопытном явлении другими, не менее ревностными доброхотами самозванца: папским нунцием Рангони и пронырливыми иезуитами, которые тогда царствовали в Польше, управляя совестию малодушного Сигизмунда, и легко вразумили его в важные следствия такого случая.

В самом деле, что могло казаться счастливее для Литвы и Рима? Чего нельзя было им требовать от благодарности Лжедимитрия, содействуя ему в приобретении царства, которое всегда грозило Литве и всегда отвергало духовную власть Рима? В опасном неприятеле Сигизмунд мог найти друга и союзника, а папа— усердного сына в непреклонном ослушнике. Сим изъясняется легковерие короля и нунция: думали не об истине, но единственно о пользе; одно бедствие, одно смятение и междоусобие России уже пленяло воображение наших врагов естественных; и если робкий Сигизмунд еще колебался, то ревностные иезуиты победили его нерешимость, представив ему способ, обольстительный для душ слабых: действовать не открыто, не прямо, а под личиною мирного соседа ввергнуть пламя войны в Россию.— Уже Рангони находился в тесной связи с само-

званцем, и деятельные иезуиты служили посредниками между ними; уже с обеих сторон изъяснились и заключили договор: Лжедимитрий письменно обязался за себя и за Россию пристать к латинской церкви, а Рангони — быть его ходатаем не только в Польше и в Риме, но и во всей Европе; советовал ему спешить к королю и ручался за доброе следствие их свидания.

Вместе с воеводою сендомирским и князем Вишневецким Отрепьев (в 1603 или 1604 году) явился в Кракове, где нунций немедленно посетил его. «Я сам был тому свидетелем,— пишет секретарь королевский Чилли, *веря мнимому царевичу,*— я видел, как нунций обнимал и ласкал Димитрия, беседуя с ним о России и говоря, что ему должно торжественно объявить себя католиком для успеха в своем деле. Димитрий с видом сердечного умиления клялся в непременном исполнении данного им обета и вторично подтвердил сию клятву в доме у нунция, в присутствии многих вельмож. Угостив царевича пышным обедом, Рангони повез его во дворец. Сигизмунд, обыкновенно важный и величавый, принял Димитрия в кабинете стоя и с ласковою улыбкою. Димитрий поцеловал у него руку, рассказал ему всю свою историю и заключил так: «Государь! Вспомни, что ты сам родился в узах и спасен единственно провидением. Державный изгнанник требует от тебя сожаления и помощи». Чиновник королевский дал знак царевичу, чтобы он вышел в другую комнату, где воевода сендомирский и все мы ждали его. Король остался наедине с нунцием и чрез несколько минут снова призвал Димитрия. Положив руку на сердце, смиренный царевич более вздохами, нежели словами, убеждал Сигизмунда быть милостивым. Тогда король с веселым видом, приподняв свою шляпу, сказал: «Да поможет вам бог, московский князь Димитрий! а мы, выслушав и рассмотрев все ваши свидетельства, несомнительно видим в вас Иоаннова сына и в доказательство нашего искреннего благоволения определяем вам ежегодно 40 000 злотых (54 000 нынешних рублей серебряных) на содержание и всякие издержки. Сверх того, вы, как истинный друг республики, вольны сноситься с нашими панами и пользоваться их усердным вспоможением». Сия речь столь восхитила Димитрия, что он не мог сказать ни единого слова: нунций благодарил короля, привез царевича в дом к воеводе сендомирскому и, снова обняв его, советовал ему действовать немедленно, чтобы скорее достигнуть цели: отнять державу у Годунова и навеки утвердить в России веру ка-

толическую с иезуитами». Прежде всего надлежало самому Лжедимитрию принять сию веру: чего неотменно хотел Рангони; но условились не оглашать того до времени, боясь закоренелой ненависти россиян к латинской церкви. Действие совершилось в доме краковских иезуитов. Расстрига шел к ним тайно, с каким-то вельможею польским, в бедном рубище, закрывая лицо свое, чтобы никто не узнал его; выбрал одного из них себе в духовники, исповедался, отрекся от нашей церкви и, как новый ревностный сын западной, принял тело Христово с миропомазанием от римского нунция. Так сказано в «Письмах иезуитского общества», которое славило *будущие* великие добродетели мнимого Димитрия, надеясь усердием его подчинить Риму *все неизмеримые страны Востока!* — Тогда Отрепьев, следуя наставлениям нунция, собственною рукою написал красноречивое латинское письмо к папе, чтобы иметь в нем искреннего покровителя,— и Климент VIII не замедлил удостоверить его в своей готовности вспомогать ему всею духовною властию апостольского наместника.

Должно отдать справедливость уму расстриги: предав себя иезуитам, он выбрал действительнейшее средство одушевить ревностию беспечного Сигизмунда, который, вопреки чести, совести, народному праву и мнению многих знатных вельмож, решился быть сподвижником бродяги. Славный друг Баториев гетман Замойский был еще жив: король писал к нему о своем важном предприятии, говоря, что республика, доставив Димитрию корону, будет располагать силами Московской державы, легко обуздает турков, хана и шведов, возьмет Эстонию и всю Ливонию, откроет путь для своей торговли в Персию и в Индию; но что сие великое намерение, требуя тайны и скорости, не может быть предложено сейму, дабы Годунов не имел времени изготовиться к обороне. Тщетно старец Замойский, пан Жолкевский, князь Острожский и другие вельможи благоразумные удерживали короля, не советуя ему легкомысленно вдаваться в опасность такой войны, особенно без ведома чинов государственных и с малыми силами; тщетно знаменитый пан Збаражский доказывал, что мнимый Димитрий есть, без сомнения, обманщик. Убежденный иезуитами, но не дерзая самовластно нарушить двадцатилетнего перемирия, заключенного между им и Борисом, король велел Мнишку и Вишневецким поднять знамя против Годунова именем Иоаннова сына и составить рать из вольницы; определил ей на жалованье доходы сендомирского воеводст-

ва; внушал дворянам, что слава и богатство ожидают их в России, и, торжественно возложив с своей груди златую цепь на расстригу, отпустил его с двумя иезуитами из Кракова в Галицию, где, близ Львова и Самбора, в маетностях вельможи Мнишка, под распущенными знаменами уже толпилась шляхта и чернь, чтобы идти на Москву.

Главою и первым ревнителем сего подвига сделался старец Мнишек, коему старость не мешала быть ни честолюбивым, ни легкомысленным до безрассудности. Он имел юную дочь-прелестницу Марину, подобно ему честолюбивую и ветреную: Лжедимитрий, гостя у него в Самборе, объявил себя, искренно или притворно, страстным ее любовником и вскружил ей голову именем царевича; а гордый воевода с радостию благословил сию взаимную склонность в надежде видеть Россию у ног своей дочери, как наследственную собственность его потомства. Чтобы утвердить сию лестную надежду и хитро воспользоваться еще неверными обстоятельствами жениха, Мнишек предложил ему условия, без малейшего сомнения принятые расстригою, который дал на себя следующее обязательство (писанное 25 мая 1604, собственною рукою воеводы сендомирского): «Мы, Димитрий *Иванович,* божиею милостию *царевич* великой России, Углицкий, Дмитровский и проч., князь от колена предков своих, и всех государств Московских государь и наследник, по уставу небесному и примеру монархов христианских избрали себе достойную супругу, вельможную панну Марину, дочь ясновельможного пана Юрия Мнишка, коего считаем отцом своим, испытав его честность и любовь к нам, но отложили бракосочетание до нашего воцарения: тогда — в чем клянемся именем св. троицы и прямым словом царским — женюся на панне Марине, обязываясь 1) выдать немедленно миллион злотых (1 350 000 нынешних серебряных рублей) на уплату его долгов и на ее путешествие до Москвы, сверх драгоценностей, которые пришлем ей из нашей казны московской; 2) торжественным посольством известить о сем деле короля Сигизмунда и просить его благосклонного согласия на оное; 3) будущей супруге нашей уступить два великие государства, Новгород и Псков, со всеми уездами и пригородами, с людьми думными, дворянами, детьми боярскими и с духовенством, так, чтобы она могла судить и рядить в них самовластно, определять наместников, раздавать вотчины и поместья своим людям служивым, заводить школы, строить монастыри и церк-

ви латинской веры, свободно исповедуя сию веру, которую и мы сами приняли с твердым намерением ввести оную во всем государстве Московском. Если же — от чего боже сохрани — Россия воспротивится нашим мыслям и мы не исполним своего обязательства в течение года, то панна Марина вольна развестися со мною или взять терпение еще на год», и проч. Сего не довольно: в восторге благодарности Лжедимитрий другою грамотою (писанною 12 июня 1604) отдал Мнишку в наследственное владение княжества Смоленское и Северское, кроме некоторых уездов, назначенных им в дар королю Сигизмунду и республике в залог вечного, ненарушимого мира между ею и Московскою державою... Так беглый диакон, чудесное орудие гнева небесного, под именем царя российского готовился предать Россию с ее величием и православием в добычу иезуитам и ляхам! Но способы его еще не ответствовали важности замысла.

Ополчалась в самом деле не рать, а сволочь на Россию: весьма немногие знатные дворяне, в угодность королю малоуважаемому или прельщаясь мыслию храбровать за изгнанника царевича, явились в Самборе и Львове: стремились туда бродяги, голодные и полунагие, требуя оружия не для победы, но для грабежа, или жалованья, которое щедро выдавал Мнишек в надежде на будущее: на богатое вено Марины и доходы Смоленского княжества. Расстрига и друзья его чувствовали нужду в иных, лучших сподвижниках и должны были, естественно, искать их в самой России. Достойно замечания, что некоторые из московских беглецов, детей боярских, исполненных ненависти к Годунову, укрываясь тогда в Литве, не хотели быть участниками сего предприятия, ибо видели обман и гнушались злодейством: пишут, что один из них, Яков Пыхачев, даже всенародно и пред лицом короля, свидетельствовал о сем грубом обмане, вместе с товарищем расстригиным иноком Варлаамом, встревоженным совестию; что им не верили и прислали обоих, скованных, к воеводе Мнишку в Самбор, где Варлаама заключили в темницу, а Пыхачева, обвиняемого в намерении умертвить Лжедимитрия, казнили. Другие беглецы, менее совестные, дворянин Иван Борошин с десятью или пятнадцатью клевретами, пали к ногам мнимого царевича и составили его первую дружину русскую; скоро нашлася гораздо сильнейшая. Зная свойство мятежных донских казаков,— зная, что они не любили Годунова, казнившего многих из них за разбои,— Лжедимитрий послал на Дон литвина Свирского с гра-

мотою; писал, что он сын первого царя белого, коему сии вольные хрнстианские витязн присягнули в верности; звал их на дело славное: свергнуть раба и злодея с престола Иоаннова. Два атамана, Андрей Корела и Михайло Нежакож, спешили видеть Лжедимитрия; видели его, честимого Сигизмундом, вельможными панамн, и возвратнлись к товарищам с удостоверением, что нх зовет истнннный царевич. Удальцы донские сели на коней, чтобы присоединиться к толпам самозванца. Между тем усердный слуга его, пан Мнхайло Ратомский, остерский староста, волновал нашу Украйну чрез своих лазутчиков и двух монахов русских, вероятно Мисаила и Леонида, нз коих последний, сняв на себя имя Григория Отрепьева, мог свидетельствовать, что оно не принадлежит самозванцу. В городах, в селах и на дорогах подкидывали грамоты от Лжедимитрия к россиянам с вестию, что он жив и скоро к ним будет. Народ изумлялся, не зная, верить тому или не верить; а бродяги, негодяи, разбойники, издавна гнездясь в земле Северской, обрадовались: наступало нх время. Кто бежал в Галицню к самозванцу, кто в Киев, где Ратомский также выставил знамя для собрання вольницы: он поднял н казаков запорожских, прельщенных мыслию вести бывшего ученика своего на царство Московское.— Столько движения, столько гласных происшествий могло ли утаиться от Годунова?

Еще прежде нежели самозванец открылся Вишневецкнм, слух, распущенный им в Литве о Димнтрии, сделался, вероятно, известным Борнсу. В генваре 1604 года нарвский сановник Тирфельд писал с гонцом к абовскому градоначальнику, что мнимоубнтый сын Иоаннов живет у казаков: гонца задержалн в Иванегороде, и письмо его доставнлн царю. В то же время прншли н вести из Лнтвы н подметные грамоты Лжедимитрневы от наших воевод украннских; в то же время на берегах Волги донские казаки разбили окольничего Семена Годунова, посыланного в Астрахань, и, захватнв несколько стрельцов, отпустили их в Москву с таким наказом: «Объявнте Борису, что мы скоро будем к нему с царевичем Димнтрием!» Один бог видел, что происходило в душе Годунова, когда он услышал сие роковое имя! — но чем более устрашился, тем более хотел казаться бесстрашным. Не сомневаясь в убиенни истинного сына Иоаннова, он нзъяснял для себя столь дерзкую ложь умыслом свонх тайных врагов и, велев лазутчнкам узнать в Литве, кто сей самозванец, нскал заговора в Рос-

сии: подозревал бояр; призвал в Москву царицу-инокиню, мать Димитриеву, и ездил к ней в Девичий монастырь с патриархом, воображая, как вероятно, что она могла быть участницею предполагаемого кова, и надеясь лестию или угрозами выведать ее тайну; но царица-инокиня, равно как и бояре, ничего не знала, с удивлением и, может быть, не без внутреннего удовольствия слыша о Лжедимитрии, который не заменял сына для матери, но страшил его убийцу. Сведав наконец, что самозванец есть расстрига Отрепьев и что дьяк Смирной не исполнил царского указа сослать его в пустыню Беломорскую, Борис усилием притворства не оказал гнева, ибо хотел уверить россиян в маловажности сего случая: Смирной трепетал, ждал гибели и был казнен, но после и будто бы за другую вину: за расхищение государственного достояния. Удвоив заставы на литовской границе, чтобы перехватывать вести о самозванце, однако ж чувствуя невозможность скрыть его явление от России и боясь молчанием усилить вредные толки, Годунов обнародовал историю беглеца чудовского, вместе с допросами монаха Пимена, Венедикта — чернца Смоленского и мещанина-ярославца, иконника Степана: первый объявлял, что он сам вывел бродягу Григория в Литву, но не хотел идти с ним далее и возвратился; вторый и третий свидетельствовали, что они знали Отрепьева диаконом в Киеве и вором между запорожцами; что сей негодяй, богоотступник, чернокнижник, с умыслу князей Вишневецких и самого короля, дерзает в Литве называться Димитрием. В то же время царь послал *от имени бояр* дядю расстригина, Смирного-Отрепьева, к Сигизмундовым вельможам, чтобы в их присутствии изобличить племянника; послал и к донским казакам дворянина Хрущова вывести их из бедственного заблуждения. Но грамоты и слова не действовали: вельможи королевские не хотели показать Лжедимитрия Смирному-Отрепьеву и сухо ответствовали, что им нет дела до мнимого царевича российского; а казаки схватили Хрущова, оковали и привезли к самозванцу. Уже расстрига (15 августа) двинулся с своими дружинами к берегам днепровским и стоял (17 того же месяца) в Сокольниках: Хрущов, представленный ему в цепях, взглянул на него... залился слезами и пал на колена, воскликнув: «Вижу Иоанна в лице твоем: я твой слуга навеки!» С него сняли оковы; и сей первый чиновный изменник, ослепленный страхом или корыстию, в знак усердия донес своему новому государю, мешая истину с ложью, что

«народ изъявляет в России любовь к Димитрию; что самые знатные люди, меньший Булгаков и другие, пили у себя с гостями чашу за его здравие и были, по доносу слуг, осуждены на казнь; что Борис умертвил и сестру, вдовствующую царицу Ирину, которая всегда видела в нем монарха беззаконного; что он, не смея явно ополчаться против Димитрия, сводит полки в Ливнах, будто бы на случай ханского впадения; что главные воеводы их, Петр Шереметев и Михайло Салтыков, встретясь с ним, Хрущовым, в искренней беседе сказали: «Нас ожидает не Крымская, а совсем иная война,— но трудно поднять руку на государя природного»; что Борис нездоров, едва ходит от слабости в ногах и думает тайно выслать казну московскую в Астрахань и в Персию». Годунов, без сомнения, не убил Ирины и не думал искать убежища в Персии; еще не видал дотоле измены в россиянах и не казнил ни одного человека за явную приверженность к самозванцу; с жадностию слушая лазутчиков, доносителей, клеветников, воздерживал себя от тиранства для своей безопасности в таких обстоятельствах и, терзаемый подозрениями еще неосновательными, хотел знаками великодушной доверенности тронуть бояр и чиновников: но действительно медлил двинуть значительную рать прямо к литовским пределам, в доказательство ли бесстрашия, боясь ли сильным ополчением дать народу мысль о важности неприятеля, избегая ли войны с Польшею до самой крайней необходимости? Сия необходимость была уже очевидна: король Сигизмунд вооружал на Бориса не только самозванца, но и крымских разбойников, убеждая хана вступить вместе с Лжедимитрием в Россию. Борис знал все и еще послал в Варшаву, лично к королю, дворянина Огарева усовестить его представлением, сколь унизительно для венценосца христианского быть союзником подлого обманщика; вторично объявлял, кто сей мнимый царевич, и спрашивал, чего Сигизмунд желает: мира или войны с Россиею? Сигизмунд хотел лукавствовать и, подобно своим вельможам, отвечал, что не стоит за Лжедимитрия и не мыслит нарушать перемирия; что некоторые ляхи самовольно помогают сему бродяге, *ушедшему* в Галицию, и будут наказаны, как мятежники. «Мы хотели обмануть бога (пишет современник, один из знатных ляхов), уверяя бессовестно, что король и республика не участвуют в Димитриевом предприятии». Уже самозванец начал действовать, а царь велел патриарху Иову еще писать к духовенству литовскому и

польскому, чтобы оно для блага обеих держав старалось удалить кровопролитие за богоотступника расстригу; все наши епископы скрепили патриаршую грамоту своими печатями, клятвенно свидетельствуя, что они все знали Отрепьева монахом. Такую же грамоту написал Иов и к киевскому воеводе, князю Василию Острожскому, напоминая ему, что он сам знал сего беглеца диаконом, и заклиная его быть достойным сыном церкви: обличить расстригу, схватить и прислать в Москву. Но гонцы патриарховы не возвратились: их задержали в Литве, и не ответствовали Иову ни духовенство, ни князь Острожский: ибо самозванец действовал уже с блестящим успехом.

Сие грозное ополчение, которое шло низвергнуть Годунова, состояло едва ли из 1500 воинов исправных, всадников и пеших, кроме сволочи, без устройства и почти без оружия. Главными предводителями были сам Лжедимитрий (сопровождаемый двумя иезуитами), юный Мнишек (сын воеводы сендомирского), Дворжицкий, Фредро и Неборский; каждый из них имел свою особенную дружину и хоругвь; а старец Мнишек первенствовал в их думе. Они соединились близ Киева с двумя тысячами донских казаков, приведенных Свирским с толпами вольницы, киевской и северской, ополченной Ратомским, и 16 октября вступили в Россию... Тогда единственно Борис начал решительно готовиться к обороне: послал надежных воевод в украинские крепости с головами стрелецкими; а знатных бояр, князя Дмитрия Шуйского, Ивана Годунова и Михайла Глебовича Салтыкова — в Брянск, чтобы собрать там многочисленное полевое войско. Еще Борис мог стыдиться страха, видя против себя толпы ляхов, нестройной вольницы и казаков, предводимые беглым расстригою; но сей человек назывался именем, ужасным для Бориса и любезным для России.

Лжедимитрий шел с мечом и с манифестом: объявлял россиянам, что он, невидимою десницею всевышнего устраненный от ножа Борисова и долго сокрываемый в неизвестности, сею же рукою изведен на феатр мира под знаменами сильного, храброго войска и спешит в Москву взять наследие своих предков, венец и скипетр Владимиров; напоминал всем чиновникам и гражданам присягу, данную ими Иоанну; убеждал их оставить хищника Бориса и служить государю законному; обещал мир, тишину, благоденствие, коих они не могли иметь

в царствование злодея богопротивного. Вместе с тем воевода сендомирский именем короля и вельможных панов обнародовал, что они, убежденные доказательствами очевидными, несомненно, признали Димитрия истинным великим князем московским, дали ему рать и готовы дать еще сильнейшую для восшествия на престол отца его. Сей манифест довершил действие прежних подметных грамот Лжедимитрия в Украйне, где не только сподвижники Хлопковы и слуги опальных бояр, ненавистники Годунова,— не только низкая чернь, но и многие люди воинские поверили самозванцу, не узнавая беглого диакона в союзнике короля Сигизмунда, окруженном знатными ляхами; в витязе ловком, искусном владеть мечом и конем; в военачальнике бодром и бесстрашном: ибо Лжедимитрий был всегда впереди, презирал опасность и взором спокойным искал, казалось, не врагов, а друзей в России. Несчастия Годунова времени, надежда на лучшее, любовь к чрезвычайному и золото, рассыпаемое Мнишком и Вишневецким, также способствовали легковерию народному. Тщетно градоначальники Борисовы хотели мешать распространению листов самозванцевых, опровергали и жгли их: листы ходили из рук в руки, готовя измену. Начались тайные сношения между самозванцем и городами украинскими, где лазутчики его действовали с величайшею ревностию, обольщая умы и страсти людей,— доказывая, что присяга, данная Годунову, не имеет силы: ибо обманутый народ, присягая ему, считал сына Иоаннова мертвым; что сам Борис знает сию истину, обезумел в ужасе и не противится мирному вступлению царевича в Россию. Самые чиновники колебались или в оцепенении ждали дальнейших происшествий; самые воеводы, видя общее движение в пользу Лжедимитрия, опасались, кажется, употребить строгость и не изъявили должного усердия. Составились заговоры, и мятеж вспыхнул.

Отрепьев на левом берегу Днепра разделил свое войско: послал часть его к Белугороду, а сам шел вверх Десны, вслед за рассыпною дружиною переметчиков, которые служили ему верными путеводителями, зная места и людей. Едва поставив ногу на русскую землю (18 октября), в слободе Шляхетской, он сведал о своем первом успехе: жители и воины Моравска отложились от Бориса; связали, выдали воевод своих Лжедимитрию; встретили его с хлебом и солью. Чувствуя важность начала в таком предприятии, умный прошлец вел себя с отменною ловкостию: торжественно славил бога; изъ-

являл милость и величавость; не укорял воевод моравских в верности к Борису, жалея только об их заблуждении, и дал им свободу; жаловал, ласкал изменников, граждан, воинов, видом и разговором не без искусства представляя лицо державного, так что от литовского рубежа до самых внутренних областей России с неимоверною быстротою промчалась добрая слава об Лжедимитрии,— и знаменитая столица древних Ольговичей не усомнилась следовать примеру Моравска. 26 октября покорился самозванцу Чернигов, где ратники и граждане также встретили его с хлебом и солью, выдав ему воевод, из коих главный, князь Иван Андреевич Татев, внутренно ненавидя Бориса, как вторый Хрущов бесстыдно вступил в службу к обманщику. Там хранилась значительная казна: Лжедимитрий, разделив ее между своими воинами, усилил тем их ревность; умножил и число, присоединив к ним 300 стрельцов, изменников и жителей, ополченных усердием к нему или духом буйным. Взяв из Черниговской крепости 12 пушек, самозванец оставил в ней начальником ляха и спешил к Новугороду Северскому. Он надеялся быть везде завоевателем без кровопролития, и действительно, на берегах Десны, Свины и Снова видел единственно коленопреклонение народа и слышал радостный клик: «Да здравствует государь наш Димитрий!»

Но вести не было из Новагорода: жители не высылали ко Лжедимитрию ни призывных грамот, ни воевод связанных: там бодрствовал один человек, решительный, смелый — и еще верный! Сей витязь был Петр Федорович Басманов, брат убитого разбойниками (в 1604 году) Ивана Басманова, дотоле известный только чрезвычайною судьбою отца и деда, которые, всем жертвуя Иоанновой милости, своею гибелию доказали небесное правосудие; наследовав их дух царедворческий, он соединял в себе великие способности ума и даже некоторые благородные качества сердца с совестию уклонною, нестрогою, будучи готов на добро и зло для первенства между людьми. Борис видел в юном Басманове только достоинства; вывел его, вместе с братом, из родовой опалы на степень знатности, в 1601 году дав ему сан окольничего, и вместе с боярином, князем Никитою Романовичем Трубецким, послал было спасти Чернигов; но они за 15 верст до сего города сведали, что там уже самозванец, и заключились в Новегороде. Тогда узнали Басманова! Великая опасность поставила его выше боярина Трубецкого: приняв начальство в городе,

где все колебалось от внушений измены или страха, он истиною и грозою обуздал предательство: сам уверенный в обмане, уверил в нем и других; сам не боясь смерти, устрашал мятежников казнию; сжег предместия и с пятисотною дружиною стрельцов московских заперся в крепости, волею или неволею взяв к себе и знатнейших жителей. 11 ноября Лжедимитрий подступил к Новугороду: тут россияне приветствовали его в первый раз ядрами и пулями! Он требовал переговоров: Басманов с зажженным фитилем стоял на стене и слушал клеврета самозванцева, ляха Бучинского, который сказал, что царь и великий князь Димитрий готов быть отцом воинов и жителей, если ему сдадутся, или, в случае, упорства, не оставит живым ни грудного младенца в Новегороде. «Великий князь и царь в Москве,— ответствовал Басманов,— а ваш Димитрий разбойник, сядет на кол вместе с вами». Отрепьев посылал и российских изменников уговаривать Басманова, но бесполезно; хотел взять крепость смелым приступом и был отражен; хотел огнем разрушить ее стены, но не успел и в том; лишился многих людей и видел бедствие пред собою: стан его уныл; Басманов давал время войску Борисову ополчиться и пример неробости иным градоначальникам.

Но добрые вести утешили самозванца. В крепком Путивле начальствовали знатный окольничий Михайло Салтыков и князь Василий Рубец-Мосальский; сей последний, как воин не без достоинства, как гражданин без чести и правил, с дьяком Сутуповым объявил себя за мнимого царевича; сам возмутил граждан и ратников; сам связал Салтыкова и (18 ноября), предав сие важное место расстриге, сделался с того времени любимцем его и советником. Не менее важный Рыльск, волость Комарницкая, или Севская, Борисов, Белгород, Волуйки, Оскол, Воронеж, Кромы, Ливны, Елец (где находился и ревностно действовал тогда монах Леонид под именем Григория Отрепьева) также поддалися самозванцу. Вся южная Россия кипела бунтом; везде вязали чиновников, едва ли искренне верных Борису, и представляли Лжедимитрию, который немедленно освобождал их и с милостию принимал к себе в службу. Рать его умножалась новыми толпами изменников. Перехватив казну, тайно везенную московскими купцами в медовых бочках к начальникам северских городов, он послал знатную часть ее в Литву, к князю Вишневецкому и пану Рожинскому, чтобы набирать там новые дружины сподвижников; а сам еще стоял под Новым-

городом, стрелял из больших пушек, разрушал стены. Басманов не слабел духом и мужествовал в счастливых вылазках; но видя разрушение крепости и зная, что войско Борисово идет спасти ее, он хитро заключил перемирие с самозванцем, будто бы в ожидании вестей из Москвы и, во всяком случае, обязываясь сдаться ему чрез две недели. Уже самозванец считал Новгород своим и Басманова пленником.

Сии быстрые успехи обольщения поразили Годунова и всю Россию. Царь увидел, вероятно, свою ошибку — и сделал другую; увидел, что ему надлежало бы не обманывать людей знаками лицемерного презрения к расстриге, но готовым сильным войском отразить его от нашей границы и не впускать в Северскую землю, где еще жил старый дух литовский и где скопище злодеев, беглецов, слуг опальных, естественно, ожидало мятежа как счастия; где народ и самые люди воинские, удивленные беспрепятственным входом самозванца в Россию, могли, веря внушению его лазутчиков, думать, что Годунов действительно не смеет противиться истинному Иоаннову сыну. Новое доказательство, сколь ум обманчив в раздоре с совестию и как хитрость, чуждая добродетели, запутывается в сетях собственных! Еще Борис мог бы исправить сию ошибку: сесть на бранного коня и самолично вести россиян против злодея. Присутствие венценосца, его великодушная смелость и доверенность, без сомнения, имели бы действие. Не рожденный героем, Годунов, однако ж, с юных лет знал войну; умел силою души своей оживлять доблесть в сердцах и спасти Москву от хана, будучи только правителем. За него были святость венца и присяги, навык повиновения, воспоминание многих государственных благодеяний — и Россия на поле чести не предала бы царя расстриге. Но, смятенный ужасом, Борис не дерзал идти навстречу к Димитриевой тени: подозревал бояр и вручил им судьбу свою, назвав главным воеводою Мстиславского, добросовестного, лично мужественного, но более знатного, нежели искусного предводителя; велел строго людям ратным, всем без исключения, спешить в Брянск, а сам как бы укрывался в столице!

Одним словом, суд божий гремел над державным преступником. Никто из россиян до 1604 года не сомневался в убиении Димитрия, который возрастал на глазах всего Углича и коего видел весь Углич мертвого, в течение пяти дней орошав его тело слезами: следственно, россияне не могли благоразумно верить воскресе-

нию царевича; но они — *не любили Бориса!* Сие несчастное расположение готовило их быть жертвою обмана. Сам Борис ослабил свидетельство истины, казнив важнейших очевидцев Димитриевой смерти и явно ложными показаниями затмив ее страшные обстоятельства. Еще многие знали верно сию истину в Угличе, в Пелыме; но там жила в сердцах ненависть к тирану. Всех громогласнее, как пишут, свидетельствовал в столице князь Василий Шуйский, торжественно, на лобном месте, о несомнительной смерти царевича, им виденного во гробе и в могиле. То же писал и патриарх во все концы России, ссылаясь и на мать Димитриеву, которая сама погребала сына. Но бессовестность Шуйского была еще в свежей памяти; знали и слепую преданность Иова к Годунову; слышали только имя царицы-инокини: никто не видался, никто не говорил с нею, снова заключенною в пустыне Выксинской. Еще не имев примера в истории самозванцев и не понимая столь дерзкого обмана; любя древнее племя царей и с жадностию слушая тайные рассказы о мнимых добродетелях Лжедимитрия, россияне тайно же передавали друг другу мысль, что бог действительно каким-нибудь чудом, достойным его правосудия, мог спасти Иоаннова сына для казни ненавистного хищника и тирана. По крайней мере сомневались и не изъявляли ревности стоять за Бориса. Расстрига с своими ляхами уже господствовал в наших пределах, а воины отечества уклонялись от службы, шли неохотно в Брянск под знамена, и тем неохотнее, чем более слышали об успехах Лжедимитрия, думая, что сам бог помогает ему. Так нелюбовь к государю рождает нечувствительность и к государственной чести!

В сей опасности, уже явной, Борис прибегнул к двум средствам: к церкви и к строгости. Он велел иерархам петь вечную память Димитрию в храмах, а расстригу с его клевретами, настоящими и будущими, клясть всенародно, на амвонах и торжищах, как злого еретика, умышляющего не только похитить царство, но и ввести в нем латинскую веру: следственно, Борис уже знал или угадывал обет, данный Лжедимитрием иезуитам и легату папскому. Хотя народ, видев слабость и потворство святителей в исследовании Димитриева убиения, не мог иметь к ним беспредельной доверенности; но ужас анафемы должен был тронуть совесть людей набожных и вселить в них омерзение к человеку, отверженному церковию и преданному ею суду божию. Второе средство также не осталось бесплодным. Издав

указ, чтобы с каждых двухсот четвертей земли обработанной выходил ратник в поле с конем, доспехом и запасом,— следственно, убавив до половины число воинов, определенное уставом Иоанновым,— Борис требовал скорости; писал, что владельцы богатые живут в домах, не заботясь о гибели царства и церкви; грозил жестокою казнию ленивым и беспечным, не упоминая о злонамеренных, и действительно велел наказывать ослушных без пощады: лишением имения, темницею и кнутом; велел, чтобы и все слуги патриаршие, святительские и монастырские, годные для ратного дела, спешили к войску под опасением тяжкого гнева царского в случае медленности. «Бывали времена,— сказано в сем определении государственного совета,— когда и самые иноки, священники, диаконы вооружались для спасения отечества, не жалея своей крови; но мы не хотим того: оставляем их в храмах, да молятся о государе и государстве». Сии меры угрозы и наказания недель в шесть соединили до пятидесяти тысяч всадников в Брянске, вместо полумиллиона, в 1598 году ополченного призывным словом царя, *коего любила Россия!*

Но Борис еще оказал тогда великодушие. Шведский король, враг Сигизмундов, услышав о самозванце и вероломстве ляхов, предлагал царю союз и войско вспомогательное. Царь ответствовал, что Россия не требует вспоможения иноземцев; что она при Иоанне в одно время воевала с султаном, Литвою, Швециею, Крымом и не должна бояться мятежника презренного. Борис знал, что в случае верности россиян горсть шведов ему не нужна, а в случае неверности — бесполезна, ибо не могла бы спасти его.

Грозный час опыта наступал: нельзя было медлить, ибо самозванец ежедневно усиливался и распространял свои мирные завоевания. Бояре, князья Федор Иванович Мстиславский, Андрей Телятевский, Дмитрий Шуйский, Василий Голицын, Михайло Салтыков, окольничие князь Михайло Кашин, Иван Иванович Годунов, Василий Морозов выступили из Брянска, чтобы пресечь успехи измены и спасти Новогородскую крепость, которая одна противилась расстриге уже среди подвластной ему страны.— Не только Годунов с мучительным волнением души следовал мыслями за московскими знаменами, но и вся Россия сильно тревожилась в ожидании, чем судьба решит столь важную прю между Борисом и ложным или неложным Димитрием: ибо не было общего удостоверения ни в войске, ни в государстве. Мысль поднять

руку на действительного сына Иоаннова или предаться дерзкому обманщику, клятому церковию, равно ужасала сердца благородные. Многие, и самые благороднейшие из россиян, не любя Бориса, но гнушаясь изменою, хотели соблюсти данную ему присягу; другие, следуя единственно внушению страстей, только желали или не желали перемены царя и не заботились об истине, о долге верноподданного; а многие не имели точного образа мыслей, готовясь думать, как велит случай. Если бы в сие время открылась проницанию наблюдателя и самая внутренность душ, то он, может быть, еще не решил бы для себя вопроса о вероятной удаче или неудаче самозванцева дела: столь расположение умов было отчасти несогласно, отчасти неясно и нерешительно! Войско шло, повинуясь царской власти; но колебалось сомнением, толками, взаимным недоверием.

Приближаясь к Трубчевску, где уже славилось имя Димитриево, воеводы Борисовы писали к сендомирскому, чтобы он немедленно вышел из России, мирной с Литвою, оставив злодея расстригу на казнь, им заслуженную. Мнишек не ответствовал, в надежде, что войско Борисово не обнажит меча: так думал самозванец; так говорили ему изменники, сносясь с своими единомышленниками в полках московских. 18 декабря на берегу Десны, верстах в шести от стана Лжедимитриева, была перестрелка между отрядами того и другого войска; а на третий день легкая сшибка. Ни с которой стороны не изъявляли пылкой ревности: самозванец ждал, кажется, чтобы рать Борисова, следуя примеру городов, связала и выдала ему своих начальников; а Мстиславский, чтобы неприятель ушел без битвы, как слабейший, едва ли имея и 12 000 воинов. Но не видали ни измены, ни бегства; перешло к Лжедимитрию только три человека из детей боярских. Оставив Новгород и свой укрепленный стан, он выстроился на равнине, весьма неблагоприятной для войска малочисленного; оказывал спокойствие и бодрость; говорил речь к сподвижникам, стараясь воспламенить их мужество; молился велегласно, воздев руки на небо, и дерзнул, как уверяют, громко произнести следующие слова: «Всевышний! Ты зришь глубину моего сердца. Если обнажаю меч неправедно и беззаконно, то сокруши меня небесным громом (увидим 17 мая 1606 года!)... Когда же я прав и чист душою, дай силу неодолимую руке моей в битве! А ты, мать божия, буди покровом нашего воинства!» 21 декабря началося дело, сперва не жаркое; но вдруг кон-

ница польская с воплем устремилась на правое крыло россиян, где предводительствовали князья Дмитрий Шуйский и Михайло Кашин: оно дрогнуло и в бегстве опрокинуло средину войска, где стоял Мстиславский; изумленный такою робостию и таким беспорядком, он удерживал мечом своих и неприятелей; бился в свалке; облился кровию и с пятнадцатью ранами упал на землю: дружина стрельцов едва спасла его от плена. Час был решительный: если бы Лжедимитрий общим нападением подкрепил удар смелых ляхов, то вся рать московская, как пишут очевидцы, представила бы зрелище срамного бегства; но он дал ей время опомниться: 700 немецких всадников, верных Борису, удержали стремление неприятельских, и левое крыло наше уцелело. Тогда же Басманов вышел из крепости, чтобы действовать в тылу у самозванца, который, слыша выстрелы позади себя и видя свой укрепленный стан в пламени, прекратил битву. Обе стороны вдруг отступили, Лжедимитрий хвалясь победою и четырьмя тысячами убитых неприятелей, а Борисовы воеводы от стыда безмолвствуя, хотя и взяв несколько пленников. Чтобы менее стыдиться, россияне выдумали басню: уверяли, что ляхи испугали их коней, нарядясь в медвежьи шубы навыворот; иноземцы же, свидетели сего малодушного бегства, пишут, что россияне не имели, казалось, ни мечей, ни рук, имея единственно ноги!

Однако ж мнимый победитель не веселился. Сия битва странная доказала не то, чего хотелось самозванцу: россияне сражались с ним худо, без усердия, но сражались; бежали, но от него, а не к нему. Он знал, что без их общего предательства ни ляхи, ни казаки не свергнут Бориса, и страшился быть между двумя огнями, двумя верными воеводами Мстиславским и Басмановым, который, видя отступление первого, снова заключился в крепости, готовый умереть в ее развалинах. На другой день присоединилось к Лжедимитрию 4000 запорожцев, и войско Борисово удалилось к Стародубу Северскому, но для того, чтобы ожидать там других, свежих полков из Брянска, и могло чрез несколько дней возвратиться к Новугороду, обороняемому столь усильно. Ревность наемников и союзников ослабела: ляхи надеялись вести своего царя в Москву без кровопролития; увидели, что надобно ратоборствовать; не любили ни зимних походов, ни зимних осад — и как легкомысленно начали, так легкомысленно и кончили: объявили, что идут назад, будто бы исполняя указ Сигизмундов не

воевать с Россиею, в случае, если она будет стоять за царя Годунова. Тщетно убеждал их Лжедимитрий не терять надежды: осталось не более четырехсот удальцов польских; все другие бежали восвояси, а с ними и горестный Мнишек. Думая, что все погибло, и княжество Смоленское для него и царство для Марины, сей ветреный старец еще дружественно простился с женихом ее и смело обещал ему возвратиться с сильнейшею ратию. Но самозванец, едва ли уже веря нареченному тестю, еще верил счастию; с обрядами священными предав на поле сражения тела убитых, своих и неприятелей, и сняв осаду Новагорода, расположился станом в Комарницкой волости, занял Севский острог, спешил вооружать кого мог: граждан и земледельцев. Рать Борисова не дала ему времени.

Смятение воевод московских было столь велико, что они даже медлили известить царя о битве: узнав от других все ее печальные обстоятельства, Борис (1 генваря) послал князя Василия Шуйского к войску быть вторым предводителем оного, а чашника Вельяминова — к раненому Мстиславскому *ударить* ему *челом* за кровь, пролиянную им из усердия к святому отечеству, и сказать именем государя: «Когда ты, совершив знаменитую службу, увидишь образ спасов, богоматери, чудотворцев московских и наши царские очи: тогда пожалуем тебя свыше твоего чаяния. Ныне шлем к тебе искусного врача, да будешь здрав и снова на коне ратном». Всем иным воеводам царь велел объявить свое неудовольствие за их преступное молчание, но войско уверить в милости. Чтобы блестящею наградою мужества оживить доблесть в сердцах россиян, Борис, искренно довольный одним Басмановым, призвал его к себе, выслал знатнейших государственных сановников навстречу к герою и собственные великолепные сани для торжественного въезда в Москву со всею царскою пышностию; дал ему из своих рук тяжелое золотое блюдо, насыпанное червонцами, и 2000 рублей, множество серебряных сосудов из казны кремлевской, доходное поместье и сан боярина думного. Столица и Россия обратили взор на сего нового вельможу, ознаменованного вдруг и славою подвига и милостию царскою; превозносили его необыкновенные достоинства — и любимец государев сделался любимцем народным, первым человеком своего времени в общем мнении. Но столь блестящая награда одного была укоризною для многих и, естественно, рождала негодование зависти между знатными. Если бы царь

осмелился презреть устав боярского старейшинства и дать главное воеводство Басманову, то, может быть, спас бы свой дом от гибели и Россию от бедствий: чего судьба не хотела! Призвав Басманова в Москву, вероятно, с намерением пользоваться его советами в думе, царь отнял лучшего воеводу у рати и сделал, кажется, новую ошибку, избрав Шуйского в начальники. Сей князь, подобно Мстиславскому, мог не робеть смерти в битвах, но не имел ни ума, ни души вождя истинного, решительного и смелого; уверенный в самозванстве бродяги, не думал предать ему отечества, но, угождая Борису как царедворец льстивый, помнил свои опалы: видел, может быть не без тайного удовольствия, муку его тиранского сердца и, желая спасти честь России, зложелательствовал царю.

Шуйский, провождаемый множеством чиновных стольников и стряпчих, нашел войско близ Стародуба, в лесах, между засеками, где оно, усиленное новыми дружинами, как бы таилось от неприятеля, в бездействии, в унынии, с предводителем недужным; другая, запасная, рать под начальством Федора Шереметева собиралась близ Кром, так что Борис имел в поле не менее осьмидесяти тысяч воинов. Мстиславский, еще изнемогая от ран, и Шуйский немедленно двинулись к Севску, где Лжедимитрий не хотел ждать их: смелый отчаянием, вышел из города и встретился с ними в Добрыничах. Силы были несоразмерны: у него 15 000 конных и пеших; у воевод Борисовых — 60 или 70 тысяч. Узнав, что полки наши теснятся в деревне, он хотел ночью зажечь ее и врасплох нагрянуть на сонных: тамошние жители взялись подвести его к селению незаметно; но стражи увидели сие движение: сделалась тревога, и неприятель удалился. Ждали рассвета (21 генваря). Самозванец молился, говорил речь к своим, как и в день новогородской битвы; разделил войско на три части: для первого удара взял себе 400 ляхов и 2000 россиян всадников, которые все отличались белою одеждою сверх лат, чтобы знать друг друга в сече; за ними должны были идти 8000 казаков, также всадников, и 4000 пеших воинов с пушками. Утром началась сильная пальба. Россияне, столь многочисленные, не шли вперед, с обеих сторон примыкая к селению, где стояла их пехота. Оглядев устроение московских воевод, Лжедимитрий сел на борзого, карего аргамака, держа в руке обнаженный меч, и повел свою конницу долиною, чтобы стремительным нападением разрезать войско Борисово

между селением и правым крылом. Мстиславский, слабый и томный, был на коне: угадал мысль неприятеля и двинул сие крыло, с иноземною дружиною, к нему навстречу. Тут расстрига, как истинный витязь, оказал смелость необыкновенную: сильным ударом смял россиян и погнал их; сломил и дружину иноземную, несмотря на ее мужественное, блестящее сопротивление, и кинулся на пехоту московскую, которая стояла пред деревнею с огнестрельным снарядом — и не трогалась, как бы в оцепенении; ждала и вдруг залпом из сорока пушек, из десяти или двенадцати тысяч ружей поразила неприятеля: множество всадников и коней пало, кто уцелел, бежал назад в беспамятстве страха — и сам Лжедимитрий. Уже казаки его неслись было во всю прыть довершить легкую победу своего героя; но видя, что она не их, обратили тыл, сперва запорожцы, а после и донцы, и пехота. 5000 россиян и немцы, с кликом: «Hilf Gott» *(помоги бог)*, гнали, разили бегущих на пространстве осьми верст, убили тысяч шесть, взяли немало и пленников, 15 знамен, 13 пушек; наконец истребили бы всех до единого, если бы воеводы, как пишут, не велели им остановиться, думая, вероятно, что все кончено и что сам Лжедимитрий убит. С сею счастливою вестию прискакал в Москву сановник Шеин и нашел царя, молящегося в лавре св. Сергия...

Борис затрепетал от радости; велел петь благодарственные молебны, звонить в колокола и представить народу трофеи: знамена, трубы и бубны самозванцевы; дал гонцу сан окольничего, послал с любимым стольником, князем Мезецким, золотые медали воеводам, а войску — 80 000 рублей и писал к первым, что ждет от них вести о конце мятежа, будучи готов отдать верным слугам и последнюю свою рубашку; в особенности благодарил усердных иноземцев и двух их предводителей, Вальтера Розена, ливонского дворянина, и француза Якова Маржерета; наконец, изъявлял живейшее удовольствие, что победа стоила нам не дорого: ибо мы лишились в битве только пятисот россиян и двадцати пяти немцев.

Но самозванец был жив: победители, безвременно веселясь и торжествуя, упустили его: он на раненом коне ускакал в Севск и в ту же ночь бежал далее, в город Рыльск, с немногими ляхами, с князем Татевым и с другими изменниками. В следующий день явились к нему рассеянные запорожцы: самозванец не впустил их в город, как малодушных трусов или предателей, так

что они с досадою и стыдом ушли восвояси. Не видя для себя безопасности и в Рыльске, Лжедимитрий искал ее в Путивле, лучше укрепленном и ближайшем к границе; а воеводы Борисовы все еще стояли в Добрыничах, занимаясь казнями: вешали пленников (кроме литовских, пана Тишкевича и других, посланных в Москву); мучили, расстреливали земледельцев, жителей Комарницкой волости, за их измену, безжалостно и безрассудно, усиливая тем остервенение мятежников, ненависть к царю и доброе расположение к обманщику, который миловал и самых усердных слуг своего неприятеля. Сия жестокость, вместе с оплошностию воевод, спасли злодея. Уже лишенный всей надежды, разбитый наголову, почти истребленный, с горстию беглецов унылых, он хотел тайно уйти из Путивля в Литву: изменники отчаянные удержали его, сказав: «Мы всем тебе жертвовали, а ты думаешь только о жизни постыдной и предаешь нас мести Годунова; но еще можем спастися, выдав тебя живого Борису!» Они предложили ему все, что имели: жизнь и достояние; ободрили его; ручались за множество своих единомышленников и в полках Борисовых и в государстве. Не менее ревности оказали и казаки донские: их снова пришло к самозванцу 4000 в Путивль, другие засели в городах и клялися оборонять их до последнего издыхания. Лжедимитрий волею и неволею остался; послал князя Татева к Сигизмунду требовать немедленного вспоможения; укреплял Путивль и, следуя совету изменников, издал новый манифест, рассказывая в нем свою вымышленную историю о Димитриевом спасении, свидетельствуясь именем людей умерших, особенно даром князя Ивана Мстиславского, крестом драгоценным, и прибавляя, что он (Димитрий) тайно воспитывался в Белоруссии, а после тайно же был с канцлером Сапегою в Москве, где видел хищника Годунова, сидящего на престоле Иоанновом. Сей второй манифест, удовлетворяя любопытству баснями, дотоле неизвестными, умножил число друзей самозванца, хотя и разбитого. Говорили, что россияне шли на него только принужденно, с неизъяснимою боязнию, внушаемою чем-то сверхъестественным, без сомнения небом; что они победили случайно и не устояли бы без слепого остервенения немцев; что провидение, очевидно, хотело спасти сего витязя и в самой несчастной битве; что он и в самой крайности не оставлен богом, не оставлен верными слугами, которые, признав в нем истинного Димитрия, еще готовы жертвовать ему собою, женами, детьми

и, конечно, не могли бы иметь столь великого усердия к обманщику. Такие разглашения сильно действовали на легковерных, и многие люди, особенно из Комарницкой волости, где свирепствовала месть Борисова, стекались в Путивль, требуя оружия и чести умереть за Димитрия.

Между тем воеводы царские,— сведав, что самозванец не истреблен,— тронулись с места, приступили к Рыльску и, не обещая никому помилования, хотели, чтобы город сдался без условия. Там начальствовали злые изменники, князь Григорий Долгорукий-Роща и Яков Змеев: видя пред собою виселицу, они велели сказать Мстиславскому: «Служим царю Димитрию» — и залпом из всех пушек доказали свою непреклонность. Воеводы стояли две недели под городом, хвалились не вовремя человеколюбием, жалели крови и решились дать отдохновение войску, действительно утружденному зимним походом; отступили в Комарницкую волость и донесли царю, что будут ждать там весны в покойных станах. Но Борис, после кратковременной радости встревоженный известиями о спасении Лжедимитрия и новых прельщениях измены, досадуя на Мстиславского и всех его сподвижников, послал к ним в острог Радогостский окольничего Петра Шереметева и думного дьяка Власьева с дружиною московских дворян и с гневным словом: укорял их в нерадении, винил в упущении самозванца из рук, в бесполезности победы и произвел всеобщее негодование в войске. Жаловались на жестокость и несправедливость царя те, которые дотоле верно исполняли присягу, обагрились кровию в битвах, изнемогли от трудов ратных; еще более жаловались зломысленники, чтобы усиливать нелюбовь к царю,— и могли хвалиться успехом: ибо с сего времени, по известию летописца, многие чиновники воинские видимо склонялись к самозванцу, и желание *избыть Бориса* овладело сердцами. Измена возникала, но еще не дозрела до мятежа; еще наблюдалось, хотя и неохотно, повиновение законное. Следуя строгому предписанию государеву, Мстиславский и Шуйский снова вывели войско в поле, чтобы удивить Россию ничтожностию своих действий: оставили Лжедимитрия на свободе в Путивле, соединились с запасною ратию Федора Шереметева, уже две или три недели теснившего Кромы, и вместе с ним в великий пост начали осаждать сию крепость. Дело невероятное: тысяч восемьдесят или более ратников, имея множество стенобитных орудий, без успеха приступало к деревян-

ному городку, ибо в нем, сверх жителей, сидело 600 мужественных донцов с храбрым атаманом Корелою! Осаждающие ночью сожгли город, заняли пепелище и вал; но казаки сильною, меткою стрельбою не допускали их до острога, и боярин Михайло Глебович Салтыков, или малодушный, или уже предатель, не сказав ни слова главным воеводам, велел рати отступить в тот час, когда ей должно было устремиться на последнюю ограду изменников. Мстиславский и Шуйский не дерзнули наказать виновного, уже видя худое расположение в сподвижниках,— и с сего дня, в надежде взять крепость голодом, только стреляли из пушек, не вредя осажденным, которые выкопали себе землянки и под защитою вала укрывались в них безопасно; иногда же выпалзывали из своих нор и делали смелые вылазки. Между тем войско, стоя на снегу и в сырости, было жертвою повальной болезни: смертоносного мыта. Сие бедствие еще оказало достохвальную заботливость царя, приславшего в стан лекарства и все нужное для спасения болящих, но умножило нерадивость осады, так что в белый день 100 возов хлеба и 500 казаков Лжедимитриевых из Путивля могли пройти в обожженные Кромы.

Досадуя на замедление воинских действий, Борис хотел иным способом, как пишут современники, избавить себя и Россию от злодея. Три инока, знавшие Отрепьева диаконом, явились в Путивле (8 марта) с грамотами от государя и патриарха к тамошним жителям: первый обещал им великие милости, если они выдадут ему самозванца, живого или мертвого; второй грозил страшным действием церковной анафемы. Сих монахов схватили и привели к Лжедимитрию, который употребил хитрость: вместо его в царском одеянии на троне сидел поляк Иваницкий и, представляя лицо самозванца, спросил у них: «Знаете ли меня?» Монахи сказали: «Нет; знаем только, что ты, во всяком случае, не Димитрий». Их стали пытать: двое терпели и молчали; а третий спас себя объявлением, что у них есть яд, коим они, исполняя волю Борисову, хотели уморить лжецаревича, и что некоторые из ближних его людей в заговоре с ними. Яд действительно нашелся в сапоге у младшего из сих иноков, и самозванец, открыв двух изменников между своими любимцами, предал их в жертву народной мести. Уверяют, что он, хваляся явным небесным к нему благоволением, писал тогда к патриарху и к самому царю: укорял Иова злоупотреблением церковной власти в пользу хищника, а Бориса убеждал

мирно оставить престол и свет, заключиться в монастыре и жить для спасения души, обещая ему свою царскую милость. Такое письмо, если действительно писанное и доставленное Годунову, было, конечно, новым искушением для его твердости!

Душа сего властолюбца жила тогда ужасом и притворством. Обманутый победою в ее следствиях, Борис страдал, видя бездействие войска, нерадивость, неспособность или зломыслие воевод и боясь сменить их, чтобы не избрать худших; страдал, внимая молве народной, благоприятной для самозванца, и не имея силы унять ее ни снисходительными убеждениями, ни клятвою святительскою, ни казнию: ибо в сие время уже резали языки нескромным. Доносы ежедневно умножались, и Годунов страшился жестокостию ускорить общую измену: еще был самодержцем, но чувствовал оцепенение власти в руке своей и с престола, еще окруженного льстивыми рабами, видел открытую для себя бездну! Дума и двор не изменялись наружно: в первой текли дела, как обыкновенно; второй блистал пышностию, как и дотоле. Сердца были закрыты: одни таили страх, другие — злорадство; а всех более должен был принуждать себя Годунов, чтобы унынием и расслаблением духа не предвестить своей гибели,— и, может быть, только в глазах верной супруги обнаруживал сердце: казал ей кровавые, глубокие раны его, чтобы облегчать себя свободным стенанием. Он не имел утешения чистейшего: не мог предаться в волю святого провидения, служа только идолу властолюбия: хотел еще наслаждаться и плодом Димитриева убиения и дерзнул бы, конечно, на злодеяние новое, чтобы не лишиться приобретенного злодейством. В таком ли расположении души утешается смертный верою и надеждою небесною? Храмы были отверсты: Годунов молился — богу, неумолимому для тех, которые не знают ни добродетели, ни раскаяния! Но есть предел мукам — в бренности нашего естества земного.

Борису исполнилось 53 года от рождения: в самых цветущих летах мужества он имел недуги, особенно жестокую подагру, и легко мог, уже старея, истощить свои телесные силы душевным страданием. Борис 13 апреля, в час утра, судил и рядил с вельможами в думе, принимал знатных иноземцев, обедал с ними в Золотой палате и, едва встав из-за стола, почувствовал дурноту: кровь хлынула у него из носу, ушей и рта; лилась рекою; врачи, столь им любимые, не могли оста-

новить ее. Он терял память, но успел благословить сына на государство Российское, воспринять ангельский образ с именем Боголепа и чрез два часа испустил дух в той же храмине, где пировал с боярами и с иноземцами...

К сожалению, потомство не знает ничего более о сей кончине, разительной для сердца. Кто не хотел бы видеть и слышать Годунова в последние минуты *такой* жизни — читать в его взорах и в душе, смятенной незапным наступлением вечности? Пред ним были трон, венец и могила; супруга, дети, ближние, уже обреченные жертвы судьбы; рабы неблагодарные, уже с готовою изменою в сердце; пред ним и святое знамение христианства: образ того, кто не отвергает, может быть, и позднего раскаяния!.. Молчание современников, подобно непроницаемой завесе, сокрыло от нас зрелище столь важное, столь нравоучительное, дозволяя действовать одному воображению.

Уверяют, что Годунов был самоубийцею, в отчаянии лишив себя жизни ядом; но обстоятельства и род его смерти подтверждают ли истину сего известия? И сей нежный отец семейства, сей человек, сильный духом, мог ли, спасаясь ядом от бедствия, малодушно оставить жену и детей на гибель почти несомнительную? И торжество самозванца было ли верно, когда войско еще не изменяло царю делом; еще стояло, хотя и без усердия, под его знаменами? Только смерть Борисова решила успех обмана; только изменники, явные и тайные, могли желать, могли *ускорить* ее — но всего вероятнее, что удар, а не яд прекратил бурные дни Борисовы, к истинной скорби отечества: ибо сия безвременная кончина была небесною казнию для России еще более, нежели для Годунова; он умер по крайней мере на троне, не в узах пред беглым диаконом, как бы еще в воздаяние за государственные его благотворения; Россия же, лишенная в нем царя умного и попечительного, сделалась добычею злодейства на многие лета.

Но имя Годунова, одного из разумнейших властителей в мире, в течение столетий было и будет произносимо с омерзением, во славу нравственного неуклонного правосудия. Потомство видит лобное место, обагренное кровию невинных, св. Димитрия, издыхающего под ножом убийц, героя псковского в петле, столь многих вельмож в мрачных темницах и келиях; видит гнусную мзду, рукою венценосца предлагаемую клеветникам-доносителям; видит систему коварства, обманов, лицемерия пред людьми и богом... Везде личину доброде-

ли, и где добродетель? В правде ли судов Борисовых, в щедрости, в любви к гражданскому образованию, в ревности к величию России, в политике мирной и здравой? Но сей яркий для ума блеск хладен для сердца, удостоверенного, что Борис не усомнился бы ни в каком случае действовать вопреки своим мудрым государственным правилам, если бы властолюбие потребовало от него такой перемены. Он *не был,* но *бывал* тираном; не безумствовал, но злодействовал, подобно Иоанну, устраняя совместников или казня недоброжелателей. Если Годунов на время благоустроил державу, на время возвысил ее во мнении Европы, то не он ли и ввергнул Россию в бездну злополучия почти неслыханного — предал в добычу ляхам и бродягам, вызвал на феатр сонм мстителей и самозванцев истреблением древнего племени царского? Не он ли, наконец, более всех содействовал уничижению престола, воссев на нем святоубийцею?

Указом от 31 октября (12 ноября) 1803 г. Александр I назначил Карамзина историографом. Это звание обязывало представить царю написанные и предназначенные автором к публикации первые восемь томов «Истории».

Работа над восьмым томом «Истории Государства Российского» была завершена в 1815 году. В конце того же года написано «Предисловие», раскрывавшее программные принципы Карамзина-историка, его понимание своей задачи, обоснование своеобразия своего повествования.

2 (14) февраля 1816 года Карамзин прибыл в Петербург из Москвы. Цель приезда — сообщить Александру I о выполнении первой части задуманного труда и «предъявить» свои «требования», главное из которых состояло в выдаче денег для печатания готовых томов.

В течение полутора месяцев ждал Карамзин приема у императора — это было время тяжелых испытаний, унижений и обид. Под разными предлогами — пост, праздники и т. д.— царь не принимал Карамзина. Историк не раз пытался уехать из столицы, но его предупредили, что он не может этого сделать без разрешения. Карамзин уже решился «не говорить об «Истории», везти ее назад, спрятать до иных времен и надписать над манускриптом: «Для моих детей и для потомства». В письме жене от 28 февраля он писал: «Изгоняй Петербург и двор из своей головы, ты должна видеть в нем (Карамзине.— *Г. М.*) только своего друга, который думает только о возвращении. Позабудь даже и мою «Историю». Однако ж я буду продолжать ее, воротясь в Москву: она принадлежит детям и отечеству. Да здравствует работа!»

Через три дня положение не изменилось. Карамзин, с трудом сдерживая негодование, пишет жене: «Я говорю всем, кто хочет меня слушать, что у меня теперь одна только мысль — отправиться домой. Меня душат здесь под розами, но душат; я не могу долго жить таким образом...»

Только 16 (28) марта Александр I принял Карамзина. «Я предложил, наконец, свои требования: все принято, дано, как нельзя лучше: на напечатание 60 тысяч и чин, мне принадлежащий по закону. Печатать здесь, в Петербурге, весну и лето жить, если хочу, в Царском Селе; право быть искренним и проч.».

С весны 1816 года началось печатание «Истории» в военной типографии. «История» печатается худо,— писал Карамзин,— и весьма худо». Неожиданно и это медленное печатание было прекращено — начальство потребовало, чтобы «История» прошла через цензуру. Пришлось вновь обращаться к царю. В письме он писал, что нелепо требовать, чтобы «История» проходила через цензуру — «академики и профессора не отдают своих сочинений в публичную цензуру. Го-

сударственный историограф имеет, кажется, право на такое же милостивое отличие. Он должен разуметь, что и как писать; собственная его ответственность не уступает цензорской». В ответ на это письмо царь «велел печатать без цензуры».

В октябре 1817 года завершилось печатание восьми томов «Истории». В конце января 1818 года Карамзин поднес экземпляр «Истории» Александру I. В феврале «История» поступила в продажу.

Труд Карамзина был встречен с небывалым интересом. Знакомство с ним вызвало оживленный обмен мнениями и ожесточенные споры. Многие будущие декабристы решительно не принимали политических апофегм Карамзина.

Справедливо и последовательно декабристы осуждали «Историю» за монархизм ее автора. Мы обязаны исторически понять и оценить конфликт между «молодыми якобинцами» (как называл Пушкин декабристских критиков «Истории») и Карамзиным. Это был, в сущности, конфликт между идеями революции и идеями Просвещения. В России на очередь поставлена задача уничтожения самодержавия. В этих условиях концепция благодетельности самодержавия закономерно должна была подвергнуться решительной критике, хотя концепция эта опиралась на политическое учение просветителей.

В «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера давалось следующее определение самодержавия: «Самодержавство есть право повелевать решительно во гражданском обществе, которое право члены общества поручили одной или многим особам для содержания в оном внутреннего порядка и внешнего защищения; а вообще, для приобретения под таковым покровительством истинного благоденствия и надежного пользования своею вольностию» [1].

Карамзин и следует этой концепции, утверждая, что монархия как правление не есть отсутствие законов, ее цель — способствовать благу людей. Он писал: «Предмет самодержавия есть не то, чтобы отнять у людей естественную свободу, но чтобы действия их направить к величайшему благу» (Карамзин Н. М. Соч., т. VIII. М., 1820, с. 51).

Громадный успех «Истории», ее долгое влияние на русских писателей объясняются еще и глубоким патриотизмом Карамзина, проявлением личного, лирического, отношения автора к описываемым им событиям. Заслуживает внимания высказанное в 1824 году на обеде у графа Румянцева суждение о том, как должно писать историю и чем должен руководствоваться автор труда по национальной истории. На обеде присутствовал немецкий путешественник и сочинитель Буссе, который и записал это мнение Карамзина. Л. Н. Майков опубликовал его в русском переводе: «Мой способ писать возник из того представления, которое я имею о приемах историка. Из всех литературных произведений народа изложение истории его судьбы более всего должно вызывать его интерес и менее всего может иметь общий, не строго национальный характер. Историк должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руково-

[1] «О государственном правлении и разных родах оного из «Энциклопедии». СПб., 1771, с. 76. Характерно, что именно по инициативе Екатерины II была собрана эта книга из политических статей «Энциклопедии», трактовавших политические доктрины французского Просвещения, и прежде всего концепцию просвещенного абсолютизма. Роль «просвещенной монархини» весьма импонировала Екатерине II, но только до того, как во Франции начались революционные события 1789 года.

димый пристрастием, искажать факты, преувеличивать счастие или умалять в своем изложении бедствия; он должен быть прежде всего правдив; но может, даже должен все неприятное, все позорное в истории своего народа передавать с грустью, а о том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии, говорить с радостью и энтузиазмом. Только таким образом может он сделаться национальным бытописателем, чем прежде всего должен быть историк» (Русская старина, 1890, № 9, с. 453). Карамзин был таким бытописателем.

В 1818 году были опубликованы первые восемь томов «Истории Государства Российского». Девятый том вышел из печати в 1821 г., десятый и одиннадцатый — в 1824 г.; неоконченный двенадцатый том вышел после смерти писателя. В ближайшее десятилетие появилось несколько изданий «Истории», в 1842—1843 гг.— пятое.

Бурный расцвет исторической науки в XIX веке ослабил интерес к «Истории» Карамзина — она не переиздавалась долго, около ста лет, и стала недоступной широкому читателю. Полное издание многотомной «Истории», снабженной подлинно научным комментарием,— дело будущего. При подготовке к выпуску настоящего издания решено было включить в него лишь самые интересные разделы труда Карамзина. К сожалению, объем книги не позволил дать ценные, но носящие специальный характер примечания Карамзина. Главы печатаются по первому изданию «Истории». Орфография и пунктуация приближены к современным правилам. Исключения допускаются лишь там, где применение современных правил исказило бы структуру текста. В этих случаях сохраняются специфические формы орфографии и пунктуации.

Г. П. Макогоненко

* * *

Стр. 32. ...*как говорит Плиний.*— Римский писатель Гай Плиний Младший (61 или 62 — ок. 114) оставил сборник писем в 10 книгах и похвальную речь Траяну; его труды являются важными документами о жизни Рима I—II веков.

Стр. 33. ...*деяния, описанные Геродотом, Фукидидом, Ливием...*— Геродот (между 490 и 480 — ок. 425 до н. э.) и Фукидид (ок. 460— ок. 400 до н. э.) — выдающиеся древнегреческие историки. Тит Ливий (59 до н. э.— 17 н. э.) — крупнейший историк Древнего Рима.

Стр. 34. ...*полутигры — изъяснялись языком Гомера, имели Софокловы трагедии и статуи Фидасовы...*— Гомер (IX в. до н. э.) — великий древнегреческий поэт, автор эпических поэм «Илиада» и «Одиссея»; Софокл — выдающийся древнегреческий драматург (ок. 496— ок. 406 до н. э.), автор трагедий «Антигона», «Царь Эдип» и др.; Фидий (ок. 490 — ок. 432—431 до н. э.) — самый знаменитый древнегреческий скульптор, создатель статуй Афины Паллады, Зевса и других.

...*Тацит всегда ли представляет нам великое, разительное? С умилением смотрим на Агриппину, несущую пепел Германика; с жалостию на рассеянные в лесу кости и доспехи легиона Варова...*— Как повествует Тацит, знаменитый военачальник римлян Германик в 19 году был отравлен по приказу завидовавшего его славе императора Тиберия. Жена Германика, внучка Октавиана Августа, Агриппина со скорбью привезла пепел мужа в Рим; Публий Квинтилий Вар в 6 году предводительствовал войсками в Германии и своим

грабительством вызвал восстание местных племен; был окружен в Тевтобургских лесах, где в безнадежном положении покончил с собой.

Стр. 35. *...Робертсоново введение в историю Карла V...* — Шотландский историк Уильям Робертсон (1721—1793) — известный историк эпохи Просвещения; автор «Истории государствования Карла V» (ч. 1—3, 1769), в предисловии к ней выдвинул оригинальную концепцию средневековья.

Стр. 36. *...вопреки мнению аббата Мабли, не можем ныне витийствовать в истории...* — Габриель Бонно де Мабли (1709—1785) — французский утопический коммунист, автор трактатов «Об изучении истории», «О том, как писать историю». Просветительские идеи естественного права и общественного договора, которые отстаивал Мабли, в начале XIX века уже воспринимались историками как умозрительные.

Стр. 37. *...глубокомыслие Макиавелево...* — Никколо ди Бернардо Макиавелли (1469—1527) — один из крупнейших политических мыслителей эпохи Возрождения.

Англичане славятся Юмом, немцы Иоанном Мюллером... — Дэвид Юм (1711—1776) — выдающийся английский философ и историк, автор «Истории Англии от вторжения Юлия Цезаря до революции 1688 г.» (т. 1—8, 1754—1779). Иоганн Мюллер (1752—1809) — швейцарский ученый, автор популярной в XIX в. «Швейцарской истории» в 5 томах (1786—1808), где дано героическое описание прошлого швейцарцев в русле просветительских идей руссоистского типа (изображение патриархального быта как образца «естественного состояния»).

Стр. 39. *...Шлецер сказал...* — Немецкий историк и публицист Август Людвиг Шлецер (1735—1809) был членом Петербургской Академии наук; автор трудов по истории Древней Руси.

Стр. 40. *Нестор пишет...* — Монах Киево-Печерского монастыря с 70-х гг. XI в., Нестор считается одним из составителей основного исторического документа о Древней Руси — летописи «Повесть временных лет», а также автором Житий о Борисе и Глебе, о Феодосии Печерском. Выдающийся древнерусский писатель и книжник, имя которого стало символом русского летописания.

...св. апостол Андрей... доходил до Ильменя... — В «Повести временных лет» рассказывается легенда о том, что апостол Андрей, проповедуя христианское учение, дошел до Новгородских земель. В средние века это предание использовалось как аргумент для доказательства того, что Русь не находилась в культурной и религиозной зависимости Византии и узнала христианство задолго до крещения в X веке.

Стр. 41. *...потомки древних гетов и римских всельников Траянова времени в Дакии...* — Император Марк Ульпий Траян (53—117) правил с 98 г. Дакия — провинция Рима, занимавшая большую часть современной Румынии.

Стр. 43. *Лейбниц и новейшие шведские историки согласно думают, что Норвегия и Швеция были заселены ими — даже самая Дания, по мнению Гроция...* — Выдающийся немецкий мыслитель Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716) оказал сильное влияние на развитие исторической науки, разрабатывая проблемы методологии истории. Гуго де Гроот Гроций (1583—1645) — выдающийся голландский политический мыслитель и юрист.

Стр. 46. *Известие Иорнанда...* — Иорнанд — автор истории готов «О происхождении и деяниях готов», написанной на латинском языке, жил в VI веке.

Стр. 47. *Знаменитый Велизарий...*— Византийский полководец, сподвижник императора Юстиниана, Велизарий (ок. 504—565) вел успешные военные действия против персов, разгромил в 533—534 годах государство вандилов в Северной Африке, в 559 году руководил борьбой со славянами и другими «варварскими» племенами.

Стр. 51. *Карл Великий...*— Карл Великий (742—814)—франкский король с 768 года, император с 800 года. Вел многочисленные завоевательные походы. В 800 году образовал империю. Один из самых могущественных и известных императоров Западной Европы.

Стр. 52. *...описывает Гельмольд...*— Гельмольд (ок. 1125 — после 1177) — немецкий хронист, автор «Хроники славян», одного из главных источников по истории западных славян.

Стр. 53. *Не зная выгод роскоши, которая сооружает палаты и выдумывает блестящие наружные украшения, древние славяне в низких хижинах своих умели наслаждаться действием так называемых искусств изящных.*— Здесь сказывается просветительская традиция рассматривать далекую древность народов как «естественное» состояние, когда образ жизни соответствовал природе человека и хотя был грубоватым и простым, но не прельщал человека ложными ценностями: чинами, модами, религиозными суевериями. Искусство же того «золотого века» представляло искреннее и непосредственное излияние души. Так под влиянием Руссо ценимый Карамзиным Мюллер описывал жизнь древних швейцарцев.

Стр. 56. *...как пишет Адам Бременский...*— Северогерманский хронист Адам Бременский (ум. после 1081) написал «Деяния гамбургских епископов»; особенно большую ценность имеет 4-я книга — «Описание северных островов», где дается историко-географическое описание Дании, Норвегии, Швеции, Исландии.

Стр. 59. *...Дитмар, историк XI века...*— Епископ Мерзебургский Дитмар (975—1018) написал на латинском языке хронику, в 6, 7 и 8-й книгах которой содержатся сведения о современных ему событиях европейской жизни (о Руси, русско-польских и русско-печенежских отношениях).

Стр. 60. *...Библия и другие церковные книги, переведенные в IX веке св. Кириллом, Мефодием и помощниками их...*— Кирилл (ок. 827—869) и Мефодий (ок. 825—885) — два брата. Родились в Болгарии, в семье военачальника. Славянские просветители, проповедники христианства, первые переводчики богослужебных книг на славянский язык. Заложили основу славянской письменности и литературы.

Но славяне, приняв христианскую веру, заимствовали с нею новые мысли, изобрели новые слова, выражения, и язык их в средних веках, без сомнения, так же отличался от древнего, как уже отличается от нашего...— Карамзин не выступил публично, когда в начале XIX в. разгорелся спор о языке и шишковисты обвинили карамзинистов в том, что, используя французскую стилистику и словоупотребление, они приносят в Россию «заразу» Французской революции. А. С. Шишков и его последователи отвергали историчность и подвижность языковых норм, отстаивая «умозрительную» вечную норму. Карамзин же значительно проницательнее подошел к «движению» идей и развитию языка, присоединяясь к позиции Ломоносова, который в «Предисловии о пользе книг Церьковных в российском языке» (1757 г.) писал: «В древние времена, когда славенский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли, которые тогда были тесно ограничены для неведения многих вещей и действий, ученым народам известных, тогда и язык его не мог изобиловать таким множеством речений и выражений разума, как ныне

читаем. Сие богатство приобретено купно с греческим христианским законом».

Стр. 63. *Турдетане во время Страбоново...* — Турдетаны — иберийские племена, населявшие юг Испании во II—I тысячелетии до н. э., были завоеваны римлянами и вскоре романизировались. Их быт и нравы описаны в «Географии» римского ученого Страбона (64/63 до н. э. — 23/24 н. э.), автора первого европейского труда по исторической географии.

...надписи их состоят в рунах... — Руны — буквы древнегерманского алфавита; древнейший рунический алфавит состоит из 24 рун.

Стр. 64. *...мы имеем церковные кирилловские рукописи 1056 году...* — самая древняя русская книга, написанная кириллицей,— это созданное в 1056 году так называемое Остромирово Евангелие — шедевр древнерусского книжного искусства.

Глагольские буквы... — Кирилл и Мефодий создали два алфавита: первый называется глаголицей, второй — кириллицей, получившей распространение в славянских странах.

...славяне добровольно уничтожают свое древнее народное правление и требуют государей от варягов... — Для русской культуры XVIII — начала XIX века вопрос о происхождении древнерусского общества и древнерусского государства был особенно острым (хотя и до сих пор продолжается обсуждение ряда аспектов так называемой норманнской теории). В самой проблеме следует выделить две стороны: патриотическую и политическую. Так, сторонники идеи блага монархического правления (как просветительской ориентации — Татищев, Ломоносов,— так и кастово дворянской — Щербатов, Екатерина II) видели благо в том, что Рюрик был носителем монархической идеи. Космополитически настроенной Екатерине II (немке по происхождению), конечно же, ближе всего была идея, что пришедшие издалека варяги спасли Русь от хаоса, принесли культуру, навыки государственного правления; короче говоря, варяги совершили «акт творения», зло превратив в добро, поэтому эксцессы насилия, завоевание, усмирение — все это вполне в духе такой концепции. Патриотически настроенный Ломоносов видел картину иначе: славяне и так отличались храбростью, разумностью, имели древние традиции, но для еще лучшей жизни призвали тоже славянина (из Пруссии) князя Рюрика. «Рурик, самодержавства российского основатель и праотец многих государей, по прошению славян и чуди пришел к ним на княжение»,— писал Ломоносов в «Древней Российской истории» (1758 г.). Для радикально настроенных мыслителей политический строй древнего Новгорода служил доказательством того, что «искони» русские были сынами вольности — эта идея от Радищева перешла к декабристам. Поэтому декабристы (Михаил Орлов, Никита Муравьев) были недовольны тем, что Карамзин недостаточно героично показал славянскую древность: историк, конечно, не отрицал наличия культуры, навыков самоуправления у славян, но при этом не подчеркивал и сопротивления захватившему власть «тирану». Следует упомянуть, что «новгородская тема» связана со смертию большого русского писателя XVIII в. В 1789 году Я. Б. Княжнин создал трагедию «Вадим Новгородский», главным героем которой был защищавший вольность Новгорода Вадим. После вызова в тайную канцелярию в 1791 году драматург умер, а опубликованная в 1793 году трагедия была по приказу сената публично сожжена.

Стр. 66. *...вместе с верховною княжеской властью утвердилась, кажется, и система феодальная...* — Русские историки XVIII в. (Татищев, Ломоносов, Щербатов) не проводили различия между госу-

дарственно-политическим строем Киевской и Московской Руси, рассматривая все происходящее в связи с силой или слабостью центральной власти. Карамзин же уже пытается (хотя и не всегда последовательно) определить разницу между политическим доминированием киевского князя в период феодальной раздробленности и собственно самодержавием московских государей.

Стр. 67. *...воюя на берегах Черной реки с агарянами...*— По библейской легенде, Сарра долгое время не могла родить Аврааму сына и он взял себе наложницу Агарь, которая стала матерью Исмаила. Но затем Сарра родила Аврааму Исаака. Таким образом, от праотца Авраама пошло две линии: истинных потомков, господ, правоверных — через Сарру,— и племя рабов, неверных — через Агарь. Их-то и именовали в древности агарянами. Летописцы, описывая битву, любого противника русских могли назвать «агаряны» (татар, шведов, литовцев). В изложении Карамзина такое словоупотребление, конечно же, было подчинено задаче сохранения летописного стиля.

Стр. 69. *...клялися, именем Одиновым...*— Один (Водан) — верховный бог древних германцев и скандинавов, царствующий в светлой Валгалле, куда попадают души погибших храбрых воинов.

Стр. 74. *Константин Багрянородный описал нам...*— Константин VII Багрянородный (905—959) — византийский император с 913 года. Автор трудов об управлении государством, о быте византийской правительственной верхушки, в которых приводится ряд ценных сведений о народах, окружавших Византию, в том числе и о русских.

Стр. 75. *Сии греки, которые все еще именовались согражданами Сципионов и Брутов...*— римские государственные деятели: победитель Ганнибала Сципион Старший (ок. 235—ок. 183 до н. э.) и глава заговора против Юлия Цезаря Марк Брут (82—42 до н. э.) считались образцовыми носителями гражданских добродетелей; в эпоху римского владычества многие греческие города имели римское гражданство.

...сделал после Магомет II...— турецкий султан Магомет II Великий (1430—1481) в 1453 году взял Константинополь, разгромив окончательно Византийскую империю.

Стр. 80. *...но мнимое пророчество волхвов или кудесников есть явная народная басня, достойная замечания по своей древности...*— В исторических трудах XVIII в. все, что не соответствовало рационалистической доктрине, оценивалось как заблуждение, плод невежества, нежелательное «баснословие». Карамзин пытается преодолеть историографию рационализма, опираясь на наметившуюся уже в просветительской философии идею духа нации, находящего свое выражение в фольклоре, в древней письменности; особенно сильным было влияние Гердера, собиравшего песни народов Европы. Для Карамзина неверный относительно реальных событий факт (легендарный, «мифологический») уже не является исторически бессмысленным, так как он может помочь восстановить миросозерцание ушедшей эпохи. В «Истории государства Российского» от тома к тому все усиливается тенденция соединить взгляд историка и взгляд современников событий, хотя последовательно она не проведена.

Стр. 84. *...дали аманатов...*— дали заложников.

Стр. 95. *...сей Александр нашей древней истории...*— Святослава сравнивают со знаменитым древнегреческим полководцем Александром Македонским.

Стр. 98. *...оставил... память добродушного, но слабого человека...*— Уже в начале XIX века, издавая «Вестник Европы», Карам-

зин проводил мысль, что в политике слабость — порок и что никакие личные достоинства государственного деятеля не могут искупить его слабости. Естественно, что, говоря о русских правителях, придворный историограф должен был высказываться весьма осторожно.

Стр. 99. *...летописец называет его вторым Соломоном в женолюбии...* — Библейский царь Соломон почитался верующими как мудрец, но христиане осуждали его за многоженство; в глазах летописца Владимир Святославич, крестив Русь и признав единобрачие, как бы очищался от языческих грехов, сохраняя при этом мудрость.

Стр. 102. *...вместе с иудеями, обитавшими в земле Козарской...* — Иудаизм караимского толка в VIII — X вв. был господствующей религией Хазарского каганата.

Стр. 103. *...подобно божеству Эпикурову и Лукрециеву...* — Древнегреческий философ Эпикур (341—270 до н. э.) и римский философ Тит Лукреций Кар (98—55 до н. э.) были материалистами, отрицавшими вмешательство богов в дела людей и в их загробную жизнь.

Стр. 112. *...повествует истландский летописец Стурлезон...* — Снорри Стурлусон (ок. 1178—1241) — крупный исландский поэт и историк.

Стр. 122—123. *Библия чешская... переведена с латинской Иеронимовой...* — В IV веке святой Иероним перевел библейские тексты с древнееврейского на латинский; текст этого перевода, именуемый Вульгата, является основой католического канона.

Стр 130. *...Россия навсегда освободилась от их жестоких нападений...* — Печенеги были разгромлены русскими под Киевом в 1036 году. Остатки печенегов вместе с другими тюрками-кочевниками (торками, берендеями) осели к югу от Киева, признав себя подданными киевского князя. Их стали называть «черные клобуки».

Стр. 132. *...Английского короля Гаральда, побежденного Вильгельмом Завоевателем...* — В 1066 году нормандский герцог Вильгельм разгромил при Гастингсе войска англосаксов, чей король Гаральд был убит в бою.

...Саксон Грамматик, древнейший историк датский... — Саксон Грамматик (1140 — ок. 1208) — один из первых датских хронистов. Автор «Деяний датчан».

Стр 133. *...Избрал в начальники для сей епархии Луку Жидяту...* — Лука Жидята (ум. ок. 1060) — первый русский епископ Новгорода, автор первого из сохранившихся древнерусских нравоучительных сочинений — «Поучения к братии»; организатор переводческой деятельности на Руси.

...велел им поставить митрополитом Илариона Россиянина... — В 1051 году Ярослав Мудрый нарушил традицию Византийской церкви, присылавшей по распоряжению патриарха константинопольского на Русь грека митрополита, и назначил митрополитом русского священника Иллариона — выдающегося писателя, автора «Слова о законе и благодати».

Стр. 135. *...научившие... согласному демественному пению...* — Демественное пение — старинный церковный распев, который звучал только по большим праздникам; перенесено из Византии на Русь, где существовало до XV в.

Стр. 136. *...сей остаток древности, подобный двенадцати доскам Рима...* — Основной источник древнего римского права был создан к 451—450 гг. до н. э.

Стр. 139. *...убить ночного татя...* — т. е. вора, воровство называлось татьбой.

Стр. 146. *...Монтескье говорит...* — Шарль-Луи Монтескье (1689—1755) — крупнейший политический мыслитель и юрист XVIII в., деятель раннего периода французского Просвещения.

Стр. 150. *...несли раку Борисову...*— Рака — ковчег с мощами святого, гробница.

Стр. 151. *...властию св. Петра...*— Властью папы римского, которого католики считают наследником апостола Петра.

Стр. 161. *...торжественное собрание князей... в городе Любече...*— Съезд русских князей в Любече состоялся в 1097 году.

...Мономах... был виновником и душою сего достопамятного собрания...— т. е. был организатором; вина — причина, источник.

Стр. 170. *...граждане киевские... отправили послов к Мономаху и звали его властвовать в столице...*— В соответствии с договоренностью князей в Любече Киев не был «отчиной» Мономаха, но киевская знать хотела видеть его на Киевском «столе». Согласившись, Мономах должен был найти оправдание своему княжению в Киеве. В это время (в 1210-е гг.) игумен Михайловского Выдубицкого монастыря Сильвестр начинает редактирование «Повести временных лет» и оформляет в ней рассказ о призвании варягов в Новгород, создавая как бы прецедент для обоснования законности действия Владимира Мономаха: его тоже призвали править. (См. В. В. Мавродин. Происхождение русского народа.— Л., издательство ЛГУ, 1978, с. 152—153.)

Стр. 174. *Но всего яснее и лучше изображает его душу поучение...*— «Поучение Владимира Мономаха» — выдающийся памятник политической публицистики XII века, дошел до нас в единственном списке в составе древнейшего списка «Повести временных лет» — Лаврентьевской летописи.

Стр. 207. *Феатр...*— театр.

Стр. 222. *...фелон архиепископа...*—Фелон—риза, верхняя одежда.

Стр. 223. *...люди нарочитые...*— именитые.

Стр. 232. *...стрелявшего живым огнем...*— Живой (греческий) огонь — горючая смесь нефти и смолистых веществ; употреблялась византийцами в военных действиях; способ изготовления хранился в секрете.

Стр. 237. *...и не туне нося меч...*— Не туне — не напрасно.

Стр. 238. *...был завоеван крестоносцами Царьград...*— В 1204 году направляющиеся для борьбы с мусульманами крестоносцы разгромили и разграбили христианский Константинополь.

Стр. 242. *...наказывая виновных эпитимиями...*— Эпитимия — церковное наказание, чаще всего связанное с ограничением в еде, питье, с обязательным чтением определенного числа молитв и т. п.

...перевод греческого Номоканона, или Кормчей книги...— Кормчие книги — сборники законов и материалов, касающихся вопросов управления церковью и церковными судами в славянских странах. Номоканон Иоанна Схоластика — древнейшая известная славянская Кормчая книга.

Стр. 243. *...подобно Иову...*— По библейской легенде, бог решил испытать силу веры человека и богатого отца семейства Иова лишил родственников, богатства, здоровья, а когда Иов возроптал, бог обратился к нему с суровой отповедью. Русский читатель начала XIX в. знал не только библейское повествование, но и знаменитую ломоносовскую «Оду, выбранную из Иова».

Стр. 244. *...защитою для... детинцев...*— Детинец — внутренняя часть крепости, кремль.

Стр. 250. *Суздальский святитель, блаженный Симон, и друг его, Поликарп, монах Лавры Киевской...*— В 1220-е гг. монах самого древнего русского монастыря (Печерского) Поликарп обратился к

епископу Владимирскому и Суздальскому Симону с жалобой, что его мало ценят, и с просьбой предоставить ему вакантную епископскую кафедру. Удрученный таким честолюбием Симон написал Поликарпу укоризненное письмо и в назидание приложил девять рассказов из жизни монахов-подвижников Киево-Печерского монастыря. Тогда же Симон создал повесть о постройке Печерской Успенской церкви. В дальнейшем Поликарп написал послание к игумену (настоятелю монастыря) Акиндину с приложением одиннадцати рассказов о печерских святых. Так сложился сборник повествований о первых киевских монахах, выдающееся произведение Древней Руси «Киево-Печерский патерик».

Стр. 253. ...*охраняешь гоголями на воде,.. чернетьми на ветрах...*— Гоголь — вид уток (с гоголем сравнивали юношу или мужчину, ходящего с гордым видом); чернет (черняй) — сокол.

...*сие произведение древности ознаменовано силою выражения, красотами языка живописного и смелыми уподоблениями, свойственными стихотворству юных народов.*— Карамзин был литератором, одним из первых узнавшим об открытии «Слова о полку Игореве» и, что особенно важно, державшим в руках погибший в московском пожаре 1812 года единственный список этого произведения. Карамзин ни разу не усомнился в подлинности «Слова» и при первом же знакомстве по достоинству оценил этот шедевр Древней Руси. Карамзин был первым журналистом, который оповестил мир об открытии «Слова». В 1797 году в гамбургском журнале «Северный зритель» («Spectateur du Nord»), издаваемом на французском языке, он опубликовал статью «Несколько слов о русской литературе», где сказано: «Года два назад в наших архивах обнаружили фрагмент поэмы, озаглавленной «Слово о полку Игореве», которую можно поставить рядом с лучшими местами из Оссиана, которую сложил в двенадцатом веке безымянный певец. Энергический слог, возвышенно-героические чувства, волнующие картины ужасов, почерпнутые из природы,— вот что составляет достоинство этого отрывка, где поэт, набрасывая картину кровавого сражения, восклицает: «О, я чувствую, что моя кисть слаба и бессильна. У меня нет дара Бояна, этого соловья прошедших времен...» Значит, и до него были на Руси великие певцы, чьи творения погребены в веках». В «Истории государства Российского» Карамзин не просто пересказывает содержание «Слова», а предлагает один из первых художественных переводов «Слова» на язык начала XIX века: избегая архаических слов и форм, писатель стремится сохранить ритмику подлинника, его метафорический строй («под трубами повиты» — «под звуки труб повиты»).

Стр. 256. ...*на сего второго Аттилу...*— Аттила (ум. 453) — предводитель гуннов (434—453). При Аттиле племенные союзы гуннов распространили свою власть на очень большие территории Центральной и Западной Европы. В 447 году Аттила опустошил Грецию, а в 452-м — Северную Италию.

Стр. 257. ...*монарх турков-сельчуков, именем Челаддин.*— Египетский султан Салах-ад-дин (1138—1193) правил с 1171 года, прославился как победитель крестоносцев, пользовался большим авторитетом среди современников.

Стр. 263. ...*умрем за Святую Софию...*— Софийский храм, кафедральный собор города, был символом Новгорода.

Стр. 267. ...*от берегов Яика гонимые...*— т. е. от берегов реки Урал (река была переименована по приказу Екатерины II после разгрома Крестьянской войны под предводительством Пугачева; императрица хотела вытравить память о непокорных яицких казаках).

...*с того времени сие место... называется заразом, или убоем...*—

Основным нсточником для рассказа о начале татаро-монгольского нашествия для Карамзнна послужнла «Повесть о разореннн Рязани Батыем», где так рассказывается о смерти княгини Евпракснн: «и услыша таковыя смертоносныя глаголы (слова) и горести нсполннся, н абие (тотчас) рннуся из превысокаго храма (терема) своего съ сыномъ свонмъ княземъ Иваномъ на среду землн н заразнся (разбнлась) до смерти».

Стр. 280. *...крепкими мышцами Самсона...*— Бнблейский герой Самсон был известен как человек могучего телосложення. Описание внешностн Александра Ярославнча Карамзнн почерпнул из «Житня Александра Невского», где по канону жанра святого сравнивают с ветхозаветными персонажами: по красоте с Иосифом, по мудрости с Соломоном. Сравненне с Самсоном в тексте Карамзнна — это отсылка к жнтийному стилю.

Стр. 284. ...о *любопытном путешествии Иоанна План-Карпина...*— Итальянскнй францисканец-минорит Джованни де Плано Карпннн (1182—1252) по поручению Лионского собора (1245) был отправлеи папой Иннокентнем IV в Монголню. На обратном путн был принят Батыем. Вернулся в 1247 году, составив отчет о своей поездке.

Стр. 290. *...Василько победил Миндовга...*— Миндовг (ум. 1263)— велнкнй князь Литовскнй.

Стр. 299. *Историк Абулгази пишет...*— Хан Хивы нсторик Абулгазн (1603—1663) иаписал «Родословиую туркмен» и «Родословное древо тюрков», содержащие много сведений об нсторнн и жнзни туркмен, казахов, узбеков н других соседннх народах.

Стр. 301. *...возьми праведный меч в десницу...*— Десница — правая рука.

Стр. 313. *...пишет митрополит Киприан в Житии св. Петра...*— Кнпрнан (ум. 1406) — митрополнт всея Русн. Переработал составленное ранее (вндимо, в 1327) Жнтне митрополнта Петра.

Стр. 325. *...как вдохновенная Пифия...*— В Древней Греции Пнфней называли жрицу-прорнцательннцу в храме Аполлона в Дельфах.

Стр. 340. *...позволил ему там властвовать как своему присяжнику.*— Прнсяжник — прнсягнувший на верность.

Стр. 341. *...у других делаются железы на шее...*— т. е. нарывы, опухолн, желвакн.

Стр. 350. ...*он был карла станом...*— карликом.

Стр. 353. *Мамай вступил в тесный союз с Ягайлом Литовским...*— Ягайло (ок. 1350—1434) — великнй князь Лнтовскнй в 1377—1392 гг., затем король польскнй.

Стр. 353. *...будучи... велеречив...*— т. е. красноречнв, многословен.

Стр. 354. *...принять благословение Сергия...*— Основатель Троицкого монастыря Сергнй Радоиежскнй (ок. 1321—1391) был одним из самых влнятельных церковных иерархов XIV в., актнвно участвовал в подготовке Куликовской бнтвы.

...на стогнах...— на площадях.

Стр. 355. *...совокупив всю Орду...*— собрав, объединнв все вонн-ские снлы Орды.

Стр. 358. *...инде...*— местамн.

Стр. 360. *...ставя Мамаево побоище выше Алтского и Невского...*— В бнтве на реке Алте (впадает в Днепр) в 1019 году Ярослав Мудрый разгромнл войска Святополка Окаянного. В бнтве на Неве в 1240 году Александр Невский разбнл шведов.

Стр. 369. *Древний огонь Перкунов угас навеки в городе Вильне.*— Перкун (бог грома) — верховный бог в верованнях древннх лнтовцев н латышей.

Стр. 373. ...*монах францисканский, Константин Ангклицен или Бартольд Шварц, изобрел порох...*— Немец Константин Анклитцен, получивший в монашестве имя Бертольда и за занятие алхимией прозвище Шварц (Черный), около 1330 года изготовил взрывную смесь вроде пороха.

...*в славной битве при Креси...*— 26 августа 1346 года англичане разгромили французские войска, это было первое крупное сражение Столетней войны.

Стр. 374. ...*арматы...*— пушки, артиллерия.

Стр. 379. ...*скитался по отдаленным улусам...*— Улус — кочевой род, племя, кочевое селение.

Стр. 381. ...*исчислять не тысячами, а тьмами...*— Слово «тьма» обозначало сперва десять тысяч воинов, затем — очень много, неисчислимое войско.

Стр. 384. ...*фряги...*— так называли европейцев, чаще всего итальянцев, французов; фряжское — европейское, итальянское; фрязин — выходец из названных стран.

Стр. 387. *В сие время Москва славилась иконописцами...*— Карамзин называет выдающихся русских иконописцев конца XIV — начала XV в.— периода наивысшего расцвета русской церковной живописи: Феофана Грека, приехавшего из Византии на Русь и нашедшего на Руси получившего возможность полностью раскрыть свой талант; Андрея Рублева — выдающегося русского иконописца, автора знаменитой «Троицы»; Даниила Черного — напарника Рублева, с которым Даниил создал много икон; Прохора из Городца — самобытного и интересного живописца. Но Карамзин не случайно столь кратко говорит об иконописцах. Дело в том, что к началу XIX века произведения древнерусской живописи либо погибли, либо потеряли свой первоначальный облик. В допетровскую эпоху почти не были развиты такие способы сохранения культурных ценностей, как консервация и реставрация; господствовала тенденция к подновлению и украшению разрушающегося памятника, а в случае сильного повреждения его заменяли. Карамзин, конечно же, знал, что в летописях говорилось о гибели икон Рублева как о большом несчастье, но видеть в первозданной красоте его произведения писатель не мог. Только в начале XX века начался этап научно обоснованной реставрации древнерусских икон.

...*предки наши, подобно другим европейцам, имели рыцарские игры...*— Утверждение, что и на Руси имелись рыцарские обычаи, не находит доказательств в дальнейшем тексте «Истории» Карамзина. Но в эпоху увлечения романтическими сюжетами, известными русским читателям и по романам Вальтера Скотта, и по книге Жермены де Сталь «О Германии», и по переводам Жуковского из Шиллера и Гете, высказанная Карамзиным аналогия получила закрепление в творчестве популярного русского прозаика Бестужева-Марлинского.

Стр. 391. ...*отступил к Вороничу...*— Город Воронич был местом многих сражений русских с поляками и литовцами, в начале XVI в. через него прошел Димитрий-самозванец. В XIX в. от города осталась только часть земляного вала на горе, это место было в нескольких верстах от Михайловского и совсем рядом с Тригорским. Вдохновленный «Историей» Карамзина, Пушкин в 1824—1825 гг. написал трагедию «Борис Годунов», первоначальное заглавие которой было: «Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и Гришке Отрепьеве, писал раб божий Александр сын Сергеев Пушкин в лето 7333, на городище Ворониче».

...кроме вина, романеи...— Романея — сладкая настойка на фряжском (из романских стран) вине.

Стр. 398. *Совершилось злодейство, о коем не слыхали в России со второгонадесять века...*— Карамзин указывает на эпизод ослепления Василька Теребовльского в 1097 году (см. II, 52—53).

Стр. 403. *...считали сей феномен предтечею...*— предшествием.

Стр. 425. *Обретение Иустинианова кодекса.*— При византийском императоре Юстиниане I (482 или 483—565; правил с 527) была проведена кодификация римского права, создан знаменитый «Corpus juris civilis», оказавший большое влияние на развитие европейской правовой мысли.

Стр. 439. *В похвальном слове Димитрию...*— Карамзин имеет в виду «Слово о житии и преставлении великого князя Димитрия Ивановича», созданное, видимо, сразу после смерти Димитрия Донского (ум. в 1389 г.) и вошедшее в Новгородский свод 1448 года.

...уветлив...— приветлив.

...аэр...— воздух.

Стр. 444. *Истекала седьмая тысяча лет...*— Древнерусское летосчисление велось «от сотворения мира», только во времена Петра I — в 1700 году — был введен счет лет «от рождества Христова». Разница между исчислениями 5508 лет. Так что, учитывая мистическое значение числа семь, ждали наступления «конца мира» и страшного суда к 1492 году.

Стр. 447. *...на позорище...*— на зрелище.

Стр. 449. *...без извета...*— без обмана.

Стр. 451. *...клевреты...*— соучастники.

...требуют от него опасной грамоты...— т. е. охранной грамоты; документа, гарантирующего безопасность.

Стр. 456. *...назначили... 300 золотых ефимков...*— Ефимок — австрийская монета, на которой был изображен император Иоахим; ходила в России до середины XVIII века.

Стр 457. *...сей благословенный союз, напоминая Владимиров, сделает Москву как бы новою Византиею и даст монархам нашим права императоров греческих.*— Владимир Святославич был женат на сестре византийского императора Василия II Анне; брак был заключен в момент крещения Руси.

...медиоланские...— миланские.

Стр. 458. *...в присутствии... легата Антония...*— Легат — папский посол.

Стр. 459. *...на одной стороне изображался орел, а на другой всадник, попирающий дракона...*— На древнем гербе великих князей изображался св. Георгий Победоносец, убивающий дракона. Женившись на Софье Палеолог и приняв, так сказать, наследство византийских императоров, Иван III взял и их герб — двуглавого орла.

Стр. 463. *...не отказался бы вдруг от ее прелестных мечтаний...*— От ложных, хотя и приятных, привлекательных (ср. лесть — обман, приносящий удовольствие; хвала, вводящая в заблуждение).

Стр. 467. *...в первобытном составе всех держав народных, от Афин и Спарты до Унтервальдена и Глариса, надлежит искать образцов новгородской политической системы...*— Афины и Спарта — древнегреческие города-республики. Унтервальден и Гларис — швейцарские кантоны, где уже в средние века установилось выборное правление.

Рассказывая о присоединении Новгорода к Московскому княжеству, Карамзин понимал, что читатель будет соотносить изображение событий в «Истории» с изложением гибели новгородского самоуправления в его повести «Марфа-Посадница», опубликованной

в 1803 году. Карамзин-писатель сознательно допустил определенные фактические неточности, которые историку было не дано повторить (например, Марфу в повести казнят). Но Карамзин-историк иными средствами развил ту концепцию, которую высказал уже в повести. Историки XVIII в. считали, что присоединение Новгорода было положительным явлением, так как клало конец «гибельному безначалию» и включало Новгород в сферу благодетельного правления монарха. Например, Ломоносов в «Идеях для живописных картин из Российской истории» (1763 г.) предлагал так изобразить «приведение новгородцев под самодержавство»: «На площади Новгородской, перед церковью святыя Софии, великий князь Иван Васильевич, верьхом сидя, повелевает принять от новгородцев грамоты Ярославли своему наместнику при архиерее. Вечевой колокол, или набат, новгородцем служивший к самовольным скопищам, летит сброшен с колокольни». Карамзин же далек от наивного монархизма (не случайно он считал себя республиканцем в душе и верным подданным русского государя); завоевание Иваном III Новгорода и писатель, и историк Карамзин изображает как драму, в которой у каждой стороны была своя правда. Новгород имел не «безначалие», а политическую систему.

Стр. 475. *Язычник, философ Демокрит, в числе главных царских добродетелей ставит прозорливость в мирских случаях, твердость и мужество*...— Демокрит (ок. 470 или 460 — ок. 370 до н. э.) известен как древнегреческий философ-материалист, уделивший большое внимание проблемам этики, особенно гражданских норм поведения.

Стр. 476. *...распустив своих уланов...*— конных воинов.

...окружил... царскую белую вежу...— Вежа — шатер, башня.

Стр. 479. *...вздумал жениться на его внуке...*— т. е. на внучке (здесь предложный падеж слова «внука»).

Стр. 488. *...из Штокгольма...*— из Стокгольма.

Стр. 492. *Гуттенберг и Фауст изобрели книгопечатание, которое более всего способствовало распространению знаний, едва ли уступая в важности и в пользе изобретению букв.*— Немец Иоганн Гутенберг (ок. 1399—1468) действительно изобрел книгопечатание в середине XV века. Немецкий же бродячий астролог Иоганнес Фауст (1480? — 1540?) послужил прототипом для легендарного героя фольклора и литературы, продавшего душу дьяволу, участие исторического Фауста в изобретении книгопечатания является вымыслом.

Стр. 496 *...но Иоанн, включив Россию в общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованных народов, не мыслил о введении новых обычаев, о перемене нравственного характера подданных...*— Карамзин не успел дописать свою «Историю» до времени Петра I, но отношение историка к петровским преобразованиям было ясно высказано в «Записке о старой и новой России», которую Карамзин передал Александру I в 1811 году: «У нас были Академия, высшие училища, народные школы, умные министры, приятные светские люди, герои, прекрасное войско, знаменитый флот и великая монархия — не было хорошего воспитания, твердых правил и нравственности в гражданской жизни». По мнению Карамзина, петровские реформы слишком дорого обошлись России.

Стр. 498. *Лев Диакон пишет...*— «История в десяти книгах» византийского хрониста Льва Диакона (написана около 990 г.) — важнейший источник для истории Древней Руси.

Стр. 501. *Горестные следствия Еленина супружества...*— см. VII, 2.

Стр. 503. *...напомнили... о злополучном Димитрии...*— Димитрий

был сыном умершего старшего сына Ивана III и, стремясь передать власть по старшей линии, Иван сперва завещал стол великого князя внуку, но затем изменил свое решение и объявил наследником своего второго сына — Василия. Опасаясь заговора, Василий, как стал великим князем, заточил Димитрия в монастырь, где тот и умер.

Стр. 504. *...король Александр умер...* — Великий князь литовский Александр Казимирович Ягеллон, женатый на дочери Ивана III Елене, умер в 1506 году. Выдавая за него свою дочь, Иван III рассчитывал усилить свое влияние на Литву, а возможно, со временем занять трон великих князей литовских. Елена, однако, имела слабое влияние при дворе литовских князей и сама была притеснена, так как придерживалась православной веры.

Стр. 505. *...полунощной...* — северной.

Стр. 511. *...не будет развода...* — Не будут высылать в другие места.

Стр. 515. *...жаловал... камками...* — Камкá — шелковая цветная ткань с узорами.

...и по сукну лунскому... — Лунский — лондонский; лунское сукно — сорт английской шерстяной ткани.

Стр. 518. *...с великокняжеским синклитом...* — Синклит — совет вельмож.

Стр. 519. *...она будет матерью Тита...* — см. VI, 9. Тит Флавий Веспасиан правил с 79 по 81 год, по источникам предстает как мудрый правитель, «утеха рода человеческого».

Стр. 520. *На сгибе левого стегна...* — Стегно — бедро.

Стр. 521. *...ходил в мыльню...* — в баню.

...масть... — мазь.

...семенники... — проросшие зерна.

...схима... — Монашеский чин, налагающий особо строгие правила.

Стр. 525. *Толковая Псалтирь...* — сборник религиозных песнопений (псалмов), входящий в Ветхий Завет с комментариями.

Стр. 526. *Барон Герберштейн описывает...* — Сигизмунд фон Герберштейн (1486—1566), барон, немецкий дипломат и путешественник. Во главе дипломатической миссии императора Максимилиана I посетил Россию в 1517 и 1526 годах; автор «Записок о Московитских делах», содержащих описание России того времени и ее историю. На основе этого сочинения в XVI—XVII веках были составлены многие европейские карты России.

...в богатом терлике... — в длинном приталенном кафтане с короткими рукавами.

Стр. 527. *...прибавив к ним... крайчего...* — Крайчий (кравчий) — почетная придворная должность (за столом подавал блюда царю и особам царской семьи).

...в высоких горлатных шапах... — В шапках из меха пушных зверей, взятого с шеи, горла (горлатых).

Стр. 531. *Явился бедный инок, Мартин Лютер...* — Мартин Лютер (1483—1546) — один из крупнейших деятелей европейской Реформации, автор немецкого перевода Библии, основатель немецкого протестантизма.

Стр. 534. *...имели наметы...* — имели шатры.

На великокняжеских знаменах изображался Иисус Навин, останавливающий солнце... — По библейской легенде, вождь израильтян Иисус Навин приказал солнцу и луне остановиться, чтобы в битве уничтожить хананеян, которые могли бы спастись во тьме ночи.

Стр. 535. *В сочинениях Иовия находим...* — итальянский историк XVI в. Джовио (известный в России как Павел Иовий Новокомский)

написал сочинение о посольстве великого князя Василия III к папе Клименту VII.

Стр. 537. *...на учрежденных ямах...* — на почтовых станциях.

Контарини пишет... — Амброджо Контарини (ум. 1499) — венецианский дипломат и писатель. В 1475—1476 годах посетил Москву. В 1487 году опубликовал описание своих путешествий.

Стр. 540. *...добываемых... тенетами...* — Тенета — сети для ловли зверей и птиц.

...полукафтанье носили с козырем... — с высоким стоячим воротником.

...шляпы поярковые... — Сотканные или сваленные из шерсти, шерстяные.

Стр. 542. *...невесте подали кику...* — Кика — женский головной убор, высокий кокошник.

...пенязи... — серебряные римские монеты.

...изрезал перепечу... — т. е. каравай.

Стр. 544. *...как новый Эдип, решает все хитрые задачи...* — В древнегреческом мифе Эдип решает задачу Сфинкса, убивавшего всех прохожих, неспособных найти отгадку его загадкам. Услышав правильный ответ Эдипа, Сфинкс покончил с собой.

Стр. 550. *...вельможа и предатель двух государств...* — Дядя царицы Михаил Глинский сперва изменил польскому королю, перейдя на службу к русскому царю, а затем, недовольный им, попытался, хотя и неудачно, бежать в Польшу.

Стр. 555. *...и подали ее Макарию...* — Макарий (1481/82—1563) был видным сподвижником молодого Ивана IV, при его участии и под его влиянием Иван принял титул царя. Митрополит с 1542 года; был организатором и участником работы по составлению «Степенной книги», «Четьи Миней»,— важнейших политических и религиозных документов XVI в.

Стр. 556. *Днесь...* — теперь, ныне.

Стр. 559. *...явился там какой-то удивительный муж, именем Сильвестр...* — Один из руководителей Избранной рады Сильвестр (ум. ок. 1566) был священником домашней церкви русских великих князей и царей — Благовещенского собора. Оказал особенно сильное влияние на политику молодого Ивана IV; был составителем новой редакции «Домостроя».

Стр. 560. *...заключив тесный союз с... Алексеем Федоровичем Адашевым...* — А. Ф. Адашев (ум. в 1561 г.) — один из руководителей Избранной рады, организатор и участник ряда важных реформ — военной, финансовой, административной (оформление приказов, отмена кормлений), был начальником Челобитного приказа, возглавлял инженерные работы во время осады Казани в 1552 году.

Стр. 577. *Кесарь Август...* — приемный сын Юлия Цезаря Октавиан Август (63 до н. э.— 14 н. э.), римский император.

...ересь манихейская... — религиозное учение, соединяющее в себе элементы христианства и зороастризма, утверждающее, что материя — царство зла, а на земле нет справедливости; что в конце концов дух победит и уничтожит материю; содержало критику власти земной.

Стр. 578. *...король твой есть раб рабов...* — Иван Грозный имеет в виду выборность польского короля. В письме к Стефану Баторию он писал: «Мы, смиренный Иоанн, царь и великий князь всея Руси по божию изволению, а не по многомятежному человеческому хотению».

Стр. 581. *...паки...* — снова, вновь, опять.

Стр. 601. *Таков был царь, таковы были подданные!* — Историографическая традиция XVIII в. представляла Ивана IV крупным го-

сударственным деятелем, суровый характер которого выступал скорее как личный недостаток, несколько разросшийся из-за неправильных действий подданных. Сторонникам укрепления монархической власти во имя интересов всей нации импонировало, что Иван IV избавлялся от своих «мятежных бояр». Расширение границ России, реформы управления, начало книгопечатания — основные моменты в изображении Грозного. Вот как в «Кратком российском летописце» М. В. Ломоносова и А. И. Богданова сказано о темной стороне царствования Ивана IV: «Сей бодрый, остроумный и храбрый государь был чрезвычайно крутого нраву, который первая супруга его... умела своим разумом и приятностьми удерживать. После ее преставления обычай его совсем переменился, а особливо что многие бояре, желая дочерей своих или сродниц видеть за государем в супружестве, разными смутами так дух его обеспокоили, что наподобие внезапной бури восстала в нем безмерная запальчивость. Неспокойных новгородцев казнил сей государь свирепым наказанием и царевича своего Ивана зашиб в крутом гневе, что после краткой болезни было смерти его причиною. По таким строгостям назван царь Иван Васильевич Грозным».

Карамзин в своем рассказе об историческом прошлом России хотел быть честным до конца, а Ивана IV он оценивал как правителя, дошедшего до последней степени человеческого падения. Никакие концепции спасающей Россию монархической власти не могли заставить Карамзина закрыть глаза на вопиющие, чудовищные по своей безнравственности и жестокости поступки Ивана Грозного. Карамзин предпринял тонкий тактический ход: он сперва издал только первые восемь томов «Истории», где критика того или иного государя была либо краткой, либо умеренной. Когда же вся Россия ждала продолжения «Истории», когда либеральная молодежь думала, что во имя «монархической» идеи Карамзин будет воспевать и всех монархов, вышел IX том, задержать его издание было уже нельзя. Вспоминая, как 8 января 1820 года Карамзин читал главы из IX тома, митрополит Филарет писал так: «Читающий и чтение были привлекательны, но читаемое страшно. Мне думалось тогда, не довольно бы исполнила бы обязанность история, если бы хорошо осветила лучшую часть царствования Грозного, а другую более накрыла бы тенью, нежели многими мрачными, резкими чертами, которые тяжело видеть положенными на имя русского царя». Декабрист Н. И. Лорер сообщил, что в кругу будущего царя Николая Павловича историографа именовали «негодяем, без которого народ не догадался бы, что между царями есть тираны». Читая IX том, К. Ф. Рылеев восклицал: «Ну, Грозный! Ну, Карамзин!.. Не знаю, чему больше удивляться, тиранству ли Иоанна или дарованию нашего Тацита!» Сравнение Карамзина с выдающимся римским историком, описавшим ужасы правления Калигулы и Нерона, не случайно. Русский писатель проявил гражданское мужество, написав так о царе. Когда-то, в 1797 году во время правления Павла I, которого Карамзин считал деспотом, автор «Бедной Лизы» написал стихотворение:

ТАЦИТ

Тацит велик; но Рим, описанный Тацитом,
Достоин ли пера его?
В сем Риме, некогда геройством знаменитом
Кроме убийц и жертв не вижу никого.
Жалеть о нем не должно:
Он стоил лютых бед несчастья своего,
Терпя, чего терпеть без подлости не можно.

В «Истории» Карамзин не столь резок. Однако аргумент в пользу самодержавия, выдвинутый историографом, воспринимается похвалой хуже хулы: какова же сила и привлекательность монархического принципа, если русские люди вытерпели и такого самодержца, как Иван Грозный!

После выхода IX тома «Истории» Карамзина моральная реабилитация Ивана Грозного стала делом малоуспешным; остался только аргумент, что и другие европейские монархи, укреплявшие абсолютизм, не уступали русскому царю по своим нравственным качествам. Создатель же наиболее значительного произведения об эпохе опричнины Алексей Константинович Толстой в предисловии к роману «Князь Серебряный» писал:

«В отношении к ужасам того времени автор оставался постоянно ниже истории... Тем не менее он сознается, что при чтении источников книга не раз выпадала у него из рук и он бросал перо в негодовании, не столько от мысли, что мог существовать Иоанн IV, сколько от той, что могло существовать такое общество, которое смотрело на него без негодования». Роман создавался в 1840—1850-е гг. (закончен в 1861). Как видим, Карамзин нашел в лице А. К. Толстого внимательного читателя.

Стр. 614. *...терпел непрестанные местничества...*— Порядок местничества подразумевал занятие боярами должностей не по личным достоинствам и выслуге, а на основе сохранения соотношения в структуре подчинения, которое было закреплено еще предками: если предок первого боярина в прошлом занимал более высокий пост, чем предок второго (и между предками и потомками обоих родов было одинаковое количество поколений), то первый боярин должен был «стоять выше», чем второй. Если принять во внимание, что учитывалось и то, по прямой ли линии идет род каждого боярина, от старшего сына сравниваемого предка или нет; что в разных исторических прецедентах была разная иерархия подчинения, то для распределения должностей командного состава армий требовались неимоверные усилия Разрядного приказа, хотя без склок бояр почти никогда не обходилось.

Стр. 616. *...повелевая воинством отечественным, едва ли не равносильным Ксерксову...*— Персидский царь Ксеркс (правил с 486 по 465 до н. з.) с многочисленным войском двинулся на Грецию и был наголову разбит.

Стр. 618. *...он воскликнул: «Я убил сына!»* — Иван Грозный убил сына при иных обстоятельствах. Однажды царь зашел в покои сына и увидел его беременную жену одетой не по уставу: было жарко, и она вместо трех рубах надела только одну. Царь стал бить невестку, а сын — ее защищать. Тогда Иван Грозный и нанес сыну смертельный удар по голове.

Стр. 622. *...сотни Ермаковых воинов, подобно Кортецовым или Пизарровым...*— Казаки Ермака сравниваются с испанскими конкистадорами, которые покоряли американский континент после открытия Колумбом Америки — с Эрнаном Кортесом (1485—1547), завоевателем Мексики, и Франсиско Пизарро (1475—1541), завоевателем Перу.

Стр. 623. *...укрепился в засеке...*— Засека — завал из деревьев, используемый как оборонительное сооружение.

Стр. 635. *...положив оное на рундук...*— на ларь (на крытую лавку с подъемной крышкой).

Стр. 639. *...двадцать четыре года сносила губителя...*— Период с 1560 года и до смерти Ивана в 1584 году Карамзин оценивал как время величайшего несчастия России.

...как греки в Термопилах...— В битве при Фермопилах в 480 году до н. э. 300 спартанцев защищали горный проход против персидской армии Ксеркса. Весь отряд погиб в неравном бою.

...если бы Калигула, образец государей и чудовище, если бы Нерон, питомец мудрого Сенеки, предмет любви, предмет омерзения, не царствовал в Риме. Они были язычники: но Людовик XI был христианин...— Калигула и Нерон — римские императоры 1 века, печально известные нравственной распущенностью и зверской жестокостью. Выдающийся римский философ Люций Анней Сенека (ок. 4 до н. э. — 65 н. э.) был учителем Нерона, по приказу которого покончил с собой. Людовик XI (1423—1483) — французский король, бывший действительно жестоким и подозрительным, но оставившийся при этом как трезвым политиком, так и проницательным человеком. Из практической выгоды Людовик XI мог нарушить слово и проявить беспринципность. Но он никогда не пытался учинить погром своей державе, для того чтобы ослабить напряжение своей патологической психики.

Стр. 643. *...с удивлением рассказывал Поссевину...*— Антоний Поссевино (1534—1611)—иезуит, участвовавший как посланник папы в переговорах о мире между Стефаном Баторием и Иваном Грозным в 1582 году. В 1585 году в Вильно опубликовал трактат о России под названием «Московия».

Стр. 645. *...в разговоре с Елизаветиным послом...*— Английская королева Елизавета Тюдор (1533—1603) вела достаточно активную дипломатическую игру с Иваном Грозным.

...пишет Кобенцель о России...— Ганс Кобенцель в 1575—1576 гг. как австрийский дипломат по поручению императора Максимилиана II вел переговоры в Дорогобуже (с русскими боярами) и Можайске (с Иваном IV) об избрании сына Максимилиана Эрнеста польским королем; вел дипломатическую переписку.

Стр. 650. *...опасаясь в нем тайного совместника...*— т. е. соперника.

Стр. 657. *...старец... ехал на осляти...*— В Евангелии повествуется о том, как Христос въехал на ослице в Иерусалим и был встречен ликующими толпами; это было последнее торжество Иисуса. В торжественных случаях (особенно в пасхальные праздники) церковь устраивала шествие, когда на «осляти» (могли использовать и коня) восседал патриарх, как бы воплощавший в этот момент Христа.

Стр. 658. *...в епитрахили, в омофоре и в ризе.*— Епитрахиль — одно из облачений священника, надеваемое на шею под ризою (верхнюю богослужебную одежду); омофор — часть архиерейского наплечного облачения.

...на помосте был изображен мелом орел двоеглавый и сделан феатрон о двенадцати степенях и двенадцати огненниках...— Феатрон — возвышенное место в церкви, для восхождения на которое устраивали ступени, покрытое сукном; устанавливался для посвящения в церковный сан; чем выше был сан, тем большее количество ступеней устанавливалось; огненник — светильник.

Стр. 659. *...что ветхий Рим пал от ереси Аполлинариевой; что новый Рим, Константинополь, обладаем безбожными племенами агарянскими; что третий Рим есть Москва...*— Аполлинарий Младший — епископ лаодикейский (в Сирии, жил в IV в.); был осужден как еретик на Константинопольском соборе в 381 году за свое учение о Христе как совершенном человеке, но несовершенном (до вознесения) божестве.

Идея, что Москва — третий Рим, оказала серьезное влияние на формирование в XV—XVI вв. представления об избранности Руси, о ее особой миссии во всемирной истории. Русское православие при-

знавало, что первоначально христиане создали церковные организации в Риме (первый епископ Рима апостол Петр почитается русской церковью как святой). Но Русь получила христианство из Византии. Нужно было объяснить правильность обращения именно к «греческому», а не к «латинскому» источнику христианства. Вполне удовлетворительным было объяснение, что Рим впал в ересь и «благодать» перешла в Византию. Но русское государство укреплялось и усиливалось, а Византия в XIV в. находилась под угрозой завоевания турками, что истолковывалось как знак, будто бог отворачивается и от греков. В 1453 году Константинополь пал, самым мощным православным государством стала Московская Русь. Тогда и была выдвинута идея, что Москва — преемница Константинополя. Уже в конце XV в. была создана «Повесть о белом клобуке», где говорилось о том, что в IV в. император Константин был излечен крещением от проказы и в знак уважения и почтения возложил на голову священника Сильвестра белую церковную шапку (клобук), которую тот бережно хранил, надевая лишь в самых торжественных случаях. Когда Рим впал в ересь, белый клобук был отправлен в Византию, а затем константинопольский патриарх передал его на Русь после того, как явившийся к нему ангел сказал: «Древний Рим отпал от славы и от веры христовой гордостью и своеволием, в новом же Риме, в Константинограде, насилием агарянским (здесь: мусульманским) также христианская вера погибнет; на третьем же Риме, на Русской земле, благодать святого духа воссияла». В середине 1520-х годов старец Киево-Печерского монастыря Филофей сформулировал эту мысль в наиболее откровенном варианте: «Два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть» — т. е. Русь останется центром благочестия, вплоть до Страшного суда. Идея «Москва — третий Рим», безусловно, стала идеологическим подспорьем в консолидации Русского государства в XV—XVI вв., но она же закрепляла и культурную, идеологическую замкнутость Руси, поддерживала некоторое национальное самодовольство русских, их убеждение, что они живут «в земле обетованной», а окружены еретиками и неверными, с которыми грех знаться.

...который впредь, до скончания века, будет избираем и посвящаем в Москве независимо от их согласия или одобрения... — Создание Московской патриархии завершило процесс освобождения русской православной церкви от византийской (греческой). Однако результаты появления независимой церкви были двойственными. Дальнейший рост влияния русской церкви неизбежно должен был привести к возникновению ее претензий на духовное руководство всеми порабощенными православными (греками, болгарами). Не пройдет и шестидесяти лет после установления патриаршества, как патриарх Никон (в 1653 г.) начнет реформу русской церкви, чтобы согласовать русскую практику богослужения с греческой, получая тем самым основание считаться духовным пастырем всех православных. Русский царь и русская церковь поддержат реформу, хотя дело кончится расколом. Но реформа отчетливо выразила и другую тенденцию: патриарх стал претендовать не только на независимость от русского царя, но и на превосходство над ним. Борис Годунов знал, что отдает патриарший престол зависящему от него, Бориса, Иову. Когда же Алексей Михайлович столкнулся с независимым и волевым Никоном, дело кончилось серьезным правительственным кризисом. Учтя горький опыт своего отца, Петр I упразднил патриаршество и учредил синод — совет высших церковных иерархов, возглавляемый государевым чиновником, обер-прокурором (см. X, 427).

...носить клобук с серафимами и крестами обнизными, мантии

объяринные...— Обнизые — нанизанные кругом, со всех сторон; объяринные — из волнистой ткани.

Стр. 660. *Петр I знал историю Никона...*—Никита Минов (1605—1681), выходец из крестьян, принял в монашестве имя Никона и в 1652 году был возведен в сан патриарха. Пытался поставить власть церкви над властью государя; церковный собор 1666—1667 гг. лишил Никона сана патриарха.

Стр. 662. *Гибель Димитриева была неизбежна...*—Вопрос смерти царевича Димитрия до сих пор не имеет ясного разрешения, да и трудно ожидать, чтобы историки нашли полное доказательство виновности или невиновности Бориса Годунова. «Общие рассуждения» в данном случае опираются на идею: было ли это убийство выгодно Борису? Рассматривая социально-политическую и династическую ситуацию в России конца XVI в., Р. Г. Скрынников весьма убедительно показывает, что Борису не было никакого резона убирать малолетнего царевича (Р. Г. Скрынников. Борис Годунов. М., Наука, 1983). Возникновение версии об убийстве Димитрия по приказу Годунова, конечно, связано с необычными обстоятельствами смерти царевича: не часто даже в припадке люди падают на выпавший из рук и стоящий вертикально острием вверх нож. Так что пищи для слухов было предостаточно. Предположение об убийстве подхватили, естественно, противники Бориса, среди которых был и обиженный Годуновым род Романовых. Поэтому, когда Романовы пришли к власти, они стали утверждать, что царь Федор хотел передать трон их роду, что они — законные наследники Рюриковичей, а Борис — узурпатор. В «Кратком российском летописце» (1759 г.) М. В. Ломоносова и А. И. Богданова (его ученика) Борис представлен убийцей и узурпатором, а его положительные деяния как демагогические шаги: «Царевича Дмитрия Ивановича велел убить злодейским образом на Угличе и тем пресек мужеское царское поколения... дарами, ласкательством, обещаниями и угрозами привел к тому бояр и народ, что его на царство выбрали и посадили мимо Федора Никитича (Романова.— *М. И.*). Вначале уловлял всех милостью и жалованием, привлекал правосудием, искоренением мздоимства и разбоя... По сем царь Борис стал нарочно принимать клеветников и доносителей на бояр, а особливо на Романовых». «Летописец» Ломоносова в XVIII в. был в ранге официального учебника по истории России и оказал значительное влияние на формирование исторических взглядов современников Карамзина. Представлять Бориса Годунова в черных красках стало уже традицией, и Карамзин поступил весьма мужественно, говоря об исключительных дарованиях Годунова как государственного деятеля.

Стр. 665. *...не запиралась в адском кове...*— т. е. злом умысле, в заговоре.

Стр. 667. *...князь Шуйский начал свои допросы: памятник его бессовестной лживости, сохраненной временем как бы в оправдание бедствий, которые чрез несколько лет пали на главу уже венценосную, сего слабого, если не безбожного человекоугодника.*— Василий Иванович Шуйский в 1606—1610 гг. занимал царский престол. Род Шуйских отличался знатностью, дядя Василия Иван Петрович Шуйский — один из претендентов на престол (в случае смерти Федора Иоанновича) — видимо, был убит по приказу Бориса Годунова. Шуйские были представителями боярской оппозиции, противниками Годуновых, пришедших к власти благодаря связям с опричниной. Поэтому назначение В. И. Шуйского главой комиссии по расследованию обстоятельств смерти царевича Димитрия состоялось из-за поддержки боярской думы, Шуйский не был сторонником или союзником

Бориса. Но, видимо, Годунов и не боялся предстоящего следствия. Во-первых, царь Федор Иоаннович запретил поминать царевича во время церковных служб, так как признал его незаконно рожденным (рожденным от шестого брака, в то время как по церковным правилам дозволялось вступать в брак не более трех раз). Во-вторых, сестра Бориса царица Ирина ждала ребенка, поэтому царский дом вполне мог рассчитывать на появление наследника (но родилась девочка, вскоре умершая). Следственное дело сохранилось, его материалы непротиворечивы. 15 мая 1591 года царевич, забавляясь со своими сверстниками (мальчиками его свиты), играл «через черту ножом» (сперва держал лезвие ножа пальцами, а потом подкидывал его, стараясь воткнуть в начерченный на земле круг). В этот момент с царевичем случился припадок (видимо, эпилепсии), мальчик упал либо на нож, либо зарезался, держа в руках нож и сотрясаясь в судорогах. Испугавшись наказания, опекуны царевича Нагие (из их рода была и мать Димитрия) обвинили в совершившемся представителей царской администрации в Угличе и спровоцировали погром и волнения, а затем на трупы убитых сторонников Годунова положили окровавленные ножи, принадлежавшие Нагим. Факт болезни Димитрия был зафиксирован до его смерти. Известно, что за несколько дней до смерти с царевичем случился припадок, когда он «объел» руки державших его. Таковы основные факты, изложенные в деле, привезенном Василием Шуйским в Москву. Но Шуйский был противником Бориса, а поэтому в любой удобный для себя момент он готов был утверждать, что Годунов причастен к убийству. Когда же Шуйский стал царем, ему было выгодно обвинять Бориса из соображений укрепления своей династии.

Стр. 673. *...нося громкое имя царское...* — Симеон Бекбулатович (ум. 1616) — касимовский хан, потомок ханов Золотой Орды в 1573 году был крещен, а осенью 1575 года, когда Иван IV разыгрывал политический маскарад, был посажен «великим князем всея Руси»; его фиктивное правление длилось 11 месяцев; затем он стал именоваться «великим князем Тверским». Симеон, конечно, не был способен к управлению, но использовать его имя в целях достижения власти могла любая боярская группировка. Когда умер Федор Иоаннович, среди боярства стала популярной идея объявить бывшего «шутовского» царя самодержцем, чтобы через слабого и безынициативного государя осуществлять боярскую политику, как Борис через душевнобольного Федора ранее проводил свой курс. Когда Годунов стал царем, он, естественно, опасался и тени державного соперничества, а потому лишил Симеона его титула, а затем приказал постричь.

...так говорил и сам несчастный Симеон французу Маржерету. — Французский авантюрист Жак Маржерет (ок. 1550 или 1560 — после 1618) служил как наемник европейским государям, в 1600 году приехал в Россию, в 1605—1606 годах возглавлял личную охрану Лжедмитрия I, в 1607 году во Франции издал свои записки о России.

Стр. 685. *...при звуке всех колоколов московских и восклицаниях народа, упоенного радостию...* — Избрание Годунова на царствование Карамзин изображает как единодушный выбор, который сделали все сословия. Пушкин проявил бóльшую проницательность и сразу же усомнился в таком беспроблемном выборе нового царя, когда протекал династический кризис, вновь всколыхнулись все обиды прошлых царствований, столкнулись старобоярская оппозиция и остатки опричной гвардии. Уже в первой сцене трагедии «Борис Годунов» Шуйский говорит:

Народ еще повоет да поплачет,
Борис еще поморщится немного,
Как пьяница пред чаркою вина,
И наконец по милости своей
Принять венец смиренно согласится.

Исследования нашего времени подтвердили такое понимание событий. Произошел бескровный захват власти, осуществленный талантливым и гибким политиком. Но Пушкин учитывал опыт Карамзина-историка, показавшего, что позиция социальных низов оказывала существенное влияние на вступление на престол или падение правителя. Фраза «Народ: Безмолвствует»,— которой заканчивается трагедия, взята из «Истории государства Российского», где она повторяется не один раз.

Стр. 686. *...во сретение...*— навстречу.

Стр. 692. *Закон об укреплении сельских работников...*— Обращение Карамзина к проблеме закрепощения крестьян имело очень важное значение. Сам Карамзин был сторонником теории, что закрепощение крестьян произошло в результате принятия определенных законодательных актов (так называемая «указная» теория, противостоящая «безуказной», утверждающей, что закрепощение произошло в результате постепенного расширения дворянской практики закрепления крестьян на земле). До сих пор основных документов крепостнического законодательства времени Бориса не найдено. Но современные историки все больше склоняются к мнению, что правительством были приняты важные законодательные акты о закрепощении крестьян.

Стр. 694. *...уподобляет своего героя Нуме...*— Второму царю Древнего Рима Нуме Помпилию (ок. 715—673/677 до н. э.) традиция приписывает учреждение различных культов, жреческих и ремесленных коллегий.

Стр. 696. *...и, недовольный обыкновенною молитвою в храмах о государе и государстве, велел искусным книжникам составить особенную для чтения во всей России...*— Текст приведенной ниже молитвы стал основой для создания Пушкиным маленького шедевра, в котором стиль древнерусского молитвословия стал органической частью современного литературного стиля. Это молитва, которую читает мальчик в доме Шуйских (трагедия «Борис Годунов»):

Царю небес, везде и присно сущий,
Своих рабов молению внемли:
Помолимся о нашем государе,
Об избранном тобой, благочестивом,
Всех христиан царе самодержавном.
Храни его в палатах, в поле ратном,
И на путях, и на одре ночлега.
Подай ему победу на враги.
Да славится он от моря до моря,
Да здравием цветет его семья,
Да осенят ее драгие ветви
Весь мир земной — а к нам, своим рабам,
Да будет он, как прежде, благодатен,
И милостив, и долготерпелив...

Этот пример показывает, насколько активным было участие Карамзина в литературной жизни его времени. Известно, что Карамзин выразил желание, чтобы Пушкин познакомил его со своей трагедией, где соединено историческое и шекспировское начало. К сожа-

лению, Пушкин не успел передать текст историку, но, издавая трагедию, поэт посвятил «драгоценной для всех россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его вдохновленный».

Стр. 697. *...свойственник царицы Марии Бельский.*— Племянник Малюты Скуратова Богдан Бельский был одним из самых могущественных людей в окружении Ивана Грозного; чувствуя приближение смерти, Иван IV включил Бельского в состав регентского совета, который должен был управлять страной при Федоре. Когда Иван умер, Бельский попытался захватить власть и стать единоличным правителем при немощном царе; но жители московские, испугавшись возобновления времен опричнины, восстали и потребовали голову Бельского; Борис воспользовался этим, чтобы расчистить себе дорогу к власти, но постарался спасти его, удалив из Москвы. Конечно, с этого времени шансы Бельского на пост правителя стали ничтожными, но амбиций у бывшего опричника не убавилось.

Стр. 705. *...стерво...*— труп, падаль.

Стр. 712. *...в тесной связи с анабаптистами...*— Анабаптисты («христианские братья») — представители крестьянско-плебейского крыла Реформации, отрицали учение о фатальной греховности человека и утверждали, что человек сам способен изменить себе.

Стр. 714. *...легковерие короля и нунция...*— Нунций — папский посол.

Стр. 735. *...избыть...*— устранить, сгубить, сжить, извести.

М. В. Иванов

Содержание

Карамзин Н. М.

К 21 Предания веков / Сост., вступ. ст. Г. П. Макогоненко; комм. Г. П. Макогоненко и М. В. Иванова;— Ил. В. В. Лукашова.— М.: Правда, 1988.— 768 с.

В книгу «Предания веков» вошли избранные главы из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (1766—1826). Писатель в этом произведении показал различные важные события политической, гражданской и культурной жизни России, происходившие на протяжении семи веков; создал галерею характеров русских людей: князей, крестьян, полководцев, героев многочисленных сражений «за землю русскую».

$К\frac{4702010100 - 1360}{080(02) - 88}$ 1360—88 84 Р 1

Николай Михайлович КАРАМЗИН

ПРЕДАНИЯ ВЕКОВ

Сказания, легенды, рассказы
из «Истории государства Российского»

Составитель
Георгий Пантелеймонович Макогоненко

Редактор С. А. Суркова
Оформление художника Б. А. Лаврова
Художественный редактор В. В. Масленников
Технический редактор Л. Ф. Молотова

ИБ 1360

Подписано к печати с готовых матриц 30.10.87. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага книжно-журн. Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 40,32. Усл. кр.-отт. 40,32. Уч.-изд. л. 45,57.
Тираж 2000 000 экз (8-й завод: 1750 001—2000 000).
Заказ 167. Цена 3 р. 80 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства «Советская Сибирь», 630048, г. Новосибирск, 48, ул. Немировича-Данченко, 104.

Уважаемые товарищи!

С 1974 года организован сбор макулатуры с одновременной продажей популярных книг отечественных и зарубежных авторов.

Применение макулатуры для производства бумаги дает возможность сэкономить остродефицитное древесное сырье, значительно уменьшить расходы по производству бумаги.

Использование одной тонны макулатуры позволяет получить 0,7 тонны бумаги или картона, заменить 0,85 тонны целлюлозы или 4,4 кубического метра древесины. Кроме того, при этом сберегаются леса нашей Родины, чистота ее рек, озер, воздушного пространства.

Сбор и сдача макулатуры — важное государственное дело.

Сдавайте макулатуру заготовительным организациям!